

История Центральной Америки, том 1, 1501-1530

Хьюберт Хоу Бэнкрофт

THE WORKS

OF

HUBERT HOWE BANCROFT.

VOLUME VI.

HISTORY OF CENTRAL AMERICA.

Vol. I. 1501-1530.

Содержание

[ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ. Том I. 1501-1530.](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ ДАННОГО ТОМА.](#)

[ИСТОЧНИКИ, ЦИТИРУЕМЫЕ В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ.](#)

[ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ.](#)

[ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ. ИСПАНИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ В НАЧАЛЕ XVI ВЕКА.](#)

[Краткое изложение географических знаний и открытий от самых ранних записей до 1540 года.](#)

[ГЛАВА II. КОЛУМБ И ЕГО ОТКРЫТИЕ. 1492-1500.](#)

[ГЛАВА III. ОТКРЫТИЕ ДАРИЕНА.](#)

[ГЛАВА IV. КОЛУМБ НА ПОБЕРЕЖЬЯХ ГОНДУРАСА, НИКАРАГУА И КОСТА-РИКИ. 1502-1506.](#)

[ГЛАВА V. УПРАВЛЕНИЕ ИНДИЙСКИМИ ОСТРОВАМИ. 1492-1526.](#)

[ГЛАВА VI. ПРАВИТЕЛЬСТВА НЬЮЭВА-АНДАЛУСИЯ И КАСТИЛЬЯ-ДЕЛЬ-ОРО. 1506-1510.](#)

[ГЛАВА VII. ПОСЕЛЕНИЕ САНТА-МАРИЯ-ДЕ-ЛА-АНТИГУА-ДЕЛЬ-ДАРЬЕН. 1510-1511.](#)

[ГЛАВА VIII. ФРАКЦИИ И ПОИСКИ ПРОЖИВАНИЯ В ДАРИЕНЕ. 1511-1513.](#)

[ГЛАВА IX. ОТКРЫТИЕ ТИХОГО ОКЕАНА. 1513.](#)

[ГЛАВА X. ПЕДРАРИАС ДАВИЛА ПРИНИМАЕТ НА СЕБЯ УПРАВЛЕНИЕ ДАРИЕНОМ. 1514-1515.](#)

[ГЛАВА XI. ЭКСПЕДИЦИИ В ДАРИЕН ПОД РУКОВОДСТВОМ ПЕДРАРИАСА. 1515-1517.](#)

[ГЛАВА XII. СУДЬБА ВАСКО НУньеса де Бальбоа. 1516-1517.](#)

[ГЛАВА XIII. УПАДОК ИСПАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ. 1517-1523.](#)

[ГЛАВА XIV. ГИЛЬ ГОНСАЛЕС В КОСТА-РИКЕ И НИКАРАГУА. 1519-1523.](#)

[ГЛАВА XV. ИСПАНСКИЕ ГРАБЕЖИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЗАЛИВА ПАНАМА. 1521-1526.](#)

[ГЛАВА XVI. ВОЙНЫ ИСПАНЦЕВ. 1523-1524.](#)

[ГЛАВА XVII. КОЛОНИЗАЦИЯ В ГОНДУРАСЕ. 1524-1525.](#)

[ГЛАВА XVIII. ПОХОД КОРТЕСА В ГОНДУРАС. 1524-1525.](#)

[ГЛАВА XIX. КОРТЕС В ГОНДУРАСЕ. 1525-1526.](#)

[ГЛАВА XX. ПЕДРАРИАС ПЕРЕЕЗЖАЕТ В НИКАРАГУА. 1525-1527.](#)

[ГЛАВА XXI. СОПЕРНИЧАЮЩИЕ ГУБЕРНАТОРЫ В ГОНДУРАСЕ И НИКАРАГУА. 1526-1530.](#)

[ГЛАВА XXII. ПОХОД АЛЬВАРАДО В ГВАТЕМАЛУ. 1522-1524.](#)

[ГЛАВА XXIII. НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ ГВАТЕМАЛЫ. Февраль-март 1524 года.](#)

[ГЛАВА XXIV. ПАДЕНИЕ НАРОДА КИЧЕ. Апрель 1524 г.](#)

[ГЛАВА XXV. КАК ЧИКИЧЕЛЫ И ЗУТУГИЛЫ СТАЛИ ПОДДАННЫМИ ИСПАНИИ. Апрель-май 1524 г.](#)

[ГЛАВА XXVI. ЭКСПЕДИЦИЯ В САЛЬВАДОР. 1524.](#)

[ГЛАВА XXVII. ВОССТАНИЕ КАКЧИКЕЛОВ. 1524-1525.](#)

[СНОСКИ](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберга «История Центральной Америки», том 1, 1501-1530

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История Центральной Америки, том 1, 1501-1530

Автор: Хьюберт Хоу Бэнкрофт

Дата выпуска: 9 января 2019 г. [электронная книга № 58658]

Язык: английский

Благодарности: Произведено Мелиссой Макданиэл и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ, ТОМ 1, 1501-1530» ***

Примечание транскрибатора:

Несогласованные дефисы и орфографические ошибки в оригинальном документе были сохранены. Очевидные типографские ошибки были исправлены.

Во многих случаях Бэнкрофт использует как «u», так и «v» для написания имени автора. Примеры:

Villagutierre и Villagvtierre

Мондо Нуово и Мондо Нвово

Вильягутьерре и Вильягвтьерре

Aluarado и Alvarado

Gvat. и Guat.

Коголлудо и Коголвдо

Vetancurt и Vetancvrt.

Другие архаичные замены букв включают b вместо v, i вместо u, x вместо j, i вместо j, c или s вместо z и наоборот. Они оставлены в том виде, в котором были напечатаны.

Возможные ошибки печати включают:

Quauhtemoctzin или Quauhtemotzin

Verrazano или Verrazzano

Бартоломео или Бартоломео

Fricius или Frisius

Gatinara или Gattinara

Вейтия и Вейя

Лоайса и Лоайса

Фитц-Рой и Фитцрой

Кохуанокоч и Кохуанакоч

Ахпоцоциль или Ахпоцоциль

послы или послы

необремененный или необремененный

Альбитес или Альбитес

Лукайос или Лукаяс

Кастельханус или Кастельханос

Кваутемали или Кваутимали.

Книга, упомянутая как «Meer oder Seehanen Buch», должна быть «Meerhanen oder Seehanen der Königen von Hispanien», глава о (а не от) Колумбе. Та же поправка применима к записи «Löw (Congr.)».

Книга, указанная как «Delaporte. Reisen Eines Franzosen oder Beschreibung», имеет неполное название. Полное название книги — «Reisen Eines Franzosen Oder Beschreibung Der Vornehmsten Reiche In Der Welt».

Книга, цитируемая как «Santarem (M. le Vicomte), Memoire sur la question ...», имеет неполное название. Полное название книги: «Memoire sur la question de savoir á quelle époque que L'Amérique Meridionale a cessé d'être représentée dans les cartes géographiques comme une île d'une grande étendue».

Пунктуация в [сноске IX-8](#) оставлена без изменений.

Курсив в цитатах в сносках был применен наборщиком не последовательно.

Акценты и другие диакритические знаки использованы не последовательно.

Этот том содержит ссылки на предыдущие пять томов данного труда. Их можно найти по адресу:

Том 1: <http://www.gutenberg.org/files/41070/41070-h/41070-h.htm>

Том 2: <http://www.gutenberg.org/files/42808/42808-h/42808-h.htm>

Том 3: <http://www.gutenberg.org/files/43123/43123-h/43123-h.htm>

Том 4: <http://www.gutenberg.org/files/44104/44104-h/44104-h.htm>

Том 5: <http://www.gutenberg.org/files/45268/45268-h/45268-h.htm>

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХЬЮБЕРТА ХАУЭРА БАНКРОФТА

ТОМ VI.

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ.

Том I. 1501-1530.

САН-ФРАНЦИСКО:
A. L. BANCROFT & COMPANY, ИЗДАТЕЛИ.
1883.

Зарегистрировано в соответствии с Законом Конгресса от 1882 года, Хьюбертом Х. Бэнкрофтом, в офисе
библиотекаря Конгресса в Вашингтоне.

Все права защищены.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В 1875 году я опубликовал под названием [*«Коренные народы тихоокеанских штатов»*](#) работу, которая представляет собой исчерпывающее исследование характера и обычаев коренных жителей западной части Северной Америки в то время, когда они были впервые замечены своими завоевателями. Настоящая работа является историей той же территории с момента прибытия европейцев.

План работы обширен и может быть здесь изложен лишь кратко. Охватываемая территория включает всю Центральную Америку и Мексику, а также все англо-американские владения к западу от Скалистых гор. Сначала дается обзор европейского общества, в частности испанской цивилизации, примерно в конце XV века. Затем следует краткий обзор морских исследований с IV века по 1540 год с некоторыми упоминаниями о самых ранних американских книгах. Затем, начиная с открытий Колумба, внимательно следится за тем, как европейцы один за другим находят и захватывают различные части страны, а также описываются деяния их преемников. В результате получилась «История ТИХООКЕАНСКИХ ШТАТОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ», разделенная на следующие общие части: *«История Центральной Америки»*, *«История Мексики»*, *«История северных штатов Мексики»*, *«История Нью-Мексико и Аризоны»*, *«История Калифорнии»*, *«История Невады»*, *«История Юты»*, *«История северо-западного побережья»*, *«История Орегона»*, *«История Вашингтона, Айдахо и Монтаны»*, *«История Британской Колумбии»* и *«История Аляски»*.

В целом, мой план публикации следует географическому порядку с юга на север, как указано в приведенном выше списке, который в основном соответствует хронологическому порядку завоевания и оккупации. Что касается деталей, то я в некоторой степени меняю этот порядок, переходя от более общего к более подробному по мере продвижения на север. Разница, хотя и значительная, на самом деле меньше, чем кажется. И причина, по которой я считаю ее достаточной. Уделять каждой из испано-американских провинций, а позднее каждому из федеральных и независимых штатов, охватывающих веками неизменные действия и идеи с мертвой монотонностью, время и пространство, равные тому, которое можно было бы хорошо использовать для повествования о северо-западной оккупации и построении империи, было бы не менее невыполнимо, чем бесполезно. Моя цель — представить полную и точную историю всех стран, события которых я пытаюсь описать, но летописи нескольких центральноамериканских и мексиканских провинций и штатов, как до, так и после революции, идут слишком параллельно, чтобы привлечь внимание широкого читателя.

Во всех территориальных подразделениях, как южных, так и северных, я более подробно описываю начало и ранний период развития, чем более поздние события. После завоевания история Центральной Америки и Мексики представлена достаточно полно, но с национальной, а не местной точки зрения. Северные штаты Мексики (), имеющие более разнообразный опыт, обусловленный более тесным контактом с прогрессивными событиями, получают несколько больше внимания в деталях, чем другие части республики. Тихоокеанским штатам США уделено сравнительно больше места, чем южным регионам,

причем Калифорния рассматривается как центр и кульминационная точка этого исторического поля.

Что касается *истории Центральной Америки*, для которой эта книга должна служить как специальным, так и общим введением, я бы сказал, что, помимо стандартных хроникеров и множества документов, недавно напечатанных в Испании и других странах, мне удалось получить ряд ценных рукописей, которые больше нигде не существуют; некоторые из них из коллекций Максимилиана, Рамиреса и других, а также все рукописи г-на Э. Г. Скьера, относящиеся к этой теме, попали в мои руки. Большая часть материалов, использованных мной при написании этой очень интересной части мира, была взята из малоизвестных источников, из местных и неизвестных испанских работ, а также из несколько запутанных архивов Коста-Рики, Гондураса, Никарагуа, Сальвадора и Гватемалы.

В последнее время значительно увеличился объем материалов по истории западной части Северной Америки. Древние рукописи, о существовании которых историки никогда не знали или которые считались навсегда утраченными, были обнаружены и напечатаны патриотически настроенными людьми и разумными правительствами. Эти фрагменты восполняют многие пробелы в цепочке ранних событий и проливают свет на множество иначе неясных моментов.

Я продолжаю собирать материалы, и с момента публикации книги [*«The Native Races»*](#) моя коллекция пополнилась пятнадцатью тысячами томов. Среди этих пополнений есть переплетённые тома оригинальных документов, копии из государственных и частных архивов, а также около восьмисот рукописных диктовки людей, которые сыграли свою роль в создании истории. Большинство из тех, кто дал мне свои личные свидетельства, сейчас уже умерли; и их рассказы о своих наблюдениях и опыте, записанные в этих рукописных томах, составляют важный элемент фундамента, на котором навсегда будет покоиться структура этой западной истории в ее различных частях.

Опытному писателю, который в противном случае мог бы считать завершение столь обширного предприятия в столь ограниченный период времени признаком поверхностной работы, я бы сказал, что эта история была начата в 1869 году, за шесть лет до публикации [*«Коренных рас»*](#), и хотя ранние тома нескольких разделов я был вынужден в основном не только планировать и писать, но и извлекать и систематизировать свой собственный материал, позже я смог использовать плоды труда других. Среди них я с удовольствием отмечу как самых верных и эффективных г-на Генри Л. Оука, г-на Уильяма Немоса, г-на Томаса Сэвиджа, г-жу Фрэнсис Фуллер Виктор и г-на Ивана Петроффа, о которых, а также о других, я подробно говорю в другом месте.

О своих методах работы я не буду здесь много говорить, так как более подробно описываю их в другом месте. Их особенность, если она есть, заключается в использовании помощников, как упоминалось ранее, для сбора с помощью указателей, ссылок и других средств всех существующих свидетельств по каждой теме, которая будет рассматриваться. Таким образом, я получаю важную информацию, которая в противном случае, имея в распоряжении только одну жизнь, была бы недоступна (). Полнота доказательств ни в коем случае не гарантирует мудрое решение некомпетентного судьи; однако мудрый судья с удовольствием пользуется всеми доступными свидетельствами. Моей целью было в каждом случае должным образом указывать источники информации и свободно цитировать

выводы других авторов, которые отличаются от моих собственных. Я все больше убеждаюсь в мудрости и необходимости такого подхода, с помощью которого, кроме того, я стремлюсь придать своей работе определенную библиографическую ценность. Объем деталей, которые необходимо было охватить, казался абсолютно неограниченным, и не раз я отчаивался, что никогда не завершу свою работу. Подготовительное исследование заняло в десять раз больше времени, чем написание книги.

Я считаю уместным кратко изложить свое представление о том, чем должна быть история, и указать общую линию мысли, которой я руководствовался в этой работе. Диапазон варьируется от простой хроники событий, мелких и значительных, до историко-философского эссе, иллюстрированного здесь и там фактами, подтверждающими теории автора. Ни одна из этих крайностей не соответствует требованиям истории, какими бы точными ни были одни и какими бы блестящими ни были другие. Мы не ищем практической информации о горном хребте в миллионе мелких фотографий, как и не ищем правильного описания в художественной картине, изображающей какую-то одну яркую черту. Из этих двух крайностей, которых следует одинаково избегать, истинный историк, какими бы ни были его склонности, будет движим благоразумием, здравым смыслом и долгом от теории к фактам, от ярких красок к фотографической точности. Не то чтобы в современной истории было слишком много блеска, но слишком мало фактов. Точная запись событий должна составлять основу и в значительной степени надстройку. Однако сами по себе события ни в коем случае не важнее институционального развития, которое они вызывают или сопровождают. Люди, институты, отрасли должны изучаться в равной степени. Характер и влияние человека не менее, чем его действия, требуют внимания. Причина и следствие важнее, чем простое событие; достижения мира должны иметь приоритет над военными завоеваниями; положение народа является более полезной и интересной темой для исследования, чем действия правителей, доблесть генералов или доктрины священников. Историк должен классифицировать, обобщать и преподавать, а также записывать; однако он не должен путать свои выводы с фактами, на которых они основаны. Симметрия плана и исполнения, а также строгая конденсация, всегда желательные, становятся абсолютной необходимостью в такой работе, как та, которую я взял на себя. Что касается времени и территории, то моя область исследований огромна. Представляемый материал представляет собой сложную комбинацию анналов, национальных и региональных, местных и личных. Я не утверждаю, что мой план является лучшим из возможных во всех отношениях, но это лучшее, что предлагает мое суждение после долгих размышлений. Объем этой работы обусловлен скорее масштабностью темы и огромным количеством собранной информации, чем склонностью к многословности. Практически каждая страница была переписана два или три раза с целью сжатия, и вместо того, чтобы добросовестно выполнять эту утомительную обязанность, было бы гораздо проще и дешевле отправить в печать сто томов. После того как план был сформирован, я постарался сделать изложение исчерпывающим и симметричным. Не все регионы и не все периоды описаны в одинаковом масштабе: но хотя камера исследования установлена перед каждой последующей темой на разном расстоянии, картина, большая или маленькая, завершена с одинаковой тщательностью. Добавлю, что я придавал большее, чем обычно, значение механической организации, благодаря которой с помощью титульных листов, заголовков глав и указателей читатель может быстро найти любую интересующую его тему и найти все, что содержится в работе о любом событии, периоде, месте, учреждении, человеке или книге; и прежде всего я стремился к точности.

Мы много слышим о философии истории, о науке и значении истории, но есть только один способ писать что-либо, а именно — говорить правду, просто и лаконично. Что касается писателя, я скажу только, что, хотя он должен на время отложить в сторону свою религию и патриотизм, он должен всегда быть готов признавать влияние и оценивать значение религии и патриотизма других. Точный историк не будет поддаваться ни идолопоклонству, ни клевете и категорически откажется выступать в качестве защитника или противника какой-либо партии или власти. Дружбу и вражду, любовь и ненависть он бросит в тигель доказательств, чтобы очистить их и превратить в чистую правду. Он должен быть справедливым и скромным. К ясному суждению он должен добавить строгую честность и всеобъемлющий характер мнений. Он должен всегда помнить о скрытых силах, движущих человечеством, и о законах, по которым формируются верования, совесть и характер. Действия людей определяются непосредственными состояниями ума, которые порождаются как предшествующими состояниями ума, так и предшествующими состояниями тела, на которые влияет социальная и природная среда. Право каждого поколения должно определяться не этикой какого-либо общества, секты или эпохи, а широкими, неумолимыми учениями природы; он также не должен забывать, что стандарты морали — это причуда моды, и что из зла, порожденного необходимостью в утробе прогресса, родилось добро, и точно так же добро породило зло. Он должен помнить, что в худших людях есть много хорошего, а в лучших — много плохого; что, построенный на нынешнем скелете человеческой природы, идеальный человек был бы чудовищем; он также не должен забывать, как много мир обязан плохим людям. Но, увы! Кто из нас полностью свободен от влияния раннего воспитания и позднейшей социальной среды? Кто из нас не имеет в той или иной степени веры, надежды и милосердия? Кто из нас не придерживается каких-то предковских традиций или не выдвигает каких-то любимых теорий!

Что касается относительной важности ранней истории, здесь и в других местах, то для ныне живущих людей еще слишком рано судить об этом. По сравнению с кровавыми сражениями древности, осадами, крестовыми походами и бурными потрясениями развивающейся цивилизации, наша пересадка может показаться скучной. Однако великое собрание просвещенных людей из всех наций на этих берегах, покорение дикой природы с ее диким населением и последовавшее за этим формирование новой империи могут иметь такое же глубокое значение для будущего мира, как и любые проявления военных действий, пикантные подробности придворных скандалов или причуды монархов и министров. Не нужно повторять обладателям наших современных свобод, что народ — это государство, а правители — его слуги. Историческое варварство, в котором виноваты не только гомеровские поэмы и каролингские сказки, заключается в том, чтобы отбросить массы на второй план или полностью игнорировать их (). «Heureux le peuple dont l'histoire ennuie» — часто повторяемый афоризм, как будто только дьявольские деяния достойны упоминания. Но мы, представители нового западного развития, не склонны чрезмерно превозносить жестокие сражения; что же касается правителей и полководцев, то мы видим в них создателей цивилизации, а не ее творцов. Мы предпочитаем наблюдать, как возникают, организуются и развиваются нации; мы предпочитаем изучать структуру и функционирование религий, утонченность и тиранию общества, классовые сходства и антагонизмы, экономику богатства, эволюцию искусства и промышленности, интеллектуальную, моральную и эстетическую культуру, а также все внутренние явления с их простыми радостями и заботами. Потому что все перечисленное, вплоть до одежды или ее отсутствия, является частью человека, а человек — это нация. Мы можем достаточно хорошо познакомиться с историей прошлого, но современные события настолько странны,

их аномалии настолько поразительны для того, кто пытается придать им форму, что он с удовольствием оставляет на время грубые экстравагантности древности, какими бы интересными они ни были для среднестатистического ума. Тем не менее, как в старом, так и в новом мы можем одинаково от абстрактного к конкретному отмечать генезис истории, а от конкретного к абстрактному рассматривать анализ истории. Историк должен уметь анализировать и обобщать; однако его путь ведет не только через манящие поля спекуляций, и его задача не сводится к сбору плодов и цветов философии, выдумыванию теорий и плетению теорем. Он должен упорно идти по неровным дорогам времени и развития и из множества запутанных событий извлекать важные факты истории. И в этом заключается самая богатая награда. «Главным открытием Шекспира было то, — говорит Эдвард Доуден, — что факты мира достойны нашего высшего энтузиазма, наших самых решительных действий, нашего самого торжественного благоговения; и чем больше мы проникаем в факты, тем больше наша природа оживает, обогащается и возвышается».

Вряд ли можно ожидать, что успех этой работы будет соразмерным затраченным на нее усилиям, но я верю, что со временем она будет общепризнана как работа, достойная того, чтобы быть выполненной (), и, позвольте мне надеяться, выполненная довольно хорошо. Если я правильно понимаю урок жизни, то только истина всемогуща и бессмертна. Поэтому я заранее прошу прощения у всех, кого я несправедливо обидел; у тех, кого я обидел по праву, я не прошу пощады; их осуждение для меня дороже, чем их похвала.

СОДЕРЖАНИЕ ДАННОГО ТОМА.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

ИСПАНИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ В НАЧАЛЕ XVI ВЕКА.

СТРАНИЦА

Общий обзор — Переход от старой к новой цивилизации — Исторический очерк Испании — Испанский характер —
Испанское общество — Выдающиеся черты эпохи — Внутренние дела — Новый Свет — Сравнительная цивилизация
и дикость — Первые открытия

[1](#)

ГЛАВА II.

КОЛУМБ И ЕГО ОТКРЫТИЯ.

1492-1500.

Ранний опыт — Договор — Отправление из Палоса — Путешествие — Открытие земли — Неблагоприятное сравнение с
раем Марко Поло — Круиз по островам — Одинаковая природа повсюду — Дезертирство Пинсона —
Кораблекрушение «Санта-Марии» — Возведение крепости Ла-Навидад — Возвращение в Испанию — Права
цивилизации — Папская булла о разделе — Фонсека назначен суперинтендантом Индий — Второе плавание —
Навидад в руинах — Основание Исабелы — Недовольство колонистов — Исследование внутренних районов —
Плоскостное плавание по побережью Кубы и открытие Ямайки — Неудача Колумба как губернатора — Отношения с
Испанией — Уничтожение индейцев — Правительство Индий — Диего и Бартоломе Колон — Обвинения против
адмирала — Назначение следственной комиссии — Второе возвращение в Испанию — Третье плавание — открытие
Тринидада — основание Санто-Доминго — восстание Ролдана — назначение Франсиско де Бобадила преемником
Колумба — произвольное и несправедливое поведение Бобадила — отправка Колумба в Испанию в цепях

[155](#)

ГЛАВА III.

ОТКРЫТИЕ ДАРЬЕНА.

1500-1502.

Родриго де Бастидас — Расширение привилегий Нового Света — Королевская доля — Хуан де ла Коса — Корабли первых первооткрывателей — Прибрежное плавание Дариен — Ужасный терредо — Кораблекрушение на Эспаньоле — Испанские деньги — Отношение Овандо к Бастидасу — Обвинение и отправка в Испанию для суда — Он немедленно оправдан — Будущая карьера и характер Бастидаса — Архивы Индий — Несколько коллекций публичных документов в Испании — Работа Муньоса и Наваррете — Библиографические заметки о печатных коллекциях Наваррете, Терно-Компана, Сальва и Баранда, а также Пачеко и Карденаса

[183](#)

ГЛАВА IV. КОЛУМБ НА ПОБЕРЕЖЬЯХ ГОНДУРАСА, НИКАРАГУА И КОСТА-РИКИ. 1502-1506.

Государи отказываются восстановить адмирала в его должности или захватить для него Гроб Господень — Поэтому он отправляется в четвертое исследовательское плавание — Фернандо Колон и его история — Овандо отказывает экспедиции во входе в гавань Санто-Доминго — Колумб отправляется на запад — Достигает берега Гондураса недалеко от острова Гуанаха — Ранняя американская картография — Колумб плывет на юг к перешейку Дариен — Затем возвращается и пытается основать поселение в Верагуа — Изгнанный оттуда, его корабли терпят крушение у Ямайки — Там, в условиях голода и мятежа, он остается на год — Затем он достигает Эспаньолы и, наконец, Испании, где вскоре после этого умирает — Характер Колумба — Его биографы

[202](#)

ГЛАВА V. УПРАВЛЕНИЕ ИНДИЙСКИМИ ОСТРОВАМИ. 1492-1526.

Колумб — законный правитель — Хуан Агуадо — Франсиско де Бобадилья — Николас де Овандо — Санто-Доминго — столица Индий — Расширение организованного правительства на соседние острова и материк — Резиденции — Добыча золота на Эспаньоле — Раса и касты в правительстве — Рабство индейцев и негров — Жестокость по отношению к туземцам — Испанский сентиментализм — Умиротворение, а не завоевание — Испанские монархи всегда были друзьями индейцев — Плохое обращение из-за удаленности и злонамеренных агентов — Позорные деяния Овандо — Репартимьентос и энкомьендас — Правители рассматривали их как средство защиты коренного населения — Поселенцы использовали их как средство порабощения индейцев — Лас Касас появляется и протестует против бесчеловечности — Недобросовестный казначей — Диего Колон сменяет Овандо на посту губернатора — и ухудшает положение — Отправка отцов-жеронимов — Аудиенции — В Санто-Доминго учреждается суверенный трибунал, который постепенно берет на себя все функции аудиенции и, как таковой, в конечном итоге управляет Индиями — Лас Касас в Испании — Консехо-де-Индиас и Каса-де-Контратасьон — Законодательство для Индий

[247](#)

ГЛАВА VI. ПРАВИТЕЛЬСТВА НЬЮЭВА-АНДАЛУСИИ И КАСТИЛЬЯ-ДЕЛЬ-ОРО. 1506-1510.

Тьерра-Фирме открыта для колонизации — соперничество — Алонсо де Охеда назначен губернатором Нуэва-Андалусии, а Диего де Никуэса — Кастилья-дель-Оро — враждебное отношение соперников в Санто-Доминго — Охеда отправляется в Картахену — строит крепость Сан-Себастьян — неудача и смерть — Никуэса отплывает из Верагуа — расстается со своим флотом — Его судно терпит крушение — Проходит Верагуа — Оказывается в заточении с голодающей командой на острове — Помощь — Неудача в Верагуа — Попытки основать поселение в Номбре-де-Дьос — Потеря корабля, отправленного на Эспаньола за подкреплением — Ужасные страдания — Библиографические заметки Ласа Касаса, Овьедо, Петра Мартира, Гомары и Эрреры — Характер ранних летописцев с точки зрения правдивости

[289](#)

ГЛАВА VII. ПОСЕЛЕНИЕ САНТА-МАРИЯ-ДЕ-ЛА-АНТИГУА-ДЕЛЬ-ДАРЬЕН. 1510-1511

Франциско Писарро покидает Сан-Себастьян — Встречает Энсисо в Картахене — Он и его команда похожи на пиратов — Их возвращают в Сан-Себастьян — Васко Нуньес де Бальбоа — Попадает на корабль Энсисо в бочке — Прибывает в Сан-Себастьян — Испанцы переправляются в Дариен — Река и название — Семако, касик Дариена, потерпел поражение — Основание столицы — Престо, смена! Хомбре-дель-Каско на вершине, Бахильер внизу — Васко Нуньес, алькальде — Характер должности — Регидор — Кольменарес, в поисках Никуэсы, прибывает в Антигуа — Он находит его в жалком положении — Антигуа делает Никуэсе предложение — Затем отвергает его — И, наконец, изгоняет его на смерть — Печальный конец Никуэсы

[321](#)

ГЛАВА VIII. ФРАКЦИИ И ПОИСКИ ПРОЖИВАНИЯ В ДАРИЕНЕ. 1511-1513.

Гарнизон в Номбре-де-Дьос — Тонкая дипломатия — Васко Нуньес принимает командование — Энсисо, его жизнь и сочинения — Город и тюрьма — Права убежища — Путешествие Вальдивии — Миссия Замудио — Экспедиция в Коибу — Карета отдает свою дочь Васко Нуньесу — Понка наказан — Хура, дикий государственный деятель — Визит испанцев в Комагре — Пansiako рассказывает им о южном море — История Вальдивии, который потерпел кораблекрушение и был съеден каннибалами — Васко Нуньес отправляется в безбожное паломничество к Золотому храму Дабайба — Заговор, организованный туземцами с целью уничтожить Антигуа — Фульвия раскрывает заговор — Дариен успокаивается — Васко Нуньес получает королевское поручение — Серьезные обвинения — Васко Нуньес решает открыть Южное море, пока его не остановил арест

[337](#)

ГЛАВА IX. ОТКРЫТИЕ ТИХОГО ОКЕАНА. 1513

Отправление Васко Нуньеса из Антигуа — Прием Кареты — Трудности, с которыми придется столкнуться — Коварный характер страны — Исторические гонимые — Примирение с понка — Пленение Кварекуа — Первый взгляд на Тихий океан с высот Кварекуа — Испанцы спускаются в Чиापес — Официальное вступление во владение Южным морем — Форма вступления во владение — Названия Южное море и Тихий океан — Дальнейшие открытия — Опасное путешествие на каноэ по реке — Золото и жемчуг в изобилии — Умиротворение Тумако — Жемчужные острова — Возвращение — Доброта Теоки — Убийство Понки — Умиротворение Покоросы — Победа над Тубанамой — Золото, золото, золото — Поздравления Панчако — Прибытие в Антигуа

[358](#)

ГЛАВА X. ПЕДРАРИАС ДАВИЛА ПРИНИМАЕТ НА СЕБЯ УПРАВЛЕНИЕ ДАРИЕНОМ. 1514-1515

Как восприняли в Испании открытие Южного моря — Враги Васко Нуньеса при дворе — Педрариас Давила назначен губернатором — Отправление из Испании и прибытие в Антигуа — Арболанча в Испании — Педрариас преследует Бальбоа — Требования короля к индейцам — Хуан де Айора отправлен для строительства линии фортов между двумя морями — Которую он бросает ради массовых грабежей — Бартоломе Уртадо отправлен привезти добычу — Катастрофические попытки осквернить гробницы Сену — Экспедиция Тельо де Гусмана в Южное море — Обнаружение места, где находится Панама — Золотой храм Дабайба снова — Гаспар де Моралес и Франсиско Писарро посещают Южное море

[386](#)

ГЛАВА XI. ЭКСПЕДИЦИИ В ДАРИЕН ПОД РУКОВОДСТВОМ ПЕДРАРИАС. 1515-1517.

Гонсало де Бадахос посещает Южное море — Что он видит в Номбре-де-Дьос — Его отношения с Тотонагуа — И с Татарачеруби — Прибытие в Ната — Испанцы собирают много золота — Они сталкиваются с грозным Парисом — Отчаянная борьба — Бадахос теряет свое золото и возвращается в Дариен — Педрариас на тропе войны — он наносит Сену удар мести — Основание Акла — Губернатор возвращается больным в Антигуа — Экспедиция Гаспара де Эспиноса в Южное море — Осел лиценциата — Грабеж по закону — Родственник Эспиносы — Кровавый священник — Эспиноса в Нате — Он заводит знакомство с Парисом — который убивает послов — Уртадо исследует южное побережье до Никои — Основание Панамы — Аборигенский Тартар — Возвращение экспедиции Эспиносы

[412](#)

ГЛАВА XII. СУДЬБА ВАСКО НУНЬЕСА де Бальбоа. 1516-1517.

Дела в Антигуа — Различные способы умиротворения — Жалобы Васко Нуньеса королю — Планирование новой экспедиции — Васко Нуньес становится аделантадо и генерал-капитаном Южного моря — Педрариас держит назначение в секрете — Примирение Бальбоа и Педрариаса — Помолвка доньи Марии — Васко Нуньес отправляется в Аклу — Резня в Олано — Учреждение муниципалитета Акла — Перевозка материалов для кораблей через горы — Трудности, опасности и смертность — Бальбоа на Жемчужных островах — Предсказание астролога Мисера Кодро — Слухи о прибытии нового губернатора в Антигуа — Задуманное уклонение от новой власти — Позор Гарабито — Васко Нуньес вызван Педрариасом в Аклу — Его путешествие туда — Суд и казнь

[432](#)

ГЛАВА XIII. УПАДОК ИСПАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ. 1517-1523

Нечестность – лучшая политика – Педрариас подвергается остракизму – его власть ограничивается – Кеведо в Испании – он встречает Ласаса — Битва священников — Овьедо вступает в борьбу — Дела в Дариене — Снова межокеанская дорога — Ее конечные пункты — Педрариас и Эспиноса в Панаме — Лицензиат совершает еще один набег — Монахи Святого Иеронима следят за Педрариасом — Кабильдо Антигуа показывает ему пальцем — Продолжающиеся попытки обезлюдить северное побережье — Альбитес строит Номбре-де-Дьос — Удачливый лицензиат — Прибытие и смерть Лопе де Соса — Овьедо возвращается и сражается с драконом — И терпит поражение

[460](#)

ГЛАВА XIV. ХИЛЬ ГОНСАЛЕС В КОСТА-РИКЕ И НИКАРАГУА. 1519-1523.

Андрес Ниньо и его Острова Пряностей — Не удается получить разрешение на открытие — Обращается к Гиль Гонсалесу Давиле — Соглашение с королем — Королевский приказ для кораблей Васко Нуньеса — Педрариас отказывается их выдать — Гиль Гонсалес перевозит корабли через горы — Отправляется с Жемчужных островов — Гиль Гонсалес продвигается по суше, а Ниньо — по морю — Визит в Никоя — И в Никарагуа — Капитан-генерал обращает в веру многих — И собирает много золота — Сражение с дириангенами — Никарагуа отступает от веры — Испанцы прекращают открытие и спешат к своим кораблям — Путешествие Ниньо в бухту Фонсека — Возвращение в Панаму

[478](#)

ГЛАВА XV. ИСПАНСКИЕ ГРАБЕЖИ ВО ВОКРУГ БАЙИ ПАНАМА. 1521-1526.

Европейские поселения на западном побережье Америки — Развитие Панамы — Законы, касающиеся испанских поселений в Америке — Окончательный отказ от Антигуа — Управление Южным морем — Пиратство по принципу

[495](#)

— Паскуаль де Андагоя исследует юг — Завоевывает Биру — Возвращение в Панаму — Колонии Верагуа и Чирики —
Вождь Уррака поселяется в горах и бросает вызов испанцам — Писарро, Эспиноса, Педрариас и Компаньон тщетно
пытаются свергнуть его — Строительство Наты — Компаньон как губернатор — Уртадо колонизирует Чирики —
Заговор — Пленение и побег Урраки — Еще несколько лет войны

ГЛАВА XVI. ВОЙНЫ ИСПАНЦЕВ. 1523-1524

Овьедо в Испании — Он обеспечивает назначение Педро де лос Риос губернатором Кастилии-дель-Оро — Педрариас
решает завладеть Никарагуа — Он посылает туда Кордову, который основывает Брюссель, Гранаду и Леон — И
перевозит корабль через сушу от Тихого океана до озера Никарагуа — Он проводит съемку озера — Узнав о
скрывающихся в окрестностях испанцах — Развитие испанской колониальной системы — Гиль Гонсалес сбегает со
своим сокровищем на Эспаньолу — Отправляет Сереседу в Испанию с известием о своем открытии — Отплывает из
Санто-Доминго к побережью Гондураса — Прибывает в Пуэрто-Кабальос — Основал Сан-Хиль-де-Буэнависта —
Встречает Эрнандо де Сото — Сражение — Появляется Кристоаль де Олид — Основал Триунфо-де-ла-Крус

[511](#)

ГЛАВА XVII. КОЛОНИЗАЦИЯ ГОНДУРАСА. 1524-1525.

Кортес в Мексике — Расширение его завоеваний — Опасения по поводу посягательств со стороны испанцев в
Центральной Америке — Кристоаль де Олид отправлен в Гондурас — Заходя в Гавану, он отказывается от верности
Кортесу — Основание Триунфо-де-ла-Крус — Олид как предатель — Встреча с Гиль Гонсалесом — Гнев Кортеса —
Касас отправлен в погоню за Олидом — Морское сражение в гавани Триунфо — Касас попадает в руки Олида,
который вскоре сам попадает в плен — Смерть Олида — Возвращение Касаса в Мексику — Основание Трухильо —
Вмешательство Аудиенции Санто-Доминго

[522](#)

ГЛАВА XVIII. ПОХОД КОРТЕСА В ГОНДУРАС. 1524-1525

Сомнения относительно Касаса — Кортес, уставший от бездействия, решает лично отправиться в Гондурас —
Выступает с большой группой — Прибывает в Гоазакоалько — Веселая армия вскоре попадает в беду — Путь
преграждают большие реки и глубокие болота — Нехватка провианта — Страдания солдат — Хитрость торговца-
касики — Убийство пленных королей — Апофеоз боевого коня — Страхи перед восстанием испанцев рассеялись при
приближении к Нито

[537](#)

ГЛАВА XIX.
КОРТЕС В ГОНДУРАСЕ.
1525-1526.

Он — хозяин всех бедствий в этой стране — миазмы и глубокое отчаяние — усилия Кортеса в интересах колонистов — появление судна с провизией — Кортес посылает за провизией — он ищет более подходящее место — Сандоваль в Нако — другие поселяются в Кабальос — Кортес в Трухильо — отправка судов в Мексику, на Кубу и Ямайку — Беспорядки в Мексике — Кортес нерешителен — Отправляется в Мексику — Отбит штормом — Умиротворение соседних пуэбло — Кортес посылает подарки в Кордову — Станет ли Кортес хозяином Никарагуа? — Прибытие Альтамирано — Возвращение Кортеса в Мексику

[566](#)

ГЛАВА XX.
ПЕДРАРИАС ПЕРЕЕЗЖАЕТ В НИКАРАГУА.
1525-1527.

Кордова замышляет восстание — Сото и Компаньон возражают — Их бегство — Педрариас питает гнев — Тайные мотивы его отъезда в Никарагуа — Кордова теряет голову — Губернатор жаждет Гондураса и прибегает к насилию — Индейцы следуют его примеру — Кровавые сцены — Педрариас прерывает свои размышления — Педро де лос Риос становится губернатором Панамы — Его инструкции и политика — Резиденция Педрариаса — Триумфальный результат

[584](#)

ГЛАВА XXI.
СОПЕРНИЧАЮЩИЕ ГУБЕРНАТОРЫ В ГОНДУРАСЕ И НИКАРАГУА.
1526-1530.

Колониальная политика — Сальседо смещает Сааведру с поста губернатора Гондураса — Побег Сааведры — Послы Педрариаса попадают в ловушку — Сальседо вторгается в Никарагуа — Его жестокость и вымогательства — Страдания колонистов — Риос также предъявляет свои претензии, но терпит поражение — Педрариас следует за ним и одерживает победу — Позорная судьба Сальседо — Экспедиция Эстете — Прибыль и ужасы охоты на рабов — Гладиаторские наказания для восставших туземцев — Замыслы Педрариаса по расширению владений — Он захватывает Сальвадор и жаждет Перу — Оба ускользают от него — Дальнейшие унижения и смерть — Характер завоевателей

[597](#)

ГЛАВА XXII.
ПОХОД АЛЬВАРАДО В ГВАТЕМАЛУ.
1522-1524 гг.

Слухи в Мексике о стране к юго-востоку — Умиротворение в этом районе — Вожди Теуантепека и Тутутепа — У ворот Гватемалы — Краткая история коренного населения — Верность и восстание — Подготовка экспедиции — Задержка из-за беспорядков в Пануко — Организация второй армии — Поход — Покорение Соконуско — Взятие Сапотитлана

[617](#)

ГЛАВА XXIII.
НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ ГВАТЕМАЛЫ.
Февраль-март 1524 года.

Предложения Кикаба Тануба лордам зутугилей и чакчикелей — Смерть короля киче — Текум Умам, его преемник — Собирает большую армию — Оборонился в Закахе — Проход испанцев через Палахуно — Стычка — Кровавое сражение — Основание Кесальтенанго — Армия наступает на Селаху — Город покинут — Битва при Селаху — Текум Умам убит — Насильственное обращение в веру

[632](#)

ГЛАВА XXIV.
ПАДЕНИЕ НАРОДА КИЧЕ.
Апрель 1524 года.

Утатлан, столица киче — ее величие — Королевский дворец и пирамидальные укрепления — Частные апартаменты и сады — План поимки испанцев — Подготовка пира — Приглашение врага — Раскрытие предательства — Мастерское отступление Альварадо — Поимка короля киче и знати — Их заставляют собирать золото — Затем их уничтожают — Утатлан сожжен, страна опустошена — Полное подчинение киче

[643](#)

ГЛАВА XXV.
КАКЧИКЕЛЬС И ЗУТУГИЛС СТАНОВЯТСЯ ПОДДАННЫМИ ИСПАНИИ.
Апрель-май 1524 года.

Поход на столицу какчикелей — с блестящей свитой король Синакам выходит навстречу испанцам — описание Патиамита — оккупация столицы какчикелей — экспедиция против Тепепула, короля зутугилей — город на скале Атитлан — жаркая битва — вход в крепость — примирение и возвращение в Патиамит — любовная история Альварадо

[652](#)

ГЛАВА XXVI.
ЭКСПЕДИЦИЯ В САЛЬВАДОР.
1524

Поход против Ицкуинтлана — Тяжелый поход — Город взят врасплох — Отчаянная оборона — Альварадо решает продвинуться еще дальше на юг — Переход через реку Мичатоят — Испанцы приходят в Атикипак, Такуйлула, Таксиско, Нанцинтлан и Пасако — заброшенные города — отравленные колья и жертвоприношение собак — вход в Сальвадор — Мокисалько и Акатепек — сражения при Акахутла и Такускалько — кровожадность этого завоевателя — вход в Куцкатлан — бегство жителей — возвращение в Патинамит

[663](#)

ГЛАВА XXVII.
ВОССТАНИЕ КАКЧИКАЛЬС.
1524-1525

Возвращение союзников в Мехико — Основание города Сантьяго — Невыносимое угнетение какчикелей — Они бегут из города — Трудности с повторным подчинением — Подкрепление из Мехико — Поход против Миксо — Взятие этой крепости — Сражение с чигнаутеками — Сверхчеловеческая доблесть кавалериста — Завоевание долины Сакатепек — Поход против мамесов — Разгром Кан Илокаба — Вход в Уэуэтенанго — Осада Закулеу — Капитуляция Кайбиль Балама

[678](#)

**ЦИТИРУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ
В
ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ.**

Аа (Pieter vander), *Naaukeurige Versameling*. Лейден, 1707. 30 томов.

Абаунса (Хусто), *El Senador Director Provisorio a sus Compatriotas*. 5 августа 1851 г. [Леон, 1851 г.] фолио.

Эбботт (Джон С. К.), Христофор Колумб. Нью-Йорк, 1875.

Эбботт (Джон С. К.), История Эрнандо Кортеса. Нью-Йорк, 1855.

Акоста (Хоакин), Исторический обзор открытия Новой Гранады и т. д. Париж, 1848.

Акоста (Хосе де), *De Natvra novi orbis libri dvo*. Сальмантика, 1589.

Акоста (Хосе де), *De Procvranda Salvte indorvm*. Сальмантика, 1588.

Акоста (Хосе де), *Historia Natural y Moral de las Yndias*. Севилья, 1590. [Цитируется как Hist. Ind.]

Акоста (Хосе де), Естественная и нравственная история Восточной и Западной Индии. Лондон, без даты [1604]. [Цитируется как Hist. Nat. Ind.]

Адамс (К. Б.), Каталог раковин Панамы. Нью-Йорк, 1852.

Агиар-и-Акунья (Родриго де), Сводка общего сборника законов Индий. Мадрид, 1628.

Агилар (Мануэль), *Memoria sobre el cultivo del Café*. Гватемала, 1845.

Аумада (Августин де), Никарагуа, 24 декабря 1755 г. Рукопись.

Академия наук, Отчеты о заседаниях, Трактаты. Берлин, 1859 и далее.

Аламан (Лукас), Диссертации по истории Мексиканской Республики. Мехико, 1844-9. 3 тома.

Аламан (Лукас), История Мексики. Мехико, 1849-52. 5 томов.

Альболарио и Перикильо. [Сан-Сальвадор, 1852.] фолио.

Альборнос, Письмо императору, 15 декабря 1525 г. В Иказбальсета, Col. Дос., т. i.; Пачеко и Карденас, Col. Дос., т. xii.

Альбом Мексикано. Мексика, 1849 и далее.

Album Semanal, Сан-Хосе, 1856 и далее.

Альканьсада (Виктория), *Discursos Pronunciados*, 29 апреля 1863 г. Манагуа, 1864 г. фолиант.

Альседо (Антонио де), *Diccionario Geográfico Histórico*. Мадрид, 1786-9. 5 томов.

Алегре (Франсиско Хавьер), История Общества Иисуса в Новой Испании. Мехико, 1841. 3 тома.

Аллен (Берд), Очерк восточного побережья Центральной Америки. В *Lond. Geog. Soc., Jour.*, 1841. т. xi.

Альмагро, Информация. В *Col. Doc. Inéd.*, том xxvi.

Алми (Джон Дж.), Отчет о Чирики. [Нью-Йорк], 1859.

Альтос Лос, Манифесто документато ке эль Губернаменто, и т. д. Гватемала, 1849. фолио.

Альварадо (Гонсало де), Memoria. MS.

Альварадо (Эрнандо де) и Хуан де Падилья, Relacion del descubrimiento del mar del sur. В Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., том iii.

Альварадо (Педро де), Asiento y Capitulacion, в Пачеко и Карденас, Col. Doc., том xvi.

Альварадо (Педро де), Cartas Varias desde 1534 hasta 1541. Рукопись. Фолиант.

Альварадо (Педро де), Fundacion de Gracias á Dios, 1536. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., том xv.

Альварадо (Педро де), Lettres de Pedro de Alvarado à Fernand Cortes. В Ternaux-Compans, Voy., серия i., том x.

Альварадо (Педро де), Королевская грамота Педро де Альварадо, 16 апреля 1538 г. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. xiv.

Альварадо (Педро де), Relacion hecha a Hernando Cortés, 28 июля 1524 г. В Барсия, Historiadores Prim., том i.

Альварес (Педро), Навигация. 1520. В Рамузио, Viaggi, том i.

Альсате-и-Рамирес (Хосе Антонио), Гасетас-де-Литература-де-Мехико. Мехико, 1790-4. 3 тома; и Пуэбла, 1831. 4 тома.

Амадор де лос Риос (Хосе), Vida y Escritos de Oviedo. В Овьедо, том i.

Америка, Descripcion de la America meridional y Septentrional. (Мадрид, 1809.) Рукопись. фолио.

Америка, Диссертация о различных интересных вопросах, касающихся дел Америки. Мадрид, 1821.

Америка, или Общий обзор политической ситуации. Нортгемптон, 1828.

Америка: или Общий обзор политической ситуации. Филадельфия.

Америка: или точное описание Вест-Индии. Лондон, 1655.

Северная и Южная Америка. Турин, 1836.

Америка, прогресс и перспективы. Нью-Йорк (1855).

Центральная Америка, Gaceta Oficial. Манагуа, 1849 и далее.

Америка Центральная, Reclamacion de la Intervencion de Alej. Macdonald. Леон, [1842 г.].

Американский альманах. Бостон, 1830 и далее.

Американский ежегодник. Нью-Йорк и др., 1825 и далее.

Американское антикварное общество, Протоколы. Вустер, 1820 и далее.

Американское географическое общество, Бюллетень. Нью-Йорк, 1874 и далее.

Американские заметки и вопросы. Филадельфия, 1857 и далее.

Американское философское общество. Филадельфия, 1819 и далее.

Американский кварталный реестр и журнал. Филадельфия, 1848 и далее.

Американский кварталный обзор. Филадельфия, 1827 и далее.

Американский реестр. Филадельфия, 1807 и далее.

Американский обзор. Филадельфия, 1811 и далее.

Американские государственные документы. Бостон, 1817 и далее.

Американский и иностранный христианский союз. Нью-Йорк, 1850 и далее.

Amérique Centrale, Colonisation du District de Santo-Thomas, Guatemala. Париж, 1844.

Аморетти (Чарльз), Первое путешествие вокруг земного шара... осуществленное Антонио Пигафеттой. Милан, 1800.

Андагоя (Паскуаль де), Carta al Rey, 22 октября 1534 г.

Андагоя (Паскуаль де), «Повествование о деяниях Педрариаса Давилы». Лондон, 1865.

Андагоя (Паскуаль де), Relacion de los sucesos de Pedrarias Dávila. В Наваррете, Col. de Viages, т. iii.

Андерсон (Адам), Историческое и хронологическое обоснование происхождения торговли. Лондон, 1801. фолио. 4 тома.

Андерсон (Янг), Восточное побережье Центральной Америки, отчет 1839 года. Лондон, 1839.

Эндрюс (У. С.), Иллюстрации Вест-Индии. Лондон, без даты. фолио.

Андрино (Х. Э.), Remitido á la Gaceta de Salvador 20 июля 1853 г. Сан-Сальвадор, 1853 г. фолио.

Анналы путешествий. Париж, 1809-14. 24 тома.

Летопись британского законодательства. Лондон, 1856 и далее. 4то.

Летопись Конгресса. (1-й по 18-й Конгресс.) Вашингтон, 1834-56. 42 тома.

Ежегодный реестр. Лондон, 1758-1807. 47 томов.

Ансон (Джордж), Путешествие вокруг света. Лондон, 1756.

Антонелли (Хуан Баутиста), Инструкция, составленная инженером для Сан-Хуана-де-Улуа. 15 марта 1590 г. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. xiii.

Антунес-и-Асеведо (Рафаэль), Исторические мемуары. Мадрид, 1797.

Апиано (Педро), «Космография, исправленная и дополненная Джеммой Фризио». Антверпен, 1575.

Апиан (Петр), Cosmographicus Liber, Ландсхут, 1524.

Апиан (Петр), Introductio geographica Petri Apiani, Ингольштадт, 1533.

Справочник Аплтона по путешествиям по Америке. Нью-Йорк, 1867.

Иллюстрированный справочник Апплтона по путешествиям по Америке. Нью-Йорк, 1857.

Арагон (Антонино), *La Victoria de Coatepeque*. Сан-Сальвадор, 1863.

Арана (Томас Игнасио), *Relacion de los estragos, y rvyunas de Guathemala*. Гватемала, 1717. фолиант.

Тариф сборов, которые должны взиматься в двух секретариатах. Мадрид, 1749.

Таможенные пошлины 1720 года. В *Reales Ordenes*, том III.

Архенхольц (Й. М. фон), *История пиратов и т. д. Америки*. Лондон, 1807.

Арельяно (Хосе Н.), *Oracion funebre*, 26 октября 1846 г. Гватемала, 1846.

Аревало (Фаустино), *Laudatio funebris eminentissimi Francisci Antonii de Lorenzana*. Рим [1804]. фолиант.

Аревало (Рафаэль де), Коллекция древних документов из архива Гватемалы. Гватемала, 1857.

Аревало (Рафаэль де), *Libro de Actas del Ayuntamiento de Guatemala*. Гватемала, 1856.

Ариса (Андрес), Комментарии о богатой и плодородной провинции Эль-Дариен. 1774. Рукопись. 4то.

Армин (Т.), *Старое Мексико*. Лейпциг, 1865.

Аросемена (Хусто), «Исследование о свободном сообщении, перешеек Панама». Богота, 1846.

Аррангоис (Франсиско де Паула де), Мехико с 1808 по 1867 год. Мадрид, 1871-2. 4 тома.

Аррицивита (Х. Д.), *Crónica Seráfica y Apostolica*. Мадрид, 1792. фолио.

Аррильяга (Базилио Д.), *Informe que dieron los Cónsules*. Мехико, 1818. 4-й формат.

Арриола (Д. Х. де), Незаконность администрации Барриоса. [Леон, 1862 г.]

Артиеда, *Pacificacion de Costa Rica*. В Пачеко и Карденас, *Col. Doc.*, том xv.

Ашер (Г. М.), *Жизнь Генри Хадсона*. Лондон, 1860.

Астабуруага (Франциско С.), *Республика Центральной Америки*. Сантьяго, 1857.

Атитлан, *Requête de plusieurs chefs*. В *Ternaux-Compans, série i.*, том x.

Atlantic Monthly. Бостон, 1858 и далее.

Аудиенсия де Санто-Доминго, *Cartas*. В Пачеко и Карденас, *Col. Doc.*, том i.

Ожер (Эдвард), *Путешествие по Калифорнии*. Париж, 1854.

Ауррекоча (Хосе Мария де), Краткая и беспристрастная история политических потрясений в Испанской Америке и т. д. Мадрид, 1846. 4то.

Эйвери (Уильям Т.), Речь в Палате представителей США, 24 января 1859 г. Вашингтон, 1859.

Авезак (Мартин), «Hylacomylus». Париж, 1867.

Авезак (Мартин), В Nouvelles Annales des Voyages, т. cv.; т. cvi.; т. cviii.; т. cx.; также Soc. Geog., Bulletin, т. xiv.

Авила-и-Луго, Descripcion de las Yslas Guanajas, 1639.

Айетта, Informe, в Provincia del Santo Evangelio. 8 марта 1594 г.

Айон (Томас), Заметки о некоторых событиях. Никарагуа и др., 1811 и далее.

Айон (Томас), Consideraciones sobre la cuestion de Limites Territoriales. Манагуа, 1872.

Айон (Томас), Речь, 1 февраля 1862 г. Сан-Сальвадор, 1862 г.

Багатела (Ла), 19 августа 1851 г. и далее. [Гранада.]

Бейли (Джон), Центральная Америка; описание Гватемалы, Гондураса, Сальвадора, Никарагуа и Коста-Рики. Лондон, 1850.

Бальбоа (Васко Нуньес де), Cartas. В Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., т. ii.; Navarrete, Col. de Viages, т. iii.

Бальбоа (Васко Нуньес де), «Лос Навиос».

Банкрофт (Джордж), История Соединенных Штатов. Бостон, 1870, и далее.

Банкрофт (Хьюберт Хоу), [Коренные народы тихоокеанских штатов](#). Нью-Йорк, 1875. 5 томов.

Бэнкс (Джеймс), О хлопке Гондураса и Юкатана, без места и даты.

Барсия (Андрес Гонсалес де), Первые историки Западных Индий. Мадрид, 1749. фолио. 3 тома.

Бард (Сэмюэл А.), Вайкна, или Приключения на побережье Москито. [Автор Э. Г. Сквайер.] Нью-Йорк, 1855.

Баррионуэво, Информация, полученная в Панаме на корабле «Концепсьон». 7 апреля 1534 г. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. х.

Барриос (Херардо), A los pueblos del Salvador, Segundo manifiesto. Сан-Сальвадор, 1863.

Барриос (Херардо), Речь перед законодательным органом Сальвадора, 1 февраля 1860 г. Сан-Сальвадор, [1860 г.].

Барриос (Херардо), Причина падения Барриоса. Сан-Сальвадор, 1863.

Барриос (Херардо), Манифест. Нью-Йорк, 1864.

Барриос (Херардо), Легитимный президент Республики Сальвадор. Панама, 1863.

Барриос (Херардо), Отношения с правительством Никарагуа. Манагуа, 1860.

Барриос (Хосе Руфино), Генерал-главнокомандующий, к народам Сальвадора, 8 мая 1876 г. Сан-Сальвадор, 1876.

- Барроу (Джон), Жизнь, путешествия и подвиги адмирала сэра Фрэнсиса Дрейка. Лондон, 1843.
- Баррундия (Хосе), Речь, произнесенная 15 сентября 1850 г. Сан-Сальвадор, [1850 г.].
- Бастидас (Родриго де), Соглашение, заключенное с Их Величествами Католическими, 5 июня 1500 г. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. ii.
- Бастидас (Родриго де), Информация об услугах. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., том II.
- Бастид (М. де), *Mémoire sur un Nouveau Passage*. Париж, 1791.
- Бейтс (Х. В.), Центральная Америка, Вест-Индия и Южная Америка. Лондон, 1878.
- Батрес (Мануэль де), *Relacion de las fiestas reales*. Гватемала, 1761.
- Баксли (Уиллис), Что я видел на западном побережье Южной и Северной Америки. Нью-Йорк, 1865.
- Байские острова, Копия королевского указа о создании британской колонии и т. д. Лондон, 1856. фолиант.
- Бейль (Пьер), Исторический и критический словарь. Роттердам, 1720. фолио. 4 тома.
- Бомонт, Пабло де ла Пурисима Консепсьон, Хроника провинции С. Педро и С. Пабло де Мечоакан, рукопись; также Мексика, 1873-4. 5 томов.
- Беккатины (Франциско), «Жизнь Карла III». Мадрид, 1790.
- Бичи (Ф. В.), Речь на юбилейном собрании Королевского географического общества, 26 мая 1856 г. Лондон, 1856.
- Бичи (Ф. В.), «Повествование о путешествии в Тихий океан», 1825-8. Лондон, 1831. 2 тома.
- Бехайм (Мартин), Глобус — Очерк Гумбольдта о древнейших картах. Рукопись. Фолио.
- Бехарано (Феликс Франциско), Отчет губернатора Верагуа. 1775. Рукопись.
- Белчер (Эдвард), «Повествование о путешествии вокруг света, 1836-42 гг.». Лондон, 1843. 2 тома.
- Белиз, Копия письма, ноябрь 1836 г., С. Коксу, определяющего границы. Лондон, 1856.
- Белиз, *Packet Intelligencer*. Белиз, 1854 и далее.
- Белкнап (Джеремии), Американская биография. Бостон, 1794.
- Белл (Чарльз Н.), Замечания о территории Москито. В *Lond. Geog. Soc. Jour.*, т. xxxii.
- Белл (Джеймс), Система географии. Глазго, 1836. 6 тт.
- Белл (Джон), Речь в Сенате США, 26 февраля 1856 г. Вашингтон, 1856.
- Белли (Феликс), «Через Центральную Америку». Париж, 1867. 2 тома; также Париж, 1870. 2 тома.
- Белли (Феликс), Карта для изучения трассы и профиля Никарагуанского канала. Париж, 1858.

Белли (Феликс), *Durchbruch des Amerikanischen Continents*. Париж, 1859.

Белли (Феликс), *Le Nicaragua*. Париж, 1870. 2 тома.

Белли (Феликс), *Protesta del Señor Don Félix Belly*. Леон, 1869.

Бело (Гюстав), *Правда о Гондурасе*. Париж, без даты.

Бентон (Джозеф А.), *Речь в Сенате США, март 1826 г.* Вашингтон, 1826.

Бентон (Томас Х.), *Краткое изложение дебатов в Конгрессе, 1759-1856*. Нью-Йорк, 1857-63. 16 тт.

Бентон (Томас Х.), *Тридцатилетний обзор Сената США*. Нью-Йорк, 1854. 2 тома.

Бензони (Джироламо), «*История Нового Света*». (Изд. Nakl. Soc.) Лондон, 1857.

Бензони (Джироламо), «*История Нового Света*». Венеция, 1572.

Берендт (К. Х.), *Отчет об исследованиях в Центральной Америке. В отчете Смитсоновского института, 1867*.

Берендт (Герман), *Аналитический алфавит для мексиканских и центральноамериканских языков*. Нью-Йорк, 1869.

Беренгер, *Сборник всех путешествий по миру*. Париж, 1788-9. 9 томов.

Берганьо-и-Виллегас (Симон), «*Вакцина. Песня, обращенная к молодежи*». Новая Гватемала, 1808.

Берганьо-и-Вильегас (Симон), «*Вакцина и экономическая политика*». Новая Гватемала, 1808.

Бергомас (Хакобо Филиппо), «*Новейшая история всего мира*». Венеция, 1503.

Бергомас (Хакобо Филиппо), *Supplementi Chronicarum ab isro mundi exordio*. [Венеция, 1513 г.]

Берланга, *Pesquisa, Sobre conducta de Pizarro, 1535*. В Пачеко и Карденас, *Col. Doc.*, том х.

Бернал Диас. См. [Диас дель Кастильо \(Бернал\)](#).

Бетаг (Уильям), «*Путешествие вокруг света*». Лондон, 1757.

Бьюллок, *Le Mexique en 1823*. Лондон, 1824. 2 тома.

Biblioteca Americana. Лондон, 1789.

Biblioteca Mexicana Popular y Economica, Tratados. Мехико, 1851-3. 3 тома.

Биддл, *Мемуары Себастьяна Кабота*. Лондон, 1831.

Бидвелл (Чарльз Толл), «*Перешеек Панама*». Лондон, 1865.

Биглэнд (Джон), *Географический и исторический обзор мира*. Лондон, 1810. 5 томов.

Бильбао (Франциско), *Инициатива Америки*. Париж, 1856.

Эдинбургский журнал Блэквуда. Эдинбург, 1817 и далее.

Благдон (Фрэнсис Уильям), Современный географ. Лондон, без даты. 5 томов.

Бласкес, Мнение. В Чьяпасе, Documentos Originales. MS.

Блюфилдс, Documentos Interesantes sobre el Atentado. Сан-Сальвадор [1848].

Бломфилд (Э.), Общий взгляд на мир. Бангей, 1807. 4to. 2 тома.

Боддам Уэтам (Дж. В.), «Через Центральную Америку». Лондон, 1877.

Богота, Gaceta de la Nueva Granada. Богота, 1843 и далее.

Богота, Gaceta Oficial. Богота, 1848 и далее.

Boletin de Noticias. Сан-Сальвадор, 1851 и далее.

Boletin del Ejercito. Санта-Ана, 1851 и далее.

Бонникэсл (Р. Х.), Испанская Америка. Лондон, 1818. 2 тома.

Бурбон (Луис де), Ciudadanos. Мехико, 1820.

Бордоне (Бенедетто), Книга Бенедетто Бордоне, в которой рассказывается обо всех островах мира. Венеция, 1528.

Бортвик (Дж. Д.), Три года в Калифорнии. Эдинбург, 1857.

Бортвик (Дж. Д.), В журнале Хатчинса «California Magazine», т. II.

Босс (В. Д.), Leben und Tapffere Thaten der See Helden. Нюрнберг, 1681.

Босси, Vita di Colombo. Милан, 1818.

Бургоанн, «Путешествия по Испании». В журнале Пинкертон «Col. Voy.», т. V.

Бойл (Фредерик), «Путешествие по континенту». Лондон, 1868. 2 тома.

Брассер де Бурбург, Библиотека Мексики и Гватемалы. Париж, 1871.

Брассер де Бурбург, История цивилизованных народов Мексики и Центральной Америки. Париж, 1857-9. 4 тома.

Брассер де Бурбург, «Письма, служащие введением в первоначальную историю цивилизованных народов Северной Америки». Мехико, 1851. 4to.

Брассер де Бурбург, Рукопись Троано. Исследования графической системы и языка майя. Париж, 1869-70. 4to. 2 тома. (Научная миссия, лингвистика.)

Брассер де Бурбург, Заметки о путешествии по Центральной Америке. Без места и даты.

Брассер де Бурбург, Исследования руин Паленке. С рисунками М. де Вальдека. Париж, 1866. фолио. 1 т. текст; и 1 т. иллюстрации.

Британская железная дорога. Заметки о путешествии от Атлантического океана до Тихого океана от залива Гондурас. Лондон, 1849.

Открытие британского моряка, или Опровержение испанских притязаний. Лондон, 1739.

- Бруэ (М. П.), *Une Colonie Belge dans L'Amérique Centrale*. Монс, 1846.
- Браун (А. Г.), Речь в Сенате США, 12-13 марта 1856 г. n.pl., n.d.
- Брайант, Что я видел в Калифорнии. Нью-Йорк, 1849.
- Брайант (Уильям Каллен), «История Соединенных Штатов». Нью-Йорк, 1876-81. 4 тома.
- Пираты Америки. См. [Эскемлен](#).
- Буйтраго (П.), Письмо, 26 августа 1851 г. Рукопись. Фолио.
- Бюлов (А. фон), Свободное государство Никарагуа. Берлин, 1849.
- Бургоа (Франциско де), Географическое описание северной части Арктического полюса Америки (Оахака). Мексика, 1674. 4to. 2 тома.
- Берк (Эдмунд), *An Account of European Settlements in America*. Лондон, 1808, 4to; также издания Лондон, 1760, 2 тома; Лондон, 1770, 2 тома.
- Берни (Джеймс), Хронологическая история открытий в Южном море. Лондон, 1803-16. 4to. 4 тома.
- Бертон (Р.), Английский герой, или Воскрешение сэра Фрэнсиса Дрейка. Лондон, 1687; также издание Лондон, 1710.
- Бервелл (Уильям М.), Мемуары, объясняющие маршрут Трансунион и Теуантепек. Вашингтон, 1851.
- Бэри (виконт), Исход западных народов. Лондон, 1865. 2 тома.
- Бушманн (Иоганн Карл Эд.), «Об ацтекских географических названиях». Берлин, [1853]. 4to.
- Буссиер (Т. де), «Мексиканская империя». Париж, 1863.
- Бустаманте (Карлос Мария де), Заметки по истории правления генерала Санта-Анны. Мексика, 1845.
- Бустаманте (Карлос Мария де), Историческая картина мексиканской революции. Мексика, 1823-7. 5 томов; также Мексика, 1832-46. 6 томов.
- Бустаманте (Карлос Мария де), Дневник особых событий в Мексике, сентябрь 1841 г. – июнь 1843 г. Мексика, 1841-3. Рукопись. 4 тома.
- Бустаманте (Карлос Мария де), История императора Д. Агустина де Итурбиде (Продолжение Исторической картины). Мексика, 1846.
- Бустаманте (Карлос Мария де), Материалы для продолжения исторической картины. Мексика, 1833-9. Рукопись.
- Бустаманте (Карлос Мария де), «Меры по умиротворению Мексиканской Америки». Рукопись. 1820.
- Бустаманте (Карлос Мария де), Меморандум, или Заметки о главных событиях в Мексике. Мексика, 1844-7. Рукопись.
- Бустаманте (Карлос Мария де), Соппротивление испанского двора. Мехико, 1833.

Бустаманте (Карлос Мария де), Голос родины. Мексика, 1828-31. 3 тома.

Бустелли-Фосколо (граф), *La Fusion Républicaine du Honduras et du Salvador en un seul état*. Париж, 1871.

Батлер (Дж. Д.), Название Америки. Мэдисон, 1874.

Бьям (Джордж), «Странствия по некоторым западным республикам Америки». Лондон, 1850.

Бьям (Джордж), Дикая жизнь в глубине Центральной Америки. Лондон, 1849.

Кабаньяс (Т.), *El Presidente*, 2 марта 1852 г. [Комаягуа, 1852 г.]

Кабаньяс (Тринидад), «Солдат родины», 27 августа 1853 г. Санта-Роса, 1853 г. фолиант.

Кабаньяс и Ла-Пас, Прокламация демократов. 2 декабря 1851 г. Сан-Сальвадор, 1851.

Кабеса де Вака (Альвар Нуньес), *Relation*. Перевод с испанского Бакингом Смит. Нью-Йорк, 1871. 4то.

Кабильдо де Гватемала. *Informe al actual Prelado*. Гватемала, 1827.

Кабот, «Навигация Себастьяна Кабота». В Рамузио, «Путешествия», том II.

Кабрера Буэно (Хосе Гонсалес), «*Navegacion Especvlativa, y Practica*». Манила, 1734. Фолио.

Кабрера (Пауль Феликс), *Beschreibung einer alten Stadt in Guatimala*. Берлин, 1832.

Кадамосто (Альвизе), *La Prima Nauigatione, etc*. Виченца, 1507; также в Рамузио, *Viaggi*, том i.

Кадамосто (Альвизе), *La Seconda Navigatione*. В Рамузио, *Viaggi*, том i.

Кадена (Фелипе), Краткое описание благородного города Сантьяго. Гватемала, 1858.

Кадена (Фр. Карлос), *Descripcion de las reales exequias que á la tierna memoria de nuestro agosto y católica monarca el Sr. D. Cárlos III*. Гватемала, 1789. 4то.

Кайседо (Х. М. Торрес), *Union Latina*. Париж, 1865. 4то.

Кальдас (Себастьян Альварес Альфонсо Росика), *Carta sobre la conqvista de las Provincias del Lacandon*. Гватемала, 1667. фолио.

Calendario Manual y Guia de Forasteros. Мехико, 1811 и далее.

Калье (Хуан Диес де ла), Мемориал, и Новости Священные и Королевские Империи Западных Индий. n.pl., 1646.

Калье (Хуан Диес де ла), Сборник. n.pl., 1646.

Газеты Калифорнии. (Цитируются по названию и дате.)

Кальво (Чарльз), *Annales Historiques de la révolution de l'Amérique latine*. Париж и др., 1864-67. 5 тт.

Кальво (Чарльз), Полное собрание договоров. Париж, 1862-7. 16 тт.

Кальво (Хоакин Бернардо), Memoria presentada por el Ministro de Relaciones. Сан-Хосе, 1852, 1854.

Кэмп (Дэвид В.), Американский ежегодник. Хартфорд, 1869 и далее.

Кампаньо (Эстанислао), Oracion Funebre en los Funerales del General Jose Maria Cañas. Сан-Сальвадор, 1860.

Кэмпбелл, Краткая история испанской Америки. Лондон, 1741.

Кампе, История открытия и завоевания Америки. Мадрид, 1803. 3 тома; также Мехико, 1854. Мадрид, 1845.

Кампо (Рафаэль), Ответ на вторую реплику, напечатанную в Сан-Сальвадоре в Национальной типографии. Леон, 1873.

Кампо (Рафаэль), Ответ на первую реплику клеветникам из Сальвадора в Никарагуа. Сан-Сальвадор, 1871.

Канал или железная дорога между Атлантическим и Тихим океанами. Отчет от 20 февраля 1849 г. Вашингтон, 1849.

Канселада (Хуан Лопес), Ruina de la Nueva España. Кадис, 1811. 4to.

Канселада (Хуан Лопес), «Мексиканский телеграф». Кадис, 1814 и далее.

Канчеллиери (Франциско), Диссертации о Христофоре Колумбе. Рим, 1809.

Канчеллиери (Франциско), Исторические и библиографические сведения о Христофоре Колумбе. Рим, без даты.

Канде (де Муссион), Заметка о заливе Гондурас. Париж, 1850.

Капрон (Э. С.), История Калифорнии. Бостон, 1854.

Каразо (Мануэль Хосе), Informe del Ministro de Hacienda, 1852. Сан-Хосе, 1852. 4to.

Карбо (Педро), Вопрос между Англией и Соединенными Штатами. Париж, 1856.

Кардона, Мемориал об открытиях в Калифорнии. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., том ix.

Кармайкл (Джон), Письмо о разрушении Грейтауна. Ливерпуль, 1856.

Карранса (Доминго Гонсалес), Географическое описание ... Вест-Индии. Лондон, 1740.

Карраско, Carta, Nicaragua, sobre reformas. В Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., том. v.

Каррера (Рафаэль), A Los Jefes, 30 октября 1863 г. Сан-Сальвадор, 1863 г.

Каррера (Рафаэль), Манифест, 22 июня 1854 г. [Гватемала, 1854 г.]

Каррера (Рафаэль), Origen y Nacimiento. Гватемала, 1844. Рукопись.

Каррера и Моразан, Coleccion de Noticias de Centro America. Гватемала, 1846.

Каррери (Джемелли), «Путешествие» и др.

Каррери (Джемелли), Voyage de. В Berenger, Col. Voy., т. II.

Карридо (Хуан Б.), Исторические и статистические исследования. Оахака, 1850. 2 тома.

Carta de la Reina, в Navarrete, Col. de Viages, том III.

Cartas de Indias. Мадрид, 1877. фолиант.

Картье, Prima Relatione di Iacques Carthier. В Рамузио, Viaggi, том III.

Каруэтт (Ла Пере), Lettres Inédites sur la Nouvelle Granada. В Nouvelles Annales des Voyages, том cxlv.

Касаус-и-Торрес (Рамон), Relacion de las exequias que se hicieron en la Santa Iglesia Catedral. Гватемала, 1846.

Кэш (Т. М.), Панамская лихорадка. В Overland Monthly, т. i.

Касорла (Х. Р.), «Cultivo del Café». Панама, 1878.

Касс (Льюис), Речь в Сенате США, 28 января 1856 г. Вашингтон, 1856. ⁸⁰. 16 с.

Касс (Льюис), Речь о договоре Клейтона-Булвера, 11 января 1854 г. Вашингтон, 1854.

Кастаньеда, Informe. В Col. Doc. Inéd., т. xxvi.

Кастельянос (Хуан де), Elegías de Varones ilustres de Indias. Мадрид, 1857.

Кастельон (Франциско), A los Pueblos de Centro-America. 23 августа 1851 г. [Комаягуа, 1851 г.]

Кастельон (Франсиско), Al Publico, 8 декабря 1853 г. [Леон, 1853 г.]

Кастельон (Франсиско), Al Publico, 10 февраля 1854 г. Сан-Сальвадор, 1854 г.

Кастельон (Франциско), «Крутая клевета». Леон, 1851.

Кастельон (Франциско), Discurso Pronunciado, 11 июня 1854 г. n.pl., 1854.

Кастельон (Франциско), Документы, относящиеся к вопросу о комарах. Сан-Сальвадор, 1852.

Кастельон (Франциско), Документы, относящиеся к посольству Никарагуа и Гондураса. Гранада, 1851. фолио.

Кастильо, Carta sobre la pacificacion de Tierra Firme. 1 июля 1527 г. В Pacheco и Cárdenas, Col. Дос., т. xii.

Касл (Уильям), Краткое описание побережья и континента Америки. В Voyages, Col. (Черчилль), т. viii.

Кастро Диарио. В Doc. Hist. Mex., 1-я серия, тома iv., v., vi.

Кава, Свидетельство о состоянии обезлюдения Гондураса, 1536 г. В Пачеко и Карденас, Col. Дос., том XIV.

Каванильяс (Антонио), «История Испании». Мадрид, 1860-3. 5 томов.

Каво (Андрес), «Три века Мексики». Мехико, 1836-8. 3 тома.

Седуларио. Сборник, в основном рукописи. Фолио. 3 тома.

Селис, Камино де Гондурас а Гватемала, 1539. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., том XIV.

Центральная Америка, American Anxieties, без места и даты.

Центральная Америка, статья, без даты.

Центральная Америка, Британская агрессия в. n.pl., n.d.

Центральная Америка, британская колония. (32-й Конгресс, 2-я сессия, отчет Сената 407.)
Вашингтон, 1853.

Центральная Америка, Конвенция Клейтона и Булвера — переписка. Лондон, 1856.

Центральная Америка, побережья. [Candé, Notice sur le Golfe.] n.pl., n.d.

Центральная Америка, переписка Государственного департамента, сопровождающая послание президента США, декабрь 1855 г.

Центральная Америка, переписка с покойным г-ном Уоллерштайном. Лондон, 1856.
фолиант.

Центральная Америка, переписка с Соединенными Штатами по поводу. Лондон, 1856. фолио.

Центральная Америка, споры с Америкой, без даты.

Центральная Америка, Дальнейшая переписка с Соединенными Штатами. Лондон, 1856.
фолио.

Центральная Америка, Великобритания и Соединенные Штаты, без даты.

Центральная Америка, послания президента Соединенных Штатов. Январь 1853 г., декабрь
1853 г., май 1856 г.

Центральная Америка, Разные документы по политике, без указания места и даты. фолио.

Центральная Америка, Король Москито и королева Великобритании, без указания места и
даты.

Центральная Америка, Мистер Крэмpton и американский вопрос, без указания места и даты.

Центральная Америка, Брошюры. 9 томов.

Центральная Америка, Вопрос в журнале United Service Magazine, апрель 1856 г.

Центральная Америка, Недавние путешествия по Центральной Америке. В журнале
Blackwood's Magazine, 1858 г.

Центральная Америка, Отчет Комитета по международным отношениям. (32-й Конгресс, 2-я
сессия, Отчет Комитета 407.)

Центральная Америка, обзоры, без указания места и даты.

Центральная Америка, Разрушенные города. без даты, без места издания.

Центральная Америка, Тарифы для взимания пошлин. без даты, 1837 г.

Центральная Америка, Неисследованные регионы. Нью-Йорк, 1868.

Центральная Америка в Конгрессе. 1858. Сборник.

Дела Центральной Америки, 1856. Сборник.

Дела Центральной Америки, документы, относящиеся к. Вашингтон, 1856.

Конституции Центральной Америки.

Заметки о Центральной Америке. Альбом вырезок.

Центральноамериканский вопрос. Переписка по поводу арбитража. [Вашингтон, 1856 г.]

Центральноамериканская торговая и сельскохозяйственная компания. Краткое заявление. Лондон, 1839.

Центральная Америка, Уважаемые представители Конгресса. [Комаягуа], 6 ноября 1852 г. фолио.

Центральная Америка, A los Pueblos. [Разные даты, 1851-2 гг.]

Центральная Америка, Соображения по созданию генерального правительства. 13 сентября 1852 г. [Тегусигальпа, 1852 г.] фолио.

Центральная Америка, Временная конвенция штатов. Гватемала, 1839 г.

Центральная Америка, Correspondencia respecto á la Isla del Tigre. [Сан-Хосе, 1849 г.] фолио.

Центральная Америка, Escrito que Demuestra Conviene Establecer un Gobierno Nacional, 10 ноября 1845 г. Сан-Сальвадор, 1845 г.

Центральная Америка, Временный устав Республики, 13 октября 1852 г. Тегусигальпа, 1852 г.

Центральная Америка, Отрывки из различных книг коллекции Муньоса. MS. 1545-55. фолио.

Центральная Америка, Органический закон о федеральном казначействе Республики. Сан-Сальвадор, 1837 г.

Центральная Америка, Министерство финансов, 27 февраля 1837 г. Рукопись. Фолио.

Центральная Америка, Министерство иностранных дел, 22 августа 1836 г. Рукопись. Фолио.

Центральная Америка, Necesidad Urjente de la Reorganizacion. Париж, 1848.

Центральная Америка, Другие размышления о политической реформе. Филадельфия, 1833.

Центральная Америка, Para Conocimiento de los Estados Confederados, 26 января 1852 г. [Комаягуа, 1852 г.] фолио.

Центральная Америка, Para conocimiento de los pueblos, 20 февраля 1853 г. [Тегусигальпа, 1853 г.] фолио.

Центральная Америка, По распоряжению генерального правительства, 31 июля 1851 г. [Леон], 1851 г.

Центральная Америка, Предложение (Национальной ассамблее, октябрь 1852 г.). Тегусигальпа, 1852 г.

Центральная Америка, Предложение представителя Сальвадора дона Х. Баррундия. [Леон, 1851 г.]

Центральная Америка, Provisorio de la Republica, 20 ноября 1852 г. [Комаягуа, 1853 г.] фолио.

Центральная Америка, Pueblos Todos de Centro America, 2 марта 1853 г. Тегусигальпа, 1853 г. фолио.

Центральная Америка, Размышления, посвященные законодательным органам штатов. 1 января 1853 г. Сан-Висенте, 1853 г.

Центральная Америка, Representacion National, 8 октября 1851 г. Сан-Сальвадор, 1851 г.

Центральная Америка, Секретариат по связям, 21 января 1851 г. [Чинандега, 1851 г.] фолио.

Центральная Америка, Секретариат по международным отношениям, 31 марта 1851 г. [Леон, 1851 г.] фолио.

Центральная Америка, Ситуация в Центральной Америке. Статьи, опубликованные в Gaceta de Guatemala, № 83-90. Манагуа, 1863 г.

Центральная Америка, Американцам, 15 июня 1850 г. [Леон, 1850 г.] фолио.

Центральноамериканский, Американцам. Гондурас, 1853. фолио.

Centro Americano, A Periodical. Гватемала, 1825 и далее; также A Weekly. Гватемала, 1833 и далее.

Centro Americano. Los Leoneses, 15 августа 1851 г. Леон, 1851 г. фолио.

Centro Americana, Pacto de la Confederation. Комаягуа, 1842.

Centro Americano, Unos Nacionalistas, 5 сентября 1852 г. [Тегусигальпа, 1852 г.] фолио.

Cerezeda (Andrés de), Carta al Rey, Enero 20, 1529. MS. 1529. фолио.

Chambers' Edinburgh Journal. Лондон, 1834 и далее.

Чаморро (Фернандо), Документы, проясняющие смерть. Леон, 1863.

Чаморро (Фернандо), О вопросе национальности и клеветнических высказываниях господина Зеледона. 25 сентября 1862 г. Гранада, 1862 г.

Чаморро (Фруто), Послание верховного руководителя Никарагуа, 22 января 1854 г. Манагуа, 1854 г.

Чаморро (Педро Хоакин), Произнесенная речь. Манагуа, 1871.

Шампаньяк (Ж. Б. Ж.), Молодой путешественник в Калифорнии. Париж, без даты.

Шаранси (М. ле граф де), Проход через Панамский перешеек. Монтань, 1859.

Шарлевуа (Фр. Нав. де), Histoire de l'Isle-Espagnole. Париж, 1730.

Шарлевуа (Фр. Нав. де), История Новой Франции. Париж, 1744. 4to. 3 тома.

Шарпантье (Эжен), Projet D'Exposition Universelle a San-Salvador. Париж, 1867.

Шатобриан (де), Конгресс в Вероне. Париж, 1838. 2 тома.

Чавес (Габриэль де), *Relacion de la provincia de Meztitlan*. Рукопись. 1579. фолио.

Шевалье (Эмиль), *Des Travaux Entrepris à L'Isthme de Panama*. В Soc. Géog., Bulletin, серия IV, том IV.

Шевалье (Мишель), *L'Isthme de Panamá*. Париж, 1844.

Чьяпас, *Documentos Originales para la historia de Chiapas*. MS.

Чьяпас, *Segundo Trimestre de los hechos Notables de la Asamblea Departamental de Chiapas*. Гватемала, 1845.

Чика, Возвращение чамельков. В Чиapas, Оригинальные документы.

Чималпайн, История завоевания. См. [Гомара \(Франциско Лопес де\)](#), История Мексики.

Китай и Япония, Набросок нового маршрута. Сан-Франциско. 1867.

Чирики, Копиадор де офисиос дель Губерно кон ла Легислатура провинциаль. Рукопись. 1854.

Чирики, *Libro de actas de la cámara provincial ... en sus sesiones extraordinarias*. Рукопись. 1851.

Чирики, Постановления палаты. Рукопись. 1849 и далее. Фолио.

Chiriquí Real Estate Company, Устав и другие документы. Рукопись. 1854-6.

Чирики, Положение, принятое провинциальной палатой ... для внутреннего регулирования. MS. 1849.

Компания по улучшению Чирики. Свод привилегий и титулов, n.pl., n.d. фолио.

Компания по улучшению Чирики, сборник.

Компания по улучшению Чирики, владения, без даты, без номера.

Компания по улучшению Чирики, отчеты. Нью-Йорк, 1856.

Провинция Чирики, без даты, без места издания

Chronica compendiosissima. Антверпен, 1534.

Вокруг света, исторический очерк. Эдинбург, 1837.

Кладера (Кристобаль), Исторические исследования. Мадрид, 1794.

Кларк (Сэм), Жизнь и смерть сэра Фрэнсиса Дрейка. Лондон, 1671.

Клавигеро (Франческо Саверио), *Storia Antica del Messico*. Чезена, 1780. 4to. 4 тома.

Клавигеро (Франческо Саверио), История Калифорнии. Венеция, 1789. 2 тома.

Клэй (Дж. Б.), Речь в Палате представителей США, 7 февраля 1859 г. Вашингтон, 1859.

Клейтон (Джон М.), Речь в Сенате США, 19 апреля 1850 г. Вашингтон, 1853.

Клемент (Клаудио), Таблас Хронологикас. Валенсия, 1689.

Кливленд (Дэниел), «Через Никарагуанский транзит». [Сан-Франциско, 1868 г.] Рукопись.

Клокет (Мартиаль), *Rapport sur Santo-Thomas de Guatemala*. Брюссель, 1844.

Реестр Коббетта. Лондон, 1802-34. 67 томов.

Кокберн (Джон), Путешествие по суше от залива Гондурас до Великого Южного моря. Лондон, 1735.

Кодман (Джон), «Круговое путешествие». Нью-Йорк, 1879.

Коффин (Чарльз Карлтон), История свободы. Нью-Йорк, 1879.

Коффин (Чарльз Э. Б.), Письмо в компанию Chiriquí Improvement Company. Нью-Йорк, 1859.

Коффин (Джеймс Генри), «Ветры земного шара». Вашингтон, 1876. 4to.

Коггесхал (Джордж), «Вторая серия путешествий, 1802-41». Нью-Йорк, 1852.

Когольудо (Диего Лопес), История Юкатана. Мадрид, 1688. фолио.

Кохутепеке, Муниципалитет и окрестности верного города. Сан-Сальвадор, 1863.

Сборник неопубликованных документов по истории Испании. Мадрид, 1842-73. 59 томов.

Кольменарес (Родриго де), Мемориал, представленный королю о заселении Ураба. В Наваррете, *Col. de Viages*, том III.

Кольомбель, Отчет о Гольфо-Дульсе. n.pl., n.d.

Колумбия, Конституция Республики. В Ancillon, *Mélanges*.

Колумбия, Официальный вестник. Богота, 1872 и далее.

Колумбия, Акт об учреждении Учредительного конгресса Колумбии 1830 года. Картахена, 1830.

Колумбия, Конституция Соединенных Штатов Колумбии, утвержденная 8 мая 1863 года. Панама, 1875.

Колумбия, Депутация Кауки в Конгрессе 1876 года. Богота, 1876.

Колумбия, Законы и декреты Конституционного Конгресса Новой Гранады. n.p., n.d.

Колумбия, Законы и декреты, изданные Конституционным конгрессом 1839 года. Богота, 1839.

Колумбия, *Memorias*. [Различные департаменты и даты.]

Колумбия, *Nos los representantes de las provincias del centro de*. Богота, 1831. фолио.

Колумбия, Документы, относящиеся к нападению и сдаче площади Манисалес. Медельин, 1877.

Коломбо (Фернандо), История жизни и деяний адмирала Д. Христофора Коломбо, его отца. Венеция, 1709.

Колон (Фернандо), История адмирала Д. Кристофора Колона, его отца. В Барсия, Historiadores Prim., том i. [Перевод в Pinkerton's Col. Voy., том xii.; и в Kerr's Col. Voy., том iii.]

Колон (Диего), Мемориал королю 1520. Лондон, 1854.

Колон и Ларриатеги (Феликс), «Военные суды Испании и ее колоний». Мадрид, 1788-97. 5 томов.

Colonial Magazine. Лондон, 1840-41. 6 тт.

Colton's Journal of Geography. Нью-Йорк, 1867.

Колумб (Христофор), Cartas. В Наваррете, Col. de Viages, т. i.

Колумб (Христофор), Copia de la Lettera. Венеция, 1505.

Колумб (Христофор), Cuarto y Ultimo Viage. В Navarrete, Col. de Viages, том i.

Колумб (Христофор), Die vierdte Reise so vollenbracht hat. В Löw, Meer oder Seehanen Buch, стр. 6. Кельн, 1598.

Колумб (Христофор), Epistola Christofori Colom: cui etas nostra multū debet: de Insulis Indie supra Gangem nuper inuentis. М.cccc.xciii.

Колумб (Христофор), «Навигация». В Гринаус, «Новый мир».

Колумб (Христофор), Primero Viage. В Navarrete, Col. de Viages, том i.

Колумб (Христофор), Segundo Viage de. В Navarrete, Col. de Viages, том i.

Колумб (Христофор), Tercer Viage. В Navarrete, Col. de Viages, том i.

Comercio, Libre Reglamento. В Reales Ordenes, том III.

Concilios Provinciales Mexicanos.^{1o, 2o, 3o, y 4o}; 1555, 1565, 1585, 1771. Оригинальные рукописные записи. Фолио. 5 томов; также издания: Мексика, 1769; Париж, 1725; Мексика, 1622, 1762, 1770.

Кондер (Джозайя), Мексика и Гватемала. Лондон, 1831. 2 тома.

Confederacion Centro-Americana, Alocucion, Proyecto de Reformas y Esposicion dirijida al Consejo, etc. Гватемала, 1845. фолио.

Confesion (La), Firmado el Penitente, 19 июля 1853 г. Сан-Сальвадор, 1853 г. фолиант.

Дебаты Конгресса. (18-й по 25-й Конгресс.) Вашингтон, 1824. 14 томов.

Congressional Globe. Вашингтон, 1836 и далее. 4to.

Consejo de Regencia de España e Indias a la America Española. Кадис, 1811; также Мехико, 1810. фолио.

Политическая конституция Испанской монархии. Кадис, 1812.

Строительство монархии Испании, обнародованное в Кадисе, 19 марта 1812 г. Мехико, 1820.

Ответ на манифест, подписанный господами магистратами. Леон, 1870.

Конти (Э. Винченцо де), Исторические сведения о городе К. ди Монферрато. Казали, 1838-42.

Конти (Николо ди), «Речь о путешествии». В Рамузио, «Путешествия», т. i.

Контрерас, Информация против Ласасаса, 30 июня 1536 г. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. vii.

Соглашение, заключенное между королями Испании и Англии, 1786. Комаягуа, 1846.

Кук, Замечания о переходе от реки Балисе до Мерида. Лондон, 1769.

Кук (Джордж Александр), Современная и достоверная система всеобщей географии. Лондон, без даты. 4то. 2 тома.

Кули (У. Десборо), История морских и внутренних открытий. Лондон, 1830. 3 тома.

Копия писем префекта Индии, без указания места издания, 1534.

Кордова (Франциск Эрнандес де), Scheeps-Togt. В Аа, т. vii.

Кордова (Ф. М.), Утилидадес. Новая Гватемала, 1798.

Кореаль (Франсуа), Путешествия в Западную Индию. Париж, 1722. 2 тома.

Кореаль (Франсуа), Voyages de F. Coreal aux Indies Occidentales. Париж, 1722. 2 тома; также Амстердам, 1722. 2 тома.

Коронадо, Пробенса, 18 августа 1564 г. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., том XIV.

Корради, Descubrimiento de la America. См. [Кампе](#).

Correo-Maritimo Reglamento. В Reales Ordenes, том iii.

Correo Mercantil de España y sus Indias. Мадрид, 1792 и далее.

Кортес (Эрнан), Aventuras y Conquistas de Hernan Cortés en México. Барселона, 1846.

Кортес (Эрнан), Brieven. Амстердам, 1780-1.

Кортес (Эрнан), Carta de Relaciō. Севилья, 1522.

Кортес (Эрнан), Третье письмо о событиях. Севилья, 1523.

Кортес (Эрнан), Cartas y Relaciones de Hernan Cortés al Emperador Carlos V. Париж, 1866.

Кортес (Эрнан), Correspondance. [Под редакцией Флавиньи.] Париж, 1778.

Кортес (Эрнан), Депеши Эрнандо Кортеса. Нью-Йорк, 1843.

Кортес (Эрнан), Escritos Sueltos. Мехико, 1871.

Кортес (Эрнан), Historia de Nueva España. [Под редакцией Лоренсаны.] Мехико, 1770.

Кортес (Эрнан), Instruccion dada al Licenciado, 1532. В Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., tom. xiii.

Кортес (Эрнан), La quarta Relacion. Толедо, 1525. [Датировано 15 октября 1524 г.]

Кортес (Эрнан), Письма и отчеты Кортеса и других офицеров императору и совету. В Doc. Inéd., т. i.; т. iv.; Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. xii., xiii., xiv.; Иказбальсета, Col. Doc., т. i.;

Барсия, Hist. Prim., том i.; Рамузио, Viaggi, том iii.; Рибаденейра, Biblioteca, том xxii.; Наваррете, Col. de Viages; Кингсборо, Mex. Antiq.; Аламан, Disertaciones.

Кортес (Эрнан), Пятое письмо Карлу V. Лондон, 1868.

Кортес, Мученик, и др., De Insvlis nvper inventis Ferdinandi Cortesii ad Carolum V. Narrationes cum alio quodam Petri Martyris. n.pl., 1532.

Кортес де Эспанья, Actas de las Cortés Ordinarias. Кадис, [1813.] 2 тома.

Кортес де Эспанья, Актас Публикас де ла Примера Легислатура. Мадрид, 1820-1. 2 тома.

Кортесы Испании, Сборник декретов и постановлений. Мехико, 1829.

Кортесы Испании, Diario de las Actas y Discusiones de las Córtes. Мадрид, 1820 и далее.

Кортес Испании, Дневник обсуждений и протоколов. Кадис, 1811-13. 24 тома.

Коста-Рика, Acontecimientos. В Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., т. xvii.

Коста-Рика, Al Público (подписано «Unos Costaricenses»), 24 июля 1850 г. [Сан-Хосе, 1850 г.] фолио.

Коста-Рика, Boletin Oficial. Сан-Хосе, 1853 и далее.

Коста-Рика, Границы, без даты.

Коста-Рика, (Cabildo de), Relacion de los Sucesos de Juan Vasquez de Coronado, 12 декабря 1562 г. Коста-Рика, 1562 г. фолио.

Коста-Рика, Censo de. 1864. [Сан-Хосе, 1865.] 4то.

Коста-Рика, Колонизация для развития ее богатых рудников. Лондон, без даты.

Компания Коста-Рики, для Атлантики и Тихого океана, по автомобильным и железным дорогам, без указания места и даты, фолио.

Коста-Рика, Конституция. 1847. без указания места издания. 1848.

Коста-Рика, Копии документов, касающихся Атлантической и Тихоокеанской железной дороги Коста-Рики. Лондон, 1870.

Коста-Рика, Хроника Коста-Рики. Сан-Хосе, 1857 и далее.

Коста-Рика, El Presidente (Хуан Рафаэль Мора), 8 июня 1850 г. [Сан-Хосе, 1850 г.]

Коста-Рика, Предприятия и т. д. n.pl., n.d.

Коста-Рика, Exposicion de los Motivos del Cambio, 14 августа 1859 г. Сан-Хосе, 1860 г.

Коста-Рика, Gaceta del Gobierno del. Сан-Хосе, 1850 и далее.

Коста-Рика, Memorias Informes и т. д., del Ministro de Relaciones, Hacienda и т. д. [Отчеты различных ведомств, упомянутые по датам.]

Коста-Рика, Новый маршрут в Калифорнию. [Лондон, 1851 г.]

Коста-Рика, Pétition au Peuple des États-Unis par les Citoyens français de Barruel Frères & Cie. Порт-Лимон, 1879.

Железная дорога Коста-Рики, без даты, фолио.

Коста-Рика, Real Instruccion. В Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., том xvii.

Коста-Рика, Reglamento Dando Nueva Organizacion á la Administracion. [Сан-Хосе, 1866 г.] Costaricense (El). Сан-Хосе, 1849 и далее.

Côte des Mosquitos (La). n.pl., n.d.

Коули, Voyage. В Berenger, Col. Voyages, том ii.

Крисси (Джеймс), План по созданию превосходящих военно-морских сил в Южном море, захвату или уничтожению города Панама и т. д. Смитфилд, 1790. Рукопись.

Крелле (А. Л.), Некоторые технические сведения о проектах соединения Средиземного моря с Красным морем и т. д. Берлин, 1846. 4то.

Криадо де Кастилья (Алонсо), Письмо королю с сообщением о победе. Гватемала, 1606. Рукопись. Фолио.

Криадо де Кастилья (Алонсо), Carta al Rey sobre Derrota de Corsarios. Гватемала, 1606. Рукопись. Фолио.

Criado de Castilla (Алонсо), Письмо королю об открытии порта Санто-Томас-де-Кастилья. Гватемала, 1605. Рукопись. Фолио.

Криадо де Кастилья (Алонсо), Письмо королю о потере корабля «Альмиранта». Гватемала, 1605 г. Рукопись. Фолиант.

Криадо де Кастилья (Алонсо), Открытие порта Аматике. Гватемала, 1604. Рукопись. Фолио.

Криадо де Кастилья (Алонсо), «Отношение к кораблю англичан». Гватемала, 1606 г. Рукопись. Фолиант.

Криадо де Кастилья (Алонсо), Первое сообщение о победе над корсарами. Гватемала, 1606 г. Рукопись. Фолиант.

Криадо де Кастилья (Алонсо), Второй отчет о второй победе. Гватемала, 1606. Рукопись. Фолиант.

Критерио (Эль), Проспект Сан-Сальвадор 1 августа 1853 года. Сан-Сальвадор, 1853.

Кросби (Э. О.), События в Калифорнии, 1878. Рукопись.

Кроу (Фредерик), Евангелие в Центральной Америке. Лондон, 1850.

Куэлебрук (Блондеел ван), Colonie de Santo Tomas. Брюссель, 1846.

Куэльяр (Х. М. де) и П. М. де Фигероа, Мануэль де Минеро. Гранада, 1860.

Куэвас (Луис Г.), Будущее Мексики или Суждение о ее политическом состоянии в 1821 и 1851 годах. Мексика, 1851. 3 тома.

Каллен (Эдвард), Канал Дарьен. Лондон, 1868.

Каллен (Эдвард), Судоходный канал через перешеек Дарьен. Лондон, 1853.

Куратос, Причины и неудобства, которые испытывают монахи нищенствующих орденов Санто-Доминго и т. д. из провинций Новой Испании, Мексики, Гватемалы и т. д. Рукопись. Фолиант.

Д..., Очерк о флоте и торговле. Амстердам, 1743.

Далтон (Уильям), «Истории завоеваний Мексики и Перу». Лондон, без даты.

Дэли, Ежегодная речь, 13 января 1873 г. В American Geog. Soc., 1873.

Дампьер (Уильям), Новое путешествие вокруг света. Лондон, 1699-1709. 3 тома.

Дарьен, Соображения по вопросу о сообщениях между Атлантическим и Тихим океанами. Джорджтаун, 1836.

Дариен, «Защита шотландской колонии в Дариене». Эдинбург, 1699.

Дариен, «Исследование причин неудачи шотландской колонии в Дариене». Глазго, 1700.

Дариен, «Эстаблесиментсос». В Наваррете, «Кол. де Виages», т. III.

Дарьен, Соединение Атлантического и Тихого океанов. Лондон, 1853.

Дариен, Справедливое и скромное оправдание планов шотландцев. n.pl., 1699.

Дариен, Письма, относящиеся к. n.pl., n.d.

Дарьен, Оригинальные документы и письма, относящиеся к шотландской колонии. [Эдинбург], 1700.

Дариен, Смирненное обращение ... к Его Величеству, 12 февраля 1699 г. Лондон, 1699.

Дати, Questa e la Hystoria, etc. Флоренция, 1493.

Datos Biográficos. В Cartas de Indias.

Дау (Хосе Мария), Инструкция по выращиванию табака. Комаягуа, 1847.

Д'Авезак (Мартин). См. [Авезак](#).

David, El Chiriquí. David, 1881 и далее.

Давила (Агустин), Продолжение хроники ордена проповедников. Рукопись. 1642. фолиант.

Давила (Хиль Гонсалес), Письмо королю, 12 июля 1520 г. В рукописях Скъера, i.

Давила (Хиль Гонсалес), Relacion del viage que hizo Gil Gonzalez Dávila, 1522. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., xiv.

Давила (Гиль Гонсалес), «Театр Церкви первоначальной церкви Западных Индий». Мадрид, 1649-55. 2 тома. фолиант.

- Давила (Гиль Гонсалес), Свидетельство об информации, октябрь 1524 г. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., том xii.
- Давила (Педрариас), Глава о средствах облегчения коммуникации. В Наваррете, Col. de Viages, том iii.
- Давила (Педрариас), Instruccion para su Viage, 2 августа 1513 г. В Наваррете, Col. de Viages, т. iii.
- Давила (Педрариас), «Письма о завоевании». n.pl., n.d.
- Давила (Педрариас), Real Cedula, 18 июня 1519 г. В рукописях Скьера, т. i.
- Давила (Педрариас), Relacion de los sucesos, en las Provincias de Tierra Firme y Castilla del Oro. В Наваррете, Col. de Viages, т. iii.
- Давила (Педрариас), Reys-Togten, 1514. том vii.
- Давила (Педрариас), Свидетельство о владении, которое взял губернатор Педрариас Давила. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., том II.
- Давила (Педрариас), Титул, выданный королем-католиком Педрариасу. В Наваррете, Col. de Viages, том III.
- Давила (Васкес), Письмо с обвинениями в злоупотреблениях в правительстве Индий, 10 февраля 1539 г. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. iii.
- Дэвис (Чарльз Х.), Отчет о межокеанских каналах и железных дорогах. Вашингтон, 1867.
- Давити (Пьер), Description Generale de L'Amérique. Париж, 1637. фолиант.
- Давити (Пьер), Le Monde ou la Description Generale de ses Quatre Parties. Париж, 1637. фолиант. 5 томов.
- Де Боу (Дж. Д. Б.), Энциклопедия торговли и коммерции Соединенных Штатов. Лондон, 1854. 2 тома.
- Де Боу (Дж. Д. Б.), Промышленные ресурсы южных и западных штатов. Новый Орлеан, 1852. 3 тома.
- Обзор южных и западных штатов Де Боу. Новый Орлеан, 1852.
- Де Бросс, История мореплавания. Париж, 1756.
- Декады открытий, Западные Индии, с 1492 по 1640 год. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., том viii.
- Де Коста (Б. Ф.), «Доколумбовое открытие Америки». Олбани, 1868.
- Defensor del Orden. Гранада, 1854 и далее.
- Defensor del Pueblo. Гранада, 1851 и далее.
- Де Гонневиль, Мемуары. Париж, 1663.
- Делапорт, Французский путешественник, или познание Старого и Нового Света. Париж, 1767-72. 42 тома.

Делапорт. Путешествие француза, или Описание. Лейпциг, 1772. 2 тома.

Dello Scoprimiento dell' Isola Frislanda. См. [Zeno](#), Dello Scoprimiento, и далее.

Десмаре, «Хронологические мемуары» и др. Диепп, 1785.

Демократический обзор. Вашингтон и др., 1832 и далее.

Депонс (Ф.), Voyage à la partie Orientale de la Terre-Ferme, и т. д., 1801-4. Париж, 1806. 3 тома.

Derrotero de las islas Antillas de las Costas de Tierra firme y del seno Mexicano. Мадрид, 1810.

Derrotero para la Navegacion de los Puertos de España à los de América. Рукописный атлас в фолио.

Deutsche Ansiedelung in Mittel-Amerika. Берлин, 1850.

Диас (Б.), См. [Granada Exposicion á S. M.](#), и т. д.

Диас (Хуан), Itinerario 1518. В Icazbalceta, Col. de Doc., т. i.; Ternaux-Compans, Voy., série i., т. x.

Диас дель Кастильо (Бернал), Carta al Emperador. В Cartas de Indias.

Диас дель Кастильо (Бернал), История завоевания Новой Испании. Мадрид, 1632. 4то.

Энциклопедический словарь испанского языка. Мадрид, 1866. фолио. 2 тома.

Универсальный словарь истории и географии. Мехико, 1853. 4то. 10 т.; также издание Мадрид, 1846-50. 4то. 8 т.

Диес де ла Калле (Хуан). См. [Калле](#).

Diezmos de Indias. Сборник.

Diezmos, Мемориал. В Diezmos de Indias.

Диллон (А.), Beautés de l'Histoire du Mexique. Париж, 1822.

Disertacion Jurídica Académica Forense y Aulica. Гватемала, 1702.

Disposiciones Varias. Сборник документов, рукописей и печатных изданий. 6 томов.

Дистурнелл (Дж.), Влияние климата в Северной и Южной Америке. Нью-Йорк, 1867.

Documentos para la Historia de Mexico. Мехико, 1853-7. 20 томов. 4 серии. Серия iii., в фолио, в четырех частях.

Документы, проясняющие обстоятельства казни бывшего генерала дона Фернандо Чомарро и др. Леон, 1863.

Дулиттл (Джеймс Р.), Речь в Сенате США, 21 января 1858 г. n.pl., n.d.

Д'Орбиньи (Альсид), Путешествие по двум Америкам. Париж, 1859.

Д'Орбиньи (Альсид), Живописное путешествие по двум Америкам. Париж, 1836.

Дрейк (Эдвард Кавендиш), Новое всеобщее собрание путешествий и странствий. Лондон, 1771. фолио.

Дрейк (Фрэнсис), Его путешествие. 1595. Лондон, 1849. (Изд. Nakl. Soc.)

Дрейк (Фрэнсис), Жизнь прославленного. Лондон, 1828.

Дрейк (Фрэнсис), Жизнь и опасные путешествия. Лондон, без даты. 14-е изд.

Дрейк (Фрэнсис), «Окружность мира». Из записок мастера Фрэнсиса Флетчера. Лондон, 1854.
(Изд. Nakl. Soc.)

Дрейк, Кавендиш и Дампир. Жизнь и путешествия. Нью-Йорк, 1832.

Дрейпер (Джон Уильям), История интеллектуального развития Европы. Нью-Йорк, 1872.

Дуарте (Алонсо), «Relacion de lo que yo Vecino de esta Ciudad de Santiago de Guatemala». Рукопись. Фолиант.

Дуэнде (Эль), де лас Паскас аль С. С. Гондурас, 24 декабря 1755 г. Рукопись. 4то.

Дюфе (П. Дж. С.), Краткая история революций в Южной Америке. Париж, 1826. 2 тома.

Данлоп (Роберт Глазго), Путешествия по Центральной Америке. Лондон, 1847.

Данн (Генри), Гватемала, или Объединенные провинции Центральной Америки. Нью-Йорк, 1828.

Дю Перье, Общая история всех путешествий и странствий. Лондон, 1708.

Дюпюи (Огюст Мионне де), Два года пребывания в штате Никарагуа. 1850-2. Париж, 1853.

Дуран (Фрай Диего), История Индий Новой Испании. Мексика, 1585. Рукопись. Фолиант. 3 тома; также издание Мексика, 1867.

Эрдли-Уилмот. Наш дневник в Тихом океане. Лондон, 1873.

Восточное побережье Центральной Америки, Коммерческая и сельскохозяйственная компания, Краткое изложение. Лондон, 1839.

Эко Испано-Американский (Эль). Париж, 1854 и далее.

Eco Popular (El). [Гранада, 1854] и далее.

Edinburgh Review. Эдинбург, 1802 и далее.

Элементы гражданской географии. Мехико, 1845.

Элорса-и-Рада (Франсиско де), Nobiliario de el Valle de la Valdorba. Памплона, 1714.

Эмиградо Обсервадор (Эль). Лондон, 1828 и далее.

Эмполи (Джованни ди), Viaggio fatto nell'India. В Рамузио, Viaggi, т. i.

Энсисо (Мартин Фернандес), Мемориал, представленный бакалавром Энсисо в защиту королевских прав. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. i.

Энсисо (Мартин Фернандес), «Сумма географии». Севилья, 1530. фолио.

Энс (Гаспар). См. [West- und Ost-Indischer Lustgart.](#)

Эрасо, Циркуляр. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., том xi.

Эскамиллья (Хосе Мария), Sucesion Chronologica. MS. 1777. фолио.

Эспиноса, Chronica Apostolica. n.pl., 1746. 2 тома.

Эспиноса (Гаспар де), Relacion, 1516. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., ii.

Эспиноса (Исидро Фелис де), «Северный паломник Атлантиды». Мексика, 1737 г.

Эспиноса (Исидро Фелис де), Новые предприятия американского путешественника. Мексика, 1747.

Espiritu Publico. Мексика, 1828 и далее.

Эскемлин (Александр Оливье), «De Americænsche Zee-Roovers». Амстердам, 1678.

Эскемлин (Александр Оливье), Histoire des Aventuriers Flibustiers. Антреву, 1775. 4 тома.

Эскемлин (Джон), «Историка пиратов и флибустьеров Америки». Амстердам, 1700.

Эскемлин (Джон), History of the Bucaniers of America: Бостон, 1857. Лондон, 1704. 3 тома.

Эстанселин (Л.), Recherches sur les Voyages. Париж, 1832.

Эстрада (Т. Мария), Защита законодательной власти государства Никарагуа. Гранада, 1851.

Эстрада Раваго (Хуан де), Описание провинций Коста-Рика, Гватемала, Гондурас. MS. 1572. фолио.

Эверетт (Эдвард), Речь в Сенате США, 21 марта 1853 г.

Эсквебель, Aankomst. В Gottfried, Reysen, т. i.

Фабенс (Джозеф В.), История жизни на перешейке. Нью-Йорк, 1853.

Фабрика и печать напесов Новой Испании. Мехико, 1760.

Фэрбэрн (Генри), Проекты морских железных дорог. В U. S. Jour. 1832. ч. ii.

Фахардо (Доминго), Informe del Ministro de Relaciones. Кампече, 1828.

Фанкорт (Чарльз Сент-Джон), «История Юкатана». Лондон, 1854.

Судьба республик. Бостон, 1880.

Федикс, Орегон и побережье северной части Тихого океана. Париж, 1846.

Фернандес (Алонсо), Церковная история нашего времени. Толедо, 1611.

Фернандо VII. Декреты короля. Мексика, 1836.

Феррер де Куто (Хосе), Вопросы Мексики, Венесуэлы и Америки в целом. Мадрид, 1861. 499 с.; Мадрид, 1861, 660 с.

Фейе (Луи), Журнал физических наблюдений. Париж, 1825. 4то.

Фигередо и Виктория (Франциск Иосиф), Пастырское письмо с призывом. 1 ноября 1755 г. Гватемала, [1756 г.].

Фигероа (Франсиско Антонио де ла Роса), Защита истины. Рукопись. Фолио.

Фигерола, Relacion de los servicios, 29 июля 1541 г. В Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., т. iii.

Филисола (Висенте), Гражданин генерал-майор Висенте Филисола Хосе Франсиско Баррундия. Пуэбла, 1824.

Филисола (Висенте), *Memorias para la Historia de la Guerra de Tejas*. Мехико, 1849. 2 тома; также Мехико, 1848. 2 тома.

Финдлей (Алекс. Г.), Справочник по навигации в Тихом океане. Лондон, 1851. 2 тома.

Фишер и Колби. Американский статистический ежегодник. Нью-Йорк, 1854.

Фитц-Рой, «Об межokeанском сообщении». Сборник.

Фитц-Рой (Роберт), «Соображения о Великом перешейке Центральной Америки». Лондон, 1850; также в *Lond. Geog. Soc., Jour.*, т. xv.

Фитц-Рой (Роберт), Отчет о межokeанской железной дороге Гондураса. Лондон, 1856.

Флаша (Жюль), Заметки о реке Дариен и др. Париж, 1866.

Флери (Ламе), История открытия Америки. Париж, 1850.

Флинт (Тимоти), История и география долины Миссисипи. Цинциннати, 1832. 2 тома.

Флоренсия (Франциско де), «Зодиак Марии». Мехико, 1755.

Флорес, Ответ газете правительства Сальвадора. [Сан-Сальвадор, 1850 г.]

Флорес и Рибера (Хосе Антонио), Похоронные речи 29 и 30 октября 1756 года. Мехико, 1757.

Флорида, Коллекция различных документов.

Флорида, Открытие и завоевание. Лондон, 1851. (Hakl. Soc. ed.)

Фонсека (Фабиан) и Уррутия (Карлос), Общая история королевской казны. Мехико, 1845, 1849-53. 6 томов.

Фут, Отчет о торговле Республики Сальвадор. Лондон, 1856.

Фут (миссис), Воспоминания о Центральной Америке. Лондон, 1869.

Форбс (Алекс.), Калифорния: Лондон, 1839.

Foreign Quarterly Review. Лондон, 1827 и далее.

Форма правления, письмо, написанное американцу. Сан-Себастьян, 1821.

Франция и Америка. Брюссель, [1846].

Франция и Америка. О средствах сохранения американского равновесия и т. д. без даты, без места издания.

Фрэнсис, *De Orbis Sitv ac Descriptione*. Антверпен, 1524.

Фрэнсис из Болоньи, Письмо министру провинции Болонья. Венеция, 1534.

Франк (Себастьян), *Weltbuch-Spiegel*. Тюбинген, 1534.

Franklin Institute Journal. Филадельфия, 1854 и далее.

Фрэншем (Джон), *The World in Miniature*. Лондон, 1741. 2 тома.

Фрициус (Валентинус), *Indianischer Religionstand*. Ингольштадт, 1588.

Фридрихшталь (Эмануэль), Заметки об озере Никарагуа и провинции Чонталес в Гватемале, без места и даты.

Фриш (П.), *Государства Мексики, Центральной и Южной Америки*. Любек, 1853.

Фребель (Юлиус), *Aus Amerika*. Лейпциг, без даты. 2 тома.

Фребель (Юлиус), *Семь лет путешествий по Центральной Америке*. Лондон, 1859.

Фрост (Томас), «Полчаса с первыми исследователями». Лондон и др., 1876.

Фуэнтес и Гусман, «Завоевание Гватемалы». В *Gavarrete*, Копии документов.

Фуэнтес и Гусман (Франсиско Антонио де), *История Гватемалы, или Воспоминания о Флориде*. Мадрид, 1882.

Фаннелл (Уильям), «Путешествие вокруг света». Лондон, 1707.

Gaceta de Gobierno de Mexico, 1728-1805, 1810-21, 1823 и далее.

Имперская газета Мексики. Мексика, 1821-23.

Гейдж (Томас), *Новое исследование Вест-Индии*. Лондон, 1677.

Гейдж (Томас), *Новое путешествие*. Париж, 1676. 4 тома.

Гейдж (Томас), «Путешествия по Новой Испании». Амстердам, 1720. 2 тома.

Галлардо (Мануэль), «Биографические заметки». Сан-Сальвадор, 1872.

Галлего и Кадена, *Описание провинции Вера-Пас*. MS. 1574. фолиант.

Гальвано (Антонио), *Открытия мира*. Лондон, 1601; также 1862.

Гальвано (Антонио), «Путешествия». В «*Col. Voyages*» Керра, т. II.

Гама (Васко ди), «Навигация». В Рамузио, «Путешествия», т. i.

Гамбарэ, *De Navigatione Christophori Columbi*. Рим, 1585.

Джеральдини (Александр), *Itinerarium ad Regiones sub Equinoct*. Рим, 1631.

Гарсия (Мануэль), *Reflexiones*. Гватемала, 1826.

Гарсия де ла Консепсьон (Джозеф), *Historia Bethlehemitica*. Севилья, 1723. фолиант.

Гарсия и Кубас (Антонио), *Географический обзор округа Соконуско*. Мексика, 1857. атлас 4то.

Гарсиласо де ла Вега (Инка), *Первая часть Королевских комментариев*. Мадрид, 1723. фолиант.

Гарсиласо де ла Вега (Инка), *Флорида Инки*. Мадрид, 1723. фолиант.

- Гарелла (Наполеон), Проект канала, соединяющего Тихий океан и Атлантический океан. Париж, 1855.
- Гаска, Письмо Совету Индий. В Col. Doc. Inéd., т. i.
- Гастелу, Королевский титул губернатора Коста-Рики в пользу Коронадо, 8 апреля 1565 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. xi.
- Гастисабаль (Мартин Гарсия де), От Мастера. [Гватемала, 1641 г.] 4то.
- Гаваррете (Хуан де), Копия некоторых интересных фрагментов из «Recordacion Florida». MS. folio.
- Gemelli Carreri. См. [Carreri](#).
- Гентер (Самуэль), Отчет о дороге Чирики. Нью-Йорк, 1859.
- Гиллани (Фридрих Вильгельм), Geschichte des Seefahrers Ritter Martin Behaim. Нюрнберг, 1853.
- Гиль (Иларион Ромеро), Мемуары об открытиях, сделанных испанцами в XVI веке в Новой Галисии, 22 декабря 1861 г. В Soc. Mex. Geog., Boletin, т. viii.
- Гирава (Иероним), Космография и география. Венеция, 1570.
- Гисборн (Лайнел), Перешеек Дарьен в 1852 году. Лондон, 1853.
- Джустиниани Псалтирь. Генуя, 1516.
- Гольдшмидт (Альберт), Картография тихоокеанского побережья. Рукопись. Фолио. 3 тома. Сан-Франциско, 1873.
- Гомара (Франсиско Лопес), Хроника Новой Испании с завоеванием Мексики и другими примечательными событиями. Сарагоса, [1554].
- Гомара (Франсиско Лопес), История завоеваний Эрнандо Кортеса. (Издание Chimalpain.) Мехико, 1826. 2 тома.
- Гомара (Франсиско Лопес), История дона Фернандо Кортеса. Венеция, 1560.
- Гомара (Франсиско Лопес де), История Мексики. Антверпен, 1554.
- Гомара (Франсиско Лопес де), Общая история Индий. Антверпен, 1554.
- Гомес, Дневник. В Doc. Hist. Mex., серия ii., т. vii.
- Гомара (Ф. Лопес), Приятная история завоевания Вест-Индии. Лондон, 1578.
- Гонсалес Давила. См. [Давила](#).
- Гудрич (Аарон), История характера и достижений так называемого Христофора Колумба. Нью-Йорк, 1874.
- Гудрич (Фрэнк Б.), Человек на море. Филадельфия, 1858.
- Гордон (Джеймс), Путеводитель и карта для морских пассажиров. Сан-Франциско, без даты.

Гордон (Джеймс Бентли), Исторические и географические мемуары о Североамериканском континенте, его народах и племенах. Дублин, 1820. 4то.

Гордон (Томас Ф.), Сборник законов Соединенных Штатов. Филадельфия, 1848.

Гордон (Томас Ф.), «История древнего Мексики». Филадельфия, 1832. 2 тома.

Гордон (Томас Ф.), Испанские открытия в Америке. Филадельфия, 1831. 2 тома.

Госселин (Паш. Франц. Жос.), Исследования по систематической географии. Париж, 1813. 4 тома.

Готфридт (Иоганн Людвиг), Новый мир и американские истории. Франкфурт, 1655. фолиант.

Gracias, Cuadro Estadístico del. Париж, 1857.

Graham's Magazine. Филадельфия, 1855 и далее.

Гранада, Exposición á S. M. por la Justicia, 24 ноября 1544 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. vii.

Грант (США), Канал Никарагуа. В North American Review, февраль 1881 г.

Грау и Монфалькон, Мемориал о претензиях города Манилы. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. vi.

Гринхау (Роберт), История Орегона и Калифорнии. Нью-Йорк, 1845; также издания в Бостоне, 1844; Бостоне, 1845; Лондоне, 1844; Бостоне, 1847.

Гринхау (Роберт), Мемуары, исторические и политические. Вашингтон, 1840.

Grey-Town, Bombardement et Entière Destruction. Париж, 1856.

Grey-Town, Lettre du Délégué de la Population Française. Париж, 1856.

Грихальва (Иоганн), Путешествие и первое открытие. В сборнике, т. XIII.

Грисвольд (К. Д.), Перешеек Панама. Нью-Йорк, 1852.

Гроссбек (В. С.), Речь в Палате представителей США, 11 января 1858 г. Вашингтон, 1858.

Гринаус, Novvs Orbis Regionvm ac Insularvm. Базель, 1532. 4то.

Гвардия (J. M.), Les Républiques de L'Amérique Espagnole. Париж, 1862.

Гвардиола (генерал), Á Sus Compatriotas. [Чикимула, 1854 г.] фолиант.

Гардиола (Сантос), Официальная часть Комаягуа, 1850.

Гватемала, Протокол в этом городе, 20 июля 1853 г. Гватемала, 1853. фолиант.

Гватемала, Заметки о сельском хозяйстве и торговле [Гватемала, 1811 г.].

Гватемала, Временный тариф для таможен Гватемалы, n.pl., n.d.

Гватемала, Тарифы, установленные по распоряжению Королевской аудиенции. Гватемала, без даты.

Гватемала, Протоколы. MS. 1643. 4to.

Гватемала, Бюллетень новостей. Гватемала, 1850 и далее.

Гватемала (Кабильдо), Отчет о создании епископства. Гватемала, 1827.

Гватемала, Письмо, адресованное Его Преосвященству Архиепископу, 20 августа 1851 г. [Гватемала, 1851 г.] фолио.

Гватемала, Письмо епископа, история Новой Испании, 27 августа 1529 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. xiii.

Гватемала, Charte Autorisant la Banque de Guatemala [Гватемала, 1839]; также издание Брюссель, 1840.

Гватемала, Устав о концессии территории Вера-Пас. Гватемала, 1839.

Гватемала, Коллекция королевских указов, 1555-1768. Рукопись и печатная версия.

Гватемала, Constituciones municipales de este Santo Colegio de Xpto. [Гватемала], 1736. Рукопись.

Гватемала, Ответ на коммюнике о гражданстве. Сальвадор, 1846.

Гватемала, Декреты. [Различные даты.]

Гватемала, Декан Святой Церкви. n.pl., n.d.

Гватемала, Газета. Гватемала, 1849 и далее.

Гватемала, Путеводитель для иностранцев. Гватемала, 1853 и далее.

Гватемала, Больница Сан-Хуан-де-Діос. Гватемала, 1854. фолио.

Гватемала, Информация, полученная в Сантьяго-де-Гватемала 15 сентября 1536 г. MS.

Гватемала, Informe de los servicios hechos por la religion de Santo Domingo, MS. 1 т.

Гватемала, Отчет, направленный президентом, 16 августа 1851 г. Гватемала, [1851 г.].

Гватемала, Отчет о назначении епископа. Гватемала, 1827.

Гватемала, Отчет церковного совета собора. Гватемала, 1827 г.

Гватемала, Отчет о различных ветвях администрации. Гватемала, 1844 г. фолиант.

Гватемала, Инструкция, составленная по распоряжению Подготовительного совета для облегчения выборов депутатов и т. д. Гватемала, 1812 г. 4-й том.

Гватемала, Отчет о шторме, 15 сентября 1541 г. В Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., т. iii.

Гватемала, Инструкция по урегулированию. Новая Гватемала. 1799. 4to.

Гватемала, Эмигранты из Гватемалы. [Комаягуа, 1852 г.] фолиант.

Гватемала, Аристократы Гватемалы. Сан-Сальвадор, 1863.

Гватемала, Манифест политического лидера. Мехико, 1821.

Гватемала, Мемуар, содержащий статистический обзор. Брюссель, 1840.

Гватемала, Мемуары. [Различные департаменты правительства, упомянутые по датам.]

Гватемала, Министерство полиции правительства. Гватемала, 1828. фолиант.

Гватемала, Национальность Испании. Гватемала, 1852. фолио.

Гватемала, Nueva Instruccion y methodo de cobrar y recaudar los diezmos de la Iglesia es este arzobispado de Guatemala. Новая Гватемала, 1785. 4to.

Гватемала, епископ и чиновники, письмо императору. [25 ноября 1541 г.] В письмах из Индии.

Гватемала, Фернандо VII, 12 декабря 1808 г. Речь. n.pl., n.d.

Гватемала, Проект Конституции Республики. Сан-Сальвадор, 1851. фолио.

Гватемала, Общие правила для ремесленников Новой Гватемалы и т. д. Новая Гватемала, 1798 г.

Гватемала, Историческая справка. Гватемала, 1852.

Гватемала, Ресурсы, сельскохозяйственные и минеральные. Сан-Франциско, 1874.

Гватемала, Договор о дружбе. [Гватемала, 1847 г.] фолиант.

Гватемала, Выборы депутатов. Мехико, 1822. фолиант.

Герра (Кристобаль), Капитуляция, 21, 22 и 23 июля и 18 августа 1500 г. В Наваррете, Col. de Viages, т. ii.

Герра (Х.), Письмо, 25 августа 1851 г. Рукопись. Фолиант.

Герра (Хосе), История революции в Северной Испании. Лондон, 1813. 2 тома.

Герреро (Хосе), Оправдание, 6 июля 1852 г. [Леон, 1852 г.] фолио.

Герреро (Висенте), Манифест своим соотечественникам. Мехико, 1829.

Гихо, Дневник с 1648 по 1664 год. В Doc. Hist. Mex., серия i., том i.

Гутфри (Уильям), Всеобщая география. Филадельфия, 1820. 2 тома.

Гутьеррес (Блас Х.), Законы реформы. Мехико, 1868.

Гутьеррес (Фелипе), Письмо императору, 10 февраля 1539 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., том iii.

Гусман (Фернандо), Манифест. Манагуа, 1867.

Гусман (Фернандо), Послание. Манагуа, 1871.

Хакке (В.), Сборник оригинальных путешествий. Лондон, 1699.

Хаефкенс (J.), Центральная Америка. Дордрехт, 1832.

Haefkens (J.), *Reize Naar Guatemala*. Гаага, 1827; также 1828.

Хаклюит (Ричард), *Различные путешествия*. Лондон, 1850. (Изд. Hakl. Soc.)

Hakluyt (Richard), *The Principal Navigations, Voyages, etc.* Лондон, 1599-1600. фолиант. 3 тома.

Hakluyt Society. *Works Issued by*. Лондон, 1850 и далее.

Хейл (Э. Э.), *Early maps of America*. Вустер, 1874.

Hall (Basil), *Extracts from a Journal*. Edinburgh, 1826. 2 vols.

Hall, *Report on the trade of the republic of Guatemala*. Лондон, 1856. фолиант.

Hansard (Т. С.), *Парламентские дебаты с 1803 года*. Лондон, 1812-77.

Хардман (Фредерик), *Сцены и приключения в Центральной Америке*. Эдинбург, 1852.

Harper's New Monthly Magazine. Нью-Йорк, 1856 и далее.

Харрис (Дж. Деннис), *Лето на берегах Карибского моря*. Нью-Йорк, 1860.

Харрис (Джон), «Навигантиум аткве Итинерантиум». Лондон, 1705. Фолио. 2 тома.

Харрис (Генри), *Bibliotheca Americana Vetustissima*. Нью-Йорк, 1866.

Хартманн (Карл), *Географическо-статистическое описание Калифорнии*. Веймар, 1849.

Хаскин (Джон Б.), *Речь в Палате представителей США, 5 января 1858 г.* Вашингтон, 1858.

Хассаурек (Ф.), *Четыре года среди испано-американцев*. Лондон, 1868.

Хассель (Г.) и Дж. Г. Ф. Р. Каннабих, *Полное и новейшее описание империи Мексики, Гватемалы и Вест-Индии*. Веймар, 1824.

Хокинс (сэр Ричард), *Наблюдения*. Лондон, 1622. (Изд. Hakl. Soc.)

Хайя (Диего де ла, губернатор Коста-Рики), *Informe dirigido al Rey*. MS. 4to.

Хейс, *Scrap-Books*. 1850-74. 129 томов.

Хейн, *Речь в Сенате США, март 1826 г.* n.pl., n.d.

Хэзлитт (У. Кэру), «Великие золотые прииски Карибу». Лондон, 1862.

Heine (Wilhelm), *Wanderbilder aus Central-Amerika*. Лейпциг, без даты.

Хелпер (Хинтон Р.), «Земля золота». Балтимор, 1855.

Хелпс (Артур), «Жизнь Эрнандо Кортеса». Нью-Йорк, 1871. 2 тома.

Хелпс (Артур), «Завоеватели Нового Света и их рабы». Лондон, 1848-52. 2 тома.

Хелпс (Артур), *Жизнь Ласа Касаса*. Филадельфия, 1868.

Хелпс (Артур), *Испанское завоевание Америки*. Лондон, 1855-61. 4 тома; также Нью-Йорк, 1856. 2 тома.

Хендерсон (Алекс.), *Грамматика языка москито*. Нью-Йорк, 1846.

Хендерсон (Джордж), «Отчет о британской колонии в Гондурасе». Лондон, 1811.

Эрран (Виктор), Межокеанская железная дорога Гондураса. Париж, 1868.

Эрран (Виктор), «Заметка о пяти штатах». Бордо, 1853.

Эррера (Антонио де), Описание Вест-Индии. Мадрид. 1730. фолиант.

Эррера (Антонио де), «Общая история обширного континента и островов Америки». Лондон, 1725-6. 6 томов.

Эррера (Антонио де), Общие замечания. В «Путешествия, сборник» (Churchill Coll.), т. v.; Purchas, «Его паломники», т. iv.

Эррера (Антонио де), «Общая история деяний кастильцев на островах и материке Океанского моря». Мадрид, 1601. 4to. 4 тома; также издание Мадрид, 1726-30. folio.

Hesperian. Сан-Франциско, 1858 и далее.

Хейлин (Питер), Космография. Лондон, 1701. фолиант.

Хилл (Х. Р.), Судоходный канал через Панамский перешеек. Лондон, 1845.

Хилл (С. С.), Путешествия по Перу и Мексике. Лондон, 1860. 2 тома.

Исторический журнал, заметки и вопросы. Бостон и др., 1857-69. 15 тт.

Хоффман (Уильям), «Монитор». Нью-Йорк, 1863.

Холбрук (Сэмюэл Г.), Тридцать лет. Бостон, 1857.

Холински (Алекс.), Калифорния и межокеанские пути. Брюссель, 1853.

Холмс (Эбизел Д. Д.), Летопись Америки. Кембридж, 1829. 2 тома.

Гондурас, A los Antipatriotas Escondidos. Гондурас, 1854.

Гондурас, К патриотам, 4 февраля 1854 г. [Гондурас, 1854 г.] фолиант.

Гондурас, К народам. Друг генерала Гвардиолы, Грасиас, 24 декабря 1853 г. [Грасиас, 1853 г.] фолио.

Гондурас, Моим избирателям и прочим, 8 апреля 1854 г. [Комаягуа, 1854 г.] фолио.

Гондурас, Нашим соотечественникам, ноябрь 1853 г. [Комаягуа, 1853 г.] фолио.

Гондурас, К великому диалогу, 27 января 1854 г. Гондурас, 1854 г.

Гондурас, Альманах, Белиз, 1829 и далее.

Гондурас, Al Público. [Различные даты и подписи, 1852-4.]

Гондурас, Anagrama. [Гондурас, 1853 г.]

Гондурас, Бюллетень армии Гондураса. Комаягуа, 1853 и далее.

Гондурас, Официальный бюллетень Верховного правительства. Комаягуа, 1851 и далее.

Гондурас, Письмо из Гватемалы. [Комаягуа, 1854 г.] фолио.

Гондурас, Clavellina. [Тегусигальпа, 1852.] фолио.

Гондурас, Соотечественники. [Тегусигальпа, 1852 г.]

Гондурас, Сograждане. [Тегусигальпа, 1852 г.] фолио.

Гондурас, Знание и удовлетворение народов, 13 июля 1853 г. [Тегусигальпа, 1853 г.]. фолио.

Гондурас, Политическая конституция государства, 5 февраля 1848 г. [Комаягуа, 1848 г.]

Гондурас, Ответ, 8 августа 1852 г. «Другие граждане». [Комаягуа, 1852 г.] фолиант.

Гондурас, Ответ на три вопроса анонима, 19 января 1854 г. [Гондурас, 1854 г.] фолио.

Гондурас, Статистическая таблица департамента Грасиас. Париж, 1857.

Гондурас, Защита духовенства Гондураса. Сан-Сальвадор. [1861 г.]

Гондурас, Диалог между гуанако и ветераном-писателем. [Гондурас, 1854 г.] фолио.

Гондурас, Речи, произнесенные на трибуне дебатов. Комаягуа, 1853. фолио.

Гондурас, Подтверждающие документы. Комаягуа, 1855.

Гондурас, Документы по истории нападений гватемальских войск. Комаягуа, 1853. фолио.

Гондурас, депутат Альварадо, 3 апреля 1854 г. «Наблюдатели на трибуне». [Комаягуа], 1854 г. фолио.

Гондурас, Политический руководитель департамента Комаягуа,¹ сентября 1843 г. [Комаягуа], 1853 г. фолиант.

Гондурас, Сенатор, исполняющий обязанности главы исполнительной власти штата, 15 мая 1853 г. [Комаягуа, 1853 г.] фолиант.

Гондурас, Экспедиции. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. xii.

Гондурас, Заявление президента штата от 26 июня 1845 г. [Комаягуа, 1845 г.] фолио.

Гондурас, Заявление, адресованное нижеподписавшимся жителям. [Гватемала, 1853 г.] фолио.

Гондурас, Поздравление, которое гондурасцы направляют гражданину. [Комаягуа, 1851 г.] фолиант.

Гондурас, Основание. В Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., т. xvi.

Гондурас, Газета. Комаягуа, 1861 и далее.

Гондурас, Официальная газета. Комаягуа, 1854 и далее.

Гондурас, Официальная газета правительства. Комаягуа, 1849 и далее.

Гондурас, Деяния войск Гватемалы. Комаягуа, [1853 г.]

Гондурас, Гондурасцы. [Отдельные листы, различные даты в 1852-4 гг.]

Гондурас, «Лжец и оскорбление — оружие злодея». [Комаягуа, 1853 г.] фолиант.

Гондурас. Указание. 2 сентября 1852 г.; также 31 октября 1852 г. [Тегусигальпа, 1852 г.] фолио.

Гондурас, Межокеанская железная дорога, Устав. Нью-Йорк, 1853. фолио.

Гондурас, Вторжение в департамент Грасиас. [Комаягуа], 1854. фолио.

Гондурас, La Prensa Libre, 15 мая 1852 г. [Тегусигальпа, 1852 г.] фолио.

Гондурас, Краткое замечание о сдаче государства. Леон, 1850.

Гондурас, Los Dos Dias, 4 января 1854 г. Гондурас, 1854 г. фолиант.

Гондурас, Манифест патриотов Гондураса против смутьянов. Тегусигальпа, 1853. фолиант.

Гондурас, Манифест народам Гондураса, 31 декабря 1853 г. [Гватемала, 1853 г.] фолиант.

Гондурас, Манифест народа. Тегусигальпа, [1872 г.]

Гондурас, Мемуары доблестных генералов дона Франсиско Гомеса и др. 21 августа 1854 г. Комаягуа, 1854 г. фолиант.

Гондурас, Меморандум, представленный господином Дон Хосе Мария Ругама, 1851. Комаягуа, 1851.

Гондурас, Министерство иностранных дел. [Многочисленные указы, цитируемые по датам.]

Гондурас, Возражения против договора о железной дороге, 22 февраля 1854 г. [Комаягуа, 1854 г.] фолиант.

Гондурас, Замечание, 25 июля 1852 г. [Тегусигальпа, 1852 г.] фолио.

Гондурас, Мнение. [Подписано «La Galeria, 24 июля 1852 г.». Тегусигальпа, 1852 г.]

Гондурас, Другие наблюдения, 27 июля 1852 г. [Тегусигальпа], 1852 г. фолио.

Гондурас, Мысли, 30 января 1853 г. Тегусигальпа, 1853 г. фолиант.

Гондурас, Presidente, 31 декабря 1853 г.; также 7 декабря 1854 г. [Комаягуа, 1853, 1854 гг.] фолианты.

Гондурас, Протест депутатов, 19 апреля 1853 г. Комаягуа.

Гондурас, Опровержение брошюры. Комаягуа, 1861.

Гондурас, Приветствие и приветствие в союзе с вами, 21 мая 1854 г. [Гондурас, 1854 г.] фолиант.

Гондурас, Работа Подготовительного комитета, 10 июля 1852 г. [Тегусигальпа.]

Гондурас, Последние новости армии, 12 июля 1853 г. [Комаягуа.]

Гондурас, Националист, 26 июня 1852 г. [Комаягуа], 1852 г. фолиант.

Гондурас, Una Flor, 14 мая 1852 г. [Тегусигальпа].

Гондурас, Una Pájina para la historia, 11 октября 1853 г. [Тегусигальпа].

Гондурас, Universidad del Estado felicita, 27 апреля 1852 г. [Тегусигальпа.]

Гондурас и Гватемала, Предварительные условия мира. Комаягуа, [1855 г.]

Гондурасцы, не из-за низкой лести, 25 апреля 1853 г. Комаягуа.

Гонолулу. Полинезийский, 1857 и далее.

Хонтер, De Cosmographiæ. Базилиа, 1534.

Часы отдыха. Сан-Хосе, 1873 и далее.

Гумбольдт (Александр), Политический очерк о Королевстве Новая Испания. Париж, 1811. фолиант. 2 тома и атлас.

Гумбольдт (Алекс.), Критический обзор истории географии Нового Света. Париж, 1836-9. 5 томов.

Гумбольдт (Алекс.), Личное повествование о путешествиях в экваториальные регионы Нового Света. Лондон, 1822-9. 7 томов.

Гумбольдт (Алекс. де), Tableaux de la Nature. Париж, 1808. 2 тома; также Париж, 1865.

Hunt's Merchants' Magazine. Нью-Йорк, 1839 и далее.

Хьюстон (Р. Г.), Путешествие по Гондурасу. Цинциннати, 1875.

Hutchings' California Magazine. Сан-Франциско, 1857-61. 5 томов.

Hylacomylus (Waldsee-Müller), Cosmographiæ Introductio ... Insuper quatuor Americi Vespucij nauigationes. Деодат, (Сент-Дие, Лотарингия), 1507.

Иказбальсета (Хоакин Гарсия), Коллекция документов по истории Мексики. Мехико, 1858-66. фолиант. 2 тома.

Иглесиас (Х. М.), Исторические журналы о французской интервенции. Мексика. 1867. 3 тома.

Церкви и монастыри Мексики, описательный отчет. Мексика, 1863.

Оспаривание публикации, вышедшей в Сальвадоре. Гватемала, [1830].

Имрей (Джеймс Ф.), «Навигационные инструкции для западного побережья». Лондон, 1868.

Указатели историй Америки. MS. фолио.

Национальный институт географии и статистики, Бюллетень. См. [Sociedad Mexicana](#), etc., его более позднее название.

Инструкции, которые должны соблюдать королевские чиновники Королевских казённых касс Никарагуа, Комаягуа и т. д. Гватемала, 1709.

Целостность Центральной Америки. Гранада, 1849 и далее.

Межокеанский канал и доктрина Монро. Нью-Йорк, 1880.

Межокеанская связь. [Фрагменты, собранные Э. Г. Сквайером.] фолиант.

Ирвинг (Вашингтон), Жизнь и путешествия Христофора Колумба. Нью-Йорк, 1869. 3 тома.
Исагоге, Описание. Рукопись.

Itinerariū Portugallēsiū. Милан, 1508.

Икстлильшочитль (Фернандо де Альва), Ужасные жестокости завоевателей Мексики.
Мехико, 1829.

Икстильшочитль, Отношения. В Kingsborough's Mex. Antiq., т. ix.

Джейкоб (В.), Историческое исследование. Лондон, 1831. 2 тома.

Джеффрис (Томас), «Путешествия из Азии в Америку». Лондон, 1761. 4to.

Дженкинс (Альберт Г.), Речь в Палате представителей США, 12 января 1859 г.

Херес (Максимо), Ответ на манифест президента. Леон, 1862.

Иезуиты (Los), Observaciones sobre un Artículo de la Opinion. Леон, 1871.

Иезуиты, Общая коллекция провидений. Мадрид, 1767, 1769. 2 тома.

Хименес (Хосе Антонио), Меморандум, представленный законодательному органу, 22
февраля 1851 г. Сан-Сальвадор, [1851]. фолиант.

Хименес (Франсиско), Истории происхождения индейцев этой провинции Гватемалы. Вена,
1857.

Джонсон (Фр.), Речь в Палате представителей США, 13 апреля 1826 г. n.pl., n.d.

Джонстон (Дж. С.), Речь в Сенате США, март 1826 г. Вашингтон, 1826 г.

Жомар (Эдме-Франсуа), Памятники географии. Париж, 1854 и далее.

Джордан (Джон), Серьезные реальные опасности, исходящие от иностранцев. Филадельфия,
1826.

Хуан (Джордж) и Антонио де Уллоа, Историческое путешествие по Южной Америке.
Амстердам, 1752. 4to. 2 тома.

Хуана (Донья), Sobre Carta de la Reina. В Navarrete, Col. de Viages.

Хуаррос (Доминго), Краткая история города Гватемала. Гватемала, 1857; также Гватемала,
1808 и 1818.

Хуаррос (Доминго), Статистическая и торговая история Королевства Гватемала. Лондон,
1823.

Юифс (Дж. К.) и Ф. Баллер. Морские порты и морские торговые центры мира. Ольденбург,
1875.

Келлер (Ф. А. Э.), Канал Никарагуа. Париж, 1859.

Келли (М. Ф.), Проект морского канала. Париж, 1857.

Келли (Фред М.). «Союз океанов». Нью-Йорк, 1859.

Керр (Генри), «Путешествия по западной части США». Элизабеттаун, 1816.

Керр (Роберт), «Общая история и сборник путешествий и странствий». Эдинбург и Лондон, 1824. 18 томов.

Кьюэн (Э. Дж. К.), «Никарагуа и Уокер». Рукопись. [1879.] фолиант.

Кингсборо (лорд), «Древности Мексики». Лондон, 1831-48. фолиант. 9 томов.

Кирхгоф (Теодор), *Reisebilder und Skizzen aus Amerika*. Нью-Йорк, 1875-6. 2 тома.

Киттлиц (Ф. Х. фон), Воспоминания о путешествии по русской Америке. Гота, 1858.

Коль (Й. Г.), История открытия восточного побережья Северной Америки. Портленд, 1869.

Коль (Й. Г.), Две старейшие общие карты Америки. Веймар, 1860. Фолиант.

Коль (J. G.), Популярная история открытия Америки. Лондон, 1862. 2 тома.

Кретцшмар (В.), Немецкий проект колонизации. Кенигсберг, 1845.

Кунстманн (Фридрих), Открытие Америки. Мюнхен, 1859. 4-й формат.

Кунстманн (Фридрих), Открытие Америки. Рукопись. Фолиант.

Куртце, Межокеанская железная дорога через Коста-Рику. Нью-Йорк, 1860.

Лашапель (А. де), *Le Comte de Raousset-Boulbon*. Париж, 1859.

Лаэт (Жоаннис де), *Novvs Orbis*. Лвгд. Батав., 1633. фолио.

Лаферрьер (Ж.), *De Paris à Guatémala*. Париж, 1877.

Лафон (Г.), Путешествия по миру. Париж, 1844. 8 томов.

Лафонд де Лурси (Жел.), *Notice sur le Golfo Dulce*. Париж, 1856.

Ла Харп (Джон Франсуа), Краткая всеобщая история путешествий. Париж, 1816. 24 тома и атлас.

Лаллеман, *Geschichte von Columbien*. Кведлинбург и др., 1827.

Ларднер (Дионисий), История морских и внутренних открытий. Лондон, 1830. 3 тома.

Ларнодьер, «Мексика и Гватемала». Париж, 1843; также Париж, 1847.

Ларраинзар (Фед.), Письмо о последних событиях в Центральной Америке. Мехико, 1864.

Ларраинзар (Мануэль), Историческая справка о Соконуско. Мехико, 1843.

Ларрейнага (Мигель), *Memoria sobre el fuego de las Volcanes*. Гватемала, 1843.

Ларрейнага (Мигель), Биографическая справка о выдающемся литераторе. Гватемала, 1847. фолиант.

Ла Саль, Ла Саладе. Париж, 1527.

Лас Касас и Вальдивисо. В «Письмах из Индии».

Лас Касас (Бартоломе де), Краткое изложение разрушения Индий. Севилья, 1822.

Лас Касас (Бартоломе де), Духовный песенник. Мехико, 1546.

Лас Касас (Бартоломе де), Письмо к отцам провинциального капитула Гватемалы. Лондон, 1854.

Лас Касас (Бартоломе де), Письмо к Гаттинаре. Лондон, 1854.

Лас Касас (Бартоломе де), Письмо с предупреждением. Лондон, 1854.

Лас Касас (Бартоломе де), Письма, представления, записи и другие документы. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. vii.

Лас Касас (Бартоломе де), Сборник произведений епископа Чиапы. [Автор: Хуан Антонио Льоренте.] Париж, 1822. 2 тома.

Лас Касас (Бартоломе де), Conqvista dell' Indie Occidentali. Венеция, 1644.

Лас Касас (Бартоломе де), Открытие Западных Индий. Париж, 1697.

Лас Касас (Бартоломе де), Выдержки. [Из его «Истории Индий»]. Рукопись. Фолиант.

Лас Касас (Бартоломе де), История Западных Индий. Рукопись. 4 тома.

Лас Касас (Бартоломе де), История Индий. Рукопись. Фолио. 4 тома; также издание Мадрид, 1875. 5 томов.

Лас Касас (Бартоломе де), «Индийский раб» (Indio Esclavo). Пуэбла, 1821.

Лас Касас (Бартоломе де), История или Кратчайшее изложение. Венеция, 1630; также Венеция, 1643.

Лас Касас (Бартоломе де), Liberta Pretesta dal suplice. Венеция, 1640.

Лас Касас (Бартоломе де), Oeuvres. Париж, 1822. 2 тома.

Лас Касас (Бартоломе де), Real Cedula. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. vii.; Ternaux-Compans, Voy., серия ii., т. v.; Florida, Col. Doc.

Лас Касас (Бартоломе де), Regionvm Indicarum per Hispanos. Гейдельберг, 1664.

Лас Касас (Бартоломе де), Relation des Voyages et des Découvertes. Амстердам, 1698.

Лас Касас (Бартоломе де), Tyrannies et Crvavtez des Espagnols. Антверпен, 1579.

Leben, Nie hebt sich an der Heiligen Leben. Аугсбург, 1471-2. фолиант. 2 тома.

Лелевель (Йоахим), География средневековья. Брюссель, 1852. 4 тома. Атлас 4to.

Леон (Понсе де), Reise des, und Entdeckung. В Sammlung aller Reisebesch, т. xiii.

Леон (Понсе де), Uitvoerlyke Scheepstogt door den Dapperen. В Gottfried, Reysen, том iii.

Лердо де Техада (Мигель М.), Исторические заметки о героическом городе Веракрус. Мехико, 1850-5. 5 частей.

Лерма, Письмо из губернаторства Гондурас, 20 октября 1535 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., том xii.

Лесли (Фрэнк), Popular Monthly. Нью-Йорк, 1876 и далее.

Лестер (К. Эдвардс) и Эндрю Фостер. Жизнь и путешествия Веспуччио. Нью-Йорк, 1846.

Лесур (К. Л.), Всеобщий исторический ежегодник за 1827 год. Париж, 1828.

Letera de la Nobil Cipta. Жавал, 1535. 4то.

Леви (Пабло), Географические и экономические заметки о Республике Никарагуа. Париж, 1873.

Leyes y Ordenanzas Nuevamente hechas por su Magestad, para la gouernaciõ de las Indias. Вальядолид, 1603. фолиант.

Законы и постановления. Мадрид, [1581 г.]

Libretto de tutta la Navigazione del Re di Spagna. n.pl., [1504.]

Лисеага (Хосе Мария), Дополнения и исправления к истории Мексики. Гуанахуато, 1868.

Лиевано, Первый календарь. [Сан-Сальвадор], 1853 и далее.

Линаге (Хосе де Веития), Северная часть контрактации Западных Индий. Севилья, 1672.

Линаге (Хосе де Веития), Испанское господство в торговле. Лондон, 1702.

Ллойд (J. A.), Заметки о Панамском перешейке. В Lond. Geog. Soc. Jour., т. i.

Лоайса (Фр. Гарсия де), Путешествия в Молуккские острова. В Navarrete, Col. de Viages, т. v.

Журнал Лондонского географического общества. Лондон, 1831-70. 40 томов.

Лондонский горный журнал, 1867.

Лондонский утренний вестник, 1850.

Лонг, Портер и Такер, Америка и Вест-Индия. Лондон, 1845.

Лопес, Поблясьон, Гватемала, 1576. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. xiv.

Лопес (Доминго), Речь президента Национальной ассамблеи, март 1877. Сан-Сальвадор (1877). фолиант.

Лопес (Патрисио Антонио), Меркурий Индиана Историческая поэма. MS. [1690.]

Лорд (Джон Кист), The Naturalist in Vancouver Island and British Columbia. Лондон, 1866. 2 тома.

Лоренсана, Viage. В Кортес, Hist. N. España.

Лосада (Хуан Мигель де), Cuestion Mejicana. Мадрид, 1863.

Лоссинг (Бенсон Дж.), Иллюстрированная история Соединенных Штатов. Хартфорд, 1868; также Нью-Йорк, 1861.

Лёв (Конр.), Meer oder Seehanen Buch. Кёльн, 1598. фолиант.

Ludd, Speculi Orbis. Страсбург, 1507.

Lunario de Centro-Americano. Гватемала, 1833.

Луссан (Равено де), Журнал путешествия по Южному морю с флибустьерами, 1684. Париж, 1693.

Luyts (Joannis), Introductio ad Geographiam Novam et Veterem. Траектия к Рейну, 1692.

Линч (П.), Точное описание всего побережья Северного моря. Леон, 1757. Рукопись.

Макарио (Хуан), Хесул MS.

Макфи (Мэтью), Остров Ванкувер и Британская Колумбия. Лондон, 1865.

Макгилливрей (У.), Жизнь, путешествия и исследования Гумбольдта. Лондон, 1859.

Макгрегор (Джон), Прогресс Америки от открытия Колумбом до 1846 года. Лондон, 1847.

Мачам, Путешествие Мачама, англичанина, и т. д. В Hakluyt, т. II, ч. II.

Маккей (Чарльз), «Жизнь и свобода в Америке». Лондон, 1859. 2 тома.

Макферсон (Дэвид), «Летопись торговли». Лондон, 1805. 4-й формат. 4 тома.

Мадок, Самое древнее открытие Вест-Индии. В Hakluyt, т. III.

Маффеи, «Истории индейцев». Флоренция, 1588.

Маффеи из Вольтерры, Commentariorum urbanorum. Рим, 1506. фолиант.

Магеллан (Фердинанд), Voyage. В Berenger, Col. Doc., т. i.

Магин. См. [Витфлит](#).

Маглианос, Святой Франциск и францисканцы.

Майре (А.), Renseignements sur le Centre-Amérique, etc. Париж, 1844.

Майор (Ричард Генри), Жизнь принца Генриха Португальского. Лондон, 1868.

Майор (Ричард Генри), Избранные письма Колумба. Лондон, 1847. (Hakl. Soc. ed.)

Мальдонадо (Антонио), Справочник королевских указов, постановлений и распоряжений. без места и даты.

Мальте-Брун (В. А.), Краткое изложение всемирной географии. Брюссель, 1839. 6 томов и атлас.

Жестокое обращение с индейцами. Сборник. Рукопись. Фолиант.

Мандевиль (сэр Джон), Путешествия. Лондон, 1725. (Изд. Hakluyt Soc.)

Марч и Лаборес (Хосе), История Королевского испанского флота. Мадрид, 1854. 4to. 2 тома и атлас.

Марко Поло, *Da Veniesia de la meravegliose cose del mondo*. Венеция, 1496.

Марко Поло, «*Dei Viaggi di Messer Marco Polo Gentil'hvomo Venetiano*». В Ramusio, *Viaggi*, т. II.

Марко Поло, *Veneti de regionibus orientalibus libri tres*. Кельн, 1671.

Марку (Жюль), Происхождение названия «Америка». В *Atlantic Monthly*. Март 1875 г.

Мариана (Хуан де), *Historia General de España*. Мадрид, 1780. фолиант. 2 тома.

Мари (Адольфо), Новое право народов, соблюдаемое в Сальвадоре, 26 мая 1851 г. (Гватемала, 1851 г.) фолиант.

Маринео, Сочинение о памятных событиях и выдающихся личностях Испании. Алкала, 1530.

Марр (Вильгельм), Путешествие по Центральной Америке. Гамбург, 1863. 2 тома.

Маррокин (Франциско), Письмо императору, 10 мая 1537 г.; 15 августа 1539 г.; 10 августа 1541 г.; 25 ноября 1541 г.; 4 июня 1545 г. В «Письмах из Индии».

Маррокин (Франциско), Письмо принцу Филиппу, 20 сентября 1547 г. В «Письмах из Индии».

Марриатт, «Повествование о путешествиях месье Виолета». Нью-Йорк, 1843.

Маршалл (Э. Г.), Речь в Сенате США, 6 января 1853 г. Вашингтон, 1853 г.

Маршалл (Т. В. М.), Христианские миссии. Нью-Йорк, 1864. 2 тома.

Мартин (Роберт Монтгомери), История Вест-Индии. Лондон, 1836. 2 тома.

Мартинес (Томас), Произнесенная речь. Манагуа, 1857.

Мартинес (Томас), Послание. Манагуа, 1867.

Мартире, Краткое изложение. В Рамузио, *Viaggi*, т. III.

Мартир (Питер), *Anglimediolanensis Opera*. Севилья, 1511.

Мартир (Питер), *De Nyper svb D. Carolo repertis Insulis*. Базилиа, 1521.

Мартир (Питер), *De Orbe Decades*. Алкала, 1516.

Мартир (Петр), *De Orbe Novo Petri Martyris ab Angleria Mediolanensis Protonotarii Cæsaris senatoris decades*, n.pl., 1530.

Мартир (Питер), *De Rebus Oceanicis*. Париж, 1536.

Мартир (Питер), *Libro Primo della Historia delle Indie Occidentali*. Венеция, 1534.

Мартир (Питер), *Opus Epistolarum*. Коплуты, 1530.

Маруре (Алехандро), Исторический очерк революций в Центральной Америке. Гватемала, 1837.

Маруре (Алехандро), Эфемериды знаменательных событий в Центральноамериканской Республике. Гватемала, 1844.

Мавор (Уильям), Всеобщая история. Нью-Йорк, 1803-5. 25 томов.

Максимилиан. De Molvccis Insulis. Кёльн, 1523.

Майер (Бранц), Мексика, какой она была и какой она есть. Нью-Йорк, 1844; также Балтимор, 1846, и Филадельфия, 1847.

Майер (Бранц), Мексика. Ацтеки, испанцы и республиканцы. Хартфорд, 1853. 2 тома.

Майер, MSS. [Сборник из тридцати копий из мексиканских архивов].

Майорга (Д. Матео), Письмо от 10 июня 1851 г. MS. фолио.

Медина (Бальтасар де), Хроника Святой провинции Сан-Диего-де-Мехико. Мехико, 1682. фолиант.

Мела (Помпоний), De Orbis Sitv. Базилия, 1522.

Мела (Помпоний), Libri de Situ Orbis. Вена, 1518.

Мендес (Диего), Отчет составлен. В Наваррете, Col. de Viages, т. i.

Мендес (Хосе Мариано), Memoria del Estado Politico y Eclesiastico de la Capitanía General de Guatemala. Мадрид, 1821.

Мендиета (Фр. Геронимо де), Письмо королю, 8 октября 1565 г. В Provincia del Santo Evangelio.

Мендиета (Херонимо де), История индейской церкви. Мехико, 1870.

Мендоса (Антонио де), Письма. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. iii., xiv.; и в Florida, Col. Doc.

Мендоса (Антонио де), Отчет о беспорядках в Перу, июнь 1552 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., том iii.

Атласы Меркатора. 1569 и далее.

Меса и Леомпарт, Краткая история Америки. Париж, 1870. 2 тома.

Мексиканские газеты (цитируются по названиям и датам).

Mexico, A Trip to, by a Barrister. Лондон, 1851.

Мексика, Протоколы Учредительного конгресса Мексики. Мексика, 1822-5; 10 т.; также Мексика, 1824-5. 4 т.

Мексика, Анналы Министерства развития. Мексика, 1854-5. 3 тома.

Мексика, Декреты. [Разные даты.]

Мексика, Оправдания маркиза де Гельвеса по обвинениям. Рукопись. Фолиант.

Мексика в 1842 году. Нью-Йорк, 1842.

Мексика, Мемориал. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. vi.

Мексика, Мемуары. [Различных ведомств: военного, финансового и т. д., упомянутых по датам.]

Мексика, Заметки, сделанные в 1822 году. Филадельфия, 1824.

Мексика, Особое отношение и описание всей провинции Святого Евангелия. MS. folio.

Мексика и Центральная Америка. Проблема и ее решение, n.pl., n.d.

Мексика и Гватемала, Вопрос о границах. Мексика, 1875.

Мейер (Карл), Nach dem Sacramento. Аарау, 1855.

Мичелл (Р. К.), Статистический отчет и описание острова Руатан. В United Service Journal, август 1850 г.

Миллс (Николас), История Мексики. Лондон, 1824.

Mining Magazine. 10 томов. Нью-Йорк, 1853 и далее.

Modern Traveller (The). Mexico and Guatemala. Лондон, 1825. 2 тома; также Бостон, 1830. 2 тома.

Мофрас (Дюфло де), Исследование территории Орегона. Париж, 1844. 2 тома.

Молина (Фелипе), Очерк Республики Коста-Рика. Нью-Йорк, 1851.

Молина (Фелипе), Вопрос о границе между Коста-Рикой и Никарагуа. Вашингтон, 1851.

Молина (Фелипе), Коста-Рика и Новая Гранада. Вашингтон, 1852.

Молина (Фелипе), Краткий обзор Республики Коста-Рика. Париж, 1850.

Молина (Фелипе), Мемуары о пограничном вопросе, Коста-Рика и Никарагуа. Вашингтон, 1851.

Мёльхаузен (Бальдуин), Дневник путешествия по Миссисипи. Лондон, 1858. 2 тома.

Моллиен (Г.), Путешествие по Республике Колумбия в 1825 году. Париж, 1825. 2 тома.

Монглав (Эжен де), Краткая история Мексики. Париж, 1826.

Доктрина Монро, статья Э. Эверетта; письмо Дж. К. Адамса. Нью-Йорк, 1863.

Монтальбодо, Ræsi Nouamente retrouvati, Et Nouo Mondo da Alberico Vesputio, Florentino intitulé. Виченция, 1507.

Монтанус (Арнольд), De Nieuwe en Onbekende Weereld. Амстердам, 1671. фолиант.

Монтанус (Арнольд), Die Unbekante Neue Welt. [Перевод Даппера.] Амстердам, 1673.

Монтобан, Relation du Voyage. Амстердам, 1698.

Монтехо, Письмо с описанием реки Грихальва, 13 апреля 1629 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Дос., tom. xiii.

Монтемайор и Кордова де Куэнка (Хуан Франсиско де), Svmarios de las Cedvlas Ordenes por su Magestad hasta 1677. Мехико, 1678. фолиант.

Монтерей (Нарсисо), Проект национальной реорганизации в Центральной Америке. [Сальвадор, 1856 г.]

Монтескарос, Письмо по вопросу о поручении индейцев, 7 апреля 1612 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. vi.

Монтгомери (Г. В.), Повествование о путешествии в Гватемалу. Нью-Йорк, 1839.

Монтуфар (Лоренцо), Ответ на вторую брошюру господина Лоренцо Монтуфара о иезуитах. Леон, Никарагуа, 1873.

Монтуфар (Мануэль), Memorias para la Historia de la Revolucion de Centro America. Халапа, 1832.

Мора (Х. М. С.), Мексика и ее революции. Париж, 1836. 3 тома.

Моралес (Агустин), К центральноамериканцам. Манагуа, 1846.

Моралес (Агустин), Полемика. [Сан-Сальвадор, 1851 г.] фолиант.

Моразан (Ф.), К центральноамериканскому народу. [Давид, 1841 г.]

Моразан (Ф.), Заметки о революции 1829 года. Рукопись. 4-й формат.

Моразан (Ф.), Завещание. Сан-Сальвадор, 1843.

Моразан и Каррера. Сборник рукописей и печатных изданий. Фолиант.

Морден (Роберт), Исправленная география. Лондон, 1693.

Морель де Санта-Крус (Педро Агустин), Апостольский визит в Никарагуа и Коста-Рику. Леон, 1874. Рукопись. Фолиант.

Мореле (Артур), Путешествия по Центральной Америке. Нью-Йорк, 1871.

Мореле (Артур), Путешествие по Центральной Америке. Париж, 1857. 2 тома.

Морелли (Цириакус), Fasti Novi Orbis et Ordinationum. Венеция, 1776. 4to.

Морено, Информация о злоупотреблениях в Трухильо. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. ii.

Морено (Херонимо), Точные и необходимые правила для судей. Мехико, 1637.

Морган, пират. Harper's Monthly, т. xix.

Моро (Херардо), Отчет по праву о том, что компания Real Asiento de la Gran Bretaña. Мехико, 1724.

Моррелл (Бенджамин), «Повествование о четырех путешествиях в Южное море» и др. Нью-Йорк, 1832.

Мексиканская мозаика (El). Мексика, 1840-42. 7 томов.

Москития, Конвенция между Никарагуа и Его Величеством о Москитии. Манагуа, 1860.

Москито, Земельный грант Блэк-Ривер. Лондон, 1856. фолиант.

Москито-индеец. В «Путешествиях», сборнике. (Churchill Coll.), т. vi.

Москито-Кусте унд Тексас, Фоллстандиге унд Унпартиайше Beschreibung. Шарлоттенбург, 1846.

Москитоленд, отчет о. Берлин, 1845.

Mosquito Question. A Collection.

Москитный вопрос, документы из библиотеки Сквайера. Рукопись и печатная версия.

Москитный берег, дело подданных Его Величества. Лондон, 1789. 4то.

Москитная территория, переписка, представленная Палате общин, 3 июля 1848 г. Лондон, 1848. фолио.

Мота Падилья (Матиас де ла), История завоевания Новой Галисии. Гвадалахара, 1742.
Рукописная копия. Фолио.

Мунгия (Клементе де Хесус), Пасторали. Сборник.

Мюнхенский атлас. Мюнхен, 1859.

Муньос (Доминго), «Солдатам», 19 мая 1852 г. [Комаягуа, 1852 г.] фолио.

Муньос (Хосе Тринидад), Письмо, 26 августа 1851 г. Рукопись. Фолиант.

Муньос (Хосе Тринидад), Генерал обращается к никарагуанцам, 10 августа 1851 г. [Леон, 1851 г.]

Муньос (Хуан Баутиста), История Нового Света. Мадрид, 1793, т. i.

Муньос (Мигель), Защита ключей Святого Петра. Нью-Йорк, 1834.

Мюнстер (Себ.), Космография. Базель, 1545; также издания 1553 и 1598 гг. фолиант.

Мурчисон (сэр Родерик), Address. В Lond. Geog. Soc. Jour., т. xxviii.

Муро (Антонио де Сан Хосе), Полезные вещи и средства всех индейцев и ладино. Новая Гватемала, 1798.

Музей Мексики. Мехико, 1843-5. 5 томов.

Майерс (Х. М. и П. В. Н.), Жизнь и природа в тропиках. Нью-Йорк, 1871.

Накаоме, Заключение о договорах, заключенных Конвенцией. Комаягуа, 1848.

National (El). Леон, 1858 и далее.

Нахарро, Описание. В Doc. Inéd., т. xxvi.

Напионе ди Коконато, «Родина Христофора Колумба». Флоренция, 1808.

Напионе ди Коконато и Де-Конти, Родина и биография великого адмирала Христофора Колумба. Рим, 1853.

Национальный календарь и анналы Соединенных Штатов. Вашингтон, 1822 и далее.

Наваррете (Мартин Фернандес), Коллекция путешествий и открытий, совершенных испанцами с конца XV века. Мадрид, 1825-37. 5 томов.

Наварро, Relacion. В Doc. Inéd., т. xxvi.

Наварро (Луис Диес), Выдержка из отчета о древнем королевстве Гватемала. Гватемала, 1850.

Путешествия басков к морям Террановы. В Наваррете, Col. de Viages, т. iii.

Новая Гранада и Соединенные Штаты Америки, окончательный спор. Ливерпуль, [1857].

Торговая палата Нью-Йорка. Четвертый годовой отчет, 1861-2. Нью-Йорк, 1862.

Историческое общество Нью-Йорка, коллекции. Нью-Йорк, 1841 и далее.

Newe Lādes (Of the), and of ye people founde by the messengers of the Kynge of portygale, named Emanuel. Антверпен, [1521 или 1522 г.]

Newen Zeytung, Копия der. n.pl., n.d.

Newe Zeytung, Ein Schöne. Аугсбург, [1522 г.]

Никарагуа, A Los Pueblos del Estado. [Леон, 1852.] фолиант.

Никарагуа, Alocucion que Unos Granadinos. [Гранада, 1854 г.] фолиант.

Никарагуа, к общественности. [Отдельные листы с различными подписями и датами.]

Никарагуа, К господину Публику, 24 декабря 1851 г. Леон, 1851. фолио.

Никарагуа, Центральная Америка. Обращение. Леон, 1847.

Никарагуа, (Учредительное собрание.) Манагуа, 1848.

Никарагуа, Документированное утверждение. Манагуа, 1870.

Никарагуа, Атлантическая и Тихоокеанская международная судоходная компания. Документы. Париж, без даты. Фолио.

Никарагуа, Бюллетень новостей. Леон, 1869 и далее.

Никарагуа, Официальный бюллетень. Леон и др., 1849 и далее.

Никарагуа, Boletin del Pueblo. Леон, 1863 и далее.

Никарагуа, Bombardement et entière Destruction de Grey-town. Париж, 1856.

Никарагуа, Кодекс законодательства. Манагуа, 1871. фолиант.

Никарагуа, Сборник правительственных указов и постановлений, изданных с января по декабрь 1863 года. Манагуа, 1866.

Никарагуа, Сборник правительственных декретов, 1864-68. Манагуа, 1866-72. 5 томов. Манагуа, 1873. 2 тома.

Никарагуа, Сборник различных важных работ. [Манагуа, 1852 г.] фолиант.

Никарагуа, Ответ на послание президента, 1875. Манагуа, 1875. 4-й формат.

Никарагуа, Ответ на стихи, опубликованные в Леоне Дном Пабло Буйтраго и др. [Гранада, 1751.] фолиант.

Никарагуа, Ответ председателя Конгресса на послание. Манагуа, 1869. фолио.

Никарагуа, Политическая конституция, 1838. [Леон, 1838.]

Никарагуа, Продолжение официальной переписки о границах между Никарагуа и Коста-Рикой. Манагуа, 1872.

Никарагуа, (Контракты с пароходными компаниями.) [Леон, 1849 г.] 4-й формат.

Никарагуа, Контракт на строительство канала. Леон, 1849.

Никарагуа, Договор о строительстве железной дороги. Манагуа, 1864.

Никарагуа, Договор о строительстве железной дороги от Леона до Коринфа. Манагуа, 1873.

Никарагуа, Договор о строительстве железной дороги в Никарагуа. Панама, 1873.

Никарагуа, Консульская конвенция между Республикой Никарагуа и Королевством Италия. Манагуа, 1872.

Никарагуа, Конвенция об экстрадиции между Республикой Никарагуа и Соединенными Штатами Америки. Манагуа, 1871 г.

Никарагуа, Почтовое соглашение между Никарагуа и Его Величеством. Манагуа, 1860.

Никарагуа, Почтовое соглашение. Манагуа, 1869 г.

Никарагуа, Конвенция о Москитии. Манагуа, 1860 г.

Никарагуа, соглашение, заключенное в городе Гранада 19 августа 1851 года. Гранада, 1852.

Никарагуа, соглашение от 14 июля. Леон, 1865 г.

Никарагуа, Конвенция между Соединенными Штатами и Никарагуа, n.pl., 1871.

Никарагуа, Correo del Istmo. Леон, 1849 и далее.

Никарагуа, Переписка между Э. Г. Сквайером, С. Х. Уимсом и правительствами Никарагуа и Гватемалы. Рукопись. Фолио.

Никарагуа, Переписка с Коста-Рикой по поводу претензий. Манагуа, 1875. 4to.

Никарагуа, Переписка по вопросам между Никарагуа и Коста-Рикой. Манагуа, 1872.

Никарагуа, Документированный отчет комиссара. [Леон, 1843 г.]

Никарагуа, Данные, касающиеся планируемой иммиграции. Манагуа, 1868.

Никарагуа, Законодательные декреты. Манагуа, 1867 и далее.

Никарагуа, Декреты и соглашения администрации Томаса Мартинеса. Манагуа, 1859-61. 4 тома.

Никарагуа, Декреты и правительственные соглашения, Хосе Лауреано Пинеда. Гранада, 1583.

Никарагуа, Декреты и соглашения правительственного совета. Манагуа, 1857.

Никарагуа, Защита прав страны. [Леон, 1843 г.]

Никарагуа, Приказ директора территории Москитос. Леон, 1847.

Никарагуа, Заключение комиссии Конгресса по президентским выборам. Манагуа, 1871.

Никарагуа, Разногласия с Соединенными Штатами, n.pl., n.d.

Никарагуа, Речи, произнесенные 15 сентября. Манагуа, 1858.

Никарагуа, Документы о произволе правительства. 12 октября 1852 г. [Леон, 1852 г.] фолиант.

Никарагуа, Документы, созданные на основе мирных переговоров. Гранада, 1854. фолиант.

Никарагуа, Дипломатические документы для истории. Париж, 1869. 4to.

Никарагуа, Дипломатические документы, касающиеся претензий. Манагуа, 1872.

Никарагуа, Документы, относящиеся к претензиям генерала Барриоса. Манагуа, 1865.

Никарагуа, Документы, касающиеся перемирия, март 1848 г. Леон, 1848 г.

Никарагуа, Документы, касающиеся последних переговоров между Никарагуа и Коста-Рикой. Манагуа, 1872.

Никарагуа, Документы о посредничестве. Манагуа, 1869.

Никарагуа, Командующий генерал кавалерии Демократической армии. [Леон, 1854 г.] фолиант.

Никарагуа, Директор государства, «Экспортные суда, 2 июня 1847 г.». Рукопись. Фолиант.

Никарагуа, Директор государства, «О торговле, 10 июня 1839 г.». Рукопись. Фолиант.

Никарагуа, Директор государства, «О торговле, 16 мая 1842 г.». Рукопись. Фолиант.

Никарагуа, Верховный директор народам государства «Фрукто Чаморро». [Манагуа, 1853 г.] фолиант.

Никарагуа, Центральноамериканская компания по строительству канала. Манагуа, 1863.

Никарагуа, Исследования по каналу. [Манагуа], 1870.

Никарагуа, Газета Верховного правительства. Леон, 1848 и далее.

Никарагуа, Газета Никарагуа. Манагуа, 1863 и далее.

Никарагуа, Официальный вестник. Гранада и др., 1852 и далее.

Никарагуа, Отчет об экспедиции на реку Коко. Манагуа, 1869.

Никарагуа, Посредничество Королевской Никарагуанской Американской Республики в урегулировании политического вопроса на Тихом океане. Леон, 1851.

Никарагуа, Пепел Сан-Хуан-дель-Норте. Пуэрто-Лимон, 1874.

Никарагуа. Читатель. Если ты человек чести и т. д. [Леон, 1853 г.] фолиант.

Никарагуа, Письмо представителя французского населения Грейтауна. Париж, 1856.

Никарагуа, Законы, принятые Конгрессом. Гранада, 1859.

Никарагуа, Законы. [Многочисленные отдельные законы, цитируемые по предмету и дате.]

Никарагуа. Лондон, [1851 г.]

Никарагуа, Loor al Clero de Nicaragua, «Los Leoneses». 21 июля 1851 г. [Леон, 1852 г.] фолиант.

Никарагуа, Летописи. Масая, 1872 и далее.

Никарагуа, Манифесты. [Множество различных тем и дат.]

Никарагуа, Меморандум министра о комарах. Леон, [1847 г.]

Никарагуа, Меморандумы министра развития. [Война, финансы, внутренние дела, правосудие, международные отношения и т. д., разных лет.]

Никарагуа, Послания президента. Манагуа, 1857 и далее.

Никарагуа, Послание президента Соединенных Штатов о бомбардировке Сан-Хуана-де-Никарагуа. (33-й Конгресс, 1-я сессия, Ex. Doc. 85.)

Никарагуа, Министерство правительства, финансов, войны и т. д. [Декреты и прокламации, цитируемые по датам.]

Никарагуа, Моции, внесенные представителем. [Манагуа, 1852 г.] фолиант.

Никарагуа, Муниципальные постановления Грейтауна. Кингстон, 1851.

Никарагуа, Уважаемый М. Э. Дж. Сквайер, 27 марта 1853 г. [Леон, 1853 г.] фолиант.

Никарагуа, Уважаемая Палата. [Манагуа, 1852 г.] фолиант.

Никарагуа, Новое обсуждение между Его Величеством и Никарагуа по поводу Москитоса. Леон, 1849.

Никарагуа, Новая эра государства. Леон, 1854 и далее.

Никарагуа, Замечания по решению, вынесенному 10 октября. Леон, 1871.

Никарагуа, Для сведения общественности публикуются официальные документы. Манагуа, 1869.

Никарагуа, Будущее Никарагуа. Валье Готтель, 1871 и далее.

Никарагуа, Первое предупреждение. [Леон, 1851 г.] фолиант.

Никарагуа, Частный проспект компании Atlantic and Pacific Ship Canal Company. Лондон, без даты. фолиант.

Никарагуа, Прокламация и акт об организации правительства. [Леон, 1851 г.] фолио.

Никарагуа, Проспект компании дилижансов. Манагуа, 1861.

Никарагуа, Протест, адресованный господину Дж. Л. Уайту и переписанный господину Корнелиусу Вандербилту. 25 августа 1851 г. Рукопись. Фолиант.

Никарагуа, публичный протест правительству. [Леон, 1853 г.] фолиант.

Никарагуа, Официальный реестр. Сан-Фернандо и др. 1845 и далее.

Никарагуа, Общие правила ведения счетов и учета государственного бюджета. Манагуа, 1861 г.

Никарагуа, Внутренний регламент начальных школ Республики. Манагуа, 1869.

Никарагуа, Правила организации режима. Леон, 1850.

Никарагуа, Отказ, представленный Верховным Конгрессом. Манагуа, 1873.

Никарагуа, Национальное представительство. [Сан-Сальвадор, 1851 г.] фолиант.

Никарагуа, Резолюция о направлении миссии францисканцев. n.pl., 1688. фолио.

Никарагуа, Захват генерала Уокера. Вашингтон, 1858 г.

Никарагуа, Semanal Nicaraguense. Манагуа, 1872 и далее.

Никарагуа, Señores R. R. del Siglo, 27 февраля 1852 г. Хорхе, епископ Никарагуа. [Леон, 1852 г.] фолиант.

Никарагуа, Отчеты об исследованиях судоходного канала. Вашингтон, 1874. 4to.

Никарагуа, Тарифы для морского флота порта Коринф. Манагуа, 1869.

Никарагуа, Северный телеграф. Гранада, 1857 и далее.

Никарагуа, Пепел Грейтауна. без места, без даты.

Никарагуа, Судьба Центральной Америки. Бостон, 1856.

Никарагуа, Договор с Коста-Рикой. Манагуа, 1869 и 1871.

Никарагуа, Договор между Никарагуа и Королевством Италия. Манагуа, 1872.

Никарагуа, Договор между Никарагуа и Испанией. Манагуа, 1868.

Никарагуа, Договор между Никарагуа и Соединенными Штатами Америки. Манагуа, 1868.

Никарагуа, Договор между Никарагуа и Гондурасом. Манагуа, 1867.

Никарагуа, Договор между Никарагуа и Бельгией. Манагуа, 1860.

Никарагуа, Договор между Никарагуа и Францией. Манагуа, 1860.

Никарагуа, Договор между Никарагуа и Его Величеством Б. [Манагуа, 1860 г.]

Никарагуа, Союз Никарагуа. Манагуа, 1861 и далее.

Никарагуа и Гондурас, Документы, относящиеся к посольству. Гранада, 1851.

Никарагуа и флибустьеры. В Blackwood's Edin. Mag., март 1856 г.

Nicaraguan Question. n.pl., 1858.

Nicaraguense (El), Гранада, 1855 и далее.

Ниебла (Фернандо де), Мемориал о вещах, имеющихсЯ в провинции и на побережье Зепотитлан. [Халиско], 1579. MS. folio.

Найлс (Джон М.), История Южной Америки и Мексики. Хартфорд, 1844. 2 тома.

Реестр Найлса. Балтимор и др., 1811-49. 76 т.

Ниньо, Асьенто. В рукописях Скьера.

Североамериканский сборник. Бостон и др., 1851.

Североамериканский обзор. Бостон, 1819 и далее.

Индивидуальная информация о правах, согласно последнему королевскому проекту от 5 апреля 1720 года. Барселона, 1732.

Nouvelles Annales des Voyages. Париж, 1819-60. 168 томов.

Новая Испания, краткое изложение открытия. Мадрид, [1767.] Рукопись, королевский формат. 2 тома.

Новая Гранада, Декрет Национального конгресса об индейцах. Рукопись. 1834.

Новая Гранада, Разделение Республики на департаменты. Рукопись. 21 ноября 1831 г.

Новая Гранада, Конвенция штата от 17 декабря 1831 г. Богота, 1831. Фолио.

Новая Гранада, Мемуары. [Различные департаменты и даты.]

Новая Гранада, Послания президента. Богота, 1835 и далее.

Новая Гранада, Официальный реестр. Богота, 1837 и далее.

Nuevo Viajero Universal. Мадрид, 1859-62. 4то. 5 томов.

Нуньес де Бальбоа. См. [Бальбоа](#).

Нуньес, Договор о сфере. Олисипоне, 1537.

Замечания к заключению, представленному Комиссией по церковным делам Конгрессу Гватемалы. Мехико, 1846.

Досуг испанских эмигрантов. Лондон, 1824-9. 9 томов.

Одориго ди Порто Маджоре дель Фривили, Путешествие блаженного монаха. В Рамузио, Путешествия, т. II.

Одриосола (Мануэль де), Коллекция литературных документов Перу. Лима, 1863-78. 11 томов.

Одриосола (Мануэль де), Исторические документы Перу. Лима, 1863-79. 10 томов.

Огилби (Джон), Америка: самое последнее и точное описание Нового Света. Лондон, 1671. фолиант.

Охеда (Алонсо), Биографические сведения о капитане. В Наваррете, Col. de Viages, т. iii.

Охеда (Алонсо), Королевская грамота, в которой, со ссылкой на Капитул, и т. д., 10 июня 1501 г. В Наваррете, Col. de Viages, т. iii.

Оливейра (Эмм.), Lettres Écrites de la Californie. В Nouvelles Annales des Voy., 1849, т. cxxiii.

Ordenanças para remedio de los Daños é Inconvenientes que se siguen de los descaminos i Arribadas maliciosas de los Navíos que Navegan de las Indias Occidentales. Мадрид, 1661. фолиант.

Королевские постановления Совета Индий. Вальядолид, 1603. фолиант.

Королевские постановления для управления судами высшей инстанции в королевствах Индии. n.pl., n.d. folio.

Королевские постановления для Торговой палаты Севильи и по другим вопросам Индий. Севилья, 1647.

Постановления. n.pl., 1548.

Постановления Военного совета Индий. [Мадрид], 1634.

Постановления от 14 июля 1556 г. Гватемала, 1556 г.

Королевские постановления для судов по бухгалтерскому учету. Вальядолид, 1606. 4то.

Приказы короны. Сборник. Рукопись. Фолиант. 7 томов.

Ордоньес и Агиар (Рамон де), История сотворения неба и земли. n.pl., 1796. MS. folio.

Оррельяна (Матиас), Опровержение клеветы против каноника Д. Матиаса Оррельяны. Леон, 1872.

Оригинальные письма честному моряку. Лондон, без даты.

Ортелиус (Абрахам), *Theatrum Orbis Terrarum*. Антверпен, 1573. фолиант.

Осборн (Джон), Путеводитель по Вест-Индии. Лондон, 1845.

Отис (Ф. Н.), *Isthmus of Panamá*. Нью-Йорк, 1867.

Отис (Ф. Н.), «Тропические путешествия». В журнале *Harper's Magazine*, т. хix.

Овалле (Алонсо де), Историческое описание Королевства Чили. Рим, 1649.

Overland Mail Company, Предлагаемые наблюдения. n.pl. [1857.]

Overland Monthly. Сан-Франциско, 1868 и далее.

Овьедо-и-Вальдес (Гонсало Фернандес де), Письма императору. В Pacheco and Cárdenas, Col. Дос., т. iii.

Овьедо-и-Вальдес (Гонсало Фернандес де), «Естественная история Индий». Толедо, 1526.

Овьедо и Вальдес (Гонсало Фернандес де), *Histoire du Nicaragua*. В Ternaux-Compans, Voy., серия ii., том iii.

Овьедо-и-Вальдес (Гонсало Фернандес де), *Historia General y Natural de las Indias*. Мадрид, 1851-5. 4 тома. 4to.

Овьедо-и-Вальдес (Гонсало Фернандес де), «Общая история». Саламанка, 1547.

Овьедо-и-Вальдес (Гонсало Фернандес де), Краткое изложение естественной истории Индий. В Barcia, *Historiadores Prim.*, том i.

Пачеко (Хоакин Ф.) и Карденас и др., Сборник неопубликованных документов, касающихся открытия, завоевания и колонизации испанских владений в Америке. Мадрид, 1864-81. 34 тома.

Pacific Mail Steamship Company, Мемориал Конгрессу. n.pl., n.d.

Packet Intelligencer. Белиз, 1854 и далее.

Пажес (Ф.), Новое путешествие вокруг света. Париж, 1797. 3 тома.

Паласио (Диего Гарсия де), Письмо королю Испании, 1576 год. [С английским переводом.] Олбани, 1860. (№ 1 из коллекции Скьера.)

Паласио (Диего Гарсия де), Описание провинции Гватемала. В Ternaux-Compans, *Recueil de Dос.*

Паласио (Диего Гарсия де), Отчет, составленный лицензиатом Паласио для короля Филиппа II. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. vi.

Паласио (Диего Гарсия де), Сан-Сальвадор и Гондурас в 1576 году. Берлин и др., 1873.

Палафокс и Мендоса (Хуан), Письмо к Его Святейшеству отцу Андресу де Рада, 4 мая 1649 г. n.pl., MS. folio.

Паллисер (Джон), «Одинокие странствия». Лондон, 1853.

Панама, Официальный вестник. Панама, 1862 и далее.

Панама, Указы от 20 февраля 1534 г. и Письмо о судоходстве по реке Чагрес. Испания, 1534 г. MS. folio.

Панама, Проспект компании Chiriquí Improvement Company. Нью-Йорк, 1855.

Панама, Конституция суверенного государства Панама. Панама, 1875.

Панама, Декреты. [Отдельные листы с различными подписями и датами].

Панама, Декреты и правила Сберегательной кассы. Панама, 1847.

Панама, Описание. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. ix.

Панама, El Constitucional del Istmo. Панама, 1831 и далее.

Панама, Газета. Панама, 1855 и далее.

Панама, Газета перешейка. Панама, 1841 и далее.

Панама, Официальная хроника. Панама, 1849 и далее.

Панама, La Estrella de Panama. Панама, 1849 и далее.

Панама, Законы, принятые Законодательным собранием суверенного государства Панама на сессиях 1876-7; 1879-80. Панама, 1877, 1880. 2 тома.

Panamá Mail. Панама, 1869 и далее.

Массовое убийство в Панаме, сборник основных доказательств. Панама, 1857.

Панама, Меморандум, представленный секретарем правительства Законодательной ассамблее, 1878. Панама, 1879. 4-й том.

Панама, Меморандумы. [Различные ведомства и даты.]

Панама, Послания президента. Панама, 1860 и далее.

Panamá Mercantile Chronicle. Панама, 1866 и далее.

Панама, Заметки, Альбом вырезок.

Панама, Оригинальные документы. Лондон, 1744.

Панама, Projet d'Organisation du service de Santé de la compagnie du Canal Interocéanique de Panamá. Париж, 1880.

Панама, Продление железной дороги Панамы. Панама, 1877.

Panamá Railroad Company, Abstract of Testimony and Argument. [Вашингтон, 1861 г.]

Панамская железнодорожная компания, Сообщение совета директоров. Нью-Йорк, 1855 и далее.

Панамская железнодорожная компания, Договор между Республикой Новая Гранада и Панамской железнодорожной компанией. Нью-Йорк, 1850.

Панамская железная дорога, Отчет Т. Б. Кинга. Вашингтон, 1849.

Панама, Королевские указы. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. xvii.

Панама, Сборник постановлений провинции Верагуас до 1850 года. Картахена, 1851.

Панама, Вырезки из газеты «Историко-политическая переписка». Панама, 1871.

Панама, Правила военного управления и бухгалтерского учета. Панама, 1875.

Панама, Отчет о угольных шахтах Бокас-дель-Торо. Нью-Йорк, 1853.

Panama Star and Herald. Панама, 1849 и далее.

Панама, Налогообложение граждан США, находящихся в транзите. Вашингтон, 1851.

Панама, Перешеек. [Лондон, 1851 г.]

Панама, Резня в Панаме в 1856 году. Панама, 1857.

Панама, Тропические путешествия. Нью-Йорк, 1859.

Панама, Über die Strassenverbindung der Beiden Meere bei Panamá. [Берлин, 1849.] 4то.

Документы иезуитов. Сборник. Рукопись. Фолиант.

Документы францисканцев. Сборник. Рукопись. Фолиант. 2 тома.

Разные документы. Сборник испанских брошюр. 216 томов.

Паредес (Викториано де Д.), Побережье Москито и вопрос о границе. Нью-Йорк, 1855.

Паркер (Сэмюэл), Журнал исследовательского путешествия. Итака, 1842.

Парламентские дебаты. См. [Hansard, T. C.](#)

Парра (Хосе Гомес), Важнейшие и истинные решения для духовенства. Пуэбла, 1712.

Паттон (Дж. Харрис), История Соединенных Штатов Америки. Нью-Йорк, 1867.

Пейн (Эдвард Дж.), История европейских колоний. Лондон, 1877; также издание Лондон, 1878.

Пейн (Эдвард Дж.), Путешествия елизаветинских моряков. Лондон, 1880.

Пейн (Джон), Новая и полная система всеобщей географии. Нью-Йорк, 1798. 4 тома.

Пайно, Хронология Мексики. В Soc. Mex. Geog., т. vi.

Пелаес (Франсиско де П. Гарсия), *Memorias para la Historia del Guatemala*. Гватемала, 1851-2. 3 тома.

Пеллион (Одет), Отчет о Гольфо-Дульсе, июнь 1852 г. без указания места и даты.

Пембертон (Дж. Деспард), Факты и цифры, относящиеся к острову Ванкувер и Британской Колумбии. Лондон, 1860.

Пенья (Хуан Антонио), Дневник путешествия маркиза Сан-Мигеля де Агуайо. В Mayer, MSS.

Пенья и Пенья (Мануэль де ла), Уроки мексиканской судебной практики. Мехико, 1835-9. 4 тома.

Penonomé, El Coclesano. Penonomé, 1881 и далее.

Перальта (М.), Республика Коста-Рика. Женева, 1871.

Перес (Херонимо), Биография полковника Крисанто Сакаса. [Масая], 1875.

Перес (Херонимо), Воспоминания об истории Национальной компании. Масая, 1873.

Перес (Херонимо), Воспоминания для истории революции в Никарагуа. Манагуа, 1865.

Перес (Макс.), Ответ на манифест президента Республики Никарагуа. Леон, 1862.

Перес (Макс.), Ответ на голосование по актуальным вопросам. Леон, 1862.

Перес и Лопес (Хавьер), Театр всеобщего законодательства Испании и Индий. Мадрид, 1791-8. 4-й. 28 томов.

Пешель, *Geschichte der Entdeckungen*. Штутгарт, 1858.

Питер Мартир. См. [Мартир, Питер](#).

Пето (сэр С. Мортон), Ресурсы и перспективы Америки. Нью-Йорк, 1866.

Пфайффер (Ида), Второе путешествие леди вокруг света. Нью-Йорк, 1856.

Филлипс (Дж. Артур), Добыча и металлургия золота и серебра. Лондон, 1867.

Пигафетта (Франциско Антонио), *Le Voyage et navigation fait par les Espagnolz es Isles de Mollucques*. Рукопись XVI века.

Пигафетта (Франческо Антонио), «Путешествие вокруг света, совершенное и описанное». В Рамузио, «Путешествия», т. i.

Пигге, *De æquinoctiorum Sol*. Париж, [1520].

Пим (Бедфорд) и Бертольд Зеemann, «Заметки о дороге в Панаме, Никарагуа и Москито». Лондон, 1869.

Пим (Бедфорд), *The Gate of the Pacific*. Лондон, 1863.

Пинедо (Хосе Лауреано), произнесенное Верховным директором государства. Гранада, 1853.

Пинело (Антонио де Леон), *Autos, acuerdos y decretos de gobierno del real y supremo consejo de las Indias*. Мадрид, 1658.

- Пинело (Антонио де Леон), Речь о важности, форме и расположении Свода законов Индий. [Мадрид], 1623. фолиант.
- Пинело (Антонио де Леон), Краткое изложение Восточной библиотеки и т. д. Мадрид, 1737-8. фолиант. 3 тома.
- Пинело (Антонио де Леон), Отчет, представленный в Совете Индий. [Мадрид], 1638. фолио.
- Пинкертон (Джон), Общий сборник путешествий и странствий. Лондон, 1808-14. 17 томов. 4то.
- Пинкертон (Джон), Современная география. Лондон, 1807. 3 тома и атлас. 4то.
- Пинсон, De Navigatione Pinzoni Socii Admirantis, et de rebvs per eum repertis. В Grynæus, Novvs Orbis.
- Пий IX, Письмо епископу Никарагуа. Ноябрь 1849 г. [Леон, 1850 г.]
- Пираты Америки и защита побережья Вест-Индии. Мадрид, 1793.
- Питман (Роберт Биркс), Краткий обзор и анализ судоходного канала через перешеек Америки. Лондон, 1825.
- Писарро (Франциско), Информация, полученная в Панаме на корабле «Консепсьон», 1534 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., tom. x.
- Писарро и Орельяна (Фернандо), «Знаменитые мужчины Нового Света». Мадрид, 1639. фолиант.
- Пойнсетт (Дж. Р.), Заметки о Мексике. Лондон, 1825.
- Понсе де Леон. См. [Леон](#).
- Понсе, Relacion de las Cosas. В Documentos Inéditos, тома lvii., lviii.
- Понтелли (Л. де), Explorations in Central America. В Nouvelles Annales des Voy., 1857, том clv.; и в California Farmer, 7, 14 ноября 1862 г.
- Понтон (Мунго), Землетрясения и вулканы. Лондон, 1868.
- Порас, Отчет о путешествии 1502 года. В Наваррете, Col. de Viages, том i.
- Пуссен (Гийом Телль), О могуществе Америки. Париж, 1848. 2 тома.
- Поведо (Игнасио), Экспозиция. Леон, 1872.
- Прескотт (Уильям Х.), История завоевания Мексики. Мексика, 1844-6. 3 тома; также Мексика, 1845-6, 3 тома; также Мадрид, 1847-50, 4 тома.
- Прескотт (Уильям Х.), История завоевания Перу. Мехико, 1850. 2 тома.
- Прескотт (Уильям Х.), История правления католических королей Фернандо и Изабеллы. Мехико, 1854, 2 тома.
- Прескотт (Уильям Х.), История завоевания Мексики. Нью-Йорк, 1844. 3 тома; также Филадельфия, 1860. 3 тома.

Прескотт (Уильям Х.), История завоевания Перу. Филадельфия, 1871. 2 тома.

Прескотт (Уильям Х.), История правления Фердинанда и Изабеллы Католических. Филадельфия, 1871. 3 тома.

Прайор (Сэмюэл), Все путешествия вокруг света. Нью-Йорк, 1846.

Королевские постановления по различным вопросам и датам. Испания, 1596-1784. Рукопись. Фолиант.

Провинция Святого Евангелия Новой Испании. [Сборник рукописей XVI века.] фолиант.

Provinciae sive Regiones in India Occidentali. Вальядолид, 1520.

Птолемей, Космография. Ульм, 1482; и другие издания.

Птолемей, *In hoc opere hæc continentvr Geographiæ Cl. Ptolemæi*. Рим, 1508.

Пуэнте и Маркес, Письмо Алонсо де ла Пуэнте и Диего Маркеса об открытиях, 28 января 1519 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., tom. ii.

Пуэрто (Николас Антонио дель), Приглашение католикам Америки. Мехико, 1811.

Пуга (Васко де), [сборник указов] *Provisiones, Cédulas, Instrumentos de su Magestad*. Мехико, 1563.

Пурчас, Его паломничество. (1-я часть.) Лондон, 1614. 9 книг в 1 томе. фолиант. 11 л. 918 с. 18 л.

Пурчас, Его паломники. Лондон, 1625-6. 5 томов. фолиант.

Пуйдт (Люсьен де), Отчет о научных исследованиях на перешейке Дарьен, 1861, 1865. В *Lond. Geog. Soc. Jour.*, т. xxxviii.

Пуйдт (полковник), Отчет в продолжение сборника всех документов, касающихся Гватемалы. Брюссель, 1842.

Пуйдт (Р. де) и Ван Денберг Бинкум, Колонизация в Центральной Америке. Париж, 1844.

Quarterly Review, Лондон, 1809 и далее.

Quiñonez (Faustino), В память о генерале, заслуженном герое родины, доне Франсиско Морасане. Сан-Сальвадор [1859].

Квинтана (Мануэль Хосеф), Жизнь знаменитых испанцев. Париж, 1845.

Рафн, Аннотация. В *Lond. Geog. Soc. Journal*, 1838, т. viii.

Рафн, *Antiquitates Americanæ*. Хафния, 1837.

Рамирес (Хосе Фернандо), Процесс против Педро де Альварадо. Мехико, 1847.

Рамирес (Норберто), Никарагуанцы, 19 июня 1849 г. Леон, без даты, фолио.

Рамирес (Себастьян), «Жизнь Мотолинии». В: Икасбальсета, Col. Doc., т. i.

Рамузио (Джованни Баттиста), «Навигации и путешествия». Венеция: т. i., 1554; т. ii., 1583; т. iii., 1565. 3 тома. Фолиант.

Рейналь (Г. Т.), *Histoire Philosophique et Politique*. Париж, 1820-1. 12 томов и атлас.

Королевская указ. В Col. Doc. Inéditos; Navarrete, Col. de Viages; Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.

Королевские указы. [Сборник рукописей.] фолиант. 2 тома.

Королевские указы. [Сборник указов и т. д. XVIII века.] Мадрид. Фолио. 12 томов.

Реклюс (М. А.), Исследования перешейков Панамы и Дарьен в 1876-77 и 78 годах. Мадрид, 1881. фолио.

Сборник законов испанского правительства, действующих в Республике. Мехико, 1851.

Сборник законов королевств, отпечатанных и опубликованных по приказу Карла II. Мадрид, 1791. фолио. 4 тома.

Реес (Л. Э.), Отчеты и документы, касающиеся рудников Сакра-Фамилия. Лондон, [1866].

Размышления в ответ на статью, опубликованную в газете «Универсал», номер 169. Мадрид, 1821.

Опровержение избирательной хроники Гранады, сопровождаемое обзором выборов в том же округе. Манагуа, 1866.

Regeneracion (La). Сан-Сальвадор, 1876 и далее.

Региль (Хосе Мария) и Алонсо Мануэль Пеон. Статистика департамента Юкатан. В Soc. Mex. Geog., Boletin, т. iii.

Временный регламент морской почты в Индию. [Мадрид], 1764.

Правила и королевские тарифы для свободной торговли между Испанией и Индией. n.pl., 1778.

Райхардт (К. Ф.), Центральная Америка. Брауншвейг, 1851.

Райхардт (К. Ф.), Никарагуа. Брауншвейг, 1854.

Райш (Жорж), *Margaritha Philosophica*. [Базель], 1517.

Отчет о поражении, которое потерпел бергентин в 1527 году. В Флориде, Col. Doc.

Отчет судей, 1531. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. xiv.

Отчет и маршрут, 1533. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. xiv.

Отчеты о путешествии на Молуккские острова, 1537. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., v.

Ремесаль (Антонио де), История провинции Сан-Висенте-де-Чайпа. Мадрид, 1619. 4to.

Ремон (Мигель), Отчет о правительстве провинции Санто-Доминго-де-эль-Дариен. n.pl., 1754. MS. folio.

Американский репертуар (El). Лондон, 1826 и далее.

Рестрепо (Хосе Мануэль), История революции в Колумбии. Париж, 1827. 10 томов. Атлас в 4то.

Ревилья (Хосе де ла), Исторический обзор завоевания Новой Испании. В Solis, Hist. Mex. Издание Мадрид, 1843.

Рецензент американской политики и литературы. Нью-Йорк, 1850 и далее.

Революция в испанской Америке, обзор. Лондон, 1817.

Revue Américaine. Париж, 1826 и далее.

Revue des Deux Mondes. Париж, 1839 и далее.

Revue Française. Париж, 1864.

Ричардсон (Чарльз С.), Отчет о Чирики. Нью-Йорк, 1857.

Рингроз (Бэзил), Опасное путешествие и смелые попытки капитана Б. Шарпа. Лондон, 1684.

Ривас, Будущее Никарагуа. Ривас, 1867 и далее.

Ривера (Хуан Антонио), Diario Curioso. В Doc. Hist. Mex., серия ii., т. vi.

Ривера (Мануэль), Древняя и современная история Халапы. Мехико, 1869-71. 5 томов.

Ривера (Мануэль), Правители Мексики. Мехико, 1872. 2 тома.

Ривинус (Эдуард Флоренс), Атлантида. Лейпциг, 1827. 2 тома.

Робертс (Орландо В.), «Повествование о путешествиях и экскурсиях по восточному побережью и внутренним районам Центральной Америки». Эдинбург, 1827.

Робертсон (Уильям), История Америки. Лондон, 1777. 2 тома. 4то.; также Лондон, 1783. 3 тома.

Робинсон (Конвей), «Отчет об открытиях на Западе до 1519 года». Ричмонд, 1848.

Робинсон (Уильям Дэвис), Memorias de la Revolucion de Megico. Лондон, 1824.

Робинсон (Уильям Дэвис), «Мемуары о мексиканской революции». Филадельфия, 1820; также Лондон, 1821. 2 тома.

Роблес (Антонио де), Дневник за 1665 и 1703 годы. В Doc. Hist. Mex., серия i., том ii.

Роблес (Антонио де), Защита от забвения, жизнь Д. Алонсо де Куэвас Давалоса. Мехико, 1757.

Роча (Хесус де ла), Кодекс законодательства о государственных финансах, судоходстве и торговле Никарагуа. Манагуа, 1871. фолиант.

Роча (Хесус де ла), Кодекс законодательства Никарагуа. Манагуа, 1873-4. 4-й. 3 тома.

Роча (Хесус де ла), Дополнение к восьмой книге Кодекса законодательства Никарагуа. Манагуа, 1871. фолиант.

Роча (Педро Франсиско де ла), Политический журнал по истории революции в Никарагуа. Гранада, 1847.

Рош (И. Л.), Фернан Кортес. Лилль, 1858.

Родригес (И.), Речь, произнесенная 20 октября текущего года. Сан-Сальвадор, 1853.

Роджерс (Вуд), Кругосветное плавание. Лондон, 1718.

Рохас, Инструкция Габриэлю де Рохасу по открытию Десагуадеро, 1527. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. xiv.

Роль (Эль). Сан-Висенте, 1855 и далее.

Ромеро (Элиас), «Los Salvages ó La Caridad». Мехико, 1855.

Рокетт, География Новой Гранады. В Nouvelles Annales des Voy., 1855, т. cxlvii.

Роузкранс (У. С.), Доктрина Монро. Мехико, 1870.

Роузкранс (У. С.), «Манифест судьбы». Мехико, 1870.

Россер (W. Н.), Краткое руководство по ветрам Тихого океана. Лондон, 1868.

Россер (W. Н.), The Navigation of the Three Oceans. Лондон, 1868.

Росси, Воспоминания о путешествии в Орегон. Париж, 1864.

Руо (Ипполит), Новые регионы. Париж, 1868.

Route du Port de Panama à celui de Acapulco. MS. folio.

Ру де Рошель, Диссертация о путешествиях Себастьяна Кабота. В Soc. Geog., Бюллетень, апрель 1832 г.

Ру де Рошель, Фернан Кортес, Поэма. Париж, 1838.

Лондонское королевское географическое общество. См. [Lond. Geog. Soc.](#)

Рубалькава (Х. Г. де), Историко-политический и юридический трактат о торговле в Индии. Кадис, [1750].

Рухамер, Neue unbekante landte. Нюрнберг, 1508.

Руис (И.), Сальвадорский календарь. Сан-Сальвадор, 1873 и далее.

Рассел (Уильям), История Америки. Лондон, 1778. 4-й том. 2 тома.

Сааведра (Донья Альдонса де), Письмо к Фраю Бартоломе де лас Касас, 6 мая 1562 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. vii.

Саказа (Даниэль), Протест компании дилижансов. Гранада, 1866.

Сакро Боско (Джованни ди), Sphera Volgare. Венеция, 1537.

Саенс (Матео), Проповедь, произнесенная в Воскресенье Хлебов, 18 марта 1860 г. Манагуа, 1860.

Сагра, Histoire physique et politique de l'île de Cuba. Париж, 1838; и атлас.

Сен-Аман (Де), Путешествия по Калифорнии и Орегону. Париж, 1854.

Святой Франциск Ассизский, Жизнь; и Очерк францисканского ордена. Нью-Йорк, 1867.

Салазар (Франциско Сервантес), Мексика в 1554 году. Мехико, 1875.

Салазар, Миссии Вера-Пас. Рукопись. Фолиант.

Салазар (Ремихо), Похоронная речь 5 октября 1849 года. [Леон, 1849.]

Салазар и Оларте (Игнасио де), История завоевания Мексики. Вторая часть. [Продолжение Солиса.] Кордова, 1743. фолио; также Мадрид, 1786. 4то.

Сальседо (Диего Лопес де), Инструкция и полномочия, данные губернатором Габриэлю де Рохасу для открытия Десагуадеро, 1527. В Пачеко и Карденас, Col. Doc., т. xiv.

Сальседо (Диего Лопес), Заверенная копия указа императора о назначении Сальседо губернатором залива Лас-Игерас, 20 ноября 1525 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. xiv.

Сальгадо (Хуан Рамон); Мемуары о событиях, произошедших в городе. Леон, Никарагуа, 1872.

Сальмас, Описание различных событий. В Col. Doc. Inéd., т. xxvi.

Сэлмон, Современная история. Лондон, 1744. фолиант. 3 тома.

Сальвадор, Al Público. [Различные даты и подписи.]

Сальвадор, Официальный вестник. Сан-Сальвадор, 1875 и далее.

Сальвадор, Сенат, «Сообщение Доротоса Васконселоса, 22 февраля 1851 года». [Сан-Сальвадор, 1851.] фолио.

Сальвадор, Коллекция прокламаций. n.pl., n.d. 4то.

Сальвадор, Сообщения между Верховным правительством и Британским консульством. [Сан-Сальвадор, 1850 г.] фолио.

Сальвадор, Ответ правительства консулу Его Величества. Сан-Сальвадор, 1849. 4то.

Сальвадор, Ответ президента законодательного органа на послание президента Республики, 21 января 1875 г. Сан-Сальвадор, 1875. фолио.

Сальвадор, Переписка между Негрете и Сквайером. [Сан-Сальвадор, 1853 г.] фолиант.

Сальвадор, Хроника дня. Леон, 1865. 4то.

Сальвадор, По распоряжению Верховного правительства и для сведения народа. [Сан-Сальвадор, 1851 г.] фолиант.

Сальвадор, Диалог между Д. Чепе и Д. Начо, 23 и 28 ноября 1851 г. [Сан-Сальвадор, 1851 г.] фолио.

Сальвадор, Официальный вестник. Сан-Сальвадор, 1875 и далее.

Сальвадор, Трудности с британскими властями. Вашингтон, 1851.

Сальвадор, Речь, произнесенная сенатором-президентом, 19 февраля 1851 г. Сан-Сальвадор, 1851 г.

Сальвадор, Документы, подтверждающие справедливость отказа правительства признать некоторые кредиты, требуемые консулом Инглесом. [Сан-Сальвадор, 1849 г.] 4-й том.

Сальвадор, Предстоящие выборы «За сальвадорцев», 15 ноября 1851 г. [Кохутепеке, 1851 г.] фолиант.

Сальвадор, Правительство Сальвадора и церковная курия, Сан-Сальвадор, 1874.

Сальвадор, Будущее Сальвадора, выведенное из анализа фактов. Леон, 1872.

Сальвадор, Сенат и Палата депутатов своим избирателям. 22 февраля 1851 г. Сан-Сальвадор, 1851 г. фолиант.

Сальвадор, Общая статистика, 1858-[1860.] Сан-Сальвадор, 1858-[1860.]

Сальвадор, Газета. Сан-Сальвадор, 1849 и далее.

Сальвадор, Правительственная газета. Сан-Сальвадор, 1850 и далее.

Сальвадор, Официальная газета. Сан-Сальвадор, 1876 и далее.

Сальвадор, La Justicia y la Razon «Los Verdaderos Imparciales», 28 ноября 1851 г. [Сан-Сальвадор, 1851 г.] фолиант.

Сальвадор, La Verdad, «Los Patriotas Vicentinos», 24 ноября 1851 г. Сан-Сальвадор, [1851 г.].

Сальвадор, Мемуары [различных ведомств и дат].

Сальвадор, Послание президента. Сан-Сальвадор, 1857 и далее.

Сальвадор, Генеральное министерство и т. д. [Различные указы, цитируемые по датам].

Сальвадор, Модель ведения счетов казначейства. Сан-Сальвадор, 1860.

Сальвадор, «Трагическая новость «Землетрясения в Сан-Сальвадоре» [Комаягуа], 1854. фолиант.

Сальвадор, Мнение государства Сальвадор в связи с событиями в Никарагуа. Сан-Сальвадор, 1851. фолио.

Сальвадор, Предлагаемый план строительства деревянной дороги. [Сан-Сальвадор, 1853 г.]

Сальвадор, Первый ответ клеветникам. Сан-Сальвадор, 1872.

Сальвадор, Протокол переговоров между представителями правительств Гондураса и Сальвадора. Сан-Сальвадор, 1871.

Сальвадор, Уважаемые редакторы «Сальвадор Регенерато», 20 июня 1846 г. [Сан-Сальвадор, 1847 г.]

Сальвадор, Тариф на измерение объема для взимания пошлин в торговле. Сан-Сальвадор, [1849 г.] фолиант.

Сальвадор и Гондурас, Манифест конференций. Сан-Сальвадор, 1848.

Самано, Приговор пилоту Родриго Ниньо. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. xi. Sammlung aller Reisebeschreibungen. Лейпциг, 1874-74. 21 том. 4to.

Сэмпсон (Мармадюк), Центральная Америка и транзит. Нью-Йорк, 1850.

Сандовал (Пруденсио), История жизни и деяний императора Карла V. Памплона, 1634. фолиант. 2 тома.

Газеты Сан-Франциско. [Цитируется по названию и дате.]

Сан-Хуан, оккупация. [Леон], 1848.

Сан-Хуан-дель-Норте в Никарагуа, Документы, относящиеся к событиям в порту. Леон, 1841.

Сан-Мартин (Хосе Мария), К его жителям, 18 апреля 1854 г. [Сан-Сальвадор, 1854 г.] фолиант.

Сан-Сальвадор. Договор об основании монастыря в городе. MS. фолиант.

Сансон Д'Аббевиль (Ле С.), L'Amerique en Plusievs Cartes. Париж, без даты. 4to.

Сантанджело (О. де А.), Циркулярное письмо членам Конгресса. Нью-Йорк, 1844.

Сантанджело (О. де А.), Первые четыре обсуждения Конгресса Панамы. Мехико, 1826.

Сантарем, Письмо Его Превосходительства виконта Сантарема. В Наваррете, Col. de Viages, т. ii.

Сантарем (М. ле Виконт), Мемуар о вопросе, в какую эпоху Южная Америка. В Soc. Geog. Bul., серия iii., том vii.

Сантарем (М. le Vicomte), Исторические, критические и библиографические исследования об Америке Веспуче и его путешествиях. Париж, 1842.

Сантьяго-де-Верагуас. El Republicano. Сантьяго, 1879 и далее.

Сантос (Франциско Хуан), Chronologia Hospitalaria y Resumen historial de la sagrada religion. Мадрид, 1715-16. фолиант. 2 тома.

Сан-Висенте, Crónica de San Salvador, 1852.

Саравия (Мигель Гонсалес), Bosquejo Politico Estadistico de Nicaragua. Гватемала, 1824.

Сарда (Хосе), Декрет о принудительном налогообложении. 1829.

Saturday Magazine. Лондон, 1834-41. 8 томов, фолиант.

Скарлетт (П. Кэмпбелл), Южная Америка и Тихий океан. Лондон, 1838. 2 тома.

Шедель (Хартманн), «Регистр». Нюрнберг, 1493.

Шерер (Жан Бенуа), Исторические исследования. Париж, 1777.

Шерцер (Карл), Bericht an die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1852-5. Вена, 1856.

Шерцер (Карл), Die Indianer von Istlávacan. Вена, 1856.

Шерцер (Карл), «Повествование о кругосветном плавании австрийского фрегата «Новара». Лондон, 1861. 3 тома.

Шерцер (Карл), Путешествия по свободным государствам Центральной Америки. Лондон, 1857. 2 тома.

Шерцер (Карл), О рукописных произведениях Падре Сименеса. Без места и даты.

Шерцер (Карл), Путешествия по Центральноамериканским свободным государствам. Брауншвейг, 1857.

Шмеллер, О некоторых рукописных морских картах. В Академии наук, Abhandl., т. IV.

Шмидт (Густав), Гражданское право Испании и Мексики. Новый Орлеан, 1851.

Шёнер (Джон), *Luculentissima quædā terræ totius descriptio*. Нюрнберг, 1515.

Шёнер (Джон), *Opvscvlvm Geographicvm. n.pl., [1533.] 4to.*

Шёнер (Джон), *Orbis Typvs*. Нюрнберг, 1515.

Шулькрафт (Генри Р.), Архивы знаний аборигенов. Филадельфия, 1860. 6 томов. 4to.

Шульц (Иоганн Эфраим). [Письмо на немецком языке; Блюфилдс, Москито-Шор, Центральная Америка, 20 июля 1847 г.] n.pl., n.d.

Отрывки о межокеанской связи.

Ежемесячный журнал Скрибнера. Нью-Йорк, 1871 и далее.

Скроуп (Г. Пуле), «Рассуждения о вулканах». Лондон, 1825.

Силсфилд (Чарльз), Сцены и приключения в Центральной Америке. Лондон, 1852.

Сиурд (Эдвард), «Рассказ о своем кораблекрушении». Лондон, 1841. 2 тома.

Зеeman (Бертольд), «История Панамского перешейка». Панама, 1867.

Земан (Бертольд), История Панамского перешейка. В *Panama Star and Herald*, 1868.

Селфридж (Томас Олливер), Отчеты об исследованиях, Судоходный канал через Дарьен. Вашингтон, 1874. 4to.

Сельва (Хосе Мануэль), *Salud Dn José Manuel Mayo 10 de 1852, Segunda Capiladá*. (Тегусигальпа, 1852.)

Сельва (Хосе Мануэль), Оправдание в связи с ложным обвинением. [Тегусигальпа, 1852 г.]

Seward (William H.), Речь в Сенате США, 31 января 1856 г. n.pl., n.d.

Шарп (Барт.), Путешествия и приключения. Лондон, 1684.

Шарп, «Южное море Ваггонер». Рукопись. Фолиант.

Шелвок (Джордж), Путешествие вокруг света. Лондон, 1726.

Шепард (А. К.), Документы по испанской Америке. Олбани, 1868.

Вопрос о судоходном канале, состояние. Лондон, без даты.

Шуфельдт (Роберт В.), Отчеты об исследованиях, Судоходный канал через Теуантепек. (42-й Конгресс, 2-я сессия, Ex. Doc. 6.) Вашингтон, 1872. 4то.

Сикар (Феликс), Простые заметки о Центральной Америке. Париж, 1863.

Sierralta, Королевский титул губернатора Коста-Рики в Коронадо, 8 апреля 1565 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., tom. xi.

Siglo (El). Сан-Сальвадор, 1851 и далее.

Силлиман (Бенджамин), Американский научный журнал. Нью-Хейвен, 1819 и далее. 107 томов.

Сильва (Хуан де), Важные предупреждения о правильном управлении Индиями. Мадрид, 1621. фолиант.

Simon (Pedro), Primera Parte de las Noticias Historiales de las Conquistas de Tierra Firme. Куэнка, 1626. фолиант.

Simonin (L.), La Vie Souterraine. Париж, 1867.

Синтра (Пьетро ди), «La Nauigation del», написанная Мезером Алуисе да ка да Мосто. В Рамузио, «Viaggi», т. i.

Сиверс (Йезор фон), «О Мадейре и Антильских островах в Центральной Америке». Лейпциг, 1861.

Слей (Аддерли В.), Принц Панамы. [Лондон, 1847 г.]

Смитсоновский институт. Годовой отчет совета попечителей. Вашингтон, 1853 и далее.

Сноуден (Ричард), История Северной и Южной Америки. Филадельфия, 1832.

Общество любителей родины Гватемалы. Каталог членов. [Новая Гватемала, 1799.]

Экономическое общество любителей родины Гватемалы. Новая Гватемала, 1797; и другие годы.

Мексиканское общество географии и статистики, Бюллетень. Мехико, 1861 и далее. [Включает Национальный институт.]

Патриотическое общество Гватемалы, Генеральная ассамблея. [Гватемала, 1811 и далее.]

Географическое общество, Бюллетень. Париж, 1825 и далее.

Соконуско, оккупированное по приказу мексиканского правительства. Гватемала, 1842.

Соден (Юлиус), Испанцы в Перу и Мексике. Берлин, 1794. 2 тома.

Солинус-Камерс (Иоаннис), Enarrationes. Вена, 1520.

Солис (Антонио де), История завоевания Мексики. Мадрид, 1684. фолиант; также Мадрид, 1843; и различные другие издания.

Солис (Диас де) и Янез Пинсон, Reise des. В Sammlung, т. xiii.

Сольорсано Перейра (Хуан де), *De Indiarum Jure*. Люгдуни, 1672. 2 тома, фолиант.

Сольорсано Перейра (Хуан де), *Politica Indiana*. [Перевод предыдущего труда.] Мадрид, 1776. 2 тома, фолиант.

Южная Америка и Мексика, взгляд на. Нью-Йорк, 1825. 2 тома. Нью-Йорк, 1827. 2 тома.

Южный кварталный обзор. Новый Орлеан, 1842 и далее.

Southey (Robert), *History of Brazil*. Лондон, 1810, 1817, 1819. 4to. 3 тома.

Южно-морская компания, исследование и объяснение. Лондон, 1720.

Южно-морская компания, Дальнейшее исследование. Лондон, 1720.

Южно-морская компания, Обзор побережий, стран и островов в пределах Южно-морской компании. Лондон, 1711.

Испанская Америка, Краткая история. Лондон, 1741.

Испанская Америка, Наблюдения над инструкциями, данными президентом Соединенных Штатов, и т. д. Лондон, 1829.

Испанская Америка и Соединенные Штаты. Автор: купец из Филадельфии. Филадельфия, 1818.

Испанские завоевания в Америке, истории о. Бостон, 1830. 3 тома.

Испанская империя в Америке. Лондон, 1747.

Испанские ложь, клевета. Лондон, 1596.

Испанские поселения в Америке. Эдинбург, 1762.

Споторно, Дипломатический кодекс. Генуя, 1823.

Скьер (Э. Г.), Заметки о Центральной Америке и т. д. Париж, 1856.

Скьер (Э. Г.), Межокеанская железная дорога Гондураса. Париж, 1855.

Скьер (Э. Г.), Сборник редких и оригинальных документов и т. д., касающихся открытия и завоевания Америки. Олбани, 1860. 4-й формат.

Скьер (Э. Г.), Сообщение Коста-Рике, 1 октября 1849 г. Сан-Сальвадор, 1849.

Скьер (Э. Г.), Краткая история политической жизни Центральной Америки. Париж, 1856.

Скьер (Э. Г.), Государства Центральной Америки. Лейпциг, 1856.

Скьер (Э. Г.), Гватемала, без даты, без места издания.

Скьер (Э. Г.), Гондурас и Гватемала. [Нью-Йорк, 1845 г.]

Скьер (Э. Г.), Гондурас. Описание и т. д. Лондон, 1870.

Скьер (Э. Г.), Межокеанская железная дорога Гондураса. Лондон, 1857.

Сквайер (Э. Г.), Межокеанская железная дорога Гондураса, предварительный отчет. Нью-Йорк, 1854.

Сквайер (Э. Г.), Информация об угольных шахтах реки Лемпе. Лондон, 1856.

Сквайер (Э. Г.), Письмо Х. С. Футу, Нью-Йорк, 1850. без даты, без места издания.

Сквайер (Э. Г.), Письмо по поводу письма г-на Брассера из Бурбура. Париж, 1855.

Сквайер (Э. Г.), Монография авторов, писавших о языке Центральной Америки. Нью-Йорк, 1861.

Сквайер (Э. Г.), Никарагуа: его народ, пейзажи, ресурсы, условия и предлагаемый канал. Нью-Йорк, 1860; и Нью-Йорк, 1856. 2 тома; также Нью-Йорк, 1860.

Скьер (Э. Г.), Заметки о Центральной Америке. Нью-Йорк, 1855.

Сквайер (Э. Г.), Заметки о штатах Гондураса. Париж, 1855.

Сквайер (Э. Г.), Отчет директорам Межокеанской железной дороги Гондураса. [Лондон, 1858.] фолиант.

Сквайер (Э. Г.), Руины Тенампуа. 1853. без указания места и даты.

Сквайер (Э. Г.), Символ змеи. Нью-Йорк, 1851.

Скьер (Э. Г.), Государство Центральной Америки. Нью-Йорк, 1858.

Сквайер (Э. Г.), Путешествия по Центральной Америке, в частности по Никарагуа. Нью-Йорк, 1853. 2 тома.

Сквайер (Э. Г.), «Тропические волокна». Нью-Йорк, 1861.

Сквайер (Э. Г.), Вайкна. См. [Бард. Сэм. А.](#)

Рукописи Скьера. Сборник рукописей, относящихся к Центральной Америке. [Цитируется отдельно.]

Стамлер (Джон), Dyalogvs. Аугсбург, 1508.

Штайнховель, Chronica Beschreibung. Франкфурт, 1535.

Стивенс (Джон Л.), «Случаи из путешествий по Центральной Америке». Нью-Йорк, 1841. 2 тома.

Стивенс (Джон Л.), «Случаи из путешествия по Юкатану». Нью-Йорк, 1858. 2 тома.

Стивенс (Джон Л.), Путешествие в Юкатан в 1841-2 гг. Кампече, 1848.

Стивенс (Генри), Исторические и географические заметки о первых открытиях в Америке, 1453-1530. Нью-Хейвен, 1869.

Стюарт (Уильям Фрэнк), Последний из флибустьеров. Сакраменто, 1857.

Стилман (Дж. Д. Б.), В поисках золотого руна. Сан-Франциско и др., 1877.

Стобница, «Птолемей». Краков, 1512.

- Стаут (Питер Ф.), «Воспоминания о Никарагуа». В «Американских заметках и вопросах», 1857.
- Стаут (Питер Ф.), «Никарагуа». Филадельфия, 1859.
- Стрейн (Дж. Г.), Доклад об истории и перспективах межокеанского сообщения, 17 июня 1856 г. Нью-Йорк, 1856.
- Стрэнджвейс (Томас), «Очерк о побережье Москито». Эдинбург, 1822.
- Стребер (Р.), Документальное изложение событий в Омоа. Сан-Сальвадор, 1874.
- Суарес и Наварро (Хуан), История Мексики и генерала А. Л. де Санта-Анны. Мехико, 1850.
- Суарес и Наварро (Хуан), Informe sobre las Causas y Carácter de los frecuentes cambios políticos en el estado de Yucatan. Мехико, 1861.
- Сучимилько, Письмо его вождей, 2 мая 1563 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., tom. xiii.
- Сукау (Анри де), Les Grandes Voies du Progrès, Suez et Honduras. Париж, 1869.
- Suckau (Henri de), Une Voie Nouvelle à travers L'Amérique Centrale. Париж, 1866.
- Сью (Джозеф), Анри ле Шансельер, Souvenirs d'un Voyage dans l'Amérique Centrale. Париж, 1857.
- Сводка указов, изданных с 1628 по 1677 год. Мехико, 1678.
- Сутил и Мексикана. Отчет о путешествии на шхунах. Мадрид, 1802; атлас в 4-х томах.
- Syllacio, ad Sapiētissimū ... de ĩsulis, etc. Павия, 1494 или 1495.
- Тапия (Андрес де), Отчет о завоевании Мексики. В Icazbalceta, Col. Doc., т. ii.
- Тапия (Эухенио де), История испанской цивилизации. Мадрид, 1840. 4 тома.
- Тейлор (Джордж), Речь в Палате представителей США, 22 декабря 1858 г. n.pl., n.d.
- Тегусигальпа. Муниципалитет Тегусигальпы своим согражданам. 29 июля 1853 г. [Гондурас, 1853 г.] фолио.
- Техериньо (Тринидад), Заметки о национальности Центральной Америки. Леон, 1871.
- Темпски (Г. Ф. фон), Митла: повествование о событиях и личных приключениях. Лондон, 1858.
- Терно (Анри), Американская библиотека. Париж, 1837.
- Терно-Компанс (Анри), Сборник оригинальных документов и мемуаров по истории испанских владений в Америке. Париж, 1840.
- Терно-Компанс (Анри), Путешествия, отношения и оригинальные мемуары, служащие источником для истории открытия Америки. Париж, 1837-41. 2 серии, 10 и 8 томов.
- Тевет (Андреа), История Америки. Венеция, 1561.
- Тезозомоч (Альваро), История Мексики. Париж, 1853. 2 тома.

Тезумп (Франциско Гарсия), Quiché MS.

Тэйер (Илай), Речь в Палате представителей США, 7 января 1858 г. Вашингтон, 1858.

Thesaurus Geographicus. Лондон, 1709. фолиант.

Тьер (Адольф), «Пузырь Миссисипи». Нью-Йорк, 1859.

Томас (Льюис Ф.), Кортес, завоеватель. Вашингтон, 1857.

Томпсон (Г. А.), «Повествование об официальном визите в Гватемалу». Лондон, 1829.

Томпсон (Джон), Речь в Палате представителей США, 12 января 1858 г. Вашингтон, 1858.

Торн (Роберт), Книга, составленная достопочтенным. В «Путешествиях Хаклюита», т. I.

Тикнор (Джордж), История испанской литературы. Нью-Йорк, 1854. 3 тома.

Остров Тигр, захват, Послание президента Соединенных Штатов. Вашингтон, 1850.

Томс (Роберт), Панама в 1855 году. Нью-Йорк, 1855.

Торфеус, «Гренландия древняя». Хауния, 1706.

Торквемада (Хуан де), Индийская монархия. Мадрид, 1723. 3 тома. фолиант.

Торренте (Мариано), История испано-американской революции. Мадрид, 1830. 3 тома.

Тосканелли (Пабло), Письма Христофору Колумбу. В Наваррете, Col. de Viages, т. ii.

Турон (Р. Р.), Histoire Générale de l'Amérique. Париж, 1768. 8 томов.

Тоул (Джордж М.), Писарро: его приключения и завоевания. Бостон, 1879.

Тауншенд (Ф. Френч), «Десять тысяч миль путешествия». Лондон, 1869.

Траутвайн (Джон К.), «Заметки об исследовании рек Аtrato и Сан-Хуан». 1852. В журнале Франклиновского института, т. 27-8.

Tribune Almanac. Нью-Йорк, 1838 и далее.

Троллоп (Энтони), «Вест-Индия и Испанская Америка». Нью-Йорк, 1860.

Tudela (Benjamin de), Itinerarium. Лейден, 1633.

Tudela (Benjamin de), Itinerarium ex versione Montani. Антверпен, 1575.

Tudela (Benjamin de), Travels of Benjamin, Son of Jonas. Лондон, 1783.

Tumultos de Mexico. Сборник документов. MS. folio.

Twee Onderscheydene Togten. В Aa, Naaukeurige Versam., т. xi.

Тайтлер (Патрик Фрейзер), Исторический обзор прогресса открытий. Эдинбург, 1833; Нью-Йорк, 1855.

Uitvoerige Reys-Togten. В Gottfried, Reysen, iii.

Уллоа (Антонио де), *Noticias Americanas*. Мадрид, 1772.

Уллоа (Франсиско де), *A Relation of the Discouery, etc. [1539.]* In *Hakluyt's Voyages*, vol. iii.; *Ramusio, Navigazioni*, tom. iii.; *Pinkerton's Col. Voyages*, tom. xiv.

Underwood (W. L.) и F. A. Emory. *Report of the Commissioners of Central American Colonization Society to Nicaragua*. Сан-Франциско, 1866.

Underwood (W. L.) и F. A. Emory, *Report von Abgesandten der Central-Amerikanischen Colonisation-Gesellschaft nach Nicaragua*. Сан-Франциско, 1866.

Union (La). Сан-Сальвадор, 1849 и далее.

United Service Journal. Лондон, 1829 и далее.

Католический журнал Соединенных Штатов. Балтимор, 1844 и далее.

Документы правительства Соединенных Штатов. [Береговая служба; торговля и судоходство; торговые отношения; международные отношения и т. д. Цитируются по датам.]

Документы правительства Соединенных Штатов. [Документы Сената, Документы Палаты представителей, Журналы, Отчеты и т. д.] Цитируются по Конгрессу и сессии.

United States Service Magazine. Нью-Йорк, 1854 и далее.

Национальный университет (La). Сан-Сальвадор, 1875 и далее.

Уриарте (Рамон), *Замечания о Союзе Центральноамериканских Республик*. Манагуа, 1871.

Уринг (Натаниэль), *История путешествий и странствий*. Лондон, 1726.

Уррикочеа, Колумбийская картотека. Лондон, 1860.

Урруэла (Хосе Антонио Ортис), *Вторая реплика в защиту властей Сальвадора*. Сан-Сальвадор, 1860.

Урруэла (Хосе Антонио Ортис), *Третья реплика*. Сан-Сальвадор, 1860.

Урруэла (Мануэль Ортес), *Англия и Соединенные Штаты в Центральной Америке*. Париж, 1856.

Уррутия (Карлос де), *Модель человечности*. Гватемала, 1821.

Узнай (Час.), *Отчет об учреждении испытательной лаборатории*. Манагуа, 1868.

Вадиан (Иоахим), «*Эпитом*». Антверпен, 1535.

Валье (Андрес), *Манифест президента*. Сан-Сальвадор, 1876.

Валуа (Альфред де), *Мексика, Гавана и Гватемала*. Париж, без даты.

Ван Бюрен (Мартин), *Речь в Сенате США*, март 1826 г. Вашингтон, 1826.

Варнхаген (Ф. А. де), Обзор некоторых аспектов географической истории Бразилии. Париж, 1858.

Варнхаген (Ф. А. де), История Бразилии. Мадрид, 1854.

Варнхаген (Ф. А. де), Первое путешествие Америго Веспуччи. Вена, 1869.

Варнхаген (Ф. А. де), Новые исследования последних путешествий флорентийского мореплавателя. Вена, 1869.

Варнхаген (Ф. А. де), Веспуччи и его первое путешествие. Париж, 1858.

Варнхаген (Ф. А. де), «Веспучче и его характер». Лима, 1865.

Бартема, «Discorso sopra lo Itinerario di Lodouico Barthema». В Рамузио, «Viaggi», т. i.

Бартема, Маршрут по Египту. Венеция, [1520].

Васко да Гама. См. [Гама](#).

Васконселос (Доротео), К своим согражданам, 4 декабря 1850 г. [Сан-Сальвадор, 1850 г.]
фолиант.

Васконселос (Доротео), К своим согражданам, 10 января 1851 г. Сан-Сальвадор, 1851 г.

Васконселос (Доротео), Речь 25 января 1850 г. Сан-Сальвадор, [1850 г.]

Васконселос (Доротео), Поздравление заслуженному президенту Сальвадора. 12 июля 1850 г. Сан-Сальвадор, 1850 г. фолиант.

Вассар (Джон Гай), Двадцать лет вокруг света. Нью-Йорк, 1862.

Васкес (Франциско), Хроника провинции Сантиссимо Нобре де Хесус де Гватемала.
Гватемала, 1714.

Васкес (Франциско), Relatione che mando Francesco Vazquez di Coronado. В Ramusio, Viaggi, т.
iii.

Вега (Г. де ла). См. [Гарсиласо де ла Вега](#).

Вега (Мануэль де ла), История открытия Америки Христофором Колумбом. Мехико, 1826.

Веласкес (Педро), Иллюстрированные мемуары о событийной экспедиции в Центральную Америку. Нью-Йорк, 1850; также Лондон, 1853.

Веласкес (Педро), Иллюстрированные мемуары о замечательной экспедиции. без места и даты.

Венегас (Мигель), «Естественная и гражданская история Калифорнии». Лондон, 1759. 2 тома.

Венегас (Мигель), Новости о Калифорнии и ее завоевании. Мадрид, 1757. 3 тома.

Вера-Пас, Хартия о концессии территории. [Брюссель, 1840 г.]

Вера Пас, Колонизация. Брюссель, 1840.

Верагуас, Декреты. MS. 1827 и далее.

Верагуас, губернатор Ант. дель Рио, политическому лидеру Сантьяго. Рукопись. 1 октября 1844 г.

Верагуас, правительство, Национальному конгрессу, о Бокас-дель-Торо. Рукопись. 24 сентября 1842 г.

Верагуас, Список постановлений за 1853 год. Рукопись.

Верагуас, Мемуары и отчеты. MS. 1835 и далее.

Верагуас, Официальные записки об иностранцах в Бокас-дель-Торо. MS. 1833.

Верагуас, Постановления о выборах, изданные провинциальным законодательным собранием. MS. 1855.

Истинные причины против кажущихся. [Гватемала], 1824.

Верн (Жюль), Исследование мира. Нью-Йорк, 1879.

Верраццано (Джованни да), Relatione. В Ramusio, Viaggi, т. iii.

Веспуччи (Америго), De Secundariæ Navigatinis Cursu. В Наваррете, Col. de Viages, т. iii.

Веспуччи (Америго), Eerste Zee-Togt van Alonso D'Ojeda en Amerikus Vesputius. В Gottfried, Reysen, т. iii.

Веспуччи (Америго), Lettera di. Флоренция, 1516.

Веспуччи (Америго), Lettera, Sumario, etc. В Рамузио, Viaggi, т. i.

Веспуччи (Америго), Mundus Novus. n.pl., 1504.

Веспуччи (Америго), Navigationum Alberici Vesputii Epitome. В Grynæus, Novvs Orbis, Basiliæ, 1532.

Веспуччи (Америго), Viages. В Navarrete, Col. de Viages, т. iii.

Ветанкурт (Августин де), *Menologio Franciscano de los Varones mas Señalados*. n.pl., n.d. folio; также Мексика, 1871.

Ветанкурт (Августин де), *Театр Мексики*. Мексика, 1698. фолиант; также Мексика, 1870-1. 4 тома.

Вейтия (Мариано), *Древняя история Мексики*. Мексика, 1836. 3 тома. *Универсальный путешественник (Эль)*. Мадрид, 1796-1801. 43 тома.

Универсальный путешественник в Америке. Барселона, 1833.

Путешествия в Молуккские острова, сначала Магеллана и Фалеро. В Наваррете, *Col. de Viages*, т. IV.

Небольшие путешествия. В Наваррете, *Col. de Viages*, т. iii.

Винье (Г. Т.), *Travels in Mexico, South America, etc.* Лондон, 1863. 2 тома.

Вильягтьерре Сото-Майор (Хуан де), *История завоевания провинции Ица*. [Мадрид, 1701.] фолиант.

Вильяловос, *Погребение дона Педро де Альварадо, 1568*. В Пачеко и Карденас, *Col. Doc.*, т. xi.

Виллау де Бельфон. *Описание побережья Африки*. Париж, 1669.

Витери и Унго, *Выступление перед палатами*. [Леон, 1852.] фолиант.

Да здравствует союз трех государств, 28 февраля 1852 г. Сан-Сальвадор, 1852.

Географический словарь. В *Cartas de Indias*.

Voyage de l'Empereur de la Chine. Париж, 1685.

Путешествия, сборник путешествий и странствий (коллекция Черчилля). Лондон, 1752. 8 томов, фолиант.

Voyages, A Collection of Voyages and Travels (Коллекция Харлиана). Лондон, 1745. 2 тома, фолиант.

Voyages, A New Collection of Voyages, Discoveries, and Travels. Лондон, 1767. 2 тома, фолиант.

Voyages, Новая всеобщая коллекция путешествий и странствий. Лондон, 1755. 3 тома.

Voyages, A Selection of Curious, Rare, and Early Voyages. Лондон, 1812. 4to.

Путешествия, Исторический отчет обо всех путешествиях вокруг света. Лондон, 1774-81. 6 томов.

Путешествия, любопытные и занимательные. Лондон, 1790. 4to.

Voyages, New Voyages and Travels. Лондон, [1818-23.] 9 томов.

Путешествия, Nouvelle Bibliothèque des Voyages. Париж, без даты. 12 томов.

Путешествия, Сборник путешествий на север. Амстердам, 1715-27. 8 томов.

Путешествия, Мир на дисплее; или Любопытная коллекция путешествий и странствий. Лондон, 1760-1. 20 томов.

Wafer (Lionel), Новое путешествие и описание Американского перешейка. Лондон, 1699; также Лондон, 1704.

Wagner (Moritz) и Karl Scherzer, Die Republik Costa Rica in Central-Amerika. Лейпциг, 1857.

Уокер (Уильям), «Война в Никарагуа». Мобил, 1860.

Уолтон (Уильям), «Изложение разногласий в испанской Америке». Лондон, 1814.

Уолтон (Уильям-младший), «Современное состояние испанских колоний». Лондон, 1810. 2 тома.

Ваппеус (J. E.), География и статистика Мексики и Центральной Америки. Лейпциг, 1863.

Уорбертон (Элиот), «Дарьен, или Купеческий принц». Лондон, 1852. 3 тома; также Лондон, 1851.

Уорд (Х. Г.), Мексика в 1827 году. Лондон, 1828. 2 тома.

Watt (Geo. B.), Через Панамский перешеек. В American Geog. and Stat. Soc., Bulletin, т. i., ч. iii.

Уэзерхед (У. Д.), Отчет о последней экспедиции против перешейка Дарьен. Лондон, 1821.

Уэллс (Уильям В.), «Исследования и приключения в Гондурасе». Нью-Йорк, 1857.

Уэллс (Уильям В.), Экспедиция Уокера в Никарагуа. Нью-Йорк, 1856.

Вест-Индия, Описание испанских поселений. Лондон, 1774. 4то.

Вест-Индия, Географическое и историческое описание основных объектов нынешней войны. Лондон, 1741.

West-Indische Spieghel, door Athanasium Inga. [Амстердам, 1624.]

Westminster Review. Лондон, 1824 и далее.

West- und Ost-Indischer Lustgart. Кельн, 1618.

Уиллрайт (Уильям), Наблюдения над Панамским перешейком. Лондон, 1844.

Уиппл, Эубанк и Тернер. В Pacific R. R. Reports, т. III.

Wight (Samuel F.), Adventures in California and Nicaragua in Rhyme. Бостон, 1860.

Wilson (Edward), The Golden Land. Бостон, 1852.

Wilson (Robert Anderson), Новая история завоевания Мексики. Филадельфия, 1859.

Уилсон (Роберт Андерсон), Мексика и ее религия. Нью-Йорк, 1855.

Уилсон (Роберт Андерсон), Мексика: ее крестьяне и священники. Нью-Йорк и др., 1856.

Уинтерботам (У.), Исторический обзор Соединенных Штатов Америки. Лондон, 1795. 4 тома; также Лондон, 1812. 4 тома.

Винтерфельдт (Л. фон), «Государство Москито». Берлин, 1845.

Вудбери (Леви), Речь в Сенате США, 1 марта 1826 г. без указания места и даты.

Worth (Joseph), *Adventures and Narrow Escapes in Nicaragua*. Сан-Франциско, 1872.

Wortley (Lady Emmeline Stuart), *Travels in the United States*. Нью-Йорк, 1851.

Wytfliet (Corn.), *Descriptionis Ptolemaicæ augmentum*. Lovanii, 1598.

Xahila (Francisco Hernandez Arana), *Cakchiquel MS*.

Xeres, *Uerdadera relacion de la conquista del Perú*. Севилья, 1534.

Янг (А. Дж.), *Американский государственный деятель*. Нью-Йорк, 1855.

Янг (Филип), *История Мексики. Цинциннати*, 1850.

Янг (Томас), *Повествование о пребывании на побережье Москито*. Лондон, 1842.

Юкатан, *Статистика*. Мехико, 1853.

Юкатан, *Доклад правительства Верховному правительству по кредитам*. Мерида, 1868. 4-й том.

Zach, *Jonction de la mer*. В *Nouvelles Annales des Voyages*, т. xxvi.

Загирре (Педро де), *Описание*. В *Squier's MSS.*, т. vii.

Зартманн, *Замечания о путешествии в Северное полушарие, приписываемые Зени из Венеции*. В *London Geog. Soc. Journal*, 1835, т. v.

Замакойс (Нисето), *История Мексики*. Барселона и др., 1877-80. Том I-II.

Самора-и-Коронадо (Хосе М.), *Библиотека зарубежного законодательства*. Мадрид, 1844-46. 4-й формат. 6 томов.

Сапата (Франсиско Д.), *Сенатору Абаунса*, 3 декабря 1851 г. Рукопись. Фолиант.

Сапата (Франсиско Д.), *Краткое изложение*, 24 октября 1852 г. [Леон], 1852.

Сапата (Франсиско Д.), *Письмо, адресованное*. [Комаягуа, 1853 г.]

Сапата (Франсиско Д.), *Верховный директор*, 24 марта 1853 г. Рукопись. Фолиант.

Сарате (Августин де), *История открытия и завоевания Перу*. В *Барсия, Первоначальные историки*, т. III.

Завала (Лоренцо де), *Исторический очерк революций в Мехико*. Париж и др., 1831. 2 тома.

Зебадуа (Марсиаль), *Публичное заявление о своей дипломатической миссии*. Гватемала, 1832.

Зелайя (Хосе Мария), *К общественности*, 7 декабря 1853 г. [Сан-Сальвадор, 1853 г.] фолио.

Зелая (Хосе Мария), *Генеральный совет больницы*, 26 сентября 1852 г. [Сан-Сальвадор, 1852 г.]

Зеледон (Педро), Ответ на документ от 27 января. Леон, 1864.

Зенон, Dei Commentarii del viaggio in Persia. Венеция, 1558.

Зорзи. См. [Монтальбоддо](#).

Суасо, к достопочтенному месье де Кевре, 22 января 1518 г. В Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., т. i.

Зумаррага, Письмо Его Величеству от избранного епископа Д. Хуана де Зумарраги, 27 августа 1529 г. В Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., т. xiii.

Зумаррага, Botschafft des Grossmechtigsten Königs Dauid. n.pl., n.d.

КАРТА ДАРИЕНА И ТЪЕРРА-ФИРМЕ

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

ИСПАНИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ В НАЧАЛЕ XVI ВЕКА.

Общий обзор — Переход от старой к новой цивилизации — Исторический очерк Испании — Испанский характер — Испанское общество — Выдающиеся черты эпохи — Внутренние дела — Новый Свет — Сравнительные цивилизации и дикость — Первые экспедиции открытий.

Как выглядел этот постоянно меняющийся мир четыреста лет назад? Азия уже преждевременно состарилась. Корабли огибали Африку, но, за исключением северного побережья, для всех, кроме небес, этот континент был таким же темным, как и его невозмутимые жители. Америка была в пеленках, не зная о своем существовании и не будучи известной никому. Европа была постаревшим юношей, несущим тревожный факел, который все еще излучал тусклый, переменчивый свет и зловоние.

Общества держались вместе благодаря лояльности к гражданским и церковным правителям, а не благодаря сотрудничеству, которое проистекает из общих интересов народа. Все реальное было нечестивым, а несущественное и потенциальное — божественным. За звездами простирались духовные города, а под ногами пустое пространство было мрачным от стонов умерших. Регионы мира, лежащие за пределами известного, были заселены морскими чудовищами, драконами и хобгоблинами. Европейская торговля выбиралась из укрепленных городов и зданий с зубчатыми стенами и, возможно, спасаясь от опасностей суши, прижималась к берегу в открытых лодках, отдыхая ночью и дрожа днем посреди кораблей. Образование было в основном ограничено духовенством. Феодализм как система был мертв, но его пороки остались. Доминирующие классы наваливали на народ бесчисленные бремена, давая ему в ответ лишь небольшую защиту. Под самыми нелепыми предложениями плоды их труда изымались и присваивались их хозяевами. Сто тысяч человек собирались и убивали друг друга, чтобы удовлетворить прихоть государственного министра или наложницы короля, и это считалось похвальным поступком. Затем наступили перемены, и благодаря пересмотренным теориям Птолемея, их антиподальным измерениям глубины, новой географии, магнитным стрелкам, печатным станкам и орудиям для убийства людей, наука начала возрождаться, и люди в какой-то степени начали думать самостоятельно.

Под зыбучими песками прогресса созревает истина, и вылупившиеся идеи создают для себя великий ум, в котором они могут найти пристанище; создают для себя язык, на котором они могут говорить; создают для себя рычаг, с помощью которого они могут двигать мир.

ПЕРЕХОДНАЯ ЭПОХА.

Эпоха, о которой я говорю, находилась на границе двух цивилизаций, старой и новой. Это был переходный период от тусклого сумрака темных веков к яркости

современной мысли; от эпохи беспрекословной веры к эпохе любопытства и скептицизма. Это был период конкретизации и кристаллизации, последовавший за периодом разрежения; религия охватывала науку; астрология сливалась с астрономией (); магия — с физикой; алхимия — с химией. Селитра заменяла сталь в военном деле; феодализм, выполнив свою задачу, уступал место монархической власти; между нациями зарождались отношения (), и создавались международные законы. Даже материальная вселенная и пространство расширялись вместе с расширением сознания. В то время Испании открылись два мира: восточный и западный; благодаря захвату Константинополя древнегреческая и латинская культура были освобождены, а христианская религия утвердилась как вера Европы; в то время как на западе туман веков поднялся с океана, и, словно выйдя из первобытных вод, открылся прекрасный новый континент, готовый для тысячи промышленных предприятий.

Это был настоящий прогресс, и разум, разорвав средневековые оковы, вышел на передний план и начал новое исследование. С наступлением шестнадцатого века во всем христианском мире произошло всеобщее пробуждение. Спящая цивилизация, пробужденная тяжелым шагом марширующих событий, отвернулась от королевских тюрем знаний и с удивлением и восторгом наблюдала за раскрытием этих новых тайн. Пыль и паутина прошлого, которые так долго затуманивали воображение, были сбиты агрессивным духом исследования. Новости о разрушении заблуждений разнеслись по всей Европе; и когда дым рассеялся, и свет пробился сквозь мрак, с глаз ученых как будто упали чешуйки, и человек посмотрел на своего собрата с новыми и странными чувствами. На протяжении веков умы людей были прикованы к традициям прошлого; мышление двигалось как на беговой дорожке; философия развивалась, обратившись лицом назад; рыцарство было высшим проявлением мужества, а христианство, как и его основатель, было вынуждено нести грехи многих. В то время как его друзья приписывали ему все добродетели человечества, его враги обвиняли его во всех пороках. Первыми усилиями схоластов в их изложении этих новых явлений было приведение накопленной на тот день информации в соответствие с тонкостями школ, доктрин и догм прошлого. Источником всего знания и основой всей науки считались Священное Писание и догматы церкви. Любая концепция, изобретение или открытие, которые могли пройти эти два испытания без ущерба, назывались истиной, хотя человеческий разум не мог их понять. Точно так же любой случайный факт, который не прошел эти испытания, был объявлен ложным, хотя человеческий разум объявлял его истинным.

Я не хочу сказать, что вся тьма и невежество были сметены в одно мгновение или что знание внезапно обрушилось на человечество как вдохновение; некоторым было достаточно впервые узнать о таком явлении, как невежество. Хотя изменение было реальным и решительным, и ум в своей попытке понять новые явления был эффективно отвлечен от мистических страниц древности, все еще оставалось достаточно невежества и легковёрности. Искатели истины все еще видели как бы сквозь тусклое стекло; более ясное видение лицом к лицу можно было достичь только постепенно, и часто сама попытка взобраться на стены тюрьмы еще глубже погружала стремящегося к более высокой культуре в яму; но то, что вообще были какие-то поиски, было немалым прогрессом. Оковы были сброшены, но необразованный интеллект еще не знал, как использовать свободу; новый свет озарил умственное видение, но внезапный блеск на мгновение ошеломил, и только спустя столетия значение этой переходной эпохи проявилось в полной мере. Возможно, значение этого пробуждения преувеличено, но как можно преувеличить значение для Западной Европы греческой литературы и возрождения классической науки,

изобретения книгопечатания или влияния, благотворного или пагубного, открытий Испании в Новом Свете?

Чтобы правильно понять состояние образования в Испании в XV веке, мы должны помнить, что целью образования было не приобретение знаний, а умственное воспитание, и поскольку цель, к которой стремились, сильно отличалась от той, к которой мы стремимся сейчас, то и результат был пропорционально другим. Тенденция образования в XV веке заключалась в более решительной опоре на авторитет и откровение и вере в них; тенденция образования в XIX веке заключается в исследовании и скептицизме. Что касается сравнительной ценности этих результатов, то, конечно, существует много различий во мнениях, и я не буду их здесь обсуждать. Однако мы можем быть уверены, что в каком бы направлении ни обучался человеческий разум другим человеческим умом, всегда присутствует и лежит в основе всех действий неумолимый прогресс, вечное раскрытие в все более справедливых пропорциях всего лучшего и благородного в человечестве.

ИСТОРИЯ ИСПАНИИ.

Наша история начинается с Испании, в то время, когда Кастилия и Арагон были доминирующей силой в Европе. Прежде чем приступить к описанию деяний или давать оценку характеру тех, чью судьбу мы намерены проследить в лесах Нового Света, давайте взглянем на происхождение испанцев, исследуем колыбель их цивилизации и посмотрим, из каких условий сформировался народ, столь непохожий на любой другой народ на земном шаре сегодня.

Насколько позволяют судить традиции и теории, иберийцы, возможно, туранского происхождения, занимались своими простыми занятиями: охотой, рыболовством, войнами; с одной стороны их защищали Пиренеи, с другой — море. Затем, в эпоху, дату которой сейчас невозможно приблизительно определить, в Испанию пришли кельты — первая волна того арийского моря, которое было предназначено затопить всю Европу. Под властью кельтиберов, жестокой и могущественной смешанной расы, образовавшейся в результате союза иберов и кельтов, разбитой на различные племена, но имевшей аналогичные обычаи и языки, Испания впервые стала известна цивилизованному миру. Затем пришли финикийцы, занимавшиеся торговлей и колонизацией, и основали поселение в Кадисе. За ними карфагеняне высадились на восточном побережье полуострова и основали Карфагена Нова, нынешнюю Картахену. Власть карфагенян в Испании была сломлена Сципионами во второй Пунической войне, ближе к концу III века до н. э.; и все же, как говорит Тикнор, «они оставили в населении и языке Испании следы, которые так и не были полностью стерты».

Римляне, изгнав карфагенян, напали на кельтиберов, живших в глубине страны, которые долго и упорно сражались с ними; но в конце концов кельтиберы были подчинены, и вся Испания, за исключением, возможно, сурового северо-запада, была разделена на римские провинции, в которых были установлены язык и институты Рима. Изгнанные из своих наследственных владений железной рукой завоевателей, кельтиберы быстро разбогатели и размножились, и империя не замедлила воспользоваться их процветанием. С плодородных полей Испании в житницы Рима поступали огромные количества зерна. Золото и серебро из своих богатых металлами гор поработанные испанцы были вынуждены добывать, как и в последующие века выжимали из туземцев Нового Света ту же несправедливую услугу. Введение христианства примерно в середине III века принесло последователям этой религии жесточайшие гонения, которые, однако, вместо того, чтобы уничтожить ее, еще более укрепили ее позиции. Некоторые утверждают, что святой Павел проповедовал в

Сарагосе и основал там церковь; как бы то ни было, христианство стало доминирующей религией на полуострове только после обращения Константина.

Пятый век начинается с распада Римской империи, поскольку на нее наступают варвары. Через Пиренеи, как страшный потоп, проносятся свевы, аланы, вандалы и силинги. В 409 году свевы захватывают северо-запад, нынешнюю Галисию; аланы захватывают Лузитанию, нынешнюю Португалию; а вандалы и силинги поселяются в Вандалусии, или Андалусии, причем последнее племя занимает Севилью. Пораженная этим варварским ураганом, цивилизация приходит в упадок; искусства и науки, привнесенные римлянами (), впадают в немилость; грубые завоеватели () не хотят иметь с ними ничего общего; и культура древней Греции и Рима, обращаясь к своему первоначальному месту, покидает негостеприимный запад и находит убежище в столице восточной империи, которая впоследствии становится хранилищем обломков классической науки. В своем затруднительном положении романизированные коренные жители обращаются за помощью к менее грубым вестготам. В 427 году вандалы переходят в Африку. Между 455 и 584 годами вестготы завоевывают римлян и подчиняют себе свевов, так что теперь их королевство простирается от берегов Луары до Гибралтара. Таким образом, к латинскому языку добавляется готский элемент; латинский язык, хотя и изменившийся, приобретает, или, скорее, в основном сохраняет свое первоначальное преимущество над готским языком и становится основой современного кастильского языка с такими грамматическими упрощениями, которые необходимы для северного вкуса.

ПРИХОД МАВРОВ.

Великий полуостров по-прежнему кипит и бурлит, как котел над печью своего прогрессивного беспокойства. Два века споров между государствами, а также между королями и дворянами, усугубленные обычными потрясениями, сопутствующими выборным монархиям, достаточно, чтобы привести к появлению нового врага. Полумесяц ислама, опирающийся на Мекку и угрожающий одновременно Босфору и Геркулесовым столпам, внезапно вспыхивает своим западным рогом над обреченной Испанией. В 711 году в Альхесирасе, недалеко от Гибралтара, мавританские арабы, или мавры, в большом количестве высадились на берег по приглашению графа Хулиана, командующего Андалусией, в отместку за изнасилование его дочери Родриго, последним из готских королей. Разгромив вестготов в битве при Херес-де-ла-Фронтера, за пять быстрых лет сарацины стали хозяевами всего, кроме гористой северо-западной части страны; и, проникнув в Аквитанию, они не смогли захватить королевство франков только благодаря решительной победе Карла Мартелла при Туре в 732 году. В Кордове под властью халифата Багдада было основано эмират, и в Испанию хлынули толпы сирийских и египетских мусульман. Под таким давлением христиане, не желавшие подчиняться, бежали в суровые горы Астурии под предводительством одного из своих национальных героев, Пелайо. Там находят убежище остатки вестготского королевства; там упрямые патриоты собираются и лелеют свою национальность в пещерах Пиренеев, ожидая возможности освободить свою страну от ига ненавистных неверных. В 755 году Абдуррахман, последний халиф династии Омейядов, спасшийся от резни в Дамаске, отбирает Испанию у Аббасидов и основывает халифат Кордовы, который тогда составлял одно из четырех великих подразделений владений Пророка. Мавританские короли теперь заняли место мавританских эмиров, и таким образом Кордова управлялась до 1238 года, а Гранада — до 1492 года.

Между тем магометане правили мягко и хорошо. Местные христиане, жившие среди них, сохранили свою религию, церкви и духовенство, а также свои законы и суды, за исключением случаев, связанных со смертной казнью или когда магометник был стороной в иске. Последовало обычное для межрасового контакта: на обширных территориях арабский

язык стал общим языком и оставался таковым даже после падения мусульманской власти. Еще в XIV веке во многих частях Испании публичные акты составлялись на арабском языке. В результате этого смешения возник языковой микс, называемый *лингва франка*, представлявший собой смесь арабского, готского, латинского, иврита и галльского языков с романским, или искаженным латинским языком Испании, объединенным с лимузенским, языком веселой науки, на котором говорили в Лангедоке и Провансе, в качестве основы. Из этого возник кастильский язык, который после различных изменений превратился в испанский язык, оставив его в основном в его нынешнем виде, хотя и усовершенствованном и отполированном последующими веками цивилизации. Однако только к правлению Альфонсо X (1252-1282), спустя долгое время после того, как христиане из гор () вышли из гор и смешались с завоеванными коренными жителями, кастильский язык окончательно утвердился как письменный, устоявшийся и вежливый язык. Последствия арабской оккупации не ограничились языком; они затронули всю жизнь нации.

Испанцы, которые под предводительством Пелайо укрылись в горах Астурии, в 716 году основали небольшое государство под названием королевство Овьедо. Там семена свободы, попорченные невзгодами, пустили корни, и из патриотической почвы выросла нация, которая широко распространила свои ветви по всей земле. Постепенно христианские королевства расширялись. Сначала к маленькой империи присоединилась Галисия, а через двести лет — Леон и Кастилия. В конце X века королевства Леон, Кастилия и Наварра занимали северную оконечность полуострова, в то время как вся остальная часть находилась под властью халифата Кордовы.

ВОСЕМЬ ВЕКОВ ВОЙНЫ.

И теперь, выйдя из горных крепостей, куда они бежали перед южным роем неверных в тюрбанах, крепкие христиане оказывают сильное давление на своего врага. Дюйм за дюймом, каждый шаг считая веком, они пробиваются из Пиренеев обратно в Гранаду. Приняв титул халифа, Абдуррахман III наносит поражение христианам при Саморе на реке Дору, но в свою очередь терпит поражение в 938 году при Симанкасе. Напрасно магометане призывают на помощь альморавидов из Марокко; их гонка на полуострове подошла к концу. По мере того как части страны отнимаются у них, земли передаются выдающимся христианским лидерам, которые время от времени прерывают свой священный крестовый поход и начинают воевать друг с другом; и в результате этих междоусобных разборок проливается больше христианской крови, чем от всех сабель сарацин. В такие моменты неверные могли бы повернуться и сделать христиан легкой добычей; но века роскоши и, за исключением северной границы, бездействия подорвали их силы и лишили их энергии (). Это старая история народов, сект и отдельных людей: дисциплина, порожденная необходимостью, порождает силу, которая, разжиревшаяся роскошью, превращается в слабость.

В начале XI века христиане занимали примерно половину полуострова, то есть королевства Леон, Кастилия, Арагон, Наварра и Португалия. Леон был лишь другим названием королевства Овьедо, или Астурия, колыбели испанской нации. Кастилия — по-латыни *castella*, по-арабски *ardo-l-koláa*, «земля замков», названная так из-за построенных там замков (*castillos*) или крепостей — хотя в конечном итоге и была предназначена поглотить все королевства полуострова, сначала была республикой, состоящей из нескольких небольших городов или укрепленных замков, которые объединились для взаимной защиты как от магометан, так и от враждующих христианских братьев. В 1037 году Леон был объединен Фердинандом I, прозванным Великим, с Кастилией; и благодаря своему центральному положению и силе, проистекающей из постоянной бдительности, новое королевство постепенно расширялось и присоединяло к своим владениям новые

территории, пока в конце концов все королевства полуострова не были объединены под знаменем Кастилии. Наварра принадлежала французскому графу, чей преемник изгнал сарацин с прилегающих к юго-западу территорий и основал королевство Арагон.

В 1085 году Сид, кастильский вождь, родившийся в Бургосе и прославившийся в поэзии, романах и на войне, захватил Толедо и завоевал Валенсию; в 1118 году Альфонсо Арагонский отбил Сарагосу у мавров. Португалия, до этого бывшая провинцией Кастилии, получила статус королевства в 1139 году. Наконец, четыре королевства севера вместе с Португалией образовали союз против неверных, и в великой битве, состоявшейся в Сьерра-Морене, недалеко от Толосы, в 1212 году, мусульманская власть в Испании была окончательно сломлена. В этом решающем сражении христианские союзники находились под командованием Альфонсо III Кастильского, который не успокоился, пока последователи пророка не были изгнаны с центрального плато. К королевству Кастилии Фердинанд III (1217-1252) присоединил Хаэн, Кордову и Севилью, которые с трудом удерживались его сыном Альфонсо X, прозванным Мудрым — как мы видим, более способным ученым, чем военачальником. Альфонсо XI сменил Педро Жестокий, умерший в 1369 году.

ВЕЛИЧИЕ ИСПАНИИ.

Ряд необычайно ярких событий, кульминацией которых стало империя Карла V, привел Испанию в начале XVI века к первому ряду европейских держав. Брак Фердинанда и Изабеллы, который в 1479 году объединил короны Арагона и Кастилии; завоевание Гранады в 1492 году, положившее конец восьми векам почти непрерывных войн; открытие Америки в том же году; аннексия Неаполя в 1503 году и Наварры в 1512 году, после объединения Испании и Нидерландов в результате брака Хуаны, дочери Фердинанда и Изабеллы, с Филиппом Красивым, сыном императора Максимилиана I и отцом Карла V, — все это произошло в короткие сроки и составило череду важных событий, не имеющих аналогов в истории народов. До смерти Филиппа II в 1598 году испанская империя простиралась на все части земного шара: Португалия, завоеванная герцогом Альвой в 1580 году; Сицилия и Сардиния, Артуа и Франш-Конте, Балеарские и Канарские острова; в Африке — Мелилья, Сеута, Оран и Тунис; в Азии — Молуккские и Филиппинские острова, а также несколько поселений в других местах; помимо значительной части двух Америк, которые сами по себе составляли около одной пятой части мира.

Но нации, как и люди, должны умирать. Испании была отмерена полная мера процветания, и теперь она должна была отказаться от нее — таково неумолимое правило прогресса. Ирония автократии заключалась в том, что один человек должен был править половиной мира! Пирамида величия Испании, которая достигла таких высоких пропорций во время правления их католических величеств, достигла своего апогея во время правления их непосредственных преемников. Длинная линия амбициозных и способных принцев подняла империю на головокружительную высоту; но с неграмотным и не прогрессивным населением, как только правители стали некомпетентными, нация развалилась на куски. На пике своего величия величайший монарх Испании пресытился успехом и отрекся от престола; а со смертью его сына Филиппа слава империи угасла. Тогда можно было бы написать ее эпитафию: девять веков неуклонного роста, долгая и бурная молодость, более чем достаточная для большинства наций, и за три коротких столетия она поднялась, созрела и сгнила.

Однако мы имеем дело не со смертью, а с жизнью. Интеллектуальные искры освещали темные уголки земли, и с правлением Фердинанда и Изабеллы началась серия блестящих эпох — их можно назвать современными золотыми веками. За золотым веком Испании,

длившемся с 1474 по 1516 год, последовал золотой век Германии, который пришелся на правление Карла V, 1519-1558 годы. Затем последовала Англия при правлении Елизаветы, 1558-1603; затем Франция при Людовике XIV и Людовике XV, 1640-1740; Россия при Петре Великом, 1672-1725; и Пруссия при Фридрихе Великом, 1740-1786. В это время европейская цивилизация выходила за пределы своих узких границ и охватывала со всех сторон доселе неизвестный мир.

ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА.

Мы хотим знать и судить испанцев. Мы будем судить их, даже если не знаем их. Мы любим судить своих собратьев и думать, насколько мы лучше них. Мы уделяем мало внимания тому, что, хотя это и является самоочевидным утверждением, судить народ по каким-либо другим критериям, кроме тех, которым его научили следовать, означает совершать по отношению к нему большую несправедливость. Если верить психологии, мышление в своих высших проявлениях развивается только вместе с развитием языка; представления ума не могут подняться намного выше, чем позволяют выразить формы речи. Применим этот постулат к оценке характера человека (), и вывод будет таков: чтобы дать справедливую оценку, мы должны ограничить наше воображение такими идеями, наш ум такими убеждениями, а наш язык такими формулами, которые принадлежат тем, кого мы судим. Однако это нелегкая задача. В нынешнюю эпоху интеллектуального прогресса и меняющейся деятельности, когда старые заблуждения быстро развеиваются наукой, а новые открытия постоянно открывают новые пути к различению, почти невозможно поместить себя в узкие рамки средневековых ограничений, в которых мысли и мнения не могли прорасти, а передавались без изменений от одного поколения к другому. «Часто бывает, — как замечает Джон Стюарт Милль, — что всеобщее убеждение одной эпохи человечества — убеждение, от которого никто не был свободен и не мог быть свободен в то время без дополнительных усилий гения или мужества — становится настолько очевидной абсурдностью, что единственная трудность заключается в том, чтобы представить себе, как такое вообще могло когда-то казаться правдоподобным». Не только церковные догмы средневековья принимались как истина, но в то время высказывать мнения, противоречащие установленным верованиям, редко считалось возможным.

Из вышеизложенного ясно следует, что для правильной оценки характера тех, кто принес европейскую цивилизацию в дикие земли Америки, мы должны, насколько это возможно, отрешиться от настоящего и проникнуться духом их времени. Мы должны зафиксировать в наших умах ту эпоху в истории человеческого прогресса, к которой относится открытие Нового Света. Мы должны свернуть четыре блестящих века научного прогресса, окутать девять десятых мира мраком, наложить заклятие на океан, а затем ограничить воображение рамками этого узкого горизонта и представить себе результат. Мы должны знать не только о национальной политике и отношении королей, но и войти в общество отдельных людей и изучить их побуждения. Мы должны вызвать в памяти непостижимое прошлое, окружить себя теми влияниями, которые придают характер и цвет вероисповеданию. Мы должны ознакомиться со сценами, знакомыми людям, о которых мы говорим; мы должны ходить по их улицам, смотреть их глазами, думать их мыслями; мы должны воплощать их и практически интерпретировать. Мы должны наполнить наши сердца стремлениями, которые движут ими, наше воображение страхами, которые сдерживают их, и почувствовать те тонкие силы, которые на протяжении поколений развивали интеллект и формировали мнение. Мы должны осмелиться даже проникнуть в их домашнюю и религиозную *святыню*, вторгнуться в святыню домашнего очага и алтаря, прозвучать скрытые аккорды домашней жизни, тихо пройти по сводчатым проходам и монастырским коридорам, прислушиваясь к

шепоту исповедальной; мы должны войти вместе с монахом в его монашескую келью, вместе с галантным рыцарем в присутствии его возлюбленной и узнать, откуда берет начало значение и куда ведет тенденция их странных представлений. Если с самого начала, наряду с политической позицией, мы также твердо ухватим их внутреннюю социальную жизнь, то многое из того, что в противном случае было бы загадочным или подозрительным, предстанет в более ярком свете; и тогда мы сможем смотреть на их рыцарские, но жестокие поступки с той же милосердностью, с которой, как мы надеемся, потомки будут покрывать наши собственные злодеяния. Только так мы сможем понять различные процессы, благодаря которым развивалась эта фаза цивилизации.

Конфигурация и климат полуострова способствуют разнообразию характера его жителей. Внутренняя часть представляет собой обширное плато, более высокое, чем любое другое плато в Европе, находящееся на высоте от двух до трех тысяч футов над уровнем моря. С обеих сторон между плато и побережьем пролегают крутые горные хребты, по которым протекают многочисленные реки. Плато в основном сухое и безлесное, жаркое летом и холодное зимой; Астурия влажная и лесистая; долины рек Гвадалкивир, Дору, Эбро, Тежу и других рек местами довольно плодородны. В южных провинциях Андалусии и Мурсии () осень и зима мягкие и приятные, а весна необыкновенно прекрасна; но *соляно*, который летом дует с раскаленных равнин Африки, невыносим для всех, кроме тех, кто акклиматизировался. С заснеженных Пиренеев пронзительные порывы зимнего ветра проносятся над Леоном, Кастилией и Эстремадурой, на севере затягивая долгую зиму и делая весну холодной и влажной, и достигают центральных провинций, лишённые влаги, но не своей сырой и неприятной прохлады.

В течение одиннадцати бурных веков, предшествовавших нашей эпохе, мы видели, как смешивались и сливаются различные составляющие испанского характера — иберийская, кельтская, финикийская, римская, готская и мавританская, каждая из которых внесла свой вклад. Христиане, язычники и евреи с их любовью и ненавистью придают пикантность этой смеси, и таким образом общество становится *olla podrida*, а Испания представляет собой аномальную расу мира.

В разных провинциях преобладают разные расовые элементы, причем римский влияет на целое сильнее, чем любой другой. При анализе эти различные социальные ингредиенты можно легко обнаружить. Сравнивая со Страбоном, Арнольд прослеживает многие социальные характеристики испанцев до иберийцев. «Торжественная одежда, воздержанность и трезвость, неуступчивый дух, крайняя леность, извращенность в партизанской войне и заметное отсутствие высших военных качеств, приписываемых греческими и римскими писателями, — все это в той или иной степени характерно для испанцев современности. Вежливость и галантность испанцев по отношению к женщинам также унаследованы от их иберийских предков», — утверждает он.

Таким образом, в неустойчивом, темноволосом кельте, где безрассудная смелость и безразличие к человеческой жизни достигли своего апогея, где быстрое восприятие и живой ум заменили трезвое мышление и логические выводы, где мужчина был смелым и изменчивым, а женщина () была одновременно непостоянной, целомудренной и страстной — в этих свирепых варварах мы видим множество черт, переданных ими своим потомкам. Следы финикийского и иберийского влияния прослеживаются в их умении вести научную добычу полезных ископаемых; готского — в их сравнительно либеральных формах

правления, привязанности к военным парадом, а также в их добросовестности, честности и нравственности — хотя последние могли бы быть чуть более готскими; римского — в их любви к церковным обрядам, лояльности к церкви и государству, в их величественном достоинстве и сдержанности поведения; арабского — в их ненависти к труду, любви к свободе, религиозном энтузиазме, тактике ведения войны, а также в их языке, поэзии, искусстве и архитектуре. Некоторые из этих терминов кажутся парадоксальными, но человеческая природа в своих составляющих всегда парадоксальна. В испанском языке Брейс обнаруживает, что основные «термины, относящиеся к сельскому хозяйству и науке, являются латинскими; к церкви — латинскими или греческими; к оружию, верховой езде и войне — германскими; а к искусству и растениям в южной Испании — арабскими». С севера, востока и юга самые смелые из народов собрались на этом пограничном полуострове, ожидая взрыва, который после тысячи лет брожения обрушился на его западный склон.

Бакл, поддерживая теорию, связывающую происхождение характера с физическими причинами, приписывает суеверие Испании голоду и болезням, землетрясениям и внушающим страх явлениям дикой природы; их непостоянство он объясняет климатом, жарой и засухой в Испании, прерывающими труд и приводящими к беспорядочным привычкам; их любовь к романтике и приключениям он связывает с пастушеской жизнью, которая преобладала в ущерб сельскому хозяйству во время мавританского вторжения.

ЭВОЛЮЦИЯ ИСПАНСКОЙ НАЦИИ.

Падение Гранады привело к следующему распределению населения полуострова: на севере и западе проживали потомки готов и кельтов, которые, не подвергаясь преследованиям со стороны римлян или мавров, в значительной степени сохранили черты своих предков. Невысокие, коренастые и неуклюжие, почти такие же сильные и волосатые, как медведи, мужчины — из Астурии и Галисии, Леона и Бискайи век за веком приходили и уходили, живя так же, как жили их отцы, ни лучше, ни хуже, не заботясь ни об арабах, ни о голландцах, и даже мало заботясь об испанских королях; гордые, как и прежде, Пелайо, горами, которые были колыбелью испанской свободы, своей древностью, которую они считают более великой, чем у любой другой живой нации; суеверные, вспыльчивые и импульсивные, но честные, откровенные и искренние; непримиримые как враги, но верные как друзья. Они хвастаются тем, что никогда не были покорены маврами. Их вожди были древней готской крови, которую они называли голубой кровью, не зараженной арабской, как у их более смуглых южных соседей; из такого материала были основаны ранние королевства Леон и Кастилия.

На востоке находилось королевство Наварра, основанное графами французских маркграфств. Хотя в одно время эти две части были объединены, обычное разделение наследства вскоре разделило их. Португалия, ответвление Кастилии, была окончательно отделена; Арагон, основанный Наваррой, также стал независимым. На восточном побережье жители Каталонии и Валенсии, хотя и разбавленные элементом Лимузена, все же сохраняют следы своих иностранных связей. «Из современных свидетельств расы в разных провинциях, — говорит Брейс, — путешественники рассказывают нам, что в Валенсии люди похожи как на своих кельтиберских, так и на карфагенских предков, будучи хитрыми, вероломными, мстительными и угрюмыми. Жаркое солнце загорело их кожу и способствовало формированию у них возбудимого и нервного темперамента; у них также есть суеверные наклонности, характерные для народов, живущих в жарком климате. Валенсийские женщины более светлокожие, чем мужчины, и отличаются красотой фигуры. Они носят прически и украшения на голове в старом римском стиле. Каталонцы грубы, активны и трудолюбивы, они хорошие солдаты и любят свою независимость, напоминая

как кельтов, так и иберов своим корыстным, смелым, жестоким и воинственным характером. Арагонцы — два сына готов по своей силе воли, привязанности к конституционным свободам и противостоянию произвольной власти».

Высокий, крепкий, ловкий восточный горный житель представляет собой столь же резкий контраст с коренастым астурийцем, как и искрометный андалузец с серьезным кастильцем. Долгое время жители Андалусии были по своему характеру полумавританцами. Там, где мягкий воздух Африки приносит свежесть со Средиземного моря, жили смуглые, грациозные арабы, поклонявшиеся Магомету так же, как кастильцы поклонялись Христу, и относящиеся к своим христианским и еврейским соседям с такой же малой симпатией, с какой евреи и христиане относились к ним. Вдоль берегов Гвадалквивира и в отдельных кварталах многих городов южной Испании были рассеяны группы этой аномальной расы — цыган. Невысокие, смуглые, некрасивые, с длинными, грубыми, волнистыми волосами, смешиваясь с другими людьми, как смешиваются свет и тьма, они занимались своим ремеслом — покупали, воровали и продавали. В последнюю часть войны они занимались доставкой лошадей из Африки и их продажей маврам или христианам.

В горных крепостях Толедо еще жили остатки племени Силинги, известные как *альмогавары*, которые никогда не преклоняли колен перед неверными и которые на протяжении долгой борьбы, которая велась вокруг них, сохранили свою свободу и веру — христианский оазис в широкой языческой пустыне. Там же разбитая группа избранного Израиля, теперь вступившая в вечное странствие, нашла временное пристанище. Говорят, что до прихода вестготов колония евреев поселилась недалеко от Толедо и благодаря своему трудолюбию и превосходным финансовым способностям в конце концов стала королевскими банкирами и, несмотря на горькие предрассудки, приобрела большое влияние, даже удостоившись чести, чтобы их дочери были зачислены в число любовниц короля.

Таким образом, в течение некоторого времени различные части полуострова значительно различались по языку, нравам и учреждениям, но в конце концов, в результате войн и политических союзов, расовые барьеры были разрушены, а противостоящие кланы объединились благодаря более сильной ненависти к общему врагу. Юг благодаря торговле со Средиземноморьем быстрее всего достиг превосходства, но впоследствии военная Кастилия приобрела господствующее положение. Между тем, массы лучше, чем их лидеры, сохранили свои старые обычаи. Дворянство и посетители дворов, больше общаясь с миром, принимают моды дворов и меняются вместе с их изменениями. Жители приграничных провинций сравнительно мало ощущают влияние войны; однако на большом центральном плато встречаются и смешиваются почти все народы и вероисповедания тогдашнего известного мира. Арийцы и семиты; римляне, готы и мавританцы; мусульмане, христиане и иудеи; сажая и собирая урожай, строя и разрушая, откармливая и морив голодом, сражаясь, поклоняясь и сжигая — все плато Испании превратилось в арену сражений народов, в мировое гладиаторское зрелище; ее обитатели то вступали в браки, то сражались: мусульмане с христианами, мусульмане с мусульманами, христиане с христианами, христиане и мусульмане объединялись то против христиан, то против мусульман, а в промежутках между этим происходила резня евреев, еретиков и цыган. Так прошли века, и из этого перегонного куба народов выделился высокий, симметричный, черноволосый, яркоглазый, с острыми чертами лица кастилец и экстремадурец.

РЕЗУЛЬТАТЫ СМЕШИВАНИЯ.

Из этого разнородного смешения противоположных качеств мы

теперь должны вывести общие характеристики.

В своем поведении испанец серьезен, педантичен, сдержан с незнакомыми людьми, ревниво относится к фамильярности или посягательствам на его достоинство; но среди своих знакомых или с теми, кто готов признать то, что он считает своим долгом, он сбрасывает с себя сдержанность и становится приятным собеседником и верным другом. Несмотря на нетерпеливость и обиду на мнимые оскорбления со стороны « », он легко поддается доброте и всегда восхищается мастерством в оружии и личной доблестью.

По характеру он серьезен почти до меланхолии, тверд до упрямства, невозмутим, вял, инертен, капризен; однако, когда его раздражают, в нем пробуждается глубокий энтузиазм и неуправляемая страсть. Он настолько щепетилен в вопросах чести, настолько ревностен и искренен в дружбе, настолько ласков и гуманен во всех своих личных отношениях, что в свое время термин «испанский джентльмен» был синонимом всего справедливого, щедрого и благородного во всей Европе. В интеллекте он скорее созерцателен, чем глубокомыслен, способен действовать в чрезвычайных ситуациях, но ему не хватает широты и глубины. В привычках он умерен и бережлив, легко удовлетворяется, ленив. Жить без работы — его идеал наслаждения. Разнузданность и невоздержанность не могут быть отнесены к его порокам, и путешественники не включают гостеприимство в список его достоинств. В его словарном запасе нет такого слова, как «хулиган». Он может быть буйным от навязывания и мстительным после обиды, но он не драчун, нарушитель мира и общественного порядка. Хотя он молчалив, он глубоко чувствителен; в своей любви к родине он скорее провинциален, чем национален. Хотя его трудно подтолкнуть, его легко вести; действуя коллективно, официально, он склонен к продажности, но когда дело касается его личной чести, он скрупулезен и надежен.

В манерах испанец славится высоким воспитанием, вежливостью и приличием. Будь то нищий или придворный, его вежливость редко покидает его. «Dios guarde á usted» (Да хранит вас Бог), «Vaya usted con Dios, caballero» (Да будет с вами Бог, сэр) — обычные прощальные слова. В ответ на назойливость нищего кавалер восклицает: «Perdone usted, por Dios, hermano» (Простите меня, ради Бога, брат). Приветствие одинаковое как для высшего дворянина, так и для самого нищего крестьянина. Спокойный, трезвый, сдержанный, испанец является лишь модифицированным результатом своих нескольких образцов. «Все испанцы, — замечает Форд в « », — щедры друг к другу на дешевые имена и почетные титулы; так даже нищие обращаются друг к другу как «*señor y caballero*», «лорд и рыцарь». Самый желанный титул — «*excelencia*», «ваше превосходительство». Прозвища распространены. Никто не достигает известности, не имея одного или нескольких прозвищ, отражающих его навыки или занятие в молодости.

КАСТИЛЬСКАЯ ГОРДОСТЬ И ВЕЖЛИВОСТЬ.

Кастильцы менее изобретательны в механике, менее искусны в торговле, менее изысканны во вкусах, менее тонко чувствуют, чем итальянцы, но гораздо более горды, тверды и мужественны; они более торжественны в поведении и имеют более сильное чувство чести.

Каждый испанец, независимо от своего социального положения, считает себя *кабальеро*, благородным и христианским джентльменом, превосходящим большинство, равным любому, не уступающим никому. Он щедр на проявления доброты, но не менее медлителен в их осуществлении, чем в принятии одолжений от других. Он очень тщеславен; тщеславен в отношении своей внешности, тщеславен в отношении своего происхождения, своего воспитания; тщеславен в отношении своего невежества и суеверий; горд многими вещами,

которых ему следовало бы стыдиться, и не стыдится ничем. Воровство никогда не было заметным национальным пороком. Как правило, испанцы слишком горды, чтобы воровать; импульс уязвленной любви или ущемленной гордости чаще, чем желание грабежа, заставляет руку нанести удар.

Старый немецкий космограф Себастьян Мюнстер в 1553 году в Базеле писал: «Испанцы имеют хорошие головы, но, несмотря на все свои занятия, они малому учатся, потому что, наполовину выучив что-либо, они считают себя очень мудрыми и в своих разговорах пытаются показать большую ученость, которой они не обладают». Сравнивая их с французами, тот же летописец говорит: «Французы выше ростом, но испанцы более выносливы. На войне испанцы обдуманны, а французы — импульсивны. Французы — большие болтуны, но испанцы умеют хранить секреты. Французы веселы и легкомысленны; они любят хорошо жить; испанцы же меланхоличны, серьезны () и не склонны к пирушкам. Французы дружелюбно принимают гостей и хорошо с ними обращаются, а испанцы неприветливы к незнакомцам, так что приходится ходить от дома к дому в поисках гостеприимства. Причина этого в том, что испанцы мало путешествуют и не любят тратить деньги на еду».

В Кастилии, больше чем где-либо, проявился идеальный центральный тип, который на ранних этапах отличался практической прозорливостью, пониманием причин и мотивов, а также умением подбирать средства для достижения целей. В войнах Нового Света, утверждает Маколей, «где от генерала требовалось нечто иное, чем обычная стратегия, а от солдата — нечто иное, чем обычная дисциплина, где каждый день приходилось придумывать новые уловки, чтобы противостоять меняющейся тактике варварского врага, испанские авантюристы, выросшие из простого народа, проявили изобретательность и талант к переговорам и командованию, которым в истории едва ли найдется параллель». Однако следует иметь в виду, что авантюрист Нового Света не всегда был типичным представителем своей нации.

Грэм заявляет, что «история экспедиций, завершившихся завоеванием Мексики и Перу, показывает, пожалуй, более ярко, чем любая другая часть летописей человечества, на какие удивительные усилия может подтолкнуть человека его дух и помочь ему выдержать». И снова: «Массы, — говорит Форд, который хорошо их изучил, — наименее избалованные и наиболее национальные, стоят как столпы среди руин, и на них должно быть восстановлено здание величия Испании». «Вся сила Европы, — восклицает Питерборо, — не будет достаточна, чтобы покорить Кастилию, если народ будет против нее».

ПОКЛОНЕНИЕ ДРЕВНОСТИ.

Их почтение к древности настолько велико, что они, кажется, живут почти столько же в прошлом, сколько и в настоящем. Возраст является синонимом мудрости; чем старше привычка или мнение, тем более оно достойно доверия. Они считают нововведения опасными; вселенная знаний уже раскрыта; больше нечего узнавать. Они знают, что их предпосылки верны, их выводы правильны, их убеждения истинны; зачем же тогда беспокоиться? Они как дети во всем, кроме обучаемости, довольны собой и своими традициями. Их образование закончено. Это самая безнадежная форма невежества. Они тщательно хранят свои легенды, любят соблюдать старинные обычаи и с преданным энтузиазмом вспоминают подвиги своих предков. До сих пор, двенадцать веков спустя, крестьяне Астурии делятся на потомков тех, кто помогал патриоту Пелайо в борьбе с маврами, и тех, кто этого не делал — последние клеймятся как *вакеры*; в то время как андалузские мориски сохраняют в живой памяти историю величия Гранады и мечтают о

мусульманских воинах, рыцарях Абенсерраге и восстановлении былого величия. Настолько сильное влияние традиций и умерших предков.

Говоря о твердости характера и целеустремленности, Белл отмечает: «Испанцы настолько упрямы, а в некоторых провинциях настолько самовольные, что жители одной части Испании из-за этого подшучивают над жителями других. Так, упрямый бискаец изображается вбивающим гвоздь в стену головой, а еще более упрямый араговец — в том же действии и позе, но с острием гвоздя, обращенным наружу!» С кинжалом у горла многие поверженные враги скорее умрут, чем сдадутся, и победитель наверняка вонзит смертельное оружие, если просьба о пощаде не будет произнесена быстро. В Андалусии среди дуэлянтов, решивших довести свой спор до конца, было распространено обыкновение крепко связывать левые руки соперников ниже локтей; затем, с ножами в правых руках, они сражались до тех пор, пока один или оба не погибали.

Несмотря на их чрезмерную лояльность к правителям, любовь к древности и ненависть к переменам, а также несмотря на угнетение со стороны князей, положение низших классов в Испании в конце XV века было намного выше, чем положение того же класса в любой другой европейской стране. Это было связано не с каким-то особым вниманием со стороны политических или церковных правителей, а с величайшим из бедствий — войной.

Пока правители были поглощены завоеваниями и защитой от завоеваний, за исключением непосредственной арены сражений, народ оставался в значительной степени в покое. Кроме того, армии нуждались в снабжении, и производители пользовались уважением со стороны военных потребителей.

Неравенство власти и богатства, если его не сдерживают внешние причины, всегда стремится к еще большим крайностям. В Испании рост богатства в руках священников и принцев был сдержан длительной войной. Продукты страны должны были использоваться для пропитания солдат, а сила дворянства — для борьбы с общим врагом. Не было ни времени, ни возможности довести народ до крайней нищеты. Хотя война тяжело отразилась на рабочем классе, она оказалась для него величайшим благом; в то время как массы населения в других частях Европы находились в состоянии феодального крепостничества, в Испании, где люди были важнее животных, произошло поднятие уровня жизни. Более того, контакты между расами и трения, сопровождавшие смешение при дворах и в лагерях, в некоторой степени способствовали облагораживанию и усовершенствованию общества. «Поскольку ничто так не заставляет нас забыть произвольные различия в рангах, как участие в каком-либо общем бедствии, каждый человек, спасшийся от великого кораблекрушения свободы и религии в горах Астурии, был наделен личным достоинством, которое придавало ему ценность в его собственных глазах и в глазах его страны. Вероятно, именно это чувство, переданное потомкам в « » и постепенно сформировавшее национальный характер, привело к тому повышению манер, которое отмечали путешественники в кастильских крестьянах».

КСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЛОИ.

И все же касты и социальное расслоение существовали в достаточной степени. Упорная мужественность низших сословий не делала их благородными. Только королевская власть была божественной. Аристократы любили деньги, но для них торговля была позором. Духовенство, чье призвание ставило его на особый уровень, помимо своих религиозных учений, выделялось как искренний поборник честного труда. Работа была хороша для мавров, евреев и индейцев, но тот, чья линия воинственных предков не имела начала в памяти человечества, должен был скорее голодать, чем запятнать свой род, занимаясь чем-то полезным.

Кроме того, различные социальные слои ревностно поддерживали свое отличие. Первое отличие было тем, что отделяло их от иностранцев. Во времена Цезаря и Цицерона Рим был хозяином мира; Рим был миром; все, кто не был римлянином, были варварами. То же самое было и с испанцами. Быть кастильцем означало быть самым избранным из смертных; быть испанцем, хотя и не кастильцем, было предметом гордости; быть кем-то другим было крайне неудачным.

Следующее различие было между испанцами чистой крови и христианизированными уроженцами иностранного происхождения. В глазах кастильцев крещение не могло полностью очистить мавра или еврея. Церковь могла сделать их морисками, инквизиция могла переделать их в еретиков, но вся Испания не могла сделать из иностранного материала христианина-испанца чистой древней крови. Им было все равно на иностранные моды, иностранные изобретения, иностранный прогресс, иностранную критику. И, вероятно, нигде в современности эта иррациональная идея касты не доходила до такой абсурдной степени, как в Новом Свете. Дети испанского происхождения, рожденные в Америке, считались социально низшими по сравнению с детьми тех же родителей, которые родились в Испании. Быть рожденным испанским крестьянином было лучше, чем *быть гидальго* или кавалером, рожденным в Америке, поскольку в одно время первый, переселившись в Америку, имел право на приставку «Дон». При вице-королях коренные мексиканцы, хотя и имевшие чисто кастильское происхождение, слишком часто лишались права занимать высокие должности в церкви и государстве, и это несмотря на то, что, если верить Бетанкуру-и-Фигероа, как каноническое, так и гражданское право предусматривали, что коренные жители должны иметь преимущество при всех церковных назначениях, от самых низких до самых высоких. «Но, несмотря на такие неоднократные рекомендации, — говорит Робертсон, — предпочтение почти во всех сферах отдается коренным испанцам». Г-н Уорд, английский консул в Мексике в 1825-1827 годах, утверждает, что «сын, который имел несчастье родиться от креольской матери, считался в доме своего собственного отца низшим по сравнению с европейским бухгалтером или клерком, для которого были зарезервированы дочь, если она была, и большая часть состояния. «Ты креол, и этого достаточно» — такая фраза часто звучала из уст испанцев, когда они злились на своих детей. В те времена действительно было хорошо быть одновременно «христианином» и «испанцем». Некоторые искренне верили, что кровь течет в соответствии с величием закона и что качество одной крови уступает качеству другой. Кровь индейца считалась едва ли более человеческой, чем кровь животных, и часто проливалась так же свободно.

Кроме того, существовало различие между военной профессией и всеми другими профессиями. Вновь следуя примеру республиканского Рима, образование любого человека, стремящегося к публичной карьере, считалось неполным, пока он не служил солдатом. Никто не может по праву обвинить испанцев XVI века в недостатке мужества. Военные навыки были высшим проявлением мужества. Они превратили опасность в игрушку, не

только в своих войнах (), но и в своих развлечениях. Жизнь была скучной, если ее не озаряла кровь.

В Арагоне бароны были ограничены несколькими великими семьями, которые ведали свое происхождение от двенадцати пэров, называемых *ricos homes de natura*. Хотя они были обязаны сопровождать короля в его войнах, во всех других отношениях они были независимы. Они сами были освобождены от налогов и наказаний и обладали абсолютной властью над жизнью и имуществом своих вассалов. Следующий по рангу сословие в Арагоне называлось *infanzones*, что соответствовало *hidalgos* в Кастилии. *Caballeros*, или рыцари, были непосредственными последователями *ricos homes* и обладали важными привилегиями.

В Ла-Манче крестьяне отличались от тех, кого Кастилия и Эстремадура посылали в Новый Свет. Квинтана пишет о них: «Тот, кто путешествует по Ла-Манче, увидит эшафот раньше, чем город. Они ленивы, грязны, сварливы и никогда не страдают от голода, потому что, когда они хотят стать владельцами чего-либо, они просто берут это»; а другой замечает: «Они питаются сушеными *нутом* и проводят зиму, лежа на животе, как рептилии, на солнце». См. бесподобные картины Мурильо.

ЕВРЕИ И МАВРИТАНЦЫ. Другой класс и раса, разрозненные фрагменты которых мы уже встречали ранее, обрели больше покоя в Испании, чем где-либо еще, но по другой причине. Бездомный Израиль нашел друга в арабах. Не потому, что магометане любили евреев, а потому, что христиане их ненавидели, их положение в Испании под властью сарацин было столь терпимым. Тогда, и вплоть до их изгнания, они занимали важное положение, будучи главными денежными магнатами, купцами и банкирами. Преодолев свою неприязнь друг к другу более горькой ненавистью к общему врагу, евреи и мавры жили на условиях, в некоторой степени приближающихся к равенству. Евреи превосходили своих мавританских хозяев по богатству и лишь немного уступали им в искусстве и литературе. Они были не только ростовщиками, но и земледельцами, ремесленниками и врачами (). По мере распространения христианского господства на юг это сравнительно счастливое положение испанских евреев исчезло. Под предлогом справедливости их деньги были отняты у них дворянами; более того, если они были слишком упрямы, их нередко казнили; а с капитуляцией Гранады и потерей своих мавританских союзников положение евреев стало крайне плачевным. Два эпизода из коронации папы Иоанна XXIII в 1410 году, описанные Монстреле, дают нам достаточно точное представление о чувствах, которые питали к евреям. Во время его прохода по Риму эти люди преподнесли ему рукописную копию Ветхого Завета. Он, «немного осмотрев ее, бросил ее за спину, сказав: «Ваша религия хороша, но наша лучше». И снова: «Перед ним и позади него стояли двести вооруженных людей, каждый из которых держал в руке кожаный молоток, которым они били евреев так, что было приятно смотреть».

С таким примером положение евреев стало еще более серьезным. Что касается испанцев, то они улучшили инструкцию, что было достаточно доказано их эдиктом об изгнании от марта 1492 года — эдиктом, запрещающим некрещеным евреям находиться в пределах Испании по истечении четырех месяцев; эдиктом, позволяющим им в течение этого времени продать свою собственность, но запрещающим им по истечении этого времени «увозить с собой любое золото, серебро или деньги»; «указ, — говорит католический историк Лафуэнте, — который обрек на изгнание, нищету, отчаяние и смерть многие тысячи семей, родившихся и выросших в Испании».

Практически в каждом средневековом городе был еврейский квартал, в котором, по словам их историка М. Деппинга, «евреи, как отряд прокаженных, были изгнаны и скучены в самых неудобных и нездоровых кварталах города, столь же убогих, сколь и отвратительных»; или, как описывает это Поль Лакруа, « » — «большой участок с убогими домами, построенными без всякой системы, разделенными маленькими улочками, не имеющими никакой формы». Главная улица уставлена ларьками, в которых продаются не только старая одежда, мебель и утварь, но и новые, блестящие вещи». В пределах установленных границ все их потребности были удовлетворены, а в центре обычно находилась грязная, похожая на тюрьму синагога. Но даже в этих убогих местах они часто подвергались самым жестоким и отвратительным издевательствам. Как бы ужасны ни были унижения, обрушившиеся на этот несчастный народ, не следует полагать, что они были полностью неспровоцированными или что вся терпеливость была со стороны страдающих. Мнения по этим вопросам широко расходятся, и я упоминаю о них здесь только для того, чтобы более ясно показать состояние Европы в то время, о котором я пишу.

ОБВИНЕНИЕ В ЖЕСТОКОСТИ.

Испанцы XVI века назывались жестоким народом, и таковыми они и были. Однако они не были более жестокими, чем другие народы того времени, и, с учетом прогресса человечества, не более жестокими, чем мы сегодня. Время развивает во многих отношениях более утонченную цивилизацию, но природа человека не меняется. Отдельные люди могут быть менее жестокими; общество может в большей степени регулироваться законом, а не страстями; между нациями в их войнах и дипломатии может быть меньше систематических пыток, меньше бесстыдных уловок; но мир еще не нашел права, более весомого, чем сила. Я не могу найти в Америке, со стороны католических испанцев или языческих дикарей, деяний, более жестоких, чем некоторые из тех, которые были совершены в Индии и Китае в течение столетия протестантской Англией, мировым образцом благочестия и приличия; и все же отношение к индейцам в Северной Америке со стороны народа Великобритании было гораздо более справедливым и гуманным, чем их отношение со стороны народа Соединенных Штатов.

Прежде чем выдвигать против народа такое обвинение, как чрезмерная жестокость, необходимо учитывать несколько моментов. И в первую очередь мотив. Хирург- , который ампутирует конечность, чтобы спасти жизнь, не называется жестоким. Испанцы были духовными хирургами своего времени. Девять десятых всех их жестокостей были совершены из убеждения, что они выполняли свой долг и что воздержаться от этого было бы негуманно. Хотя, опираясь на опыт прошлого и более ясный свет XIX века, мы приходим к выводу, что эти убеждения были ложными, и хотя мы с ужасом смотрим на них и осуждаем вытекающие из них действия как варварские, тем не менее почти излишне говорить, что с их учением и в их окружении мы поступили бы так же. Врожденные качества человеческой природы, кажется, мало изменяются, если изменяются вообще, под влиянием воспитания и развития ума. Во-вторых, качество жестокости не является абсолютным, а относительным. Существует жестокость сердца, чувств, не менее жестокая, чем физические пытки. Эпоха дикости всегда жестока. Жестокость проистекает скорее из невежества, чем из инстинкта. Детские и бездумные поступки, поступки, продиктованные инстинктом, жестоки из-за неискренней извращенности. Затуманенный, неразумный, неразумный ум, даже если под ним скрывается нежное сердце, порождает жестокость; в то время как более суровый характер, если он сопровождается ясным, любящим правду интеллектом, не радуется несправедливости — а жестокость всегда несправедлива. Вот почему, если верно то, что утверждается, что, несмотря на то, что мальчики более жестоки, чем девочки, женщины

более жестоки, чем мужчины. Дети, женщины и дикари жестоки из-за бездумности; хотя жестокий мальчик может быть очень нежным со своим щенком, жестокая женщина со своим ребенком, жестокий дикарь со своей лошадью. Даже нравственность и интеллектуальная утонченность того времени не были свободны от того, что нам кажется выученной и ненужной жестокостью. Я приведу несколько примеров европейской жестокости, не ограничивающейся испанцами, которые покажут не только то, что Испания не была более жестокой, чем другие нации, но и то, что дикари Америки не были более жестокими, чем европейцы того времени. Оба народа пытали до крайности тех, кого ненавидели, как и люди в настоящее время; главное различие заключалось в том, что европейцы, будучи сильнее, могли пытаться жестче. Цивилизация меняет не количество жестокости, а только ее качество.

ВАРВАРСТВО ЕВРОПЫ.

«Цезарь Борджиа, — пишет Себастьяно де Бранка в своем дневнике около 1500 года, — был самым жестоким человеком всех времен». Для достижения своих целей он не гнушался использовать яд и клятвопреступление. Он был вероломным, кровосмесительным, кровожадным, даже держал личного палача, Мичилотто, чтобы тот выполнял его приказы. Людовик XI Французский и другие принцы держали при дворе убийц. Пятнадцатый век был полн жестокостей. Родриго Ленцуоли, отец, Лукреция, дочь, и Цезарь, сын, составляли трио Борджиа, отличавшееся не только своим интеллектом, красотой, богатством и храбростью, но и коварством, похотью, вероломством и жестокостью. Леки говорит: «Филипп II и Изабелла Католическая причинили больше страданий, следуя своей совести, чем Нерон или Домициан, следуя своим похотям».

В 1415 году Ян Гус был сожжен за свою религию, а в 1431 году Жанна д'Арк — за свой патриотизм. Таким же образом погибли тысячи других. Магомет II, споря с венецианским художником Джентиле Беллини о длине шеи Иоанна Крестителя после обезглавливания, позвал раба и, отрубив ему голову одним ударом своего ятагана, воскликнул: «Вот! Разве я не говорил, что твоя слишком длинная?»

Принцы делали кровопролитие своим развлечением. Эдуард IV казнил торговца за каламбур, приказал казнить дворянина за высказывания против фаворита и в приступе раздражения приговорил к смерти своего собственного брата. Во время встречи этого же Эдуарда Английского с королем Франции монархи были помещены в огромные железные клетки, каждый из них с недоверием относился к другому. Людовик XII заключил Людовика Сфорцу, герцога Милана, в железную клетку на десять лет, до самой его смерти. Это было обычным наказанием в то время в Италии и Испании. Педро Жестокий обвиняется Халламом в убийстве своей жены и матери, большинства своих братьев и сестер, многих кастильских дворян и множества простолюдинов.

Церковь терпела преследование своих врагов, полагая, что это делается во славу Божью. Эта идея не была ограничена Испанией или XV веком, поскольку мы видим, что в Англии и даже в Америке преследования по соображениям совести со всеми жестокостями, которые только могла придумать утонченная цивилизация, существовали в начале нынешнего века; более того, мир еще не полностью освободился от этого рабства.

Однако, я считаю, что испанцы были достаточно жестокими. Жестокости, последовавшие за капитуляцией Малаги в 1487 году, были более свойственны демонам, чем мужчине и женщине, которые гордились титулом католического короля и королевы.

С момента учреждения Инквизиции религиозные преследования стали слишком приятными для национального вкуса. В этот раз в Малаге сначала были пойманы и сожжены отступники-мавры. Затем двенадцать отступников-христиан привязали к кольям на открытом месте и сделали их объектом варварских развлечений испанских кавалеристов, которые, сидя на быстрых лошадях, мчались мимо на полной скорости и бросали в их обнаженные тела заостренные трости. Это продолжалось до тех пор, пока разорванная и кровоточащая плоть их жертв не была заполнена дротиками, и несчастные страдальцы не скончались в мучительных страданиях. Затем остальные мавританские пленники были разделены на три группы: одна для выкупа христианских пленников, одна для распределения между победителями в качестве рабов и одна для публичной продажи в рабство.

Испанские рыцари возвращались из своих набегов на мавров с вересками голов в турбанах, свисающими с седел, которые, проезжая мимо, они бросали мальчикам на улицах, чтобы внушить их юным умам ненависть к врагам своей религии.

Из превращения военнопленных в рабов зародилась торговля человеческой плотью. В 1443 году в Португалии была образована ассоциация работоторговцев. Гонсалес привез рабов в Севилью; Колумб отправил в Испанию партию индейских рабов в 1495 году; в 1503 году Фердинанд и Изабелла санкционировали порабощение американских индейцев; а в 1508 году африканская работоторговля развернулась во всей своей ужасающей жестокости. Однако работоторговля терпелась этими монархами скорее из ошибочной доброты, чем из жестокости. Именно для того, чтобы защитить индейцев, умирающих от тяжелого труда, Изабелла разрешила ввоз африканцев в колонии.

ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ ПЫТКИ.

Жестокость была важным элементом как в механизме управления, так и в религиозной дисциплине. Пытки считались неотъемлемой частью правосудия, либо в качестве подготовки к суду для получения признания вины, либо в качестве части казни для усиления наказания. Ипполит де Марсилли, ученый юрисконсульт из Болоньи, упомянул четырнадцать способов применения пыток, которые приводит Лакруа. Среди них были сдавливание конечностей инструментами или веревками; введение воды, уксуса или масла; нанесение горячей смолы; голодание; помещение горячих яиц под мышки; введение кубиков под кожу; привязывание зажженных свечей к пальцам, которые сжигались вместе с воском, и капание воды с большой высоты на живот. Жосс Дамхуер упомянул тринадцать способов казни или наказания: огонь, меч, механическая сила, четвертование, колесо, вилы, виселица, волочение, пронзание, отрезание ушей, расчленение, забивание в стойло и позорный столб. Каждая страна имела свою особую систему пыток.

В 1547 году английских бродяг клеймили буквой V и порабощали на два года. Если несчастный пытался сбежать, ему выжигали на теле горячую букву S, и он становился рабом на всю жизнь. Вторая попытка сбежать из каралась смертью. В те дни порка жены была обычным и уважаемым средством домашней дисциплины; преступников, прикованных к позорному столбу и колодкам, выставляли на рыночной площади, где все люди могли их бить; заключенных раздевали, сажали в грязные подземелья, наполовину заполненные

стоячей водой, и нередко оставляли там голодать, пока слизистые рептилии ползали по обнаженным телам или вонзали свои ядовитые клыки в дрожащую плоть.

Спортивные развлечения испанцев мы сейчас считаем жестокими, так же как через четыреста лет будут считать жестокими наши. Хотя испанцы любили игры, пантомимы, фехтование, борьбу, бег, прыжки, охоту, соколиную охоту, а также более спокойные развлечения, такие как пение и игра на гитаре, более популярными были петушинные бои, собачьи и бычьи бои, бои быков и медведей, бои медведей и собак, которые нравились как высшему, так и низшему сословию, женщинам, мальчикам и мужчинам, мирянам и духовенству. Иногда бойцы выходили на арену с завязанными глазами и вступали в смертельную схватку. Однако насколько жесточе были эти виды спорта по сравнению с современными скачками, петушиными боями, собачьими боями, боями без правил, хождением по канату, укрощением львов, скачками с препятствиями, не говоря уже о более джентльменской жестокости разведения лис для охоты, преследования и, в конце концов, разрывания на куски собаками, пусть судит потомство. Я не говорю, что испанские виды спорта XVI века были более жестокими, чем современные английские. Я думаю, что они были. Но я не верю, что испанцы были по своей природе более жестокими, то есть что их сердца были более злобными, их сочувствие более бесчеловечным, или что они испытывали более горячее удовольствие от причинения боли другим, чем люди сейчас. Испанцы были нацией солдат, а солдаты по необходимости жестоки. Люди идут на войну, чтобы причинить вред врагу, а не чтобы быть с ним добрыми. Несомненно, коррида, как и гладиаторские бои в имперском Риме, имела развращающее воздействие, возбуждая любовь к кровавому и ужасному и делая безвкусными более сдержанные и утонченные развлечения. Для них это было несчастьем, хотя отвратительный спорт и воспитывал дух мужества и выносливости.

Коррида-де-торос, бег быков или бои быков, национальный спорт Испании, является пережитком мавританского рыцарства, но не менее испанским, чем арабским, поскольку эта традиция, в том виде, в каком она существует в Испании, не встречается ни в Африке, ни в Аравии. Первоначально, как и в древних турнирах, в этом виде спорта участвовали только кавалеры, или джентльмены, которые обладали таким мастерством и силой, что голова быка иногда сбивалась одним ударом *монтанте*. С тех пор турниры деградировали до боев на арене, а рыцарские корриды, которые в принципе были проявлением мужества в сочетании с мастерством верховой езды и владением копьем, превратились в своего рода драматическую бойню, где участники — низкородные и корыстные профессионалы.

ИСПАНСКАЯ ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ.

Нельзя игнорировать домашнюю жизнь испанца, которая отражает более мягкие стороны его характера и показывает более тонкие черты его умственных и нравственных качеств. Только там мы увидим его таким, каким он есть, лишенным атрибутов, сопутствующих его появлению перед людьми, с открытыми перед нами намерениями и целями его сердца и ума.

Мы заметили, как гений магометанина привязался к этой земле еще долго после того, как его изгнали; по сей день южная Испания более арабская, чем готическая. Города Андалусии — ключевым из которых является Кадис с его побеленными древними зданиями и улицами и стенами, чистыми как *taza de plata*, а гордостью — Севилья, сияющая солнечными садами и сверкающими башнями — состоят из узких извилистых улочек, окруженных мавританскими особняками с прохладными внутренними дворами. Окна без ставен, через которые полузаглушенные влюбленные шепчут нежные слова *сениоритас*, заключенным за

решеткой, открываются наружу; свежая юная любовь и затхлая древность таким образом смешиваются в гармоничном контрасте. Затем, благословленные сладострастным воздухом весны () или жарящиеся под изнурительной жарой лета, находятся Гранада, Кордова и Малага, где слава и позор, героическая добродетель и бесстыдный порок, эрудиция и невежество, христианство и язычество были настолько смешаны, что прошлое и настоящее кажутся почти одним целым. Как будто гордясь своим мавританским происхождением, эти города южной Испании сражаются со временем и крепко держатся за тени ушедшего величия. Лучшие мавританские дома сохранились до наших дней, а невыносимую жару этой так называемой «печи Испании» делают терпимой узкие извилистые улочки — настолько узкие, что на некоторых из них не могут разехать автомобили — и неровные, выступающие этажи домов с террасами на крышах.

Несмотря на значительные различия в религиозных системах, в национальных чертах этих серьезных и высокомерных шейхов и испанцев много общего. И тем, и другим были даны завоевания, богатство и возможности. Оба народа боролись слепо и отважно, погружаясь в национальный упадок и коррупцию, которые окружали их, как чума. Но в их религии, без сомнения, была разница. Одна была чувственной, другая — духовной. В одной были зародыши прогресса, интеллектуальной культуры и всего того просвещения и утонченности, которые делают людей более пригодными для господства на этой земле. И хотя «Аллах акбар» эхом раздаётся от удаляющихся воинств, поклоняющихся Богу и его пророку, его миссия выполнена. Где теперь могущество Мавритании? Где сила и гордость, которые заставили Египет снова мечтать о днях фараонов и Птолемеев? Сирия и Палестина опустошены, бедуинизированы. Багдаду остались только воспоминания о древнем великолепии; его дворцы превратились в руины. По его улицам больше не ходит добрый Харун аль-Рашид; университеты Куфы и Басры, Самарканда и Балха больше не просвещают мир. Сыновья Агари прожили свою жизнь; их дело сделано. О том, что сейчас представляют собой Испания и ее колонии, здесь говорить не нужно.

ЖИЛЬЕ И МЕБЕЛЬ.

В каждом испанском городе есть своя площадь, большая площадь или общественный рынок, где каждый день царит оживление. Туда ранним утром приходят недалёковидные, но не особо ленивые простые люди, чтобы запастись продуктами на день. Есть еще *пасео*, или общественная прогулочная зона, или, как ее чаще называют, *аламеда*, от *álamo*, тополь, — красивая аллея, затененная с обеих сторон деревьями. В каждый приятный день после *сиесты*, или полуденного сна, здесь можно увидеть группы людей обоих полов и всех классов, высоких и низких, богатых и бедных, прогуливающих туда-сюда, болтающих, курящих, флиртующих, пьющих за здоровье, довольство и веселье в прохладном, восхитительном вечернем воздухе; в то время как дамы в каретах и кавалеры на резво скачущих конях занимают и оживляют дорогу.

В разных частях страны встречаются бесчисленные виды жилищ, среди которых особенно выделяются астурийские пещеры, подземные жилища Ла-Манчи, крепости Кастилии и мавританские дворцы Андалусии. В горных районах используется тесаный и нетесаный камень, а на равнинах — *саман*, или высушенный на солнце кирпич, с соломенной крышей. Распространенным типом архитектуры является без оконный параллелограмм, разделенный на две комнаты, одна для семьи, а другая для скота, чердак используется как сарай. Дома такого типа строятся одно- и двухэтажными. Пристройка для хранения, которая также используется как спальное место для женщин, возвышается на столбах высотой восемь футов, иногда стоит рядом. На одном конце семейной комнаты, которая по необходимости используется для всех бытовых целей, расположена каминная печь длиной десять-пятнадцать футов и глубиной шесть футов, над которой находится большой

колоколообразный дымоход, выходящий в середину комнаты. Такой стиль здания может быть усовершенствован, к нему могут быть добавлены крылья или изменена форма. Часто встречаются черепичные крыши и нависающие карнизы. Некоторые дома имеют три или четыре этажа, другие — длинные и низкие. Более претенциозные жилища часто имеют форму полых квадратов () с внутренним *двори́ком* и садом. К таким относятся монастыри с монастырскими дворами, над которыми расположены ряды коридоров и комнат.

В домах высших классов апартаменты дамы состоят из прихожей или гостиной, будуара, спальни, гардеробной и молельни. Гостиная обставлена гобеленовыми занавесями, на которых изображены сцены сражений и библейские сцены — даже здесь война и религия; полированными дубовыми или махагоновыми стульями с высокими спинками, неуклюжими и с изысканной резьбой; в углах комнаты стоят треугольные столы, на которых стоят тяжелые серебряные или золотые подсвечники со спермацетовыми свечами, свет от которых отражается маленькими овальными венецианскими зеркалами в фантастически выкованных золотых или серебряных рамах; шкафы со стеклянными дверцами для посуды и т. д. В будуаре стоит туалетный столик перед венецианскими зеркалами, обильно задрапированными красивым кружевом; книжный шкаф, рабочий стол, кресла, священные картины и семейные портреты; в спальне — высокая тяжелая кровать с дамасскими или бархатными занавесками, распятие — изображение из серебра или золота и крест из слоновой кости — с маленькой чашей со святой водой рядом, *молитвенник* и молитвенник; в гардеробной — шкаф для одежды и все необходимые туалетные принадлежности; в молельне — алтарь, распятие, два или более молитвенных скамеек, а если проводится месса, как это часто бывает в домах знатных или богатых людей, — изображения святых, выполненные мастерами, со всеми сопутствующими атрибутами поклонения.

Жилища южной Испании, большие и маленькие, склоняются к арабской архитектуре — арабские украшения, балконы на втором этаже; комнаты с богато украшенными резными потолками, панелями и арабесками; вход с улицы в городские дома осуществляется через вестибюль и украшенные железные решетки. Летом, когда солнечные лучи бьют как отравленные стрелы, семья в основном живет во внутреннем дворе. Там, на мраморном покрытии, рядом с прохладным фонтаном и среди ароматных апельсиновых, пальмовых и цитрусовых деревьев, принимают гостей, пьют шоколад и курят сигареты. Там же они танцуют под музыку гитары, играют в карты и отдыхают во время сиесты.

К восточным обычаям можно отнести ревнивую секретность, с которой мужья и отцы охраняли женщин Испании. Помимо своей естественной слабости, женщина была еще и неполноценной, неспособной, безхарактерной, недостойной доверия. Крепостные дома более высокого класса, разбросанные по всей равнине полуострова, с просторными внутренними дворами и окнами с железными решетками, были устроены так, что часть, занимаемая женщинами, была отделена от более общественных комнат, предназначенных для мужчин. В эту часть дома не имели доступа никто, кроме самых близких друзей или приглашенных гостей. Их домашняя политика, как и всякая другая, была подозрительной и осторожной.

Это еще более иллюстрируется способом входа в дом, который также показывает влияние веков войн на нравы. В наружные двери, а также в двери отдельных этажей и квартир, вставлялась небольшая решетка и задвижка. При стуке задвижка сдвигалась, и в решетке появлялись блестящие, испытующие глаза жильца. «*Quien es?*» Кто там? — было приветствие изнутри. «*Gente de paz*» — «Мирные люди», — был ответ.

ЖЕНЩИНЫ И ОДЕЖДА.

Испанцы из высшего общества отличаются крайней чувствительностью в отношении одежды, и, чтобы не появляться на публике в неподобающей одежде, они остаются дома, выходя только по необходимости с наступлением темноты или, возможно, ранним утром, а затем возвращаются домой на весь день. В этом мы видим сильную смесь гордости и *bienséance*, в которой больше чувствительности, чем здравого смысла. Но человек не может жить одним разумом. Тот, кто в этом искусственном мире руководствуется только инстинктами здравого ума, не обращая внимания на легкомысленность моды, на *приличия*, безразличный к представлениям соседей о приличиях и к любому вкусу, кроме своего собственного, совершает ошибку. Хотя он один мудр, а весь мир глуп, он по необходимости должен стать глупым, иначе он не будет мудрым.

Мужчины в своих костюмах были птицами с ярким оперением в начале шестнадцатого века. Английский дворянин был так фантастически одет в свой шнурованный дублет и открытый плащ, что его было трудно отличить от женщины. Во времена Карла V придворные одевались в яркие цвета, но при его мрачном сыне Филиппе все было черным — черный бархат, отделанный гагатом; и жестким — жесткие воротники и жесткие черные конические шляпы с полями шириной едва ли в дюйм вместо мягких мятых *сомбреро*.

МАНТИЛЬЯ И КАПА.

На протяжении примерно трех веков национальной и характерной одеждой обоих полов в Испании были, в качестве верхней одежды, *капа*, или плащ, для кавалеров, и *мантилья* для дам. Во времена правления Карла V первая представляла собой короткую накидку, а вторая — просто головной убор, но со временем обе стали удлиняться, пока одна не достигла длины ниже колена, а другая — ниже талии. Некоторые авторы приписывают этим предметам одежды древнюю историю. Они ссылаются на древние монеты, на которых Иберия изображена в виде женщины в вуали, и, игнорируя пол, утверждают, что римляне дали иберам *тогу* и что эта мода сохранялась в течение пятнадцати веков. Другие отрицают такую связь. Несомненно, капа XVI века была намного короче, чем современный плащ, представляя собой скорее накидку, чем плащ, и совсем не напоминая римскую тогу. Себастьян Франк в своей книге «*Weltbuch*», Тюбинген, 1534, пишет: «Их женщины носят любопытное платье вокруг шеи; у них есть железная лента, к которой прикреплены изогнутые зубцы, достигающие головы, над которыми, когда они того желают, они натягивают ткань для защиты головы, и это они считают большим украшением». Для мужчин и женщин Испании эта одежда — как панцирь для черепахи; в ней, даже находясь на оживленной улице, они могут в любой момент уйти от мира и укрыться в себе (). Кавалер с особым размахом, совершенно недоступным для иностранца, накидывает юбку на грудь и плечи, чтобы частично или полностью скрыть лицо по своему усмотрению. По дороге в церковь и из церкви лицо дамы закрыто; и галантный кавалер, вздыхающий о том, чтобы увидеть божественно прекрасные черты лица, вынужден войти в святилище, спрятаться за колонной возле алтаря; затем, когда одна за другой подходят женщины, преклоняют колени и снимают вуаль, он может наслаждаться видом лиц перед ним. Мантилья служит в качестве шляпки, вуали и шали; раньше она была просто прямоугольным куском ткани с бархатной или кружевной каймой; позже к ней добавили кружевную вуаль; а теперь лицо испанских женщин становится все более и более видимым на публике.

Капа незаменима для испанца; она подходит ему как перчатка и является почти частью его самого. Ее можно носить поверх богатого платья, она может скрывать лохмотья или наготу; она может покрывать благородное, щедрое сердце или множество грехов. Скрывшись под

ней, ее владделец может тайно преследовать свои цели, даже находясь на рынке. Она защищает от холода, может скрыть кинжал убийцы, служит маскировкой в любовных интригах и является благодарной защитой от назойливых кредиторов. Обернутая вокруг левой руки, она становится щитом; ночью она служит постелью; а вместе с мечом, *sara u espada*, она нередко составляет все земное имущество высокомерного, обнищавшего кавалера. Каким бы ни был характер или положение его владельца, широкие складки придают ему достоинство, а изящные драпировки — привлекательность. Непростительным нарушением приличий является обращение к человеку в плаще или разговор с ним, когда он одет в плащ. Вежливость учит его открывать перед другом как свою одежду, так и свое сердце, чтобы было ясно, что в первом нет скрытого оружия, а во втором — злобы. Сын не смеет говорить со своим отцом, когда его лицо скрыто под плащом.

Крестьяне в праздничные дни носили самые яркие и красочные наряды; *махо*, деревенский красавец, носил узорчатый бархатный жилет с квадратными бархатными пуговицами и яркими цветными лентами; вышитые чулки, туфли с серебряными пряжками и цветную капю, изящно накинутую на левое плечо. Одежда Фигаро в пьесе — это одежда андалузского денди. Костюм Валенсии более азиатский, или, можно сказать, азиатско-античный, поскольку он в некоторой степени напоминает древнегреческий костюм — широкие льняные штаны, льняная рубашка, пеньковые сандалии, чулки без носков, широкий красный шерстяной пояс, яркая бархатная куртка с шелковым поясом и цветная накидка поверх всего. Длинные волосы связаны шелковой лентой в виде тюрбана. Женское крестьянское платье не менее эффектно: красный бархатный лиф, алые или пурпурные юбки, все обильно вышито, яркая квадратная мантилья, застегнутая серебряной брошью, с цепочками, драгоценными камнями и цветными камнями в зависимости от достатка владелицы.

РАЗЛИЧНЫЕ КОСТЮМЫ.

Обычное крестьянское платье Эстремадуры состоит из широких суконных бриджей, очень похожих на мавританские, габардинового плаща из ткани или кожи и суконных гетр. Мужчины носят длинные волосы. Женщины носят большое количество юбок; деревенские красавицы из Замаррамалы, деревни в Эстремадуре, носят от четырнадцати до семнадцати юбок. В Андалусии мужчины носят короткие куртки, украшенные бусинами из гагата или стали, бриджи до колен и богато украшенные кожаные гетры; женщины носят короткие вышитые юбки с воланами и мавританские безрукавки, вышитые золотом или серебром и зашнурованные спереди. Астурийские крестьяне носят деревянные башмаки с тремя большими гвоздями в подошвах, которые не дают им прилипнуть к земле; кожаные башмаки они часто носят с собой в путешествиях и в церковь, под мышкой или на голове, надевая их только перед входом в деревню или церковь. Женщины носят серьги () и ожерелья из стеклянных имитаций кораллов; голову покрывают треугольно сложенным платком; на похоронах надевают большой черный плащ. Кастильцы носят сандалии, называемые *abarcas*, которые привязываются к лодыжке узкими полосками сыромятной кожи. Жители Эстремадуры носят шляпы с очень широкими полями; каталонцы — красные фригийские шапки; валенсийцы — своего рода греческие шапки; астурийцы — треугольные черные или темно-синие шапки с бархатными отворотами; бискайцы — плоские красные шерстяные шапки; андалузцы — шапки, похожие на тюрбаны, или шелковые платки. В Арагоне, а также в некоторых южных провинциях, носят широкополые мягкие сомбреро. Шляпы были изобретены швейцарцем Пансианом в 1404 году, а испанец впервые изготовил их в Лондоне в 1510 году. Евреи в Испании были обязаны носить желтые шляпы; в Германии банкроты, аналогичным образом, были обязаны носить шляпы зеленого и желтого цветов.

Общий костюм испанского дворянина состоял из шелкового габардина с рукавами, облегающими запястья, но расклепанными и разрезанными между локтем и плечом, чтобы показать тонкое льняное рубашку под ним; дублета из замши, толстого, но гибкого; шелковых чулков и шелковых брюк с разрезами; длинные сапоги в форме колокола с золотыми шпорами; широкий полированный кожаный пояс, с которого свисал длинный меч с левой стороны и длинный кинжал в кожаных или бархатных ножнах с правой стороны; круглая мягкая шляпа с широкими полями из бобрового меха, с страусиным пером, прикрепленным алмазной брошью сбоку или спереди; накидка или плащ, вышитый или отделанный золотой или серебряной нитью, застегивающийся на шнурок с кисточкой и надеваемый на левое плечо или накидываемый на тело так, чтобы закрывать часть лица. В помещении плащ снимали; кожаный дублет заменялся бархатным, а вместо сапог носили кожаные или бархатные туфли с разрезами на носках. Платье дамы представляло собой тяжелую, струящуюся юбку из парчи или бархата, открытую спереди, под которой виднелось нижнее платье () из легкого шелка или атласа; сорочку с разрезанными рукавами; корсаж с длинными концами, свисающими спереди, и бархатную безрукавную куртку, зашнурованную золотым или серебряным шнуром. Грудь была покрыта кружевом, а шея и плечи были обнажены, за исключением случаев, когда они были покрыты *токой*, своего рода головным убором, из которого в результате удлинения выросла характерная мантилья. Ее туфли были из бархата, чулки — из шелка или шерсти; с правой стороны от талии висели ретикула, серебряный или золотой свисток для вызова слуг и кинжал. Ее *дуэнья* носила черную юбку и большой черный плащ, полностью покрывающий голову, лицо и плечи до талии. До XV века мечи не входили в состав домашней одежды.

Черный был цветом церкви, за исключением некоторых духовных орденов. Черное носили представители научных профессий. Дамы обычно посещали церковь в черном, и действительно иногда их можно было увидеть в темных тонах на аламеде. Черные одежды и шляпа в форме каноэ покрывали баскского священника; а монах носил мешковину и серый цвет, обвязанный вокруг талии скрученным шнуром. *Альгуасиль*, или констебли, носили древний костюм кавалеристов — широкополую шляпу, черный плащ, короткие бриджи до колен, черные чулки, туфли с серебряными пряжками, воротник Ван Дейка и белый кружевной воротник. Это было только в баскских провинциях. Монахи носили одежду с капюшоном, доходящую до лодыжек, поверх шерстяных бриджей и куртки. Вокруг талии был завязан шнур, на котором висел розарий. Носили пеньковые или кожаные туфли, а некоторые ордена — широкие шляпы. Монашеская ряса была из грубой шерсти, а священническая — из сукна, с плащом, низкими кожаными туфлями с пряжками, черными чулками, бриджами до колен, белым воротником и черной шляпой с широкими полями, загнутыми по бокам. Одежания викариев, приходских священников и других церковных сановников были из шелка. Одежания францисканцев было желтовато-серого цвета, доминиканцев — белого, кармелитов — красновато-серого, капуцинов () — серебристо-серого, иезуитов — черного. Цвет епископа был фиолетовым, кардинала — красным или пурпурным.

Повседневная жизнь в Испании, с учетом класса, сезона и местности, в основном выглядела следующим образом. Благородному или богатому хозяину дома перед подъемом подавали шоколад, что называлось *desayuno*. Затем он вставал и одевался; после этого, преклонив колени перед распятием, он произносил молитву; затем он приступал к делам дня, принимая *las once*, или одиннадцатичасовой обед из пирожных и вина, либо дома, либо в доме друга, либо где бы то ни было. После обеда в двенадцать или одиннадцать часов

наступала сиеста. В пять часов следовала *merienda*, состоящая из шоколада, консервированных фруктов и мороженого, а между девятью и одиннадцатью — ужин. В частной часовне грандов отправлялась месса. Средний класс обычно посещал церковь около восхода солнца, после чего следовал завтрак, а в полдень — обед.

ЧРЕЗМЕРНОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ.

Религиозное воспитание детей было чрезмерным. На рассвете читался *ангелус*, затем дети шли в часовню или церковь на мессу, после которой могли позавтракать; в полдень — ангелус и обед; после сиесты — вечерня в церкви и розарий дома; в шесть часов — ангелус и шоколад; в восемь — молитвы; в девять — ужин; после чего — еще молитвы и отход ко сну. От ребенка ожидалось, что он будет присутствовать на всех этих богослужениях, за исключением, возможно, вечерней молитвы, поскольку самых маленьких детей отправляли спать после чтения розария. И это не только по воскресеньям, но и каждый день.

Национальное блюдо, известное уже несколько столетий, распространенное в Испании и всех испаноязычных странах, называется «*оля подрида*» и является основным продуктом питания практически для всех слоев населения. Оно состоит из мяса и овощей, сваренных вместе, но обычно подается в двух блюдах, а его состав зависит от ресурсов повара, поскольку в него кладут все съедобное, что можно достать. Говядина, баранина, свинина и птица; фасоль, горох, картофель, лук, капуста и чеснок; вода, в которой варится эта смесь, подается в качестве супа с рисом или хлебом, и эти два блюда составляют всю трапезу низших классов. На столах богатых после *olla podrida* подают рыбу, жаркое и обильный десерт из сладостей, желе, варенья и конфет. Андалузцы готовят салат из огурцов, помидоров, салата, зеленого перца, цикория с маслом, уксусом, солью, перцем и черствым хлебом, который для них является основным блюдом, называемым *гаспачо*.

Предыдущий век был веком обжорства и чувственности, но Испания, вероятно, была более свободна от этих пороков, чем любая другая цивилизованная нация Европы. Там внимание, которое в других странах уделялось роскошной жизни, поглощала военная дисциплина. В Испании мы не находим ничего подобного тому, о чем рассказывают в Англии, где дома знатных людей были полны ссорящихся слуг, невоспитанных шутов и буйных слуг и служанок, которые заканчивали многие пиры кровопролитием; где гости хватили и дрались за еду, набивая себя всем, что попадалось под руку; где пьяные драки были повседневным явлением, и хозяин дома нередко был вынужден вонзить свой меч в тело какого-нибудь непокорного слуги, ставшего опасным из-за безудержной свободы, которой он наслаждался.

Что сказать о монахах и кардиналах, которые разжирили за счет полных казны Церкви? В некоторых случаях их богатство сделало их чувственными и расточительными. Их шкафы были забиты богатыми яствами, которыми они свободно лакомились, а их столы окружали музыканты и все роскошь и деликатесы, которые только мог предложить мир. Однако мы не хотим обращать слишком много внимания на недостатки немногих, а скорее на достоинства многих; ведь в эти мрачные годы невежества и сладострастия Церковь сеяла и поливала семена святости брака и семейной жизни в Испании, окружая семейный алтарь столькими защитными мерами среди своего народа, что долгие века не смогли их рассеять или уничтожить. В богатых семьях Испании были свои придворные шуты, но грубые шутки или непристойные анекдоты редко допускались.

ЕДА И ГРЯЗЬ.

Два человека часто ели из одной тарелки, используя пальцы вместо вилок. Нож в ножнах или кинжал, который они носили при себе, служил для резки пищи.

Одной из первых книг, напечатанных в Венеции, был фолиант по кулинарии, изданный в 1475 году. В английском стихотворном произведении *Stans Puer ad Mensam*, следуя Райту, гостю говорят: «не приноси к столу ножи, не вычищенные до блеска»; другими словами, его нож в ножнах должен быть чистым, и ему также сообщают, что вежливые люди не ковыряют им зубы за столом. Считалось нарушением хороших манер сморкаться теми же пальцами, которыми он подносил еду ко рту. Мужчины носили шляпы, а женщины — головные уборы во всех бытовых ситуациях. Во Франции стихотворное пособие по столовому этикету *Contenances de Table* показывает лишь немного больше изысканности, чем в других странах. Среди прочих указаний читателю сначала рекомендуется проверить, чисто ли его место:

«Enfant, prens de regarder peine
Sur le siege où tu te fierras,
Se aucune chose y verras
Qui soit deshonneste où vilaine».

Ему запрещается плевать на стол во время обеда:

«Не плевай на стол
Car c'est chose desconvenable.

Или плевать водой изо рта в умывальник, который используется всеми:

«Когда будешь мыть рот
Ou bacin point ne cracheras.»

Или оставлять кусочки хлеба в своем бокале с вином:

«Se tu fais soupes en ton verre
Бой ле вин у ле гетте а терре».

Но по подтексту он может плевать и бросать остатки на пол, сколько ему заблагорассудится.

Даже в употреблении табака, который они чрезмерно любят, испанцы умеренны. Хотя они курят его почти постоянно, но в таких небольших количествах и в такой мягкой форме, что табак наносит им меньший вред, чем многим другим народам. Было принято носить с собой дневной запас, завернутый в лист салата или капусты, чтобы он оставался влажным. Сигарету для курения готовили, беря небольшое количество мелко нарезанного табака, сворачивая его в кукурузную шелуху или бумагу и зажигая кремнем, сталью и трутём. Хотя табак может быть крепким, приготовленный таким образом он наносит меньший вред, чем когда его сворачивают в больших количествах в сигару, нарезают из блока и курят в трубке или жуют.

Благородные молодые люди обоих полов были привычны к тому, чтобы в течение нескольких лет проходить своего рода ученичество в королевском доме. Точно так же сыновья и дочери дворян служили в домах знати, а простолюдины — в домах дворян, чтобы каждый мог извлечь пользу из знаний и утонченности своего начальника.

Испанцы, как я уже сказал, считаются не гостеприимными, но к этому обвинению нужно относиться с пониманием. Каждая сторона человеческой природы имеет свои добрые качества; в каждом сердце заключено богатство доброты, которое открывается тому, кто владеет ключом. По своей природе эти люди сдержанны и подозрительны. У них нет окна в душе. В своих домашних делах они особенно сдержанны перед посторонними. Они прячут своих жен и дочерей, скрывают свои проблемы под пеплом, который их сохраняет, их чувства боятся холодного контакта с миром. Если некоторые считают некоторых испанцев в определенные периоды времени недружелюбными, другие в другое время и в других местах находят их очень щедрыми. В древние времена гостиницы в Испании были редкостью, и нам рассказывают, что в некоторых местах каждый частный дом имел гостевые комнаты,

состоящие из одной или нескольких комнат в зависимости от богатства владельца. В эту квартиру был приветствуем любой незнакомец, независимо от его положения. Там он мог жить столько, сколько хотел, его кормил и ухаживал за ним хозяин; и — можно назвать это гордостью — если из-за бедности провизия становилась скудной, семья предпочитала терпеть самые большие лишения, чем гость страдал от нужды или был вынужден ускорить свой отъезд. Кроме того, все было бесплатно; предлагать плату за гостеприимство считалось оскорблением, хотя подарки можно было дарить и принимать.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Хотя этот народ называли меланхоличным, развлечения порой казались самой жизнью нации. Королевская власть и религия были в покое, мир здесь и в будущем был обеспечен, и в жизни не было ничего больше, чем наслаждаться ею. Трудиться, когда можно было отдыхать; вздыхать, когда можно было петь; подвергаться мукам культуры, когда сладкое удовольствие соблазнительно предлагало отдых — нет! Глупцы пытаются улучшить свое положение и делают его еще хуже. Пусть те, кому нужно совершенствоваться, занимаются этим; мы знаем достаточно.

Так лениво погруженные в глупость, помимо праздников и корриды, своих страстей и страстных игр, они разваливались на зеленой траве и танцевали под звуки бубна и кастаньет, боролись и бегали на скорость; они фехтовали, дрались, играли в карты, бросали кости и оживляли домашнюю монотонность всевозможными играми и гимнастическими упражнениями. Танцы доходили до такой степени, что приводили к разврату и иногда к смерти, как и сегодня. Танцы крестьян во многих случаях имеют поразительное сходство с танцами коренных народов Америки. В Астурии мужчины, а иногда и мужчины с женщинами, образуют круг, соединяясь за мизинец. Лидер поет жалобным монотонным голосом, описывая какой-нибудь испанский подвиг до XI века, турнир более поздних времен, несчастную любовную историю или захватывающий эпизод из завоевания Америки. В конце каждой строфы все поют хором припев, который иногда заканчивается молитвой, например: «Да будет со мной святой Петр! Да защитит нас Магдалена!». Танец состоит из одного длинного шага вперед и двух коротких шагов назад и вправо, так что круг постоянно движется в этом направлении, при этом участники танца держат ритм музыки как руками, так и ногами. Эти танцы проходят по воскресным дням и в праздничные дни, а когда присутствует священник, мужчины и женщины танцуют отдельно. *Фанданго*, который танцуют два человека с кастаньетами под музыку гитары, свойственен югу Испании.

Между эпохами турниров и корриды большую популярность приобрел вид рыцарского турнира под названием *correr la sortija*. Золотое кольцо подвешивалось на нитке к верхушке шеста, и рыцарь на полном ходу набрасывался на него с копьем в руках. Небольшой размер предмета, его постоянное движение и близость к шесту делали это задание чрезвычайно сложным.

В это время карты и кости были на пике своей популярности. Все классы, возрасты, профессии и полы были охвачены страстью к азартным играм — наиболее уравнивающему пороку, который в этот момент сближал дворян и простолюдинов, рыцарей и оруженосцев, женщин, слуг и торговцев. Английский поэт около 1500 года так сетует на деградацию дворян:

«До этого времени они любили состязаться,

И в стрельбе главным образом сосредоточивали свой ум;

А теперь они больше заботятся о своих землях и владениях,

И в картах и костях их можно найти».

Из своего низкого положения средневековой рабыни или игрушки женщина была возвышена прославлением Девы Марии () — возвышена слишком высоко рыцарством; затем она упала слишком низко в результате чувственной реакции. Наконец, после многих колебаний, она снова поднимается и в более благоприятных сферах занимает свое законное место рядом со своим господином, его доверенным лицом и равной. Однако в то время, о котором я пишу, она была менее уважаема, чем сейчас, и, следовательно, менее респектабельна; ей меньше доверяли, и, следовательно, она была менее надежна. Ее добродетель, укрепленная затворами и решетками дома, контролировалась слугами за его пределами. Поддавшись обычаям захватчиков во время мусульманского господства, кастильские дамы становились все более и более замкнутыми, пока их жилище не стало мало чем отличаться от монастыря. Прошли дни турниров, рыцарских сражений и трубадуров, и безразличие сменило рыцарскую сентиментальность.

ЖЕНСКАЯ ЦЕЛОМУДРИЕ.

Испанское общество редко отличалось высокими моральными принципами. Женская целомудрия была абстрактным качеством, собственностью отца или мужа, а не неотъемлемой добродетелью, за сохранение которой отвечала женщина, обладающая ею. Хозяин дома обладал в нем верховной властью, претендуя даже на право жизни и смерти над членами своей семьи. К нему обращались в третьем лице как «ваше преосвященство»; сыновья не смели покрывать голову, скрещивать ноги или даже сидеть в его присутствии, если он не давал на то указания; дочерей выдавали замуж без их ведома и за мужчин, которых они никогда не видели; выбор мужа полностью оставался за отцом, а дочери оставалось только согласиться. Соблюдение приличия и чистота женщин находились под пристальным наблюдением. Доунья следила за женой и дочерью дома и внимательно следовала за ними, когда они выходили на улицу. Дамы, плотно завуалированные, торжественно шли в церковь, впереди них шел *родригон*, или оруженосец, с подушкой и молитвенником, а следом — дуэнья. Во время службы она занимала место впереди, а мужчины располагались позади нее. Сначала научите женщину, что она ниже по статусу, затем — что она бессильна; добавьте к этому интеллектуальную несостоятельность и подразумеваемую моральную безответственность, и вы получите существо, готовое к злодеяниям.

Эта чрезмерная осторожность привела к обратному результату. Женщины, оставленные в одиночестве в своих монастырских домах, не зря ждали своего часа. Веселая хозяйка часто могла слишком легко завоевать свою служанку и сделать из своей дуэньи посредницу; однако, если верить записям, измены были редки, и по двум причинам. Во-первых, женщина в своем уединении избегала многих искушений; во-вторых, здоровый страх, уверенность в том, что за преступлением последует быстрая и верная месть, приводящая к смерти одного или обоих преступников, сдерживал страсти. Женщины из низших классов, оставленные одни заботиться о своей добродетели, как могли, с открытыми лицами и свободными действиями, были менее склонны к прегрешениям, чем их более богатые сестры.

Развратные женщины не могли давать показания по уголовным делам. Уважаемые женщины имели право давать показания, но судья был обязан ждать их в их домах, так как им не разрешалось посещать суд. Женщинам не поощрялось учиться писать, так как тогда они могли бы писать любовные письма своим кавалерам. Королева Изабелла многое сделала для возвышения и очищения как религии, так и нравов. Двор ее предшественника

Энрике IV описывался как место, мало чем отличающееся от публичного дома, где «королева, дочь Португалии, открыто жила со своими паразитами и любовниками, как и король со своими фаворитами и любовницами». Фрейлины были обученными куртизанками, а дворяне при дворе занимались незаконными любовными интригами. От короля на троне до самого низшего подданного — все, кто мог себе это позволить, содержали любовниц.

Уэр утверждает, что в течение столетия вдовы Мадрида были «вынуждены проводить весь первый год траура в комнате, полностью завешенной черным, куда не проникал ни один луч солнца, сидя на маленьком матрасе с ногами, всегда скрещенными (). Когда этот год заканчивался, они уходили, чтобы провести второй год в комнате, завешенной серым». Этот варварский обычай имеет параллели у племени тлинкетов Аляски, которые в определенные периоды времени заключают женщин в маленькую будку на шесть месяцев, а затем дают им будку на размер больше на вторые шесть месяцев; аналогично поступают и такулли из Новой Каледонии, которые заставляют вдову носить прах умершего мужа в мешке на спине в течение одного или двух лет.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЦЕЛОМ.

Однако беглый взгляд на английское и французское общество показывает нам, что характер испанских женщин этой эпохи выгодно отличался от характера их северных сестер. Хотя они, возможно, и не были более целомудренными, чем француженки, они не были уличными драчунями, как английские женщины. Последние, как нам рассказывают, от которых мужчины отделялись во время своих разгульных вечеринок, также собирались в пивных, пили эль, громко и непристойно разговаривали, сплетничали, ругались и дрались. В религиозной пьесе того времени, изображающей всемирный потоп, Ной, когда он готов войти в ковчег, ищет свою жену и находит ее пьянствующей со своими сплетницами в пивной.

«Молодые дамы, даже из знатных семей, — говорит Райт, — воспитывались не только строго, но даже тиранически своими матерями, которые постоянно заставляли их работать, требовали от них почти рабского почтения и уважения и даже рассчитывали на их заработки». В те дни мать считалась немного строгой, если била свою дочь «раз в неделю, или два раза, а иногда два раза в день» и «разбивала ей голову в двух или трех местах», или, что еще хуже, не позволяла ей «разговаривать с мужчинами, кто бы ни пришел».

Свидетельством тому служит ухаживание Вильгельма Завоевателя за Матильдой Фландрской. Услышав ее смелый отказ, благородный поклонник ворвался в ее дом, схватил ее за длинные волосы, тащил по полу, бил, а затем отбросил от себя и пнул ногой. Матильда сразу же согласилась выйти за него замуж, сказав: « » («Он, должно быть, смелый человек, раз осмелился избить меня во дворце моего отца»).

Педро Жестокий, король Кастилии и Леона, примерно в середине XIV века, поддержал эту традицию и под угрозой суровых наказаний запретил никому из трудящихся классов, мужчинам или женщинам, способным работать, просить милостыню. Он с предельной точностью установил дневную плату для каждого класса. Сапожники, портные, оружейники и другие, кто работал по найму, имели определенную цену за изготовление каждого изделия. Ботинок из такой-то кожи, сделанный по такой-то моде, с двойной или одинарной подошвой; плащ, с подкладкой или без; оружие обычного или высшего качества и отделки — каждое изделие в процессе изготовления должно было стоить ровно столько и не больше.

Это был век вмешательства в дела людей, сильных против слабых. Именно в этих торговых правилах, законах о роскоши, суевериях политической экономии и социальной статике

достигла своего апогея наука невежества. Именно тогда ученые люди подняли пыль в воздух, окутали облаком свой собственный интеллект и усердно трудились, чтобы внушить людям принципы невежества. В Англии количество слуг, которое мог иметь дворянин, было закреплено законом, как и костюм и количество блюд на ужине. Суп и два блюда по закону составляли ужин француза в 1340 году.

Фердинанд и Изабелла были, пожалуй, самыми родительски настроенными из всех. Ни одно дело, будь то религиозное, моральное, политическое, судебное, экономическое, литературное, промышленное, механическое или торговое, не ускользало от их внимания. От регулирования и организации высших советов, гражданских и церковных трибуналов до постановлений для кожевников и ткачей; от указов, касающихся университетов и литературных и научных организаций, до приказов, предписывающих вес подков; от общих законов о торговле и навигации до тех, которые устанавливали расходы на свадьбы и крещения, а также количество воска, которое должно было сжигаться на похоронах; от высших интересов и прав религии и трона до самых скромных и механических промыслов — все рассматривалось, законодательно регулировалось и контролировалось их католическими величествами с бесконечным трудом и бдительностью. В 1510 году, считая колонистов Эспаньолы слишком пристрастными к показной роскоши и расточительству, Фердинанд издал прокламацию, запрещающую им носить богатые шелка, парчи или золотые и серебряные кружева. Владельцы судов в мирное время были вынуждены по фиксированным ценам участвовать в опасных экспедициях или торговых путешествиях.

ЗАКОНЫ О РОСКОШИ.

В Англии, по-видимому, одежда мужчин привлекала особое внимание правителей. Испанцы заставляли как мужчин, так и женщин ощущать на себе железную руку законодательства о роскоши, в то время как англичане в законах, принятых почти в то же время, в большинстве случаев не упоминали пол. Эдуард IV (1461–1483) регулировал одежду своего народа по отличительным качествам — от королевской ткани с золотым узором до ткани за два шиллинга за ярд и дешевле, которую носили рабочие классы; но, если верить Сэнфорду, он позаботился об исключении своих подданных-женщин из положений этого закона, за исключением жен крестьян, носивших одежду по два шиллинга за ярд, от которых можно было ожидать, что у них есть другие заботы.

Похоже, что дамы с континента могли смело выставлять это напоказ при случае, по крайней мере во Франции и Фландрии. Ведь в 1428 году по этим странам путешествовал Томас Конекте, кармелитский монах, проповедуя против зол века, или того, что он считал таковыми. Среди них было место и одежде, и многим другим вещам, которые в настоящее время не осуждаются. Его манера работы была своеобразной и довольно хорошо описана Монстреле.

Во время своих проповедей он всегда отделял мужчин от женщин веревкой, «поскольку заметил некоторые тайные действия между ними во время проповеди». Приняв эти мудрые меры предосторожности (), он привык строго предупреждать своих слушателей «о проклятии их душ и наказании отлучением от церкви, если они не принесут ему все имеющиеся у них настольные игры, шахматы, кегли и другие инструменты для развлечений». Затем он с особой яростью нападал на роскошную одежду дам высокого ранга, особенно на чудовищные головные уборы, которые были в моде в то время; все это, как можно легко представить, вызывало проблемы и не приносило никаких хороших результатов.

Мы видим тот же стиль проповеди, которому придерживались Уэсли в Англии, Уайтфилд и другие в Америке в разное время, и всегда с той же отсутствием практических результатов. Самые дорогие драгоценности, лучшая одежда, роскошные дома и свободный образ жизни столь же заметны среди последователей этих самоотверженных и сознательных людей, как и среди членов любой другой церкви или среди тех, кто не является членами какой-либо церкви. И если благочестивый кармелитский монах потерпел неудачу в своей борьбе против дорогой одежды, свободного образа жизни и чудовищных головных уборов среди испанцев XV века, то и более современные борцы потерпели неудачу в подобных попытках в более поздние времена.

Такова была Испания и испанский характер, насколько я смог их описать в отведенном мне коротком пространстве, на заре шестнадцатого века или до него. Мы обнаружили, что испанцы были самой благородной расой на земле в то время; их мужчины были храбрыми, а женщины скромными. Перед ними открывалась карьера, более блестящая, чем когда-либо видел мир до или после. Цель этих томов — проследить за некоторыми этапами этой карьеры.

Мы обнаружили, что эти люди, в конце концов, не так уж отличались от нас — они были более лояльными, чем мы, но более невежественными; более религиозными, но более суеверными; более смелыми, но более безрассудными; более энтузиастичными, но более фантазерскими. Они были наделены добродетелями и пороками своего века, так же как мы наделены добродетелями и пороками нашего. Они были искренни в своих мнениях и честны в своих усилиях, но мы имеем преимущество перед ними в виде четырех веков записанного опыта. Наши знания, наши преимущества превосходят их; используем ли мы их должным образом? Испания осветила полушарие темных вод, открыла скрытые острова и континенты и представила половину мира другой половине. Со всеми нашими хваленными достижениями, сделали ли мы больше?

Исторические комментаторы обычно хвалят и порицают *по своему* усмотрению. Это правильно, если делается с умом. Мы должны хвалить с осторожностью, а порицать с твердостью. Но на самом деле в истории мало что можно хвалить или порицать, и в большинстве случаев это просто хвала или порицание провидения прогресса. Стали бы вы порицать испанский народ за невежество, покорность и жестокость? Они были такими, какими их создали Бог и обстоятельства. Будете ли вы винить их короля и принцев за то, что они господствовали над ними? Они были такими, какими их сделали народ и обстоятельства. Народ возмущался, если правители не навязывали ему свою волю. Гренвилл в своих мемуарах, написанных еще в 1818 году, говорит: «Регент каждый день ездит по парку в тилбери, а его конюх сидит рядом с ним; серьезные люди возмущаются этой недостойной практикой».

Между тем, среди многих так называемых духов, которые в эту эпоху витали над человеком, дух открытий был не менее силен. Любопытство, мать науки, стало матерью новых миров; оно породило континенты, острова и моря; оно придало форму и границы Земле. Над морем туманы темных веков лежали еще гуще, чем над сушей. Аврора прогресса теперь освещала западный горизонт, как когда-то освещала восточный. До сих пор великий океан, простиравшийся за несколькими лигами от берега, был загадкой. Как можно увидеть на древних картах, в воображении мореплавателей он был заполнен грозными водными чудовищами и монстрами, едва ли менее страшными, чем те, которых видел Эней, когда вошел в устье Аида:

«Multaque præterea variarum monstra ferarum:
Centauri in foribus stabulant, Scyllæque biformes,
et centumgeminus Briareus, ac belua Lernæ
horrendum stridens, flammisque armata Chimæra,
Горгоны, Гарпии и трёхглавая тень».

Древние географы утверждали, что жара в тропической зоне невыносима, что люди и корабли, попадающие в нее, высыхают. Этот пояс палящей жары представлял собой непроницаемый барьер между известным и неизвестным.

Неудивительно, что интеллект был заторможен, цивилизация сжата, а человеческие знания ограничены узкими, похожими на могилу стенами Западной Европы! Как только эти древние границы были разрушены, а черные и страшные туманы, лежавшие над первобытным океаном, пробиты, воображение, как освобожденная птица, вырвалось наружу, облетело всю окрестность Земли, взлетело ввысь среди звезд и даже осмелилось спросить у религии о причине.

ЕВРОПА И АМЕРИКА.

Один взгляд на запад. По обе стороны от неисследованного моря, которое те, кто его боялся, называли Морем Тьмы, в начале этой истории находились два прекрасных континента, неизвестных друг другу. Один был возделан; его народы были хорошо развиты в искусствах и вежливости, которые проистекают из накопленного опыта; другой, в основном нетронутый человеком, лежал, наслаждаясь первозданной красотой, свежей, как из рук Создателя. Дрожжи прогресса, действующие в одном, привели к познанию существования другого; Море Тьмы с его дикими чудовищами превратилось в магистраль, и цивилизованная Европа оказалась лицом к лицу с лесной Америкой. Этот вновь открытый мир был назван Новым Светом (); однако, какой из них новый, а какой старый, и какой из них заселил другой, пока не определено. Однородные по своему организму и человеческой природе, народы двух миров различались по цвету кожи, обычаям и чувствам. Варварский Новый Свет хвастался своей цивилизацией, в то время как цивилизованный Старый Свет раскрывал свое варварство; на мексиканских и перуанских высокогорьях жили народы-городостроители, которые по своей культуре намного превосходили островитян и жителей побережья, увиденных Колумбом, так же как европейские первооткрыватели превосходили американских горцев. Эта менее развитая цивилизация, вероятно, имела коренное происхождение и демонстрировала следы глубокой древности; даже более грубые народы севера оставили далеко позади себя абсолютный первобытный образ жизни.

Я не согласен с некоторыми, кто утверждает, что в Америке в определенных направлениях были замечены признаки такой же высокой культуры, как и в Европе. Таких признаков не было. Но бесспорно верно то, что, как и в Европе, мы здесь обнаруживаем самое необъяснимое из явлений — эволюцию цивилизованности; умственные и духовные потребности человека, как и его физические потребности, везде кажутся одинаковыми. Ум, как и тело, жаждет питания, а затуманенная, заключенная в тюрьму душа — более высокого сочувствия; поэтому мы видим, как люди всех климатических зон и цветов кожи создают для себя богов и придумывают верования, которые в настоящее время избавят их от их дилеммы. Цивилизации Америки, в отличие от укоренившихся саженцев Египта, Греции и Рима, были чувствительными растениями, которые разрушались при первом же

прикосновении извне, оставляя после себя только черноту тьмы; поэтому именно дикие племена, гораздо больше, чем цивилизованные народы, повлияли на характер последующих американских обществ.

В своих гражданских и религиозных политиках Америка была столь же последовательна, как и Европа. Ни одна из них не была совершенно совершенной или мудрой, и мы удивляемся слепоте и глупости одной и другой. Хотя мы могли лишь мельком увидеть американцев, прежде чем они исчезли, мы могли заметить, что интеллект не был статичным, а развивался, и что общество было наполнено интеллектуальной и прогрессивной деятельностью.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ РЕЛИГИИ.

В своих религиях американцы были похожи на остальное человечество. Каждая религия черпает свою форму и окраску из ума верующих, так что по их богам мы можем узнать их. От возвышенных натур исходят чистые и утонченные представления о божестве; от грубых натур — грубые представления. Христианство — самая высокая и чистая из всех религий; но если мы изучим нравственные заповеди ведущих американских народов, то увидим, что во многих отношениях они не сильно отставали, а в некоторых случаях даже опережали христианство. Да, ацтеки практиковали человеческие жертвоприношения со всеми сопутствующими ужасами, но чем были религиозные войны, изгнание евреев, убийство неверных, сожжение еретиков, как не человеческими жертвоприношениями? Более того, хотя мы с ужасом отворачиваемся от жертвенного камня ацтеков, где человеческие жертвы обращались как с богами и откуда их души отправлялись прямо в рай, мы не находим среди них почти ничего из того самого гнусного преступления — преследования за убеждения; мы также не читаем о том, что их изобретательность облагалась налогом за изобретение самых мучительных орудий пыток, как это происходит в истории христианства. Пытки, которые, убивая тело, как полагали, обрекали душу на вечные мучения.

В социальных и политических системах Европы было малое, чему не находилось бы соответствия в Америке; действительно, экономическое, социальное и политическое состояние каждой цивилизации находит свое соответствие в любой другой цивилизации; и в Америке существовали тогда институты, у ног которых Европа могла бы с пользой для себя сидеть.

АМЕРИКАНСКИЕ АБОРИГЕНЫ.

Среди более диких племен мы находим преобладание патриархального строя с его сотнями языков и теологий; небольшим прогрессом по сравнению с этим являются объединения семей, объединившиеся для безопасности, что представляет собой состояние общества, не отличающееся от европейского феодализма. От этой точки зрения, все качества и степени правления проявляются до достижения полноценной монархии, где единственный суверен становится императором наций с государством и строгостью, равными самым просвещенным. Правительство народов Нашуа, которое было монархическим и почти абсолютным, свидетельствует о немалом прогрессе по сравнению с первобытным патриархатом.

Как и их кузены из Испании и Англии, правители Мексики имели свои роскошные дворцы с великолепными окрестностями, загородные резиденции и охотничьи угодья, ботанические и зоологические сады, а также гаремы, наполненные дочерьми знати, которые считали честью быть так королевски оскверненными. Существовали аристократические и рыцарские ордена; знать, плебеи и рабы; понтифики и священники; землевладение и

налогообложение; учебные заведения и системы образования, в которых прославлялась добродетель и осуждался порок; законы и суды различных инстанций, а также советы и трибуналы различного рода; военные ордена с учениями, инженерные корпуса, вооружение и укрепления; торговля, караваны, рынки, купцы, разносчики и торговые ярмарки с системой кредитования, а также экспресс-почтой и почтовыми услугами.

Им не доставало удовольствий и развлечений, подобных европейским, таких как пиры с профессиональными шутами, музыка, танцы, а после ужина — драматургия, национальные игры, гимнастика и гладиаторские бои. Они не обходились без опьяняющих напитков, наслаждаясь пьянством и одновременно осуждая его. У них были свои медицинские факультеты и системы хирургии, а также гробовщики; были и литераторы, ученые, ораторы и поэты, с арифметической системой, календарем, знанием астрономии, иероглифическими книгами, хронологическими записями, публичными библиотеками и национальными архивами.

Составляли гороскопы младенцам, поднимали крест, жгли ладан, практиковали крещение и обрезание. Откуда взялись эти обычаи, столь похожие на обычаи их собратьев по ту сторону Атлантики, которых они никогда не видели и о которых никогда не слышали?

Завоеватели обнаружили все это, когда вторглись в страну. Они с восхищением рассматривали изделия из золота, серебра, меди, олова и свинца, выполненные с удивительным мастерством в виде изысканных узоров. Они с изумлением смотрели на огромные архитектурные сооружения, на монументальные руины, говорящие громче слов; на храмы, дамбы, фонтаны, акведуки и маяки, окруженные статуями и сложными и дорогостоящими каменными резными украшениями. Они обнаружили, что американцы изготавливали ткани, бумагу, керамику и красители, а также были искусными художниками. Их мозаичные изделия из перьев были просто чудом.

Есть много интересных моментов, заслуживающих внимания, о которых я не могу здесь подробно рассказать из-за нехватки места. Однако заинтересованный читатель найдет все необходимые материалы для тщательного сравнения в моей [*книге «Коренные народы тихоокеанских штатов»*](#). Там он найдет описание условий общества, аналогичных феодализму и рыцарству; он найдет муниципальные правительства, укрепленные города и постоянные армии. Существовали законодательные собрания, похожие на Кортесы, и ассоциации, не отличающиеся от Священного Братства. Сказать, что иногда проводились судебные поединки, не является комплиментом, но в отсутствие некоторых европейских институтов их следовало поздравить.

Несмотря на то, что дикие племена Америки жили в легкой бедности, они повсюду обладали достаточным скрытым богатством, чтобы соблазнить алчность как свирепых испанцев, так и веселых французов и мрачных англичан. Под палящим тропическим солнцем, где ни мясо, ни одежда не были необходимы для комфорта, земля давала золото, а в гиперборейских лесах, где не было обнаружено драгоценных металлов, в изобилии росли самые богатые меховые животные; так что ни один дикарь на всем этом северном континенте не был настолько беден, чтобы алчная цивилизация не могла найти ничего, что можно было бы у него украсть.

Когда Европа взялась за покорение Америки, она обнаружила, что ее жители, как правило, были готовы к дружеским отношениям. Некоторые сначала испугались и схватились за оружие, поскольку первым импульсом дикого человека при встрече с чем-то незнакомым

является желание защитить себя. Но их страхи легко успокаивались, их доверие легко завоевывалось, и на их обещания добросовестности обычно можно было положиться.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Различия между ними и их братьями по ту сторону Атлантики были скорее качественными, чем количественными. Они были скорее детьми, чем дикими зверями. Физически они были полноценными, но умственно не до конца развитыми. Их умы не были столь широкими, сильными или тонкомысленными, как у белых людей. Их хитрость была скорее проявлением животного инстинкта, чем цивилизованной уловкой. У них было достаточно умственных способностей, но им не хватало формы и последовательности. По своей природе они не были более кровожадными, жестокими или суеверными, чем их завоеватели, но их жестокость и суеверия были более грубыми и примитивными. Характер американских аборигенов был сильно искажен и сегодня понимается не в полной мере.

Главное различие, или причина различия, между народами Европы и более развитыми народами Америки, как мне кажется, заключалось в незнании некоторых вещей, казалось бы, незначительных сами по себе, но достаточно мощных, чтобы революционизировать христианский мир, таких как использование железа, пороха и подвижных типов. Отсутствие лошадей и других более полезных домашних животных также было невыгодным фактором.

После прочтения о европейцах того времени иронично называть американцев мстительными или жестокими. Где еще можно найти более развитые качества, которые цивилизация осуждает больше всего, чем среди цивилизованных народов — те же самые, только в более утонченном виде? Мы так слепы к своим собственным недостаткам (), так быстро замечаем и осуждаем недостатки наших слабых и незащищенных соседей!

Составьте каталог преступлений и поставьте белых рядом с красными. Индейцы редко были вероломными, пока их не обманывали. Индейцы пытали своих пленников; так же поступали и белые люди, охотясь на них с гончими, порабощая их, клеймя горячим железом, избивая и жаря, заставляя работать в шахтах, пока смерть не избавляла их тысячами, убивая жен и детей, потому что муж и отец осмелились нанести удар в их защиту. Хорошо называть их жестокими в войне, когда белые так быстро перенимают их самые жестокие обычаи; хорошо называть их хищными зверями, когда белые пересекают океан, чтобы охотиться на тех самых зверей, которых они якобы презирают.

Говоря об индейцах, стало обычным умышленно неправильно использовать термины. Если племя сопротивляется ущербу, это называется восстанием; если оно побеждает в войне, это называется массовым убийством; если оно побеждает в единоборстве, это называется убийством. Так говорят солдаты, чтобы скрыть позор поражения, и так пишут в своих отчетах люди, которые не считают нужным соблюдать приличия, говоря о дикарях, не говоря уже о справедливости. Достаточно того, что мы истребили этот народ, без попыток очернить его и возвысить нашу собственную низость. Что бы мы сделали, если бы иностранная держава пришла на кораблях к нашему берегу и начала убивать наших животных, отгораживать нашу землю и делить ее между собой? Мы бы прогнали их, если бы могли; но если бы мы обнаружили, что они сильнее нас, мы бы применили все искусства, чтобы уничтожить их, и при этом считали бы себя патриотами, выполняющими священный долг. Это преступление индейцев; и при этом мы называем их хитрыми, мстительными, ненавистными, дьявольскими. Но белый человек приносит им одеяла, можно сказать, приносит им лекарства, рассказывает им о различных изобретениях, учит их цивилизации.

Это именно то, чего дикарь не хочет и без чего ему гораздо лучше. Удобства белого человека убивают его почти так же быстро, как и его жестокость; а учения служителей Христа отвратительны, если они сопровождаются примерами развратных и кровожадных исповедующих христианство.

Однако это далеко не все, что белые люди дали индейцам. Мы могли бы перечислить алкоголь, оспу, корь, сифилис и десяток других отвратительных придатков цивилизации, о которых дикари раньше не знали. Может ли дикость похвастаться большими достижениями? Белые люди убили пятьдесят индейцев, тогда как индейцы убили одного белого человека, и это несмотря на то, что девять десятых всех нанесенных травм были совершены белыми захватчиками. Тысяча индейских женщин были изнасилованы мужчинами, которых матери научили молитве «Отче наш», в то время как только одна белая женщина была изнасилована этими невежественными язычниками. В любой момент истории Америки я бы предпочла оказаться белой женщиной среди дикарей, чем индейской женщиной среди белых людей.

ЗНАЧЕНИЕ ПРОГРЕССА. Братья по происхождению, но враги по судьбе, когда мы видим их там, так странно соединившихся, так называемых Новых и Старых, мы естественно задаемся вопросом: откуда пришел один и куда стремится другой? Откуда пришли эти смуглые обитатели леса, и сколько тысяч лет слабый свет их разума боролся с тьмой, тускло мерцающей, то набирая силу, то снова погружаясь в густую темноту; как долго и каким образом божественная искра боролась со своим окружением? И куда стремится это яростное пламя человеческого прогресса, которое только сейчас разрывает свои древние границы, проносится через Море Тьмы, поглощает все меньшие огни и ослепляет и пожирает полушарие душ? Более того, когда мы оглядываемся назад на то, что мы привыкли называть началом, и отмечаем неуклонный прогресс знаний, постоянно растущую силу человеческого разума; когда мы рассматриваем прогресс даже последнего полувека и слушаем нынешний шум и грохот усовершенствований, поднимаем ли мы глаза на будущее и спрашиваем: куда все это ведет? Куда ведет это стремительно ускоряющееся самовоспроизводство просвещения, это накопление человеческих достижений; куда ведет это постоянно растущее господство интеллектуального над материальным? За последние несколько тысяч лет мы видели, как наш род вышел из варварства, и, несмотря на присущую нашей природе склонность ко злу, мы видели, как человечество обрело цивилизацию и приняло в качестве своей веры христианство, чистейший и высший тип религии. Мы видели, как народы в какой-то мере прекратили свои наследственные раздоры и жестокие кровопролития и стали общаться как братья; мы видели, как волнистые поля зерна вытеснили запутанные дикие леса, как сады материализовались из миражей, а великолепные города возвысились над каменистой землей. Таким образом, мы видели, как вся земля была подчинена, и наш таинственный разумный интеллект все больше и больше возвышался над инстинктами животных и утверждал свое господство над природой; он опоясывал землю нетерпеливой энергией, которая теперь давит изнутри с каждого меридиана, расширяя свои владения как можно дальше на север и на юг, разжигая экваториальные огни под полярными айсбергами. Все это и многое другое из истории нашего рода мы видели и продолжаем видеть; цивилизация развивается в соответствии с вечными целями Всемогущего, раскрываясь под воздействием человека, но независимо от его воли; тонкая, внешняя, объединяющая энергия, стимулируемая не столько добрыми, сколько злыми силами, но всегда стремящаяся в своих результатах к добру, а не к злу; влияние, недоступное для понимания человека, действующее в людях и обществах и вокруг них, переворачивающее и опрокидывающее, теперь застилающее небо чернотой и

обрушивающее беспорядок на барахтающееся человечество, но только для того, чтобы за ним последовало еще более плодотворное солнце; разрушая и созидая, созидая путем разрушения, цивилизуя как войной и алчностью, так и доброй волей и милосердием, цивилизуя столь же верно, если не столь быстро, с миром человечества, борющимся против него, как и с тем же миром человечества, трудящимся для него.

Медленно катится тусклое настоящее, почти погребенное в собственной пыли; только прошлое четко и ясно для истории.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ОТКРЫТИЙ ОТ САМЫХ РАННИХ ЗАПИСЕЙ до 1540 года.

Прежде чем приступить к повествованию о событиях, составляющих эту историю, мне кажется важным, чтобы правильно оценить предыдущее введение и извлечь из последующих глав нечто большее, чем удовлетворение любопытства, дать изложение ранних путешествий, которые оказали сильное влияние на развитие мысли и материального прогресса, придав широту и энергию интеллекту, энтузиазм предпринимательству и возвысили и стимулировали тот коммерческий дух, который в конечном итоге сверг королей, возвысил народ, избавил науку от суеверий, религию от каббалистических форм и, благодаря своим ассоциациям, переговорам, смелым приключениям, войнам, союзам и гуманизирующим политическим системам, сломал барьеры древней вражды и объединил в общем братстве все народы земли.

Поэтому я предлагаю дать хронологический отчет о каждом достоверном путешествии, совершенном за пределы Средиземноморья до 1540 года, а сомнительные и спорные путешествия будут обсуждаться в соответствии с их относительной важностью. Кроме того, я обращаю внимание на книги и карты, относящиеся к Америке, которые были изданы в этот период, с факсимиле наиболее важных карт, чтобы проиллюстрировать прогресс открытий в разные периоды времени. Моя цель, насколько это возможно в очень ограниченном пространстве, честно изложить выводы лучших авторов по каждому важному вопросу.

Несколько слов об источниках, использованных при подготовке этого краткого изложения. Всего существует около шестидесяти пяти книг, относящихся к Америке, опубликованных до 1540 года; однако только двадцать пять из них содержат оригинальную информацию; двадцать три представляют собой общие космографические труды с краткими разделами об Америке, составленными на основе оригинальных двадцати пяти; а семнадцать просто упоминают Новый Свет или его открытия и поэтому не имеют никакой ценности в данном контексте. Из сорока восьми книг, содержащих более или менее важную информацию, существует более двухсот изданий, из которых в большинстве случаев будут упоминаться только самые ранние, и то без обширных библиографических примечаний. Эти книги и карты я упоминаю в хронологическом порядке по датам их последовательного появления.

Тема ранних морских путешествий так часто и так подробно обсуждалась способными современными писателями, что в столь кратком очерке нет необходимости, да и невозможно, ссылаться исключительно на древних авторитетов и доказывать все с самого начала. Поэтому я, помимо испанских историков Петра Мартира, Овьедо, Ласаса, Гомара, Эрреры и стандартных сборников Рамузио, Гринья, Пурчаса и Хаклюита, буду свободно использовать работы более поздних авторов в соответствии с их относительной ценностью.

Из последних я выделяю следующие. *Historia del Nuevo-Mundo, escribíala D. Juan Baut. Muñoz*, tom. i.—все когда-либо опубликованное—*En Madrid*, 1793, содержит четкий, хорошо написанный пролог, или эссе, о первых трех путешествиях Колумба с небольшим упоминанием современных открытий. Также приводится отчет о работе автора по созданию обширной и бесценной коллекции документов, завершенной и опубликованной Мартином Фернандесом де Наваррете, *Coleccion de los Viages y Descubrimientos que hicieron por mar los Españoles desde fines del siglo XV*, 5 томов. 4to, Мадрид, 1825-37. Это собрание Наваррете, без сомнения, является наиболее ценным трудом по теме ранних американских путешествий и основой для всех последующих работ; оно содержит оригинальные испанские, латинские и португальские тексты наиболее важных испанских и португальских экспедиций с 1393 по 1540 год — латинские и португальские тексты переведены на испанский язык — а также более пятисот оригинальных документов из испанских архивов с обширными и в целом беспристрастными примечаниями редактора. Биографическая справка об этом авторе см. [в главе III данного тома](#). Книга Вашингтона Ирвинга «Жизнь и путешествия Христофора Колумба и его спутников», опубликованная в Лондоне в 1828-31 годах (использовано издание Нью-Йорка, 1869, 3 тома), представляет собой умелый и элегантный сокращенный перевод Наваррете и книги «*La Historia de el Almirante D. Christoval Colon*» его сына Фернандо Колона, в *Barcia, Historiadores Primitivos*, tom. i., Мадрид, 1749. «Критический анализ истории географии нового континента и прогресса морской астрономии в XV и XVI веках» Александра фон Гумбольдта, 5 тт. 8vo, Париж, 1836-9, представляет собой наиболее исчерпывающий сборник материалов, предоставленных Наваррете и более старыми историками, иллюстрированный результатами личных исследований автора. Работа включает в себя два трактата: первый — о причинах, приведших к открытию Америки; второй — о фактах, связанных с Колумбом и Веспуччи, с датами географических открытий. Работа Гумбольдта «*Abhandlung über die ältesten Karten*», напечатанная в качестве введения к книге Гиллани «*Geschichte des Seefahrers Ritter Martin Behaim*», Нюрнберг, 1853, из которой у меня есть только рукописный английский перевод, представляет собой эссе как о названии Америки, так и о ранних картах. Еще одним важным трактатом является работа Дж. Г. Коля «*Die beiden ältesten General-Karten von America*» (Две древнейшие общие карты Америки), Веймар, 1860 г., состоящая из почти двухсот больших фолиантов, посвященных самым ранним рукописным и печатным картам, две из которых, датированные 1527 и 1529 годами, прилагаются к работе и воспроизведены в виде хромофотографических факсимиле. Тот же автор написал и другие работы на эту тему, наиболее важной из которых является «История открытия восточного побережья Северной Америки», опубликованная в «Сборниках Исторического общества штата Мэн», 2-я серия, т. I, Портленд, 1869. Она содержит уменьшенные копии двадцати трех ранних карт и, пожалуй, является наиболее полной работой, существующей на сегодняшний день, что касается северных побережий, уделяя сравнительно мало внимания более южным путешествиям. Кунстманн, «*Die Entdeckung Amerikas*» (Мюнхен, 1859), представляет собой тщательный сборник из девяноста шести имперских страниц в формате quarto с обширными примечаниями и ссылками, « », написанный в сопровождение к коллекции из тринадцати крупных хромофотографических репродукций рукописных карт, хранящихся в Академии наук в Мюнхене и широко известных как Мюнхенский атлас. Г-н Кунстманн в основном рассматривает острова Атлантического океана, уделяя особое внимание связи между открытиями испанцев и норманнов. Книга Мейджора «Жизнь принца Генриха Португальского» (Лондон, 1868) является лучшим авторитетным источником по португальским путешествиям, а также по возрождению морских предприятий в XV веке. Книга Стивенса «Исторические и географические заметки о самых ранних открытиях в Америке, 1453-1530», Нью-Хейвен, 1869, была первоначально написана как введение к книге брата автора о его предложении по межокеанскому сообщению через Теуантепек. Это

краткое изложение всего вопроса, представляющее некоторые его аспекты в практически новом свете. *Варнхаген*, «*Первое путешествие Америго Веспуччи*», Вена, 1869, нельзя не упомянуть как основную опору теории о путешествиях Веспуччи, которая почти касается первого открытия территории наших тихоокеанских штатов. *Рафн*, *Antiquitates Americanæ*, Hafniæ, 1837, является источником почти всех наших знаний об открытиях норвежцев в Америке в X и последующих веках; а *Де Коста*, *The Pre-Columbian Discovery of America*, Олбани, 1868, представляет английский перевод тех же исландских *sag*, в которых записаны предприятия норвежцев. *Cartographia Mexicana* Орозко-и-Берра, опубликованная Мексиканским географическим обществом, содержит, как следует из названия, упоминание о ранних картах в хронологическом порядке; а *Mapoteca Colombiana* Уррикоча, Лондон, 1860, является еще одним важным вкладом подобного рода. Следует упомянуть об отличном обзоре, представленном в первом томе «*Истории Соединенных Штатов*» *Брайанта*, который появился после написания этого краткого изложения; я мог бы представить целый список докладов, прочитанных в последние годы в различных научных обществах Европы и Америки по разным темам, связанным с этим предметом, но, по-моему, ни один из них не влияет существенно на мои выводы.

Вышеперечисленные работы составляют лишь небольшую часть трудов, полностью или частично посвященных данной теме, но, как полагается, они содержат весь материал, необходимый даже для более подробного изложения, чем того требует моя цель.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДРЕВНИХ.

О путешествиях древних, собственно говоря, то есть о тех, которые предшествовали падению Римской империи в конце IV века, я здесь скажу немного. Эти морские экспедиции, в основном ограниченные Средиземным морем, хотя и простиравшиеся на некоторое расстояние вдоль побережья Индийского и Атлантического океанов, с эпизодическими путешествиями, намеренно или случайно продленными до более отдаленных островов и, возможно, континентов, дошли до нас через античные истории, космографии и стихи, настолько смешанные с расплывчатыми гипотетическими и мифологическими представлениями, что даже самое тщательное исследование часто не в состоянии отделить факты от вымысла. Существует множество классических и средневековых легенд, заимствованных Тассо, Пульчи и другими итальянскими поэтами, таких, например, как та, которая делает греческого странника Одиссея пионером западных приключений, которые в трезвом трактате едва ли заслуживают упоминания. Повернув корму своего корабля к рассвету, этот сын Лаэрта, как говорят, прошел Гибралтар, границу, установленную Гераклом, которую человек не должен был пересекать, и, как рассказывает нам Данте, отплыл к Счастливым островам () в неизвестный Атлантический океан, не сдерживаемый ни сыном, ни отцом, ни даже вечно ткущей любовью Пенелопы.

Небольшое путешествие было замечательным подвигом до Рождества Христова — например, бессмертная слава, достигнутая Ганноном, карфагенянином, посетившим западное побережье Африки в 570 году до нашей эры; Геродотом, совершившим экспедицию в Египет и Индию в 464-456 годах до нашей эры; Пифеем, совершившим путешествие к Британским островам в 340 году до н. э.; Неархом, спустившимся по Инд в 326 году до н. э.; Евдоксом, предпринявшим попытку обогнуть Африку в 130 году до н. э.; Цезарем, предпринявшим завоевание Галлии в 58 году до н. э.; Страбоном, проникшим в Азию примерно через тридцать или сорок лет. После начала христианской эры римлянин Павсаний в 175 году написал путеводитель по Греции; китайский монах Фа Хянь отправился на запад, в Индию, примерно в 400 году; Космас Индикоплевст путешествовал по Индии полтора века спустя и написал книгу, в которой доказывал, что мир квадратен, а вселенная представляет собой прямоугольный сундук; Аркульф написал о Святой Земле около 650 года; англичанин Виллибальд совершил путешествие по южной Европе и Палестине, выйдя из Саутгемптона в 721 году; в 851 году Солиман отправился из Персии к Китайскому морю. Так говорят.

Действительно, сочинения Геродота указывают на то, что за две тысячи лет до Диаса и Васко да Гамы Африку обогнул флот финикийских кораблей, отправленный фараоном Нехо по Красному морю с приказом вернуться в Египет через Геркулесовы столбы. Перс Сатаспс пытался совершить это путешествие в обратном направлении, но потерпел неудачу. Остров Атлантида Платона, основанный богом Нептуном, был огромного размера, «больше, чем Азия и Ливия вместе взятые, и находился напротив пролива, который сейчас называется Геркулесовыми столбами». Климат и почва были настолько хороши, что фрукты созревали два раза в год. Там было много металлов, слонов и других животных. На горе стоял красивый город с золотыми и слоновой костью дворцами, садами и статуями. К сожалению, со временем море поглотило этот остров, так что вряд ли это могла быть Америка.

ПРОРОЧЕСТВО КЕТЦАЛЬКОАТЛЯ.

Что касается этих путешествий и странных рассказов о возможном знании Америки древними, я уже обсуждал их в своей книге [«Коренные народы тихоокеанских государств»](#). В ней упоминается теория, которая нашла много сторонников и к которой я снова кратко вернусь в данном месте. Согласно этой теории, в начале

христианской эры Америку посетил апостол Фома. Его сопровождали несколько соратников по служению, которые проповедовали Евангелие и заложили основы христианской религии в Америке. Эта теория умело отстаивается в прекрасной работе преподобного У. Глисона «История католической церкви в Калифорнии». Основные аргументы можно кратко изложить следующим образом. Во-первых, весь тон учения Священного Писания свидетельствует в пользу предположения, что Евангелие проповедовалось всему миру с самого начала, а не спустя несколько веков. Во-вторых, в период, который мексиканские иероглифы определяют как немного ранее середины I века после Рождества Христова, с севера прибыл знаменитый человек, безусловно, самый выдающийся в мексиканской мифологии. Он изображается как белый человек с длинной бородой, одетый в длинную белую одежду, украшенную красными крестами, с непокрытой головой и посохом в руке. Это был Кетцалькоатль, которого мексиканцы впоследствии почитали и чьего возвращения они с таким нетерпением ждали. См. Торквемада, «*Monarq. Ind.*». В-третьих, народные предания приписывают ему почитание креста, практику исповеди и, одним словом, все обычаи, которые испанцы обнаружили по прибытии и которые были почти идентичны обычаям христианской религии. Вейтун, «*Hist. Ant. de Mexico*». В-четвертых, имя Кетцалькоатль является синонимом имени Святого Фомы. См. «*Native Races*», т. 26. В-пятых, что Кетцалькоатль при своем отбытии пообещал вернуться в будущем со своими потомками и вновь завладеть империей, и этот день ожидался с общей уверенностью, Prescott's *Conq. Mex.*, и что во времена Монтесумы преобладало общее мнение, что период его возвращения наступил. Вейтун, *Hist. Ant. Mex.* В-шестых, в монастыре Нихапа в провинции Оахака были найдены иероглифы, содержащие все основные доктрины христианской религии и рассказывающие о приходе апостола в эту страну. *Id.*

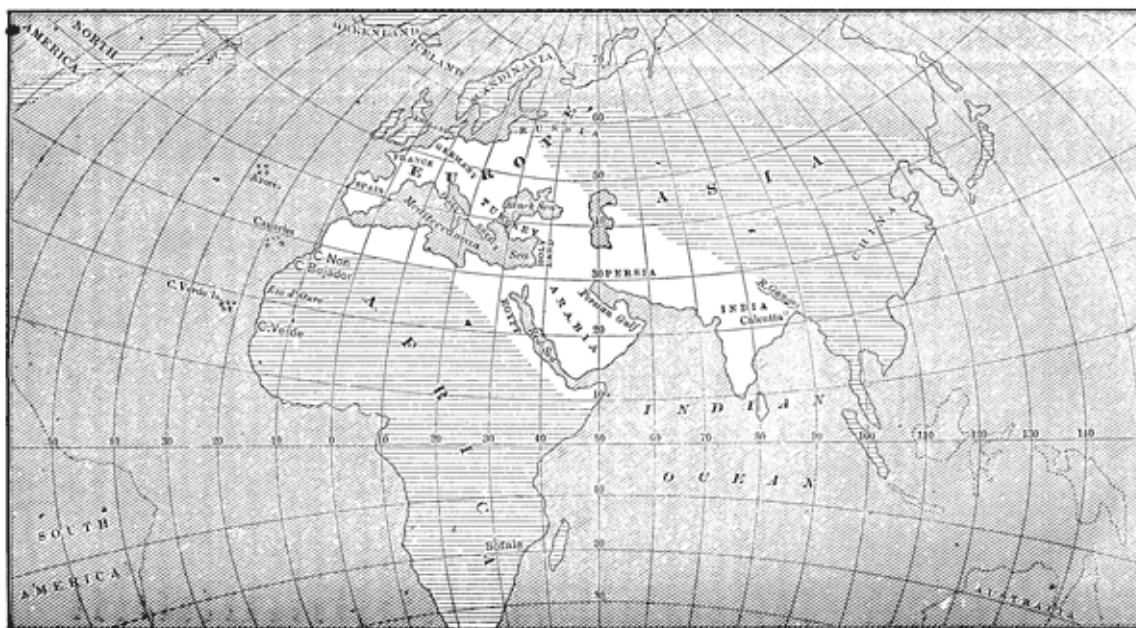
Саагун, писавший во время завоевания, говорит об общей вере в это пророчество и уверяет нас, что по прибытии испанцев они неоднократно предлагали им божественные почести, полагая, что их бог Кетцалькоатль вернулся. *Conq. Mex.*, i. chap. iii.

«Несомненно верно, — говорит Глисон, *Catholic Church in Cal.*, 185, — что в стране существовала народная традиция, касающаяся пророчества Кетцалькоатля, в котором предсказывалось будущее прибытие белых на побережье; и это, хотя и доказывает реальность существования этого человека и его характер как учителя религии, также доказывает еще более важный и значимый факт его христианства и западного происхождения; ведь в пророчестве было ясно сказано, что придут белые люди, исповедующие ту же религию, что и он. Время, по-видимому, также было указано апостолом, если судить по выражению, что они ждали его каждый день. И действительно, Ботурини уверяет нас, что время, упомянутое в мексиканских иероглифах, было тем временем, когда прибыли христиане. Год *se acatl* был предсказан Кетцалькоатлем, и в том году испанцы высадились в стране». О древних путешествиях и космографии см. также Гумбольдт, *Exam. Crit.*, т. i. стр. 125-206.

В настоящее время мы имеем дело не с самими путешествиями, а с результатами древних путешествий, с географическими знаниями, достигнутыми древней цивилизацией на самой продвинутой стадии своего развития и завещанными ею темным векам. Эти знания в основном воплощены в системе Птолемея, александрийского географа II века, чьи труды стали стандартными учебниками и сохраняли свое значение в течение четырнадцати столетий, не уступая место новым изданиям вплоть до XVI века, а время от времени переиздавались с дополнениями, отражающими результаты новых открытий. Таким образом, в первой половине того века вышло двадцать одно издание. Даже Птолемей не был создателем этой долговечной системы. За сто пятьдесят лет до него жил греческий географ

Страбон, который давал описания стран и народов, определяя их местоположение обычно по расстояниям между пунктами маршрута; к этой работе Страбона Птолемей добавил полтора века прогресса и определил их местоположение по астрономическим наблюдениям. Работа Помпония Мелы, римского географа, который писал, вероятно, несколько позже Страбона, не считается улучшением по сравнению с работой его предшественника.

Мир Птолемея почти полностью находился в северном умеренном поясе, охватывая около пятидесяти градусов широты и ста двадцати градусов долготы. Счастливые острова, ныне называемые Канарскими, были известны Птолемею, и он использовал их в качестве западной границы или первого меридиана. Это, а также их роль ядра поэтических мифов, по-видимому, было их единственным назначением; как говорит Муньос в *«Истории Нового Света»* (*Hist. del Nuevo Mundo*), стр. 30: «Fuera de este uso apenas aprovecharon sino para entretener ociosas imaginaciones con fábulas de poetas» (За пределами этого использования они едва ли приносили пользу, кроме как для развлечения праздных воображений баснями поэтов). Восточная граница была неопределенно расположена в регионе за Гангом, фактически на 100° восточной долготы. На юге были включены африканские побережья Средиземного и Красного морей, а также южные побережья Аравии и собственно Индии — термин «Индия» тогда применялся неопределенно ко всем восточным землям, включая даже части Африки, — таким образом, южная граница была зафиксирована примерно на 30° северной широты на западе и 10° на востоке. Северная граница может быть установлена чуть выше 60°, в пределах которой находится южная часть Скандинавского полуострова, который тогда считался островом, а также остров Туле, местоположение которого является предметом споров: одни утверждают, что это была Исландия, другие — Фарерские острова, а третьи — Шетландские острова. Однако широты Птолемея были смещены на десять градусов к северу, а в долготах он заблуждался еще больше: считая Канарские острова своим первым меридианом, он сделал последний меридиан 180°, тогда как он должен был быть 120°, и таким образом, сузив половину окружности земного шара примерно на шестьдесят градусов, он сделал мир почти на треть меньше, чем он есть на самом деле. Однако мнения авторитетов расходятся относительно того, каковы были идеи Птолемея. Но об этом подробнее ниже. На противоположной странице находится карта, на которой мир, известный в те времена, оставлен белым, а заштрихованные части являются результатом последующих открытий вплоть до второй половины XV века. Карту мира Птолемея, уменьшенную до реальных пропорций, можно увидеть в *Goselin, Recherches sur la géographie systématique et positive des anciens*, tom. iv., Paris, 1813.

Мир; белая часть — известная на конец IV века, светло заштрихованные части — известные на конец XV века.

В этих пределах, таким образом, в конце IV века были ограничены географические знания; пределы эти не были четко очерчены, а были неопределенными и менялись в зависимости от эпохи, направлений завоеваний и удаленности от центров Средиземноморья. За этими пределами простиралось царство тьмы, населенное странными существами, порождениями поэтического воображения или грубых догадок. Так же как для современных греков востока чудесным краем Гомера была Италия с ее странными водами, населенными очень странными зверями, а также Сицилия и соседние острова, где обитали сатиры и гигантские одноглазые циклопы, питавшиеся молоком, бараниной и людьми, так и для более поздних учителей были странные моря за этими пределами. На севере находилась непроходимая область вечного льда, на юге — экваториальная зона палящей жары; с одной стороны — барьер из мороза, с другой — из огня, оба одинаково непригодные для проживания европейца и перекрывающие всякую связь с возможными пригодными для проживания землями в других местах. Однако идея о зоне палящей жары, по-видимому, была скорее популярной, чем частью системы, преподаваемой Птолемеем, который, действительно, считал, что Африка простирается на юго-восток и северо-восток к восточным частям Азии, делая Индийский океан огромным заливом, не соединенным с Атлантическим океаном на западе. Страбон и другие географы, предшествовавшие Птолемею, придали Африке примерно правильную форму; традиции ее кругосветного плавания даже сохранились, несмотря на теорию Птолемея, оказавшую немалое влияние на географическую мысль в XV веке. Ирвинг считает, что современные авторы считают знания древних об Африке гораздо менее обширными, чем обычно предполагается; но Мейджор, *принц Генри*, с. 89 и далее, признает кругосветное плавание вокруг Африки в VII веке до н. э., а также путешествие Ганнона далеко вниз по африканскому побережью, датируя последнее 570 годом до н. э.

Среди философов Западной Европы, по-видимому, не было выдвинуто никаких определенных гипотез относительно протяженности суши за пределами известной области; что касается представлений арабов и буддийских священников по этому вопросу, то их трудно определить. См. *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 149; *Draper's Intellectual Development*, стр. 451, Нью-Йорк, 1872. За Счастливыми островами на западе простиралось *Mare Tenebrosum*, или Море тьмы, как его называли ранние писатели, отделяя известное западное побережье от далекого неизвестного востока. В этом темном море традиция размещала острова в различных точках, так часто повторяя факт их существования, что в конце концов им были даны названия и указаны местоположения на картах, хотя сами острова так и не были найдены. За исключением этих сказочных островов, о суше между побережьями Европы и Азии почти не думали. Сравните карты в этом томе; а также «Историю Соединенных Штатов» Джорджа Бэнкрофта, т. i, стр. 6, Бостон, 1870; Д'Авесак, в «*Nouvelles Annales des Voyages*», 1845, т. cv, стр. 293; т. cvi, стр. 47.

Подводя итог географическим знаниям древних, мы имеем, во-первых, предположение о шарообразности Земли, хотя ее размеры были представлены смутно и недооценены; во-вторых, достоверные знания европейцев, ограниченные незаштрихованной частью [карты на странице 73](#); в-третьих, различные теории относительно строения южной Африки; в-четвертых, *mare oceanum*, простирающееся на запад к неизвестному азиатскому побережью, с гипотетическими островами между ними, и высказанные мнения о том, что это море было судоходным и что, возможно, Индию можно было достичь, плывя на запад. Эти идеи, какими бы смутными они ни казались, были присущи лишь немногим ученым; мир невежественных людей едва ли выходил за пределы горизонта их реального опыта. Только спустя долгое время после фактического кругосветного плавания, в XVI веке, народное сознание смогло понять идею шарообразности Земли.

Теперь мы переходим к средневековью, когда с V по XV век космографические и все другие знания древних практически находились в состоянии застоя; для людей это была земля тьмы, как и море, хотя в некоторых колледжах и монастырях об этом думали. «Ces ténèbres», говорит Гумбольдт, *Exam. Crit.*, tom. i. p. 59, «s'étendaient sans doute sur les masses; mais, dans les couvens et les collèges quelques individus conservaient les traditions de l'antiquité». В этот мир тьмы свет впервые проник с далекого севера, когда путешествия скандинавов с IX по XII век стали *северным сиянием* морских открытий. Эти северяне, как в своих экспедициях датчане, норвежцы и шведы назывались без разбора, благодаря своим воинственным наклонностям рано стали известны и внушали страх на побережьях Европы; но их западные открытия были известны только им самим; во всяком случае, в записях их соседей не найдено никаких следов дальних путешествий на запад. Лишь совсем недавно саги северян привлекли внимание европейских ученых; и когда датский епископ Мюллер опубликовал свою библиографию саг, 3 тома, Копенгаген, 1817-1820, эти рассказы считались скорее вымыслом, чем фактом. Даже такой поздний автор, как Джордж Бэнкрофт, в «*Истории Соединенных Штатов*», т. I, стр. 5, 6, говорит, что история колонизации северянами «основана на рассказах, мифологических по форме и неясных по смыслу; древних, но не современных», и что «нет ясных исторических доказательств, подтверждающих естественность *этих рассказов*», и что «нет ясных исторических доказательств, подтверждающих естественность этих рассказов», и что «нет ясных исторических доказательств, подтверждающих естественность этих рассказов», и что «нет ясных исторических доказательств, подтверждающих естественность *этих рассказов*», и что «нет ясных исторических доказательств, подтверждающих естественность *этих рассказов*», и

что «нет ясных исторических доказательств стр. 5, 6, говорит, что история колонизации северными народами «основана на повествованиях, мифологических по форме и неясных по смыслу; древних, но не современных», и что «нет явных исторических доказательств, подтверждающих естественную вероятность того, что они совершили это путешествие». Ирвинг, *Колумб*, т. III, стр. 432-5, считает, что этот вопрос «по-прежнему окутан большим сомнением и неясностью». Однако оба эти автора, по-видимому, рассматривали только доказательства, представленные Мальте-Бруном и Форстером. Со времени их работы были найдены неопровержимые доказательства подлинности этих путешествий норманнов. Саги об открытиях Америки хранятся в архивах Копенгагена вместе с другими историческими данными, начиная с XIV века, когда они были завершены. Правда, они в некоторой степени касаются чудесного — иначе они не были бы подлинными, будучи написанными в то время, — но они содержат рассказы, не более удивительные или чудовищные, чем сочинения более южных народов. См. отчет о копенгагенских документах и исследование их подлинности в книге Де Коста «Доколумбовые открытия в Америке», стр. i-lx. Две почти современные церковные истории — Адама Бременского, 1073 г., и Ордерика Виталия, около 1100 г., — кратко описывают западные земли северян. Дополнительные ссылки: *Kunstmann, Entdeckung Am.*, стр. 32; *Rafn, Antiquitates Am.*, стр. 337; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 76.

СЕВЕРЯНЕ И ИХ САГИ.

До появления норманнов существовали смутные представления о связи с Америкой, но все они, какими бы ни были, теперь для нас являются чистой спекуляцией и могут быть опущены. Пропустив общее движение, в результате которого до середины IX века северяне, по-видимому, преодолели свои прежние границы и расширили свои грабительские набеги во всех направлениях, захватив Шетландские и Фарерские острова и даже север Британии, мы переходим к первому определенному приключению на западе.

[860-864 гг. н. э.] Два смелых человека, Наддод и Гардар, во время одного из своих плаваний по прибрежным островам были отброшены от своего курса на северо-запад и открыли Исландию, названную одним из них Снежной страной, а другим — островом Гардар. Коль, *Hist. Discov.*, стр. 61, датирует оба путешествия 860 годом; Форстер указывает 861 год для путешествия Наддода; другие авторы относят первое путешествие к 860 году, а второе — к 864 году.

[874.] Ингольф основал поселение в Исландии в месте, которое до сих пор носит его имя. За ним последовали другие иммигранты, и была основана процветающая колония. Северяне обнаружили на острове ирландских священников, которые прибыли туда в неизвестное время, но сразу же покинули эту землю, уступив ее новым поселенцам. В течение двадцати лет после этого Исландия была достаточно густо заселена. Де Коста, *Pre-Columbian Discov. Am.*, стр. xxii-iv., указывает дату 875 год н. э.

[876 г.] Сообщается, что некий Гуннбьорн, исландский колонист, случайно увидел с расстояния побережье Гренландии (). Коль датирует это путешествие 877 годом.

[982-6.] Эрик Рыжий, изгнанный из Исландии за убийство в 982 году, отплыл на запад, обнаружил землю, пробыл там три года и вернулся, назвав страну Гренландией, чтобы привлечь поселенцев. В 985 или 986 году он снова отплыл с более крупным отрядом и на этот раз основал поселение, в которое прибегали другие авантюристы. О первом путешествии Коль не упоминает.

[983.] В одной из саг содержится сообщение ирландского купца о том, что некий Аре Марсон был унесен штормом в Землю Белых людей «в Западном океане, напротив Винланда, в

шести днях плавания к западу от Ирландии». Рафн полагает, что это могла быть часть Америки в окрестностях Флориды; другие считают, что это были Азорские острова. Есть также неясные сообщения о более поздних путешествиях в ту же землю Бьорна Асбрандсона в 999 году и Гудлейфа в 1027 году. На данном этапе исследования доказательств недостаточно, чтобы утверждать, что ирландцы открыли Америку раньше скандинавов.

[990.] В этом году, или, как утверждает Де Коста, в 986 году, Биарне, отплывший из Исландии в поисках своего отца, который ранее уехал в Гренландию, был унесен далеко на юго-запад, до места, откуда была видна земля, несомненно, Америка, по побережью которой он плыл на северо-восток в течение нескольких дней, а затем вернулся в Гренландию. Кохл предполагает, что тремя точками, которые особенно привлекли внимание на новом побережье, были мыс Код, Новая Шотландия и Ньюфаундленд.

[1000.] Лейф, сын Эрика Рыжего, отплыл из Гренландии на юго-запад в поисках земель, увиденных Биарне, достиг их в обратном порядке, высадившись, вероятно, в Ньюфаундленде, который он назвал Хеллюланд (Каменная земля); Новую Шотландию он назвал Маркланд (Лесная земля); обогнув мыс Код, он основал поселение, названное в честь себя, Лейфсбудир, в какой-то точке залива Наррагансетт. Он назвал эту страну Винланд из-за того, что там были найдены виноградные лозы, и впоследствии это название было применено ко всему региону, простирающемуся на север до Маркланда. Весной 1001 года Лейф вернулся в Гренландию с грузом винограда и древесины.

[1002-5.] Торвальд, другой сын Эрика, отплыл на одном корабле в Винланд, где высадился Лейф, и прожил там всю зиму, занимаясь рыбной ловлей. В начале 1003 года он исследовал страну на запад на лодках, а весной 1004 года обогнул мыс Код, назвав его Киаларнес (Нос корабля), и погиб в сражении со скареллингами, или индейцами, где-то на берегу залива Массачусетс. Его товарищи провели зиму в Лейфсбудире и вернулись в Гренландию в 1005 году.

[1008 г.] Весной 1008 года Торфинн Карлсефн отплыл из Гренландии на трех судах в Хеллуланд — название, которое применялось не только к Ньюфаундленду, но и к региону к северу от этой точки — и оттуда вдоль побережья в Новую Шотландию и на мыс Код. Здесь группа разделилась: охотник Торхалл, пытаясь исследовать север, был унесен штормом в Ирландию, а Торфинн провел зиму южнее, недалеко от Лейфсбудира, где у него родился сын. После безуспешных поисков Торхалла одним из кораблей, третья зима была проведена в Винланде, и в 1011 году Торфинн вернулся в Гренландию, оставив, возможно, небольшую колонию. Де Коста, *Pre-Columbian Discov. Am.*, стр. 48-76, датирует это путешествие 1007-10 годами.

[1012.] Хельге, Финбоге и дочь Эрика Фрейдиса, которая до посетила Америку со своим мужем, отплыли в Винланд, и те, кто не был убит во время внутренних распрей в группе, вернулись в Гренландию в 1013 году. Записи об этой экспедиции очень скудны. Де Коста датирует ее 1011-12 годами.

[1035.] Адам Бременский говорит о фризских или немецких мореплавателях, которые около 1035 года высадились на острове за Исландией, где жили люди большого роста, сопровождаемые свирепыми собаками — возможно, эскимосы.

[1121.] После упомянутых экспедиций, о каждой из которых в сагах содержится одно или несколько сообщений, более никаких регулярных отчетов не сохранилось; однако в различных записях кратко упоминаются различные путешествия, как будто поездки в

новые регионы Винланда больше не были достаточно редкими, чтобы заслуживать особого внимания. Такие упоминания относятся к путешествиям, совершенным в 1121, 1285, 1288, 1289, 1290 и 1357 годах. После 1357 года о западных землях больше ничего не слышно. Поселения были постепенно заброшены как в Винланде, так и в Гренландии, по мере упадка могущества норманнов, и, насколько можно судить, даже память о них была похоронена в непрочитанных записях о былой величии. О скандинавских открытиях, помимо Рафна и Де Коста, см. *Kunstmann, Entdeckung Am.*, стр. 32; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 61-85 и 478; *Humboldt, Exam. Crit.*, том II, стр. 88-128; *Резюме Рафна*, в *Journal Lond. Geog. Soc.*, 1838, том VIII, стр. 114-29.

УПАДОК СКАНДИНАВСКИХ ОТКРЫТИЙ.

Таким образом, после четырех или пяти веков северного сияния на западном горизонте, предпринимательская деятельность в этом направлении затихла, и в конце концов Море Тьмы погрузилось в первобытную неизвестность. Тем не менее, подвиги скандинавов, должно быть, стали более или менее известны в других частях Европы, поскольку дух беспокойства, который послал этих северян через западные воды, направил их, особенно датчан, на восток в Священные крестовые походы. Студентам было бы полезно изучить труды Адама Бременского и Ордерика Виталия, которые помимо этих доколумбовых путешествий описывают также крестовые походы. Кроме того, в Исландии были католические епископы, и поэтому она поддерживала связь с Римом, где, должно быть, были известны открытия северян. Рафн, *Antiquitates Am.*, стр. 283, 292, и Де Коста, *Pre-Columbian Discov. Am.*, стр. 106-109, приводят переводы из скандинавских архивов современных описаний Земли, в которых упоминаются открытия норманнов в Новом Свете. Морские карты и карты новых открытий, должно быть, были составлены норманнами, поскольку, хотя ни одна из них не сохранилась, в *Torfæus, Grœnlandia antiqua*, Haupnæ, 1706, составленной исландскими чертежниками в XVI и XVII веках, а также в «Географии» Птолемея, издание 1482 года, содержится информация о некоторых вещах, не содержащаяся ни в одном из сохранившихся карт того периода, которые, следовательно, должны были быть частично составлены из скандинавских источников.

Не следует предполагать, что северяне воображали, что они открыли новый континент; для них Гренландия, Хеллюланд, Маркланд и Винланд были всего лишь западным продолжением Европы. Именно этой вере, а также преобладающей в то время апатии и скептицизму в отношении вопросов, выходящих за пределы достоверных знаний, и следует приписывать странный факт утраты всех следов этих открытий.

Точные результаты этих древних экспедиций и их влияние на последующее возрождение морских предприятий составляют сложный и до сих пор нерешенный вопрос в дискуссии по этой теме. Кунстманн уделяет особое внимание этому вопросу и придает большее значение северным путешествиям и их связи с более поздними экспедициями, чем большинство других авторов; однако до сих пор не доказано, что принц Генрих, Тосканелли или Колумб в XV веке имели какие-либо сведения о северо-западных открытиях.

[1096-1271.] Крестовые походы — как экспедиции, но главным образом из-за их результатов — заслуживают краткого упоминания в этой связи. Когда в VII веке Палестина перешла из рук христиан в руки мусульман, в чьем владении она оставалась с лишь временными перерывами до настоящего времени, христианские паломничества в Святой город в течение нескольких столетий были разрешены и в некоторой степени защищались. Однако в результате последовательных смен династий власть перешла от арабской к

турецкой ветви мусульман, так что в XI веке христианские паломники подвергались жестоким притеснениям и не могли совершать свои благочестивые посещения могилы Христа. Вначале под влиянием призывов Петра Отшельника Италия, Франция, Англия и Германия отправили армии недисциплинированной и фанатичной толпы, чтобы отомстить за оскорбления своей веры и отнять Святой город из рук варварских еретиков. С XI по XIII век в рамках этой кампании было предпринято девять экспедиций на восток. Иерусалим несколько раз был взят и отбит, но в конце концов полумесяц сумел противостоять посягательствам креста, и крестовые походы не достигли своей грандиозной цели. Тем не менее, продолжавшаяся миграция огромных масс людей из разных стран через чужие и далекие земли во многом способствовала расширению знаний народа о мире, пробудила новый интерес к ранее малоизвестным регионам и возбудила любопытство к странам, расположенным еще дальше на восток. Между тем, торговля получила импульс благодаря поставкам провианта для крестоносцев, так что современные авторы считают эти походы одной из главных причин, приведших к возрождению цивилизации.

[1147.] В XII веке было совершено лишь несколько морских экспедиций, заслуживающих внимания. В не очень четко определенную дату до 1147 года восемь арабов, Альмагрурины, как говорят, отплыли из Лиссабона на юго-запад с намерением исследовать Море Тьмы. По прошествии тридцати пяти дней они обнаружили и назвали остров Овец, а через двенадцать дней, проплыв дальше на юг, достигли другого острова, населенного краснокожими людьми. Говорят, что они встретили там человека, говорившего по-арабски. В целом, утверждение о том, что в этом путешествии была открыта какая-либо часть Америки, следует считать малоубедительным. Если это путешествие действительно имело место, то достигнутая земля, вероятно, была Канарскими островами; некоторые говорят, что это были острова Зеленого Мыса.

[1160-73.] Бенджамин де Тудела, испанский еврей, в течение тринадцати лет путешествовал по Индии, привезя с собой значительную информацию о китайской Тартарии и островах Индийского океана. *Д. Бенджамини, Itinerarium ex versione Montani*, Антверпен, 1575; *Itinerarium D. Benjaminis*, Лейден, 1633; *Travels of Benjamin, Son of Jonas*, Лондон, 1783.

[1170.] В этом году происходит описанное путешествие Мадока, валлийского принца, который, плывя на запад и север от Ирландии, высадился на неизвестном берегу. Позже он вернулся в эту новую страну с десятью кораблями с намерением колонизировать ее, но о нем больше ничего не было слышно. Это путешествие основано на очень слабых свидетельствах, но приобрело важность благодаря давно бытующим сообщениям о существовании в различных частях Америки индейских племен, говорящих на валлийском языке. Эти сообщения, как и многие другие, связывающие американцев с европейцами, оказались беспочвенными. По меньшей мере, путешествие Мадока следует считать сомнительным. *Самое древнее открытие Вест-Индии Мадоком, сыном Оуэна Гуйнета, принца Северного Уэльса, в 1170 году; взято из истории Уэльса, в Hakluyt, т. III, с. 1.*

[1246 и далее] В середине XIII века стремление распространять христианство было подкреплено слухами о уже произошедших обращениях в веру на землях моголов, и особенно сообщением о могущественном христианском монархе, Престере Иоанне, который правил где-то в глубине Азии. Это сообщение привело к отправке нескольких священников в качестве миссионеров на Дальний Восток. Карпини в 1246 году и Аскелино в 1254 году, итальянские францисканцы, проникли в регион, ныне известный как Китайский Туркестан. Примерно в то же время, в 1253 году, согласно Хаклюту, Рубрукис, также францисканец из Брабанта, пересек центральноазиатские пустыни. Он был первым, кто представил четкое

представление о положении Тартарии и Китая. Сообщение о его путешествиях было дано в трудах Роджера Бэкона в 1267 году. К концу этого века Одорико, принадлежавший к тому же ордену, посетил Персию, Индию и, наконец, Китай, прожив три года в Пекине. *Viaggio del Beato Frate Odorico di Porto Maggiore del Frivli fatto nell'Anno MCCCXVIII* (на полвека позже, чем выше), в *Рамузио*, т. II, фол. 254. См. также *Hakluyt's Voy.*, т. i, стр. 21-117; т. ii, стр. 39, 53; *Navarrete, Col. Viages*, т. i, стр. ix, x.

ВЕНЕЦИАНСКИЕ И ГЕНУЭЗСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ.

[1250-95.] Николо и Маффио Поло, венецианские братья, покинули Венецию в 1250 году, отправляясь в торговое путешествие на северо-восток. Пройдя к северу от Каспийского моря, они провели три года в Бухаре, а затем, в 1265 году, отправились ко двору Кублай-хана в Кеменифе в китайской Татарии, откуда вернулись в 1269 году, выполнив поручение папы римского. В 1271 году они снова отправились в путь, взяв с собой Марко, сына Николо. Они вновь посетили татарский двор, где провели семнадцать лет, и вернулись по морю вдоль побережья Китая и Индии в Ормуз в Персии, а оттуда по суше в Константинополь, достигнув Венеции в 1295 году. Марко, по-видимому, был большим любимцем восточного двора, где ему доверяли миссии во всех направлениях. Благодаря своим путешествиям и рассказам местных жителей из всех регионов, которых он встречал, он приобрел обширные знания о Китае и соседних странах, включая многочисленные острова у побережья, главным из которых был Зипангу, или Япония. По своим записям он позже написал в тюрьме полный отчет о своих восточных путешествиях, который был скопирован и широко распространен в рукописном виде. См. *Hakluyt Society, Divers Voyages*, Introd., p. lii., Лондон, 1850, для ознакомления с печатными изданиями работ Поло. Его подлинность и общая достоверность в настоящее время признаны, хотя, несомненно, копиисты умножили количество ошибок. Это путешествие Марко Поло было, безусловно, самым важным для пересмотра географии из всех, предпринятых в средние века. С этого времени побережья Азии были нанесены на карты и описаны с достаточной точностью космографами. «*De i Viaggi di Messer Marco Polo, Gentil 'hvomo Venetiano*», в *Ramusio*, том II, фолиант 2-60; «*Марко Поло de Венеция de le meravegliose cose del mondo*, Венеция, 1496; *Marci Pauli veneti de regionibus orientalibus libri tres*, Кельн, 1671.

Венецианцы были самыми предприимчивыми мореплавателями XIII и XIV веков. Они достигли Англии в ранний период — *Estancelin, Recherches*, стр. 114-16, Париж, 1832 — и, вероятно, расширили свою торговую деятельность еще дальше на север, поскольку Исландия в то время была процветающей республикой с католическими епископами. *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 92-4. Однако не сохранилось никаких подробностей ни об одном из этих путешествий, ни о тех, которые, возможно, были направлены к мысу Нон, южной границе океанского судоходства. В течение этого века мавр Ибн Фатима был унесен штормом с мыса Нон мимо мыса Бланко, и его приключение было зафиксировано в арабской географии.

[1291.] Дориа и Вивальди, генуэзцы, предприняли путешествие вдоль африканского побережья с целью достичь Индии, и в последний раз о них слышали в месте под названием Гозора. На этом путешествии, которое опирается на несколько авторитетных источников, основано утверждение, что итальянцы опередили португальцев в прохождении мыса Бохадор. Майор, *принц Генрих*, стр. 99-110, на основании изучения всех документов приходит к выводу, что для этого утверждения нет оснований, хотя и признает факт путешествия и его цель, фактически все, кроме его успеха. Гозора, вероятно, была мысом Нон. Коль считает эту экспедицию неопределенной. В одном из документов указана дата 1281 год, из чего Коль и Гумбольдт ошибочно делают вывод о двух путешествиях. Д'Авесак в *Nouvelles Annales des Voyages*, 1845, том cviii, стр. 45, указывает дату 1285 год. Муньос, *Hist. Nuevo Mundo*, стр.

30-1, говорит о генуэзских экспедициях и повторном открытии Канарских островов в этом веке.

[1306.] На карте, составленной венецианцем Сануто в 1306 году, Африка изображена окруженной морем, но нет никаких доказательств того, что география этого региона основана на каких-либо реальных наблюдениях. Карта просто отражает одну из двух теорий, существовавших в то время относительно формы южной части Африки.

[1332 и далее] Сэр Джон Мандевиль, английский врач, в период с 1332 по 1366 год путешествовал по восточным странам, включая Святую Землю, Индию и Китай. По возвращении он написал на трех языках отчет о своих приключениях с описанием посещенных стран. См. *Hakluyt Soc., Divers Voy.*, Introd. p. xliii. Его работа подтверждает работу Марко Поло, и хотя она полна преувеличений и, вероятно, подверглась фальсификации со стороны переписчиков в отношении приключений и анекдотов, «тем не менее», как говорит Ирвинг, «его рассказы о посещенных им странах оказались гораздо более правдивыми, чем можно было предположить». *Purchas, His Pilgrimes*, т. iii. стр. 128-38; *Travels of Sir John Mandeville*, Лондон, 1725.

[1341 и далее] Как мы уже видели, Канарские острова были известны древним и считались Птолемеем западной границей мира, но впоследствии они были почти забыты, пока не были вновь открыты и посещены, возможно, несколько раз, в середине XIV века португальцами. Существует точный отчет об одном из этих путешествий. В 1341 году король Португалии отправил туда два корабля, которые посетили почти все острова архипелага, но никаких поселений не основали. До этого Луис де ла Серда сообщил папе о существовании таких островов и получил буллой « » власть над ними с титулом «принц Фортуны». В 1345 году король Португалии заявил, что ранее уже отправлял экспедиции на эти острова. Проект Серды оказался неудачным, и колония основана не была. До конца века путешествия на Канарские острова стали довольно частыми. *Гальвано, «Открытия»*, Лондон, 1862; и в «Сборнике любопытных путешествий», Лондон, 1812, стр. 10; *Муньос, «История Нового Света»*, стр. 30-1; *Кунстманн, «Открытие Америки»*, стр. 1-4. Майор, *Принц Генрих*, стр. 139-45, датирует буллу 1334 годом.

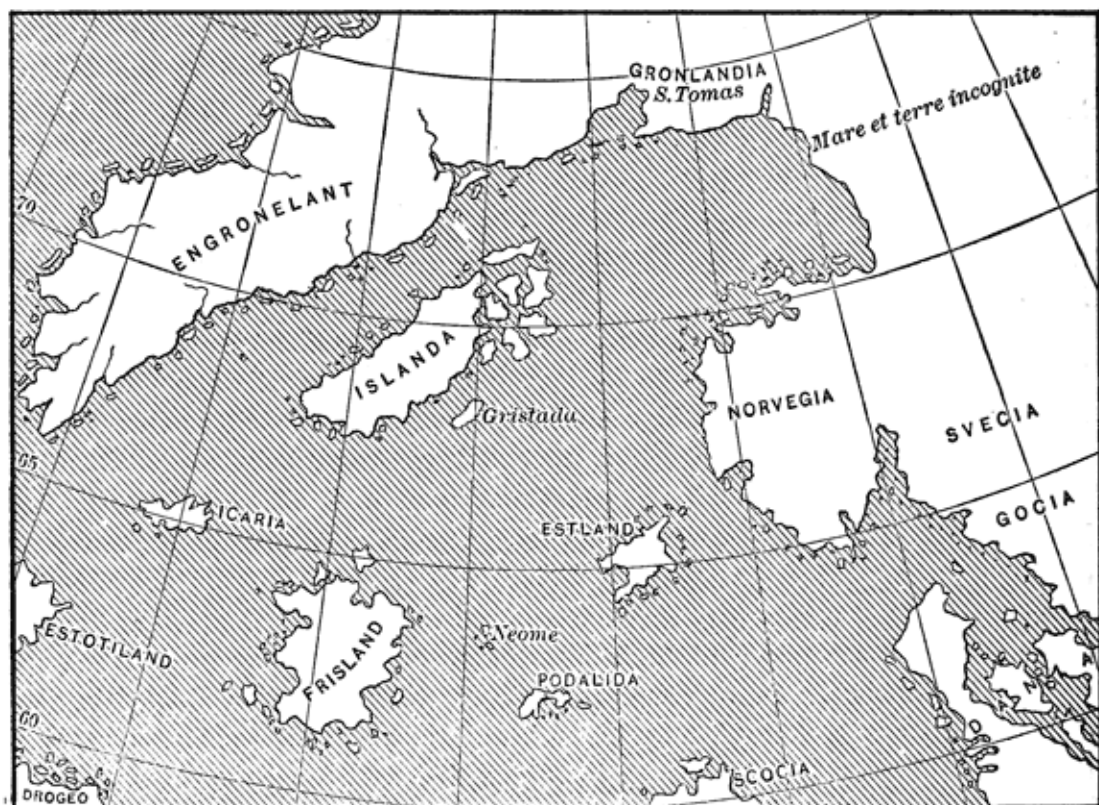
[1346.] В августе 1346 года Хайме Феррер, каталонский мореплаватель, отплыл с Майорки в Средиземном море, чтобы найти у африканского побережья Руджауру, или Реку Золота, и больше о нем ничего не было слышно. Это подтверждается документом в генуэзских архивах и надписью на каталонской карте 1375 года. Майор показывает, что это была экспедиция в поисках неизвестной или воображаемой реки золота, предполагаемое существование которой основывалось на древних традициях, согласно которым одна из ветвей Нила впадала в Атлантический океан, и эта вера укрепилась благодаря золоту, привезенному из Гвинеи арабами. Гумбольдт считает, что эта Руджаура была рекой Рио-ду-Ору ниже мыса Бохадор, заливом, названным позже португальцами; он также утверждает, что Феррер действительно достиг этой точки, но доказательств этому, по-видимому, нет.

[1351 и далее] Азорские острова, по-видимому, были открыты португальцами в начале этого полувека и появились на карте 1351 года. Однако нет никаких сведений о путешествии, в ходе которого было сделано это открытие, хотя существует предание о греке, который был выброшен на берег в 1370 году. На генуэзской карте того же года показана группа островов Мадейра, вероятно, открытая португальскими кораблями под командованием генуэзских капитанов в начале XIV века.

[1364.] В книге Вийо де Бельфонда «*Relation des costes d'Afrique*» (Париж, 1669) говорится, что в 1364 году жители Дьепа совершили путешествие вокруг Кабо-Верде и далеко за его пределы, основав торговые посты, которые неоднократно посещались в последующие годы. На этом основании, повторенном многими авторами — Эстанселином, «*Recherches*», стр. 72; Гумбольдт, *Exam. Crit.*, т. I, с. 285 — основано утверждение французов о том, что они опередили португальцев в прохождении мыса Боджадор и занятии Золотого побережья. Мейджор, *принц Генри*, с. 117-33, приводит веские доказательства того, что это путешествие не имеет под собой надежных оснований и что французская оккупация этого побережья произошла гораздо позднее.

ЗЕНИ. [1380 г.] Венецианец Николо Зено, плывя на север в Англию, был унесен штормом еще дальше на север и высадился на островах, принадлежащих норвежцам, которые он назвал Фрисландией, но которые, как предполагается, были Фарерскими островами. Будучи радушно принятым местными жителями, он послал в Венецию за своим братом, и оба провели там остаток своей жизни, совершая частые экскурсии на соседние острова и познавая другие, более отдаленные земли, известные норвежцам, в том числе две страны под названием Дрогео и Эстотиланд, расположенные к югу от Гренландии, которые, по утверждению фризов, они однажды посетили. Николо умер в 1395 году, а Антонио — в 1404 году, после того как написал отчет о своих приключениях, который вместе с картой отправил третьему брату, Карло. Рукопись хранилась в семье и впервые была опубликована под названием «*Dei Commentarii del viaggio in Persia, etc.*» (Венеция, 1558). Пройдя испытание критикой, работа в целом признана достоверным отчетом о реальных событиях, хотя и приукрашенным, как и все сочинения того времени, баснями. *Dello Scoprimento dell' Isola Frislanda Eslanda, en Grovelanda, et Icaria*, в *Ramusio*, т. II, фол. 230-4; *Hakluyt's Voy.*, т. III, стр. 121-8; *Bos, Leben der See-Helden*, стр. 523-7; *Cancellieri, Notizie di Colombo*, стр. 48-9; *Lelewel, Géog.* стр. 121-8; *Bos, Leben der See-Helden*, стр. 523-7; *Cancellieri, Notizie di Colombo*, стр. 48-9; *Lelewel, Géog. du moyen âge*, том III. стр. 74 и далее. Ирвинг, однако, Колумб, т. III, стр. 435-40, видит в этом путешествии лишь еще одну из «басен, распространенных вскоре после открытия Колумба, чтобы присвоить другим народам и личностям заслуги этого достижения», в то время как Зартманн, *Замечания о путешествии в Северное полушарие, приписываемые Зени из Венеции*, в *Journal of the Geog. Soc.*, т. V, стр. 102-28, Лондон, 1835, утверждает, что весь отчет является басней.

Карта братьев Зени, опубликованная вместе с рукописью, имеет большое значение как первая известная карта, на которой изображена какая-либо часть Америки. Она содержит внутренние доказательства своей подлинности, одно из которых заключается в том, что Гренландия на ней нарисована гораздо лучше, чем это могло быть сделано на основе других или посторонних источников даже в 1558 году. Я привожу копию карты из факсимиле Коля, опуская несколько названий.

КАРТА ЗЕНОНА, НАРИСОВАННАЯ ОКОЛО 1390 ГОДА.

Нет сомнений, что страны, обозначенные как Эстотиленд, Дрогео и Икария — возможно, Новая Шотландия, Новая Англия и Ньюфаундленд — обязаны своим положением на этой карте фактическим знанием об Америке, полученным либо от рыбацкого судна, потерпевшего там кораблекрушение, как утверждает Зенон, либо из традиции, сохранившейся со времен норманнов. Линии широты и долготы не были на оригинальной рукописной карте, но были добавлены редакторами в 1558 году. *Lelewel, Géog. du moyen âge*, tom. iii. pp. 79-101, Bruxelles, 1852; *Kohl's Hist. Discov.*, pp. 97-106.

В неизвестную дату, вероятно, ближе к концу XIII века, англичанин Роберт Мачин сбежал с дамой на своем корабле из Бристоля. Он направился во Францию, но был отнесен штормом к острову Мадейра, где оба погибли. Некоторые члены экипажа спаслись на африканском побережье, где были взяты в плен, но впоследствии выкуплены испанцами, которым один из них рассказал об открытии Мадейры, и его рассказ привел к повторному открытию острова. Майор заключает, что «отныне история случайного открытия Мадейры Мачином должна быть принята как реальность», но дату открытия установить невозможно. Дата 1344 года, часто приписываемая этому путешествию, является результатом неправильного прочтения Гальвано. Помимо Гальвано, *Discov.*, стр. 58-9, см. *Purchas, His Pilgrimes*, т. II. стр. 1672; *The Voyage of Macham, an English man, wherein he first of any man discovered the Iland of Madera*, в *Hakluyt*, т. II, ч. II, стр. 1; *Curious and Ent. Voy.*, стр. 13; *Major's Prince Henry*, стр. 67; *Kunstmann, Entdeckung Am.*, стр. 4.

[1402.] В начале XV века Жан де Бетанкур с группой норманнских авантюристов завоевал Лансароте, один из Канарских островов. Впоследствии он стал вассалом короны Кастилии и

с помощью испанского правительства получил в свое владение другие острова архипелага, основав там постоянную колонию. Муньос, «История Нового Света», стр. 30-33; Петр Мученик, раздел I, глава I, указывает дату 1405 год; Гальвано, «Открытие», стр. 60; Кунстманн, «Открытие Америки», стр. 6; Пинкертон, «Путешествия», том XVI, стр. 808-15.

ПРИНЦ ГЕНРИХ ПОРТУГАЛЬСКИЙ.

Теперь мы вступаем в новую эпоху морских открытий. До сих пор, если не считать путешествий норманнов, не было попыток, достойных названия систематического исследования океана. По словам Мейджора, «путями человечества были горы, реки и равнины, проливы, озера и внутренние моря», но теперь открылся путь через бескрайний океан, «путь, полный опасностей, но обещающий многое». Португалия, ведомая гением принца Генриха Мореплавателя, первой избавилась от летаргии, которая так долго держала Европу в плену. В течение некоторого времени португальцы постепенно затмевали итальянцев в морских предприятиях, но только когда принц оставил удовольствия молодости ради опасностей моря, посвятив свою жизнь делу со всем рвением преданного, океанское судоходство стало чем-то большим, чем частная коммерческая спекуляция, время от времени получающая небольшую помощь от правительств. Правда, другие также предпринимали путешествия вокруг Африки, но Португалия, пожалуй, была первой, кто совершил его. Как отмечает Д'Авесак, *Nouvelles Annales des Voy.*, 1846, tom. cx. p. 161: «Les Portugais ne s'y engagèrent point les premiers; mais seuls ils y perseverèrent, et les premiers ils atteignirent le but». Родившийся в 1394 году, в то время, когда под руководством его отца, Жуана, Португалия уже с тоской взирала на Море Тьмы, принц Генрих посвятил свою раннюю жизнь географическим исследованиям, а позднюю — открытиям. Покинув роскошь и пышность двора своего отца, он переехал на побережье Алгарве и с унылого мыса Сагреш дал волю своему воображению, путешествуя по неизвестным берегам Африки. Привлекая к себе молодых дворян, готовых разделить его труды, он основал школу навигации, уделяя особое внимание изучению картографии и математики. Географическое положение его родной страны было для португальцев в отношении океанских приключений нечто подобное положению итальянцев в отношении навигации по Средиземному морю. Несколько причин объединились, чтобы вдохновить этого принца на столь благородную амбицию. Он желал продвигать географическую науку; проверить теории и традиции того времени; узнать правду о спорном вопросе формы и протяженности южной Африки; перенаправить поток богатств, золота, специй и рабов из Индии из Италии в свою страну. Последний стимул не ослаблялся тем фактом, что в последнее время, в связи с вторжениями мусульман на христианские владения, старые пути восточной торговли через Каспийское море и Персидский залив или через Красное море и караваны через пустыни с каждым годом становились все более небезопасными, и это в то время, когда интерес к восточным роскошным товарам постоянно рос. Еще одним стимулом было христианское соперничество и христианский рвение. Испания пронесла крест на Канарские острова; продолжали поступать слухи о Престере Иоанне и его христианском королевстве, которое теперь, как полагали, находилось в Африке, а не в Азии. Кроме того, принц Генрих был великим магистром Ордена Христа, и ему надлежало проявлять активность. *Наваррете, полковник де Виагес*, т. I, с. xxvi.; Муньос, «История Нового Света», с. 33-4.

[1415.] Принц Генрих начал свои путешествия вдоль побережья Африки примерно в 1415 году, когда Жоао де Трasto был отправлен с кораблями на Канарские острова. Генрих имел обыкновение отправлять экспедиции почти каждый год, каждый раз стремясь продвинуться дальше, чем в прошлый раз, и таким образом наконец достичь конца тайны,

из-за чего дворяне не мало ворчали по поводу бесполезных расходов. Очевидно, что продвижение на юг с такой скоростью было очень медленным, и прошло много лет, прежде чем был пройден мыс Бохадор и открыты неизвестные моря. *Мейджор, «Принц Генрих»*, стр. 64-65.

[1416-28.] Тем временем Педро, брат Генриха, много путешествовал, посетив Святую Землю, Рим, Вавилон и даже Англию. К счастью, он нашел в Венеции экземпляр работы Марко Поло и привез его домой принцу Генриху. *Galvano's Discov.*, стр. 66-7; *Kunstmann, Entdeckung Am.*, стр. 11, 12.

[1418.] Гонсалес и Ваз, которые в этом году были отправлены принцем Генрихом в регулярную ежегодную экспедицию, были сбиты с курса и вновь открыли Порто-Санто. *Гальвано, Discov.*, стр. 62-4; *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 11, 12; *Curious and Ent. Voy.*, стр. 14, 15.

[1419.] Николо ди Конти, венецианец, провёл двадцать пять лет в Индии, Манги и Яве, вернувшись в 1444 году и подтвердив многие утверждения Поло. *Discorso sopra il Viaggio di Nicolo di Conti Venetiano*, в *Ramusio*, том i. fol. 373. Дважды в 1419 году, если верить Наваррете, *Col. de Viages*, том i. стр. xxvi., корабли принца Генриха прошли семьдесят лиг за мыс Нон.

[1420.] Гонсалес снова отправляется из Португалии с намерением основать колонию и, под руководством Моралеса, выжившего участника путешествия Мачина, вновь открывает Мадейру. *Наваррете, Col. de Viages*, том I, стр. xxvi-vii.; *Мейджор, Принц Генрих*, стр. 73-7; *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 13; *Galvano's Discov.*, стр. 63-4; *Aa, Naaukeurige Versameling*, том I, часть II, стр. 16. На одной карте, датированной 1459 годом, изображен мыс, предположительно Доброй Надежды, с указанием, что в 1420 году индийская джонка прошла мимо этой точки с востока; однако никаких подтверждающих источников не приводится.

1431.] В этом году Кабрал открыл острова Формигас и Санта-Мария, входящие в группу Азорских островов. *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 15, указывает дату 15 августа 1432 года. Подробности об открытии и заселении всех островов восточной части Атлантического океана см. *там же*, стр. 1-25.

[1434-6.] Гиль Эаннес, после неудачной попытки в предыдущем году, в 1434 году впервые обогнул мыс Бохадор. *Муньос, Hist. Nuevo Mundo*, стр. 34, указывает дату 1433 год, а Наваррете, *Col. de Viages*, том I, стр. xxvii., 1423 год. В 1435 году Эаннес с Балдаией прошли пятьдесят лиг за мыс, а в 1436 году Балдаия продвинулся на пятьдесят лиг за залив, известный с тех пор как Рио-ду-Ору.

РАБОВОДСТВО.

[1441-8.] В течение нескольких лет после успешного обогнутия мыса Бохадор не было зарегистрировано никаких новых значительных попыток, но в 1441 году путешествия возобновились, и в течение следующих восьми лет исследования продвинулись на сто лиг ниже мыса Верде. До 1446 года пятьдесят один корабль торговал на африканском побережье, почти тысяча рабов была доставлена в Португалию, а открытия на Азорских островах были значительно расширены. Этими исследованиями принц Генрих опроверг теорию о существовании зоны, непроходимой для человека, и бурных морей, препятствующих любому плаванию; его убеждение в том, что Африку можно обогнуть, было подтверждено; и он получил от папы разрешение на передачу короне Португалии земель, которые он мог открыть за мысом Боджадор, вплоть до Индии.

[1455-6.] Согласно Рамузио, *Viaggi*, том I, стр. 105, Альвизе Кадамосто, венецианец, первый из своих соотечественников, как он утверждает, который проплыл вдоль нового побережья, совершил для принца Генриха путешествие к реке Гамбия ниже мыса Верде. Важность этой экспедиции заключается не в достигнутом пределе, куда до него добирались и другие, а в многочисленных пунктах высадки, тщательных наблюдениях и подробном отчете, опубликованном самим путешественником в *La Prima Navigazione, etc.*, Vicenza, 1507; а также в Рамузио, *Viaggi*, том I, стр. 104-15. Этот исследователь посетил Порто-Санто, Мадейру, Канарские острова, мыс Бланко, Сенегал, Будомель, Кабо-Верде и реку Гамбия.

[1457.] Кадамосто утверждает в «*La seconda navigazione*», в Рамузио, «*Viaggi*», том I, стр. 116-20, что он совершил второе путешествие, во время которого открыл острова Кабо-Верде; но Майор, *принц Генрих*, стр. 278-88, показывает, что такое путешествие не было совершено в том году, если оно вообще было совершено.

[1460.] Диого Гомес открыл острова Зеленого Мыса, и в последующие годы была осуществлена их колонизация. Мейджор, «*Принц Генри*», стр. 288-99, впервые публикует оригинальное описание на английском языке. Принц Генри умер в ноябре этого года. Мейджор, «*Принц Генри*», стр. 303; Кунстманн, «*Entdeckung Am.*», стр. 19. Ирвинг, «*Колумб*», т. I, стр. 30, устанавливает эту дату как 1473 год; а Гальвано, «*Discov.*», стр. 14, указывает 1463 год.

[1461.] Дух открытий и жажда африканского золота и рабов стали слишком сильны, чтобы их можно было сдержать более чем на время смертью их главного поборника. В год после смерти принца Генриха на африканском побережье был построен форт для защиты уже обширной торговли, а в 1461 или 1462 году Педро де Синтра достиг точки почти в 5° северной широты, находясь более чем в шестистах милях ниже предельной точки путешествия Кадамосто. *La Nauigation del Capitan Pietro di Sintra Portoghese, scritta per Meser Aluise da ca da Mosto*, в Ramusio, том I, лист 119.

[1469-89.] В 1469 году Фернам Гомес арендовал у короля Португалии африканскую торговлю на срок пять лет и за это время продвинул свои исследования под Сантаремом и Эскобаром до мыса Святой Екатерины на 2° южной широты, впервые пересекая экватор в 1471 году. При Жуане II, сменившем Альфонсо V в 1481 году, торговля продолжалась, и в 1489 году Диого Кам достиг точки в 22°, более чем в двухстах лигах ниже реки Конго, установив там крест, который, как говорят, стоит до сих пор. Мартин Бехайм, математик и космограф, сопровождал Кама в этом путешествии, и ошибка или интерполяция в *Schedel, Registrum, etc.*, Нюрнберг, 1493, дала повод для необоснованного сообщения о том, что они плыли на запад и открыли Америку. Гумбольдт, *Exam. Crit.*, т. i. стр. 257, 283, 292, 309; Майор, «*Принц Генри*», стр. 325-38; Наваррете, «*Col. de Viages*», том I, стр. xl.; Харрис, «*Bibliotheca*

Americana Vetustissima», стр. 40; Гальвано, «*Discov.*», стр. 74-6; *Ommo*, в *Am. Phil. Soc.*, том II, 1786.

Теперь мы вступаем в собственно колумбовскую эпоху, предшественниками которой, как мы видели, были предприятия принца Генриха и португальцев. Около 1484 года Христофор Колумб предложил новый план достижения Индии путем плавания на запад, и король Португалии тайно отправил корабль, чтобы проверить его теорию, который, безуспешно искав землю на западе, вернулся на острова Зеленого Мыса. *Муньос*, *Hist. Nuevo Mundo*, стр. 53-4 и др. Колумб проживал в Португалии с 1470 года и совершил несколько путешествий на португальских кораблях вдоль африканского побережья, в ходе которых, как предполагается, он впервые задумал свой новый проект. Возмущенный поведением португальского короля, Колумб уехал в Испанию. *Колон*, *Hist. del Almirante*, в *Barcia*, *Hist. Prim.*, т. i. стр. 9-10; перевод в *Pinkerton's Col. Voy.*, т. xii. стр. 1-16; и в *Kerr's Col. Voy.*, т. iii. стр. 1-242.

В 1486 году Бартоломеу Диаш обогнул мыс Доброй Надежды и продолжил свое путешествие до реки Грейт-Фиш на юго-восточном побережье, откуда он был вынужден вернуться из-за недовольства своих людей. Мыс, впервые обогнутый европейцами, был увиден и назван им по возвращении. В 1487 году король Жуан послал двух священников, Ковильхама и Пайву, в путешествие на Восток в надежде собрать более точную информацию о Престере Иоанне и его знаменитом христианском королевстве. Престера Иоанна они не нашли, но Ковильхам в своих странствиях достиг Софали на восточном побережье Африки примерно на 20° южной широты, став первым из своих соотечественников, который плывал по Индийскому океану. В Софале он узнал о возможности осуществления путешествия, которое Диаш фактически совершил незадолго до этого, и сразу же отправил соответствующее сообщение королю. *Майор Принц Генри*, стр. 339-42; *Наваррете*, *Col. de Viages*, том I, стр. xl-i; *Гумбольдт*, *Exam. Crit.*, том I, стр. 230 и далее; *Гальвано*, *Discov.*, стр. 77-8.

С этого момента до великого открытия 1492 года осталось упомянуть лишь о нескольких экспедициях. Однако не следует забывать, что к этому времени торговые путешествия были обычным явлением вдоль всего восточного побережья Атлантического океана и прилегающих к нему островов от Скандинавии до Гвинеи. На протяжении всего этого столетия между Бристолем и Исландией велась оживленная торговля, и, по словам Кунстмана, подтвержденным более древними авторитетами, «булла Николая IV епископам Исландии доказывает, что в 1448 году папа был хорошо осведомлен о делах в Гренландии». Кажется невероятным, что за все время общения с северными странами южные морские народы не получили никаких сведений об Америке, но, насколько нам известно, доказательств таких сведений не существует.

[1476.] Сообщается, что Джон из Кольно, или Сколны, в 1476 году совершил путешествие по поручению короля Дании и достиг побережья Лабрадора. Это сообщение основано на авторитете Витфлиета, *Descriptionis Ptolemaicæ augmentum*, Lovanii, 1598, fol. 188, подкрепленном единственной фразой «*Tambien han ydo alla hombres de Noruega con el Piloto Iuan Scolno*» в *Гомаре*, *Hist. Gen. de las Indias*, Anvers, 1554, cap. xxxvii. fol. 31; аналогичным предложением в *Herrera*, *Hist. Gen.*, Madrid, 1601, dec. i. lib. vi. cap. xvi., в котором имя изменено на Juan Seduco; и надписью *Jac Scolvus Groetland* на карте, составленной Михаилом Локом в 1582 году, на территории к западу от Гренландии, факсимиле в *Hakluyt Soc.*, *Divers Voy.*, стр. 55. Согласно Колю, *Hist. Discov.*, стр. 114-15, это путешествие считается апокрифическим датскими и норвежскими писателями. Лелевель, *Géog. du moyen âge*, стр. 106, считает

путешествие подлинным, а Кунстманн, *Entdeckung Am.*, стр. 45-8, придает ему большое значение как источнику всех последующих путешествий на север. Гумбольдт, *Exam. Crit.*, том II, стр. 152-4, уделяет этому путешествию мало внимания и признается в своей неспособности вынести суждение о его достоинствах: «Je ne puis hasarder aucun jugement sur cette assertion de Wytfliet».

[1477.] В этом году Колумб, которого мы впервые встречаем с португальскими торговцами на африканском побережье, отплыл на север, вероятно, на английском торговом судне из Бристоля, до точки, расположенной в ста лигах за Туле, на 73° северной широты. *Colon, Hist. del Almirante in Barcia*, tom. i. p. 4; *Muñoz, Hist. Nuevo Mundo*, pp. 43-7; *Humboldt, Exam. Crit.*, tom. i. p. 272. Он, вероятно, посетил Исландию (), хотя и указал ее широту неверно, скорее всего, взяв ее из древней географии, а не из своих собственных наблюдений.

[1482.] Согласно Кунстманну, издание Птолемея этого года, *Ptolomæi Cosmographia*, Ulmæ, 1482, lib. viii., содержит карту, на которой указана Гренландия, и, вероятно, было составлено на основе северных источников.

[1488.] Десмаре, *Mémoires Chronologiques, etc.*, Dieppe, 1785, tom. i. pp. 92-8, утверждает, что некий Кузен отплыл из Дьепа в начале 1488 года, отошел от берега дальше, чем другие путешественники, и через два месяца достиг неизвестной земли и большой реки, которую он назвал Мараньон. Была ли это Мараньон в Южной Америке? Затем он отплыл на юго-восток и открыл южную оконечность Африки, вернувшись в Дьепп в 1489 году. Открытие держалось в секрете, но Кузен совершил второе плавание вокруг мыса и успешно достиг Индии. Майор, помимо указания на некоторые несоответствия в этом отчете, показывает, что М. Десмаре «мог позволить себе утверждения большого значения, которые явно ложны». Он не является авторитетным источником для столь замечательного открытия, которое нигде больше не упоминается.

КОЛУМБОВСКАЯ ЭПОХА.

Прежде чем отправиться с Колумбом в его смелое путешествие на запад, давайте подведем итоги тому, что мы узнали до сих пор, и посмотрим, на каком этапе мы находимся. Во-первых, географические знания древних ограничивались параллелограммом, простиравшимся с северо-запада на юго-восток от Атлантического до Индийского океана, охватывающим сто двадцать градусов восточной и западной долготы и пятьдесят градусов северной и южной широты (); эти знания были окружены легендарными рассказами и гипотетическими и традиционными верованиями о регионах за пределами этого параллелограмма; к этому следует добавить верную теорию о сферичности Земли, хотя и ошибочную в отношении ее размеров. Это все, что они знали, и эти знания они передали в темные века, в течение которых они сохранялись и, как мы видели, постепенно расширились. В частности, во второй половине XV века был дан мощный импульс открытиям, особенно в южном направлении, так что теперь границы древних были сдвинуты на восток по крайней мере на сорок градусов, до восточных побережий и островов Азии, главным образом благодаря путешествиям Марко Поло и сэра Джона Мандевилля. На юге была установлена истинная форма Африки, и ее побережья были исследованы португальцами, за исключением участка примерно в пятнадцать градусов на юго-западе. На север старые границы были сдвинуты лишь незначительно, но в пределах этих границ было получено много информации благодаря фактическим плаваниям по регионам, которые были лишь смутно описаны Птолемеем. На запад, в том, что все еще было Морем тьмы, северяне сделали великие открытия, но их результаты теперь были практически утрачены; в то время как на юг к известному миру было добавлено несколько важных групп островов.

См. [карту на стр. 73](#), где регионы, добавленные в этот период, заштрихованы светлым цветом. И теперь, в пределах старой границы, мир гораздо лучше известен, чем в начале периода, и многие незначительные географические ошибки древних были исправлены крестоносцами и другими, кто пытался в меньших масштабах распространять католическую веру, а также коммерческими путешественниками в дальних странах. Кроме того, благодаря притоку мусульман в Европу в течение пяти или шести веков, восточные предметы роскоши были введены в обращение в ранее неизвестных масштабах и фактически стали предметами первой необходимости в христианских дворах, что сделало торговлю с Индией важнейшим направлением коммерческой деятельности даже по утомительным и ненадежным сухопутным путям, где посредники забирали себе прибыль, и сделало открытие других, более легких путей делом первостепенной важности. Почти исключительное владение торговлей по старым маршрутам итальянцами давало дополнительный стимул другим европейским нациям для морских исследований. Недавно изобретенное искусство печати способствовало распространению знаний, так что мир уже не мог впасть в прежнюю интеллектуальную тьму. Астролябия, основа современного квадранта, была адаптирована на совещании космографов в Португалии для наблюдения широты по высоте солнца, и таким образом было устранено главное препятствие для дальних морских путешествий. Полярность магнита была известна давно, но практическое применение магнитной стрелки в навигации произошло примерно в начале XIV века. Однако морской компас достиг своего высшего предназначения только к концу XV века, когда было пересечено Море Тьмы. Но до этого самые большие препятствия для океанской навигации были преодолены благодаря путешествиям, осуществленным с помощью новых изобретений. Помимо открытия новых берегов, эти путешествия внесли большой вклад в развеивание старых суеверий о горящих зонах, непроходимых мысах и несудоходных морях.

РЕАЛЬНЫЕ И ВЫДУМАННЫЕ ОСТРОВА.

Мы видели, что в результате либо поэтического воображения, либо реальных открытий древних, в

Атлантическом океане традиционно располагались различные острова. Большинство из них, несомненно, обязаны своим существованием естественной склонности человека к фантазиям () населять неизвестные моря сказочными землями и существами. «Il est si naturel à l'homme de rêver quelque chose au-delà de l'horizon visible», — замечает Гумбольдт. Полное описание истории и местоположения этих островов, «dont la position est encore plus variable que le nom», а также важной роли, которую они играли в географии древности и средневековья, см. Гумбольдт, *Exam. Crit.*, т. II, стр. 156-245, и Кунстманн, *Entdeckung Am.*, стр. 6 и далее, а также 35-37. В XV веке, с возрождением морских предприятий, произошло обновление и умножение старых легенд. Монашеские ученые, благодаря своему постоянному изучению старых авторов, попытались согласовать древнюю географию с легендарными событиями из жизни святых и своей неизбежной склонности к преувеличению, в значительной степени способствовали их сохранению. Тем не менее, на протяжении всего предыдущего периода вера в существование таких островов была расплывчатой и гипотетической; но когда было доказано фактическое существование многочисленных островов в западном океане, а также были открыты и исследованы группы Канарских, Мадейрских, Азорских и Зеленого Мыса островов, старые идеи естественным образом возродились и подтвердились, и вместе с ними возникло желание заново открыть все, что было известно древним мореплавателям. Сообщаемые чудеса сказочных островов с их великими и богатыми городами с уверенностью искали на каждой вновь найденной земле, и, поскольку они не появлялись ни на одной из них, сами острова последовательно переносились все дальше и дальше на запад, в таинственное море, чтобы быть непременно обнаруженными будущими исследователями.

И действительно, эта чудесная западная империя впоследствии была обнаружена; были найдены народы и города, но за пределами тех границ, в которых их когда-либо помещали самые смелые мечты их первооткрывателей. На этом основании немало спекулянтов строят теорию о том, что Америка была известна древним. Главными из гипотетических островов были Сан-Брандан, Антилия и Остров Семи Городов; в их существование твердо верили, и они были четко обозначены на картах того времени. Говорят, что Сан-Брандан был посещен святым, чье имя он носит, в шестом веке. Сначала он был расположен далеко к северу и западу от Ирландии, но постепенно сместился на юг, так что во время первого плавания Колумба он находился почти на широте Кабо-Верде. Для разгоряченного воображения мираж — это твердая земля, море или прекрасный город; остров, который долгое время считался видимым с Мадейры и Канарских островов, имел какое-то отношение к местоположению этого острова святого и других островов.

Антилия и Остров Семи Городов, согласно карте Бехайма, являются одним и тем же. См. [страницу 93 этого тома](#); а также известное письмо Тосканелли, существование которого, по мнению Гумбольдта, может вызывать некоторые сомнения. Единственным осязаемым моментом в традиционной истории является миграция семи епископов (), изгнанных с полуострова мавританским вторжением в VIII веке, которые укрылись там и построили Семь Городов. История и расположение этого острова Семи городов в XV веке схожи с историей и расположением острова Сан-Брандан. Гальвано говорит, что в 1447 году там находился португальский корабль. Бразилия, Браси или Берзил — еще один из этих странствующих островов, название которого сохранилось и применяется к скале к западу от Ирландии, к одному из Азорских островов и к стране в Южной Америке. Это название было предметом многочисленных дискуссий, которые, насколько мне известно, не привели к каким-либо результатам, кроме того, что название ценного дерева, известного древним, впоследствии было применено к землям, где, как предполагалось, произрастало такое дерево. Гумбольдт, *Exat. Crit.*, том II. Стр. 214-45; Кунстманн, *Entdeckung Am.*, стр. 7-10 и 35 и далее. Кунстманн придает большее географическое значение сказочным островам, чем Гумбольдт, связывая их, по-видимому, не совсем понятным для него самих образом с предыдущими открытиями норвежцев. Так обстояли дела с фактами и фантазиями о географии мира, когда появился величайший из первооткрывателей и совершил величайшее из открытий.

Хотя в следующих главах я более подробно расскажу о деяниях генуэзца и его спутников, тем не менее, чтобы завершить это краткое изложение, необходимо упомянуть о них здесь. Я не буду обсуждать страну, семью, дату рождения или ранние годы жизни Христофора Колумба. Разногласия по этим вопросам с многочисленными ссылками см. в *Harrisse, Bibliotheca Americana Vetustissima*, New York, 1866, p. 2 et seq. Родившись где-то в Италии, вероятно в Генуе, около 1435 года, он получил более чем элементарное образование, в возрасте четырнадцати лет ушел в море и к 1470 году, когда он прибыл в Португалию, уже имел большой опыт плавания по Средиземному морю и был хорошо осведомлен как в теории, так и в практике своей профессии. Мы уже видели его с португальцами на африканском побережье и с англичанами в Исландии. Фактически, до своего первого плавания на запад в 1492 году он был практически знаком со всеми водами, по которым тогда плавали европейцы.

Мотивы, которые подтолкнули этого мореплавателя к осуществлению его великого предприятия, можно сформулировать следующим образом: успех португальцев в дальних плаваниях вдоль африканского побережья натолкнул его на мысль вскоре после 1470 года,

что если они могли плыть так далеко на юг, то другой мог бы плыть на запад с той же легкостью и, возможно, с той же выгодой. Его сын говорит: «Находясь в Португалии, он начал размышлять, что так же, как португальцы проплыли так далеко на юг, можно было бы проплыть на запад и найти землю в этом путешествии». Колон, *Hist. del Almirante*, в *Barcia*, том. i. p. 4; издание Венеции, 1709, стр. 22-3; Гумбольдт, *Exam. Crit.*, том i. p. 12; Наваррете, *Col. de Viages*, том i. p. lxxix; Эппера, *Hist. Gen.*, dec. i. lib. i. cap. 1-7. Его пылкое воображение, однажды захваченное этой идеей, начало искать в каждом уголке географических знаний доказательства, подтверждающие его теорию. Общаясь с другими мореплавателями, он узнал, что в разное время и в разных местах вдоль западных побережий Европы и Африки на берег выносило предметы, по-видимому, из неизвестных западных земель, предположительно ветром, а на самом деле Гольфстримом или другими океаническими течениями. Гумбольдт, *Exam. Crit.*, том II, стр. 249. Хотя он хорошо знал о существующих слухах об островах, которые в разное время видели в западном океане, он не строил свои самые большие надежды на успех на них, если таковые и были. В трудах древних он нашел еще один стимул. Исполненный горячей набожностью и суеверной доверчивостью, он внимательно изучал все космографические труды, которые мог найти, а также сборники устаревших представлений, такие как «*Imago Mundi*» Пьера Д'Айи или более современные путешествия Марко Поло и сэра Джона Мандевилля (). Колон, «*Hist. del Almirante*», в *Barcia*, т. i, стр. 4 и далее; Мейджор, «*Prince Henry*», стр. 349, 352; Гумбольдт, «*Exam. Crit.*», т. i, стр. 46, 60; Кунстманн, «*Entdeckung Am.*», стр. 74-6.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕЛИКОЙ КОНЦЕПЦИИ.

Результатом этих исследований стало полное знакомство с географическими знаниями того времени, с большей частью того, что я до сих пор кратко изложил, за исключением деяний северян. Из всего этого он знал о сферичности Земли; он верил, что большая часть поверхности Земли — это суша; что земля, известная Птолемею, простиралась по крайней мере на 180 градусов, или половину окружности земного шара, то есть от Канарских островов до Ганга; он знал, что благодаря более поздним путешествиям восточная граница географических знаний была сдвинута гораздо дальше на восток, даже до Китая; он верил, что далеко в океане лежит остров Зипангу; он знал, что благодаря открытию Азорских островов на западе было добавлено около восьми или десяти градусов; он считал, что оставалось исследовать не более трети окружности; что в этом пространстве, естественно, могли находиться некоторые острова, которые можно было бы использовать в качестве промежуточных пунктов в путешествии; что исследования на Востоке были очень неопределенными и, следовательно, Азия могла простираться дальше на восток, чем предполагалось, и, вероятно, так и было; что данные Птолемея были не бесспорны — Марино оценивал расстояние от Канарских островов до Ганга в 225 градусов вместо 180, в то время как другой географ, Альфрагано, по результатам фактических измерений, сделал каждый градус примерно на одну шестую меньше, чем у Птолемея, тем самым уменьшив размер Земли и вместе с ним оставшееся расстояние до Индии; что несколько древних авторов — см. цитаты из Аристотеля, Страбона, Сенеки и др. в Гумбольдте, *Exam. Crit.*, том. i. pp. 38, 61, 98 et seq.—заявляли, что расстояние до Индии очень короткое и что его можно преодолеть за несколько дней; и, наконец, что другие ученые, такие как Тосканелли, пришли к тем же выводам, что и он сам, возможно, даже раньше него. *Cartas de Pablo Toscanelli, Físico Florentin, á Cristobal Colon y al Canónigo Portugues Fernando Martinez, sobre el descubrimiento de las Indias*, в *Navarrete*, том II, стр. 1-4; Muñoz, *Hist. Nuevo Mundo*, стр. 48-9. См. также о мотивах Колумба в книге Ирвинга «Колумб», том I, стр. 42-51, и том II, стр. 148; Muñoz, *Hist. Nuevo Mundo*, стр. 45-7; Humboldt, *Exam. Crit.*, том II, стр. 324-9; Stevens' Notes, стр. 28. стр. 148; Муньос, *Hist. Nuevo Mundo*, стр. 45-7; Гумбольдт, *Exam. Crit.*, том II, стр. 324-9; Заметки Стивенса, стр. 28; Принц Генрих Мейджора, стр. 347-52;

Кунстманн, *Entdeckung Am.*, стр. 74. Многие из этих выводов были ошибочными, поскольку основывались на неверном представлении о долготе; но это уменьшение размеров Земли было ошибкой, которая оказалась весьма благоприятной для открытия, поскольку при правильном представлении о расстоянии, которое предстояло преодолеть, и без подозрений о наличии промежуточного континента, такая экспедиция, как экспедиция генуэзца, не была бы предпринята в то время.

Таковы были идеи и стремления Колумба до начала его предприятий; позднее в его сознании возобладал теологический мистицизм, и его успех стал просто исполнением божественного пророчества, в котором космографические реалии не имели никакого значения. См. *Cartas de Don Cristobal Colon*, в *Navarrete*, т. i, с. 330.

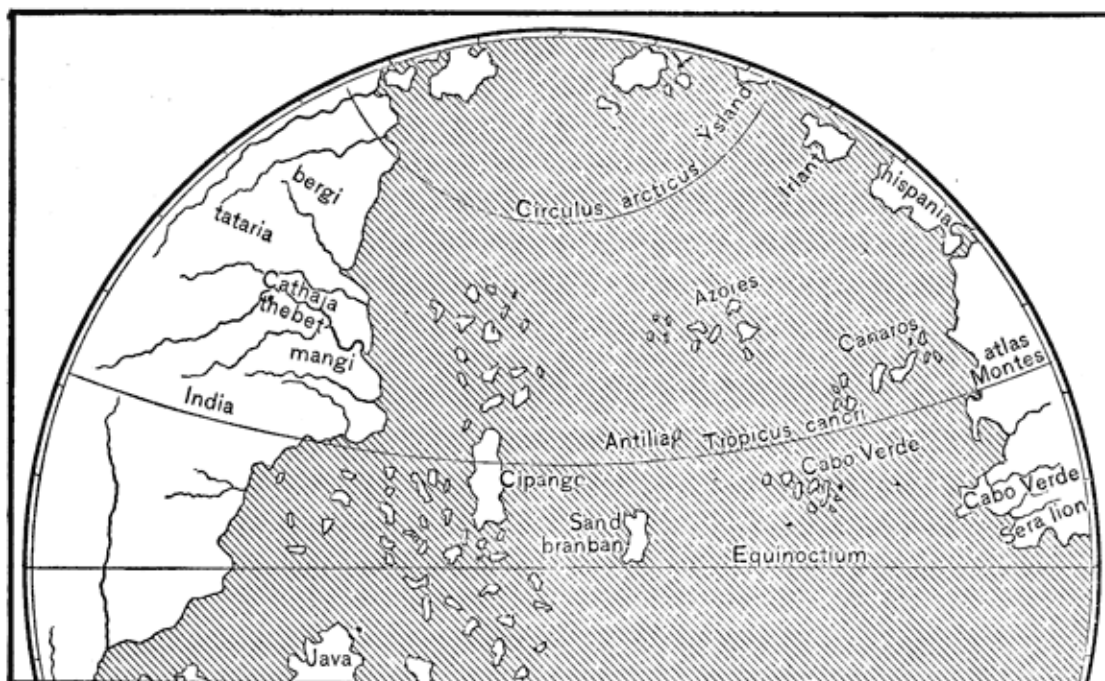
Все попытки умалить славу достижения Колумба, доказывая существование более раннего открытия, о котором он знал, потерпели явную неудачу. Сообщения о загадочных картах, которые, как утверждается, подтолкнули его к этому предприятию, очевидно, не имеют никакого значения, учитывая тот факт, что Колумб никогда не подозревал о существовании каких-либо новых стран, однако то, что он видел карты мира, включая азиатские побережья, не подлежит сомнению. Случай с лоцманом Санчесом, который, как говорят, умер в доме Колумба и рассказал ему о землях, которые он видел на западе, если это правда, также не имеет большого значения с точки зрения чести, причитающейся Колумбу, поскольку многие люди были уверены, что видели такие земли с Канарских и других островов, и было совершено несколько путешествий в поисках их, о чем Колумб, безусловно, знал. История о Санчесе была впервые рассказана Овьедо, который не приводит никаких подтверждающих источников или даты события; она повторялась другими историками, как правило, с неодобрением, пока не была возрождена Гарсиласо де ла Вега с указанием даты и подробностей; но его дата, 1484 год, на десять лет позже того момента, когда Колумб, как известно, предложил свой план португальскому правительству. Колумб не создал новой теории относительно формы или размера Земли (), хотя всегда преобладала популярная идея, несмотря на утверждения лучших писателей об обратном, что он имеет право на славу как за теорию, так и за осуществление проекта. Он не опережал свое время, не выдвигал новых теорий, не верил больше, чем его предшественник принц Генрих или его современник Тосканелли; он также не был первым, кто задумал возможность достичь востока, плывя на запад. Однако он был первым, кто действовал в соответствии с существующими представлениями. Северяне в своих путешествиях не имели представления о Новом Свете или Азии на западе. К знаниям теоретической географии Колумб добавил навыки практического мореплавателя и железную волю к преодолению препятствий. Он отплыл на запад, достиг Азии, как он полагал, и доказал правильность старых теорий.

В этом вопросе, по-видимому, есть два нерешенных момента, ни один из которых никогда не будет разрешен. Во-первых, что первым подсказало Колумбу его замысел: опыт, полученный в португальских плаваниях, чтение старых авторов или подсказка одного из немногих людей, знакомых со старыми традициями? В отсутствие убедительных доказательств утверждение сына Фернандо о том, что отцу следует приписать заслугу в переосмыслении великой идеи, не имеет большого значения. Во-вторых, в какой степени его путешествие на север повлияло на его план? Нет никаких доказательств, но есть большая вероятность, что во время этого путешествия он услышал о существовании земель на западе. Вряд ли возможно, что в Исландии не сохранилось никаких преданий о Маркленде и Винланде, когда прошло всего чуть больше ста лет с момента возвращения последнего корабля из этих стран и когда, должно быть, еще жили многие люди, побывавшие в Гренландии. Если такие предания действительно существовали, Колумб,

безусловно, должен был с ними ознакомиться. Тем не менее, его поездка на север состоялась в 1477 году, через несколько лет после того, как он впервые сформулировал свой план, и любая информация, полученная в то время, могла только подтвердить, а не подсказать ему его идею. И Гумбольдт, и Кунстманн считают, что даже если он и слышал о открытиях норвежцев (что, по мнению последнего, вполне вероятно), эти знания не согласовывались с его планами и не способствовали их реализации. Коль, *Hist. Discov.*, стр. 115-20, считает, что такие знания были бы самым сильным подтверждением его идеи о близости Азии и Европы, и я согласен с этим мнением. Идея Дрейпера, *Hist. Int. Develop.*, стр. 446, что если бы Колумб знал о северных открытиях, он бы направился дальше на север, кажется несущественной, поскольку он искал не северные, а южные части Индии.

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ КОЛУМБА.

Как я уже сказал, в этот момент Колумбу пришлось бороться не со старыми доктринами, противоречащими любой новой концепции, а с невежеством масс, которые не имели никакой доктрины, кроме той, что основывалась на непосредственных ощущениях и распространялась на всю поверхность Земли, насколько позволяли их тупые представления, в виде одной всеобщей плоскости; а знания придворных, от которых только великий первооткрыватель мог надеяться на поддержку, лишь немногим превосходили знания народа. Кроме того, Церковь, с ее обычной твердостью и консерватизмом, была против него. Монахи, которые в то время были хранителями знаний, знали или могли знать все, что принц Генрих, Колумб и другие увлеченные исследователи установили в отношении географии Земли; но что значили для них наука и факты, если они каким-либо образом противоречили предвзятым представлениям Отцов Церкви или церковным догмам? «Il est vrai», — говорит Гумбольдт, — «que les scrupules théologiques de Lactance, de St. Chrysostôme et de quelques autres Pères de l'Eglise, contribuèrent à pousser l'esprit humain dans un mouvement rétrograde». Кроме того, африканские экспедиции португальцев в целом не были прибыльными и не вдохновляли на другие подобные предприятия, а финансовое положение большинства европейских дворов не позволяло браться за новые расходы. Португалия, более продвинутая и находящаяся в лучшем положении для начала новых предприятий, чем любая другая страна, теперь считала открытие своего пути в Индию через мыс Доброй Надежды свершившимся фактом и поэтому холодно относилась к любым новым предприятиям. Не были также склонны вдохновлять монархов, ревниво относящихся к своему достоинству, щедрые требования Колумба в отношении титулов и власти над новыми регионами Азии, которые он надеялся найти, в пользу безденежного авантюриста без титула. Пропустив последовательные разочарования Колумба в его утомительных усилиях по получению помощи, необходимой для осуществления его проекта, а также его окончательный успех с королевой Изабеллой Кастильской, давайте вернемся к нашему хронологическому краткому изложению.

ГЛОБУС МАРТИНА БЕХАЙМА, 1492 год.

[1492.] Незадолго до отплытия Колумба ученый астроном Мартин Бехайм из Нюрнберга сконструировал глобус, на котором была изображена вся поверхность Земли, как ее понимали лучшие географы того времени. Этот глобус сохранился, и я представляю факсимиле американского полушария, опубликованное в *Ghillany, Geschichte des Seefahrers Ritter Martin Behaim, Nürnberg, 1853*. Весь глобус можно увидеть в *Jomard, Les Monuments de la Géographie*, no. xv., Paris, 1854. Фрагмент глобуса приведен в *Irving, Columbus*, vol. i. p. 53 (см. также *Id.*, p. 135), в *London Geog. Soc. Journal*, 1848, vol. xviii. с. 76; а копия из *Ghillany*, с некоторыми опущенными названиями, может быть найдена в *Kohl's Hist. Discov.*, с. 147, карта № iv.

Предполагается, что карта, по которой осуществлялось путешествие Колумба, была копией глобуса Бехайма, который действительно можно считать отражением географических представлений как Колумба, так и ученых и практических мореплавателей того времени. По надписи на оригинале известно, что азиатское побережье было нанесено на карту по данным Марко Поло, а к островам Антилия и Сан-Брандан добавлены другие надписи, рассказывающие об их истории, как я уже указывал ранее. Отплыв из Палоса 3 августа 1492 года с 120 людьми на трех кораблях под командованием самого Колумба и двух братьев Пинсонов, Колумб наконец-то вышел в море тьмы. После трехнедельной остановки на Канарских островах он отплыл оттуда 6 сентября (); 30 сентября с тревогой отметил отклонение стрелки компаса; а 12 октября открыл остров Сан-Сальвадор, или Кошачий остров.

До сих пор все шло хорошо; все было так, как и предполагал смелый мореплаватель; все соответствовало современным представлениям, в том числе и его собственным; он плыл определенное количество дней, преодолел определенное расстояние и торжественно достиг

одного из многочисленных островов, упомянутых Марко Поло, и, если Бог даст, скоро найдет более крупный остров Ципангу. Увы математическим вычислениям, увя той другой трети окружности Земли; увя мешающему континенту и широкому Тихому океану, которые сбили с толку великого первооткрывателя до самой его смерти!

Пропустив круиз по Багамским островам, или архипелагу Марко Поло из семи тысяч островов, в котором первооткрыватели последовательно посетили Консепсьон, Эксума (Фернандина) и Исла-Ларга (Исабела), мы видим, что 24 октября Колумб отплыл с последнего упомянутого острова в Зипангу с намерением оттуда продвинуться к материку и представить свои полномочия великому хану.

Прибыв к группе островов Мукарас, Колумб 28 октября достиг Зипангу, который был ни чем иным, как островом Куба, и дал острову, вместо его варварского названия, более христианское имя Хуана. Плывя вдоль северного побережья Кубы и часто общаясь с туземцами, он вскоре понял, что это не Зипангу, что это даже не остров, а настоящий азиатский континент, так как его пылкий ум так интерпретировал странный язык этого народа. К сожалению, он не смог найти хана; после тщательных поисков он не нашел ни великого города, ни императорского двора, ни других проявлений восточного богатства, описанных Марко Поло и сэром Джоном Мандевилем, — только голых варваров и соломенные хижины; поэтому, продвинувшись на запад за Савана-ла-Мар, первооткрыватели вернулись на восточный конец Кубы, посетив по пути группу Эль-Хардин-дель-Рей. Отложив исследование побережья на юго-западе, Колумб вернулся на восток и проследовал вдоль северного побережья Эспаньолы, свернув с пути, чтобы открыть Тортуги, и прибыв в Ла-Навидад, где он построил форт и оставил колонию из тридцати девяти человек. Теперь Эспаньола, а не Куба, как он полагал сначала, была настоящим Ципангу, поскольку материк Китая ни в коем случае не мог быть островом Япония; и с этой верой Колумб отплыл в Испанию 16 января, достигнув Азорских островов 18 февраля и прибыв в Палос 15 марта 1493 года. *Primer viage de Colon*, в *Navarrete*, том I, стр. 1-197; *Purchas, His Pilgrimes*, том I, книга II, стр. 10-13; *Sammlung aller Reisebeschreibungen*, том XIII, стр. 10; *Napione* и *De Conti, Biografia Colombo*, стр. 305-36; *Peter Martyr*, dec. i. cap. i.; *Oviedo, Hist. Gen.*, том i. стр. 21-31, 46-55; *Colon, Hist. del Almirante*, в *Barcia*, том i. стр. 13-38; *Irving's Columbus*, том i. стр. 124-289; том iii. стр. 447-68; *Мейджор, Принц Генрих*, стр. 356-7; *West-Indische Spieghel*, стр. 10; *Канчеллиери, Notizie di Colombo*, стр. 66-76.

[1493.] Незадолго до достижения Азорских островов Колумб написал на борту корабля два письма, в которых описывал свое путешествие, одно датированное 15 февраля, а другое — 14 марта. Рукопись одного из них, с копиями, напечатанными в Испании, вероятно, в том же году, сохранилась до наших дней. Что касается другого, то и оригинальная рукопись, и испанские копии, если таковые были напечатаны, утрачены; однако сохранилось шесть изданий латинского перевода, предположительно напечатанных в 1493 году во Франции и Италии под названием *Epistola Christofori Colom* или *De Insulis Inventis* и т. д. Поэтическая парафраза того же письма появилась в том же году, что и *Dati, Questa e la Hystoria*, etc., Флоренция, 1493, а четыре других произведения этого года содержат небольшие упоминания о Колумбе. Семь или восемь изданий писем Колумба появились в разных формах в течение следующих сорока лет. Оба письма можно найти с испанскими переводами в первом томе сборника Наваррете. Для библиографических сведений в этом очерке я в основном опирался на *Harrisse, Bib. Am. Vet.*, как на самое последнее и наиболее полное исследование ранних американских книг, несмотря на несколько ошибок, которые подвергли его столь сильной критике. Я не считаю необходимым повторять ссылку в каждом примечании, так как работа Харриса составлена в хронологическом порядке.

ПАПСКАЯ БУЛЛА О РАЗДЕЛЕНИИ.

Как только Колумб объяснил Фердинанду и Изабелле суть своего важного открытия, испанские монархи обратились к папе с просьбой предоставить им те же права и привилегии в отношении открытых и будущих открытий на западе, которые ранее были предоставлены португальцам на юге и востоке. Его Святейшество, приняв заявления испанцев о том, что требуемые концессии никоим образом не противоречат предыдущим концессиям, предоставленным португальцам, буллой от 2 мая 1493 года уступил Испании все земли, которые она могла бы открыть к западу от линии, проходящей от полюса к полюсу, в ста лигах к западу от Азорских островов; португальцы должны были получить все новые земли к востоку от той же линии. Очевидно, что Его Святейшество установил эту линию произвольно, не задумываясь о положении или важности соответствующего меридиана на антиподах. Этот противоположный меридиан, согласно представлениям о долготе, бытовавшим в то время, должен был проходить вблизи собственно Индии; и португальцы, помимо естественной ревности к новому успеху Испании, опасались, что западная полусфера, таким образом предоставленная их сопернику, может включать в себя части их индийских концессий. В результате в последующие несколько лет между двумя дворами возникло много проблем. См. ниже.

На фоне энтузиазма, вызванного его успехом, Колумб без труда организовал еще одну экспедицию. Отправившись из Кадиса 25 сентября 1493 года с семнадцатью кораблями и более чем 1200 людьми, среди которых были Алонсо де Охеда и Хуан де ла Коса, *эль-альмиранте*, или адмирал, как теперь называли Колумба, он зашел на Канарские острова, 3 ноября открыл Доминику, а через несколько дней — Гваделупу; оттуда, плывя на северо-запад через Карибский архипелаг, он время от времени высаживался на берег и давал названия островам. Отдохнув два дня в Пуэрто-Рико, он достиг побережья Эспаньолы 22 ноября, а 27 ноября бросил якорь у порта Навидад. Поселение, основанное в этом месте во время предыдущего путешествия, полностью исчезло; колонисты, как предполагается, стали жертвами внутренних распри и всеобщих эксцессов. Затем в другом порту этого острова был основан новый город под названием Исабела, а Охеда был отправлен вглубь острова для исследования страны. После короткого отсутствия он вернулся, сообщив, что страна богата золотом. 2 февраля 1494 года двенадцать судов с образцами населения и продуктов страны были отправлены в Испанию под командованием Антонио де Торреса. Вместе с этим отправлением была отправлена просьба о немедленной поставке провианта. Оправившись от тяжелой болезни, Колумб 24 апреля подавил восстание среди своих людей, построил форт в глубине острова, а затем отплыл исследовать главное побережье Азии — как он полагал, но на самом деле Кубы — к юго-западу от точки, где он покинул его в своем первом путешествии. Следуя по южному побережью Кубы, адмирал наконец достиг окрестностей Филипины, или залива Кортеса, где берег изгибается к югу. Это показалось ему убедительным доказательством того, что он действительно плыл вдоль побережья материка Азии. Заявления туземцев, которые говорили, что Куба на самом деле является островом, но настолько большим, что никто никогда не достигал его западной оконечности, укрепили его в этом убеждении — ведь можно было усомниться в знании границы, до которой никто никогда не добирался и откуда никто никогда не возвращался. Теория того времени была таким образом подтверждена, и этого было достаточно; поэтому Колумб привел всю свою команду, офицеров и матросов, к нотариусу и заставил их поклясться, что остров Куба является материком Азии — акт, характерный для методов обращения в веру в те дни. Он даже предложил продолжить путешествие вдоль побережья до Красного моря, а оттуда вернуться домой через Средиземное море или, что еще лучше, обогнуть мыс Доброй Надежды, чтобы встретить и застать врасплох португальцев; но его спутники сочли запасы

провианта недостаточными для столь долгого путешествия, и адмирала убедили отложить эту попытку.

Вернувшись на Эспанолу, Колумб по пути обратно открыл и частично исследовал Ямайку, Исла-де-Пинос и небольшие острова, разбросанные к югу от Кубы, и 4 сентября прибыл на Исабелу. Там он обнаружил, что дела обстоят плохо. Колония, состоящая из разношерстной компании незаконных авантюристов, всегда готовых приписывать успехи себе, а неудачи своему губернатору, выдвинула множество надуманных жалоб, которые доставили адмиралу немало хлопот. Маргарит, которому было поручено командование экспедицией вглубь острова, поднял восстание и отплыл на нескольких кораблях в Испанию. Была объявлена открытая война с туземцами, и колонисты оказались в тяжелом положении, но присутствие адмирала и стремительная храбрость Охеды вскоре обеспечили порядок. Между тем два прибытия вдохнули в колонистов новую храбрость: прибытие Бартоломе Колона, брата адмирала, с тремя кораблями, и прибытие Торреса с четырьмя судами, груженными припасами. С накопленным золотом, образцами фруктов и растений и пятьюстами туземцами в качестве рабов Торрес был отправлен обратно в Испанию в сопровождении Диего Колона, чья миссия состояла в том, чтобы защищать интересы своего брата при дворе. Умиротворение туземцев было завершено, и на них были наложены тяжелые налоги. В октябре 1495 года прибыл Хуан де Агуадо, посланный королем для выяснения фактов, касающихся обвинений против адмирала. Этот человек, вместо того чтобы честно выполнить свое поручение, только разжег вражду обвинителей Колумба, что вполне соответствовало характеру его господина Фердинанда. Из-за этих неприятностей, а также из-за открытия новой золотой жилы, которая бесспорно доказала, что Эспаньола была древним Офиром царя Соломона, Колумб решил вернуться в Испанию. Оставив своего брата Бартоломе на посту *адантеладо*, или лейтенант-губернатора, он 10 марта отплыл с Агуадо на двух каравеллах, везя с собой 225 испанцев и тридцать туземцев. Зайдя в Маригаланте и Гуадалупе, он прибыл в Кадис 11 июня 1496 года. *Segundo Viage de Cristobal Colon*, в *Navarrete*, том I, стр. 198-241; *Colon, Hist. del Almirante*, в *Barcia*, том I, стр. 42-73; *Peter Martyr*, dec. i. cap. 2-4; *Oviedo, Hist. Gen.*, том I, стр. 31-5; *Napione* и *De Conti, Biografia Colombo*, стр. 331-50; *Ирвинг, «Колумб»*, т. I, стр. 338-497; т. II, стр. 1-87; *Мейджор, «Принц Генрих»*, стр. 358; *Гумбольдт, «Exam. Crit.»*, т. IV, стр. 217; *Канчеллиери, «Notizie di Colombo»*, стр. 93-9. Письма, которые Колумб отправил в Испанию через Торреса в феврале 1494 года, если они когда-либо и печатались, то теперь утрачены; но в *Syllacio, ad Sapiētissimū ... de insulis*, etc., Павия, 1494 или 1495, появились некоторые письма из Испании автору этой работы, в которых описывается второе плавание Колумба.

[1494.] Таким образом, во время отсутствия Колумба в его втором путешествии мы видели, как шесть раз прокладывался морской путь между Испанией и Эспаньолой: во-первых, флотом из двенадцати кораблей, отправленным обратно в Испанию адмиралом под командованием Антонио де Торреса; во-вторых, Бартоломе Колоном, который последовал за своим братом на Эспаньолу с тремя кораблями; в-третьих, Маргаритой, который поднял восстание и покинул Эспаньолу во время отсутствия Колумба на Кубе; в-четвертых, Торресом, командовавшим четырьмя судами из Испании с грузами для колонии; в-пятых, теми же четырьмя судами, возвращавшимися в Испанию с золотом и рабами; и в-шестых, Хуаном де Агуадо с четырьмя судами из Испании в августе 1495 года.

РАЗДЕЛ МИРА.

Португалия не была удовлетворена разделом мира, произведенным папой Александром VI. В то время мир считался не таким большим, как сейчас, и его половина была недостаточна для такого маленького королевства, которое могло похвастаться таким

великим мореплавателем, как принц Генрих. Португальцев беспокоила не их собственная сторона, а другая, поскольку они опасались, что противоположный меридиан отбрасывает в испанскую половину часть или всю Индию. Итак, Испания и Португалия начали спорить по поводу этого раздела, произведенного Его Святейшеством; вопрос был передан на рассмотрение комиссии и окончательно решен договором в Тордесильяс в июне 1494 года, который перенес линию на 270 лиг дальше на запад. О местоположении этой демаркационной линии и ее влиянии на Бразилию и Молуккские острова было написано много, хотя мало говорилось о мотиве, который побудил Португалию к этому изменению. Дело в том, что в то время, когда о Молуккских островах было известно очень мало, а о существовании Бразилии даже не подозревали, невозможно понять, почему Португалия захотела изменить линию раздела с 100 лиг на 370 лиг к западу от Азорских островов; ведь это изменение могло только уменьшить владения Португалии в Индии на 270 лиг, как это и произошло на самом деле, включая потерю Молуккских островов, и в обмен на это получить 270 лиг открытого Атлантического океана! Правда, оказалось, что это было случайное приобретение части Бразилии, но в то время не могло быть и мысли о том, что эта линия раздела проходит через восточную часть земель, открытых Колумбом на западе. Как бы мы ни представляли себе их отношение к этому, остается неразгаданная загадка. Тихий океан был неизвестен; между открытиями Испании и Португалии, насколько известно, все было сушей — Индией. Перенеся линию раздела на запад, Португалия, возможно, надеялась найти какие-то западные земли; в любом случае, общепринято считать, что последствия раздела в антиподах не были должным образом продуманы; что единственным спорным моментом было право на открытия в западном океане, и что договор Тордесильяс был заключен в пользу Испании — Португалия была вынуждена уступить в основном вопросе, но настаивала на изменении раздела, чтобы получить больше пространства для плавания. С другой стороны, можно утверждать, что антиподы, о которых они знали так мало, были явной целью всех экспедиций, отправленных обеими сторонами. См. оригинал буллы и договора в *Navarrete, Col. de Viages*, т. II, стр. 28, 130; а также *Prescott's Ferdinand and Isabella*, т. II, стр. 173-83; *Calvo, Recueil Complet des Traités*, Paris, 1862, т. I, стр. 1-36; *Purchas, His Pilgrimes*, т. II, стр. 173-83; *Calvo, Recueil Complet des Traités*, Paris, 1862, т. I, стр. 1-36; *Purchas, His Pilgrimes*, т. II, стр. 173-83; *Calvo, Recueil Complet des Traités*, Paris, 1862, т. I, стр. 1-36; *Purchas, His Pilgrimes*, т. II, стр. стр. 173-83; *Calvo, Recueil Complet des Traités*, Paris, 1862, tom. i. стр. 1-36; *Purchas, His Pilgrimes*, vol. i. booke ii. стр. 13-15; *Curious and Ent. Voy.*, стр. 20; *Cancellieri, Notizie di Colombo*, стр. 183.

Италия, и особенно Венеция, как мы уже видели, была первым из европейских государств, проявившим в средневековье в заметной степени тот коммерческий дух, который так рано и так хорошо развился у финикийцев. Португалия подхватила эту идею при Жоане Великом (1385-1433) и возглавила более смелые открытия и исследования, завоевав северо-западное побережье Африки. Одновременно принц Генрих отправлял экспедиции дальше вниз по западному побережью Африки и среди островов Атлантического океана. Его страна пожинала плоды в 1486 году, когда открытие мыса Доброй Надежды открыло ей морской путь в Индостан и к торговле с Востоком, а также нанесло смертельный удар венецианскому господству на этом рынке.

Но Испания, как того хотела случайность, не сильно отставала от своего соседнего королевства. Тот факт, что великие мореплаватели Колумб и Веспуччи были итальянцами, но вынуждены были обращаться за помощью к Испании, достаточно ясно указывает, в каком направлении развивалась морская мощь. Астрономические школы Кордовы, Севильи и Гранады хорошо подготовили Испанию к применению астрономии в навигации, а

длительные внутренние войны воспитали тех смелых и выносливых людей, которые единственные способны успешно вести великие предприятия, сопряженные с определенной опасностью и неопределенным результатом.

Некоторые утверждают, что Джон и Себастьян Каботы совершили свое первое плавание и открыли Ньюфаундленд в 1494 году. Это утверждение основано на заявлении испанского посла в Англии в письме от 25 июля 1498 года о том, что в течение последних семи лет из Бристоля ежегодно отправлялось несколько судов на поиски Бразилии и островов Семи городов, а также на надписи на карте Себастьяна Кабота 1544 года, в которой говорится, что земля была впервые открыта Каботами 24 июня 1494 года. *Д'Авесак, Письмо о путешествиях Джона и Себастьяна Каботов*, в *Kohl*, стр. 506-7. Однако другие авторы считают, что карта — даже если она была составлена Каботом, что крайне сомнительно — не является достаточным доказательством такого путешествия.

[1495.] По просьбе братьев Пинсон и других мореплавателей 10 апреля 1495 года была выдана лицензия, разрешающая любому уроженцу Испании совершать частные путешествия с целью торговли и открытий из Кадиса в Западную Индию; такие экспедиции должны были находиться под контролем правительства, один из чиновников которого должен был сопровождать каждое судно, чтобы обеспечить выплату короне одной десятой части прибыли от путешествия. Полный текст этого документа см. в *Navarrete, Col. de Viages*, т. II, с. 165. См. также *Humboldt, Exam. Crit.*, том I, стр. 356 и далее. Вопрос о том, воспользовался ли кто-либо этой лицензией до ее отмены, которая произошла 2 июня 1497 года по инициативе Колумба, является спорным моментом, имеющим некоторое значение в связи с некоторыми сомнительными экспедициями, которые будут рассмотрены ниже.

[1496.] Педро Алонсо Ниньо отплыл из Кадиса 17 июня 1496 года, сразу после возвращения Колумба, командуя тремя судами, груженными припасами для колонии на острове Эспаньола.

[1497.] Америго Веспуччи, флорентийский мореплаватель, утверждает, что 10 или 20 мая 1497 года он отплыл из Кадиса на четырех судах на службе у короля Испании. В каком качестве он сопровождал экспедицию и кто был ее командиром, он не уточняет, но говорит, что был выбран королем для участия в экспедиции. «Me ad talia investiganda in ipsam societatem elegit». Плывая на юго-юго-запад к Канарским островам, в 280 лигах от Лиссабона, он оставался там восемь дней, а затем плыл на запад-юго-запад 1000 лиг за двадцать семь или тридцать семь дней до точки на материке в 16° северной широты и 75° западной долготы от Канарских островов, то есть на побережье Центральной Америки недалеко от мыса Грасиас-а-Диос. Это должно было быть около 1 июля, возможно, через несколько дней после высадки Кабота дальше на север, которая состоялась 24 июня. Испанцы высадились на берег на лодках, но туземцы были слишком робкими, чтобы торговать, поэтому, продолжив свое путешествие на северо-запад в течение двух дней в пределах видимости плоского побережья, они достигли более безопасной стоянки, установили дружеские отношения с местными жителями и нашли некоторые следы золота. Затем корабли несколько дней следовали вдоль побережья до порта, где обнаружили деревню, построенную над водой, как Венеция, и там сражались с местными жителями (Табаско?). Они проплыли восемьдесят лиг вдоль побережья до региона с множеством рек (Пануко?), где их радушно приняли люди, говорящие на другом языке, и совершили путешествие на восемнадцать лиг вглубь материка, посетив много городов. Эта провинция называлась жителями Лариаб и располагалась в жаркой зоне, недалеко от тропика Рака, на 23° северной широты. Они снова отправились в путь, следуя курсом на северо-запад и часто бросая якорь, проплыв таким образом 870 лиг, пока через тринадцать месяцев, то есть в июне 1498 года, не достигли «лучшей гавани в мире» (порт мыса Каньяверал?), в 28° 30', где решили отремонтировать свои корабли для обратного плавания. Там они пробыли тридцать семь дней, и когда собирались отплывать, туземцы пожаловались на некоторых людоедов, которые каждый год приходили с острова, расположенного в 100 лигах, чтобы напасть на них. Испанцы в ответ на их доброту пообещали отомстить за их обиды. Соответственно, они отплыли на северо-восток и восток к группе островов, некоторые из которых были заселены (Бермуды?); высадившись на одном из них, называемом Ити, они разгромили каннибалов и взяли в плен 250 человек, потеряв одного человека убитым и двадцать двух ранеными. Возвращаясь, они прибыли в Кадис 15 октября 1499 года с 222 пленными, которые были проданы в рабство. Вышеприведенное является рассказом Веспуччи в письме, написанном в 1504 году, согласно изданию, признанному подлинным и оригинальным Варнхагеном, *Le premier Voyage de Amerigo Vespucci*, который считает, что Висенте Яньес Пинсон и Хуан Диас де Солис были командирами. Это путешествие обычно не считается подлинным; возникла долгая и сложная дискуссия по поводу того, следует ли считать данный отчет правдивым, полностью вымышленным или относящимся к более позднему путешествию и случайно или намеренно датированным двумя годами ранее. Поскольку это путешествие, если оно действительно состоялось, как утверждает М. Варнхаген, было бы первым, в ходе которого была бы достигнута территория, которую я называю Тихоокеанскими штатами, я считаю необходимым изложить здесь основные моменты этой дискуссии. В так называемых стандартных источниках по открытию Америки, таких как Наваррете, Гумбольдт и другие, подробно рассматривается вопрос о подлинности путешествия Веспуччи, однако всегда исходя из предположения, что земля, которую, как утверждается, посетили, была побережьем Парии. Теория М. Варнхагена, согласно которой этот регион следует искать в Северной Америке, вновь поднимает этот вопрос и вводит некоторые новые моменты, которые нельзя оставить без внимания в данном контексте. Не вдаваясь в довольно сложную библиографию рассказов Веспуччи и не затрагивая вопрос о его претензиях на

присвоение имени Америке, я постараюсь кратко и насколько это возможно ясно изложить аргументы за и против подлинности путешествия, в котором, возможно, затрагивается вопрос о первом послескандинавском открытии Североамериканского континента.

СПОРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВЕСПУЧЧИ.

Помимо собственного заявления Веспуччи в письме, написанном в 1504 году, не было найдено ни одного современного документа, в котором упоминалась бы такая экспедиция, хотя сторонники и противники утверждения флорентийца тщательно искали такие документы в испанских архивах. Отсутствие подтверждающих документов тем более заметно, что экспедиция была осуществлена под покровительством короля. В другом, написанном ранее письме, в котором он описывает свое второе путешествие в 1499 году, Веспуччи не только не упоминает об этом путешествии, но даже оправдывает свое долгое молчание, говоря, что не произошло ничего, о чем стоило бы рассказать. Правда, в коротком письме некоего Вианелло, датированном 1506 годом и опубликованном Гумбольдтом, упоминается путешествие, дата которого не указана, совершенное Веспуччи в компании с Хуаном де ла Коса. М. Варнхаген предполагает, что это было именно то путешествие, а большая река, открытая в то время, была Миссисипи; но, помимо того, что нет никаких оснований приписывать дату 1497 года, а не какую-либо другую этому путешествию, письмо Вианелло, вместе с двумя другими, опубликованными Харрисом, указывает на гораздо более позднюю дату экспедиции с Хуаном де ла Коса.

Кроме того, не только отсутствуют оригинальные записи, но и современные историки умалчивают об этой экспедиции; первое упоминание о ней более поздними авторами является отрицанием ее подлинности, поскольку считалось, что она противоречит утверждениям адмирала о том, что он был первооткрывателем континента. Тем не менее, исходя из предположения о путешествии к побережью Северной Америки, в трудах историков Петра Мартира, Овьедо, Гомары и Эрреры есть некоторые отрывки, которые более или менее определенно указывают на исследование залива Гондурас до 1502 года. Питер Мартир, дес. i. сар. vi., писавший до 1508 года, говорит, что многие утверждают, что обогнули Кубу; а позже, дес. i. сар. x., он упоминает сообщение о том, что Пинсон и Солис исследовали побережье Гондураса, однако не указывает даты. Овьедо, *Hist. Gen.*, том II, стр. 140, утверждает, что залив Гондурас был открыт не Колумбом, а Пинсоном и Солисом, и что это произошло до того, как первый открыл Амазонку, а второй — Рио-де-ла-Плата, то есть до 1499 года. Гомара, *Hist. de las Indias*, fol. 63, утверждает, что, по некоторым данным, Пинсон и Солис исследовали побережье Гондураса за три года до Колумба, то есть в 1499 году. Эррера, *Hist. Gen.*, дес. iv. lib. viii. сар. iii., говорит, что залив Гондурас был назван Хибуэрас из-за тыкв, которые плавали в его водах, когда первые испанцы проплывали вдоль побережья. Для М. Варнхагена это случайное замечание Эрреры является убедительным доказательством того, что, поскольку Колумб не входил в залив и не давал ему названия, он не был первым испанцем, проплывшим вдоль побережья. Какое бы значение ни придавали этим отрывкам из исторических трудов, доказывающим существование плавания в Северную Америку до плавания адмирала, такие доказательства явно подкрепляются тем фактом, что дата плавания, приписываемого Пинсону и Солису, по-видимому, основана исключительно на утверждении Эрреры, *Hist. Gen.*, дес. i. lib. vi. сар. xvi., который описывает экспедицию вместе с другими событиями под датой 1506 года. Однако в показаниях по судебному делу, о котором будет упомянуто ниже, подразумевается, хотя и не указано прямо, что путешествие состоялось после путешествия Колумба, поскольку король приложил особые усилия, чтобы доказать, что побережье, исследованное Пинсоном, отличается от побережья, открытого адмиралом. Другой момент заключается в том, что в

том же свидетельстве название «Кария» дается месту, посещенному во время путешествия Пинсона, и, возможно, название «Лариаб» Веспуччи является опечаткой.

Гумбольдт, *Exam. Crit.*, том IV, стр. 59, 267, 272-4, неоднократно утверждает, что Веспуччи был занят в Испании подготовкой судов к третьему плаванию Колумба вплоть до даты отправления экспедиции 30 мая 1498 года и, следовательно, не мог сам отплыть в мае или в любом другом месяце 1497 года. Он делает это заявление на основании документов, собранных Муньосом. Харрис, *Bib. Am. Vet.*, стр. 57, также на основании документов Муньоса, утверждает, что с апреля 1497 года по 30 мая 1498 года Веспуччи «постоянно путешествовал из Севильи в Сан-Лукар». Известно, что Веспуччи сменил Хуаното Берарди, умершего в декабре 1495 года, в контракте на оснащение судов для испанского правительства и получил деньги по этому контракту 12 января 1496 года (). Ирвинг, имея доступ к документам Муньоса, утверждает, что четыре каравеллы, оснащенные Веспуччи, отплыли 3 февраля 1496 года, но были вынуждены вернуться; он также говорит о том, что нет никаких свидетельств его присутствия в Испании в 1497 или 1498 годах (). Наваррете, опираясь на те же документы Муньоса, которые состоят из выдержек из книг расходов индийских армاد в Casa de Contratacion в Севилье, не указывает дату отплытия и кораблекрушения четырех судов, упомянутых Ирвингом, но подразумевает, что это событие произошло до смерти Берарди. После упоминания о получении денег 12 января 1496 года он заявляет, что Веспуччи «продолжал заниматься всем, пока флот не был отправлен из Сан-Лукара». *Col. de Viages*, том III, стр. 317. Он не указывает, что флот, который был таким образом оснащен, был тем самым флотом, на котором Колумб отплыл в 1498 году. Муньос в печатной части своей работы умалчивает об этом. Варнхаген, *Vespuce et son Premier Voy.*, стр. 18, утверждает, что Гумбольдт не имел никаких оснований применять утверждение Наваррете относительно флотилии, отправленной из Сан-Лукара, к флоту адмирала, поскольку это утверждение, вероятно, было его авторитетным источником, а не оригинальными документами Муньоса; и что четыре судна, оснащение которых лично курировал Веспуччи, скорее всего, были теми, на которых он сам отплыл и совершил упомянутое путешествие. Кроме того, Варнхаген считает, что смерть Берарди послужила разумным мотивом для решения Веспуччи посетить Индию и благоприятной возможностью для осуществления его решения. Если можно доказать, что Веспуччи был в Испании в 1497 и 1498 годах, то, конечно, вопрос о его предполагаемом путешествии не допускает дальнейшего обсуждения; но если единственным авторитетом Гумбольдта является его интерпретация заявления Наваррете, даже если эта интерпретация не является неестественной или невероятной, то этот вопрос все же следует считать сомнительным до тех пор, пока не будут представлены оригинальные документы Муньоса.

Молчание современных документов о путешествии Веспуччи имеет еще большее значение в связи с тем, что существуют особые причины для существования таких документов, если путешествие действительно имело место. В 1508 году Диего Колон возбудил иск против испанской короны за управление определенной территорией, на которую он претендовал в силу открытия Парии его отцом, адмиралом. Судебный процесс продолжался до 1513 года, и корона приложила все усилия, чтобы доказать предыдущее открытие данного побережья; были допрошены сотни свидетелей, и их показания были сохранены и опубликованы в сборнике Наваррете. В этом иске Веспуччи не был вызван в качестве свидетеля, хотя большую часть времени он работал на короля, занимая должность *пилото майора* с 1508 года до своей смерти в 1512 году. Никаких претензий на его открытие не выдвигалось, хотя утверждается, что путешествие было совершено под покровительством короля, и, доказав его подлинность, корона достигла бы своей цели. Действительно, имя Веспуччи

упоминается только один раз во всех показаниях, и то в связи с тем, что он сопровождал Алонсо де Охеду в его путешествии 1499 года. Маловероятно, что ни один из многих допрошенных свидетелей не знал о путешествии Веспуччи в 1497 году, если оно действительно имело место. Свидетели не только молчали об экспедиции флорентийца, но многие из них, включая Охеду, утверждали, что Пария была впервые открыта Колумбом, а затем самим Охедой. Поскольку Веспуччи сопровождал Охеду, последний наверняка знал бы о любом предыдущем открытии Веспуччи, а поскольку Охеда не был дружелюбен к Колумбу, он наверняка сообщил бы об этом факте. Кроме того, Охеда в своем путешествии следовал картам и навигационным инструкциям адмирала, что вряд ли было бы сделано с таким опытным лоцманом, как Веспуччи, на борту, который уже посещал это побережье ранее. Правда, этот последний пункт имел бы мало значения, если бы побережье Парии не было регионом, посещенным Веспуччи, в то время как другие пункты были бы мало или вообще не затронуты теорией о том, что Северная Америка была исследованным побережьем. Ни одно другое испанское путешествие в новый регион не было упущено из виду; более того, чтобы полностью игнорировать экспедицию Веспуччи, нужно было бы предположить, что король не только точно знал, какой регион он исследовал, но и был твердо убежден, что этот регион полностью отличался от Парии; а мы видели, что в то время не было такого определенного мнения, а напротив, были предприняты особые усилия, чтобы доказать, что новые регионы были «одним побережьем». Если учесть, что путешествие Веспуччи, то есть путешествие Пинсона и Солиса, было упомянуто в показаниях, то отсутствие вызова пилот-майора выглядит еще более примечательным. Какого более эффективного свидетеля можно было бы привести? Таким образом, молчание свидетелей в этом процессе по обсуждаемому вопросу следует считать чем-то большим, чем просто отрицательным доказательством, как это называет М. Варнхаген. Этот господин также отмечает, что только один свидетель упоминает, что Веспуччи сопровождал Охеду в 1499 году, но он не отмечает, что присутствие Веспуччи на кораблях Охеды не имело никакого значения для обеих сторон в

иске, в то время как его предыдущее открытие имело огромное значение для короны.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАССМОТРЕНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ВЕСПУЧЧИ.

Дата отплытия из Кадиса указана в разных изданиях письма Веспуччи как 10 мая и 20 мая 1497 года, а дата его возвращения — как 1, 15 и 18 октября 1499 года. Из этих дат возникают две трудности: во-первых, в письме указано, что продолжительность путешествия составила восемнадцать месяцев, в то время как период между датами отплытия и возвращения составляет двадцать девять месяцев; во-вторых, известно, что Веспуччи отплыл с Охедой в мае 1499 года, то есть за пять месяцев до своего возвращения из упомянутого путешествия. Один из способов устранить первую трудность — предположить, что автор рассчитывал время по флорентийскому методу, который был тогда распространен в личной переписке и согласно которому год начинался 25 марта. Тогда, в случае вполне естественной опечатки в оригинале, где май заменен на март, путешествие действительно началось в 1498 году, и его продолжительность сократилась до девятнадцати месяцев. Более простой способ устранить обе трудности — предположить опечатку 1499 вместо 1498 года в качестве даты возвращения; это сократило бы время до семнадцати месяцев. В нескольких более поздних изданиях было внесено это изменение. Издание, которое М. Варнхаген считает оригинальным, содержит дату 1499 год в соответствии с его переводом, и, что странно, редактор не упоминает об этом в своих примечаниях, хотя в более ранней брошюре он говорит о 1498 году как о дате возвращения. Я придаю очень мало значения расхождению в датах в этом отношении, за исключением того, что они служат доказательством отсутствия у Веспуччи намерения обмануть.

Путаница в датах характерна для всех отношений того периода; а письма Веспуччи были написаны в спешке, не для публикации, а просто для того, чтобы заинтересовать своих корреспондентов описанием чудес, которые он видел в своих приключениях в Новом Свете. Здесь можно сказать, что долгий и ожесточенно обсуждаемый вопрос о соперничестве Веспуччи и Колумба в вопросе о названии Америки не имеет отношения к настоящему обсуждению. Нет никаких доказательств того, что данное путешествие оказало какое-либо влияние на выбор названия «Америка», и признание этой экспедиции неаутентичной не ослабляет репутацию Веспуччи как честного человека, которая в настоящее время может считаться полностью устоявшейся; аргументы против намеренной фальсификации со стороны Веспуччи также не доказывают аутентичность путешествия.

Несколько совпадений между описаниями этого путешествия и путешествия Охеды привели многих авторов к выводу, что оба описывают одну и ту же экспедицию, а даты были изменены случайно или намеренно. Гумбольдт, после тщательного изучения, пришел к выводу, что эти два путешествия были идентичными. Но если учесть, что Гумбольдт, Наваррете и Ирвинг сделали свои выводы, не подозревая о путешествии в Северную Америку и до того, как этот вопрос вообще возник; что Наваррете строго критикует рассказ Веспуччи в отношении путешествия Охеды; что два самых сильных совпадения — упоминание Парии как посещенного побережья и открытие города, построенного над водой, как Венеция — не имеют значения с точки зрения новой теории, поскольку провинция называется Лариаб в оригинальном издании, а такой метод строительства был нередким во всех тропических регионах Америки, то следует признать, что этот аргумент сам по себе не имеет большого веса против подлинности путешествия Веспуччи.

Право, предоставленное испанским правительством в апреле 1495 года частным лицам на совершение путешествий с целью открытий за свой счет при соблюдении определенных правил, было частично отменено в июне 1497 года, после заявленного отправления Веспуччи. Все авторитетные источники сходятся во мнении, что в это время такие частные путешествия или даже тайные экспедиции могли иметь место и, вероятно, имели место, но никаких записей об этом не сохранилось. Утверждается, что путешествие Веспуччи могло быть одним из таких, хотя и утверждается, что оно было совершено под покровительством короля и ни в коем случае не было тайным. Даже высказывается предположение, что отмена права на частное мореплавание, вызванная влиянием Колумба, была намеренно отложена до отправления Веспуччи — все это доказывает, если вообще что-то доказывает, просто то, что ничто не мешало Веспуччи совершить это путешествие.

Мы видели, как некоторые утверждения старых летописцев могут быть расценены как свидетельство путешествия вдоль побережья Центральной Америки, предшествовавшего путешествию Колумба. Аналогичные указания есть и на некоторых ранних картах. Так, карта Хуана де ла Коса, изображающая Кубу как остров в 1500 году (см. [стр. 115](#) этого тома), может быть объяснена таким путешествием, которое, по утверждению Веспуччи, он совершил. Далее будет показано, что на ранних картах есть некоторые следы знания о Флориде до ее открытия в 1512 году ([стр. 128-9](#) этого тома). На карте Руйша 1508 года ([стр. 126](#) этого тома) восточное побережье того, что, по-видимому, является Кубой, идентифицируется М. Варнхагеном с материком; по его мнению, надпись на северной оконечности этого побережья относится непосредственно к экспедиции Веспуччи, а «мыс С. Марчи» на южной оконечности может указывать на прибытие Веспуччи в день Святого Марка, тем более что его дядя был священником ордена Святого Марка. Если это кажется несколько натянутым, то, возможно, следует придать большее значение названию «мыс Доффин-де-Абриль» на южной оконечности того, что может быть Флоридой, на карте

Птолемя 1513 года (с. 130 этого тома), поскольку в конце апреля Веспуччи, согласно его рассказу, мог находиться в этой точке. По поводу этого раннего путешествия можно отметить, что Колумб, достигнув в 1502 году побережья острова Гуанаха в поисках прохода на запад, вместо того чтобы следовать на запад, как он естественно должен был бы сделать, по крайней мере до устья залива Гондурас (), повернул прямо на восток. Его действия можно объяснить тем, что он знал, что Веспуччи уже исследовал запад и север, не найдя прохода. Но они уже были удовлетворительно объяснены тем фактом, что он просто предложил плыть вдоль извилистых берегов предполагаемого южного побережья Азии до Индии, а не проникать на какой-либо промежуточный континент, о существовании которого он не подозревал.

ВЫВОДЫ О ПУТЕШЕСТВИИ ВЕСПУЧЧИ.

В дополнение к основным аргументам за и против данного путешествия, следует отметить следующие

второстепенные моменты:

Утверждается, что командование такой экспедицией не было бы поручено иностранцу, а Веспуччи стал натурализованным гражданином Испании только в 1505 году. Но с другой стороны, если бы Веспуччи не оказал Испании никаких других услуг, кроме сопровождения Охеды, он вряд ли получил бы столько благосклонности от правительства, особенно после четырех лет службы у короля Португалии.

Сеньор Наваррете считает сомнительным утверждение Веспуччи о том, что он привез в Испанию 222 раба на нескольких небольших судах, находившихся под его командованием. Веспуччи также упоминает Фердинанда как короля Кастилии, что не было принято делать до смерти Изабеллы.

Высокое мнение, которое Колумб и его ревностные друзья имели о Веспуччи при его жизни, не имеет большого значения, поскольку утверждение адмирала о том, что он открыл предполагаемый азиатский континент или прилегающие к нему острова, не вызывало сомнений; но благоприятные отзывы более поздних авторов, особенно Фернандо Колона, писавшего после того, как стало известно, что Америка отличается от Азии (), склоняют к тому, что флорентиец при жизни не претендовал на открытие в 1497 году. Тем не менее, публикация и распространение его письма на нескольких языках, не опровергнутого в течение многих лет, указывает на его подлинность, если только это не считать проявлением небрежности в отношении дат и деталей, поскольку они не противоречили утверждениям адмирала. Следует также помнить, что вторая, третья и четвертая экспедиции того же путешественника были оспорены, но в конце концов оказались подлинными.

М. Варнхаген применяет к Веспуччи и его людям известную традицию, переданную Саагуном и другими, о белых людях, которые появились в Пануко с востока до прихода испанцев. Он также предполагает, что Герреро, солдат, найденный Кортесом в Косумеле и считавшийся другими авторами выжившим вместе с Агиларом после кораблекрушения Вальдивии в 1512 году, был оставлен Веспуччи в Юкатане; но он не приводит никаких оснований для этого предположения, кроме того, что Герреро женился на одной из туземцев и перенял многие из их обычаев. Тот же автор считает гораздо более вероятным, что мыс Грасиас-а-Дьос был назван Веспуччи после долгого путешествия в поисках земли, а не Колумбом, который проплыл вдоль побережья несколько дней и взял его во владение; тем более что Колумб в своем письме просто упоминает о своем прибытии к мысу, а факт присвоения им названия мыса приводится из других источников.

События путешествия и описание побережья, посещенного Веспуччи, приведенные в его письме, не дают никаких доказательств в пользу или против подлинности экспедиции; но если исходить из внешних свидетельств, что путешествие действительно имело место и отличалось от путешествия Охеды, то, хотя в повествовании нет ничего, кроме упоминания названия Пария в пользу южноамериканского направления, из него можно извлечь следующие моменты в поддержку теории, что было исследовано более северное побережье. Курс плавания от Канарских островов: W. $\frac{1}{4}$ SW; время в пути — тридцать семь дней; расстояние — 1000 лиг, если взять за меру расстояние от Лиссабона до Канарских островов, равное 280 лигам; широта места высадки 16° , долгота 75° к западу от Канарских островов; а прибытие путем плавания вверх по побережью в провинцию, расположенную примерно в 23° и близ тропика Рака, заслуживает внимания, поскольку серия таких ошибок вряд ли вероятна. Коренные жители Лариаба говорили на другом языке и были враждебно настроены по отношению к народам, проживавшим южнее, как, например, хуастеки из региона Пануко по отношению к мексиканцам. Кроме того, Лариаб в некоторой степени может считаться хуастекским словом, поскольку Орозко-и-Берра приводит три названия мест на этом языке, содержащих букву *l* и оканчивающихся на *ab*; но, конечно, это серьезно противоречит теории, что Лариаб является опечаткой слова Кария. Описание Веспуччи коренных жителей, которое Наваррете критикует как неверное в отношении народа Парии, по мнению М. Варнхагена, лучше подходит к аборигенам Гондураса. Другие части неясных и бессвязных описаний Веспуччи вполне подходят к североамериканским побережьям или, по сути, к любой части тропической Америки, северной или южной.

Однако применение этого описания к Северной Америке не обходится без трудностей. Веспуччи не упоминает Антильские острова, через которые, должно быть, пролегал его курс; возможно, он не видел их из-за тумана, или же ему было дано указание не заниматься тем, что уже открыл адмирал. Он также ссылается на более обширную работу, которая так и не была опубликована, в которой должны были быть приведены подробности. Он также не упоминает выдающиеся полуострова Юкатан и Флорида, ни высокие горные вершины, которые он, естественно, должен был бы увидеть, следуя вдоль мексиканского побережья. Он утверждает, что от Пануко проплыл на северо-запад 870 лиг (по суше?) до лучшей гавани в мире. М. Варнхаген объясняет эту трудность тем, что Веспуччи просто вскользь упоминает, что он покинул Пануко «*tuttavia verso il Maestrale*», все еще направляясь на северо-запад, не намереваясь включать в этот курс все путешествие длиной 870 лиг. Чтобы составить расстояние в 870 лиг между Пануко () и мысом Каньяверал, необходимо учесть все изгибы побережья и входы и выходы из многих портов или рек; и последний порт вряд ли можно считать «лучшей гаванью в мире», разве что при большом напряжении воображения или если быть мореплавателем, мало знакомым с хорошими гаванями. Архипелаг Ити обычно считается Гаити, но, вероятно, нет никаких оснований для такой идентификации, кроме сходства названий. Бермудские острова, когда их открыли в 1522 году, были необитаемы, но это не доказывает, что они всегда были такими; испанцы могли вернуться и захватить людей в рабство. В действительности Бермудские острова могли быть архипелагом Сан-Бернардо, известным своим свирепым карибским населением, но обычно расположенным у залива Ураба. Возможно, он даже был назван Веспуччи, поскольку в день Сан-Бернардо, 20 августа, он, вероятно, был там.

Таким образом, я привел, и надеюсь, без предвзятости, аргументы за и против этого спорного путешествия; и на основании этих доказательств читатель может сделать свои собственные выводы. Мне доказательства кажутся убедительными, что Веспуччи не совершал путешествий в Южную Америку до 1499 года, когда он сопровождал Альфонсо де

Охеда (). Доводы против североамериканской экспедиции, хотя и менее убедительные, все же очень весомы, поскольку в ее пользу можно утверждать лишь вероятность того, что побережье Центральной Америки было посещено каким-то мореплавателем до 1502 года, и возможность, хотя и весьма малую, того, что Веспуччи сопровождал такое плавание.

Об этом путешествии см. *Navigatium Alberici Vesputii Epitome*, в *Grynæus, Novus Orbis*, стр. 122, 155; *Varnhagen, Le Premier Voyage de Vespucci*; Id., *Vespuce et son Prem. Voy.*; а также в *Société Géog., Bulletin*, январь и февраль 1853 г.; *Harrisse, Bib. Am. Vet.*, стр. 58-68, и *Additions*, стр. xxvii-viii.; *Lester and Foster's Life of Vesputius*, стр. 93-139; *Leben der See-Helden*, стр. 24; *Наваррете, Col. de Viages*, т. III, стр. 183-241, 291-3, 309-34; *Ирвинг, Колумб*, т. III, стр. 395-418; *Гумбольдт, Exam. Crit.*, т. IV, v.; *Мейджор, Принц Генрих*, стр. 370-5; *Керр, «Col. Voy.»*, т. III, стр. 342; *«Eerste Zee-Togt van Alonso D'Ojeda, en Amerikus Vesputius»*, в *Гомффрид, «Reysen»*, т. III, стр. 38; *Канчеллиери, «Notizie di Colombo»*, стр. 41-7, 257.

КАБОТ И ВАСКО ДА ГАМА.

[1497 г.] Продолжим наше хронологическое изложение. Вслед за блестящим успехом Испании Англия стала первой страной, которая предприняла попытку открытий на западе. Полностью ознакомившись с достижениями и гипотезами Колумба и будучи практически убежденным им принять его убеждения, король Генрих VII 5 марта 1496 года выдал лицензию Джону Каботу, венецианскому гражданину и торговцу из Бристоля, на попытку открытий в этом направлении.

Либо из уважения к правам Португалии и Испании на юге, либо из-за некоторых неопределенных намеков, полученных от северян во время их торговых путешествий в Исландию, либо, возможно, из-за смутного представления о преимуществах плавания по большому кругу, англичане решили попытаться достичь Индии северным путем. Экспедиция Кабота, состоявшая, вероятно, из нескольких судов, отплыла из Бристоля, по-видимому, в мае 1497 года; 24 июня открыла землю на побережье Лабрадора между 56° и 58°; проплыла около 300 лиг в неизвестном направлении, но, вероятно, на север; и одно судно, «Мэтью», вернулось в Бристоль в августе того же года. Более подробных сведений о путешествии не известно, а те, что имеются, — выводы Гумбольдта, Коля и Стивенса — оспариваются в отношении даты, командира и места высадки. Д'Авесак, как мы видели ([с. 98-9](#)), настаивает на более раннем путешествии в 1494 году. Биддл, «*Мемуары Себастьяна Кабота*», Лондон, 1831, стр. 42 и далее, утверждает, что Себастьян Кабот был командиром. Робинсон, «*Отчет об открытиях на Западе*», Ричмонд, 1848, стр. 81-93, объясняет, что в связи с изменением метода исчисления времени после 1752 года дата должна правильно читаться как 1498 год. Кроме того, многие авторы путают это путешествие с более поздним. «*Путешествия*» Хаклюита, т. III, стр. 4-11; «*Открытия*» Гальвано, стр. 87-9; «*Малые путешествия*» в *Наваррете*, т. III, стр. 40-1. Ирвинг, «*Колумб*», т. II, стр. 316, упоминает только одно путешествие, а « » считает эти описания «расплывчатыми и скудными». См. также *Гумбольдт, «Exam. Crit.»*, т. I, стр. 279, 313; *Hakluyt Soc., «Divers Voy.»*, стр. lxviii., 19-26; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 121-35; *Kunstmann, Entdeckung Am.*, стр. 48-53; *Stevens' Notes*, стр. 17-19; *Pinkerton's Col. Voy.*, т. XII, стр. 158; *Bancroft's Hist. U. S.*, т. I, стр. 13.

Португальцы, чтобы завершить открытие пути в Индию через мыс Доброй Надежды (), отправили Васко да Гаму с четырьмя кораблями. Отплыв из Лиссабона 8 июля 1497 года, он обогнул мыс Доброй Надежды 22 ноября, 17 декабря преодолел пределы, достигнутые Диашем, получил информацию о Престере Иоанне в нескольких точках восточного побережья и 20 мая 1498 года бросил якорь в Каликуте. Проведя некоторую торговлю, ревнуя всех, поссорившись с арабскими купцами и не сумев осуществить свои произвольные

меры, он счел лучшим вернуться. Соответственно, он отплыл 29 августа, миновал мыс 20 марта 1499 года и достиг Лиссабона примерно в конце августа. Таким образом, Гама был первым, кто достиг великой цели стольких усилий и достиг Индии по морю. Его достижение, несомненно, было бы признано самым славным в истории, как для него самого, так и для Португалии, если бы Колумб не достиг того же континента, как он полагал, несколько лет назад, еще дальше на восток. *Navigazione di Vasco di Gama*, в *Ramusio*, том I, лист 130; *Discov. Гальвано*, стр. 93-4; *Navarrete, Col. de Viages*, том I, стр. xli.-ii.; *Major's Prince Henry*, стр. 391-406; *Voyages, Curious and Entertaining*, стр. 103; *Leben der See-Helden*, стр. 40; *Notizie di Vasquez di Gama*, в *Cancellieri, Notizie*, стр. 165.

[1498.] После возвращения Каботов в августе 1497 года с новостью об открытии северных регионов Китая король Генрих выдал новый патент от 3 февраля 1498 года, и, вероятно, в мае того же года два корабля с 300 людьми на борту отплыли из Бристоля под командованием Себастьяна Кабота. О путешествии мало что известно, кроме того, что он достиг побережья Лабрадора, которое он следовал на север до определенной точки, где побережье поворачивает на восток, и где он обнаружил много льда даже в июле. Эта северная граница расположена, по Рамузио, на широте 56°; по Гомаре, который утверждает, что сам Кабот указывает гораздо более высокую широту, на 58°; по Гальвано, выше 60°. Коль следует за Гумбольдтом в мнении, что это была 67° 30', что поместило бы его на полуострове Камберленд. Затем Кабот повернул на юг и плыл как можно ближе к берегу. Южная граница этого путешествия более неопределенна, чем северная. В беседе с Питером Мартиром до 1515 года Кабот заявил, что он достиг широты Гибралтара, а летописец добавляет, что он плыл так далеко на запад, что Куба осталась у него слева. Замечание Кабота помещает его на широте 36°, недалеко от мыса Хаттерас, в то время как добавление Мартира может относиться к любой местности на восточном побережье. Заявление Мартира является единственным основанием для предположения Гумбольдта и других (см. *Exam. Crit.*, том I, стр. 313, и предисловие к Ghillany), что Кабот достиг Флориды. Стивенс в своих *замечках* (стр. 17-19 и 35) считает замечание Петра Мартира абсурдным, поскольку оно помещает Кабота вблизи Цинциннати. Он убежден, что южной границей был залив Святого Лаврентия, основываясь на картах 1500 года (см. [стр. 115](#) этого тома) и 1508 года ([стр. 126](#) этого тома), 1514 года и 1544 года, последняя из которых, как говорят, была составлена самим Каботом. То, что Кабот не достиг южного побережья Соединенных Штатов, подтверждается тем фактом, что с 1513 по 1524 год он находился в Испании, занимая высокие должности, в том числе пилото-майора, в то время как это побережье фактически исследовали, и он не заявлял о своем предыдущем открытии. Таким образом, место достижения остается неопределенным между мысом Хаттерас, где его фиксирует Коль, и заливом Святого Лаврентия, причем, на мой взгляд, с большой вероятностью в пользу последнего. Ничего не известно о маршруте или дате возвращения Кабота. И следует помнить, что в отношении этого путешествия у нас есть только один современный документ, а именно письмо от 1498 года, в котором просто говорится, что экспедиция все еще отсутствует. Все дополнительные подробности взяты из отчетов, написанных после того, как география Нового Света стала лучше известна в результате открытия Южного моря. Таким образом, ничего не может быть доказано путешествиями Кабота, кроме открытия континента в июне 1497 года и исследования побережья от залива Святого Лаврентия до 60° в 1498 году. Утверждение Ашера в книге «Жизнь Генри Хадсона» (Лондон, 1860), что Кабот «первым признал, что новый и неизвестный континент лежал как огромный барьер между Западной Европой и Восточной Азией», принятое также Колем в «Истории открытий» (с. 145), представляется мне совершенно безосновательным. Жалоба Кабота на то, что новооткрытая земля — то есть земля, расположенная дальше на север и

восток, чем любая часть Азии, описанная Поло, — была преградой на его пути к Индии, а также тот факт, что на карте, составленной в 1544 году и сомнительно приписываемой ему, был показан отдельный континент, кажутся слабым основанием для признания ему столь важного открытия, особенно когда другие путешественники и географы, близкие с ним и хорошо знакомые с его открытиями, в течение многих лет продолжали присоединять эти открытия к азиатскому континенту. См., помимо ссылок на [стр. 107](#), *Temp Maritum*, dec. iii. cap. vi.; *Гомара, Hist. Ind.*, fol. 31, 115; *Робертсон, Hist. Amer.*, книга ix.; *American Antiq. Soc., Transact.*, 1865, стр. 25 и далее; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 135-46, 481; *Stevens' Notes*, стр. 35, 52; *Kunstmann, Entdeckung Am.*, стр. 53-4.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КОЛУМБА.

Вернувшись из своего второго путешествия, Колумб обнаружил, что его популярность снизилась, а вместе с ней и энтузиазм по поводу новых открытий. Путешествие не принесло прибыли, не было достаточно плодотворным с точки зрения добычи золота, чтобы удовлетворить сопровождавших его авантюристов, а мрачные лица моряков более чем нивелировали эффект от выставленных образцов местных продуктов. Поэтому было трудно найти людей для нового предприятия. Тем не менее, несмотря на доклады его многочисленных врагов, адмирал был внимательно принят при дворе, и в конце концов, благодаря усилиям королевы, было подготовлено шесть кораблей, и 30 мая 1498 года Колумб отплыл из Сан-Лукара в третье плавание. На этот раз он решил направиться дальше на юг, чем раньше, чтобы, как он полагал, достичь более богатых частей Азии. Зайдя на Мадейру, Порту-Санту и Канарские острова, он разделил свой флот, отправил три корабля прямо на Эспаньолу, а с тремя другими 27 июня достиг островов Зеленого Мыса. Оттуда он сначала поплыл на юго-запад и запад через область тропического штиля, а затем на север к острову Тринидад, куда прибыл 31 июля. Обогнув остров с юга, в поле зрения материка, он вошел в залив Пария, высадился на берег и нашел много золота низкого качества и большое количество жемчуга; из-за этого обстоятельства эта земля, которая была северной оконечностью Южной Америки, в течение некоторого времени после этого была известна как Жемчужное побережье. Пройдя 14 августа через Бока-дель-Драго, он следовал по северному побережью Парии до острова Кубагуа, начав между тем подозревать, что земля слева от него была материком Азии. Плохое здоровье и состояние его запасов не позволили ему в то время убедиться в этом, и в результате он повернул курс на северо-запад к Эспаньоле. 30 августа он прибыл к устью реки Озема, где встретил своего брата Бартоломе, который сообщил ему о внутренних раздорах и внешних войнах колонистов. Франциско Ролдан отказался подчиниться власти адмирала, и 18 октября пять кораблей были отправлены в Испанию с известием о восстании. При этом отправлении Колумб послал письма и карты с описанием этого Жемчужного побережья, как называли его нынешние южноамериканские открытия, которые приносили так много драгоценных камней. В течение всего следующего года мир среди колонистов поддерживался только благодаря самым унижительным уступкам Колумба Рольдану и его команде. 5 сентября 1499 года Алонсо де Охеда прибыл на Эспаньолу с Жемчужного побережья, куда он отправился, чтобы воспользоваться открытиями и несчастьями адмирала.

В октябре в Испанию были отправлены корабли, груженные жалобами Колумба и против него; нуждающиеся, амбициозные придворные склонили короля Фердинанда против него; из-за его настойчивой поддержки работоторговли индейцами дружба его покровительницы, королевы Изабеллы, стала холодной (); и в июле 1500 года Франциско де Бобадила был отправлен на Эспаньолу с полномочиями провести расследование. Прибыв в Санто-Доминго 23 августа, комиссар сразу же взял на себя власть, которая в лучшем случае принадлежала

ему только после тщательного и добросовестного расследования, арестовал Колумба и его брата и в октябре отправил их в кандалах в Испанию. *Колон, Hist. del Almirante*, в *Barcia*, том I, стр. 74-99; *Пемп Мученик*, dec. i. cap. vi.-vii.; *Tercer Viage de Cristobal Colon*, в *Navarrete*, том I, стр. 242-76; *Napione* и *De Conti, Biografia di Colombo*, стр. 350-75; *Cancellieri, Notizie di Colombo*, стр. 99-108, где приводится письмо Колумба, полученное в Испании в декабре 1498 года, но, по-видимому, не напечатанное в то время.

Во время этого третьего путешествия, находясь в районе залива Пария, новый взгляд на форму Земли заполнил ум великого мореплавателя, разгоряченный болезнью и тревогой. Мир действительно был в основном сферическим, как и предполагалось, но в этой большой центральной области на экваторе он полагал, что поверхность постепенно поднимается на большую высоту, придавая Земле форму груши с земным раем, или местом рождения человека, на ее вершине, а посещенные им воды и острова находились на границах этой возвышенной части. Нет необходимости перечислять природные явления, научные труды и тексты священных писаний, с помощью которых он подтверждал свою теорию. В своем безумном энтузиазме он оставляет нас в некоторой неопределенности относительно своего представления о положении этой новой области по отношению к собственно Индии и тем частям Азии, которые он обнаружил в предыдущем путешествии дальше на север. Если бы он предполагал, что это просто южное продолжение Азии Марко Поло, он впоследствии не искал бы пролива или прохода в Индию к северу, а не к югу от этой точки. Успешное плавание Гама вокруг Африки не позволило Колумбу возродить в своем сознании старую теорию Птолемея, согласно которой Африка простиралась на восток и север, окружая Индийский океан как огромный залив. Идея адмирала, насколько он сформировал определенное мнение по этому вопросу, должна была заключаться в том, что это был большой остров или отделенная часть азиатского континента, занимающая почти такое же относительное положение, как и австралийский архипелаг, и лишь смутно включенная, если вообще включенная, в древние или средневековые знания о Дальнем Востоке. Никакого другого вывода нельзя было сделать из его писем и последующих действий; и мы увидим, что такая идея географии этих мест часто повторяется в последующие годы. Мы также увидим, насколько несчастлив для посмертной славы великого первооткрывателя в вопросе наименования западного мира было то, что он не уточнил более четко свое представление об этой новой земле (), поскольку я полагаю, что это было первое подозрение о существовании новых земель значительных размеров, и что его отчет об этом и о своем четвертом путешествии не получил более широкого распространения в печати.

[1499.] Открытие Жемчужного побережья, о котором стало известно в Испании в декабре 1498 года, привело к отправке нескольких экспедиций в следующем году. Это были торговые, а не исследовательские путешествия, и их командиры не задумывались о космографии, мало заботясь о том, было ли Пария земным раем или адскими пределами, главное, чтобы там было много жемчуга, золота и рабов. Никаких связанных между собой дневников этих путешествий не сохранилось, и наши знания о них происходят из заявлений ранних историков и из показаний в знаменитом судебном процессе с наследниками Колумба, напечатанных в сборнике Наваррете.

НЕБОЛЬШИЕ ЭКСПЕДИЦИИ.

Первой была экспедиция Алонсо де Охеды, который благодаря влиянию епископа Фонсеки, злейшего врага адмирала, получил поручение посетить Жемчужное побережье, избегая, однако, земель, открытых португальцами и Колумбом до 1495 года. В компании с Хуаном де ла Коса и Америго Веспуччи Охеда отплыл на четырех судах из Санта-Марии, недалеко от Кадиса, 20 мая 1499 года. Плывая по картам адмирала, он зашел на Канарские острова и через двадцать четыре

дня достиг материковой части Южной Америки между 3° и 6° северной широты — это согласно свидетельству Охеды в « »; но в рассказе Веспуччи о том, что, вероятно, было тем же самым путешествием, они сначала попадают на континент южнее. Это утверждает Варнхаген в работе «*Examen de quelques points de l'histoire géographique du Brazil*» (Париж, 1858), считая это первым открытием Бразилии. Проплыв 200 лиг вдоль побережья на северо-запад без высадки на берег, но обнаружив две великие реки Эссекебо и Ориноко, они высадились на острове Тринидад, первом обитаемом побережье, к которому они причалили, где они торговали жемчугом и нашли следы адмирала, который предшествовал им. Выйдя через Бока-дель-Драго, следуя по побережью Парии до Перлового залива, или Курианы, высадившись на острове Маргарита, бросив якорь в бухте Корсариос, они продолжили путь от порта к порту до Чичиривичи, где вступили в бой с туземцами и провели двадцать дней в ближайшем порту. Затем Охеда посетил Кюрасао и Венесуэльский залив, где был обнаружен город, построенный над водой, как Венеция. 24 августа он открыл озеро Маракайбо, а затем следовал по побережью на запад до мыса де ла Вела, откуда 30 августа направился к Эспаньоле, куда, как мы уже видели, прибыл 5 сентября 1499 года. В конце концов он вернулся в Испанию в середине июня 1500 года, и путешествие принесло лишь небольшую прибыль. *Navarrete, Col. de Viages*, т. III, стр. 4-11 и 543-5; *Майор, Принц Генрих*, стр. 367-9; *Гумбольдт, Exam. Crit.*, т. IV, стр. 195, 220; *Овьедо, Hist. Gen.*, т. I, стр. 76.

Вторая небольшая экспедиция в Южную Америку была организована Педро Алонсо Ниньо и Кристобалем Герра и по своей цели была схожа с экспедицией Охеды. Через несколько дней после отправления Охеды они отплыли из Палоса на одном корабле с тридцатью тремя людьми и достигли материка дальше на север, примерно на пятнадцать дней позже Охеды. Они торговали на побережье Кумана в течение трех месяцев, их западной границей была область Чичиривичи, 13 февраля 1500 года они отправились домой и примерно в середине апреля прибыли в Испанию с большим количеством жемчуга. *Петр Мученик*, dec. i. cap. viii.; *Gomara, Hist. de las Indias*, fol. 98; *Navarrete, Col. de Viages*, том ii. p. 147; том iii. pp. 11-18, 542; *Irving's Columbus*, vol. iii. p. 37-42; *Humboldt, Exam. Crit.*, том iv. p. 220.

Третьей экспедицией этого года была экспедиция Висенте Яньеса Пинсона, который в 1492 году командовал кораблем под началом Колумба. Отплыв в начале декабря 1499 года из Палоса с флотом из четырех кораблей, он пересек экватор и 20 января — Питер Мартир говорит, что 26 января, а Ирвинг — 28 января — открыл землю на 8° южной широты, у мыса Святого Августина, который он назвал Санта-Мария-де-ла-Консоласьон. Варнхаген в «*Examen*» (с. 19–24) выражает сомнения относительно места, где Пинсон впервые высадился на берег, и считает вполне вероятным, что это был какой-то мыс дальше на север. От этого места, где бы оно ни находилось, Пинсон следовал вдоль побережья на север, заходя в различные места, открыл Амазонку и в свое время достиг залива Пария. Оттуда он проплыл через Бока-дель-Драго, прибыл на Эспаньолу 23 июня и вернулся в Испанию в сентябре 1500 года. Это путешествие было столь же катастрофическим, сколь прибыльным было предыдущее. Петр Мученик утверждает в главе ix, что Пария считалась частью Азии за Гангом. См. также *De Navigatione Pinzoni Socii Admirantis, et de rebus per eum repertis*, в *Grynæus, Novus Orbis*, стр. 119; *Navarrete, Col. de Viages*, том III. стр. 18-23; *Major's Prince Henry*, стр. 369; *Humboldt, Exam. Crit.*, том i. стр. 313-14; том iii. стр. 221.

Здесь приводится рассказ Америго Веспуччи о втором путешествии, совершенном совместно с другими на службе у короля Испании. Отправившись в мае 1499 года — в некоторых изданиях его писем указан 1489 год — из Кадиса и задержавшись на Канарских островах, он в течение девятнадцати дней плыл на юго-запад, проплыв за это время 500 лиг до точки на материке на широте 5° южной широты — из-за неверного прочтения оригиналов некоторые

редакторы пишут, что он проплыл 800 лиг и достиг широты 8° — где дни и ночи равны 27 июня, когда солнце входит в знак Рака. Оттуда он проплыл 40 лиг на восток, затем на северо-запад до красивого острова с удобной гаванью; и еще восемьдесят лиг до безопасной гавани, где он пробыл семнадцать дней и собрал много жемчуга; оттуда в другой порт; затем на остров в пятнадцати лигах от материка; и снова на другой остров, который назывался Гигантес, где были взяты пленники; затем в прекрасную бухту, где корабли были переоборудованы; и, наконец, после сорока семи дней в этом последнем месте они отплывают в Антилью, то есть Эспаньолу. Два месяца и два дня провели в Антилье, откуда 22 июля отплыли в Испанию и 8 сентября 1500 года достигли Кадиса. *De Secundariæ Navigatinis Cursu*, латинский текст и испанский перевод письма Веспуччи в *Navarrete, Col. de Viages*, т. III, стр. 242-62.

Никто никогда не утверждал, что Веспуччи пытался совершить открытия в 1499 году в качестве главного командира. Описанное им путешествие, без сомнения, принадлежит Пинсону или Охеде, хотя Д'Авесак в *Bulletin de la Soc. Géog.* отождествляет его с путешествием Лепе. Гумбольдт, *Exam. Crit.*, том IV, стр. 200 и далее, сравнивая детали, приходит к выводу, что это было путешествие Пинсона, и тем же методом он заключает, что первое путешествие Веспуччи было под командованием Охеды. Поскольку в обоих случаях сходства незначительны; поскольку известно, что Веспуччи сопровождал Охеду; поскольку он был бы вынужден вернуться в Испанию раньше Охеды в июне 1500 года, чтобы отплыть с Пинсоном в декабре 1499 года; и поскольку Веспуччи описывает астрономическое явление, которое, как признает Гумбольдт, не могло иметь место во время путешествия Пинсона, я склонен принять общепринятое мнение, что описанное путешествие принадлежит Охеде. «Теперь нет никаких сомнений в том, что путешествие Веспуччи в 1499 году было идентично путешествию Охеды». *Major's Prince Henry*, стр. 370; *Varnhagen, Exam.*, стр. 1-19. Наваррете и Ирвинг подразумевают, что это было единственное путешествие, совершенное Веспуччи для испанской короны. Как бы то ни было, для целей данного краткого изложения этот вопрос не имеет большого значения, поскольку не существует спорных моментов географического значения, связанных с двумя торговыми путешествиями, одно из которых Веспуччи пытается описать; а если бы и были, то его рассказ в различных формах, в которых он существует, настолько полон ошибок, что он мог бы пролить лишь небольшой свет на этот вопрос.

Четвертой небольшой экспедицией этого года была экспедиция Диего де Лепе, который отплыл менее чем через месяц после Пинсона, то есть в конце декабря 1499 года, на двух судах. Прибыв к материку ниже мыса Святого Августина, он наблюдал юго-западное направление побережья ниже этой точки, но о его путешествии вдоль берега ничего не известно, кроме того, что он достиг Жемчужного побережья. До 5 июня он вернулся в Испанию. *Наваррете, Col. de Viages*, т. III, стр. 23-4, 553-5; *Гумбольдт, Exam. Crit.*, т. I, стр. 314-15; т. IV, стр. 221-2.

В мемуарах Биддла о Себастьяне Каботе, стр. 91 и далее, есть несколько разрозненных упоминаний о новой экспедиции Каботов в 1499 году, направленной на этот раз в тропические регионы. Они не являются достаточными, чтобы сделать вероятным совершение такого путешествия, хотя Охеда сообщил, что он обнаружил нескольких англичан, плавающих по Жемчужному побережью. *Viages Menores*, в *Наваррете*, т. III, стр. 41; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 145.

[1500.] В этом году Кристоаль Герра совершил второе путешествие к Жемчужному побережью, которое увенчалось некоторым успехом, и вернулся в Испанию до 1 ноября 1501 года. *Наваррете, Col. de Viages*, т. III, стр. 24-25. Испания также готовилась к исследованию северных земель, открытых Каботами, но без каких-либо известных результатов. *Пешель, Geschichte der Entd.*, Штутгарт, 1858, стр. 316; *Наваррете, Col. de Viages*, том III, стр. 41-46; *Biddle's Mem. Cabot*, стр. 236; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 192-3. В *Diccionario Universal, Apénd.*, статья «Viages», с. 805, упоминается путешествие Алонсо Велеса де Мендосы на двух судах к Жемчужному побережью. Источники не указаны.

В год после возвращения Гамы из его успешного путешествия в Индию Педро Альварес Кабрал был назначен командующим тринадцатью хорошо вооруженными кораблями и отправлен для установления торговых отношений с новыми странами, которые теперь стали доступны для португальских предпринимателей. Кабрал отплыл из Лиссабона 9 марта 1500 года; тринадцать дней спустя он оставил позади себя острова Зеленого Мыса, следуя курсом на юго-запад. Неизвестно, был ли он вынужден двигаться в этом направлении из-за штормов, хотел ли он избежать штилей у побережья Гвинеи или же надеялся достичь какой-либо части недавно открытых испанцами регионов. Однако несомненно, что, несмотря на то, что он отплыл в Индию, 22 апреля (Гумбольдт говорит, что в феврале) он оказался на побережье Бразилии примерно на 10° южной широты, оставив промежуток, вероятно, около 170 лиг между этой точкой и южной границей Лепе и Пинсона. Оттуда он поплыл на юг, 1 мая официально взял в владение землю в Порту-Сегуру () и назвал эту страну Вера-Круз, которое вскоре стало Санта-Круз. Кабрал немедленно отправил Гаспара де Лемоса на одном из кораблей обратно в Португалию с отчетом и картой новых открытий. Оставив двух заключенных с туземцами этого побережья, Кабрал 22 мая продолжил свое путешествие в Индию. У мыса Доброй Надежды он потерял четыре судна, на одном из которых находился Бартоломеу Диаш, первооткрыватель мыса, и 13 сентября достиг Каликута. На обратном пути он встретил у Кабо-Верде флот, на борту которого, как предполагается, находился Америго Веспуччи, и 23 июля 1501 года прибыл в Лиссабон. *Navigation del Capitano Pedro Alvares*, в *Ramusio*, т. i. fol. 132-9; *Purchas, His Pilgrimes*, т. i. книга ii. стр. 30-1; *Cancellieri, Notizie di Colombo*, стр. 48-9; *Navarrete, Col. de Viages*, т. iii. стр. 45-6, 94-101; *Гумбольдт, Exam. Crit.*, том I, стр. 315; том IV, стр. 223; том V, стр. 53, 61.

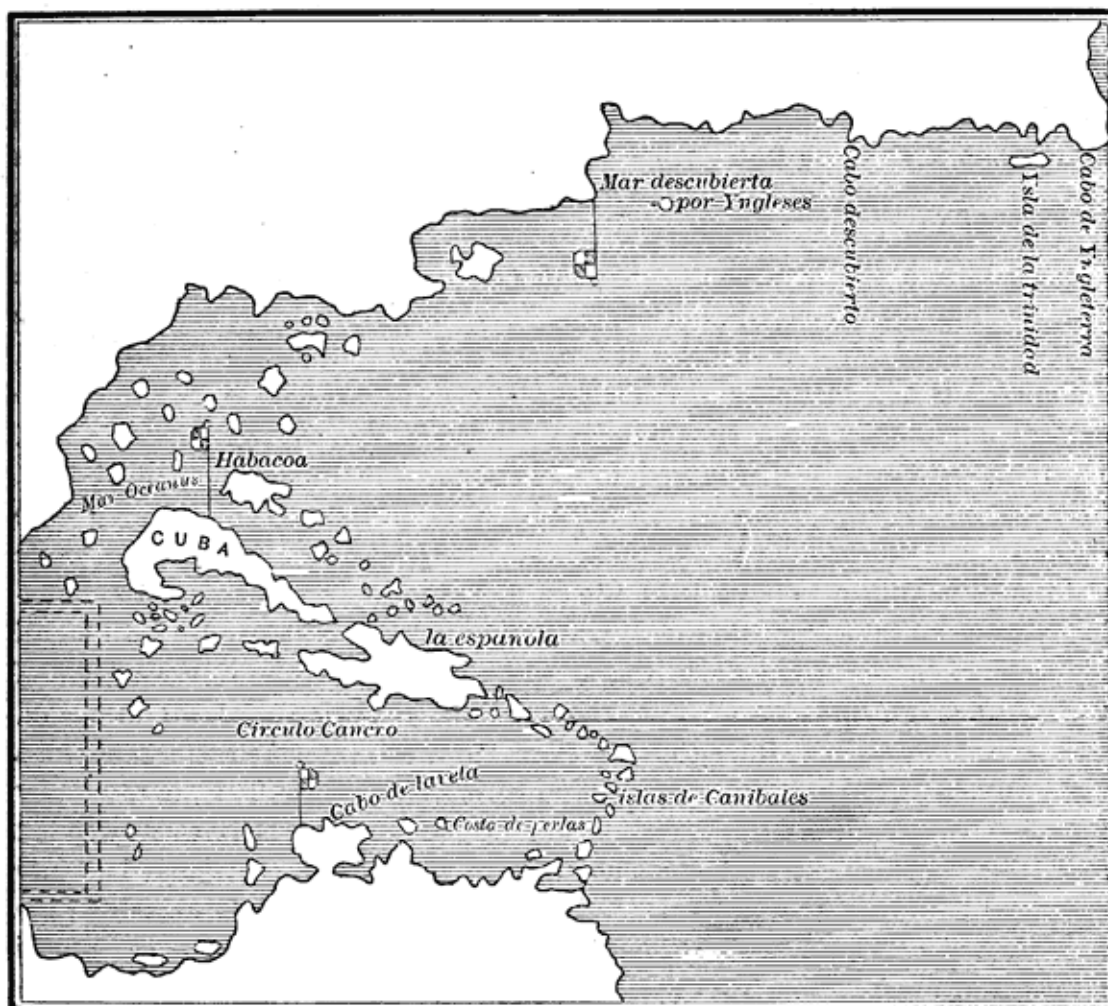
Португальцы не упускали из виду север, делая свои важные открытия на юге. Вероятно, весной 1500 года под командованием Гаспара Кортереала были отправлены два судна. Ни дневников, ни карт этого путешествия не сохранилось, поэтому о его целях и результатах

известно очень мало. Еще более туманным является предыдущее путешествие, которое Кордейро приписывает Жоау Вазу Кортереалу, отцу Гаспара, примерно в то же время, что и путешествие Колнотто, которое, по мнению Кунстмана, «требуется дополнительных доказательств». Зайдя на Азорские острова, Гаспар Кортереал, возможно, следуя картам Кабота, достиг побережья Ньюфаундленда к северу от мыса Рэйс и, плывя на север, открыл землю, которую он назвал Terra Verde (), возможно, Гренландию, но был остановлен льдом у реки, которую он назвал Rio Nevado, местонахождение которой неизвестно. Кортереал вернулся в Лиссабон до конца 1500 года. *Канчеллиери, Notizie di Colombo*, стр. 48-9; *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 57; *Гальвано, Discov.*, стр. 95-6; *Мейджор, Prince Henry*, стр. 374; *Коль, Hist. Discov.*, стр. 166-8, 174-7. Биддл, *Mem. Cabot*, стр. 137-261, считает, что Кортереал высадился к югу от мыса Рэйс; Гумбольдт, *Exam. Crit.*, том IV, стр. 222, придерживается мнения, что Терра-Верде не была Гренландией.

В октябре того же года Родриго де Бастидас отплыл из Кадиса на двух судах. Прибыв к берегам Южной Америки вблизи острова Исла-Верде, расположенного между Гуадалупе и материком, он проследовал вдоль побережья на запад до Эль-Ретрете, или, возможно, Номбре-де-Дьос, на перешейке Дариен, примерно в 9° 30' северной широты. На обратном пути он потерпел кораблекрушение у Эспаньолы в конце 1501 года и достиг Кадиса в сентябре 1502 года. Поскольку это было первое достоверное путешествие европейцев на территорию, определяемую здесь как Тихоокеанские штаты, известные события будут приведены ниже. Ссылки на это путешествие см. в *Oviedo, Hist. Gen.*, том. i. p. 76; том. ii. p. 334, где указана дата 1502 год; *Gomara, Hist. Ind.*, fol. 67, дата путешествия также 1502 год; *Viages Menores*, в *Navarrete*, том III, стр. 25-8, 545-6; *Herrera, Hist. Gen.*, dec. i. lib. iv. cap. xi.; *Galvano's Discov.*, стр. 99-100, дата путешествия 1503 год; *Humboldt, Exam. Crit.*, том i. стр. 360-1; том iv. стр. 224; *Voyages, Curious and Ent.*, стр. 436; *Churchill's Col. Voy.*, том viii. стр. 375; *Harris' Col. Voy.*, т. i. стр. 270; *Major's Prince Henry*, стр. 369-70; *Asiento que hizo con sus Majestades Católicas Rodrigo de Bastidas*, в *Pacheco и Cárdenas, Col. Doc. Inéd.*, т. ii. стр. 362-467; *Robertson's Hist. Am.*, т. i, стр. 159; *Quintana, Vidas de Españoles Célebres*, «Balboa», стр. 1.

САМЫЕ РАННИЕ СОХРАНИВШИЕСЯ КАРТЫ.

Из множества рукописных карт и схем, составленных мореплавателями до этого времени, ни одна не сохранилась. Однако в 1500 году карта мира была составлена опытным лоцманом Хуаном де ла Коса, который плавал с Колумбом во время его второго путешествия и сопровождал Алонсо де Охеду на Жемчужном побережье. Она хранится в Королевской библиотеке в Мадриде и с удивительной ясностью показывает все открытия, сделанные до того времени. Нарисованная красками и золотом на бычьей коже в масштабе пятнадцать лиг на градус, она показывает параллели Гибралтара и Парижа, а также экватор и тропик Рака, и имеет шкалу вверху и внизу. *Заметки Стивенса*, стр. 16. Гумбольдт впервые опубликовал копию американской части, а затем весь атлас или его части были опубликованы или описаны в *Lelewel, Géog. du moyen âge*, том. ii. стр. 109 и далее, атлас, № 41; *Sagra, Hist. physique et politique de l'île de Cuba*, Paris, 1838, и атлас; *Ghillany, Geschichte*, etc., предисловие Гумбольдта; *Jomard, Monuments de géog.*, атлас № xvi., который дает полноразмерное факсимиле; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 151-5, 239, таблица v., являющаяся копией северной части из Гумбольдта с дополнениями из Жомара. Стивенс в своих «Заметках», см. стр. 11-16, 33, 51 и табл. i., приводит фотолитографическую копию западного полушария из Жомара. Я привожу копию центральных частей западного полушария из Гумбольдта, Стивенса и Коля.

КАРТА ХУАНА ДЕ ЛА КОСА, 1500 г.

Верхняя часть — это Северная Америка, а нижняя — Южная Америка, между которыми пролегает непрерывная береговая линия, пока еще не открытая.

Все вновь открытые регионы представлены как части Азии, и, следовательно, названия применяются только к островам и отдельным местностям. К настоящему времени были исследованы три части предполагаемого азиатского побережья. Во-первых, это открытия Каботов на севере, представленные как простирающиеся от «Кабо-де-Инглете́ра» на запад до флага, который ограничивает «море, открытое англичанами». Это прямое западное направление побережья, скорее всего, заложенное на картах Кабота, является одним из самых веских доказательств того, что побережье, исследованное Каботом, было северным берегом залива Святого Лаврентия. Еще одной причиной для такого предположения является использование слов *Mar descubierta por Yngleses* вместо *Mare Oceanus*, что указывает на то, что это было море или залив, а не открытый океан. Коза в то время не мог знать о результатах путешествия Кортереала. На побережье Кабота указаны различные точки, но дальше к северо-востоку и юго-западу линия проложена неопределенно и без названий, вероятно, от Марко Поло. Коль помещает надпись *Mar descubierta* и т. д. дальше на юг и запад, чем на оригинале, и считает, что изгиб побережья к западу от последнего флага — это мыс Код. Затем на юге мы видим северное побережье Южной Америки, довольно точно

обозначенное от мыса де ла Вела на юго-восток до пределов путешествия Пинсона в 1499 году; с безымянной береговой линией на юго-восток до местности мыса Св. Августина (). От мыса де ла Вела мы видим ту же воображаемую береговую линию без названий, простирающуюся на запад, как будто для того, чтобы соединиться с линией с северо-востока; но именно в том месте, где линии должны соединяться или разделяться проливом, ведущим к собственно Индии, нерешительный составитель карты вставил изображение, обозначенное двойными пунктирными линиями, тем самым избегая высказывания своего мнения о том, был ли Жемчужный берег соединен с Азией или отделен от континента. На оригинальной карте не было сделано никакой попытки показать топографию внутренних районов, хотя на копиях Гумбольдта и Коля есть некоторые озера и реки. Я взял на себя смелость обозначить неопределенные, безымянные побережья пунктирной линией для большей ясности. Последними из трех исследованных регионов, показанных на этой карте, являются центральные острова, Куба, Эспаньола и другие, открытые Колумбом, которого по крайней мере в одном из его путешествий сопровождал сам автор. В этой части карты возникла некоторая трудность из-за того, что Куба представлена как остров, в то время как Колумб, как известно, считал, что она является частью материка; мнение, как уже упоминалось, которое под присягой подтвердили все его люди, включая Хуана де ла Коса. На оригинале западная часть Кубы отрезана зеленой краской, условным знаком *terra incognita*, что позволяет Стивенсу сделать вывод, что пилот «не намеревался изображать Кубу как остров», а только предполагал, что она таковым является. Однако это ни в коем случае не означает, что рисовальщик хотел сказать, что Куба не была островом, а скорее то, что он не был уверен в этом, а только предполагал. Следует помнить, что туземцы с самого начала утверждали, что это остров, хотя и настолько большой, что никто никогда не достигал его западной конечности. Это утверждение, а также его собственные наблюдения во время путешествия, вероятно, заставили Хуана де ла Коса впоследствии изменить мнение, которое он, возможно, поспешно высказал по просьбе Колумба. В подлинности этой карты можно сомневаться лишь в незначительной степени, хотя Стивенс считает, что она была искажена в различных копиях и описаниях. То, что автор сам не вносил в нее никаких позднейших дополнений, очевидно из того факта, что на ней не показаны его собственные последующие открытия.

[1501.] Король Англии Генрих снова издает указы, разрешающие частным лицам совершать открытия за свой счет. Однако, насколько известно, ни одно путешествие не было осуществлено при этой королевской поддержке, хотя не исключено, что после открытия Кабота продолжались контакты с Ньюфаундлендом. *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 55; *Коль, Hist. Discov.*, стр. 185-7; *Буддл, Mem. Cabot*, стр. 228 и далее; *Пешель, Geschichte der Entd.*, стр. 334 и далее.

ХУАН ДЕ НОВА И КОРТЕРЕАЛЫ.

Португальцы, более практичные в своих попытках, продвигают открытия во всех направлениях. Хуан де Нова с четырьмя кораблями отплывает из Лиссабона 5 марта 1501 года, огибает мыс Доброй Надежды и возвращается в Лиссабон 11 сентября 1502 года, обнаружив в пути на Асценсионский остров, а на обратном пути — остров Святой Елены. *Галвано, Discov.*, стр. 97-8; *Major's Prince Henry*, стр. 413; *Humboldt, Exam. Crit.*, том IV, стр. 225; том V, стр. 107. Теперь можно считать открытым путь в Индию через мыс Доброй Надежды; путешествия туда с этого момента нельзя назвать путешествиями-открытиями; поэтому я не буду упоминать о частых последующих путешествиях португальцев в Индию, за исключением тех, которые каким-либо образом связаны с Америкой. Краткое изложение этих поздних путешествий см. в книге Мейджора «Принц Генри», стр. 413-18.

Гаспар Кортереал в этом году совершает второе путешествие в северные регионы, отплывая из Белена, недалеко от Лиссабона, 15 мая 1501 года, с двумя или тремя судами, вероятно, заходя в какой-то пункт в Ньюфаундленде и проплывая вдоль побережья на север около шести или семи сотен миль. Однако из-за льда он не достигает Терра-Верде, открытой в предыдущем путешествии. Один из кораблей — по словам Кунстмана, два — вернулся, прибыв в Лиссабон 8 октября 1501 года; о другом корабле с командиром больше ничего не было слышно. Одной из главных целей этой экспедиции « » было, по-видимому, захват рабов. Кортереаль дал этому открытию название «Лабрадор», «и это, пожалуй, единственный постоянный след португальских приключений в пределах Северной Америки». Банкрофт, «История США», т. I, с. 16; Наваррете, «*Col. de Viages*», т. III, с. 44; Мейджор, «Принц Генри», стр. 374; Гумбольдт, «*Exam. Crit.*», том IV, стр. 224; Коль, «*Hist. Discov.*», стр. 169-71; Пешель, «*Geschichte der Entd.*», стр. 331 и далее; Буддл, «*Mem. Cabot*», стр. 237 и далее.

Португальцы также отправляют экспедицию, чтобы продолжить открытия, начатые Кабралом, который еще не вернулся из Индии, но о открытии Бразилии сообщил Лемос. Как ни странно, в португальских архивах нет никаких документов, касающихся этого путешествия, и имя его командира также неизвестно, хотя Варнхаген полагает, что им мог быть Мануэл. Оно известно как третье путешествие Веспуччи, и о его событиях можно узнать только из его писем. Подлинность этого и других его путешествий часто подвергалась сомнению и отрицалась, и, поскольку именно это путешествие привело к названию Америки, оно вызвало много дискуссий, в которые я, однако, не буду вступать. Эти дискуссии не затрагивают само путешествие и основные факты, связанные с ним, а касаются вопросов о том, был ли Веспуччи командиром, чего он сам не утверждает, и, прежде всего, дали ли результаты путешествия ему право на честь назвать Америку, чего, конечно, не было, даже если бы он был командиром, поскольку другие португальские мореплаватели () открыли обе Америки до него. Наваррете, один из самых ярых врагов Веспуччи, признает, что тот посетил побережье Бразилии в качестве подчиненного в составе какой-то португальской экспедиции; а Гумбольдт в эссе объемом 115 страниц эффективно защищает правдивость Веспуччи в его отчетах о своих путешествиях, которые выдающийся комментатор цитирует с примечаниями о различиях в различных изданиях.

Веспуччи был вынужден покинуть Севилью, чтобы сопровождать флот, состоявший из трех судов (в некоторых изданиях говорится о десяти, в других — о четырнадцати), который отплыл из Лиссабона 13 мая. Проплыв мимо Канарских островов без высадки, он достиг африканского побережья и базилики в 14°, вероятно, Кабо-Верде, где пробыл одиннадцать дней. В этом месте он встретил флот Кабрала, возвращавшийся из Индии, и узнал подробности путешествия, в том числе об открытии Америки, о чем он подробно рассказывает в письме, написанном в то время и датированном 4 июня 1501 года, которое является убедительным доказательством правдивости его других рассказов. См. выдержки в Гумбольдте, «*Exam. Crit.*», т. v. стр. 34-44. Удивительно, что в нескольких отчетах об этой встрече не упоминается имя командира Веспуччи. От Кабо-Верде флот плыл на юго-запад шестьдесят семь дней и 17 августа достиг материка в точке 5° южной широты, взяв его во владение для короля Португалии. Оттуда он следовал вдоль побережья на юго-восток, обогнул мыс Святого Августина и прошел в пределах видимости суши 600 лиг до точки в 32° южной широты — по данным Гомары, 40°; Наваррете считает, что она не могла быть выше 26°. Не найдя драгоценных металлов за десять месяцев плавания, португальцы покинули это побережье 13 (или 15) февраля 1502 года, и после того, как штормы отнесли их далеко на юго-восток и они обнаружили землю, идентичность которой остается неопределенной —

Гумбольдт считает, что это было скопление льда или побережье Патагонии — они достигли побережья Эфиопии 10 мая, Азорских островов в конце июля и Лиссабона 7 сентября 1502 года. Веспуччи дает полное описание туземцев Бразилии, но эти описания, наряду с многочисленными противоречивыми утверждениями или ошибками в различных текстах, касающихся деталей путешествия, я опускаю как не имеющие значения для моей цели. Нет никаких сомнений в том, что Веспуччи был в составе португальского флота, который в 1501-1502 годах исследовал обширную, но плохо очерченную часть бразильского побережья. *Гринаус, Novus Orbis*, стр. 122-30; *Памузио, Viaggi*, том I, стр. 139-44; *Viages Menores*, в *Наваррете*, том III, стр. 46, 262-80; *Humboldt, Exam. Crit.*, том v, стр. 1-115; *Major's Prince Henry*, стр. 375-7; *Galvano's Discov.*, стр. 98-9.

[1502.] Мигель Кортереаль отплыл из Лиссабона 10 мая 1502 года в поисках своего брата Гаспара, но разделил его судьбу. Ни один из его двух кораблей, по-видимому, не вернулся. *Viages Menores*, в *Navarrete*, том III, стр. 44; *Гумбольдт, Exam. Crit.*, том IV, стр. 226; *Major's Prince Henry*, стр. 374; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 171-2.

Вероятно, португальские рыбаки продолжали свои путешествия более или менее до Лабрадора и Ньюфаундленда, но если это так, то никаких свидетельств об этом не сохранилось. *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 187-92; *Kunstmann, Entdeckung Am.*, стр. 69, 95; *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii. lib. v. cap. iii.

В январе 1502 года Алонсо де Охеда с четырьмя кораблями отплыл из Кадиса во второе плавание к Жемчужному побережью с намерением основать там колонию. В сопровождении Гарсии де Окампо, Хуана де Вергара, Эрнандо де Гевары и своего племянника Педро де Охеды он зашел на Канарские и Зеленые острова и достиг залива Пария. Переоборудовав свои корабли, 11 марта он отплыл и поплыл на северо-запад, заходя в различные пункты, пока не достиг порта, который он назвал Санта-Крус, вероятно, Баия-Онда, примерно в двадцати пяти милях к востоку от мыса де ла Вела. Во время плавания вдоль побережья корабли большую часть времени были разделены, следуя разным курсам. В Санта-Крусе Охеда нашел человека, оставленного Бастидасом, и там он решил основать свою колонию. Был построен форт и отправлено судно на Ямайку за припасами, но колония не процветала. К другим проблемам добавились разногласия между горячими лидерами, и в конце мая Охеда был заключен в тюрьму своими товарищами; колония была окончательно заброшена, а ее губернатор в сентябре был доставлен в качестве пленника на Эспаньола. Немногие спорные моменты этого путешествия касаются только личных ссор Охеды и его соратников-капитанов. *Наваррете, Col. de Viages*, т. III, стр. 28-39, 168-70, 591 и далее; *Гумбольдт, Exam. Crit.*, т. I, стр. 360; т. IV, стр. 226.

ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КОЛУМБА.

11 мая 1502 года Колумб отплыл из Кадиса в свое четвертое и последнее плавание. Переоборудовав корабли на острове Эспаньола, он направился на запад, открыл сушу у островов Гуанаха, у северного побережья Гондураса, и, плывя на юг, следовал вдоль берегов предполагаемой Азии до Эль-Ретрете на перешейке Дарьен, где закончилось открытие Бастидаса, плывшего в противоположном направлении, чья карта, возможно, находилась в распоряжении адмирала. Подробности этого путешествия приводятся ниже. См. *Cuarto y Último Viage de Cristobal Colon*, в *Navarrete*, т. i, стр. 277-313; *Colon, Hist. del Almirante*, в *Barcia*, т. i, стр. 101-18; *Gomara, Hist. de las Indias*, фол. 31; *Peter Martyr*, dec. iii. cap. iv.; *Эппера, Hist. Gen.*, dec. i. lib. v.-vi.; *Бензони, Historia del Mondo Nvovo*, Венеция, 1572, fol. 28; *Galvano's Discov.*, стр. 100-1; *Робертсон, Hist. Am.*, т. i, стр. 164-74; *Берк, European Settlements in Am.*, т. i, стр. 37-45; *Нануоне и Де Конти, Biografia Colombo*, стр.

379-406; *Laхарn, Abrégé*, том ix. стр. 122; *Акосма, Comp. Histórico de la Nueva Granada*, гл. i.; *Navigatio Christophori Colvmbi*, в *Гринаеус, Novus Orbis*, стр. 90, и в других местах.

С момента открытия адмиралом в 1498 году Жемчужного побережья, то есть крайней северной оконечности Южной Америки, ничего не произошло, что могло бы изменить его взгляды на новые регионы, сформированные в то время, за исключением того, что южная часть Азиатского континента оказалась гораздо больше, чем предполагалось изначально. Его особой целью в этом четвертом путешествии было сделать то, что различные обстоятельства не позволили ему сделать раньше, а именно: проплыть вдоль восточного и южного побережья Азии до Индии, проходя, конечно, через предполагаемый пролив между материком и землей Пария. Безусловно, удивительно, что эта идея Колумба так точно соответствовала фактическому рельефу восточного побережья Азии и его южной присоединенной части — Австралийского архипелага; что этот рельеф так точно повторяется на побережье Америки; и что положение гипотетического пролива адмирала было почти идентично фактическому самому узкому месту американского континента. Колумб следовал по побережью до западной границы путешествия Бастидаса и не смог найти прохода в берегу, либо потому, что древние летописцы ошибочно не упомянули об этом предполагаемом южном продолжении Азии, либо потому, что пролив каким-то образом ускользнул от его внимания. Поэтому он отказался от поисков и посвятил себя другим планам, но никогда не отказывался от своей первоначальной идеи и умер в 1506 году, веря, что достиг побережья Азии, и не подозревая о существовании нового континента. Более того, его убеждение разделяли все космографы и ученые того времени. *Петр Мартур*, dec. i. cap. viii.; *Гумбольдт, Exam. Crit.*, том I, стр. 26; том IV, стр. 188; Предисловие к *Ghillany; Major's Prince Henry*, стр. 420; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 140, 238-9; *Draper's Int. Develop.*, стр. 445; *Stevens' Notes*, стр. 37.

[1503.] Португалия отправила еще одну экспедицию на поиски Кортереалов, но она вернулась безрезультатно. *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 58; *Пешель, Geschichte der Entd.*, стр. 334.

Согласно Харрису, *Bib. Am. Vet.*, стр. 173-4, у нас есть «подлинные документы и показания, несомненно доказывающие факт французской экспедиции в Бразилию еще в 1503 году»; в подтверждение этого он ссылается на *Де Гонневиля, Mémoires*, Париж, 1663; *Де Бросс, «Историка навигаций»*, Париж, 1756, т. i, стр. 104-14; *Revista Trimensal*, Рио-де-Жанейро, т. vi, стр. 412-14; *Д'Авесак*, в «*Бюллетене Географического общества*», т. xiv, стр. 172.

В 1503 году португальцы отправили третий флот из шести кораблей под командованием Гонсалу Коэльо для дальнейших исследований побережья Бразилии, которое тогда называлось Санта-Крус, и, по возможности, для плавания вокруг его южной оконечности в Индию. Эта идея, по-видимому, зародилась во время предыдущего плавания, но тогда не могла быть реализована из-за нехватки припасов. Веспуччи командовал одним из кораблей и отправлялся в путь с большими надеждами совершить великие дела для своей страны, своего Бога и себя самого. Это путешествие известно как четвертое плавание Веспуччи. Помимо того, что он описывает в своих письмах, о нем мало что известно, кроме того факта, что Коэльо совершил такое путешествие в то время. Идентичность этих двух экспедиций не вызывает споров, но Гумбольдт и Мейджор показывают, что в этом вопросе не может быть никаких сомнений. Флот отплыл из Лиссабона 10 июня (Веспуччи говорит, что в мае), пробыл двенадцать или тринадцать дней на островах Зеленого Мыса, а оттуда поплыл на юго-восток, до тех пор, пока не появилась в поле зрения Сьерра-Леоне. Шторм помешал мореплавателям бросить якорь, и они направились на юго-запад на 300 лиг к необитаемому

острову примерно на 3° южной широты, предположительно Фернанду-ди-Норонья, где Коэльо потерял свой корабль 10 августа. Судно Веспуччи было отделено от остальных на восемь дней, но затем присоединилось к одному из них, и оба судна плыли на юго-запад в течение семнадцати дней, проделав 300 лиг, и прибыли в Баия-де-Тодос-ос-Сантос. Пробы там два месяца и четыре дня, они прошли вдоль побережья 260 лиг до порта, ныне называемого Кабо-Фриу, где построили форт и оставили двадцать четыре человека, принадлежавших к кораблю, потерпевшему крушение. В этом порту, который, по наблюдениям Веспуччи, находился на 18° южной широты и 35° (или 57°) западной долготы от Лиссабона, они пробыли пять месяцев, исследуя внутренние районы на протяжении сорока лиг; затем они загрузили бразильское дерево и после обратного плавания, длившегося семьдесят семь дней, прибыли в Лиссабон 28 (или 18) июня 1504 года. Веспуччи полагал, что остальные корабли флотилии погибли, но после того, как он написал свой отчет, Коэльо вернулся с двумя кораблями; однако о его передвижениях после разлуки ничего не известно. *Di Amerigo Vespucci Fiorentino*, в *Ramusio*, том I, *Lettera prima*, fol. 139, *Lettera secondo*, fol. 141, *Sommario*, fol. 141; *Viages de Vespucio*, в *Navarrete*, том III, стр. 281-90; *Southey's Hist. Brazil*, том I, стр. 20.

РАЗЛИЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ.

Альфонсо де Альбуркерке отплыл из Лиссабона 6 апреля 1503 года с четырьмя кораблями в Индию, но, изменив курс далеко на юго-запад, через двадцать четыре (или двадцать восемь) дней достиг острова, ранее открытого Веспуччи; оттуда он достиг материковой части Бразилии, после чего продолжил путь вокруг мыса Доброй Надежды () в Индию и вернулся в Лиссабон 16 сентября 1504 года. *Viaggio fatto nell'India per Giovanni di Empoli*, в *Ramusio*, том i. fol. 158; *Purchas, His Pilgrimes*, том i. стр. 32-3. *Bergomas, Nouissime historiarū omniū*, etc., Venetiis, 1503, книга хроник, издаваемая с частыми дополнениями, впервые содержит в этом издании главу о вновь открытых островах Колумба. В моем экземпляре, датированном десятью годами позже, эта глава находится на листе 328. До 1540 года вышло не менее девяти изданий этой работы.

[1504.] Вскоре после возвращения из своего третьего путешествия Веспуччи написал письмо Пьеро де Медичи, в котором изложил его события. Это письмо, не имеющее даты, было, вероятно, написано на искаженном итальянском языке и, после некоторого распространения в рукописном виде, как это было принято в то время, возможно, было напечатано, но никаких экземпляров не сохранилось, а оригинал утрачен. Однако были сделаны переводы на латинский и немецкий языки, которые до 1507 года вышли в виде небольших брошюр по крайней мере в семнадцати различных изданиях под названием *Mundus Novus* или его эквивалентом. Самое раннее издание с датой — 1504 год, но из девяти изданий без даты некоторые, несомненно, появились до этого года. Вероятно, что другие издания исчезли из-за своей недолговечной формы. Ни один из других отчетов Веспуччи, насколько известно, не был напечатан до 1507 года.

В том же году в Венеции, как говорят, было напечатано «*Libretto de tutta le Navigazione del Re di Spagna*» — первый сборник путешествий, содержащий, по словам нескольких итальянских авторов, которые утверждают, что видели его, описания первых трех путешествий Колумба, а также путешествий Ниньо и Пинсона. Если это соответствует действительности, то это был первый отчет о путешествии Колумба к Жемчужному побережью; однако в настоящее время не известно ни одного экземпляра этого издания, и его тираж, по сравнению с отчетами Веспуччи, должен был быть небольшим. *Гумбольдт, Exam. Crit.*, т. IV, стр. 67-77; *Харрис, Bib. Am. Vet.*, № 22-41.

Сохранилась карта, составленная около 1504 года, на которой показаны только португальские открытия. На севере обозначены Ньюфаундленд и Лабрадор под названием «Terra de Cortte Reall», а Гренландия не имеет названия, но изображена настолько точно, что это является убедительным доказательством того, что она была достигнута Кортереалом. На юге мы видим побережье Бразилии, которое не имеет названия; между ними находится открытое море, без каких-либо указаний на испанские открытия. Кунстманн, *Entdeckung Am.*, стр. 127-8, и Мюнхенский атлас, № iii.; Коль, *Hist. Discov.*, стр. 174-7, табл. viii.

Считается, что в 1504 году начались рыболовные походы бретонцев и норманнов в Ньюфаундленд, но нет никаких сведений о каких-либо конкретных походах. *Sobre las navegaciones de los vascongados á los mares de Terranova*, в *Navarrete*, том iii. стр. 176; *Viages Menores*, *Id.*, стр. 46. Кунстманн, *Entdeckung Am.*, стр. 69 и далее, считает, что эти путешествия начались с экспедиции Дениса в 1503 году.

Хуан де ла Коса оснастил и вооружил четыре судна и был отправлен на службу королевы Изабеллы Испанской для исследования и торговли в окрестностях залива Ураба, а также для проверки слухов о вторжении португальцев в этом направлении. Все, что известно об этой экспедиции, — это то, что в 1506 году корона получила 491 708 мараведи в качестве королевской доли прибыли. *Carta de Cristobal Guerra*, в *Navarrete*, том II, стр. 293; *Carta de la Reina*, в *Id.*, том III, стр. 109; *Real Cédula, дополнение*, *Id.*, стр. 161. Стивенс в своих заметках на стр. 33 указывает дату 1505 год.

[1505.] Алонсо де Охеда с тремя кораблями совершил третье плавание в Кокибакоа и залив Ураба. *Noticias biográficas del capitan Alonso Hojeda*, в *Navarrete*, том III, стр. 169.

Письмо, написанное Колумбом из Ямайки 7 июля 1503 года, в котором он описывает события своего четвертого путешествия, хранится в испанских архивах. Если оно и было напечатано, то копии не сохранились, но итальянский перевод появился под названием *Copia de la Lettera*, Венеция, 1505.

Португальская карта, составленная около 1505 года Педро Рейнелем, более точно отображает форму Ньюфаундленда, чем карта 1504 года, и является первой, на которой юго-восточная оконечность названа «C. Raso»; однако Гренландия на ней изображена гораздо менее точно. Кунстманн, *Entdeckung Am.*, стр. 125-7; Мюнхенский атлас, № i. Таблица ix. в *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 177-9, существенно отличается от факсимиле в Мюнхенском атласе. См. также Пешель, *Geschichte der Entd.*, стр. 332; Шмеллер, *Ueber einigen der handschriftlichen Seekarten*, в *Akademie der Wissenschaften, Abhandl.*, том IV, часть I, стр. 247 и далее.

[1506.] Говорят, что бретонцы под руководством Жана Дениса исследовали залив Святого Лаврентия и составили карту, которая не была найдена. Сообщения об этом и последующих путешествиях на север чрезвычайно расплывчаты. Шарлевуа, «История Новой Франции», Париж, 1744, т. i, стр. 4; *Viages Menores*, в *Navarrete*, том III, стр. 41; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 201-5; *Kunstmann, Entdeckung Am.*, стр. 69; *Bancroft's Hist. U. S.*, том I, стр. 16.

Висенте Яньес Пинсон совершил второе путешествие с Хуаном Диасом де Солисом, в ходе которого он исследовал залив Гондурас, от островов Гуанаха, западной границы путешествия Колумба, до островов Кария на побережье Юкатана, в поисках прохода, который, как по-прежнему считалось, существовал между основным континентом Азии и землей, известной как Жемчужное побережье, Санта-Крус, или, в латинских переводах Веспуччи, как *Mundus Novus*, или Новый Свет. Краткое упоминание об этом путешествии можно найти в *Viages Menores*, в *Наваррете*, том III, стр. 46, повторенное в книге Ирвинга

«Колумб», том III, стр. 52; и Гумбольдт, *Exam. Crit.*, том IV, стр. 228. См. также *Reise des Diaz de Solis und Yanez Pinzon*, в *Sammlung aller Reisebeschreibungen*, том XIII, стр. 157.

Тристан да Кунья, отплывший из Лиссабона 6 марта 1506 года в путешествие в Индию, обогнув мыс Святого Августина, услышал о — *eut connaissance de* — Рио-Сан-Себастьяне в провинции Пернамбуку и открыл остров, названный впоследствии его именем, на 37° 5' южной широты, на пути к мысу Доброй Надежды. Гальвано не упоминает, что Кунья достиг Америки.

20 мая 1506 года в Вальядолиде скончался великий адмирал Западного океана Христофор Колумб, история которого, несмотря на его « » бесчисленных историков, нигде не описана полнее, чем в простых строках, которые можно увидеть сегодня на его могиле:

«Por Castilla y por Leon

Nuevo Mundo halló Colon».

Маффей из *Вольтерры*, *Commentariorum urbanorum*, Рим, 1506, своего рода географическая энциклопедия, содержит раздел о *loca nuper reperta*. Упоминается о пяти изданиях, выпущенных в 1510, 1511 и 1530 годах, все, кроме одного, в Париже.

М. Варнхаген утверждает, что оригинальный смешанный итальянский текст о первом путешествии Веспуччи был напечатан во Флоренции в 1505 или 1506 году и что сохранилось несколько экземпляров. Этот текст он использовал в своей защите Веспуччи. См. *Premier Voy.*, Вена, 1869, и *Vespucci, son caractère, etc.*, Лима, 1865, где воспроизведено это письмо. Я не нашел упоминания о таком издании ни у одного другого автора.

[1507.] В этом году не упоминается ни одного путешествия, но библиография года примечательна. *Монтальбоддо* (или Зорзи), *Paesi Nouamente retrouati, Et Nouo Mondo da Alberico Vesputio, Florentino, intitulato*, Vicentia, 1507, — вторая коллекция путешествий, изданная и первая из которых в настоящее время существует в экземплярах. Это произведение состоит из шести книг, из которых четвертая и пятая посвящены Америке, причем четвертая является воспроизведением *Либретто* 1504 года, а пятая — *Nouo Mondo*, или третьим путешествием Веспуччи; и упоминание о нем в названии показывает, насколько важным оно считалось в произведении такого рода. В следующем году, помимо нового итальянского издания, появился немецкий перевод под названием «*Ruchamer, Newe unbekanthe landte*» (Нюрнберг, 1508) и латинский перевод «*Itinerariū Portugallēsiū*» (Милан, 1508). До 1530 года вышло не менее четырнадцати изданий на итальянском, латинском, немецком и французском языках.

НАЗВАНИЕ АМЕРИКИ.

Hylacomylus (Waldsee-Müller), *Cosmographiæ Introductio ... Insuper quatuor Americi Vespuccij Nauigationes*, Деодат (Сент-Дие, Лотарингия), 1507 г. —

это название произведения, которое четыре раза выходило в одном и том же месте и в один и тот же год. Это первый сборник четырех путешествий Веспуччи, который обычно считается первым изданием первого и четвертого путешествий, хотя, как мы уже видели, М. Варнхаген утверждает, что итальянское издание первого путешествия вышло в 1506 году. Этот отчет о третьем путешествии отличается от того, который широко распространялся ранее под названием *Mundus Novus*. Три других издания этого произведения, или части, относящейся к Веспуччи, появились в 1509 и 1510 годах. В «*Hylacomylus*» встречается следующий отрывок: «Но теперь, когда эти земли были более тщательно исследованы, и Америку открыл еще одну четвертую часть (как будет видно в продолжении), я не вижу

причин, по которым мы не должны назвать ее Америкой, то есть землей Америки или Америкой, в честь ее первооткрывателя Америка, человека проницательного ума, поскольку и Европа, и Азия получили свои названия от женщин». Вот откуда взялось название «Америка». Северным открытиям Колумба, Кабота и Кортереала на островах и побережье предполагаемой Азии не было дано общего названия, потому что эти регионы уже назывались Индией, Катаем, Манги и т. д., а европейцы присваивали названия только отдельным местам на новых побережьях. Когда Колумб в 1498 году исследовал северное побережье Южной Америки, он не сомневался, что это была часть, хотя и, вероятно, отдельная часть Азии, и термины «Пария» и «Жемчужное побережье» были достаточными для обозначения этого региона во время последующих торговых путешествий. Относительно этих путешествий было напечатано только письмо Колумба и краткий отчет об экспедиции Пинсона, которые, по-видимому, не привлекли особого внимания. Путешествия Колумба, Бастидаса и Пинсона вдоль побережья Центральной Америки были почти неизвестны. Между тем слава великого мореплавателя значительно померкла. Его предприятия на предполагаемом азиатском побережье не принесли Испании прибыли. Взгляды всего мира теперь были обращены дальше на юг. Португальцы исследовали побережье Бразилии на большом расстоянии, доказав огромную протяженность этой юго-восточной части предполагаемой Азии, существование которой не было указано на старых картах и которая, безусловно, требовала названия. Эти португальские исследования и их результаты были известны миру почти исключительно по часто печатавшемуся письму Веспуччи. В латинском переводе письма было использовано название *Mundus Novus*, означающее не обязательно новый континент, а просто вновь открытые регионы. Название «Америка» естественным образом пришло в голову, возможно, под влиянием какого-то друга, который был поклонником Веспуччи, немецкому профессору университета в Лотарингии как подходящее для нового региона, и он соответственно предложил его. Предложив его, он и его друзья — клика, имевшая большое влияние на продукцию немецкой прессы в тот период — с гордостью занялись обеспечением его принятия. Кажется, что открытого противодействия не было даже со стороны португальцев, которые применили название «Санта-Крус» к тому же региону; тем не менее, прошло много времени, прежде чем новое название заменило старые. Позже, когда выяснилось, что Америка соединена с северным континентом и что вся эта великая земля полностью отделена от Азии, название уже слишком прочно вошло в обиход, чтобы его можно было легко изменить, и, насколько нам известно, никаких попыток изменить его не предпринималось. Еще позже некоторые авторы, возможно, невольно, приписали первое открытие Веспуччи. Это вызвало гнев Ласаса и других, и разгорелась дискуссия, которая продолжается до сих пор. Список сторонников обеих точек зрения см. в *Harrisse, Bib. Am. Vet.*, стр. 65-7. Муньос и Наваррете настаивают, что Веспуччи был самозванцем, но другие, во главе с Гумбольдтом, убедительно доказали, что название «Америка» было принято в результате несколько странного стечения обстоятельств, описанных выше, без какого-либо умышленного ущерба для Колумба. Этот вывод основан главным образом на следующих причинах: честь Веспуччи была связана главным образом с его третьим путешествием в 1501 году, а не с его первым путешествием в 1497 году, которое является единственным, которое могло претендовать на приоритет перед Колумбом в открытии континента. Кроме того, ни Колумб, ни Веспуччи никогда не подозревали, что был открыт новый континент; и чтобы опередить Кабота в достижении Азии, Веспуччи, даже опираясь на свое первое путешествие, должен был датировать его несколько раньше 1497 года, чем он это сделал; а чтобы опередить Колумба, он должен был датировать его до 1492 года, когда, как они оба верили, Колумб достиг Азии на Кубе. Кроме того, нет никаких доказательств того, что Веспуччи когда-либо претендовал на честь открытия. Он был в близких отношениях с адмиралом и его друзьями и высоко

ценился всеми, особенно Фернандо Колоном, который был чрезвычайно ревнивым ко всему, что могло затронуть честь его отца. Кроме того, известно, что Веспуччи сам не предлагал название «Америка» (); не известно, использовал ли он термин *Mundus Novus* или его эквивалент в своих письмах; и вполне возможно, что он даже не знал, что его имя было дано Новому Свету, поскольку это название вошло в общее употребление только через много лет после его смерти, которая произошла в 1512 году. Самым серьезным обвинением, которое, по моему мнению, можно предъявить Веспуччи, является халатность — возможно, намеренное введение в заблуждение с целью придать себе временную значимость в глазах своего корреспондента — в том, что он не назвал командиров, под командованием которых он плавал, а также преувеличение и небрежность в деталях. Но следует помнить, что его сочинения были просто письмами друзьям, в которых он в знакомой манере описывал чудеса своих путешествий, не уделяя особого внимания сухим датам и именам, оставляя подробности для большого труда, который он подготовил, но который так и не увидел свет. «В конце концов, — говорит Ирвинг, — это вопрос скорее любопытства, чем реальной важности... о котором серьезные люди будут продолжать писать утомительные тома, пока тема не приобретет мнимую важность из-за горы споров, нагроможденных на нее». Канчеллиери, *Notizie di Colombo*, стр. 41-8; Гумбольдт, *Exam. Crit.*, т. IV и V, и Предисловие к Гиллани; Наваррете, *Col. de Viages*, т. i. стр. cxxvi.; Майор Принц Генри, стр. 380-8; Коль *Hist. Discov.*, стр. 496; Харрис, *Bib. Am. Vet.*, стр. 65-6; Д'Авесак, *Martin Hylacomylus*, Париж, 1867; Муньос, *Hist. Nuevo Mundo*, стр. x.; Заметки Стивенса, стр. 24, 35, 52 и далее; *Viages de Vespuccio*, в Наваррете, том III, стр. 183; *Carta del Excmo. Sr. Vizconde de Santarem*, в Наваррете, том III, стр. 309-34. Ludd, *Speculi Orbis*, Страсбург, 1507, принимает предложение Вальдзее-Мюллера в той мере, что говорит об «американской расе» или народе, *gentis Americi*. Major, *Prince Henry*, стр. 380-8, объясняет связь между этой и другими работами того времени, находившимися под влиянием клики Сен-Дие. См. также заметки Стивенса, стр. 35.

[1508.] Пинсон и Солис с Педро Ледесма в качестве лоцмана были в третий раз отправлены Испанией на юг в поисках пролива, который они, как и Колумб и Бастидас, не смогли найти дальше на север и запад. Отплыв из Сан-Лукара 29 июня 1508 года, они достигли островов Зеленого Мыса, прошли к мысу Святого Августина и следовали вдоль побережья на юго-запад до примерно 40° южной широты, вернувшись в Испанию в октябре 1509 года. *Viages Menores*, в Наваррете, том III, стр. 47. Коль, *Die beiden ältesten Karten von Am.*, стр. 110, объединяет это путешествие с предыдущим, состоявшимся в 1506 году.

Еще одно из неопределенных французских путешествий в Ньюфаундленд, по имеющимся данным, состоялось в 1508 году под командованием Томаса Обера из Дьеппа. *Viages Menores*, в Наваррете, том III, стр. 41; Kohl's *Hist. Discov.*, стр. 203-5.

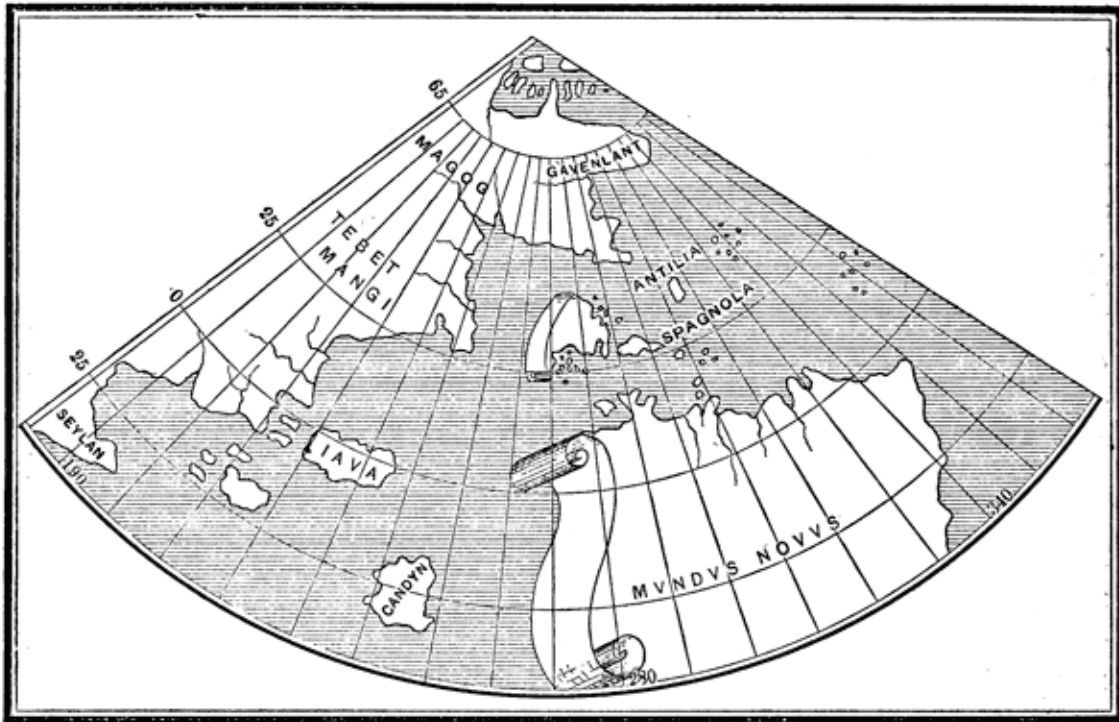
В 1508 году губернатор Эспаньолы послал Себастьяна де Окампо исследовать Кубу. Он был первым, кто обогнул остров, тем самым подтвердив его существование, как, вероятно, и предполагал Хуан де ла Коса восемь лет назад. Aa, *Naaukeurige Versameling*, том VI, стр. 1;

Эрпера, *Hist. Gen.*, декабрь I, книга VII, глава I; Заметки Стивенса, стр. 35.

КНИГИ И КАРТЫ ТОГО ВРЕМЕНИ.

Птолемей, *In hoc opere hæc continentvr, Geographiæ Cl. Ptolemæi*, Рим, 1508, считается первым изданием этого труда, содержащим упоминания о Новом Свете. Другие издания Птолемея, подготовленные разными редакторами, с дополнительным

текстом и картами, а также с некоторыми изменениями в оригинальном материале, появились в 1511, 1512, 1513, 1519, 1520, 1522, 1525, 1532 и 1535 годах. Первое упомянутое издание содержит, в дополнение к предыдущему изданию 1507 года, четырнадцать листов текста и гравюру карты Иоганна Руйша — первую из когда-либо опубликованных, включающую Новый Свет. Копии были напечатаны Лелевелем в его атласе «*Géog. du moyen âge*», Сантаремом в его атласе «*Recherches*», Париж, 1842, а также Гумбольдтом, Колем и Стивенсом. Я взял прилагаемую копию из трех последних упомянутых источников, опустив некоторые неважные имена.

КАРТА ИОГАННА РУЙША, 1508 г.

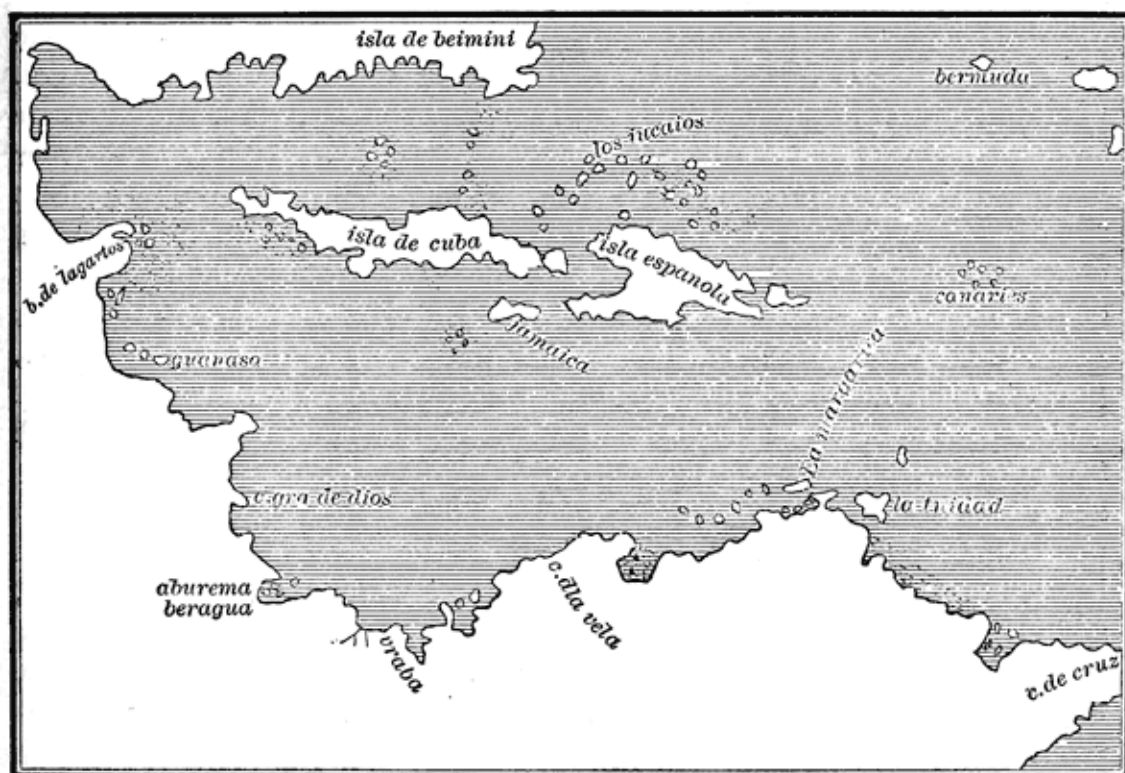
Эта карта в значительной степени повторяет карту Хуана де ла Коса 1500 года, но более четко иллюстрирует географические представления того времени. Открытия Кабота, которого, как предполагается, сопровождал Руйш, а также открытия Кортереала на севере, Гренландии, Лабрадора и Ньюфаундленда, обозначены с достаточной точностью; остальная часть предполагаемого азиатского побережья, как и на глобусе Бехайма, взята из сочинений Марко Поло. В центре находятся земли, открытые Колумбом, и восстановленный старинный сказочный остров Антилия. К «Спаньоле» (Эспаньола) добавлена надпись, в которой составитель выражает уверенность, что она идентична Зипангу, или Японии. Западная часть Кубы отрезана свитком, а не зеленой краской, как на карте Хуана де ла Коса, с надписью о том, что это был предел испанских исследований. Руйш, еще не зная о путешествии Окампо, совершенном в том же году, очевидно, придерживался того же мнения о Кубе, что и Хуан де ла Коса, но не рискнул объявить ее островом. На юге Новый Свет обозначен под названием «Terra Sanctæ Crucis sive Mvndvs Novvs». Открытое море отделяет Новый Свет от Азии, что показывает, что Руйш не знал о неудачных поисках этого прохода Колумбом, Бастидасом и Пинсоном. Стоит отметить, что название «Америка» не используется этим соотечественником Гилагомила. Гумбольдт считает, что он не видел «*Cosmographiæ Introductio*», но читал какое-то другое издание третьего путешествия Веспуччи « ». *Exam. Crit.*, т. II, стр. 5, 9; т. IV, стр. 121, и предисловие к *Ghillany*. См. также *Kunstmann, Entdeckung Am.*, стр. 136-7; *Harrisse, Bib. Am. Vet.*, стр. 107-8; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 156-8; *Stevens' Notes*, стр. 31-2.

ЗАВОЕВАНИЕ ТЬЕРРА-ФИРМЕ.

[1509 г.] Воодушевленный открытием адмиралом золота в Верагуа, которое было подтверждено последующими экспедициями, король Испании Фердинанд решил основать колонии на этом побережье. Регион, известный как Тьерра-Фирме, был для этой цели разделен на две провинции,

губернатором одной из которых был назначен Алонсо де Охеда, а другой — Диего де Никуэса. Охеда отплыл из Эспаньолы 10 ноября 1509 года, а Никуэса вскоре последовал за ним. Их приключения составляют важную часть ранней истории Центральной Америки и подробно описаны в следующих главах. В последующие годы между новыми колониями, Ямайкой, Кубой и Эспанолой, совершались частые путешествия, которые в основном опущены здесь, поскольку не представляют собой новых открытий. *Путер Мартур*, dec. ii. cap. i.; *Гомара*, *Hist. Ind.*, fols. 67-9; *Гальвано*, *Discov.*, стр. 109-10; *Овьедо*, *Hist. Gen.*, tom. ii. стр. 421-8; *Эрпера*, *Hist. Gen.*, dec. i. cap. vii. lib. vii. et seq.

Globus Mundi, Страсбург, 1509, анонимное произведение, было первым, в котором название «Америка» было применено к южному континенту. *Гумбольдт*, *Exam. Crit.*, том IV, стр. 142; *Мейджор*, *Принц Генри*, стр. 387.

КАРТА ПЕТРА МУЧЕНИКА, 1511 год.

[1511.] Хуан де Аграмонте получил поручение от испанского правительства и подготовился к плаванию в Ньюфаундленд и земли северо-западного океана, но больше об этом ничего не известно. *Viages Menores*, в *Navarrete*, том III, стр. 42; *Sobrecarta de la Reina Doña Juana*, в *Navarrete*, том III, стр. 122. с. 122. *P. Martyris, Anglimediolanensis opera*, Севилья, 1511, — первое издание первого десятилетия Петра Мученика, содержащее в десяти письмах, или книгах, отчеты о первых трех путешествиях Колумба, некоторых экспедициях в Перловое побережье () и заканчивающееся кратким упоминанием о четвертом путешествии адмирала. Ученый автор был лично знаком с Колумбом, и его отношения, следовательно, имеют большую ценность. Эта работа содержит карту, копию которой я привожу из Стивенса, единственного факсимиле, которое я видел.

На карте показаны только испанские открытия, но она является самой точной из всех, которые были сделаны до сих пор. Куба, которая теперь доказала, что является островом, обозначена на карте. Мундус Новус не имеет названия, но, судя по сведениям об испанских путешествиях, он простирается гораздо дальше на север и запад, чем на карте Руйша; но над известными побережьями оставлено место, где, как полагали, еще можно найти проход к Новой Индии. Изображение страны, соответствующей Флориде, к северу от Кубы, под названием «Isla de Beimini», может указывать на то, что Флорида была достигнута либо Окампо в 1508 году, либо каким-то частным авантюристом, таким как Диего Мируэло, который, как говорят, предшествовал Понсе де Леону, либо, как утверждают некоторые, Веспуччи в его мнимом путешествии 1497 года; но, скорее всего, этот регион был нанесен на карту на основе более старых карт — см. [карту Бехайма, стр. 93](#) — и название было дано в соответствии с рассказами туземцев о чудесной стране или острове, который они называли *бимини*, расположенном в том направлении. Карта недостаточно велика, чтобы точно показать отношение, которое, по мнению Петра Мартира, существовало между этими регионами и остальным миром, но текст первой декады не оставляет сомнений в том, что он по-прежнему считал их частью Азии.

В издании *Птолемея* 1511 года есть карта, которую я не видел, но которая, судя по некоторым описаниям, похожа на карту Руйша, за исключением того, что она изображает Terra Corterealis как остров, отделенный от предполагаемого азиатского побережья; название Sanctæ Crucis для Южной Америки по-прежнему сохраняется. До тех пор, пока новые земли считались частью Азии, карты имели некоторое сходство с реальными странами, которые они должны были изображать, но с первыми признаками появления идеи о существовании отдельных земель мы увидим величайшую путаницу в попытках картографов изобразить Новый Свет. *Harrisse, Bib. Am. Vet.*, № 68; *Kunstmann, Entdeckung Am.*, 133; *Kohl, Die beiden ältesten Karten von Am.*, стр. 33. Копия этой карты была опубликована в атласе *Лелевеля*.

[1512 г.] Западные Индийские острова, на которых испанцы наконец прочно обосновались, становятся теперь отправной точкой для новых путешествий. Отныне завоеватели и первооткрыватели в большинстве своем отправляются в плавание не из Испании, а с острова Эспаньола или Кубы. Хуан Понсе де Леон, богатый гражданин, бывший губернатор Пуэрто-Рико, за свой счет оснастил три корабля и отплыл на поиски источника, который, согласно преданиям туземцев, обладал свойством восстанавливать молодость и находился в стране под названием Бимини, далеко на севере. Эта идея была популярна на островах в течение нескольких лет, и, как мы видели, такое название было дано этой земле на карте Петра Мартира 1511 года. Отплыв из Пуэрто-Рико 3 марта 1512 года, Понсе де Леон следовал вдоль северного побережья Эспаньолы, а оттуда на северо-запад через Багамы, достигнув Сан-Сальвадора 14 марта. Через тринадцать дней он увидел побережье Флориды, названное им в честь дня открытия, который был Паскуа Флорида, или Пасха. Местное название этой земли было Каутио. 2 апреля испанцы высадились на 30° 8' и взяли эту землю во владение для короля Испании; затем, следуя по побережью Флориды () на юг, 8 мая они обогнули мыс Корриентес (Каньяверал) и продвинулись к неопределенной точке на южном или восточном побережье, которая, по мнению Коля, могла быть заливом Шарлотта. Все это время они полагали, что эта страна является островом. 14 июня Понсе де Леон отплыл из Флориды и по пути обратно зашел в Тортугас, Лукайос, Багамы и Сан-Сальвадор, прибыв в Пуэрто-Рико 21 сентября. Он оставил одно судно под командованием Хуана Переса де Ортубиа, который прибыл несколько дней спустя с новостью о том, что он нашел Бимини, но не нашел источник молодости. *Reise des Ponce de Leon, und Entdeckung von Florida, in Sammlung*

aller Reisebesch., том xiii. с. 188; *Viages Menores*, в *Navarrete*, т. iii. с. 50-3: *Real cédula dando facultad á Francisco de Garay*, в *Navarrete*, т. iii. с. 148; *Uitvoerlyke Scheepstogt door den Dapperen Jean Ponze de Leon gedaan naar Florida*, в *Gottfried*, т. iii.; *Gomara, Hist. Ind.*, fols. 50-2; *Galvano's Discov.*, стр. 123. Коль датирует это путешествие 1513 годом, опираясь на Пешеля, который, по его словам, доказал, что 1512 год является невозможной датой.

В 1512 году колонисты из залива Дариен, тогда называвшегося Ураба, отправили регидора Вальдивию на Эспаньолу за припасами. Потерпев кораблекрушение в сильном шторме, он на лодках добрался до побережья Юкатана, где он и его спутники были взяты в плен туземцами. Некоторые из них были принесены в жертву богам, а затем съедены; только двое, Гонсало Герреро и Херонимо де Агилар, пережили все испытания, причем последний был спасен Кортесом в 1519 году. *Торквемада, Monarq. Ind.*, т. i. стр. 368-72; *Гомара, Hist. Mex.*, фол. 21-2; *Эппера, Hist. Gen.*, dec. ii. lib. iv. cap. vii.; *Когольюдо, Hist. Yucathan*, стр. 24-9.

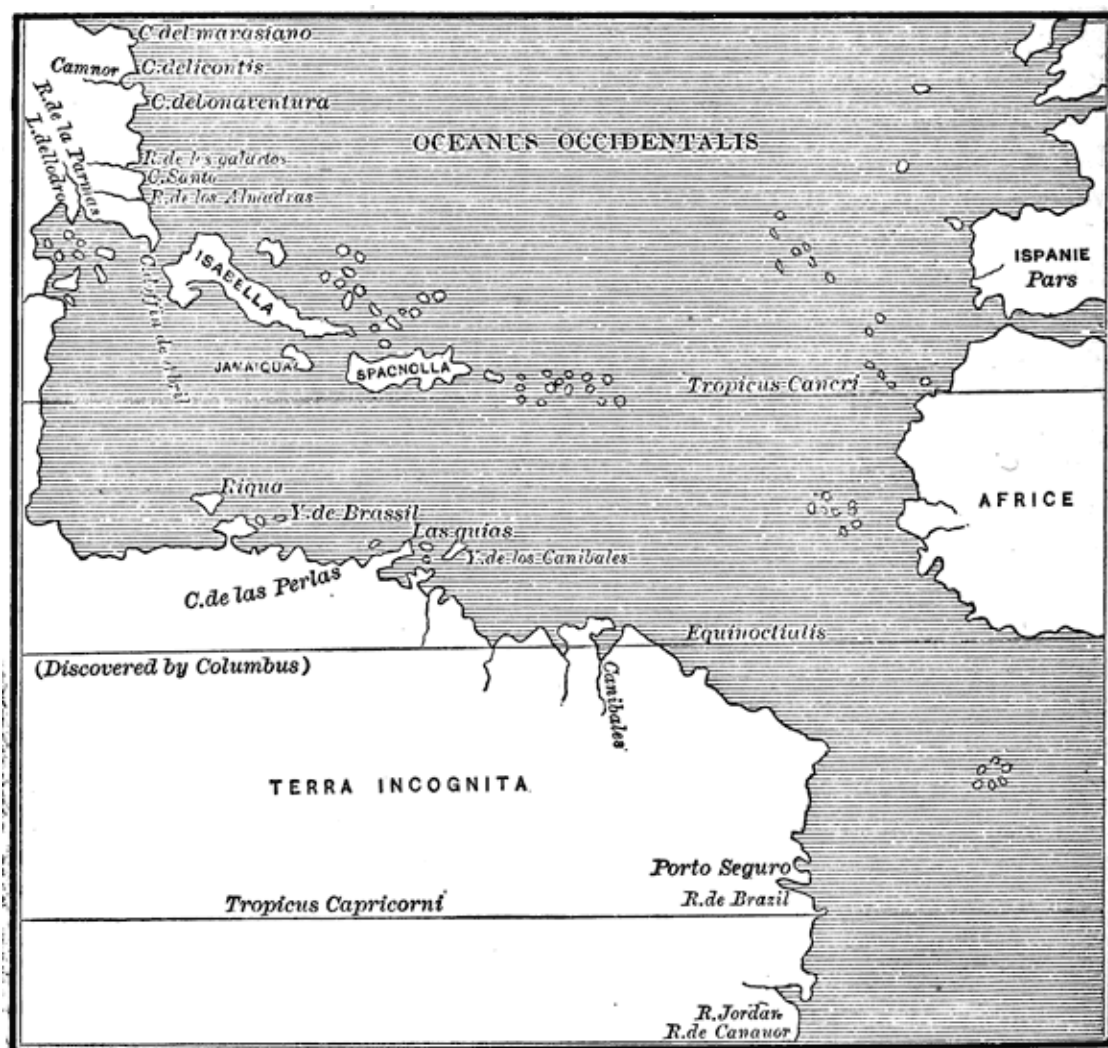
Я не видел очень редкую карту в книге *Стобница «Птолемей»*, Краков, 1512 год. Говорят, что на ней Новый Свет изображен как непрерывная береговая линия от 50° северной широты до 40° южной. Ни в тексте, ни на карте не встречается название «Америка».

ОТКРЫТИЕ ТИХОГО ОКЕАНА.

[1513 г.] В сентябре 1513 года Васко Нуньес де Бальбоа вышел из поселения Антигуа в заливе Ураба и, пересекая узкий перешеек, соединяющий две Америки, открыл обширный океан к югу, по другую сторону предполагаемой Азии. Перешеек здесь проходит с востока на запад, а по обе стороны, к северу и югу, находятся большие океаны, которые долгое время назывались Северным и Южным морями. Исследовав соседние побережья, он вернулся в Антигуа в январе 1514 года после четырехмесячного отсутствия. *Galvano's Discov.*, стр. 123-5; *Peter Martyr*, dec. iii. cap. i.; *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. iii. pp. 9-17; *Andagoya's Narrative*, p. 7; *Carta del Adelantado Vasco Nuñez de Balboa*, in *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc. Inéd.*, tom. ii. p. 526.

В издании *Птолемея* 1513 года есть карта, которая, как считается, была составлена Гилагомилом еще в 1508 году, но в отношении которой, по-видимому, существует много неопределенностей. Я привожу копию из факсимиле Стивенса и Варнхагена.

Название «Куба» на ней отсутствует, а вместо него указано «Исабела». Многие названия, данные на других картах пунктам на побережье Кубы, перенесены на противоположный материк. Составитель, очевидно, не мог решить, является ли Куба частью азиатского материка, и поэтому изобразил ее обоими способами. Линия побережья должна рассматриваться как воображаемая или взятая из старых карт, если только, как полагает М. Варнхаген, Веспуччи действительно не проплыл вдоль побережья Флориды в 1497 году. Эта карта, если она была составлена в 1508 году, может считаться первой, соединившей южный континент, или *Mundus Novus*, с материком Азии. Эта южная земля называется «Тегга Incognita» с надписью, в которой прямо указано, что она была открыта Колумбом, несмотря на то, что ее предполагаемый автор предложил название «Америка» в честь Веспуччи всего лишь годом ранее. На самом деле карта во многих отношениях несогласованна, и большинство авторов упоминают ее лишь вскользь. *Harrisse, Bib. Am. Vet.*, № 74; *Humboldt, Exam. Crit.*, т. IV, стр. 109 и далее, и Предисловие к *Ghillany; Kunstmann, Entdeckung Am.*, стр. 130-2; *Kohl, Die beiden ältesten Karten von Am.*, стр. 33; *Варнхаген, Nouvelles Recherches*, Вена, 1869, стр. 56; *Заметки Стивенса*, табл. ii. № i. стр. 13, 14, 51; *Майор, Принц Генри*, стр. 385-6; *Сантарем, в Bulletin de la Soc. Géog.*, май 1847, стр. 318-23.

КАРТА ИЗ ПТОЛЕМЕЯ, 1513.

Мейджор считает, что название «Америка» впервые появилось на рукописной карте Леонардо да Винчи, хранящейся в коллекции королевы в Виндзоре, которую он датирует 1513 или 1514 годом.

[1514.] Педрариас Давила, назначенный губернатором Кастилии-дель-Оро, под этим названием теперь назывался регион около перешейка Дарьен, 12 апреля 1514 г. отплыл из Сан-Лукара с флотилией из пятнадцати кораблей и более 2000 человек. Особой целью этой экспедиции было открытие и заселение берегов Южного моря, о существовании которого сообщалось в Испании, но открытие которого Васко Нуньесом де Бальбоа не было известно до отправления Педрариаса. Эррера, т. I, кн. X, гл. XIII; Пунтер Мартур, т. II, гл. VII; т. III, гл. V; Гальвано, «Discov.», стр. 125; Кинтана, «Vidas de Españoles Célebres», «Бальбоа», стр. 28; Робертсон, «Hist. Am.», т. I, стр. 207. См. [главу X](#) настоящего тома.

[1515.] Хуан Диас де Солис отплыл из Лепе 8 октября 1515 года на трех судах и исследовал восточное побережье Южной Америки от мыса Сан-Роке до Рио-де-Жанейро, где был убит туземцами. Наваррете, *Col. de Viages*, т. iii. стр. 48-50. В Севилье были подготовлены три корабля, укомплектованные экипажем и вооруженные для похода против карибов под

командованием Хуана Понсе де Леона, но испанцы потерпели поражение в первом столкновении с дикарями у Гуадалупе, и экспедиция была практически прекращена.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ РАСШИРЕНИЕ ДВУХ АМЕРИК.

Приключения Бадахоса, Меркадо, Моралеса и других в 1515-16 и последующих годах, благодаря которым география перешейка была более полно определена, описаны в других источниках.

Schöner, Luculentissima quædā terræ totius descriptio, Нюрнберг, 1515, и другое издание той же работы под названием *Orbis Typvs*, то же место и дата, содержат главу об Америке, «открытой Веспуччи в 1497 году». В *Reisch, Margaritha Philosophica*, Страсбург, 1515, энциклопедии, которая часто переиздавалась, есть карта, которая является почти точной копией карты в *Птолемея* 1513 года, за исключением названий. Материк к северо-западу от Кубы называется *Zoana Mela*, но названия некоторых населенных пунктов вдоль побережья опущены. И Куба, и Эспаньола называются Исабела, а южный континент обозначен как «*Paria seu Prisilia*». *Harrisse, Bib. Am. Vet.*, nos. 80-2; *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 130-1; *Коль, Die beiden ältesten Karten von Am.*, стр. 33; *Заметки Стивенса*, стр. 52; факсимиле, табл. iv. № 2.

[1516.] После путешествия Понсе де Леона в 1512 или 1513 году, и, вероятно, до этого времени, частные авантюристы совершали путешествия на север от Эспаньолы и Кубы к островам и Флориде. Среди них было путешествие Диего де Мируэло в 1516 году, который, вероятно, посетил западный берег или побережье залива Флориды и привез обратно образцы золота. Подробности этой экспедиции неизвестны. *Гарсиласо де ла Вега, La Florida del Inca*, Мадрид, 1723, стр. 5.

Lettera di Amerigo Vespucci, Флоренция, 1516, второе собрание четырех путешествий; *Peter Martyr, Ioannes ruffus, De Orbe Decades*, Алкала, 1516, первое издание трех десятилетий; и *Giustiniani, Psalterium*, Генуя, 1516, в котором к девятнадцатому псалму добавлена биография Колумба, входят в число новых книг этого года.

[1517.] Эден в посвящении английского перевода «*Космографии*» Мюнстера в 1553 году упоминает о некоторых кораблях, «оснащенных и отправленных» в 1517 году под командованием Себастьяна Кабота и сэра Томаса Перта; но сердце баронета было настолько слабым, что путешествие «не принесло никаких результатов». Основываясь на этом авторитете, некоторые авторы приписывают Каботу путешествие в 1517 году в регионы, по поводу которых они не приходят к единому мнению. Экспедиция, цель и результаты которой неизвестны, вряд ли могла оказать значительное влияние на географические знания; и Коль, после всестороннего обсуждения этого вопроса, похоже, доказал против Биддла, его главного сторонника, что нет достаточных доказательств такого путешествия. *Navigazione di Sebastiano Cabota*, в *Ramusio*, т. II, фол. 212; *Kunstmann, Entdeckung Am.*, стр. 54-5; *Roux de Rochelle*, в *Bulletin, Soc. Géog.*, апрель 1832 г., стр. 209; *Peter Martyr*, dec. iii. cap. vi.

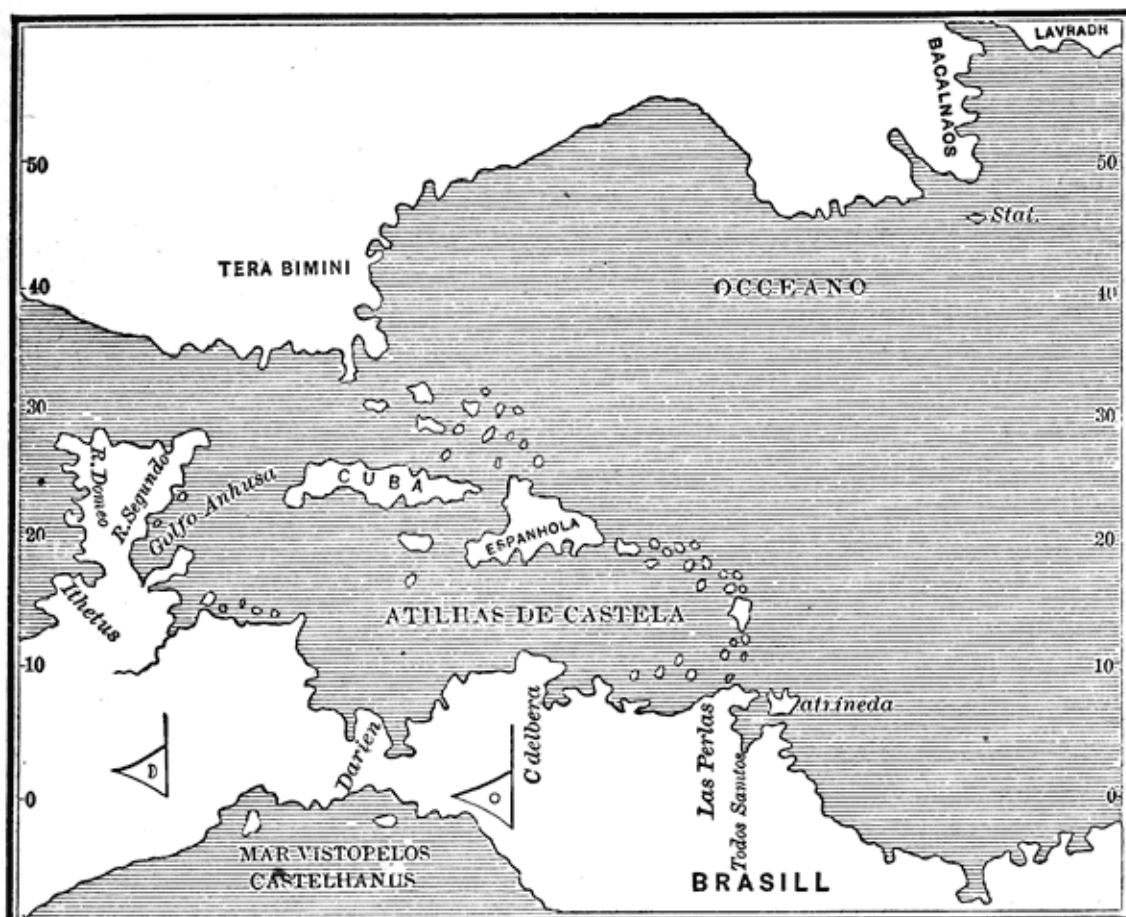
Франциско Эрнандес де Кордова с тремя кораблями и 110 людьми отплыл из Гаваны 8 февраля 1517 года, посланный губернатором Кубы для проведения исследований на западе. Прибыв к мысу Каточе в Юкатане, он за пятнадцать дней обогнул полуостров до Кампече, а через шесть дней достиг Потончана, или Чампотона, где произошло сражение с туземцами, в котором испанцы потерпели поражение. Сообщения указывают на то, что исследователи не были единодушны в предположении, что Юкатан является островом, как это впоследствии было представлено на некоторых картах. Не сумев запастись водой в болотах Лагартос, Кордова переплыл залив во Флориду, а оттуда вернулся на Кубу, где через десять дней

скончался от ран. Я не нашел никаких сведений о том, в какой части Флориды он высадился. *Торквемада, Monarq. Ind.*, том I. Стр. 349-51; *Петр Мученик*, раздел IV, глава I; *Овьедо, Hist. Gen.*, том I, стр. 497-8; *Galvano's Discov.*, стр. 130-1; *Гомара, Conq. Mex.*, фолиант 8-9; *Эрпера, Hist. Gen.*, раздел II, книга II, глава XVII; *Когольюдо, Hist. Yucathan*, стр. 3-8; *Прескотт, Mex.*, т. i. стр. 222-24; *Viages Menores*, в *Наваррете*, т. iii. стр. 53-5; *West-Indische Spieghel*, стр. 188; *Иказбальсета, Col. Doc.*, том i. стр. 338-41.

[1518.] В следующем году Хуан де Грихальва был отправлен из Кубы, чтобы продолжить исследования, начатые Кордобой. Грихальва отплыл из Сантьяго-де-Куба 8 апреля 1518 года на четырех судах, 3 мая достиг острова Санта-Крус (Косумель), 6 мая взял его во владение и вскоре после этого вошел в бухту Асценсьон. От этого места он проплыл вдоль побережья Юкатана, по его оценкам, 270 лиг до Пуэрто-Десеадо, вошел в реку Рио-де-Грихальва (Табаско) и дал ей свое имя, а 19 июня захватил власть над землями в окрестностях Веракруса. Продвигаясь вверх по побережью до Кабо-Рохо, он развернулся и вошел в Рио-Тонала, вступил в прощальную битву при Чампотоне, следовал по побережью в течение нескольких недель, а затем повернул к Кубе, прибыв в Матансас примерно 1 ноября. Во время его отсутствия Кристобаль де Олид обогнул большую часть Юкатана в поисках флота Грихальвы. *Путер Мартур*, dec. iv. cap. iii.-iv.; *Торквемада, Monarq. Ind.*, том. i. pp. 351-8, *Овьедо, Hist. Gen.*, том. i. pp. 502-37; *Гомара, Conq. Mex.*, fol. 8-11, 56-8; *Эрпера, Hist. Gen.*, dec. ii. lib. iii. cap. i. ix.; *Робертсон, Hist. Am.*, vol. i. pp. 240-4; *Брассер де Бурбурз, Hist. Nat. Civ.*, том. iv. pp. 40-50; *Когольюдо, Hist. Yucathan*, стр. 8-16; *Duac, Itinéraire*, в *Ternaux-Compans, Voy.*, série i. том. x. стр. 1-47; *Viages Menores*, в *Navarrete*, том. iii. стр. 53-64; *Аламан, Disertaciones*, том. i. стр. 45-8; *Reise des Johann Grijalva und allererste Entdeckung Neuspaniens*, в *Sammlung*, том xiii. стр. 258; *Itinerario de Juan de Grijalva*, в *Icazbalceta, Col. Doc.*, том i. стр. 281.

Здесь я могу заметить, что такие рукописные карты, составленные в основном пилотами для использования правительством, которые сохранились до наших дней, как и следовало ожидать, намного превосходят карты, опубликованные в географических трудах того периода. Я привожу копию португальской карты, хранящейся в Королевской академии в Мюнхене.

Из того факта, что Юкатан представлен как полуостров, хотя и не назван, а открытия Грихальвы и Кортеса не показаны, можно сделать вывод, что карта датируется 1518 годом. Стивенс считает, что она была составлена примерно в 1514 году; Коль — около 1520 года; Кунстманн — после 1511 года. Неисследованные побережья не указаны, а не нанесены на карту по старым азиатским картам « »; например, побережье Соединенных Штатов от Ньюфаундленда (Basalnaos) до Флориды (Bimini) и побережье Мексиканского залива от Флориды до Юкатана. В центральной части используются названия «*Terram Antipodum*» и «*Antilhas de Castela*» без каких-либо указаний на то, к каким именно частям они относятся. Южное море, открытое Бальбоа в 1513 году, здесь впервые показано с надписью «*Mar visto pelos Castelhanus*». Южная Америка обозначена названием «*Brasill*». Наличие двух мусульманских флагов в местах, соответствующих Гондурасу и Венесуэле, показывает, что составитель все еще не сомневался, что он наносит на карту части Азии. *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 129 и далее; *Мюнхенский атлас*, № iv., из которого я взял свою копию; *Коль, Hist. Discov.*, стр. 179-82, табл. x.; *Заметки Стивенса*, стр. 17, 53, табл. v. *Libri de situ orbis* Помпония Мелы, Вена, 1518, содержит комментарий Вадриануса, написанный, однако, в 1512 году, в котором название «Америка» используется при упоминании Нового Света. Другие издания появились в 1522 и 1530 годах.

КАРТА В МЮНХЕНСКОМ АТЛАСЕ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО НАРИСОВАННАЯ ОКОЛО 1518 ГОДА.

[1519.] В книге Стобнича «Птолемей» 1519 года упоминается Новый Свет, открытый Веспуччи и названный в его честь.

Enciso, Suma de geografia, Севилья, 1519, — первое известное испанское произведение, посвященное новым регионам. Автор был спутником Охеды в его неудачной попытке основать колонию на Tierra Firme. Другое издание появилось в 1530 году.

ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ.

18 февраля 1519 года Эрнан Кортес отплыл из Кубы, чтобы начать завоевание стран, открытых Кордобой и Грихальвой (). Проведя некоторое время на острове Косумель, где он спас Херонимо де Агилара из долгого плена (см. [стр. 129](#)), он проследовал вдоль побережья до Рио-де-Грихальва, где победил туземцев в сражении и взял землю во владение от имени католических монархов. Отсюда он продолжил свое путешествие, плывя вдоль берега до Веракруса, где высадил свои войска и начал завоевание империи Монтесумы, история которой составляет часть следующего тома этой серии.

Франциско де Гарай, губернатор Ямайки, под влиянием отчетов Понсе де Леона, Кордобы и Грихальвы, в 1519 году отправил четыре корабля под командованием Алонсо Альвареса Пинеда, которые направились на север к побережью Пануко (где, по словам Гомары, в предыдущем году была отправлена экспедиция под командованием Камарго). Не имея возможности из-за ветров и мелей плыть на север, как он хотел, он плыл вдоль берегов

низменного залива Пануко (), пока не достиг Веракруса, где обнаружил флот Кортеса. Эта встреча вызвала конфликт между командирами, о котором будет рассказано ниже.

Гарай некоторое время продолжал попытки основать поселение в районе Пануко, но без успеха. *Pemp Мученик*, dec. v. cap. i.; *Гомара, Hist. Ind.*, fol. 55-6; *West-Indische Spiegel*, стр. 202; *Гомара, Hist. Conq.*, fol. 222-7; *Viages Menores*, в *Наваррете*, том III, стр. 64-7; *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 73.

Вскоре после высадки в Веракрусе Кортес отправил в Испанию корабль под командованием лоцмана Антонио де Аламиноса с посланниками, которые должны были объяснить королю некоторые нарушения, которые решительный завоеватель был вынужден совершить, а также установить свою власть на более четкой основе. Аламинос отплыл 16 июля 1519 года, следуя по новому маршруту к северу от Кубы, через Багамский пролив и вниз по Гольфстриму, течением которого он, вероятно, был первым, кто воспользовался. Зайдя на Кубу и открыв остров Терсейра, он достиг Испании в октябре. *Диас дель Кастильо, «Hist. Verdadera de la Conquista»*, Мадрид, 1632, фол. 37-9; *Эррера, «Hist. Gen.»*, декабрь II, книга V, глава XIV; *Коль, «Hist. Discov.»*, стр. 243-5.

История колоний Дариен рассказывается в другом месте этого тома, и введение здесь многочисленных сухопутных и водных экспедиций по перешейку и вдоль него было бы запутанным и бесполезным. Достаточно сказать, что в 1519 году был основан город Панама, а вторая экспедиция под руководством Гаспара де Эспиноса отправилась вверх по побережью Южного моря. Северной границей экспедиции стал залив Сан-Лукар (Никоя) на 10° северной широты в Никарагуа, и экспедиция вернулась в Панаму по суше из Бурики. *Andagoya's Narrative of the Proceedings of Pedrarias Dávila*, London, 1865, pp. 23-4; *Kohl, Die beiden ältesten Karten von Am.*, p. 162; *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. iii. p. 61 et seq.

Мы видели несколько неудачных попыток как испанцев, так и португальцев найти проход в Индию через южные части Бразилии, Санта-Крус или Америку. В 1519 году уроженец Порту, Фернандо де Магальяенс, которого испанцы называли Магалланес, а английские авторы — Магеллан, после нескольких путешествий в Индию через Мыс Доброй Надежды по поручению Португалии, недовольный португальской службой, перешел на службу Испании и предпринял неоднократные попытки достичь Востока, плывя на запад. Его конкретной целью были Молуккские острова, которые испанцы считали находящимися в пределах полушария, предоставленного им по договору Тордесильяс 1494 года. По-видимому, Магеллан видел какую-то карту неизвестного происхождения, на которой в южной оконечности Америки вместо открытого моря был изображен пролив — вероятно, предположение какого-то географа, поскольку, как говорит Гумбольдт, «dans le moyen âge les conjectures étaient inscrites religieusement sur les cartes» (в средние века предположения религиозно заносились на карты). См. *Exam. Crit.*, т. i. стр. 306, 326, 354; т. ii. стр. 17-26. Отплыв из Сан-Лукара 20 сентября 1519 года с пятью кораблями и 265 людьми, он достиг Рио-де-Жанейро на побережье Бразилии 13 декабря и оттуда направился на юг. Попытка пройти через континент по Рио-де-ла-Плата не удалась, и 31 марта 1520 года флот достиг порта Св. Юлиана примерно на 49° южной широты, где пробыл пять месяцев, до 24 августа. 21 октября Магеллан прибыл в Кабо-де-лас-Вирхенес и к входу в то, что казалось и действительно оказалось долгожданным проливом. Потеряв одно судно на восточном побережье и будучи покинутым другим, которое развернулось и отплыло в Испанию после входа в пролив, он прошел дальше с оставшимися тремя судами, назвав землю на юге Огненной Землей из-за виденных там пожаров. Выйдя из пролива, который он назвал Витория в честь одного из своих кораблей, 27 ноября он вошел в Тихий океан и дал ему это

название. Затем, направляясь на северо-запад в поисках более теплых краев, он пересек экватор 13 февраля 1521 года, прибыл на острова Ладронес 6 марта и на Филиппины 16 марта. Этот смелый мореплаватель, «второй после Колумба в истории морских исследований», был убит 27 апреля в сражении с туземцами одного из этих островов (); остатки отряда, состоявшие из 115 человек под командованием Карабальо, продолжили свой путь, заходя на Борнео и другие острова, и 8 ноября бросили якорь у Молуккских островов, которые были их конечным пунктом назначения. Отсюда одно из судов, «Витория», под командованием Себастьяна дель Кано, обогнуло мыс Доброй Надежды и 6 сентября 1522 года достигло Сан-Лукара, причем из 265 человек, отплывших с Магелланом, в живых осталось только 18. Так было совершено первое кругосветное плавание.

НАЗВАНИЕ ТИХОГО ОКЕАНА.

Что касается обстоятельств, сопутствовавших присвоению Тихому океану его названия, то несколько слов об этом будут нелишними. Магеллана сопровождал некий Антонио Пигафетта из Виченцы, впоследствии Кавильер ди Роди, который написал на плохом итальянском языке рассказ о путешествии, который был переписан и переведен на французский язык под названием «*Primer voyage autour du Monde, par le Chevallier Pigafetta, sur l'Escadre de Magellan pendant les années 1519, 20, 21, et 22*» (Первое путешествие вокруг света, совершенное кавалером Пигафеттой на флоте Магеллана в 1519, 20, 21 и 22 годах) Шарлем Аморетти. «Le mercredi, 28 novembre», — пишет Пигафетта, liv. ii. p. 50, «nous débouquâmes du détroit pour entrer dans la grande mer, à laquelle nous donnâmes ensuite le nom de mer Pacifique; dans laquelle nous naviguâmes pendant le cours de trois mois et vingt jours, sans goûter d'aucune nourriture fraîche». И снова, на стр. 52: «За это время, три месяца и двадцать дней, мы прошли около четырех тысяч лиг по этому морю, которое мы называли Тихим, потому что за все время нашего плаванья мы не встретили ни одной бури»; или, как пишет Рамузио в «*Viaggio attorno il mondo fatto et descritto per M. Antonio Pigafetta*» в «*Viaggi*», том iii. fol. 393, «Et in questi tre mesi, & venti giorni fecero quattro mila leghe in vn golfo per questo mar Pacifico, il qual ben si può chiamar pacifico, perche in tutto questo tempo senza veder mai terra alcuna, non hebbero né fortuna di vento, né di altra tempesta». Питер Мартир, dec. v. cap. vii., говорит о нем только как о «огромном океане», впервые обнаруженном Васко Нуньесом, а затем названном Южным морем. Гальвано, *Discov.*, стр. 142, упоминает о нем как о «могучем море под названием Pacificum». Овьедо, *Hist. Gen.*, том II. p. 22, просто замечает: «Это пролив, в некоторых местах шириной более или менее пол-лиги, окруженный высочайшими горами, покрытыми снегом, и впадающий в другое море, которое капитан Фернандо де Магалланес назвал *Тихим океаном*; оно очень глубокое, в некоторых местах от двадцати пяти до тридцати брас». Гомара, *Hist. Ind.*, fol. 120, говорит: «No sabia de gozo por auer hallado aql paso para el otro mar del Sur, por do pësava llegar presto alas yslas del Maluco», не упоминая слова «Тихий». *Sammlung aller Reisebeschreibungen*, том XI, стр. 346, приводит практически то же самое, что и Пигафетта: «За три месяца и двадцать дней он проплыл четыре тысячи миль по морю, которое он назвал мирным или тихим, потому что не встретил на нем ни одного шторма и не видел никакой другой земли, кроме этих двух островов». Коль, *Die beiden ältesten Karten von Am.*, стр. 161, не может найти это название на старых картах: «Der Name 'Oceano Pacifico,' der auch schon auf den Reisen des Magellan und Loaysa in Schwung kam, steht nirgends auf unseren Karten.» Herrera, dec. ii. lib. ix. cap. xv., описывает выход из пролива следующими словами: «a veynte y siete de Nouiëbre, salio al espacioso mar del Sur, dando infinitas gracias a Dios». Наваррете, *Viages al Maluco; Primero el de Hernando de Magallanes*, в томе iv. стр. 49-50, из его коллекции говорит: «Магеллан вышел из пролива, который они называли *Всех Святых*, 27 ноября 1520 года на трех кораблях «Тринидад», «Виктория» и

«Концепсьон» и оказался в темном и густом море, что было признаком большого залива; но потом они назвали его *Тихим океаном*, потому что за все время, что они плавали по нему, не было ни одной бури». Так случилось, что во время этого первого кругосветного плавания, когда чужестранцы вошли в южную часть Южного моря Васко Нуньеса, воды встретили их доброжелательно, и в ответ они дали ему мирное название; другие путешественники, входившие в это же море в другое время, придали ему совершенно иной характер — « » (неспокойное море). Для дальнейшего ознакомления см. *Voyage de Fernando de Magelhaens, в Berenger, Col. Voy.*, том i, стр. 1-26; *Aa, Naaukeurige Versameling*, том ix, часть ii, стр. 7; *Purchas, His Pilgrimes*, том i, часть ii, стр. 33-46.

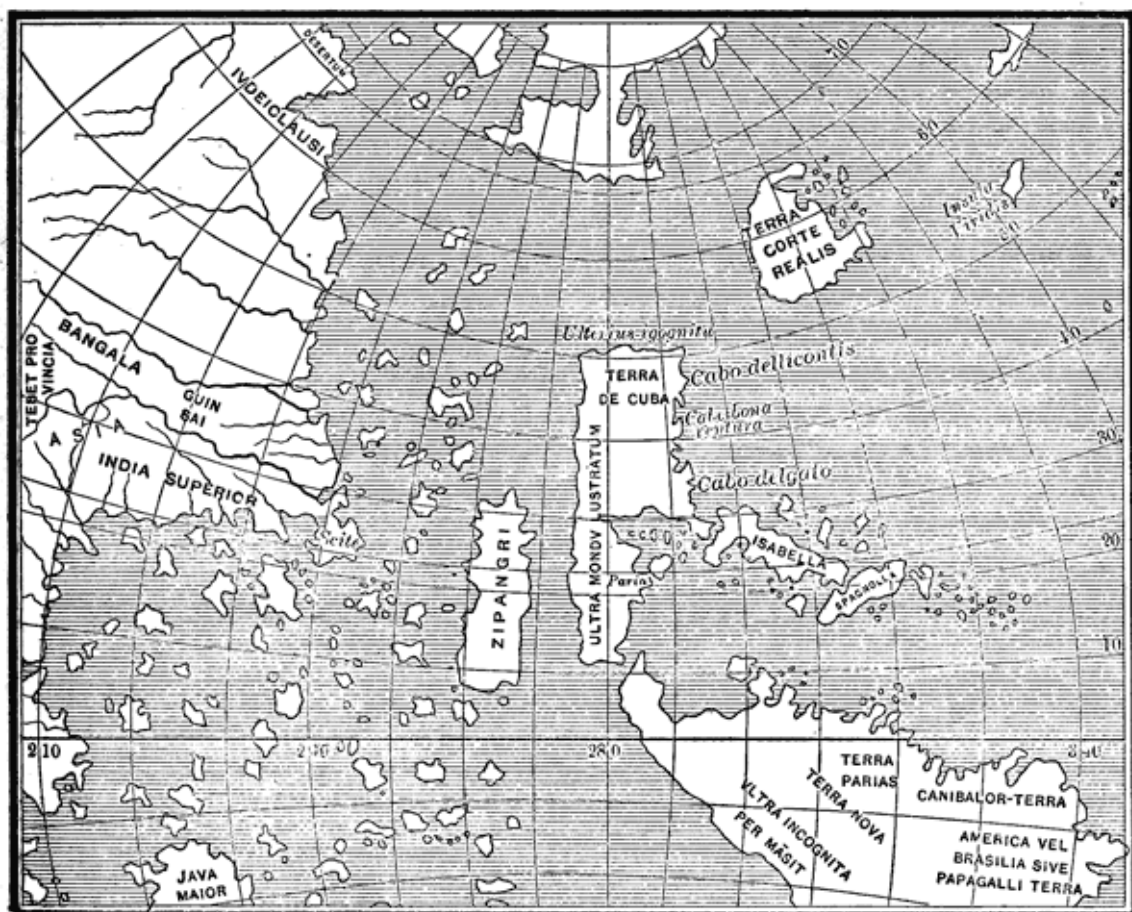
КАРТЫ И КНИГИ.

Рукописная карта, предположительно составленная Майоло в 1519 году, факсимиле которой приводится в *Мюнхенском атласе*, № v., показывает острова и материк от Юкатана на юг и восток, очень похожие, за исключением названий местностей, на карту 1518 года (см. [стр. 133](#)). Восточная часть Бразилии называется «Санте Крусис», а на Жемчужном побережье есть надпись о том, что оно было открыто Колумбом. *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 135-6; *Шмеллер, в Abhandl. Akademie der Wissensch.*, том IV, часть I, стр. 253.

[1520.] Анонимная брошюра без даты *Copia der Newen Zeytung* представляет собой перевод письма, в котором описывается путешествие длиной в две тысячи миль вдоль побережья Бразилии. Харрис относит его к 1520 году и считает, что оно может служить основанием для предположения, что Магеллан не был первым, кто достиг пролива. Варнхаген, *Hist. Brazil*, Мадрид, 1854, утверждает, что путешествие, описанное в « », было совершено Солисом и Пинсоном в 1508 году. Гумбольдт, *Exam. Crit.*, том V, стр. 249, относит это описание к какому-то более позднему путешествию, совершенному между 1525 и 1540 годами.

К *Varthema, Itinerario Nello Egitto, Venetia* (предположительно 1520 г.), приложено описание путешествия Грихальвы в Юкатан в 1518 г. (см. [стр. 132](#)), переведенное из оригинального дневника Хуана Диаса, капеллана экспедиции. Другие издания появились в 1522-26-35 гг. *Discorso sopra lo itinerario di Lodouico Barthema*, в *Ramusio*, том I, лист 160. Маршрут Диаса не приводится Рамузио. *Provinciae sive Regiones in India Occidentali*, Вальядолид, 1520, представляет собой латинский перевод рассказа неизвестного автора о завоевании Кубы Диего Веласкесом. *Pigghe, De æquinoctiorum sol*, etc., Париж, предположительно напечатанная в 1520 году, содержит отрывок о землях, открытых Веспуччи. *A New Interlude*, Лондон, 1519 или 1520, содержит стих, в котором используется название «Америка».

Глобус, изготовленный Джоном Шёнером в 1520 году, хранится в Нюрнберге, а копии были предоставлены Гиллани, Лелевелем и Колем, из которых я привожу сокращенную версию.

ГЛОБУС ШЁНЕРА, 1520 год.

Это первый чертеж, на котором все регионы Нового Света представлены как отдельные, хотя и не удаленные от азиатского побережья, которое в основном изображено так же, как на глобусе Бехайма, с некоторыми воображаемыми дополнениями вокруг северного полюса. Это разделение, несомненно, было лишь догадкой составителя, поскольку путешествие Магеллана, которое могло подсказать такую идею, еще не было известно и даже не было завершено, а на карте нет никаких сведений о более поздних путешествиях даже к восточному побережью. Все северные открытия представлены в виде острова «Terra Corterealis». Центральная и южная части — за исключением их отделения от Азии — точно скопированы с карты Птолемея 1513 года (см. [стр. 130](#)), хотя пролив ведет через перешеек в Южное море. «Terra de Cuba» — это название, данное северной части того, что можно считать ядром, из которого впоследствии выросла Северная Америка, в то время как южная часть называется Пария. Некоторые названия местностей на побережье, такие как «C. Dellicontis» и «C. Bonaventura», сохранены с карты 1513 года, хотя Коль ошибочно называет все названия новыми и оригинальными. Южному континенту даны различные названия, такие как Америка, Бразилия, Пария (повторно), Земля каннибалов и попугаев. На оригинале вокруг южного полюса изображена антарктическая область, называемая «Brasiliæ Regio» и отделенная от Америки на 42° южной широты проливом, хотя в то время о существовании такого пролива не могло быть известно. Гумбольдт, *Exam. Crit.*, т. II, с. 28. Несколько глобусов примерно того же периода, сохранившихся в Германии, по общим

чертам, как говорят, совпадают с глобусом Шёнера. *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 153-63, табл. vii., и *Beiden ältesten Karten von Am.*, стр. 33; *Harrisse, Bib. Am. Vet.*, стр. 141.

В *Solinus-Camers, Enarrationes*, Вена, 1520, была опубликована гравюра на дереве, первая карта, на которой было указано название «Америка». Карта была составлена Петрусом Апианом и впоследствии использована им в своей космографии. Согласно различным описаниям, она почти полностью совпадает с глобусом Шёнера, за исключением крайнего севера, где Энгронелант изображен почти так же, как на карте Зени 1400 года (см. [стр. 82](#)). *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 134-5; *Коль, Beiden ältesten Karten von Am.*, стр. 33; *Харрисс, Bib. Am. Vet.*, стр. 184, 192.

Кортес в своем втором письме от 30 октября 1520 года отправил в Испанию карту Мексиканского залива, которая была напечатана в 1524 году. Карта ценна только благодаря списку названий по всему побережью залива, поэтому нет необходимости воспроизводить ее здесь. Юкатан, по-видимому, изображен как остров. *Заметки Стивенса*, стр. 38, 53, табл. iv. № vii.

В 1520 году Лукас Васкес де Айон и другие богатые граждане Эспаньолы отправили два судна, вероятно под командованием Джордана, на острова Лукайос за рабами. Не добившись успеха на островах, испанцы направились на север, к стране, открытой Понсе де Леоном в 1513 году, и наконец достигли побережья примерно в 32° или 33° — Порт-Роял, по словам Наваррете; Стивенс говорит, что это был мыс Фир — регион, вероятно, никогда ранее не посещавшийся. Они называли эту страну Чикора, а место высадки — Кабо-де-Санта-Элена и Рио-Джордан. Они не проводили никаких исследований в каком-либо направлении. Один корабль и почти все рабы были потеряны на обратном пути. *Наваррете, Col. de Viages*, т. III, стр. 69-71; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 245-8; *Stevens' Notes*, стр. 48.

Панфило де Нарваэс отплыл из Кубы в 1520 году с большой армией, чтобы изгнать Кортеса, который провозгласил себя независимым от своего начальника Веласкеса, но после многих неудач его войска перешли на сторону противника. *Гомара, «История Индии»*, фолиант 52-5;

Овьедо, «Общая история», том I, стр. 540; *Торквемада, «Монархия Индии»*, том I, стр. 474.

ОТКРЫТИЯ В ЮЖНОМ МОРЕ.

После завоевания Мексики Эрнан Кортес очень скоро обратил свое внимание на побережье Южного моря. Узнав от туземцев, что Тихий океан простирается на север до завоеванной им земли, он послал небольшие отряды для исследования и захвата территории, что они и сделали в двух точках, Теуантепек и Сакатула, до конца 1521 года. Кортес был хорошо знаком с космографическими теориями того времени и с энтузиазмом применял их для открытия островов и материков, богатых пряностями и драгоценными металлами. Как показывали лучшие карты, теперь было общепризнано, что вновь открытые земли не были главным азиатским континентом Марко Поло, а представляли собой большой юго-восточный выступ этого континента, вероятно, отделенный от него проливом. Идея Кортеса состояла в том, чтобы плыть вдоль побережья, как он его называл, сначала на север, пока он не достигнет богатых индийских земель или по пути не найдет пролив, который обеспечит короткий путь из Испании в эти земли. Его усилия будут кратко описаны здесь в хронологическом порядке, но полностью представлены в другой части моей работы. Лучшим и почти единственным авторитетным источником является *Кортес, Cartas*.

[1521.] Хуан Понсе де Леон, узнав от других путешественников, что открытая им земля Флорида не была, как он полагал, островом, организовал экспедицию в Пуэрто-Рико и

отплыл, чтобы повторить во Флориде славные достижения Кортеса в Новой Испании. Он достиг западного побережья полуострова, но вскоре после высадки был убит туземцами, и его люди вернулись, не достигнув своей цели.

Путер Мартир, De nyper svb D. Carolo repertis Insulis, Базилия, 1521, — первое издание части четвертого десятилетия.

[1522.] Помпоний Мела, *De Orbis Sitv*, Basilæ, 1522, воспроизвел карту Апиана 1520 года (см. [стр. 137](#)), а также Коль, *Beiden ältesten Karten*, стр. 33. Птолемей этого года, под редакцией Фризиуса (), содержит две карты, похожие по своему общему виду на карту Птолемея 1513 года и показывающие лишь небольшой прогресс в географических знаниях. Эти карты также есть в издании 1525 года. *Katalog Aшера*, № civ., Берлин, 1873. *Translationus hispanischer, etc.*, n.p., n.d., содержит краткую информацию о городе Мехико. *Ein Schöne Neue Zeytung*, Augsburg (1522), упоминает о путешествиях Колумба и завоевании Мексики. *Of the newe lādes and of ye people founde by the Messengers of the Kynge of portygage*, относящаяся к этому году, считается первой книгой на английском языке, посвященной Америке, которую она называет Арменика. *Cortés, Carta de Relaciō*, Севилья, 1522, — это письмо от 30 октября 1520 года, предположительно второе письмо завоевателя, поскольку первое было утеряно. До 1532 года появилось еще восемь изданий или переводов в различных формах.

В 1522 году Паскуаль де Андагойя следовал по западному побережью Америки на юг от Панамы до точки, расположенной в шести или семи днях плавания ниже залива Сан-Мигель в провинции Биру (Перу), немного дальше мыса Пинос. Информация, полученная во время этой экспедиции о более южных землях, послужила мотивом для завоевания Перу, предпринятого несколькими годами позже Франциско Писарро. *Паскуаль де Андагойя, «Повествование»*, стр. 40-1.

Гиль Гонсалес Давила с флотом из четырех кораблей отплыл с островов в заливе Панама 21 января 1522 года, чтобы исследовать побережье Южного моря в северо-западном направлении. Достигнув залива Никоя, предельной точки путешествия Эспиносы, Гиль Гонсалес продолжил путь по суше и открыл озеро Никарагуа. Пилот Андрес Ниньо продолжил путь на запад, открыл и назвал залив Сан-Мигель-де-Фонсека и, согласно Эррере, dec. iii. lib. iv. cap. v.-vi., достиг провинции Чоротегу, открыв 350 лиг морского побережья от Никой или 650 лиг от залива Сан-Мигель. Питер Мартир помещает конечную границу Ниньо в 300 лигах за заливом Сан-Висенте; карта Рибера — в 140 лигах к западу от залива Фонсека. Коль, *Beiden ältesten Karten von Am.*, стр. 163-9, считает, что он, вероятно, достиг гор к югу от Соконуско. См. также *Наваррете, Col. de Viages*, т. III, стр. 413, 417-18; *Гальвано, Discov.*, стр. 148-9; *Овьедо, Hist. Gen.*, т. III, стр. 97-114; *Скьер, Nicaragua*, Нью-Йорк, 1860, стр. 157-61. Вскоре после этого были основаны города Гранада и Леон, и связь с Никарагуа с юга стала более частым явлением.

В 1522 году Педро де Альварадо занял Тутутепек на побережье Тихого океана, а в Закатуле была основана *вилла*, где началось строительство нескольких судов для исследования северных территорий. *Кортес, Cartas*, письмо от 15 мая 1522 года.

[1523 г.] Франсиско де Гарай оснастил новый флот из одиннадцати судов с 850 людьми, который отплыл из Ямайки 26 июня 1523 года. Эта сила предназначалась для завоевания и колонизации Пануко, но вскоре объединилась с армией Кортеса, не достигнув ничего значительного. *Наваррете, Col. de Viages*, т. III, стр. 67-9; *Эппера, Hist. Gen.*, dec. iii. lib. v. cap. v.-vi.; *Путер Мартир*, раздел vii. глава v.; *Кортес, Carta tercera de Relaciō*, Севилья, 1523. Это третье письмо было написано 15 мая 1522 года. Другие издания появились в 1524 и 1532

годах. Библиография писем Кортеса см. *Харрис, Bib. Am. Vet.*, стр. 215-23. *Максимилиан, De Moluccis Insulis, Coloniae, 1523*, — письмо, написанное секретарем императора, в котором описывается кругосветное путешествие Магеллана. Упоминаются другие издания, вышедшие в 1523, 1524, 1534, 1536 и 1537 годах.

[1524.] *Ануан, Cosmographicus Liber, Landshutæ, 1524*, содержит короткую главу об Америке, которую автор описывает как остров, поскольку, по его словам, она окружена водой; кроме того, он утверждает, что эта земля была названа в честь Веспуччи, ее первооткрывателя. Карта *Солина-Камерса, 1520*, повторяется в этом и нескольких последующих изданиях космографии. *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 134-5. *Фрэнсис, De Orbis Sitv ac Descriptione, Антверпен, 1524*, также описывает Новый Свет.

В 1524 году флот Кортеса в Закатуле еще не был спущен на воду, поскольку работы были задержаны из-за пожара. Однако завоевание Колимы позволило обнаружить хороший порт и принесло новые слухи о богатых островах, расположенных дальше на север. Планы завоевателя остались неизменными, а его энтузиазм не ослабевал. Его использование термина «la costa abajo», или «вниз по побережью», когда он имел в виду плавание на север, к сожалению, сбilo с толку многих писателей в отношении его реальных намерений и его представлений о проливе. *Кортес, Cartas*, письмо от 15 октября 1524 года.

В 1524 году была организована первая официальная французская экспедиция в Новый Свет. Флот из четырех судов был подготовлен под командованием Джованни Верразано в Дьеппе, но три из его кораблей каким-то необъяснимым образом отделились от него еще до выхода из европейских вод; и на оставшемся корабле, «Дофине», с пятьюдесятью людьми он отплыл 17 января 1524 года с острова недалеко от Мадейры. После сорока девяти дней плавания, в течение которых он проплыл 900 лиг, Верразано достиг побережья Соединенных Штатов примерно на 34° широты, возможно, у мыса Фир. Оттуда он сначала проплыл пятьдесят лиг на юг, затем, развернувшись, последовал вдоль побережья на север, часто заходя в Ньюфаундленд, откуда он вернулся в Дьепп в июле 1524 года. В своем дневнике Верразано упоминает только одну дату и называет только одно место, поэтому мнения о его высадках сильно расходятся.

Южная граница путешествия, насколько это можно судить, находилась в окрестностях мыса Ромен, Южная Каролина, хотя некоторые авторы, по-видимому, не имея достаточных оснований — путешественник говорит, что видел пальмы — поместили эту границу во Флориде. Вероятно, что большая часть побережья Соединенных Штатов была впервые исследована во время этого путешествия, которое также завершило открытие всего восточного побережья Америки, за исключением, вероятно, небольшого, но неопределенного участка в Южной Каролине и Джорджии, между границами, достигнутыми Понсе де Леоном в 1513 году и Верразано; одна промежуточная точка также была посещена Айоном в 1520 году. *Relatione di Gioianni da Verrazzano Fiorentino della terra per lui scoperta in nome di sua Maestà, scritta in Dieppa, adi 8, Luglio, MDXXIII.*, в *Ramusio*, том III, лист 420. В предисловии к этому тому, изданному в 1556 году, автор заявляет, что неизвестно, соединена ли Новая Франция с Флоридой или нет. *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iii. lib. vi. cap. ix.; *Hakluyt's Divers Voy.*, pp. 55-71; *New York Hist. Soc., Collections*, 1841, series ii. vol. i.; *Kohl's Hist. Discov.*, стр. 249-70; *Hakluyt's Voy.*, т. iii. стр. 295-300; *Aa, Naaukeurige Versameling*, том x. приложение, стр. 13. Считается, что карта, подаренная Верразано Генриху VIII, была использована Локом при составлении карты, опубликованной в *Hakluyt's Divers Voy.*, Лондон, 1582. (Переиздание Hakluyt Society, 1850. Копия в *Kohl*, стр. 290.)

В 1522 году Педро де Альварадо завершил завоевание Теуантепека на Южном море; в 1524 году и в последующие годы он расширил свои исследования и завоевания по суше через перешеек на всю северо-западную часть Центральной Америки, присоединив свои завоевания к завоеваниям своих соотечественников из Панамы. В 1523 году Кристобаль де Олид совершил экспедицию по воде в Гондурас на службе у Кортеса, основав поселение; а в 1524 году сам Кортес прошел по суше из Мексики в Гондурас. *Lettres de Pédro de Alvarado à Fernan Cortés*, в *Ternaux-Compans, Voy., série i. tom. x. c. 107-50*, и в *Ramusio, Viaggi*, том iii. fol. 296-300; *Peter Martyr*, dec. viii. cap. v. x.; *Oviedo, Hist. Gen.*, том iii. c. 434, 439, 475-87; *Гомара, Hist. Conq. Mex.*, fol. 228-33, 245-6, 250-74; *Эппепа, Hist. Gen.*, dec. iii. lib. iii. cap. xvii.; lib. vi. cap. x.-xii.; lib. vii. cap. viii.-ix.; lib. viii. cap. i.-vii.; *Аламан, Disertaciones*, том i. стр. 203-25; *Брассер де Бурбург, Hist. Nat. Civ.*, том iv. стр. 546-50, 598 и далее, 631-705.

ЗАВОЕВАНИЕ ПЕРУ.

В том же 1524 году Франсиско Писарро отплыл из Панамы на юг и начал завоевание Перу, которое, как рассказывается в другой части этого тома, привело к открытию до 1540 года почти всего западного побережья Южной Америки. Ссылки на открытия Писарро см. в одной из последующих глав этого тома.

Совещание ведущих пилотов и космографов Испании и Португалии, известное как Совет Бадахоса, было создано с целью урегулирования спорных вопросов между двумя правительствами. Не достигнув своей первоначальной цели, совет, тем не менее, внес большой вклад в улучшение знаний о географии Нового Света. Действительно, с этого времени европейские правительства, по-видимому, имели и отображали на своих официальных картах достаточно точные представления об общей форме Америки и ее географическом положении по отношению к Азии, за исключением северо-запада, хотя все еще твердо верили в существование прохода через континент. Однако авторы работ по космографии и составители опубликованных карт долгое время не получали знаний, которыми располагали правительственные чиновники.

[1525.] Человек, который сопровождал Магеллана в 1519 году, но покинул его после входа в пролив и вернулся на одном судне в Испанию, звали Эстеван Гомес. В 1525 году этот капитан был отправлен Испанией на поиски соответствующего пролива на севере. Хотя это была официальная экспедиция, единственная, когда-либо отправленная Испанией в северные районы, дневники не сохранились, и известны только небольшие подробности, почерпнутые из старых хроник. Гомес надеялся найти пролив где-то между Флоридой и Ньюфаундлендом, вероятно, не зная о результатах путешествия Верразано в предыдущем году. Кабот в то время был пилотом-майором в Испании, и если Верразано, как утверждают некоторые, достиг южных берегов Соединенных Штатов, маловероятно, что Гомес так уверенно искал бы пролив именно там. Это путешествие длилось около десяти месяцев, и предполагается, что Гомес исследовал побережье от Ньюфаундленда до точки ниже Нью-Йорка — возможно, до Джорджии или Флориды. *Pumer Martur*, dec. vi. cap. x.; *Эппера*, *Hist. Gen.*, dec. iii. lib. viii. cap. viii.; *Kohl's Hist. Discov.*, pp. 271-81; *Наваррете*, *Col. de Viages*, tom. iv. p. viii.; *Кунстманн*, *Entdeckung Am.*, стр. 70-1. По словам Харриса, *Фриз*, *Auslegung der Mercarthen oder Cartha Marina*, Страсбург, 1525, содержит карту мира, включая Америку, но Коль утверждает, что эта карта, хотя и была составлена в 1525 году, была опубликована только в 1530 году. Другие публикации этого года: *Пьетро Апуас* (Педрариас Давила), *Lettere di Pietro Arias Capitano generale, della conquista del paese del Mar Oceano*, написанная в Дариене и напечатанная без указания места и даты; *Пузафемма*, «*Le voyage et nauigation faict par les Espaignolz es Isles de Mollucques*», сокращенная версия оригинального отчета автора, который был с Магелланом; *Кортес*, «*La quarta Relacion*», Толедо, 1525, датированная 15 октября 1524 года.

Гарсия де Лоайса отплыл из Ла-Коруньи 24 июля 1525 года, чтобы проследить путь Магеллана. Пройдя пролив между январем и маем 1526 года, он прибыл на Молуккские острова в октябре. *Viages al Maluco, Segundo el del Comendador Fr. Garcia de Loaisa*, в *Navarrete*, том V; *Burney's Discov. South Sea*, том I, стр. 127-45; *Relaciones del viaje hecho á las islas Molucas*, в *Pacheco* и *Cárdenas*, том V, стр. 5.

[1526 г.] Одно небольшое судно флота Лоайсы под командованием Сантьяго де Гевары отделилось от остальных 1 июня 1526 года после достижения Тихого океана. Гевара решил взять курс на побережье Новой Испании, которое впервые было замечено в середине июля, и 25 числа бросил якорь в Теуантепеке. *Наваррете*, *Col. de Viages*, том V, стр. 176-81, 224-5.

Исследовательские суда Кортеса, строительство которых началось в 1522 году — первое из них было сожжено на стапеле, на его месте были построены другие — теперь, после долгой задержки, были почти готовы к отплытию; и судно Гевары было привезено из Теуантепека, чтобы присоединиться к ним. *Kортес, Cartas*, письмо от сентября 1526 года.

В 1523 году Айон был назначен алантадо Чикоры, страны, открытой им в 1520 году, и немедленно приступил к подготовке новой экспедиции с целью колонизации страны, исследования побережья и, по возможности, поиска прохода в Индию. Подготовка была завершена только в июле 1526 года, когда он отплыл из Эспаньолы с шестью судами, 500 людьми и девяноста лошадьми. Он достиг Рио-Джордан — возможно, пролива Св. Елены, Южная Каролина — и оттуда тщательно исследовал север, по крайней мере до мыса Фир, а возможно, и гораздо дальше. Айон умер 18 октября, и после долгих внутренних разногласий 150 человек, все, кто остался в живых, вернулись в Санто-Доминго. *Navappeme, Col. de Viages*, т. III, стр. 71-4, 153-60; *Кунстманн, Entdeckung Am.*, стр. 71.

Овьедо, *De la Natural hystoria de las Indias*, Толедо, 1526, описывает Новый Свет, но эта книга не является великим историческим трудом, недавно напечатанным тем же автором. Ее можно найти также в *Барсуя, Historiadores Primitivos*, и в *Рамузио*.

Себастьян Кабот предпринял попытку плавания в Индию в 1526 году, отплыв в апреле на четырех судах с намерением оказать помощь Лоайсе. Из-за неподчинения среди его офицеров и других несчастий он достиг только Рио-де-ла-Плата, и после обширных исследований в этом регионе вернулся в Испанию, пробыв в отсутствии четыре года. *Овьедо, Hist. Gen.*, т. II, с. 169; *Diccionario Universal*, Мехико, приложение, «Viages», т. X, с. 807; *Ру де Рошель, в Bulletin de la Soc. Geog.*, апрель 1832 г., с. 212.

[1527.] 10 июня 1527 года английская экспедиция — последняя, официально отправленная этой страной в пределах моего очерка — отплыла из Плимута, все еще в поисках северо-западного прохода. Два судна плыли вместе до 53° широты и достигли побережья, где 1 июля их разделила буря, и одно из них, вероятно, было потеряно. Другой корабль под командованием Джона Рута повернул на юг, следовал вдоль побережья Новой Англии, часто высаживаясь на берег, вероятно, достиг Чикоры и вернулся в Англию *через Вест-Индийские острова*, прибыв в начале октября. *Hakluyt's Divers Voy.*, стр. 27, 33; *Biddle's Mem. Cabot*, стр. 114, 275; *Oviedo, Hist. Gen.*, том i. стр. 611; *Herrera, Hist. Gen.*, декабрь ii. lib. v. cap. iii.

Франциско Монтехо, который сопровождал экспедиции Грихальвы и Кортеса, а затем был отправлен последним в качестве посла в Испанию, в 1526 году получил от короля полномочия алантадо на завоевание «островов Юкатан и Косумель». Он отплыл из Севильи в 1527 году, высадился на Косумеле, проник в северную часть полуострова и в течение следующих лет отчаянно сражался, чтобы завершить его завоевание, но потерпел неудачу. Небольшая колония боролась за существование в Кампече в течение нескольких лет, но в 1535 году на Юкатане не осталось ни одного испанца. *Когольюдо, Hist. Yucathan*, стр. 59-94; *Гомара, Hist. Ind.*, фол. 62-3; *Стивенс, Incidents of Travel in Yucatan*, Нью-Йорк, 1858, т. i, стр. 56-62.

La Salle, La Salade, Париж, 1527, содержит упоминания о Гренландии и других северных частях Америки.

ИССЛЕДОВАНИЯ ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

В июле 1527 года три судна, построенные Кортесом, совершили предварительное путешествие по тихоокеанскому побережью от Закатулы до Сантьяго в Колиме и обратно —

первое путешествие вдоль этого побережья. *Relacion ó Derrotero*, в *Pacheco* и *Cárdenas, Col. Doc.*, том XIV, стр. 65-9; *Relacion de la Derrota*, во *Флориде, Col. Doc.*, стр. 88-91. Однако приказ из Испании требовал, чтобы флот был отправлен в Индию напрямую, а не по предложенному Кортесом окольному маршруту, для оказания помощи Лоайсе; и три судна отплыли из Закатулы в октябре под командованием Сааведры и благополучно прибыли в Индию. Корабль Гевары был слишком изъеден червями, чтобы сопровождать их; « », но несколько судов уже находились на стапелях в Теуантепеке (), чтобы заменить те, что были отправлены через океан. *Сутил и Мексикана, Viage*, вступление, стр. vi.-xi.; *Наваррете, Col. Viages*, том v. стр. 95-114, 181, 440-86; *Гил, Memoria*, в *Boletin de la Soc. Mex. Geog.*, том viii. стр. 477 и далее.

В 1527 году Роберт Торн, английский посол при Карле V, написал книгу или мемориал Генриху VIII о космографии, испанских и португальских открытиях и важности исследования северных широт в поисках прохода в Китай. Позже она была напечатана под названием «*Книга, написанная достопочтенным М. Робертом Торном*» в *Hakluyt's Voy.*, т. i. стр. 214-20.

В 1526 году был назначен комиссар для исправления испанских карт. Фернандо Колон был поручен пересмотр, и в 1527 году была составлена карта под названием «*Carta universal en que se contiene todo lo que del mundo se ha descubierto fasta agora*». Эта карта сохранилась, и ее факсимиле приводится в *Kohl, Beiden ältesten Karten von Am.* На ней показана вся восточная береговая линия от Магелланова пролива до Гренландии и западная береговая линия от Панама до окрестностей Соконуско, что свидетельствует о том, что информация, которой располагало испанское правительство, была чрезвычайно точной и полной. Юкатан представлен в виде острова, а открытия на тихоокеанском побережье Южной Америки не обозначены; в остальном эта карта мало отличается от карты, составленной Диего Рибера в 1529 году, копию которой я приведу ниже, за исключением названий. *Коль, Beiden ältesten Karten von Am.*, стр. 1-24; *Гумбольдт, Exam. Crit.*, т. II, стр. 184, и предисловие к *Гиллани*.

[1528.] Бордоне, *Libro di Benedetto Bordone Nel qual si ragiona de tutte l'Isole del mondo*, Венеция, 1528, содержит карты крупных американских островов, а также карту мира, американскую часть которой я копирую с оригинала. Западное побережье не показано, хотя Новый Свет изображен отдельно от Азии.

Коль, *Beiden ältesten Karten von Am.*, стр. 34, упоминает другое произведение, напечатанное в Венеции в том же году, в котором есть карта, похожая на карту Шёнера 1520 года.

Панфило де Нарваэс отплыл из Испании в 1527 году с пятью кораблями и 600 людьми, чтобы завоевать северные берега Мексиканского залива, и после потери некоторых своих кораблей в результате шторма и многих своих людей в результате дезертирства, плававшая вокруг Эспаньолы, Кубы и других островов, он высадился в окрестностях залива Тампа 14 апреля 1528 года, и почти вся компания погибла при попытке следовать по побережью к Веракрусу. *Cabeça de Vaca's Relation*, Нью-Йорк, 1871, стр. 13-20; *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv. lib. iv. cap. iv.-vii.; lib. v. cap. v.

КАРТА БЕНЕДЕТТО БОРДОНЕ, 1528 г.

[1529.] Майор, *принц Генри*, стр. 440-52, придерживается мнения, что Австралия была открыта, вероятно, до 1529 года и, безусловно, до 1542 года.

В 1529 году была составлена вышеупомянутая официальная испанская карта Диего Рибера, которая, как можно предположить, отражает все, что было известно европейским мореплавателям в то время о географии Нового Света. Она содержит некоторые улучшения и дополнения к карте Колумба 1527 года с тем же названием, хотя Стивенс, возможно, справедливо, критиковал ее за пристрастность в распределении новых регионов между европейскими державами. Я привожу копию, уменьшенную по сравнению с полноразмерным факсимиле в *Kohl, Beiden ältesten Karten von Am.*

Гренландия называется Лабрадором и присоединена к континенту, так как разделяющий их пролив в то время еще не был исследован. Следует отметить, что Гренландия гораздо менее точно обозначена на этой и других поздних картах, чем на некоторых более ранних, которые, как предполагается, черпали часть своих сведений из северных источников. Лабрадор, Ньюфаундленд и Новая Шотландия имеют общее название Bacallaos. Многие из многочисленных островов вдоль побережья названы в оригинале. Соответствуя, возможно, Новой Англии и средней части Соединенных Штатов, мы имеем «Tiera de Estevã Gomez», которая, согласно надписи, была открыта испанцами в 1525 году. От этой земли до Флориды простирается «Tiera de Ayllon», между которой и «Nveva España» находится «Tiera de Garay», таким образом разделяя почти весь северный континент между испанцами. Здесь указаны истинное количество, положение и названия островов Вест-Индии. Юкатан изображен в истинных пропорциях, но отделен от материка проливом. Южное побережье представлено только до пределов путешествия Гиль Гонсалеса Давилы на севере и простирается на юг до порта Чинчакс примерно на 10° южной широты, включая, согласно надписи, страны, до которых дошел Писарро в 1527 году. Форма Южной Америки правильно обозначена, и название «Mvndvs Novvs» применяется ко всей территории, которая разделена на провинции «Castilla del Oro», «Perv», «Tiera del Brasil», «Tiera de Patagones» и «Tiera de Fernã de Magallaes», или земля Магеллана. К югу от пролива находится «Tiera de los Fuegos», чья истинная форма и размеры были неизвестны до тех пор, пока Шутен и Ле Мэр не обогнули мыс Горн в 1616 году.

До сих пор я копировал или упоминал все карты, которые могли пролить свет на прогресс географических знаний, и старался дать описание всех путешествий, благодаря которым был достигнут этот прогресс. До сих пор мы видели, как европейские путешественники более или менее тщательно исследовали побережья Северной и Южной Америки, за исключением юго-запада и крайнего северо-запада; мы видели, как Новый Свет был признан в основном отличным от Азии, как правительственные лоцманы дали достаточно правильное представление о его форме и размерах, и как название «Америка» стало применяться, за исключением официальных карт, к южному континенту. С этого момента путешествия в уже открытые части становятся обычным явлением, и создается множество карт, как рукописных, так и печатных, ни одну из которых я не буду пытаться отслеживать. В экспедициях следующих и заключительных десяти лет этого краткого изложения я буду обращать внимание главным образом на те, благодаря которым были получены знания о странах, лежащих в направлении Калифорнии и великого Северо-Запада, представляя несколько карт для иллюстрации этой части темы.

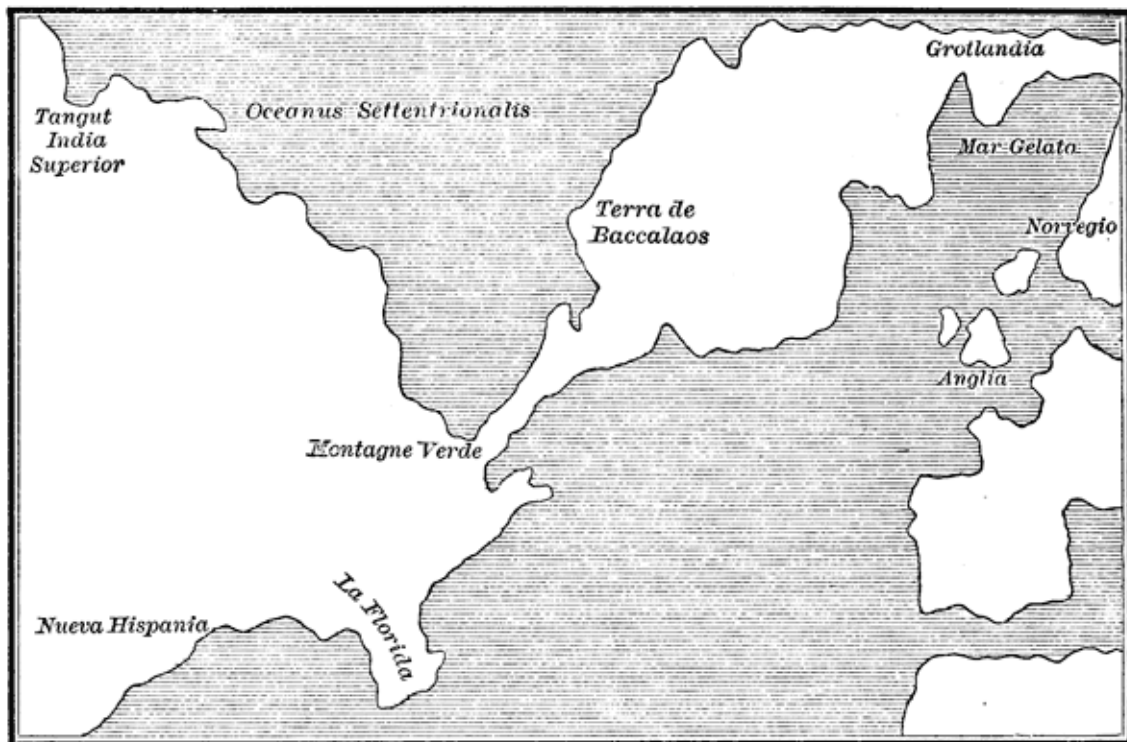
[1530 г.] Во время отсутствия Кортеса в Испании в морских исследованиях не было достигнуто никакого прогресса, и к 1530 году его корабли, находившиеся на стапелях в Теуантепеке, пришли в негодность, но он поспешил построить новые. *Kortec, Cartas*, письма от 10 октября 1530 г. и 20 апреля 1532 г.

НУÑO ДЕ ГУСМАН. Нуньо де Гусман, бывший президент аудиенции Новой Испании и заклятый враг Кортеса, с большой армией, набранной в Мехико (), предпринял завоевание региона, лежащего к северо-западу от этого города. Северной границей его завоеваний в 1530-1531 годах был Кульякан, между которым и Мехико вся страна была поставлена под испанский контроль экспедициями, отправленными Гусманом во всех направлениях под командованием разных лидеров. *Relation di Nvnno di Gvsman*, в *Ramusio*, том III, лист 331, и сокращенно в *Purchas, His Pilgrimes*, том IV, стр. 1556; *Jornada que hizo Nuño de Guzman á la Nueva Galicia*, в *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том II; *Primera relacion*, стр. 288; *Tercera relacion*, стр. 439; *Cuarta relacion*, стр. 461; *Doc. para Hist. de Mex.*, серия iii. стр. 669; *Mota Padilla, Conquista de Nueva Galicia*, рукопись 1742 г.; *Oviedo, Hist. Gen.*, том iii. стр. 559-77; *Gil, Memoria*, в *Boletin de la Soc. Mex. Geog.*, том viii. стр. 424 и далее.

Новый Свет, из Птолемея, 1530 год.

Я привожу этот рисунок, который много лет циркулировал в стандартных работах, чтобы показать, как крайне медленно космографы формировали что-либо похожее на правильное представление об американской географии и как мало они использовали более точные знания, представленные на официальных картах. Следующая карта, составленная в 1544 году, еще больше иллюстрирует абсурдность того, что много лет циркулировало под названием географии. Можно привести еще множество дополнительных примеров.

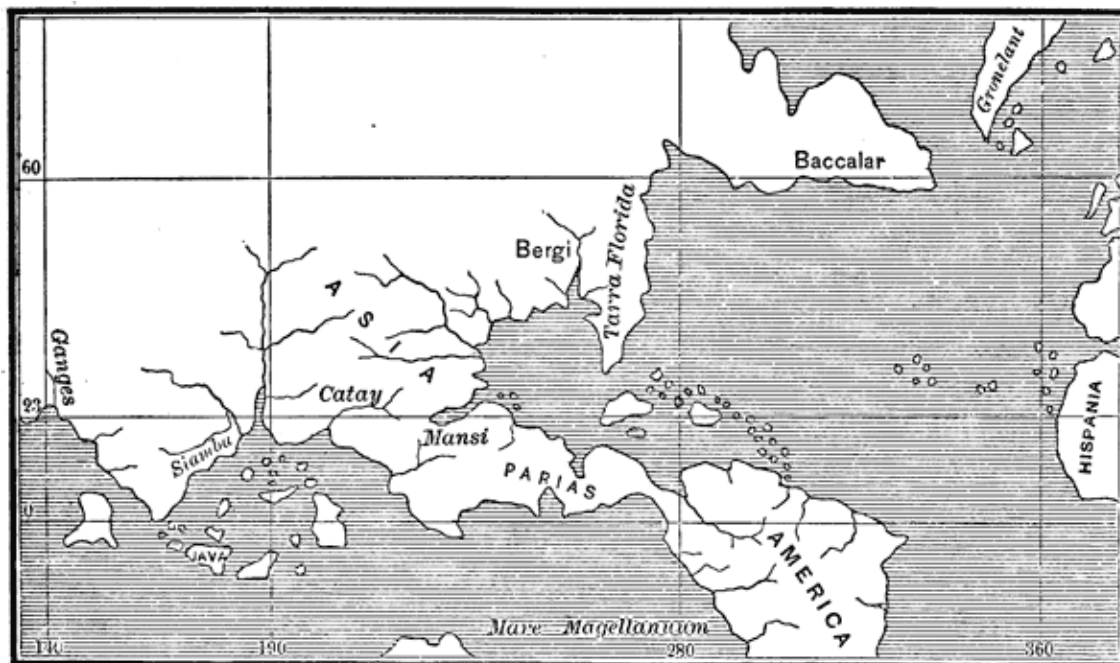
КАРТА РУСЕЛЛИ, 1544 ГОД.

[1532.] Наконец, в середине 1532 года Кортес смог отправить из Акапулько два судна под командованием Уртадо де Мендоса и Мазуэла, чтобы совершить первое плавание вверх по побережью за Колимой. Мендоса зашел в Сантьяго и в порт Халиско, недалеко от позднейшего Сан-Бласа, открыв острова Магдалена, или Трес-Мариас. Затем они укрылись от шторма в порту, расположенном, по всей вероятности, на побережье Соноры, где через некоторое время корабли расстались. Мендоса продолжил путь вверх по побережью. Высадившись на берег и поднявшись по реке Тамотчала (ныне Фуэрте), он был убит индейцами вместе с большинством своих людей. Остальные были убиты чуть позже, когда корабль сел на мель и разбился в устье реки Петатлан, или Синалоа. Тем временем Мазуэла с другим судном, возвращавшимся вниз по побережью, был выброшен на берег в бухте Бандерас, где все его люди, кроме двух или трех, были убиты туземцами. Ссылки, будучи объемными, сложными и по необходимости полностью представленными в других местах, здесь опущены.

Кортес, De Insulis nuper inventis, Coloniae, 1532, является переводом второго и третьего писем Эрнана Кортеса, с *De Insulis* Петра Мартира и письмом от Фрая Мартина де Валенсия, датированным Юкатаном, 12 июня 1531 года, с некоторыми письмами от Сумарга, первого епископа Мексики.

Гринаевс, Novvs Orbis, Париж и Базель, 1532, представляет собой сборник путешествий Колумба, Пинсона, Веспуччи и других. В этой работе утверждается, что Веспуччи открыл Америку раньше Колумба, что вызвало гнев Ласа Касаса и, по-видимому, стало причиной последующих яростных нападок на Веспуччи. Относительно карт, первоначально опубликованных вместе с этой работой, существуют некоторые сомнения, поскольку в большинстве экземпляров, как и в моем, карты нет. Согласно *примечаниям Стивенса*, стр. 19,

51-2, табл. iii. № 4, парижское издание *Гринауса* содержало карту, составленную Оронтиусом Файном в 1531 году. Ниже приводится уменьшенная копия факсимиле Стивенса на проекции Меркатора:

КАРТА ОРОНЦИЯ ФИНЕ, 1531 г.

Весь Новый Свет, насколько он был исследован, представлен с приемлемой точностью, но неизведанное побережье Южного моря простирается на запад от региона Акапулько и соединяется с южным побережьем Азии, которое обозначено на основе древних хроник. Вместо того, чтобы быть, как называет ее Стивенс, «кульминацией абсурдов», я считаю эту карту более соответствующей знаниям того времени, чем любая другая, напечатанная в первой половине XVI века. Северная Америка, когда ее обнаружили, считалась Азией; Южная Америка сначала считалась большим островом, а позже — огромным юго-восточным продолжением Азии; последующие исследования, главным образом Магеллана, показали существование обширного океана между южной Америкой и южной Азией; официальные карты оставляли неизведанные регионы пустыми, не выражая никакой теории относительно северного продолжения Тихого океана; другие карты, как мы видели, без какого-либо авторитета, делают этот океан простирающимся на север и полностью отделяющим Азию от Нового Света. Однако на данной карте придерживаются первоначальной идеи и делают Северную Америку восточным продолжением Азии, давая название Америка южному континенту.

Карта в базельском издании *Гринауса*, также приведенная в «Заметках» Стивенса, табл. IV, № 4, очень похожа на глобус Шёнера 1520 года (см. [стр. 137](#)).

ОТКРЫТИЕ НИЖНЕЙ КАЛИФОРНИИ.

[1533 г.] Экспедиция Бесерры, Грихальвы и Хименеса, отправленная Кортесом на поиски Уртадо де Мендосы и для продолжения северо-западных открытий, отплыла из Сантьяго в ноябре. Это путешествие, как и последующие, будет подробно описано в другой части этой работы. Единственным результатом, с точки зрения целей этой главы, было открытие группы островов Ревилья-Гигедо и южной части полуострова Нижняя Калифорния, который тогда считался островом. Хименес высадился на берег и был убит в Санта-Крус-де- , ныне известном как Ла-Пас. Последующая экспедиция 1535-1536 годов, возглавляемая лично Кортесом, лишь незначительно пополнила географические знания о северо-западе. Было затронуто и названо много точек вдоль побережья, но сравнительно немногие из них можно точно локализовать, за исключением тех, которые были обнаружены благодаря информации, полученной в ходе более ранних исследований Гусмана по суше.

Шёнер, *Opvscvlvm Geographicvm*, предположительно напечатанный в 1533 году, утверждает, что Новый Свет является частью Азии, и содержит, насколько известно, первое обвинение против Веспуччи. Гумбольдт, *Exam. Crit.*, т. v. стр. 174-5. Другие книги этого года: Франк, *Weltbuch*, Тюбинген, 1533, в которой Америка включена в описание мира; и Зуммарага, *Botschafft des Grossmechtigsten Königs David*, без указания места и даты, содержащая письмо из Мексики, датированное 1532 годом.

[1534.] В 1534, 1535 и 1540 годах Жак Картье совершил три плавания для Франции, в ходе которых были тщательно исследованы Ньюфаундленд, залив и река Святого Лаврентия. *Prima Relazione di Iacques Carthier della Terra Nvova detta la Nuoua Francia, trouata nell'anno MDXXXIII.*, в Ramusio, т. iii. fol. 435; *Hakluyt's Voy.*, т. iii. стр. 201-36; *Sammlung alter Reisebeschreibungen*, т. xv. стр. 29.

Симон де Алькасаба отплыл из Сан-Лукара в сентябре 1534 года с двумя кораблями и 280 людьми, намереваясь завоевать и заселить западное побережье Южной Америки к югу от Перу. Проведя долгое время в Магеллановом проливе, он в конце концов был вынужден прекратить свое путешествие из-за мятежа своих людей. Его исследования в регионах Патагонии были более обширными, чем предыдущие. Семьдесят пять человек, оставшиеся в живых из его экспедиции, достигли Эспаньолы в сентябре 1535 года, после того как один корабль потерпел крушение у побережья Бразилии. Овьедо, *Hist. Gen.*, т. II, стр. 155-65; Гальвано, *Discov.*, стр. 198-9; Эрпера, dec. v. lib. vii. cap. v.; *Diccionario Univ.*, app. т. X, стр. 807; Берни, *Discov. South Sea*, т. I, стр. 171.

Книги 1534 года: Франциск Болонский, *La Letera*, Венеция, без даты; *Chronica compendiosissima*, Антверпен, 1534, содержащая письма священников из Мексики; Вадуанус, *Epitome*, Тигура, 1534, включает *Insulæ Oceani*; Пумер Мартур, *Libro Primo Della Historia*, Винегия, 1534, к которому приложено libro secondo Овьедо и анонимная третья книга о завоевании Перу; две анонимные работы, *Letera de la nobil cipta* и *Copia delle Lettere del Prefetto della India*, представляющие собой письма из Перу, причем в последней описывается завоевание; Хонтер, *De cosmographiæ*, Базель, 1534, с главой о новых островах; Херес, *Uerdadera relacion de la conquista del Peru*, Севилья, 1534; и анонимная работа на ту же тему, *La conquista del Peru*, Севилья, 1534.

[1535.] В этом году вышло первое издание великого исторического труда Гонсало Эрнандеса де Овьедо-и-Вальдеса «*La Historia general de las Indias*», Севилья, 1535. В этом издании представлены только девятнадцать из пятидесяти книг, составляющих всю работу; полное

издание было опубликовано в Мадриде в 1851-55 годах. В работе Штайнховеля *Chronica Beschreibung*, Франкфурт, 1535, есть глава «Америка, открытая в 1497 году».

[1536.] В апреле 1528 года, как мы уже видели, Панфило де Нарваэс высадился на западном побережье Флориды, вероятно, в бухте Тампа, и с тремястами людьми попытался добраться до Пануко по суше. Отряд постепенно таял от голода, болезней и сражений с дикарями, пока не остался только Альвар Нуньес Кабеса де Вака с несколькими товарищами. Они были удерживаемы в рабстве коренными жителями побережья Мексиканского залива в течение шести лет, а затем, сбежав, пересекли Техас, Чиуауа и Сонору по маршруту, который не был точно установлен. Кабеса де Вака с тремя товарищами достиг испанских поселений на севере Синалоа в начале 1536 года, и их отчеты послужили мощным стимулом для более обширных исследований. *Relatione che fece Alvaro Nvnez detto Capo di vacca*, в *Ramusio*, том III, лист 310-30; *Purchas, His Pilgrimes*, vol. iv. p. 1499; *Cabeça de Vaca's Relation*, New York, 1871; *Ternaux-Compans, Voy., série i. tom, vii.*; *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iii. p. 582 et seq.; *Barcia, Historiadores Prim.*, том. i.

Peter Martyr, De Rebus Oceanicis, Paris, 1536, содержит девять десятилетий. Эта работа, вместе с *Sacro Bosco, Sphera Volgare*, Venetiis, 1537, и *Nunez, Tratado da Sfera*, Olisipone, 1537, завершает библиографическую часть этого краткого изложения, в котором, следуя Харрису как последнему авторитету, я постарался упомянуть все оригинальные работы, благодаря которым географические результаты открытий были известны до 1540 года.

[1537.] После того, как колония покинула Калифорнию, Кортес отправил два корабля под командованием Эрнандо де Грихальва и Альварадо (не Педро) в Перу с припасами и подкреплением для Писарро. Есть неясные сообщения о том, что Грихальва отплыл на запад от Перу и совершил длительное плавание по Тихому океану, посетив различные острова, которые невозможно определить. *Эппера, Hist. Gen.*, dec. v. lib. viii. cap. x.; dec. vii. lib. v. cap. ix.; *Galvano's Discov.*, pp. 202-3; *Burney's Discov. South Sea*, vol. i. p. 180.

[1538.] Фернандо де Сото высадился на западном побережье Флориды, пересек полуостров до той части, которую открыл Айон в 1526 году, четыре или пять лет бродил по внутренним районам юга Соединенных Штатов и следовал по течению Миссисипи, вероятно, до самого Огайо. Здесь Сото умер, а остатки его отряда, проникнув дальше на запад в страну буйволов, сплывались по Миссисипи и вернулись в Мексику в 1543 году. Путешествия Сото оцениваются Колем как «главный источник знаний об этих регионах на протяжении более ста лет». *Discov. and Conq. of Terra Florida, Hakluyt Soc.*, London, 1851; *Selection of Curious Voy., Sup. to Hakluyt*, London, 1812, p. 689; *Purchas, His Pilgrimes*, vol. iv. p. 1532; *Ferdinands von Soto Reise nach Florida*, in *Sammlung*, том. xvi. p. 395.

[1539.] В августе 1539 года три корабля под командованием Алонсо де Камарго были отправлены из Севильи в Индию через Южное море и достигли Кабо-де-лас-Вирхенес 20 января 1540 года. Один из кораблей потерпел крушение в Магеллановом проливе, другой вернулся в Испанию, а третий вышел в Тихий океан и, наконец, после захода в Чили на 38° 30' прибыл в Арекипу в Перу. Предполагается, что это путешествие дало первые сведения о промежуточном побережье между Магеллановым проливом и Перу. *Diccionario Univ.*, app. том. x. p. 807; *Herrera, Hist. Gen.*, dec. vii. lib. i. cap. viii.; *Burney's Discov. South Sea*, vol. i. p. 186.

НОВОЕ МЕКСИКО ЗАХВАТЕНО.

Кабеса де Вака привез в Синалоа, а оттуда в Мексику рассказы о чудесных городах в северных регионах, которые он пересек; а в марте 1539 года Фрай Маркос де Ница в сопровождении одного из людей, которые видели упомянутые чудеса,

вышел из Кульякана и направился на север в поисках Семи городов, о существовании которых ходили другие слухи, помимо тех, что привез Альвар Нуньес. Маркос де Ниса достиг городов пуэбло Зуни и привез с собой сильно преувеличенные рассказы о богатстве людей и великолепии их городов. *Relatione del Reverendo Fra Marco da Nizza*, в *Ramusio*, т. iii. fol. 356; *Purchas, His Pilgrimes*, т. iv. стр. 1560; *Pacheco и Cárdenas, Col. de Doc.*, т. iii. p. 325; *Hakluyt's Voy.*, vol. iii. pp. 366-73; *Ternaux-Compans, Voy.*, série i. tom. ix. p. 256. См. также *Whipple, Ewbank и Turner*, в *Pacific R. R. Reports*, vol. iii. pp. 104-8.

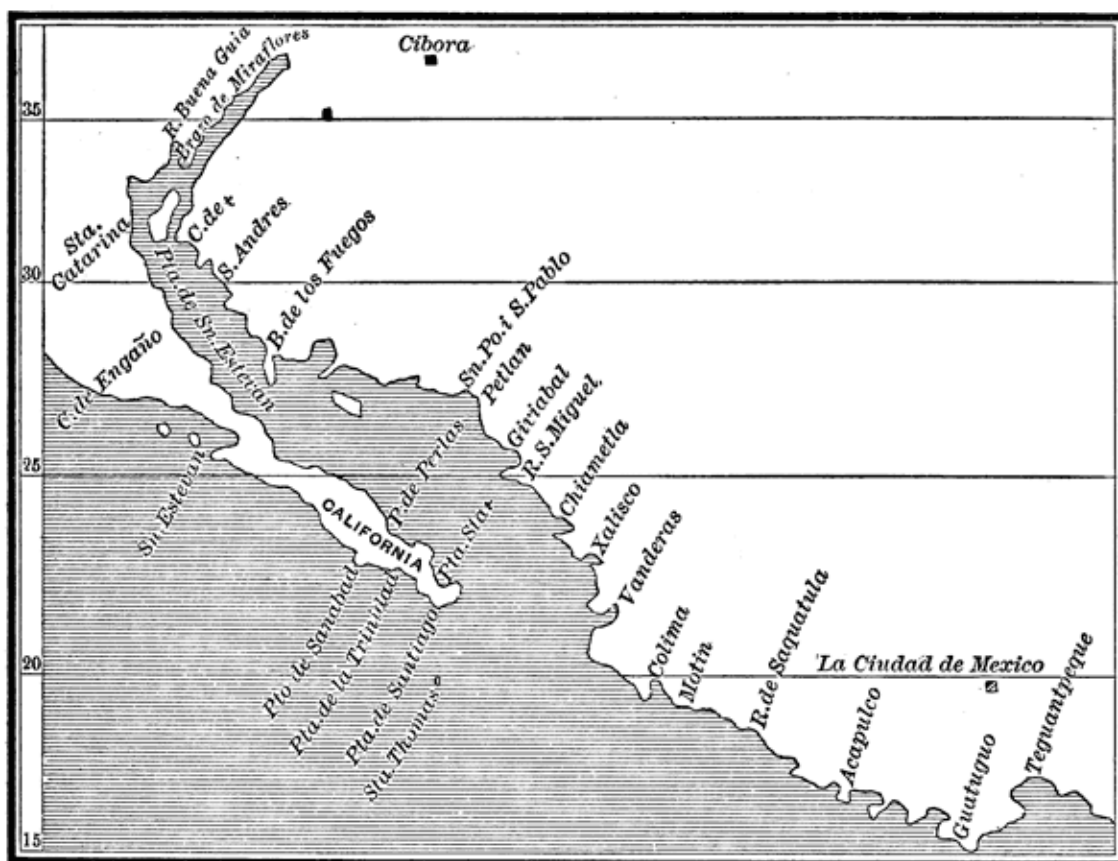
Отчет Низы побудил Кортеса возобновить свои усилия в Калифорнии, и в июле 1539 года Франциско де Уллоа был отправлен из Акапулько с тремя кораблями для продолжения открытий по морю. Уллоа провел некоторое время в порту Сантьяго для ремонта, потерял одно судно в шторме у входа в залив, посетил Санта-Крус, а затем проследовал вдоль главного побережья до устья Колорадо и вернулся вдоль побережья полуострова в Санта-Крус, куда прибыл 18 октября. Отсюда он обогнул южную оконечность Калифорнии и проплыл вдоль западного побережья до острова Седрос и немного дальше. Во время всего путешествия он посетил и назвал многие места, названия которых редко сохранялись, но некоторые из них можно с достаточной уверенностью идентифицировать. В апреле суда разделились, одно из них быстро вернулось в Колиму. Уллоа с другим судном попытался продолжить свои исследования на север, но о том, насколько это было успешно, ничего не известно. По словам Гомары и Бернала Диаса, он вернулся после нескольких месяцев безуспешных попыток достичь более северных широт; другие источники утверждают, что о нем больше ничего не было слышно. Пресиадо, сопровождавший экспедицию, написал о ней подробный, но не очень понятный отчет или дневник. *Relatione dello scoprimiento che nel nome di Dio va à far l'armata dell' illustrissimo Fernando Cortese*, etc. (Отчет Пресиадо), в *Рамузио*, т. III, 339-54, и в «Путешествиях» *Хаклюита*, т. III, стр. 397-424; *Gomara, Hist. Conq.*, fol. 292-3; *Bernal Diaz, Hist. Conq.*, fol. 234; *Herrera, Hist. Gen.*, dec. vi. lib. ix. cap. viii. et seq.; *Purchas, His Pilgrimes*, vol. v. p. 856; *Sutil y Mexicana, Viage*, pp. xxii.-vi.; *Берни, Discov. South Sea*, т. i, стр. 193-210; *Венегас, Noticia de la California*, цитируется по *Гомаре*, т. i, стр. 159-61; *Клавигеро, Storia della California*, т. i, стр. 151.

[1540.] Также в результате отчетов Маркоса де Ниса Франсиско Васкес де Коронадо, сменивший Нуньо де Гусмана и Торре на посту губернатора Новой Галисии, в апреле 1540 года вышел из Кульякана 1540 года, проник в города Пуэбло, или Семь городов Сибола, а оттуда в долину Рио-Гранде и далеко на северо-восток, в Кивиру, местоположение которой, определенное им на 40° широты, было предметом многочисленных споров. Находясь в Соноре, он послал Мельчора Диаса, который исследовал верховья залива и устья рек Гила и Колорадо, где он нашел письма, оставленные Аларконом. См. ниже. Из Сиболы Коронадо послал Гарсиа Лопеса де Карденаса на запад, который прошел через города моки и следовал по Колорадо на некоторое расстояние. Коронадо вернулся в 1542 году. *Relatione che mando Francesco Vazquez di Coronado*, в *Ramusio*, том III, лист 359; *Пачеко и Карденас, Col. de Doc.*, том III, стр. 511. В *Hakluyt's Voy.*, том III, стр. 373-82, приводится тот же отчет и отчет Гомары. *Терно-Компанс, «Voyages»*, série i. tom. ix., приводит рассказы Коронадо, Кастаньеды и Харамильо. См. также *Уиннл, Эубанк и Тернер*, в *Pacific R. R. Reports*, vol. iii. pp. 108-12; *Симпсон*, в *Report of Smithsonian Institution*, 1869.

Для сотрудничества с сухопутной экспедицией Коронадо в мае 1540 года из Акапулько был отправлен Эрнандо де Аларкон. Аларкон следовал вдоль побережья до вершины залива и поднялся по реке Буэна-Гиа (Колорадо) на лодках примерно на восемьдесят пять лиг, но, не получив никаких известий от Коронадо, он вернулся, закопав письма, которые, как мы уже видели, были найдены Мельчором Диасом. Помимо приведенных выше ссылок, см. *Sutil y*

Mexicana, Viage, стр. xxviii.; *Burney's Discov. South Sea*, т. i, стр. 211-16; *Purchas, His Pilgrimes*, т. iv, стр. 1560; *Schoolcraft's Arch.*, т. iv, стр. 21 и далее; т. vi, стр. 60; *Doc. Hist. Mex.*, серия iii, стр. 671.

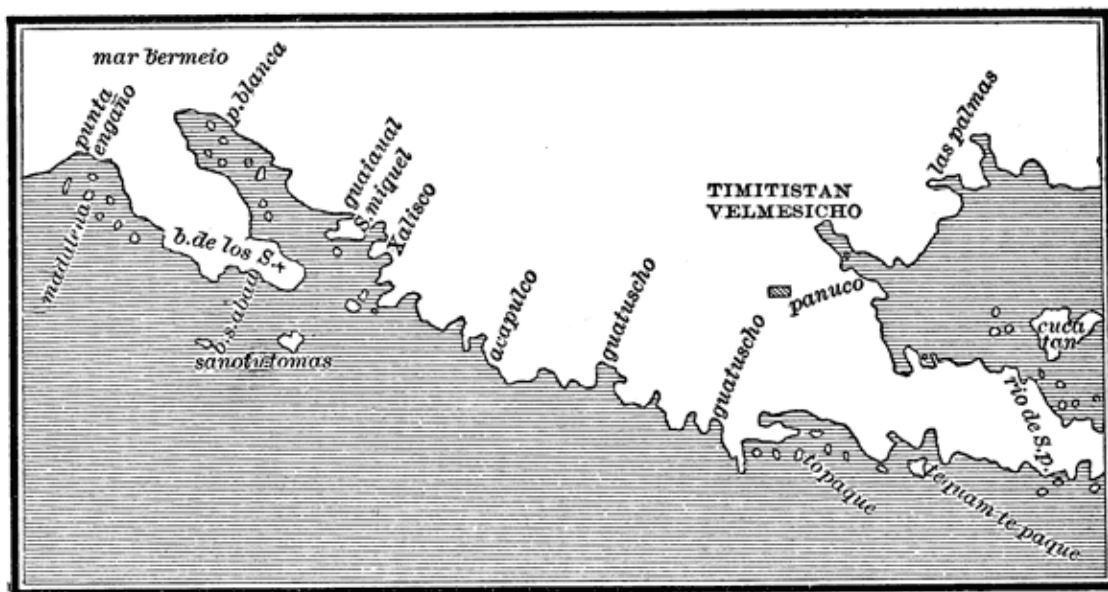
Здесь я представляю уменьшенные копии двух карт того времени, чтобы проиллюстрировать исследования северо-западного побережья, которыми я заканчиваю этот очерк. Первая карта была составлена лоцманом Кастильо в 1541 году и взята из книги Кортеса «*Hist. Nueva-España*», изданной Лоренсаной, Мексика, 1770, стр. 325.

КАРТА КАСТИЛЬО, 1541 г.

ОТКРЫТИЕ КАЛИФОРНИИ И АРИЗОНЫ.

Сеньор Наваррете упоминает о существовании аналогичной карты в гидрографическом архиве в Мадриде. Вторая карта, из *Мюнхенского атласа*, № vi., имеет неопределенную дату. Пешель относит ее к периоду между 1532 и 1540 годами; и она, безусловно, была составлена примерно в то время, поскольку Юкатан представлен на ней как остров, а Калифорния — как полуостров, хотя позднее она вновь стала считаться островом, как и при ее первом открытии.

**РУКОПИСНАЯ КАРТА, АВТОР НЕИЗВЕСТЕН, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО СОСТАВЛЕНА МЕЖДУ 1532
и 1510 годами.**

Таким было открытие. И в процессе открытия мы можем проследить прогресс разума. Сейчас, когда мы видим нашу маленькую Землю, опоясанную паром и молниями, мы можем только удивляться, с каким нежеланием младенческий интеллект покинул свою колыбель, чтобы исследовать окружающий мир. Окутанный средиземноморскими пеленками, он робко, дрожаще вылез из нее, постепенно набираясь смелости с опытом, пока, сбросив препятствия, не стал ходить по земле с бесстрашной гордостью взрослого человека. Как и всякая наука, философия и религия, космография сначала была суеверием. Ограниченные, как мы видели, воображаемым морозом и огнем, потрясенные страхом перед небом над головой и адом под ногами, древние люди не смели далеко отходить от дома; и неудивительно, что, когда люди начали исследовать неизвестные края, появилась романтика географии, столь привлекательная для греческого ума, ореол, брошенный туманом времени и расстояния на странные моря и земли. С этого времени до момента применения магнита в навигации, то есть в течение примерно двадцати веков, в области открытий не было значительного прогресса.

Разве не странно, как секреты природы один за другим раскрываются в соответствии с потребностями человека? Кто бы мог подумать, что избавление запертого человечества от определенных таинственных свойств магнитной железной руды, которая плыла к северу на той стороне пробки, на которой она была помещена? Когда Васко да Гама и Колумб почти одновременно открыли для Европы океанские пути, по которым должны были течь сокровища Восточной и Западной Индии, тогда и было открыто новое свойство магнитного камня: помимо его способности притягивать железо, было обнаружено, что он обладает редким свойством притягивать золото и серебро из дальних стран в казны европейских князей; тогда были проложены пути через Море Тьмы, и корабли курсировали туда и обратно, везя с собой разрушителей народов и груженные их добычей.

ГЛАВА II.

КОЛУМБ И ЕГО ОТКРЫТИЕ.

1492-1500.

Ранний опыт — Договор — Отправление из Палоса — Путешествие — Открытие земли — Неблагоприятное сравнение с раем Марко Поло — Круз по островам — Одинаковая природа повсюду — Дезертирство Пинсона — Кораблекрушение «Санта-Мари» — Возведение крепости Ла-Навидад — Возвращение в Испанию — Права цивилизации — Папская булла о разделе — Фонсека назначен суперинтендантом Индий — Второе плавание — Навидад в руинах — Основание Исабелы — Недовольство колонистов — Исследование внутренних районов — Плоскостное плавание по побережью Кубы и открытие Ямайки — Неудача Колумба как губернатора — Общение с Испанией — Уничтожение индейцев — Правительство Индий — Диего и Бартоломе Колон — Обвинения против адмирала — Назначение следственной комиссии — Второе возвращение в Испанию — Третье плавание — Открытие Тринидада — Основание Санто-Доминго — Восстание Ролдана — Назначение Франсиско де Бобадила на место Колумба — Произвольное и несправедливое поведение Бобадила — Колумб отправлен в Испанию в цепях.

В процессе развития прогресса агент, каким бы подчиненным он ни был событию, не может не вызывать нашего интеллектуального любопытства. Для нас важнее не сам факт, а фактор. Инструмент ближе к нам в пульсирующей человечности, чем событие, которое является результатом неумолимых причин, полностью выходящих за пределы нашего знания. То, что Америка не могла оставаться скрытой от цивилизованного мира еще долго, не уменьшает живого интереса к человеку Колумбу, который идет по пыльной дороге в сторону Уэльвы, ведя за руку своего мальчика и неся на своих плечах более непосредственную судьбу народов.

Мы также не безразличны к факторам, которые сформировали этого человека. Каждый заметный успех является результатом случайного стечения таланта и возможности, союза вкуса или образования с приближающейся модой или доминирующей идеей времени. Помогая отцу в расчесывании шерсти, юный генуэзец закалял свои мышцы и приобретал привычки трудолюбия; изучая геометрию и латынь в Павии, служа матросом в Средиземном море, а затем плавая по открытому морю, он все крепче сплетал ткани своего разума и укреплял свой мужество для предстоящих жизненных испытаний. Без такой дисциплины прогресс мог бы тщетно шептать ему секреты с севера, юга и запада, ибо вдохновение без действия — лишь неосоздаемое дыхание, не оставляющее никакого впечатления, а гений, не закаленный практикой, разлагается до гниения, тем более сильного, чем богаче он.

Его брак с дочерью Бартоломео Перестрелло, выдающегося мореплавателя принца Генриха; его картографическая деятельность как средство к существованию; его проживание на острове Порто Санто и его интерес к морским открытиям, проявленный во время пребывания там; его беседы и переписка с мореплавателями и космографами из разных уголков мира; его увлеченное изучение сочинений Марко Поло, Бенджамина из Туделы и Карпини, а также его жадное поглощение фантастической сказки Антонио Леоне из Мадейры; его размышления о тайнах океана и его борьба с бедностью; его аудиенция у

Иоанна Португальского и вероломство этого монарха, который попытался опередить его планы, тайно отправив корабль, и последовавшее за этим заслуженное поражение ; отправка его брата Бартоломея с предложениями в Англию; его побег из Лиссабона с сыном Диего, чтобы не быть арестованным за долги; его предполагаемое обращение в Геную; его встречи с герцогами Медина-Сидония и Медина-Сели, а также письмо последнего королеве Изабелле Кастильской; его визит ко двору в Кордове, и мрачные дни, сопровождавшие его; конференция ученых в Саламанке и их неблагоприятный вердикт; утомительное ожидание занятых своими делами монархов в Малаге и Севилье; помощь, оказанная в Ла-Рабиде, и заступничество достойного приора перед королевой; скромное достоинство мореплавателя в Гранаде среди сцен восточного великолепия и всеобщего ликования, которые только усиливали его недовольство; высокая непоколебимость в своих требованиях, когда наконец была получена королевская аудиенция; новое разочарование после столь долгого ожидания и гордая горечь духа, с которой он повернулся спиной к Испании, чтобы искать во Франции покровителя для своих замыслов; последнее обращение Сантанджеля, который впоследствии помог получить деньги, и изменение мнения Изабеллы, которая теперь предложила, если понадобится, заложить свои драгоценности, чтобы покрыть расходы на путешествие; отправка королевского курьера вслед за решительным беглецом, который с радостью вернулся, чтобы получить запоздалую помощь — эти события в карьере Колумба известны всем.

И в этом мы видим проявление огромной целеустремленности человека, обладавшего столь грандиозной идеей, что она могла бы потрясти даже самых сильных; человека, не слишком заботившегося о деньгах или морали; гордого и чувствительного, когда речь шла о его любимом проекте, но в остальном достаточно приветливого и не гнушавшегося просить милостыню, когда это было необходимо. Это было долгое ожидание, восемнадцать лет, когда каждый день был чередой надежды и отчаяния; и не были совсем бесполезны те тихие голоса из другого мира, которые поддерживали в нем вдохновение, которое теперь часто казалось разбитым узором полузабытого сна.

УСЛОВИЯ СОГЛАШЕНИЯ. Между монархами и мореплавателем было заключено соглашение, согласно которому Колумбу, его наследникам и преемникам навсегда гарантировались должность адмирала и титулы вице-короля и генерал-губернатора всех земель и морей, которые он откроет, с правом назначать кандидатов, из которых монархи могли бы выбирать правителей для открытых им королевств; что одна десятая часть чистой прибыли от золота, жемчуга или других товаров, привезенных оттуда, должна принадлежать ему; что в спорах, возникающих в связи с новой торговлей, он или его лейтенант должны быть единственными арбитрами в пределах его владений, а высокий адмирал Кастилии — судьей в пределах своего округа; и что, вкладывая одну восьмую часть стоимости любого предприятия в открытые им регионы, он должен получать одну восьмую часть прибыли. К этим достоинствам и привилегиям добавилось право первооткрывателя и его наследников добавлять к своим именам титул «дон», что должно было поднять их в глазах испанской знати. Это соглашение было подписано как Фердинандом, так и Изабеллой, хотя риск брала на себя только корона Кастилии, и только она должна была получить выгоду.

В те дни на южном побережье Испании не было обычным явлением, чтобы наука призывала религию на свою службу. Тем не менее, по королевскому указу, повторенному лично Пеньялосой с явным эффектом, боящиеся дьявола жители Палоса были вынуждены

предоставить корабли и моряков для того, что они считали чем угодно, только не ортодоксальным приключением. Они сделали это с величайшим нежеланием.

Даже под давлением гражданской и церковной системы, настолько тесно переплетенных в Испании, что неповиновение одной из них означало восстание против обеих, даже перед лицом короля и священника, эти механические мореплаватели, которые не останавливались ни перед какой-либо осязаемой опасностью, сжимались от ужасной неопределенности погружения в тайны мрачного, угрожающего, непонятного запада. Тогда смело выступили братья Пинсон и не только помогли Колумбу () предоставить два корабля, чтобы королева Изабелла, в конце концов, могла носить свои драгоценности, пока ее представитель искал новые владения в открытом море, но и снабдили Колумба деньгами для оснащения еще одного судна и оплаты его восьмой доли () расходов, которая должна была обеспечить ему одну восьмую прибыли — услуга, которая никогда не была достаточно оценена или вознаграждена ни Колумбом, ни его хозяевами, ни преемниками.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

Экспедиция состояла из ста двадцати человек на трех небольших судах: «*Санта-Мария*» с палубой, на которой развевался флаг адмирала, и «*Пинта*» и «*Нинья*», открытые каравеллы, которыми командовали соответственно Мартин Алонсо Пинсон и Висенте Яньес Пинсон. Среди прочих были генеральный инспектор вооружения Родриго Санчес, главный альгуасил Диего де Арана, королевский нотариус Родриго де Эскобар и четыре лоцмана: Франсиско Мартин Пинсон, Санчо Руис, Педро Алонсо Ниньо и Бартоломе Ролдан. Главнокомандующий с его высоким, выносливым телом, склонившимся под тяжестью идеи; его длинное, худое лицо с большими круглыми глазами, высоким лбом, прямым, заостренным носом; черты лица, в которых упорство и мрачность боролись за превосходство, окруженные тонкими прядями волос и седой бородой, — вряд ли были лицом, вызывающим доверие или симпатию. Эскадра отплыла из порта Палос 3 августа 1492 года.

За исключением того факта, что это было первое плавание, оно было вполне обычным; самыми серьезными событиями были поломка руля, из-за которой экспедиция была вынуждена зайти на Канарские острова для ремонта, и отклонение стрелки компаса, которое вызвало небольшой переполох среди лоцманов. Море было спокойным, в конце путешествия — чрезвычайно спокойным, а ветер в целом благоприятным; тем не менее, это постепенное ослабление связи с твердым миром и ежедневное дрейфование все дальше и дальше в бездонное неизвестное сопровождалось немалым волнением. Поэтому с дикой радостью ранним утром 12 октября раздался крик «Земля!», и вскоре после этого смелые мореплаватели почувствовали под ногами несомненный остров, которому они дали имя Сан-Сальвадор, взяв его во владение Кастилии.

Императоры пообещали, что тот, кто первым увидит землю, получит в награду пенсию в размере десяти тысяч мараведи, что эквивалентно тридцати шести долларам. В два часа ночи Родриго де Триана, моряк на борту «*Пинта*», подал сигнал, первый, который оказался верным после нескольких ошибочных; после чего он потребовал награду. Но ранее, ночью, Колумб вообразил, что он разглядел мерцающий свет, который должен был быть на каком-то берегу. На основании этого предположения он обеспечил себе незначительную сумму, что, не говоря уже о справедливости, было не очень великодушным поступком со стороны такого великого первооткрывателя. О Триане нам рассказывают, что, горя от чувства несправедливости, после возвращения в Испанию он уехал в Африку и принял ислам. Как бы то ни было, рассвет показал им остров, который сам по себе казался рассветом, который

должен был рассеяться лучами полного солнца, когда ночной сон пройдет. Над бескрайней пустошью моря, висящей между землей и небом, добрые корабли пробирались, пока теперь, как богини, не бросили якорь на другой стороне океана.

Хотя эта земля не походила на Зипангу из его снов, Колумб не был склонен жаловаться; скорее, среди слез и хвалы, он целовал землю, какой бы она ни была, и благожелательно улыбался обнаженным туземцам, которые робко подкрадывались, гадая, были ли корабли чудовищами из глубин или яркими существами, спустившимися с небес.

Поистине, это было чудесное место, эта Индия Марко Поло, которую теперь искали генуэзцы. Пересеченные реками и каналами, перекрытые мостами, под которыми могли проплывать самые большие корабли, были плодородные провинции, благоухающие фруктами и специями. Один только Манги мог похвастаться двенадцатью тысячами городов с роскошными дворцами, чьи колонны и крыши были украшены золотом, и расположенными так, что их можно было обойти за несколько дней путешествия. Города и крепости Катая исчислялись десятками тысяч, а их оживленное население — миллионами. Со всех сторон были сады и роскошные рощи; на озерах плавали прогулочные лодки и банкетные баржи, а над заливами проносились мириады белых парусов. Горы были пронизаны серебром, дно рек было вымощено золотом, а жемчуг был так же распространен, как галька. Овцы были величиной с волов, а волы — с слонов. Птицы с ярким оперением наполняли волшебный воздух, а странные животные, прекрасные и полезные, бродили по лесам. Жители были одеты в шелк и меха и питались вкусными яствами; были живые источники, которые лечили все болезни. Армия великого хана, счастливого правителя всех этих великолепий, была по численности как песчинки, которые окружают море; а что касается военных кораблей, лошадей и слонов, то их было тысяча раз по десять тысяч. Каким контрастом к такому творению была эта низменная полоса покрытой джунглями песчаной земли, населенная меднокожими существами, живущими в хижинах и питающимися природными продуктами невоспитанной земли! Однако это был лишь отдаленный остров Катая; материк Азии не мог быть далеко; в любом случае, здесь была Индия, и эти люди были индийцами.

СРАВНЕНИЕ ДВУХ ИНДИЙ.

В Индии, обнаруженной до сих пор, было мало чего, что могло бы обогатить Испанию. На носках у себя туземцы носили золото, которое всегда было королевской монополией, когда его обнаруживали; и они приносили хлопок для обмена, на который адмирал немедленно наложил такое же ограничение. Узнав по жестам, что металл привезен с юга, испанцы, осмотрев берег на лодках, 14-го числа отплыли, 15-го числа заняли Санта-Мария-де-ла-Консепсьон, на следующий день — Фернандину, ныне Эксума, а затем Исабелу, ныне Исла-Ларга, или Лонг-Айленд, а также группу островов, которую они называли Ислас-де-Арена. Почва и другие вещества (), атмосфера и солнечный свет были им знакомы; растения и животные, хотя и различались по степени и виду, были похожи на те, которые они всегда привыкли видеть. Везде было видно одно творение, одна природа, одно правило. Это было чудесно, потрясающе! И если у этого человеческого рода есть души, то какое великое дело здесь, чтобы подготовить их к вечности!

Пересекая Багамский банк, 28-го числа они прибыли на Кубу, которую Колумб назвал Хуана и которая с ее густой зеленью, усыпанной попугаями, веселыми дятлами и колибри, алыми фламинго и сверкающими насекомыми; с ее королевскими пальмами, кокосовыми орехами, кедрами, красным деревом и кустарниками с пряным ароматом; с ее неизвестными

фруктами и продуктами; с ее прозрачными водами, в которых рыбы отражали солнечный свет своими пестрыми чешуйками, — все это под ярким небом, овеванное мягким воздухом и омываемое спокойным морем, было больше похоже на его собственный Зипангу, если, конечно, это не был сам Манги.

Плывя на восток, «Пинта» отплыла, оставив другие корабли, и Колумб с глубоким огорчением увидел, что его сигналы о возвращении остались без внимания. Пинсон слышал о золотых приисках, которые находились впереди него, и он собирался их завоевать. Крушение «*Санта-Марии*» месяц спустя, оставившее адмиралу только маленькую «*Нинью*», сделало его положение еще более критическим и заставило его острее, чем когда-либо, почувствовать предательство. И это был не первый признак мятежа и раздора среди его людей во время плавания. Если говорить правду, то характер этого человека, хотя и закаленный жестокой смелостью той эпохи, здесь, кажется, претерпевает изменения; иначе он изначально не был таким, как оценивали его он сам или его друзья. Новые и разнообразные переживания среди новых и разнообразных явлений, сопровождающих идею и ее воплощение, делают неудивительным то, что его голова начала немного кружиться. Он мучительно размышлял над тем, что Аристотель учил о сферичности Земли, над тем, что Сенека говорил о плавании в Индию на запад, и над земным раем, помещенным Данте на антиподах святого города; и теперь он находился здесь, среди тех счастливых регионов, о которых так давно говорили философы и пели поэты. Под вдохновением редкого интеллекта, а также благодаря удивительной смелости и силе воли, этот генуэзский моряк подчинил себе самых гордых правителей мира. Успех, в его представлении самый совершенный, самый полный, к этому времени был доказан без всякого сомнения. Вначале он подозревал, что является особым агентом сверхъестественного; теперь он был в этом уверен. Поэтому было справедливо, что все люди должны были бояться его и подчиняться ему. Стремясь к активности, он был готов, при необходимости, к суровости. Во время плавания он несколько раз считал целесообразным вводить моряков в заблуждение, которые в результате не спешили проявлять к нему уважение и доверие, подобающие командиру. С самого начала подозрительный по отношению к испанским монархам, он все больше опасался, что, по мере того как величие его открытия постепенно раскрывалось перед ним, его в конце концов лишат этого открытия. Он ревновал, чтобы никто из тех, кто разделит с ним опасности этого приключения, не получил для себя часть чести или прибыли, сопутствующих ему. Он поссорился с Пинзонами, которые, рискнув своими деньгами и жизнями в том, что все считали безумным риском, считали, что командир должен им какое-то вознаграждение. Характер адмирала несколько смягчился благодаря смелости поступка Пинзона, потому что, когда «*Пинта*» вернулась из плавания, об этом мало кто говорил, но если бы представилась возможность, ее командир дорого заплатил бы за свое неповиновение.

ПЛАВАНИЕ МЕЖДУ ОСТРОВАМИ.

На Кубе не было роскошных восточных городов, но она давала табак и кукурузу, дары дикости цивилизации, которые, возможно, были столь же утешительными, как и те, что были получены в ответ. Затем моряки открыли остров Эспаньола () и обогнули побережье Гаити (Haïti), или Эспаньола, чем и занялись большую часть декабря. На северной стороне острова из обломков *Санта-Марии* и ее груза Колумб построил и оборудовал крепость, которую назвал Ла-Навидад; оставив там тридцать девять человек под командованием Диего де Арана с лейтенантами Педро Гутьерресом и Родриго де Эскобедо, 4 января 1493 года он отплыл в Испанию. Оставшиеся на острове должны были, по замыслу горячего адмирала, за время его

отсутствия добыть в результате торговли тонну золота, а также открыть рудники и найти пряности.

На обратном пути экспедицию сопровождали сильные штормы, но 15 марта она благополучно достигла Палоса, после того как зашла на Азорские острова и побережье Португалии. Затем последовали ликования. По Испании, по Европе разнеслась весть: на западе открыт Новый Свет! Звонили колокола, хоры пели осанна. Новый мир для Испании! Теперь их католические величества получили достойную компенсацию за потери и испытания, связанные с магометанами и евреями!

С шестью туземцами, различными птицами, растениями и другими образцами с островов Колумб отправился в Барселону, тогдашнюю резиденцию испанских монархов. На протяжении всего путешествия шоссе и дома были переполнены зрителями, жаждущими увидеть странное зрелище. Прибыв ко двору, великий мореплаватель был принят с большой любезностью, ему даже разрешили сесть в присутствии королевской семьи. Он рассказал свою историю. Говорят, что все присутствующие плакали. Колумб был так же взволнован, как и все остальные. В приступе радости он поклялся, что в течение семи лет соберет армию из четырех тысяч всадников и пятидесяти тысяч пехотинцев для освобождения Иерусалима и оплатит все расходы из собственного кармана, но, к сожалению, он так и не смог найти достаточно средств, чтобы выполнить свое благочестивое обещание. Первоначальный договор между монархами и первооткрывателем был подтвержден, и последнему был предоставлен семейный герб. В то время как Колумб был чествован знатными людьми, и весь мир воспевал его, Мартин Алонсо Пинсон умирал; наградой за его неоценимые услуги, превосходившие стократно все, что сделали Изабелла и Фердинанд вместе взятые, стала потеря имущества, потеря здоровья, оскорбления адмирала, презрение королевы, и все это теперь счастливо увенчалось скорой смертью.

СЧАСТЛИВЫЙ НАРОД.

Никогда в истории природа не создавала более совершенного рая, чем Куба и Гаити, которые обнаружили генуэзцы. Никогда лесные племена не были более кроткими и гостеприимными, чем те, которые населяли этот первозданный сад. Они были обнаженными, потому что не нуждались в одежде; жили под пальмовыми листьями, которые были для них достаточной защитой; питались дарами щедрой земли и моря; не знали искусственных ограничений и исправлений, не мучились амбициями, и их жизнь была летним днем, настолько счастливым, насколько это возможно для смертных. Это был рай: без труда они могли наслаждаться всем, что могла дать земля. Они почти не знали болезней и боли; только смерть была страшна. В своих социальных отношениях они были сочувствующими, любящими и приличными, практикуя самые возвышенные религиозные заповеди, не зная об этом, и подчиняясь Христу более совершенным образом, чем многие, кто заявляет о своем служении ему. С незнакомцами мужчины были откровенными, сердечными, честными; женщины — бесхитростными и покладистыми. Не зная коварства, они никого не подозревали. Обладая всем, они щедро делились тем, что им ничего не стоило. Не имея законов, они не нарушали их; не ограниченные условными моральными нормами, они не были безнравственными. Если милосердие — высшая добродетель, а чистота и мир — величайшее благо, то эти дикари были гораздо лучшими и счастливее существами, чем те, которыми может похвастаться любая цивилизация. То, что они обладали какими-либо правами, какими-либо естественными или неотъемлемыми привилегиями в отношении своих земель или своей жизни; то, что эти невинные и безобидные люди не были подходящими объектами для принуждения, предательства,

грабежа, порабощения и убийства, было вопросом, который, по-видимому, никогда не ставился в то время ни первооткрывателями, ни авантюристами, ни правителями. Как бы ни был несостоятелен в любом испанском суде аргумент грабителя, что в комнате, в которую он вошел, он обнаружил кошелек с золотом и взял его, испанцы никогда не думали применять такую логику к себе в отношении владений туземцев в новых землях, которые обнаружили их генуэзцы.

Теперь Испании требовался титул, который соседние европейские страны признали бы действительным. Что касается доктрины присвоения чужих владений, то все они были одинаково убедительны в этом вопросе. Европа с ее сталью, селитрой и магнитной стрелкой была сильнее обнаженных варваров, чьи владения были захвачены так же быстро, как и найдены. Право на такое грабеж считалось священным с самых ранних времен человечества, и к этому времени оно было узаконено цивилизованными нациями. Дикость не имела прав, которые цивилизация была обязана уважать. Мир принадлежал не христианам или мусульманам, а любой идее, принципу или силе, которая могла его захватить. Ни в одном из их мнимых принципов, ни в одном из их кодексов чести или этики не было никакой другой высшей инстанции, кроме грубой силы; они создавали своих богов подходящими к обстоятельствам, какими бы они ни были. Однако они этого не знали. Они считали себя образцами справедливости и честной морали, и все, что их беспокоило, было то, какую позицию они займут по отношению друг к другу в связи с их различными открытиями и завоеваниями. Но хотя таково было общепризнанное положение дел в начале XVI века среди безрассудных авантюристов Испании, таковыми не были учения Церкви, ни взгляды умных и здравомыслящих людей того времени. Правда, армия искателей удачи, которые первыми устремились в новый мир в поисках золота, пришла ради похоти и грабежа, но вместе с ними, вдохновленные совсем другими мотивами, пришли миссионеры креста, указывая дикарям путь к цивилизации и более чистой религии, чем их собственная. Но цивилизация и религия, надо признать, не могли похвастаться примерами беспринципных людей, которые всегда были готовы опровергнуть учения священников.

МИР, РАЗДЕЛЕННЫЙ ПАПОЙ.

Так случилось, что испанские монархи, будучи христианами, обратились к Александру VI, тогдашнему верховному понтифику христианского мира, с просьбой подтвердить их титул, одновременно намекая, в несколько мирском духе, что ученые считают права их католических величеств достаточно надежными и без такого подтверждения. Перед святым трибуналом не могло быть выдвинуто никаких веских возражений против христианских князей, достаточно могущественных, чтобы отстаивать свои права на владение, распространяя истинную веру в языческих землях; но папа Евгений IV и его преемники уже предоставили Португалии все земли, открытые португальцами от мыса Боджадор до Индии. Поэтому, чтобы избежать конфликта, в булле, изданной 2 мая 1493 года, Испании были предоставлены те же права в отношении открытий, которые уже были предоставлены Португалии, и на следующий день это было определено следующим образом: от полюса до полюса, в ста лигах к западу от Азорских островов и островов Зеленого Мыса, должна быть проведена воображаемая демаркационная линия; все земли, открытые к востоку от этой линии, должны принадлежать Португалии, а к западу от этой линии — Испании. Таким образом, одним смертельным вздохом и одним росчерком пера неизвестный мир со всеми его многочисленными интересами и жителями был разделен между этими двумя суверенами, занимавшими полуостров на юго-западе Европы; хотя в своей мудрости они забыли, что, если мир круглый, то Португалия, идущая на восток, и Испания, идущая на запад, должны где-то встретиться и могут еще поссориться на другой стороне. Впоследствии, а именно 7 июня 1494 года, по договору между Испанией и

Португалией папская линия раздела была снята, сделав ее в трехстах семидесяти лигах к западу от островов Зеленого Мыса, поскольку Португалия жаловалась на недостаток морского пространства для южных предприятий. Это снятие в конечном итоге дало португальцам Бразилию. А церковники утверждают, что испанская корона всегда заботилась о выполнении обязательств, возложенных на нее этим священным санкционированием.

Управлять делами Нового Света был назначен Хуан Родригес де Фонсека, архидиакон Севильи, а впоследствии патриарх Индий. Несмотря на высокое церковное положение, он был энергичным деловым человеком и умело занимал эту должность в течение примерно тридцати лет. Непокколебимо преданный своему монарху, невозмутимый, строгий в исполнении своих обязанностей и вынужденный в интересах короны время от времени сдерживать опрометчивость или самонадеянность завоевателей, он навлек на себя их вражду и был осыпан оскорблениями их биографами. Тот факт, что он так долго оставался на своей должности при таких способных монархах, как Фердинанд и Карл, в значительной степени опровергает обвинения в несправедливости и злодействе, которые так щедро выдвигались против него. С Фонсекой сотрудничали Франсиско Пинело в качестве казначея и Хуан де Сория в качестве *контадора*, или аудитора. Их главный офис находился в Севилье, а таможня в Кадисе принадлежала тому же ведомству. Это было началом знаменитой *Casa de Contratacion de las Indias*, или Индийского торгового дома, который так долго доминировал в правительстве Нового Света.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

Таким образом, все шло гладко. Колумб не встретил никаких трудностей в оснащении флота для второго предприятия, поскольку был издан королевский указ, согласно которому все капитаны со своими кораблями и экипажами во всех андалузских портах должны были держаться в готовности для этой цели. 17 кораблей отплыли из Кадиса 25 сентября 1493 года с 1200 человек на борту — шахтерами, механиками, земледельцами и дворянами — с лошадьми, крупным рогатым скотом, овцами, козами, свиньями и птицей; семена овощей, фруктов, апельсинов, лимонов, орехов () и зерна для посадки; а также провизию, лекарства, инструменты, товары для торговли, оружие, боеприпасы и все необходимое для основания колонии. Среди пассажиров были Диего Колон, брат адмирала, Бернал Диас де Писа, контадор, Фермин Седо, пробирщик, а также Алонсо де Охеда и Хуан де ла Коса, впоследствии прославившиеся открытиями в Новом Свете; также двенадцать священников, главным из которых был Бернардо Буил, бенедиктинский монах, посланный папой в качестве его апостольского викария, со всеми украшениями и облачениями для полного служения, что всегда производило чудесное впечатление на туземцев. Работа по обращению в христианство уже была начата торжественным крещением шестерых дикарей, привезенных Колумбом, Фердинандом и Изабеллой, причем крестными родителями выступили принц Хуан. 3 ноября экспедиция достигла Доминики, названной так в честь дня прибытия, воскресенья. Затем был открыт остров, которому Колумб дал имя своего корабля, *Маригаланте*; затем Гваделупа, где были прирученные гуси, ананасы, а также человеческие кости, свидетельствующие о присутствии ужасающих карибов, или каннибалов. Таким образом, плавая по этим Карибским островам и называя их один за другим, Колумб продолжил свой путь и наконец прибыл в Навидад, только чтобы обнаружить крепость в руинах, а ее бывших обитателей — жертвами собственной глупости.

Выбрав место немного восточнее Навидада, все еще на северной стороне Гаити, испанцы выгрузили свои вещи и построили город, который называли Исабела, окружив его валами. Как только суда могли быть загружены золотом, их должны были отправить обратно в

Испанию; но смерть испанцев, оставленных в Навидаде, несколько испортила первоначальные планы.

В то время как Колумб лежал больной, управляя делами как мог, в начале января 1494 года две группы под командованием Охеды и Горвалана разведали остров, каждая в своем направлении, и, вернувшись, сообщили о находке золота. Поскольку их стоянка была неудобной, а многие из колонистов были поражены болезнями (), было решено, что лучше отправить корабли обратно пустыми, чем задерживать их дольше; поэтому 2 февраля двенадцать самых больших судов вышли в море под командованием Антонио де Торреса, имея на борту дополнительные образцы населения и продуктов этой страны. С этим отправлением была отправлена просьба о немедленной поставке провианта.

Теперь против Колумба поднялся ропот, и больные и разочарованные громче всех жаловались, что он обманул их, заманил их сюда ложными надеждами, чтобы они умерли. И они умоляли Диаса де Писа, уже возглавившего фракцию, и Седо, который утверждал, что на этих островах нет золота в значительных количествах, захватить оставшиеся корабли и отплыть на них в Испанию. Но адмирал, узнав об этом, арестовал Диаса и держал его в кандалах на борту одного из кораблей в ожидании суда в Испании.

Выздоровев, Колумб оставил своего брата Диего командующим в Исабеле и, возглавив четыреста человек, отправился к золотым горам Сибао, расположенным в глубине острова, с намерением построить там крепость и вести широкомасштабную добычу полезных ископаемых. Прибыв в благоприятное место, где в ручьях, казалось, было много золота, испанцы построили крепкую деревянную крепость, которую называли Санто-Томас, что было шуткой, направленной на скептически настроенного пробирщика Седо. Оставив командующим Педро Маргарите, Колумб вернулся на Исабелу. Позже был построен небольшой пост под названием Магдалена, командование которым было поручено Луису де Арриаге.

Местные жители не могли приветствовать столь масштабное вторжение, которое, как они теперь ясно понимали, принесет им серьезные последствия. Вслед за этим они удалились из окрестностей Санто-Томаса, отказавшись от любых контактов с его обитателями; а поскольку испанский аристократ ни в коем случае не мог работать, даже собирая золото, успех в этом направлении не был заметным. Запасы продовольствия и лекарств начали иссякать, и возникло новое недовольство, даже отец Буил выступил против адмирала.

Скорее для того, чтобы занять своих людей, чем из-за каких-либо надежд на прибыль, Колумб отправил еще одну экспедицию вглубь Гаити, а сам переправился на южную сторону Кубы на трех каравеллах, намереваясь оттуда достичь Катая. Вскоре он обнаружил к югу высокий остров, который сначала называл Санта-Глория, затем Сантьяго, но который в конце концов сохранил свое местное название Ямайка, то есть Остров источников. Достигнув почти западной оконечности Кубы, по-прежнему считая ее частью Азии и полагая, что, возможно, таким образом он сможет добраться до Испании (), где он сможет увидеть, что находится за ее пределами, он обогнул южные берега Ямайки и Гаити и вернулся на Исабелу, куда прибыл без сознания от возбуждения и усталости. Когда он очнулся от физических страданий, которые на время были заглушены бредовой энергией, он с большой радостью обнаружил, что его брат Бартоломе, прибывший из Испании с тремя хорошо загруженными кораблями, пришел ему на помощь.

КОЛОНИЗАЦИЯ ЗАКОНЧИЛАСЬ НЕУДАЧЕЙ.

Великие события обычно выбирают великих людей для

своего осуществления, хотя нередко мы видим, как незначительный агент поднимает немалую пыль. Как мореплаватель и первооткрыватель Колумб не имел себе равных; как колонизатор и губернатор он к этому времени доказал свою неудачу. Есть вещи, которые великие люди не могут делать так же хорошо, как их подчиненные. Одно дело — править на море, и совсем другое — править на суше. Привезя в свою Индию этих неуправляемых испанцев, он сам посеял для себя бурю. Будь он более разборчивым в выборе своих последователей, его последние дни были бы более успешными и более спокойными. Открытия были его страстью; он ни на минуту не терял всепоглощающего любопытства найти западный путь к цивилизованной Индии. Если бы он обладал здравым практическим суждением в этом вопросе, таким же знанием себя и политических дел, как и навигации, он бы понял, что не может одновременно удовлетворять свою страсть к открытиям и успешно управлять колониями. В своем роковом стремлении к власти и на основании неверных сообщений простых дикарей, не имеющих представления о ресурсах и возможностях страны, без четкой цели и зрелых планов, он навлек на себя лавину бедствий. Помимо его неспособности к такой задаче, его положение усугублялось тем, что он был иностранцем, чьи произвольные действия раздражали его нетерпеливых подчиненных и в конце концов довели их до открытого восстания. Испанцы достаточно быстро поняли, что этот генуэзский моряк никоим образом не подходил для того, чтобы заложить основу процветающей испанской колонии; и когда во время своего отсутствия он оставил командование своему брату, который не обладал авторитетом высоких достижений, чтобы компенсировать свое несчастье в том, что он не родился в Испании, осложнения с каждым днем усугублялись. Даже духовенство было против адмирала, поскольку, благодаря прозорливости, рожденной глубоким изучением человеческой натуры, они видели, что между огнем реального и нереального этот человек сходил с ума. Они видели, как религиозная ипохондрия, которая уже разжигала его интеллект, теперь усугублялась тревогами, связанными с управлением бурным элементом в беспрецедентных обстоятельствах, подрывала его здоровье и быстро приводила к тем психическим и физическим расстройствам, которые сделали остаток его жизни продолжительным страданием. Таким образом, мы можем ясно видеть, как Колумб навлек на себя серию бедствий, которые обычно приписывают беспринципным правителям и злобным соперникам.

И достаточно много несчастий обрушилось на него по возвращении в Исабелу. Маргарита, которому было приказано исследовать остров, оставив Охеду командующим в Санто-Томасе, предался развратной праздности (), сопровождавшейся надругательствами над туземцами, которые, несмотря на свой миролюбивый нрав, были вынуждены ответить мстью.

ОБРАЩЕНИЕ С КОРИЧНЕВЫМИ.

И здесь начались четыре века такой вопиющей несправедливости, таких ужасных злодеяний, совершаемых сильными над слабыми, цивилизованными над дикими, что человеку становится стыдно признаваться в родстве с расой, столь осквернившей себя перед своим Создателем, по образу которого она была создана.

Это та же самая история, старая и новая, от Эспаньолы до Дариена и Мексики, от Бразилии до Лабрадора и от Патагонии до Аляски, со стороны моряков и кавалеристов, испанцами и англичанами, золотоискателями и охотниками за пушниной — не просвещенный краснокожий человек с удивлением встречает своего разрушителя, к которому он вскоре вынужден обратиться, чтобы спасти себя, свою жену, своих детей, но в конце концов падает под безжалостной рукой прогресса под жалкой судьбой первобытного человека.

Отбросив всякую притворную верность Колумбу, когда он насытился его излишествами, Маргарит с мятежной командой на хвосте и в сопровождении отца Буила взял корабли, которые лучше всего подходили им, и отплыл в Испанию. Два *касика*, или вождя туземцев, Гуатигуана и Каонабо Кариб, со своими последователями подняли восстание, убили нескольких испанцев, осадили Магдалену и Санто-Томас и даже бросили зловещий взгляд на Исабелу. Таковы были главные события в поселении во время отсутствия адмирала.

Прежде всего, Колумб назначил своего брата Бартоломе *алантадо*, то есть руководителем предприятия или губернатором приграничной провинции. Затем он послал подкрепление в крепость Магдалена и основал еще один военный пост недалеко от того места, где впоследствии возник Сантьяго, который он назвал Консепсьон. Позже цепь была продолжена строительством других постов: одного недалеко от реки Яки, названного Санта-Каталина, и одного на реке Яки, названного Эсперанса. Тем временем Охеда предложил захватить грозного кариба Каонабо с помощью хитрости; это было осуществлено, когда он был окружен множеством воинов, сначала завоевав уважение и доверие вождя, а затем под предлогом личного украшения и демонстрации получив его согласие надеть красивые яркие наручники и сесть связанным за Охедой на его коне; в таком положении он был благополучно доставлен отважным кавалеристом во главе своих всадников в Исабелу.

Примерно в это же время Антонио де Торрес прибыл из Испании с четырьмя кораблями и был отправлен обратно с собранным золотом и пятьюстами индейцами, которые должны были быть проданы в рабство. Этим отъездом Диего Колон опроверг обвинения в некомпетентности и неэффективном управлении, которые в то время выдвигались против его брата при дворе.

Несмотря на новый приступ лихорадки, 27 марта 1495 года Колумб в сопровождении алантадо и всех имеющихся у него сил выступил из Исабелы, чтобы подчинить себе вождей острова, которые объединились, чтобы истребить испанцев. Напав на обнаженных краснокожих под звуки барабанов, труб и криков, с лошадьми и гончими, копьями, саблями и ружьями, он вскоре добился мира. Множество жителей было убито, а на остальных был наложен такой жестокий дань, что они постепенно погрузились в рабство. Но когда белые люди таким образом получили власть над островом, они не знали, что с ним делать. Они не умели возделывать землю или работать в шахтах, поэтому им грозил голод, и в конце концов они оказались в крайне тяжелом положении.

Неудивительно, что в таких условиях в Испании был отдан приказ сместить Колумба, сначала путем назначения следственной комиссии, а затем и полного отстранения от должности.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ИНДИЙ. До сих пор правительство Индий, как стали называть Новый Свет, управлялось исключительно адмиралом, в соответствии с соглашением, а Фонсека был суперинтендантом в Испании. Никто, кроме них, не имел права грузить или отправлять суда в Новый Свет. Колумб был уполномочен назначать двух подчиненных офицеров с одобрения короля; и все же монархи обиделись, когда он назначил Бартоломе алантадо, должность, которая не была должностью вице-губернатора, как утверждают многие авторы, а ближе к должности территориального губернатора, обладающего как политическими, так и военными полномочиями, обычно назначаемого королем и подчиняющегося только ему. Принимая на себя определенную степень государственного представительства, адмирал появился в Исабеле в богатых одеждах, с десятью *эскудеро де а пие*, или пешими оруженосцами, и двадцатью *фамилиаре*,

составлявшими его гражданскую и военную семью. Перед отъездом из Испании ему было поручено назначить в каждом из нескольких поселений или колоний, которые должны были быть основаны, *алькальда*, или судью, выполняющего совместные обязанности мэра и судьи, с юрисдикцией по гражданским и уголовным делам, апелляция подавалась адмиралу; а также *альгуасиль-майора*, или высокого шерифа; и, при необходимости, *аунтаменьто*, или городской совет. Все указы, приказы и поручения должны были издаваться от имени монархов, скреплены подписью нотариуса и королевской печатью. Адмиралу было также поручено построить склад, где должны были храниться королевские запасы, и весь транспорт должен был подчиняться его указаниям. Когда он отплыл в свою кубинскую экспедицию, он оставил для управления колонией хунту, президентом которой был его брат Диего, а советниками — Алонсо Санчес Карвахаль, Хуан де Луксан, Педро Фернандес Коронель и отец Буил.

Диего Колон был человеком благонамеренным, мягким и сдержанным, по внешнему виду и одежде больше похожим на священника, чем на кавалера; он не был ни проницательным, ни энергичным. Бартоломе был его полной противоположностью и во многих отношениях был самым способным из братьев. Сильный духом и телом, авторитетный и решительный в поведении, щедрый по натуре, бесстрашный по духу, опытный моряк, человек с широким жизненным опытом, достаточно образованный и талантливый писатель, он не был ни дружелюбным, но неэффективным Диего, ни мечтательным, но энтузиастичным адмиралом.

Быстро замечая в своем заместителе любые признаки бесправия или неправомерного использования власти, их величества не преминули внимательно выслушать обвинения, выдвинутые против него. Однако в документах нет никаких свидетельств того, что Изабелла или Фердинанд когда-либо действительно желали или намеревались причинить Колумбу несправедливость или вред. Когда Торрес вернулся из Испании после первого обвинения, монархи, помимо письма, в котором выражали самое теплое доверие к первооткрывателю и высокое уважение к делам колонии, отправили специальное *королевское распоряжение*, предписывающее всем подчиняться адмиралу, как им самим, под страхом штрафа в десять тысяч мараведи за каждое нарушение. Когда появились новые обвинения, вместо того чтобы лишить его власти, они отправили в качестве комиссара по расследованию Хуана Агуадо, горячего друга адмирала. Они часто сдерживали слишком суровые меры Фонсеки в отношении Колумба и его братьев и предоставляли свою королевскую защиту от тех чиновников, которые действовали слишком строго под влиянием раздражающей глупости адмирала. Удовлетворить открывателя было бы невозможно для любого покровителя, настолько дикими были его желания, настолько химеричными его планы, настолько неразумными его поступки.

Агуадо прибыл на Исабелу в октябре. Он привез четыре каравеллы, груженные припасами, и Диего Колону в качестве пассажира. Вскоре за границей разнесся слух, что поведение адмирала будет подвергнуто сомнению, чему обрадовались и белые, и красные. Агуадо не мог не заметить плачевное состояние дел на острове: праздность, бедность, излишества и неповиновение среди колонистов, глупость и некомпетентность среди правителей, и, увидев это, не мог не доложить об этом; за что, и ни по какой другой причине, которую я могу обнаружить, биографы Колумба обрушивают на комиссара позорные эпитеты.

Когда Агуадо вернулся в Испанию, Колумб сопровождал его, чтобы как можно лучше оправдаться перед монархами. Они отплыли из Исабелы 10 марта 1496 года, оставив

командование адальятадо и взяв с собой двести двадцать пять недовольных колонистов и ряд индейских пленников, среди которых был гордый и некогда могущественный вождь Каонабо, так вероломно захваченный Охедой. Их сопровождали встречные ветры и голод, Каонабо умер во время путешествия. Прибыв в Кадис в июне, адмирал обнаружил, что Педро Алонсо Ниньо собирается отплыть на трех каравеллах на Гаити. Ниньо увез еще больше священников и привез еще больше рабов.

Колумб появился в Испании в одежде францисканца и с подавленным видом. Для всего мира, кроме него самого, к этому времени стало очевидно, что его великолепная Индия была мифом, а поселение на основе предположения о ее существовании — ошибкой. Теперь он казался ошеломленным неудачами, как раньше был ошеломлен успехами. Тем не менее, он продолжал извлекать максимальную выгоду из своих открытий, выставляя на показ брата Каонабо в широком золотом ожерелье с массивной золотой цепью.

Тем не менее, монархи оставались великодушными. Они почти не упоминали о жалобах и постоянно растущих обвинениях в адрес адмирала, а наоборот, вновь подтвердили его достоинства, увеличили его привилегии и проявили к нему всяческую доброту. Они официально присвоили Бартоломе титул алантадо. Когда он попросил больше кораблей и денег, они с готовностью предоставили и то, и другое; кроме того, они предложили адмиралу участок земли на Гаити размером двадцать пять на пятьдесят лиг, от которого он, однако, отказался; они предложили ему шестьдесят моряков, сто сорок солдат, сто горняков, механиков и фермеров, а также тридцать женщин, услуги которых должны были оплачиваться короной. Но поскольку возникла некоторая задержка, вызванная операциями в Италии и армадой для Фландрии, биографы адмирала вновь начинают ругать монархов и их слуг. Правда заключается в том, что Фердинанд и Изабелла поддерживали генуэзца гораздо дольше, чем их подданные. Например, когда были выделены несколько миллионов мараведи, что эквивалентно более чем ста тысячам долларов сегодня, и оснащены восемь кораблей, адмирал и его предприятия стали настолько непопулярными, что пришлось принуждать моряков к службе и освобождать тюрьмы для колонистов. И только когда их адмирал, вице-король и губернатор Индий настолько забыл себя, что перед отплытием публично, собственными руками и ногами, сбил с ног и пнул Химено де Бервиеску, чиновника под началом Фонсеки, монархи начали понимать, что Колумб не подходит для управления колониями. Нападение на государственного служащего было серьезным преступлением, и когда это было сделано на глазах королевской семьи и человеком, которого они так любили и уважали, они осознали всю серьезность ситуации и с тех пор никогда больше не относились к генуэзцу с прежней благосклонностью. Тем не менее, за его великие заслуги, его гениальность, энтузиазм и настойчивость, а также за беспрецедентную славу, которую он принес Испании, они всегда будут справедливы и великодушны по отношению к нему. Он никогда больше не сможет стать нищим лоцманом, как его называли в Гранаде, когда он просил помощи для своего первого путешествия.

ТРЕТЬЕ ПЛАВАНИЕ.

В начале 1498 года два корабля были отправлены в колонию под командованием Педро Фернандеса Коронеля. 30 мая Колумб отплыл из Сан-Лукара с шестью кораблями, прибыл к северному побережью Южной Америки и 31 июля открыл там остров Тринидад, проплыл через залив Пария, где было обнаружено большое количество золота и жемчуга, открыл острова Маргарита и прибыл в Гаити (), достигнув реки Озема на южной стороне острова 30 августа.

До последнего отправления адмирала в Испанию в этой местности было обнаружено золото, и во время его отсутствия там был основан военный пост под названием Сан-Кристобаль, а в соседней гавани построен форт, который получил название Санто-Доминго и с этого момента стал столицей Индий. В течение последних двух лет алантадо во главе своих мародеров периодически прочесывал остров, собирая ежеквартальную дань и наблюдая за мерами, которые, по его мнению, могли бы увеличить ее. Кацки время от времени организовывали восстания, но они обычно подавлялись благодаря быстрым и политичным действиям алантадо. Многие колонисты постепенно ослабили свою лояльность Колумбу, пока, наконец, по подстрекательству Франциско Ролдана, не провозгласили свою независимость от аделандо, хотя и продолжали признавать верность королю Испании (). После того как Ролдан устроил немалые беспорядки в Консепсьоне и Исабеле, он ушел со своей бандой в провинцию Жарагуа.

ДЕЛА В САНТО-ДОМИНГО.

При высадке в Санто-Доминго адмирал сначала провозгласил свое одобрение мер, принятых алантадо, а затем приступил к умиротворению колонистов. Многие офицеры, пользовавшиеся доверием простого народа, присоединились к восстанию Ролдана. Колумб предложил всем амнистию, которая сначала была отклонена, и обе стороны отправили письма в Испанию. Но в конце концов произошло примирение; Ролдан стал сторонником Колумба и помог подавить другие враждебные фракции, в результате чего Адриан де Моксика был сброшен с крепостных стен форта Консепсьон.

Беспорядочное состояние колонии, продолжавшиеся обвинения против Колумба и неадекватная отдача от больших затрат побудили монархов направить еще одну комиссию с полномочиями наказывать правонарушителей, как гражданских, так и уголовных, и, при необходимости, заменить адмирала в правительстве. Комиссаром, выбранным для этой цели, был Франциско де Бобадилья, высокомерный, недалекий человек, который больше любил унижать заслуги, чем вершить правосудие. Он был уполномочен патентной грамотой выяснить правду о восстании против адмирала, какие грабежи, жестокости или другие открытые действия были совершены; ему было предписано арестовать любого преступника и конфисковать его имущество или наказать его любым способом, который он сочтет лучшим. Государи направили адмиралу океанского моря временное письмо, приказывающее ему сдать комиссару все форты, оружие, корабли, дома, скот и другое общественное имущество, которое должно было быть использовано только в случае необходимости. Бобадилья в сопровождении двадцати пяти телохранителей отплыл на двух каравеллах в июле 1500 года и прибыл в Санто-Доминго 23 августа. По этому случаю некоторые из индейцев, присланных Колумбом в качестве рабов, были возвращены под надзором шести монахов. Сомнительно, что порабощение краснокожих могло когда-либо принести прибыль, но независимо от этого, католическая церковь заслуживает большой признательности за то, что так быстро положила конец этой дьявольской торговле, которая уже получила одобрение некоторых из ведущих юристов того времени. Действительно, доктрина о том, что индейцы не наделены душой, быстро распространялась и нашла много приверженцев, и если бы папа в этот момент не принял решение против этого предложения, вопрос о рабстве индейцев не был бы решен так легко и быстро.

НЕДОПУСТИМОЕ ПОВЕДЕНИЕ БОБАДИЛЬЯ.

Среди первых объектов, которые бросились в глаза Бобадилье при высадке на берег, были тела двух испанцев, качавшиеся на виселицах, что не очень благоприятно свидетельствовало о спокойствии на острове. Колумб отсутствовал в форте Консепсьон; адалендадо и Ролдан преследовали мятежников в Жарагуа; Диего Колон,

который был начальником в Санто-Доминго, получил категорический приказ () сдать определенных заключенных, но он отказался это сделать, пока адмирал, чья должность была выше, чем у Бобадила, и под чьим началом он служил, не отдаст такой приказ.

Тогда Бобадила взломал тюрьму, и пленники были наконец освобождены. Он не только взял под свою опеку королевскую собственность, но и вошел в дом Колумба, завладел его имуществом и поселился там. Он встал на сторону бывших мятежников, прислушиваясь только к ним. Затем он приказал явиться перед ним адмиралу, который пришел со всем спокойствием и был немедленно закован в кандалы и брошен в тюрьму. Братья Колумба постигла та же участь. Это было самое подлое поведение со стороны Бобадила, совершенно несанкционированное и совершенно ненужное. Колумб был осужден до суда. Когда он явился по собственной воле, не с враждебным настроением, а без сопровождения, его схватили, заковали в кандалы и заключили в тюрьму. Только потом ему было предъявлено обвинение в том, что он подвергал колонистов, даже идальго, угнетающему труду, жестокому обращению и наказаниям; в том, что он не обеспечивал их достаточным пропитанием; в том, что он противостоял королевской власти; в том, что он тайл золото и жемчуг; и в том, что он несправедливо обращался с туземцами, ведя с ними ненужную войну, взимая несправедливую дань, препятствуя их обращению в христианство и отправляя их в Испанию в качестве рабов. Некоторые зашли так далеко, что намекнули на намерение перейти на сторону другой державы. Но даже если бы все клеветы, которые на него навалили подлые, мстительные люди, были правдой, он не заслуживал того обращения, которое теперь получил от агента их величеств. Всегда верный, благородный и искренний, всегда выполнявший свои обязанности в меру своих сил, худшее, что можно сказать о нем по правде, — это то, что он был неподходящим по характеру и образованию, неподходящим по своему гению, по тем самым качествам, которые делали его столь превосходным по сравнению с другими людьми в других областях, для организации в тропической пустыне той социальной экономики, на которой можно было бы построить устойчивое сообщество из невежественных, самонадеянных и отчаявшихся элементов, только что вышедших из конфликтов с евреями и маврами.

После того, как три брата подверглись многим оскорблениям и унижениям, их посадили на корабль и отправили в Испанию. Андрес Мартин, капитан каравеллы, предложил снять кандалы, но адмирал отказался. Их надели по приказу короля, и только по приказу короля их можно было снять. «И я всегда буду хранить эти цепи, — добавил он с гордой горечью, — как памятник награды за верную службу».

И Фердинанд, и Изабелла, и весь народ были потрясены, увидев прославленного первооткрывателя в таком положении. Как только монархи узнали об этом, цепи были сняты, а заключенные освобождены. Из отвратительного унижения, в которое его несправедливо вверг бесчестный агент, Колумб вновь был возвышен в милости монархов, чьи влажные глаза свидетельствовали о искренности их сердец.

ГЛАВА III.

ОТКРЫТИЕ ДАРЬЕНА.

Родриго де Бастидас — Расширение привилегий Нового Света — Королевская доля — Хуан де ла Коса — Корабли первых первооткрывателей — Побережье Дариена — Ужасный терредо — Кораблекрушение на Эспаньоле — Испанские деньги — Отношение Овандо к Бастидасу — Обвинение и отправка в Испанию для суда — Он немедленно оправдан — Будущая карьера и характер Бастидаса — Архивы Индий — Несколько собраний публичных документов в Испании — Труды Муньоса и Наваррете — Библиографические заметки о печатных собраниях Наваррете, Терно-Компана, Сальва и Баранда, а также Пачеко и Карденаса.

Первым испанцем, ступившим на территорию, которую для целей моей работы я взял на себя смелость назвать Тихоокеанскими штатами Северной Америки, был Родриго де Бастидас, нотариус из Трианы, цыганского пригорода Севильи.

НОВЫЙ МИР, ОТКРЫТЫЙ ДЛЯ ПОСЕЛЕНИЯ.

Хотя открытия Колумба были сделаны для Кастилии, и кастильцы считали свои права на новые земли превосходящими права всех других, даже других жителей Испании; и хотя поначалу никто не мог посещать Новый Свет, кроме тех, кто был уполномочен Колумбом или Фонсекой; тем не менее, из-за недостаточной отдачи от больших затрат и неспособности адмирала должным образом контролировать колонизацию в различных частях постоянно расширяющейся территории, по просьбе нескольких лиц, желающих войти в новую сферу торговли и приключений за свой счет, 10 апреля 1495 года монархи издали прокламацию, разрешающую уроженцам Испании селиться на Гаити, Эспаньоле () или [Эспаньоле \(\) \[III-1\]](#), как я буду продолжать называть этот остров, и совершать частные путешествия с целью открытий и торговли в другие части, по королевской лицензии. Правила гласили, что суда, отправляющиеся в такие плавания, должны быть оснащены под королевским надзором, что они должны отправляться только из порта Кадис и что на них должны находиться один или два королевских чиновника. Государи без оплаты удерживали одну десятую часть тоннажа и должны были получать одну десятую часть валовой прибыли. Поселенцы на Эспаньоле должны были получать земельные наделы и годовой запас продовольствия; из добытого золота они должны были платить две трети короне, а из всех других продуктов — одну десятую часть. Хотя этот шаг был сделан без консультации с Колумбом, государи стремились полностью уважать его права в этом вопросе; поэтому вместо его права на одну восьмую всего тоннажа за каждые семь судов, отправленных в частном порядке, он получил право отправлять одно судно за свой счет. Адмирал по-прежнему жаловался, и 2 июня 1497 года были отменены те части прокламации, которые каким-либо образом ущемляли его права, и подтверждены его прежние привилегии. [\[III-2\]](#)

Среди тех, кто воспользовался этим разрешением, помимо Бастидаса () был Алонсо де Охеда (Alonso de Ojeda), который в мае 1499 года вместе с Хуаном де ла Коса (Juan de la Cosa) и Америго Веспуччи (Amerigo Vespucci) отплыл из Испании на четырех кораблях, проплыл

вдоль побережья Южной Америки от Парии и Жемчужного побережья, открытых Колумбом, до залива Венесуэла, названного так потому, что, как и в Венеции, деревни коренных жителей были построены над водой. У мыса де ла Вела Охеда покинул побережье и переправился на Эспаньолу, откуда был изгнан Рольданом по приказу Колумба. Он прибыл в Испанию в июне 1500 года, и хотя его корабли были переполнены рабами, после оплаты расходов осталось всего пятьсот дукатов, которые пришлось разделить между пятьюдесятью пятью людьми. На каравелле водоизмещением всего пятьдесят тонн, на несколько дней позже Охеды, отплыли Педро Алонсо Ниньо и Кристобаль Герра, которые, следуя по следам Колумба и Охеды, достигли Жемчужного побережья, оттуда переправились на Маргариту, вернулись на материк и прошли вдоль побережья Кумана, и наконец вернулись в Испанию, прибыв примерно на два месяца раньше Охеды, с большим грузом золота и жемчуга. Это было первое действительно прибыльное с финансовой точки зрения путешествие в Новый Свет. Затем был Висенте Яньес Пинсон, который отплыл на четырех каравеллах в декабре 1499 года, а вскоре после него Диего де Лепе на двух судах, оба направлявшихся в Бразилию.

ПУТЕШЕСТВИЕ БАСТИДАСА.

Бастидас был совершенно исключительной личностью среди обычных авантюристов. Он был уважаемым членом общества, обладал некоторыми средствами и имел богатых друзей; он был умным и влиятельным, а кроме того, гуманным, и даже Лас Касас признавал, что никто никогда не обвинял его в жестоком обращении с индейцами.

Друзья честного нотариуса, среди которых был Хуан де Ледесма, были готовы присоединиться к нему, в финансовом плане, в предприятии на знаменитом Жемчужном побережье, как теперь называли южноамериканский берег третьего путешествия адмирала. Получив в офисе Фонсеки королевскую лицензию,^[III-3] и заручившись сотрудничеством Хуана де ла Коса, уже ветерана западного лоцманского дела, Бастидас оснастил две каравеллы,^[III-4] в октябре 1500 года в Кадисе взял на борт, на острове Гомера пополнил запасы древесины, воды, мяса и сыра, и, держа курс немного севернее последнего маршрута адмирала, прибыл к зеленому острову, который он назвал Исла-Верде, и достиг материка вблизи Венесуэлы. Плывая вдоль побережья на запад, он миновал Санта-Марту и в марте 1501 года прибыл к реке Магдалена, назвав ее так в честь дня, когда женщина приняла христианство. Там он едва избежал кораблекрушения. Продолжая путь и торгуя по пути, он обнаружил порты Замба и Коронадос — последний назван так потому, что туземцы носили большие короны — острова Сан-Бернардо, Бару и Арена, расположенные у залива Картахена. Затем он увидел Фуэрте и необитаемую Тортугу, зашел в порт Сену, миновал мыс Карибана, вошел в залив Ураба и увидел *фаральонес*, или скалистые вершины островков, резко возвышающиеся из воды у берега Дариен. Таким образом, от мыса де ла Вела он открыл сто пятьдесят лиг^[III-5] нового побережья. А поскольку при отливе вода была пресной, он назвал это место Гольфо-Дульсе. Так испанцы прибыли на перешеек, соединяющий две Америки, и по нему проплыли до мыса Мансанилья, в окрестностях которого находились Эль-Ретрете и Номбре-де-Дьос.^[III-6]

⁶¹

СЛАВА ИСТМУСА.

Это было благоприятное начало для этих людей из Испании, для межконтинентальной торговли, которая вскоре принесет разрушение с одной стороны и отставание с другой; торговля, которая закончится только со следующим всеобщим катаклизмом. Прокладывая себе путь среди островов, утопающих в листве, которые на блестящей поверхности воды казались плавающими фрагментами густой зелени материка, слушая незнакомые для их ушей звуки и видя этих странных мужчин и

женщин, столь похожих и в то же время столь непохожих на испанцев, они задаются вопросом, находятся ли они в этом мире или за его пределами. Мы, так хорошо знающие нашу маленькую планету и ее законы, с трудом можем представить себе, каково было в темноте оказаться в Севилье, а затем в волшебной игре света и тени в Дариене. Вероятно, теперь мир был круглым; но все же он мог быть грибовидным, или серповидным, или аморфным, с гладким или неровным краем, с которого в любой момент могло произойти страшное соскальзывание. Все, что они могут знать, — это то, что они видят, и даже этого они не могут знать до конца, потому что едва ли могут видеть, чувствовать или обонять больше, чем половину. Они могут чувствовать часть перпендикулярных лучей раскаленного солнца, падающих на их закаленную кожу; часть воды, которая из переполненных резервуаров низко висящих облаков так часто и свободно льется на место, откуда она выкачивается этим же вертикальным солнцем. Они могут обратить свои озадаченные глаза на юг и увидеть за его чистой белой границей материк, простирающийся волнами полированной зелени до далекого туманного горизонта, где он, как сладострастная красавица, отпечатывает поцелуй на краснеющем небе; они могут лежать в сером тумане вечера и мечтать, и мечтать, их умы — насколько они далеки от интеллекта нетерпеливого моря и самонастроенной жизни на берегу? Или они могут дрейфовать в янтарном свете мягкого туманного утра, не особо мечтая; по крайней мере, одна вещь для них реальна, и это золото. Без помощи божественного откровения они понимают разницу между драгоценным твердым веществом и полым латунным изделием. То же самое делают дикари, считая последнее гораздо более красивым; и таким образом, обе стороны, каждая из которых считает другую глупой и обманутой, счастливы в своей торговле. Испанцы очарованы не столько прекрасными нарядами, в которых природа повсюду встречает их, сколько легкостью, с которой собирается золотой урожай. Таким образом, все предвещает самый лестный успех, когда несчастное событие бросает тень на их светлую судьбу.

Оказалось, что оба корабля сильно протекают. Была проведена проверка, в ходе которой было обнаружено, что днища пробиты терредосами; [III-71](#) и таким образом, прежде чем они это поняли, их корабли стали непригодными для эксплуатации. Все еще надеясь добраться до Кадиса, Бастидас немедленно отплыл, зашел на Ямайку за дровами и водой и продолжил свое путешествие до Контрамаэстре, островка в одной лиге от Эспаньолы, где он был вынужден бросить якорь и отремонтировать свои корабли. Снова отплыв в Испанию, он попал в шторм, который отбросил его обратно на остров. Потерпев неудачу во второй попытке, он направил корабли в небольшой порт Жарагуа, где они наполнились водой и затонули, а потери в виде судов, рабов, бразильского дерева, ткани и золота составили не менее пяти миллионов мараведи. [III-81](#) Несмотря на то, что он всегда славился своей набожностью, справедливостью и человечностью, добрый Бастидас не постеснялся похитить на борт своих кораблей у берегов Дариена несколько десятков ничего не подозревающих туземцев, чтобы продать их в рабство; и, проявив таким образом свои добродетели в духе того времени, он не постеснялся бросить на произвол судьбы большую часть этих невинных несчастных, когда его корабли начали тонуть, чтобы спасти как можно больше своего золота, которое считалось более ценным и надежным, чем тела и даже души язычников.

Таким образом, наблюдая повсюду, как мы вынуждены делать по мере продвижения, великодушные и высокую мораль, с которыми наша столь ценимая и избалованная цивилизация встретила слабое, беззащитное и безобидное дикарство, мы готовы, когда потерпевшие кораблекрушение моряки оказываются на далеком острове, населенном их соотечественниками, подданными тех же монархов, — мы готовы, видя их прием, который

мы сейчас увидим, воскликнуть с поднятыми руками: Смотрите, как эти братья любят друг друга!

Сожгив лишние боеприпасы, испанцы собрали свои ценности и, погрузив их на спины пленников, которым они любезно позволили остаться в живых, отправились тремя отрядами по разным маршрутам, чтобы обеспечить себе более щедрые запасы провианта в пути, направляясь в Санто-Доминго, удаленное на семьдесят лиг. Как мы уже видели, Бастидас имел разрешение торговать только на землях, открытых им самим. Но по дороге его последователи с помощью своих безделушек покупали у туземцев продовольствие; за это правонарушение по прибытии в Санто-Доминго Бастидас был арестован Бобадильей и брошен в тюрьму. Напрасно все потерпевшие кораблекрушение протестовали, что они покупали только те предметы, которые были необходимы для их питания во время похода. Губернатор не прислушался к их утверждениям, и, поскольку Бобадилья собирался отправляться в Испанию, нотариус был отправлен туда для суда, отплыв в июле 1502 года.

Перед монархами Бастидас без труда оправдал свое поведение; доходы от его торговли с туземцами Дариена были настолько велики, что, несмотря на неудачное завершение предприятия, он смог выплатить королевской казне значительную сумму. За свои важные успехи Родриго де Бастидас получил ежегодную пенсию в размере пятидесяти тысяч мараведи, а Хуан де ла Коса — аналогичную сумму и титул альгуасиль-майора Ураба, которые должны были выплачиваться им из доходов новых земель, которые они открыли. «Такова была экономическая щедрость короля Фердинанда, который вознаграждал прошлые труды своих предприимчивых первооткрывателей из ожидаемой прибыли от их будущих трудов», — отмечает Ирвинг.^[III-9]

АРХИВЫ ИНДИЙ.

Наиболее богатым источником информации о ранней истории Америки являются *Архивы Индий*, общий термин, охватывающий различные коллекции в разных местах. Многие писатели черпали и до сих пор черпают информацию из этого источника; многие документы были напечатаны, а многие еще предстоит напечатать. В целом коллекции очень многочисленны, поскольку правительство требовало вести полные записи, а в некоторых случаях и копии официальных документов, касающихся открытий, завоеваний и колонизации. Первыми хранилищами этих документов были несколько залов заседаний советов и государственных учреждений, где велись дела, главными из которых тогда были Севилья, Кадис и Мадрид. В 1566 году Филипп II приказал объединить все коллекции, церковные и светские, и хранить их в крепости Симанкас. В 1717 году, когда все советы были объединены в один, Фелипе V, основавший *Академию истории*, среди прочего для сбора и хранения материалов для истории, распорядился ежегодно передавать все документы в *Архив Симанкаса*. Эти положения не могли быть выполнены в полной мере, иначе пришлось бы применять очень обширную систему копирования; поскольку позднее, когда архивы были открыты для исследования историками, накопления в Симанкасе, хотя и были большими, не казались намного больше, чем в некоторых других местах. Кроме того, в домах тех, кто играл заметную роль в общественных делах, хранились семейные архивы, а в монастырях различных орденов — церковные отношения, по значимости мало уступавшие государственным архивам. И хотя правительство настаивало на ведении полных архивов и с большой тщательностью следило за тем, чтобы их содержание не стало известно, особенно

иностранцам, мало внимания уделялось их сохранению от повреждений или уничтожения, а также их систематизации для удобства использования. Поэтому, когда они были обнаружены, они представляли собой громоздкие массивы неотсортированных, изъеденных червями и частично нечитаемых бумаг. Многие документы, упоминаемые современными писателями, как известно, были утрачены, а их содержание стерто из существования. Фердинанд VI (1746-1759) поручил Бурриэлю и Сантьяго Паломаресу изучить архивы королевства, скопировать и сформировать коллекцию рукописей, которые они сочтут лучшими. Эта коллекция « » была помещена в *Национальную библиотеку* в Мадриде. Другие коллекции были собраны в течение двух последующих правлений Абеллой, Траггия, Веласкесом, Муньосом, Наваррете, Сансом, Варгасом Понсе и Вильянуэвой, которые были размещены в различных местностях.

Ранние летописцы Индий собирали свои знания как могли, путем наблюдений, бесед и изучения письменных свидетельств. Лас Касас и Овьедо провели много времени в Новом Свете; Петр Мученик имел доступ ко всему, что существовало, помимо бесед со всеми, кто бывал в Америке; Гомара много копировал из Овьедо. Все было в распоряжении Эрреры как королевского историографа, что было само собой разумеющимся, хотя он не всегда использовал свои возможности наилучшим образом. Гашард утверждает, что и Кабрера, и Эррера не знали о существовании многих из наиболее ценных документов своего времени. Рамузио, Хаклюйт, Пурчас и другие время от времени удавалось получить оригинальные документы об Индиях для печати в своих сборниках. Одним из первых английских историков, которые попытались использовать Архивы Индий в исторических целях, был Уильям Робертсон, который опубликовал *«Историю правления императора Карла»* (Лондон, 1769) и в 1777 году *«Историю Америки»* в 2 томах 4-го формата, несколько изданий которой впоследствии вышли также в 8-м формате. Робертсон был шотландским священником, обладавшим большой ученостью и способностями. Его стиль был элегантным и энергичным, и он был, безусловно, самым философским писателем о Америке до своего времени. Хотя его утверждения полны ошибок, усугубляемых догматизмом, но за которые его не всегда можно винить, все, кто пришел после него, извлекли пользу из его трудов; и некоторые из них, действительно, пожнули более богатые плоды, чем тот, кому они обязаны своим успехом, и при этом с гораздо меньшими усилиями.

РОБЕРТСОН И МУНЬОС.

В начале своей работы Робертсон обратился к соответствующим властям в Мадриде, Вене и Санкт-Петербурге с просьбой предоставить ему доступ к материалам. Германия и Россия откликнулись на его просьбу с либеральностью, но Испания отказала. В 1775 году Робертсон установил, что самая большая комната, занимаемая *Archivos de Simancas*, была заполнена американскими документами, в 873 пачках; что они были тщательно скрыты от посторонних глаз (), испанские подданные даже не имели к ним доступа без разрешения короны; и что копии можно было получить только за непомерную плату. Однако благодаря помощи лорда Грэнтема, английского посла в Мадриде, и подготовке ряда вопросов, которые предстояло задать людям, жившим в Америке, удалось получить много новой и важной информации, а также копии некоторых рукописей. Письма Кортеса и сочинения Мотилинии, Мендиета и других, которые Робертсон использовал в рукописи, впоследствии были напечатаны.

Очень жаль, что ученый Хуан Баутиста Муньос не дожил до завершения своей *«Истории Нового Света»*, из которой был опубликован только первый том. Она была опубликована в Мадриде в 1793 году и охватывала период до 1500 года. Муньос родился недалеко от Валенсии в 1745 году, окончил университет, а в 1779 году по поручению короля приступил к написанию истории Америки, причем все публичные и частные материалы были

предоставлены в его распоряжение по королевскому указу. В архивах департамента Индий в Мадриде не хватало многих документов, после чего он отправился в Симанкас, Севилью, Кадис и другие города, вооружившись королевской *цедулой*, которая открывала ему доступ к семейным и монастырским архивам, а также ко всем государственным хранилищам. В королевских архивах царилла такая путаница, что ему казалось, будто их специально перепутали, чтобы скрыть их содержимое. Даже в указателях *Секретного архива Совета по делам Индий* почти не было упоминаний о документах, относящихся к раннему периоду истории Америки. Тем не менее, благодаря настойчивым поискам, в секретных архивах, а также в *Королевской кассы Аудиенции контрактации*, архивах Симанкаса, королевских библиотеках Мадрида и Эскориала, *Главной казначейской палате Аудиенции Индий* в Кадисе, *Archivo General de Portugal (Генеральном архиве Португалии)*, монастыре Монсеррат, колледжах Сан-Бартоломе и Куэнка в Саламанке, Сан-Грегорио в Вальядолиде, соборе Паленсии, Сакромонте в Гранаде, а также в монастырях Сан-Франциско в Толосе в Гипускоа, Санто-Доминго в Малаге, а также Сан-Акасио, Сан-Хосе и Сан-Исидро-дель-Кампо в Севилье, пока не стало ясно, что его усилия были погребены под тяжестью их масштабности. Тогда он понял, что взялся за дело, которое превосходило его силы. Даже с помощью правительства он не мог справиться с беспорядочной толпой, ведь даже неограниченные деньги и люди не могут всего достичь без времени. Неутомимый Муньос работал преданно; король жаловался на скудные результаты; автор умер, делая все, что в его силах, и его работа до сих пор остается незавершенной. В ходе своей работы он собрал обширную коллекцию документов, меморандумов и других рукописей, относящихся к Америке, известную как *Coleccion de Muñoz*, которую он когда-то намеревался опубликовать, но она, как и часть его истории, осталась в рукописном виде. Ирвинг утверждает, что документы Муньоса были оставлены сеньору Угине, а Терно-Компанс утверждает, что получил все рукописи Угины; но Прескотт утверждает, что коллекция Муньоса была передана в архив Королевской академии истории в Мадриде, где она была пополнена рукописями Варгаса Понсе, полученными в основном из архивов Индий в Севилье. До 1793 года в Севилье был создан *Archivo General de Indias* (Генеральный архив Индий), куда из Мадрида и Симанкаса было перевезено большое количество старых документов (). Около 1810 года архивы в Симанкасе были разграблены Наполеоном; в 1814 году остатки были переорганизованы и классифицированы.

До смерти Муньоса Наваррете был уполномочен королем провести поиск в архивах документов, касающихся деятельности испанского флота. Лично им или под его руководством, когда он был занят другими делами, поиск продолжался с 1789 по 1825 год. Результаты этой работы были следующими: до 1793 года — двадцать четыре фолианта копий из Королевской библиотеки в Мадриде, коллекций маркизов Санта-Крус и Вильяфранка, герцогов Медина-Сидония и Инфантадо, а также из *Библиотеки королевских исследований Сан-Исидро* и *Библиотеки Эскориала*; после 1793 года — семнадцать томов копий из *Archivo General de Indias*, включая документы из *Casa de Contratacion* в Севилье, *Colegio de San Telmo*, *Biblioteca de San Acacio* и из коллекции графа дель Агила. Имея в своем распоряжении эти материалы, дополненные результатами последующих исследований в библиотеках Королевской академии истории в Мадриде и других государственных учреждениях, а также во многих частных коллекциях, в частности коллекции герцога Верагуаса, и получив доступ к коллекции Муньоса, Наваррете в 1825 году приступил к публикации своего труда «*Колексьон де лос Виages и Дескубримиентос, ке хасидон по мар лос Эспаньолес десфинес дель Сигло XV*» (Коллекция путешествий и открытий, совершенных испанцами по морю с конца XV века) в 5 томах, Мадрид, 1825-37, в котором он напечатал более 500 документов, многие из которых имеют первостепенное значение. Поскольку эта

коллекция является одним из основных авторитетных источников по ранней истории Дариена, краткая информация об авторе будет уместна.

МАРТИН ФЕРНАНДЕС ДЕ НАВАРРЕТЕ.

Мартин Фернандес де Наваррете родился в 1765 году в Абалосе в Старой Кастилии. В 1777 году он поступил в семинарию Вергары, где изучал латынь и математику и проявил некоторый литературный вкус. В 1780 году он поступил на флот, сначала служил мичманом в Ферроле, в 1781 году присоединился к эскадре Кордовы и летом того же года участвовал в походе у английского побережья. Он отличился в сентябре 1782 года у Гибралтара и в сражении у мыса Эспартель 20 октября того же года. В 1783 году, получив звание морского прапорщика, он был назначен в департамент Картахены и в результате в 1784-1785 годах участвовал в походах против мавров. По окончании алжирских войн он изучал высшую математику, навигацию и маневрирование у Габриэля де Сискара, отличившись в этих дисциплинах. В 1789 году его здоровье заставило его покинуть активную службу, и Карлос IV поручил ему изучить архивы королевства Испании () и собрать рукописи, относящиеся к морской истории; эта работа особенно подходила ему благодаря его усердию и знаниям. Так началась его знаменитая «Коллекция путешествий» (*Collection of Voyages*), хотя ее первые тома появились только через тридцать шесть лет. Когда в 1793 году разразилась война между Францией и Испанией, он присоединился к эскадре под командованием Хуана де Лангары, который назначил его своим главным помощником, *первым помощником* и секретарем. В 1796 году, когда была объявлена война Англии, он все еще находился в море, но в 1797 году Лангара был назначен министром морского флота и, не желая терять своего молодого секретаря, привез его в Мадрид, дав ему должность в министерстве. Здесь, в 1802 году, Наваррете опубликовал в качестве предисловия к *«Relacion del Viage hecho por las goletas Sutil y Mexicana»* краткий отчет об испанских открытиях на побережье Калифорнии и Северо-Западного побережья, « », который часто цитировался в англо-американских спорах о границе Орегона. Между тем его заслуги были признаны в Мадриде. В 1807 году он был назначен *министром фискальным* верховного совета адмиралтейского суда, уже имея звание капитана. Но в этом же году произошло французское вторжение, которое перевернуло все. Мадрид пал в 1808 году. В 1812 году Наваррете находился в Кадисе, в 1814 году — в Мурсии. Однако 14 мая 1814 года Фернандо восстановил свой трон; через четыре месяца после этого события Наваррете вернулся в Мадрид. В 1815 году он предложил из своего места в Испанской академии новую систему правописания, которая была принята для ее словаря. Он также интересовался изобразительным искусством и, будучи секретарем Академии Сан-Фернандо, внес много ценных статей в ее труды. Вскоре после своего возвращения в Мадрид, будучи мало удовлетворен бурной и изменчивой политикой того времени, он по возможности удалился от политики и начал собирать материалы для своей биографии Сервантеса — превосходного и очень полного труда, опубликованного Академией вместе с изданием *«Дон Кихота»* в 1820 году. Историк продолжал пользоваться почестями. В конце 1823 года он был назначен директором гидрографического департамента и на многие годы стал фактически, если не по названию, великим и главным морским авторитетом Испании, и это без ущерба для его литературной деятельности. В 1825 году вышли первые два тома его «Сборника путешествий»; третий появился в 1829 году; четвертый и пятый — в 1837 году; шестой и седьмой остались незавершенными после смерти автора. После публикации *Estatuto Real* в 1834 году он получил место в новой аристократии и впоследствии заседал в качестве сенатора от своей провинции почти во всех законодательных органах. Но его ученый образ жизни и миролюбивый характер вряд ли были предназначены для блестящей политической карьеры, да и науке это было не на руку. Зимой 1844 года, в возрасте 79 лет, Наваррете скончался. В 1846 году Академия издала его

посмертное произведение — диссертацию по истории морских и математических наук в Испании. В 1848 году его сын начал работу над сборником его небольших произведений под названием *Coleccion de Opúsculos*. Два тома, которые уже вышли в свет, состоят в основном из кратких биографий испанских мореплавателей и литераторов, ранее разбросанных по периодическим изданиям и трудам различных академий и обществ. Наваррете был человеком ученого и исследователя, что ясно видно; он был склонен к многословности, что утомляло большинство читателей, хотя его современники называли его *elegante y castizo*. Однако об исторической ценности его работ существует только одно мнение. Гумбольдт называет его «Сборник путешествий» «одним из важнейших памятников современности» и называет его «самым точным историком географических открытий на Новом Continente». Барон де Зах, М. де Бертелло, Прескотт, Хелпс, Ирвинг и Стирлинг все высоко ценили его. Действительно, друзья Наваррете не могут жаловаться на то, что он не был удостоен чести. Удостоенный высоких орденов, член многих академий и обществ, он был более удачлив, чем обычно бывает среди литераторов. Части сборника Наваррете, которые имеют наиболее непосредственное отношение к этой истории: *Relacion de Diego de Porras*, i. 282-96; *Carta que escribió D. Cristóbal Colon*, i. 296-313; «*Relacion hecha por Diego Mendez*», i. 314-29; «*Cartas de Colon*», i. 330-52; «*Viages Menores*», iii. 1-74; «*Real cédula por la cual, con referencia á lo capitulado con Diego de Nicuesa y Alonso de Hojeda*», iii. 116-17; *Биографические сведения о канумане Алонсо Охеде*, iii. 163-76; « » и «*Establecimientos ó Primeras Poblaciones de los Españoles en el Darien*», включая инструкции Педрариасу, письма Васко Нуньеса, мемориал Родриго де Кольменареса и отчет Паскуаля де Андагойи, iii. 337-459.

Едва *Coleccion de Viages* Наваррете поступила в печать, как о ней узнал Вашингтон Ирвинг и отправился в Мадрид с намерением перевести ее на английский язык. Но вскоре он понял, что с меньшими затратами труда он может выполнить работу, которая принесет ему большую прибыль. Наваррете, который уже собрал материал и подготовил почву, по-прежнему был готов оказать доброжелательному американцу всяческую помощь; ему нужно было провести лишь несколько оригинальных исследований, так что в этих условиях «*Жизнь Колумба*» отнюдь не была сложной задачей для столь готового писателя. Гумбольдт посетил Мадрид перед тем, как отправиться в Америку, но, по-видимому, не ознакомился с важными историческими документами, не находившимися в распоряжении других. Прескотт получил из коллекций Муньоса и Наваррете 8000 страниц копий, большинство из которых, имеющих какое-либо значение, были впоследствии напечатаны Иказальсета, Аламаном и другими.

В период с 1837 по 1841 год Анри Терно-Компанс опубликовал в Париже двадцать томов «*Путешествий, отношений, et mémoires originaux pour servir à l'histoire de la découverte de l'Amérique*», содержащих, помимо переводов нескольких редких и тогда недоступных работ, около семидесяти пяти оригинальных документов, некоторые из которых были взяты из коллекции Муньоса, а другие были получены из испанских архивов каким-то необъяснимым образом, возможно, не совсем не связанным с французской кампанией на полуострове. Среди его переводов есть документы, касающиеся завоевания и колонизации Центральной Америки и Мексики, отношения Кабеса де Вака и Икстильшочитля, «История Никарагуа» Овьедо, «Отчет о Новой Испании» Суриты и «История чичимеков» Икстильшочитля. Терно-Компанс также опубликовал «*Сборник оригинальных документов и мемуаров по истории испанских владений в Америке*» (*Recueil de documents et mémoires originaux sur l'histoire des possessions espagnoles dans l'Amérique*), Париж, 1840; и «*Американскую библиотеку*» (*Bibliothèque américaine*), каталог книг об Америке, изданных до 1700 года.

Проект печати оригинальных документов, отобранных из национальных и семейных архивов, был инициирован в Испании Кампоманесом, Ховельяносом, Вильямилем и другими, которые собрали и написали много материалов по этой теме. Реализация этого плана была отложена из-за политических потрясений в начале века, в результате которых архивы были сильно разбросаны. В 1842 году под эгидой *Academia de la Historia* в Мадриде началась публикация «*Коллекции неопубликованных документов по истории Испании*» с именами Мартина Фернандеса Наваррете, Мигеля Сальва и Педро Сайнса де Баранда на титульном листе. Наваррете дожил только до пятого тома; Сальва и Баранда продолжили публикацию до тома XXIII, после чего Сальва в одиночку редактировал тома до XXXII, когда к нему присоединились маркизы Пидаль и Мирафлорес. После тома XLVII имя Пидалья было исключено, а с тома LVII в качестве редакторов появились Сальва и маркиз де Фуэнте-дель-Валье. В связи с документами, относящимися к общей истории Испании, здесь напечатано огромное количество материалов об Америке и деятельности испанцев в этом регионе.

ТЕРНО-КОМПАНС, АЛАМАН И ДРУГИЕ.

В течение следующих двадцати лет свет проливается на темные уголки скрытых сокровищ (), и дух раскопок распространяется на Мексику. Я могу упомянуть, в частности, Рамиреса, который в своей *работе* «*Proceso de Residencia contra Alvarado and Nuño de Guzman*» приводит некоторые оригинальные мексиканские документы, не опубликованные нигде больше. Аламан в конце своей *работы* «*Disertaciones*» печатает около сорока оригинальных документов о времени завоевания, некоторые из них из коллекции Наваррете, а другие из оригинальных источников, таких как Hospital de Jesus в Мексике. «*Documentos para la Historia de México*», Мексика, 1853-7, в 21 томе, был составлен главным образом из мексиканских источников () и особенно ценен для северо-западной Мексики. Коллекция Иказбальсета включает пятьдесят три документа, за редким исключением *inéditos*, существование некоторых из которых, таких как письмо Кортеса и отчет Тапии о завоевании, тогда было неизвестно. Большинство из них были получены через Гонсалеса де Вера из Мадрида; только два или три были найдены в Мексике. До сих пор коллекция Иказбальсета относится исключительно к шестнадцатому веку. Брассер де Бурбург в своей «*Истории цивилизованных народов Мексики*» (Париж, 1857-9), один том которой посвящен истории завоевания с точки зрения индейцев, по-видимому, опирался на свои рукописи на языке науа, стандартные исторические труды и несколько испанских рукописей. Хотя к тому времени уже было сделано многое, испанским ученым это казалось мало по сравнению с тем, что еще можно было сделать. Именно с таким чувством правительство разрешило печатать любые документы из *Королевского архива Индий*, касающиеся истории Америки до конца XVII века. Публикация этой новой серии документов началась в Мадриде в 1864 году под названием «*Коллекция неопубликованных документов, относящихся к открытию, завоеванию и колонизации испанских владений в Америке и Океании, взятых в основном из Королевского архива Индий*». Первыми редакторами были Хоакин Ф. Пачеко, Франсиско де Карденас и Луис Торрес де Мендоса. После третьего тома первые два имени были исключены, а после двенадцатого тома — третье, и работа была продолжена под названием «*Competentemente autorizada*» (Компетентно авторизованная). Благодаря этой публикации сотни богатейших сокровищ Архива Индий стали доступны всему миру, по двадцать на каждого, к кому мог обратиться автор тридцатилетней давности.

ГЛАВА IV.

КОЛУМБ НА ПОБЕРЕЖЬЯХ ГОНДУРАСА, НИКАРАГУА И КОСТА-РИКИ.

1502-1506.

Государи отказываются либо восстановить адмирала в его должности, либо захватить для него Гроб Господень — поэтому он отправляется в четвертое исследовательское плавание — Фернандо Колон и его история — Овандо отказывает экспедиции во входе в гавань Санто-Доминго — Колумб отправляется на запад — достигает берега Гондураса недалеко от острова Гуанаха— Ранняя американская картография — Колумб плывет на юг к перешейку Дариен — Затем возвращается и пытается основать поселение в Верагуа — Изгнанный оттуда, его корабли терпят крушение у Ямайки — Там, в условиях голода и мятежа, он остается на год — Затем он достигает Эспаньолы и, наконец, Испании, где вскоре после этого умирает — Характер Колумба — Его биографы.

ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АДМИРАЛА.

После своего последнего возвращения в Испанию Колумб отдыхал в Гранаде под улыбками монархов, которые с готовностью обещали ему все, что он мог пожелать, но при этом были решительно настроены не давать ничего, что могло бы помешать их абсолютному господству над новыми землями, которые он открыл для них. Устав просить о восстановлении своих прав, он убеждал их величества помочь ему захватить Святой Гроб, чтобы он мог исполнить свой обет и обрести душевный покой. После глубокого изучения и тщательной подготовки он представил им дело в рукописном томе пророчеств и предзнаменований, перемежающихся с поэзией. Не сумев убедить их в этом плане, он пообещал, что, если ему предоставят корабли, он предпримет новые открытия. Отчасти потому, что они хотели больше узнать о своих владениях в Новом Свете, а отчасти, чтобы избавиться от неудобных приставаний Эль-, монархи согласились на это предложение, намекнув при этом, что по истечении двух лет, отведенных на умиротворение Эспаньолы, адмирал снова получит то, что принадлежит ему, но давая понять другим, что это не так.

Были подготовлены четыре судна грузоподъемностью от пятидесяти до семидесяти тонн: «Капитана», «Сантьяго де Полос», «Гальего» и «Вискайно», под командованием Диего Тристана, Франсиско де Порраса, Педро де Террероса и Бартоломе де Фреско, которые отплыли из Кадиса 9 мая 1502 года. В экспедиции участвовали Диего де Поррас в качестве главного клерка и нотариуса и Хуан Санчес в качестве главного лоцмана; в состав экспедиции входили сто сорок мужчин и юношей. Адмирала сопровождали его брат Бартоломе, аделандо, [IV-1](#) и его сын Фернандо, [IV-2](#) которому тогда было тринадцать лет. Переход через океан был благополучным, с благоприятными ветрами и ничем не предвещающим приближающиеся беды, пока корабли не прибыли к Санто-Доминго 29 июня.

СУДЬБА БОБАДИЛЬЯ.

За последние два года дела на Эспаньоле не улучшились. Похоже, что другие могли управлять так же плохо, как и адмирал. Действительно, короли Испании, большинство из которых имели благие намерения по отношению к своим

подданным в Новом Свете, слишком часто ошибались в выборе своих представителей. До недавнего времени Бобадиля оставался у власти, и монархи, по-видимому, не спешили его смещать; из чего было очевидно, что либо они не были должным образом проинформированы о его поведении, либо одобряли его. Возможно, было правдой, что мошенник был лучше для этой должности, чем честный человек. Однако наконец появился преемник в лице Николаса де Овандо, и великолепный флот, который привез его и должен был отвезти смещенного губернатора обратно в Испанию, теперь стоял на якоре в гавани.

Следуя той хитрой политике, которую помимо принцев иногда считают необходимой и тогда, когда лучше было бы действовать прямолинейно, было сочтено целесообразным, чтобы Колумб не задерживался в этой экспедиции на Эспаньоле, чтобы его присутствие не вызвало новых беспорядков на острове. И адмирал, казалось, не имел намерения нарушать королевские приказы, пока, достигнув Индии, не обнаружил, что одно из его судов непригодно для эксплуатации; либо же он притворился, что это так, чтобы заглянуть в свое бывшее правительство. Но независимо от того, был ли адмирал в действительности в бедственном положении или притворялся, когда 29 июня он послал Овандо просьбу разрешить ему заменить протекающую каравеллу или хотя бы укрыть корабли от надвигающейся бури, его посланник Террерос вернулся с отказом.

Это было, безусловно, аномальное положение, в котором оказался великий первооткрыватель, тщетно стуча в дверь владений, которые он недавно подарил Испании (), и он не был осужден, да и даже едва ли обвинен в каком-либо преступлении. Колумб снова послал весть и предупредил губернатора о приближающейся непогоде. Овандо не внял ему. Флот губернатора отплыл, но только для того, чтобы столкнуться с ураганом, который вскоре засыпал берега Эспаньолы его обломками. Современные биографии здесь читаются как моральная история. На затонувших судах находились Бобадиля, Ролдан и другие заклятые враги адмирала, которые вместе с огромным количеством нечестно нажитого богатства были погребены под волнами. На маленькой каравелле, которая пережила шторм, находился добрый Бастидас со своим имуществом, а на другой, которая также благополучно достигла Испании, находились четыре тысячи *песо де оро*, принадлежавшие Колумбу. Кроме того, адмирал укрыл свои суда, и поэтому не пострадал от шторма. Из всего этого были сделаны серьезные выводы: Колумб заключил, что Всевышний сохранил его; его враги — что он применил колдовство, чтобы спасти себя и свое имущество; другие, из числа неудачников, которых провидение отказывается признавать, — что адмирал и алантадо были хорошими моряками. После некоторого ремонта кораблей, без труда произведенного в небольшом порту недалеко от Санто-Доминго, 14 июля Колумб отплыл на запад в своих исследованиях.

РАННЯЯ КАРТОГРАФИЯ.

Необходимо помнить, что в то время и в течение нескольких последующих лет испанцы не знали, где они находятся. Они полагали, что Земля меньше, чем на самом деле, и что они находятся на варварских окраинах Индии,^{[IV-31](#)}, внутренние районы которой были цивилизованными и богатыми; и нынешней целью адмирала было найти какой-нибудь пролив или проход между этой пограничной землей и отдельными южными регионами около Парии, по которому он мог бы плыть к этим богатым внутренним царствам, все еще огибая Азию с юго-запада.

ОСТРОВ ГУАНАХА.

Его встретила буря, за которой последовало затишье, во время которого он сначала был унесен на юг Ямайкой, а затем на север мимо западной оконечности Кубы; после чего ветер усилился, и он продолжил свой курс, и 30 июля прибыл к небольшому возвышенному острову, называемому туземцами Гуанаха^{[IV-41](#)}, которому, из-за

покрывающих его деревьев, он дал название Исла-де-Пинос. Выйдя на берег, аделантадо обнаружил, что остров населен людьми, похожими на жителей Эспаньолы и Кубы, за исключением того, что они казались более умными и знали больше полезных ремесел. Вскоре появилась большая каноэ, идущая со стороны Юкатана. Ее максимальная ширина составляла восемь футов, и ее гребли двадцать пять человек. Посередине, под навесом из пальмовых листьев, сидел *касике*, [IV-5](#) или вождь, который не проявил ни удивления, ни страха, когда его привели к адмиралу. Он как мог объяснил испанцам о размерах и могуществе Мексики и продемонстрировал предметы из меди, камня и дерева, глиняную посуду и хлопчатобумажную ткань, привезенные оттуда. Он также сказал, что там много золота, но адмирал в своем воображении начертил пролив где-то южнее, поэтому Мексика осталась за Кортесом.

На острове жил старый туземец, обладавший достаточными научными знаниями, чтобы нарисовать для испанцев карту побережья материка и рассказать им многое о стране. Они взяли его на борт, а после того, как отпустили вождя с подарками, переправились на материк и бросили якорь у мыса, который Колумб назвал Пунта-де-Каксинас, [IV-6](#) по названию местного фрукта, в изобилии растущего в тех краях. Здесь испанцы высадились 14 августа и отслужили мессу; затем, продвинувшись на восток примерно на пятнадцать лиг к устью реки, [IV-7](#) они снова высадились 17 августа и официально взяли эту землю во владение Испании. Около ста раскрашенных дикарей вышли навстречу, более красивые экземпляры, чем на других островах, некоторые обнаженные, а другие частично покрытые белым или цветным хлопком. Они были дружелюбны и преподнесли в дар фрукты и овощи, рыбу, птицу и кукурузу. В одном месте уши туземцев были настолько заметно растянуты, что этой местности было дано название *Costa de la Oreja*. [IV-8](#)

ОТКРЫТИЕ ГОНДУРАСА. Продолжая путь, первооткрыватели столкнулись с чередой штормов, которые продолжались более сорока дней, и, благополучно пережив их, были так рады, что, обогнув мыс, спасший их, поблагодарили Бога и назвали его мысом Грасиас-а-Диос. [IV-9](#) Все это время Колумб сильно страдал. По сути, он был теперь не лучше, чем разбитый корабль, как физически, так и душевно. На корме палубы была установлена его кровать, и там он лежал, подавленный болью и меланхолией, погруженный в бесконечные лабиринты размышлений. Время от времени он пробуждался, чтобы перевести свои видения или руководить управлением корабля, потому что, хотя половина его чувств покинула его, он по-прежнему оставался моряком по инстинкту; но если бы не верная энергия адалендадо, путешествие могло бы и не состояться.

Моряки теперь вступили в спокойное море; при благоприятном ветре они быстро прошли вдоль побережья Москито, дав название Лимонарес группе островов, на которых росли что-то похожее на лимоны или лаймы, и 16 сентября бросили якорь в устье большой реки. На берег были отправлены лодки за водой, и на обратном пути одна из них перевернулась, и весь экипаж утонул; из-за этого печального события река получила название Рио-дель-Десастре. [IV-10](#) Продолжая путь, 25-го числа испанцы оказались у Рио-Сан-Хуан-де-Никарагуа, где, спасаясь от шторма, они укрылись за островом, местное название которого было Киривири, [IV-11](#) но который Колумб из-за его зеленой красоты назвал Ла-Уэрта, Сад. Там они отдохнули несколько дней и обнаружили сладкую спекуляцию, легко побуждающую дикарей рассказывать им то, что им было наиболее приятно слышать. Действительно, вдоль всего побережья были получены неясные сведения, основанные на неправильно истолкованных знаках, о замечательной стране под названием Сигуаре, расположенной в девяти днях пути на запад за горами. Люди там были похожи на испанцев, одевались и вооружались стальным оружием, имели лошадей и большие корабли. Женщины носили

коралловые ожерелья и жемчужные нитки, а самые обычные предметы быта были из золота. В десяти днях пути от Сигуаре должна была находиться река Ганг; и что самое лучшее, туда был проход по морю (); испанцам оставалось только продолжать путь; они не могли сбиться с дороги. Европейцы полностью поверили этим утверждениям. Таким образом, с самого начала человечество направлялось, и зачастую к величайшим открытиям, смесью случая и невежества, и мудрецы, такие как Колумб, верили в эти крайне глупые истории, потому что им это нравилось. Эти дикари, возможно, слышали слухи о Мексике или Перу, на которых и строили свои блестящие вымыслы; тем не менее, их утверждения были вымыслом.

ЗАКЛИНАНИЯ, ДИКООЕ И ЦИВИЛИЗОВАННОЕ.

И действительно, когда они впервые встретились там, белые люди и красные, часто трудно сказать, на чьей стороне была большая простота и доверчивость. Глупость испанцев была более твердой, менее нелепой и туманной, чем глупость американцев, и это было все. Например, в деревне Кариай, [IV-12](#) расположенной прямо напротив на материке, Колумб решил повысить авторитет испанцев в глазах дикарей, отказавшись принять *гуанин*, низкокачественное золото, которое они им подарили; после чего по той же причине и в отместку туземцы отказались принимать европейские безделушки. Когда аделантадо, сидя на холме с нотариусом по бокам, попытался запечатлеть некоторые из диких знаний этих мест, туземцы в ужасе убежали, полагая, что на них накладывается какое-то магическое заклятие с помощью пера, чернил и бумаги, которые так торжественно достал писец. Вскоре они вернулись с большой осторожностью и, совершая жесты изгнания злых духов, сожгли и развеяли в воздухе пахучий порошок. С другой стороны, с таким же просвещенным здравым смыслом христиане, неспособные понять заклинания дикарей, вообразили, что эти языческие колдуны призывают из теней своей пустыни гневных демонов, чтобы наслать их на своих противников; и с тех пор все беды, которые постигали испанцев во время путешествия, приписывались чарам народа Кариай. [IV-13](#) В другом порту под названием Уива Колумб обнаружил хижины туземцев, построенные на деревьях, что он объяснил страхом перед грифонами. После короткой экскурсии вглубь материка аделантадо вернулся на корабли. У мыса Грасиас-а-Дьос старик из Гуанахи был освобожден с подарками, так как больше не был нужен; теперь было схвачено семь туземцев, которых заставили рассказать все, что они знали о стране, а двоих из них оставили в качестве проводников.

Отплыв из Кариая 5 октября, на второй день они прибыли в Лагуну-де-Чирики, окрестности которой туземцы называли Серебаро. [IV-14](#) Если некоторое время назад Колумб обнаружил Сад, то здесь он нашел рай во множественном числе. Удивительно было то, как природа создала такую красоту. Вокруг входа группировались острова, раскинувшиеся кроны которых касались смелых парусов, пробиравшихся по глубоким узким каналам. Небесная красота озаряла землю, а небесная яркость покрывала море. Но адмиралу потребовалось лишь небольшое дополнительное усилие воображения, чтобы представить себя уже перенесенным в рай. Часть лагуны Эль- , исследованная этой экспедицией, была северо-западной, известной сегодня как Баия-дель-Альмиранте; южная часть называлась местными жителями Абурема.

СБОР ЗОЛОТА.

На шеях туземцев висели пластины из чистого золота, впервые найденные с момента прибытия на эти берега, но их владельцы были довольны тем, что могли их сохранить. Далее, где угодно, только не здесь, говорили они, было много золота, особенно в месте под названием Верагуа, в двадцати пяти лигах отсюда, где и изготавливались эти столь восхитительные золотые пластины. Пospешив вперед, испанцы 18-го числа прибыли к реке в двенадцати лигах к востоку от Серебаро, названной Фернандо

Колоном Гуайга, а Поррасом Гайга, где дикари сначала пытались прогнать их, брызгая водой, размахивая деревянными мечами, бьё в барабаны и трубя в раковины; когда эта демонстрация закончилась, они спокойно обменяли шестнадцать своих золотых пластин, стоимостью в сто пятьдесят дукатов, на три ястребиных колокольчика. На следующий день испанцы встретили таким же образом других дикарей, которых выстрел заставил разбежаться; после чего они вернулись и послушно торговали.

После этого первооткрыватели зашли в провинции Катиба и Кобраба, где увидели руины стены, построенной из камня и извести, что вызвало у них ожидания скорого приближения к цивилизации; но когда они приблизились к богатой реке, ветер усилился и унес их мимо, не помешав, однако, мельком увидеть пять городов, один из которых, как заверили их проводники, был Верагуа.^[IV-15] В следующей провинции, Кубига, заканчивался золотой регион, так им сказали. Некоторые были полны желания вернуться в Верагуа и собрать золото, но Колумб, стремясь найти пролив, отговорил их, сказав, что скоро вернется.

Представьте себе старого адмирала, блуждающего в темноте, мир, вселенная, достаточно ясная для него, как на карте в его собственной голове, но, к сожалению, не соответствующая реальным фактам. Инстинктивно он, кажется, парит над этой самой узкой частью континента, нос его корабля теперь направлен прямо на Испанию, а Индия так далеко, и между ними лежит огромная вода, и маленькая, но могучая полоска земли, которая делает его мысленную карту бесполезной. Так, с самого начала мира миллионы людей составляли карты вечности и продолжают составлять их, а небесные силы тем временем смеются над жалким результатом их труда.

Таким образом, тщетно ища, 2 ноября Колумб обнаруживает свои корабли на якоре в красивой и удобной гавани между двумя островами. Со всех сторон растут поля кукурузы, фруктовые сады и пальмовые рощи, потому что люди живут в домах и возделывают землю. Он остается там семь дней, ожидая окончания шторма, и называет это место Пуэрто-Бельо, также пишется Портобелло, и это название сохранилось до сих пор. Отправившись в путь 9-го числа, он проходит восемь лиг на восток, но его отбрасывает назад, и он укрывается за несколькими островами в небольшой гавани, которую он называет Пуэрто-де-Бастиментос,^[IV-16] из-за обилия провианта, привезенного туда. После ремонта кораблей, которые к тому времени были сильно изъедены червями, он 23-го числа снова пытается продвинуться на восток, но быстро оттесняется в бухту, которую он называет Эль-Ретрете, а некоторые называют Пуэрто-де-Эскрибанос, и которая настолько мала, что едва вмещает корабли, и настолько глубока, что дно не может быть достигнуто.^[IV-17]

КОНЕЦ ОТКРЫТИЙ АДМИРАЛА.

И теперь моряки проявляют признаки недовольства; с золотом так близко они уже не испанцы. И великий первооткрыватель, адмирал океанских морей, должен похоронить свои великие надежды в этой маленькой расщелине варварского берега? Бастидас был здесь,^[IV-18] хотя не известно, насколько хорошо адмирал осведомлен об этом факте, получил ли он известие от Бастидаса в Санто-Доминго о завершении его путешествия или же ему рассказали об этом местные жители; в любом случае, теперь у адмирала не может быть больших сомнений в том, что побережье от Тринидада до Гуанахи практически открыто и что между этими двумя островами простирается береговая линия континента, не прерываемая никаким проливом. Да, здесь можно отдохнуть не хуже, чем где-либо еще, а поиски золота — неплохое занятие для старика, завершившего дело своей жизни.

Повернув затем к Верагуа в поисках утешения, испанцы отплыли из Эль-Ретрете 5 декабря. Но с этим изменением изменчивый ветер также изменил свой курс; куда бы они ни направлялись, их сопровождали штормы и бури, пока Колумб не назвал этот берег Ла-Коста-де-лос-Контрастес. Где теперь было благоухание ароматных островов, сверкающее солнце, танцующее под игривыми водами? Демонизированный. Шторм следовал за штормом в быстрой последовательности; ветры боролись, меняя направление; теперь моряки спешили к месту назначения, только чтобы быть отброшенными обратно к исходной точке. Упорные волны ударяли по безумным баркасам с такой угрожающей силой, что испуганные моряки падали на колени, исповедуясь и молясь о спасении. В течение девяти дней море было белым от яростной пены; небо пылало электрическими огнями; люди заболели; провизия испортилась. Длинные, тощие, мускулистые акулы, чудовища, знающие погоду, следовали за кораблями в ожидании, пока голодные экипажи не стали зловеще смотреть на них в ответ, пока эти существа, пришедшие, чтобы поесть, не были пойманы и съедены другими существами. Все это время лил проливной дождь и почти затопил корабли. Посреди этих катаклизмов был замечен приближающийся водяной столб, «который, — уверен Фернандо Колон, — если бы они не растворили его, читая Евангелие от Иоанна, наверняка потопил бы все, на что бы он ни упал». Двадцать девять дней ушло на то, чтобы пройти столько же лиг на запад. Однажды корабли « » разделились на три дня; дважды они наткнулись на Портобелло и дважды укрылись в других местах на побережье.

Наконец, с благодарностью, 6 января 1503 года они бросили якорь в устье реки, местное название которой было Йебра, но Колумб, в честь дня Богоявления, назвал ее Санта-Мария-де-Белен.^{[IV-19](#)} В одной лиге к западу находилась река Верагуа. Адмирал приказал измерить глубину обеих рек. Река Верагуа оказалась слишком мелкой для кораблей. В устье реки Белен была отмель, которую, однако, можно было пересечь во время прилива; выше отмели глубина составляла четыре сажени. На берегу реки Белен стояла деревня, жители которой сначала сопротивлялись высадке испанцев, но, убежденные переводчиком, в конце концов сдались. Это были хорошо развитые, мускулистые люди, выше среднего роста, умные и исключительно проницательные; по сути, по своим врожденным способностям они ничем не уступали испанцам. Когда их спрашивали об их стране, они отвечали осторожно; когда спрашивали об их золотых приисках, они отвечали уклончиво. Сначала они сказали, что металл добывают в какой-то далекой загадочной горах, затем, что его добывают в реке Верагуа, в Белене и на их территории его вообще не было. Наконец, они взяли несколько безделушек и дали вторгшимся двадцать золотых тарелок, думая избавиться от них. Через день или два суда пересекли барьер, и 9-го числа два из них поднялись вверх по реке на небольшое расстояние. Туземцы постарались как могли и принесли рыбу и золото.

КИБИАН. С вооруженными силами адалендадо отправляется на лодках исследовать Верагуа. Он не успел далеко уйти, как встретил флотилию каноэ, в одном из которых сидел *кибиан*,^{[IV-20](#)} король всей этой страны, имеющий под своим началом многих подчиненных вождей. Он высокий, хорошо сложенный, с беспокойными, испытующими глазами, но в остальном с бесстрастными чертами лица, молчаливый и почтенный, и, для дикаря, с исключительно мягким нравом. Мы обнаружим, что он столь же политичен, сколь и могущественен (), а что касается его богатства, то, к несчастью для него, его владения включают в себя самые богатые золотые прииски этого богатого побережья. В целом, кибиянец — такой же прекрасный образец своей расы, как и аделантадо — своей. Итак, они встретились на равных — люди Европы и люди Северной Америки; и, как в гладиаторском бою, который начинается с улыбчивого приветствия, эта четырехвековая борьба за жизнь начинается с дружеских приветствий. Жаль, что внешне они не более равны; жаль, что

европейцу с его превосходной цивилизацией, его селитрой и гончими, его стальным оружием и странными болезнями позволяют так легко грабить! Но хищные звери и кровожадные двуногие устроены так, что не колеблются воспользоваться беспомощными; однако только цивилизованный человек называет свои убийства приятными словами, такими как прогресс, благочестие, и приводит свою религию и свои законы в соответствие с несправедливыми желаниями своего сердца.

Когда чемпионы приближаются друг к другу, мы видим в них решимость и властность; и, несмотря на чрезвычайную сердечность, мы видим с обеих сторон ту вежливость, которая свойственна тем, кто боится, но при этом подозревает. С княжеской грацией краснокожий снимает с своего обнаженного тела несколько массивных золотых украшений и дарит их белому человеку; аделантадо, не желая уступать в щедрости дикарю, с таким же достоинством и торжественностью дарит краснокожему горсть бесполезных безделушек. По окончании церемонии, взаимно заверив друг друга в дружбе, вожди удаляются. На следующий день кибиан посещает адмирала на его корабле. Ни у того, ни у другого нет много слов; они обмениваются подарками, и дикарь возвращается к своему народу.

В то время как корабли испанцев стояли у берега в мнимой безопасности, 24 января штормовой демон, как будто разъяренный тем, что его жертвы избежали ярости моря, устремился к горам, открыл окна небесные и обрушил на землю потоп. Бурные потоки сметали все на своем пути. Суда были сорваны с причалов и унесены вниз по реке, где их встретили прибойные волны, приходящие с моря. И так, подвергаясь неминуемой опасности, они несколько дней были бросаемы соперничающими водами.

БАРТОЛОМЕ ПРОНИКАЕТ ВНУТРЕННЮЮ ЧАСТЬ ОСТРОВА.

Когда буря утихла и корабли были приведены в безопасное место, аделантадо снова отправился на поиски золотых приисков. С шестьюдесятью восемью людьми он поднялся по реке Верагуа к деревне кибиан, чей дом был расположен на холме, вокруг которого были разбросаны жилища его народа. Вождь с большой свитой, безоружный в знак мира, встретил гостей на пристани. По просьбе аванделядо были предоставлены проводники; оставив часть своей компании охранять лодки, он с остальными отправился пешком к подножию горы, удаленной на шесть лиг, куда он добрался на следующий день. На протяжении многих миль он обнаружил почву, богатую золотом, и вернулся в приподнятом настроении, поскольку в его голове витали образы густонаселенных городов и безграничного богатства. Увидев это, кибиан мрачно улыбнулся, думая, что они считают свою работу уже выполненной, себя покоренным, а землю своей собственностью; и он улыбнулся, думая о том, как он отправил их в обход своих богатых рудников к более бедным и отдаленным полям Уриры, своего давнего врага. Затем алантадо исследовал запад и прибыл в город и реку Урира [\[IV-21\]](#) этого Урира, а также в города Дурури, Кобраба и Катиба, где он добыл золото и провизию.

Здесь простиралось пятьдесят лиг побережья от Серебаро до Верагуа, которое испанцы называли «*tierra de rescate*», или «земля торговли», имея в виду торговлю золотом, поскольку это было единственное, что стоило торговать в экспедиции такого рода. Это побережье было густо засажено лесами и необитаемо, за исключением рек, простирающихся на три лиги вглубь суши. И поскольку все казалось столь благоприятным, Колумб решил основать здесь колонию (), оставить восемьдесят человек и одно из судов под командованием адальятадо, а с остальными вернуться в Испанию, доложить о результатах своего открытия и получить подкрепление. Одним словом, если бы его не сдержали

Фердинанд, Фонсека или другой ненавистный друг, он с новым энтузиазмом повторил бы свои прежние ошибки, которые едва не привели его к гибели. Но ему на помощь пришла его обычная неудача. Кибан не одобрял приготовления испанцев к постоянному проживанию на его землях и решил, что этого не должно произойти. Но как он мог это предотвратить? Ведь он хорошо знал, какими преимуществами обладали эти чужаки в открытой войне. Тем не менее, у него было несколько вариантов: если он не хотел атаковать их с помощью подавляющей силы, он мог опустошить окрестности, отозвать свой народ и оставить испанцев умирать, одновременно уничтожая отставших и разбойников, с которыми он мог легко справиться. И он так и поступил, начав операции созыва соседних племен, якобы с целью организации экспедиции против Уриры и Кобрабы.

Это вызвало подозрения испанцев. Диего Мендес, *эскудеро*, оруженосец корабля «Сантьяго», [IV-221](#) человек резкий, смелый и несколько хвастливый, но мужественный до непостижимой степени, попросил и получил разрешение расследовать это дело. Войдя в Верагуа на вооруженной лодке, он обнаружил, что под древней кибан разбился лагерь из около тысячи раскрашенных воинов. Приняв вид безразличия, Мендес высадился на берег и неторопливо прогулялся среди дикарей. Отметив их предполагаемую экспедицию, он предложил присоединиться к ним, но его услуги были отвергнуты, и его присутствие явно вызывало у них неприязнь. Он вернулся и доложил, что дикари готовятся к нападению на испанцев. Однако, чтобы удовлетворить некоторых скептиков, Мендес отправился туда снова, на этот раз взяв с собой одного спутника, Родриго де Эскобара, с явным намерением выяснить у кибанца его намерения. Множество хмурых дикарей встретило посетителей, которые попросили увидеть кибанца. Им сообщили, что он лежит больной из-за ранения, полученного в бою. « , именно для этого, — ответил находчивый Мендес, — я, хирург, пришел, чтобы вылечить его». Но испанцы не смогли добиться аудиенции у вождя и вернулись, более чем когда-либо убежденные в его кровавых намерениях по отношению к ним.

ПОЛОНОСЕНИЕ КИБИАНА.

Что делать? Адмирал не мог уйти, пока продолжались военные действия, и испанцы не могли откладывать свои операции до тех пор, пока дикари не решили бы напасть на них. Адалендадо решил форсировать события. Утром 30 марта с семьюдесятью пятью людьми он поднялся по реке Верагуа и незаметно высадился недалеко от деревни кибан. Скрыв своих людей, он продвигался сначала с четырьмя сопровождающими, а затем в одиночку, пока после некоторых трудностей не получил разрешение на встречу с кибаном. Бартоломе пытался осуществить обычный план, который впоследствии стал применяться для более высоких ставок, но в то время был довольно распространен в Новом Свете, а именно: захватить вождя и удерживать его в качестве залога за хорошее поведение его народа. Эта встреча состоялась у входа в жилище кибана. Дикарь ничего не подозревал. Сама смелость этого плана, столь чуждого аборигенным войнам, способствовала успокоению опасений. Внутри находилось пятьдесят членов его семьи и пятьсот воинов, готовых прийти на помощь по первому зову; чего же мог бояться кибан? Два вождя сидели и беседовали, сначала на общие темы, затем алантадо с беспокойством поинтересовался болезнью своего хозяина, нежно осмотрел рану, провел руками по поврежденной конечности, предлагая средства лечения. Внезапно дикарь почувствовал, как испанец крепче сжал его, и прежде чем его подозрения успели пробудиться, его руки были закованы за спиной. Мендес, который наблюдал за происходящим, выстрелил из аркебузы, и спрятанные испанцы бросились вперед и окружили дом. Кибан сопротивлялся, но, ослабленный болезнью, он был легко удержан в железном захвате аванделадо, пока с помощью других испанцев его не сделали

беспомощным. Этот подвиг был выполнен настолько ловко, что, прежде чем о присутствии испанцев стало известно среди туземцев, их вождь и вся его семья были взяты в плен и отправлены к лодкам. Дикари подняли обычные стенания и предложили огромный выкуп, но заранее было решено, что главные деятели народа должны быть отправлены в Испанию, поскольку, по мнению адмирала, в таком порядке заключалась большая безопасность его планов.

В этом месте повествования историки, даже современные писатели с неплохим умом, серьезно обсуждают вероятность вины в предполагаемом предательстве кибиана, некоторые соглашались с Диего де Поррасом, что туземцы не замыслили нападения, как будто у них не было права защищать свою страну, своих жен и детей от разорения захватчиком любыми средствами, которые были в их распоряжении.

Оставляя в стороне обычные пустые разговоры — ведь если кибиан не был виновен, то по чести он должен был быть виновен — совершенно очевидно, что это действие со стороны испанцев стало причиной многих бедствий и их окончательного поражения в этих краях. [\[IV-23\]](#) В любом случае, теперь было крайне важно обеспечить безопасность кибиана. От этого зависело все приключение на этом побережье; поэтому адалентадо поспешил отправить своих пленников на борт кораблей. Желая начать другие действия по умиротворению этого района до возвращения, адалентадо огляделся в поисках надежного человека, которому он мог бы доверить свою важную задачу. Присутствовал Хуан Санчес, главный лоцман, честный моряк, не совсем равнодушный к военным почестям, который искренне предложил свои услуги и был принят. Кибиан, связанный по рукам и ногам, был крепко привязан к своему месту в лодке; и, хотя это могло показаться лишним, авантильо поручил Хуану Санчесу хорошо присматривать за пленником. «Выдерни мне бороду волосок за волоском, если он сбежит», — был хвастливый ответ лоцмана, когда он оттолкнул свою лодку от берега и направился вниз по реке.

ХУАН САНЧЕС ПЕРЕХИТРИЛ.

Но, увы, как обманывает самонадеянность Питера или Хуана Санчеса! Борьба со стихией на море — это не то же самое, что борьба с индейцами на суше. Здесь требуется совершенно иная тактика, а жизнь моряка — не та школа, где можно изучить хитрости индейской стратегии. В одном месте моряк не превосходит дикаря, как и в другом. Квибиан, внешне спокойный, внутри сильно взволнован; и, как дикий зверь, когда его горячо преследуют, его инстинкты обостряются в этой ситуации. Он и его близкие — пленники, вероломно пойманные в ловушку странным видом человеческого рода в обмен на красивые слова и щедрое гостеприимство. Их вероятная судьба обладает всеми ужасами неопределенности. Время быстро уходит вместе с быстрой лодкой; нужно что-то делать, иначе все будет потеряно. Внимательно, но осторожно вождь наблюдает за своим хранителем. Приятно смотреть на простое лицо честного Хуана Санчеса; каждая черта его лица сияет лучшим посланием Бога человеку, и на языке, который может понять даже немой интеллект. Суровый долг в значительной степени разбавлен человечностью, честность — очаровательной простотой; из этого хитрый кибианец делает вывод и отныне становится хозяином ситуации. С тихим достоинством и веселой покорностью он сидит среди своего народа, утишая их стенания и упрекая их жалобы. Словами и небольшими знаками внимания он облегчает труд лодочников и старается для себя и своего народа не создавать ненужных проблем. Эти примирительные меры не проходят даром для теплосердечного моряка, чье уважение к своему королевскому пленнику с каждой минутой растет. Все считают его хорошо воспитанным дикарем, самым вежливым дикарем. И теперь кибианец скромно жалуется на веревки, слишком туго затянутые чрезмерно ретивым Мендесом. Они действительно врезаются в плоть и

заставляют его находиться в крайне неудобном положении. А ведь он такой джентльмен-дикарь! Хуан Санчес не из тех, кто может сидеть и смотреть, как его собрат по роду человеческому без необходимости страдает; он не может этого сделать. Ремешки, которые раздирают запястья пленника, ослабляются, веревка, привязывающая его к сиденью, развязывается; но для безопасности — ведь прежде всего этот великий вождь должен быть в безопасности — один конец веревки всегда бдительный пилот обвязывает вокруг своей руки. Наступает ночь. Очень темно, но пленники ведут себя тихо, и лодка бесшумно скользит по течению. Внезапно легкая лодка качается; слышен всплеск; пилот чувствует, как его руку сильно дергают; он должен ослабить хватку, чтобы не быть увлеченным в воду. Все происходит в мгновение ока; сиденье кибиана пусто; и честный Хуан Санчес вынужден предстать перед своими товарищами с опущенной головой, испанец, перехитренный дикарем!

Обшарив страну в нескольких направлениях, аделантадо вернулся на корабли, принес с собой золотые тарелки, браслеты и ножные браслеты на сумму триста дукатов, которые были разделены после вычета пятой части для короля. Среди добычи, взятой у кибианцев, были две золотые короны, одну из которых адмирал подарил Бартоломе. Несмотря на побег вождя, который, в конце концов, вероятно, утонул, Колумб приступил к осуществлению своих планов. На борту находились королевская свита и его главные люди, и этого должно было быть достаточно, чтобы гарантировать спокойствие народов. Таким образом, меры по обеспечению комфорта и безопасности колонии на время предполагаемого отсутствия адмирала были ускорены. Три судна, разгрузив часть своего груза, были перенесены нововозросшим потоком через отмель и вновь загружены. Там они стояли на якоре, ожидая благоприятного ветра.

СТРАНА ПРОБУДИЛАСЬ. Однако все это время испанцы не учитывали своего хозяина. Кибиан не был мертв. Несмотря на свои узы, он сумел сбежать. После своего смелого прыжка, оказавшись свободным от лодки, он высвободил запястья из ослабленных веревок, поплыл под водой к берегу и отправился в свою деревню, решив отомстить. И теперь, поспешно вооружив тысячу воинов, он напал на испанцев под покровом густой растительности, убив одного и ранив восемь человек (), но вскоре был отбит с большими потерями. Вскоре после этого Диего Тристан, высадившись на берег с одного из кораблей с одиннадцатью людьми, безрассудно поднялся вверх по реке на одну лигу, чтобы добыть дрова и воду. Все, кроме одного, были убиты. [\[IV-24\]](#)

Ситуация была серьезная. Теперь было очевидно, что никакие опасения о том, что может случиться с его заключенными родными, не отвратят кибианца от его кровавого намерения. Живы или мертвы его братья, жены и дети, он избавит свою страну от этих вероломных чужаков. С этой целью он заручился поддержкой соседних вождей и наполнил лес своими воинами. Они скрытно скрывались в окрестностях поселения и наблюдали за каждой тропой, готовые перехватить любого, кто осмелится выйти за пределы поселения. Нигде на островах испанцы не встречали такого упорного сопротивления, и их души наполняли серьезные опасения. Они видели предзнаменование своей вероятной гибели в изуродованных телах Тристана и его людей, которые проплывали мимо них по течению, сопровождаемые прожорливыми рыбами; а реквиемы, которые пели ссорящиеся стервятники над останками, когда их потом выбросило волнами на берег, нисколько не уменьшали их мрачные предчувствия. Чтобы усугубить их несчастья, разразилась яростная буря, которая прервала всякую связь между поселением и кораблями. Адалендадо тщетно

пытался успокоить страхи своих людей, которые, ободренные отчаянием, захватили бы оставшуюся каравеллу и вышли бы в море, если бы погода позволила. Однако разъяренные кибианцы все больше давили на них, пока те, не выдержав, не отступили к берегу реки перед своей каравелой и не возвели земляные укрепления, которые укрыли корабельной лодкой и за которыми разместили свои пушки, удерживая таким образом дикарей на расстоянии.

На корабле дела обстояли не лучше. Продолжительное отсутствие Тристана и его команды вызывало у адмирала большую тревогу. В таком бурном море было небезопасно оставаться у берега; разрыв троса обрек бы неуклюжее судно на быструю гибель. И как будто этого было недостаточно, дух кибианцев охватил их заключенных родственников. Предпочитая смерть плену, они замыслили побег. Ночью пленников запирали в носовой части корабля, а на крышке спали солдаты-стражники. Однажды ночью они собрали все, что было под рукой: камни, использовавшиеся в качестве балласта, ящики и бочки с провизией, и сложили их под люком крышкой. К утру, когда охранники крепко спали, все пленники, которые были в состоянии, взобрались на кучу и, прижавшись плечами к крышке, быстрым согласованным действием разорвали ее, разбросав спящих часовых во все стороны, и выпрыгнули в море. Те, кому не удалось сбежать, были найдены на следующее утро мертвыми: некоторые висели на крыше и стенах своей тюрьмы, некоторые были задушены веревками, обвязанными вокруг шеи и затянутыми ногой.

ПОСЕЛЕНИЕ БЫЛО ПУСТОЙ.

Теперь было крайне важно связаться с берегом, так как адмирал был убежден, что положение колонистов становилось чрезвычайно опасным. По крайней мере, всякая надежда на поселение в этой местности на данный момент должна была быть заброшена. Судьба пленников, когда о ней стало известно, вызвала бы ярость даже у скал. Но ни одна лодка не могла выдержать прибой. Тогда выступил вперед Педро Ледесма, севильский лоцман, и предложил грести к прибою, чтобы попытаться достичь берега вплавь. Так и было сделано. Едва Ледесма поднялся с места, куда его бросили волны, как его окружили отчаявшиеся соотечественники, которые сообщили ему о судьбе Тристана и о своем решении покинуть это проклятое побережье любой ценой. Ледесма вернулся и рассказал об этом адмиралу, на чьем лице еще более сгустились мрачные тени. Несправедливо лишенный командования в Санто-Доминго, он питал надежду, что это последнее и самое важное из его открытий может стать основой для лучшей судьбы, чем та, которая была возможна на испанском острове. Ведь разве не было ему открыто, что эта Верагуа была источником, из которого Соломон добывал золото для строительства храма? Эти сетования продолжались в течение остальной части шторма, который длился еще девять дней; после чего были сделаны приготовления к посадке колонистов на борт, и адмирал утешал себя обещанием вернуться в более благоприятных условиях.

Наконец, каравелла, стоявшая в реке, была разобрана, и из ее реев и нескольких индейских каноэ был построен плот, с помощью которого за два дня на борт были переправлены колонисты и их имущество. Затем адмирал направился на восток, к Эспаньоле. И, возможно, именно упорная надежда слепой увлеченности — так считали его последователи — заставила его держаться ближе к берегу, пока не прошли Дариен, прежде чем выйти в Карибское море; другие говорят, что это было сделано, чтобы избежать встречных ветров, а он утверждает, что это было сделано, чтобы обмануть своих лоцманов, чтобы они не смогли снова найти Верагуа без его карт. Одну изъеденную червями каравеллу он был вынужден бросить в Портобелло. Две другие продержались до Ямайки, где были выброшены на берег.

Здесь Великого Неудачника ждала новая серия несчастий. С июня 1503 по июнь 1504 года он был обречен оставаться на своих кораблях, которые теперь лежали рядом, частично заполненные водой. Продовольствие стало дефицитом, и экспедиции по поиску продовольствия сталкивались с постоянно растущими трудностями в поиске необходимых запасов. Отчаянными усилиями Диего Мендес сумел добраться до Эспаньолы на каноэ, но когда он сообщил Овандо об опасном положении Колумба, губернатор не спешил на помощь своему сопернику. Затем последовали болезни, а затем и мятеж. Франциско де Поррас с сорока восемью людьми отказался от верности адмиралу и, взяв десять каноэ, отправился на Эспаньолу. Дважды отброшенные на Ямайку неблагоприятными ветрами, они отказались от попытки и предались разгульному бродяжничеству по острову. Второй мятеж был близок к кульминации, когда вдали появилось небольшое судно. Вскоре Диего де Эскобар приблизился на лодке и, не выходя из нее, передал адмиралу письмо, кусок бекона и бочку вина, все от Овандо, а затем исчез так же таинственно, как и появился. После попытки примирения с Поррасом произошла драка между его бандой и испанцами под командованием Бартоломе, в которой шесть человек были убиты, в том числе наш честный друг Хуан Санчес, который связал свою судьбу с Поррасом. Отважный Ледесма, также мятежник, хотя и тяжело раненный, дожил до того, что был убит в Испании. Поррас и несколько других были взяты в плен и заключены на борту корабля-развалины. Остальные дезертиры вернулись, рассказавшись. Наконец, агент адмирала в Санто-Доминго, Диего де Сальседо, пришел ему на помощь с двумя кораблями.

СМЕРТЬ АДМИРАЛА.

В Овандо было позорно так долго оставлять Колумба в таком затруднительном положении. Он оправдывался отсутствием в Джарагуа и нехваткой подходящих кораблей, но если бы он действительно хотел спасти адмирала, то средства для этого можно было бы найти и раньше, чем через год. Хотя по прибытии в Санто-Доминго Колумб получил жилье в доме Овандо, и губернатор внешне был чрезвычайно внимателен к своему гостю, на самом деле между этими двумя мужчинами было мало общего, кроме ревности и недоверия. Поррасу было позволено свободно передвигаться, хотя в конце концов его отправили в Испанию для суда. Колумб отплыл в Испанию 12 сентября 1504 года. Некоторое время он пролежал в постели в Севилье, писал душераздирающие письма монархам, которые, однако, не обращали на них особого внимания. С помощью адальнтадо, своего верного друга и брата, Колумб в следующем году сумел пробраться ко двору и просить короля о возмещении ущерба, поскольку королева к тому времени уже умерла. Но Фердинанд был глубоко возмущен; однако не настолько, чтобы не предоставить прославленному первооткрывателю великолепные похороны вскоре после этого. 20 мая 1506 года Колумб умер в Вальядолиде в возрасте около семидесяти лет. [\[IV-25\]](#)

Так закончилась первая попытка испанцев основать колонию на материковой части Северной Америки. Сам Колумб, лидер экспедиции, выдвинувшийся с предложениями дружбы в одной руке и мечом в другой, ответил на мнимое вероломство дикарей еще более коварным вероломством и был изгнан из страны храбрым правителем, чьи деяния заслуживают того, чтобы быть занесены в один ряд с деяниями патриотов всего мира. Один добрый поступок нежного сердца испанского моряка — хотелось бы, чтобы в этой истории было больше таких — приносит страшное несчастье его соотечественникам, на двенадцать лет задерживает оккупацию Верагуа и обращает ход завоевания в другое русло.

ХАРАКТЕР КОЛУМБА.

Наиболее примечательным в характере Колумба было сочетание теоретического и практического; а наиболее примечательным в его теориях была аномалия, заключавшаяся в том, что, хотя почти все они были ложными, они привели к таким же великим результатам, как если бы они были правдивыми. Пробел, через который неудача проникает в тщательно разработанные планы, обычно является явным недостатком характера; и такой недостаток часто появляется там, где его меньше всего ожидают, в характерах, искаженных гением, или там, где одно качество чрезмерно развито за счет другого. Мы часто видим, как люди редких способностей гибнут из-за того, что можно было бы считать безумным поступком, недопустимым даже для самого глупого человека; но мы не часто видим, как эти же недостатки приводят к успеху. Самый большой недостаток в способностях Колумба, экстравагантность убеждений, был основной причиной его успеха. Несмотря на то, что для нас реальность круглости Земли и осуществимость западного маршрута в Азию кажутся простыми, в то время никто не мог бы принять эти доктрины без чрезвычайной доверчивости; даже несмотря на то, что Пифагор и другие еще так давно высказывали такие идеи, никто не мог бы действовать в соответствии с ними, не будучи одержимым до грани безумия. Недостаточно было просто сказать, что мир круглый; Фалес из Милета доказал, что он не плоский, еще две тысячи лет назад. Если бы он был круглым, вода стекала бы с него; если бы он был плоским, то можно было бы безопасно плавать по нему; если он плоский, а вода не стекает, то на другом конце должна быть земля, которая удерживает воду, и можно было бы плыть по плоскому морю к этой земле — вся эта логика была менее наивной, чем чувства, на основании которых генуэзцы обычно приходили к своим выводам. Его усилия были воплощением идей многих вдумчивых людей, возможно, робких или просто задумчивых и пассивных, но ни один из них не обладал его способностями, мужеством и энтузиазмом; и, прежде всего, никто из них не был одновременно таким научным и таким решительным. Часто знание о пророчестве является причиной его исполнения. Некоторые говорят, что Алонсо Санчес рассказал ему об Испании, а он сам утверждает, что однажды посетил Исландию. Возможно, что во время этого путешествия он узнал от норвежцев об их Винланде и Хеллюланде. И что же? Если бы это было правдой, такие истории имели бы для него едва ли большее значение, чем высказывания древних или современные толкования Священного Писания.

Ничто так ясно не доказывает силу, которая послала его в путь, как тот факт, что практически ни одна из его первоначальных концепций не оказалась верной. Он думал, что достигнет Азии, плывя на запад по беспрепятственному океану; но он не достиг ее. До самой смерти он считал, что Америка — это Азия, а Куба — материк; что Земля намного меньше, чем на самом деле, и что шесть седьмых ее поверхности занимает суша. Он много думал о обществе амазонок, которое никогда не существовало, и на каждом шагу среди островов он наивно позволял своему разгоряченному воображению обманывать его. Он утверждал, что был божественно назначен для этой миссии; он утверждал, что его путешествие было чудом, а сам он был вдохновлен этой идеей самой святой Троицей; он поклялся спасти святой гроб, чего он так и не сделал; он провозгласил видения, которых он никогда не видел, такие как Святой Эльмо на вершине мачты с семью зажженными свечами, и рассказывал о голосах, которых он никогда не слышал; он представлял себя миссионером среди невежественных язычников, тогда как на самом деле он сеял среди них легионы огненных демонов. Но того, что он знал и сделал, безусловно, было достаточно, чтобы открыть океан для морских путей и найти новые континенты; этого было достаточно, чтобы в полной мере заслужить всю славу, которую человек может дать человеку; а что касается его ошибок в суждениях, то если бы он был способен нанести Америку на карту так же точно, как мы сегодня, если бы он был божественным, а не, как он утверждал, только

божественно назначенным, с мириадами сопровождающих его служителей, его достижения не были бы больше. Из слабостей его характера родилось благородство Брута; из слабостей Колумба сложилась его сила.

Безусловно, это не опыт и изобретательность, которые приходят с многолетней практикой, сделали Колумба таким визионером; это не были ни его научные достижения, ни блестящие успехи, которые, несмотря на столь частые удары судьбы, мы должны ему признать. В своем призвании моряка он был простым, вдумчивым человеком с здравым суждением и мудрой рассудительностью; но, воодушевленный энтузиазмом, он стал больше, чем обычный мореплаватель; он стал тем, кем он себя воображал, сверхчеловеком, самой рукой всемогущества. Как только в нем зародилась уверенность, что он является божественно назначенным инструментом для выполнения этой работы, хмурые монархи и опасные моря стали для него соломинкой на пути. Через четыреста лет после события мы достаточно ясно видим, что им двигало, хотя сам он, по сути, мало что знал об этом. Под давлением быстро накапливающихся идей мы видим, как на передний план в открытии выходит Христофор Колумб, точно так же, как в реформации церкви на передний план выходит Мартин Лютер. Немецкий монах не был Реформацией; как и генуэзский моряк, он был лишь инструментом в руках силы, ощущимой для всех, но называемой разными людьми по-разному.

Еще находясь в восторге прогрессивного мужества, он заблудился в лабиринте мистицизма и до конца своей жизни так и не смог прийти в себя. Не то чтобы самообладание, первая необходимость правильного поведения, полностью исчезло; в его безумии был свой метод; и он мог отрицать демонов внутри себя, но только для того, чтобы оставить дверь открытой и отдаться еще другим демонам.

В веках борьбы, которая в последнее время возобновилась между наукой и религией, Колумб сражался на обеих сторонах. Никогда еще человек не был настолько одновременно наполнен материальным и духовным, эмоциональным и интеллектуальным. В саду его нравственного рая среди блаженных духов смешивались обнаженные дикари, столь же славные в своей безнравственности. Его вера, которая была самой его жизнью, не была в его глазах набором сверхъестественных абстракций, а конкретной реальностью, такой же, как и любые его мирские дела. Сам будучи честным поклонником науки и веря, что наука является порождением религии, он считал, что наука и он сам должны быть навсегда вознесены на один и тот же алтарь. Он не мог думать о работе отдельно от религии или о религии отдельно от работы. У него была готовая доктрина для каждого небесного явления, теория для каждого земного явления. Когда в его воображении возникали образы других земель, он знал, что они реальны, так же как Хуан Диего из Мексики знал, что реально явление Богородицы Гваделупской в Тепейякаке. Благодаря грызущему голоду мирских и духовных амбиций он был способен видеть новые земли, предложенные наукой, так же как заключенный в тюрьму монах, измученный голодом и бичеванием до состояния безумия, видит ангелов всех воплощений.

Хотя он был вынужден рассматривать все свои достижения через призму творческого мистицизма, при оценке его многогранных качеств всегда следует помнить, что эти достижения были, и притом самого высокого порядка. Его мистицизм был мистицизмом практической жизни, а не бездеятельной идеальностью. Его вера была для него ценна тем, что придавала определенность энергии, которая в противном случае была бы расплывчатой и непостоянной. Его всепоглощающий энтузиазм подчинял одной идее все нестабильные и непоследовательные стремления. Он придавал его жизни целеустремленность, которую не могли бы дать ему ни похоть, ни алчность, ни все аппетиты вместе взятые без него; так что,

хотя он и пребывал в мизантропической тоске, он не уклонялся от никаких воображаемых обязанностей, даже когда они сопровождались болью и несчастьями. Его вдохновение не было уединенным, а было чрезвычайно активным энтузиазмом. В нем не было стремления к совершенной жизни; в его глазах его жизнь была совершенна. Не было беспокойных вопросов о непознаваемом; не было ничего непознаваемого. Его косвенное воображение охватывало все миры и проникало во все пространство. Его позитивизм связывал метафизическое не менее прочно, чем материальное. Абстрактные концепции были более осязаемыми, чем конкретные факты. Реальность была лишь случайностью; идеи были единственной истинной реальностью. Небесная магистраль, которая при глубочайшем исследовании оказывается запыленной обломками развивающейся вселенной, для этого самодостаточного моряка была так же понятна, как королевская дорога из Севильи в Кадис.

АНОМАЛИИ И АБЕРРАЦИИ.

И так же, как гениальность растет с опытом, так и его решимость росла с ошибками, в которые он так часто впадал. Он не был счастливым человеком и не всегда был приятным собеседником. В своих заблуждениях он был самодоволен, в потере себя — самообладателен. Он стремился быть благоразумным и считал себя мудрым; но, как и многие самодовольные люди, погруженные в свои фантазии, он был легко обманчив, даже правителями, с которыми он стремился быть чрезвычайно проницательным. Его контакты с людьми не углубляли его человечность, а, скорее, казалось, ожесточали его сердце и все больше отрывали его чувства от земли и уносили в небо. Его ум был настолько мрачен, что даже его успехи были печальными. Мы видели среди его практических добродетелей высокую конвенциональную честность, целеустремленность, мужество и неукротимую настойчивость; а также другие, не столь приятные черты — гордость, проявляющуюся, как это часто бывает, в религиозном смирении; меланхолический характер; эгоистичные амбиции, которые одним махом обеспечили бы ему и его семье все, что только могут дать человек и Бог; со всей его набожной благочестивостью и небесным рвением — болезненная и часто смехотворная упорство в стремлении к громким титулам и пустым почестям — даже в самых неприятных чертах его характера было что-то, что заслуживало уважения, а в его эгоизме — самоотверженная благородство, возвышенное самоотречение ради идеи, которое мы не можем не восхищаться. Это было не для него самого, хотя он всегда был самым ревностным и заботливым по отношению к себе; корабли, новые земли, новые народы, его состояние и его жизнь — все было посвящено; если бы приключение увенчалось успехом, выгода досталась бы небесам; если бы оно закончилось неудачей, потеря легла бы на него. Несомненно, Всемогущий должен был улыбнуться условиям, столь благоприятным для него самого. И то, что он в конце концов не выполнил свои обещания относительно спасения святого гроба, строительства храмов и обращения народов в свою веру, было по той же причине, по которой он в конце концов не удовлетворил свои мирские притязания и не обеспечил себе власть. У него не было времени. Во всех его мирских и небесных амбициях слава Бога и слава его самого смешались со счастливым осуществлением его великой идеи. И никогда мрачные размышления о неосязаемом и безтеменном не приносили более величественных результатов, чем эти инкубации чередующихся возвышения и уныния, которые вылутили целый континент. И во всем, что тогда происходило, немногие умные читатели истории не могут увидеть затеняющую, всеконтролирующую судьбу, формирующую события во всем мире, так что этот тогда еще неизвестный континент должен был быть подготовлен к выполнению великой цели, которая даже тогда казалась ему предназначенной.

Поэтому, изучая эту замечательную личность, описание которой представляет собой череду парадоксов, мы повсюду видим, как ложь ведет к истине, а истина — к лжи; мы видим, как из идеала рождается реальность, как самые существенные результаты и самые выдающиеся успехи происходят из самых фантастических представлений, и мы не можем не заметить не только то проникновенное видение, которое в уме гения проникает сквозь символ к божественному значению, но и то, что эти призрачные фантазии, буйствующие абсурдами, строящие небесные города и населяющие пандемониумы, даже в отсутствие гения, символа или значения, не всегда и не совсем бесплодны. [\[IV-26\]](#)

БИБЛИОГРАФИЯ.

Вероятно, ни одно из множества опубликованных описаний Колумба не представлено с такой полнотой деталей, вызывающих живой интерес от начала до конца, как книга г-на Вашингтона Ирвинга «*Жизнь и путешествия Христофора Колумба; к которым добавлены путешествия его спутников*», 3 тома, Нью-Йорк, 1869. Первые издания, одно в Лондоне, в 4 томах, и одно в Нью-Йорке, появились в 1828 году; с тех пор было выпущено много изданий на английском и других языках. Автор родился в Нью-Йорке в 1783 году и умер в Саннисайде, недалеко от Тарритауна, на реке Гудзон, в 1859 году. Его сильный литературный вкус проявился уже в раннем возрасте, особенно в 1802 году, когда он написал серию статей для газеты *Morning Chronicle*. В 1804 году он посетил Европу по состоянию здоровья, вернувшись в 1807 году. Затем появился сериал *Salmagundi*, а в 1809 году — «*История Нью-Йорка*». В 1815 году он снова отправился в Европу и, некоторое время занимаясь коммерческой деятельностью, бросил ее и посвятил себя литературе. Публикация «*Скетчбука*» началась в 1818 году, за ним последовали «*Брейсбридж-холл*» в 1822 году и «*Рассказы путешественника*» в 1824 году. Затем появился «*Колумб*», материал для которого он получил от Наваррете в Испании. См. [главу III, примечание 9, в этом томе](#). После службы в качестве секретаря американского посольства в Лондоне с 1829 по 1832 год он вернулся в Нью-Йорк и опубликовал «*Альгамбра*», затем «*Сборник карандашных набросков*» в 1835 году, «*Астория*» в 1836 году, «*Капитан Бонневиль*» в 1837 году и «*Гнездо Вольфберта*» в 1855 году. С 1842 по 1846 год он был американским послом в Испании. Его поздние работы — «*Голдсмит*» (1849), «*Магомет*» (1850) и «*Вашингтон*» (1855-1859). Ирвинг получил высочайшую оценку за свою доброжелательность, мягкость мышления и очаровательный стиль, который почти неосознанно увлекает читателя за детали, которые в руках других авторов были бы сухими и бесполезными. В этом заключается его высшая заслуга; и все же иногда хотелось бы, чтобы автор был не столь заслуживающим похвалы. Элегантность и изящество вечно утомляют своей безупречностью. Имея дело с суровыми реалиями жизни, время от времени хочется насладиться грубой мыслью, грубо выраженной. Ирвинг не отличается ни исторической точностью, ни точностью мышления. В одной из ранних критических статей о *Колумбе* жалуются на то, без чего произведения Ирвинга никогда не достигли бы большой популярности. Его обвинили в излишней многословности, в том, что его детали слишком затянуты. Если так было пятьдесят лет назад, то сейчас это еще более актуально. И все же, как же увлекательна каждая страница ()! И кто, кроме Ирвинга, мог бы сделать такие тривиальные события такими захватывающими? Позвольте ему использовать слова, и какими бы изолированными ни были идеи, какими бы банальными ни были события, результат будет блестящим; но заставьте его работать в узких рамках, и не только очарование будет утрачено, но и работа станет почти бесполезной.

Высшее наслаждение здорового ума, ума, не пораженного ни образованием, ни привязанностью, заключается в получении истины. Величайшее очарование выражения для писателя, которого можно по праву отнести к категории здоровых, заключается в том, чтобы говорить правду. Только когда правда дороже нам, чем традиции или гордость за свое мнение, мы готовы учиться; только когда правда дороже нам, чем похвала или прибыль, мы способны учить. Если ум умный и здоровый, он знает, что состоит из правды и предрассудков, причем последние порождаются невежеством и окружающей средой, держат его в железных оковах, и он знает, что должен вечно бороться, чтобы полностью освободиться. Таким образом, остро осознавая как трудности, так и важность правильного мышления и точных форм выражения, он, тем не менее, испытывает наибольшее удовольствие в стремлении к конкретной истине. Именно правдивость по отношению к природе во всех ее красотах и уродствах, а не создание какого-то более прекрасного, чем естественный идеал, удовлетворяет искусство, будь то в области живописи, ораторского искусства или литературы. Мы, современные люди, высоко ценим произведения воображения, но становимся несколько придирчивыми в отношении фактов. Наша эпоха по сути своей неформальна и не на реальна; даже наша идеальная литература должна быть строго верна природе, а все, что претендует на реальность, должно быть представлено во всей простоте, без окольных выражений и маскировок.

Полвека назад, особенно писатели определенных эпох истории, считали необходимым придавать своим произведениям драматический эффект, сравнимый с художественной литературой, усиливая характер персонажей и событий. Добрые качества хороших людей выделялись не на фоне их собственных плохих качеств, а на фоне плохих качеств плохих людей, чья злоба изображалась в таких мрачных тонах, что затмевала все хорошее, что в них могло быть. Таким образом, исторические эпизоды были наделены, насколько это было возможно без слишком большого искажения правды, как театральное представление, каждый из которых имел совершенного героя и законченного злодея. К этому классу писателей принадлежали Маколей и Мотли, Фруд, Фриман, Прескотт и Ирвинг, чьи произведения замечательны не только как художественные творения, но и как самые правдивые и яркие картины своих эпох, которые еще не были представлены и которые на протяжении поколений будут читаться с тем глубоким и здоровым интересом, которого они заслуживают. Ведь, хотя их факты иногда сильно приукрашены, их самые блестящие творения всегда построены на прочном каркасе правды. Я говорю, что эти, ведущие писатели своего времени, ни один из них не свободен от привычки к преувеличению, обману. Действительно, с расточительной экстравагантностью в использовании превосходных степеней почти невозможно создать яркий образ, не преувеличивая в некоторых его частях. Но в наши дни рационального размышления, когда романтика и реальность четко разделены, небесная фантастика и земные факты подвергаются одному и тому же *experimentum crucis*; ум становится настолько механическим, что он интровертируется и анализирует не только свой собственный механизм, но и механизм своего создателя; иконоборчество становится одухотворенным, и возрождается доктрина старого адамического змея, что знание добра и зла () — это не смерть, а жизнь и бессмертие, это знание является царем царей, соперничая с силами природы и часто бросая им вызов — я говорю, что в такие дни зрелая мужчина теряет терпение к Санта-Клаусу или другим вымышленным образам, от которых детский ум черпает много утешения, и предпочитает, если необходимо, муки правды элизиуму басни. Уже не является логичным, что если герой прибегает к обману, его биограф должен прибегнуть к обману, чтобы это скрыть. Ведь как только вы начинаете лепить из жесткой глины материальных фактов художественные формы вымысла, результат не является ни историей, ни романом.

Как бы я ни гордился именами Прескотта и Ирвинга, у чьих святынь никто не поклоняется с более глубоким восхищением, чем я; как бы ни была неблагодарна задача критиковать их классические страницы, чьи недостатки сияют более устойчивым блеском, чем я смею надеяться для своих самых ярких достижений; тем не менее, вынужденный в некоторых случаях моей темой заходить на поля, частично пересеченные ими, я не могу ни пройти мимо них, ни полностью их восхвалять. Справедливости ради по отношению к моей теме, справедливости ради по отношению к себе, справедливости ради по отношению к эпохе, в которой я живу, я должен высказаться, и сделать это в соответствии с тем светом и теми представлениями, которые мне даны.

Оценку Ирвингом ценности честности и неподкупности историка можно почерпнуть из его собственных страниц. «Существует определенный назойливый дух, — пишет он, — который под видом научных исследований рыщет по следам истории, разрушая ее памятники и портит и калечит ее самые прекрасные трофеи. Следует позаботиться о том, чтобы оправдать великие имена от такой пагубной эрудиции. Она противоречит одной из самых благотворных целей истории — предоставлять примеры того, чего могут достичь человеческий гений и похвальные начинания». Итак, если добросовестное исследование фактов означает любопытный дух; если простое изложение фактов можно по праву назвать пагубной эрудицией; если разрушение очаровательной лжи означает осакачивание трофеев истории; если создание золотых тельцов для поклонения простым людям является самой благотворной целью истории, то я, по крайней мере, предпочитаю любопытный дух и пагубную эрудицию, которые осакачивают такие памятники, чем прекрасные трофеи исторического обмана. И снова: «Эрреру также обвиняли в том, что он льстил своей нации, превозносил деяния своих соотечественников, смягчал и скрывал их излишества. В этом обвинении нет ничего серьезного. Иллюстрировать славу своей нации — одна из самых благородных задач историка, и трудно переоценить необычайные предприятия и великолепные деяния испанцев в те дни. Смягчая их эксцессы, он впал в любезную и простительную ошибку, если, конечно, для испанского писателя было ошибкой пытаться погрузить их в забвение». Когда писатель открыто признается в своей приверженности лжи, любезной лжи, лжи, совершенной с целью обмана в отношении своей собственной страны, о которой он утверждает, что знает больше, чем чужой, больше нечего сказать. Нечего сказать о правдивости этого автора, но многое можно сказать о ложных впечатлениях, которые он оставил о людях и событиях, упомянутых в этой работе.

С какой изысканной грацией, с какой нежной заботой и материнской слепотой к недостаткам Ирвинг защищает репутацию Колумба! Если генуэзец — пират, то пиратство «почти узаконено»; если он работоторговец, то это «обычай того времени»; он без осуждения живет в Кордове в открытом прелюбодеянии с Беатрис Энрикес и становится отцом незаконнорожденного Фернандо; делается неуклюжая попытка оправдать героя за то, что он лишил бедного моряка награды, обещанной тому, кто первым увидит землю; Овьедо обвиняется во лжи, потому что он иногда принимает решения против первооткрывателя в вопросах политики и характера; отец Буил был «столь же буйным, сколь и хитрым», потому что он не соглашался с адмиралом в некоторых его мерах; самые экстравагантные оскорбления сыплются на Агуадо, потому что он выбран для расследования и составления отчета о делах в Индиях; Фонсека осуждается как невыразимо подлый, потому что он препятствует некоторым безрассудным проектам первооткрывателя; и так же поступают с теми, кто каким-либо образом противостоял ему, в то время как все, кто улыбался ему, были ангелами света. На протяжении всей своей позднейшей жизни, когда экстравагантные просьбы удовлетворялись с большей, чем обычно, щедростью королевской семьи, Ирвинг

раздраженно жалуется, что для его героя не сделано большего, и потому что его раздражительный герой жалуется. И эту детскую гордость, из которой проистекает такая раздражительность, красноречивый биограф превращает в благородное стремление к сознательному заслуживанию. Хотя, согласно его собственному заявлению, безумие этого человека усиливалось, и к концу жизни он был чуть ли не слабоумным, в то же время нам серьезно уверяют, что «его характер был по натуре раздражительным, но он подавлял его великодушием своего духа». Сын Фернандо отрицает, что его отец когда-то чесал шерсть; Ирвинг не пытается оправдать этот недостаток, потому что его читатели не считают работу недостойной.

Я возражаю не столько против смягчения недостатков характера хорошего человека, сколько против преднамеренного возвеличивания одной исторической личности за счет других, которые по подобной преднамеренности были полностью унижены. Если бы Ирвинг и несколько десятков биографов, предшествовавших ему и следовавших за ним, так же искренне восхваляли хорошие качества Бобадиля, Ролдана и Овандо, как и своего героя, мир был бы озадачен, как к этому относиться. Мы не привыкли к таким заявлениям. Неприправленная биография безвкусна, и нас учат не ожидать правды, а образца для подражания. Мы не должны были бы знать, что эти писатели пытались сделать, если бы они каталогизировали проступки Колумба и его братьев с теми же украшениями, что и Агуадо, Буила и Фонсека; рассказывая с патетическим преувеличением, как добродушный адмирал океана был первым, кто применил гончих против обнаженных туземцев; как он практиковал на Эспаньоле различные жестокости, не поддающиеся описанию; и как он порой опускался не только до вульгарных уловок, но и до низкого предательства.

С другой стороны, я не испытываю симпатии к тем, кто стремится к известности, пытаюсь умалить справедливую славу благородного и успешного гения, потому что некоторые, возможно, придают ему большее значение, чем он заслуживает, или делая вид, что не верят целым повествованиям и целым историям, потому что некоторые их части не соответствуют действительности или слишком приукрашены. Были написаны книги, чтобы доказать то, что никто не отрицает, что за несколько веков до Колумба другие европейцы открыли этот континент, и что тем самым честь его достижения уменьшается — я не вижу смысла в таком мнении. Что касается генуэзца, его работ и заслуг, то не имеет никакого значения, была ли Америка открыта двадцать раз раньше, как это было полностью показано в других частях этого тома.

СРАВНЕНИЕ ИРВИНГА И ПРЕСКОТТА.

Прескотт был более точным писателем, чем Ирвинг, хотя и не был полностью свободен от милой слабости своего времени. В основном он излагал правду и излагал ее справедливо, хотя и не всегда говорил всю правду. Он говорил о недостатках своих героев, хотя и очень мягко; он редко пытался полностью их скрыть. Он мог преувеличивать, но он не практиковал и не защищал открыто ложь. Прескотт хотел бы угодить католикам, если бы это не стоило слишком дорого. Ирвинг хотел бы угодить всем, особенно американцам; но больше всего он хотел бы сочинить приятную историю; если она правдива, то хорошо; если нет, то она ни в коем случае не должна противоречить популярным предрассудкам. Неповторимое очарование обоих вполне компенсирует в глазах многих любые недостатки. Со времени их жизни на темы, которые они затрагивали, пролился новый свет, но не настолько, чтобы серьезно умалить

ценность их работ. В своих оценках характеров Фердинанда и Изабеллы, относительно и соответственно, эти блестящие писатели не одиноки. Они копировали тех, кто писал до них, а те, кто пришел после них, копировали их. На протяжении многих лет как отечественные, так и зарубежные историки считали модным проклинать Фердинанда и благословлять Изабеллу, возлагая на мужчину всю ненависть нации и времени и возвышая женщину до звезды. Это, безусловно, более приятный и рыцарский способ решить вопрос, но в таком случае я должен признаться, что не знаю, что делать с фактами.

ФЕРДИНАНД И ИСАБЕЛЛЯ.

Только простые люди даются обмануть мягкому Ирвингу, когда он намекает, что «она даже несколько фанатична», подразумевая под этим, что очаровательная королева Кастилии была лишь немного фанатична. И снова: «Фердинанд был религиозным фанатиком, а преданность Изабеллы была близка к фанатизму настолько, насколько позволяли ее либеральный ум и великодушный дух», то есть насколько позволял план рассказа г-на Ирвинга. Ирвинг, как и любой из нас, знал, что Изабелла была одной из самых фанатичных женщин своего фанатичного века, гораздо более фанатичной, чем Фердинанд, который осмеливался спорить даже с папой, когда его святейшество слишком сильно вмешивался в попытки сорвать его амбициозные планы. Она была настолько глубоко окрашена фанатизмом, что позволила своему призрачному исповеднику подавить свои лучшие женские инстинкты, свое обычно строгое чувство чести, справедливости и гуманности, и заставила ее допустить в Испании ужасную инквизицию, самый чудовищный механизм пыток, когда-либо изобретенный для содействия самому чудовищному преступлению, когда-либо совершенному человеком по отношению к своим собратьям, — принуждение и подавление мнения. Несмотря на всю свою справедливость и очарование — справедливость сердца, ума и внешности, с правильными чертами лица, светлыми каштановыми волосами, мягкими голубыми глазами, скромным и любезным поведением — она не колебалась, чтобы истребить ересь, применять к своим любящим подданным, осмелившимся думать самостоятельно, большие пальцы, кольцевые болты и блоки, дыбу, скамейку для пыток, кулак, вертел, щипцы, плеть с узлами, железный ошейник с острыми зубцами, цепи, шары и кандалы, конфискацию имущества и сожжение на костре; и все это под ложными обвинениями и на основе искаженных доказательств. Она не колебалась арестовывать и казнить сотни богатых людей, таких как Печо, и присваивать их деньги для собственного использования, хотя ее изысканная женская чувствительность иногда побуждала ее бросать вдовам и детям, которых она превратила в нищих, бросать на улицу несколько крошек от их прежних богатств. Эта мать, которая вскармливала своих собственных детей и которая не должна была быть полностью лишенной материнской любви, оставалась глуха к крикам марокских матерей, когда их и их детей разлучали и продавали на работоторговом рынке в Севилье. Тысячи невинных мужчин, женщин и детей она жестоко заключила в тюрьмы, тысячи бросила в раскаленную печь, десятки тысяч ограбила, а затем изгнала в изгнание; но все это было сделано целомудренно, самой милой и прекрасной дамой. Нам трудно поверить в это, мы не хотим верить в это, что когда старый раввин Абарбанель умолял короля о пощаде для своего народа, говоря: «Я заплачу за их выкуп шестьсот тысяч золотых корон», Изабелла мягким, мелодичным голосом ответила: «Не бери их», а ее исповедник в это время воскликнул: «Что! Как Иуда, продаешь Иисуса!» Кроме того, трижды шестьсот тысяч крон можно было бы получить, не принимая выкуп. И все же это было светлое существо, и таковы были ее поступки, по собственным заявлениям Прескотта, как бы он их ни приукрашивал, чья практическая мудрость, как он уверяет нас, «основана на самых чистых и возвышенных принципах», и чья «честная душа отвергалась от всего, что похоже на уловку». Изабелла, несомненно, была женщиной с благими намерениями, но именно такими намерениями вымощена яма, в которой сжигают души.

Прескотт возлагает всю вину за инквизицию на Торквемаду, и я с ним согласен. Ум монаха был пепельной, неплавкой формой, в которую были отлиты более пластичные чувства женщины. Но тогда ему следует приписать часть добродетелей, которые украшали характер Изабеллы, поскольку он был автором многих из них. Чтобы быть справедливым, если Изабелле приписывают ее добродетели, то ей должны быть вменены и ее преступления. И если королева может переложить с своих плеч на плечи своих советников ответственность за беззакония, допущенные при ее правлении, то почему бы не сделать то же самое королю Фердинанду, который также имел вокруг себя людей, подталкивавших его к той или иной политике? Правда, мы многое прощаем женщине как более слабому полу, и это вполне справедливо, но то же самое мы осуждаем в мужчине, обладающем сильной хитростью. Но Изабелла не была просто глиной в руках окружающих; а если и была, то хвалите ее за ее слабость, а не за какие-то добродетели. Но она могла проявить достаточно воли и духа в нужный момент — свидетельством тому является ее угроза убить Педро Хирона собственными руками, чем выйти за него замуж, а также политика, которая ясно свидетельствует о ее проницательности и государственном искусстве в выборе Фердинанда и в строгих условиях ее брачного контракта, который лишил ее мужа любых суверенных прав в Кастилии и Леоне. Совершенно непоследовательно, действительно, в обзоре правления Изабеллы, в конце трех томов неподдельного восхваления Прескотт придает своей героине достаточно твердости во всех ее поступках; независимость мышления и действий, достаточную, чтобы ограничить притязания ее дворян; и она «была столь же бдительна в сопротивлении церковным посягательствам»; «она обеспечивала выполнение своих собственных планов, часто даже с большим риском для себя, с решимостью, превосходящей решимость ее мужа». Однако когда она подписала указ об изгнании евреев, оправданием послужило то, что «ее с ранних лет учили не доверять своему собственному разуму». Но зачем приводить множество цитат? Книга Прескотта *«Фердинанд и Изабелла»* полна таких явных противоречий.

Все мы знаем, что, увлеченные чувствами, женщины бывают жесточе мужчин; так и Изабелла, охваченная фанатизмом, была, пожалуй, жесточе Фердинанда, чьи страсти сдерживались его амбициями. Ее чувства были связаны с ее верой, а ее вера была связана с таким гнусным беззаконием, таким бесчеловечным злом, что ее эвфемистические апологеты должны краснеть за то, что прибегают к тем же уловкам, которые делают героями Джека Шеппарда и Дика Терпина. Опять же, убийство и грабеж во имя Христа подходят дьяволу не хуже, чем когда они совершаются во имя собственного блага. И здесь, на земле, в суде, оправдываться добрыми намерениями в смягчение злых поступков не смягчает вину в глазах любого праведного судьи. Поэтому нет большой разницы между теми, о ком можно сказать: « » Вот человек, который вероломно грабит, мучает и убивает сотни тысяч своих братьев, чтобы прославить себя, расширить и укрепить свое владение; и Вот женщина, которая вероломно грабит, мучает и убивает сотни тысяч своих братьев, чтобы прославить себя, своего священника, свою религию, а также расширить и укрепить владения своего божества. В крайнем случае, и в умах самих красноречивых биографов, относительная утонченность и благородство этих двух персонажей должны полностью зависеть от представления человека об относительной утонченности и благородстве земного эгоизма и небесного эгоизма.

Что же мы можем сказать, если мы претендуем на справедливость в изображении исторических личностей, в оправдании Изабеллы, которое не может быть справедливо сказано в оправдание Фердинанда? Ведь даже он, которого сенсационные биографы облачают в такую сажу, чтобы атласные одежды Изабеллы сияли белее, в Испании

назывался мудрым и благоразумным, а в Италии — благочестивым. Конечно, между ними были различия в характере и амбициях, но не такие большие, как нам рассказывали. Он был мужчиной с мужским характером, холодным, грубым, суровым и коварным; она была женщиной с женским характером, теплой, утонченной, нежной и коварной. Он был как лиса, она как кошка. Противопоставляя хитрость хитрости, она ревностно охраняла то, что считала интересами своих подданных, и искренне стремилась, поощряя литературу и искусство и реформируя законы, усовершенствовать и возвысить свое королевство. Он делал точно то же самое. Во всех беззакониях своей прекрасной супруги Фердинанд оказывал ей помощь; человек не мог поступить хуже; и весь мир согласен, что Фердинанд был плохим. И все же, чем он был хуже ее? Оба были инструментами своего времени, проницательными и безжалостными. К церковной тирании, жертвами которой они были, они добавили гражданскую тиранию, которую навязывали своим подданным. Фердинанд был величайшим из испанских правителей, гораздо величественнее Карла, которому посчастливилось пожинать плоды, посеянные его дедом. Именно Фердинанд объединил все суверенитеты полуострова, за исключением Португалии, в одно политическое образование, имевшее большое значение в делах Европы. Он был амбициозен и для достижения своих целей не гнушался ничем. Не было греха, который он не осмелился бы совершить, ни зла, которое он не осмелился бы причинить, если только непосредственный результат соответствовал его желаниям. Он был менее связан суевериями, чем средний человек того времени; он был вдумчивым, могущественным, княжеским. Оба были великолепными, славными личностями, которые совершили много добра и много зла, причем зло в равной степени можно возложить на время, которое ставило князей выше обещаний и религии, выше честности и человечности, чем на какую-либо особую порочность, присущую любому из них. И каков был непосредственный результат этого, и каков был более отдаленный вывод, и насколько, в конце концов, испанцы были обязаны этим правителям? Сначала Испания была окутана непревзойденной славой! Испания — хозяйка мира, на владениях которой солнце отказывается заходить. Счастливый Фердинанд! Трижды любезная и добродетельная Изабелла! А дальше? Разве мы не видим, что эти блестящие успехи, эти удовлетворенные желания сами по себе являются семенами унижения Испании? Бесконечно лучше было бы Испании сегодня, я не скажу, если бы она не изгнала мавров и евреев, но если бы она никогда не узнала Новый Свет. Какую бы честь ни принесла себе Изабелла своими спекуляциями в партнерстве с генуэзцами, по той же самой причине, приведшей к великому разорению золота и всеобщему разврату, последовавшим за этим, потомки Испании могли бы вполне обоснованно проклясть ее память, если бы могли извлечь из этого какое-либо утешение.

Что касается столь восхваляемого поступка Изабеллы, которая оказала помощь Колумбу, когда Фердинанд отказался это сделать, то здесь следует сказать следующее. Во-первых, она не заслуживает особой похвалы за помощь генуэзцу; во-вторых, она никогда не помогала ему так, как это представляется, и в той мере, в какой это представляется. Сантангэль и Пинсоны были настоящими спонсорами того первого путешествия. Изабелла не заложила свои драгоценности, не продала свой гардероб и не опустошила свой кошелек. Но даже если бы она это сделала, для чего бы это было? Для детей приятно называть ее покровительство красивыми словами, говорить, что это было из жалости к бедному моряку, что это был акт личной жертвы во благо общества, что это было из милосердия или из доброжелательности, для расширения знаний или отстаивания какого-то великого принципа — только очень глупый ребенок не понимает, что это не так. Совершенно очевидно, что целью было получить большую прибыль от небольших затрат; большую прибыль в виде золота, земель, почестей и прозелитизма — своего рода коммерческую и политическую азартную игру,

более соответствующую характеру, обычно описываемому как «холодный и хитрый Фердинанд», чья безграничная алчность и ненасытная жадность не меньше, чем его тонкое государственное искусство и королевская хитрость, побудили бы его обеспечить себе такую большую награду при таких небольших затратах, чем характеру бескорыстной, небесно настроенной женщины. И если бы не опасность быть сочтенным неблагородным людьми с нежным сердцем, я мог бы упомянуть о торге, сопровождавшем сделку, и рассказать, как королева сначала отказалась заплатить моряку его цену и отпустила его, а затем позвала его обратно и дала ему то, о чем он просил сначала, больше похожая на еврея, чем даже на алчного Фердинанда.

В заключение я считаю почти ненужным говорить, что Колумб, Изабелла и все те яркие примеры истории, чье поведение и влияние в основном были на стороне человечности, справедливости, пользы и добра, вызывают у меня глубочайшее восхищение и самое искреннее уважение. Я беззаветно прощаю им все их ошибки и восхваляю их за то, что они были одними из самых благородных, лучших и наиболее полезных для своего рода — хотя и не всегда, и не всегда намеренно — из всех, кто жил до нас и ушел из жизни. И я могу ненавидеть Бобадилью, Ролдана и других подобных им, всех исторических воплощений несправедливости, эгоизма, вероломства и зверской жестокости, с божественной ненавистью; но я надеюсь, что никогда не буду настолько ослеплен яркостью своего предмета, чтобы не видеть правду, и, увидев ее, честно о ней рассказать.

ГЛАВА V.

УПРАВЛЕНИЕ ИНДИЙСКИМИ ОСТРОВАМИ.

1492-1526.

Колумб — законный правитель — Хуан Агуадо — Франсиско де Бобадиля — Николас де Овандо — Санто-Доминго — столица Индий — РАСШИРЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА СОСЕДНИЕ ОСТРОВА И МАТЕРИК — Резиденции — Добыча золота на Эспаньоле — РАСА И КАСТЫ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ — РАБСТВО ИНДЕЙЦЕВ И НЕГРОВ — Жестокость по отношению к туземцам — ИСПАНСКИЙ СЕНТИМЕНТАЛИЗМ — УМИРОТВОРЕНИЕ, А НЕ ЗАВОЕВАНИЕ — ИСПАНСКИЕ МОНАРХИ ВСЕГДА БЫЛИ ДРУЗЬЯМИ ИНДЕЙЦЕВ — Плохое обращение из-за удаленности и злонамеренных агентов — Позорные деяния Овандо — Репартимьентос и энкомьендас — ПРАВИТЕЛИ РАССМАТРИВАЛИ ИХ КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ — Поселенцы сделали их средством порабощения индейцев — Лас Касас появляется и протестует против бесчеловечности — Невыполнение обязательств по поставке сокровищ — Диего Колон сменяет Овандо на посту губернатора — и усугубляет ситуацию — Отправка отцов-жеронимов — Аудиенции — В Санто-Доминго учреждается суверенный трибунал, который постепенно берет на себя все функции аудиенции и, как таковой, в конечном итоге управляет Индиями — Лас Касас в Испании — Консехо-де-Индиас и Каса-де-Контратасьон — Законодательство для Индий.

Мы видели, как сначала было решено, что Колумб будет единственным правителем, подчиняющимся короне, тех земель и морей, которые он может открыть для Испании. Мы видели, как в соответствии с этим правилом за неумелым управлением последовали беспорядки и восстания, пока беспокойные колонисты не превратили Эспаньолу в *angustiarum insula* для достойного адмирала, и пока их величества не сочли в этом достойное оправдание для того, чтобы отобрать бразды правления у генуэзца и заменить его агентами по своему выбору. Первым из этих агентов был Хуан Агуадо, который был всего лишь комиссаром по расследованию (). С ним, как помнят, Колумб вернулся в Испанию после своего второго путешествия, оставив командующим своего брата Бартоломе. Адмиралу было позволено попробовать еще раз, но, достигнув резиденции своего правительства, он не смог успокоить беспорядки, которые усилились во время его отсутствия. Восстание почти достигло масштабов революции, и сильнее правительства были фракции, лидеры которых открыто бросали вызов генерал-губернатору, вице-королю и адмиралу океанского моря. Я не говорю, что их величества были сильно опечалены этим или что они были недовольны тем, что мятежники или революционеры с Эспаньолы обращались к ним со своими проблемами. Но несомненно то, что после еще одного справедливого суда Колумб был вынужден отказаться от своей должности и увидеть, как его место занимает человек, гораздо худший, чем он сам. Возможно, это правда, что для этой должности лучше подходил мошенник, чем честный человек.

Не то чтобы Франсиско де Бобадиля можно было законно обвинить в нечестности; монархи, казалось, были вполне способны позаботиться о себе, когда речь шла об их доходах. И все же на его поведение, безусловно, не влияли ни чувство справедливости, ни человечность. Он был человеком узкого ума, низких инстинктов и мелких предрассудков. Некоторое время он был популярен среди колонистов, потому что был похож на них, потому

что уменьшил королевскую долю доходов от рудников с одной трети до одной одиннадцатой и разрешил развратникам празднично проводить время и жестоко обращаться с туземцами, а также потому что освободил тех, кого адмирал заключил в тюрьму, и дал Колумбу возможность выплатить свои долги — за что я не могу его винить.

21 марта 1499 года Бобадиля получил разрешение на преследование правонарушителей на Эспаньоле, но он покинул Испанию только в июле 1500 года и прибыл в Санто-Доминго 23 августа. Цепление знаменитого первооткрывателя позорным агентом без какого-либо преступления вызвало всеобщее возмущение во всем христианском мире ; и все же их величества, казалось, не спешили смещать его, поскольку только 3 сентября 1501 года, в ответ на настойчивые протесты Колумба, произошли изменения, и управление было передано Николасу де Овандо, который отплыл из Испании 13 февраля следующего года и прибыл в Санто-Доминго 15 апреля 1502 года; таким образом, Бобадиля пробыл на острове более полутора лет, что было достаточно долго, чтобы посеять семена многих беззаконий.

НИКОЛАС ДЕ ОВАНДО.

Овандо был рыцарем ордена Алькантара, не отличавшимся ни широким умом, ни внушительной внешностью. Но его твердая и беглая речь придавала силу его худощавому телу и светлой коже, а вежливые манеры компенсировали тщеславие, которое в нем принимало форму глубокой скромности. Он был хорошо известен их величествам, будучи одним из спутников принца Хуана, и считалось, что он станет образцовым губернатором. Перед отплытием ему были даны подробные инструкции, как письменные, так и устные. Туземцы должны были быть обращены в христианство, но их тела не должны были подвергаться рабству или бесчеловечному обращению. Они должны были платить дань и собирать золото, но за последнее им должна была выплачиваться заработная плата. На Эспаньоле должна была произойти полная смена солдат и чиновников, чтобы новое правительство могло начать свою деятельность, не запятнанную недавними беспорядками. Ни евреи, ни мавры не могли отправляться в Индию, но неграм-рабам, родившимся в собственности христиан, разрешалось проходить. За любые убытки, понесенные в результате действий Бобадиля, адмиралу должна была быть выплачена полная компенсация, и впредь его права собственности должны были уважаться. Колумб мог всегда держать там агента для сбора своих сборов, и с ним должны были обращаться с уважением. Ленивые и расточительные должны были быть возвращены в Испанию. За исключением провинций, переданных Охеде и Пинсону, юрисдикция Овандо распространялась на все Индии, то есть на все владения Испании в Новом Свете, острова и материк, со столицей в Санто-Доминго и подчиненными муниципальными правительствами () в более важных местностях. Все лицензии на добычу полезных ископаемых, выданные Бобадилей, должны были быть аннулированы; из добытого до сих пор золота одна треть должна была быть передана короне, а из всего добытого в дальнейшем — половина. Дополнив эти инструкции множеством отцовских советов, состоящих из мелких нравоучений и макиавеллизмов, их величества пожелали своему наместнику удачи и отправили его в путь по-королевски.

Экспедиция насчитывала не менее тридцати кораблей и двух тысяч пятисот человек. В состав экспедиции входили Алонсо Мальдонадо, недавно назначенный *мэр* (*alcalde mayor*), [Энрике де Альонсо \(\)](#) [IV-1] Энрике де Альонсо () и двенадцать францисканцев с прелатом Антонио де Эспиналь (Antonio de Espinal). Лас Касас был присутствовал; и Эрнан Кортес был бы там, если бы не болезнь, которая помешала ему. В экспедиции участвовали семьдесят три уважаемые замужние женщины, которые прибыли вместе со своими мужьями и детьми и должны были обогатить общество в различных точках распределения. Когда новый губернатор въехал в столицу, элегантно одетый, с охраной из шестидесяти двух пехотинцев

и десяти всадников, а также с большой и блестящей свитой, стало очевидно, что колонизация Нового Света теперь была всерьез взята на вооружение испанскими монархами. Овандо не был склонен медлить с выполнением своих обязанностей. Он сразу же объявил о *резиденции* [IV-21](#) Бобадильи и арестовал Ролдана, *бывшего* мятежника, а впоследствии главного судью. Он построил на Эспаньоле несколько городов, которым были предоставлены права и другие привилегии, основал больницу, перенес Санто-Доминго в более здоровое место на другой стороне реки и основал колонию в Пуэрто-де-Плата, на северной стороне Эспаньолы, недалеко от Исабелы.

В восьми лигах от Санто-Доминго находились рудники, где две с половиной тысячи человек сразу же решили разбогатеть. В течение нескольких дней после высадки дорога была полна нетерпеливых золотоискателей из всех слоев общества: кавалеров, *гидальго*, [IV-31](#) и рабочих, священников и ремесленников, честных людей и злодеев, чья алчность была разжечена проявлением драгоценного металла, недавно добытого, и которые теперь спешили вперед с тяжелым дыханием и тревожными глазами под своими узелками с необходимыми вещами. Но этих новоприбывших не ждала счастливая судьба. Эта история, тогда новая, с тех пор повторялась много раз: надеясь быстро и легко наполнить свои мешки, они обнаружили, что очень мало золота можно добыть только очень большим трудом, и вскоре они вернулись в город, где многие из них впали в нищету, а половина умерла от лихорадки.

Бедные глупцы! Они не знали, их соотечественники, те, кто остался от предыдущих попыток, не сказали им, хотя люди Ролдана, люди Бобадильи знали достаточно хорошо, и, по правде говоря, остатки людей Овандо не замедлили понять, что мудрый человек, мудрый и злодейский человек из Испании, не работал и не умирал за золото или за что-либо еще, когда были дикари, которых можно было подстегнуть к этому мечом.

УПРАВЛЕНИЕ КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ.

В этот самый ранний период испанского господства в Америке, при сменяющих друг друга вице-королях и подчиненных правителях, самым важным вопросом, который подлежал рассмотрению или решению, было обращение с аборигенами. Это было, безусловно, чрезвычайно важно для них и имело немалое значение для Испании. К сожалению, до того, как этот вопрос был должным образом понят, был нанесен большой ущерб, а впоследствии зло продолжалось, потому что всегда находились люди, готовые рискнуть будущим наказанием ради сиюминутной выгоды. Испания была так далеко, а правосудие действовало так медленно, если вообще действовало, что этот риск редко был самым большим.

Испанские монархи теперь оказались перед необходимостью управлять двумя расами в Новом Свете: белой и красной. И не всегда было легко определить, что следует делать, каким должно быть отношение одной расы к другой. Превосходство белой расы не подвергалось сомнению. Среди белых людей естественными хозяевами были испанцы, а среди испанцев кастильцы обладали первоочередными правами на новые земли, которые для них открыли генуэзцы.

До сих пор все было достаточно ясно. Было естественно и правильно, что испанцы должны были быть хозяевами в Америке. Их права были двоякими: как первооткрывателей и как пропагандистов. Но в какую категорию отнести краснокожих было вопросом почти столь же загадочным, как и определить, кто они такие и откуда пришли. Несколько раз возникал вопрос, имел ли он душу или полудушу, и была ли жидкость, так свободно проливаемая завоевателями, простой кровью животного или такой же высокой пробы, как та, что текла в

кастильских венах. Дикари, конечно, должны были подчиняться, но как — как подданные или как рабы? Колумб был решительным сторонником рабства индейцев. Он участвовал в португальской работоторговле и считал ее прибыльной. Испанцы порабощали неверных, так почему бы не порабощать язычников? Магометане порабощали христиан, а христиане — магометан. Точно так же христиане порабощали христиан, как белых, так и черных, хотя в

Испании начали задаваться вопросом, насколько уместно порабощать белых христиан.

РАБСТВО.

Торговля невольниками-неграми в то время была относительно новым явлением. Она была одним из непосредственных результатов морских открытий XV века. Португальцы были лидерами в этой области, организовав для этой цели компанию в Лагосе и фабрику в Аргуине примерно в середине века, принц Генрих получал свою пятую часть. Однако Европа не предлагала выгодных условий для использования африканского рабского труда, и, если бы не открытие Америки, эта торговля, вероятно, никогда не достигла бы больших масштабов. В те дни общественное мнение не было настроено против рабства, особенно порабощения детей Хама. И все же ни Изабелла, ни Фердинанд не были склонны, в отношении своих владений в Новом Свете, следовать примеру Португалии на побережье Африки. Хотя они едва ли считали личной практику, которая была одной из главных причин падения Рима (), тем не менее в данном случае они, казалось, инстинктивно выступали против нее. Они не хотели этих существ в Испании, они были им не нужны. В отношении древнего обычая порабощения военнопленных, особенно ненавистных и хронически враждебных мавров, дело обстояло иначе. Этот Новый Свет был дан им для более высокой цели. Его туземцы не были врагами Испании; они не совершали никаких преступлений против Испании. Было лучше, было славнее, было выше и надежнее вознаграждение в том, чтобы обратить их в христианство, чем поработить. Духовенство постоянно настаивало на этом, так что в Испании страсть к проповеди была сильнее страсти к порабощению.

Колумб, должно быть, знал об этом, когда в 1495 году он послал Торресу четыре корабля с индейскими рабами и извинение их величествам за то, что эти люди были людоедами-карибами, чудовищами, законной добычей работоторговцев, где бы они ни были найдены. Возможно, некоторых из них можно было бы обратить в христианство, и когда они выучили бы кастильский язык, их можно было бы отправить обратно, чтобы они служили миссионерами и переводчиками, помогая избавить своих соотечественников от власти тьмы. Это было правдоподобно, и их величества казались довольными; но когда Колумб стал настаивать на этом вопросе и просил принять меры для широкого вступления в эту торговлю, они засомневались. Тем временем генуэзцы смело продолжили действовать по старинке, делая рабами не только людоедов, но и военнопленных; и всякий раз, когда требовались рабы, не нужно было долго искать повод для войны. После этого, с очередной партией груза, адмирал приходит в восторг и клянется святой Троицей, что он может отправить в Испанию столько рабов, сколько можно продать, четыре тысячи, если понадобится, и с энтузиазмом, основанным на некогда прибыльном опыте в этом деле, приступает к подробностям захвата, перевозки, продажи и возврата грузов. Кроме того, он разрешает принудительный труд в тех случаях, когда не была уплачена дань, и, наконец, дает каждому, кто приходит, индейца в качестве раба.

Тогда монархи рассердились. «Какое право дал я адмиралу отдавать кому-либо моих вассалов!» — воскликнула королева. Всех, кто был таким образом похищен из дома и страны, среди которых были беременные женщины и новорожденные младенцы, приказали вернуть. И с того момента правители Испании стали друзьями индейцев. Не только Изабелла, но и Фердинанд, Карл и Филипп, а также их преемники на протяжении двухсот

лет, за редким исключением, мужественно отстаивали права дикарей — всегда подчиняя их, однако, своим собственным мнимым правам — постоянно и решительно вмешиваясь своей королевской властью между настойчивыми злодеяниями своих испанских подданных и беззащитными подданными Нового Света. Точно так же католическая церковь заслуживает высочайшей похвалы за свое влияние в направлении гуманности, а — за неустанные усилия своих служителей по защите этих бедных созданий от жестокости и несправедливости. Здесь и там в ходе этого повествования мы видим, как священник, увлеченный духом прозелитизма, совершает акты глупости и несправедливости; и как люди объявляют церковными мерами действия, которые, когда о них стало известно в метрополии, были незамедлительно осуждены церковью. Я не буду стесняться осуждать этих людей и эти меры. Но с немалым удовольствием я записываю в начале этой истории благородные качества самоотверженных христианских героев, которые, проповедуя свою веру дикарям, старались как могли обуздать алчность и жестокость сопровождавших их испанских авантюристов.

ЗАКОНЫ В ОТНОШЕНИИ АБОРИГЕНОВ.

После первых вторжений в различных районах агрессивная война против коренных жителей, даже против упорных языческих народов, была запрещена. В ходе последующего расширения владений само слово «завоевание» было запрещено к употреблению, даже если это было завоевание, достигнутое в результате боевых действий, и его заменили более мягким термином «умиротворение» ().^{IV-41} Аналогичным образом, после первых крупных земельных грабежей, наряду с мелкими захватами, на практике действовало правило, согласно которому каждой коренной общине должно было быть оставлено достаточно древней территории, чтобы она могла комфортно проживать в постоянном месте жительства. От индейцев требовалось лишь отказаться от своих древних бесчеловечных обычаев, принять внешнюю форму цивилизации и как можно быстрее приспособиться к христианским обычаям, платить небольшой налог натурой, номинально за защиту и обучение. Сделав это, они должны были остаться свободными и счастливыми. Таковы были желания короны и духовенства, к которым оба неуклонно стремились, хотя и безуспешно, пока объект их заботы не превратился в прах.^{IV-51}

Солдаты, моряки, кавалеристы, бродяги, губернаторы и все их подчиненные и соратники, вся новосветская чернь от наместника до слуги хотели иного, новосветское духовенство тоже часто подмигивая в знак согласия. Несмотря на всемогущество в Испании, в Америке были вещи, которые монархи и их исповедники не могли сделать. Они не могли контролировать дурные страсти своих подданных, когда те находились вне досягаемости веревки и темницы. Политики и прелаты вряд ли признали бы, что эти злые наклонности были порождением дома, имея для их оправдания бесчисленные примеры из церкви и государства, но на самом деле это правдоподобное оправдание совершенных эксцессов. Дело в том, что на каждое преступление, совершенное подданным в далеких Индиях, приходилось десять преступлений, в десять раз более злых, совершенных монархами в Испании; поэтому неудивительно, что испанцы решили здесь совершать небольшие грехи для собственного удовольствия, даже несмотря на то, что их наставники выступали против зла, которым они сами не могли наслаждаться из-за своего отсутствия.

Хотя монархи протестовали искренне, честно и на протяжении веков, их подданные поступали по-своему и исполняли свою волю в отношении туземцев. Если бы я рассказал хотя бы десятую часть злодеяний, совершенных христианской цивилизацией в отношении туземцев Америки, я не смог бы рассказать ничего другого. Список европейских преступлений, испанских, английских, французских, столь же длинный, сколь и

отвратительный. Поэтому, когда я вынужден затрагивать эту крайне неприятную тему, я буду максимально краток.

ПОДЛЫЕ ПОСТУПКИ ОВАНДО.

Оставив в стороне преступления Колумба и Бобадиля, грехи которых, для биографического эффекта, обычно возлагаются на последнего, давайте посмотрим на поведение Овандо, который, как и другие испанские провинциальные правители того времени, был средним человеком. Он правил с энергией и, как будто для того, чтобы компенсировать свое строгое отношение к провинившимся испанцам, обращался с невинными индейцами вероломно и безжалостно жестоко.

До него дошли слухи, что Анакаона, королева Джарагуа, замышляет восстание, и он отправился туда во главе двухсот пехотинцев и семидесяти всадников. Королева вышла ему навстречу и сопровождала его с музыкой и танцами в большой банкетный зал, где он пробыл несколько дней. Но злобные языки по-прежнему убеждали его, что его хозяйка замышляет предательство, и он решил опередить ее. В воскресенье днем, во время рыцарского турнира, Овандо дал сигнал. Он поднял руку и коснулся своего креста Алькантара — знака чести, который, будь он настоящим, должен был бы иссушить руку, коснувшуюся его с такой целью. В тот же миг Анакаона и ее вожди были схвачены и подвергнуты показательному суду, после чего королева была повешена, вожди подвергнуты пыткам и сожжены, а жители провинции — мужчины, женщины и дети — безжалостно и без разбора убиты. Те, кто избежал массового убийства, были впоследствии обращены в рабство. По своему уму, грации и красоте Анакаона была Изабеллой Индийской, и не было никаких веских доказательств того, что она замышляла малейший вред испанцам.

Коренные жители Саоны и Игея, мстя за смерть вождя, разорванного на куски испанской гончей, подняли оружие и убили восемь испанцев, составлявших экипаж лодки. Хуан де Эскивель с четырьмя сотнями человек был послан против них, и последовала обычная беспорядочная казнь через повешение и сожжение. Утверждается, что более шестисот человек были убиты за один раз в одном доме. Был завоеван мир, построена крепость; новые злодеяния вызвали новое восстание; и Лас Касас признался, что не в силах описать ужасы последовавшего за этим истребления. Возникла страсть к калечению и продлению агонии с помощью новых изобретений, усовершенствовавших жестокость. Ирония христианства достигла своего апогея, когда тринадцать человек были повешены рядом в честь Христа и его апостолов. Котубано, последний из пяти коренных королей Эспаньолы, был отправлен в Санто-Доминго и повешен по приказу Овандо. В Игее были затем образованы два поселения, Сальвалеон и Санта-Крус. Чтобы занять места убитых на Эспаньоле индейцев на испанской службе, сорок тысяч туземцев с островов Лукайя были заманены туда под предлогом, что они являются умершими предками индейцев, пришедшими с небес, чтобы забрать с собой своих любимых. Эспаньола действительно была для них кратчайшим путем в рай, хотя и не таким, как они были вынуждены полагать. Когда весть о деяниях Овандо дошла до Испании, в частности о его обращении с Анакаоной, королева Изабелла лежала на смертном одре, но, поднявшись, насколько это было ей по силам, она воскликнула президенту совета: «Я заставлю вас принять от него такую резиденцию, какой еще никогда не принимали».

ВОПРОС ТРУДА.

Как мы уже видели, и испанцы, и индейцы не любили трудиться. Для обоих это было унижительно, а для последних — смертельно опасно. И все же необходимо было разрабатывать рудники, возделывать земли и разводить скот. Иначе какая польза была от Нового Света?

Колонисты протестовали, а корона не знала, что делать. Неудивительно, что в этой дилемме королева, казалось, уклонялась от прямого ответа; но когда в декабре 1503 года она разрешила Овандо применять силу, чтобы заставить туземцев осознать свой долг, хотя им и должны были платить справедливую заработную плату и заставлять работать «как свободных людей, потому что таковыми они и являются», она совершила роковую ошибку. Малейшая свобода действий обязательно была бы использована не по назначению. По королевскому разрешению 1501 года в Индию время от времени привозили нескольких негров-рабов. Лас Касас настаивал на расширении этой торговли, чтобы спасти индейцев. Овандо жаловался, что негры бежали и прятались среди туземцев, на которых они оказывали пагубное влияние; тем не менее, в сентябре 1505 года король отправил еще около ста африканских рабов для работы в шахтах. С 1517 года, когда Карл V разрешил ввоз рабов из португальских колоний на побережье Гвинеи, торговля увеличилась и, в частности, под властью англичан приобрела огромные масштабы. Это несчастное смешение рас привело к восстанию негров на Эспаньоле в 1522 году.

Теперь мы подошли к некоторым результатам политики умиротворения Испании — всегда плохой, когда предмет находится вне досягаемости правящей руки — в отношении индейцев. Из желания избежать ненависти к индейскому рабству, но при этом обеспечить себе выгоды от него, возникла система крепостного права, воплощавшая все худшие черты абсолютного рабства, без каких-либо смягчающих обстоятельств.

РЕПАРТИМИЕНТОС И ЭНКОМИЕНДАС.

Следует помнить, что во время своего второго плавания Колумб вел войну с коренными жителями Эспаньолы, а после того, как отправил некоторых из них в Испанию в качестве рабов, наложил на остальных дань: на одних — в виде колокольчика из золота, а на других — в виде *арробы* ^{[IV-61](#)} хлопка каждые три месяца. Этот налог был настолько тяжелым, что многие не могли его платить, и в 1496 году вместо дани было принято служение. Это было началом в Новом Свете *repartimiento*, ^{[IV-71](#)} или, как вскоре после этого стало *encomienda*, системы, при которой коренные жители завоеванной страны делились между завоевателями, передавались на их попечение и становились их данниками.

УПРАВЛЕНИЕ ИНДИЙСКИМИ ОСТРОВАМИ.

Теория заключалась в том, что индейцы были вассалами Испании и не должны были подвергаться большему угнетению, чем другие испанские подданные. Правители, желая стимулировать открытия, умиротворение и заселение, были готовы отказаться от своего права на дань, причитающуюся короне, в пользу предприимчивых и заслуженных лиц, которые взяли на себя тяготы, связанные с жизнью в новой стране. Сначала в отдельных случаях, а затем в более широком масштабе, они установили эту дань для достойных лиц из числа завоевателей и колонистов и их потомков, при условии, что те, кто таким образом напрямую получал часть королевских доходов, должны были выполнять роль монархов по отношению к людям, временно находящимся под их опекой. Они должны были быть как суверенные господа и отцы, а не как безжалостные или несправедливые надсмотрщики. Они должны были учить своих подопечных искусствам цивилизации, наставлять их в христианском учении, следить за ними, направлять и охранять их, никогда не ограничивать их в использовании их свобод, не налагать на них бремя и никоим образом не причинять им вреда и не допускать, чтобы им был причинен вред. И за эту защиту они не должны были требовать и получать больше, чем законную дань, установленную королевскими чиновниками, и всегда такую, которую коренные жители могли платить без страданий и неудобств. Как эта система работала на практике, мы сможем судить по мере продвижения в этой истории. Достаточно сказать, что

колонисты мало обращали внимания на часть своего соглашения, касающуюся отцовской защиты, но уклонялись от закона многими способами и давили бедных дикарей своей железной рукой, в то время как корона, отдавая приказы и угрожая, искренне, но тщетно пыталась выполнить добросовестно и гуманно то, что они считали священным долгом.

СИСТЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ.

Сначала монархи санкционировали repartimientos земель. Это было в 1497 году, и тогда ничего не говорилось о коренных жителях. Но после раздела земли оставалось сделать лишь один шаг до раздела жителей. С отправкой шестисот рабов в 1498 году и предложением их величествам столько же, сколько они смогут найти покупателей, Колумб написал письмо с просьбой разрешить использовать услуги туземцев до тех пор, пока не начнется поселение, то есть в течение года или двух; но, не дожидаясь ответа, он сразу же приступил к этой практике, которая внесла новую черту в repartimientos. Тогда всем, кто решил взять их (), Ролдану и его последователям, худшим личностям на острове, среди которых были бывшие заключенные испанских тюрем, самые презренные из людей, было дано абсолютное господство над этими беспомощными и невинными существами. Не заплатив за них ничего, не имея в них никакой материальной заинтересованности, они не заботились о том, питаются они или голодают, живут или умирают, потому что, если они умирали, на смену им приходили другие на прежних условиях.

При Бобадилье эта позорная практика приобрела еще более дерзкие масштабы. Колумб распределил определенные земли между определенными туземцами, чтобы те трудились на благо испанцев, но они работали под началом своего касике. Туземцы были вынуждены испанцами работать в шахтах, но только по специальной ежемесячной лицензии. Бобадилья не только разрешил вымогать у туземцев труд в шахтах и на фермах, но и отменил все ограничения, и из тех, кто работал на своей земле, они превратились в простых рабочих, которых можно было гнать куда угодно. Перед отплытием в Новый Свет Овандо получил от монархов поручение проявлять крайнюю умеренность при взимании дани и распределении репартиментов. Те, кто прибыл с ним, не только не занимались добычей полезных ископаемых, но и пренебрегали посевом, как и коренные жители, полагая, что таким образом они быстрее избавятся от захватчиков. В результате и белые, и красные оказались на грани голода, порождавшего новые болезни. Затем индейцы были систематически распределены между испанцами: одному по пятьдесят, другому по сто, и repartimiento превратилось в encomienda. Колумб и Бобадилья каждый по отдельности пытались укоренить индейское рабство в Новом Свете, но легализация Овандо того, что было незаконно сделано ими, стала самым тяжелым ударом в этом направлении. «Тебе дается энкомьенда индейцев с их вождем, и ты должен научить их нашей святой католической вере» — таким был тонкий уловка, с помощью которой был совершен этот гнусный поступок.

СЕЙФ КОРОЛЯ.

В 1508 году в Санто-Доминго в качестве генерального казначея был отправлен Мигель де Пасамонте (), чтобы заменить Бернардино де Санта-Клара (Bernardino de Santa Clara), который получил должность казначея от Овандо. Санта-Клара любил показную роскошь и не отличался честностью. Свободно распоряжаясь королевскими деньгами, он покупал поместья и устраивал пиры, на одном из которых солонки были наполнены золотой пылью. Эта глупость дошла до ушей короля, и Гиль Гонсалес Давила, о котором мы узнаем больше в ближайшее время, был отправлен для расследования этого дела и обнаружил, что Санта-Клара не выполнил своих обязательств на сумму восемьдесят тысяч песо де оро. Его имущество было конфисковано и выставлено на аукцион. Овандо, у которого Санта-Клара был в фаворе, присутствовал на аукционе и,

подняв ананас, предложил его самому щедрому покупателю. Эта шутка была настолько забавной, что поместье было продано за девяносто шесть тысяч песо де oro, что более чем в два раза превышало его стоимость. После этого был принят план установить три замка на сейфе правительства, ключи от которых хранили три главных чиновника казначейства. [\[4-8\]](#) Пасамонте был арагонцем, находившимся на непосредственной службе у Фердинанда, с которым он переписывался шифром во время своего пребывания в Индии. Король приказал выделить верному Пасамонте очень хорошее *repartimiento* индейцев. В 1511 году Гиль Гонсалес Давила был назначен контадором Эспаньолы, а Хуан де Ампуэс — фактором; каждому из них было дано по двести индейцев, и им было приказано проверить счета казначея Пасамонте. Ведь верность нужно поддерживать самым строгим надзором; такова была испанская осторожность (), будь то в управлении мужчинами или женщинами.

Удаление Овандо было отложено из-за смерти Изабеллы в 1504 году и Колумба в 1506 году. После настойчивых просьб Диего Колон, сын адмирала, в 1508 году получил разрешение обратиться в испанские суды со своим требованием, как преемник своего отца, на вице-королевство Индий. Между тем его брак с Марией де Толедо, дамой высокого происхождения и связей, помог открыть глаза закона на справедливость его требований не меньше, чем любые аргументы адвоката. Овандо был отозван, а Диего уполномочен занять его место.

Новый губернатор в сопровождении своей жены, брата Фернандо, дядей Бартоломе и Диего, а также блестящей свиты, состоящей из высокопоставленных лиц и красавиц, высадился в Санто-Доминго в июле 1509 года. Хотя Фердинанд не присвоил ему титул вице-короля, Диего, очевидно, считал свое назначение ничем иным, как вице-королевством, хотя два губернатора материка, Алонсо де Охеда и Диего де Никуэса, управлявшие провинциями к востоку и западу от Ураба, оставались независимыми от него.

СУВЕРЕННЫЙ ТРИБУНАЛ. Администрация Диего практически не отличалась от администраций его предшественников. Он не обладал ни способностями, ни благоразумием Овандо. Он намеревался быть справедливым и честным в своих решениях и исключительно добрым к туземцам; несмотря на это, он начал с того, что предоставил репартименты себе, своей жене и родственникам, а лучшее из оставшегося отдал своим фаворитам. Таким образом, такие распространенные в то время явления, как фаворитизм и жестокость, никоим образом не были смягчены. Не только индейцы не стали жить лучше, чем раньше, но, повторив ошибки своего отца в управлении людьми, слабое правительство Диего вскоре столкнулось с оппозицией во главе с могущественным Пасамонте. Серьезные обвинения против сына гемуэца так часто доходили до короля Испании (), что в 1511 году король счел необходимым учредить в Санто-Доминго суверенный трибунал (), в который можно было бы подавать апелляции на решения губернатора. Этот трибунал, который поначалу был лишь королевским судом, превосходящим по своей власти любую другую колониальную власть, стал зародышем Королевской аудиенции Санто-Доминго, которой после 1521 года управлялась большая часть Индий, островов и материка. Первоначально он состоял из трех *jueces de apelacion*, или апелляционных судей: Марсело де Вильялобос, Хуан Ортис де Матьенсо и Лукас Васкес де Айон. Эти *licenciados*, привезшие с собой инструкции из Испании, а также приказы Диего Колона о разделе земель и выделении по двести индейцев каждому, в 1511 году были готовы к управлению. Они были уполномочены рассматривать и выносить решения по апелляциям губернатора, его *tenientes* и *alcaldes mayores*, а также любых других судей, которые были или должны были быть назначены либо колониальным губернатором, либо короной, причем апелляция на их решения могла быть подана только в

невыносимыми, и в 1523 году Диего был лишен власти Советом Индий, а суверенный трибунал в Санто-Доминго предоставил обширную информацию осуждающего характера. Диего, однако, удалось добиться назначения комиссии для более тщательного расследования дела, но это привело только к дальнейшим осложнениям; и последние дни сына, закончившиеся в 1526 году, были не более счастливыми, чем дни отца. [\[IV-12\]](#)

БАРТОЛОМЕ ДЕ ЛАС КАСАС.

Постоянно растущей фигурой, которая с течением времени все больше и больше влияла на дела Индий, был Бартоломе де лас Касас. Родившийся в Севилье в 1474 году, он изучал гуманитарные науки в Саламанке, не вызывая особого интереса у местных Гамалиелей, но получив степень бакалавра в восемнадцать лет. Прожив около восьми лет в Индии, куда он прибыл с Овандо в 1502 году, он был рукоположен в священники, с чего момента и занял свое место в истории. Он был человеком с очень ярко выраженным характером и способностями, столько же деловым, сколько и церковным, но больше филантропом, чем тем или другим; обладая горячим энтузиазмом, когда огонь его убеждений разгорался, он не давал покоя ни себе, ни своим врагам. Каждый злонамеренный человек, приезжавший сюда, был его врагом, между которым и ним шла смертельная борьба. Иногда его называли апостолом Индии, и миссия, которую он взял на себя, заключалась в том, чтобы встать между обнаженными туземцами и их закованными в сталь мучителями. В этой работе он был горячим, часто неосторожным, всегда красноречивым и правдивым, а также наглым и дерзким, как любой из кавалеров среди них. Он ни в коем случае не был недовольным человеком. Он ничего не искал для себя; у него не было ничего, что человек мог бы у него отнять, кроме жизни, которой он не придавал никакого значения, или некоторых ее удобств, которые были слишком скудны, чтобы беспокоить его. Его дело, которое было правом, придавало широту и объем его смелости, по сравнению с которой мужество легкомысленного болтуна было звучащим медью.

Когда внимание церкви впервые было серьезно привлечено к улучшению положения индейцев, что произошло в 1511 году, на Эспаньоле проживало около тринадцати доминиканцев, живших со своим викарием Педро де Кордоба в соответствии с самыми строгими правилами ордена, а также несколько францисканцев, среди которых был Антонио де Эспинал. Доминиканцы начали свой протест с проповеди, осуждающей поведение колонистов, и когда им приказали отказаться от своих слов, они повторили свои обвинения с еще большей настойчивостью. Колонисты отправили агентов в Испанию, чтобы сместить непокорных монахов, в том числе и Эспиналя, поскольку францисканцы, как в духе противостояния доминиканцам, так и в стремлении завоевать расположение мирян, проявляли склонность к системе *repartimiento*, хотя и не могли ее прилично защитить. Доминиканцы отправили Антонио Монтесино, проповедника, выступившего с неприятной проповедью, которую одобрили все присутствующие доминиканцы. Для рассмотрения этого вопроса в Испании была созвана хунта, которая объявила индейцев свободным народом, народом, который должен быть христианизирован, а не поработен; они были невинными язычниками, а не неверными врагами, как мавры, или прирожденными рабами, как негры. Фердинанд и Фонсека были искренне заинтересованы в получении такого вердикта, поскольку так сказали проповедники короля. Тем временем Монтесино встретил Эспиналя в Испании и переубедил его на сторону гуманности. Но все равно « » и «*repartimientos*» продолжались, поскольку они были отцовской защитой только в теории, и колонисты продолжали бичевать бедных краснокожих.

При оккупации Кубы Панфило де Нарваэс был назначен Веласкесом своим лейтенантом и отправлен покорять другие части острова. Вместе с Нарваэсом отправился Лас Касас, который приложил почти сверхчеловеческие усилия, чтобы остановить безжалостную резню беспомощных индейцев и невинных людей. Теплым другом Ласаса был алькальд Веласкеса, Педро де Рентерия, который при разделе добычи присоединился к Ласасу, приняв большой участок земли и пропорциональную долю индейцев. Это было до того, как Ласас серьезно обдумал этот вопрос, и сначала он был весьма доволен своим приобретением. Но, осознав всю тяжесть совершаемого им зла, он пережил такое же решительное обращение, как и святой Павел. Подобно доминиканцам Эспаньола, Лас Касас начал с проповеди против *repartimientos*. В 1515 году он отплыл в Испанию в компании Монтесино, оставив свою должность некоторым монахам, присланным из Эспаньола прелатом Кордобой. Эти доминиканские братья делали все, что могли, но после отъезда Ласа Касаса дикари были доведены до такого отчаяния, что, спасаясь от гончих и других бедствий, обрушенных на них испанцами, тысячи из них покончили жизнь самоубийством. Когда Диего Колон прибыл в 1509 году, на Эспаньоле оставалось сорок тысяч туземцев. Для распределения индейцев был назначен *репартидор* в лице Родриго де Альбуркерке, но когда он прибыл в 1514 году, оставалось разделить только тринадцать тысяч. После того, как Альбуркерке с большой помпой провозгласил себя, он прямо дал понять, что взяточничество в порядке вещей, что тот, кто заплатит больше всего денег, получит лучшее *repartimiento*. Впоследствии лицензиат Ибарра, посланный на Эспаньолу, чтобы занять резиденцию алькальда Агилара, был уполномочен провести новое распределение. Большое количество туземцев было отдано фаворитам короля в Испании, и зло быстро разрасталось. Дела на Эспаньоле не улучшились и от того, что туда так часто посылали новых чиновников с новыми и противоречивыми полномочиями.

ОТЦЫ-ХЕРОНИМИТЫ.

Какие бы надежды ни возлагали монахи на благожелательный прием Фердинанда, смерть прервала предполагаемое облегчение. Фонсека, теперь епископ Бургоса, с грубой непристойностью отклонил этот вопрос; но когда Лас Касас обратился к регенту, кардиналу Хименесу, проявился серьезный и активный интерес. Лас Касас, Монтесино и Паласиос Рубиос получили указание представить план управления Индиями, в результате чего туда были отправлены три отца-геронимита, Луис де Фигероа, Алонсо де Санто Доминго и Бернардино Мансанедо, монахи ордена Святого Иеронима, выбранные потому, что они были свободны от осложнений, в которые уже оказались вовлечены монахи орденов Святого Франциска и Святого Доминика в Новом Свете. Иеронимитам было приказано посетить несколько островов, ознакомиться с положением индейцев и принять меры по созданию поселений для коренного населения. Эти поселения или общины должны были управляться каждым из них вождем вместе с священнослужителем; на каждые два или три поселения должен был назначаться гражданский чиновник, называемый администратором, обладающий высшей властью в поселениях. Касик, после получения согласия священнослужителя, не должен был налагать на своих подданных наказания, более суровые, чем порка; никто не должен был подвергаться смертной казни, за исключением случаев, предусмотренных законом. Затем были рассмотрены вопросы образования, труда, дани, добычи полезных ископаемых и земледелия, причем во всех этих вопросах тщательно учитывалось благосостояние коренных жителей, хотя система *repartimiento* осталась в силе. Лас Касас был назначен защитником индейцев с зарплатой в сто песо де оро. Суасо, известный юрист, был отправлен с самыми широкими полномочиями, чтобы взять на себя резиденцию всех судей в Новом Свете, и против его решений не было никакой апелляции.

Иеронимиты отправились в путь, полные решимости. Они даже не хотели плыть на одном корабле с Лас Касасом, желая быть полностью свободными. В этом они были правы, но, к сожалению, прибыв среди ссорящихся колонистов и столкнувшись с реальными проблемами, они обнаружили, что отнюдь не непогрешимы. Их меры были слабыми, и вскоре они обнаружили, что Защитник выступил против них. В результате они открыто выступили в защиту системы *repartimiento* как единственной, с помощью которой Испания могла колонизировать Индию. Бремя должно было быть как можно легче для коренного населения, но его нужно было заставить работать. В 1517 году Лас Касас отправился в суд, чтобы подать жалобу, а за ним последовал посланник иеронимитов, чтобы представить их точку зрения; но когда они прибыли в Испанию, регент был при смерти. Если бы Карл V остался во Фландрии, а жизнь кардинала Хименеса была бы сохранена для Испании и Нового Света еще на несколько лет, то, несомненно, многие жестокие действия по отношению к индейцам были бы предотвращены, и сомнительно, что рабство негров было бы когда-либо введено в Америке.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРАВИЛА И ПРАВИТЕЛИ.

Хотя смена правителей, которая произошла в то время, серьезно затруднила работу правительства Испании, дела в Индии, казалось, практически не пострадали от этого. Это было действительно большое изменение: Изабелла и Фердинанд ушли, Колумб и Хименес тоже; и присутствие этого молодого Карла, сдержанного, вдумчивого, осторожного даже в детском возрасте и окруженного фламандской атмосферой, которая закрывала все самое прекрасное в Испании, даже живой язык Кастилии, делало его странным даже для испанцев, создавало ощущение, что прошло очень много времени с тех пор, как были побеждены мавры и открыта Америка. Однако Индия была далеко и так мало понятна фламандцам, что они не особо о ней беспокоились.

Лас Касас имел счастье завоевать расположение фламандского канцлера Сельвагиуса, но, как и в двух предыдущих случаях, едва установились дружеские отношения, как великий человек умер, и епископ Бургоса, чье влияние в правительстве Индий в последнее время сильно ослабло, вновь поднялся на вершину власти. Все меры, которые Лас Касас предложил Сельвагиусу, были отвергнуты, за исключением одной, единственной плохой, о которой Лас Касас впоследствии заявил, что отдал бы все, что имел на земле, чтобы отменить ее; это было введение негров-рабов для помощи индейцам.

Если отцы-иеронимиты и не совершили ничего великого в Индии, то, по крайней мере, они не причинили большого вреда. Оспа сопровождала скопление туземцев в поселениях, но она никогда не распространялась в той степени, в какой это представлялось. Тот факт, что Фонсека владел энкомьендой из восьмисот индейцев, командор Кончльос — из одиннадцатисот, Вега — из двухсот, а другие влиятельные люди при дворе — из других количеств, мог иметь какое-то отношение к враждебности, проявленной в этой среде по отношению к Лас-Касасу, который до конца оставался непоколебимым в своем осуждении этой системы как несправедливой, нехристианской и бесчеловечной.

КАСА-ДЕ-КОНТРАТАЦИОН.

Должность распределителя индейцев была чрезвычайно важной и затрагивала жизненные интересы колонистов. Ее должен был занимать человек высокой честности, который держался бы в стороне от пагубных влияний. Таким человеком не был Ибарра, который стал назойливо вмешиваться в дела общественного совета и вскоре после этого умер при подозрительных обстоятельствах, а Леброн был послан, чтобы занять его место. Когда иеронимиты одобрили рабство негров, чтобы облегчить жизнь индейцев,

колонисты отнеслись к этому благожелательно; когда же они приступили к реформе государственной службы, некоторые из них пришли в ярость, особенно Пасамонте, который обогащался как можно быстрее, пока жил его покровитель, но теперь погрузился в незначительность. Фавориты фламандских министров, такие как Родриго де Фигероа, которому было поручено управление индейскими поселениями, теперь получали высокооплачиваемые должности; и тот факт, что они были фаворитами фламандцев, был достаточным поводом для колонистов, чтобы выступить против них. Вскоре им удалось добиться отставки Фигероа и назначения Леброна его преемником в качестве надзирателя за индейцами. В 1518 году Хименес, который послал иеронимитов, умер, и Фонсека вновь стал управляющим, монахи были отозваны в Испанию, а дела Эспаньолы и Индий были переданы аудиенции Санто-Доминго, действовавшей совместно с *Consejo de Indias*^{IV-131} в Испании, при этом *Casa de Contratacion* более специально занималась коммерческими вопросами.

Множество планов на благо индейцев заполняли ум Ласа Касаса, который продолжал неустанно трудиться для них. Один из них, предложенный Педро де Кордоба, заключался в том, чтобы выделить на материке сто лиг в качестве убежища для дикарей, куда не могли бы входить испанцы, кроме священников. Эта мера встретила сопротивление со стороны Фонсеки, который сказал: «Король поступил бы правильно, если бы отдал сто лиг, не получив за это никакой выгоды». После этого Лас Касас провел некоторое время, путешествуя по Испании и убеждая испанцев эмигрировать в Индию, но это принесло мало пользы. В конце концов, ему удалось заручиться поддержкой королевских проповедников в защиту индейцев, и был принят план основания колонии на Жемчужном побережье. Несмотря на то, что Овьедо выступил против своего брата-летописца, предложив более высокую ренту, в мае 1520 года был подписан договор о предоставлении двухсот шестидесяти лиг. Не добившись успеха как колонист, Лас Касас на время удалился в доминиканский монастырь в Санто-Доминго. Проведя много лет в качестве миссионера и проповедника в Никарагуа, Гватемале, Мексике и Перу, он был назначен епископом Чьяпаса, где в ходе этой истории мы снова с ним встретимся.

РАЗНООБРАЗНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

Здесь можно упомянуть о некотором внимании, которое теперь уделялось Индиям. Всегда бдительное правительство уделяло некоторое внимание благосостоянию общества в этих отдаленных краях. В 1523 году король запретил ношение богатых одежд на Эспаньоле. Названия некоторых островов претерпевали изменения, так что со временем их аборигенные названия были восстановлены для Кубы и Ямайки, чем власти продемонстрировали хороший вкус, которым правители и исследователи других стран могли бы воспользоваться в более поздний период. В 1515 году Овьедо привез в Испанию шесть хлебов сахара и двадцать *касси* *фистулы*. В 1517 году папа назначил епископов в Индиях инквизиторами, а когда в 1521-1522 годах буллы Льва X и Адриана VI предписали францисканцам подготовиться к миссионерской работе в Новом Свете, монахам, отправлявшимся туда, были предоставлены либеральные льготы. После смерти Педро де Кордоба, который был назначен инквизитором Индий, власть перешла к аудиенции Санто-Доминго. Желая стимулировать эмиграцию, император в 1522 году предоставил дополнительные привилегии поселенцам в Индиях. Колонистам было приказано взять свои семьи в Новый Свет под угрозой сурового наказания за невыполнение этого требования. Были пересмотрены лицензии, и правила, касающиеся отправки в Новый Свет религиозных орденов, а также всех других, были сделаны максимально благоприятными, но монахи, обнаруженные в Новом Свете без лицензии, должны были быть немедленно отправлены в Испанию. Затем были приняты законы,

пытавшиеся регулировать методы ведения войны с индейцами; а в 1523 году было издано постановление о уничтожении идолов и предотвращении каннибализма. Было предусмотрено ежегодное выплачивание тридцати тысяч мараведи для содержания учителя грамматики. А из-за высокой стоимости жизни император разрешил повысить жалованье чиновникам Нового Света. Трибуналы были также реорганизованы, чтобы соответствовать чрезвычайной ситуации и облегчить ведение дел. Были изданы инструкции о том, как следует изготавливать золотые цепи и вырубать красящие деревья. В 1526 году император счел необходимым издать приказы, облегчающие арест нечестных торговых агентов в Индии, и послать Падре де Бобадилью, провинциала ордена Ла Мерсед, чтобы он проследил за крещением индейцев. Что касается вопроса о неграх, который с самого начала вызывал недовольство, то в 1523 году император на время отменил разрешение, данное в 1511 году, на отправку негров в качестве рабов в Индию; а в 1526 году было вновь приказано, чтобы индейские рабы, находившиеся в то время в Испании, были возвращены в свою страну и обращались с ними как с вассалами. [\[V-14\]](#)

ГЛАВА VI.

ПРАВИТЕЛЬСТВА НЬЮЭВА-АНДАЛУСИЯ И КАСТИЛЬЯ-ДЕЛЬ-ОРО.

1506-1510 гг.

ТЬЕРРА-ФИРМЕ ОТКРЫТА ДЛЯ КОЛОНИЗАЦИИ — СОПЕРНИЧЕСТВО — АЛОНСО ДЕ ОХЕДА НАЗНАЧЕН ГУБЕРНАТОРОМ НОВОЙ АНДАЛУСИИ, А ДИЕГО ДЕ НИКУЭСА — КАСТИЛИИ-ДЕЛЬ-ОРО — ВРАЖДЕБНОЕ ОТНОШЕНИЕ СОПЕРНИКОВ В САНТО-ДОМИНГО — ОХЕДА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В КАРТАХЕНУ — СТРОИТ КРЕПОСТЬ САН-СЕБАСТЬЯН — НЕУДАЧА И СМЕРТЬ — НИКУЭСА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ВЕРАГУА — РАССТАЕТСЯ СО СВОИМ ФЛОТОМ — ЕГО КОРАБЛЬ ТЕРПИТ КРУШЕНИЕ — ПРОХОДИТ ВЕРАГУА — ОКАЗЫВАЕТСЯ В ЗАТОЧЕНИИ С ГОЛОДАЮЩЕЙ КОМАНДОЙ НА ОСТРОВЕ — ПОМОЩЬ — НЕУДАЧА В ВЕРАГУА — ПОПЫТКИ ОСНОВАТЬ ПОСЕЛЕНИЕ В НОМБРЕ-ДЕ-ДЬОС — ПОТЕРЯ КОРАБЛЯ, ОТПРАВЛЕННОГО НА ЭСПАÑОЛУ ЗА ПОДКРЕПЛЕНИЕМ — УЖАСНЫЕ СТРАДАНИЯ — БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ЛАСА КАСАСА, ОВЬЕДО, ПЕТРА МАРТИРА, ГОМАРЫ И ЭРРЕРЫ — ХАРАКТЕР РАННИХ ЛЕТОПИСЦЕВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВДИВОСТИ.

Путешествия Бастидаса и Колумба завершили открытие непрерывной береговой линии от залива Пария до мыса Гондурас. В 1506 году Хуан Диас де Солис, уроженец Лебрихи, и Висенте Яньес Пинсон продолжили открытие на острове Гуанаха, где впервые высадился адмирал, и, двигаясь в противоположном направлении, проплыли вдоль побережья Гондураса на запад, исследовали залив Гондурас и открыли залив Аматики, но проплыли мимо, не заметив залив Гольфо-Дульсе, который скрыт от моря. Целью по-прежнему было найти столь желанный водный путь на запад. Продолжая движение на север вдоль Юкатана и обнаружив, что побережье тянется скорее на восток, чем на запад, они отказались от своего предприятия и вернулись в Испанию. Тем временем Хуан Понсе де Леон обогащался, умиротворяя Пуэрто-Рико (), готовясь к вторжению на материк к северу в поисках источника молодости; в этой мудрой попытке он потерял свои деньги, а вскоре и жизнь, так и не найдя, к сожалению, жидкость бессмертия, которая бурлила где-то в джунглях Флориды.

И вот прошло десять лет с тех пор, как Кабот и Колумб впервые увидели западный континент, первый в 1497 году, второй в 1498 году, и хотя было предпринято несколько попыток, до сих пор ни на одной его части не было европейских поселений. Дело не в том, что жажда западных трофеев каким-то образом угасла, но Фердинанд был занят, а опыт Охеды и Колумба на материке не вселял оптимизма даже в самых рыцарских алчных. Однако, вернувшись в 1507 году из неаполитанских войн, успокоив недовольных дворян и уладив споры, связанные с преемственностью Изабеллы, король начал оглядываться по сторонам. По завещанию королевы он унаследовал половину доходов кастильских колоний. А король хотел денег. Это королевская слабость. Тогда он вспомнил о том, что Колумб рассказывал о богатом побережье Верагуа; и хотя лицензии, выданные до сих пор для частных плаваний, не приносили больших доходов, а расходы в Санто-Доминго были слишком близки к поступлениям, чтобы быть удовлетворительными, не было лучшего способа, чем открыть для колонизации материк, или *tierra firme*, как теперь начали называть открытую часть континента. [\[VI-1\]](#) Кроме того, Фердинанд хорошо понимал, что, если он хочет сохранить свои западные владения, он должен их занять, поскольку,

вдохновленные успехом Португалии и Испании, Франция, Англия, Голландия и Швеция пробудились к океаническим предприятиям. Ранее он поручил Охеде следить за вторжениями англичан на севере, а Пинсону — за португальцами и границей папы римского на юге; теперь он был полон решимости разделить территорию на королевства и провинции и распределить их между своими подданными, которые были способны и готовы колонизировать их за свой счет.

ОХЕДА И НИКУЭСА.

Когда стало известно о намерении короля, появились два блестящих кавалериста и попросили управление богатым побережьем Tierra Firme. Один из них был Диего де Никуэса, уроженец Баэсы, благородного происхождения и опытный придворный, воспитанный Энрике Энрикесом, главным управляющим и дядей короля. Он впервые прибыл в Индию с Овандо. Другим был Алонсо де Охеда, находившийся в то время в Санто-Доминго и уже известный в анналах Нового Света, впервые появившийся там с Колумбом во время его второго плавания и уже совершивший два замечательных плавания в Парию, или Жемчужное побережье, одно в 1499 году с Хуаном де ла Коса и Америго Веспуччи, а другое в 1502 году с Гарсией де Окампо и Хуаном де Вергара. Последнее путешествие было совершено на четырех кораблях с целью колонизации, но вместо этого возникли споры, и пламенный командир был схвачен и в кандалах доставлен на Эспаньолу. Там он был судим () и вынесен приговор, который, однако, был отменен по апелляции в Совет Индий, но он вышел из своих трудностей лишенным всего своего имущества.

Кандидаты были очень похожи друг на друга, каждый из них был типичным испанским кавалером. Оба были небольшого роста, но тем не менее были доблестными людьми. Симметричные по фигуре, мускулистые, активные и искусные в обращении с оружием, они любили турниры, конные состязания и все те развлечения, которые были характерны для испанского рыцарства в конце магометанских войн. Школа, в которой Охеда приобрел опыт, будучи пажом герцога Медина Сели, который участвовал в мавританских войнах во главе блестящей свиты, ни в чем не уступала школе его соперника. Их достижения были разнообразны, хотя и не были связаны с колонизацией новых стран. Никуэса был не только прекрасным музыкантом, хорошо играл на гитаре и имел некоторые познания в балладной литературе, но и мог заставить свою лошадь танцевать в такт музыкальному инструменту. Что же касается Охеды, то, по его собственному мнению, было мало чего, чего он не мог бы сделать. Чем больше в подвиге было безрассудства и глупости, тем лучше он мог его выполнить. Однажды в Севилье, когда Изабелла находилась в башне собора, из которой выходила балка на такой высоте, что с нее люди на земле выглядели как пигмеи, чтобы показать королеве, из какого он теста, он взобрался на эту балку, уравновесил себя, затем легко, как канатоходец, дошел до ее конца, сделал колесо, поднял одну ногу и удержал равновесие на другой на этой страшно головокружительной высоте, где почти одно дыхание могло сбросить его в пропасть; затем, вернувшись, он остановился у стены, прислонил к ней одну ногу и бросил апельсин на вершину башни.

При таком выдающемся таланте с обеих сторон было трудно определиться между ними. Кто так подходил для борьбы с миазмами, ядовитыми рептилиями и дикими зверями, одновременно приспособлявая учреждения Испании к дикой природе Америки, как изящный и остроумный Никуэса! Каким великолепным миссионером был бы Охеда! Оба были такими умеренными, мудрыми, мягкими и справедливыми! Никуэса имел деньги, необходимые тому, кто собирался колонизировать за свой счет. Но Охеда имел влияние: Фонсека был его другом, а инквизитор — его двоюродным братом. Однако у Никуэсы тоже были сторонники при дворе; деньги были весомым аргументом. Когда, наконец, опытный пилот Хуан де ла Коса поддержал Охеду, которому он был преданно привязан, своим опытом

и заработком и предложил свои услуги в этом приключении, король решил отпустить их обоих; и тогда он разделил между ними Tierra Firme, сделав залив Ураба [\[VI-2\]](#) разделительной точкой. Восточная, или южноамериканская, часть была названа Новая Андалусия (Nueva Andalucía), и Алонсо де Охеда был назначен ее губернатором (); западная часть, простирающаяся от залива Ураба, или Дариен, до мыса Грасиас-а-Дьос, была названа королем Кастилия-дель-Оро (Castilla del Oro), [\[VI-3\]](#) или Золотая Кастилия, и командование ею было поручено Диего де Никуэса (). Остров Ямайка, откуда они рассчитывали получать припасы, должен был находиться в общем владении двух губернаторов. Если бы не было гораздо приятнее торговаться с новыми соперниками, у которых есть деньги, чем вознаграждать старых слуг, у которых их нет, то чувство приличия могло бы подтолкнуть монарха отдать Кастилью-дель-Оро аделантадо Бартоломе Колону, который помогал в открытии и попытке колонизации страны и который мало что мог показать за свои многочисленные и ценные услуги Испании. Но Диего Колон был твердо решил, что они не должны получить Ямайку, и поэтому послал туда Хуана де Эскивеля, как мы уже видели, чтобы тот удерживал ее для губернатора Санто-Доминго.

РАЗДЕЛЕНИЕ МАЙНЛЕНДА.

Губернаторы материка назначались на четыре года, в течение которых поставки были освобождены от пошлин. Их снаряжение, включая четыреста поселенцев и двести шахтеров, можно было получить в Санто-Доминго. Им было предоставлено исключительное право в течение десяти лет работать на всех открытых ими рудниках, выплачивая в королевскую казну в первый год одну десятую доходов, во второй год одну девятую (), в третий год одну восьмую, в четвертый год одну седьмую, в пятый год одну шестую, а в оставшиеся пять лет одну пятую. Кроме того, король поставил условие, что каждый губернатор должен построить два форта для защиты колонистов, которым должны были принадлежать земли в окрестностях.

Так случилось, что отважные маленькие губернаторы встретились в Санто-Доминго, когда делали последние приготовления. Наполненные новым достоинством, активные и энергичные, каждый из них стремился набрать как можно больше рекрутов, и вскоре между ними произошло столкновение. Сначала они поссорились из-за Ямайки; в дополнение к этому Охеда торжественно поклялся, что если он встретит там Хуана де Эскивеля, то тот поплатится головой. Затем предметом спора стала линия раздела, поскольку оба претендовали на индейскую провинцию Дариен. [\[VI-4\]](#) География побережья в то время была малоизвестна; их владения на юге были безграничны и, насколько они знали, превосходили по площади Испанию. Хотя оба командира были небольшого роста, в душе они были велики и требовали много места. Разрыв, образовавшийся таким образом, несколько не уменьшился благодаря превосходству Никуэсы, который, обладая более глубоким кошельком и правительством, славившимся своим богатством, оттягивал новобранцев от своего менее удачливого соперника. Пять больших каравелл и две бригантины под флагом Кастилии-дель-Оро стояли в гавани. Все они были хорошо оснащены и щедро снабжены провизией; Никуэса уже собрал почти восемьсот человек и шесть лошадей, в то время как Охеда в лучшем случае мог собрать только триста человек на двух небольших кораблях и двух бригантинах. [\[VI-5\]](#)

СОПЕРНИЧАЮЩИЕ ГУБЕРНАТОРЫ.

Раздраженный каждым своим шагом в маленьком городке, Охеда, который был лучшим фехтовальщиком, чем логиком, в конце концов предложил решить все споры в единоборстве. «Согласен», — ответил Никуэса, который был столь же храбрым, но менее вспыльчивым, — «но за что мы будем сражаться?»

Дайте мне пять тысяч кастильяно, и я ваш человек». В конце концов старый Хуан де ла Коса вмешался, чтобы предотвратить кровопролитие; река Дариен, или Аtrato, была сделана разделительной линией, и были приняты меры, чтобы ускорить отправление, пока горячий Охеда не вспыхнул снова.

Но Охеда не остался без своих маленьких триумфов. В то время в столице Индий проживал юрист, известный как Бахильер [\[VI-6\]](#) Мартин Фернандес де Энсисо, который за много лет успешной практики накопил около двух тысяч кастильяно. Соблазнившись предложением стать алькальдом-майором [\[VI-7\]](#) нового правительства, он поддался на уговоры импульсивного Охеды и вложил все свое состояние в это предприятие. Было решено, что бахильер останется в Санто-Доминго на некоторое время после отправления Охеды, чтобы набрать новых рекрутов и оснастить еще один корабль, а затем последует за губернатором в Новую Андалусию.

В группе Охеды был Франсиско Писарро; а между тем, беспокойно переходя от одной разнородной группы к другой, с завистью наблюдая за приготовлениями, в которых обстоятельства не позволяли им участвовать, были и другие доминирующие личности, ожидавшие своего часа, в частности, Васко Нуньес де Бальбоа, связанный долгами с неприятным сельским хозяйством, и Эрнан Кортес, которому, к счастью, болезнь запретила отправляться в плавание.

Охеда отплыл первым, 10 ноября 1509 года. Никуэса хотел отплыть в то же время, но ему помешали кредиторы, поскольку его успех в привлечении последователей сопровождался таким значительным истощением кошелька, что он лишился не только денег, но и кредита.

Благоприятные ветры быстро донесли Охеду до Картахены, где он высадился и громким и хвастливым тоном провозгласил свое манифесто. [\[VI-8\]](#) Ответом ему был град отравленных дротиков — знак неуважения со стороны его новых подданных, который привел губернатора в ярость. Взмолвившись Деве Марии, Охеда схватил копье и, возглавив своих последователей, бросился на туземцев, рассеял их по лесу и опрометчиво преследовал. Это были не изнеженные островитяне; женщины сражались бок о бок с мужчинами, которые не уступали жителям Верагуа, а кроме того, имели преимущество в виде отравленных наконечников стрел, что в сочетании с укрытием, которое иногда предоставлял лес, делало их более чем равными противниками испанцам. [\[VI-9\]](#) Этот Охеда должен был всему научиться и дорого заплатить за эти знания. Из семидесяти его лучших и самых храбрых, которые последовали за ним на четыре лиги вглубь суши, вернулся только один. Даже его верный и опытный друг Хуан де ла Коса, после тщетных попыток отговорить своего своенравного коллегу от его замысла, встал рядом с ним и погиб там. Охеда сражался как тигр, пока его люди не были рассеяны и убиты, а он остался раненым и одиноким в болотистой чаще, где через несколько дней новая группа с кораблей нашла его полумертвым. Когда его согрели и вернули в гавань, он увидел, как в нее входит флот Никуэсы, и спрятался, боясь встретиться со своим соперником в таком положении. Узнав об этом от людей Охеды, в дополнение к их мрачному рассказу, Никуэса разгневался на несправедливое подозрение. «Скажите вашему командиру, — воскликнул он, — что Диего де Никуэса — христианский рыцарь, который не ведет войну с поверженным врагом; что не только прошлые вражды будут похоронены, но он обещает никогда не покидать это место, пока не будет отомщена смерть Хуана де ла Коса и его товарищей». Он сдержал свое слово. Высадив четыреста человек, он напал на индейскую деревню, перебил мужчин, женщин и детей и захватил большую добычу.

После того как Никуэса отправился в путь, Охеда отплыл от этого злополучного берега на своих кораблях и привел их в залив Ураба, где на его восточной стороне, недалеко от входа, построил крепость, ставшую началом его столицы, и назвал ее [Сан-Себастьян- \[VI-10\]](#) в честь святого, погибшего от стрелы, чью защиту он просил от ядовитых стрел своих подданных. Из Сан-Себастьяна Охеда отправил в Санто-Доминго одно из своих судов с золотом и пленными, которых он захватил, одновременно призывая Энсисо поспешить с отправлением и отправить припасы. Между тем характер Охеды, острый и пламенный, как дамасская сталь, не мог справиться с запутанными болотами и отравленными стрелами. Продолжая свою деспотичную политику, он не мог ничего поделаться с туземцами, поскольку продовольствие было так же труднодоступно, как и золото, а его ряды быстро редели.

Мучаясь от голода и с тревогой ожидая прибытия Энсисо и возвращения своих кораблей, колонисты однажды заметили странный парус. Достигнув Сан-Себастьяна, они обнаружили, что это было генуэзское судно, которое, загружаясь беконом и хлебом из маниоки у мыса Тибурон (), было захвачено пиратами Бернардо де Талавера и бандой бродяг из Санто-Доминго, которые сбежали со своей добычей и прибыли в Нуэва-Андалусия, чтобы искать счастья под мудрым и счастливым правлением губернатора Охеды. Купить груз было делом одного мгновения, так как пираты были очень готовы продать его; и, действительно, если бы они не были готовы, губернатор заставил бы их. Яд был в его крови, которая теперь была горячее от лихорадки, и он не был настроен на церемонии. Но облегчение, полученное таким образом, было лишь временным. С каждым днем запасы продовольствия уменьшались. Число колонистов сократилось с трехсот до шестидесяти. А с физическими недугами, как обычно, пришли душевные страдания, ссоры, разорение и отчаяние. Где теперь был доблестный Охеда? Униженный до праха, как перед дикарями, так и перед испанцами.

СМЕРТЬ ОХЕДЫ. Однако он не хотел сдаваться судьбе, не предприняв еще одной попытки, несмотря на то, что был изможден и ослаблен. Передав командование крепостью Пихано, Охеда сел на пиратский корабль и отплыл в Санто-Доминго. Но его покровительница, дева, действительно покинула его. Корабль потерпел крушение у Кубы, откуда он переправился на Ямайку. Талавера и его банда, после самых необычайных усилий, также достигли Ямайки, но только для того, чтобы быть схваченными по приказу Диего Колона и повешенными. Охеда ничего не сказал Эскивелю о том, чтобы отрубить ему голову, но смиренно принял любезно предложенную помощь. Отправившись на каравелле в Эспаньолу, он обнаружил, что Энсисо уехал, а он сам стал банкротом-инвалидом. Гордость, которая редко покидает испанского кавалериста, уступила место. Оказавшись в нищете, с разбитым сердцем, он умер, прося в доказательство своего смирения похоронить его под порталом монастыря, чтобы все входящие топтали его могилу. Прощай, смелый, дерзкий, неразумный Охеда!

Давайте теперь обратимся к Никуэсе. Когда от пораженного Охеды галантный губернатор Кастилии-дель-Оро в последний раз расстался, он направился на запад к Верагуа, где он намеревался основать свою колонию. Чтобы лучше осмотреть побережье, он взял небольшую каравеллу и приказал своему лейтенанту Лопе де Олано сопровождать его на двух бригантинах, а более крупные суда держаться подальше от берега. Так они продвигались, пока не достигли индейской провинции Куэба, где обнаружили порт, в который впадал небольшой ручей под названием Пито. Там они высадились и отслужили мессу, [\[VI-11\]](#) и поэтому назвали это место Мисас.

Оставив там самые большие корабли под командованием родственника по имени Куэто, который должен был получить сообщение, когда следует следовать за ним, Никуэса продвинулся вперед к Верагуа на каравелле с шестьюдесятью людьми, а Лопе де Олано все еще сопровождал его на бригантине с тридцатью людьми. Вскоре после этого поднялась буря, и последний воспользовался этим и темнотой ночи, чтобы отделиться от него, частично из-за убеждения, что они идут не по тому курсу, частично из-за амбициозных планов. Прождав два дня впустую своего спутника, Никуэса продолжил путь на запад. В поисках Верагуа он попытался следовать карте, составленной Бартоломе Колоном, хотя его лоцманы Диего де Рибера и Диего Мартин, оба бывшие соратники Колумба, уверяли его, что он уже проплыл мимо этого места. Шторм усилился, и Никуэса направил свое судно в устье большой реки, но когда он попытался продолжить путь после шторма, он оказался в ловушке, а его судно застряло на отмели среди прибоя, поскольку вода спала. Не имея возможности двигать корабль ни в одну, ни в другую сторону, его гибель была неизбежна, и люди начали спасаться. Ценой одной жизни к берегу была протянута веревка, и едва последний человек достиг суши, как судно разбилось на куски.

КАСТИЛЬЯ-ДЕЛЬ-ОРО.

Вот так, изящный Никуэса, еще недавно гордый командующий флотом, в результате внезапной причуды судьбы оказался на негостеприимном берегу, не зная, где он находится, как и те, кто остался на кораблях, а его почти обнаженные последователи были лишены пищи, за исключением одного бочонка муки и бочки масла, выброшенных им на берег суровыми волнами! Кроме того, его беспокоила судьба Олано, репутация которого была не самой лучшей, и Диего де Рибера (), который, по мнению Никуэсы, мог присоединиться к нему, если бы захотел. К счастью, шлюпка с корабля приплыла к берегу, и Никуэса посадил в нее Диего де Рибера и трех моряков, приказав им сопровождать его вдоль берега и помогать пересекать ручьи и заливы. Уже ослабевшие от голода (), они начали свой поход. Но куда? Все еще на запад, но не в сторону Верагуа. Каждый утомленный шаг уносил их все дальше и дальше от места назначения. Это было не самое приятное путешествие — пробираться через тропические леса, преодолевая такие препятствия, как запутанные джунгли, горячие болота, покрытые малярией, скалистые холмы и коварные ручьи, преграждавшие им путь. У некоторых из группы не было обуви, у некоторых — головных уборов; острые камни порезали им ноги, колючие кусты разорвали кожу, а их полуодетые тела то подвергались воздействию палящего солнца, то промокали под проливным дождем. Вскоре они обрадовались, найдя моллюсков и корни, которые можно было съесть вместе с листьями. Однажды стрела, выпущенная с нависающей высоты, убила пажа Никуэсы, но, к счастью, дикари отступили, не воспользовавшись своим преимуществом. Собака Никуэсы, увидев убийство в глазах своего голодного хозяина, бросилась бежать и больше не появлялась. Но испанцев ждали еще большие несчастья. Однажды вечером, переправившись на лодке через залив, они остановились на ночлег, а на следующее утро, пытаясь возобновить свой поход, обнаружили, что оказались на острове. Они позвал Рибера, но его не было. Лодки тоже нигде не было видно. Невозможно было поверить, что он оставил их умирать на этом ограниченном и бесплодном месте. Они громко звали его, обыскивая каждый залив и прочесывая горизонт глазами, полными ужаса. Это было правдой: они были брошены!

Любопытно наблюдать, как отчаяние, вызванное приближением того ненавистного средства, которое должно было окончательно погубить нас, по-разному влияет на разных людей. Одни будут сражаться с этим чудовищем, другие поддадутся, погрузившись в бессмысленное слабоумие, третьи спокойно смирятся с неизбежным, а некоторые, осознав всю нелепость ситуации, будут выглядеть мрачно-веселыми. Как и везде, среди экипажа

«Никуэсы» были и глупцы, и философы. Некоторые молились и исповедовались, с разной степенью сопровождения, от тихого плача до неистового бредня; некоторые проклинали; некоторые лелеяли свой ужас в угрюмом молчании.

Я не буду пытаться описать страдания Никуэсы на этом острове. Достаточно сказать, что на скудной диете из корней и моллюсков с солоноватой водой многие умерли, а другие желали себе смерти; ведь первые могли гнить в покое, а вторые, еще живые, кишели нетерпеливыми паразитами. И в усилиях было мало удовлетворения, когда питье только усиливало жажду, а еда лишь поддерживала уныние. Поистине, это было хорошо, великолепно — рисковать жизнью, чтобы завоевать дикие земли и править своими товарищами!

Так прошли недели. Затем, как луч, исходящий от трона Спасителя, появился парус. Люди, истощенные до крайности, отряхнулись от объятий смерти и пришли в себя, вытянув свои длинные тощие шеи, костлявые подбородки и стеклянные глаза в сторону приближающегося судна, которое вскоре бросило якорь у острова. Риберо, в конце концов, не был злодеем. Убедившись, что Верагуа осталась позади, но не сумев убедить Никуэсу, Риберо привлек на свою сторону трех лодочников, покинул остров ночью, вернулся по прежнему курсу и достиг Верагуа. Там они нашли колонистов под руководством Олано, который, получив информацию от Риберо, не мог не послать помощь своему губернатору.

[VI-121](#)

Оставив здесь Никуэсу, давайте узнаем о других частях его разбросанной колонии. Прошло два месяца с момента отправления губернатора из порта Мисас, и, не получив никаких известий, Куэто, которому было поручено командование флотом, забеспокоился и, взяв небольшое судно, отправился на поиски своего командира. Единственной новостью, которую он смог получить, было письмо, найденное на одном из островов, завернутое в лист и прикрепленное к палке, в котором сообщалось, что Никуэса в порядке и продолжает путешествие на запад. Вернувшись в Мисас, Куэто со всем флотом отплыл в Верагуа, но корабли были настолько изъедены червями, что он был вынужден бросить якорь в устье реки Чагре, [VI-131](#) которую испанцы называли Лагартос из-за роящихся там крококожадных аллигаторов. Там часть груза была выгружена, и пока предпринимались попытки починить корабли, один из лоцманов, Педро де Умбриа, был отправлен на поиски пропавшего губернатора. Тем временем прибыл Лопе де Олано.

БЕДЫ НИКУЭСЫ. Очевидно, лейтенант в душе не желал возвращения своего капитана. И хотя он рассказывал своим товарищам об обстоятельствах шторма и исчезновении губернатора, с такими изменениями, которые соответствовали его целям, со слезами, которые могли бы почесть крококожадных, обитавших в тех местах, он не предпринял никаких попыток найти Никуэсу. Он сделал вид, что считает его мертвым. «А теперь, господа, — сказал он, — не упоминайте о нем больше, если не хотите убить меня».

Флот направился в Белен, где при высадке произошла череда обычных бедствий. Четверо мужчин утонули. Поеденные червями корабли были разобраны, разбиты на куски, а из обломков построены хижины на месте, ранее занимаемом Бартоломе Колоном. Олано, после некоторого сопротивления, был официально провозглашен вице-губернатором. Затем

последовали набеги; но кибианцы, мудревшие благодаря опыту, ушли со своим народом и оставили испанцев самим себе. Не имея ничего, что можно было бы украсть, они голодали. Последовало распространение болезней и недовольство; Олано был недоволен.

Никуэса был действительно в ярости, когда достиг Белена. Его негодование по отношению к Олано было крайним. Он обвинил его в умышленном дезертирстве, преступном уничтожении кораблей и грубом недобросовестном управлении. Он все разрушил. Обвинив его в измене, он приказал арестовать его; и когда другие предприняли слабые попытки смягчить недовольство губернатора, он разразился на них. «Вам очень к лицу, — воскликнул он, — просить прощения для него, когда вам следует просить пощады для себя!».

Но какая польза от ругательств и ссор? Половина его доблестного отряда погибла, а менее удачливые оставшиеся в живых жили только для того, чтобы еще некоторое время страдать, прежде чем последовать за ними. Из всех людей, прибывших из Испании, гордый Никуэса потерял больше всех, поскольку ему было больше всего что терять. Из всех бедствий Нового Света бедствия Никуэсы были самыми страшными; половина того, что было сказано до сих пор, не может быть описана словами, а худшее еще впереди.

НОМБРЕ-ДЕ-ДИОС.

Теперь, когда была достигнута богатая Верагуа, Золотая Кастилия жадных ожиданий, что же дальше? Не хватало золота, которым можно было бы загрузить корабли; корабли, на которых можно было бы увезти это золото, были почти все уничтожены. Плодородная почва была болотистой, пряный воздух малярийным, избыточная растительность давала мало пищи для человека. Бледные скелеты людей кричали о своем бедствии. Смерть была достаточно занята, поэтому жизнь Олано была пощажена, хотя его знак должности был заменен на кандалы. Даже продовольственные снабженцы погибли из-за нехватки пищи; все члены одной группы умерли от того, что съели гниющий индейский труп. Губернатор стал раздражительным; его щедрый характер был омрачен несчастьями. Колонисты жаловались на его жестокое обращение и безразличие к их страданиям. И они сказали ему: «Судьба здесь против нас; давайте покинем это место». «О, хорошо!» — прорычал Никуэса. Оставив Алонсо Нуньеса с почётным титулом алькальда-майора и нескольких человек для сбора урожая, засеянного Олано, колонисты сели на две бригантины и каравеллу, построенную из обломков разбитых кораблей, чтобы найти более здоровое место. Проплыв на восток около двадцати лиг, генуэзский моряк по имени Грегорио обратился к губернатору: «Я хорошо помню, когда мы с адмиралом в этих краях вошли в прекрасный порт, где нашли еду и воду». После некоторого поиска место было найдено — это был Портобелло Колумба, и там из песка торчал якорь, брошенный адмиралом. Высадившись на берег в поисках продовольствия, испанцы подверглись нападению, в результате которого двадцать человек были убиты; на самом деле, они едва могли владеть оружием, настолько они были ослаблены. Обессиленные и унылые, они продолжили свой путь еще примерно на семь лиг, и когда приблизились к берегу, Никуэса воскликнул: «*Paremos aquí en el nombre de Dios!*» — «Остановимся здесь во имя Бога!» Они нашли место для стоянки, и это место оказалось Пуэрто-де-Бастиментос Колумба. Однако спутники Никуэсы, готовые в своем отчаянии ухватиться за любую надежду, подхватили крик своего командира и применили слова «*Nombre de Dios*» (Имя Божье) к гавани, в которую они тогда вошли, и которая до сих пор носит это название. [\[VI-14\]](#)

Здесь была предпринята еще одна попытка основать правительство Кастилии-дель-Оро. Высадившись на берег, Никуэса официально взял гавань во владение, построил крепость и

вновь приступил к своей необходимой, но самоубийственной политике поиска продовольствия. Местные жители ушли. Малярийная атмосфера обернулась для пришельцев болезнями и смертью. Каравелла была отправлена обратно в Верагуа, а Алонсо Нуньес и остатки колонии были вывезены. Затем судно было отправлено на Эспаньола за припасами, но ни о корабле, ни о команде больше ничего не было слышно. Тем временем Никуэса и остатки его несчастной компании мужественно сопротивлялись, но все было тщетно. Судьба давно предрешила их гибель. В их нынешнем положении выжить было невозможно. Рептилии в качестве пищи стали для них роскошью; зараженный солнечный свет высушивал их кровь; отчаяние парализовало сердца и мозг; и в конце концов они дошли до такого крайнего состояния, что едва могли нести караул или хоронить своих мертвых. [\[VI-15\]](#)

В своих библиографических заметках я до сих пор имел возможность упоминать, в частности, оригинальные документы, относящиеся к отдельным эпизодам. Теперь я скажу несколько слов о ранних летописцах, Лас Касасе, Овьедо, Петре Мартире и Гомаре, а также о более позднем и более общем писателе, Эррере. На этих краеугольных камнях ранних испано-американских анналов навсегда должны покоиться труды всех, кто следует за ними.

ПИСАНИЯ ЛАС КАСАСА.

Жизни Ласаса и Овьедо сами по себе составляют немалую часть их соответствующих историй. Оба прибыли в Новый Свет и каждый из них принимал активное и заметные участие во многих делах, о которых он писал. Они были почти одного возраста: первый родился в Севилье в 1474 году, а второй — в Мадриде в 1478 году; но Овьедо прибыл в Америку только в 1514 году, будучи с Педрариасом Давилой, когда тот отправился управлять Дариеном, в то время как Лас Касас поселился под началом Овандо на Эспаньоле в 1502 году. Лас Касас был священнослужителем, посвятившим свою жизнь помощи индейцам, и он покинул Америку в последний раз только в 1547 году, после полувека самой гуманной службы; Овьедо был кавалером, который стремился улучшить свою испорченную судьбу, используя свое влияние при дворе, чтобы получить должность *ведора де лас фундисьонес де ла оро де ла Тьерра Фирме*, надзирателя за плавкой золота для Тьерра Фирме, которую он занимал на протяжении всего своего участия в делах континентальной Индии до 1532 года. Оба были влиятельными людьми при дворе: Лас Касас был довольно близок с молодым Карлом, а Овьедо был *мозо де камера*, или пажом принца Хуана. Оба часто путешествовали между Испанией и Америкой; Овьедо пересекал Атлантический океан двенадцать раз, Лас Касас — еще чаще.

Лас Касас был столь же талантливым летописцем, сколь и реформатором. Его величайшее произведение, «*История Индий*», было начато в его пятьдесят три года и завершено в 1561 году, за пять лет до его смерти. Оно широко копировалось и использовалось в рукописном виде, но было напечатано только в 1875-76 годах. Хотя она состоит из пяти томов, она охватывает только три десятилетия, или книги, и описывает историю Нового Света только до 1520 года. Первоначально автор намеревался продолжить свою работу на шесть десятилетий, что привело бы ее к 1550 году и, следовательно, включило бы его важные опыты в Гватемале, Чьяпасе и Мексике. Рядом с общей историей Индий стоит «*Apologética Historia*», содержащая описание страны и обычаев народа и написанная для защиты туземцев от обвинений в отсутствии системы в их обществах и неспособности управлять собой. Его первая печатная работа была издана в Мексике в 1546 году; она называлась «*Cancionero Spiritual*» и была посвящена епископу Сумаргате. В Севилье в 1552 году был опубликован в одном томе 4то «*Breve relacion de la destruccion de las Indias Occidentales*» и другие трактаты подобного характера, такие как его «*Controversy with Sepúlveda*», «*Thirty*

Propositions», «Средства для реформации Индий», «Правила для исповедников», трактат, доказывающий суверенную власть и всеобщую авторитетность королей Кастилии и Леона над Индиями и т. д. Этот сборник был напечатан на латинском, французском, итальянском, немецком и голландском языках, а некоторые переводы выходили в нескольких изданиях. «Спор с Сепульведой» был издан отдельно. Хуан Антонио Льоренте напечатал в Париже в 1822 году «*Coleccion de las Obras del Obispo de Chiapa*» (Сборник произведений епископа Чиапы), 2 тома, 8vo, который был опубликован в том же году на французском языке под названием «*Œuvres de Don Barthélemy de las Casas*» (Сборник произведений дон Бартеlemi де лас Касаса). Сборник включает в себя несколько его менее важных работ; французский перевод отличается значительной свободой, автор порой теряется из виду, и добавлены несколько новых произведений сомнительного происхождения. Как писатель, Лас Касас честен, искренен и надежен, за исключением тех случаев, когда его энтузиазм берет верх. Его ученый оппонент и заклятый враг Сепульведа называет его самым тонким, самым бдительным и самым красноречивым, по сравнению с которым Одиссей Гомера был инертным и заикающимся. Он был не только занозой в теле злодеев, но и своей настойчивой и язвительной дерзостью часто раздражал мягких и доброжелательных людей. Но что бы ни говорили о нем его враги, а их немало и они не молчат, правда в том, что из всех людей, прибывших в Индию, он почти единственный вышел из печи без запаха дыма.

ГОНСАЛО ФЕРНАНДЕС ДЕ ОВЬЕДО И ВАЛДЕС.

Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес происходил из знатной семьи Овьедо в Астурии. В раннем детстве, до того как поступить на службу к принцу Хуану, он находился при дворе герцога Вилья-Эрмоса. Наблюдая за падением Гранады, он познакомился с Колумбом, а затем стал свидетелем его триумфа в Барселоне. После смерти своего молодого господина в 1497 году, который на самом деле был его ровесником, Овьедо отправился в Италию, где искусство и наука были оживлены войной, служа под началом Фредерико Неаполитанского, а иногда и в качестве хранителя драгоценностей королевы Хуаны. В 1502 году он женился в Мадриде на прекрасной Маргарите де Вергара, которую потерял через десять месяцев после родов, и погрузился в бурную военную жизнь, служа секретарем Кордовы в французской кампании. Женившись во второй раз, он вращался при дворе, пока в тридцать шесть лет его угасающая удача не отправила его с Педрариасом в Дариен в вышеупомянутой должности. О его деяниях там будет рассказано в тексте этой истории; здесь достаточно сказать, что большую часть времени он провел в ссорах с губернатором, кроме того, ему пришлось пережить потерю жены и ребенка, тюремное заключение и опасное ранение от ножа убийцы. Но, наконец, получив назначение Педро де лос Риос на место Педрариаса, а для себя — должность губернатора Картахены, которую, однако, он так и не занял, после трех лет дальнейшего проживания в Тьерра-Фирме, на этот раз в Никарагуа, он вернулся в Испанию в 1530 году, провел два года в упорядочивании своих записей, ушел в отставку с должности *ведурия* и получил назначение *генерального хроникера Индий*. Осенью 1532 года он отправился в Санто-Доминго, и хотя в следующем году был назначен алькальдом крепости Санто-Доминго, остаток своей жизни он провел в основном за литературной деятельностью. После насыщенной событиями жизни, длившейся семьдесят девять лет, он умер в Вальядолиде в 1557 году, занимаясь подготовкой к печати неопубликованной части своей истории. На протяжении всей своей карьеры Овьедо, по-видимому, посвящал каждое свободное мгновение писательству. Еще до того, как он был назначен королевским летописцем, он был неутомимым собирателем материалов. Он был хорошо знаком с выдающимися личностями своего времени, и лишь немногие экспедиции не пополняли его запасы. В его произведениях более заметна нехватка авторитетов, чем отсутствие различий в их

использовании. Из двенадцати литературных работ только одна, помимо тех, что касались Америки, была напечатана. Он задумывал написать о Новом Свете задолго до того, как впервые пересек океан, и, по словам Хосе Амадора де лос Риос, фактически начал свою историю до 1519 года, оставляя открытыми общие разделы для дополнений до самой смерти. После возвращения из второго путешествия в Дариен он по просьбе короля написал, в основном по памяти, поскольку его записи остались в Санто-Доминго, «*De la Natural Hystoria de las Indias*», напечатанную в Толедо в 1526 году. Эта работа была переиздана Барсиа, «*Historiadores Primitivos*», i., переведена на итальянский язык Рамузио, «*Viaggi*», iii., и искажена Пурчасом в «*His Pilgrimes*», iv. 5. Следует иметь в виду, что эта работа совершенно отличается от «*Historia General y Natural de las Indias, Islas y Tierra-Firme del Mar Océano, por el Capitan Gonzalo Fernandez de Oviedo y Valdés, primer cronista del Nuevo Mundo*», которая и принесла автору первое место в ряду историков. «Общая история» изначально была разделена на три части, содержащие в общей сложности пятьдесят книг (). Первая часть, состоящая из девятнадцати книг, с предисловием и десятью главами пятидесятой книги — а не из 20, 21 или 22 книг, как утверждают различные библиографы, — была опубликована при жизни автора в Севилье в 1535 году под названием «*Historia General, etc.*» и переиздана в Саламанке в 1547 году под названием «*Hystoria General*». Это редкое издание содержит в нескольких местах несколько столбцов дополнительного материала, которые не ускользнули от моего внимания. Итальянская версия тех же частей была опубликована Рамузио в его *Viaggi*, iii.; первые десять книг были переведены на французский язык и опубликованы под названием *Histoire Naturelle, etc.*, Париж, 1556; двадцатая книга, или первая из второй части, была опубликована отдельно в Вальядолиде в 1557 году под названием *Libro XX, etc.* Тринадцать глав книги XLII, относящиеся к Никарагуа, были опубликованы на французском языке Терно-Компаном в *Histoire du Nicaragua*, во второй серии *Voyages*, iii., Париж, 1840. Наконец, все пятьдесят книг были красиво и точно напечатаны в Мадриде в четырех фолиантах с иллюстрациями Королевской академией истории в 1851-55 годах. Редактор Хосе Амадор де лос Риос в предисловии дает лучшее из существующих описаний жизни и сочинений автора. Овьедо не был ученым человеком, как Петр Мученик, и сомнительно, что более глубокое знакомство с книгами того времени сделало бы его мудрее; однако человека, который мог диктовать естественную историю новой страны без своих заметок, нельзя назвать неграмотным. Он знал латынь и современные языки, но его знание латыни было недостаточным, чтобы избежать неприятного ее демонстрирования. Он также не обладал гением или практической мудростью Ласаса, однако его необыкновенные возможности не были полностью утрачены, и жизнь при дворе, политические споры или сбор золота ни разу не подавили его стремление достичь успеха в литературе. Овьедо был ярким примером высшего типа испанца того времени; он был умным, энергичным, смелым, но холодным, беспринципным и жестоким. И это правда, не доходя до крайнего фанатизма Ласаса, когда тот говорит: «Овьедо должен сожалеть о том, что он написал об индейцах; он дал ложное свидетельство против них и всячески клеветал на них... Он должен был бы написать на титульном листе: «Эта книга написана завоевателем, грабителем и убийцей индейцев, целые народы которых он отправил в шахты, где они погибли...». Его работа полна лжи, как и ее страницы». Я ни в коем случае не разделяю это мнение. Вероятно, ни одна работа, какой бы тщательной и добросовестной она ни была, не подвергается такой критике и не вызывает столько споров со всех сторон, как современная история, основанная на впервые собранных фактах и многочисленных и противоречивых свидетельствах. Терно-Компанс правильно замечает: «Овьедо не свободен от предрассудков своего времени в отношении индейцев, но, в конце концов, то, что он говорит, ближе к истине, чем фантастические описания епископа Чиапы, который хочет найти золотой век даже у самых жестоких народов». Оба эти автора, Лас

Касас и Овьедо, писали в разгар событий, наблюдая ненормальные и непонятные сцены, происходившие на их глазах. То, что они писали, было для них, безусловно, правдой; наша задача — проанализировать и отсеять, чтобы их записи стали правдой для нас. В ярких критических отзывах на этих и подобных им авторов мы обычно видим нечто, связанное со стилем и композицией. Последнее всегда плохо, а указатель хуже, чем его отсутствие; но критикам следует найти себе занятие поинтереснее, чем придирается к словам и их расположению в текстах этих старых воинственных летописцев. Конечно, их стиль плох, отвратителен; но кому нужен стиль в их произведениях? Нужны только факты. Их книги созданы не для чтения, а для использования. Риос, кажется, правильно оценивает этот вопрос, когда пишет: «Mas ya fuera porque procurase dar á su lectura aquella diversidad, tantas veces por él apetecida, ya porque la misma fatiga é irregularidad con que recibia los datos, le impidiese someterlos á un plan maduro é inalterable; es lo cierto que la crítica de nuestros dias, al par que aprecia y agradece tan interesantes inquisiciones, echa de menos cierta cohesion y armonia en la exposicion de las costumbres de los indios, no hallando mayor enlace en la narracion de los descubrimientos y conquistas, que ni se refieren siempre en órden cronológico, ni guardan entre sí la conveniente relacion para que pueda comprenderse sin dificultad su influencia recíproca."

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПЕТРА МАРТИРА.

В то время как Защитник индейцев и Первый летописец Нового Света собирали и записывали исторические данные в разных частях Америки, один из самых ученых людей Европы, Пьетро Мартире д'Ангиера, или латинизированный Англериус, обычно называемый Петром Мучеником, собирал аналогичные факты в Испании и записывал их, обильно разбавляя философией того времени, в форме десятилетних эпох, составляющих в конечном итоге серию десятилетий. Герцогство Милан было ранним домом этого летописца, а 1457 год — годом его рождения. Его семья была благородного происхождения и родом из Ангиера. Отправившись в 1477 году в Рим, чтобы закончить образование, он так прославился своей ученостью и красноречием, что десять лет спустя испанский посол пригласил его испытать удачу при дворе испанских монархов. Они приняли его с великодушием, особенно Изабелла, которая хотела, чтобы он занимался обучением молодых дворян Кастилии. Однако горячий итальянец должен был попробовать вкус войны, прежде чем осесть в постоянном мудрости; поэтому он сражался под Базой и не опустил меч, пока не пал город Альгамбра. Затем он стал священником и обратился к занятиям, более соответствующим его природным склонностям и эрудиции. Он открыл несколько учебных заведений, которые стали модными среди молодежи из высших слоев общества. Завоевав высокое уважение при дворе, в 1501 году он был отправлен короной с миссией в Венецию и Каир, где проявил себя с лучшей стороны, а по возвращении написал «*De Legatione Babylonica*» — рассказ о Нижнем Египте в трех книгах. После смерти Фердинанда Хименес был назначен послом у султана Селима, но отказался от этой чести из-за своего возраста; впоследствии он обнаружил, что Карл не менее склонен признавать его заслуги. В течение трех лет после возвращения из Египта он был назначен приором собора Гранады и апостольским протонотарием папы, а в 1518 году занял место в Совете Индий. Его жизнь была полна редкой трудолюбивости, в ходе которой он собрал и распространил много знаний, что принесло ему уважение князей; он умер в 1526 году, в возрасте 69 лет, и был похоронен в соборе Гранады. Петр Мученик является автором по крайней мере двух великих произведений, рассматриваемых с исторической точки зрения. Они написаны на латыни, но не имеют ничего общего с цicerоновским стилем, поскольку патристическая латынь относится к патрицианской латыни так же, как «французский язык Стратфорда атт-Бове» относится к французскому языку Парижа. Из этих двух замечательных произведений главным является «*De Orbe Novo*», рассказ о Новом Свете и его чудесах, состоящий из восьми

десятилетий, или книг. Первая и первые три десятилетия были опубликованы в разное время при жизни автора, но все восемь десятилетий появились не раньше 1530 года, когда они были напечатаны в Алкале под названием «*De Orbe Novo Petri Martyris ab Angleria Mediolanensis Protonotarii Cæsaris senatoris decades*». Три десятилетия, переведенные на английский язык Р. Иденом, были напечатаны в 1555 году и переизданы в 1577 году с добавлением еще одного десятилетия Р. Уиллсом. Лучшее полное издание восьми десятилетий на оригинальном латинском языке появилось в Париже, изданное Р. Хаклюйтом в 1587 году. По сути, помимо издания 1530 года, это единственное полное оригинальное издание «*De Orbe Novo*». В 1612 году появилось полное произведение на английском языке, результат «труда и усердия М. Лока Гента». Оно было включено в приложение к «*Путешествиям*» Хаклюйта, Лондон, 1812 год. Помимо этих важных изданий, в разное время и на разных языках появлялись частичные переводы, выдержки и сборники. В 1534 году в Венеции на итальянском языке были опубликованы в трех частях краткие изложения истории Индии, взятые из трудов Петра Мартира, Овьедо и других авторов. Другое из двух упомянутых произведений — это сборник писем Петра Мартира на латинском языке, которые изобилуют сообщениями о современных событиях и охватывают период с 1488 года до его смерти. Было издано два собрания этих писем: первое — в Алкале в 1530 году, второе — в Амстердаме, издательством Elzevirs, в 1670 году. Название звучит так: *Opus Epistolarum Petri Martyris Anglerii Mediolanensis* и т. д.; перевод писем никогда не публиковался. Письма настолько запутаны, имеют неверные даты и перемешаны, что Халлам выразил свое недоверие к какой-либо связи между фактическими и предполагаемыми датами и службой. Но *De Orbe Novo* можно считать равноценным по авторитету рассказам очевидцев Ласа Касаса и Овьедо. Петр Мученик был первым из летописцев, кто писал и публиковал о Новом Свете, его десятилетия начали появляться примерно в то время, когда Овьедо впервые отправился в Индию. Как только Колумб ступил на берег, вернувшись из первого путешествия, красноречивый и философский ученый начал расспрашивать его и тех, кто прибыл с ним, и писать, и он не переставал писать, пока смерть не остановила его. Человеку с таким умом было о чем думать и говорить. В течение некоторого времени после этого чудесного открытия ученые и интеллектуалы жили в состоянии возбуждения по поводу него. В некоторой степени это было революцией в науке и философии. Традиции были нарушены, космос утратил свою непрерывность. Петр Мученик, серьезный человек с широкими и глубокими способностями, имевший хорошие возможности для получения информации, ежедневно встречавшийся со многими из тех, кто вернулся из Индии — первооткрывателями, завоевателями, исследователями, моряками, священниками и кавалерами — имея доступ к официальным письмам, дневникам, картам и отчетам этих людей, его рассказ, я бы сказал, должен быть столь же достоверным и ценным, как и рассказ того, кто действительно был свидетелем описанных событий. В некоторых отношениях он должен быть даже более надежным, поскольку он был способен видеть сотнями глаз вместо двух и решать споры более хладнокровно и справедливо. Правда, его записи испорчены поспешностью, с которой они были написаны, и признанным отсутствием исправлений или редактирования со стороны автора; порядок и метод отсутствуют повсюду; ошибки и противоречия встречаются часто. Но в « » мы имеем исходное сырье, которое гораздо лучше любой обработки. Лас Касас был первым из летописцев, посетивших Индию, и последним из трех вышеупомянутых, кто начал писать и публиковать историю, что произошло в 1552 году. Овьедо начал писать примерно в то время, когда заканчивается история Ласа Касаса. Через четыре года после смерти Петра Мученика Овьедо был назначен официальным летописцем Нового Света. Отношения между этими тремя историками были антагонистическими, благодаря чему их труды тем лучше согласуются с истиной. Из сотен критиков трудов Петра Мученика я упомяну только двух.

Лас Касас в «*Hist. Ind.*, i. 32» пишет: «De los cuales cerca destas primeras cosas á ninguno se debe dar más fe que á Pedro Martir»; а Муньос в «*Hist. Nuevo Mundo*, xiii.: «Merece indulgencia por el candor con que lo confiesa todo, por su ningun afan en publicar sus borrones, y principalmente porque tal qual es la obra de las décadas contiene muchísimas especies que no se hallan en otra parte alguna, y estas escritas con la conveniente libertad por un autor coetáneo, grave, culto, bien instruido de los hechos, y de probidad conocida».

ГОМАРА И ЭРРЕРА.

Гораздо меньшее значение, чем предыдущие, имеют сочинения Франсиско Лопеса Гомары, в частности его история Индий, которая является скорее подражанием, чем подлинным оригиналом, и которой придается слишком большое значение, несмотря на то, что Муньос называет ее первой историей, достойной этого имени. Хотя Иказбальсета, авторитетный специалист в этой области, пишет имя Гомара или Гомора с ударением на первом слоге, как это произносится на Пиренейском полуострове, с замечанием, что в Мексике его обычно называют Гомара, я не счел целесообразным отступать от почти повсеместного употребления. Бустаманте специально указывает на ударение там, где оно естественно падает, пишу «Gomára». Родившийся в Севилье в 1510 году в знатной семье — кажется исключительным найти в Испании какого-либо известного человека, чья семья не была бы знатной — и получивший образование в университете Алькала, он стал доктором гражданского и канонического права и некоторое время занимал кафедру риторики. От военной карьеры, которую для него наметили родители, его увлекли литературные интересы, и он стал священником; а в 1540 году, после возвращения Кортеса из его последнего визита в Мексику, он стал капелланом и секретарем маркиза. Из этого некоторые сделали ошибочный вывод, что он прожил четыре года в Америке, прежде чем опубликовал свою историю. В 1552-1553 годах в Сарагосе вышла его «*La Historia General de las Indias*» в двух фолиантах, первый из которых был общим и посвященным главным образом Перу, а второй — Мексике. Книга была популярна; в 1553 году в Медина-дель-Кампо вышло еще одно фолио-издание, а в следующем году — еще одно в Сарагосе, однако с тем отличием, что вторая часть была выделена в отдельное произведение под названием «*Cronica de la nueva España con la conquista de Mexico, y otras cosas notables: hechas por el Valeroso Hernando Cortes*», а первая часть сохранила первоначальное название «*Historia General*» и т. д. Затем появилось издание в Антверпене в 1554 году, в котором дата 1552 год явно является поддельной. Автор, по-видимому, слишком грубо обращался с государственными делами, поскольку в 1553 году мы видим, что книга была запрещена королевским указом, который, однако, не был полностью выполнен и был отменен в 1729 году. Барсия напечатал искаженную версию двух произведений в своей «*Hist. Prim.*», ii., в 1749 году, и обе книги были вновь опубликованы в правильном виде в «*Biblioteca de Autores Españoles*», xxii., Мадрид, 1852 год. Несколько необычный случай произошел в Мексике в 1826 году, когда была издана в 2 томах 8vo «*Historia de las Conquistas de Hernando Cortés, escrita en Español por Francisco Lopez de Gomára, traducida al Mexicano y aprobada por verdadera por D. Juan Bautista de San Anton Muñon Chimalpain Quauhtlehuantzin, Indio Mexicano*» (). Публикация для инструкции молодежи, с различными примечаниями и дополнениями, Карлос Мариа де Бустаманте, что в лучшем случае можно интерпретировать как путаницу. В ней говорится, что работа, написанная на испанском языке Гомарой, была переведена на мексиканский язык, и на этом все заканчивается. Перелистывая страницы, мы обнаруживаем, что книга напечатана на испанском языке, а не на науатль, как мы предполагали. Даже длинное предисловие Бустаманте не проясняет ситуацию во всех отношениях. Обратившись к другим источникам и сравнив всю информацию, мы наконец узнаем, что Бустаманте и другие когда-то верили в существование где-то истории Мексики, написанной ученым и благородным туземцем Чималпайном. Вероятно, она была спрятана в одной из библиотек

или правительственных учреждений Мексики. Ботурини упоминал о различных исторических рукописях, написанных Доминго де Сан Антон Муньон Чимальпайном, некоторые из которых были на кастильском языке, а некоторые — на науатль. Обратите внимание на разницу в имени, здесь Доминго, а в титуле — Хуан Баутиста. Клавигеро, Леон Пинело, Беристайн и Антонио де Леон-и-Гама также смутно упоминали о некоторых работах Чимальпайна. Бустаманте сначала утверждал, что нашел рукопись мексиканской истории Чималпайна, и получил денежные пожертвования из различных источников, чтобы иметь возможность напечатать ее перевод с примечаниями. Но еще до того, как перевод был официально издан на испанском языке, редактор был вынужден признать, что ошибся, считая его оригинальным произведением; это был всего лишь Гомара, переведенный на мексиканский язык ученым индейцем, а теперь переведенный обратно на испанский Бустаманте, текст был сильно испорчен двойным переводом, но обогащен примечаниями обоих редакторов. Есть люди, настолько недоброжелательные, что говорят, что дон Карлос Мария Бустаманте никогда не находил перевод Чималпайна, потому что Чималпайн его никогда не делал. Я не знаю. Возможны были три или четыре варианта. Бустаманте мог найти предполагаемый перевод Чималпайна и, переводя на испанский язык то, что он считал оригинальным произведением, обнаружить, что это Гомара; возможно, он уже был напечатан или находился на слишком продвинутой стадии, чтобы остановиться; или же Бустаманте, получив деньги, почувствовал себя обязанным продолжить работу и решил довериться своим собственным заметкам и заметкам Чимальпайна, чтобы удовлетворить заинтересованных лиц и публику; или же Бустаманте совершил умышленное мошенничество. Хотя его соотечественники, занимающие высокие должности, открыто обвиняют его в этом, я с трудом могу поверить, что это истинное решение загадки, и скорее склоняюсь к первой возможности; но я должен сказать, что Бустаманте совершил серьезную ошибку, не признав это откровенно, если это правда. История Гомары была переведена на итальянский язык и опубликована в Риме: одно издание в формате 4to в 1555 году и одно в 1556 году; а в Венеции: одно в формате 8vo в 1565 году, одно в формате 4to в 1566 году и снова в формате 8vo в 1576 году. На французском языке в Париже было издано шесть изданий в формате 8vo: в 1569, 1578, 1580, 1584, 1587 и 1597 годах, причем последние пять были переизданиями первого, за исключением небольших дополнений в последних трех. В Лондоне в 1578 году был издан английский перевод Генри Бинеммана в формате 4to. В прологе автор предупреждает всех о недопустимости перевода книги на латынь, поскольку он сам занимался этим, но его латинская версия так и не была опубликована. Гомара писал хорошо. Его стиль лучше, чем у любого из его предшественников, но, несмотря на то, что у него были большие возможности (), поскольку он был образован, имел свободное время и доступ к знаниям и материалам Кортеса, болезненно очевидно, что его желание угодить хозяину было сильнее, чем желание представить простую, не приукрашенную историю.

И вот, после столетия писательской деятельности и дискуссий, Антонио де Эррера-и-Тордесильяс, королевский историограф, собрал, систематизировал и воплотил в одной общей истории все имевшиеся на тот момент знания. Это была работа, требующая внимания, поскольку в случае дальнейшей отсрочки большая часть доступной на тот момент информации была бы утрачена. Он родился в Куэльяре в 1549 году, и хотя его отец носил фамилию Тордесильяс, а мать — Эррера, из соображений благозвучия, отличия или по другой неизвестной прихоти сын взял фамилию матери, что не было необычным явлением ни тогда, ни сейчас в Испании. В раннем возрасте мы находим его в Италии, где он занимал должность секретаря Веспасиано Гонзага, вице-короля Неаполя, после смерти которого Эррера был так хорошо рекомендован Филиппу II, что в 1596 году он был назначен главным историографом Индии. Удостоенный также титула историографа Кастилии и Леона, он

выполнял обязанности обеих должностей в течение части правления трех Филиппов: II, III и IV. Он был также назначен на первое вакантное место среди государственных секретарей, но умер до того, как эта вакансия появилась, в 76-летнем возрасте. Как историк Эррера занял достойное место, но его репутация основывается главным образом, хотя и не полностью, на его обширном труде «*Historia General de los Hechos de los Castellanos en las Islas i Tierra Firme del Mar oceano escrita por Antonio de Herrera coronista mayor de sv M:^ad las Indias y sv coronista de Castilla*» (4 тома, фолиант, Мадрид, 1601-15). На тщательно гравированном титульном листе первого тома добавлено: «*En quatro Decadas desde el Año de 1492 hasta el de 1531*», что относится только к первым двум томам, поскольку все четыре тома состоят из 8 десятилетий, охватывающих общие события до 1554 года. Первые два тома были напечатаны в 1601 году и переизданы в Вальядолиде в 1606 году; вторые два тома появились в 1615 году. Произведение было свободно переведено; первое десятилетие появилось на французском языке в Париже в 1659 году, второе десятилетие — в следующем году, а остальные десятилетия — в 1671 году. Самый убогий перевод на английский язык был сделан Джоном Стивенсом и опубликован в Лондоне в 6 томах, первые два в 1725 году, а последние четыре в 1726 году, новые издания которых появились в 1740 и 1743 годах. Было два переиздания на испанском языке: одно в Антверпене в 1728 году, изданное Вердуссенем, без карт и с другими ошибками; и одно в Мадриде в 1728-30 годах, с примечаниями, исправлениями и указателем Барсии, и поэтому лучше первого издания, фактически лучшее из существующих. В конце второго тома первого издания и в качестве предисловия к первому тому издания Барсии должно было появиться «*Описание Западных Индий*» с картами, переводы которого были сделаны на латинский, голландский и французский языки. Была сделана попытка продолжить историю Эрреры, и она продолжалась в течение трех десятилетий, с 1555 по 1584 год, Педро Фернандесом дель Пульгаром, летописцем, сменившим Солиса, но она не была сочтена достаточно важной для печати. Оригинал рукописи хранится в Королевской библиотеке в Мадриде. Эррера был довольно плодовитым писателем, автором общей истории правления Филиппа II; истории Шотландии и Англии во время жизни Марии Стюарт; Португалии и завоевания Азорских островов; Франции с 1585 по 1594 год, а также моральных и политических трактатов и исторических, политических и церковных переводов. Но хотя все его работы высоко ценились за их эрудицию, ни одна из них не достигла такой известности, как его «История Индий». Даже сегодня его можно назвать главным среди историков испано-американских дел; не за его стиль, лаконичный и точно многословный; не за его метод, рабски хронологический и жалко провалившийся в попытке сделать несколько вещей одновременно; а из-за его обширного материала. Его положение государственного историографа, конечно, давало ему доступ ко всему, и он использовал эту возможность в исключительной для того времени степени. В более поздний период в искусстве историографии его работа, должно быть, считалась примитивной даже для раннего времени. Но от человека, жившего в эпоху, когда благочестие и патриотизм считались высшими добродетелями, выше правды, честности или гуманности, нельзя было ожидать более глубокой философии. Помимо недостатков стиля и композиции, повсюду видны следы неопытности и некомпетентности помощников. Теперь, когда у нас есть многие источники материала Эрреры, мы видим, что его записи были плохо извлечены и небрежно скомпилированы; настолько, что в дополнение к обычным ошибкам, от которых в той или иной степени не может быть полностью свободна даже самая тщательно выполненная работа, есть много серьезных несоответствий и противоречий, для которых нет оправдания, а причина заключается просто в небрежности. Тем не менее, несмотря на все это, хроника Эрреры является не только самой полной, но и одной из самых надежных хроник Нового

Света, и за это автор заслуживает благодарности не только своих соотечественников, но и всего мира.

КОММЕНТАРИЙ К РАННИМ ХРОНИСТАМ.

Прежде чем завершить эту заметку, я четко изложу свое мнение относительно достоверности ранних летописцев, включая в эту категорию для настоящей цели всех ранних писателей, как завоевателей, так и историков, таких как Колумб и Кортес, Бернал Диас, Солис, Торквемада, Ботурины и Анонимный завоеватель; поскольку я подвергся нападкам со стороны тех, кто, стремясь к дешевой известности, опровергая их, приписывал мне доктрины, которых я нигде не высказывал и не поддерживал. Те, кто не могут построить что-либо сами, по-видимому, считают своим долгом разрушить любое сооружение, воздвигнутое кем-то другим, и одним нецензурным взмахом они готовы стереть с лица земли плоды двадцатилетнего труда. В этом они правы в той мере, что если здание настолько хрупко, что рушится под их ударами, то оно не заслуживает того, чтобы стоять. Поэтому мы видим, что в определенных кругах модно под прикрытием критики отвергать ранние сочинения, по крайней мере в той мере, в какой они противоречат уважаемой теории или догматическому мнению. Испания, говорят они, недавно с большой славой вышла из мавританских войн, и испанцы в Новом Свете, пока им оставалось рассказывать эту историю, ни в чем не уступали своим братьям на родине в этой новой области пламенных подвигов. Поэтому в их рассказах обнаженные варвары были роскошно одеты и окружены величественной пышностью; им были приписаны полностью мифические искусство, наука и литература, а также были построены города, по крайней мере, равные среднему уровню цивилизации. Примером тому служат Теночтитлан, Тецкуко, Тлакопан Кортеса и его современников, которые, должно быть, были чистой выдумкой. Где же следы стен, садов и дворцов? Нет руин великолепных городов, продолжают они с наглостью невежества, нет остатков акведуков, каменных резных изделий и курганов. Они признают, что в Центральной Америке и на Юкатане есть несколько прекрасных руин, свидетельствующих о значительном прогрессе в архитектурном искусстве, но они, должно быть, были делом рук египтян, финикийцев или других иностранцев, потому что они похожи на руины, стоящие среди этих народов, и потому что сегодня в Америке не существует коренного народа, способного на такое достижение. В Мексике не было человеческих жертвоприношений, потому что фанатичные священнослужители в те времена были склонны придавать религиозное значение каждому иероглифу, статуе и освященному камню. Один из них, более яростный, чем остальные, сам индейского происхождения и, по-видимому, ревнующий, чтобы другие коренные жители не затмили его чероки-предков, и мало знающий ни о мексиканцах, ни об их завоевателях, отрицает существование цивилизации науа или майя и осуждает всех, кто не согласен с ним, на том основании, что все американские общества, о которых он знал, были построены на одном скелете, самом земном, красной и ignoble one, и что завоеватели, не понимая этой социальной структуры, не могли правильно ее описать, и поэтому их утверждениям нельзя доверять.

Я могу только сказать, что я изучал эти хроники в течение нескольких десятков лет, что я изучал монументальные и литературные памятники завоеванных народов, что, помимо современных сочинений как тех, кто верит, так и тех, кто не верит, я проводил сравнения и взвешивал доказательства, не стремясь прийти к тому или иному выводу, а лишь к правильному; и что в своем собственном сознании я вполне удовлетворен степенью правды, которую следует приписать соответствующим авторам ранних анналов Нового Света. Другие, мои помощники и друзья, столь же серьезные и беспристрастные, столь же

стремящиеся к истине, и чьим убеждениям я испытываю глубочайшее уважение, посвятили много лет тем же исследованиям и пришли к аналогичным результатам. Моя цель не заключается и никогда не заключалась в том, чтобы выступать в защиту летописцев XVI века. Моя задача не состоит в том, чтобы что-либо защищать. Мне совершенно безразлично, кем они оказались — ангелами света или демонами тьмы; для меня важно оценивать людей и народы по их достоинствам и выводить только правду из правдивых или ложных утверждений. Хотя я имею четкое представление о статусе ацтеков и киче по отношению к другим народам земного шара, у меня нет теории о происхождении американцев или их цивилизации, за исключением того, что она мне кажется скорее коренной, чем экзотической; я также не считаю разумным выдвигать доктрину по этому или любому другому явно недоказуемому вопросу.

Я ни в коем случае не готов принять как истину все, что говорили священники и солдаты. Никто не готов признать их частые попытки обмана так же, как я. Моряки всего мира были известны своей неправдивостью в отношении своих открытий, придумывая странные земли со странными достопримечательностями, наполняя бесплодные берега безграничным богатством жемчуга, драгоценных камней и металлов, населяя океан чудовищами и размещая острова, проливы, континенты и моря там, где их хотели видеть знающие ученые у себя дома. Многие из этих историй ложны с самого начала, поскольку противоречат природе и здравому смыслу. Некоторые из них являются непреднамеренной ложью, отклонением от реальности, вызванным искаженным образованием и болезненным возбуждением в новых условиях. Физические страдания и опасности время от времени доводили ум до грани безумия, и в такие моменты чудеса, видения и сверхъестественные вмешательства, о которых они писали, были для них реальными. Но даже лучшие из ранних писателей () сознательно лгали в некоторых вещах и считали, что тем самым служат Богу.

ВЕС ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.

Хотя и существовало искушение и тенденция к преувеличению, чтобы сделать завоевание Нового Света равным или превосходящим любое достижение Старого Света; хотя утверждения поначалу не подлежали опровержению, а моряки и солдаты тех времен, вернувшиеся из дальних стран, не были более известны своей правдивостью, чем наши современники, тем не менее в целом и в основном записи первых испанцев в Америке являются бесспорно правдивыми. Большинство ошибок и неточностей легко обнаружить, поскольку описываемые события либо невозможны, либо противоречат преобладающим и более весомым доказательствам. Например, когда Лас Касас, который был добросовестным и в целом правдивым, утверждает, что Маникаотекс противостоял Колумбу во главе 100 000 воинов на Эспаньоле, мы можем смело отнести это к преувеличению, просто исходя из наших общих знаний, полученных из других источников, о коренном населении этих островов и прилегающего континента. Здесь было множество свидетелей, европейских и американских, чьи устные или письменные показания обычно подчинялись существенным фактам, неизвестным друг другу, и давали свои показания в совершенно разное время и в разных местах. Часто завоеватели ссорились и сражались друг с другом до смерти, писали в Испанию длинные письма с оправданиями и оскорблениями, многие из которых сохранились; так что там, где один восхвалял себя и свои достижения, было дюжина других, которые его унижали. Таким образом, из массы противоречивых заявлений, по обе стороны которых склонны задерживаться менее проницательные, терпеливый и трудолюбивый исследователь раскрывает самые ясные истины. Тот, кто привычно практикует обман, обязательно где-то выдает себя; и сбор доказательств не продвигается далеко, прежде чем дознаватель может сказать свидетелю больше, чем он сам знает или помнит о сценах, через

которые он прошел. Местные свидетели, жившие во время завоевания и после него, также были естественно склонны чрезмерно преувеличивать славу своих предков и своего народа; однако для подтверждения своих заявлений они ссылаются на памятники и материальные остатки, существовавшие тогда и существующие сейчас, на рукописи, огромные груды которых фанатичные завоеватели с позорной гордостью сожгли, но из которых сохранилось достаточно, чтобы подтвердить все наиболее важные части их рассказов; они также ссылаются на традиции, которые стоят столько же, сколько и традиции других народов, и не больше.

Подобные утверждения, выдвинутые против летописцев Нового Света, с равной степенью обоснованности и эффективности могут быть использованы для опровержения ранних записей любой нации. Можно отрицать существование Христа и Конфуция, Гомера и Шекспира, но это не доказывает, что они никогда не жили. То, что Колумб заставил своих моряков поклясться, что Куба, без сомнения, является Зипангу, не доказывает, что в те времена не существовало Японии. То, что капеллан Дрейка решил рассказать самые чудовищные и умышленные неправды о климате, металлах и жителях Калифорнии; то, что Кук, Мирс и Ванкувер проплыли мимо устья Колумбии, высокомерно осуждая тех, кто говорил об этом, не доказывает несуществования округа Марин или реки Запада. Таким образом, ни истинность одного утверждения, ни ложность другого не доказаны. Но, как я уже отмечал, перед нами лежат многочисленные, очевидные и неопровержимые доказательства (), что ранние сочинения об Америке в большинстве своем правдивы; и если на следующих страницах не будет ясно, какие из них правдивы, а какие ложны, то автор явно провалил свою задачу. Я несколько не боюсь, что общая правдивость этих писателей будет опровергнута, пока против них не выступят более могущественные враги с более мощным оружием, чем те, которые появлялись до сих пор. Как бессмысленны их рассуждения! Поскольку современные коренные жители не могут сказать, кто и откуда были авторы резных изображений или строители сооружений, на руины которых они смотрели с детства, эти работы, несомненно, должны были быть выполнены иностранными посетителями. Европейцы, возможно, время от времени попадали в Америку, но я не нахожу никаких свидетельств таких посещений до Колумба, за исключением викингов; никто не знает о таких посещениях и не может знать, пока не появится больше информации. Материальные реликвии, как мне кажется, всегда будут камнем преткновения для тех, кто отвергает существование американской аборигенной цивилизации.

То, что разные завоеватели, учителя и путешественники разных вероисповеданий и национальностей, преследуя разные цели, в разных странах и в разное время, вместе с свидетельствами коренных жителей, иероглифические надписи и традиции, не говоря уже о каменных резных изображениях и других монументальных остатках, все вместе, под сатанинским вдохновением, совершили бы над миром одно великое и ошеломляющее мошенничество, настолько нелепо и смешно, что удивительно, как можно найти за стенами сумасшедшего дома хотя бы одного человека, достаточно бесстыдного, чтобы просить людей поверить в это. И все же есть несколько таких людей, и они находят верующих. Эти придирчивые критиканты настолько очарованы звуком собственного голоса, что, по-видимому, не считают возможным существование в нашу просвещенную эпоху таких вещей, как педантичное невежество и литературный фанатизм, яркими примерами которых они сами являются. Они, похоже, не знают, что мелкие и детские теории, которые они выдают простым людям за поразительные концепции, придуманные ими самими, столь же стары, как и знание о существовании континента Атлантиды (). Они не учитывают, что прежде чем сделать первый шаг к доказательству происхождения, миграции или родства по аналогии,

они должны сначала отбросить универсальную взаимосвязь человека, единство человеческой природы, человеческих потребностей и человеческих устремлений, а затем показать, как люди впервые появились на этой земле, и что тогда и с тех пор было сушей, а что водой. Но те, кто таким образом выступает против американской аборигенной цивилизации и ранних испанских писателей о Новом Свете, не претендуют на то, чтобы представить противоположные доказательства или опровергнуть с помощью разума; они полагаются главным образом на прямое противоречие. Я еще не нашел среди них ни одного подхода к разумным предложениям или логическим аргументам. У них нет ничего, на чем можно было бы основать аргументы, ни фактов, ни правдоподобных предположений. Их гипотезы столь же химеричны, сколь ложны их выводы. Они хотели бы, чтобы мир проявил гораздо более иррациональную доверчивость, приняв их пустые отрицания, чем поверив каждому слову самого лживого летописца. А когда они приходят к отрицанию наличия коренной цивилизации на мексиканском плато, они выказывают прискорбное незнание как фактов истории, так и природы цивилизации.

ГЛАВА VII.

ПОСЕЛЕНИЕ САНТА-МАРИЯ-ДЕ-ЛА-АНТИГУА-ДЕЛЬ-ДАРЬЕН.

1510-1511.

Франциско Писарро покидает Сан-Себастьян — встречает Энсисо в Картахене — он и его команда выглядят как пираты — их возвращают в Сан-Себастьян — Васко Нуньес де Бальбоа — поднимается на борт корабля Энсисо в бочке — прибывает в Сан-Себастьян — испанцы переправляются в Дариен — река и название — Семако, касик Дариена, потерпел поражение — Основание столицы — Престо, смена! Хомбре-дель-Каско вверх, бахильер вниз — Васко Нуньес, алькальде — Характер должности — Регидор — Кольменарес, в поисках Никуэсы, прибывает в Антигуа — Он находит его в жалком положении — Антигуа делает Никуэсе предложение — Затем отвергает его — И, наконец, изгоняет его на смерть — Печальный конец Никуэсы.

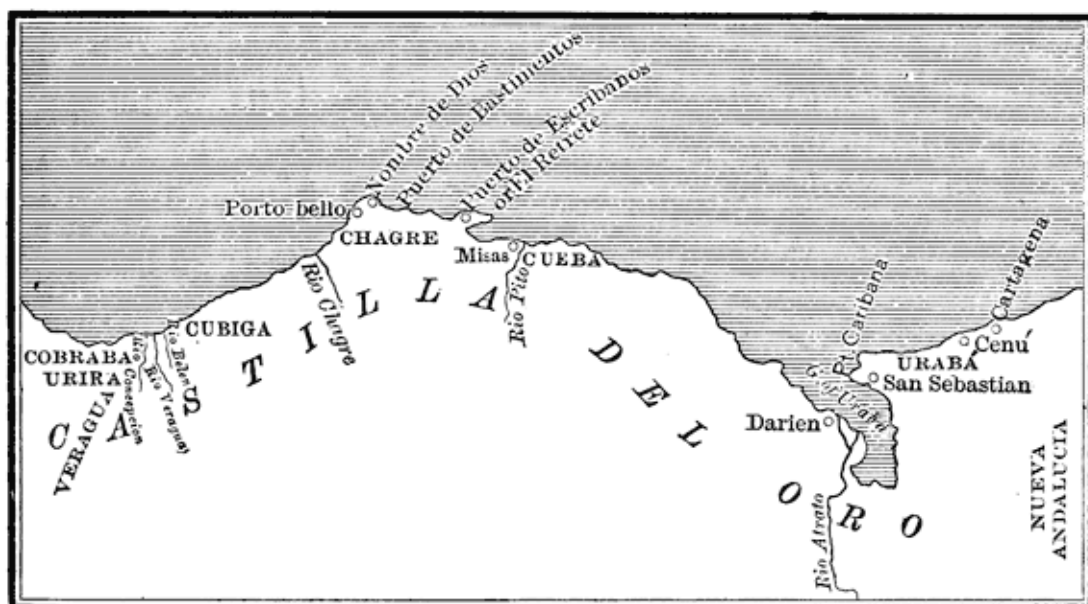
Когда Алонсо де Охеда покинул Сан-Себастьян и отправился в Эспаньолу, он договорился с Франциско Писарро, который на тот момент был назначен губернатором, что если ни он сам не вернется, ни бахильер Энсисо не прибудет в течение пятидесяти дней, колонисты могут покинуть пост и искать безопасности или приключений в других местах.

И вот пятьдесят дней прошли; они прошли в усталости и голоде, в постоянном страдании; и, поскольку никто не прибыл, они разобрали крепость, погрузили на борт две маленькие бригадины, оставили там добытое золото — можно было довериться Франциско Писарро в том, что он учует золото и добудет его — и приготовились отплыть в Санто-Доминго. Но хотя осталось только семьдесят человек, суда не могли всех их перевезти; и было решено, что они должны подождать некоторое время, пока смерть не сократит их число до вместимости судов.

Им не пришлось долго ждать; их мрачный спутник не позволил бы им выйти в море без него. Он так долго жил с ними и стал настолько полезен в урегулировании споров, ведении счетов и т. п., что стал одним из них, да и вообще одним из всех компаний, которые пытались колонизировать эти зараженные берега. Когда они плыли вдоль побережья на восток в поисках пропитания, прежде чем переправиться на Эспаньолу, шторм обрушился на суда, опрокинув одно из них и погубив всех, кто был на борту. Войдя с другим судном в гавань Картахены, Писарро обнаружил там запоздавшего Энсисо, разыскивающего свою колонию.

Теперь бахильер, помимо обширных знаний, был человеком опытным, приехавшим из Испании; человеком с острым умом и практической проницательностью, его ум был заострен узкологическим фанатизмом испанского юриста шестнадцатого века. Только человек с чрезвычайно быстрым умом мог обмануть бахильера. Вряд ли можно было ожидать, что человек его сорта поверит рассказам об Охеде, посетившем Санто-Доминго, о заместителе губернатора и о недавней катастрофе, хотя честный Писарро в этот раз говорил только правду, а его товарищи подтверждали это всей слабой силой своих высоких хриплых голосов. Если Охеда уехал в Санто-Доминго более пятидесяти или семидесяти дней назад,

разве бахильер не видел бы его там? Действительно, для менее эрудированного судьи, чем Энсисо, банда разбойников в открытом море, с изобилием золота и без хлеба, вызвала бы подозрения скорее в нечестной игре, чем в честном приключении. И они должны были вернуться. Функции высшего судьи должны были начаться здесь и сейчас. Разве это не была Нуэва-Андалусия? С ужасами Сан-Себастьяна-де-Сан-, еще свежими в их памяти, мысль о возвращении туда была крайне отвратительной, и бедняги умоляли адвоката отпустить их на Эспаньола или присоединиться к Никуэсе. Нет. Энсисо поставил на карту все свое земное имущество ради восхитительной перспективы господства, и это не должно было ускользнуть от него. Они были как глина для его лепки; люди, для которых был создан закон. Вытащив свой указ, который сразу же смещал Писарро, бахильер загнал их обратно в лодку, и все отправились в Сан-Себастьян. Но едва они обогнули Пунта-де-Карибана, [VII-1](#) как хорошо укомплектованный корабль бахиллера налетел на скалы и разбился на куски, а те, кто был на борту, едва спаслись. Таким образом, достойный бахиллер остался ни с чем; сбережения, накопленные за всю жизнь мелких махинаций, были сметены в течение часа. Тем не менее, его изначальный капитал, эгоизм и высокомерие, остались нетронутыми.

НУЭВА-АНДАЛУСИЯ

АДМИНИСТРАЦИЯ ЭНСИЗО.

Пробираясь по берегу к Сан-Себастьяну, испанцы обнаружили, что их форт разрушен, а дома, около тридцати по счету, сожжены. Они слабо начали снова добывать пропитание, но даже Энсисо понял, что это бесполезно. Отсутствие еды, отравленные стрелы и отравленный воздух были слишком сильны, чтобы даже самые храбрые могли с ними бороться. «Давайте уйдем из этого проклятого места», — кричали все. «Куда же вы хотите отправиться?» — спросил адвокат. Один из них ответил: «Однажды, когда я плыл по этому заливу с Родриго де Бастидасом, мы обнаружили, что западный берег плодороден и богат золотом. Продовольствия было в изобилии, а туземцы, хотя и воинственные, не использовали отравленные стрелы. Через эту землю, о которой я говорю, протекает река, которую туземцы называют Дариен».

Все взоры обратились к говорящему. Это был *hombre del casco*, Васко Нуньес де Бальбоа, прекрасный образец испанского кавалериста, которому в то время было около тридцати пяти лет. Он был выше Охеды, хотя, возможно, и не сильнее; в нем не было той уверенности в своем происхождении и положении, которая была присуща Никуэсе; в его чертах лица не было тех признаков жадности и жестокости, которые были явно заметны на лице Франциско Писарро, стоявшего недалеко от него. Сильный и красивый во всех отношениях, по-видимому, телом и духом, человек, к которому в таком обществе относились с интуитивным уважением, к которому можно было подходить с легкостью, но с должной осторожностью; откровенный и мужественный, с твердым и привлекательным взглядом и манерами, но в нем было что-то между застенчивостью и сдержанностью. Действительно, положение этого человека, с тех пор как он внезапно и совершенно неофициально появился в компании, было несколько сомнительным, и он, по-видимому, считал за хороший тон держаться скорее на втором плане. Несмотря на все это, в нем было нечто вроде врожденного превосходства над всеми присутствующими, не исключая эрудированного судью или впоследствии хитрого завоевателя Перу, что не всегда могло оставаться скрытым, особенно в условиях постоянно возникающих жизненно важных вопросов.

Происходя из неизменно бедной, но благородной семьи, уроженец Херес-де-лос-Кабальерос, Васко Нуньес был воспитан на службе у Педро Пуэртокарреро, глухого лорда Могера. Привлеченный толпой в Новый Свет, после внезапного прекращения путешествия Бастидаса, он получил репартименто индейцев и занялся сельским хозяйством в Сальватиерре, городе на острове Эспаньола. Оказавшись в затруднительном положении из-за долгов и разочаровавшись в тяжелой жизни фермера, он решил попытать счастья в новой колонии Алонсо де Охеда. Но как уйти от кредиторов? Должникам по указу было запрещено покидать остров. В то время город Санто-Доминго кишел неплатежеспособными авантюристами, жаждущими новых приключений, и власти следили за ними самым строгим образом. Каждый отплывающий сопровождался вооруженным эскортом до самого моря, чтобы вернуть обнаруженных безбилетников. Несмотря на все это, Васко Нуньес решил отплыть с Энсисо. Теперь обратите внимание на проявление гениальности! Взяв большую бочку, такую, как использовалась для перевозки грузов, он укрылся в ней, заткнул ее пробкой, поместил на телегу и отвез с фермы к причалу, где она была помещена вместе с другими грузами и, наконец, погружена на борт корабля. Судно вышло в море; шлюпка вернулась в порт; кредиторам осталась ферма Васко Нуньеса, а бывший владелец навсегда оказался вне их досягаемости. [\[VII-2\]](#)

Когда, подобно Афродите из своей раковины, из бочки с провизией появилось серьезно-комичное лицо обанкротившегося фермера, бахиллер был готов решить вопрос по-судейски и пригрозил посадить беглеца от правосудия на первом же необитаемом острове. Но поскольку ученый судья не мог быть привлечен к ответственности как участник мошенничества, а также благодаря тому, что он таким образом приобрел ценного новобранца, его судебная чувствительность в конце концов смягчилась, и он поручил безбилетнику обычные обязанности солдата. Тем не менее, мягкая угроза убийства со стороны адвоката не прошла мимо внимания фермера.

Слова Васко Нуньеса вдохнули новую жизнь в сердца унывающих колонистов в Сан-Себастьяне. Не теряя времени, они приготовились к отправлению и, пересекая залив, обнаружили страну и реку, как он и говорил. Рядом с этой рекой Дариен, [\[VII-3\]](#) так тогда называли Аtrato и окрестности, стояла деревня вождя Семако, храброго и честного правителя.

БИТВА ПРИ АНТИГУА.

Энсисо, который не менее храбр, чем мудр и добросовестен, решает сделать это место своим по праву. Семако, считающий себя законным владельцем, возражает. Тогда прибегают к замечательному положению, последней инстанции, и человек в длинной мантии и человек без мантии, каждый по-своему, готовятся к войне. Отправив своих женщин и детей вверх по реке, Семако располагается с пятьюстами воинами перед деревней. Энсисо, в лице которого объединены все сущности христианского мира — гражданская, церковная и военная, — концентрирует все свои силы, человеческие и божественные, чтобы обрушиться на дерзкого дикаря. Сначала, как он обычно делает в юридических сражениях, он заставляет каждого солдата принести клятву, что тот не отступит перед врагом; затем он призывает высшие силы помочь ему в предстоящем сражении, клянясь, что если победа будет за ним и город падет в его руки, он назовет его в честь девы из Севильи () и построит и освятит в городе церковь в честь ее священного образа, Антигуа из Севильи. Кроме того, он обещает совершить паломничество к ее святыне, если она даст ему победу над Семако; и с этими приготовлениями начинается битва. Полуголодные испанцы сражаются как бешеные. Семако некоторое время твердо удерживает свои позиции, но внушающий страх вид незнакомцев, их корабль, блестящие доспехи, бороды, белизна кожи, удивительная острота оружия и торжественный гром и дым их огнестрельного оружия вскоре рассеивают по лесу его охваченный ужасом народ. К безграничной радости завоевателей, город оказывается богатым золотом и хлопком, а прилегающие поля дают обильные запасы продовольствия.

Это что-то вроде награды за тяжелый миссионерский труд. Вдоль берегов реки, спрятанные в пещерах, находят золотые украшения на сумму в десять тысяч кастельяно.^[VII-4] Доля девы и доля короля откладываются, а остальная часть добычи делится между членами отряда. Таким образом, деревня Семако становится резиденцией правительства в Тьерра-Фирме; и, как обещал деве адвокат, ей дают имя Санта-Мария-де-ла-Антигуа-дель-Дариен.^[VII-5]

Поистине, удача наконец улыбнулась колонистам. Пленники, взятые в стычках, последовавших за сражением, были заставлены собирать золото и работать в полях. Бахильер начал строгое правление, полностью осознавая ответственность, лежащую на нем как представителе испанской короны и его собственное значение перед своими солдатами, а также как герою в великом деле умиротворения. Его мнение о собственных заслугах ничуть не изменилось после недавнего успеха. Несмотря на небольшую численность, эта колония должна была быть могущественной по закону. Бедный Охеда! Как счастлив он мог бы быть на месте этого мумифицированного сгустка абстрактных понятий.

Поселившись в домах Семако, испанцы начали осматриваться. Первым делом после своего незаконного набега, по мнению Энсисо, было установление закона. Бахиллер, как мы уже предполагали, был одним из тех сверхумных и самоуверенных людей, которым для падения нужно только подняться на вершину. Здесь почти не требовалось ни законов, ни правительства, но Энсисо был юристом и правителем, и ему было мало. Его первым указом был запрет на частную торговлю с туземцами. Эта мера, хотя и строго законная, едва ли могла быть названа политической. Сотне оборванных пиратских негодяев, выброшенных на этот богатый и слабо защищенный берег, не требовалось много указов; и чем меньше законов их правитель издавал для них, тем меньше их нарушалось. Но, необходимо это или нет, алькальде-майор должен был издавать приказы, иначе он не был бы алькальде-майором. Поэтому последовали другие, столь же непопулярные постановления, пока колонисты не начали думать, как лучше всего остановить это огромное расточительство закона. Хотя они были убеждены, что Энсисо планировал заполучить в свои руки и золото, и власть, и использовать колонистов как инструменты для добычи золота и сдерживания

дикарей, испанская лояльность настолько укоренилась, что даже самые безрассудные члены этого примитивного содружества колебались, прежде чем совершить какой-либо открытый акт, который мог бы навсегда изгнать их из своей страны. Лучше использовать его собственное оружие против бахиллера, ведь закон безопаснее веревки для повешения даже адвокатов.

ВАСКО НУНЬЕС ПРИНИМАЕТ КОМАНДОВАНИЕ.

В Vasco Nuñez была простая прямолинейность мыслей и целей, полная противоположность тем, которые порождали запутанные законы. С тех пор, как он удачно предложил переправиться из Сан-Себастьяна в Дариен, его считали спасителем колонии Новая Андалусия (); и теперь он думал, что видит путь к избавлению от их нынешних бед, и так он им и сказал. «Залив Ураба, — сказал он, — отделяет Новую Андалусию от Кастилии-дель-Оро. На восточной стороне мы принадлежали правительству Алонсо де Охеды, а теперь, когда мы находимся на западной стороне, мы подчиняемся только Диего де Осуаде Никуэсе». Перед этой простой логикой бахильер был ошеломлен. Какая ценность была в юридических знаниях, которые так легко могли быть опровергнуты неграмотным авантюристом? Напрасно он слабо *argumented*, что где бы ни находилась колония Охеды, там господствовал заместитель Охеды. Народ был против него, и мнение народа о нем выразил Васко Нуньес, когда через некоторое время он написал королю о людях такого рода в новых поселениях: «Могущественный повелитель, — сказал он, — я прошу Ваше королевское высочество оказать мне одну большую услугу, поскольку это имеет большое значение для Вашей службы. Вашему королевскому высочеству следует издать указ, чтобы ни один бакалавр права или любой другой науки, кроме медицины, не приезжал в эти части *Tierra Firme* под угрозой сурового наказания, которое определит ваше высочество, потому что сюда не приезжает ни один бакалавр, который не был бы дьяволом, и все они живут как дьяволы, и не только сами являются плохими людьми, но и делают других плохими, всегда придумывая уловки, чтобы вызвать судебные тяжбы и злодеяния. Это очень важно для службы Вашего Высочества в этой новой стране». [\[VII-6\]](#)

Так что адвокат был смещен, а кавалерист возвышен. Энсисо безжалостно уступил свою явную власть; и после долгих споров среди несочетаемого братства было решено создать муниципалитет, и были выбраны два алькальда [\[VII-7\]](#), Васко Нуньес де Бальбоа и Мартин Замудио. Должность регидора [\[VII-8\]](#) досталась, среди прочих, некоему Вальдивии. Впоследствии были выбраны дополнительные должностные лица.

Однако правительство без закона оказалось не менее неэффективным, чем закон без правительства. Недовольство и ссоры продолжались. В сфере отправления правосудия Бальбоа обвиняли в том, что он благоволит своим друзьям и не благоволит своим врагам. Некоторые раскаялись в том, что пересекли пролив; некоторые желали восстановления Энсисо; некоторые предлагали, что, поскольку они теперь находились под юрисдикцией Никуэсы, он имел право править или назначать их правителя.

ПРИБЫТИЕ КОЛМЕНАРЕСА.

В то время как эти конфликты бушевали, жители Антигуа были однажды напуганы звуком выстрела, донесшимся со стороны Сан-Себастьяна. Подумав, что, возможно, Охеда вернулся или прислал припасы, они развели костры на соседних возвышенностях, чтобы привлечь внимание. Вскоре подошли два корабля, и Энрикес де Кольменарес () бросил якорь перед городом. Оказалось, что это были корабли Никуэсы, загруженные на Эспаньоле провизией для колонии Кастилья-дель-Оро и под командованием Родриго Энрикеса де Кольменареса (Rodrigo Enriquez de Colmenares). Из-за плохой погоды он был выброшен на побережье Санта-Марты (Santa Marta), где потерял

часть своих людей ([vii-91](#)). После этого он вошел в залив Ураба (Urabá), надеясь найти информацию о Никуэсе.

Будучи наблюдательным и верным офицером, Кольменарес быстро понял положение дел и принял оперативные меры, чтобы обеспечить своему губернатору такие преимущества, которые могли бы возникнуть в результате бесплодных споров. Благодаря разумному распределению предметов, в которых колонисты очень нуждались, и мудрым советам он завоевал их доверие и частично уладил их распри, так что перед отплытием он убедил их послать двух послов для переговоров с Никуэсой по поводу дел их поселения. Двумя посланниками были выбраны Диего де Альбитес и амбициозный юрист, до сих пор находившийся в тени августейшего Энсисо, по имени Диего дель Коррал, и им было поручено сопровождать корабли Кольменареса на бригантине, принадлежавшей поселению Антигуа.

Было примерно середина ноября 1510 года, когда Кольменарес вошел в залив Ураба. Не сумев собрать никаких известий о Никуэсе, он продолжил свое путешествие на запад, исследуя бухты вдоль побережья. Тем не менее, он проплыл бы мимо Номбре-де-Дьос, если бы не увидел нескольких людей Никуэсы в их лодке у одного из островов, ищущих пищу. Нового прибывшего встретили бурной радостью. Это было спасение от смерти для колонии Кастилья-дель-Оро. Глядя с грустью на бледные лица и истощенные тела перед ними, на жалкие остатки отважной команды Никуэсы, теперь сократившейся до шестидесяти душ, слушая их рассказы о несчастьях, из глаз закаленных моряков текли слезы искреннего сочувствия. С трудом можно было узнать в лидере несчастной группы когда-то веселого и обходительного Никуэсу. Кольменарес дал страдающим пищу и утешил их. Он рассказал Никуэсе о неудаче Охеды, о поселении в Антигуа и о том, как Энсисо и его компания, найдя место, богатое золотом и хорошо снабженное провизией, начали ссориться между собой по поводу управления и в конце концов послали к нему, законному правителю, послов, чтобы уладить свои споры.

Для Никуэсы эти слова были как свежее масло в угасающей лампе. Но в его ослабленном состоянии внезапный переход от полного отчаяния к яркой надежде нарушил его рассудок. После краткой благодарности за спасение его ум возбудились мечты о безграничном богатстве и империи. Он приказал устроить пир, на котором он председательствовал с безрассудной легкомысленностью. По отношению к послам из залива он проявил высокомерную надменность, заявив о своей верховной власти во всех вопросах, касающихся Антигуа, и торжественно поклявшись, что золото, взятое у его подданных из Дариена, должно быть возвращено.

Кольменарес заметил, как изменился характер Никуэсы, и как это отразилось на его подчиненных. Он видел, что недовольство было повсеместным, и что губернатор держался у власти лишь на волоске. Показав Никуэсе безумие его поступков, он объяснил ему, как важно присоединить остатки колонии Охеды к его собственной, и указал на их силу и его слабость; в ответ он получил только надменные упреки.

Между тем послы Альбитес и Коррал, люди с здравым умом, были недовольны этим предвкусием правления Никуэсы; общение с людьми Никуэсы никоим образом не способствовало уменьшению их неблагоприятных впечатлений. Однажды ночью они навестили Лопе де Олано, который за свои грехи был прикован к скале и заставлен молоть зерно. «Посмотрите на мое положение», — воскликнул он. — Я всегда верно служил своему губернатору. Я спас его от гибели, когда мне нужно было только задержать его спасение,

чтобы сам стать губернатором. Вот какова моя награда. Вы, люди из Антигуа, можете сделать свои выводы». Другие сообщили послам, что главные должностные лица нового правительства уже выбраны: Васко Нуньес должен быть лишен всей власти, а Замудио, как родственник Олано, вряд ли может надеяться на лучшую судьбу. Те, кто торговал с туземцами, должны были быть строго наказаны. Этого было достаточно. Ускользнув, они поспешили вернуться в Антигуа. «Вы наделали хорошую кашу своими адскими ссорами», — сказали они собравшимся союзникам. «Никуэса будет править вами более жестко, чем Энсисо, и более произвольно, чем Васко Нуньес и Замудио в десять раз». Через несколько дней от Никуэсы прибыл гонец, некий Хуан де Кайседо, и сообщил им, для их дальнейшего утешения, что губернатор задержался на одном из островов, захватывая туземцев, но вскоре будет с ними. Поняв, что его вести не были встречены с восторгом, и будучи сам озлоблен на Никуэсу, как и почти все его последователи, Кайседо развернулся на 180 градусов и рассмеялся над ними. «Глупые сеньоры! Будучи свободными и богатыми, вы приглашаете корморана, чтобы он поглотил ваше имущество и вас самих». И теперь, как обычно, когда глупость дает о себе знать, проклетия сыпались на них самих и на других. Перспектива потери своего золота тронула их. Что им делать?

Вновь Васко Нуньес предлагает уместное решение. «Вы были недовольны Энсисо и подвергали сомнению многие из моих действий. Теперь вы боитесь губернатора, обладающего всеми плохими качествами ваших прежних правителей и, возможно, лишь немногими их положительными чертами. Если пригласить Никуэсу было ошибкой, то разве не еще большей ошибкой будет не принять его?» Пораженные этим предложением, колонисты отбросили свои разногласия и объединились против Никуэсы, каждый из них торжественно поклявшись никогда не служить под его началом. Затем были выставлены часовые, чтобы предупредить о его приближении, и приняты меры, чтобы помешать его высадке. После восьми дней, приятно проведенных в путешествии по островам, злополучный губернатор входит в гавань и бросает якорь, даже не подозревая о том, какой прием его ждет. На берегу перед городом он замечает группу вооруженных людей, собравшихся, как он полагает, чтобы приветствовать его. Когда он готовится сойти на берег, публичный прокурор [\[VII-10\]](#) подходит к нему и, к его удивлению, громким голосом предупреждает его под страхом смерти не ступать на берег, а немедленно покинуть эти места и больше не возвращаться.

Колония в Антигуа в то время была сравнительно сильной и благоустроенной; последователи Никуэсы были немногочисленны, слабы и недовольны. Ему было невозможно установить свою власть. В последнее время он с увлечением думал о своем восходящем положении, и этот враждебный прием был для него ужасным разочарованием, поскольку это был его последний земной ресурс. Вернуться в разрушенный лагерь в Номбре-де-Дьос означало бы снова попасть в лапы смерти; если он не мог остаться здесь, то он, конечно, не мог уйти.

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НИКУЭСОЙ.

Придя в себя после тяжелого удара, губернатор попросил разрешения высадиться на берег, торжественно пообещав согласиться на любые условия, которые колонисты сочтут справедливыми. Его предложения были заглушены криками толпы, и ему приказали, если он дорожит своей жизнью, не приближаться к берегу. Никуэса продолжал свои протесты до наступления ночи, когда он удалился со своим кораблем немного дальше от берега. Вернувшись на следующее утро, он возобновил свои настойчивые просьбы. По-видимому, в умах людей произошла перемена, и теперь ему разрешили высадиться на берег со своим пажом. Бальбоа любезно принял губернатора, провел его в свой дом и предоставил ему ночлег. Были обсуждены дела

правительства , и два лидера пришли к дружескому соглашению. Фактически, оно сводилось к тому, что один из них должен быть первым, а другой вторым в Кастилье-дель-Оро. На следующий день части экипажа корабля Никуэсы было разрешено высадиться на берег, и Васко Нуньес попытался примирить своих товарищей с правлением губернатора. Но было уже слишком поздно. Бунт легче поднять, чем успокоить. Замудио не только завидовал своему коллеге, но и хорошо понимал, что при предлагаемом режиме на него обрушится ненависть всей оппозиции. Собрав вокруг себя самых грубых элементов, он напомнил колонистам об их клятве и нарисовал им картину бедности и ограничений при предлагаемом правительстве. Ему так удалось разжечь вражду, что Никуэса был рад спастись от оскорблений и насилия, уйдя на свой корабль. Воодушевленный этим, Замудио решил довести дело до конца, захватив губернатора и диктуя ему свои условия. На следующий день он устроил засаду со своими людьми недалеко от пристани и с одним из своих товарищей, Педро Макасом, явился к кораблю. Приветствуя командира, он заверил его, что все в порядке и что теперь он может смело выходить на берег. Никуэса легко попался в ловушку. Присоединившись к заговорщикам, он ничего не подозревая пошел с ними к месту, где скрывалась банда. Когда они подошли ближе, Замудио изменил тон на резко-наглый: «Сеньор Никуэса, — сказал он, — почему вы упорно остаетесь здесь вопреки нашему желанию? Ваше присутствие — наша гибель. Мы не можем ни принять вас, ни покинуть это место. Вы должны немедленно уйти или умереть. Выбирайте». Тем временем его приспешники бросились вперед. Никуэса все понял с одного взгляда. Он был быстрым бегуном, и это было его единственной надеждой. Поэтому, отбросив достоинство, он ускользнул из их рук, помчался со всей скоростью вдоль берега, обогнал своих преследователей и свернул в лес, чтобы спрятаться.

Когда Васко Нуньес увидел, в какое отчаянное положение попал Никуэса, все великодушные порывы его натуры пробудились. Он ненавидел себя за ту роль, которую сыграл, и проклинал гнусную амбицию, которая так несправедливо унизила такого рыцарственного джентльмена. С еще большей решимостью, чем прежде, он разыскал Никуэсу в лесу, а затем попытался вызвать сочувствие колонистов и даже запугать их, но все было тщетно. Были те, кто хорошо понимал, что они зашли слишком далеко, чтобы их когда-либо простили.

ПЕЧАЛЬНАЯ СУДЬБА НИКУЭСЫ.

Сатана теперь полностью овладел Замудио. Ни один демон не смог бы придумать и осуществить более подлое деяние, чем то, которое было предложено сейчас. С шестьюдесятью людьми он вошел в лес, схватил Никуэсу и заставил его немедленно поклясться отплыть в Испанию, не заходя ни в один порт, пока не достигнет Кадиса. Затем, как бы в насмешку, он отобрал у него единственное пригодный для плавания корабль, посадил его на старый бригантин, теперь гнилой и небезопасный, который использовался в Верагуа, и отправил его с семнадцатью людьми и несколькими преданными членами его семьи. Это было в марте 1511 года, когда недавно гордый и галантный Никуэса был таким образом изгнан из Антигуа, и ни о нем, ни о ком-либо из этой злополучной компании больше никогда не было слышно! [\[VII-11\]](#)

ГЛАВА VIII.

ФРАКЦИИ И ПОИСКИ ПРОЖИВАНИЯ В ДАРИЕНЕ.

1511-1513 гг.

Гарнизон в Номбре-де-Дьос — Тонкая дипломатия — Васко Нуньес принимает командование — Энсисо, его жизнь и сочинения — Город и тюрьма — Права убежища — Путешествие Вальдивии — Миссия Замудио — Экспедиция в Коибу — Карета отдает свою дочь Васко Нуньесу — Понка наказан — Хура, дикий государственный деятель — Визит испанцев в Комагре — Пансиако рассказывает им о южном море — История Вальдивии, который потерпел кораблекрушение и был съеден каннибалами — Васко Нуньес отправляется в безбожное паломничество к Золотому храму Дабайба — Заговор, организованный туземцами с целью уничтожить Антигуа — Фульвия раскрывает заговор — Дариен успокаивается — Васко Нуньес получает королевское поручение — Серьезные обвинения — Васко Нуньес решает открыть Южное море, пока его не остановил арест.

Таким образом, прошло первое десятилетие бедствий на Tierra Firme; таким образом, прошло открытие Родриго де Бастидаса в 1501 году; безуспешная попытка Колумба в Верагуа в 1502 году; провал импульсивного Охеды и смерть ветерана-лоцмана Хуана де ла Коса; основание Номбре-де-Дьос и Антигуа; уничтожение великолепного флота Диего де Никуэса и печальная судьба его командира. Между тем мы видим, как из фракций Антигуа выделяются две заметные фигуры: Франсиско Писарро и Васко Нуньес де Бальбоа. Теперь мы будем дальше наблюдать за обществом в Дариене и попытками испанцев управлять собой и умиротворять своих соседей.

Когда Диего де Никуэса отплыл, чтобы принять командование в Антигуа, он оставил в крепости Номбре-де-Дьос небольшой гарнизон под командованием Гонсало де Бадахоса, а Алонсо Нуньес де Мадрид был назначен алькальдом. Их запасы провианта стали на исходе, а ожидаемая помощь не прибыла, и они, как невоспитанные волки, начали сражаться за оставшуюся немногочисленную пищу, и если бы не своевременное прибытие Кольменареса, цивилизация в Номбре-де-Дьос вскоре бы погибла. Они с энтузиазмом согласились на предложение присоединиться к своим соотечественникам в Антигуа и без промедления отплыли на двух бригантинах, присланных для этой цели. Лопе де Олано был освобожден и впоследствии завоевал высокое уважение Бальбоа. Таким образом, после отправления несчастного Никуэсы поселение Антигуа включало в себя все, что осталось от двух колоний Нуэва-Андалусия и Кастилья-дель-Оро, и насчитывало около двухсот пятидесяти человек. [IVIII-11](#)

Окончательное исчезновение двух командиров никоим образом не устранило разногласия в колонии. Фракции приобрели более широкие масштабы, чем когда-либо. Группа из двухсот пятидесяти медведей, выполнив дневные обязанности, с удовольствием растягивалась под уютной покровом; но интеллектуальные и нравственные звери, в силу своего

превосходства, обречены на вечное проклятие управления; и не имеет большого значения качество или количество стада; глупцы все равно будут бороться за господство.

ГЛУБОКАЯ ДИПЛОМАТИЯ.

Самудио, за которым следует банда, изгнавшая Никуэсу, претендует на превосходство в Антигуа в награду за свои злодеяния. Энсисо, ученый и бескорыстный представитель высших слоев господства, земного и небесного, никогда не перестает распространять высокий и святой закон среди этих заблудших людей. Васко Нуньес держится в стороне, но в душе он чувствует, что ни Замудио, ни Энсисо не должны править Антигуа. Все, что ему нужно сделать, — это продолжать, как и прежде, обращать оружие его противников против них самих. Юриста он побеждает законом, а грубияна — давая ему веревку, на которой он сам повесится. В данном случае, как искусный тактик, он разделяет своих противников и натравливает их друг на друга. Отведя в сторону Замудио (), он объясняет ему, что для продолжения муниципального правления необходимо лишить бахиллера всей власти. Не имея намерения отказываться от преимуществ должности, ради которой он так много рисковал, Замудио с готовностью прислушивается к его словам. Юриста нужно успокоить, но законными средствами. Можно применять жесткие меры, но только в исключительных случаях. Закон — слишком полезное оружие, чтобы умные мошенники могли его отбросить. Поэтому два акальдеса совещаются и формулируют обвинения, подходящие к случаю. Энсисо обвиняется в умышленном узурпации власти, в том, что он взял на себя обязанности и выполнял функции акальде-майора без разрешения короля — действительно серьезные обвинения, исходящие от столь щепетильного общества. Умение адвоката защищаться не приносит ему никакой пользы. Он признан виновным, его имущество конфисковано, а он сам брошен в тюрьму. [\[VIII-2\]](#) Однако он не долго остается в заключении, а освобождается под обещание немедленно покинуть страну. [\[VIII-3\]](#) Таким образом, один из двух амбициозных Цезарей устранен, но что делать с другим? Снова Васко Нуньес отводит Замудио в сторону и выражает опасение, что разъяренный бахильер, оказавшись в Испании, настроит короля против них и подаст ложные заявления в трибунал Индий относительно качества правосудия, осуществляемого алькальдами Антигуа. «Не было бы хорошо, — продолжает Бальбоа, — если бы один из нас сопровождал бахиллера? Таким образом, мы сможем не только оперативно опровергнуть ложные утверждения, но и укрепить наше правление на более прочной основе». Замудио понимает эту необходимость и в конце концов соглашается принять это поручение. Таким образом, Васко Нуньес остается править в одиночку и прилагает все усилия, чтобы прочно укрепить свое правление. Укрепляя своих друзей, он примиряет своих врагов; прежде всего он стремится справедливо относиться ко всем и добивается в этом немалого успеха. Заботясь об их комфорте и проявляя строгую беспристрастность в распределении добычи, он завоевывает сердца воинов. Даже Овьедо, который не был дружелюбен к Бальбоа, говорит: «Ни один вождь, когда-либо бывавший в Индии, не мог сравниться с ним в этом отношении». И все же, несмотря на накопленные почести, их обладатель не чувствует себя вполне спокойно. «Никто не должен надеяться править этой землей, — пишет Васко Нуньес королю, — сидя или спя, ибо если он уснет, то никогда не проснется. Днем и ночью я думаю только об интересах Вашего Величества. В каждой битве я веду своих людей и, подавая правдивый пример и доброжелательно обращаясь с туземцами, стремлюсь привлечь к благосклонности правительство Вашего Величества в этих краях».

Не следует полагать, что поселенцы все это время бездельничали или что коренные жители и их золото были заброшены. Город вырос в размерах и значимости с момента изгнания Семако. Улицы были регулярно проложены вокруг *площади*, [\[VIII-4\]](#) или общественной

площади, общей для всех испанских городов, и были построены церковь и религиозные дома, поскольку священники прибыли сюда вместе с остальными.

ЭНСИСО И АЛЬКАЛЬДЫ.

Пока Энсисо готовился к отъезду, Бахильер Коррал, капитан Бадахос и другие враги Бальбоа использовали время, чтобы тайно составить список ошибок обоих алькальдов и подговорить других помочь в обвинении правителей. Эти обвинения должны были быть переданы королю Энсисо. Узнав об этом, алькальдес схватили зачинщиков и заключили их в клетку, [VIII-51](#) муниципальную тюрьму, расположенную в центре площади. Но заключенные сбежали из клетки в францисканский монастырь и, потребовав защиты святилища, [VIII-61](#) были в конце концов освобождены.

Вальдивия, регидор, был другом Бальбоа; перед тем, как покинуть плантацию Сальватиерра, они были в тесных дружеских отношениях. Требовались припасы, а Энсисо и Замудио нуждались в проезде в Испанию. Поэтому, взяв небольшое судно и вверив Вальдивии большое количество золота, [VIII-71](#) Васко Нуньес отправил его на Эспаньолу с поручением завоевать расположение губернатора Диего Колона и Пасамонте [VIII-81](#) казначея короля, а также привезти с собой новых рекрутов. Регидор добился немалого успеха. Он ярко описал богатства Tierra Firme и важные заслуги Васко Нуньеса и получил от губернатора полномочия, разрешающие Бальбоа действовать в этих краях в качестве его заместителя. Он умолял своего друга Пасамонте оказать влияние на короля, но Энсисо активно противодействовал этому.

Тем временем Бальбоа преследовали не самые радостные мысли. Он хорошо знал, насколько шатким было его положение. Он постоянно помнил о несправедливости, совершенной Никуэсой. Хотя он и не был главным преступником в этом деле, он знал, что был достаточно виновен. Однако до того, как дело было сделано, и после этого он стремился загладить свою вину. «Один, два, три раза, — писал он королю, — я посылал помощь людям Никуэсы и спасал их, когда они умирали по пять-шесть человек в день». Кроме того, он должен был признаться, что поступил с бедным Энсисо несколько постыдно; а бахильер был сильнее там, где закон был сильнее; а Замудио перед королем вел себя не так, как перед своими головорезами в Антигуа. Оставался только один путь. Действие было словом. Если он хотел играть роль великого человека и управлять другими, он должен был заняться чем-то более благородным, чем политические распри и демагогия в Антигуа. Золото помогло бы ему; он хорошо понимал слабость чиновников в этом отношении; но заметное приключение, великое открытие были бы лучше. В любом случае, что бы он ни решил, он должен был действовать немедленно, пока не лишился своего нынешнего небольшого авторитета.

Прежде всего, он начал свою великую карьеру, приняв на себя роль великого человека. Никогда человек не бывает ближе к истине, чем когда он притворяется скромным и проклиная себя за свою глупость. Без обидной показной пышности он принял на себя достойные формы достоинства, присвоил себе титул губернатора, назначил офицеров и обучил солдат тактике ведения войны с индейцами.

БИТВА С ЦЕМАКО.

Примерно в двадцати лигах к западу от Антигуа, граничащей с землями Семако, находилась индейская провинция под названием Койба, вождем которой был Карета [VIII-91](#). Губернатор, узнав, что Карета богат золотом и кукурузой, отправил туда небольшой отряд под командованием Писарро, которого он сделал капитаном. Они едва успели выйти в поход, как столкнулись с Семако, возглавлявшим четыреста человек, все из которых, как и их вождь, были охвачены неугасаемой яростью. С

тех пор как незнакомцы высадились на берег, чтобы захватить их дома, дикари ни на минуту не спускали с них глаз. Бороться было безнадежно, поскольку они были обнажены, но зачем им было жить, если у них отняли дома, земли и все имущество? Способ ведения войны также был не в пользу туземцев; они не сражались здесь, как в Сан-Себастьяне, с помощью отравленных стрел, выпущенных из-за камней и деревьев, а вступали в рукопашную схватку, противопоставляя свои незащищенные тела стальным оружием испанцев, на кольчуги которых их дротики и дубины падали безвредно. Тем не менее, сражение началось, и оно было ожесточенным. Трудно поверить Эррере, когда он говорит, что у Писарро было всего шесть человек, которые, когда четыреста врагов окружили их, выпотрошили сто пятьдесят дикарей и обратили остальных в бегство. Поспешно вернувшись в Антигуа, оставив одного раненого на поле боя, Писарро предстал перед губернатором измученным и истекающим кровью. Гнев Бальбоа по поводу дезертирства на мгновение пересилил его восхищение отчаянным мужеством, проявленным маленьким отрядом (), и, обращаясь к Писарро, он резко сказал: «Немедленно иди и приведи мне Франциско Эрнана, и, если ты ценишь свою жизнь, никогда больше не оставляй ни одного из моих солдат в живых на поле битвы». Писарро ушел и вскоре вернулся со своим раненым товарищем. Бальбоа немедленно встал во главе сотни человек и отправился в погоню за Семако, решив истребить племя (); но, проплыв некоторое расстояние вверх по реке и не найдя врага, он отказался от преследования. Едва он вернулся, как в Антигуа появились две бригаантины, отправленные в Номбре-де-Дьос за остатками людей Никуэсы. Они не принесли никаких новостей о Никуэсе, к большому разочарованию Бальбоа, который теперь с удовольствием укрепился бы в менее возвышенном месте и поставил Антигуа под знамя законного правителя территории.

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ КАРЕТЫ.

Свежие сообщения о богатствах Коибы, принесенные этим прибытием, вскоре развеяли сомнения губернатора и обратили его мысли в другое русло. Похоже, что когда корабли возвращались из Номбре-де-Дьос, они причалили к берегу Коибы, где их встретили два раскрашенных дикаря, говорившие на простом кастильском диалекте. Загадка была решена, когда мужчины сказали им, что они — джентльмены-ренегаты, сбежавшие из колонии Никуэсы из-за страха наказания за проступок. После долгих и опасных скитаний по пустыне они, полумертвые, бросились на милость Кареты, который принял их с любезной вежливостью, предоставив им еду и всяческую доброту, за что они теперь были готовы отплатить, предав испанцам сокровища вождя, поскольку он был очень богат.

Испанцы сразу же согласились на этот акт предательства и были готовы к приключению в любой момент. Из-за их слабого состояния Кольменарес посоветовал отложить операцию и договорился, что один из злодеев пойдет с ними в Антигуа, а другой останется с Каретой, чтобы в нужный момент предать его. Губернатор не испытывал ни малейших угрызений совести, воспользовавшись этим подлостью. Со ста тридцатью людьми он двинулся на Коибу, приказав двум бригаантинам встретить его там. Действуя под руководством беглеца, которого он сделал своим доверенным лицом и советником, Карета вышел навстречу испанцам, привел их в свою деревню и принял их по мере своих возможностей. Бальбоа начал со скромной просьбы о предоставлении кукурузы для заполнения его кораблей. Карета ответил, что из-за войны с его вечным врагом, Понкой, он в этом году ничего не посадил и поэтому не имеет излишков. Испанский друг Кареты заверил своих соотечественников, что это неправда, что у дикаря есть изобилие. Этого было достаточно. Язычник солгал христианину. Пусть эта нация будет проклята!

Попрощавшись с вождем и поблагодарив его за гостеприимство, испанцы отплыли, как будто направляясь в Антигуа, но около полуночи они вернулись, атаковали деревню с трех сторон, убили жителей, сожгли дома, загрузили бригантины добычей и увезли Карету и его семью в плен в Антигуа. «Почему вы это делаете? — спросил Карета. — Чем я вам навредил? Заберите мое золото, но верните меня в мою страну. И в знак моей доброй воли я оставляю вам в заложницы свою дочь. Возьмите ее, и давайте будем друзьями». Это предложение понравилось губернатору не столько из-за выгоды союза, сколько из-за влияния, которое оказала на него очаровательная смуглая девушка, ведь она была очень красива и уже отдала свое сердце христианскому вождю. И так, согласно обычаям ее народа, она стала его женой, хотя и не вышла замуж по испанскому обычаю; и Васко Нуньес всегда лелеял ее с нежной любовью.

Прежде чем отпустить новых союзников с подарками в их дома, позаботились о том, чтобы вызвать у них восхищение, показав им оружие и инструменты цивилизации и раскрыв им доктрины истинной веры. Эти доктрины, должно быть, казались странным контрастом к кровожадным деяниям испанцев.

Совместная экспедиция против Понки, в которой Бальбоа участвовал с восьмьюдесятью людьми, захватила владения этого вождя, нанеся ему большой ущерб и принеся испанцам некоторую выгоду в виде провианта и золота.

К землям Кареты, на побережье к западу от реки Кариба (), примыкали земли Комагре (Comagre), [\[VIII-10\]](#) народ которого насчитывал десять тысяч душ и три тысячи воинов. Бальбоа посетил его мирно, по договоренности о дружеской встрече, заключенной местным *джура* (*jura*), или чиновником, дезертиром из совета Кареты, который обиделся на своего господина и присоединился к Комагре. Хура был грубым государственным деятелем и дипломатом. Он знал об испанцах, об их страшных деяниях и об их союзе с Каретой; и, будучи честным и благонамеренным дикарем, он думал предотвратить катастрофу, установив дружеские отношения.

ИСТОРИЯ ПАНЧАКО. В сопровождении свиты Комагре встретил своего высокого гостя и с большими почестями провел его во дворец, [\[VIII-11\]](#) который по своим размерам, прочности и грубому великолепию намного превосходил все, что испанцы видели в Новом Свете. Среди многочисленных потомков Комагре, который был многократно женат, было семь сыновей, отличавшихся доблестью и благородством поведения. Старший, Панчако, сочетал в себе высокомерное поведение с исключительной проницательностью. Он сразу же понял превосходство стальных оружий, увидел, что испанцы жаждут золота, и решил, что нашел легкий способ завоевать их расположение. Собрав четыре тысячи унций тонко обработанного металла, он преподнес его испанцам вместе с семьюдесятью рабами и стал наблюдать за реакцией. Сначала торжественно отложили в сторону пятую часть короля. Затем они начали делить между собой остальное золото, и при этом возник спор, который заставил Панчако презрительно скривить губы, наблюдая, как они взвешивают драгоценный металл. Их перепалки становились все громче, а затем перешли в драку. В конце концов, преодолев отвращение, Панчако бросился вперед и нанес весам сильный удар, от которого их драгоценное содержимое разлетелось в разные стороны. «Зачем ссориться из-за такой мелочи!» — воскликнул он. «Неужели ради этого вы покидаете свою страну, пересекаете моря, терпите лишения и нарушаете мир между народами? Прекратите свою жадную ссору, и я скажу вам, где вы сможете насытиться золотом. Шесть дней пути

через ту гору приведут вас к океану, подобному тому, который находится рядом с нами, где есть корабли, такие же большие, как ваши, города и безграничные богатства».

Забыв о манере разговора, испанцы слушали с жадным вниманием. «Что ты говоришь?» — спросил Васко Нуньес. «Какие у тебя доказательства?» «Послушайте меня, — ответил Панчако. — Вы, христиане, кажется, цените этот металл больше, чем тело, жизнь или душу; больше, чем любовь, ненависть, месть. Должно быть, он обладает какой-то таинственной силой, чтобы так очаровывать людей! Мы, не способные понять его тонкое действие, больше ценим друзей и сладкую месть. У моего отца есть давний враг, Тубанама, который живет за горами, возвышающимися над другим морем. С незапамятных времен наш народ сражался с его народом; многие были убиты с обеих сторон, а многие порабощены. Если бы мы могли хоть раз унижить этого ненавистного Тубанаму, никакая жертва не была бы слишком велика. Золото будет твоим; дай нам месть. Путь труден, враг свиреп. Тысяча испанцев — это не слишком много, чтобы успешно справиться с ним. Подготовь свою армию. Я сам буду сопровождать тебя со всеми воинами нашего народа; привяжи меня крепко; держи меня под строгой охраной; и если мои слова окажутся ложными, повесь меня на ближайшем дереве».

[\[VIII-12\]](#) Васко Нуньес задумался. Область его судьбы, казалось, внезапно расширилась. Если то, что сказал молодой человек, было правдой, и он мог раскрыть тайну и принести на свет народов эту другую сторону Tierra Firme, временный губернатор горстки разнородных колонистов мог бы достичь вечной славы как один из величайших первооткрывателей мира, и реализовать мечту Колумба — править Aurea Chersonesus царя Соломона. Тому, кто может исполнить, предоставляется возможность. «Бог открыл секреты этой земли только мне», — благочестиво пишет он 20 января 1513 года, «и за это я никогда не перестану благодарить Его». Но откуда взять необходимую тысячу человек? После тщательного допроса Комагре, Кареты и других вождей о трамонтанских регионах испанцы вернулись в Дариен, но не прежде, чем многие из туземцев отреклись от идолопоклонства и приняли крещение из рук священников. Там они обнаружили, что Вальдивия вернулся из Санто-Доминго после шестимесячного отсутствия с небольшим запасом провианта и, что было наиболее важно для Васко Нуньеса в данный момент, с поручением от Диего Колона в качестве губернатора Антигуа.

Чтобы предотвратить нехватку продовольствия, которая до сих пор была одной из главных причин неудач всех попыток колонизации Tierra Firme, губернатор в этом году распорядился засадить большой участок земли, прилегающий к Антигуа, причем работа, конечно, выполнялась пленниками. «Продовольствие было для нас более важным, чем золото», — писал Васко Нуньес в письме королю. Но ураган, за которым последовало наводнение, уничтожил урожай, и Вальдивия снова был отправлен на каравелле в Санто-Доминго за провизией. В письме Диего Колону губернатор в преувеличенных выражениях изложил свои дальнейшие знания о стране, остановившись на полученной информации о большом море на юге и прося помощи в наборе тысячи человек для его открытия. Золото на сумму пятнадцать тысяч песо [\[VIII-13\]](#) было отправлено королевским чиновникам в качестве королевской доли за последние шесть месяцев. Крупные суммы были также отправлены частными лицами своим друзьям и кредиторам в Эспаньолу и Испанию. Но все это было напрасным. Потому что, когда судно приблизилось к Ямайке, оно попало в шквал, было унесено на запад и брошено на скалы у побережья Юкатана. Корабль и груз были полностью потеряны. Двадцать человек без воды, еды, парусов и весел в открытой лодке спаслись, сохранив лишь жизнь.

УЖАСНАЯ СУДЬБА ВАЛДИВИИ.

А теперь следует еще одна история о несчастьях, которая вполне

могла бы украсить анналы Ахерона. В своем беспомощном состоянии они тринадцать дней плывут по течению; треть из них умирает от жажды, а выжившие дрейфуют к еще более ужасной судьбе. Выброшенные на берег Майя, они захвачены дикарями, помещены в загон и хорошо накормлены. После их страданий в море это не так уж плохо, но однажды Вальдивия и четверо других были отвезены в храм и принесены в жертву, а их зажаренные конечности съели в честь богов; эта перспектива вызвала у выживших дискомфорт, и, охваченные отчаянием, они разбили клетку и сбежали в лес, где бродили голые и голодные, пока жизнь не стала для них бременем. Затем они бросаются к ногам Ахина Ксука, вождя Джаманканы, соседа и врага правителя майя. Он и его преемник, Таксмар, заставляют их служить в качестве выючных животных, пока в живых остаются только двое: Гонсало Герреро, моряк, и Херонимо де Агилар, монах. В результате обмена пленными моряк становится собственностью Начана Кана, вождя Четумалья. Смелый и жизнерадостный, он достигает варварского отличия, становится великим полководцем, женится на принцессе и в последующие годы, когда появляется возможность, отказывается вернуться к цивилизованной жизни. Монах спасается Кортесом в 1519 году, в связи с чем мы снова с ним встретимся. [IVIII-141](#)

ДАБАЙБА И ЕГО ЗОЛОТОЙ ХРАМ.

Каннибалы – ужасные существа, но их зубы были не так остры, как испанская сталь, которая, следуя закону выживания, общему для всего животного мира, в это время свободно жертвовала жизнями в Антигуа. «Тридцать вождей уже были убиты в попытке умиротворить эту страну, — пишет Васко Нуньес Диего Колону, — и теперь, когда я вынужден продвигаться еще дальше в поисках продовольствия, я должен убивать всех, кто попадается мне в руки; иначе наша колония не сможет существовать, ожидая помощи». В соответствии с этой гуманной мерой в начале 1512 года — это было в конце 1511 года, когда Вальдивия отплыл на Эспаньола — губернатор организовал экспедицию против Дабайбы, [VIII-151](#) богатой провинции, расположенной примерно в тридцати лигах к югу.

Об этом месте ходили поразительные истории. В храме, облицованном золотом, приносили в жертву рабов для ублажения богов, которые в ответ на милости своих поклонников совершали чудеса, так что Дабайба стала Меккой в пустыне. Конечно, было возмущением против небес, что языческие боги обладали таким количеством золота и славы; хотя голод и алчность, возможно, в равной степени, как и благочестие, способствовали организации запланированного набега.

Выбрав сто шестьдесят человек, Васко Нуньес отплыл на двух бригантинах к устью реки. [VIII-161](#) Там он разделил свои силы, отправив одну треть под командованием Кольменареса вверх по каналу Сан-Хуан, а с остальными поднялся по Рио-де-лас-Редес, более прямому пути к Дабайбе, как ему сообщили. Но взгляд Семако, полный неумолимой ненависти, по-прежнему был прикован к ним. Поднимая страну на борьбу, он убедил вождей вдоль реки отступить и оставить завоевателям опустошенные поля, что привело к провалу экспедиции. Тем не менее, испанцы захватили в нескольких милях вверх по реке две каноэ с добычей на сумму семь тысяч песо, но, достигнув залива, они перевернулись в шторме, и гребцы утонули. Затем Бальбоа направился к реке Сан-Хуан и присоединился к Кольменаресу, после чего вся группа поднялась по каналу Негро на шесть лиг и захватила город из пятисот домов, управляемый вождем по имени Абенамечей, которому испанец жестоко отрубил руку после того, как он был взят в плен. Оставив там половину людей под командованием Кольменареса, с остальными Бальбоа продолжил подъем по течению, пока, войдя в небольшой приток, не оказался на территории Абибеибы, жители которой строили свои дома на ветвях пальм, поднимаясь по лестницам, которые на ночь убирали для

безопасности. В домах хранился запас камней для артиллерийских целей. Увидев приближающихся испанцев, люди побежали, как белки, к своим домам и, подтянув за собой лестницы, вообразили себя в безопасности.

Подойдя к дереву, в котором жил вождь, Бальбоа приветствовал его и приказал спуститься. «Что привело вас сюда, чтобы беспокоить меня?» — спросил вождь. «Идите своей дорогой. Я не знаю, друзья вы или враги. У меня нет золота. Я хочу только, чтобы меня оставили в покое». Испанцы ответили, приложив топор к дереву, и когда вождь увидел, как летят щепки, а его каменный град безвредно падает на людей в кольчугах внизу, он сдался, и жители деревни спустились на землю.

РАСКРЫТЫЙ ЗАГОВОР. После дальнейших поисков продовольствия и сражений с переменным успехом губернатор вернулся в Антигуа, оставив Бартоломе Уртадо с тридцатью одним человеком владеть страной. Более половины из них заболели, и Уртадо неосторожно отправил их в Антигуа с двадцатью четырьмя пленниками. Они не прошли и трех лиг, как на них напал Семако со ста воинами; и из испанцев только двое смогли спастись, чтобы донести эту новость до Эль-Хуртадо, который поспешил в Антигуа с дополнительной информацией о том, что пять вождей, а именно Абибейба из высокого деревянного дома, Абенамечи с отрубленной рукой, Дабайба из золотого храма, Абрайба и Семако из Дариена, объединились с пятью тысячами человек, чтобы истребить испанцев. К этой слухе отнеслись с недоверием, пока Васко Нуньес не получил информацию от одной из своих любовниц, которую он называл Фульвией, что ее брат предупредил ее, чтобы она покинула город в определенную ночь, чтобы не попасть в задуманную резню. Любовь взяла верх над долгом, и Фульвия раскрыла секрет. Она спасла поселение, но потеряла свою страну.

Бедное сердце женщины, тронутое любовью! Васко Нуньес убедил Фульвию заманить туда своего брата, который был схвачен и вынужден признаться в заговоре. Кроме того, он рассказал Бальбоа, что на его полях работали сорок человек, давно поклявшиеся убить его, но, поскольку он всегда появлялся перед ними вооруженным и в доспехах, верхом на украшенной лошади, что было для них самым страшным, они боялись напасть на него. Место встречи заговорщиков было в Тичири, недалеко оттуда. С семьюдесятью людьми, по окольному пути, Бальбоа двинулся на лагерь, а Кольменарес с равными силами поднялся по реке на каноэ, ведомый предателем, братом Фульвии. Неожиданно атакованные с двух сторон, союзники были сбиты с толку; многие были убиты, а многие взяты в плен. Главнокомандующий был удостоен чести быть застреленным стрелами, а остальные были повешены. Семако сбежал. Этот удар был настолько внезапным, смелым и суровым, что, пока существовала Антигуа, дикари так и не оправились от него, и деревянная крепость, которую Бальбоа немедленно построил для защиты от будущих неожиданностей, оказалась практически ненужной.

Умиротворив туземцев, испанцы получили свободу для разработки новых проектов. Золото и зерно в окрестностях Антигуа были почти исчерпаны, и необходимо было найти новые месторождения. Срок возвращения Вальдивии истек, и Васко Нуньес засомневался в честности регидора, опасаясь за безопасность своего сокровища. Не выдержав напряжения, он решил посетить Испанию и отстаивать свою позицию перед королем. Но колония возразила. Друзья заявляли, что его присутствие необходимо, а враги видели опасность в его отсутствии. В конце концов было решено, что Кольменарес и Кайседо, два достойных человека, которые были верны Никуэсе, пока Никуэса был верен себе, и верны Васко Нуньесу, должны взять единственное оставшееся судно, пригодного для плавания, и

отплыть в Испанию в интересах колонии. Недоверчивое население пришло к этому соглашению, исходя из того, что если Бальбоа уедет, он обеспечит все преимущества себе или никогда не вернется, а Кольменарес, оставивший большое имущество в виде земель и рабочих, и Кайседо, имевший настоящую испанскую жену, к которой он был преданно привязан, обязательно вернутся.

Губернатор снова написал Пасамонте, прося его о помощи, не забыв, помимо пятой части королю, ценный подарок в виде золота для королевского казначея. Комиссары отплыли из Дариена в октябре 1512 года и достигли Испании в мае следующего года.

Тем временем в Антигуа жизнь текла своим чередом. Сначала ничего интересного не происходило, но состав этого общества был таков, что бездеятельность неизменно приводила к самовозгоранию. Опять все сосредоточилось вокруг правящих сил. «Кто этот Васко Нуньес, что он смеет господствовать над нами? Предатель! Беглый должник! Он из бочки!» Непосредственной причиной вспышки было назначение на должность непопулярного Хуртадо; более конкретными обвинениями были пристрастность в распределении добычи и незаконное присвоение полномочий, принадлежащих королевскому правителю.

Новую фракцию возглавил некий Алонсо Перес де ла Руа, который из-за мнимого оскорбления топал ногами и ревел о мести. Агитация стала угрожать беспорядками, и Перес был арестован и помещен под стражу. Повстанцы хватались за оружие и требовали освобождения своего лидера, а когда им отказали, они приготовились спасти его силой. Губернатор встал во главе своих сторонников, и обе стороны приготовились к сражению. В этот момент третья сторона, состоящая из тех, кто не принимал активного участия в спорах, и включающая многих уважаемых колонистов, вмешалась с мирными мерами. Перес был освобожден, но, продолжая испытывать ненависть, он поднял свою партию и взял в плен Уртадо, который, в свою очередь, был освобожден по решению примирителей.

После кратковременного процветания рыцарства общественное внимание переключилось на алчность. Среди еще неразделенной добычи было золото, добытое во время недавних набегов на реку Аtrato, стоимостью в десять тысяч кастельяно. Недовольные требовали немедленного его раздела.

ГУБЕРНАТОР УХОДИТ.

Губернатор хорошо понимал, что в их нынешнем настроении удовлетворить их было не под силу никому. Даже если бы всеведущая справедливость распределила это сокровище, из этого выросли бы новые проблемы. Поэтому он решил принять неуклонную политику, уйти со сцены и дать им возможность, к которой они были так готовы, пролить кровь. Покинув город ночью, якобы для охоты, он оставался вдали несколько дней, оставив их на произвол судьбы. Результат был таким, как он и предполагал. Оказавшись свободными, бунтовщики возвели на пост командующего Переса из числа раненых и Бачиллера Корраля. Затем они ворвались в общественную кладовую, вынесли оттуда золото и передали его своим лидерам для распределения. Доказательством справедливости распределения было то, что все остались недовольны. Каждый, считая свои заслуги выше большинства и не уступающими никому, думал, что получил слишком мало, а другой — слишком много. Они начали подозревать, что совершили ошибку. В их тупые мозги проникло смутное осознание несчастий, которые смешиваются с восторженными сладостями правления. Партия Бальбоа быстро взяла верх, бросив зачинщиков восстания в тюрьму, и стала ждать возвращения губернатора.

«Ваше высочество должно знать, — пишет Васко Нуньес об этом деле королю 20 января 1513 года, — что несколько дней назад здесь произошли небольшие разногласия, потому что алькальды, полные зависти и лжи, пытались арестовать меня. Не сумев этого сделать, они выдвинули против меня ложные обвинения и привели ложных свидетелей. Я жалуюсь на это Вашему Высочеству, ибо если эти люди останутся безнаказанными, ни один губернатор, которого Ваше Высочество пошлет сюда в будущем, не будет свободен от этого зла. Чтобы Ваше Высочество знало правду об этом деле и о моих великих и верных услугах в этих частях Индий и Tierra Firme, я назначил двух судей для расследования моего поведения и доклада Вашему Величеству обо всем, что я сделал. Я надеюсь, — заключает скромный кавалер, — что Ваше Величество прочитает все это и вознаградит мои великие заслуги в соответствии с их ценностью».

Примерно в это время в Антигуа прибыли два корабля под командованием Кристобала Серрано, посланные Диего Колоном, с 150 людьми и провизией для колонии. Но больше всего Васко Нуньеса обрадовала королевская комиссия, подписанная Пасамонте, казначеем, наделяющая его верховной властью в колонии. Таким образом, утвердившись в своей власти в Эль-, и будучи щедрым по натуре, губернатор по просьбе друзей легко простил мятежников и освободил их.

Однако другое сообщение, которое Васко Нуньес получил с этим прибытием, вызвало у него немалую тревогу. Это было письмо от Замудио, в котором он сообщал о своей неудаче в примирении королевской милости. Как и опасались, бакалавр Энсисо, горя от чувства обиды, донес на алькальдов перед Советом Индий и вызвал гнев короля, рассказав о изгнании Никуэсы и его вероятной смерти. Совет постановил, что Энсисо должен быть компенсирован, а Васко Нуньес должен быть вызван в суд для ответа на более серьезные обвинения. Более того, Замудио с трудом избежал ареста, наложенного на него Советом.

РЕШЕНИЕ БАЛБОА.

Это было как полынь в чаше радости Бальбоа. Однако это было не совсем неожиданно и не совсем незаслуженно. В этом было одно утешительное обстоятельство: информация была конфиденциальной. Он по-прежнему был хозяином самого себя и губернатором колонии. Может быть, каким-то выдающимся подвигом он сможет покрыть свои проступки и завоевать королевскую милость? На юге было то загадочное море, о котором рассказывал Пансиако. Именно то, что нужно, если были бы люди и средства для его достижения. Средства! Не было времени говорить о средствах; следующий приезд принесет ордер на его арест. Сделать это без средств и тем самым завоевать еще большую славу. Где был настоящий испанский кавалерист, который колебался бы в такой чрезвычайной ситуации? Даже сама опасность была очаровательна. Он делает это или умрет!

ГЛАВА IX.

ОТКРЫТИЕ ТИХОГО ОКЕАНА.

1513

ОТПРАВЛЕНИЕ ВАСКО НУНЬЕСА ИЗ АНТИГУА — ПРИЕМ КАРЕТЫ — ТРУДНОСТИ, С КОТОРЫМИ ПРИШЛОСЬ СТОЛКНУТЬСЯ — КОВАРНЫЙ ХАРАКТЕР СТРАНЫ — ИСТОРИЧЕСКИЕ ГОНЧИЕ — ПРИМИРЕНИЕ С ПОНКОЙ — ЗАХВАТ КВАРЕКУА — ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НА ТИХИЙ ОКЕАН С ВЫСОТ КВАРЕКУА — ИСПАНЦЫ СПУСКАЮТСЯ В ЧИАПЕС — ОФИЦИАЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ ВО ВЛАДЕНИЕ ЮЖНЫМ МОРЕМ — ФОРМА ВСТУПЛЕНИЯ ВО ВЛАДЕНИЕ — НАЗВАНИЯ ЮЖНОЕ МОРЕ И ТИХИЙ ОКЕАН — ДАЛЬНЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ — ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА КАНОЭ — ЗОЛОТО И ЖЕМЧУГ В ИЗОБИЛИИ — УМИРОТВОРЕНИЕ ТУМАКО — ЖЕМЧУЖНЫЕ ОСТРОВА — ВОЗВРАЩЕНИЕ — ДОБРОТА ТЕОКИ — УБИЙСТВО ПОНКИ — УМИРОТВОРЕНИЕ ПОКОРОСЫ — ПОБЕДА НАД ТУБАНАМОЙ — ЗОЛОТО, ЗОЛОТО, ЗОЛОТО — ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПАНЧАКО — ПРИБЫТИЕ В АНТИГУА.

Обдумывая все в уме, он быстро разработал план. Привлекая к проекту нескольких верных друзей, Васко Нуньес тщательно отобрал сто девяносто человек. [\[IX-1\]](#) Можно было взять и больше, но он решил, что лучше быстро провести экспедицию, чем заниматься умиротворением и оккупацией. Поэтому он предпочел взять только проверенных людей, привыкших к усталости, решительных и безрассудных, с твердым сердцем и головой, а также стальными мышцами. Он также набрал из числа своих пленников и соседних народов тысячу туземцев, которые должны были служить воинами и вьючными животными. Эти люди могли жить или умереть, как бы то ни случилось: не имело большого значения, что с ними станет. Компанию дополняла стая гончих.

ОТПРАВКА ЭКСПЕДИЦИИ. Мужчины были вооружены арбалетами, мечами, аркебузами и щитами, а провизия для экспедиции была загружена на борт бригантины и десяти больших каное типа « ». Перед отправлением солдатам было сообщено об опасности предприятия. Успех сулил богатство и славу, а неудача — смерть; затем всем было предложено возможность отказаться от участия без ущерба и вреда.

Отплыв со своим небольшим флотом из Антигуа в первый день сентября 1513 года, Васко Нуньес де Бальбоа следовал вдоль побережья Дариен на северо-запад к провинции Карета, где экспедиция высадилась на четвертый день. Смуглая дочь вождя, к которой губернатор продолжал относиться с большой симпатией, по-прежнему была связующим звеном между этим народом и испанцами. Карета пополнил их запасы провианта и снабдил их проводниками; некоторые из его воинов присоединились к экспедиции в надежде увидеть падение своих врагов за горами. Лодки были оставлены под охраной, и, призвав на помощь божественную милость, экспедиция была готова к отправлению.

Я знаю склонность историков, воодушевленных своей темой, преувеличивать заслуги и преодоленные препятствия, и я уже говорил об этом в других местах. Хотя я стараюсь ограничиться простыми словами простой истории, те, кто сидел в комфорте, потягивая ледяное шампанское, во время приятной трех-четырехчасовой поездки через этот когда-то страшный перешеек, могут найти в этой главе выражения, которые кажутся сильными. Но я

уверяю читателя, что в данном случае трудно преувеличить. Васко Нуньес теперь стоял на северном побережье, напротив залива Сан-Мигель, который, разбиваясь о берег Панамского залива, сужает перешеек Дариен до ширины пятидесяти миль.^[IX-2] Но такой печально известный характер этой страны, что даже современные попытки проникнуть в неизведанные внутренние районы с любой из сторон закончились катастрофой и разорением.^[IX-3] Недоступные леса, полные ядовитых рептилий и диких зверей, запутанные джунгли, через которые человек должен пробираться шаг за шагом; суровые горы, скользкие склоны и скалистые обрывы, по которым и вокруг которых уставший путешественник пробирается под цветущим тропическим пологом; частые и внезапные дожди и наводнения; коварные болота и малярийные испарения от гнилой растительности в сочетании с воинственными дикарями делают это место одним из самых труднодоступных для исследования на земном шаре. Добавьте к этим препятствиям вес тяжелых доспехов и громоздкого оружия, и вы сможете представить себе, что такое военный поход через экваториальную пустыню.

КАЧЕСТВО КОМАНДЫ.

Неудивительно, что Васко Нуньес тщательно изучил свою команду перед отправлением. «Я умоляю Ваше Королевское Высочество, — писал он ранее королю, — дать мне людей из Эспаньолы, ибо те, кто прибывают из Кастилии, бесполезны для моей цели, принося ущерб не только себе, но и другим».^[IX-4] Родившись в условиях вооруженных столкновений в рыцарской Испании, закаленные невзгодами на Эспаньоле и многие из них закаленные в Санта-Марте, Верагуа и Антигуа, нынешняя группа собрала выживших участников смелых экспедиций, чьи кости усыпали берега Tierra Firme.

Испанцы начали свой поход 6 сентября. На второй день они прибыли на земли Понка, которые, предупрежденные об их приближении, ушли с пути.^[IX-5] Но мысли о грабежах и мелких военных действиях теперь не занимали ума Васко Нуньеса (); предпочитая не оставлять врагов в тылу, он, отдыхая в удобных покоях вождя, предложил ему дружбу, и тот сразу же вернулся из своего укрытия и дал золото, а также ценную информацию о южном море и пути к нему в обмен на бусы, зеркала, колокольчики для ястребов и топоры. Ведь никто лучше вежливого губернатора не знал, как зажечь дружбу в сердце дикаря и сделать ее выгодной. Золото, которое дал Понка, состояло из искусно выполненных украшений из-за гор и десяти фунтов металла из его собственных рудников. Он описал определенную вершину, с которой легко было увидеть это южное море, дал информацию о народах, с которыми столкнутся испанцы, и снабдил их проводниками для секретных проходов.

Воодушевленные этой поддержкой и оставив здесь больных и измученных путешествием, испанцы 20 сентября снова отправились в путь на юг. Между несколькими провинциями не было протоптанных троп, через реки не было мостов; препятствия на их пути были настолько велики, и времени ушло настолько больше, чем предполагалось, что продовольствие начало заканчиваться.

Преодолевая эти трудности, они дошли до подножия высоких гор, где заканчивалась их умиротворенная территория и где им предстояло подготовиться к борьбе за путь с

местными правителями. Поднимаясь в горы, 24 сентября они встретили вождя по имени Порке, господина провинции Квареква, правителя этих мест, чья гордость, подпитываемая его успехами, не отставала от их прогресса. Во главе тысячи воинов Порке появился перед Васко Нуньесом, потребовал объяснений по поводу цели его визита и пригрозил убить каждого, кто осмелится ступить на его владения. Тем не менее испанцы продолжали медленно продвигаться, держась вместе. Удивленный их смелостью и возмущенный кажущимся безразличием к его угрозе, Порке с размахом оружия и ужасающими криками набросился на них, уверенный в легкой победе. Но он мог бы с таким же успехом направить свою силу на вечные холмы.

Дождавшись, пока все племя окажется в пределах досягаемости, Васко Нуньес отдал приказ к атаке. Воскликнув воодушевляющий боевой клич «Santiago, y á ellos!» («Сантьяго, вперед!»), испанцы бросились на них. Были выпущены выстрелы из огнестрельного оружия, выпущены гончие собаки « »^[IX-6] « », и, вонзив « » жестокий стальной клинок в обнаженные тела врагов, он буквально растерзал их на куски. Напрасно, в диком замешательстве, дикари пытались спастись бегством; вспышки огня, грохот, серный дым лишили их рассудка, облегчив работу острому железу, которое без сопротивления проникало в их внутренности, пока шестьсот человек не лежали мертвыми на земле, в том числе и Поренке. Было взято много пленных; выжившие бежали в горы. В деревне Куарекуа были найдены столь необходимые продовольствие и немного золота. Поход был настолько утомительным, что прошло восемнадцать дней с момента отправления из города Карета. И здесь Васко Нуньес остановился на ночь, ухаживая за ранеными и подбадривая больных и унылых. Проводники, которых предоставил Понка и которые оказали неоценимую помощь исследователям, были отпущены домой с подарками и с сердцами, обрадованными уничтожением Порке. Так неумолимая природа вращается вокруг планеты, ненавистная смерть приносит ежечасную радость всеобщей жизни.

ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЮЖНОЕ МОРЕ.

25 сентября 1513 года, день, навсегда запомнившийся в анналах тихоокеанских штатов, наступил ясным утром над Сьеррой-де-Куарекуа (). Деревня, в которой разместились испанцы, была расположена на возвышенном плато, и недалеко от Карекуа () возвышалась гора, вершина которой веками взирала на таинственное южное море (). Васко Нуньес проснулся рано, чтобы с волнующим предвкушением подготовиться к восхождению. Но из ста девяноста испанцев, которые в течение месяца присоединились к этому предприятию в Антигуа, только шестьдесят семь обладали достаточной силой для предстоящего подвига. Выйдя из города, они сначала шли через запутанный лес, окаймлявший подножие горы и густая листва которого скрывала от глаз более отдаленные объекты. По мере того как они поднимались вверх, в более прохладную и сухую атмосферу, растительность становилась все более чахлой, но подлесок все еще был настолько густым, что солдатам приходилось прорубать себе путь саблями. Наконец, выйдя на открытое пространство недалеко от вершины (), проводники указали на голую возвышенность, откуда, по их словам, открывался беспрепятственный вид и было хорошо видно море.

С прозаической точки зрения, не было ничего удивительного в том, чтобы подняться на холм и посмотреть на океан. Это часто делали в других местах, это часто делали здесь. Здесь не было никакой особой разницы между морем и сушей, как и в других местах. Но в умах импульсивных и впечатлительных испанцев, как и в наших умах, в первых вещах и первых взглядах на вещи, в нашем первом взгляде, в первом пробуждении нашей страны, есть что-то, что волнует душу и заставляет сердце биться быстрее. Если выразить это словами, то это

чувство — удовольствие, которое ум получает от неожиданных сюрпризов; это радость развития, экстаз эволюции.

Если так обычно бывает, то тем более у Васко Нуньеса де Бальбоа было оснований для воодушевления в этом случае. За его спиной было позором, возможно, цепями и смертью; перед ним была слава, бессмертная слава. И было вполне уместно, что этот обычно тривиальный акт был завершен церемонией, достойной одного из величайших достижений цивилизации.

Приказав остановиться, Васко Нуньес продвинулся вперед один. Его глаза должны были первыми увидеть то, что можно было увидеть, и без всякой случайности. С трепещущим сердцем он взобрался на самую высокую вершину, венчавшую эти разделяющие море холмы. Затем, как при поднятии завесы, перед его восторженным взором открылась сцена первозданного великолепия, способная наполнить радостью даже архангела, посланного исследовать новое творение. Там, перед ним, простиралось бескрайнее неизвестное море, насколько хватало глаз, в спокойной, величественной красоте, сверкая, как жидкий кристалл в утреннем солнце. Под его ногами, в изрезанном ландшафте, простирались террасы живой зелени, игривые с радужными отблесками света и тени; волнистые равнины и покрытые пером крутые склоны, очерченные белыми линиями текущих вод, здесь бурно несущихся вниз по склону холма, там тихо извивающихся через вздыхающую листву к всепринимавшему морю. В том первом безграничном взгляде время остановилось, туманы поднялись, и наступила вечность. Неудивительно, что в этот момент триумфальной радости перед глазами испанского кавалериста на голубых высотах появились видения могущественного будущего, видения густонаселенных городов, флотов и армий, земель, изобилующих богатством и промышленностью. И все эти блага и преимущества должны были достаться Испании; Испании благодаря ему.

РЕЧЬ ВАСКО НУНЬЕСА.

Пав на колени, он вознес хвалу и благодарность автору этого славного творения за честь его открытия. Затем солдаты поднялись, замороженно взирали на горизонт и также приняли позу молитвы; ведь какими бы безбожными ни были их жизни, эти кавалеры всегда любили молиться.

«Вот, друзья мои, — воскликнул Бальбоа, поднимаясь и указывая на открывавшийся перед ним вид, — вот воплощение ваших надежд, награда за ваши труды. Вы — первые христиане, которые увидят это море и ступят на его роскошные берега. Слова рыцаря Панчако о Южном море более чем подтвердились; дай Бог, чтобы мы нашли их верными и в отношении богатств его берегов. Все это ваше, говорю я, ваша слава — положить это небесное царство к ногам вашего повелителя; ваша привилегия — принести единственную мерзость в нем, очищающие свойства нашей святой веры. Продолжайте же, верные мне, и я обещаю вам честь и богатство в полной мере ваших желаний». Крики одобрения, которые толпа всегда готова выдать перед успехом, сопровождалась обещаниями верности и честной службы, которые были нарушены при первой же возможности. И если верить старому Петру Мученику, который наслаждался этим триумфом прогресса почти так же, как и сами первооткрыватели, Ганнибал с вершины Альп, указывая своим солдатам на восхитительные поля Италии, не продемонстрировал более грандиозного представления о своих высоких достижениях, прошлых и будущих, чем Бальбоа в этот момент. Был воздвигнут крест, вокруг которого были насыпаны камни (); на деревьях было вывешено имя монарха; компания торжественно пропела *Te Deum laudamus* и *Te Dominum confitemur*; после чего Бальбоа громким голосом призвал всех присутствующих засвидетельствовать, что он в этот момент и этим самым, от имени монархов Испании, вступает во владение этим Южным морем со

всеми его островами и сушей, а также всеми берегами, омываемыми его водами. Нотариусу было приказано составить соответствующий документ, который подписали все присутствующие. [ЦХ-8](#)

Поскольку незнакомцы, казалось, были в восторге от этого, дикари помогали устанавливать крест и нести камни, хотя они не видели в окружающей обстановке ничего, что могло бы вызвать такой восторг. Тем временем испанцы гадали, как далеко простирается вода, какие народы населяют ее берега, какова торговля и религия этих народов и какое влияние это открытие окажет на Испанию, на мир, на их собственную судьбу.

ЧИАПЕС И ИСПАНЦЫ. Спускаясь с гор со стороны моря, они встретили вождя, которого звали так же, как и его провинцию, Чиापес, который приказал им вернуться, если они не хотят смерти. Политика Васко Нуньеса здесь была мирной. Он знал, что враждебные столкновения в этот момент рано или поздно приведут к уничтожению его отряда. Однако это должен был быть мир, основанный на страхе и уважении, который редко достигается среди дикарей, кроме как путем убийств. Соответственно, дружеские отношения были установлены с помощью внезапного и энергичного нападения с применением огнестрельного оружия, арбалетов и гончих, во время которого Чиापес бросился бежать среди грома, дыма и смятения; в результате он был тем более счастлив, когда люди из Кварекуа нашли его и сказали, что этих сверхъестественных гостей, владеющих стихиями, легко умиловить золотом. Дрожа, он явился и положил к ногам Васко Нуньеса пятьсот фунтов металла, радуясь, что благосклонность богов можно было купить так дешево. Проводники из Кварекуа были теперь отпущены с подарками, и через них испанцам, отдохавшим в их городе, было приказано следовать за передовым отрядом.

Целью Васко Нуньеса было приблизиться к краю океана и прикоснуться к воде, которую он видел. Для этой цели он отправил в разных направлениях три отряда по двенадцать человек каждый под командованием Франциско Писарро, Алонсо Мартина де Дон Бенито и Хуана де Эскарая, чтобы найти выход к морю через густую листву, которая его скрывала. Довольно странно, что прошло два дня, и исследователи сильно страдали от нехватки воды, прежде чем кто-нибудь смог найти пляж, хотя они все время были так близко к нему. Отряд Алонсо Мартина первым добрался до бухты, на берегу которой стояли две каноэ, а открытая бухта все еще оставалась скрытой. Желая быть первым в чем-то, пусть даже в мелочи, Мартин прыгнул в одну из лодок, которая едва держалась на приливе, и крикнул своим товарищам, которые укрылись под прохладными листьями: «Я призываю вас всех засвидетельствовать, что я первый испанец, который плывет по этим водам». «А я второй», — воскликнул другой, бросаясь к другой лодке. [ЦХ-9](#) Вернувшись в Чиапес, Мартин доложил об этом Васко Нуньесу (), который немедленно приступил к подготовке к более официальному захвату Южного моря.

ВЗЯТИЕ В ВЛАДЕНИЕ. 29 сентября, в день святого Михаила, Васко Нуньес с двадцатью шестью людьми отправился к берегу моря в сопровождении Чиапеса с многочисленной свитой. Прибыв туда, они обнаружили, что прилив закончился, и сели на травянистом склоне под нависающими ветвями, ожидая возвращения воды. Вскоре, когда песок был покрыт водой на глубину одного-двух футов, все поднялись, и Васко Нуньес, вооруженный и облаченный в доспехи с головы до ног, вытащил свой меч и, взяв из рук слуги знамя, на одной стороне которого была изображена Дева Мария с Младенцем, а на другой — герб Кастилии и Леона, вошел в воду и, высоко подняв знамя, громко провозгласил: «Да здравствуют высокие и могущественные монархи Дон Фернандо и Донья Хуана, правители Кастилии, Леона и Арагона, от имени которых и во имя королевской

короны Кастилии я беру и захватываю реальное и материальное владение этими морями и землями, побережьями, портами и островами юга со всем, что к ним примыкает; а также королевства и провинции, которые принадлежат им или могут принадлежать им в будущем, каким бы образом и на основании какого бы права и титула они ни были приобретены, существующие в настоящее время или которые могут существовать в будущем, древние и современные, в прошлом и настоящем и в будущем (), без каких-либо противоречий. И если какой-либо другой принц или капитан, христианин или неверный, какого бы права, секты или положения он ни был, будет претендовать на какие-либо права на эти земли и моря, я готов и готов противоречить ему и защищать их от имени нынешних и будущих правителей Кастилии, которые являются верховными господами в этих Индиях, на островах и твердой земле, северных и южных, с их морями, как в Арктическом полюсе, так и в Антарктическом, по обе стороны от линии равноденствия, внутри или вне тропиков Рака и Козерога, в соответствии с тем, что более полно принадлежит и полагается их величествам и их преемникам, за все и любую его часть; как я заявляю в письменной форме, что будет или может быть более полно указано и заявлено от имени их королевского наследия; сейчас и во все времена, пока вращается земля, и до всеобщего суда над всем человечеством». [\[IX-10\]](#) На эту громкую речь не последовало никакого ответа; ни один вооруженный Посейдон не появился, чтобы оспаривать владение; только могучий океан отразил с своей поверхности ослепительный блеск этой новой доктрины, вздымал свою грудь длинными стеклянными волнами и мягко рычал от недоумения, обращаясь к сочувствующему берегу.

НАЗВАНИЕ ТИХИЙ ОКЕАН.

Однако последователи Васко Нуньеса, даже если не все из них понимали лучше, чем море, что сказал их лидер, громко поклялись защищать права суверена, который тем самым получит гораздо больше земель, и следовать за своим доблестным лидером к богатству и чести, которые он так щедро им обещал. Андрес де Вальдеррабано, нотариус экспедиции, был призван составить акт о вступлении во владение, который подписали все присутствующие. Поскольку это был день святого Михаила, [\[IX-11\]](#) архангела, залив перед ними был назван Эль-гольфо-де-Сан-Мигель, и это название он носит до сих пор. Попробовав воду, они обнаружили, что она соленая, что доказало, что они нашли настоящий океан; затем они вырезали кресты на деревьях в честь Святой Троицы, и, удовлетворив свои желания и с сердцами, воспевающими их высокие надежды, группа вернулась в Чиापес, обогатившись, согласно их утверждениям, одним Тихим океаном, [\[IX-12\]](#) десятью тысячами островов и двумя тысячами пятьюстами лигами континентального побережья.

После того как это грандиозное событие было счастливо завершено, испанцы решили, что перед возвращением в Антигуа они могут позволить себе небольшую экспедицию. К счастью, могущественный Чиапес был не только их другом, но и мог предоставить им солидный список врагов, обладающих большим количеством золота и жемчуга. Под его руководством они пересекли большую реку, напали на вождя по имени Кокура и вернулись к Чиапесу с шестьюстами пятьюдесятью песо. Затем они решили исследовать рукав залива, что предполагало короткое, но опасное путешествие на каноэ. Чиапес тщетно протестовал против этого замысла. «Наш Бог защитит нас», — ответил набожный Васко Нуньес, и 17 октября он вместе с восьмьюдесятью испанцами и темнокожей группой под командованием Чиапеса сел в каноэ. Вскоре они оказались в море, настолько бурном, что были рады спастись на острове, неустойчивая почва которого в любой момент могла размыться под их ногами. Там они провели всю ночь по пояс в воде. К счастью, до утра воды залива успокоились, иначе первооткрыватели Тихого океана никогда бы не вернулись, чтобы

рассказать о своем путешествии. Рассвет открыл мрачное зрелище. Некоторые каноэ были разбиты, другие застряли в песке, а все припасы и одежда были смыты. Но эти люди были привычны к таким лишениям. С момента отправления из Испании они питались в основном кукурузным хлебом, дикими травами, фруктами, корнями, иногда рыбой, редко мясом. Это был их лучший рацион. В периоды нехватки, которые были частыми, они были рады добыть рептилий, насекомых или что-нибудь еще, что могло бы поддержать жизнь. У них не было соли, а единственным напитком была речная вода, часто гнилая и нездоровая. Однако пока длилась жизнь, мозг работал, черпая неиссякаемые ресурсы. В нынешней чрезвычайной ситуации, например, когда и море, и суша оказались коварными, они ни в коем случае не поддались отчаянию. Сняв клейкую кору с некоторых молодых деревьев, которые они нашли, они раздробили ее камнями, добавили к ней волокнистые морские растения, раздробленные таким же образом, и, прочно связав свои сломанные лодки веревками, заделали швы этой смесью. Они снова отдали себя на милость моря и после двух дней опасного плавания, полуголые и полуголодные, вошли в небольшой ручей, протекавший через провинцию под названием Читаррага, и около полуночи высадились недалеко от индейской деревни, управляемой вождем по имени Тумако. [\[IX-13\]](#)

СБОР ЖЕМЧУГА. Завоевав деревню, хотя и не без сопротивления, Васко Нуньес, как обычно, попытался подружиться с бежавшим Тумако, которого убедили вернуться, принеся с собой золото на сумму шестьсот четырнадцать песо и чашу с жемчугом, двести сорок из которых были необычайного размера. Испанцы решили, что это действительно достойно восточной Индии, и их сердца затрепетали от восторга при виде прекрасных безделушек. Тумако не мог понять, какую силу обладал его дар, что он так очаровал этих небесных чужаков. Для него устрица, которую он мог съесть, казалась более ценной, чем жемчужина, которую он не мог съесть; ведь, жаря двустворчатых моллюсков, он испортил достаточно жемчужин, чтобы стать богатым в глазах любого правителя христианского мира. Узнав, что жемчуг — это богатство, Тумако захотел показать испанцам, сколько его у него, и послал своих людей на рыбалку; через четыре дня они вернулись с двенадцатью марками веса, или девятью шестью унциями жемчуга. Шесть испанцев сопровождали их, чтобы увидеть, откуда берутся драгоценные камни, и показали туземцам, как открывать устриц без нагрева, который обесцвечивает жемчуг. Здесь также было много золота, которое не ценилось особо.

Васко Нуньес старался собрать как можно больше информации о природе и протяженности морского побережья. Тумако рассказал ему, что океан и материк простираются на юг без конца, что далеко в том направлении живет великий народ, обладающий огромными богатствами, который плавает по океану на кораблях и использует вьючных животных. Чтобы лучше описать этих животных, Тумако слепил из глины фигуру ламы, которая в глазах испанцев казалась разновидностью верблюда. «И это, — говорит Эррера, — было вторым намеком Васко Нуньеса на Перу и его богатства». Франциско Писарро, который был присутствовал при этом, также не забыл об этих вещах.

Бальбоа теперь чувствовал, что его миссия выполнена. Если бы новое море и его берега были созданы для него, они не могли бы порадовать его больше. Колумб открыл новый континент, он открыл новое море, и богатства на юге казались безграничными. Но перед возвращением он считал разумным дополнить свой акт о владении проведением церемонии на берегу главного океана, поскольку до сих пор его подвиги ограничивались заливом Сан-Мигель. Обратившись к Тумако за необходимыми средствами, он получил огромное каноэ, государственную баржу с гребцами и веслами, инкрустированными *альхофаром*,

низкокачественным видом жемчуга; и Васко Нуньес попросил нотариуса записать, что лодки на этом южном море приводятся в движение веслами, инкрустированными жемчугом, чтобы его правители могли тем самым придать большее значение этому морю и его собственным великим заслугам.

В соответствии с этим планом 29 октября испанцы сели на баржу Тумако и, направившись к берегу главного океана, высадились недалеко от острова, называемого туземцами Крукрага, но которому Васко Нуньес дал имя Сан-Симон. Здесь, с знаменем и щитом, с обнаженным мечом и громкими речами, среди величественных волн, которые беспрепятственно катились из-за далекого горизонта, хвастливый кавалерист вновь подтвердил свое право собственности, поклявшись защищать то, чего он не знал, от тех, кого он не знал; но «здесь», по словам Эрреры, «он использовал все возможные формальности, ибо он был храбрым, утонченным, прилежным и щедрым по характеру, командиром, подходящим для великих предприятий».

Когда они собирались отправляться в путь, люди из Читарраги обратили внимание Бальбоа на группу небольших низких островов, возвышающихся над морем в пяти лигах от них. Там правил могущественный вождь, который, переправляясь на материк, сеял ужас среди прибрежных деревень; и испанцы, пожалуйста, пойдите и убейте его, потому что на самом большом острове, Тое, были самые красивые жемчужины во всей этой области. Испанцы отправились бы туда или в другое место за жемчугом и золотом, если бы у них было время и благоприятное море, но Васко Нуньес не позволил себе увлечься дальнейшими приключениями во время этого визита. Тем не менее, он дал названия островам, назвав самый большой из них Исла-Рика, а группу островов — Ислас-де-лас-Перлас, [\[IX-14\]](#) или Жемчужные острова, заверив Тумако, что однажды он вернется и отомстит за нанесенные ему обиды.

ВОЗВРАЩЕНИЕ. Вернувшись в Читаррагу, Васко Нуньес приготовился к отправлению в Антигуа. Он предложил пересечь горы по другому маршруту, нежели по которому он прибыл. Больных и инвалидов он оставил с Чиापесом, который теперь был верным другом испанцев, которые должны были убить его врагов, а не его самого. Этот вождь и сын Тумако попросили разрешения сопровождать группу до Теаочоана, соседней провинции. Соответственно, 3 ноября они сели в каноэ и, ведомые молодым вождем Читарраги, направились к верхнему концу залива и вошли в большую реку, [Эль-Андалус \(\) \[IX-15\]](#), столь изменчивую, что в некоторых местах она выходила из берегов, в других сужалась между скалистыми границами и бурно неслась под нависающей листвой к морю. Вскоре молодой вождь привел лодки к берегу. Высадившись, испанцы умиротворили провинцию своим обычным способом, а правитель Теока, вождь Теаочана, был рад спасти свою жизнь, заплатив сто шестьдесят унций золота и двести крупных жемчужин. Действительно, Васко Нуньес так эффективно сумел, благодаря разумному использованию огнестрельного оружия, красивых слов и нескольких незначительных подарков, завоевать расположение дикарей Южного моря, что, прощаясь с Чиापесом и молодым Читаррагой в городе Теока, они заплакали. Это было действительно трогательно, и вскоре Теока, хотя и был последним, кого ограбили, поймал себя на том, что выражал незнакомцам ту же соленую дань своего уважения.

После трех дней отдыха отряд продолжил путь и, достигнув подножия гор, начал их штурмовать (). Были обеспечены запасы сушеной рыбы и кукурузы, а также носильщики и проводники (), и их сопровождал сын Теоки, который получил инструкции удовлетворять все потребности чужаков и не покидать их без разрешения своего командира. Для группы

было большим счастьем, что у них был внимательный и эффективный лидер; что вместо ретивых проводников и готовых нести грузы людей не было скрытых врагов или вероломных друзей, с которыми пришлось бы иметь дело — иначе ни один из них не достиг бы Антигуа. Ибо, поднимаясь по крутому склону под палящим солнцем, они вскоре обнаружили, что у них нет воды, поскольку источники, на которые они рассчитывали, иссякли. Один за другим люди теряли силы и падали на землю, охваченные отчаянием. Сын Теоки помогал им и ободрял их, и в конце концов привел всех в безопасное место — прохладную уединенную долину, где были воды, восстанавливающие силы.

ПРЕСТУПНОЕ ДЕЙСТВИЕ БАЛЬБОА.

Было ли это их способом отблагодарить за то, что они избежали смерти, теперь планируя смерть других? Отдыхая в прохладной тени, Бальбоа спросил своего проводника об одном Понкре, отвратительном деспоте, столь же богатом, сколь и отталкивающим, о котором он много слышал. «Мы сейчас находимся на его землях», — ответил молодой вождь. «За холмом там находится его деревня». Затем он подробно рассказал о злодеяниях этого человека, что вызвало приятный трепет ужаса в сердцах всех присутствующих испанцев. Мгновенно все пришли в возбуждение; те, кто еще недавно был готов упасть в обморок, теперь были готовы сражаться. Продвигаясь вперед, они вошли в деревню, но обнаружили, что стервятник улетел. Там было найдено тонко обработанное золото на сумму три тысячи песо, что утешило их за его отсутствие. Однако разведчики вскоре обнаружили его укрытие, и частично угрозами, частично обещаниями безопасности, этот уродливый человек был вынужден сдаться вместе с тремя своими главными помощниками. Как только стало известно, что ненавистный Понкра находится в плену у испанцев, соседние вожди племен эль- () стеклись и стали просить о его уничтожении. «Откуда у тебя золото?» — спросил Бальбоа несчастного человека. «Не знаю», — ответил Понкра. «Его оставили мне мои предки. Мы не ценим необработанный металл». Несмотря на пытки, ничего больше выяснить не удалось. Окружающие громко требовали его смерти, обвиняя его в позорных преступлениях, возмущающих человечество. В злой момент Васко Нуньес уступил. Были выпущены гончие, и громкие возгласы раздались в воздухе, когда дрожащая плоть была содрана с конечностей четырех несчастных, и они стали, как говорит Огилби, «завтраком для испанских собак». Васко Нуньес де Бальбоа завоевал одобрение толпы, но на протяжении всего времени, где бы ни произносилось имя прославленного первооткрывателя Южного моря, этот позорный акт предательства будет омрачать его. Однако дикари не скупилась на похвалы: «И там он пробыл тридцать дней, — говорит Гомара, — принимая и правя как король». И очень мило Бальбоа увековечил свое преступление, назвав это место Тодос-лос-Сантос.

Во время отдыха здесь к испанцам присоединились товарищи, которые были оставлены в Чьяпасе. Во всей этой области к пришельцам относились как к непобедимым и сверхчеловеческим существам. Проходя через владения вождя по имени Бонониама, они были не только приняты как друзья, прибывшие из Чьяпаса, но и получили в подарок золото на сумму две тысячи песо, а вождь сопровождал их до деревни Понкры, чтобы увидеть чудесного вождя этих чудесных людей. Преемник Понкры выступил вперед в ответ на предложения о мире, и первого декабря испанцы продолжили свое путешествие, обремененные добычей. Через пять дней они прибыли в небольшой обезлюдивший городок, вождь которого, Букебука, бежал, потому что, по его словам, не имел средств, чтобы достойно принять таких знаменитых гостей. Ему было позволено завоевать их благосклонность, отдав им все имевшееся у него золото (), в том числе несколько изящно выполненных тарелок.

Следуя по тропе на север от Букебуки, они были приветствованы с близлежащей скалы. «Наш король Чиорисо приветствует вас, о могучие люди! и дарит вам это подношение, прося вашей помощи в победе над врагом, слишком сильным для него». Подарок был, безусловно, убедительным: не менее тридцати больших золотых медалей или тарелок стоимостью четырнадцать тысяч песо. Бальбоа едва знал, что делать, но все же любезно принял его и в ответ послал три топора, несколько позолоченных бус и несколько кусков кожи и ткани, сделав, по его мнению, получателя подарка самым богатым правителем в дикой стране. Бальбоа также пообещал в будущем помочь ему в его войнах. Страна, через которую они теперь проходили, была исключительно пересеченной, и носильщики были совершенно измотаны, когда 13 декабря они прибыли в деревню Покороса. Несколько солдат также серьезно заболели от усталости, и поэтому было решено задержаться здесь на тридцать дней. Вождь, как обычно, бежал при их приближении, но был возвращен, чтобы купить дружбу испанцев рабами и золотом.

Покороса сообщил испанцам, что недалеко отсюда [\[IX-16\]](#) жил знаменитый Тубанама, о котором Пансиако говорил, когда впервые обратил внимание испанцев на Южное море. Он считался самым богатым и сильным вождем этих гор и был ужасом соседних народов. Бальбоа как никогда ранее почувствовал свой долг свергнуть Тубанаму, убить некоторых из его людей, похитить нескольких его женщин и лишить его золота. Но для этого ему нужно было тысяча солдат, как ему сказали. Окинув взглядом свою маленькую группу измученных и изможденных людей, он подумал о том, как одна ошибка может уничтожить все его прошлые успехи, и вздохнул; затем он переспал с этой мыслью, и когда после нескольких дней отдыха вопрос был поднят, достаточное количество людей проявило желание участвовать в набеге. В результате семьдесят испанцев и отряд воинов Покоросы после быстрого марша около полуночи напали на Тубанаму и увезли его в плен, по словам Огилби, вместе с восьмьюдесятью наложницами. Люди Покоросы и вожди соседних племен начали ругать его и просили Васко Нуньеса немедленно казнить его. Они говорили, что он совершил худшие вещи, чем Понкра, и к тому же плохо отзывался об испанцах, угрожая затащить их за волосы на смерть, если они когда-нибудь попадут в его руки. Васко Нуньес задумался. В течение некоторого времени он разрабатывал план создания в этой местности военного поста для защиты торговли между морями, а также золотодобычи. Что было лучше: убить этого вождя как врага или оставить его в живых как друга и помочь сохранить дружеские отношения с другими? Он выбрал второй вариант. Но сначала он должен был проверить предлагаемую дружбу. «Преступный тиран, — прогремел он, обращаясь к дрожащему пленнику, — теперь ты понесешь наказание за свои злодеяния. Ты почувствуешь на себе всю мощь христиан, и та же участь, которую ты обещал своим обнаженным рабам, теперь постигнет тебя». Затем он дал знак слугам, как бы приказывая им увести его на казнь. Несчастный вождь отрицал обвинения и умолял о пощаде. Балбоа, по-видимому, умилосердившись, медленно смягчился и наконец приказал освободить пленника. Обрадованный вождь не мог сделать достаточно для своего спасителя. Он снял с своих женщин украшения и, собрав все предметы из желанного металла, которые были у него под рукой, подарил испанцам тридцать марок золота, а его подданные вскоре принесли еще шестьдесят марок. Приказав Тубанаме собрать золото и всегда оставаться верным испанцам (), Бальбоа вернулся с триумфом в город Покороса с длинной колонной пленников. Примерно в это время Васко Нуньес заболел, и это неудивительно, если учесть нагрузку на ум и тело за последние четыре месяца. Первым во всех действиях, терпя лишения и лишения наравне с самым бедным солдатом, с ответственностью за приключение, лежащей полностью на нем, он был подходящим кандидатом для лихорадки.

Но его неукротимый дух никогда не покидал его, и, заставив себя нести на носилках, он по-прежнему руководил действиями, когда они возобновили свой поход.

Уставшие, оборванные, но ликующие, участники экспедиции наконец достигли деревни Комагре. Панчако был вне себя от радости, увидев их. Старый вождь умер, и молодой человек занял место своего отца. Он не мог сделать достаточно для Васко Нуньеса, к которому его привязанность, казалось, росла пропорционально тому, как ему позволяли служить ему. Панчако подарил незнакомцам золото и рабов; он угостил их по-королевски, рассказал им о Южном море и о том, как туда добраться, и все его слова оказались правдой. Теперь ему было позволено угощать и ухаживать за истощенными испанцами, и он делал это с щедрой великодушностью, ухаживая за Васко Нуньесом во время его болезни с любовью брата. Ему было позволено дать им еще золота, и он так и сделал. Испанцы с благодарностью приняли эти дары, и в ответ на обязательства, слишком великие, чтобы их можно было отплатить, щедрый кавалер, рыцарственный первооткрыватель великого Южного моря, подарил своему другу и благодетелю льняную рубашку и несколько бесполезных безделушек. Его прощальные слова были: «Собери и пришли мне еще золота, Панчако». Однако перед отъездом группы вождь принял христианство и крестился.

ПРИБЫТИЕ В АНТИГУА.

14 января группа покинула Комагре. Короткий и легкий марш привел их в деревню Понкра, где удача, улыбаясь, по-прежнему сопутствовала командиру, теперь избавленному от болезни и груженному золотом. Здесь Васко Нуньес встретил четырех испанцев из Антигуа, которые прибыли, чтобы сообщить о прибытии двух кораблей из Эспаньолы с провизией и подкреплением. Оставив большую часть своей компании следовать в свое удовольствие, Бальбоа с двадцатью людьми поспешил вперед и, после сердечного приветствия от Кареты в его деревне, сел на бригантину, которая ждала его там, и прибыл 19 января 1514 года.

Его вход в поселение был триумфальным. Все жители вышли его встречать, и его провели на общественную площадь под громкие возгласы. А когда он рассказал им о своих успехах, о море, полном богатств, и о сокровищах, которые он добыл, они пришли в неистовство от восторга. Помимо золота на сумму более сорока тысяч песо, [IX-171](#) испанцы привезли восемьсот индейских рабов, а также большое количество жемчуга, хлопчатобумажных тканей и индейского оружия. Все народы, проживавшие на пути следования, как туда, так и обратно, были подчинены без единой битвы и без потери ни одного человека. Так завершилось одно из величайших и наиболее успешных достижений испанцев в Новом Свете.

Вскоре прибыла остальная часть компании, и добыча была справедливо распределена, в чем участвовали также те, кто остался дома. Помимо королевской доли, Васко Нуньес и его товарищи отложили двести самых крупных и красивых жемчужин в качестве подарка королю, а один из них, Педро де Арболанча, умный человек и верный друг губернатора, был выбран послом, который должен был немедленно отправиться в Испанию и объявить об этом важном открытии. Через него Васко Нуньес послал монарху письмо, в котором подробно описывал свое блестящее достижение и просил короля назначить его губернатором открытого им региона () и предоставить средства для продолжения исследований на этом побережье. «И во всем его длинном письме, — говорит Петр Мартир, — нет ни одной страницы, на которой не было бы выражена благодарность Всемогущему Богу за избавление от опасностей и спасение от многих надвигавшихся бедствий». Это

письмо было датировано 4 марта в Антигуа, и через несколько дней после этого Арболанча отправился в путь.

ПРОЦВЕТАНИЕ КОЛОНИИ.

Тем временем Бальбоа неустанно прилагал усилия для процветания растущей колонии. Долгое время страдая от лишений и неудобств, связанных с скудными запасами продовольствия, особое внимание было уделено сельскому хозяйству. В больших количествах выращивалась индейская кукуруза, а также были посажены различные семена из Испании, которые принесли обильный урожай. Общество стало более устоявшимся, и фракции успокоились, ибо кто мог противостоять Васко Нуньесу? Воспоминания о родине вновь расцвели. Люди снова наслаждались старинными развлечениями, отмечали национальные праздники, устраивали рыцарские турниры и состязания, пусть и не столь пышные, как раньше (), но зато с душевной теплотой и весельем. Два из умиротворенных вождей индейцев стали недовольными и подняли восстание, но вскоре были усмирены несколькими людьми под командованием Диего Уртадо. Другой капитан, Андрес Гарабито, был отправлен исследовать страну в поисках кратчайшего и лучшего пути между морями. Повсюду царил мир; и с изобилием продовольствия и золота, уже накопленным в запасах, с большими надеждами на будущее, с богатством, властью, честью, блестящими надеждами и множеством язычников в качестве рабов, разве эти пираты не должны были быть счастливы?

ГЛАВА X.

ПЕДРАРИАС ДАВИЛА ПРИНИМАЕТ НА СЕБЯ УПРАВЛЕНИЕ ДАРИЕНОМ.

1514-1515.

Как восприняли в Испании открытие Южного моря — Враги Васко Нуньеса при дворе — Педрариас Давила назначен губернатором — Отправление из Испании и прибытие в Антигуа — Арболанча в Испании — Педрариас преследует Бальбоа — Требования короля к индейцам — Хуан де Айора отправлен для строительства линии фортов между двумя морями — Которую он оставляет для массовых грабежей — Бартоломе Уртадо отправлен привезти добычу — Катастрофические попытки осквернить гробницы Сену — Экспедиция Тельо де Гусмана в Южное море — Обнаружение места Панамы — Золотой храм Дабайба снова — Гаспар де Моралес и Франсиско Писарро посещают Южное море.

В Испании известие об открытии Бальбоа вызвало не меньший резонанс, чем открытие Колумба двадцать два года назад. Поскольку все еще существовала гипотеза, что Америка — это восточная Азия, к каким новым открытиям могло привести это Южное море? К этой вере присоединились одновременные свидетельства всех коренных народов о том, что вдоль его берегов были богатства и промышленность, золото, жемчуг и цивилизация, вселявшие надежду на пополнение казны Фердинанда и на увеличение числа верующих у ревностных церковников. Наконец, говорили мудрецы, богатые королевства восточных Индий, которые так долго ускользали от нас, открываются нам.

К несчастью для Васко Нуньеса, успех пришел слишком поздно, потому что до прибытия его посланника в Испанию произошла череда событий, которые угрожали его гибели. Раздутый еще более яркой реальностью спорными ветрами Атлантики, гнев Энсисо разгорался с жаром, когда он слишком правдиво описывал королю качество правосудия, осуществляемого от его имени в отношении его подданных в Антигуа. И бахильер был действительно счастлив, когда он, перекаывая под языком историю о несправедливости Никуэсы, сладкий кусочек, полностью уничтожил своих врагов. Замудио и Васко Нуньес были осуждены, как мы уже видели, и король решил послать нового губернатора, который должен был провести расследование и наказать виновных.

НОВЫЙ ГУБЕРНАТОР.

Из множества претендентов был выбран дворянин из Сеговии, Педро Ариас де Авила, которого испанские современники называли Педрариас, а английские историки — Давила. Он был крупного телосложения, с ярко выраженным характером и темпераментом, грубоватым во всех отношениях, с седыми волосами, обрамлявшими его темные черты лица, как эгоистичная и нечестивая натура, окружавшая его смуглую душу. Отсюда могло бы показаться, что он был слишком стар для такой грубой миссии, что было правдой; но, будучи офицером с хорошей репутацией, благородного происхождения и имея высокие связи, [ix-11](#) и не лишенным энергии и упрямства, его возраст не считался столь большим недостатком. Прозвища Эль Галан и Эль Хустадор

свидетельствовали о веселой и придворной молодости, а прозвище Фурор Домини, данное ему монахами Нового Света, — о яростной старости. Он был богат, по крайней мере, его друзья были богаты, так что деньги были в его распоряжении. Фонсека одобрил это назначение — епископ имел привычку благосклонно относиться к тем, чьи просьбы подкреплялись золотом. Итак, Фердинанд назначил его губернатором и генерал-капитаном Кастилии-дель-Оро, которую теперь приказали называть Кастилия-Аурифика. [IX-21](#)

Несколько причин объединились, чтобы благоприятствовать Педрариасу в этот момент. Прибытие ко двору Кайседо и Кольменареса, уполномоченных поселенцами Антигуа доложить о слухах, касающихся моря на юге, и просить помощи для экспедиции в этом направлении, возобновило спекуляции и вдохновило энтузиазм. [IX-31](#) Послы были любезно приняты и представлены епископом Фонсекой королю, который внимательно выслушал их рассказы. «Они часто останавливались у меня, — говорит старый Петр Мученик, — и их лица свидетельствовали о суровом климате Дариена, ибо они были желтыми, как у больных желтухой», или, как выражается Овьедо, «желтыми, как золото, которое они шли искать», «а также опухшими», продолжает первый, «причину чего они объясняют голодом, перенесенным в прошлом». Атмосфера тайны, окружавшая этот регион, не меньше, чем золото, которое привозили оттуда люди, придавала этому предприятию очарование, которое привлекло к знамени Педрариаса сотни жаждущих участников. Затем произошел внезапный развал итальянской экспедиции под командованием Гонсало де Кордоба. Победа французов при Равенне, угрожавшая неаполитанским владениям короля Фердинанда, пробудила рыцарский дух Испании, и когда в Севилье был поднят флаг Гран Капитана, туда стекались молодые кавалеры и ветераны, жаждущие вступить в ряды такого великого полководца в столь славном деле. Но король, завидуя популярности своего генерала, в приступе ревности отменил экспедицию, в результате чего улицы Севильи заполнились бесцельными людьми, многие из которых продали или заложили свое право первородства, чтобы приобрести снаряжение, и которые теперь предпочитали любое приключение, каким бы отчаянным оно ни было, чем возвращаться с позором домой. Поэтому они с восторгом приветствовали это предприятие в Новом Свете, где можно было завоевать как золото, так и славу. Кроме того, успех Португалии в Индии, с которым Испания на западе не могла сравниться и который вызывал как страх, так и зависть, смазал колеса правительства и открыл королевскую казну, так что количество дукатов Педрариаса увеличилось до пятидесяти тысяч, «огромной суммы в те дни», как отмечает Кинтана, «в расходах которой проявился интерес и важность, придаваемые этому предприятию». [IX-41](#) Оружие и боеприпасы были взяты из королевского арсенала, а тяжелые железные доспехи, которые оказались неподходящими для тропических широт, были заменены деревянными щитами и стегаными хлопковыми плащами, достаточной защитой от оружия туземцев. Флот насчитывал около девятнадцати кораблей, способных разместить двенадцать сотен человек. Они были быстро набраны, а еще столько же желающих пришлось по необходимости отклонить. Впоследствии, с разрешения Совета Индий, число было увеличено до полутора тысяч. [IX-51](#)

СЛУЖАЩИЕ ПЕДРАРИАСА.

Педрариаса сопровождала его жена Исабель де Бобадилья, уважаемая дама, племянница маркизы де Мойя. [IX-61](#) Остальные члены его семьи, состоящей из четырех сыновей и четырех дочерей, остались в Испании. Среди офицеров было несколько дворян, а его последователи, как это было обычно в таких безумных миграциях, состояли из людей всех сословий, не только молодых и по натуре беззаботных, но, если верить Петру Мартиру, в их компании было «немалое количество алчных стариков». Однако в основном это были чиновники, кавалеры и священнослужители,

поскольку управление, сражения и проповеди были для них главными привлекательными факторами; и очень мало ремесленников, земледельцев или колонистов, которые могли бы принести пользу в построении постоянного и процветающего государства. При новом правительстве молодой человек из школ Саламанки по имени Лиценциадо Гаспар де Эспиноса был назначен мэром (alcalde mayor); Бахильер Энсисо (Bachiller Enciso) — главным судебным приставом (alguacil mayor); Алонсо де ла Пуэнте (Alonso de la Puente) — казначеем; Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес (Gonzalo Fernandez de Oviedo y Valdés), историк, — инспектором (veedor); Энрике де Энрикес () [X-7] — инспектором (); Диего Маркес (Diego Marquez) — бухгалтером (contador); и Хуан де Табира (Juan de Tabira) — фактором (factor). Бойцами были, во-первых, лейтенант губернатора Хуан де Айора, идальго из Кордовы и брат лейтенанта-хроникера () Гонсало де Айора. Далее, капитаны сотен Луис Каррильо, Франсиско Давила, Антонио Тельо де Гусман, Диего де Бустаманте, Гонсало де Бадахос, Диего Альбитес, Контрерас, Гамарра, Вильяфанье, Атьенса, Менесес, Гонсало Фернандес де Льяго, Франсиско Компаньон, Франсиско Васкес Коронадо де Вальдес, Хуан де Сорита, Франсиско Эрнандес, Гаспар де Моралес, двоюродный брат губернатора, и племянник губернатора, также по имени Педрариас, капитан артиллерии, и другие. Некоторые из этих имен стали известными, и мы встретимся с ними в дальнейшем. Главой духовной армии под титулом епископа Дариена был Хуан де Кеведо ([X-8]), первый прелат, прибывший в Tierra Firme; вместе с ним была группа францисканских монахов. Бернал Диас дель Кастильо, тогда еще юноша, впоследствии летописец мексиканского завоевания, прибыл с экспедицией , а также Паскуаль де Андагойя, Эрнандо де Сото, первооткрыватель Миссисипи, Беналькасар, впоследствии завоевавший Кито, и Диего де Альмагро, один из миротворцев Перу. Это была, по правде говоря, блестящая компания. Хуан Серрано был главным лоцманом, он был убит вместе с Магелланом, первооткрывателем пролива, который теперь носит его имя.

ПРАВИЛА ДЛЯ КОЛОНИИ.

Деревня Семако, все еще носившая название Санта-Мария-де-ла-Антигуа-дель-Дариен, по королевскому указу была возведена в ранг и достоинство города с метрополичными прерогативами, как церковными, так и гражданскими. Совет Индий предоставил губернатору подробные инструкции. Он был обязан следить за тем, чтобы его подданные были одеты должным образом, удобно, но не роскошно; запрещать продажу или использование карт и костей; наказывать за убийства, кражи и богохульство; не допускать в колонии адвокатов, церковных, профессиональных или непрофессиональных практиков права; [X-9] не предпринимать никаких важных шагов без консультации с епископом и другими королевскими чиновниками — неразумная мера, которая разделила общество на фракции; быстро и в соответствии с законами Испании вершить правосудие; быть ярким и сияющим светом для язычников во всей правде и честности; и, наконец, ни в коем случае не забывать о доле короля в добыче, полученной в результате осуществления указанных добродетелей. [X-10] Новый губернатор был также обязан лишить Васко Нуньеса де Бальбоа всякого подобия власти и строго призвать его к ответу за его проступки. К выжившим последователям бедного Никуэсы следовало относиться с особой снисходительностью, вплоть до освобождения от уплаты королевской пятой части () с их накоплений. Все это, как следует помнить, происходило до того, как в Испании стало известно об открытии Южного моря; и это открытие оставалось неизвестным, когда 11 апреля 1514 года, после торжественного парада на площади Севильи, флот с большим ликованием отплыл из Сан-Лукара. [X-11] После захода на некоторые острова с целью захвата карибов в рабство, а также в Санта-Марту, чтобы выяснить судьбу одиннадцати испанцев, которые, как говорили, были оставлены там Родриго де Кольменаресом, флот благополучно достиг Дариена. Значимым для грядущего правления

был инцидент, произошедший во время одной из высадок. Слуга Педрариаса по имени Сан-Мартин проявил неуважение к Айоре, заместителю губернатора, во время пребывания на берегу. Узнав об этом, Педрариас приказал Айоре немедленно вернуться и повесить правонарушителя на первом же дереве, что и было сделано. [IX-12](#)

Едва суда Педрариаса исчезли с берега Испании, как запоздалый посол Васко Нуньеса прибыл ко двору и просил аудиенции у короля. Педро де Арболанча, к сожалению, задержал свой отъезд из Дариена на два месяца после возвращения первооткрывателей Южного моря. От этого момента зависела судьба Васко Нуньеса и Нового Света. Педрариас вряд ли стал бы губернатором; Писарро, вероятно, никогда не стал бы завоевателем Перу, а Васко Нуньес, возможно, достиг бы Мексики раньше Кортеса.

Арболанча был представлен королю. Он продемонстрировал свои сокровища и рассказал свою историю. Сердце монарха было тронутό рассказом солдата. Эти жемчужины! Они сделали бы самые мрачные деяния сияющими праведностью. А это новое Южное море! Оно, несомненно, смоег гораздо более глубокие пятна, чем те, которые загрязнили руки его доблестного первооткрывателя. О, если бы этот человек прибыл раньше, тогда тысячи дукатов, потраченные на старого Педрариаса, не были бы потрачены зря. То, для чего было отправлено это дорогостоящее вооружение, сделала горстка бродячих испанцев под руководством осужденного человека, на которого до сих пор обрушивался королевский гнев. И в этом достижении не было ни большого кровопролития, ни каких-либо затрат для Испании; были соблюдены действующие формулы обеспечения владения, и даже пятая часть короля и подарок короля не были забыты. В таком поступке явно проявился не посредственный ум; никаких дальнейших мыслей о наказании столь заслуженного кавалера не могло быть; и король Фердинанд решил, что Васко Нуньес не должен остаться без награды. Так триумфально едет успех, и даже мудрые монархи склоняют перед ним свои жесткие шеи. [IX-13](#)

ПРИБЫТИЕ ПЕДРАРИАС.

Тем временем Педрариас вошел в залив Ураба и бросил якорь со своим флотом перед Антигуа. Не зная, в каком настроении грозный вождь города может принять преемника, Педрариас послал офицера, чтобы сообщить колонистам о своем прибытии и о характере своего поручения. Высадившись на берег, посланник спросил у первых встречных людей, где находится их вождь. Ему указали на группу местных рабочих, которые под руководством человека, одетого в хлопковую куртку, штаны и обувь из бечевки, крыли соломой небольшую хижину. Теперь шелк и парча были одеждой, которую этот младший офицер приобрел для себя, чтобы похвастаться ею в Италии, в то время как этот человек в хлопковой одежде больше походил на обычного рабочего, чем на губернатора испанской колонии. Тем не менее, офицер знал свой долг и уважительно подошел к человеку в хлопковой одежде. «Я пришел от дона Педрариаса де Авила, — сказал он, — недавно назначенного губернатором Дариена».

Это было неожиданно, как смерть, которая, даже когда ее ожидают, кажется внезапной. Как быстро в его мозгу проносились вероятности и возможности. Однако, сохраняя самообладание и вежливое достоинство, он ответил: «Скажите дону Педрариасу, что он желанный гость в Антигуа».

На следующий день, 30 июня, Педрариас высадился на берег. Высадка, где он сформировал свою блестящую свиту, готовясь к входу в столицу, произошла в лиге от города. С одной

стороны губернатор держал за руку свою жену, донью Исабель, а с другой, одетый в епископские одежды, шел епископ Дариен, а за ними следовали высокопоставленные лица, офицеры, кавалеры и авантюристы. Недалеко от Антигуа их встретили бледные колонисты, которые, хотя и были оборванными, но богатыми как опытом, так и золотом.

Два лидера встретились с большой вежливостью; Васко Нуньес был почтительным, Педрариас — любезным. Затем все направились в город, а монахи пели *Te Deum laudamus* в благодарность за спасение от опасностей океана. Васко Нуньес провел Педрариаса и офицеров в свое жилище, а остальные члены экспедиции были распределены среди колонистов. Вскоре перед новоприбывшими был накрыт стол в стиле Нового Света, состоящий исключительно из местных продуктов: кукурузного хлеба, съедобных корней, рыбы и фруктов, а пить им предстояло воду.

ЛИЦЕМЕРИЕ И НЕНАВИСТЬ.

И теперь начинается игра, в которой с одной стороны участвует злобная хитрость, а с другой — благородная откровенность, которая не имеет себе равных среди всех уловок и предательств Нового Света. Какими бы ни были его недостатки, какими бы ни были ловушки, которые подготовила ему его бурная судьба, Васко Нуньес по натуре был искренним и рыцарственным, в то время как Педрариас Давила был почти сатанинским в своей ревности и холодной ненависти.

Стремясь к скорейшей встрече, последний принимает дружеский тон, хвалит Васко Нуньеса за его способности, поздравляет его с успехами и говорит о высокой оценке короля. И поскольку целью обоих является только благополучие колонии, не будет ли он так любезен записать, что он сделал и что он собирается сделать сейчас? Сбитый с толку этой видимой искренностью, Васко Нуньес соглашается и записывает не только то, что позволит Педрариасу извлечь выгоду из его опыта, но и, как надеется губернатор, приведет к его свержению. Ведь старик, прибыв в Антигуа и узнав о чудесном открытии, быстро понимает, что теперь он является и должен быть вторым в этих краях, где недавно был назначен первым. Сняв маску, он выдвигает обвинения и приказывает Васко Нуньесу предстать перед судом, где будет решаться его судьба.

Как алькальд-майор, расследование должно быть передано лиценциату Эспиносе, а тот, в соответствии с королевскими инструкциями, должен был сотрудничать с епископом Кеведо. Хотя Эспиноса и неискушен, он честен. Что же касается прелата, то разве обвиняемый не молится благочестиво и не платит щедро? Разве он не посылает доброму епископу подарки в виде рабов и не делится с ним несколькими прибыльными предприятиями? Давайте! Тот, кто сидит в бочке, в конце концов, не такой уж простак. Он заставляет даже донью Исабель улыбаться ему. Он оправдан. Разъяренный Педрариас затем обрушивает на него гражданские иски, пока тот не оказывается почти разорен. Тем временем Энсисо фабрикует новую вину, связанную с делом Никуэсы. Это бесполезно, потому что епископ становится все богаче. Педрариас теперь клянется, что отправит этого человека в Испанию для суда. Это не устраивает Э Кеведо. «Какое безумие, — протягивает епископ, — отправлять успешного человека в суд. Разве вы не знаете, что вся Европа воспевает его? Лучше держите его под контролем, примиритесь с ним, а затем сокрушите под своим защитным крылом». Никогда еще не просили о более дьявольской милости для друга. Губернатор понимает больше, чем прелат имеет в виду, и немедленно прикрывает свою подлость улыбкой дружбы.

Среди такого бесполезного времяпрепровождения, слишком часто являющегося главным занятием правителей, недавно веселые полторы тысячи человек стали проголодаться. Привезенные ими припасы были исчерпаны. Глядя на пятьсот старых поселенцев, остатки других полутора тысяч, неопытные начали размышлять о своем собственном подобном сокращении. И сразу же они начали умирать; по двадцать в день, пока семьсот не были похоронены в своих парчах. Отправив под сильной охраной некоторые припасы в секретное место, вдали от города, Педрариас отправился туда и накормился.

Только немедленная оккупация могла спасти выживших. Воспользовавшись планами Бальбоа, Педрариас решил присвоить себе все выгоды от его открытия. К счастью, узнав о позднем открытии, король написал письмо с указанием установить линию постов от моря до моря, [\[X-14\]](#) основать поселения, выбрав для этого здоровые места с хорошей водой, а также построить город на берегу залива Сан-Мигель и три или четыре каравеллы, поручив их опытным капитанам для продолжения новых открытий в этом направлении. Соответственно, чтобы сразу же установить линию постов и обойти любые попытки Васко Нуньеса в этом направлении, Хуан де Айора с четырьмястами людьми был отправлен через горы из Кареты.

Мы считаем политику Бальбоа в отношении коренного населения достаточно жесткой, но то, что должно было быть введено в действие, делает его поведение гуманным по сравнению с ней. Какими бы суровыми ни казались ему порой необходимые меры, факт остается фактом: по возвращении из экспедиции в Южное море он оставил народы в дружеских отношениях. [\[X-15\]](#) Во всех своих кровавых умиротворениях, вероятно, ни один из командиров Нового Света не соблюдал пожелания своих католических величеств так тщательно, как Васко Нуньес.

ТРЕБОВАНИЯ К ИНДЕЙЦАМ. Среди правил, касающихся коренных жителей, было одно, определяющее, как следует вести войну и что должны делать дикари, чтобы спасти себя и свои земли. Формула, разработанная ранее конклавом испанских юристов и богословов, согласно которой Никуэса, Охеда и другие должны были вступать во владение территориями, была заменена Требованием к индейцам, предоставленным Педрариасу его сувереном, полный перевод которого я привожу ниже. [\[X-16\]](#) Это требование, которое провозглашало язычникам имя Христа и европейскую цивилизацию в смешных и достаточно неприятных выражениях, было мягким и логичным по своему замыслу по сравнению с ужасами, сопровождавшими его исполнение. В инструкциях, сопровождавших *requerimiento*, Педрариасу было предписано никогда не вести войну, если индейцы не были агрессорами, и не до тех пор, пока их не вызывали к послушанию один, два, три раза. Об этом губернатор сообщил своему лейтенанту, но Педрариас также велел Айоре незамедлительно прислать ему продовольствие и золото. Редко бывало трудно поднять дикарей на агрессивные действия, а что касается зачитывания туземцам *requerimiento*, как того требовал закон, то это мог сделать нотариус в удобное для него время, но ни в коем случае не так, чтобы помешать воспользоваться преимуществами внезапного нападения или предварительной резни. Одним словом, это требование было не менее бессмысленным на практике, чем абсурдным в теории.

ЗЛОЧИНЫ АЙОРЫ.

Первое действие Айора было тому доказательством. С момента союза Васко Нуньеса и дочери Кареты, что для туземцев было равносильно браку, между испанцами и народом Кареты существовали самые дружеские отношения. Кацик не только лично выразил свое уважение Педрариасу, но и много раз посылал еду голодающим колонистам. Кажется невероятным, что существа в человеческом обличье, не говоря уже о европейцах или христианах, могли отплатить за такую доброту внезапным, неспровоцированным нападением, например, ночным нападением на мирные деревни, поджогом домов () и убийством некоторых спящих, а других взятием в плен, сопровождавшимся бессмысленной жестокостью и грабежами. Однако такова была судьба Кареты, Панчако и других друзей и союзников Васко Нуньеса. В результате случайностей завоевания пленники, предназначенные для рабства, стали одной из целей завоевания.

После этого блестящего достижения в Карете Айора прошел в небольшой порт, который он назвал Санта-Крус, [IX-171](#), где он основал первое поселение на линии, которая должна была простирается от моря до моря. Оставив там восемьдесят человек, он двинулся на юг, грабя и убивая по пути. «Вождей подвергали пыткам, чтобы заставить их раскрыть местонахождение золота», — пишет Овьедо. «Некоторых заживо зажигали, других бросали собакам, третьих вешали». [IX-181](#)

ХУРТАДО ОТПРАВЛЕН.

Если не ради церкви, то ради себя самого добрый епископ Дариена был заинтересован в добыче врагов Бога повсюду. Он проявлял особый интерес к грабежам Айора, и поскольку в течение некоторого времени в Антигуа не поступало никаких сведений об этом, Кеведо предложил Педрариасу послать гонца, чтобы выяснить, как продвигается его лейтенант. Бартоломе Уртадо, когда-то друг Васко Нуньеса, но теперь стремящийся избавиться от этого пятна перед новыми властями, был соответственно отправлен, чтобы привезти добычу.

По дороге, чтобы угодить Педрариасу, Уртадо попытался превзойти Айору в грабежах, но это было невозможно. Однако, возвращаясь с добычей, он остановился в деревне Кареты и попросил людей, чтобы те несли грузы в Антигуа, и вождь, все еще стремящийся к дружбе с испанцами, с готовностью согласился. Честно выполнив свое обязательство перед Айорой и Педрариасом, как подобает христианину и кавалеру, он выбрал из людей Кареты шестерых самых лучших и подарил их в качестве рабов губернатору; шестерых он подарил достойному епископу, а четырех — Эспиносе. После того как он таким образом обошел всех высокопоставленных чиновников (), остальных заклеямили и продали в рабство на публичных торгах. [IX-19](#) Уртадо было прощено его прежнее гуманное отношение.

Войдя в владения Тубанама, Хуан де Айора построил там еще одну крепость, которую оставил под управлением Менесеса. Но вместо того, чтобы продолжать свои труды по пересечению перешейка, как было приказано, он решил полностью посвятить себя грабежам и бежать из страны, пока его преступления не стали полностью известны. Следуя этому плану, он вскоре оказался перегруженным добычей и, оставив своих капитанов грабить землю по своему усмотрению, вернулся с пленными, золотом и провизией в Антигуа. Золото, по его словам, должно было остаться нетронутым для будущего раздела. Провиант был сдан на хранение губернатору, а пленники распределены между королевскими офицерами, которые были отправлены сюда за счет короля, чтобы, среди прочего, следить за тем, чтобы туземцы не были обращены в рабство. Однако Айора чувствовал себя неловко. Его сны и размышления не были приятными; он знал, что настанет день расплаты, когда его злодеяния станут известны. Злодей решил сбежать до возвращения капитанов. Подготовившись со своими людьми, он выждал подходящий момент и, захватив один из кораблей, стоящих на якоре, что, однако, было известно губернатору, как полагают многие, сбежал со своей добычей. Петр Мученик, признаваясь в давнем знакомстве с Айорой, говорит, что «во всех беспорядках и трагических событиях на океане ничто не вызывало у меня такого недовольства, как алчность этого человека, который так расстроил умиротворенные умы королей». И «если бы Хуан де Айора был наказан за свои многочисленные обиды мирным вождям, — писал впоследствии Васко Нуньес королю, — другие капитаны не осмелились бы совершать подобные эксцессы». [IX-20](#)

Хроники продолжают в том же духе. Вскоре после Айора Франсиско Бесерра вернулся с охоты с золотом на сумму семь тысяч песо () и более чем сотней пленников, благодаря разумному распределению которых официальное расследование не только было прекращено, но и Бесерра получил новое поручение. Его отправили со 180 людьми и тремя артиллерийскими орудиями в Сену, чтобы отомстить за смерть 48 человек, погибших некоторое время назад под командованием Франсиско де Вальехо. Именно здесь Энсисо однажды попытался осквернить могилы туземцев в поисках золотых украшений. Бесерра отправился туда, решив не щадить ни стариков, ни женщин, но, высадившись на берег, отряд попал в засаду и все его члены были убиты отравленными стрелами врага, только один туземный слуга Бесерры сумел спастись и донести весть в Антигуа.

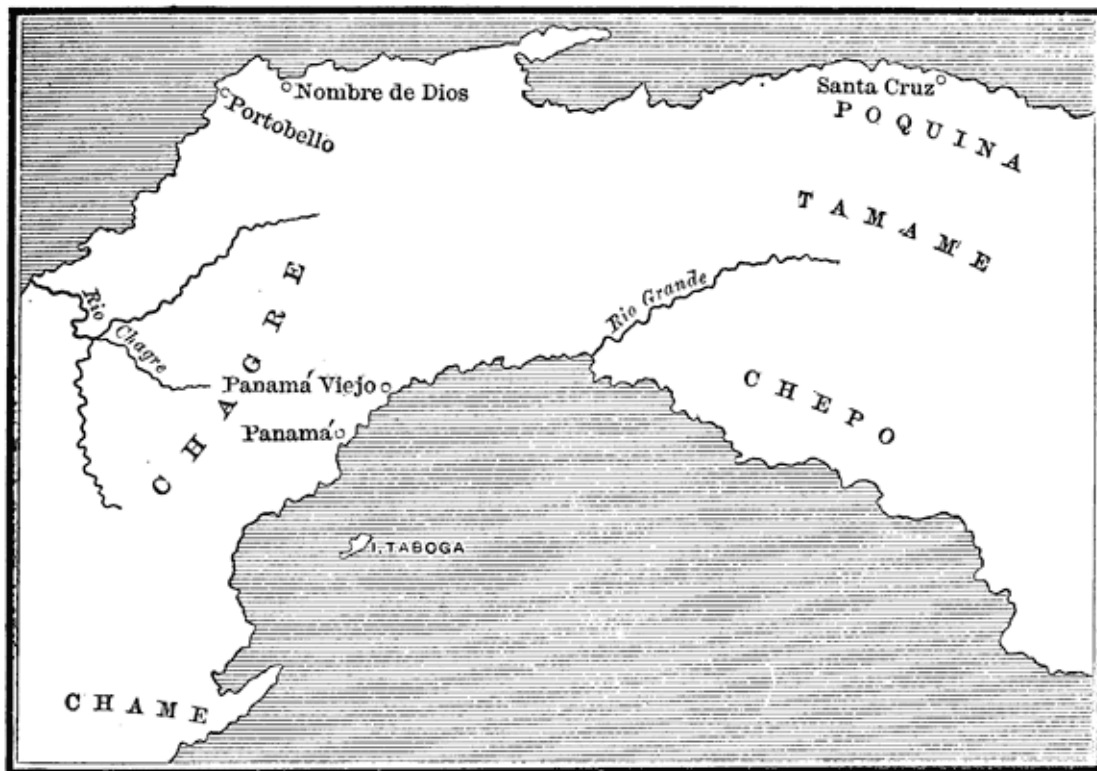
Поскольку весь регион был вооружен, восьмидесяти мужчинам в Санта-Крузе с каждым днем становилось все труднее выживать за счет воровства. Везде, где дикари могли их поймать, они мстили за свои жестокости, отрезая конечности острыми камнями или заливая им в горло расплавленное золото, крича: «Ешьте! Ешьте золото, христиане! Наедайтесь золотом!» [\[X-21\]](#)

Становясь все смелее, Покороса собрал большую армию и захватил форт, только пятеро испанцев смогли бежать в Антигуа. [\[X-22\]](#) Таким образом, через шесть месяцев после основания Санта-Круса от поселения не осталось и следа.

ТЕЛЛО ДЕ ГУСМАН И АЛЬБИТЕС.

Антонио Тельо де Гусман был отправлен со ста людьми, чтобы продолжить дело, заброшенное Айорой. Выйдя из Антигуа в начале ноября 1515 года, он направился в провинцию Тубанама [\[X-23\]](#) и обнаружил, что крепость, которой командовал капитан Менесес, осаждена дикарями, а гарнизон находится в крайне тяжелом положении. Место было покинуто, и Менесес вместе с Гусманом двинулся на юг, в провинции Чепо и Чепаури. Там их встретили несколько вождей, объединившихся, чтобы противостоять им, но дикарей удалось убедить передумать. Чепо преподнес своим гостям большое количество золота и устроил для них пир. Во время ужина молодой вождь вбежал в комнату в сильном возбуждении и обвинил хозяина в том, что тот узурпировал власть и лишил его наследства. «Восстановите меня, — настаивал он, — и я дам вам в два раза больше золота, чем дал Чепо». Аргумент был неопровержим. Чепо был повешен, семерых из его главных людей бросили на съедение собакам, а судьи получили золота на сумму шесть тысяч песо. Затем они продолжили свой путь.

Приблизившись к побережью, они слышали о месте, о котором много говорили и которое туземцы называли Панама. Испанцы подумали, что там должно быть золото или жемчуг, иначе как еще место могло бы стать таким известным? Однако, достигнув его, они были разочарованы, обнаружив лишь несколько рыбацких хижин, а слово «панама» на языке туземцев означало «место, где ловится много рыбы». [\[X-24\]](#) Отдохнув здесь с частью своего отряда, Тельо де Гусман отправил Диего де Альбитеса с восемьюдесятью людьми в богатую провинцию Чагре, расположенную в десяти лигах отсюда; и этот капитан хвастается, и мы позволяем ему, во имя Бога, что он не убил сонных дикарей, когда те, пробудившись глубокой ночью, с тупым изумлением смотрели на своих странных гостей и незамедлительно заплатили двенадцать сотен песо за привилегию остаться в живых. Получив так много так легко, Альбитес счел правильным потребовать еще больше и, вручив касике еще один большой мешок, велел ему наполнить его золотом. «Я могу наполнить ваш мешок камнями из ручья, — был ответ, — но я не могу сделать золото, и у меня его больше нет». Даже за это добрый Альбит не бросил его на произвол судьбы, а отправился в Пакору, [\[X-25\]](#) где к нему присоединился Гусман, и вся компания вернулась в Тубанаму.

До сих пор экспедиция Тельо де Гусмана была успешной и более важной, чем он сам предполагал, поскольку его экспедиция была первой экспедицией испанцев на место, где впоследствии возник знаменитый город Панама. Однако отсюда до Антигуа путь был мучительным. Воодушевленный своим успехом в Санта-Крус, Покороса появился в Тубанаме с усиленными силами. Поднимая в качестве знамени окровавленную одежду убитых христиан, дикари размахивали своими кровавыми знаменами на каждом холме, крича: «Смотрите на судьбу проклятых, которые покидают свои дома, чтобы нарушить мир невинных народов». Вдоль всей горы и через горящую равнину Дариен до самого порога Антигуа испанцы сражались с невидимым врагом, который никогда не вступал в открытую битву, но так изматывал их, что они часто были на грани того, чтобы бросить свои тяжелые золотые доспехи и лечь умирать от жажды, голода и истощения. Тем не менее, они прибыли в Антигуа с множеством рабов и большим количеством сокровищ.

Все это время Васко Нуньес оставался в тени; и пока творились такие подлые дела, каждому честному человеку было лучше оставаться без дела. Однако было трудно оставаться без дела; и в злой момент, под настойчивыми просьбами старых товарищей, которые не доверяли никому другому, он согласился принять участие в еще одной экспедиции в Дабайбу в поисках золота и золотого храма, находившегося там. Это было отчаянное предприятие, как показала предыдущая авантюра, но колония была колесом Иксиона, которое заставляло правительство постоянно двигаться.

Когда двести человек были готовы, и встал вопрос о руководстве, Педрариас назначил Луиса Каррильо, но были те, кто не хотел идти, если не под командованием Васко Нуньеса. Тогда губернатору пришло в голову разделить руководство таким образом, что в случае успеха экспедиции заслуга достанется его собственному капитану, а в случае неудачи вина ляжет на его врага. Так и было решено, к бесконечному недовольству Бальбоа, который ясно видел намерения губернатора и отказался бы, если бы мог сделать это без ущерба для своих

друзей. Отправившись в путь в июне 1515 года и поднявшись по реке Аtrato на некоторое расстояние, экспедиция внезапно оказалась окруженной враждебными каноэ, которые одновременно выскочили из-под нависающей над обоими берегами листвы. Испанцы оказались в невыгодном положении, поскольку, помимо атаки деревянными копьями, дикари, которые были более опытными на воде, чем испанцы, ныряли под их каноэ и переворачивали их, что привело к гибели половины экспедиции. Среди погибших был Луис Каррильо. Сто выживших с большим трудом нашли дорогу обратно в Антигуа.

ЭКСПЕДИЦИЯ ВВЕРХ ПО РЕКЕ АТРАТО.

Можно было бы подумать, что этого достаточно для золотого храма на данный момент. Но это не так. Эти люди не были кастильцами, если опасность и поражение не стимулировали их к новым приключениям. Кроме того, подобно почестям на арене, которые умножаются трудностями их достижения, таинственное владение, которое так упорно защищалось, должно было содержать огромные сокровища, и в возбужденных умах испанцев дикий пантеон Дабайбы превратился в величественное здание, сверкающее золотом и драгоценными камнями, расположенное в несравненно богатой и красивой местности. И Хуан де Табира, факториус, был уверен, что сможет захватить его, как и инспектор Хуан де Бируз. Они построили три легких бригадины и с их помощью, а также с помощью небольшого флота каноэ и, скажем, ста шестидесяти человек, бросили вызов демоническому войску Дабайбы. Так они и поступили под командованием Табиры. Расходы легли тяжелым бременем на управляющего, но казна короля помогла ему, если верить словам Эрреры.

Как и прежде, захватчики подверглись нападению, но дикари были легко отбиты. Но не богиня золотого храма, которая послала такой потоп, что выкорчевала деревья, опрокинула судно фактору и утопила, среди прочих, Табиру и Бируэса. Франциско Писарро, который был в составе экспедиции, попросили взять на себя командование и продолжить путь вверх по реке, но он отказался, и дальнейшие попытки в этом направлении были прекращены. [\[X-26\]](#)

ПОСЕЩЕНИЕ ЖЕМЧУЖНЫХ ОСТРОВОВ.

Из Испании пришли слухи о признании Индийским советом заслуг и достоинств Васко Нуньеса, и Педрариас поспешил перебросить людей на южное побережье, чтобы не допустить, чтобы его враг занял там власть. Для этой миссии были выбраны двоюродный брат губернатора Гаспар де Моралес и Франсиско Писарро, которым было предоставлено шестьдесят человек. [\[X-27\]](#) Им было велено пересечь горы по кратчайшему маршруту и, захватив Перлинские острова, найденные и названные Васко Нуньесом, собрать их плоды. Целью европейцев при нападении на островитян было, конечно же, расширение границ своей просвещенной, справедливой и гуманной цивилизации и приведение невежественных язычников к познанию христианской религии. Конечно, они могли собрать немного золота или подобрать жемчуг, который попадался им на пути, ведь работник достоин своей платы.

Добравшись до побережья, Моралес разместил половину своих людей под командованием Пеньялосы у вождя по имени Тутибра, а остальных — у соседнего вождя Тунака. Чиापес и Тумако, все еще верные испанцам, присоединились к ним там. Все необходимое — продовольствие, лодки и люди — было предоставлено дикарями с готовностью, поскольку те, кто должен был ограбить их давнего врага, были им желанными гостями.

Однажды, незадолго до наступления темноты, Моралес и Писарро с тридцатью испанцами и большой группой туземцев сели в флотилию каноэ, но море было настолько бурным, что

они не смогли достичь островов до следующего дня. Высадившись на одном из небольших островов и встретив лишь незначительное сопротивление, захватчики переправились на Исла-Рика, как ее называл Васко Нуньес, самый большой из группы островов, где жил страшный король, который заставлял дрожать вождей материка и который теперь, не испугавшись, выступил во главе своих воинов и храбро сражался с чужаками. И несмотря на кастильский порох, сталь и гончих, которые накапливались в безжизненных массах перед его глазами, его лучшие и самые храбрые воины, упрямый король сражался, как будто не зная, как сдаться. Наконец, Чиапес и Тумако поговорили с ним и показали, насколько тщетно сопротивление, насколько ценна дружба чужаков. Убедившись в этом, островной монарх подчинился и привел испанцев в просторный дворец, как старые летописцы называли его дом, и поставил перед ними корзину с большими блестящими жемчужинами, чтобы удовлетворить их алчные души. Взамен король стал необычайно богатым благодаря подарку в виде нескольких дешевых ручных зеркал, нескольких ястребиных колокольчиков и топориков, и проявил почти такое же глупое восхищение своими безделушками, как и европейцы своими. «Поручи меня дружбе этих богов», — воскликнул король, ища свое смуглое отражение в зеркале, звеня ястребиными колокольчиками, гораздо более красивыми, чем жемчуг, и пробуя острие своего топора на черепе стоящего рядом раба. Обняв Моралеса, он повел его к башне, венчавшей жилище и откуда открывался вид на океан, усеянный островами со всех сторон. «Смотри, — сказал он, — бесконечное море, простирающееся за лучами солнца; смотри на эти острова справа и слева. Все они мои; все они богаты жемчугом, которого ты получишь столько, сколько пожелаешь, если останешься моим другом». Он также рассказал о народах далекого материка, могущество которых подтверждалось кораблями, которые он иногда видел.

Моралес с готовностью пообещал вечную дружбу, оговорив лишь, что сто марок жемчуга должно ежегодно выплачиваться королю Кастилии, и король Дитеса, [IX-281](#) как местные жители называли Исла-Рика, согласился на это. Чтобы, насколько это возможно, приуменьшить значение достижения Васко Нуньеса, Моралесу было поручено захватить Южное море для короля Испании от имени Педрариаса. Теперь это было сделано. Название Исла-Рика было заменено на Исла-де-Флорес, и королю был совершен священный обряд крещения, в результате чего он получил имя Педро Ариас. [IX-291](#)

НЕСЧАСТЬЯ МОРАЛЕСА.

Удача Моралеса теперь покинула его. Вернувшись на материк, он обнаружил, что страна была в состоянии войны из-за злодеяний Пеньялосы, который был родственником Исабель, жены Педрариаса. Злодей отплатил за гостеприимство Тутибра надругательствами над его женщинами, и вожди в результате объединились для защиты своих домов. В отместку за это Моралес развязал огонь и меч по всей этой области. Однажды восемнадцать вождей, созданных на дружеский совет, были вероломно схвачены и брошены на съедение собакам; в другой раз, по слухам, за час было убито семьсот дикарей. Но при поджоге деревни вождя по имени Биру, [IX-301](#) на восточной стороне залива, испанцы были отбиты, и при попытке пересечь горы в Дариен они заблудились и после долгих блужданий и страданий оказались обратно в исходной точке. Они снова попытались перейти, горстка людей среди разъяренных толп. В отместку за ночные нападения и дневные залпы дротиков со скал и из зарослей, европейцы усыпали свой путь убитыми и изуродованными пленниками в количестве до ста человек, надеясь запугать врага, который от этого только еще больше разъярился. Таким образом, посреди этого кровавого беспорядка, по жестокости далеко превосходившего все, на что способны дикие звери, эта banda испанских мародеров, избежавшая справедливого наказания, с

большим трудом сумела добраться до своего поселения, все еще держась за золото и жемчуг.

[\[X-31\]](#)

Гаспару де Моралесу Васко Нуньес высказывает такие же похвалы, как и другим капитанам Педрариаса. «Пусть будет известно Вашему Величеству, — пишет он, — что во время этой экспедиции было совершено самое жестокое преступление, о котором когда-либо слышали в арабских или христианских странах, в любом поколении. И вот в чем она заключается. Этот капитан и выжившие христиане во время своего путешествия захватили почти сто индейцев обоих полов, в основном женщин и детей, сковали их цепями, а затем приказали обезглавить и скальпировать». Но «будучи двоюродным братом и слугой губернатора», добавляет Овьедо, он не понес «ни наказания, ни наказания».

ГЛАВА XI.

ЭКСПЕДИЦИИ В ДАРИЕН ПОД РУКОВОДСТВОМ ПЕДРАРИАС.

1515-1517 гг.

Гонсало де Бадахос посещает Южное море — Что он видит в Номбре-де-Дьос — Его отношения с Тотонагуа — И с Татарачеруби — Прибытие в Ната — Испанцы собирают много золота — Они сталкиваются с грозным Парисом — Отчаянная борьба — Бадахос теряет свое золото и возвращается в Дариен — Педрариас на тропе войны — он наносит Сену удар мести — Основание Акла — Губернатор возвращается больным в Антигуа — Экспедиция Гаспара де Эспиноса в Южное море — Осел лиценциата — Грабеж по закону — Родственник Эспиносы — Кровавый священник — Эспиноса в Нате — Он заводит знакомство с Парисом — который убивает послов — Уртадо исследует южное побережье до Никои — Основание Панамы — Аборигенский Тартар — Возвращение экспедиции Эспиносы.

В то время как эти экспедиции направлялись к восточной стороне залива Панама, другие капитаны были столь же активны на западной стороне.

Гонсало де Бадахос отплыл из Антигуа в Южное море в марте 1515 года со ста тридцатью людьми. [\[XI-1\]](#) Высадившись в Номбре-де-Диос, где с момента отправления Никуэсы не было ни одного белого человека, они увидели мрачное зрелище. Разрушенный форт был окружен пустыми домами, стены которых когда-то были безмолвными свидетелями отчаяния, а кресты, груды камней и разбросанные кости мертвецов, казалось, рассказывали о том, как беспокойны были эти авантюристы даже в своем последнем пристанище. Даже самый бесчувственный из этой черствой компании на мгновение задрожал, глядя на эти жуткие предзнаменования своей собственной вероятной судьбы, и они бы сразу же повернули назад, если бы их лидер не поспешил увести корабли из пределов их досягаемости.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАДАХОСА.

Однако многогранный авантюрист быстро приходит в себя, и еще более удивительно то безразличие, с которым воспринимаются часто повторяющиеся кровавые рассказы. Простая пословица о том, что привычка рождает пренебрежение, нигде не проявляется так ярко, как в нашем собственном общении с опасностью, болью и смертью. Не совсем ирландская поговорка гласит, что люди привыкают к этим вещам, даже к повешению. А когда часто повторяющиеся бедствия остаются вдали, и присутствуют только выжившие с их трофеями, ужасная история производит еще меньшее впечатление. То, что колония за колонией в Новом Свете была сметена или разделена смертью, и разделена еще раз, десять раз, или двадцать раз разорвана пополам; или что экспедиция за экспедицией возвращалась в Антигуа, оставляя половину или две трети своего состава гнить на раскаленной равнине или разбросанных по горам, служа пищей для падальщиков, и все же новые колонисты продолжают прибывать, а новые экспедиции продолжают организовываться теми, кто готов пойти на такой же риск никогда не вернуться, свидетельствует о невежестве, или безразличии, или и том, и другом, для которых страх

перед последствиями так же недоступен, как когда-то чувство любви было недоступно для Нарцисса.

Миссия Бадахоса была обычной. Он должен был пересечь перешеек в его самом узком месте, захватить страну и собрать ее сокровища. Мы все знаем, что означала эта « ». Если бы это сделали не цивилизованные христиане, то это было бы названо убийством, грабежом, предательством, насилием и прочим.

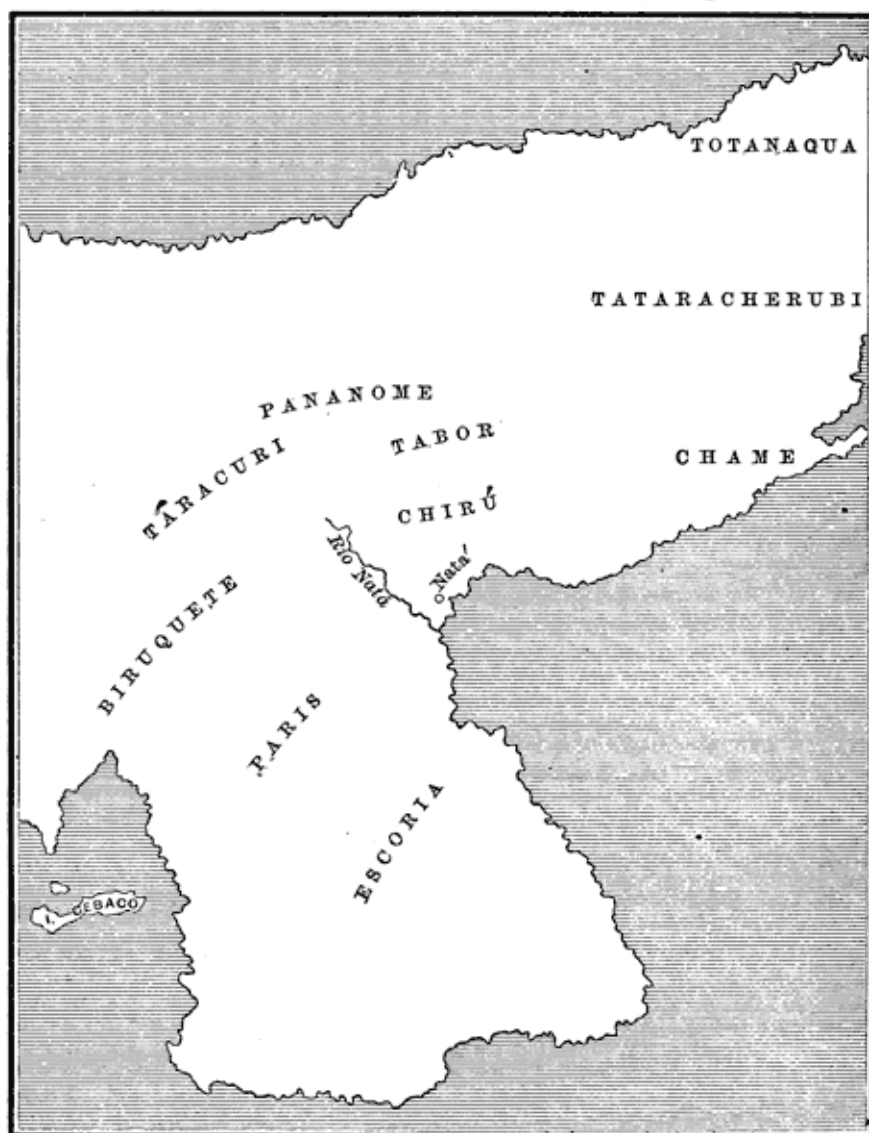
Тотонагуа стал первой жертвой в этом случае. Его владения были обширными и густонаселенными, а деревня, в которой он жил, стояла на горах напротив Номбре-де-Дьос. Застигнутый врасплох ночью, он сдал золото на сумму шесть тысяч песо. Татарачеруби, богатый вождь на южной стороне, был аналогичным образом лишен золота на сумму восемь тысяч песо. Видя, как испанцы любят золото, Татарачеруби рассказал им о вожде по имени Ната, который жил недалеко к юго-западу, был очень богат и имел мало воинов. Тридцать человек под командованием Алонсо Переса де ла Руа были сочтены достаточным количеством для этой авантюры, но после ночного марша испанцы на рассвете оказались в окружении группы деревень, принадлежащих многочисленному и воинственному народу. Отступление было невозможно, и терять время было нельзя. Устремившись к главной деревне, они схватили вождя Ната, [\[XI-2\]](#), и стали хозяевами положения. Когда дикари прижали их в последовавшей схватке и собирались убить всех, они пригрозили Ната немедленной смертью, если он не заставит своих людей сложить оружие. Ната подчинился. Вскоре Бадахос присоединился к Пересу, и вождь был освобожден, чтобы собрать для своих похитителей золото на сумму пятнадцать тысяч кастельяно. Пробыв в Нате два месяца, завоеватели напали на деревню Эскория, расположенную в десяти лигах к югу, и захватили золото [\[XI-3\]](#) на сумму девять тысяч песо. К западу от Эскории жили Бирукете [\[XI-4\]](#) и его слепой сосед, у которых было отобрано золота на сумму шесть тысяч песо. В окрестностях находились деревни Таракури, Пананоме, Табор и Чиру, где испанцы добыли еще значительное количество золота.

Гонсало де Бадахос собирал богатый урожай. К этому моменту его накопления достигли восьмидесяти тысяч кастельяно, что эквивалентно более полумиллиона долларов по сегодняшнему курсу. Это был неплохой способ заработать деньги. В глазах самих грабителей это было вполне почётным воровством, хотя глупые дикари никогда не могли до конца понять правомерность таких действий. В дополнение к золоту всегда было много женщин для рабства, и поэтому авантюристы, которые ради этих благ рисковали своей жизнью, были счастливы.

КАКИК ПАРИС.

Воодушевленные своими успехами, завоеватели продолжали свое дело.

Недалеко от Чиру находились владения вождя, которого испанцы называли Паризао Париба, впоследствии сокращенно Пари. [\[XI-5\]](#) Узнав об их приближении, Парис бежал в горы со всем своим народом и сокровищами. Бадахос послал ему сообщение, угрожая натравить на него собак, если он не вернется. Парис ответил, что он чрезвычайно занят и надеется, что испанский капитан извинит его за то, что он не придет. Однако он умолял его принять сопровождающий подарок от его женщин и пожелал ему удачного путешествия из страны. Подарок, преподнесенный столь небрежно, несли четыре главных человека в корзинах, сделанных из пальмовых листьев и выстланных оленьими шкурами. По размерам они были примерно полтора на два фута и три дюйма в глубину. Содержимое состояло из изготовленных из золота нагрудников, браслетов и сережек, стоимость которых, по утверждению испанцев, составляла сорок или пятьдесят тысяч кастельяно.

Столь великое сокровище, подаренное с такой королевской щедростью, только еще больше возбудило их алчность. Поблагодарив дикарей, Бадахос удалился со своими людьми, но как только Париж вернулся в деревню, он ночью напал на нее и добыл столько же золота, сколько уже было отправлено. Эта жадность привела к их гибели. Парис послал на дорогу одного из своих главных людей, который получил указание, в случае пленения, выдать себя за жителя соседней деревни, расположенной в трех лигах отсюда, и сказать, что она богата золотом. Он направлялся к реке, чтобы порыбачить, но готов был показать им свою деревню. Стратегия удалась. Бадахос послал часть своих людей под его руководством, чтобы принести сокровища. Тем временем Парис собрал армию из четырех тысяч воинов, и, когда захватчики разделились, как и было запланировано, он яростно атаковал и почти уничтожил одну часть, прежде чем другая смогла к ней присоединиться. Испанцы сражались до тех пор, пока семьдесят из них не были убиты, после чего они бросили сокровища, пробившись сквозь дикарей и бежали на территорию Чаме. [\[XI-6\]](#) Оттуда они переправились на остров, занятый Табором, а затем на остров Табога, где пробыли тридцать дней, набираясь сил для отчаянной попытки добраться до Дариена. В конце концов им это удалось, но Перес де ла Руа погиб сразу же по возвращении на материк. Поскольку им не удалось привезти домой золото, о котором были полны их рассказы, каждый из нас может верить им в соответствии со своей верой.

НАПАДЕНИЕ НА СЕНУ.

1515 год подходил к концу. Он был омрачен несколькими бедствиями, и Педрариас был далеко не доволен. Сам будучи воином и гражданским чиновником, он решил показать своим молодым капитанам, на что способен старик на поле боя; каким бы ни был его общий характер, а он был достаточно отвратительным, Педрариас не был трусом. Его первый удар должен был быть нанесен против народа сену, к которому он не испытывал симпатии со времени уничтожения двух рот под командованием Вальехо и Бесерры. Какое право имели эти дикари убивать испанцев? И все же, если бы его намерение войти в зону досягаемости этих отравленных стрел стало известно, у него осталось бы мало последователей для войны. Поэтому была организована экспедиция из трехсот человек, якобы направленная против Покоросы, и с ней он плыл по побережью на запад до наступления ночи, когда он приказал лоцманам развернуться и направиться к Сену, к печальному берегу которого на следующее утро они приблизились. Бросив якорь, Уртадо был отправлен с двумя сотнями человек, чтобы поджечь деревню и убить всех, кого сочтут нужным. Ему удалось зарубить нескольких женщин и детей, спасавшихся от пламени, и захватить некоторых пленников в рабство, но отравленные стрелы скоро положили конец этой забаве, и экспедиция снова повернула в сторону провинции Покороса.

Целью губернатора было основать по крайней мере два поста на линии, предписанной королем, но которые его капитаны не смогли создать. Педрариас решил, что следует немедленно выбрать конечные точки предполагаемой линии на обоих океанах и приступить к строительству городов. Плывая на запад в поисках подходящего места, он прибыл в приятный порт к северу от Кареты, за которым простиралась сухая и плодородная равнина с лесом, пригодным для судостроения, и откуда вела теперь хорошо известная дорога через перешеек. Местные жители называли это место Акла, [\[XI-7\]](#) что означает «кости людей». Там губернатор с таким энтузиазмом приступил к строительству деревянного форта, что не только руководил рабочими, но и помогал им своими руками, пока чрезмерное усердие не привело к лихорадке, из-за которой его пришлось увезти на постельном режиме в Антигуа. Габриэль де Рохас остался командующим незавершенным предприятием, а Гаспар де Эспиноса с сильной армией получил разрешение испытать удачу в войне против Покоросы, постоянного объекта грабежей.

ОСЕЛ ЛИЦЕНЦИАТА.

Похоже, что молодой магистрат, обнаружив, что его официальные обязанности без мягкого рычания и бессмысленного остроумия мелкого адвоката или знатока лишены духа, отложил в сторону длинную мантию и пристегнул меч, который, по его мнению, был более значимым символом в арбитражном индейских дел. А поскольку высшая мудрость — это та, которая приспособливает знания к повседневным обязанностям, лицензиат не был связан механическими ограничениями, которые управляли неграмотными кавалерами в их столкновениях с туземцами. Есть люди, которых путешествия мало улучшают, хотя, как Хаддад Бен Ахаб, они должны подняться на вершину мировой стены и посмотреть вниз с другой стороны. Наш судья по делам несовершеннолетних не был одним из них. *Bonum est fugienda adspicere in alieno malo*, был его девиз. Хорошо замечать в несчастьях других то, чего мы должны избегать, как сказал Публий Сир. Он отправлялся на войну как воин, не утомляя себя утомительным путешествием через горы и болота, как обычный пехотинец, но вступал на территорию врага верхом, как генерал и судья. Афина отправилась на войну верхом на льве, Александр — на лошади, а Эспиноса — на осле. История отдает эту честь лиценциату, и как честный человек я не могу это отрицать; он был первым, кто пересек перешеек на ослике. Недавно в Антигуа были привезены несколько лошадей, которые в очень ограниченной степени использовались в войнах на Tierra Firme, а также в данном случае; но мэр предпочел

оседлать ослика; это было более судейское животное, не говоря уже о том, что оно было более уверенным на ногах и более безопасным. Кроме того, он был спокойным и не склонен был безрассудно бросаться в бой. Было еще одно нововведение. В этой экспедиции через перешеек перетащили несколько артиллерийских орудий.

Когда дикари впервые увидели победоносного героя, торжественно проносимого через толпу восхищенных зрителей, они ошеломленно отступили. Они знали силу испанского оружия; они знали гончих, аркебузы, извергающие огонь и метаемые молнии. Но что это было? Его глаза не были огненными, его ноздри не были раздутыми, его зубы не были способными разрывать плоть. Его лицо выражало мягкость и отрешенность, как при благожелательном созерцании; в нем не было ничего из той утонченной похоти или жадной набожности, которые характеризовали лица испанцев. И, безусловно, Аполлон ошибся, когда дал Мидасу такие уши, потому что тот не мог ценить музыку. Послушайте его ноты. Ах, этот голос! Когда сэр Балаам поднял голос, дикари в ужасе разбежались. Дрожа, они вернулись и спросили, чего просит это существо. Испанцы ответили, что оно просит золота; и во время похода его музыкальное животное принесло лиценциату больше золота, чем когда-либо зарабатывал Леонсико для Васко Нуньеса. И во всей той области ученый лиценциат стал известен туземцам благодаря благородному животному, на котором он ездил, настолько, что те, кто входил в лагерь испанцев, чтобы увидеть генерала, обычно объявляли о своем намерении, ревя как ослы, и главный офицер всегда любезно отвечал на их призыв.

Как алькальде-майор, Эспиноса был обязан всегда и везде обеспечивать соблюдение закона. Так повелевали Бог и король, и он поклялся это делать. Однако часто было несколько неудобно грабить и убивать по своему усмотрению, даже в соответствии с либеральными положениями королевского Указа, согласно представлениям губернатора о ведении дел. Поэтому было сочтено разумным и благоразумным издать из имперского города Антигуа указ, объявляющий всех американцев, восставших против европейцев, вне закона, обреченными на рабство, калечение или смерть. Те, кто принимал участие в разрушении Санта-Круса, должны были быть сожжены; и было весьма примечательно, как быстро этот молодой юрист принимал решения, независимо от того, насколько отдаленными были доказательства, всякий раз, когда уничтожение народа, способствуя суверенитету закона, одновременно приносило прибыль законодателю.

Судья не успел далеко продвинуться по своему новому округу, как встретил Бадахоса, который уныло возвращался в Антигуа, страдая от последствий чрезмерной алчности. Узнав об огромном сокровище, которое Бадахос не смог привезти, Эспиноса написал Педрариасу, чтобы тот прислал ему больше людей, чтобы он мог поехать и собрать его. Бадахос требовал, чтобы командование было передано ему по праву, но Педрариас ответил: «Нет, Эспиноса является алькальдом-майором; кроме того, капитан Бадахос не привозит ни рабов, ни золота, с помощью которых можно было бы купить благосклонность». После этого лиценциат получил сто тридцать дополнительных людей под командованием Херонимо Валенсуэла. Колонисты настолько возненавидели эти опасные и безбожные приключения, что этот капитан, в соответствии со своими инструкциями, потопил свой корабль по прибытии в Аклу, чтобы лишить людей возможности вернуться в Антигуа.

«Записки о Галльской войне» Цезаря не более подробны, чем рассказ [\[XI-8\]](#) о событиях этой экспедиции, данный Эспиносой губернатору. Лиценциат был чрезвычайно осторожен в

каждом случае, прежде всего, чтобы умиловить закон, соблюдая его мельчайшие буквы, такие как чтение и толкование требований короля, и никогда не грабить и не убивать туземцев, кроме как во имя короля Испании и прав человека. Таким образом, успокоив свою судебную совесть, он приступил к работе с полной отдачей.

ДЕПОПУЛЯЦИЯ ПРОВИНЦИЙ.

Провинции Покороса и Комагре в это время были почти обезлюдены, и лицензиат с трудом мог добыть пропитание для своих людей или найти применение своим оружием. При приближении испанцев бедные остатки этих некогда счастливых народов в страхе бежали в свои укрытия. Ученый лицензиат постановил *ipso jure*, что это является объявлением войны; , одним словом, если закон не мог быть изменен, чтобы соответствовать обстоятельствам, главный хранитель закона, сам ставший нарушителем закона и грабителем, был готов отбросить закон так же, как и самый незаконный кавалерист. Целые народы, говорю я, были объявлены вне закона почтенным главным судьей, потому что они не хотели выйти вперед и принять рабство по своей собственной воле. Если каких-то беглецов было особенно трудно поймать, это было доказательством их участия в деле Санта-Круз, и они были сожжены в соответствии с законом.

Однако капризы закона не показывают претензии цивилизации и христианства в этих краях в их грубейшей абсурдности. В ходе возмутительных набегов под командованием Педрариаса самые отвратительные преступления совершались во имя религии. Не раз упоминалась жадная рука епископа Кеведо, и теперь мы видим, как его декан лично вступает в поле нечеловечности против несчастных туземцев. Лицензиат пишет: «Мы продвинулись примерно на полторы лиги к земле Покины, где индейцы подожгли свои хижины и убежали. Я послал декана с одним отрядом, а Охеду с другим, и они привели обратно нескольких индейцев, число которых будет указано в распределении. Я отдал Чиарне некоторых из этих индейцев, и это с лихвой компенсировало ему провизию, которую он нам предоставил». К сожалению, это не единственный случай в этой истории, когда священник позорит веру, становясь на сторону кровожадных и жестоких людей и присоединяясь к охоте во имя Христа, чтобы привести невинных мужчин, женщин и детей к рабству и смерти.

После отправки в Санта-Крус в надежде найти провизию из Антигуа, «мы отправились в провинцию Тамаме», продолжает Эспиноса, «откуда я послал всех капитанов исследовать Рио-Гранде, [\[XI-9\]](#) на обоих берегах, так как мне сообщили, что там скрываются люди Покоросы. Некоторые индейцы были пойманы, как будет показано в распределении (), пятеро из них были сожжены дотла после признания в участии в убийствах в Санта-Крузе». Действительно, «я посылал людей в погоню за индейцами, и всем, кто участвовал в погроме в Санта-Крузе, было воздано по заслугам: их повесили или сожгли, а двоих застрелили из пушки, чтобы еще больше напугать остальных».

ЭСПИНОСА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ.

Пересекая Кордильеры через Тубанама и Чепу в Панаму, где он надеялся добыть продовольствие, но нашел только несколько хижин и одну женщину, Эспиноса прошел в Чиру, отправив своих капитанов во все стороны на грабеж. В Чаме испанцы нашли только четырех индейцев; и поскольку вождь снабдил Бадахоса кукурузой, они не тронули его. Хуртадо захватил вождя Чиру с его женщинами и золотом, но, поскольку тот вел себя мирно, его освободили и сделали хранителем нескольких рабов и украшений для мессы, так как на берегу Тихого океана собирались организовать церковь. Чиру послал Эспиносе игуан на еду, а также *чичу*, рыбу, оленя и соль, и в ответ получил несколько гамаков.

После этого испанцы однажды ночью напали на Нату, захватив сто пленных и золото на сумму в полторы тысячи кастельяно. Вождь сбежал и, собрав своих воинов, приготовился атаковать испанцев, но когда туземцы увидели лошадей, они в ужасе убежали, боясь, что те разорвут их на куски. В результате всадники преследовали беглецов и убили их большое количество. Эспиноса был поражен множеством людей, которых он здесь встретил, и количеством их деревень. Он также обнаружил изобилие кукурузы, рыбы и оленей, а также гусей и индюков. Для армии сразу же было обеспечено четырехмесячное запас кукурузы, а для лучшей защиты во время пребывания были возведены частоколы.

Однажды утром, когда лицензиат отдыхал в своей хижине, Ната с одним слугой без церемоний ворвались к нему, с отчаянием на лицах и с пустыми колчанами в руках. «Вы слишком сильны для меня, — воскликнул вождь. — Вы забрали моих воинов, моих жен, моих детей; делайте со мной, что хотите». Эспиноса принял его любезно, вернул ему жен и детей и велел ему вывести свой народ из укрытий и ничего не бояться. Затем у него потребовали золото, которое было взято из Бадахоса, но Ната отрицал, что оно у него есть, говоря, что все золото осталось у Париса. Укрепившись здесь, испанцы двинулись на соседние провинции. Люди бежали, но голод заставлял их возвращаться. Некоторых из пленников заставляли заниматься земледелием, а тех, кто не подчинялся, вешали. Другие помогали строить маленькую часовню, потому что ревностный декан теперь убрал свой кровавый меч, чтобы через переводчика проповедовать благую весть о доброй воле к людям, и многие были крещены.

Тем временем делегация, состоящая из туземцев Наты, была отправлена к вождю Парису с требованием присяги на верность королю Испании и возвращения золота, взятого из Бадахоса. Парис ответил повешением всех послов, кроме двух, через которых он передал, что каждый христианин, пойманный на его территории, будет подвергнут такой же казни. Лицензиат немедленно приготовился к походу против грозного вождя.

29 июля 1516 года каждый член армии исповедовался у священника. Были даны обеты Богородице Антигуа, «и во имя Бога», как говорит лицензиат, «мы начали наше путешествие». Уртадо был отправлен с пятьюдесятью людьми в Эскорию, и правитель этой провинции вместе с Чиру и Ната был вынужден сопровождать экспедицию против Париса.^[XII-101] Жители растаяли перед захватчиками, и с трудом удалось найти людей, которые согласились бы быть проводниками. Испанцы не успели далеко продвинуться, как узнали, что вожди, объединившиеся для самозащиты, провели совет, чтобы решить, следует ли возвращать золото, взятое из Бадахоса. Некоторые были за его возвращение, но другие возражали, что, если его отдать, то потребуют гораздо больше, и, поскольку в любом случае придется сражаться, было решено сражаться, прежде чем сдавать сокровище. Так случилось, что Диего Альбитес с восьмьюдесятью людьми шел впереди и, подойдя к ручью, заметил нескольких индейцев, спрятанных под берегом, и решил их схватить. В мгновение ока местность ожила дикарями; Альбитес оказался окруженным четырьмя тысячами врагов, полностью отрезанным от основной части войска. Испанцы отчаянно сражались в течение шести часов и были бы уничтожены, если бы не появился Эспиноса и не напустил на нападающих гончих и всадников. Двадцать вождей и множество воинов были убиты, а многие испанцы получили тяжелые ранения. «В ту ночь мы спали на поле битвы, — говорит Эспиноса, — а на следующий день я воздвиг защиту из частокола и отправился на поиски вождя Париса». Хитрый вождь сжег свою деревню и бежал, оставив захватчикам ни золота, ни провианта. Альбитес отправился на поиски провианта с указанием стрелять из пушки в случае опасности. В ту ночь лицензиат девять раз слышал выстрелы и не мало беспокоился за безопасность капитана. Поэтому он был очень рад, когда ранним утром появился

Валенсуэла с подкреплением в сто человек из Антигуа и сообщил лиценциату, что это он стрелял из пушек, когда искал лагерь командира.

ВАЛЕНСУЭЛА ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К ЭСПИНОСЕ.

Имея теперь триста человек, Эспиноса почувствовал себя достаточно сильным, чтобы продолжить исследование в полном соответствии со своими инструкциями, которые заключались в том, чтобы исследовать побережье на запад, насколько это возможно. В качестве первого шага он послал отряд из восьмидесяти человек под командованием Валенсуэлы в провинцию Гуарари, недалеко от побережья, на поиски деревьев для каноэ. Между тем, сокровище, потерянное Бадахосом, необходимо было найти, если возможно, прежде чем покидать эти места. Отряды были отправлены в разных направлениях под командованием Альбитеса, Эрнандо де Альбитеса () Уртадо (Hurtado) и Педро де Гамеса (Pedro de Gamez), между которыми возникла нешуточная rivalry за честь захвата. Их целью было захватить вождей и выбить из них секрет с помощью пыток. Наконец Гамес нашел след и пошел по нему в провинцию Кема (Quema). Ему даже посчастливилось захватить вождя, но из-за отсутствия переводчика ничего определенного узнать не удалось. Тем не менее он представил благоприятный отчет Эспиносе, который приказал Альбитесу и Уртадо прийти ему на помощь. Под мягким давлением пыток Кема раскрыл место, где была спрятана часть золота, около тридцати тысяч кастельяно, но отрицал, что знает о остальной части. С этим золотом и другой добычей три капитана присоединились к своему командиру, который прошел в Гуарари.

Были построены две каноэ, каждая из которых могла перевозить семьдесят человек, и три меньшие каноэ были привезены Пабло Мехиа из Чиру. Ими заведовал Бартоломе Уртадо, который с восьмьюдесятью или девяноста людьми направился на юг и запад, а Эспиноса с остальной частью отряда следовал по суше. Дождь лил как из ведра, и достойный лиценциат скоро устал бродить по густой грязи; поэтому после четырех дней марша к небольшому порту под названием Уэра ([\[XI-11\]](#)) в провинции Вера был созван совет, на котором было решено, что Уртадо должен продолжить разведку со ста людьми на лодках, а сухопутная группа должна вернуться в Кема и искать остатки сокровищ Бадахоса.

Первой провинцией, в которой высадился Уртадо, была Гуанта (), откуда жители бежали, и где из-за непрекращающихся дождей испанцы отдыхали семь дней. Найдя проводников, они затем переправились на остров, называемый туземцами Каубако (Caubaco) или Себако (Sebaco), [Гуанта \(\) \[XI-12\]](#) , расположенный в трех днях пути. Уртадо приобретал опыт и понял, что с этими дикими людьми лучше обращаться мягко. Эта политика увенчалась успехом, и, хотя

сначала его высадка встретила сопротивление, он и островитяне вскоре стали лучшими друзьями. Их правитель отсутствовал, сражаясь на материке, и когда он вернулся, его подданные представили незнакомцев с такой теплотой, что он сразу проявил свою доброжелательность, подарив Уртадо золотую броню стоимостью в тысячу кастельяно. Действительно, он оказался очень дружелюбным и уступчивым, готовым признать короля Испании, принять христианство или все, что они пожелают, настолько, что испанцы называли его Касике Амиго. Была организована экспедиция против жителей соседнего острова, названного испанцами Исла-де-Варонес, к которой присоединился Пекеари, брат Себако, с девятью каноэ. Эти островитяне были обнаружены в укрепленной бревенчатой крепости, окруженной рвом, и настолько труднодоступной, что нападавшие были неоднократно отброшены назад и, вероятно, потерпели бы поражение, если бы не их артиллерия. В семи лигах к западу находился остров под названием Кабо, [\[XI-13\]](#) где испанцы нашли немного золота. Оттуда они продолжили путь вдоль материка, но жители были настолько свирепы, что они не осмелились высадиться на берег. Однако некоторые лодочники сказали им, что через земли соседних провинций, Торра и Табраба, расстояние до Северного моря составляло всего три дня пути. И здесь они слышали слухи о богатой и могущественной нации на западе, с двойными лицами и закругленными ступнями — вероятно, это была аллюзия на цивилизацию плато. Люди с первой характеристикой встречаются и сегодня, даже среди нашей высшей европейской культуры.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЮЖНОГО МОРЯ.

Уртадо исследовал побережье до залива Никоя, [\[XI-14\]](#) примерно в ста сорока лигах от Наты. В окрестностях Гольфо-Дульсе, [\[XI-15\]](#) жили люди, которых называли чиучире. Красота и плодородие этой страны постоянно соблазняли испанцев высадиться на берег и оспаривать владение у коренных жителей, которые появлялись на побережье с барабанами и трубами, чтобы отпугнуть пришельцев. Но это не входило в планы Уртадо, да и возможности у него на это не было; из Никой он вернулся, чтобы присоединиться к Эспиносе.

После долгих обсуждений в Антигуа было решено, что рыболовецкая станция Панама [\[XI-16\]](#) должна стать местом расположения главного города, конечной остановки трансконтинентальной линии на берегу Южного моря. И после возвращения Уртадо, которое произошло в начале 1517 года, Эспиноса, следуя инструкциям Педрариаса, приступил к созданию там поселения. Его первым командующим был Эрнан Понсе, который только что вернулся с Уртадо из экспедиции в Никоя. [\[XI-17\]](#)

ОХОТА ЗА ЗОЛОТОМ.

Во время отсутствия Уртадо Эспиноса отправился в Кема в поисках Париса и золота, которое потерял Бадахос, но вскоре был вынужден покинуть эту провинцию из-за нехватки провианта. Через два дня пути вглубь материка испанцы прибыли в деревню, управляемую вождем по имени Чиракона, которого обвиняли в том, что он сыграл важную роль в поражении Бадахоса, и который теперь хранил у себя две корзины с золотом. В эту провинцию, известную храбростью своих мужчин и красотой своих женщин, а также тем, что в ней обитают *туйраес*, или демоны, Диего де Альбитес был отправлен с шестьюдесятью людьми, а остальная часть отряда следовала за ним более медленным маршем, питаясь корнями тростника. «По воле Божьей, — говорит благочестивый лицензиат, — вождь был схвачен вместе со своими женами и детьми». Чиракона сначала отрицал обвинение, но под пытками пообещал выдать золото.

Бедняга на самом деле ничего не знал о сокровище, но понял, что для того, чтобы остаться в живых, ему необходимо что-то признать. И под давлением его ум пробудился. Согласно

преданию, местом сбора демонов была горная крепость, расположенная в десяти лигах отсюда, в которую ни один человек никогда не отваживался заходить. «Если, — подумал печально избитый Чиракона, — этих адских христиан удастся заманить туда, то их ждет счастливый конец». Но когда он рассказал им о красоте и плодородии этого места, а также о огромных запасах богатств, накопленных там веками, женщина из Эскории, к которой целомудренный лицензиат относился с нежной благосклонностью, умоляла своего господина не входить в это опасное укрытие, поскольку она слышала, что Чиракона стремится только к уничтожению испанцев, уверенный, что земля раскроется, чтобы поглотить их. Но лицензиат ответил: «Не беспокойся, моя подруга; христиане не боятся дьяволов; дьяволы боятся христиан и бегут от них». Итак, Педро де Гамес был отправлен с семьюдесятью людьми в обитель дьяволов. На следующую ночь произошло страшное землетрясение: и язычники, и христиане поверили, что его час пробил; а Чиракона, катаясь в своем доме по колеблющейся земле, как в каноэ по бурному океану, улыбался, думая о том, как хорошо срабатывает его план.

На следующий день Гамес вернулся без золота; от чего были разочарованы и белые, и красные: первые — потому что сокровище не было найдено, вторые — потому что испанец-вернулся невредимым, так как в противном случае Чиракона пришлось бы придумывать новое развлечение для их алчной жадности. Испанцы оставались в этом месте два месяца, живя за счет припасов, вынужденно предоставленных Чираконой, и настаивая на том, чтобы он принял христианство, присягнул на верность Испании и выдал золото. Увидев, что он непреклонен во всех этих вопросах, они бросили его на съедение собакам и ушли. Узнав о Парисе в Кема, Диего де Альбитес был отправлен туда, но не достиг главной цели своей миссии. 2 января 1517 года все прошли в Эскорию, откуда Альбитес был отправлен в трехдневное путешествие на север, чтобы захватить вождя по имени Табраба. Он добился успеха и добыл золото на сумму четыре тысячи кастельяно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭСПИНОСЫ В АНТИГУА.

Эспиноса приготовился к возвращению в Северное море (). Он был возмущен неблагодарностью тех немногих вождей, чьи жизни он пощадил. Ната отрекся от веры, сжег частоколы испанцев, уничтожил их урожай и присоединился к враждебному союзу. Жители Чиру и других мест ушли, тем самым добавив оскорбление к неудаче в поиске предметов для грабежа. Проходя через Тубанаму, Эспиноса сверг вождя по имени Чамна, который был враждебен Васко Нуньесу. В Комагре он нашел Серрано, снова посланного, чтобы наказать эту почти опустевшую провинцию. Полуголодные испанцы прибыли в Аклу и были вне себя от радости, увидев Васко Нуньеса, который дал им еду и предоставил судно, на котором они могли вернуться в Антигуа.

Алькальде-майоры были самыми могущественными грабителями из всех. Эррера оценивает добычу в золоте в восемьдесят тысяч песо и две тысячи пленников для рабства. После того, как королю была отдана его пятая часть, а губернатору и чиновникам — щедрая доля, осталось достаточно, чтобы раздать солдатам, и каждый из них считал себя богатым. Затем последовали дни и ночи славных разгулов, в которых, помимо женщин и вина, заметную роль играли азартные игры. Второе распределение капитала было быстро осуществлено под покровительством непостижимой богини. Ставка менее одного песо на любую игру считалась ничтожной, а раб был обычной ставкой. Губернатор, его совет и солдаты с удовольствием участвовали в этом занятии, и говорят, что Педрариас за один раз проиграл сто рабов. С такими слугами и подданными королю было очень выгодно запретить отправку игральных карт в Новый Свет, а Совету Индий ограничить суточный проигрыш в азартных играх десятью кастельянами.

ГЛАВА XII.

СУДЬБА ВАСКО НУНЬЕСА де Бальбоа.

1516-1517.

Дела в Антигуа — Различные способы умиротворения — Жалобы Васко Нуньеса королю — Планирование новой экспедиции — Васко Нуньес назначен аделантадо и генерал-капитаном Южного моря — Педрариас держит назначение в секрете — Примирение Бальбоа и Педрариаса — Помолвка доньи Марии — Васко Нуньес отправляется в Аклу — Резня в Олано — Учреждение муниципалитета Акла — Перевозка материалов для кораблей через горы — Трудности, опасности и смертность — Бальбоа на Жемчужных островах — Предсказание астролога Мисера Кодро — Слухи о прибытии нового губернатора в Антигуа — Задуманное уклонение от новой власти — Позор Гарабито — Васко Нуньес вызван Педрариасом в Аклу — Его путешествие туда — Суд и казнь.

Во время отсутствия Эспиносы на юге дела в Антигуа шли исключительно вяло. К сожалению, болезнь губернатора не оказалась смертельной. Дела подходили к концу, поскольку войны были вдали, а бережливые ремесла не представляли большого интереса для пиратских авантюристов. Колония настолько пришла в упадок, что Каса-де-ла-Фундисьон, или плавильня, была закрыта, а общественные посты были объявлены — гомеопатическая политика, по правде говоря, для голодающего сообщества. Но если бы не вражда между Педрариасом и Васко Нуньесом, которая в той позорной обстановке легко поддерживалась, мало что произошло бы, достойного упоминания.

СВАРКИ С ГУБЕРНАТОРОМ.

Губернатор не был виноват в том, что кавалерист не был разорен. Его лучшие планы были испорчены некомпетентными и злонамеренными людьми. Его очерняли при дворе, а в колонии на него обрушились всевозможные унижения. Внимательный читатель, наверное, уже заметил разницу в качестве предприятий, которыми занимались эти люди. Какими бы ни были непосредственные результаты, какими бы ни были несправедливости и жестокости, совершенные каждым из них, в одном случае была высокая цель открытия и мирного завоевания, в другом — не было видно никакой другой цели, кроме грабежа. У Бальбоа не было времени на сбор золота, у капитанов Педрариаса не было времени ни на что другое.

За исключением набега алькальда-майора, экспедиции, запланированные Педрариасом, не отличались успехом. В результате Бальбоа не стеснялся ругать старого губернатора. «Все предприятия Педрариаса были настолько неудачными, — говорит Бензони, — что Бальбоа смеялся над ним и издевался над ним, от чего губернатор пришел в ярость, и это привело к серьезным спорам».

Бальбоа был теперь в расцвете сил, ему было почти сорок лет, и за последние несколько лет он превратился из беспечного странника в вдумчивого правителя, чья слава в Новом Свете

уступала только славе его первооткрывателя. «Смотрите, — говорит Петр Мартир, — этот опрометчивый разбойник превратил в политического капитана, жестокий Голиаф превратился в Гелисея, а Антей — в Геракла, покорителя чудовищ». И из всех чудовищ, с которыми он мог столкнуться на море или на суше, старик Педрариас был самым чудовищным. Для такого горячего и рыцарского характера, как у Бальбоа, было невыносимо раздражающим, что его слава была узурпирована, а его энергия ограничена чрезвычайно эгоистичным человеком, гораздо уступающим ему по природным способностям, который по ошибке стал его политическим начальником. И он не переставал наносить ответные удары со всей силой, которой располагал. При каждом отправлении он обращался к королевским властям в Испании, представляя им яркие описания надругательств над туземцами, извращения законов и грубого ненадлежащего управления колонией. «Всемогущий повелитель, — писал он королю, — я, верный и законопослушный слуга, осознавая свои многочисленные обязательства по оказанию лояльной службы за оказанные милости — и да будет долголетие Вашему Величеству, чтобы оно даровало мне еще больше — смиренно желаю развеять заблуждения Вашего Величества относительно губернатора Педрариаса Давилы, чтобы Ваше Величество могло принять меры, которые сочтет наиболее целесообразными». Он настоятельно просил Овьедо, когда тот собирался отправляться в Испанию, доложить Совету Индий о реальном положении дел. И снова он пишет: «Я умоляю Ваше Величество не считать меня клеветником или злонамеренным, но распорядиться о проведении расследования, чтобы вы могли убедиться, что все, что я сказал, является правдой». Он все еще питал надежду, что отчет Арболанчи, сопровождаемый подарками, будет благосклонно принят, и что его успехи искупят прошлые нарушения.

В ожидании результатов этих усилий он решил организовать экспедицию в Южное море без разрешения и помощи Педрариаса и расширить свои открытия в обоих направлениях. В соответствии с этой целью и при содействии небольшой группы тех, кто присягнул на верность на высотах Квареква, он тайно отправил на Кубу небольшое судно под командованием Андреса Гарабито за людьми и оружием. Таким образом, запустив колесо своей судьбы, он стал ждать развития событий.

АДЕЛЬАНТАДО И ГЕНЕРАЛ-КАПИТАН.

Мы видели, как король Фердинанд принял Арболанчу, как королевское сердце было тронуту открытиями и жемчугом щедрого кавалера. И мы должны признать дилемму монарха. Установление правительства Педрариаса стоило ему больших денег, и те самые качества, которые привели к отчаянному приключению, имели тенденцию ослаблять узы верности. Но Васко Нуньес не проявлял никакого желания отвергнуть королевскую власть; кроме того, стало принципом колониальной экономики, что услуги успешных полководцев должны оплачиваться из их будущих доходов. Как же тогда любой суверен мог рассчитывать на расширение своих владений, если успешные авантюры лишались своего права? Поэтому было решено, что наградой Васко Нуньеса будет титул авантальдо Южного моря и генерал-капитан провинций Коиба и Панама, но под надзором Педрариаса как вышестоящего офицера.

Королевские депеши, подтверждающие это назначение, прибыли в Антигуа в начале 1515 года, до отъезда Эспиносы. Педрариас, конечно, был одновременно проинформирован об этом факте. Его унижение превосходило только его подлое решение. Без южного побережья Кастилия-дель-Оро не представляла никакого интереса для правительства, даже несмотря на то, что юрисдикция Антигуа номинально распространялась на всю территорию. Северное побережье было уже опустошено, а климат был таким, что ни один европеец не мог долго

его выносить; в то время как на юге богатства и власть ждали романтических приключений. Все депеши, прибывавшие в Антигуа, должны были проходить через руки губернатора. В данном случае депеши, адресованные Васко Нуньесу, были задержаны.

Педрариас хорошо знал, что для своего поведения ему понадобится какое-то оправдание, и начал искать его. В провинциях было незаконно для любого губернатора или генерал-капитана исполнять свои должностные обязанности во время прохождения резиденции. Поэтому необходимо было придумать новые обвинения против бывшего губернатора колонии и возобновить судебное преследование. Благодаря сговору с судьей это расследование, как того требовал закон, могло продолжаться бесконечно. Еще лучше, мэр, который в данном случае был наиболее подходящей личностью для проведения резиденции, мог быть отвлечен от своей дружбы с первооткрывателем предложением военного командования после начала разбирательства, поскольку было хорошо известно, что тщеславие лиценциата не уступало его алчности.

Считая себя готовым, губернатор созвал совет, раскрыл секрет и настоял на том, чтобы комиссия была отклонена. Все согласились, кроме епископа Кеведо, который искренне дружил с Васко Нуньесом и видел больше чести для Испании и Церкви в возвышении щедрого кавалера, чем в военном набеге алькальда-майора. И, видя это, он стал ревностно добродетельным и начал бурно протестовать. Оказавшись в меньшинстве в совете, он взобрался на амвон и обрушился с упреками на своих противников. «Неужели, — воскликнул он, — презренные страсти завистливых и коварных людей могут таким образом подрывать королевский замысел и удерживать справедливое вознаграждение за выдающиеся заслуги?» Кроме того, он пригрозил раскрыть голые факты перед властями в Испании.

Педрариас затрепетал. Он не ожидал такого яростного сопротивления со стороны прелата и боялся растущей силы своего противника, теперь, когда стало известно, что король оказал ему милость и дал королевское поручение. Васко Нуньес мог получить свою должность, но старик поклялся, что это будет его смертью. Он наложит на него такие сети и ловушки, которые в конце концов приведут к его гибели. Педрариас будет властью и будет играть с этим хвастуном, как на дудочке, под которую танцуют черти.

КЕВЕДО КАК ПОСРЕДНИК.

Публичное признание достоинств, сопровождаемое поздравлениями друзей и обсуждением южных проектов, на которых теперь сосредоточился весь интерес, повысило популярность и значимость нового губернатора, затмив старого. Но в очередной раз судьба Васко Нуньеса зависит от плохого совета друга. Оставленный сам на сам с собой, его собственное здравое суждение всегда было достаточным, но советы благочестивых или ученых людей были как зыбучие пески под его ногами (). Кеведо убедил его, ради мира и чтобы без промедления приступить к реализации своих планов в Южном море, отказаться в пользу Педрариаса от части прав, предоставленных ему королем. В результате Эспиноса и другие получили возможность беспрепятственно захватывать южные провинции. Это было ошибкой.

Таким образом, примирившись, по крайней мере внешне, сам Педрариас хотел бы обрести покой, если бы это позволяла его злая натура, которая по-прежнему требовала ежедневной горькой пищи.

Едва эти мирные выдумки были осуществлены, как судно Андреса Гарабито вернулось из Кубы с людьми и припасами для запланированной экспедиции Васко Нуньеса. Прибыв к

побережью Дариена, Гарабито отправил гонца к Бальбоа, сообщив ему о своем возвращении и прося приказаний. Вскоре до Педрариаса дошли слухи, что подозрительное судно, вооруженное и оснащенное, как для какой-то незаконной миссии, скрывается в небольшой бухте примерно в шести лигах от берега. Кроме того, ему сообщили, что капитан этого судна тайно поддерживает связь с Васко Нуньесом и что ведутся приготовления к какому-то таинственному предприятию. Педрариас испугался и пришел в ярость. Он вспомнил о судьбе Никуэсы. Тревога за свою безопасность смешалась с гневом и завистливым сожалением о том, что он когда-то даже внешне признал титулы и почести этого выскочки. Он приказал немедленно арестовать Бальбоа и даже пригрозил заключить его для безопасности в большую деревянную клетку, установленную посреди площади.

Однако страхи Педрариаса были успокоены более хладнокровными людьми; были объяснены характер и цель предполагаемой экспедиции; не было обнаружено никакой скрытой измены, никакого заговора против мира в Антигуа или зловещих замыслов в отношении личности ее губернатора; и, взяв на себя новые и более строгие ограничения, Васко Нуньес был освобожден, и неустойчивая дружба была якобы возобновлена. [\[XII-1\]](#)

Примерно в это время епископ Дариена был охвачен блестящей идеей. Благодаря своей упорной преданности достойный прелат дважды спасал своего друга от жизни в независимости и чести и дважды отдавал его на милость коварного врага. Он помешал Педрариасу отправить его в цепях в Испанию, что принесло бы ему славу и симпатию всего христианского мира; он убедил его отказаться от своих прав настолько, что тот передал свое состояние в распоряжение закоренелого врага. Я не говорю, что Кеведо был Ахитофелом, но интриги всех его врагов не могли принести Васко Нуньесу столько зла, сколько принес ему этот единственный друг. Тем не менее, нынешнее зачатие счастливо осуществилось, и злоба и подозрения навсегда уступят место доверительной привязанности.

ПОМОЛВКА БАЛЬБОА. Педрариас оставил в Испании четырех цветущих дочерей. Здоровье губернатора, казалось, ухудшалось под совместным воздействием характера и климата. Кто мог бы быть более подходящим преемником в правительстве и более подходящим зятем? Пусть Бальбоа возьмет в жены донью Марию, старшую дочь Педрариаса, и таким образом соединит Северное море с Южным узами любви. Таков был план прелата. Васко Нуньес, не имея ничего против, дал свое согласие, так как дочь была столь же любезна, сколь злобен был отец. Донья Исабель не была матерью, которая могла бы холодно отнестись к столь галантному предложению; что же касается дочери, то она проводила свои девичьи дни в монастыре в Севилье, и ее собственное согласие на помолвку было вопросом, который в те дни мало беспокоил родителей; главная трудность заключалась в злом отце. Обратившись к губернатору, не без опасений, Кеведо сказал: «Время идет, сеньор Педрариас, и с ним уходит всякая плоть. Те, кто займут наши места, идут по пятам за нами. Мощный соперник, превратившийся в верного союзника, — это двойная компенсация, а отец четырех дочерей не каждый день имеет возможность отказать губернатору в звании зятя. Васко Нуньес де Бальбоа, человек недюжинный, благородного происхождения и известный, просит руки вашей дочери. Удовлетворите его желание и тем самым устраните раздор и укрепите свои преклонные годы».

Несмотря на очевидные преимущества, Педрариас колебался. Нелегко было сразу очистить отравленный поток мыслей. Но предложение было слишком заманчивым, чтобы от него отказаться, хотя Педрариас предпочел бы в качестве советника Тразибула, который советовал Периандру отрубить самые высокие головы, если он хочет сохранить свою власть.

Старик, все еще питая подозрения, подписал брачный договор и приказал прекрасной донье Марии явиться и принять брачные почести. Но даже дар дочери был подобен дарам Медеи — отравленным.

Теперь Васко Нуньес мог уверенно шагать по твердой земле, его удача была на подъеме. Аделантадо, генерал-капитан Южного моря, зять Педрариаса и фаворит королевских властей, хотя бедный король Фердинанд был мертв. Облака, которые так долго затмевали растущую славу Бальбоа, были навсегда рассеяны этим мастерским заклинанием епископа. Больше не было страха перед нечистыми призраками похороненных ошибок, а его добрые дела будут сиять все более устойчивым и растущим блеском. Теперь он мог преследовать приключения до пределов своей амбиции, в то время как его друг и советник, епископ, нес радостную весть о примирении ко двору. [\[XII-2\]](#)

1516 год приближался к своей середине. Васко Нуньес просил разрешения у своего тестя — ведь помолвка была равносильна браку с политической точки зрения — отправиться в Аклу и продолжить там начатое дело, которое, по сути, было не чем иным, как частью его первоначального плана. Педрариас дал согласие, предоставив все необходимое в распоряжение своего дорогого сына. Экспедиции в Южное море истожили колонию « » почти до последнего человека, но Васко Нуньес пользовался таким уважением, что все, кто находился в Антигуа, с энтузиазмом присоединились к нему. Фернандо де Аргуэльо, нотариус, бывший противник Никуэсы, но всегда сторонник Васко Нуньеса, накопив богатство, предоставил его в распоряжение своего друга, и вскоре после этого Бальбоа отплыл с восемьюдесятью людьми.

ЭКСПЕДИЦИЯ В ЮЖНОЕ МОРЕ.

Прибыв в Аклу, он обнаружил, что пост был разрушен, а команданте Олано, преемник Габриэля де Рохаса, вместе с двенадцатью солдатами был убит людьми Кареты в отместку за поступок Уртадо, который отправил сто из них в рабство. За это преступление жители провинции были объявлены вне закона. Бальбоа немедленно организовал муниципалитет, назначил алькальда и регидора, разбил новый город и приступил к строительству. Каждый гражданин, лично или с помощью рабов, должен был выращивать достаточное количество продовольствия для своего пропитания. Нуждаясь в дополнительных людях, Бальбоа в начале 1517 года сопровождал Эспиносу в Антигуа и вернулся с двумя сотнями новобранцев. Восстановление Аклы было лишь предварительным этапом для дальнейших открытий в Южном море, но после его завершения возникло препятствие, которое на первый взгляд казалось непреодолимым. Для плавания по новому океану были необходимы корабли. Короткие путешествия, которые до сих пор совершались на местных каноэ, были чрезвычайно опасными. В этом и заключалась трудность. Кордильеры здесь резко поднимаются с северной стороны перешейка, плавно изгибаясь на противоположной стороне в сторону Южного моря. На северном склоне росли деревья, пригодные для строительства кораблей; на южной стороне растительность была более скудной. Но какая польза от деревьев на берегу одного океана для плавания по другому?

Истинный критерий величия заключается в применении средств для достижения целей. Величина средств не имеет к этому большего отношения, чем результаты, которые могут оказаться успешными или нет. Имея несколько сотен испанцев и таких дикарей, которых можно было заставить служить под кнутом, Васко Нуньес осмелился замыслить и осуществить проект постройки кораблей на одной стороне горной цепи для использования на другой стороне; перевезти свои корабли по частям или секциям на спинах индейцев

через холмы и болота, причем под таким жарким солнцем, в такой ядовитой атмосфере и через такую густую и запутанную растительность, что это успешно противостояло усилиям науки на протяжении последующих столетий. «Ни один живой человек во всех Индиях», — свидетельствует умеренный Эррера, — «не осмелился бы предпринять такое предприятие или добился бы в нем успеха, кроме Васко Нуньеса де Бальбоа».

План Васко Нуньеса состоял в том, чтобы подготовить древесину как можно ближе к какому-нибудь судоходному месту на одном из многочисленных ручьев, впадающих в Южное море, которые обычно являются горными потоками, но становятся широкими и спокойными перед впадением в океан. Для этой цели был выбран поток под названием Рио-де-лас-Бальсас, [\[XII-3\]](#) или Река плотов. Плотники и строители отправляются на поиски подходящих для этой цели деревьев, и начинается подготовка древесины. С пятьюдесятью людьми Франсиско Компаньон пересекает Кордильеры и выбирает место на реке, в двадцати двух лигах от Акла, откуда можно спустить на воду корабли. Кроме того, на вершине Сьерры, в двенадцати лигах от Акла, он строит форт, который будет служить промежуточным пунктом для отдыха и защиты, наряду с пунктами, установленными в других местах. В Акле и соседних лесах царит суeta и оживление: одни рубят деревья, другие измеряют и строгают бревна, третьи готовят якоря, такелаж и припасы. «Во всех работах, — пишет Лас Касас, — Васко Нуньес принимал самое активное участие, работая своими руками и повсюду оказывая помощь и поддержку».

ПЕРЕВОЗИТ КОРАБЛИ ЧЕРЕЗ ГОРЫ.

Когда материалы для четырех бригантин были наконец подготовлены, предстояло выполнить титаническую задачу по их перевозке через горы. Из Антигуа было привезено тридцать негров, но это составляло менее десятой части необходимой рабочей силы. Поэтому в разные стороны были отправлены отряды солдат, которые пригнали несколько тысяч туземцев. На их обнаженные спины положили тяжелые брусья и, подгоняя безжалостные надсмотрщики, среди которых были как чернокожие африканцы, так и белые европейцы, заставили их пройти через болотистые заросли и подняться по каменистому склону, пока они не упали без сил под тяжестью своего груза. Непривычные к труду, плохо питающиеся, доведенные до отчаяния своим бедственным положением, некоторые пытаются бежать, но гончие быстро находят их след; некоторые убивают себя, но еще больше падают бездыханными под тяжестью своих грузов. На протяжении всех этих ужасных миль недавно прорубленный путь усыпан трупами дикарей, и вскоре воздух наполняется зловонием гниющих трупов. «Более пятисот индейцев погибли при транспортировке этих кораблей», — утверждал епископ Кеведо перед испанским судом, а Лас Касас говорит, что число погибших было ближе к двум тысячам. [\[XII-4\]](#) Чтобы занять места погибших, в лесу ловят новых рекрутов; работа смело продолжается, и в конце концов этот грандиозный подвиг совершается. Дикий берег Бальсаса был усыпан материалами для этого нового морского плавания. Но, собрав все части воедино, обнаруживается, что после всех этих трудов древесины хватит только на два судна вместо четырех; остальное было потеряно по дороге. И это еще не самое худшее. То, что было привезено такой жестокой ценой, срублено у побережья и вырублено зеленым, настолько полно червей, что его нельзя использовать. Все приходится выбрасывать и начинать работу заново. [\[XII-5\]](#)

На этот раз древесину ищут поближе, и с неплохим успехом. Васко Нуньес теперь делит свои силы на три группы и посылает одну рубить древесину, другую — привозить припасы из Акла, а третью — добывать продовольствие у туземцев. Снова они готовы с новыми материалами приступить к строительству, когда небо внезапно темнеет и на них обрушивается такой потоп, что они вынуждены укрыться на деревьях. Часть древесины

уносит потоком, а часть зарывается в грязь. К их несчастью, поиски пропитания не увенчались успехом; голод давит; и «когда сам Васко Нуньес был вынужден питаться корнями», говорит Лас Касас, всегда заботясь о своих подопечных, «можно себе представить, до какого крайнего состояния дошли шестьсот индейских пленников».

Теперь ситуация для Васко Нуньеса выглядит очень мрачной, и он начинает задумываться, не лучше ли было бы уйти, так или иначе, чем умереть здесь. Но эти сомнения длятся лишь мгновение. Нет, это не лучше. Набросав через реку мост из связанных белыми веревками бревен, он посылает Компаньона с сильной компанией и велит ему не возвращаться, пока не привезет продовольствие. Уртадо он отправляет в Антигуа за подкреплением, а сам отправляется в Аклу за необходимыми вещами. Во всем этом он преуспевает; и в конце концов ему удается спустить на воду два бригантина на плотках. На этой стороне смерти нет такого понятия, как неудача.

Какое яркое видение встречает его, когда он спускается в море, свое собственное море, которое он нашел и почти снова потерял! Небо действительно прекрасно, если только что-то может быть прекраснее. Серебро, золото и жемчуг — это солнечный свет, земля и небо; а море, шепчущее, радостное, величественное море — один его вид вдохновляет даже животное на благородство!

Мечты и реальность! Какими бы дикими ни были мечты этих невежественных и алчных людей, мечты об Индии и островах Аравии, они были далеки от реальности. Как они могли мечтать об империи Монтесумы, с нетерпением ожидающей разрушителя, или о фракции инков, настолько равновесной, что такой легкий, как Писарро, мог ее перевернуть?

НА ЖЕМЧУЖНЫХ ОСТРОВАХ.

Выбрав Исла-Рика, самый большой из Жемчужных островов, в качестве места встречи и поселения, Бальбоа разгрузил там свои корабли и отправил их обратно, чтобы привезти с Бальсаса остальную часть компании, а также материалы для еще двух кораблей, которые были своевременно достроены, в результате чего их число достигло четырех. Дополнительные припасы были привезены из Акла, и с этого момента путешествия между двумя морями стали частыми. Тем временем, умиротворив Жемчужные острова, он с сотней человек отправился в плавание на восток. Проплыв двадцать лиг, стадо китов настолько напугало моряков, что они бросили якорь на ночь у берега и воспользовались случаем, чтобы убить индейцев из деревни за то, что те убили Бернардо Моралеса и его людей во время предыдущей экспедиции. На следующее утро из-за встречного ветра флот вернулся на Жемчужные острова.

Таким образом, счастливо вступив на путь славных приключений, « » с полной свободой на юге и в гармонии с высшими силами, что еще могло предложить счастье более удовлетворительного и надежного? Но богиня была изменчива и злобна, поддерживая подозрения и зависть там, где должны были быть только честь и добрая воля. Примерно в это время, когда один из капитанов Бальбоа отправлялся в обратный путь к Южному морю, до Акла дошел слух, что Лопе де Соса, уроженец Кордовы, тогдашний исполняющий обязанности губернатора Канарских островов, был назначен на место Педрариаса. Когда-то такая перспектива была бы встречена с восторгом Васко Нуньесом, но теперь, когда его

судьба так счастливо связалась с судьбой его давнего врага, он не мог желать никаких перемен.

Однажды вечером, во время дружеской беседы с викарием Родриго Пересом и нотариусом Вальдеррабано — ведь на этих Жемчужных островах теперь были все атрибуты духовной и светской власти — о вероятном влиянии смены губернаторов на дела Южного моря Васко Нуньес заметил: «Возможно, Лопе де Соса уже получил свое назначение и даже сейчас находится в Антигуа, и в этом случае мой господин Педрариас больше не является губернатором, и все наши труды не принесут нам никакой пользы. Поэтому, чтобы лучше понять, как поступить в этой чрезвычайной ситуации, я считаю, что было бы хорошо отправить верного посланника в Аклу для уточнения наших дальнейших потребностей; и если новый губернатор прибыл, мы снарядим наши корабли и будем продолжать наше предприятие, как сможем, надеясь на его будущее одобрение. Но если лорд Педрариас все еще у власти, он развеет наши опасения, и тогда мы отправимся в путь, который, я верю в Бога, увенчается успехом в соответствии с нашими желаниями». Прошу читателя запомнить эти слова и сказать, скрывается ли в них яд измены отцу-губернатору, когда болезненная язвительность решает, что они преступны. Я не говорю, что в этот момент Васко Нуньес не проигнорировал бы какую-либо причудливую злобу со стороны своего будущего тестя, которая могла бы помешать ему в достижении его высоких целей (). Я думаю, что он поступил бы так. Но я совершенно уверен, что он не видел в этом необходимости и никогда не думал о неповиновении или нелояльности.

По несчастью для него, как раз когда Васко Нуньес заканчивал свои замечания на эту тему, часовой, стоявший на страже перед казармой генерала, подошел к навесу, чтобы укрыться от проливного дождя. Этот человек, чье обоняние было настолько острым, что он мог обнаружить нелояльность, даже спрятанную в бочке с солью, сразу же нашел здесь гнездо лошади. Конечно, его генерал говорил о предательстве; его часто подозревали, и теперь он открыто признал, что, если дела, запланированные в Испании или на Антигуа, не устроят его, он уплывет и оставит всех императоров и губернаторов в беде. И если только он один сможет раскрыть это злодеяние, его судьба будет решена.

МИЧЕР КОДРО, АСТРОЛОГ.

Рассказывают историю об одном Мицере Кодро, венецианском астрологе, который следовал за своими звездами в Индию и там за вознаграждение толковал природу. По всему миру дьявол вел его за собой слабым светом кометы. Находясь на пике своей власти в Дариене, Васко Нуньес попросил этого философа составить ему гороскоп, и тот предсказал его судьбу со всей точностью, характерной для этой профессии. Обратив внимание своего слушателя на одну конкретную звезду, он сказал: «Когда вы увидите эту звезду в том месте, знайте, что ваша судьба приближается; тогда ваша удача будет под угрозой, а ваша жизнь в опасности. Но если вы избежите этой опасности, то богатство и слава, каких не знал ни один капитан во всех Индиях, будут вашими». В суете жизни Васко Нуньес почти забыл слова предсказателя. Но, ожидая реализации своих планов на Жемчужных островах, он однажды ночью случайно прогулялся по пляжу в компании своих друзей. Воздух был чистым, а небо сияло звездами, которые, казалось, умножались своим собственным светом. Но даже это великолепное небо не было более великолепным, чем надежды, которые тогда волновал грудь кавалера. Во время беспечной беседы его взгляд внезапно привлекло звезду его судьбы, которая висела зловеще в том самом месте, которое указал Мичер Кодро. Предсказание астролога сразу же пришло ему в голову. «Но, конечно, — подумал он, — этот достойный человек читал не внимательно или же мало знает свое искусство, потому что время опасности для меня прошло. Однако я приму оговорку в его предсказании и теперь достигну славы и богатства,

о которых он говорил». Затем он с улыбкой повернулся к своим товарищам. «Остерегайтесь предсказателей, — весело сказал он. — Вы все знаете Мицера Кодро. Согласно его предсказанию, я в этот момент нахожусь на грани гибели. Но я бросаю тебе вызов, судьба! Посмотрите на эти корабли и это море, омываемое богатством; посмотрите на эту правую руку, это крепкое сердце и на вас, мои друзья, триста верных людей. Разве это похоже на крах?»

Несмотря на слухи о новом губернаторе в Антигуа, это предприятие в Южном море должно было быть продолжено во что бы то ни стало. Экспедиция была организована по распоряжению как короля, так и его представителя в Дариене. Были потрачены деньги и приложены бесконечные усилия; были рискованы жизни — жизни испанцев, то есть, поскольку тысячу или две погибших дикарей едва ли стоило учитывать. И теперь им не следовало давать новому королю или новому губернатору возможность разрушить их надежды, отменив экспедицию.

В конце концов было решено, что Андрес Гарабито, Луис Ботелло, Андрес де Вальдеррабано и Фернандо Муньос должны отправиться в Аклу, а когда они приблизятся к городу, группа должна остановиться; один из них должен был войти ночью один и, подойдя к дому Васко Нуньеса, выяснить у слуги, который там находился, был ли Педрариас смещен; и если бы новый губернатор прибыл, отряд незаметно ушел бы, вернулся бы к Южному морю и провозгласил бы Васко Нуньеса губернатором Tierra Firme, одновременно вручив ему документ, якобы являющийся его полномочием. Таким образом, его подчиненные были бы обмануты и поверили бы, что он является законным правителем, и без вопросов выполняли бы его приказы. Это было похоже на измену; это было так же плохо, как измена; но ни тогда, ни когда-либо еще это не было изменой. Задуманная уловка была опасной, совершенно бесполезной и, как показал результат, крайне неудачной; она усложнила дела и помогла его врагам набросить на него тучу подозрений, которая в конечном итоге привела его к гибели.

ПРЕДАТЕЛЬСКИЕ ПОСЛАНЦЫ.

К сожалению, агенты для выполнения этого поручения были выбраны неудачно. Гарабито был смертельным врагом Бальбоа, хотя последний об этом не знал. Хуже того, он был не просто врагом, а вероломным другом, что гораздо подлее и проклятее. Бальбоа часто оказывал ему знаки внимания и безоговорочно доверял ему, о чем ясно свидетельствовало то, что ему было поручено выполнить эту деликатную миссию. За дружеским, даже льстивым внешним видом скрывалась смертельная ненависть. Она возникла следующим образом: пока Васко Нуньес еще находился под облаком недовольства губернатора, Гарабито пытался вступить в неподобающие интимные отношения с дочерью Кареты, женой Бальбоа по индейскому обычаю. Одного слова от ее защитника, одного взгляда из его глаз — ведь злодей видел в нем погибель — было достаточно, чтобы обуздать его самонадеянность; но Гарабито никогда не забывал об этом и ждал только возможности отомстить. Находясь на Бальсасе, он даже написал Педрариасу, что Бальбоа намеревается, достигнув океана, отказаться от верности ему и всем, кроме короля. Он также утверждал, что Васко Нуньес не заботился о его дочери, любил только индианку и никогда не собирался ратифицировать его обязательства по помолвке. Хотя Гарабито хорошо знал, что за это его заслуживает повешение и что он может даже достичь этой позорщины, он понимал и себя, и Педрариаса, и знал, что эти ложь понравится старику.

ПОЗОР ГАРАБИТО.

Когда Гарабито прибыл в Аклу, вместо того, чтобы поступить так, как ему было велено, он решил разыграть небольшую драму в стиле « », которая должна была сразу же вызвать месть и освободить его от позора предательской дружбы.

Смешавшись с болтунами города (), он загадочно говорил о делах Южного моря, делал намеки и бросал мрачные намеки на Васко Нуньеса и правительство. Таким образом ему удалось добиться своего ареста, и когда его привели к магистрату для допроса, не потребовалось никаких пыток, чтобы вытянуть из него все, что он знал, и даже больше. Краткое изложение показаний, полученных в ходе этого расследования, вместе с письмами и документами Гарабито было отправлено Педрариасу.

Когда Васко Нуньес отправлялся из Антигуа в это предприятие, было оговорено, что он должен вернуться по истечении восемнадцати месяцев. По истечении этого срока он написал Педрариасу с просьбой о его продлении, мотивируя это чрезвычайными трудностями, с которыми он столкнулся, и сопутствующими задержками. Он просил Фернандо де Аргуэльо, который имел большой финансовый интерес в этом деле, добиться, по возможности, дополнительного времени, поскольку в противном случае все их расходы и труды пойдут насмарку. В ответ на просьбу Аргуэльо Педрариас сказал немного, но внутри него кипела черная масса.

Это неуместное возобновление давней вражды между губернаторами вызвало немалый переполох в Антигуа. А когда пришла весть об аресте Гарабито и стало известно содержание его показаний, друзья Васко Нуньеса забеспокоились за его безопасность. Не имело значения, было ли то, что сказал этот злодей, правдой или ложью — хотя никто не верил, что Васко Нуньес замыслил что-либо преступное — старик Педрариас, пробудивший свою злобу, был воплощением дьявола. Аргуэльо написал Бальбоа, что губернатор не даст и не откажет в продлении срока, и нотариус посоветовал ему немедленно отплыть в море и уйти от злобных прихотей Педрариаса. Он также сообщил ему, что в случае разрыва отношений () он может обратиться к отцам-жеронимитам в Санто-Доминго, которые обеспечат ему справедливость. К сожалению, это письмо было перехвачено и отправлено Педрариасу.

Пожар, охватывающий город, часто разгорается от одной искры. Открыватель Южного моря прибежал к безобидной уловке, оправданной, по его мнению, тем, что она успокаивала его людей и обеспечивала их более полное повиновение в опасном предприятии; он питал, в лучшем случае, намерение не подчиняться новому губернатору без законных оснований до тех пор, пока не осуществит свои давно вынашиваемые планы, а не обманывать старого губернатора, которому, если бы тот все еще был у власти, его посланцы должны были раскрыть все его опасения, полагая, что его нужды обязательно будут удовлетворены. Эти тривиальные мысли, искаженные Гарабито и брошенные в воспламеняющееся сердце Педрариаса, были более чем достаточны, чтобы зажечь пламя, которое человек не в силах погасить. Раньше вражда носила скорее политический, чем личный характер; теперь она проникла в личную сферу чувств, и помимо преступлений, замышляемых против правителя, отец должен быть ранен и оскорблен. И его ненависть становится смертельной, убийственной.

С несколькими мнимыми разоблачениями Гарабито перед ним, его ум быстро пробежал по карьере Васко Нуньеса, его плохому обращению с Энсисо, изгнанию Никуэсы, его нарушениям на службе, приказу короля призвать его к ответу, блестящим открытиями, неспособности осудить его за преступления, благосклонности короля и, наконец, приближающемуся и, как можно было надеяться, окончательному примирению. Еще теплее в его душе светила мысль об этих вещах, когда его ум задержался на письмах, в которых Васко Нуньес пренебрежительно отзывался о нем, и он еще раз вспомнил, что Гарабито

сказал о отречении от него и его дочери. Он поговорил с Бахиллером Корралом, который был однажды арестован Васко Нуньесом за неподобающее поведение, и с королевским казначеем, Алонсо де ла Пуэнте, которого Васко Нуньес однажды обидел, потребовав у него выплаты долга, прочитал письмо Фернандо де Аргуэльо, а затем приказал арестовать его автора.

Он общался со своим сердцем в ярости и радовался. И он написал своему зятю письмо, своему дорогому зятю, дружеское, отцовское письмо, с просьбой явиться в Аклу для консультации по делам, затрагивающим их общие интересы. Это письмо было отправлено посыльными, которых подгоняли, чтобы друзья Васко Нуньеса не успели предупредить его об опасности. «Как только он окажется в моих руках, — пробормотал старик, — он никогда не ускользнет от меня». Чтобы он не отправился в какое-нибудь длительное путешествие или иным образом не задержал свое прибытие, Педрариас приказал Франциско Писарро встать во главе как можно более многочисленного отряда, немедленно найти и арестовать своего бывшего товарища и командира Васко Нуньеса де Бальбоа и под стражей доставить его в Аклу.

Теперь, как рассказывают летописцы, лицемерное письмо Педрариаса было передано Васко Нуньесу, в то время как звезда его судьбы, нетерпеливо ожидая своего часа, витала над тем местом, где должна была решиться его судьба; что доказывает любому здравомыслящему человеку, без всякого сомнения, несколько вещей: *во-первых*, что небесные светила управляются Всемогущим для индивидуального значения; *во-вторых*, что Мицер Кодро знает звезды; *во-третьих*, что звезды знают Мицера Кодро; *во-четвертых*, *parva momenta in spem metumque impellere animos*.

Не подозревая ни о каком злодеянии, Васко Нуньес не подозревал и о предательстве, и, получив письмо, он сразу же отправился с возвращающимися гонцами, чтобы предоставить своему тестю желаемую встречу, оставив командование на Жемчужных островах под руководством Франциско Компаньона. По дороге в Аклу он расспрашивал своих спутников о делах колонии. , сначала они были осторожны в своих ответах и давали уклончивые ответы; но быстрая и сердечная манера, с которой Васко Нуньес откликнулся на призыв Педрариаса, убедила их в его честности. Более того, они давно знали Васко Нуньеса как галантного кавалера и доброжелательного друга и решили, что, что бы ни случилось, он не должен попасть в лапы своего врага без предупреждения от них. Обязав его хранить тайну, они рассказали ему все: что, по общему мнению, под угрозой находится не только его свобода, но и его жизнь.

Бальбоа не хотел в это верить. Педрариас мог быть очень зол, хотя и писал в столь дружеском тоне; он был по натуре подозрительным и вероломным; он не мог с этим поделаться; он был мучеником ненависти, в которой он был создан, и не отличался от Акрисия, который поссорился со своим братом-близнецом Проэтом еще до их рождения. Возможно, будет сложно умиротворить Педрариаса, но бояться его было нелепо. Даже если бы он замышлял измену против губернатора, чего он не делал, он не был виновен в каком-либо преступлении; и, конечно, человека нельзя повесить за его замыслы. Конечно, он будет действовать дальше.

АРЕСТ.

Когда он спускался с гор и приближался к Акле, Васко Нуньес встретил отряд, посланный губернатором. Когда командир подошел, чтобы произвести арест, его

старый друг и покровитель бросил на него укоризненный взгляд и воскликнул: «Как это, Франциско Писарро? Ты не привык так выходить мне навстречу!» Однако он не оказал сопротивления и не протестовал, когда на него надели кандалы и увезли в тюрьму в Акле.

В истории есть мало картин, более печальных, чем заключительные сцены карьеры Васко Нуньеса де Бальбоа. И когда мы смотрим на них, наша печаль усиливается возмущением по поводу торжества зла. Иногда, в враждебных столкновениях людей, справедливость, кажется, покидает арену, оставляя господствовать неправде; в такие моменты зритель жаждет той силы, которую Всемогущий отказывается применять.

Здесь играли за ценную жизнь. С одной стороны была необычайно болезненная ненависть, ядовитая и безжалостная, соединенная с беспринципным вероломством и лицемерием, что в старике, обладающем способностями, воспитанием и положением, было невыразимо отвратительно. С другой стороны были признанные таланты настолько исключительного порядка, что их обладатель был самым популярным человеком в колонии. Именно это и держало его вспылчивого противника в напряжении. Васко Нуньес был героем этой победы. Он был для Педрариаса тем, чем Локи для Бальдура или Гиперион для сатира; и в их странном союзе дружбы они были более неравны, чем в их вражде. Он был зеркалом, в котором губернатор наиболее ясно видел свои собственные слабости. Как Отелло, он был свободен и открыт по натуре и считал честными людей, которые только казались таковыми. Его недостатки были скорее недостатками времени, чем человека. Он был так же амбициозен, как Ахилл, но в то время это была похвальная амбиция. Он не был ни жадным, ни скупым; он, несомненно, был жестоким, но не без причины; он собирал золото, но щедро его раздавал. Он жаждал славы, а в те дни ни справедливость, ни человечность не были необходимы для величия. Я не считаю его жадным до должности; он любил власть, но еще больше любил приключения. Конечно, в принципе, его разбойничья жизнь была неправильной, хотя и одобрялась философами и богословами, а Васко Нуньес не стремился принадлежать ни к одной из этих категорий. Он был неграмотным кавалером, честным и религиозным, готовым принять теории того времени, если они не слишком мешали его желаниям. Ни его лояльность, ни его религия не были достаточными, чтобы нанести ему большой ущерб; хотя, если верить Петру Мартиру, он никогда не предпринимал никаких приключений, не призвав на помощь божество и всех святых. Среди своих товарищей он всегда имел в своем распоряжении легкую артиллерию остроумия (); в логических спорах он не мог сравниться со своим заклятым врагом, но в действиях он не уступал никому. Будучи природным и совершенным лидером, он не мог быть вторым. Замысел и исполнение были для него единым целым; он не мог быть связан чужими идеями. В нем таились неисчерпаемые ресурсы, о существовании которых он сам знал только тогда, когда они были нужны. Только с чувством гордости испанец мог относиться к его откровенной бесстрашности, рыцарскому поведению и приветливому, щедрому характеру. В жестокости, хитрости и подлой коварности Педрариас превосходил его, но не в войне или государственном управлении, не говоря уже о честных начинаниях. На протяжении всей своей карьеры все, к чему прикасался Васко Нуньес, было успешным; в этом не было никакой случайности, а просто энергия и способности, умеренная смелость и здравый смысл. Его окончательное свержение было осуществлено не честной и открытой оппозицией, а самыми гнусными и проклятыми средствами. Некоторые могут сказать, что в этом обдуманном захвате власти он, как Икар, летел слишком близко к солнцу; однако, по правде говоря, это было не солнце, а адский огонь, который расплавил воск его крыльев. Его суд, к которому мы теперь перейдем, был судебным убийством.

ЛИЦЕМЕРИЕ И ХИТРОСТЬ.

Старик Педрариас с трудом сдерживал радость от того, что, как он полагал, перехитрил своего пленника. Ему было трудно не наслаждаться его видом; нет, он не стал этого делать, а, придав своему лицу отцовское выражение, отправился в тюрьму. Он ласково обратился к Бальбоа, заверив его, что был вынужден пойти на этот шаг против своей воли, что обвинителем был казначей Пуэнте, а он, губернатор, был обязан расследовать все обвинения, особенно обвинения, выдвинутые королевским чиновником. «Но не унывай, сын мой, — сказал почтенный лицемер, — и не поддавайся страху, ибо чем яснее будут освещены твои поступки, тем ярче будут сиять твои выдающиеся и верные заслуги».

Уходя, Педрариас с полной отдачей бросился в преследование, или, скорее, в гонение. Законы Испании, перенесенные в колонии и применяемые страстными и беспринципными людьми, могли быть истолкованы практически как угодно, и поэтому часто использовались как для сокрытия злодеяний, так и для наказания преступлений. Закон всегда был на стороне того, кто обладал властью его применять. Все обвинения предыдущих судебных процессов были в данном случае собраны воедино, и старые обвинения, давно стертые королевским прощением, были возобновлены. К часто рассказываемым историям о заключении Энсисо и смерти Никуэсы были добавлены злодеяния, предположительные или выдуманные слушавшим их часовым Гарабито и остальными. Письмо Аргуэльо было представлено в качестве доказательства, и все его враги набросились на него. Лицензиат Эспиноса, перед которым было представлено дело, теперь был твердым сторонником губернатора. Он получил свою награду в виде командования в Южном море, и падение Бальбоа открыло бы для него новые возможности в этой области.

Все идет хорошо; Педрариас доволен. Цепи заключенного удвоены. Немного пыток сейчас могут иметь приятный эффект. Сняв маску, Педрариас входит в тюрьму. «Так, негодяй! Ты думал, что сможешь ускользнуть от меня», — крикнул он. «Твой губернатор стал твоим инструментом, твоей игрушкой; его дочь — пустой шуткой, брошенной ради дикой шлюхи. Слава Богу! Твои дни сочтены».

Бальбоа сначала не ответил, даже не проявил удивления. Вскоре после начала суда он понял, что судьи жаждут его крови и что он обречен. Наконец он заговорил. «Я здесь по вашему приказу. С тех пор, как мы поклялись в дружбе, я верно трудился на благо вас и себя. Я перенес много трудностей и преодолел препятствия, которые большинство людей считали непреодолимыми. Ни на мгновение я не помыслил о неверности своей невесте или вам. В подтверждение этого я отсылаю вас к моим поступкам и призываю Бога в свидетели. Если я виновен, как вы говорите, почему я здесь? Думаете ли вы, что, имея в своем распоряжении четыре хороших корабля и триста преданных людей, с удачей, манящей меня со всех сторон, я, если бы замышлял измену, не расправил бы паруса и не отправился бы в неизвестные земли, не боясь быть пойманным? Вы знаете, милорд Педрариас, что я невиновен».

ПРИГОВОР.

Всем было очевидно, что Васко Нуньес должен был быть принесен в жертву ненасытной ненависти седовласого губернатора. Даже Эспиноса устал от этого и освободил бы обвиняемого, если бы не Педрариас и Пуэнте, которые настаивали на том, что они называли вердиктом в соответствии с законом и доказательствами. Под таким давлением Эспиноса был вынужден признать заключенного виновным. Наказанием была смерть. Васко Нуньес потребовал права на апелляцию в Совет Индий, которое ему было отказано; в орден иеронимитов, которое также было отказано. Эспиноса забеспокоился; он не хотел, чтобы на его душе лежала кровь этого человека, такого галантного кавалера, такого выдающегося

первооткрывателя; он никогда не желал ничего больше, чем отправить его в забвение, и он умолял губернатора удовлетворить просьбу об апелляции. «Нет, — сказал Педрариас, — если он согрешил, пусть страдает».

С ужасом колонисты услышали, что Васко Нуньес был приговорен к смертной казни через обезглавливание. Четверо его друзей должны были страдать вместе с ним: Андрес де Вальдеррабано, Луис Ботелло, Фернандо Муньос и Фернандо де Аргуэльо.

Хроникеры рассказывают, что в Акле был мрачный день, когда пять храбрых мужчин были обречены на смерть не за какое-либо преступление, а как жертвы жестокого, жестокосердного старика. Рано утром на площади, где возвышалась эшафот, раздались глухие удары плотницкого молотка. На улицах собрались толпы людей и обсуждали предстоящую казнь, гадая, не будет ли попытки спасения. Но Педрариас позаботился об этом. Неужели небесные силы мечтали, что они без помех позволят совершить это ужасное преступление? Увы! Эти же самые люди столь же несправедливо убили тысячи невинных. Почему мы должны их жалеть? И та же самая часто призываемая Всемогущество позволила совершить эту ужасную работу от его имени. Какой смысл удивляться?

Тяжело закованные в цепи и окруженные сильной охраной, мужчины были выведены. Первым шел Васко Нуньес. Его походка и осанка не были похожи на походку и осанку преступника. Огонь сверкал в его глазах, и возмущение заливало его щеки, когда он видел приготовления к своему позору. Но этот знаменитый и уважаемый вождь, даже когда шел к эшафоту, был менее достоин сожаления, чем Педрариас, который в этот момент за занавешенным окном наслаждался видом жертвы. Перед заключенным шел городской глашатай, который, подойдя к середине площади, громко воскликнул: «Смотрите на узурпатора, человека, предавшего свое доверие и неверного своему королю. Пусть смерть всегда будет наказанием для предателей». «Это ложь!» — воскликнул Васко Нуньес. «Я никогда не был неверным и неправдивым. Я отдаю свою жизнь за позорное предательство и зло, а не за справедливость». [\[XII-6\]](#)

КАЗНЬ. После причастия и исповеди Васко Нуньес с обычной твердостью шага и спокойствием поведения поднялся на эшафот. Подняв глаза к небу, он призвал Бога свидетелем своей невиновности. Затем, бросив быстрый прощальный взгляд на свет небес и красоту земли, на жаждущие лица своих друзей, он положил голову на плаху, и через мгновение она катилась без туловища по платформе!

Вальдеррабано, Ботелло и Муньос пострадали по очереди. Остался Аргуэльо. Была сделана последняя попытка переубедить Педрариаса. «Это невозможно», — был ответ. «Лучше я сам умру, чем кто-то из них останется в живых». Наступила темнота, прежде чем последний тупой тяжелый удар сообщил толпе, что отвратительная работа выполнена. Смертью преступника правосудие удовлетворено, но не месть. По приказу Педрариаса голова Васко Нуньеса была помещена на шест и выставлена на рыночной площади.

Время, которое бросает туманную завесу между настоящим и прошлым и снимает ужас со многих беззаконных поступков, не накрывает дружелюбным покровом ужасы того дня в Акле. Проходит одно столетие за другим, и цвета на холсте становятся все более насыщенными; красная кровь, капающая с эшафота, становится все краснее, черное сердце Педрариаса — все чернее, а великодушные качества и блестящие достижения Васко Нуньеса — все ярче.

ГЛАВА XIII.

УПАДОК ИСПАНСКОЙ КОЛОНИИ НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ.

1517-1523.

Нечестность — лучшая политика — Педрариас подвергается осуждению — его власть ограничивается — Кеведо в Испании — он встречается Ласаса — битва священников — Овьедо вступает в борьбу — дела в Дариене — снова межокеанская дорога — ее конечные пункты — Педрариас и Эспиноса в Панаме — лицензиат совершает еще один набег — Монахи Святого Иеронима следят за Педрариасом — Кабильдо Антигуа грозит ему пальцем — Продолжающиеся попытки обезлюдить северное побережье — Альбитес строит Номбре-де-Дьос — Удачливый лицензиат — Прибытие и смерть Лопе де Соса — Овьедо возвращается и сражается с драконом — И терпит поражение.

За злодейское осуждение Васко Нуньеса Гаспар де Эспиноса получил место на Южном море. И когда до Педрариаса дошла весть о назначении Лопе де Соса его преемником, седой старый губернатор сделал именно то, за что он якобы казнил Васко Нуньеса. Выводы из исторических положений предыдущей главы.

ПОВЕДЕНИЕ ПЕДРАРИАСА ПОДВЕРГЛОСЬ ОСУЖДЕНИЮ.

То, что Педрариас не был сразу смещен с поста, может показаться нам странным.

Однако он был смещен, но, ускользнув на юг, он искал новые земли, как мы увидим вскоре, и благодаря заступничеству влиятельных друзей при дворе ему удалось сохранить власть на несколько лет. Кроме того, произошли изменения. Для королевской семьи было хлопотно и дорого создавать подчиненные правительства в Индии; и поскольку почти все испанские губернаторы Нового Света, а также чиновники и подданные, в той или иной степени были неправы, не всегда было стимулом для перемен. Тем не менее Испания и все христианский мир были возмущены позорными деяниями в Акле. Монахи Святого Иеронима немедленно подрезали крылья корморану, приказав ему от имени короля «ничего не решать самостоятельно, а следовать советам *кабильдо* [\[XIII-1\]](#) Дариена; и, кроме того, отправить на Эспаньолу все золото, взятое у касике Париса». Однако это не принесло практически никакой пользы. Королевская власть могла издавать указы, но те, кто был назначен для их исполнения, по-видимому, поддавались коррупции, попадая в атмосферу Индий.

Некоторые говорили, что если бы добрый епископ был там, Васко Нуньес не погиб бы. Но, по словам Мицера Кодро, вряд ли было возможно, чтобы несчастливый друг Бальбоа оказался в нужное время в нужном месте. Будучи связанным с алькальдом-майором и губернатором в магистральной власти, епископ, без сомнения, мог бы отвлечь ссору от таких кровавых каналов; ведь в его духовной политике всегда было достаточно мирского, чтобы его влияние имело вес в уравнивании власти. Это было стадо волков. Епископ жаловался на это королю, а с другой стороны, королевские чиновники жаловались на епископа. Оба были правы. Было невозможно слишком строго осуждать такие действия, которые постоянно совершались чиновниками Кастилии-дель-Оро, и хотя Кеведо отправился в Испанию с более приятным поручением любви и примирения, он считал целесообразным

время от времени сказать королю слово в свою защиту, и не без влияния на имперское ухо. Однажды королевские чиновники написали королю, что епископ пренебрегает обращением индейцев в христианство, благоволит Васко Нуньесу против правительства и препятствует колонизации, плохо отзываясь о стране; и снова, что епископ является источником постоянных беспорядков, и просили назначить *провизора*, талантливого и честного, для надзора за священными делами. [\[XIII-2\]](#)

Перед монархом Кеведо высказался пренебрежительно как о Педрариасе, так и о Васко Нуньесе; только прелат был совершенен. Но рядом с подлинным звучанием Ласа Касаса, низкопробный металл сочинения Кеведо звучал плоско. Генеральный протектор в это время был занят одновременно своим планом колонизации и импичментом отцов-жеронимитов, которые, хотя и имели благие намерения, были нерадивы в отстаивании права, измеряемого апостольским рвением.

Однажды, в королевской приемной в Молин-дель-Рей, ожидая епископа Бадахоса, одного из королевских проповедников, с которым он был назначен на обед, Кеведо был резко остановлен Лас-Касасом. «Я понимаю, милорд, что вы епископ Дариена. Я тоже интересуюсь Индией, и мой долг — предложить вам дружбу». «Ах! Сеньор Касас», — грубо ответил Кеведо. «И из какого текста вы будете проповедовать нам сегодня?» «У меня готовы две проповеди», — отрезал всегда вооруженный защитник, — «которые, если вы их выслушаете, могут оказаться для вас важнее всех денег, которые вы привозите из Индии». «Вы сошли с ума! Вы сошли с ума!» — это все, что смог пролепетать епископ, когда появился его хозяин и увлек его прочь от безжалостных выпадов Ласа Касаса. Но Кеведо не смог так легко уйти. Появившись после обеда в доме королевского проповедника, Лас Касас подверг своего врага еще более жаркой дискуссии. Узнав об этом, молодой Карл приказал продолжить сражение священников в его присутствии. Это была первая аудиенция принца по вопросам, касающимся Индий. Приведенный в королевское присутствие, Кеведо поблагодарил Бога за честь, объявил первого губернатора Дариена плохим, второго — гораздо хуже, а дикарей — находящимися в плачевном состоянии. Лас Касас последовал его примеру и возложил вину в равной степени на королевских чиновников и духовенство, а также на идалго и подданных низшего сословия.

Вскоре после этой дискуссии Кеведо представил два меморандума, один против Педрариаса Давилы, а другой за ограничение власти губернаторов в целом и военных, а также за лучшую защиту туземцев. Он пообещал назначить правителем Кастилии-дель-Оро Диего Веласкеса, тогдашнего губернатора Кубы, который потратил бы из своих личных средств пятнадцать тысяч дукатов на нужды колонии. Через несколько дней после этого Кеведо заболел и вскоре скончался; Карл был вызван для принятия императорской короны, и в течение некоторого времени делам Индий уделялось мало внимания. [\[XIII-3\]](#)

КЕВЕДО И ОВЬЕДО В ИСПАНИИ.

Примерно в это же время в Испании появилось еще одно политическое агентство. Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес, первый летописец Нового Света, который, как мы уже видели, прибыл с Педрариасом в Тьерра-Фирме в качестве суперинтенданта по плавке золота и исполняющего обязанности генерального нотариуса, разочаровавшись как в губернаторе, так и в епископе, покинул этот берег в октябре 1515 года. Едва Овьедо прибыл в Мадрид, как он получил известие о смерти короля Фердинанда, что было для него тяжелым ударом, так как он надеялся благодаря влиянию своих бывших покровителей реорганизовать правительство Кастилии-дель-Оро и поставить его на более прочную основу. Отправившись во Фландрию, он изложил этот вопрос министрам и был

направлен к кардиналу Хименесу, который выслушал его и ничего не предпринял. Дело оставалось в подвешенном состоянии до смерти кардинала, когда Овьедо снова появился при дворе и добился назначения Лопе де Соса преемником Педрариаса в правительстве Кастилии-дель-Оро. Довольный своими попытками помочь колонистам в Антигуа, он просил для себя правительство Санта-Марты. Назначение было даровано, но, получив отказ от ста рыцарей Сантьяго, которые считались незаменимыми для подчинения страны, он отказался от этой должности. Как и Кеведо, он вызвал вражду Ласасаса, противодействуя планам пламенного филантропа в управлении туземцами. Тем не менее Овьедо добился принятия многих благотворных указов для Дариена. Были заново определены обязанности губернатора; королевским чиновникам было запрещено заниматься торговлей; королевский пробирщик был обязан предоставить залог; были изданы приказы, регулирующие работу золотоплавильного завода; пошлины были отменены на четыре года; экспортная пошлина на золото была снижена почти вдвое на срок в пять лет.

За мрачными днями в Акле последовал паралич деловой активности. В 1518 году в плане новых приключений было сделано мало, хотя Педрариас был достаточно занят тем, чтобы сохранить себе голову на плечах. Более чем один грандиозный план был прерван ударом, который лишил жизни Васко Нуньеса. Молодые и выносливые едва осмеливались добиваться известности; старые и слабоумные не могли этого сделать; даже яростный гений Франсиско Писарро пролежал без дела всю свою бурную юность и раннюю нетерпеливую зрелость, неизвестный даже самому себе.

Став генерал-капитаном Южного моря вскоре после катастрофы в Акле, Эспиноса не смог сразу же лично принять командование войсками на Исла-Рика. Хотя лицензиат был мягким и послушным человеком, Педрариас не без опасений позволил ему взять на себя столь важную ответственность, самую опасную с точки зрения возможного восстания в правительстве Кастилии-дель-Оро; ведь инструменты, которые использует для достижения низких целей, не вызывают особого доверия. Но Эспиноса был не просто бродягой; он был уважаемым судьей, уже занимавшим высокую должность в колонии, чьи грабежи и убийства, какими бы несправедливыми и незаконными они ни были, носили квазисудебный характер; кроме того, он был популярен среди солдат, поскольку его судебные решения никоим образом не ущемляли права народа на грабежи и разврат. Действительно, когда Педрариас впоследствии задумал уехать, жители Антигуа просили, чтобы Эспиноса оставили там править ими, но это вызвало ревность губернатора, который отклонил просьбу. [\[XIII-4\]](#)

Много обсуждаемая межокеанская цепь постов с торговым городом на каждом конце еще не была реализована. По мере того как ширина, береговая линия и конфигурация страны становились все более известными, Акла оказалась расположенной слишком далеко на восток. Была определена самая узкая часть перешейка, а также наиболее подходящий маршрут для дороги, для которой требовался морской порт на северном побережье где-то напротив Панамы, которая уже давно была выбрана в качестве лучшего места для города на южном побережье. Эрнан Понсе де Леон, временно разместившийся там, покинул это место, так что оба конца предлагаемой дороги должны были быть основаны заново. Точкой, выбранной на северном побережье, был Номбре-де-Дьос.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ЮЖНОГО МОРЯ.

Прежде чем Эспиноса был готов к своему командованию в Южном море, в Антигуа поступила достоверная информация о назначении

Лопе де Соса. Теперь и Педрариасу, и лиценциату приходилось следить за своим положением, поскольку в их предстоящих резиденциях их, скорее всего, ждали тяжелые времена. В конце концов, для этих проницательных и тонких умов было бы неплохо вернуться к идее Васко Нуньеса — действительно, идеи кавалера казались лучше, чем любые из их собственных — уйти подальше от, возможно, слишком сдерживающего влияния вышестоящих властей и обосноваться в более свободных широтах. Северное побережье в любом случае не предлагало никаких дополнительных привлекательных моментов. Пусть они забирают Южное море, а Соса может остаться на севере и умереть там, когда сочтет нужным. Ведь это было, несомненно, место смерти.

Педрариас соответственно решил сделать южное побережье своей будущей базой операций и перевезти туда как можно больше того, что он считал ценным. С этой целью он отплыл из Акла и представил совету в Антигуа предложение отказаться от этого места и перенести столицу в Панаму. План не был встречен с одобрением, чего он ни ожидал, ни желал, поскольку, если бы Панама стала столицей, правительство Сосы находилось бы там и могло бы серьезно помешать его планам. Однако это предложение давало два преимущества. Подняв этот вопрос, он вызвал беспокойство среди жителей Антигуа, что позволило Педрариасу с меньшими трудностями набирать новобранцев, и впоследствии нельзя было сказать, что он пытался отказаться от управления, предложив унести его с собой. Тем не менее, он не мог расстаться с народом и его советом, не бросив им вызов; поэтому однажды ночью он созвал кабильдо в свой дом и отобрал у них знаки отличия, оставив муниципалитет управлять как может во время его отсутствия. Вернувшись в Аклу, он приказал Эспиносе созвать войска, дислоцированные в провинции Покороса, и объединить их со всеми доступными войсками колонии. С этими войсками, а также с провизией и предметами торговли и потребления, которые они смогли раздобыть, губернатор и мэр отправились через Кордильеры к Южному морю.

ОСНОВАНИЕ ПАНАМЫ. Педрариас не был полностью удовлетворен местом для своего будущего города на Тихом океане. По обе стороны от старой рыбосушильной станции из болотистой местности поднимались густые заросли леса, так что, хотя место под названием Эль-Альто-де-Панама было явно малярийным, подходящего места поблизости не было. [\[XIII-5\]](#) На Жемчужных островах дела были такими, как их оставил Васко Нуньес. Компаньон доказал свою верность. Теперь на эту трижды поглощенную дикую местность были наложены новые акты владения: один на материке 27 января 1519 года, а второй — через два дня на острове Исла-Рика Васко Нуньеса, названном Педрариасом так же, как его окрестил Моралес, — Исла-де-лас-Флорес. [\[XIII-6\]](#) Взяв корабли, построенные Бальбоа, губернатор и Эспиноса погрузили войска и отправились на остров Табога, [\[XIII-7\]](#) где три года назад был Бадахос, напротив и примерно в пяти лигах от предполагаемого поселения.

Педрариас и Эспиноса теперь имели в своем распоряжении около четырехсот человек, большинство из которых были против строительства города, считая его вредным для более благородного занятия — грабежа. Но успокоив их опасения по этому поводу, Педрариас постарался заинтересовать их в своем плане, разделив земли, прилегающие к Панаме, и выделив каждому по участку. Сразу же были отправлены экспедиции для поиска продовольствия, и солдатам было предложено захватывать пленных, чтобы обеспечить себе рабочую силу для своих земель и средства для удовлетворения своих желаний. Таким образом, каждый поселенец вскоре имел от сорока до девяноста рабов, которые, однако, жили недолго. Колонисты в Антигуа также не были забыты при этом разделе, с тем чтобы, предлагая здесь более выгодные условия, быстрее обезлюдить северное побережье.

Официальный акт основания города Панама был завершён 15 августа 1519 года; государственный нотариус удостоверил, что Педрариас Давила основал тогда и там город, название которого было Панама, и что во имя Бога, королевы Доньи Хуаны и ее сына Дона Карлоса он будет защищать его от всех противников. [\[XIII-8\]](#)

Не менее важной и успешной среди экспедиций по поиску продовольствия, отправленных в то время из Панама, была экспедиция под командованием Эспиносы, который с 150 людьми сел на один из бригантин в поисках золота, которое потерял Бадахос. Ах, это золото! Испанцы почти не спали, думая о нем. Но теперь лицензиат должен был вернуть его по закону, и тогда Панама могла бы успокоиться.

Спустившись на несколько лиг к западу, Эспиноса бросил якорь у устья небольшой реки, протекающей через провинцию Кутара, названной в честь сына покойного Париса, который теперь правил этой провинцией. Поднимаясь по реке на каноэ, испанцы ночью застали деревню врасплох, и, не встретив сопротивления, грабители забрали все, что смогли найти: серебро, провизию, хлопчатобумажные ткани и индейское оружие. Тогда самые жестокие из компании решили обыскать комнату, где лежало тело касике Париса. И там, к их невыразимой радости и благодарности, вокруг трупа лежали не только захваченные ранее золотые тарелки, но и груды сосудов и украшений из того же благословенного металла. Благодаря этому осквернению было добыто золото на сумму сорок тысяч кастельяно, что обрадовало сердце старого губернатора Панама. И кто скажет, что ученый лицензиат не был гуманным и благочестивым человеком, справедливым судьей и хорошим христианином, когда, после того как он потрудился отвести жителей этой деревни в плен к морю, он освободил их всех по просьбе молодого вождя, который следовал за ними, дико рыдая и верно обещая выкуп в виде такого же количества золота, какое уже было взято? На обратном пути лицензиат остановился у пристани вождя Бирукете, у которого он купил груз кукурузы, не заплатив за него. Чтобы сокровище не попало в чужие руки, половина его была закопана в Панаме Педрариасом и Эспиносой; с остальной частью достойная пара немедленно отправилась в Антигуа, где последний выплатил долю короля, а затем приготовился к исследовательскому путешествию вдоль побережья на северо-запад.

УПОРНЫЙ КАБИЛЬДО.

Педрариасу пришло в голову, что пока Эспиноса с людьми и кораблями находится в Дариене, занимаясь открытиями, ему было бы неплохо посетить Испанию и укрепить свою слабеющую власть. Но для того, чтобы уехать, ему нужно было получить разрешение от высшей власти, либо сложить с себя полномочия и подчиниться резиденции. Поскольку отцы-жеронимиты сделали кабильдо Антигуа своим агентом, чтобы следить за Педрариасом и, по возможности, удерживать его в рамках человечности и приличия, он обратился к нему за разрешением покинуть страну, но получил отказ. Он сказал, что очень тяжело, когда губернатор короля подвергается контролю со стороны вульгарного городского совета, но монахам в Санто-Доминго нужно подчиняться.

Поскольку он не мог уехать в Испанию, Педрариас написал королевским властям, изложив то, что он сделал в Панаме, прося для себя управление Южным морем и перенос муниципалитета и собора Антигуа в новый город. Снова, среди бурных протестов (), он подал прошение об отпуске, заявив, что был избран *прокурором* в Кастилии, и снова получил отказ. Тогда он притворился, заговорил мягко и сказал, что любит членов совета как своих детей, но ничего не помогло.

Решение этого совета, принятое во время его отсутствия, сильно раздражило его, так как свидетельствовало о пренебрежении его авторитетом. Речь шла о удовлетворении просьбы Диего де Альбитеса о создании колонии на побережье Верагуа. Опасаясь, что монахи могут наложить на него дальнейшие ограничения, он резко прервал все переговоры с советом Антигуа и отправился в Панаму.

Там он обнаружил, что солдаты и колонисты были более чем когда-либо недовольны. Продовольствие было в дефиците, среди них царил лихорадка, и они, в том числе и Эспиноса, говорили, что если они должны стать гражданами, то предпочтут чистый воздух Испании этому гнезду чумы. «Хорошо, — ответил губернатор, — пусть золото будет извлечено из земли, и пусть оно вместе со всем остальным будет возвращено жителям Парижа, как приказали отцы-иеронимиты, и давайте вернемся в Кастилию. Я уверен, что там я смогу жить без голода». Угроза Педрариаса совершить праведный поступок была необычной и пугающей. Недовольные были заставлены замолчать; и хотя Педрариас уступил настолько, что согласился на поиски более благоприятной страны на западе, в то же время было решено, что строительство Панамы должно быть продолжено.

ДЕЛА АЛЬБИТЕСА.

Тем временем кабильдо Антигуа делал все возможное для создания северного морского порта. Благодаря нескольким успешным набегам на северное побережье, в направлении Верагуа, Диего де Альбитес накопил богатство, а вместе с богатством — и более смелые амбиции. Во время войны между Васко Нуньесом и Педрариасом он представил себе политический развал и отправил в Испанию Андреса Ниньо, лоцмана, и две тысячи кастильяно, чтобы тот купил для него правительство Южного моря. Ниньо, более опытный в навигации, чем в дипломатии, вернулся к Альбитесу () без должности и без денег. В другой раз, когда он остался командующим в Акле во время отсутствия Васко Нуньеса в Южном море, Альбитес снялся с якоря и отплыл на Эспаньола, где он подал заявку на получение разрешения построить город в Номбре-де-Дьос или основать колонию на побережье Верагуа. Направленный монахами к Педрариасу, в качестве оправдания своего отсутствия он нанял шестьдесят человек, загрузил свои корабли столь необходимыми провизией и вернулся, чтобы получить благодарность губернатора, которого он пытался обойти. За эту верную службу он получил от Педрариаса разрешение на вторжение в провинцию Верагуа, что сильно обидело Васко Нуньеса; и когда Альбитес успешно вернулся из этого набега, кабильдо в Антигуа дал ему разрешение основать поселение не только в этой провинции, но и в Номбре-де-Дьос, к крайнему раздражению Педрариаса. [\[XIII-9\]](#)

В 1517 году Альбитес вернулся в Антигуа из Верагуа, Чагре и Номбре-де-Дьос с большим количеством золота и рабов. По словам Эрреры, в 1518 году он предпринял попытку экспедиции в Верагуа, но был отброшен обратно в Номбре-де-Дьос, где основал город. Однако Андагоя прав, когда он относит основание поселения Номбре-де-Дьос к концу 1519 года, хотя это и не было сделано по приказу Педрариаса, как он утверждает. Отправившись из Антигуа на бригантине и каравелле, Альбитес зашел на остров Бастиментос и проплыл несколько лиг на запад, грабя местных жителей в поисках золота, но с мизерными результатами. Один из кораблей дал течь, и он вернулся в Бастиментос, где корабль затонул. Оттуда вождь доставил его на каноэ в Номбре-де-Дьос, и он сразу же приступил к строительству города.

Таким образом, были созданы два противоположных поста, и была проложена дорога от моря до моря, «через горы, поросшие густыми лесами, которые никогда не трогали с незапамятных времен», как выражается Питер Мартир. С большими трудами и затратами

как для короны, так и для колонистов, через заросли была проложена дорога, достаточно широкая для проезда транспортных средств; деревья были срублены и сброшены в болота, препятствующие камни были вырваны из своих лож, а там, где это было необходимо, были построены мосты.^[XIII-10] Так через первобытные тени был проложен путь для благословений и проклятий той атлантической цивилизации, которая должна была осветить Тихий океан.

В том же году счастливый лицензиат и алькальде-майор Гаспар де Эспиноса приобрел еще большую известность как первооткрыватель и искатель сокровищ. С Хуаном де Кастаньедой в качестве лоцмана он проплыл сто восемьдесят лиг на северо-запад, заходя в Уиста, Ната, Чиру, Чаме и другие пункты, и вернулся в Панаму с грузом кукурузы и других провиантов, а также золота на сумму тридцать три тысячи кастельяно. Во время этой экспедиции он вошел в залив, которому дал название Кулебрас ([Culebras](#), «змеи»)^[XIII-11] из-за множества змей разных цветов, которые там видел.

НЕСВОЕВРЕМЕННАЯ СМЕРТЬ СОСЫ.

Незадолго после этого Педрариасу также улыбнулась удача, которой он не заслуживал. В мае 1520 года Лопе де Соса с тремястами людьми прибыл и бросил якорь в гавани Антигуа. Педрариас, который в то время находился там, немедленно приготовился принять его с подобающей церемонией. Отдав приказы относительно его высадки, новый губернатор вошел в свою каюту, чтобы одеться. Там он был охвачен внезапной болезнью, от которой вскоре скончался. С печальной помпой и внешними проявлениями скорби Педрариас перенес тело в церковь и похоронил его перед алтарем. Хуан Алонсо де Соса, сын, и все последователи покойного губернатора были встречены с той демонстрацией почтения, которую старый придворный умел так хорошо проявлять. Хуан Родригес де Аларконсильо, прибывший в качестве алькальде-майора, перед которым должна была быть принята резиденция уходящего губернатора, был удостоен особого внимания. Из осторожности, за некоторое время до ожидаемого прибытия судьи, Педрариас отправил свою жену в Испанию со всем своим золотом и жемчугом.

Назначение Сосы на место Педрариаса было одной из реформаторских мер, которые, по утверждению летописца Овьедо, он осуществил, находясь в Испании.^[XIII-12] Для себя он получил, помимо должностей ведора и генерального писаря, должности сборщика камерных штрафов и *пожизненного члена* городского совета Антигуа. Кроме того, всем губернаторам Нового Света было приказано предоставлять ему правдивые отчеты обо всех своих действиях, чтобы он мог завершить уже начатую «Общую историю Индий». Он также был назначен получателем имущества Васко Нуньеса и его сообщников, которое было конфисковано в пользу короля. Вскоре после Сосы он прибыл в Антигуа со своей женой и двумя детьми.

Но сердце ученого не было в грубой хитрости политики Дариена; он стал недовольным, раздражительным и, хотя и пользовался уважением колонистов, не был популярен среди них. Они не хотели реформ, а хотели грабежа. Педрариас был его врагом, как и врагом каждого благонамеренного и способного человека из числа «». Смерть сначала мальчика, а затем и его жены не способствовала смягчению его характера. «Много раз я хотел вернуться в Испанию, — восклицает он, — если бы не необходимость и стыд».

Полномочия губернатора были расширены с помощью ведора, и Овьедо стал первым, кто почувствовал на себе их силу. Главная ссора была связана с депопуляцией северного

побережья. Ведор протестовал от имени короля, но губернатор, теперь властелин всего, был полон решимости осуществить свой заветный проект, пока у него была власть. В столице на северном побережье больше не было необходимости; Педрариас сделал бы Панаму своей метрополией. Однако перед тем, как ввести дальнейшие изменения, необходимо было получить его резиденцию. Но с его опытом это не требовало ничего большего, чем предъявление обвинения и суд над ним самим. По его просьбе лицензиат Аларконсильо опубликовал резиденцию на тридцать дней, в течение которых губернатор продолжал исполнять свои должностные обязанности; никто не выступил против него, и свидетельство о разбирательстве было отправлено в Испанию. Затем Педрариас поселился в Панаме на постоянное жительство.

Вскоре после этого ведор и контадор были вынуждены посетить Панаму, чтобы взвесить золото и получить королевскую долю, поскольку губернатор больше не посылал металл в Антигуа. Контадор поселился там, но Овьедо вернулся в Антигуа, более чем когда-либо решив остаться в этом городе. Увидев это, Педрариас понял, что нет более эффективного способа разрушить своего противника, чем позволить ему поступать по-своему. Кроме того, было бы неплохо заставить замолчать того, кто мог назначать и смещать губернаторов. Поэтому, когда Овьедо в следующий раз пожаловался, Педрариас ответил: «Сеньор ведор, раз вы так хорошо знаете, как достичь желаемых результатов, примите от меня всю власть, которой я обладаю, и управляйте Антигуа по своему усмотрению».

ОВЬЕДО КАК ПРАВИТЕЛЬ. После некоторого колебания Овьедо принял предложение () и в ноябре 1521 года представил свои полномочия муниципальному совету. Начав свою деятельность с энтузиазмом новичка, он сразу же приступил к исправлению злоупотреблений. Он запретил богохульство, содержание любовниц, а также продажу и употребление мяса в субботу (). Он запретил азартные игры и сжег все карты на городской площади. Нечестный нотариус был обязан выплатить четырехкратную компенсацию и был отстранен от должности на один год. Индийские женщины больше не должны были использоваться в качестве рабочей силы, а индийские дети не должны были продаваться и покупаться в качестве рабов. Однако некоторые более практичные положения на время спасли Антигуа от последствий морали, которая сама по себе уничтожила бы любую колонию в Индии. Новый правитель за небольшие суммы выкупал дома у тех, кто уезжал, и продавал их новоприбывшим по себестоимости. Он построил рынок, открыл шахты, построил корабли и отправил экспедиции, чтобы успокоить разъяренных дикарей. Он изготовил из старого железа пятьсот топоров, которые были проданы индейцам; и когда они затупились, а их владельцы не знали, как их заточить, он поместил на борт судна три больших точильных камня, накрыв их, чтобы нецивилизованные люди не украли секрет, и продвигался вдоль побережья, точа принесенные индейцами орудия и взимая за это сумму, равную первоначальной стоимости, которую они с радостью платили. Утверждается, что таким образом за одно плавание было заработано более семи тысяч кастельяно.

Эти меры принесли больше процветания, чем хотелось Педрариасу. Но, отменив многие решения своего заместителя, которые были обжалованы недовольными колонистами, губернатор смог лишить Овьедо значительной части его власти.

Штат чиновников пополнился еще одним алькальдом-майором, лицензиатом Санчо де Салая, специально для управления Южным морем, который прибыл в Антигуа на каравелле из Испании 1 июля 1522 года. Вместе с ним прибыл Родриго Перес, друг Васко Нуньеса (), викария, когда того отправили в Испанию в цепях, но вернувшегося архидиаконом. [\[XIII-13\]](#)

Примерно в это же время на Рио-Гранде-Сан-Хуан вспыхнуло восстание, вызванное злодеяниями, совершенными бахиллером Корралом и Мартином Эстете во время экспедиции по поиску продовольствия. Не обратив внимания на предупреждение Овьедо, Мартин де Мурга, визитадор индейцев, в сопровождении трех испанцев и десяти дружественных индейцев, нанес визит Беа, касике этой провинции, который убил всю группу. Хуан де Эскарай с сорока людьми был отправлен против восставшего вождя.

Вскоре после этого несколько обращенных в христианство индейцев спустились с гор, расположенных в восьми лигах от города, и сообщили о зверствах, совершенных над ними вождем Коробари. Тридцать пять человек были отправлены, чтобы схватить его, и когда его привели, Салая приговорил его к сожжению; после чего лицензиат отправился в Панаму. Несколько шпионов, пойманных в то же время недалеко от Антигуа, под пытками признались в заговоре, задуманном вождем Гуатуро, который присоединился к Беа. Он планировал поджечь город и убить его жителей. Овьедо лично с сорока людьми отправился на нового мятежника, который вместе с несколькими заговорщиками был схвачен и повешен. Это была последняя из войн Антигуа.

ОВЬЕДО УХОДИТ В ОТСТАВКУ.

В конце концов Педрариас решил сместить Овьедо и назначить на его место бахиллера Корраля, который незадолго до этого навлек на себя гнев летописца и был им отправлен в цепях в Испанию по обвинению в том, что у него была жена в Испании, в то время как он сам жил в Индиях. Однако вездесущий бахиллер почти мгновенно вновь появился в Антигуа. Конечно, летописец был очень возмущен. Отзыв был зачитан на совете, после чего Овьедо положил свой посох на кресло, которое он занимал как президент, и сел среди членов совета, сказав: «Это мое место, данное мне императором; здесь я отныне буду служить их величествам, как положено по долгу, и только здесь». К отзыву был приложен указ Педрариаса, разрешающий городу Антигуа избрать представителя в генеральную ассамблею, которая должна была собраться в Панаме с целью принятия важных для провинции мер, а также избрать *procuradores de córtes*, или членов Конгресса, для отправки в Испанию. Педрариас предпочитал Эспиносу в качестве представителя Антигуа по понятным причинам, но вместо того, чтобы отправить делегата на хунту в Панаму, жители Антигуа выбрали своим представителем Овьедо. В ожидании судна Овьедо занялся предъявлением обвинений Педрариасу перед новым мэром Аларконсильо, который распорядился о второй резиденции губернатора, а также одной из резиденций Эспиносы. За это развлечение он не только едва не поплатился жизнью от руки убийцы, но и Педрариас приказал арестовать его покойного лейтенанта и даже поместил его в кандалы до тех пор, пока не будут предоставлены залогов. Судебное разбирательство прошло без дальнейших последствий, кроме штрафа в двадцать кастильяно за отправку Корраля в Испанию. После попытки покушения на убийство 3 июля 1523 года Овьедо тайно уплыл, якобы направляясь в Номбре-де-Дьос, но, отплыв, он направился к Кубе и Ямайке, а оттуда отплыл в Испанию. Поистине, это были дни лицемерия.

ГЛАВА XIV.

ХИЛЬ ГОНСАЛЕС В КОСТА-РИКЕ И НИКАРАГУА.

1519-1523.

Андрес Ниньо и его Острова Пряностей — Не удается получить разрешение на открытие — Обращается к Гиль Гонсалесу Давиле — Соглашение с королем — Королевский приказ о кораблях Васко Нуньеса — Педрариас отказывается их выдать — Гиль Гонсалес перевозит корабли через горы — Отправляется из Жемчужных островов — Гиль Гонсалес продвигается по суше, а Ниньо — по морю — Визит в Никоя — И в Никарагуа — Капитан-генерал обращает в веру многих — И собирает много золота — Сражение с дириангенцами — Никарагуа отступает от веры — Испанцы прекращают открытие и спешат к своим кораблям — Путешествие Ниньо в бухту Фонсека — Возвращение в Панаму.

Пилот Андрес Ниньо был предприимчивым человеком, которого не могло сломить ничтожное недовольство судьбы. Недавно он служил у Васко Нуньеса и, если Бог даст, будет следовать за рожденной там фантазией. Если две тысячи кастельяно не могли купить небольшой кусочек владений на Северном море, он попробует на Юге. И в воображении Ниньо, как и других мореплавателей того времени, неизведанный Юг принимал фантастические очертания. Существовал первозданный пролив, реальный, хотя и невидимый, ведущий к близлежащим Островам Пряностей. Почему бы одному пилоту, как и другому, не проплыть через этот пролив к этим ароматным берегам, даже если путешествие должно начаться с пересечения небольшой полосы Кордильер?

Такова была география Нового Света в 1519 году, когда вдохновленный пилот оказался в Испании, обращаясь к Совету Индий с просьбой предоставить ему корабли Васко Нуньеса, на которых он мог бы совершить свое путешествие на Молуккские острова; ведь если бы он мог получить их по просьбе (), это избавило бы его от многих хлопот. Ниньо находился под покровительством Алонсо де ла Пуэнте, королевского казначея, и сопровождался Андресом де Сереседа; но убедительной красноречивости достойного пилота не хватало мягких, соблазнительных тонов, которые исходят от звона драгоценных металлов, и во второй раз Беллерофонт упал на землю.

ХАРАКТЕР ГИЛЬ ГОНСАЛЕСА.

Так случилось, что контадор Эспаньолы, Гиль Гонсалес Давила, [\[xiv-1\]](#), находился в то время при дворе Испании; и Ниньо, который, казалось, исчерпал все свои ресурсы, было предложено, что если он сможет заинтересовать этого господина своим предприятием, то это будет равносильно его осуществлению. Ведь он был человеком немалого влияния, происходил из хорошей семьи из Авила и ранее был связан с домом всемогущего епископа Бургоса. Обладая исключительными способностями и честностью, он иногда посылался правительством с важными и ответственными миссиями, и был занят одной из них, когда мы впервые встретили его в Санто-Доминго, расследуя дела недобросовестного казначея Санта-Клары. Его энергия была существенной, авторитетной,

сильной и прямой. Он редко ошибался, будь то в людях или в мерах, и, казалось, был сильнее всего, когда находился в состоянии покоя. Не такой смелый, как Васко Нуньес, не такой хитрый, как Педрариас, не такой жестокий, как Писарро, и не такой ученый, как Эспиноса, он был человеком с более глубоким и широким опытом, чем любой из них, с более уравновешенным умом, более хладнокровным и здравым суждением, что не всегда гарантировало больший успех, чем более безрассудная смелость, но в целом делало его более надежным коллегой и более надежным другом. Его нелегко было отвлечь пустыми замыслами, какими бы блестящими и грандиозными они ни были, но когда Ниньо изложил ему свои планы, он сразу понял, что они чрезвычайно практичны. Были корабли и неизведанное море, о котором уже было известно, что его берега изобилуют золотом и жемчугом, охраняемыми голыми и почти безоружными людьми — это и немного больше. Чего еще нужно было? Не нужно было быть Периандром, чтобы сказать опытному контадору, что это была не обычная возможность. Фонсека, который всегда сохранял теплый интерес к своему протекже, от всей души одобрил план, и детали были вскоре согласованы с Ниньо. Гиль Гонсалес должен был стать генерал-капитаном экспедиции; ему был дан орден Сантьяго, и его рекомендовали новоназначенному губернатору Кастилии-дель-Оро Лопе де Соса. Ниньо должен был стать партнером в этом предприятии, заняв должность лоцмана. Сереседа был выбран контора экспедиции. [\[XIV-2\]](#)

18 июня 1519 года в Барселоне был издан королевский указ [\[XIV-3\]](#), предписывающий губернатору Кастилии-дель-Оро передать Гиль Гонсалесу суда, построенные Васко Нуньесом, и санкционирующий экспедицию по открытию Южного моря, расходы на которую в основном должны были нести королевские казны. Лопе де Соса пообещал добросовестно выполнить этот указ.

В течение года, последовавшего за подписанием этих документов, Андрес Ниньо так усердно трудился, что его генерал-капитан Энрике де Энрикес-де-Анрикес () смог высадиться в Акле с двумя сотнями человек до прибытия Лопе де Соса в Антигуа. Педрариас был возмущен тем, что кто-то осмелился вмешиваться в дела Tierra Firme. Тем не менее, Гиль Гонсалес отправил к нему с королевским приказом Хуана де Соусе, который должным образом вручил его в присутствии нотариуса Мартина Эстете. [\[XIV-4\]](#)

ПРИЕМ ЦЕДУЛЫ. Стоит засвидетельствовать, как этот архилицемер принял королевский приказ. «И тут же упомянутый генерал-лейтенант, — пишет нотариус, — взял в руки упомянутую седулу Его Высочества, поцеловал ее, возложил на голову и сказал, что будет ей повиноваться и что он подчинится ей с максимальным почтением, на которое он способен и которое он должен, как письму и повелению своего короля и естественного господина, которому дай Бог, Господь наш, жить и царствовать долгие годы, с расширением королевств и владений; а что касается ее выполнения, то его светлость проследит за этим и ответит и обеспечит все, что может способствовать служению Его Высочеству».

В этой патетической демонстрации никто из знакомых с Педрариасом не мог усомниться, что он ни на мгновение не намеревался поступать так, как сказал. Вместо того чтобы покорным образом признать нового и опасного соперника, пользующегося высокой репутацией и королевской милостью, можно было пойти на некоторый риск. Итак, сначала он согласился, затем затянул дело, приводя формальные возражения и предлоги, и наконец отказался передать корабли, сославшись на то, что они являются частной собственностью и как таковые принадлежат отдельным лицам. Капитан-генерал тщетно настаивал, что речь идет не о праве собственности, а о королевском приказе, невыполнение которого было опасно. Педрариас остался при своем мнении, и удача поддержала его смертью Сосы,

который, будь он жив, уладил бы все вопросы, связанные с экспедицией. Но в лице Хила Гонсалеса старый губернатор нашел себе достойного соперника, поскольку капитан-генерал был не менее решительным, чем он, и гораздо более находчивым.

Гиль Гонсалес повторил великолепный поступок Васко Нуньеса, который в данных обстоятельствах был не менее похвальным, чем оригинал. Усилив свой отряд новобранцами из числа офицеров и солдат правительства Педрариаса, среди которых были казначей Пуэнте и конторщик Диего Маркес, он разобрал свои корабли, упаковал паруса и такелаж, а из корпусов извлек железо, и те части деревянных конструкций, которые лучше подходили для этой цели, чем свежесрубленные, которые также были необходимы, нанял нескольких индейцев и переправил свои суда через Сьерру к тому же Рио-Бальсас, которым пользовался Бальбоа. Там он построил и спустил на воду четыре судна, но потерял их все, не дойдя до устья реки. [\[XIV-5\]](#) Отряд, численность которого сократилась более чем наполовину с момента отправления из Акла, [\[XIV-6\]](#) теперь переправился на каноэ к Жемчужным островам.

Письмо, направленное Педрариасу в этой чрезвычайной ситуации, не принесло никаких результатов. Гиль Гонсалес снова запросил право владения судами Васко Нуньеса; его посланник вернулся с резким устным отказом. Тогда генерал-капитан лично явился к губернатору и потребовал хотя бы людей для постройки новых кораблей. Педрариас не осмелился сопротивляться дальше, и вскоре четыре небольших и плохо оборудованных судна лежали у Жемчужных островов, готовые к выходу в море. [\[XIV-7\]](#) «За все время моей службы Вашему Величеству, — пишет Гиль Гонсалес королю, — нигде со мной не обращались так грубо, как при пересечении Tierra Firme с людьми, которых я привез из Кастилии, вынужденный содержать их в течение двух лет, тратить на них свои товары и драгоценности и дважды строить корабли». [\[XIV-8\]](#)

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАД.

Отправившись в путь 21 января 1522 года с несколькими лошадьми, оружием и товарами для торговли на борту, Гиль Гонсалес направился на запад, и после столетия плавания он был вынужден высадить три своих судна на берег, чтобы спасти их от червей, а четвертое вернулось в Панаму за смолой и другими материалами для ремонта. Также пришлось изготовить новые бочки для воды, так как те, что были на борту, пришли в негодность из-за гниения обручей. [\[XIV-9\]](#) Оставив корабли под командованием Андреса Ниньо с приказом следовать вдоль побережья на восемьдесят или сто лиг и ждать его в какой-нибудь безопасной гавани, Гиль Гонсалес с сотней человек и четырьмя лошадьми продолжил свой путь по суше. Плохая еда, жаркое солнце, проливные дожди и размягченная земля делали путешествие чрезвычайно утомительным. Переход через реки в перегретом состоянии вызвал у командира судороги, так что его пришлось нести на руках. Так они шли много дней, собирая золото и христианизируя страну, не встречая сопротивления.

Вскоре они прибыли к тому, что они называли островом, длиной в десять лиг и шириной в шесть, «образованным рукавами реки», который, однако, не был островом, а полуостровом, образующим западную сторону залива Гольфо-Дульсе. [\[XIV-10\]](#) Здесь, в огромном деревянном сарае, высоком как башня, который летописцы любят называть дворцом, жил правитель этой земли, которого попросили уйти, пока незнакомцы занимали верхнюю часть, а нижняя была затоплена. В течение двух недель они укрывались от падающих вод. Однажды ночью столбы дворца начали медленно погружаться в размягченную землю. Перспектива была не обнадеживающей. Их единственное убежище тонуло, и вместе с ним тонули и они. Однако они спаслись, прорезав крышу и выбравшись наружу, неся на плечах своего командира.

Затем они были вынуждены забраться на деревья и жить на них в течение нескольких дней, а жилище командира представляло собой одеяло, натянутое между двумя ветвями. Во время наводнения было потеряно много оружия и добычи.

После этого они продолжили путь, иногда углубляясь вглубь суши в поисках пищи, но в основном пробираясь вдоль берега, как могли. Однажды, когда им пришлось искать океан в десяти лигах от того места, они спустились по реке на плотах, один из которых в темноте уплыл в море, но на следующее утро был принесен к берегу счастливым ветром и умелыми пловцами. Наконец, посетив и ограбив ряд мелких вождей и добыв золота на сумму сорок тысяч песо, они прибыли в залив [\[xiv-11\]](#), который Гиль Гонсалес назвал Сан-Висенте и где, к его великой радости, он нашел Андреса Ниньо с кораблями.

Из-за своей хромоты Гиль Гонсалес хотел отправиться в море, отправив Ниньо с сухопутной группой, но люди потеряли мужество при перспективе остаться на берегу без своего лидера, потому что вожди становились все более могущественными. Поэтому он заставил Ниньо поклясться, что тот будет исследовать побережье на двух кораблях, медленно и только днем, и рассчитывать пройденное расстояние, оставив два других корабля с золотом в заливе Сан-Висенте, а сам смело углубился вглубь суши, решив подчинить народ, по возможности мирным путем, а если не получится, то силой.

НИКОЯ. Среди вождей, которых встретил Гиль Гонсалес, был один из самых могущественных, живший на северном конце залива, по имени Никоя, который принял его как друга и подарил ему золото на сумму четырнадцать тысяч кастельяно. Когда ему рассказали о Боге, о блаженстве небес и муках ада, Никоя очень разумно предпочел первое место и позволил себе, своим женам и подданным, числом более шести тысяч душ, принять крещение. Кроме того, он отдал шесть золотых идолов, каждый длиной в ладонь, «поскольку теперь я христианин, — сказал он, — я не буду иметь с ними ничего общего». Испанцы без колебаний забрали эти символы гибели.

Никоя был великим вождем, но в пятидесяти лигах к северу от него был еще более могущественный вождь по имени Никарагуа, о котором Никоя сказал: «Он мудр и храбр, и ваша маленькая армия быстро растает перед его воинским отрядом».

Следует отметить, что мирная политика, принятая в этой экспедиции, до сих пор оказалась более успешной, чем любая другая подобная попытка в Индии. Меч оставался в ножнах, и было признано выгодным и гуманным держать его там. Поэтому эти мягкие разбойники шли по земле триумфально. По правде говоря, для своего времени Гиль Гонсалес был честным человеком. Он рассказывает громкие истории о крещении, как мы увидим, но мы привыкли к некоторой степени преувеличения, когда речь идет о прозелитизме, и Гиль Гонсалес действительно верил, что христианство, которое он дал Никоя, хорошо вознаградило его за его золото. Помимо честности, Гиль Гонсалес был гуманным человеком; он не любил кровопролития. Давайте дважды отметим эти черты, потому что они редки в этих краях.

Насколько это отличалось от обычной формы, с которой капитаны Педрариаса представлялись дикарям, можно увидеть на примере подхода Гиля Гонсалеса к народу с сомнительным характером. Когда он находился в одном дне пути от города Никарагуа, он отправил к вождю посольство из шести индейцев и двух переводчиков, чтобы уведомить его о своем приближении и характере. «Скажите ему, — сказал Гонсалес, — что прибывает капитан, уполномоченный великим королем христиан, чтобы сообщить всем владыкам этих земель, что на небесах, выше солнца, есть один господин, создатель всех вещей, и что те, кто

верят в него и повинуются ему, после смерти вознесутся в эту высоту, а неверующие будут брошены в огонь под землей. Скажи ему, чтобы он был готов услышать и принять эти истины, иначе пусть готовится к сражению».

НИКАРАГУА. Никоя сказал правду, когда назвал Никарагуа мудрым человеком. Иметь ум, не затуманенный знаниями, — большое преимущество. Он был достаточно мудр и честен, чтобы проявить удивление, когда посланцы принесли ему удивительные вещи. «Скажите тем, кто вас послал, — сказал Никарагуа, — что я не знаю их короля и поэтому не могу воздать ему честь; что я не боюсь их острых мечей, но люблю мир больше, чем войну; золото имеет мало ценности, они могут взять все, что у меня есть. Что касается религии, которую они проповедуют, я поговорю с ними, и если она мне понравится, я приму ее». Из двух сообщений сообщение дикаря было гораздо более логичным и разумным.

На следующий день, когда испанцы находились в одной лиге от города, их встретили четыре главных человека Никарагуа, которые сказали им, что король ждет их прихода с миром. При входе в город их принял Никарагуа, который предоставил им жилье на общественной площади и все окружающие дома в их распоряжение.

После вручения подарков, которое, добровольное или принудительное, всегда было первым делом и в данном случае состояло, с одной стороны, из золота на сумму пятнадцать тысяч кастельяно, а с другой — из рубашки, красной шапки и шелкового платья, внимание было обращено на духовные дела. На длинную речь о том, что дикарь должен делать и чего не должен делать, чтобы достичь христианского спасения, Никарагуа ответил: «Я не вижу в этом ничего плохого. Однако мы не можем отказаться от наших боевых красок и оружия, наших ярких украшений и танцев и стать женщинами!»

Прежде чем принять крещение [\[XIV-12\]](#) Никарагуа пожелал задать Гиль Гонсалесу несколько вопросов. «Ты, который так много знаешь о создателе и о сотворении этого мира, скажи мне, — сказал он, — о великом потопе; будет ли еще один? В конце вселенной земля будет перевернута, или небо упадет и уничтожит нас? Откуда солнце и луна получают свой свет и как они его потеряют? Насколько велики звезды, как они удерживаются на небе и как движутся? Почему ночи темные, а зимы холодные; почему христианский Бог не создал лучший мир; какая честь ему положена; и какие права и обязанности имеет человек, под властью которого находятся звери? Куда уходит душа, которую вы считаете бессмертной, когда она покидает тело? Папа никогда не умирает? А великий король Испании смертен? И почему христиане так любят золото?» Эти и другие вопросы подобного значения задавал дикарь, и Гиль Гонсалес отвечал на них. Не было вопроса, на который храбрый и благочестивый Гиль Гонсалес не мог бы ответить. И Петр Мученик говорит, что «Сереседа, казначей короля, был свидетелем того, как Гонсалес отвечал на вопросы Никарагуа». Как ни странно, дикарь не был удовлетворен. Несомненно, Гиль Гонсалес мог бы лучше объясниться с христианином. «Эти люди пришли сюда с небес?» — шепнул Никарагуа переводчику. «Они пришли с небес», — был ответ. «Но как?» — спросил Никарагуа, «прямо вниз, как летящая стрела, или на облаке, или по кругу, как натянутый лук?» Переводчик не смог ответить.

Никарагуа наконец согласился удалить идолов из своего храма и поставить на их место христианский крест. Затем им с большой торжественностью был дан образец принятого ими культа. На высоком холме, на вершину которого вели ступени, Гиль Гонсалес установил крест на , впервые войдя в город. Процессия во главе с испанскими и местными лидерами торжественно прошла по городу и поднялась по ступеням холма [\[XIV-13\]](#) на коленях, воспевая

гимны хвалы. Пройдя к храму, они воздвигли там алтарь и совместно поместили на него священный символ, один в знак дарования, а другой — в знак принятия истинной веры.

Таково было завоевание и обращение Никарагуа, уникальное и духовное.

СЛАДКОВОДНОЕ МОРЕ.

Город Никарагуа стоял на берегу большого пресноводного моря, [\[XIV-14\]](#), в которое Гиль Гонсалес въехал на лошади, завладел им и напился воды. Оно находилось всего в трех лигах от Южного моря, но между ними не было никакой связи, и каное, отправленное на него, не обнаружило никакого течения. «Пилоты, которые были со мной, — пишет командир в своем отчете об экспедиции, — подтверждают, что оно выходит в Северное море; и если это так, то это великое открытие, поскольку расстояние от одного моря до другого составляет всего две или три лиги по очень ровной дороге». [\[XIV-15\]](#) В этот момент внимание первооткрывателя привлекло еще одно дело: необходимо было выяснить, дошли ли завоеватели Мексики, о завоевании которой в Панаме стало известно еще до отправления этой экспедиции, до этой точки на юге. После тщательного расспроса местных жителей Гиль Гонсалес убедился, что это не так. [\[XIV-16\]](#)

Наступил апрель 1522 года, и Гиль Гонсалес, вполне удовлетворенный достигнутым, должен был решить, что делать дальше. Незаметно для него крещение стало модным явлением во всем этом регионе. Он пробыл в Никарагуа восемь дней. Затем он продвинулся на шесть лиг к северо-западу, в соседнюю провинцию, и обнаружил там группу из шести городов, каждый из которых насчитывал по две тысячи жителей, и все города находились на расстоянии менее двух лиг друг от друга. Эти люди, опасаясь, что Никарагуа присвоит себе все преимущества таинственного обряда, пришли в большом количестве, чтобы принять его, щедро даря испанцам золото, еду и рабов.

ДИРИАНГЕН.

Еще дальше, прежде чем пришельцы распространили свою славу, могущественный вождь по имени Дирианген прибыл с большой свитой из далеких мест, чтобы встретить их. Чтобы произвести как можно более впечатляющее впечатление, Дирианген остановился на небольшом расстоянии от испанцев и привел в порядок свою свиту. Пятьсот безоружных мужчин вышли вперед, каждый с одной или двумя индейками, чье яркое оперение делало зрелище еще более великолепным. За ними шли десять знаменосцев с еще свернутыми флагами. Затем следовали семнадцать женщин, почти полностью покрытых золотыми пластинами, за ними — пять трубачей, и, наконец, вожди народа, несущие на плечах богато украшенный цветными тканями и перьями паланкин, в котором сидел правитель. Затем кортеж двинулся вперед и вошел в деревню, где расположились испанцы, выстроившись в идеальном порядке перед штабом командующего. Носилки « » были поставлены на землю, десять белых знамен развернуты, и трубачи заиграли пронзительную мелодию. Вскоре Дирианген приказал музыкантам прекратить игру и, подойдя к Гиль Гонсалесу, коснулся его руки. Затем, обратившись к женщинам, он приказал преподнести золото, в том числе двести золотых топоров, общая стоимость которых составляла восемнадцать тысяч кастельяно. Пятьсот индейцев вышли вперед, поочередно коснувшись руки командира, преподнесли ему птиц. «С какой целью, — спросил Гиль Гонсалес вождя, — вы пришли так далеко, чтобы встретиться со мной?» Дирианген ответил: «Узнав, что в эту землю прибыл чудесный народ, бородатый и едущий на зверях, я пришел, чтобы своими глазами увидеть их и предложить им гостеприимство, на которое я способен». Гиль Гонсалес вежливо поблагодарил вождя, преподнес ему несколько европейских предметов и после дальнейшей беседы спросил его, не желает ли он стать христианином и подданным короля Испании. Дирианген дал понять, что с большим

удовольствием примет оба этих лестных предложения, но сначала хочет посоветоваться со своими женщинами и жрецами; он даст ответ в течение трех дней.

Дирианген был хитрым правителем, который ничуть не заботился ни о короле Испании, ни о его религии. Он хотел увидеть это зрелище и был готов щедро заплатить за вход на него. Ему было достаточно веры его предков, и он предпочитал править сам, а не подчиняться другому. Он верил, что сможет победить эту маленькую компанию; в любом случае, он собирался попробовать. С этими размышлениями он тепло попрощался с испанцами, сел в носилки и уехал. Это было 14 апреля.

Через три дня, когда священник экспедиции отсутствовал в соседнем городе, куда он отправился на лучшей лошади в сопровождении двух храбрых мужчин, чтобы проповедовать, а испанцы отдыхали в полдень, Дирианген напал на них с тремя тысячами [\[XIV-17\]](#) воинов, вооруженных кремневыми мечами, копьями и стрелами, одетых в кольчуги из ватного хлопка, и оказался в пределах досягаемости арбалета, прежде чем была поднята тревога. Гиль Гонсалес вскочил на одну из трех оставшихся лошадей и крикнул своим людям, чтобы они собрались перед его жилищем, которое выходило на площадь. Затем он разместил треть своих сил в тылу дома, опасаясь, что враг может его поджечь, поскольку в нем хранилось все их золото. К этому времени площадь была заполнена воинами Дириангена, которые немедленно вступили в рукопашную схватку с . Быстрые смертельные удары испанцев, казалось, не вызывали особого ужаса, и какое-то время было крайне сомнительно, как закончится сражение. Индейцы сбили с ног шестерых испанцев и захватили одного, однако не проявили никакого желания убить его. Наконец, после атаки командира и двух других всадников с копьями, враг отступил и был изгнан из города. Гиль Гонсалес безрассудно преследовал его, пока, устав убивать и оставшись в одиночестве, не повернул назад, и тогда на него посыпался град камней и дротиков, который заставил его поспешно вернуться к своим людям. Дирианген держался в тени во время сражения и исчез, как только оно закончилось. Ни один из испанцев не погиб. Пленник был освобожден, священник вернулся невредимым, и индейцам наконец разрешили унести своих мертвых. К счастью, Гиль Гонсалес принял меры предосторожности и увеличил число бородатых мужчин, срезав волосы с голов испанцев и прикрепив их к подбородкам двадцати пяти молодых туземцев из своей компании.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИИ.

После долгих обсуждений было решено прекратить исследование на этом этапе и вернуться в Панаму. Они добыли большое количество золота и крестили многих. Однако результаты обращения в веру были бы гораздо более приятными для испанцев, если бы так много индейцев не отреклись от веры , едва им удалось уйти. Когда испанцы вошли в провинцию Никарагуа по пути к своим кораблям, Гиль Гонсалесу был открыт план мудрого правителя, который заключался в том, чтобы повторить эксперимент Дириангена. Немедленно шестьдесят испанцев, все, кто был в данный момент здоров, сформировали полый квадрат, чтобы действовать в обороне и нападении во время марша, поместив инвалидов и сокровища в центре, а на каждом углу — всадника и аркебузиера. Когда они проходили мимо города Никарагуа, туземцы крикнули носильщикам, которых испанцам одолжила Никарагуа, чтобы те бросили свои грузы. Испанцы не ответили на это, но когда туземцы попытались силой достичь своей цели, Гиль Гонсалес поспешил вперед со слабейшими из своих людей, а сам с семнадцатью мужчинами остался сзади. Некоторое время продолжалась беспорядочная схватка, в ходе которой носильщики сумели бросить свой груз и сбежать, к невыразимому раздражению испанцев, которые были вынуждены нести его. Не добившись ничего, а скорее потеряв, туземцы заключили мир. Никарагуа через своих посланников отрицал свою причастность к

нападению, но испанцы узнали среди нападающих некоторых из его главных людей. Наконец, через восемь дней после возвращения группы, которая исследовала побережье, они благополучно достигли залива Сан-Висенте. Ниньо проплыл триста пятьдесят лиг на северо-запад, достигнув, по некоторым оценкам, самой южной границы завоеваний Кортеса. Однако практически никаких подробностей не приводится, кроме того, что он открыл большую бухту, которую Гиль Гонсалес назвал Фонсека в честь своего друга и покровителя, епископа Бургоса. Одному из островов в этой бухте он дал имя своей племянницы Петронелы. [\[XIV-18\]](#) Возвращаясь, экспедиция достигла Панамы 25 июня 1523 года, с золотом на сумму 112 000 песо, половина которого была низкого качества. По его подсчетам, Гиль Гонсалес проплыл шестьсот пятьдесят лиг, прошел по суше триста двадцать четыре лиги и обратил в христианство тридцать две тысячи душ. [\[XIV-19\]](#)

ГЛАВА XV.

ИСПАНСКИЕ ГРАБЕЖИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЗАЛИВА ПАНАМА.

1521-1526 гг.

Европейские поселения на западном побережье Америки — Развитие Панамы — Законы, касающиеся испанских поселений в Америке — Окончательный отказ от Антигуа — Управление Южным морем — Пиратство по принципу — Паскуаль де Андагойя исследует юг — Завоевание Биру — Возвращение в Панаму — Колонии Верагуа и Чирики — Вождь Уррака поселяется в горах и бросает вызов испанцам — Писарро, Эспиноса, Педрариас и Компаньон тщетно пытаются свергнуть его — Строительство Наты — Компаньон как губернатор — Уртадо колонизирует Чирики — Заговор — Пленение и побег Урраки — Еще несколько лет войны.

Наконец, на тихоокеанском побережье мы находим европейское поселение, в аборигенной рыбацкой деревне Панама — зародыш испанского города, первого на западной стороне американского континента от Патагонии до Аляски, первого на перешейке, который сохранился до наших дней. И в этом было многое, что могли предсказать затуманенные, но во многих отношениях дальновидные авантюристы того времени. На этом побережье было богатство, но в каком объеме — они не знали, поскольку Перу еще не было открыто. Если бы не было найдено какое-нибудь проливное море или более узкая полоса суши, предлагающая превосходные преимущества, Панама стала бы великим перевалочным пунктом южноморского судоходства; но, какими бы дикими ни были их предположения в некоторых отношениях, в других их воображение сильно отставало от реальности. Даже в самых смелых мечтах они не видели, как на их широких пляжах будут стоять корабли с севера, юга и далекого запада, груженные богатствами половины мира, а на улицах их выжженного солнцем города будут лежать кирпичи из золота и серебра, а также пряности и драгоценные товары, ожидающие перевозки через Кордильеры в Номбре-де-Диос, где грузы европейских товаров таким же образом ждали перевозки на юг.

МЕТРОПОЛИЯ ЮЖНОГО МОРЯ.

Совет Индий, даже в те ранние дни, отнюдь не был слеп к важности этого города; и помимо общих правил [\[XV-1\]](#), касающихся поселений и строительства городов, которые теперь начали вступать в силу, Панама получала особые королевские милости.

Мы видели, как Педрариас, честными и нечестными средствами, трудился над обезлюдением Антигуа; и это была хорошая работа, хотя в то время он не полностью осознавал этого. В последнее время удача благоволила ему во многих отношениях, и награды за его проделки были действительно приятными. Не говоря уже о смерти Васко Нуньеса и Лопе де Соса, успехах Эспиносы и других капитанов-золотоискателей или поражении Хилия Гонсалеса, назначение лицензиата Аларконсильо своим заместителем в Антигуа было удачным политическим ходом, поскольку поддельные резиденции, полученные им благодаря искусному управлению женой губернатора в Испании, оказали

Педрариасу и Эспиносе хорошую услугу при дворе. Губернатор не испытывал никаких практических неудобств в связи с королевскими указами, запрещающими сложные судебные разбирательства, чтобы в спорных случаях можно было просто и недорого установить истину (), и разрешающими апелляции из Кастилии-дель-Оро в аудиенцию Санто-Доминго; ведь одно давало его власти более широкий диапазон, а другое можно было легко регулировать, чтобы не нанести ему ущерба. Лас Касас также не смог сместить Педрариаса, поскольку привилегии, предоставленные ему в Тьерра-Фирме, ограничивали его территорией, находящейся вне юрисдикции этого губернатора.

ПОСКОЛЬКУ АНТИГУА БЫЛА ПУСТОЙ.

Оставление Антигуа началось в 1521 году и завершилось в сентябре 1524 года, когда Диего Рибера, последний выживший, был убит вместе со всей своей семьей своими же индейцами, которые затем сожгли город. Таким образом, улицы, на которых разыгралось столько волнующих сцен, опустели, и страна, после пятнадцати лет борьбы и потери тысяч жизней, вернулась к своему первоначальному дикарству. Королевским указом, изданным в Бургосе 15 сентября 1521 года, Панама была объявлена городом и получила королевские привилегии и герб, что еще больше повысило ее статус.^[XV-2] Регидоры должны были пользоваться титулом *veinticuatro*s, как в Севилье и Кордове. В течение первых десяти лет город должен был платить только десятину с золота; в одиннадцатый год — одну девятую, в двенадцатый — одну восьмую и так далее до пятнадцатого года, когда должна была уплачиваться обычная пятая часть. До сих пор валюта состояла из золотых монет различного веса; теперь же стали использовать серебряные и медные монеты.

ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Первыми регидорами Панамы были Гонсало де Бадахос, Родриго Энрикес де Кольменарес, Рогель де Лорис, Паскуаль де Андагойя, Мартин Эстете, Бенито Уртадо, Луис де ла Роча и Франсиско Гонсалес. Алькальде майор Эрнандо де Салая был назначен лейтенантом Педрариаса в Панаме с зарплатой в 150 000 мараведи, поскольку Эспиноса почти все свое внимание уделял военным делам. Королевские чиновники, ранее находившиеся в Антигуа, как правило, сохранили свои должности в Панаме. Это были Алонсо де ла Пуэнте, казначей; Диего Маркес, контадор; Мигель Хуан де Рибас, фактор. Некоторым из них Педрариас был вынужден дать репартимьенто в качестве стимула для переезда.

Больше трудностей возникло с переносом епископской кафедры в Панаму, но в конце концов это было сделано (); королевский указ о переносе, вместе с духовенством и церковным имуществом, а также соседями и больницей, был датирован тем же днем, что и указ о присвоении Панаме статуса города, а именно 15 сентября 1521 года. После смерти первого епископа Дариена, Хуана де Кеведо, его преемником был назначен Фрай Висенте де Пераса. Салая и архидиакон Перес прибыли вместе в 1522 году; Пераса прибыл позже, а Салая был уполномочен курировать церковные дела до прибытия епископа. А когда он прибыл, он не спешил переезжать и в 1524 году все еще находился в Антигуа. Туда, наконец, отправился Педрариас и применил к нему свои самые мягкие ухаживания. Губернатор мог быть весьма приятным человеком для тех, кто его не знал. Епископ пробыл в Панаме недолго, прежде чем его глаза открылись, и тогда, по сути, закрылись навсегда; однажды, когда епископ и губернатор играли в карты, между ними произошла ссора, в ходе которой последний был грубо оскорблен, и вскоре после этого епископ умер. Тогда губернатор обратился к Салае с резкими словами, сказав, что, если тот не перестанет, он отрубит ему голову. «Ты уже не одну голову несправедливо отрубил, — ответил Салая, — но тот, кто отрубит мою голову, должен иметь голову лучше моей, а у тебя ее нет». После этого они

снова стали друзьями. Тем не менее Салая умер. Оба эти человека были отравлены; подозрение пало на Педрариаса, хотя он так и не был официально обвинен в этом преступлении.

Для строительства церквей в Кастилье-дель-Оро король давал большие пожертвования; его ежегодное пожертвование больнице составляло триста песо,^[XV-3] а королевская казна покрывала расходы на орган и часы для собора в Панаме. Примерно в то же время Франциско де Лисаур, прокурор нового поселения, отвечавший за снабжение продовольствием как индейцев, так и испанцев (), добился издания приказа, обязывающего губернатора заниматься посевными работами; кроме того, с коренными жителями должен был быть открыт бартер, а неграм-рабам не разрешалось сопровождать экспедиции. Границы муниципалитета простирались примерно на сорок пять лиг во всех направлениях от трех лиг городских земель в центре.

Ожидалось, что только коренные жители Нового Света будут поддерживать новый город и через Панаму посылать огромные богатства в Испанию. Целью испанцев не было сельское хозяйство, за исключением того, чтобы спастись от голода, и даже не добыча полезных ископаемых, за исключением того, что они могли заставить коренных жителей копать; это было чистое грабеж, прикрываемое лишь неубедительными оправданиями цивилизации и христианства, а Панама была лишь пиратским гнездом.

Ни в коем случае не худшим из этой банды был Паскуаль де Андагойя, которого, если бы не плохая компания, в которой он вращался, можно было бы назвать честным человеком. Он помогал Педрариасу и действовал как предшественник Писарро, но когда дело доходило до массовых злодеяний, он не проявлял к ним никакого рвения.

ЭКСПЕДИЦИЯ АНДАГОИ.

Будучи верным слугой губернатора, в 1522 году он был отправлен им исследовать южное побережье за пределами открытий Васко Нуньеса. Высадившись в заливе Сан-Мигель, Андагойя посетил провинцию под названием Чочама, где ему сообщили, что в периоды полнолуния жестокий народ наводнял ее побережье, изгоняя жителей с их рыбных промыслов, убивая их, если они сопротивлялись, и сея ужас в целом . Этот народ происходил из провинции под названием Биру, которое испанцы исказили до Пиру, а в конце концов до Перу Франсиско Писарро. Чочама умолял Андагойю защитить его подданных от этого бедствия, и, получив подкрепление из Панамы, Андагойя вместе со своим войском и воинами отправился в страшную местность. Поднимаясь вверх по большой реке на двадцать лиг, испанцы обнаружили ряд деревень и кациков, а на окраине провинции, недалеко от слияния двух рек, они обнаружили крепкую крепость туземцев, хорошо укрепленную гарнизоном, которая при нападении была защищена с умением и храбростью. Но превосходная тактика вскоре возобладала, и после борьбы крепость была взята, а ее обитатели были приведены к соглашению.

Таким образом, подчинив Биру, Андагойя продолжил свое путешествие, корабли держались подальше от берега, а командир разведывал побережье на каноэ, управляемых дружественными индейцами. Однажды, когда он был занят этим, его лодка попала в прибой и перевернулась. Его спасли отважные усилия одного из туземцев, чью дело он поддержал, но последовавшая за этим ревматическая лихорадка заставила его отказаться от открытий, и на следующий день он направился в Панаму, куда благополучно прибыл с несколькими пленниками.^[XV-4]

Затем Хуану Басурто было дано разрешение продолжить открытие Андагои, но его внезапная смерть прервала приготовления, и дело осталось в подвешенном состоянии, пока им не занялся Франсиско Писарро.

ХРАБРОСТЬ УРРАКА.

Оставив на время дела на юге, вернёмся к западной стороне залива Панама. Там был вождь по имени Уррака, которого испанцы хотели убить, чьим владением была горная цепь Верагуа, а преступлением — любовь к свободе. Действительно, этот дикарь был настолько порочен, что не принял испанское спасение и господство, когда ему предложили их в обмен на его золото; он даже думал убить добрых людей, которые вторглись на его территорию, чтобы убить его. Уррака был свирепым и сильным; его горы были суровыми, а его дом почти недоступным для враждебного захватчика. Поэтому к нему нужно было подходить с осторожностью, а его поимку можно было поручить только отборным людям. Поскольку он считался богатым и стоившим таких усилий, против него были высланы две компании: одна по воде под командованием Эспиносы, а другая по суше под командованием Франсиско Писарро. Первая компания отплыла из Панама на двух судах и, задержавшись на острове Себако, переправилась на материк Верагуа и начала свой поход на грозного горца. Уррака не боялся его и, поместив женщин, детей и стариков своего народа в безопасное место, со своими воинами смело выступил против врага. Сначала он столкнулся с индейским авангардом Эспиносы и, напав на них, убил всех до единого. Затем он яростно атаковал всадников, которых было два или три, и пехотинцев, сражаясь с такой решимостью, что если бы не Эрнандо де Сото, которого Писарро послал впереди с тридцатью людьми на поиски перевала, лицензиат был бы изрублен на куски. Писарро, который был неподалеку, достиг этого места не без тяжелых боев. И теперь Уррака бросил вызов им всем. Имея на своей стороне все преимущества пересеченной и хорошо известной местности, он собрал своих людей и атаковал объединенные силы с такой отчаянной энергией, что с наступлением ночи испанцы попытались тайно отступить на открытую равнину. Уррака был против этого. Он разрешил им разобрать лагерь и начать марш, но, когда они оказались в самом темном ущелье, он снова набросился на них, как ловушка, и из черного скалистого ущелья они не могли выбраться, кроме как под копьями и боевыми дубинами, которые окружали их. Утром перед ними встал вопрос: умереть там или спастись? Итак, капитаны поставили этот вопрос перед своими людьми. Собрав все свои силы, они бросили их на живые преграды у выхода к морю, подавили врага, бежали к своим кораблям, расправили паруса и направились к Панаме. Но возвращаться с пустыми руками было нельзя. Поэтому, высадившись в Борике, они разграбили город и взяли жителей в плен, хотя лицензиат в конце концов отпустил женщин. В то время как Эспиноса с основной частью своих войск продвигался к Натте, Франсиско Компаньон с пятьюдесятью людьми ночью напал на мирную деревню по соседству. Она была окружена частоколом, и испанцы были отбиты. Спрятавшись, они ждали, пока жители выйдут утром и разбегутся по полям. По сигналу они набросились на них. Бедные туземцы побежали искать укрытия от безжалостного стального оружия и, собравшись у ворот, заблокировали их, так что их легко было убить. Те, кто не был убит, были увезены в плен в Нату.

НАТА И ЧИРИКИ.

Деревня Ната была расположена на открытой равнине, очень красивой, с плодородной почвой и здоровым воздухом. Мы видели, как в прошлом она привлекала внимание испанцев. Они давно желали основать там поселение, и, поскольку нынешняя экспедиция оказалась неудачной, Эспиноса послал послов к Педрариасу с просьбой разрешить им остаться и основать колонию. Губернатор согласился, но приказал Эспиносе с

кораблями отправиться в Панаму, оставив в Натe только пятьдесят человек под командованием Компаньона.

Новый морской порт находился ближе к Урраке, чем остров Себако, хотя Эспиноса начал свой поход на эту провинцию с точки на полуострове Азуэро, напротив острова, более чем в тридцати лигах от Наты по морю.

В любом случае, это было достаточно близко, чтобы осторожный Уррака мог следить за испанцами своим мстительным взглядом. Вождь через своих посланников знал, когда Эспиноса высадился там, что он и другие делали, когда ушли и сколько человек осталось. Подглядывая за Компаньоном, он подумал, что сможет справиться с пятьюдесятью людьми. Он решил попробовать. Собрав свои силы, он приготовился атаковать испанцев ночью. Приблизившись к их жилищам, он подошел к дому, расположенному на некотором расстоянии от других, в котором спали три человека. Одного из них дикари убили копьем, другого взяли в плен, а третий ускользнул от них, пока не достал свое оружие, после чего вскочил и закричал, как будто обращаясь к своим товарищам, находившимся поблизости. В одиночку он напал на них и обратил в бегство; после чего он освободил своего пленного товарища, и оба отправились на поиски своего командира. Компаньон немедленно послал гонцов к Педрариасу, сообщив ему о нападении.

Уррака не заслуживает похвалы за то, что позволил своему многочисленному отряду храбрых воинов быть разгромленным одним испанцем; вероятно, он даже не знал, как легко его победили; и теперь, объединившись со своими соседями, он так тесно окружил испанцев в их кварталах, что они начали страдать от нехватки продовольствия. Своевременное прибытие Эрнандо Понсе де Леона с сорока людьми, а вскоре после этого и самого губернатора со ста пятьдесят людьми, снова успокоило Компаньона.

Это правда; старый губернатор снова в поле! Война, дома или за границей, — его естественная стихия. Этого смелого горного вождя нужно усмирить; и кто так подходит для этого, кто так способен, как губернатор? Назначив Франциско Писарро вторым в командовании со всеми имеющимися в его распоряжении силами, среди которых есть несколько лошадей и небольшие пушки, Педрариас выдвигается вперед.

Уррака готов принять его. Он объединил силы с соседом по имени Эсквегуа и ждет испанского губернатора сразу за самым крепким перевалом. Он надеется во второй раз заманить врага в знакомые ему скалистые ущелья. Лиса попадает в ловушку. Губернатор должен выбрать: либо сражаться в крайне невыгодном положении, либо отступить и оставить страну ее коренному правителю. Уррака силен, умен и храбр. Занимая в своем отступлении самую возвышенную часть горной цепи, где она пересекает Верагуа, и находясь примерно на полпути между двумя океанами, он может получать припасы и подкрепление с любой стороны. Его влияние настолько пагубно, что он может помешать умиротворению западной Кастилии-дель-Оро: отсюда и важность его уничтожения.

Старый губернатор произносит речь перед своей армией. По старой традиции Ксеркса и Сципионов он издевается над врагом и хвалит своих людей. Педрариас редко хвалит кого-либо. «Вы понимаете, что смерть этого вождя необходима, — заключает он. — Пусть никогда не говорят, что испанцы оставили в живых богатого язычника». Затем отдается приказ о наступлении. Сражение длится до наступления ночи. Оно возобновляется на следующий день и на следующий. Перед лицом такого беспрецедентного упорства испанцы теряют мужество. Даже извергающие огонь пушки с их гулом, раздающимся эхом, и ядрами, сбивающими людей, разбивающими скалы и деревья и разрывающими землю, смущают их

лишь на мгновение. Сражение продолжается пять дней, большую часть времени в беспорядочной форме, испанцы сражаются из укрытий, как индейцы.

Уррака наконец прибегает к хитрости. Отведя свои войска, как будто отказавшись от сражения, он отступает к реке Атра, месту сбора союзников с обеих сторон Кордильер. Педрариас следует за ним, думая, что на открытом месте он сможет рассеять врага и убить его. Увидев это, Уррака зовет к себе нескольких мудрых воинов и поручает им сыграть роль местных жителей, а когда их захватят испанцы, направить их к гибели. Благодаря этой уловке Диего де Альбитес попадает в засаду, то с сорока, то с шестьюдесятью людьми, едва избегая гибели.

Решившись не покидать страну, пока не достигнет своей цели, Педрариас посылает отряды против отдельных деревень союзников. Два вождя, Булаба и Муса, были захвачены, но, приняв условия мира, были освобождены. Уррака избегает еще одного общего сражения, и Педрариас возвращается в Нату. Земли и пленники делятся между солдатами, желающими остаться колонистами под командованием Диего де Альбитеса, который остается там в качестве заместителя губернатора. Шестьдесят человек решают остаться и начинают строить и сажать. Так создается город и поселение, предложенное Эспиной, которое называется Ната в честь вождя и которое сохраняет это название до сих пор, и после Панамы на тихоокеанском побережье Ната приобретает значение как испанское поселение.

Тем не менее, для бедных аборигенов это чрезвычайно тяжело: либо тяжкий труд, либо смерть. Порабощенные в рамках системы «отеческой защиты» пытаются всеми способами сбежать; если им это не удастся, то, если они не убивают себя, они вскоре умирают от жестокого обращения. Уррака не перестает внимательно следить за испанцами, нападая на них при любой возможности. Альбитес мстит частыми набегами, но, не сумев свергнуть Урраку, в конце концов заключает с ним мир. Это не нравится Педрариасу, который отзывает Альбитеса и назначает Франсиско Компаньона губернатором Наты. При новом режиме « » военные действия велись еще более энергично, но почти во всех случаях с поражением испанцев.

За пределами владений Урраки, к западу, в Верагуа, находилась провинция Чирики. Туда Педрариас послал Бенито Уртадо, чтобы основать колонию. Страна была малонаселенной, поэтому ее легко было завоевать и удержать. Действительно, вожди Чирики, Вареклас и Бурика, главные правители на территории в сто лиг, подчинились без сопротивления, и в течение двух лет колония Чирики не подвергалась нападениям. Но чем более покорным был народ, тем более требовательной становилась завоевательная раса. Не выдержав тяжести рабства, жители Чирики наконец подняли оружие. К ним присоединился Уррака, поднявший всеобщее восстание. Неспособный победить этого вождя, Компаньон решил захватить его любыми средствами. Сначала были сделаны предложения с подарками и красивыми обещаниями, и в конце концов, под самыми торжественными заверениями в свободе и безопасности, Уррака был убежден посетить губернатора в Нате. Как только он вошел в город, его схватили и заковали в кандалы. Я склонен похвалить вероломного Компаньона за то, что он не сжег своего пленника и не отдал его на съедение собакам; он лишь отправил его, нарушив свое священное обещание, в Номбре-де-Дьос, с намерением отправить его в Испанию. Однако перед отплытием корабля храбрый вождь сумел разорвать свои оковы и сбежать. Жажда мести, он поднял горы, организовал еще более мощный союз и выступил против Наты. Последовала долгая и кровопролитная война с переменным успехом. Один из самых катастрофических конфликтов произошел в начале 1527 года, во время экспедиции

против мятежного вождя по имени Трота, под командованием капитана Алонсо де Варгаса, с сорока солдатами, в основном вновь прибывшими из Испании. Протесты некоторых сторонников Троты, которые вошли в лагерь с покорным видом, но живыми глазами, побудили капитана Эль-, по рекомендации ветерана-товарища, послать Покоа, союзного вождя и проводника, с предложением мира. Как только тот скрылся из виду, он отбросил оливковую ветвь и, присоединившись к Троте, посоветовал ему воспользоваться столь выгодной возможностью для славы и мести, когда силы противника были слабы и неопытны, а их командир болен. Через четыре дня пятьсот воинов под предводительством Покоа, одетого в сверкающий золотой панцирь, напали на лагерь. Хотя солдаты были застигнуты врасплох, они сражались отчаянно, но превосходство противника было подавляющим, и Варгас пал вместе с половиной своих людей. Этот удар стал для испанцев еще одним стимулом для мести и завоеваний. Окрестности поселения были открытыми и ровными, что позволяло с успехом использовать лошадей и пушки; с другой стороны, недостаток навыков компенсировался численным превосходством, достигнутым за счет привлечения людей из отдаленных районов, а защиту обеспечивали горы, в которых можно было восстановить силы. Так война продолжалась девять лет, пока вождь Уррака не сдал свою жизнь, хотя и не от аркебузы или гончей: он умер в постели, среди своего народа, но с последним вздохом сожалея о своей неспособности изгнать ненавистных христиан.

ГЛАВА XVI.

ВОЙНЫ ИСПАНЦЕВ.

1523-1524.

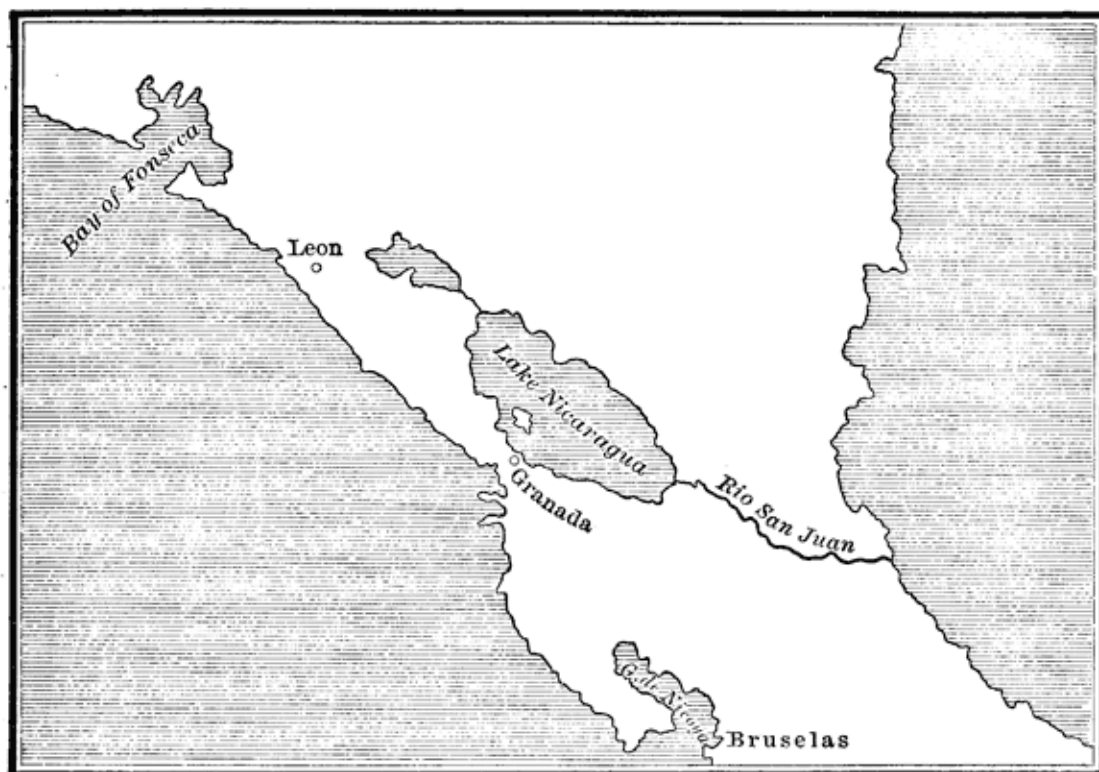
Овьедо в Испании — Он обеспечивает назначение Педро де лос Риоса губернатором Кастилии-дель-Оро — Педрариас решает завладеть Никарагуа — Он посылает туда Кордову, который основывает Брюссель, Гранаду и Леон — И перевозит корабль через сушу от Тихого океана до озера Никарагуа — Он проводит съемку озера — Узнает о скрывающихся в окрестностях испанцах — Развитие испанской колониальной системы — Гиль Гонсалес сбегает со своим сокровищем на Эспаньола — отправляет Сереседу в Испанию с информацией о своем открытии — отплывает из Санто-Доминго к побережью Гондураса — прибывает в Пуэрто-Кабальос — основывает Сан-Хиль-де-Буэнависта — встречает Эрнандо де Сото — сражение — появляется Кристоаль де Олид — основывает Триунфо-де-ла-Крус.

Едва прекрасные провинции Южного моря были подчинены испанцам, как завоеватели начали сражаться между собой. Ведь нужно признать, что ни их культура, ни их религия не мешали им вести себя подобно диким зверям и дикарям, над которыми они считали себя выше. Следуя за этими спорами, мы теперь сопроводим во втором визите в Испанию автора и ведора, а заодно и создателя губернаторов, Фернандоса де Овьедо, которого мы оставили в июле 1523 года, спасающимся от гнева Педрариаса.

На Кубе ведора принимал губернатор Диего Веласкес, на Эспаньоле он был приглашен Диего Колоном отправиться с ним в Севилью, куда он прибыл в ноябре. После представления себя Совету Индий в Бургосе он отправился в Виторию, где находился двор. Наделив Эль-Синдора-де-Ангуэла-де-Ангуэла () полномочиями действовать от имени города Антигуа, Овьедо изложил дела колонии, подал жалобы на Педрариаса и настоял на назначении нового губернатора. Этому мерилу противостояли бахильер Коррал (bachiller Corral), которого он пытался отправить в Испанию в цепях, и Исабель, жена Педрариаса. Благодаря их влиянию он оказался вовлеченным в судебный процесс, который длился два года; а за свое обращение с бахиллером он был оштрафован на сто тысяч мараведи, которые был обязан выплатить. Но в конце концов ведор одержал победу, сместив Педрариаса и добившись назначения Педро де лос Риос из Кордовы губернатором Кастилии-дель-Оро, а лиценциадо Хуана де Сальмерона — алькальдом-майором и судьей резиденции.

Перспектива скорого смещения с должности, не меньше, чем успех Хиль Гонсалеса у пресноводного моря, побудила Педрариаса закрепиться в Никарагуа до прибытия нового губернатора Кастилии-дель-Оро. Никто лучше него не знал, что по обычаям открытия и оккупации, которые теперь быстро становились законами, он не имел там ни малейшего права, поскольку не внес никакого вклада в открытие Хиль Гонсалеса и даже не одобрил его. В качестве предварительного шага к вступлению во владение этим открытием Педрариас отправил туда своего лейтенанта Франсиско Эрнандеса де Кордоба (не того, который

открыл Юкатан, хотя и имел то же имя) и капитанов Габриэля де Рохаса, Франсиско Компаньона и Эрнандо де Сото, которые отплыли из Панамы в 1524 году.

КОРДОВА В НИКАРАГУА.

Высадившись в заливе Никоя, Кордова основал поселение в Урутине, на восточном берегу, которое он назвал Бруселас, но которое просуществовало всего три года, будучи разобрано по приказу Диего Лопеса Сальседо в 1527 году. Оттуда Кордова продвинулся на север на тридцать лиг, до Некечери, на берегу озера Никарагуа, где он основал город, которому дал название Гранада, построив там крепость и церковь. В провинции Наградо [\[XVI-1\]](#) он основал еще один город, который назвал Леон. Находясь в Гранаде, Кордова вытащил на берег одну из своих бригантин, разобрал ее на части и перевез их по суше к озеру Никарагуа. После восстановления он обошел побережье Пресноводного моря и обнаружил его выход в Рио-Сан-Хуан, хотя и не спустился по течению из-за скал и порогов. Вместе с этим лидером прибыло много монахов и религиозных деятелей, некоторые из которых были весьма искушены в совершении чудес, и благодаря этому среди туземцев возник ажиотаж вокруг крещения, едва уступавший по интенсивности проявлениям, вызванным быстрыми наставлениями капитана Хиль Гонсалеса. Кордова прислал Педрариасу полный отчет о своих действиях до этого момента. Он также сообщил ему, что в тех краях скрывается группа испанцев, хотя он еще не сталкивался с ними, но послал Эрнандо де Сото, чтобы узнать, кто они.

ИСПАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ СИСТЕМА.

Колониальная система Испании, как она развивалась в Новом Свете, в то время, казалось, принимала форму политического треножника, три опоры которого были покоритель, суверен и исполнительный наместник, каждый из которых способствовал поддержке других, хотя и противоречивым и противоречивым образом. Для политической системы наций было чем-то совершенно новым, что монархия делегировала столько разнообразных полномочий на такое расстояние; в результате монархия была обеспокоена за себя и с ревностью и недоверием относилась к тем своим слугам, которым была вынуждена доверять. Стыдясь своих подозрений, суверен пытался скрыть их, применяя уловки для создания системы уравнивания, ставя одного агента следить за другим и противодействуя власти одного заместителя властью другого заместителя. Первооткрыватель, возвращаясь из опасного путешествия, должен был до конца своих дней настойчиво требовать обещанного вознаграждения; и часто он был вынужден терять не только свои услуги, но и затраченные им средства. На завоевателя в момент его триумфа должны были смотреть с неодобрением, чтобы он не забыл себя, или, вернее, не забыл своего господина. Тот, без чьих приключений царство монарха едва ли могло бы расшириться, должен был сразу же после завоевания новой территории быть отвлечен вторжением какого-нибудь профессионального губернатора, который между законом, эгоизмом и деспотизмом обычно умудрялся сорвать цели как короля, так и завоевателя, и достичь своей собственной цели в разорении и позоре. Так было на Эспаньоле, и так же происходит на Tierra Firme. Если бы Колумб был менее некомпетентен как начинающий колонизатор и как губернатор, если бы он с мудрой государственностью основал одну колонию Нового Света на твердых и либеральных принципах, вся испано-американская колониальная система в течение следующих трех столетий могла бы быть совсем другой. Если бы монарх убедился, что его заместители заслуживают доверия, он бы доверился им. Если бы он не доверял им, они бы заставили его доверять. А так они заставили его относиться к ним как к ненадежным и несправедливым, какими они и были на самом деле, то есть к тем из них, кто был компетентен. Хотя монарх был гораздо менее виновен, чем его представители, хотя, как правило, он искренне и благочестиво стремился к наилучшему благосостоянию своих подданных, цивилизованных и диких, его судьба, казалось, заключалась в том, чтобы держать колонии в постоянном брожении, в состоянии, когда каждый был против своего соседа, и под таким ядовитым и развращающим воздействием,

что самые низкие элементы достигали успеха, а самые благородные сгорали дотла. Свидетели тому — Христофор Колумб и его брат Бартоломе против Бобадила и Овандо; Васко Нуньес против Педрариаса; а теперь Педрариас и Гиль Гонсалес.

СНОВА ГИЛЬ ГОНСАЛЕС.

После возвращения в Панаму в июне 1523 года Андреса Ниньо и Гиль Гонсалеса, открывших Никарагуа, Педрариас, как мы уже видели, сразу же взялся обеспечить себе все выгоды от их приключения. И это без тени права или причины. Пилот и контора действовали по прямому поручению короля; они рисковали своей жизнью и израсходовали все свое личное состояние; в то время как губернатор не только не внес никакого вклада, но и фактически ослушался короля, отказавшись выдать корабли Васко Нуньеса и удержав людей и средства для экспедиции. Великое достижение было совершено горсткой людей, плохо вооруженных и на небольших, непригодных для плавания судах, чьи последующие страдания были в некоторой степени вызваны присущей губернатору злобой, который теперь первым бросился на золото. Он хотел получить честь уплатить пятую часть королевской казне, поскольку это было для него выгодно.

Гиль Гонсалес с радостью передал бы сокровища королевским чиновникам, поскольку он был в ярости и хотел немедленно вернуться и наказать наглых вождей Дириенгена и Никарагуа. Но когда он в соответствии со своим патентом потребовал помощи для этой цели, губернатор обещал ее только при условии, что он пойдет в качестве его лейтенанта и что война будет вестись от его имени. Контадор отказался это сделать. Тогда Педрариас заявил, что он сам возьмет на себя дальнейшее умиротворение Никарагуа и, возможно, основал колонию в заливе Фонсека; что южная экспедиция, которую он планировал, будет направлена на север, учитывая превосходные перспективы, о которых говорилось в отчетах о последних открытиях. После этого Гиль Гонсалес решил поспешить из Панамы с королевским золотом, которое было переплавлено пробирщиком, и представить дело на рассмотрение ауденсии в Санто-Доминго, а оттуда, если понадобится, отправиться в Испанию.

В Номбре-де-Дьос стояла каравелла, которую Гиль Гонсалес купил за тысячу кастельяно, и, украв из Панамы, он сбежал с золотом и отплыл на Эспаньолу, как раз когда Педрариас, преследуя его, появился на берегу с реквизицией и ордером на арест.

Королевские власти в Санто-Доминго благосклонно выслушали своего бывшего контора; сравнив его действия с инструкциями, они пришли к выводу, что он поступил достойно. Они сочли ненужным отправлять его в Испанию и решили, что он сможет лучше служить королю, продолжая свои важные открытия. Он мог немедленно отправиться на восточное побережье Tierra Firme () и искать пролив, соединяющийся с Пресноводным морем, или его выход, который, несомненно, существовал; или, если это не удастся, войти на территорию, перейти в Пресноводное море по суше, основать там колонию и построить город. С этой целью аудиенсия пообещала помочь ему собрать триста человек и пятьдесят лошадей, что вместе с кораблем, который он привез из Номбре-де-Дьос, дало бы ему достаточное снаряжение. Распределив, таким образом, королевскую долю сокровищ ^[XVI-2] между пятью кораблями, стоявшими в Санто-Доминго, в соответствии с королевскими правилами, Гиль Гонсалес отправил Антонио де Сереседа, казначею никарагуанской экспедиции, знаменитое письмо, которое я так часто цитировал, и карту побережья от Панамы до залива Фонсека, составленную с большой тщательностью пилотами экспедиции. В этом письме, после того как он рассказал об открытии и представил свои планы, автор просит монарха выплачивать его жалованье капитана его жене в Севилье для содержания и образования его детей; чтобы

границы его открытия были быстро определены, а другим завоевателям и правителям было запрещено вторгаться в них; чтобы ему были предоставлены патентные грамоты с титулом адмирала Сладководного моря, а также десятая часть доходов короля на этой территории. Если бы его величество не посчитал это желанием первооткрывателя привлечь к себе внимание, он мог бы рассказать гораздо больше; но он хотел бы сказать о пяти вещах, которые он совершил, а именно: ни один другой испанец никогда раньше не открывал столько лиг пешком с таким небольшим количеством людей и с таким скудным снаряжением; никто никогда не обращал столько душ в христианство за столь короткое время; ни один первооткрыватель до сих пор не привозил столько золота; никто не сражался со стольким количеством индейцев, не потеряв ни одного человека; и, наконец, никто до него не возвращался из путешествия-открытия, не потеряв для авантюристов стоимости снаряжения. Цереседа и письмо были благосклонно приняты императором, который приказал Гиль Гонсалесу продолжать свои открытия.

АДМИРАЛ ПРЕСНОВОДНОГО МОРЯ.

Но, не дожидаясь инструкций из Испании, Гиль Гонсалес поспешил занять то, что он обнаружил, прежде чем другие придут, чтобы оспаривать его владение. Весной 1524 года он отплыл из Санто-Доминго [\[XVI-3\]](#) к восточному побережью Никарагуа, намереваясь пересечь Сладководное море через его выпуск и тем самым избежать столкновения с губернатором Панамы; но он отклонился слишком далеко вправо и достиг материка на северной стороне Гондураса, примерно в двадцати лигах к востоку от Гольфо-Дульсе. Вынужденный из-за шторма сбросить за борт несколько лошадей, чтобы спасти свой корабль, он дал название Кабальос [\[XVI-4\]](#) порту, от которого он был вынужден в этих обстоятельствах отклониться. От этого места ветер отнес его на запад к Гольфо-Дульсе. Оказавшись в незнакомой горной местности и не зная, куда двигаться дальше, он счел безопасным в любом случае занять эту землю и основать там колонию, которую назвал Сан-Хиль-де-Буэнависта. Оставив там часть своих людей, он поплыл на восток, к месту между мысами Гондурас и Камаронес, и, хотя он все еще был далек от своей цели, он высадил войска и двинулся на юг в поисках своего Пресноводного моря.

Продолжая свой путь, Гиль Гонсалес вскоре приблизился к территории Никарагуа, но только для того, чтобы встретить Эрнандо де Сото, посланного Кордобой, чтобы выяснить, кто были соперничающие поселенцы. Гиль Гонсалес впервые узнал о присутствии Кордобы в этой местности, проходя через долину Оланчо. В таких обстоятельствах был только один способ урегулировать соперничество: старый жестокий способ, практикуемый с самого начала как дикарями, так и цивилизованными народами, и популярный сегодня среди наших самых христианских и культурных наций — слабый должен уступить сильному.

Две компании встретились в месте под названием Тореба. Был принят дикий метод ведения войны. Чуть до рассвета, когда Сото лежал, погруженный в сон, Гиль Гонсалес с частью своего отряда прокрался в лагерь врага и, подняв боевой клич «Сан-Гиль! Убейте предателей!», начал яростную атаку на своих соотечественников. Сото командовал превосходящими силами и, хотя оказался в невыгодном положении, вскоре начал бороться за победу с большими шансами на успех. Сражение продолжалось некоторое время, и несколько испанцев с обеих сторон были убиты. Наконец, Гил Гонсалес, опасаясь поражения, воскликнул: «Мир! Мир, сеньор капитан, во имя императора!» И хотя Сото подталкивали его соратники, чтобы он воспользовался преимуществом, он прекратил боевые действия и приготовился к мирному урегулированию разногласий.

Так дело и оставалось в течение нескольких дней. Но Гиль Гонсалес не имел намерения покидать поле боя, как можно было понять из его действий и слов. Он только хотел выиграть время и подтянуть остатки своих сил. Добившись этого, он снова внезапно напал на врага и после короткого, но ожесточенного сражения изгнал его с поля боя, захватив сокровища на сумму сто тридцать тысяч кастельяно. [\[XVI-5\]](#)

Удовлетворенный этим успехом и не готовый встретить превосходящие силы под командованием Кордовы, Гиль Гонсалес разоружил врага и отступил в Пуэрто-Кабальос, где ему сообщили, что из Мексики прибыл флот под командованием Кристобала де Олида, одного из капитанов Эрнана Кортеса.

ГОНДУРАС И НИКАРАГУА.

После поражения Сото Кордова принял меры для укрепления своих позиций в Леоне, построив там крепкую крепость. Кристобаль де Олид, о котором я расскажу позже, основал поселение на северном побережье Гондураса, в четырнадцати

лигах к востоку от Пуэрто-Кабальос, которому он дал название Триунфо-де-ла-Крус.^{[\[XVI-6\]](#)} Таким образом, на территории, которая сейчас входит в состав Никарагуа и Гондураса (), появилось три претендента: Гиль Гонсалес, который под покровительством короны провозгласил себя первооткрывателем; Франсиско Эрнандес де Кордова, который провозгласил себя представителем Педрариаса; и Кристоаль де Олид, который провозгласил себя представителем Кортеса и самого себя.

ГЛАВА XVII.

КОЛОНИЗАЦИЯ В ГОНДУРАСЕ.

1524-1525.

КОРТЕС В МЕКСИКЕ — РАСШИРЕНИЕ ЕГО ЗАВОЕВАНИЙ — ОПАСЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ СО СТОРОНЫ ИСПАНЦЕВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ — КРИСТОБАЛЬ ДЕ ОЛИД ОТПРАВЛЕН В ГОНДУРАС — ЗАЙДЯ В ГАВАНУ, ОН ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ВЕРНОСТИ КОРТЕСУ — ОСНОВАНИЕ ТРИУНФО-ДЕ-ЛА-КРУС — ОЛИД КАК ПРЕДАТЕЛЬ — ВСТРЕЧА С ГИЛЬ ГОНСАЛЕСОМ — ГНЕВ КОРТЕСА — КАСАС ОТПРАВЛЕН В ПОГОНЮ ЗА ОЛИДОМ — МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ В ГАВАНИ ТРИУНФО — КАСАС ПОПАДАЕТ В РУКИ ОЛИДА, КОТОРЫЙ ВСКОРЕ САМ ПОПАДАЕТ В ПЛЕН — СМЕРТЬ ОЛИДА — ВОЗВРАЩЕНИЕ КАСАСА В МЕКСИКУ — ОСНОВАНИЕ ТРУХИЛЬО — ВМЕШАТЕЛЬСТВО АУДИЕНЦИИ САНТО-ДОМИНГО.

В то время как одни испанцы заселяли перешеек и части Центральной Америки, другие занимались тем же самым в других местах. Среди последних был Эрнан Кортес, который в 1519 году отплыл из Кубы для завоевания Мексики, что было осуществлено в 1521 году. Слава этого достижения, подробности которого будут приведены в одном из следующих томов этой работы, была настолько велика, что новые полчища стекались под знамя его героя, чьи дальнейшие усилия по завоеванию в разных направлениях были не чем иным, как триумфальными походами. Практически со всех сторон его капитаны находили богатые провинции и густонаселенные поселения, которые обещали щедрые награды в виде дани, плантаций и покорных рабов; или их уши наполнялись рассказами о еще более великих городах, еще более богатых территориях, расположенных дальше. Из таких субстанций слухи надували свои яркие пузыри, которые танцевали радужными оттенками и все увеличивались в размерах перед глазами завоевателей, маня их в глубины таинственных регионов за пределами. Ненасытные, теперь их едва ли удовлетворил бы один мир.

ВИД ИЗ МЕКСИКИ.

Из нескольких направлений, по которым завоеватель отправлял экспедиции из мексиканской столицы, южные регионы казались в некоторых отношениях наиболее привлекательными. Кортесу поступила информация о высокой культуре жителей этой местности, об их многообразных богатствах, дворцах и великих городах, которые казались еще более величественными из-за тайны и удаленности. Более того, вероятность, а точнее, уверенность в том, что испанцы, движущиеся на север из региона Панамы, скоро овладеют этими землями, если их не опередить, делала задержку опасной. Поэтому Оахака и Чьяпас были быстро заставлены открыть свои ворота; и теперь грозный Педро де Альварадо, второй после самого Кортеса, вступал в Теуантепек, чтобы разорвать завесу, окутывавшую королевство Киче, и раскрыть великолепие Утатлана.

Точно так же внимание привлекало северное побережье к югу от Юкатана. Теперь его уже нельзя было назвать неизведанной страной, поскольку испанцы, как и туземцы, наполняли уши завоевателя достоверной правдой о том, чего можно было ожидать. Были лоцманы, чей

курс привел их вдоль побережья Хибуэрас, или Гондураса,^[XVII-1] и которые очаровывали своих слушателей рассказами о золоте, которое было так много, что рыбаки использовали самородки в качестве грузил. Однако в этом не было ничего удивительного для Кортеса, поскольку с момента своего первого прибытия в Мексику он получал такую информацию об этой стране Гондурас, в частности о двух провинциях, которая была правдива лишь на треть: «они намного превосходили Мексику по богатству и равнялись ей по размеру городов, количеству жителей и культуре».^[XVII-2]

Эти сообщения нельзя было игнорировать. Экспедиция в этот регион также могла бы встретиться с экспедицией Альварадо, и, увенчавшись успехом, обе экспедиции могли бы продолжить завоевание, пока только мрачный океан на востоке, западе и юге не остановил бы продвижение их войск. Велика была бы и награда в виде богатств и душ. Другое желание, открытие пролива, владело Кортесом с не меньшей силой. Теперь было известно, насколько короткое расстояние лежало между двумя океанами, и эта длинная узкая полоса земли между ними могла в одном из своих многочисленных заливов скрывать проход, хотя конкистадор искал его главным образом на севере. Этот вопрос был особо рекомендован ему императором. «Зная желание Вашего Величества, — пишет Кортес, — открыть тайну этого пролива и большую выгоду, которую от этого получит Ваша королевская корона, я оставляю все другие интересы и прибыли, чтобы следовать этому курсу».^[XVII-3] В знак своего намерения Кортес еще в 1522 году начал строить корабли в Закатуле, на Южном море, и с их помощью он собирался исследовать побережье на север, пока не найдет проход или не убедится, что его не существует. В Северном море также готовились флотилии, которые должны были плыть на север к Ньюфаундленду и на юг к перешейку.

Все экспедиции были отложены: первая из-за пожара, остальные из-за инцидентов в Пануко, которые на время отвлекли все имеющиеся силы. После устранения последней трудности Кортес вернулся к своему любимому проекту, и атлантический флот, который в течение нескольких месяцев с значительными затратами ждал приказа о отправке на юг, теперь был усилен до шести полностью оснащенных судов с почти четырьмя сотнями испанцев и тридцатью лошадьми.^[XVII-4]

Для столь важной экспедиции требовался не только храбрый и способный, но и надежный лейтенант. Среди трех или четырех человек, которых великий завоеватель ценил таким образом, был Кристобаль де Олид,^[XVII-5] упомянутый ранее, который благодаря своему видному положению при губернаторе Кубы Веласкесе был назначен капитаном под командованием Кортеса, когда тот отправился на покорение империи Монтесумы. Его преданность, мужество и способности сделали его фаворитом, и после падения Мехико он был вознагражден щедрой долей сокровищ и энкомьенд. Несмотря на недостаток искренности и глубины мысли, а также меньшую пригодность для совета, он обладал качествами, которые делали его замечательным исполнительным офицером. В то время ему было около тридцати семи лет, он имел мощное телосложение и громкий голос, что не мало способствовало его успеху как лидера.^[XVII-6]

Несколько старых ветеранов, которые в последнее время устроились на уютных плантациях, где наслаждались послевоенным покоем, были призваны на помощь Олиду. Они сделали это, хотя и не всегда с радостью. Среди них был капитан Брионес, буйный человек, который привез с собой несколько шрамов с войн в Италии и, продемонстрировав свой нецензурный словарный запас в качестве командира бригаантинов во время осады Мехико,

питал ненависть к Кортесу за услуги, которые, по его мнению, были плохо оплачены.^[XVII-7] К экспедиции присоединились два священника.

ОТПРАВЛЕНИЕ ОЛИДА.

Олиду было поручено направиться к мысу Ибуэрас и, основав укрепленное поселение, отправить три самых больших судна на Кубу за припасами, а три меньших под командованием Уртадо де Мендоса, двоюродного брата Кортеса, должны были искать пролив до Дариена, сначала исследуя залив в этой местности, то есть Баия-де-ла-Асенсьон, как гласили инструкции, откуда, по мнению многих лоцманов, пролив ведет в другое море. Флот покинул Сан-Хуан-де-Чальчиукуэкан, нынешний Веракрус, 11 января 1524 года и направился в Гавану, где агент Кортеса в то время закупал дополнительное оружие, лошадей и припасы для Олида.^[XVII-8]

Пусть предатели остерегаются измены. Кортес был неверным губернатору Веласкесу: по какому закону возмездия он мог ожидать, что подчиненные будут верны ему? Едва флот отплыл, как Брионес стал шептать своему командиру о предательстве. А когда при высадке в Гаване кубинский губернатор, полный ненависти из-за сорванных амбиций, присоединился к врагам Кортеса, чтобы повлиять на верность его капитана, Олид был потрясен. «Мексика по праву принадлежит мне, — утверждал губернатор. — Я — ваш законный вождь, и я освобождаю вас от того негодяя, за которым вы следуете. Откажитесь от него, как он отказался от меня; я предоставлю вам людей и деньги, и король узнает о вашем поступке и вознаградит вас».^[XVII-9]

Еще до того, как флот покинул Кубу, Олид определился со своим курсом. Однако он научился осторожности под руководством своего хитрого вождя и решил не предпринимать ничего решительного, пока не станет достаточно сильным и не узнает, стоит ли эта страна риска.^[XVII-10] Поэтому, высадившись 3 мая примерно в четырнадцати лигах к востоку от Кабальоса, он не только взял землю во владение от имени Кортеса, но и назначил назначенных им должностных лиц. Однако в документах о владении землей фигурировало имя Олида.^[XVII-11] Основанному здесь городу было дано название Триунфо-де-ла-Крус, в честь дня высадки.^[XVII-12]

Олид не заставил себя долго ждать и открыто заявил о своих намерениях. Большинство его соратников согласились, но некоторые выступили против. Эти последние, в количестве шестидесяти человек, под командованием офицера по имени Валенсуэла, ограбили город во время отсутствия людей, находившихся в глубине материка, захватили одно из судов и отплыли в Мексику, но потерпели кораблекрушение и умерли от голода на острове Косумель.^[XVII-13] Все мысли о поиске пролива были заброшены, и Олид решил поспешить вперед, познакомиться со страной и обеспечить ее владение. Не прошло и нескольких дней, как он наткнулся на группы испанцев, которые, как мы видели, сражались друг с другом, и присутствие Олида среди них никоим образом не способствовало уменьшению сложностей.

ГИЛЬ ГОНСАЛЕС И ОЛИД.

Гиль Гонсалес не был в состоянии противостоять такому сильному противнику, как Олид, особенно с угрожающим мстителем на ближнем западе; поэтому он счел разумным отступить, пока не сможет обеспечить свои интересы хотя бы с одной стороны путем союза. Олид же в тот момент не был достаточно силен, чтобы открыто бросить вызов известному испанскому лидеру. Поэтому он встретил предложения Гиля

Гонсалеса в дружеском духе и пытался с помощью хитроумных писем успокоить подозрения относительно своих истинных мотивов.

Уроки, которые он извлек из опыта проницательного Кортеса, явно не были напрасными. Выждав подходящий момент, когда Гиль Гонсалес доверчиво разделил свои силы, он послал Брионеса, своего маэстре де кампо, чтобы тот застал их врасплох, а сам с другой группой солдат приготовился спуститься на двух каравеллах к прибрежным поселениям. Рано утром следующего дня, когда Олид проснулся, гордясь своими хорошо продуманными планами, в комнату вбежал паж и объявил: «Два паруса на горизонте, сеньор капитан!» Олид поспешил к берегу, не без опасений, что это может быть мексиканская экспедиция, везущая, возможно, его раненого вождя.

КАСАС ОТПРАВИЛСЯ ВПЕРЕДИ ОЛИДА.

Так случилось, что пока отступник Олид находился в Гаване, королевский агент Салазар прибыл туда по пути в Мексику, чтобы вступить в должность, и слишком хорошо понял, что затевается. И он был не единственным, кто донес эту новость. Кортес услышал ее с раздутыми ноздрями, и характерное набухание его вен [\[XVII-14\]](#) свидетельствовало о гневе, который в следующий момент нашел свое выражение. «Злодей! Я воспитал тебя, почитал и доверял тебе; клянусь Богом и святым Петром, он об этом пожалеет!» [\[XVII-15\]](#) Не имея возможности лично приступить к решительному наказанию, генерал послал Франциско де лас Касаса, решительного человека недюжинных способностей, женат на своей двоюродной сестре [\[XVII-16\]](#) и поэтому пользовавшегося большим доверием. Он также полагался на многих горячих сторонников в лагере мятежников, которых не требовалось сильно убеждать, чтобы они вернулись к своему лидеру. По этой причине четыре судна, два из которых были довольно маленькими, [\[XVII-17\]](#) и сто пятьдесят человек были сочтены достаточной силой для подавления узурпатора.

Когда флот приблизился к Триунфо, был захвачен лодочник, который сообщил о положении дел, и, войдя в гавань, Касас поднял флаг мира в надежде, что дружеские предложения могут вызвать революцию настроений среди части мятежников в пользу его вождя. Однако Олид, который сразу заподозрил характер прибывших, знал об опасности переговоров, тем более что большая часть его сил отсутствовала. Храбрый и решительный, он приказал укомплектовать две каравеллы и открыл огонь, чтобы предотвратить высадку. Увидев, что его предложения игнорируются, Касас ответил с таким же упорством, одновременно прикрывая действия лодок, которые он отправил. Это было необычное зрелище для этих мест — испанцы сражались с испанцами в регулярном морском бою; и когда из дыма над спокойными водами вылетали свистящие снаряды, сопровождаемые то и дело грохотом, а шум сражения разносился по покрытым лесом холмам, смуглые зрители, выстроившиеся вдоль берега, должны были быть чрезвычайно благодарны за это бесплатное проявление мудрости и мощи европейской цивилизации, которая пришла так далеко, чтобы научить их такому искусству. [\[XVII-18\]](#) Вскоре, среди гула пушек и тусклых языков пламени, раздались крики отчаяния, за которыми вскоре последовали крики победы. Артиллеристы Олида нашли себе достойных противников. Одна из его каравелл тонула, а атакующие корабли приближались ко второй. Поспешно отдав сигнал к отступлению, он направился к берегу, потеряв нескольких человек, [\[XVII-19\]](#) послав тем временем лодку к победителю с предложением перемирия на условии, что высадка не будет произведена до завершения переговоров о капитуляции. Касас соглашается, и Арес надевает маску Паллады. Первым действием Олида при виде флота было отправление гонца к своему лейтенанту Брионесу с просьбой о срочной помощи. Теперь можно было выиграть время переговорами. Но к тому же лейтенанту отправился другой гонец от Касаса с самыми заманчивыми обещаниями

активной или пассивной помощи. И в этом Касас преуспел настолько, что Олид тщетно ждал подмоги, в то время как его противник, рассчитывая на дополнительную поддержку в самом лагере, уверенно стоял на якоре, ожидая рассвета. [\[XVII-20\]](#)

ОЛИД ЗАХВАТЫВАЕТ СВОИХ ВРАГОВ.

Так золотая цепь предательства простиралась от столицы Индий через Мексику до пустынь Центральной Америки: Веласкес восстал против Диего Колона, Кортес против Веласкеса, Олид против Кортеса, а Брионес против Олида. Но что может хитрость человека против богов! В ту ночь на гавань обрушилась буря, и в течение часа недавний победитель, потеряв свои корабли и около сорока человек, оказался на берегу, присягая на верность врагу. [\[XVII-21\]](#) Измученный волнами и лишенный оружия, Касас был выловлен ликующим Олидом.

Следующим шагом было поимка бежавшего Гиль Гонсалеса, который был застигнут врасплох в Чоломе и доставлен в штаб, [\[XVII-22\]](#) который тем временем был перенесен в Нако, плодородную и здоровую долину примерно в двадцати лигах от Кабальюса, занимавшую центральное положение и обильно снабженную средствами к существованию.

Олид был щедрым тюремщиком. Он не испытывал подозрительного страха, который приводил к применению наручников и кандалов. Касас и Хиль Гонсалес были скорее гостями, чем заключенными; им предоставляли места за столом Олида и позволяли участвовать во всех застольях. Фактически они пользовались всеми свободами, за исключением права пересекать установленный для их передвижений предел. Увидев, что хозяин так снисходителен, Касас также начал просить об освобождении. Он хотел предстать перед Кортесом и оправдать свое поведение. Олид, конечно, не согласился. «Вы слишком приятный собеседник, чтобы я вас потерял», — улыбаясь, сказал он своему пленнику. «Ах, ну что ж, ваша светлость, — ответил Касас, — молитесь Богу, чтобы я не оказался настолько приятным, что однажды убью вас». Пленники не упустили возможности, которые предоставил им доверчивый хозяин, и, обнаружив, что Брионес выступил в качестве мятежника, они обрели достаточное доверие, чтобы организовать заговор. В один из вечеров за столом были зарезервированы места для двух сообщников, а рядом находились другие, ожидавшие назначенного сигнала. Касас, всегда бывший самым приятным компаньоном, в этот раз превзошел сам себя, и если бы Олид не был таким доверчивым, он бы проникся завесу притворства, окутывавшую разговор. Когда стол был убран и слуги удалились, заговорщики обменялись взглядами; после чего один из них, Хуан Нуньес де Меркадо, прошел за спину Олиду () и, схватив его за голову, откинул ее назад, а Касас, сидевший рядом с ним, встал, схватил его за бороду и начал резать ему горло карманным ножом, крича: «Тиран! земля больше не будет терпеть тебя». Гил Гонсалес мгновенно оказался с другой стороны Олида и ударил его ножом в грудь. Однако, несмотря на все свое преимущество, они поступили неаккуратно, порезав старого героя. Он был сильным человеком и через мгновение пришел в себя и начал отбрасывать своих нападавших вправо и влево. Он позвал свою охрану, но заговорщики быстро их обезвредили. Однако Олид сумел сбежать и добрался до зарослей, где упал, потеряв сознание от потери крови. Заговорщики громко кричали, утверждая, что он мертв, и призывали всех присутствующих во имя императора и Кортеса собраться вокруг Касаса. [\[XVII-24\]](#) Никто не осмелился отказаться.

СМЕРТЬ ОЛИДА.

Тем временем Кристоаль де Олид, один из самых гордых из гордых завоевателей Мексики, почувствовал, что ножи этих убийц оказались для него слишком сильным ударом. Тот, кто столько раз сталкивался со смертью ради великой цели, теперь должен был умереть от подлых ударов, нанесенных соотечественниками. Да, он был

мятежником. Но таким же был и его господин. И кто из присутствующих не отказался бы от верности в тот момент, когда этого требовали их интересы? Холодная рука смерти обхватила его. Какая польза была в этот момент от перенесенных лишений и от тех позорных деяний, которые он недавно совершил, сокрушив Монтесуму и его народ? Поползнув к индейской хижине, он умолял о приюте и тайне, предлагая все свое богатство за эти милости и еще одну — чтобы привели священника. Сколько представителей этой расы умоляли его, и умоляли напрасно! Владелец хижины отправился выполнять поручение. Было почти невозможно, чтобы умирающий конкистадор не был обнаружен, но умереть без исповеди было смертью втройне. Вслед за священником, как жаждущие крови гончие, следовали убийцы, которые, теперь, когда их благородная добыча была поражена, набрались мужества, чтобы отрубить ему голову по закону. Вытащив умирающего, они собрали суд, который в ту же ночь объявил его предателем и приговорил к смерти. Как будто в их пользу, жизнь задержалась с заключенным до утра, когда его привели на площадь, с полузакрытыми глазами, чтобы он принял приговор. Там и тогда завершилась ужасная насмешка; и когда голова была отрублена, не раздалось ни одного голоса, ни одна рука не пошевелилась в знак сочувствия к доблестному солдату, который так часто вел своих людей к победе и чья рука была так же щедра, как и его голос, подбадривающий солдат. [\[XVII-25\]](#)

Став теперь хозяином положения, Касас произвел некоторые необходимые изменения среди чиновников, чтобы обеспечить плоды победы. Поскольку Триунфо оказался небезопасным, было решено основать поселение в более надежной гавани. Около восьмидесяти человек записались в поселенцы, и был назначен муниципалитет с рекомендацией выбрать место в Пуэрто-де-Кабальос, если оно будет признано подходящим, и назвать город Трухильо, в честь родного города Касаса. [\[XVII-26\]](#) Желая облегчить беспокойство Кортеса и проконсультироваться с ним, Касас не стал дожидаться выполнения этого решения, а выбрал Хуана Лопеса де Агирре, первоначально казначея, своим заместителем, которому помогали новые акальдес, Мендоса и Медина, последний также был контадором, и отправился в обратный путь в Мексику. Его сопровождало большое количество людей, и в провинции осталось лишь чуть более ста сторонников Кортеса. [\[XVII-27\]](#) Среди тех, кто ушел, был Гиль Гонсалес, слишком опасный человек, чтобы оставить его, который должен был явиться перед Кортесом и договориться с ним о том, какую долю в провинции он может сохранить, если таковая имеется. Между тем его люди, по-видимому, остались владельцами района Нито. [\[XVII-28\]](#) Маршрут пролегал через Гватемалу, по позднейшей трассе в Мексику. По дороге они встретили Брионеса, который полагал, что его дезертирство из Олида дает ему право на уважение со стороны врага Олида. Но никто не любил этого человека и, кроме того, считая его опасным для мира в Гондурасе, приняли меру предосторожности и повесили его.

Лейтенант Агирре провел свою группу в Кабальос, как было велено, но место не встретило общего одобрения, и, когда прибыло судно с восторженным описанием Пуэрто-де-Гондурас, было решено отправиться туда. Судно было зафрахтовано, и Агирре поднялся на борт с почти сорока людьми, несколькими местными слугами, а также запасами и другими предметами, которые группа, путешествующая по суше, не могла удобно перевозить. Когда сухопутная экспедиция достигла порта, там не было никакого судна. После тщательных поисков возможных следов кораблекрушения была найдена надпись Агирре, призывающая людей не огорчаться; он отплыл за припасами и скоро вернется. Ирония этого сообщения была слишком очевидна, и они с горечью осудили дезертиров, которые не только унесли с собой сокровища и имущество, но и бросили их на чужом берегу с скудным вооружением.

Теперь их главной опорой были лошади. Несмотря на скудные запасы, они остались и, избрав Алькальде Медину капитаном, 18 мая 1525 года отправились основать Трухильо и назначить офицеров. [\[XVII-29\]](#)

ВЛАСТИ САНТО-ДОМИНГО.

Однажды утром, вскоре после этого, была замечена приближающаяся каравелла, и чиновники с нетерпением отправились ей навстречу. Но это была не их каравелла. Аудиенция Санто-Доминго услышала о грозящем столкновении соперничающих фракций в Гондурасе и о том, что Касас подливает масла в огонь. Они хотели, чтобы их власть была ощутима в этих краях. Они хотели сломить дух этих буйных губернаторов. В этом случае фискал Педро Морено, который был лучшим торговцем, чем судьей, был отправлен великим трибуналом в Гондурас, чтобы отправить Касаса, запретить Кордобе и Альварадо вмешиваться, навязать Олиду и Гиль Гонсалесу власть аудиенции с предписанием мирно занимать только ту часть, которую они первыми заняли, и сдать фискалу королевскую пятую часть. Для покрытия расходов комиссии на фрегат, зафрахтованный за счет короны, были погружены оружие и провизия, которые должны были быть распределены среди нуждающихся колонистов с прибылью. Если бы предприятие увенчалось успехом, судьи могли бы присвоить себе часть прибыли; если бы оно закончилось неудачей, кто, как не монарх, был бы так хорошо подготовлен к тому, чтобы понести убытки!

Медина рассказал Морено о проблемах колонистов, в том числе о дезертирстве Агирре, и обратился к нему с просьбой о помощи. Он также попросил оружие. Морено предложил удовлетворить потребности колонии только при условии, что она перейдет из-под власти Кортеса под власть аудиенции, как агентов императора, и примет в качестве капитана Хуана Руано, одного из офицеров Олида, как это сделали люди Гиль Гонсалеса. [\[XVII-30\]](#) Под давлением необходимости колонисты согласились. Одним из первых действий в связи с переходом было изменение названия Трухильо на Асенсьон. После рейда с целью похищения людей из соседнего пуэбло Морено ушел с около сорока рабами, пообещав вскоре вернуться с силами, достаточными для удержания провинции. [\[XVII-31\]](#) Едва его парус исчез из виду, как колонисты восстановили флаг Кортеса и отправили Руано вслед за своим покровителем, напомнив ему, что только его умеренность и усилия в их интересах спасли ему жизнь.

ГЛАВА XVIII.

ПОХОД КОРТЕСА В ГОНДУРАС.

1524-1525

Сомнения относительно Касаса — Кортес, уставший от бездействия, решает лично отправиться в Гондурас — отправляется с большой группой — прибывает в Гоазакоалько — веселая армия вскоре попадает в беду — путь преграждают большие реки и глубокие болота — нехватка провианта — страдания солдат — Хитрость торговца-касики — Убийство пленных королей — Апостроф боевого коня — Страхи перед восстанием испанцев рассеялись при приближении к Нито.

Чрезмерная алчность никогда не была характерной чертой Кортеса, но когда человек достигает вершин богатства, власти или славы, кажется естественным, и даже ожидаемым, что он становится подлым, жадным, бесчувственным к человеческим страстям, равнодушным к благородным чувствам, рабом алчности и амбиций. Жадность составляет немалую часть величия.

К северу от мексиканской столицы простирались безграничные земли; Кортес не мог сказать, сколько их могло быть на западе; поэтому можно было бы подумать, что он вполне мог бы оставить своим соотечественникам на юге что-то за их труды; что он мог бы даже дать своим капитанам независимые правительства, не умаляя своей мужественности.

Но, несмотря на то, что страна Гондурас была незначительной для Кортеса, а ссоры ее жителей — мелкими, они все же были предметом заботы великого вождя. Как только Касас покинул берег Чалчикуэкана, Кортес начал сомневаться в мудрости своего решения посылать одного слугу за другим (). Чем больше он размышлял о популярности Олида и численности его людей, о сравнительно непроверенных способностях своего противника и о предполагаемом богатстве страны, тем больше он опасался за результат и желал быть там лично. [\[XVIII-1\]](#) Не говоря уже о жажде власти, это желание усиливала мелочная шпионская деятельность, которой имперские офицеры подвергали каждое его движение. Он жаждал странствовать с единомышленниками по диким южным землям, где, согласно местным преданиям, находились величественные города и дворцы, наполненные сокровищами. Он жаждал встретить достойного противника. Пока он лелеял эту мечту, в нем росло волнение от перспективы проникнуть в неизвестные регионы, преодолеть трудности и опасности и открыть что-то новое, что-то поразительное; возможно, он найдет давно искомый пролив.

Один намек в этом направлении был достаточен, чтобы вызвать беспокойство как друзей, так и врагов. Он был вдохновителем всех начинаний и защитником. Если бы он ушел, все вернулось бы к хаосу, и все еще колеблющиеся туземцы, которые уважали и боялись Малинче, как мексиканцы называли Кортеса, больше, чем любое войско, могли бы подняться и подавить их.

Убеждения в этом смысле были настолько настойчивыми и всеобщими, что он уступил или сделал вид, что уступил. [\[XVIII-2\]](#) Но дух кастильского исследователя, однажды пробудившись,

не мог быть подавлен. Он чувствовал, что слишком долго бездействовал, поэтому написал своему монарху, что должен сделать что-то на службе Его Величества.^[xviii-3] Подготовка была возобновлена под предлогом того, что недовольство в регионе Гоазакоалько требовало его личного внимания.

ПЕРСОНАЛ АРМИИ.

Он вышел из Мехико в конце октября 1524 года,^[xviii-4] оставив управление страной в руках людей, чьи лести ослепила его и не дала ему увидеть их коварные замыслы. Отряд состоял из около ста всадников, половина из которых имела дополнительных животных, около сорока лучников и аркебузирова, а также трех тысяч местных воинов и слуг,^[xviii-5] последние в основном находились под руководством трех свергнутых правителей, Куаутемоцина, последнего императора Мексики, Тетлепанкецалья, короля Тлакопана, и Коуанокоча, короля Тецкуко, а также пяти или шести плененных вождей, которых считалось небезопасным оставлять позади.^[xviii-6]

Среди ведущих офицеров в свите были альгуасил-майор, Сандовал, Окампо, Ирсио, Сааведра, Градо и ряд лиц, которые выполняли функции домашних чиновников и камергеров лидера. Была также свита пажей, молодых людей из хороших семей, среди которых был молодой Монтехо, впоследствии завоеватель Юкатана, а также ряд музыкантов, жонглеров, акробатов и клоунов.^[xviii-7] Кортес имел природную склонность к пышности, той пышности, которая с достоинством украшает поистине великих. Церковь представляли священник и три монаха; главным среди переводчиков была Марина, мексиканская девушка, чей ясный ум и преданное сердце не раз спасали кастильских завоевателей и сохраняли их лидера для ее любви.

Марш был направлен в Эспириту-Санто, место смотра, недалеко от устья Гоазакоалько. По дороге группа стала объектом ряда демонстраций, и поселенцы Гоазакоалько, включая «истинного историка» Бернала Диаса, вышли в процессии с фейерверками и маскарадом, чтобы провести могущественного завоевателя под триумфальными арками и среди салютов в его квартиру. Однако радость смешивалась с опасениями, поскольку небольшие силы и еще меньшее снаряжение вызывали страх, что может быть введен набор в армию. Это оказалось слишком правдивым, и в то время как некоторые присоединились по собственной воле, ослепленные блеском имени лидера, другие, довольные *repartimiento* индейцев, которые существовали только для того, чтобы удовлетворять их потребности, не спешили вступать в ряды.^[xviii-8] Вожди соседних племен были вызваны для дачи сведений и продемонстрировали удивительное знание страны на юге, вплоть до владений Педрариаса. Они также подготовили карту на ткани, на которой были подробно изображены различные реки, горы и пуэбло на пути к Нито,^[xviii-9] некоторые из которых были разорены испанцами и теперь были заброшены. Рукописная карта этого обширного региона, заполненного большими городами и богатыми провинциями, побудила Кортеса продвигаться прямо к Гондурасу и отказаться от идеи пройти через Гватемалу, которую он когда-то лелеял.^[xviii-10] Однако ни карта, ни воображение не смогли адекватно отобразить обширные болота и трясины, чередующиеся с бесчисленными реками, которые служили для туземцев магистральями. Ловкий и необремененный индеец не мог ясно понять трудности, которые это представляло для тяжелой кавалерии, поскольку в своем легком каноэ он мог мчаться по могучим рекам, проходить по притокам и проникать далеко вглубь первобытных лесов по более мелким ручьям.

ВЕСЕЛЯЯ КОМПАНИЯ.

После недельного пребывания экспедиция двинулась дальше. Акробат и скрипач шли впереди, исполняя веселые танцы, возможно, танцы

смерти; сзади шло стадо свиней, которое, однако, держали на безопасном расстоянии, чтобы его присутствие не слишком разжигало аппетит голодных солдат. Четыре пушки, количество стрелкового оружия, боеприпасы и припасы были отправлены на корабле в Рио-Табаско, а за ними должны были последовать две небольшие каравеллы из Медельина, груженные провизией. Отсюда планировалось, что одна из них будет следовать вдоль побережья к западу от Юкатана, который все еще считался островом, чтобы иметь возможность поставлять припасы по запросу сухопутных войск, которые также планировали следовать вдоль побережья. Сезон дождей еще не закончился, и даже ручьи превратились в бурные реки. Два ручья, расположенные соответственно в девяти и восемнадцати лигах от Эспириту-Санто, пришлось пересекать на каноэ, лошади переплывали вплавь, [\[XVIII-11\]](#) а за ними текла еще более широкая река, для пересечения которой потребовался мост длиной девятьсот тридцать четыре шага. О сложностях похода можно судить по тому, что при пересечении провинции Копилько пришлось построить целых пятьдесят мостов на расстоянии двадцати лиг. [\[XVIII-12\]](#) Это был богатый департамент с полудюжиной главных пуэбло, и, имея в изобилии продовольствие, им было приказано отправлять дань натурой в Эспириту-Санто. После пересечения крутого хребта был достигнут широкий приток Рио-Табаско, [\[XVIII-13\]](#) где войска были встречены приветствиями прибывших двадцати каноэ, груженных продовольствием с одного из кораблей. Коренные жители провинции также явились по приказу и помогли переправиться через реку и проложить путь по густо заросшему лесом берегу к столице провинции Чиуатлан [\[XVIII-14\]](#), расположенной в двенадцати лигах вверх по течению реки. Когда они приблизились к ней, проводники и саперы внезапно исчезли в густых зарослях джунглей. Через несколько шагов тропа вышла на перекресток притока реки, и на нескольких берегах открылся большой пуэбло, тихий как могила; но дым, все еще поднимавшийся из руин, показывал, что он был заброшен совсем недавно. В ближайшем пригороде, насчитывавшем около двухсот домов, они пробыли почти три недели. Тем временем через болото был построен мост длиной в триста шагов, и были отправлены экспедиции для тщетных поисков надежных проводников и для исследования окрестностей. [\[XVIII-15\]](#)

Следующей целью был Чилапан, столица одноименной провинции; его они также нашли сожженным и заброшенным, но хорошо снабженным продовольствием. Переправа через реку, которая задержала армию на более чем неделю, была осуществлена на плотках, но, несмотря на все меры предосторожности, бурный поток нанес ущерб багажу. За этим лежал болотистый участок протяженностью всего шесть лиг, но настолько трудный, что задержал их на два дня. Лошади сильно страдали, погружаясь по уши, как выражается Кортес, и ставя под угрозу безопасность людей в своих попытках выбраться, так что погибли три испанца (), помимо нескольких индейцев. [\[XVIII-16\]](#) После недельного отдыха в разрушенном, но хорошо снабженном Тамаказтепеке, они совершили еще одно трехдневное путешествие по болотам, прежде чем достигли Истапана, красивого большого пуэбло на берегу Усумасинта, сожженного и заброшенного, как и предыдущее. Похоже, что чиуатлатеки в своем диком бегстве распространили самые ужасающие истории о жестокости и жестокости испанцев. Боязливость туземцев доставляла неудобства, и были отправлены проводники, чтобы заверить жителей в мирных намерениях захватчиков. Вождей побуждали лично выразить свою покорность, и они были вознаграждены подарками, сопровождавшимися громкими речами о «величайшем принце на земле» и о миссии, которую он поручил Кортесу, чтобы исправить зло, даровать блага и указать путь к спасению. [\[XVIII-17\]](#)

ПОБЕДА И ПОКОРЕНИЕ.

Была взята неделя отдыха, в течение которой полдюжины испанцев были отправлены вверх по реке на каноэ, чтобы принять подчинение

вождей, не говоря уже о сопровождающих подарках, которые должны были показать богатство района. Трое солдат были также отправлены вниз по течению, в Табаско, с приказом для флота отплыть в бухту Асценсьон, [\[XVIII-18\]](#) после отправки лодок с провизией и припасами в Акалан. Он должен был следовать вдоль берега, чтобы, по возможности, находиться поблизости от армии, поскольку, как пишет Кортес, «считается, хотя и не с уверенностью, что туземцы проходят через залив Терминос к другому морю, оставляя Юкатан островом». Одним из трех солдат, несущих инструкции, был Франсиско де Медина, вспыльчивый, жестокий, но способный человек, обладавший некоторыми знаниями о стране и языке, который сумел втереться в доверие к своему начальнику настолько, что получил поручение разделить командование флотом с фактическим капитаном, Симоном де Куэнка, одним из майордомов Кортеса. Добравшись до кораблей в Сикаланко, он стал вести себя высокомерно и поссорился с Куэнкой из-за командования, что привело к драке. Поняв, что происходит, туземцы воспользовались моментом, напали и убили экипаж, разграбили корабли и сожгли их, чтобы уничтожить улики. Новость распространилась до самой столицы, хотя и в искаженном виде, что создало впечатление, будто Кортес и все его войско погибли. Беспокойство стало настолько велико, что Ордас, один из любимых офицеров Кортеса, отправился среди других, чтобы выяснить правду. Следуя по побережью по воде, он достиг места убийства и получил такие доказательства, которые заставили его заявить, что великий лидер действительно мертв. В его честь были проведены похороны в Мехико, после чего лишь немногие доверчивые люди надеялись увидеть его снова. [\[XVIII-19\]](#)

Продолжив путь в Татаутлапан, Кортес обнаружил, что город частично сожжен и покинут всеми, кроме двадцати местных жрецов, которые, вдохновленные чувством долга, решили остаться и умереть вместе с идолами, как предписано оракулом. Чтобы показать их бессилие, изображения были уничтожены, а хранители были призваны посвятить себя почитанию креста, милосердному вдохновению которого они обязаны своей безопасностью. Для Кортеса было священным долгом воздвигнуть христианский символ во всех пуэбло и местах стоянок, и там, где росли цеибы, из них делали кресты, которые, заново расцветая, стояли как живые символы спасительной веры. На крестах были прикреплены объявления об экспедиции. В этом регионе сегодня существует деревня под названием Лас-Трес-Крусес, от трех крестов, которые, как говорят, оставил Кортес. Это место находится всего в тридцати милях от знаменитых руин Паленке, но завоеватели не упоминают о потрясающих сооружениях, бесподобных дворцах и любопытных скульптурах, которые там существуют. Когда-то этот город был объектом восхищения и поклонения бесчисленных паломников из дальних районов, а теперь он лежал, окруженный густыми лесами, и только предания говорили о его былой славе. Возможно, для искателей сокровищ было даже к лучшему, что растительность заглушила следы дорог, которые в прошлом, должно быть, вели к святилищу «дерева жизни» из малярийных низин региона Усумасинта, ибо вид такого величия мог бы пробудить надежды, которые никогда не осуществились бы, и подтолкнуть к экспедициям, заканчивавшимся только катастрофой.

ТЕМНЫЕ ЛЕСА И БОЛОТА. Теперь они направились к Уэтепану, [\[XVIII-20\]](#) расположенному выше по течению реки, и, перебравшись через болото, погрузились в лес, густой порослью закрывавший даже свет неба. [\[XVIII-21\]](#) Здесь они два дня блуждали по тропе саперов, пока не оказались снова на уже пройденном пути. Под давлением обеспокоенных вождей проводники воскликнули, что они заблудились. Это признание было не без опасности, поскольку провизия была исчерпана, и люди были полны мрачных предчувствий, которые многие выразили проклятиями в адрес своего лидера за то, что он

привел их в такое положение. Они потребовали забить свиней, но майордмо, который благоразумно оставил стадо позади, намекнул, что их съели аллигаторы. Им пришлось довольствоваться скудной пищей из корней и ягод. Тем временем Кортес обратился к своим картам и компасу и решил, что северо-восточный курс является наиболее вероятным для достижения его цели. Этот расчет оказался верным, и хотя место было в руинах, там было достаточно еды, чтобы похоронить мрачные мысли в пирушке. Солдаты, отправленные на поиски проводников, обнаружили чуть дальше реки озеро, где жители укрылись в каноэ и на островах. Узнав, что их обнаружили, туземцы без страха вышли навстречу и заявили, что испанская экспедиция из Истапана успокоила их настолько, что брат вождя присоединился к отряду с четырьмя вооруженными каноэ для сопровождения. Лодки, которые были отозваны, привезли доказательства подчинения четырех или пяти пуэбло в виде груза меда и других деликатесов, а также небольшого количества золота. Аналогичные подарки поступали из разных пуэбло, жители которых приходили посмотреть на бородатых людей.

[\[XVIII-22\]](#)

Как и в предыдущих случаях, были отправлены разведчики, чтобы доложить о дороге, но, обнаружив, что на некотором расстоянии она относительно проста, они пренебрегли осмотром остальной части, [\[XVIII-23\]](#) и ввели армию в заблуждение относительно характера маршрута. Далее простиралась обширная провинция, ограниченная Лагуна-де-Терминос, широкой рекой Усумасинта и горными хребтами Вера-Пас, низменная местность, изобилующая болотами, миазматическими заливами и извилистыми реками, впадающими в Терминос. Плодородие этой естественно орошаемой местности, не без основания называемой Акалан, «земля лодок», было очевидно по буйной растительности и большому разнообразию продуктов. Дорог не было, но многочисленные ручьи служили сетью магистралей, которые предприимчивые туземцы не преминули использовать для перевозки излишков продукции в засушливые и менее богатые провинции, особенно на северо-восток и юг, и для возвращения рабов и компактных сокровищ. Для народа, занимающегося торговлей, было вполне естественно выбрать правителем самого богатого торговца, и таким был нынешний правитель по имени Апочпалон [\[XVIII-24\]](#). К нему были отправлены несколько испанцев и индейцев [\[XVIII-25\]](#) с успокаивающим посланием и приглашением встретиться с Кортесом.

СТРОИТЕЛЬСТВО МОСТА.

После трехдневного марша по неровной горной тропе армия внезапно обнаружила, что путь преграждает глубокий канал шириной в пятьсот шагов с слизистыми берегами. Проход оказался возможным только с помощью моста, который требовал кропотливого труда, поскольку глубина воды и грязи составляла целых шесть сажен. Ужас был велик, поскольку провианта почти не осталось, а пересечь гору в таких условиях было чрезвычайно сложной задачей. Усталые солдаты громко заворчали, увидев преграду, а когда Кортес с присущей ему смелостью отдал приказ построить мост, они почти подняли бунт. Однако лидер попадал и в более серьезные затруднения. Он знал все черты характера испанского солдата и был искусен в умиротворении. Он показал бесполезность отступления, поскольку, помимо горной дороги, такой длинной и трудной, к этому времени паводки, должно быть, смыли все средства для перехода через реки, а в заброшенных пуэбло не осталось провианта. С другой стороны, перед ними лежала земля изобилия, пронизанная золотом. Он гарантировал, что мост будет построен в течение пяти дней, а если это не удастся, то он пойдет на поводу у них. Хитроумный Кортес! Если бы ему удалось убедить их приступить к работе, он был уверен, что его ум обеспечит ее завершение. Но люди оставались угрюмыми. Они умрут от голода, прежде чем мост будет построен. До Хибуэрас никогда не доберутся. «Хорошо, — сказал

Кортес, — будьте зрителями, я построю мост с помощью одних только индейцев». Последних нужно было убеждать недолго, поскольку вожди были в руках тирана, и их слово было законом для их последователей. Были срублены деревья, и с помощью плотов началось забивание свай. Стыдясь этой меры, испанцы присоединились к работе, и чтобы подбодрить их, одинокому музыканту, который не пал духом под тяжестью похода, приказали сыграть несколько веселых мелодий. Но люди закричали: «Тихо! Нам нужен хлеб, а не музыка». Пустые звуки не могли утолить муки голода.

В то время как одни усердно трудились на мосту, другие отправились на поиски корней и ягод, но без особого успеха. Охваченные голодом и усталостью, многие легли умирать, а чтобы добавить к списку ужасов, несколько индейских проводников были схвачены местными помощниками и приготовлены на огне. Среди жертв этого приключения, по словам Торквемады, был Фрай Хуан де Текто, который, измученный голодом, прислонился головой к дереву и сдался. [\[XVIII-26\]](#)

БОЛЬШЕ И ГЛУБЖЕ БОЛОТА. До истечения недели мост был построен, что было действительно мучительной работой для ослабевших людей, плохо оснащенных средствами, чтобы выполнить ее за столь короткое время. Он состоял, по словам Кортеса, из тысячи деревьев длиной от девяти до десяти сажень, самые маленькие из которых были почти толщиной с человека, помимо количества мелкого леса, скрепленного деревянными кольями и прутьями. В течение многих лет этот и несколько других «мостов Малинче» оставались источником пользы и удивления для туземцев, которые заявляли, что для белого человека нет ничего невозможного. [\[XVIII-27\]](#) Голод и тяжкий труд на время были забыты в поздравлениях по поводу завершения строительства сооружения, но их радость была недолгой. Едва армия перешла мост, как ее авангард подошел к болоту, которое превосходило по сложности все встреченные до сих пор. Лошади погрузились в трясины почти до неузнаваемости, и только благодаря совместным усилиям армии животные, от которых так сильно зависел их успех, были наконец вытащены. После этой неприятности их подбодрило прибытие Бернала Диаса, который отсутствовал, занимаясь поиском продовольствия. Не всегда он возвращался с таким богатым урожаем, но сейчас у него было сто тридцать грузов кукурузы, а также большое количество птицы и других продуктов. Иногда он не мог ничего найти, а иногда то, что находил, прятал, чтобы не голодать вместе с голодающей армией. Он был уверен, что его вырвут из рук, как только он войдет в лагерь, и так и произошло в этот раз: солдаты набросились на провизию и пожрали ее, как голодные волки. Во время этой суматохи были захвачены и запасы, предназначенные для офицеров, так что сам генерал не получил ни крошки. К счастью, Бернал Диас, проявив свою обычную предусмотрительность, спрятал часть этих самых провиантов, и Кортес, заподозрив это, так ласкал и хвалил старого солдата [\[XVIII-28\]](#), что тот не имел больше сердца удерживать провизию.

Вместе с Берналом Диасом прибыли также посланцы от вождя, принесшие подарки, в том числе немного золота, и предложившие гостеприимство своего царства. На следующий день экспедиция достигла Тисапетлана, где была приготовлена еда. Там она осталась на неделю. Внимательные туземцы были не менее потрясены количеством захватчиков, чем их странным внешним видом. Лошади были постоянным источником удивления, и им приносили в жертву розы, чтобы успокоить гнев, проявлявшийся в их яростном топанье

копытами. Вождь-торговец считал благоразумным быть подобострастным по отношению к таким грозным людям, но, увидев, как исчезает перед ними еда и как жадно присваиваются все ценности, он задрожал от страха. Если они были довольны тем, что остались и пировали в течение недели в одном из его жалких приграничных городков, то как долго они могли бы задержаться в центральных городах более богатых районов? Чтобы избавиться от этих корморанов, вождь притворился мертвым и велел своему сыну быстро отвести их на земли соседа. После похоронных обрядов и обмена подарками молодой человек обратился к испанцам. «Вы хотите добраться до поселений своих соотечественников в Гондурасе. Они находятся совсем рядом; всего в восьми днях пути отсюда находится Нито, где есть плавучие дома и бородатые мужчины на гигантских оленях».

Он мог это подтвердить, поскольку там была фабрика Акалана, во главе которой стоял брат Апочпалона, который рассказал ему об этом. Эта новость больше соответствовала целям вождя, чем любой уловке, и экспедиция с нетерпением поспешила в Теотилак, [\[XVIII-29\]](#) расположенный в пяти или шести лигах, куда ее провел послушный молодой вождь по окольному пути. [\[XVIII-30\]](#)

Правитель Теотилака был отнюдь не рад тому, что на него обрушилась эта голодная армия, и он рассказал Кортесу о хитрости Апочпалона. Тогда Кортес приказал немедленно вызвать мертвеца. Через два дня правитель-касик прибыл, выглядя весьма виноватым. Он привел бесчисленные оправдания и в качестве компенсации предложил гостеприимство столицы. Предложение было слишком заманчивым, чтобы не простить его.

Один из двух храмов, служивших штабом армии в Теотилаке, был занят богиней, чьи яростные страсти можно было умиловить только кровью прекрасных дев. Чтобы гарантировать подлинность вестальского жертвоприношения, чтобы ошибка не сделала его бесплодным, девочек отбирали в младенчестве и воспитывали в строжайшей изоляции в стенах храма, пока не наступал момент, когда их прекрасные тела должны были быть принесены в жертву. Кортес пытался убедить народ в абсурдности столь жестокого суеверия и уничтожил идола.

ЗАГОВОР ПЛЕНЕННЫХ КОРОЛЕЙ.

Это место примечательно одним событием, которое, по их словам, касалось безопасности испанцев и оставило неизгладимое впечатление на жителей Новой Испании. Среди тех, кто сопровождал экспедицию в качестве заложников, как мы уже видели, были три свергнутых короля, двое из которых теперь были обвинены в измене: Куаутемоцин и Тетлепанкецаль. Эти патриоты были преступниками в глазах испанцев; они осмелились считать захватчиков врагами своей страны и яростно противостоять им. Теперь Кортесу было удобно, чтобы они умерли, и оправдания для их убийства не было недостатка. Переноса все тяготы похода, королевские пленники находили некоторое утешение в том, что наблюдали, как тяжело приходилось их стражам, которые трудились, голодали, были недовольны и блуждали по неизвестной и опасной дороге. Но это было не единственное их чувство. Куаутемоцин, правитель, полководец, стратег, не мог не заметить различие между своими последователями и ненавистными белыми людьми. Последние были ослаблены голодом и лишениями, находясь в чужой стране, вдали от помощи, в то время как мексиканцы, хотя и ослабленные и не так хорошо вооруженные, были в десять раз многочисленнее и лучше знали эти дикие места. Вдохновленные глубоко укоренившейся преданностью своим традициям, своим князьям, своей стране, они не могли не откликнуться на малейший шепот мести, свободы. Да, сладка была мысль о мести; столь же сладка была перспектива триумфального возвращения в Мексику, где их встретят как

освободителей, призванных восстановить былое величие двора Монтесумы; наконец, возможно, благодарный народ вознесет их в пантеон богов — мечта, столь достойная солдата и патриота, как часто она не улыбалась его воображению! Что может быть более естественным, более похвальным, чем планы освобождения не только вспомогательного войска, но и своей страны и родственников? Их поработили с помощью предательства, и на предательство нужно ответить предательством. Это было оправданно, хотя индейцы, вероятно, не взвешивали моральный аспект вопроса. Что касается риска, то один удар, одна смерть были предпочтительнее ежедневной смерти, которую они терпели в этом путешествии. Да, они должны были воспользоваться представившейся возможностью и, пока испанцы были поглощены трудностями какого-нибудь горного перевала или погрязли в каком-нибудь болоте, напасть на них, особенно на страшного Кортеса, а затем, с престижем победителей, вернуться в Мексику, где их соотечественники тем временем, по совету, одновременно поднялись бы против теперь дезорганизованных и ссорящихся колонистов, сократившихся в численности. [\[XVIII-31\]](#)

УБИЙСТВО КОРОЛЕЙ.

Как долго готовился заговор, не указано, но во время пребывания в Теотилаке Кортес был потрясен откровением от видного мексиканца, [\[XVIII-32\]](#) который дал ему документ с именами заговорщиков, написанными иероглифами. Несколько человек были арестованы и при отдельном допросе признались в существовании заговора, хотя, конечно, отрицали свое непосредственное участие в нем. [\[XVIII-33\]](#) Куаутемоцин также был допрошен и, по словам Бернала Диаса, признал, что лишения и опасности вызвали мятежные настроения среди индейцев, но утверждал, что он не был зачинщиком и, судя по своим собственным чувствам, считал все это просто разговорами. Был проведен быстрый тайный суд, и Каутемоцин и Тетлепанкецаль были приговорены к смертной казни через повешение, [\[XVIII-34\]](#) которых в тишине ночи вытащили к дереву сейба, где они встретили свою судьбу. Кортес присутствовал при казни, и к нему обратился Куаутемоцин, пишет Бернал Диас. «Малинче, я давно подозревал ложность твоих слов и то, что ты предназначила мне такую судьбу. Почему ты убиваешь меня без справедливости? Бог потребует от тебя ответа!» Тетлепанкецаль спокойно выразил согласие умереть вместе со своим королевским спутником, и вместе они слушали наставления монахов, умирая как истинные христиане. [\[XVIII-35\]](#) Казнь состоялась в дни карнавала, предшествующие Масленице, и, по-видимому, не вызвала никакого волнения ни среди индейцев, ни среди испанцев. [\[XVIII-36\]](#)

Оправдания жестокости.

Большинство испанских властей, конечно, склонны оправдывать этот акт как необходимое наказание за доказанное преступление. Однако некоторые люди, такие как Торквемада, защитник коренных жителей, и современные мексиканские писатели, встают на сторону индейцев, осуждая это как гнусное убийство, совершенное лишь для того, чтобы избавиться от королей, чье присутствие становилось обузой для завоевателей. Другие, такие как Бернал Диас, смягчают этот поступок, называя его ошибкой, основанной на недостаточных доказательствах и вызванной желанием подавить заговор, который были выдуманы некие воображаемые силы. [\[XVIII-37\]](#) Но Кортес вряд ли бы убрал столь ценного заложника без веской причины. Признавая эту причину, что в некоторой степени подтверждается даже записями коренных жителей, можно сказать, что нестабильная ситуация испанцев требовала от Кортеса принятия мер, соразмерных очевидной опасности. [\[XVIII-38\]](#)

Многие из туземцев, особенно те, кто впервые встретил испанцев, с суеверным трепетом отнеслись к раскрытию заговора. Идея предательства со стороны соучастника, по-видимому, не приходила им в голову, но, таинственно качая головой, они указывали на

компас и карту. Инструменты, которые так необъяснимо и лучше любого проводника указали дорогу и спасли армию от гибели, конечно же, могли раскрыть простой заговор. Ничто не могло быть скрыто от владельца этой стрелки. Осознавая, возможно, какие-то случайные недружественные мысли, многие поспешили к Кортесу, чтобы заявить о своей преданности. «Посмотри в зеркало, и ты убедишься в этом», — говорили они, имея в виду компас, но при этом дрожа от страха, что в нем может отразиться подозрение. Апочпалон был настолько тронут, что поспешил присягнуть на верность и сжечь идолов. Такое удобное верование не следовало нарушать, и туземцам было позволено его сохранить.

АРМИЯ В ИЗАНКАНАКЕ.

Армия теперь продвигалась к Изанканаку, [\[xviii-39\]](#) густонаселенной столице Акалана, под руководством самого Апочпалона. Он сидел на лошади, и, преодолев первоначальные опасения, он скакал на своем коне с детским восторгом. Солдаты были встречены с роскошным гостеприимством, а Кортес был вознагражден подарками в виде золота и женщин. Между тем, чтобы облегчить дальнейший поход, была улучшена дорога, построен мост и предоставлены проводники, помимо передового отряда, груженного провизией. Взамен всего этого Апочпалон попросил лишь письмо, чтобы доказать другим белым пришельцам, что он был верен.

Было все, чтобы продлить пребывание в Изанканаке, где их обслуживали и угощали, но близость испанских поселений, так привлекательно описанная расчетливым Апочпалоном, была стимулом для всех продолжить путь. Запасшись провизией на неделю, они в первое воскресенье Великого поста покинули прекрасную провинцию Акалан, на которую, несмотря на защитное письмо, вскоре обрушилось разрушительное влияние испанцев. На третий день они вошли в провинцию мазатеков, усеянную прериями, [\[xviii-40\]](#) названную так из-за обилия оленей. Эти животные здесь почитались, и благодаря этому они не только были многочисленны, но и ручные. Солдаты, не сдерживаемые никакими предрассудками местных жителей, не смогли устоять перед соблазном погони по покрытым зеленью полям, и вскоре к запасам провизии добавилось двадцать оленей. На следующий день они прибыли к пограничной крепости, построенной на скале и ограниченной с одной стороны озером, с другой — рекой, с единственным подходом. Помимо этой естественной защиты, она была окружена двойной частоколом с рвами, увенчанным башнями, а дома были снабжены бойницами. Место было фактически неприступным, и были приняты все меры предосторожности, чтобы противостоять сопротивлению, к которому их подготовили недавно захваченные разведчики. Осторожно они продвигались к входу. Ни звука, ни движения. Должно быть, была устроена засада, поскольку ворота не были закрыты. Но внутри царила тишина, и только когда они достигли площади, появились несколько вождей, которые смиренно поклонились. Это было одно из убежищ, построенных мазатеками для защиты от диких лакандонов. Но что могли стены и оружие против неудержимых бородатых людей, которые владели молнией? Жители не смели сопротивляться им. Они бежали в горные крепости, оставив свои запасы продовольствия и оружия в распоряжении захватчиков, с единственной просьбой не разрушать это место. Вожди были успокоены, и, пополнив свои запасы, испанцы прошли семь лиг до более крупного и похожего поселения под названием Тиак, расположенного на равнине, в окружении частокола, каждый из трех кварталов которого был снабжен отдельными палисадами. Кастики этого и нескольких других пуэбло провинции, каждый из которых был независимым и склонным к ссорам, послали послов с подарками и предложениями о верности, но их не удалось убедить прийти лично со своим народом. Здесь найденные проводники сообщили обнадеживающую

новость, что белые люди находятся недалеко, и провели их в Ахункауитль, последний пуэбло этой провинции, также укрепленный и хорошо снабженный провизией, настолько, что было взято продовольствие на пять дней марша, который предстояло пройти, прежде чем достичь провинции Ица. [\[XVIII-41\]](#)

ПРИБЫТИЕ В СТОЛИЦУ ИЦАЗ.

Четыре ночи они провели в горах, где перевал Альбастро () был труднопроходимым из-за внешнего вида скал. Теперь они подошли к небольшому озеру с островным поселением, из которого жители бежали, когда солдаты переходили вброд. [\[XVIII-42\]](#) На следующий день они были удивлены, увидев сверкающие стены и высокие храмы большого поселения, расположенного на острове в нескольких милях от берега, на большой водной глади, которую Кортес принял за морской залив. [\[XVIII-43\]](#) Но его испытания еще не закончились. Это было озеро, теперь известное как Петен, а пуэбло называлось Тайсал, [\[XVIII-44\]](#) столица ица, которая в некоторой степени напоминала старым завоевателям первый и незабываемый вид знаменитого королевского города, возвышающегося над озером Мехико.

При приближении испанцев туземцы сели в свои каноэ и не обращали внимания на знаки и призывы, но с помощью собаки был схвачен одинокий лодочник. Теперь канеку было отправлено дружеское послание с приглашением на переговоры и предложением заложников. Вскоре к берегу подошли шесть больших каноэ, и около тридцати человек бесстрашно вышли на берег. Во главе их шел человек, чья внушительная фигура и спокойное достоинство выдавали в нем правителя. Под струящейся белой одеждой виднелась искусно татуированная кожа, украшенная вышитым максти. Плетеные волосы были увенчаны головным убором из перьев, а лицо, также татуированное черными линиями, было дополнительно украшено золотыми подвесками в носу и ушах. Он приветствовал Кортеса и заявил, что чувствует себя в безопасности в его компании, даже без предложенных заложников.

Настало время мессы, и с целью как порадовать его, так и преподать урок благочестия, церемония была проведена с пением и инструментальным сопровождением. Затем монах объяснил ему суть веры, и это произвело на него такое хорошее впечатление, что вождь пообещал уничтожить своих идолов и почитать крест до тех пор, пока не придут учителя, которые дадут ему полное образование. В знак своего намерения он преподнес подарки, состоявшие в основном из провианта, нескольких ниток красных ракушек, высоко ценимых туземцами, и других безделушек; и хотя золота было немного, это побудило Кортеса подарить в ответ рубашку, бархатную шапку и несколько столовых приборов. Новости о деяниях европейцев дошли до островного города не только в Нако и Нито, но и в Табаско, где несколько лет назад туземцы были побеждены в трех сражениях. Кортес поспешил заверить Канека, что перед ним герой тех знаменитых сражений, и, убедившись, что произвел впечатление, он с воодушевлением рассказал о могуществе и величии величайшего князя на земле. Канек был не просто впечатлен, но и потрясен, настолько, что сразу же присягнул на верность.

С новыми проводниками основные силы двинулись вокруг озера на юг, а Кортес сел в каноэ с двадцатью лучниками, чтобы посетить островной город. Офицеры пытались отговорить его рисковать своей жизнью в руках, возможно, вероломного врага, но генерал не хотел уступать в бесстрашии и уверенности. [\[XVIII-45\]](#) Он вызвал большое восхищение у островитян, которые толпились вокруг его вооруженных в доспехи последователей, испытывая смешанные чувства любопытства и благоговения. Уходя, он поручил им позаботиться о черном коне, который был ранен в ногу. Не зная, какого ухода требует животное, и желая

выразить почтение к странному поручению, они, как говорят, принесли ему в дар цветы и птиц, от чего он и умер. Горе ицасов было равно только их страху. Что скажет белый вождь, когда вернется? Теперь оставалось только поклониться трупу. Они видели вспышку огнестрельного оружия, когда всадник преследовал оленя на прерии, и вообразили, что это, а также звук выстрела, исходил от лошади. Что может быть более подходящим апофеозом боевого коня, чем превращение его в бога грома? Как Tziminchas он был соответственно почитаем. Кости хранились как священные реликвии, а сидящее изображение животного, выполненное из камня, привлекало непосредственное поклонение.

[\[XVIII-46\]](#)

ТРУДНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ.

Следующим местом отдыха армии был Тлекан, заброшенный поселок примерно в семи лигах от Тайсала, где испанцы пробыли четыре дня и запаслись провизией на неделю. Еще через шесть лиг был сделан остановка в деревушке в честь праздника девы. [\[XVIII-47\]](#) Через девять лиг был пройден труднопроходимый перевал, где острые камни сорвали с копыт лошадей подковы. Следующая станция носила название Ахункапун, где была сделана двухдневная остановка. Пять лиг дальше лежал Тачуйтель, после чего начинался восьмилиговый подъем на самые суровые горы, которые они встречали до сих пор, называемые де Педерналес, Гора Кременей. Лошади едва могли сделать шаг, не поскользнувшись и не порезав себе ноги и тела самым опасным образом. В любой другой ситуации вид страданий ценных животных, главной опоры армии, глубоко тронул бы людей, но сейчас они были слишком поглощены собственными страданиями, чтобы думать о них. Многие солдаты также становились инвалидами, а провизия заканчивалась посреди гор, где во многих местах не было даже корней. Дни проходили в медленном и тяжком продвижении; никто не мог сказать, как долго продлится это долгое путешествие. Сильный дождь усугублял их мучения, и прошлые страдания были забыты в настоящем. Многие падали от истощения и голода или соскальзывали со скал в бездну; и, по словам Эрреры, нужды были настолько велики, что один из них признался, что съел мозг и внутренности трех человек, умерших от голода. [\[XVIII-48\]](#)

УСТРАШАЮЩИЙ БРОД.

Кортес делал все возможное, чтобы подбодрить людей. С пикой в руках он вел отряд по трудным участкам дороги, ободрял и утешал людей, делился с больными и голодающими тем, что у него было. Эта энергия, сочувствие и щедрость творили чудеса и побуждали людей подавлять свои ропоты. Наконец, после двенадцати дней тяжелого труда, по словам Кортеса, ужасная каменная дорога закончилась; но она стоила жизни нескольким людям, а шестьдесят восемь лошадей упали с обрывов или были смертельно ранены, а остальные не могли оправиться от напряжения и ушибов в течение трех месяцев. [\[XVIII-49\]](#) Теперь люди начали дышать свободнее, но, как и раньше, зарождающаяся радость была внезапно прервана грозным препятствием. Они оказались на берегу широкой реки, воды которой неслись с такой скоростью, что даже сплав на плотях был невозможен. Пока солдаты стояли, молчаливо глядя на преграды позади и впереди, молясь о спасении, Кортес послал отряды на поиски выхода, и вскоре принесли весть о бросе. Это было как отсрочка от смерти. Торжественно запели *Te Deum*, и суровые старые солдаты прослезились от радости. Когда они осмотрели место переправы, им показалось, что небо устроило для них чудо. Брод, шириной в две трети лиги, представлял собой гладкий уступ, простиравшийся по всей ширине реки и пересеченный более чем двадцатью руслами, по которым вода неслась с

оглушительным ревом. Но даже эти русла нельзя было пересечь без мостов, и целых два дня ушло на то, чтобы срубить дерево для двадцати переходов. [\[XVIII-50\]](#)

Это было в канун Пасхи [\[XVIII-51\]](#), когда пехота перешла брод, а за ней последовали выведенные из строя лошади. И снова их радость была прервана. Тенциз, поселение, к которому они теперь прибыли, в лиге за бродом, было эвакуировано, и почти все припасы были увезены. Более десяти дней люди ели почти ничего, кроме пальмовой капусты, и то очень мало, из-за трудностей с ее добычей. [\[XVIII-52\]](#) К счастью, удалось найти нескольких туземцев, которые провели группу за провизией через реку в провинцию Тахуитал, расположенную в одном дне пути, где было добыто большое количество провианта, что позволило армии прожить пять дней в Тенцизе в хорошем настроении и запастись провизией для путешествия в провинцию Акукулин.

Найденные здесь проводники сбежали, и испанцы были вынуждены продвигаться вперед, полагаясь только на карты местных жителей. Маршрут был ровный, и за два дня они легко преодолели одиннадцать лиг, перейдя две реки. Это привело их к небольшому поселению торговцев из Акалана, которые были изгнаны из Нито испанскими излишествами и нашли здесь убежище. Вскоре они достигли столицы провинции, но она была заброшена и почти лишена провианта. Это было очень удручающе, и продвигаться без проводников казалось опасным. Несмотря на скудное питание из пальмового капусты, приготовленного со свининой, и без соли, они потратили неделю на поиски проводников. Наконец, они нашли мальчика, который провел их за день пути к реке в провинции Таниха, очевидно, Рио Сарстун. Спускаясь по течению в течение пары дней, они пришли в поселок Отулизти, где местные жители сообщили, что Нито находится всего в двух днях пути. В подтверждение этого утверждения были приведены две женщины, которые служили там испанцам. Голод и усталость были забыты в радости от этой новости, и мужчины с нетерпением просили вести их дальше.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К НИТО.

Но нужно было проявлять осторожность, поскольку о положении дел в Гондурасе ничего не было известно, а войска в данный момент не были готовы встретить хорошо вооруженного противника, особенно если им командовал грозный Олид. Поэтому Сандовал был отправлен вперед с несколькими избранными людьми для разведки. До берега залива Аматик, за которым лежал цель их путешествия, было недалеко. Они шли вдоль берега залива, пока не достигли широкой реки, образующей выход из Гольфо-Дульсе. Здесь они захватили каноэ торговца, а затем спрятались, чтобы посмотреть, что будет дальше. Вскоре к ним приблизилось каноэ с четырьмя белыми людьми, которых они окружили и взяли в плен. Они оказались солдатами Гиля Гонсалеса, дислоцированными в Нито, куда было перенесено старое поселение Сан-Хиль-де-Буэнависта. [\[XVIII-53\]](#) В целом отчет о событиях порадовал Сандовала, главным образом потому, что провинция была спокойна и полностью преданна Кортесу, хотя и не имела постоянного губернатора с момента отъезда Касаса. Немедленно был отправлен гонец, чтобы успокоить генерала, и солдат, которому было поручено это поручение, получил богатую награду от своего обрадованного начальника и товарищей.

ГЛАВА XIX.

КОРТЕС В ГОНДУРАСЕ.

1525-1526.

Он — хозяин всех бедствий, происходящих там — миазмы и глубокое отчаяние — усилия Кортеса в интересах колонистов — появление судна с провизией — Кортес посылает за провизией — он ищет более подходящее место — Сандоваль в Нако — другие поселяются в Кабальос — Кортес в Трухильо — суда отправлены в Мексику, на Кубу и Ямайку — Беспорядки в Мексике — Кортес нерешителен — Отправляется в Мексику — Отбит штормом — Умиротворение соседних пуэбло — Кортес посылает подарки в Кордову — Станет ли Кортес хозяином Никарагуа? — Прибытие Альтамирано — Возвращение Кортеса в Мексику.

Цицерон говорит, что лучший советник человека — это он сам. Мудрый человек не может найти лучшего советника, чем свое собственное хладнокровное, беспристрастное суждение. Кортес был мудрым человеком и мог спокойно судить. Советовался ли он с самим собой, прежде чем отправляться в это приключение? Он привел в Гондурас, преодолев огромные страдания, армию. Конец его опасного похода не принес ему ни великих достижений, ни больших наград. Не было Олида, которого можно было бы наказать; Касас не был предателем. Не было ли бы для гордого завоевателя выгоднее остаться дома? Гарантия радушного приема вместо кампании против грозного мятежника была облегчением для измученных путем солдат, но что думал об этом командир? Здоровому человеку не приносит удовлетворения бить по воздуху или атаковать ветряную мельницу. В этот момент для Кортеса было бы приятным развлечением разгромить предателя или завоевать прекрасный город.

БЕЗЫСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ КОЛОНИСТОВ.

Впереди армии и почти в одиночестве он отправился в Нито (). Если он и не вступил туда как завоеватель с мечом в руке, то, по крайней мере, получил удовлетворение от того, что его приняли как спасителя. Там была малярия, которая так ослабила поселение, что недовольные взгляды туземцев нависали над ним, как призраки Эринии. Там было всего шестьдесят испанцев с несколькими женщинами, [\[XIX-1\]](#) большинство из которых были настолько ослаблены лихорадкой и другими недугами, что едва могли двигаться, и все страдали от скудной и недостаточной пищи — сапоте, овощей и рыбы. Не имея достаточного оружия и лошадей, они не рисковали выходить за пределы колонии в поисках продовольствия, и, видя, что смерть наверняка настигнет всех, если они останутся, здоровые мужчины под руководством Диего Ньето ремонтировали судно, на котором можно было бы уплыть. [\[XIX-2\]](#) Исчезновение четырех человек, захваченных Сандовалом, вызвало немалую тревогу. Неужели их все-таки настигли мстительные туземцы? Среди таких бедствий неудивительно, что появление Кортеса было встречено как спуск с небес, и что даже мужчины плакали, толпясь вокруг него, чтобы поцеловать его руку.

Армия была не мало удивлена нищетой знаменитого Гондураса. Утешая людей, Кортес отправил группы за провизией. Одна из групп поднялась по реке Яса, [\[XIX-3\]](#) и, дойдя до

заброшенной дереvушки в шести лигах от устья, укрылась от дождя. Но вскоре на них напала группа индейцев, и, получив тяжелые ранения, они были вынуждены бежать к лодкам, рады тому, что спаслись живыми. Другая группа нашла тропу, ведущую к хорошо снабженному поселению под названием Лекела, но оно находилось в восемнадцати лигах от них, что было слишком далеко для носильщиков. Третья группа добилась большего успеха.

[\[XIX-4\]](#)

Тем временем в гавани появилось судно с тридцатью испанцами на борту, помимо экипажа, и грузом из дюжины лошадей, более семидесяти свиней и провизии. Это казалось чудом. И все снаряжение Кортес купил за четыре тысячи песо. [\[XIX-5\]](#) Несмотря на то, что это было очень кстати для голодающего поселения, внезапное изменение рациона стоило жизни нескольким людям. Поскольку место Нито было настолько нездоровым и плохо обеспеченным, было решено покинуть его, и Сандовал был отправлен с большей частью солдат, поселенцев и индейцев в плодородную долину Нако, заброшенную штаб-квартиру Олида, расположенную в двадцати лигах оттуда, по дороге к которой несколько хорошо снабженных пуэбло предлагали хорошие места для остановки.

С помощью вновь прибывшего судна, отремонтированной каравеллы и бригантины, построенной из обломков кораблей, Кортес готовился перевезти оставшуюся часть отряда по морю в более благоприятное место. Но сначала он хотел подняться вверх по широкому устью реки, которое недавно пересек в поисках продовольствия, поскольку некоторые пленники уверяли его, что в этом направлении он найдет богатые поселения. [\[XIX-6\]](#)

Исследовательский дух также подтолкнул его к этому району, поскольку, по сообщениям, когда Гиль Гонсалес впервые прибыл сюда, он отделил одно судно для исследования этого входа, которое пересекло два пресноводных залива, но подняться по притоку дальше

помешали сильные течения и воинственные туземцы. [\[XIX-7\]](#)

ЗАХВАТ ПУЭБЛОС.

Укомплектовав новый бригантин сорока избранными испанцами и несколькими индейцами, в сопровождении лодок Кортес поднялся по Рио-Дульсе и быстро вошел в водоем окружностью около двенадцати лиг, на котором не было никаких поселений. Продолжая движение на юго-запад, он прошел через длинный проход в другой, более крупный водоем, расположенный среди высоких горных хребтов и очаровательных пейзажей. Вдохновленный диким великолепием окружающей природы, он уже воображал себя увенчанным лаврами первооткрывателем долгожданного пролива. Но мечта была недолгой, поскольку водоем оказался заливом, около тридцати лиг в окружности, называемым на местном языке Аполочик. Оставив судно на западном конце залива, у устья реки, он вместе с большинством своих людей и местным проводником отправился в путь по труднопроходимой местности, пересеченной бесчисленными ручьями. Пройдя двенадцать лиг, в течение которых они увидели только одну значительную деревню, он пришел в пуэбло, где громкое пение под аккомпанемент инструментов свидетельствовало о празднике. Дождавшись позднего часа, когда все успокоилось, он напал на спящих туземцев, и если бы не возбужденный возглас одного из солдат, место было бы взято без единого выстрела. Но так как это произошло, вождь успел собрать своих людей, и в последовавшей схватке он вместе с несколькими другими потерял жизнь. Здесь было захвачено сорок пленников. Кортес был направлен в более крупное пуэбло под названием Чакухал, расположенное в восьми лигах отсюда, и снова прибег к ночному нападению, но не смог захватить это место без значительного сопротивления. К утру индейцы бежали. Здания, особенно храмы, очень напоминали мексиканские, но язык отличался как от мексиканского, так и от языков пуэбло, с которыми они сталкивались до сих пор. Среди

пленников был индеец с тихоокеанского побережья, который сообщил, что между Нито и его страной, где Альварадо проводил завоевания, было всего шестьдесят лиг.

Это место было богато снабжено хлопчатобумажными изделиями, кукурузой, столь необходимой солью и другими предметами, и, поскольку оно находилось недалеко от реки Полочик, впадающей в залив в двадцати лигах от места стоянки судна, были отправлены гонцы, чтобы привести его как можно дальше вверх по течению для получения припасов. Тем временем были построены четыре плота, каждый из которых был загружен сорока фанегами кукурузы, а также фасолью, какао и другими провизиями. Эти работы заняли почти три недели, в течение которых ни один из туземцев не согласился вернуться и помочь в работе. [\[XIX-8\]](#) Кортес теперь отправился с десятью людьми на плотах, а остальных отправил вниз по суше. Течение быстро несло их мимо извилистых берегов, попеременно покрытых лесами и прериями, местами прерываемых деревьями и плантациями, наполовину скрытыми среди какаовых рощ и фруктовых деревьев. Ничего необычного не происходило до ночи, когда Кортес, который находился на последнем плоту, был напуган криками тревоги с плота перед ним, за которыми последовали индейские вопли. Было слишком темно, чтобы что-либо различить, но люди приготовились к тому, что могло произойти. В следующий момент плот сильно ударился о выступающую скалу, и посыпался дождь из стрел. Несколько воинов попытались подняться на борт, но либо просчитались с расстоянием, либо были сброшены за борт экипажем. Индейцы предвидели, что скала даст им возможность для атаки, но плоты ускользнули от них, хотя большинство испанцев были ранены, включая генерала, и половина груза была повреждена. Течение было настолько быстрым, что к утру было пройдено двадцать лиг. В других поселениях было получено больше припасов, и по возвращении в Нито после пятинедельного отсутствия было привезено достаточно продовольствия, чтобы вполне обеспечить флот.

Вся колония, включая людей Гонсалеса, теперь села на три судна и направилась в бухту Сан-Андрес, или Кабальос, куда только что прибыло несколько солдат Сандовалья. Место казалось идеальным: «лучший порт на всем побережье от Жемчужных островов до Флориды», с хорошими признаками наличия золота в притоках рек и с красивыми и хорошо заселенными окрестностями. Соответственно, там была основана колония под названием Нативадад-де-Нуэстра-Сеньора, с даты основания, и там осталось пятьдесят поселенцев, в основном люди Гонсалеса и недавно прибывшие из Испании, а Диего де Годой был назначен командующим с необходимыми должностными лицами. Также была построена церковь, которой заведовал священник. Однако вскоре стало очевидным, что место это нездоровое, и половина поселенцев умерла. Индейцы стали дерзкими, отказывались поставлять продовольствие и угрожали уничтожить поселение. Тогда Кортес разрешил колонистам присоединиться к процветающему поселению в Нако. Здесь индейцы были постепенно успокоены и примирены Сандовалем, чьи вооруженные набеги уже привели к падению ряда довольно крупных и богатых пуэбло. [\[XIX-9\]](#)

В ТРУХИЛЬО. Тем временем Кортес отплыл в Трухильо, где восторженные колонисты бросились в воду, чтобы вынести знаменитого вождя на берег. Его первым и характерным поступком было войти в церковь и возблагодарить Бога за благополучное прибытие. [\[XIX-10\]](#) Затем последовало проявление милосердия, о котором его смиренно просили бывшие сторонники Олида. После изгнания Руано дела шли гладко, и генерал был слишком благоразумен, чтобы разжигать вражду. Поэтому, после небольшой реорганизации, приказы и распоряжения Касаса были подтверждены. Город получил импульс к развитию, и с помощью принудительного труда местных рабочих были расчищены участки и возведены здания.

Четыре судна, находившиеся в порту, не могли оставаться без дела. Одно из них было отправлено в Мексику с инвалидами и письмами для чиновников, в которых Кортес хвалил их за преданность правительству и обещал скоро вернуться. Хуан де Авалос, его двоюродный брат, был поставлен во главе командования и получил приказ забрать с острова Косумель группу испанцев, оставленных там Валенсуэлой. Это было сделано, но при приближении к Кубе судно потерпело крушение у мыса Сан-Антонио, в результате чего погибли капитан, два монаха и более тридцати человек. Из остальных только пятнадцать выжили и достигли Гуанигуанико. [\[XIX-11\]](#) Из других судов новый бригантин был отправлен на Эспаньолу, чтобы доложить оидорам о сухопутной экспедиции и положении дел в Гондурасе, а также сообщить, что похищения, совершаемые Морено, вызывают беспорядки среди туземцев. Власти приказали вернуть пленников. [\[XIX-12\]](#) Два оставшихся судна были отправлены на Кубу и Ямайку с серебром и драгоценностями Кортеса для закупки провианта, скота и растений, необходимых для улучшения жизни колонии.

Один из этих кораблей, заходя на Кубу, обнаружил там судно из Санто-Доминго, направленное оидорами в Мексику для получения достоверной информации о слухах о смерти Кортеса и для доклада о мерах по предотвращению беспорядков, которые могли последовать. Узнав, что завоеватель жив и находится в Гондурасе, посланник оидоров сразу же решил изменить маршрут на Гондурас, где его груз лошадей и провианта также найдет более готовый рынок сбыта.

ПЛОХИЕ НОВОСТИ ИЗ МЕКСИКИ.

Лиценциадо Суасо, самый уважаемый и доверенный из администраторов, назначенных Кортесом в Мексике, был арестован своими коллегами за противодействие их гнусным планам и отправлен на Кубу. Эти люди не только захватили административную власть для собственного продвижения, пренебрегая общественным благосостоянием, но, полагая, что могущественный завоеватель и его соратники мертвы, они захватили их поместья и преследовали своих друзей и всех, кто осмеливался протестовать. Страна находилась в крайне критическом состоянии. Анархия и грабежи были в порядке вещей. Колонисты были разобщены, а индейцы находили всяческую поддержку для восстания против своих белых угнетателей и уничтожения их.

Обо всем этом Зуазо сообщил в письме Кортесу, с самым настоятельным призывом немедленно вернуться, пока не стало слишком поздно. [\[XIX-13\]](#) Кортес сначала пришел в ярость, но затем растаял в слезах при мысли о разорении, причиненном его врагами, и о бесчеловечном преследовании его последователей. «Я заслужил это, — сказал он в более спокойный момент, — что так обошлись со мной за то, что я доверился чужим и пренебрег проверенными товарищами». [\[XIX-14\]](#) Новость дошла до него в неудачное время. Железная воля и нервы, которые помогли лидеру преодолеть трудности похода, начали поддаваться коварному влиянию зараженных лихорадкой низин залива Аматик, чему, возможно, способствовало разочарование от того, что первое впечатление от Гондураса оказалось намного ниже его надежд. Письмо помогло пробудить его физическую и умственную энергию, хотя и не до той степени ясной и быстрой решимости, которая до сих пор характеризовала его поступки. Он был нерешителен. Гондурас был мало исследован, и признаки наличия золота вблизи Кабальоса, хотя и небольшие, все же заставляли его думать о рассказах о более богатых районах на юге. Он боялся покинуть еще многообещающее место, после всех затраченных на него усилий и с учетом стремительного продвижения его южного соперника, того самого из Панамы.

Удачные предсказания солдата-астролога в Мексике не помешали бы ему в его нынешнем настроении прислушаться к советам подобных советников, но под рукой не было ни одного сабея, который мог бы истолковать сверкающие оракулы. Монахи получили указание обратиться к верховному престолу, и в течение трех дней проводились богослужения с процессиями, мессами и молитвами о божественном руководстве. Уже в ходе этих молитв Кортес почувствовал пробуждающееся вдохновение, новую храбрость, чтобы противостоять коварному морю, и более сильное желание доверить развитие провинции другому. Он собирался вернуться в Мексику. Его двоюродный брат Эрнандо Сааведра был назначен генерал-капитаном Гондураса, [\[XIX-15\]](#) а Сандовалу было велено проследовать со своей компанией из Нако в Мексику по маршруту через Гватемалу, уже открытому Касасом. Сам он сел на правительственное судно, но в момент отправления ветер стих, и, услышав о беспорядках среди колонистов, он высадился на берег, чтобы восстановить порядок. Неуправляемые духи, по-видимому, были разочарованными соискателями должностей, для которых безвестность официальной жизни в пограничной провинции казалась самым неблагоприятным вознаграждением за их долгий труд. Генерал успокоил главных бунтовщиков, взяв их на борт, чтобы они получили свое вознаграждение в Мексике. Два дня спустя он отплыл, но сразу же столкнулся с новой проблемой: прямо у выхода из гавани сломался главный латинский реечный стаксель. После трех дней, потраченных на ремонт, он снова отплыл, при хорошем ветре, но вскоре ветер усилился до шторма, и в пятидесяти лигах от порта мачта упала за борт, вынудив его вернуться в третий раз.

УСТАЛ ОТ МОРЯ.

Несомненно, это было предупреждение провидения не продолжать путь. Он, должно быть, неправильно понял это вдохновение и решил поискать более правильный совет. Он был твердо решил одно: больше не доверять себя волнам. Последние тряски излечили его от морских устремлений и, по сути, угрожали излечить его от всех остальных, поскольку его и без того ослабленное тело оказалось в таком измученном состоянии, что он был близок к смерти. Бернал Диас описывает его как тень прежнего себя и утверждает, что для его тела была подготовлена францисканская ряса, чтобы своими спасительными свойствами помочь душе пройти через чистилище. [\[XIX-16\]](#) Но, хотя завоеватель Мексики достиг вершины своих великих достижений, чаша почестей и разочарований еще не была полна. Были снова отслужены мессы, чтобы освятить его изменившееся решение. Однако судно продолжило свой путь, везя с собой доверенного слугу [\[XIX-17\]](#) с письмами для ряда друзей в Мексике и с приказами об отзыве полномочий, предоставленных узурпаторам-губернаторам, в пользу более надежных людей. Ряд мексиканских вождей сопровождали посланника, чтобы засвидетельствовать, что Кортес все еще жив. Они должны были продолжить путь до Пануко после того, как высадили слугу в какой-то неизвестной гавани выше Веракруса, откуда он должен был продолжить путь в одиночку и в переодетом виде до Мехико, чтобы ускользнуть от любого наблюдения со стороны врагов. Сандовал был отозван, к большому разочарованию его партии, которая подняла почти открытый мятеж из-за того, что ее удерживали вдали от их поместий в Мексике, которые к этому времени были обречены на разрушение в руках чужаков и узурпаторов. [\[XIX-18\]](#)

Дополнительным поводом для решения остаться могло стать враждебное отношение двух провинций, Папайека и Чапагуа, расположенных примерно в семи лигах от Трухильо. [\[XIX-19\]](#) Некоторое время назад Сааведра был отправлен исследовать долину выше по течению и, пройдя по ней около тридцати лиг, обнаружил плодородный район с рядом процветающих пуэбло. Двадцать вождей племен явились, чтобы присягнуть на верность Кортесу, и в Трухильо потекли провизия и подарки. Только вышеупомянутые провинции держались в стороне, ссылаясь не без оснований на прежнее жестокое обращение и похищение членов

племен фискалом Морено. Однако никакие оправдания не могли быть признаны уважительными для отказа в присяге, и Сааведра выступил против них. Люди укрылись в горах, но трое вождей Чапагуа были схвачены и им был установлен жесткий срок, в течение которого они должны были заселить свои города, в результате чего эта провинция быстро подчинилась. Теперь началось вторжение в Папайеку, и был захвачен Писакура, один из двух главных вождей. Он возложил вину за сопротивление на своего более могущественного коллегу Мазатля, пообещав, что в случае освобождения он поймает и повесит его, тем самым подчинив народ. Однако, оказавшись на свободе, вождь с легкостью нарушил свое обещание, как и любой испанец. Тем не менее, Мазатль был захвачен, и ему был дан выбор: либо заселить города, либо умереть. Вождь с презрением отверг предложение купить жизнь тем, что он считал порабощением своего народа, и спокойно принял смерть.

Такая суровость считалась разумной мерой и, безусловно, привела к возвращению жителей во все пуэбло, за исключением столицы. Здесь удерживался Писакура, несомненно полагая, что после его побега прощения ожидать не приходится. Однако вскоре он был захвачен вместе с более чем сотней своих последователей. Последние были обращены в рабство за свое упорство, а он сам, вместе с двумя другими вождями и молодым человеком, который, по-видимому, был истинным вождем провинции (), был заключен в тюрьму. [\[XIX-20\]](#)

УМИРОТВОРЕНИЕ СТРАНЫ.

Этот успех, а также сравнительно доброжелательное обращение с туземцами в значительной степени способствовали умиротворению страны, и имя Кортеса стало вызывать страх и уважение далеко за пределами страны. [\[XIX-21\]](#) Одним из примеров этого было прибытие делегации с островов залива, которая обратилась к его власти и милосердию с просьбой о защите от группы работорговцев, грабивших Гуанаху. Кортес немедленно отправил каравеллу, которая привезла судно с рабами, предназначенными для шахт Кубы и Ямайки. Командир, Родриго де Мерло, предъявил лицензию на свою экспедицию, поэтому не могли быть приняты строгие меры, но были найдены способы убедить капитана поселиться в Трухильо со своей командой. Похищенные островитяне были возвращены своим благодарным друзьям. Они прислали свою присягу и получили письма о защите, а также несколько свиней, которые вскоре размножились на островах. [\[XIX-22\]](#)

Еще один пример влияния имени Кортеса был продемонстрирован при входе из Никарагуа в провинцию Оланчо [\[XIX-23\]](#) экспедиции под командованием Габриэля де Рохаса, состоявшей из шестидесяти человек и двадцати лошадей. Местные жители, несомненно, оказали сопротивление, после чего Рохас начал порабощать и грабить. Когда в Трухильо прибыла делегация с просьбой о защите, Сандовалу было поручено вмешаться от имени туземцев как подданных Кортеса. [\[XIX-24\]](#) Его силы, по-видимому, были недостаточны, чтобы изгнать захватчиков, но Рохас все же отступил по приказу Кордобы. [\[XIX-25\]](#)

Одной из причин этого отступления было то, что Кордова не мог позволить себе враждебную позицию по отношению к любому соседу. Одним из действий Морено во время его произвольных действий в Гондурасе было то, что он настоятельно призывал его перенести свою верность и провинцию в ауденсию. Этот призыв нашел отклик. Не замечая накопившихся доказательств неудач и не извлекая уроков из разочарований, Кордова позволил нескольким случаям успешных восстаний затмить все неудачи. Он смотрел на силы, окружавшие его, и, оценивая расстояние между собой и суровым Педрариасом, его страх ослабевал по мере увеличения расстояния; тем временем надежда шептала ему: а не станет ли он еще одним Кортесом, вознесенным славой, или, по крайней мере, Веласкесом, находящимся в безопасности на своем узурпированном острове? Он колебался и уступил.

Созревая свои планы на столь рискованный шаг, он решил узнать у Морено, какой властью тот обладает, и окончательно договориться с ним. Педро де Гарро [\[XIX-26\]](#) был соответственно отправлен с отрядом из сорока человек в Гондурас, имея при себе прошения к императору и аудиенции, а также инструкции исследовать лучший маршрут к порту в этой провинции, через который можно было бы доставлять припасы и военные материалы. Сандовал, узнав об их приближении, захватил их вместе с их свитой из красивых женщин и многочисленных слуг, но позволил нескольким из них под конвоем проследовать в Трухильо. Кортес принял их с доброжелательностью и в доказательство этого приказал отправить четыре вьючных животных, груженных подковами, горными инструментами и другими предметами, в качестве подарка Кордове. Но он не мог одобрить свержение начальника подчиненным офицером, ведь разве не для того была организована его нынешняя экспедиция, чтобы наказать за подобную попытку? Он написал ему соответствующее письмо, советуя верность Педрариасу и обещая свою помощь в получении припасов через Гондурас, поскольку Панама считалась слишком удаленной. [\[XIX-27\]](#)

ИСКУШЕНИЕ. Это общение помогло Кортесу понять, в каком состоянии находится страна на юге и юго-западе и какими ресурсами она располагает. Он узнал, что она плодородна и густонаселена, полна процветающих городов и обещает большие запасы полезных ископаемых; эти факты подтверждались роскошной свитой Гарро и спросом на горные инструменты. Возможно, именно в этой стране находились богатые провинции, которые возбуждали его воображение еще до падения Мехико и ради которых он проделал такой долгий путь. Должен ли он позволить постороннему лишить его того, о чем он мечтал все эти годы и что побудило его к сверхчеловеческим усилиям? Но для захвата провинции, уже принадлежащей другому, такому же наместнику короля, как и он сам, требовалось веское оправдание. Однако Кортес был слишком умен, чтобы не найти способ не упустить столь богатую добычу. Разве из дружбы к незнакомцу он послал Кордове ценные подарки и предложил переправить припасы через Гондурас? Нет, он знал, где сеять, чтобы пожинать плоды. Он также писал, как он сам признается, некоторым знакомым ему офицерам в Никарагуа, и кто знает, какое тонкое яд могло быть распространено в хитро сформулированных советах. Кордова понял намек и укрепился в своем решении. Но его сослуживцы тоже хотели высказаться. Идея рисковать жизнью и состоянием ради амбициозных планов капитана, который был немногим, если что, больше, чем они сами, ни в коем случае не нравилась всем офицерам. Несколько человек возразили, и, поскольку теперь было уже слишком поздно отступать, Кордова должен был даже убедить их силой оружия. Грозил гражданская война, и новость быстро дошла до Трухильо. По-видимому, лидер мятежников, осознав, какую бурю он вызвал, послал Кортесу предложение о присяге на верность. [\[XIX-28\]](#) И тогда последний пришел к следующему выводу. Мог ли он, имперский офицер, спокойно стоять в стороне и смотреть, как жертвуются интересы его величества, а его подданные, его соотечественники, подвергаются резне? Нет, конечно же, нет; и он поздравил себя с успехом своих планов. Вот и долгожданный повод, подброшенный ему судьбой. Он должен был схватить добычу, пока претенденты были поглощены спорами. [\[XIX-29\]](#) Первым шагом было направить большую группу туземцев, чтобы проложить дорогу в Никарагуа, и Сандовал получил приказ подготовиться к экспедиции. [\[XIX-30\]](#)

Снова казалось, что великий лидер неверно истолковал знаки провидения.

ПРИНИМАЕТ БОЛЬШУЮ ПОМПЕСТНОСТЬ.

Его посланник в Мексику благополучно прибыл, и благодаря осторожному управлению началась реакция в пользу Кортеса; доказательство того, что он был жив, было половиной дела; но его враги, хотя и были сдержаны, не были

побеждены, и, полагая, что все зависит от его присутствия, было решено отозвать его. Эта миссия была поручена его двоюродному брату, Фраю Диего Альтамирано, бывшему солдату, сменившему шлем на францисканский капюшон, человеку чести и делового таланта.^[XIX-31] Он обрушился как бомба на многочисленные планы Кортеса по завоеванию и расширению владений, которые, подкрепленные одним успехом, могли бы привести победителя к триумфальному продвижению на юг, возможно, до царств инков. Альтамирано не был человеком, который позволял бы суровой реальности затмевать яркие фантазии энтузиазма. Его видения были обращены исключительно к Мексике, и его краски были зарезервированы для изображения печального состояния дел в этой стране. Он делал это смело, но с любящей сдержанностью, и убедил своего родственника, что возвращение в Мексику абсолютно необходимо, чтобы спасти себя, своих друзей и страну от гибели. Он также настаивал на том, что для успешного контроля над последователями он должен утвердить свое достоинство и навязать вульгарным людям свою устрашающую и внушающую благоговейный трепет помпезность. Знакомство, возникшее в результате товарищества в лагере и трудов похода, могло сработать в пограничной провинции, но не в хорошо заселенных районах Новой Испании или при дворе Мексики. Необходимо было сразу же придать себе больше достоинства; здесь и сейчас он должен был научить своих последователей различать губернатора и подданного и требовать почтения, как его должного. В этом отношении не было большой необходимости в увещеваниях, поскольку пышность была естественной чертой Кортеса. Поэтому он с готовностью взошел на губернаторское кресло с его внушительным подиумом и с самодовольной улыбкой принял *сеньорию* ^[XIX-32] из уст глубоко кланяющейся свиты. Даже в церкви он занимал более высокое место на *возвышении*, ^[XIX-33] в то время как за пределами церкви в его честь гремели пушки.^[XIX-34]

Его недоверие к морю осталось, и он решил вернуться через Гватемалу. Поэтому рабочих сняли с дороги в Никарагуа, чтобы подготовить для него путь;^[XIX-35] но в конце концов лопманы убедили его, что в это время года ветры и течения благоприятны, а сухопутный путь будет долгим и полным препятствий. В соответствии с этим он отплыл на трех судах с двадцатью испанскими последователями и их лошадьми, а также с двумя сотнями индейцев под командованием принца Икстильшочитля, отплыв 25 апреля 1526 года.^[XIX-36] Сандоваль присоединился к нему, но его отряд отправился по суше. Сааведра остался в качестве его лейтенанта с инструкциями поддерживать лояльность туземцев хорошим обращением и содействовать заселению. Еще не укрепившаяся уверенность генерала в море испытала новый удар у самого побережья Новой Испании, откуда шторм загнал его обратно и заставил искать убежища на Кубе. 16 мая он снова отплыл и через неделю высадился недалеко от нынешней Веракруса. Весть о его прибытии быстро распространилась, и солдаты, колонисты и туземцы поспешили толпами, чтобы торжественно провести любимого вождя, могущественного Малинче, в островной город, который он завоевал и заново основал (). Сомнения рассеялись, а прошлые разочарования были забыты, когда он вновь взглянул на места своих блестящих достижений и принял аплодисменты толпы.^[XIX-37]

ГЛАВА XX.

ПЕДРАРИАС ПЕРЕЕЗЖАЕТ В НИКАРАГУА.

1525-1527.

Кордова замышляет восстание — Сото и Компаньон возражают — Их бегство — Педрариас питает гнев — Тайные мотивы его отъезда в Никарагуа — Кордова теряет голову — Губернатор жаждет Гондураса и прибегает к насилию — Индейцы следуют его примеру — Кровавые сцены — Педрариас прерывает свои размышления — Педро де лос Риос становится губернатором Панамы — Его инструкции и политика — Резиденция Педрариаса — Триумфальный результат.

КОРДОВА МЕДИТИРУЕТ.

С отъездом Кортеса, опустившим голову, его амбициозные планы по завоеванию юга потерпели крах, и зловещие тучи, которые ранее нависали над Гондурасом, вновь потемнели небо, распространившись на соседнюю озерную провинцию, угрожая светлым мечтам Кордовы о независимости. Трудно винить лейтенанта за то, что он потакал своему воображению, рисуя соблазнительные перспективы власти, богатства и славы, когда с одной стороны он был подчинен такому неприятному господину, как Педрариас, а с другой — подталкивался могущественной ауденсией Санто-Доминго к отказу от несправедливой верности. С таким настроем Кордова ясно видел, что Никарагуа не может навсегда оставаться в юрисдикции Панамы. Это была отдельная провинция, завоеванная и покинутая Гиль Гонсалесом, а теперь вновь подчиненная его собственными усилиями и талантами. Если кто-то оспаривал его позицию, он мог сослаться на разрешение аудиенции. Правда, флот и люди, средства и влияние, использованные для повторного завоевания, принадлежали его покойному начальнику. ? Корабли не принадлежали Педрариасу; старый губернатор взял их, прямо послушавшись приказа короля. Что касается денег и людей, то все они были получены гнусным обманным путем и могли бы служить одному предателю так же, как и другому. Но он не был предателем короля, поскольку отвечал на волю королевской аудиенции.

Между восстаниями Олида и Кордовы было много общего, но мотивы лидеров различались. Первый, смелый, отважный и в основном честный, был возмущен тем, что такая обширная часть земли досталась одному человеку, чьи притязания на нее вытекали из его случайного положения командира, в то время как он, капитан, который разделил все опасности и лишения великого завоевания, должен был навсегда довольствоваться служением. Единственное командование небольшой частью спорной территории он считал слишком скромной наградой по сравнению с имперской наградой своего командира. Эрнандес де Кордова смотрел на вещи с несколько иной точки зрения, хотя и имел множество правдоподобных оправданий. Он был инструментом, выбранным Педрариасом, чтобы отнять справедливое владение у законного завоевателя. В этом выборе Педрариас руководствовался своей обычной узкой политикой. На протяжении всей своей карьеры он

не мог отказаться от тщетных попыток достичь великих результатов небольшими средствами и благородных результатов низкими средствами.

С такими стимулами и принципами Кордова без труда преодолел моральные препятствия на пути к осуществлению своего плана, а когда дело дошло до материальных аспектов, он не увидел ничего непреодолимого, поскольку большинство людей были настроены благосклонно. В этом не было ничего странного, поскольку Кордова был щедрым и доверчивым, а рядом с Педрариасом такие качества сияли с двойным блеском. В качестве первого шага он призвал поселенцев, особенно из Леона и Гранады, обратиться к королю с просьбой о его назначении независимым губернатором.^[XX-1] Никто не возражал, за исключением дюжины человек во главе с капитанами Сото и Компаньоном. Лояльность, вероятно, не имела никакого отношения к их противодействию, скорее это была ревность. Они не хотели рисковать своей свободой и перспективами, чтобы поднять над собой сослуживца, который в их глазах никогда не мог быть более способным и заслуживающим, чем они сами.

Однако протесты этих немногих не были приняты во внимание, и отступление для Кордовы в любом случае было слишком запоздалым. Сото, первый высказавший возражение, был брошен в крепость Гранады, но Компаньон с несколькими верными товарищами взломал тюрьму и освободил его. Небольшая группа, хорошо вооруженная и оседланная, вышла на поле боя против Кордовы и открыто бросила ему вызов. Кордова понял, что необходимо действовать незамедлительно, и отправился в погоню. Хотя Сото и Компаньон не смогли привлечь на свою сторону больше сторонников, как они ожидали, они все же заняли позицию недалеко от Гранады против грозных сил узурпатора, предупредив его, что в случае нападения все их усилия будут направлены на то, чтобы убить его.^[XX-2] Лейтенант колебался. Он хорошо знал решительный характер своих бывших офицеров и представил себя мишенью их безошибочных снарядов. Золотые видения его надежд померкли. Он хотел бы быть губернатором, но не хотел быть убитым; и, не обладая духом величия, он легко нашел повод вернуться туда, откуда пришел, в то время как Сото со своими десятью доблестными соратниками счел выгодным познакомиться с Педрариасом и получить от него награду за верную службу. Путь обратно в Панаму был нелегким: суровые горы, бурные реки, непроходимые леса, а враждебные туземцы, ядовитые животные и мучительный голод добавляли к трудностям серьезную опасность; тем не менее они решили отправиться в путь и часть пути проделать по морю. Вскоре после отправления они обнаружили, что их лошади скорее мешают, чем помогают, и поэтому бросили их. Босиком и в изношенной одежде они достигли города Фонсека,^[XX-3] в Чирики, где Уртадо, основатель города, оказал им помощь и предоставил каноэ, на котором они могли продолжить путешествие.

СОТО И УРТАДО.

После отправления Сото на юг добрый Уртадо обдумывал ситуацию. Он, как и Сото и другие, не питал большого уважения к мятежнику Кордове. Если с его небольшими силами он не мог победить его, то, по его мнению, мог сильно напугать этого человека; в любом случае, здесь была возможность завоевать расположение Педрариаса. Соответственно, он вооружил всех здоровых мужчин, находившихся в его подчинении, и выступил против мятежников, оставив больных и беспомощных, чтобы они как могли боролись с голодом и туземцами. Прождав некоторое время тщетно возвращения Уртадо, оставленные остатки отряда покинули пост и отправились на его поиски, направляясь к заливу Никоя.

Тем временем Сото и его отряд достигли Наты и отправили свой отчет в Панаму. Ярость в душах некоторых людей пожирает и тело, и душу, но характер Педрариаса был таков, что суть его жизни, казалось, черпалась из неиссякаемого источника мстительной злобы. Хотя приближался возраст, когда большинство людей умирает, наказание предательского лейтенанта было слишком лакомым кусочком, чтобы доверять его другому; и поэтому, сдерживая свой гнев, он сразу же приготовился выступить против него. К этому его подталкивало также желание предотвратить любую попытку со стороны завоевателя Мексики, чьи планы даже тогда бросали зловещую тень на улыбающиеся берега Сладководного моря. Однако еще более глубоким импульсом было приближающееся появление нового губернатора с приказом о резиденции, которая, однажды учрежденная, могла бы помешать его отъезду.

Чтобы покрыть расходы экспедиции, Педрариас был вынужден не только использовать свое собственное состояние, но и занять крупные суммы у домовладельцев и купцов. Он сделал это, согласившись поделить с ними прибылью от этого предприятия. Он был достаточно умен, чтобы скрыть, насколько его отъезд был связан с появлением потенциального преемника и резиденцией; и, полагая, что цель заключалась исключительно в том, чтобы защитить Панаму от чужеземного захватчика и мятежника, а также обеспечить ей золотonosную Никарагуа с ее зарождающимися колониями и торговлей, люди были весьма охотно готовы помочь ему в столь многообещающем и лояльном предприятии. Панама и Ната уже были опустошены экспедициями Писарро и Альмагро, которые принесли такие блестящие результаты, и Педрариас был вынужден набирать солдат в Акле и Номбре-де-Дьос. Этот дополнительный набор почти опустошил провинцию, так что четыре ее города вместе взятые едва могли собрать достаточно жителей для «средней деревни», как выразился Овьедо. Было также взято большое количество индейцев. Отправление флота состоялось в январе 1526 года.

Кордова не чувствовал себя комфортно с момента побега Сото. Чем больше он размышлял, тем меньше, по его мнению, становилось расстояние между ним и суровым Педрариасом. В своем страхе он вспомнил о Кортесе и послал ему предложение о передаче провинции при условии, что он сохранит командование в качестве его лейтенанта; ведь гораздо лучше было подчиняться великодушному завоевателю Анауака, чье имя служило бы защитой от его прежнего господина, а его удаленное проживание в Мексике могло оставить лейтенанта почти полностью независимым. Как мы видели, этот план был одобрен, но впоследствии от него пришлось отказаться под нажимом из Мексики.

КАЗНЬ КОРДОБЫ. Более чем странное поведение Кордобы при встрече с Сото подготовило нас почти к любой малодушию с его стороны. Либо слепое доверие к Кортесу сделало его беспечным, либо прибытие в Леон седовласого Педрариаса было неожиданно внезапным; в любом случае, похоже, что он даже не пытался защищаться. Вероятно, поселенцы были разочарованы его недостатком мужества и не поддерживали его. Все, что мы знаем, это то, что он и его друзья смиренно встретили губернатора и пытались отрицать свою вину, утверждая, как и в случае с Васко Нуньесом, что если бы у них были мятежные намерения, они не осмелились бы явиться без оружия, а бежали бы или защищались. Однако дело было слишком очевидным, и Педрариас не простил: голова Кордовы была необходима в качестве урока для подобных претендентов. [\[XX-4\]](#)

Устранив таким образом своего мятежного подчиненного, Педрариас приступил к обеспечению постоянного управления провинцией и расширению своей юрисдикции,

насколько это было возможно. Если Никарагуа принадлежала Кастилии-дель-Оро, как он, конечно, утверждал, то к ней должны были относиться и восточные и северо-восточные территории этой области, по крайней мере до залива Гондурас, который явно являлся естественной границей. Усилия Гиль Гонсалеса по обеспечению безопасности Гондураса показывали, что он также считал эту провинцию принадлежащей Никарагуа. Но, прежде всего, разве не был устранен страшный Кортес, и разве его лейтенант Сааведра не командовал лишь горсткой людей? Какое еще более убедительное доказательство его права могло быть? Но даже в этих обстоятельствах необходимо было проявлять осторожность, и он решил сначала обеспечить только прилегающую пограничную территорию. С этой целью капитаны Уртадо и Рохас были отправлены для занятия долины Оланчо. Местные жители слишком хорошо помнили предыдущее вторжение под командованием Рохаса, чтобы чувствовать себя в безопасности (), и поспешили с жалобами в Трухильо. Сааведра, который видел опасность потворства посягательствам со стороны такого соседа, послал двух послов ([\[XX-5\]](#)) с требованием немедленного вывода никарагуанских войск. Педрариас был к этому готов, и его ответ был гладким и уклончивым. Ради мира он договорится с Кортесом о его притязаниях в этой области и передаст все дело на рассмотрение аудиенции. А пока между соотечественниками не должно быть ни ссор, ни попыток перехитрить друг друга.

Тон и манера старого придворного убедили бы более опытных людей, чем посланцы из Гондураса, и с удовлетворением в сердцах они отправились нести мирное послание своему вождю. Педрариас достиг своей цели. Он никогда не подумывал писать Кортесу или передавать какой-либо вопрос на рассмотрение аудиенции.

Новые инструкции были немедленно отправлены Уртадо и Рохасу, и пока послы убаюкивали Сааведру ложной безопасностью, они напали на его сторонников в Оланчо, разгромили их и захватили их имущество. Затем победители продвинулись на север с целью занять Нативадад и обеспечить своему вождю столь необходимый порт на Северном море, через который можно было бы получать припасы и поддерживать связь с Испанией и островами, поскольку путь через Панаму был слишком длинным и дорогостоящим. Узнав об их передвижениях, Сааведра послал отряд, чтобы перехватить их. Капитаны не были готовы сопротивляться столь сильному отряду и, как и их господин, прибегли к красивым словам, обе стороны пообещав мирно вернуться домой. Но ни одна из сторон не верила в эти заверения и каждая решила следить за другой. Рохас, в частности, продолжил поход на Нативадад, а Уртадо вернулся в Оланчо, чтобы защитить свои интересы там. Отряд Трухильо преследовал последнего, и завязалась битва, в которой они одержали победу, потеряв двух человек. Эти стычки , заметили туземцы и увидели в этом свою возможность. Они атаковали Нативадад, и испанцы, изгнанные после сражения, в котором погибло несколько человек, укрылись в естественной крепости, чтобы оставаться там до прибытия подкрепления. [\[XX-6\]](#)

УБИТЫ ХУРТАДО И ГРИХАЛЬВА.

Рохас, по-видимому, узнал об этом восстании вовремя, чтобы отступить в Оланчо; но и здесь вожди собрали войско [\[XX-7\]](#) , чтобы отомстить за обиды, нанесенные солдатами Педрариаса. По их приказу они принесли кукурузу и материалы для постройки домов, воспользовавшись случаем, чтобы спрятать в связках оружие. Оно должно было послужить коренным жителям, которые оставались в лагере или рядом с ним, ожидая приближения своих вооруженных соотечественников. Когда все было готово, был дан сигнал, и смуглые враги незаметно подкрались к ничего не подозревающим испанцам. Живя в окружении предательства, кажется невозможным, что они позволили себя усыпить таким образом. Внезапно лес, холмы и долины ожили от индейцев, и тишина была нарушена пронзительным криком, когда первая жертва встретила

свою судьбу. Сигнал был подхвачен, и тысячи людей издали крик мести, который раздался по лесистым склонам и вернулся к обреченной группе. Сопротивление, казалось, мало им помогало. Шестнадцать человек были убиты, несколько сбежали к дружественному вождю по имени Гуатуканола, а двадцать лошадей были потеряны. Поселение было разграблено и сожжено. Среди павших были капитан Уртадо, который оказал столько выдающихся услуг как исследователь, лидер и основатель, и Хуан де Грихальва, человек, который, будучи капитаном кубинской экспедиции, удостоился чести открыть мексиканский материк и который мог бы даже завоевать славу этого блестящего завоевания, если бы не его тонкое чувство чести и другие мужественные качества. Часто слишком строгая честность препятствует пути к величию. В любом случае, эти качества лишили его благосклонности его господина и губернатора Веласкеса, и, несмотря на его верную службу, мужество и талант, он был отправлен в изгнание, чтобы умереть без почета в этой пустыне. [\[XX-8\]](#)

Рохас прибыл вскоре после этого и попытался восстановить мир, но туземцы были слишком сильны для него, и в течение многих лет они удерживали свои позиции. Сааведра обвинил Педрариаса в том, что он был причиной катастрофы, и не без оснований, поскольку вероломное поведение его капитанов способствовало восстанию. Последовала череда ссор и взаимных обвинений, но Сааведра не предпринял никаких активных шагов против никарагуанских захватчиков. Увидев, что его противник так смирный, старый губернатор почувствовал себя достаточно смелым, чтобы сделать шаг, о котором он так долго размышлял, — обеспечить владение остальной частью Гондураса. С этой целью он отправил капитана Диего де Альбитеса и Себастьяна де Беналькасара, регидоров Леона, вместе с нотариусом Эспиносой, чтобы потребовать подчинения Сааведры и кабилдо Трухильо его юрисдикции. Однако едва посыльные отправились в путь, как из Панамы пришла весть, которая заставила Педрариаса поспешно вернуться на перешеек, оставив управление страной под совместным руководством нескольких своих самых доверенных офицеров, среди которых Мартин Эстете фигурировал в качестве генерал-лейтенанта. [\[XX-9\]](#)

ПЕДРО ДЕ ЛОС РИОС.

Новый губернатор Кастилии-дель-Оро Педро де лос Риос прибыл со своим флотом в Номбре-де-Дьос 30 июля 1526 года, [\[XX-10\]](#) сопровождаемый, как это было принято в таких случаях, многими последователями, среди которых были Лиценциадо Хуан де Сальмерон, алькальде-майор; Бахильер Диего де Коррал; Диего Гутьеррес де лос Риос, племянник, и Эгас де лос Риос (), сводный брат губернатора. Овьедо также был в составе группы, получив в награду за обеспечение смены власти назначение генерал-капитаном и губернатором провинции Картахена. На следующий день после прибытия новые чиновники принесли присягу, и в течение четырех недель они поселились в Панаме. Юрисдикция Риоса охватывала ту же территорию, что и юрисдикция Педрариаса, за исключением Парии и Верагуа. Как обычно, ему было особо предписано следить за хорошим обращением с индейцами и содействовать образованию городов в здоровых местах. По всем важным вопросам он должен был консультироваться с алькальдом-майором, как человеком, знакомым с законом и верным слугой короля. Губернатор был уполномочен разрешать все споры и наказывать все преступления в соответствии со своим суждением и законами страны, а в отношении воров и грабителей ему было рекомендовано даже выходить за рамки закона. Эта власть прекрасно подходила для такого реформатора, каким был Риос, но растущее ликование народа по поводу отстранения старого губернатора быстро утихло, когда, как говорит Овьедо, на месте одной отрубленной головы гидры появились две другие. [\[XX-11\]](#)

Педро де лос Риос был совсем другим человеком, чем Педрариас; в этой истории мы вряд ли еще встретим кого-то, равного старому губернатору Дариена. Хотя новый губернатор был более крупным, ему не хватало силы духа старого; ему не хватало хитрости, неукротимой энергии и мстительной упорности Педрариаса. Однако он любил золото, и в этом пристрастии его разделяла жена, которая даже превосходила его в этом отношении. В соответствии с королевскими приказами, одними из его первых действий были конфискация имущества и поместий Педрариаса, включая его энкомьенды, установление контроля над Жемчужными островами и их доходами, а также удержание всех энкомьенд () до тех пор, пока не будет захвачена резиденция уходящего губернатора. Педрариас знал, что его власть в Панаме утрачена, но он не хотел терять свою собственность. Только финансовая катастрофа могла заставить его покинуть Никарагуа в этот критический момент.

Новость о его прибытии принесло судно, груженное похищенными никарагуанцами, которых собирались продать с аукциона на рынке в Панаме. Сам он прибыл в Нату в декабре, а после того, как написал Риосу, 3 февраля 1527 года появился в столице. Три дня спустя Сальмерон провозгласил резиденцию.

Не зная, кто будет судьями, Педрариас принял меры предосторожности и обратился к Индийскому совету с просьбой предоставить ему право обжаловать любое решение, которое может быть вынесено против него. И это было предоставлено ему с приказом немедленно выплатить любое судебное решение на сумму менее десяти тысяч мараведи и внести залог, который должен был покрыть все суммы более крупных исков. Кроме того, он увез с собой в Никарагуа и оставил там тех, кто мог бы наиболее помешать ему в его резиденции. Таким образом, большая часть обиженных оказалась вне досягаемости, и их шанс был упущен.

Он также отправил Энсисо в Испанию, чтобы тот представлял его интересы при дворе и нейтрализовал интриги его врагов. В результате от короля своевременно поступила цедула, согласно которой в ходе нынешней резиденции не должны были подниматься вопросы, касающиеся дел, рассмотренных в ходе мнимых расследований под руководством Аларконсильо. Это еще больше уменьшило количество жалоб на Педрариаса, и поскольку он сразу же обратился к своему судье, не жалея ни денег, ни смирения, и поскольку он все еще имел влияние, его слабо представленные преступления были восприняты легкомысленно. Овьедо счел себя чрезвычайно обиженным в ходе этих разбирательств и громко изложил свои жалобы. После представления длинного списка претензий, которые были отклонены, историк был рад, что избежал убийства от рук своего давнего врага [Аларконсильо \(\). \[XX-12\]](#) Обвинения, конечно, были отправлены в Испанию, [\[XX-13\]](#) с указанием случаев злоупотребления властью и частных мошенничеств. Среди более серьезных обвинений было хищение королевских денег, которые помогли увеличить перевод в размере семидесяти тысяч песо де оро, тайно отправленный в безопасное хранилище в Испании. Эти обвинения были настолько настойчивыми и загадочными, что Индийский совет провел неоднократные консультации по этому делу.

ПЕРЕД ИНДИЙСКИМ СОВЕТОМ. Но Педрариас не сидел сложа руки. Он попросил своих влиятельных родственников рассказать королю о многих ценных услугах, которые он оказал как в Африке, так и в Индии. Слова агента Энсисо были столь же убедительными и сделали эти записи яркими, подкрепленными ослепительными сокровищами Жемчужных островов. [\[XX-14\]](#) Педрариас не только был оправдан и восстановлен в своих правах и владениях, но и был осыпан новыми милостями. Однако правительство Панамы ему вернуть не удалось; в самом деле, корона не была так ослеплена, как некоторые из ее сателлитов, многими злодеяниями, которые характеризовали правление Педрариаса в

Кастилье-дель-Оро. В любом случае, было сочтено целесообразным дать угнетенной провинции возможность оправиться от эгоистичной тирании его правления под более отеческим надзором. Однако его проницательная дальновидность и обычная удача прокладывали новый путь. Так случилось, что Гиль Гонсалес, законный претендент на Никарагуа, умер примерно в то время, когда Педрариас направил королю восторженный отчет о ресурсах этой провинции, сопровождаемый обещаниями больших доходов. Теперь он не только имел право на первоочередное рассмотрение на пост губернатора, но и, вероятно, считалось выгодным для королевской казны (), чтобы человек с такими природными склонностями к вымогательству получил поле деятельности, где для развития неисчислимых богатств требовалась только бдительная энергия. Звезда Педрариаса снова выходила из-за гор Гиперборейских, но ее блеск был приглушен облаками, поднимающимися на этот раз в направлении Гондураса.

ГЛАВА XXI.

СОПЕРНИЧАЮЩИЕ ГУБЕРНАТОРЫ В ГОНДУРАСЕ И НИКАРАГУА.

1526-1530.

Колониальная политика — Сальседо смещает Сааведру с поста губернатора Гондураса — Побег Сааведры — Послы Педрариаса попадают в ловушку — Сальседо вторгается в Никарагуа — Его жестокость и вымогательство — Страдания колонистов — Риос также предъявляет свои претензии, но терпит поражение — Педрариас следует за ним и одерживает победу — Позорная судьба Сальседо — Экспедиция Эстете — Прибыль и ужасы охоты на рабов — Гладиаторские наказания восставших туземцев — Замыслы Педрариаса по расширению владений — Он захватывает Сальвадор и жаждет Перу — Оба ускользают от него — Дальнейшие унижения и смерть — ХАРАКТЕР ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ.

Одной из главных причин, вызвавших споры между соперничающими лидерами за владение Никарагуа и Гондурасом, была политика, которой руководствовался Совет Индий в отношении колониальных владений Испании. Постепенно открытие Колумба приобрело гигантские масштабы, и неопределенные и неизвестные границы территорий, которые были переданы первым губернаторам, становились все более четкими и определенными. Тогда впервые была установлена огромная протяженность открытий и обширные владения, которые были выделены каждой колонии. Испанский двор считал разумным и благоразумным разделить такие обширные владения на более мелкие государства и управлять ими многими, а не подчинять все юрисдикции нескольких высокомерных вице-королей. Таким образом, можно было легче контролировать отдельных лиц, а отдаленные провинции Нового Света можно было легче удерживать в подчинении. Именно с этой целью ауденсия убедила Эрнандеса де Кордобу () отказаться от верности Педрариасу, а испанское правительство поддержало предприятия не только Гиль Гонсалеса, но и Олида. [\[XXI-1\]](#)

Однако прибегать к оружию как способу урегулирования разногласий было совершенно нежелательно, и когда император узнал о начале военных действий между колонистами Гондураса и Никарагуа, он категорически запретил испанцам поднимать оружие друг на друга под страхом его сурового недовольства. Чтобы лучше сдерживать завоевателей с обеих сторон и продвигать свою политику, он решил назначить новых губернаторов для этих провинций. и таким образом Педрариас, в значительной степени благодаря своей жене и влиянию семьи, получил долго желанный озерный регион еще до того, как стали известны результаты его резиденции; а Гондурас был передан еще в 1525 [году \[XXI-2\]](#) Диего Лопесу де Сальседо, несмотря на огромные усилия и средства, затраченные Кортесом на его колонизацию, полностью из собственных ресурсов. [\[XXI-3\]](#)

СААВЕДРА И САЛСЕДО.

В то время Сальседо проживал в Эспаньоле, и, получив назначение вместе с инструкциями расследовать недавние беспорядки и наказать виновных, он сразу же приготовился к отправлению. Аудиенция также приняла инструкции близко к сердцу и, считая Кортеса причастным к беспорядкам, конфисковала один из его кораблей в Санто-Доминго вместе с грузом товаров. [\[XXI-4\]](#) Прибыв в Трухильо, Сальседо

обнаружил, что поселенцы живут в мире. Сааведра и алькальде Фигероа показали пример другим чиновникам, выразив почтение новому правителю, который торжественно вступил в должность 27 октября 1526 года.^[XXI-5] Первым актом нового режима было расследование недавних политических беспорядков, в результате которого были арестованы Сааведра, регидоры Гарника и Вега, а также два поселенца по имени Мартин Кортес и Моралес, которых поместили на корабль для передачи судьям в Эспаньоле. Их охрана была поручена Диего Морильо, который был снабжен судебным персоналом, чтобы придать ему больший авторитет. Но символ закона не произвел должного впечатления на заключенных, которые в этом отношении были не менее проникнуты духом времени, чем Педрариас и его последователи. Они слишком хорошо знали, на что способны великодушные правители Санто-Доминго, и решили попытаться обрести свободу. Едва материк исчез из виду, они обратились к капитану с просьбой о сочувствии. Их аргументы были достаточно весомы, чтобы убедить его, и не только оковы были переданы Морильо, но и все его имущество было конфисковано. Курс судна был изменен на Кубу, где мятежники рассеялись в поисках более широких сфер деятельности.^[XXI-6]

Вскоре после вступления Сальседо в должность три посланника Педрариаса прибыли в Трухильо. Обнаружив вместо самозванца Сааведры королевского губернатора, они не рискнули предъявить свои требования о подчинении провинции, а вместо этого попытались вернуться в Никарагуа () и предупредить своего господина. Однако Сальседо арестовал их как причастных к беспорядкам в Никарагуа и Оланчо и перевернул ситуацию, объявив Педрариаса обвиняемым, подлежащим суду резиденции в Панаме, а Никарагуа — подпадающей под юрисдикцию Гондураса, а не Кастилии-дель-Оро. Фактически он намеревался немедленно вступить во владение, и в этом его поддержали прошения антипедрарианской фракции этой провинции. Границы правительства Сальседо не были определены, и что могло быть естественнее, чем основывать приятную иллюзию о том, что Никарагуа должна принадлежать к его юрисдикции, на претензиях Кортеса и Гонсалеса? Дополнительным оправданием послужили недавние политические беспорядки в этой провинции, которые он, как королевский чиновник, был обязан прекратить. Плененные послы должны были сопровождать его в качестве проводников и заложников.

Подготовка была скоро завершена, и Сальседо отправился в путь с почти ста пятьдесят всадниками, оставив небольшой отряд в Трухильо под командованием Франсиско де Сиснерос.^[XXI-7] Он послал вперед Алонсо де Солиса, одного из своих капитанов, и священника с поручением доложить ему о положении индейцев во всем округе: были ли они дружелюбны или нет, и каково было их отношение к христианской вере, которую они ранее провозгласили своей. Солис быстро вернулся с информацией о том, что группы испанцев бродят по долине Оланчо. Сальседо двинулся на них, и произошла стычка, в которой погибли два человека. Подозревая, что Альбитес и его товарищи могут быть связаны с этим неблагоприятным событием, он отправил их обратно в Трухильо с указанием немедленно передать их в Санто-Доминго по обвинению в подстрекательстве к восстаниям коренного населения и другим беспорядкам. Однако эти обвинения не были подтверждены (), и заключенные вскоре вернулись, будучи полностью оправданными.

БЕДЫ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ.

Еще одно препятствие охладило энтузиазм участников экспедиции, и казначей Кастильи, среди прочих, настоятельно

призывал отказаться от экспедиции; но прекрасные берега Сладководного моря слишком сильно захватили воображение Сальседо, поскольку, по слухам, они были усыпаны золотом. Нет, он знал свой долг как королевский чиновник и хотел распространить свое благотворное правление на эту область. Что касается его потерь и разочарований, то он соби́рался обратиться к всеобщему источнику возмещения — коренному населению. Кацики были вызваны, чтобы предоставить индейцев для переноски грузов и сбора продовольствия, и солдаты отправились выполнять приказ. Ряд лиц, подозреваемых в соучастии в беспорядках в Нативададе, были повешены, а другие обращены в рабство, чтобы в конечном итоге быть высланными из страны и проданными. Их страдания были велики. Те, кто потерял родственников или близких друзей, бежали в горы, предпочитая голод и смерть жестокому угнетению со стороны чужаков. Это чувство распространилось и на район Комаягуа, вызвав недоверие, которое сразу же переросло в восстание. Испанцы немедленно напали на них, и началось страшное кровопролитие. Коренные жители прибегли к пассивному возмездию, отказавшись поставлять продовольствие и даже уничтожив урожай, чтобы испанцы остались без еды и были вынуждены съесть лошадей и собак. Это усилило враждебность по отношению к ним, и даже носильщики подверглись таким жестоким страданиям, что многие бросили свои грузы и попытались сбежать, но были настигнуты и убиты. Паника распространилась, и племена, удаленные от места событий, сожгли свои деревни и поля, чтобы укрыться в горах, опасаясь, что по возвращении Сальседо они подвергнутся аналогичным издевательствам.

В Никарагуа слухи об этих событиях побудили туземцев занять угрожающую позицию, так что, когда испанская группа наконец прибыла в город Леон, ее встретили как спасителей. Эта « » помогла проложить путь для Сальседо, и когда он представил свое поручение Мартину Эстете, ответственному офицеру, и муниципальному органу, они бросили один взгляд на крепкие силы, стоявшие рядом с ним, и признали его действительным. Новый губернатор был приведен к присяге 7 мая 1527 года. Оказавшись в бесспорном владении, гуманность Сальседо претерпела изменения. Он больше не сеял панику в деревнях коренных жителей с помощью набегов; более того, он даже освободил индейцев от угнетения их нынешних хозяев, бывших подданных Педрариаса, и передал их под опытный контроль своих друзей и последователей. Без лишних церемоний лучшие участки были переданы в его руки и руки его сторонников, даже не пытаясь найти оправдание для прежних владельцев. Такие высокомерные действия вызвали всеобщее недовольство не только среди ограбленных поселенцев, но и среди рабов, которых считали скотом и с которыми обращались с жестокостью, сравнимой только с зверствами в Гондурасе. Однако они были более энергичны, чем прежние жертвы, и ответили угрюмым упорством, отказавшись собирать золото или выполнять сельскохозяйственные работы (). Бедственное положение усугублялось, и многие не могли обеспечить себя предметами первой необходимости. Разрыв между двумя расами перерос в открытую войну, в которой права, обиды и страсти часто играли лишь второстепенную роль по сравнению с жадой голода (). [\[XXI-8\]](#)

ПЕДРАРИАС И РИОС.

Страна оказалась в таком бедственном положении, когда появился новый претендент на власть в лице Педро де лос Риос. Обладая той же властью и авторитетом над Кастильей-дель-Оро, что и его предшественник, он считал себя вправе осуществлять юрисдикцию также над Никарагуа, поскольку она была оккупирована и заселена под той же эгидой. Он отложил свой отъезд из Панамы до тех пор, пока Педрариас не оказался в надежных сетях его резиденции и, следовательно, не смог возразить. Но последний был

заинтересован в его отъезде, надеясь, что это приведет к изменениям в его пользу, возможно, благодаря какой-нибудь благоприятной волне, преданному убийце или предательству со стороны местных жителей, поскольку дорога была новой, а Риос неопытен. В качестве доказательства своего дружеского интереса к проекту Педрариас посоветовал ему вложить значительные средства в товары, которые должны были принести большую прибыль. Такой совет нельзя было игнорировать, и, как того хотели обстоятельства, губернаторский торговец был принят с распростертыми объятиями сильно угнетенными поселенцами Никарагуа. Но Риос не обладал той дальновидностью, которая характеризовала действия фискала Морено в Гондурасе двумя годами ранее, и, когда он представил свои претензии на высшую должность, колонисты ответили ему холодным взглядом. Они не увидели в его полномочиях ничего, что прямо включало бы Никарагуа в состав Кастилии-дель-Оро, и, хотя они были сильно угнетены алчными и деспотичными мерами Сальседо, они решили поддержать губернатора, которого могли назвать своим, а не подчиняться тому, кто проживал на таком расстоянии и явно намеревался обогатить себя и Панаму за их счет.

Не исключено, что причиной перемены отчасти был Педрариас, чьи эмиссары надеялись таким образом настроить нового претендента против его предполагаемых подданных. Однако Сальседо был достаточно силен, чтобы с помощью своих войск диктовать условия своему сопернику, и он категорически приказал ему покинуть провинцию в течение трех дней под угрозой штрафа в десять тысяч песо. Риос слишком уважал свою тучную фигуру, чтобы подвергать ее унижительному обращению. Тем не менее, он бы задержался, если бы угроза штрафа не подтолкнула его к отъезду. В суматохе отъезда он даже забыл о своей подагре, которая в тот момент сильно мучила его, и его стоны возобновились только тогда, когда корабль повернул нос к Панаме. Однако он увез с собой одно утешение (), чтобы успокоить свое расстроенное настроение: он заставил этих грубых колонистов заплатить в десять раз больше за свой груз товаров. В конце концов, путешествие оказалось не бесполезным, и он про себя посмеялся над этой мыслью. На обратном пути он остановился в Бруселасе, в заливе Никоя, где его встретили дружелюбно. Узнав об этом, Сальседо с мстительной ревностью послал отряд из шестидесяти всадников под командованием Гарабито, чтобы уничтожить гостеприимный город.

Самый жестокий деспот вряд ли мог бы вести себя с большей капризной суровостью, чем эти мелкие выскочки-лейтенанты в Индиях. Сальседо был, очевидно, достойным преемником Педрариаса в том, что касалось проявления ревности, жадности и жестокости, но ему не хватало некоторых командных качеств, которые так часто позволяли последнему переживать бурю, вызванную его тираническими порывами. Его правление было коротким и бесславным. Одним из его последних действий, которое носило облегчающий отпечаток публичной меры, было поручение Габриэлю де Рохасу исследовать Рио-Сан-Хуан, выход из озера, и основать там поселение.

Этот приказ был проигнорирован, поскольку как раз в это время появился слух, что Педрариас собирается вернуться на пост губернатора. Этого было достаточно, чтобы вызвать всеобщее недовольство Сальседо. Сначала он отнесся к этой новости как к абсурдной, но когда пришло сообщение, что Педрариас действительно находится в пути с королевским поручением, он решил собрать своих разрозненных сторонников и бежать. Этот шаг оказался роковым, поскольку подтолкнул все еще колеблющегося Эстете и его друзей высказаться в пользу ожидаемого вождя. Чиновники Сальседо были арестованы, что лишило исполнительную власть возможности действовать, а его лошади были конфискованы, чтобы он не смог избежать расплаты. Демонстрация против свергнутого

губернатора стала настолько злобещей, что он покинул здание, которое до сих пор давало ему убежище, и укрылся за защитными стенами церкви. Там он и оставался под строгой охраной повстанцев до прибытия Педрариаса. Несколько человек высказали Эстете () протест в связи с этими произвольными действиями, основанными лишь на сообщении из Панамы, но этот чиновник, который мог только выиграть от этого движения, если бы сообщение оказалось правдивым, заявил, что Педрариас должен быть поддержан, даже если он прибыл без королевской комиссии. В любом случае, сейчас было бы самоубийством возвращать к власти безжалостного Сальседо. [\[XXI-9\]](#)

Все сомнения были развеяны с прибытием старого губернатора в Леон в марте 1528 года, и своевременные перебежчики были щедро вознаграждены: Эстете получил командование Леоном, а Диего де Техорина — Гранадой. Сразу же после получения назначения Педрариас поспешил в Никарагуа, оставив в Панаме агента, чтобы тот завершил его резиденцию и собрал конфискованное имущество и вещи. В связи с новым правительством король назначил Лиценциадо Кастаньеду мэром, а Диего де ла Тобилья казначеем, и оба они прибыли через восемь месяцев. [\[XXI-10\]](#)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ САЛЬСЕДО.

Дело Сальседо привлекло первое внимание нового правителя, и начали поступать жалобы и обвинения, главным из которых было то, что он разместил шпионов, чтобы следить за прибытием Педрариаса, и местных убийц, чтобы убить его. Было распоряджено провести расследование, чтобы выяснить также, имел ли Сальседо королевское разрешение на вход на эту территорию. Обвиняемый, конечно, отрицал обвинения и заявлял, что он прибыл туда лишь для того, чтобы умиротворить страну в соответствии со своими инструкциями. Он требовал свободы, чтобы отправиться в Гондурас, где король нуждался в его присутствии в качестве губернатора. Любой другой человек мог бы испугаться требования, сопровождаемого столь убедительным упоминанием королевского имени, но Педрариас слишком часто игнорировал даже прямые приказы своего суверена, чтобы заботиться о косвенных требованиях. Он выставил перед лицом обвиняемого недавно полученный королевский приказ, запрещающий ему вмешиваться в дела Никарагуа, и заявил, что, поскольку он это сделал, есть все основания для резиденции. Приказ об этом может поступить в любой момент, и он должен дать залог, чтобы ответить на предъявленные ему обвинения. Поскольку залог не был предоставлен, его поместили под стражу, а когда он попытался сбежать, его поместили в строгий арест.

Десять утомительных месяцев Сальседо пролежал в заключении. Наконец, казначей Тобилья и Осорио, впоследствии ставший епископом, вмешались и добились мирного урегулирования. Но условия, вынужденные им принять в обмен на свободу, были настолько унижительными, что стыд и досада мучили его разум и разрушили его здоровье, и без того ослабленное тюремным заключением. Он был вынужден отказаться от своих притязаний на юг и пообещать ограничиться треугольным участком территории, ограниченным на востоке и западе мысом Грасиас-а-Дьос и Пуэрто-де-Кабальос. [\[XXI-11\]](#) Трое посланников Педрариаса, которых он послал в Эспаньолу, чтобы ответить на ложные обвинения, и которые вернулись оправданными, должны были получить компенсацию, а он должен был дать залог в размере двадцати тысяч песо, чтобы явиться в случае, если против него будет возбуждено дело. В канун Рождества 1528 года двери тюрьмы открылись перед ним, и некогда блестящий Сальседо вышел, бледный и истощенный, обремененный немощами тела и ума, вызывая сострадание даже у угнетенных индейцев. Это была игра мошенника против мошенника, и Педрариас, как обычно, оказался победителем. Сальседо чувствовал, что он не заслуживает сочувствия ни со стороны угнетенных колонистов, ни со стороны

жестоко обращавшихся с ним туземцев (), и через десять дней он отправился в защищенные пределы своего собственного правительства.

Исследование реки Сан-Хуан.

Педрариас задолго до этого предпринял шаги, чтобы обеспечить себе обширные территории, которые он намеревался вымогать у своего пленника, главным образом потому, что, по сообщениям, они были богаты золотом. Для этого были и дополнительные мотивы. Сообщение о богатстве провинции полезными ископаемыми побудило короля поинтересоваться целесообразностью строительства плавильных заводов и принятия других подобных мер, и хотя алчному старому губернатору не требовалось дополнительного стимула для поиска золота, это сообщение было воспринято как хороший повод для его приготовлений. Поэтому уже запланированная экспедиция Рохаса к устью реки, вытекающей из озера, получила приказ продолжить путь, усилившись до более чем ста пятидесяти человек, но главное командование было поручено Эстете с инструкциями исследовать страну, в частности на наличие полезных ископаемых, захватить ее для Педрариаса и основать поселения на реке и вдоль побережья, как того желал король. На реке, где она принимает воды озера, было основано поселение Нуэва-Хазн, которое сначала было полно блестящих надежд на обширную торговую деятельность и процветающую колонию, но было обречено на быстрое заброшенность. От устья реки Сан-Хуан отряд следовал вдоль побережья на север, прокладывая себе путь с помощью клейма и меча, и, как и ходили слухи, обнаружил хорошие рудники на мысе Грасиас-а-Дьос. Там они основали еще одну колонию, которой был поручен Рохас, а Эстете вернулся в Леон.

Их путь туда был окрашен кровью в результате жесточайшего обращения с туземцами, выражавшегося в массовом порабощении и бессмысленном кровопролитии, и это несмотря на неоднократные и строгие приказы короля о хорошем обращении с ними. [\[XXI-12\]](#) Какая польза была от приказов, которые не соответствовали вкусам мастера Педрариаса! Отправляясь в Кабо-Грасиас-а-Дьос, Эстете получил из сундука, который по приказу короны хранился под тремя замками, клеймо, которое предназначалось для использования только в отношении мятежников и преступников, и, следуя своему окольному маршруту, он без разбора захватывал и клеймил всех туземцев, которые попадали в его руки, и отправлял их в качестве рабов Педрариасу в Леон. Пленников связывали железными ошейниками вокруг шеи, сковывали цепями в группы и заставляли нести тяжелые грузы. Когда кто-то падал от истощения, чтобы сэкономить время и силы, ему отрубали голову, и это освобождало ошейник, чтобы остальные могли идти дальше. [\[XXI-13\]](#)

Эта и другие экспедиции по похищению людей, проводившиеся в основном в интересах Педрариаса, практически насытили Леон и Гранаду пленными; но если их нельзя было использовать здесь, существовал другой способ их использования. Как мы уже видели, коренное население перешейка было уже настолько сильно сокращено постоянно капающим мечом, не менее быстрыми мерами безжалостных надсмотрщиков и бегством охваченных паникой приграничных племен, что поселенцы с трудом заполняли постоянно возникающие пробелы в своих трудовых бригадах. Соответственно, в Панаме был открыт работорыночный рынок, где коренные жители продавались с аукциона. Его создателем был Педрариас, и, проявляя отцовскую заботу о своем прежнем правительстве, он считал своим долгом поддерживать учреждение, столь полезное для колонистов и столь утешительное для его казны. В результате возникла регулярная торговля индейскими рабами (), и в это время различные лица доставили в Панаму несколько кораблей с грузом. [\[XXI-14\]](#)

ДЕПОПУЛЯЦИЯ.

Несчастные пополняли ряды не только из отдаленных районов, но и из самого центра озерных поселений, и их захват в немалой степени способствовал истреблению населения с помощью меча и кнута. Когда Гиль Гонсалес впервые вступил в страну, она была густонаселена, и, как говорили, только в одном городе Манагуа проживало сорок тысяч душ. Несколько лет испанского правления хватило, чтобы превратить целые районы процветающей страны в необитаемые дикие земли, оставив здесь и там лишь небольшие общины запуганных туземцев, стонущих под гнетом жестоких и грабительских хозяев. Обратившись к своим идолам, они получили заверение, что можно вызвать наводнение, но в нем погибнут как индейцы, так и испанцы. Таково было утешение, которое давала им их религия. Хотя у них не хватило мужества прибегнуть к этому средству, женщины повсеместно приняли решение не продолжать род, обреченный на рабство и жестокую смерть.

Сначала, когда их численность еще давала им уверенность в себе, они рискнули возобновить военные действия, которые под командованием Сальседо привели к таким кровавым результатам. Вскоре после отъезда Эстете в Кабо-Грасиас вспыхнуло всеобщее восстание. В районах Леона и Гранады кровопролитие было предотвращено, но в глубине страны произошла массовая резня туземцев, и хотя испанцы потеряли сравнительно немного людей, потери были увеличены ужасами каннибализма. [\[XXI-15\]](#) Среди жертв были Алонсо Перальта, королевский казначей, гидальго по имени Сурита и два брата по имени Баллас, которые в 1528 году вышли из города Леон, чтобы посетить индейцев, которые были им соответственно выделены. Никто из них не вернулся; все были убиты своими вассалами. Педрариас отправил отряд солдат, которые схватили восемнадцать вождей, предположительно причастных к убийствам.

Индейцы с каждым днем становились все более смелыми и проблемными, поэтому был придуман новый способ навести на них ужас. Так же как при внедрении христианства среди туземцев дипломатия часто заменяла логику, так и в войне и наказаниях изысканная жестокость, в которой преуспевал пожилой Педрариас Давила, считалась наиболее эффективным средством умиротворения. Губернатор Леона решил устроить грандиозное зрелище, в чем-то напоминавшее гладиаторские бои в Риме. На городской площади было сооружено ограждение, и в назначенный день туда привели индейских вождей. Одного из них вывели на арену и дали ему крепкую палку или дубинку, чтобы он мог защищаться от собак, которых собирались выпустить. Сначала на него натравили пять или шесть молодых и неопытных животных, которых он легко сдерживал своей палкой. После того как зрители понаблюдали за этим зрелищем, пока оно не стало скучным, и как раз когда несчастный пленник начал радоваться, надеясь, что благодаря своему мастерству и храбрости он спас свою жизнь, на него набросились два свирепых гончих, схватили его за горло, повалили на землю, разорвали на куски и съели внутренности, при помощи все еще лающих щенков. По свидетельству Овьедо, очевидца, эта ужасная сцена повторялась семнадцать раз. Педрариас приказал оставить трупы на земле в качестве предупреждения для других, но вскоре зловоние стало невыносимым, и индейцам разрешили убрать их. [\[XXI-16\]](#)

Таким образом, попытка открыть трансконтинентальный маршрут через Сан-Хуан не только провалилась, но и принесла с собой множество бедствий, как мы уже видели. Однако Педрариас не был готов без борьбы отказаться от столь плодотворного проекта в Панаме, и, поскольку полоса земли между Леоном и Кабальосом хорошо подходила для строительства дороги, он приготовился открыть ее. Но от короля пришел приказ, запрещающий эти работы. Перешеек считался достаточным для существующего движения, кроме того,

существовали опасения, что при строительстве новой дороги погибнет слишком много людей.

САЛВАДОР. Одной из целей Педрариаса в связи с этим предприятием было обеспечить владение западной территорией, отвоеванной у Сальседо, и в этом он, во всяком случае, был полон решимости не потерпеть поражения. Соответственно, Эстете был отправлен на север с сильным отрядом в сопровождении Рохаса. Сначала он должен был исследовать северные озера, чтобы определить их выход, а затем занять район между Гольфо-Дульсе и Южным морем, к северу от залива Фонсека. Эта провинция, известная как Сальвадор, уже была завоевана Альварадо, лейтенантом Кортеса; но Педрариас знал, что поселенцев, оставшихся в владениях Сальвадора, было не много, и что король скорее одобрит присоединение провинции к соседнему небольшому правительству Никарагуа, чем к далекой и слишком обширной Новой Испании. Кроме того, на нее претендовал Гондурас, а теперь эта претензия принадлежала ему. Эстете продвинулся вглубь Сальвадора и занял город, основанный там Альварадо. Несмотря на свою малочисленность, поселенцы отказались признать власть никарагуанского губернатора, и его лейтенант удалился в город Перулапан, которому он присвоил громкое название Сюдад-де-лос-Кабальерос, вместе с группой чиновников, которые должны были помогать ему в приятной задаче угнетения и порабощения. Однако его власть продлилась недолго, поскольку Хорхе де Альварадо, тогдашний глава правительства Гватемалы, получив известие о вторжении, напал на его поселение и заставил его в спешке эвакуироваться из провинции, потеряв половину своих сил, которые перешли на сторону врага. [\[XXI-17\]](#)

Планы Педрариаса по расширению владений явно не увенчались успехом, и он скорбел о потере многих тяжелых дукатов в этой последней экспедиции. Это было тем более прискорбно, что ему не удалось направить через Никарагуа трансконтинентальный трафик, который принес бы ему богатый урожай. Но выше всего витала скорбь, более глубокая, чем все вышеперечисленное. Перу с его сверкающими богатствами теперь открывалось миру, и никто не был бы более ослеплен этим зрелищем, чем Педрариас, если бы не мучительный факт, что его обманом лишили этих самых сокровищ, или, по крайней мере, их значительной части.

Когда Писарро, Альмагро и Луке организовали первую экспедицию для этого завоевания, Педрариас, тогдашний губернатор Панамы, потребовал четвертую долю в обмен на свою мощную поддержку. Но первые события оказались менее благоприятными, чем он ожидал, и когда поступили требования о денежной помощи для предприятия, он отступил от этой перспективы и позволил себе быть подкупленным за ничтожную сумму в тысячу песо де оро. Вскоре, однако, поступили восторженные отчеты, и он горько осуждал свою глупость, позволившую ему упустить столь богатую добычу; он глубоко возмущался по отношению к бывшим партнерам, которых он не переставал подозревать в двуличии и в том, что они обманули его ложными представлениями.

В то время как он так размышлял, в Никарагуа прибыл Николас де Рибера, уполномоченный перуанскими завоевателями для поиска подкрепления. Он стремился привлечь к этой цели, в частности, Эрнандо де Сото, Эрнана Понсе и Франсиско Компаньона, всех состоятельных людей, у которых было два судна на стапелях, почти готовых и пригодных для плавания. Показывая им на глазах, в калейдоскопической гармонии, несколько образцов сокровищ инков, иллюстрированных не менее привлекательными рассказами, он обеспечил себе активную поддержку не только этих людей, но и толпы обнищавших сторонников.

ПЕРУАНСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ.

Не в последнюю очередь был ослеплен Педрариас. Действительно, он не мог уснуть из-за видений, которые наполняли его мозг.

Наконец, ему пришла в голову идея, что он может здесь исправить свою глупость, обеспечив себе долю в судах и подкреплении, и получить справедливую долю этой золотой эмалированной области, а может быть, и всю. Писарро и Альмагро уже подготовили почву, и ему может даже повезти обеспечить себе плоды их побед. Чтобы успокоить перуанских посланников, он пообещал сделать все, чтобы помочь Писарро и Луке; что же касается Альмагро, то он был обманут им, а его доверчивая натура не могла терпеть обмана. После этого он тайно вступил в переговоры с владельцами кораблей, но переоценил свои силы, потребовав львиную долю в командовании, а также доход. Чувствуя себя обязанным пощадить свой кошелек, он стал искать жертв, которые могли бы предоставить ему средства, и вспомнил о судне Рибера. Был послан альгуасил, чтобы захватить его (), но Рибера получил своевременное предупреждение и сбежал, убедив Понсе, Сото и их сторонников отплыть в Панаму и договориться там с Писарро о щедрой доле в завоевании, оставив позади разочарованного Педрариаса. [\[XXI-18\]](#)

Унижение губернатора усугублялось местными проблемами, что было вполне ожидаемо, учитывая его произвольное правление и вспыльчивый характер, который к этому времени достиг восьмидесятилетней раздражительности. Особенно неприятным событием стало прибытие алькальда-майора Франсиско де Кастаньеды, назначенного королем для ведения судебных дел провинции. Такое разделение власти было для него невыносимым, и под предлогом того, что разные лица, обладающие судебными и губернаторскими полномочиями, неизбежно приведут к беспорядкам, он убедил своих друзей в Испании добиться для него привилегии назначать и отстранять по своему усмотрению алькальдов-майоров и лейтенантов. Тем временем он попытался воспользоваться этой властью, сославшись на наличие королевской седулы, разрешающей ему это сделать; но Кастаньеда, который не был так легко поддающимся влиянию, потребовал от него предъявить документ, а когда этого не произошло, усугубил его досаду, игнорируя его.

Вероятность того, что губернатору будут предоставлены какие-либо произвольные полномочия, была невелика, поскольку против него быстро поступали жалобы на злоупотребления, во главе с влиятельным аюнтамьенто Леона. Серьезным обвинением было растрата. Когда Родриго дель Кастильо сдал свою должность официально назначенному казначею, он воспользовался случаем, чтобы сообщить королю, что Кордова отобрал у индейцев большие суммы золота. Губернатор присвоил все это, не отчитавшись перед короной. Ему также удалось присвоить конфискованное имущество Кордовы и обмануть множество других людей, помимо совершения всевозможных злодеяний и жестокостей. [\[XXI-19\]](#)

СМЕРТЬ ПЕДРАРИАС.

В разгар назревающих беспорядков, в 1530 году, [\[XXI-20\]](#) этот Тимур Индийский скончался в Леоне, достигнув почти девяноста лет. Его тело было похоронено в той же церкви, что и его жертва Эрнандес де Кордова, а его дух отправился на встречу с духом Васко Нуньеса и духами сотен тысяч убитых дикарей, чьи заблудшие души он отправил в мир иной. [\[XXI-21\]](#) Не то чтобы он испугался этой мысли. К этому времени его ум настолько застыл в какой-то непостижимой форме логики, что его было невозможно вывести из равновесия. Более того, он знал, что не сможет избежать неизбежного.

Такая готовность найти утешение заслуживает зависти, тем более что она является истощительной чертой. Ни один человек не является полностью развращенным, как и ни

один не является безупречным. В худшем есть много хорошего, в лучшем — много плохого. И разница между лучшим и худшим в глазах Создателя гораздо меньше, чем в глазах творения. В течение шестнадцати лет, в самый важный период в истории Дариена, важную роль играет вспыльчивый старик, жестокий и мстительный. Его имя печально известно, и это вполне заслуженно. Некоторые из его злодеяний можно объяснить врожденной злобой, другие — слабостью характера, но многие — особыми условиями, связанными с колонизацией новой страны, и учением того времени. Испанские колонисты XVI века, воспитанные в духе чрезмерной лояльности и внезапно удаленные от своего августейшего повелителя в далекие края, были похожи на детей, впервые освобожденных от произвола неразумных родителей. Хотя защитные механизмы общества были устранены, и страстям был дан свободный ход, у них все еще оставались религиозные убеждения, плод раннего воспитания. Этот странный фанатизм, в котором жадность и дьявольские поступки смешивались с мнимым рвением во славу Бога, не только допускал, но и требовал крови и мести. В этих обстоятельствах удивительно не то, что мы находим столько зла в этих испанских авантюристах, а то, что люди, воспитанные и обученные таким образом, проявляют столько благородных и великодушных качеств. Прощай, Педрариас! Немногие из тех, кто прибыл в эти края, о ком можно правдиво сказать, что в них столько зла и так мало добра (). И ты, Смерть, всемогущий уравниватель! Ты, своей быстрой компенсацией, сделала этого ржавого, закаленного старика, этих несколько веков, и все века, о которых расскажет время, не лучше, чем Васко Нуньес, чем Кордова, чем самый подлый из множества дикарей, которых он подло убил, мы восхваляем тебя! [\[XXI-22\]](#)

ГЛАВА XXII.

ПОХОД АЛЬВАРАДО В ГВАТЕМАЛУ.

1522-1524.

Слухи в Мексике о стране к юго-востоку — Умиротворение в этом районе — Вожди Теуантепека и Тутутепека — У ворот Гватемалы — Краткая история коренных народов — Верность и восстание — Подготовка экспедиции — Задержка из-за беспорядков в Пануко — Организация второй армии — Поход — Покорение Соконуско — Взятие Сапотитлана.

За некоторое время до того, как Олид вошел в Гондурас, внимание Альварадо было обращено на Гватемалу. Расположенная между Мексикой и Никарагуа, эта страна была одним из первых звеньев в цепи запланированных завоеваний Кортеса; она занимала передний план в яркой картине, которую нарисовали слухи о южных регионах. Здесь находились величайшие города и прекраснейшие дворцы, поддерживаемые народом, столь же многочисленным и культурным, как и любой другой в Анауаке. Обширное плато с итальянским климатом, озаренное извилистыми ручьями, усыпанное озерами, окаймленными зеленью, давало в изобилии самые изысканные продукты, а горы и русла рек, по крайней мере в пылком воображении завоевателей, были пронизаны жилами золота. Мягкие чувственные жемчужины были распределены столь же щедрой фантазией вдоль берега, омываемого южным морем.

При первом соприкосновении с границами Новой Испании до Кортеса дошли смутные слухи об этом, и пока пленный Монтесума еще правил в Теночтитлане, он искал дополнительную информацию. Сообщения, которые поступали к нему, только усиливали тайну и делали соблазн неотразимым. Поэтому, как только борьба с империей закончилась, он отправил две небольшие группы на юг, и снова разыгралась драма Васко Нуньеса, снова был открыт и завоеван безграничный океан, символ бесконечности, стимул к еще более великим делам, к еще более грандиозным открытиям, «потому что в нем», как пишет Кортес императору, «должны быть найдены острова, богатые золотом и жемчугом, драгоценными камнями и пряностями, а также многими другими секретами и чудесными вещами, как утверждают опытные и ученые люди». [\[XXII-1\]](#)

В этом утверждении было больше, чем просто догадки, поскольку исследователи вернулись с местными посланниками, несущими золото, жемчуг и другие образцы богатств. Кроме того, в соответствии с католической доктриной о присвоении, как я уже упоминал, они не преминули завладеть новыми берегами от имени своих католических величеств, короля и королевы Испании, и воздвигнуть крест, символ их религии. С удвоенным энтузиазмом завоеватели теперь продвигались по новому открытому маршруту и быстро захватили обширные провинции Мичоакан и Оахака. Примерно в то же время пилот Андрес Ниньо расширил границы морских открытий от залива Никоя до самой этой параллели, [\[XXII-2\]](#)

открыв миру безграничные просторы моря, крещенного кровью Магеллана и наделенного им новым именем.

ТЕУАНТЕПЕК И ТУТУТЕПЕК.

Тем временем туземные послы прибывали в Мексику, чтобы возложить дань уважения и богатые дары к ногам бородатого белого вождя. Взамен они были осчастливлены кастильскими безделушками и милостивым снисхождением полубогов, после чего вернулись, чтобы рассказать своим князьям впечатляющие истории, услышанные от чужестранцев, о могуществе и величии их короля, а также о доброте и огромных выгодах, которые можно было получить от покорного союза с ними. Одним из первых, кто поддался на эти рассказы и проявил кротость и дружелюбие (), был правитель Теуантепека. Менее доверчивым был его сосед из Тутутепека, который обладал большим богатством и ни в коем случае не хотел открывать свои ворота алчным захватчикам. Он упрекнул соседа, сказав, что задуманный курс действий приведет к гибели всех. Два вождя уже ссорились раньше по менее важному поводу, чем нынешний, и им было довольно легко поссориться и поднять войну. Если глупый правитель Теуантепека хотел погубить себя и все свое имущество, то лучше было бы, чтобы оно попало в руки соседей, а не чужаков; поэтому правитель Тутутепека напал на него и сильно давил на него, пока правитель Теуантепека не обратился за помощью к Кортесу.

В ответ на эту просьбу Педро де Альварадо был отправлен ему на помощь. Покинув Мехико в начале 1522 года с сильной армией, он пронесся на юг, как вихрь, и в течение нескольких недель вступил в обреченную столицу Тутутепек, захватил вождя и его наследника и удерживал их, требуя огромный выкуп. Но это было еще не все. Ему сказали, что в окрестностях были богатые рудники, и у моря, в которое он вошел с обнаженным мечом, чтобы завладеть им, его глаза наслаждались блестящими жемчужинами. Это решило судьбу прибрежных королевств, и были созданы постоянные плацдармы, которые служили *ядрами* для распространения завоеваний и убежищами для налетчиков, груженных добычей. Именно в этот раз Соконуско был мирно оккупирован испанцами.^[XXII-3] Еще более ослепительным было подтверждение существования чудесных царств киче и какчикелей, которые до сих пор были окутаны ореолом таинственности из-за удаленности, но теперь, благодаря близости, открывали вид на нешуточное величие. Он оказался недалеко от границы, и, имея под рукой проводников, решил послать двух солдат на разведку с поручением выведать о стране и рассказать о ее короле и религии.

И так открываются врата Гватемалы,^[XXII-4] региона, в пределах которого на протяжении веков качалась колыбель американской цивилизации, о которой теперь свидетельствуют самые впечатляющие памятники на всем континенте. История их происхождения скрыта в далеком прошлом, которое исследователи могут увидеть лишь отрывочно. Могущественная империя майя возникает под названием Шибальба, основанная, возможно, Вотаном, героем культуры, и сосредоточенная вокруг знаменитого Паленке. За золотым веком последовали долгие борьбы с растущей силой, которые привели к ее падению в начале нашей эры. Теперь на первый план выходят науа, но примерно через пять веков бедствие обрушивается и на них, и наступает общий распад, приводящий к мощным миграциям и образованию более мелких независимых народов, таких как тольтеки, чичимеки и киче. После этого даже традиция перестает говорить, за исключением смутных упоминаний о более поздней иностранной иммиграции. С этим приходят и некоторые тольтеки, которые после падения своей империи в более северном Анауаке ищут здесь убежище, где снова может расцвести культура, зародившаяся в этом самом регионе и теперь возвращающаяся с новыми силами. Смешиваясь с коренными жителями, они вновь стимулируют прогресс, парализованный гражданскими войнами, вдыхают свежий дух в шаткие институты и, сочетаясь с культурой

коренных народов, развивают новую эру, отраженную в художественных памятниках этого западного плато.

Вскоре начинается серия борьбы, из которой в XII или XIII веке возникает империя киче. Однако подчиненные племена постепенно приобретают достаточную силу, чтобы сбросить иго, которое стало обременительным, и среди новых народов на первом месте стоят какчикели, которые в начале XV века делят власть с киче. Вскоре после этого какчикели сами разделились, и северная, более слабая ветвь образовала зутугилов, их столицами стали Патианамит и Атитлан. Вместе со своими бывшими хозяевами они составляли три соперничающие монархии Гватемалы в начале XVI века. Киче, правившие в Утатлане, тем не менее сохраняли определенное превосходство как в политическом положении, так и в культуре. Кроме того, существует ряд небольших независимых народов, которые только и ждут возможности разжечь вражду между ведущими державами и вступить в союз с той из них, которая, по их мнению, будет способствовать их интересам. Такое положение дел, столь благоприятное для иностранных интриг, не ускользнуло от внимания амбициозных ацтеков, которые уже являются хозяевами приграничной провинции Соконуско. Их агенты фактически разбросаны по всей стране и строят планы дальнейших завоеваний, когда испанцы вмешиваются, чтобы положить свою железную руку на страну, которая здесь, как и в других частях, оказывается слишком хорошо подготовленной для них амбициями и беспорядком.

ПРИЗНАКИ И ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ.

Мы не можем не найти здесь, как и в других местах на страницах истории, предзнаменование этого знаменательного события. Происходили поразительные явления, такие как пожары и нашествия саранчи; появлялся огненный шар, который много вечеров поднимался на востоке и следовал по пути солнца; были и другие подобные предзнаменования. Когда встревоженные священники отправились искать объяснения у оракула черного камня в Кахбахе, их тревога усилилась, когда они обнаружили, что он разбит на две части. В 1520 году холера охватила страну какчикелей, а в 1521 году последовала оспа, которая, опустошив Мексику, обрушилась на эти южные провинции и унесла половину населения, включая двух королей и цвет дворянства, оставив после себя голод и разруху. На фоне таких предзнаменований пришла весть о достижениях белых людей () в царстве Монтесумы, об их чудесных военных машинах и непобедимом мастерстве. Менее впечатленные этими сообщениями, киче, которые, вероятно, меньше пострадали от эпидемий, готовились сопротивляться предстоящему вторжению с той же решимостью, которую они ранее проявили против ацтеков; но какчикели были более сломлены в силе и духе и более склонны приветствовать новоприбывших, тем более что киче снова становились опасными.

[\[XXII-5\]](#)

КОРОЛЬ БЕЛЕХЕ КАТ.

Таково было положение дел, когда два посланника Альварадо появились в Патианамите. По прибытии в столицу они были мирно приняты. Когда их впустили в присутствие короля Белехе Ката [\[XXII-6\]](#), их спросили, были ли они посланы Малинче, [\[XXII-7\]](#) и приплыли ли они на больших морских чудовищах, похожих на тех, которые были замечены у побережья годом ранее, [\[XXII-8\]](#) и привыкли ли они говорить правду; на что они ответили, что прибыли от императора мира и от его непобедимого капитана, который, хотя и не был богом, [\[XXII-9\]](#) нашел путь сюда, чтобы показать им дорогу в рай. Они сказали, что путешествовали по суше и ни в коем случае не будут лгать, поскольку их правдивость неизменна, как полярная звезда. Затем один из них [\[XXII-10\]](#) нарисовал огромный карак с шестью мачтами и, как добавляет Петр Мученик, стольким же количеством палуб, что было

действительно прекрасным примером испанской правдивости. Индийские вельможи с удивлением смотрели на огромное судно с его парусами, мачтами и бесчисленными веревками и думали, что это действительно должно быть правдивое изображение, поскольку там было так много деталей.

Наконец король заговорил: «Как же так, что испанцы так непобедимы, будучи не больше других людей?» «В Боге небесном наша сила!» — прозвучал ответ. «Тот, чьи святыя законы мы провозглашаем, дарует нам победы, давая нам мужество, острое как железо, и ум, мощный как заключенный в клетку гром, а также зверей, которые сами по себе являются войском». И дипломатичный Апеллес нарисовал огромного коня с свирепым видом, на котором сидел человек. Зрители были потрясены. Теперь король с радостью заключил бы союз с этими чудесными существами. Он предоставил бы им пятьдесят тысяч воинов, если бы они свергли соседних врагов, опустошавших его землю. Увы! Готовая дружба, скромное предложение вассальной зависимости и открытая рука; мирная политика или смелое неповиновение одинаково приводили к игу угнетателя. Послы были отпущены с обещанием доложить о желаниях правителя своему вождю, и они весело отправились в путь в сопровождении пяти тысяч рабов, груженных продуктами и изделиями этой земли, какао, кукурузой и домашней птицей, а также одеждой, вазами и драгоценностями на сумму двадцать тысяч песо де оро. [\[XXII-11\]](#)

Получив это заверение в преимуществе, Альварадо поспешил вернуться, чтобы сообщить новость своему начальнику и помочь ему в планировании завоевания. Было решено немедленно начать наступление по морю и суше. Отряд из сорока испанцев, в основном плотников и моряков, был отправлен в Закатулу на побережье Тихого океана для строительства кораблей, которые должны были помочь в запланированном завоевании и колонизации. Кроме того, мы обнаруживаем, что в том же 1522 году два испанских посланника вместе с некоторыми туземцами из Мексики и провинции Соконуско были отправлены в Утатлан и Гватемалу, [\[XXII-12\]](#) и по возвращении встретили Кортеса в Тукспане, [\[XXII-13\]](#) когда тот возвращался из Пануко, где занимался умиротворением. Около ста [\[XXII-14\]](#) послов сопровождали этих посланников, отправленных правителями этих городов, чтобы предложить дружбу и услуги королю Испании. Ничто не могло быть более вежливым и достойным, чем поведение Кортеса, когда он принимал эту верность, как он ее называет, и дорогостоящие дары из золота, редкие перья и гобелены с перьями, принесенные индейскими посланниками; и снова были представлены и подарены с внушительным видом испанские безделушки. Послам было заверено, что этим князьям и их подданным будет оказана особая милость и доброжелательное отношение, поскольку это предложение дружбы было добровольным и искренним. Перед гостями была продемонстрирована соответствующая военная мощь, после чего они были отпущены. [\[XXII-15\]](#)

Однако в начале 1523 года до Кортеса дошли слухи, что на этих союзников едва ли можно полагаться и что поселенцы в Соконуско подвергаются притеснениям со стороны южных провинций. [\[XXII-16\]](#) Хотя достоверность этих сообщений была сомнительна, Кортес счел, что не противоречит его интересам считать их правдивыми, поскольку завоевание богатых провинций давало преимущества, которых не могло дать мирное владение. [\[XXII-17\]](#) .

После того как было решено подчинить эти районы, руководство естественно перешло к Альварадо, который, как мы уже видели, уже предпринял некоторые шаги в этом направлении. Вероятно, он имел больше прав на это, чем любой другой капитан, участвовавший в завоевании Мексики, поскольку, будучи вторым в команде, он вместе с Кортесом участвовал во многих отчаянных сражениях и многих блестящих победах.

Возможно, больше, чем у любого другого, его характер был очевиден: безрассудный, импульсивный, безжалостный, лишенный правдивости, если не обычной честности, он все же был ревностным и мужественным; и благодаря своей врожденной ловкости и прошлым опытам под командованием Грихальвы и Кортеса, его теперь можно было назвать способным командиром. Хотя он был менее степенным и регулярным, чем Олид, его лояльность считалась выше всяких подозрений. В любом случае, генерал не мог сам взяться за эту работу, и лучшим заместителем был этот капитан. [\[XXII-18\]](#)

ПЕРСОНАЛ ЭКСПЕДИЦИИ.

Подготовка началась в начале 1523 года. Войска были быстро организованы, но операции были отложены из-за неудачного прибытия в Пануко аделантадо Франсиско де Гарая, который пытался заменить Кортеса в этом районе. Поэтому Альварадо был отправлен против постороннего, и только 6 декабря экспедиция вышла в Гватемалу. Это был величественный отряд, в который, в конечном итоге, вошли, самая избранная часть рыцарства Новой Испании, сто двадцать всадников, триста пехотинцев, из которых сто тридцать были арбалетчиками и аркебузирами, и более двадцати тысяч отборных туземных воинов. [\[XXII-19\]](#) Духовные наставники были представлены двумя монахами и двумя армейскими капелланами. [\[XXII-20\]](#) И это был гордый момент для Альварадо, когда он выходил из мексиканской столицы в качестве главнокомандующего этой блестящей компанией, а доспехи кавалерии сверкали высоко над блестящими шлемами пехоты, в то время как длинная мрачная линия смуглых союзников была прервана здесь и там цветными знаками отличия и яркими перьями некоторых великих вождей. Некоторое время Кортес ехал рядом со своим подчиненным и другом, повторяя свои инструкции, поручая ему особо своевременно представить отчет, который был бы приемлем для его величества. Расставание не было лишним удовольствием, поскольку один из них избавился от иногда неприятного вмешательства в дела столицы, а другой стал независимым от любого начальника. [\[XXII-21\]](#)

В ТЕУАНТЕПЕКЕ.

Была середина сухого сезона; время года, погода и состояние дорог были благоприятными, так что поход на юг обещал быть легким. Отклонившись от курса, чтобы подавить восстание в горах Теуантепека [\[XXII-22\]](#) Альварадо продолжил свой путь и 12 января 1524 года написал Кортесу из города Теуантепек, где его приняли дружелюбно и с неоднократными выражениями верности. Затем он вошел в провинцию Соконуско, на жителей которой испанское иго, по-видимому, давило довольно тяжело.

Тени, которые проносятся за достоверными записями в истории Соконуско, представляют народ как независимый на протяжении веков и находящийся в обычном состоянии хронической войны со своими соседями, [\[XXII-23\]](#) в результате чего он настолько ослабел, что попал под власть ольмеков, которые угнетали его почти до предела. Многие действительно покинули свои дома, оставив многие районы почти безлюдными. Однако под властью ацтеков они несколько восстановили свою силу, и когда прибыли европейцы, этот район был довольно густонаселенным и развитым в цивилизационном отношении. И теперь, когда им стали известны намерения испанцев, они обратились к союзным народам Гватемалы и присоединились к ним для сопротивления.

Недалеко от границы с Теуантепеком Альварадо впервые столкнулся с серьезным сопротивлением, и до того, как он достиг границы с Гватемалой, многие патриоты были наказаны, а многие свободные люди превратились в рабов. Порабощение соконусцев было решено в результате сражения при Тонале, городе с пятьюдесятью тысячами жителей, [\[XXII-24\]](#) где была разгромлена большая армия под командованием принца киче. [\[XXII-25\]](#) На границе собственно Гватемалы в начале февраля армия вошла в густые леса Сапотитлана, [\[XXII-26\]](#) ныне

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ЗАПОТИТЛАНУ.

Были отправлены гонцы, призывающие провинции в надлежащей форме к верности. И теперь были захвачены три туземца, которые, как полагали, были шпионами из города Запотитлан, [\[XXII-27\]](#) которые были отправлены со вторым требованием, на которое не было ответа. Затем испанцы продвинулись по широкой открытой дороге и вскоре вышли на более узкую дорогу, которую обнаружили забаррикадированной; после чего они разбили лагерь на открытой равнине поблизости. На возвышенности за глубоким оврагом, через который протекала река, [\[XXII-28\]](#) стоял город, озаренный яркими лучами заходящего солнца, как прекрасная дева, приготовленная к жертвоприношению. Между равниной и городом земля была густо засажена плантациями какао, что существенно затрудняло действия кавалерии.

РЕЗУЛЬТАТ СРАЖЕНИЯ.

Испанцам не пришлось долго ждать атаки. В сумерках небольшая группа выскочила из укрытия и убила нескольких союзников. Кавалерии было приказано прочесать равнину. Они наткнулись на большие силы, и началась перестрелка, в которой некоторые лошади были ранены. Альварадо был в ярости и приказал немедленно маршировать на город. Серьезного сопротивления не было до тех пор, пока армия не подошла к ущелью, пересекаемому узким, грубо построенным деревянным мостом, переход через который яростно оспаривался большим отрядом воинов. В результате была задействована артиллерия, которая оказала эффективную помощь. Обреченные туземцы сражались хорошо, снова и снова собираясь под страшным обрушением пушек, пока из их убитых не образовался большой бруствер. Наконец кавалерия под прикрытием сильного огня сумела прорваться через ручей и начала подниматься на возвышенность, с которой открывался вид на ущелье. Пехота последовала за ней. Переход был осуществлен в условиях самых ожесточенных атак, но Альварадо с великолепным мастерством защищал тыл и вскоре с удовлетворением вывел свои войска на открытую местность выше, где они были в безопасности от нападений. На улицах города, в который теперь входила армия, туземцы предприняли еще одну отчаянную попытку спастись, но безрезультатно. Эти ужасные орудия! Эти ужасные лошади! Эта сталь, угрожающая жизни, падающая с силой и точностью, достойными смертоносных орудий богов! На расстоянии полулиги за городом союзникам было позволено преследовать и убивать, после чего победители разместились на заброшенной рыночной площади, где в течение двух дней отдыхали и проводили разведку.

[\[XXII-29\]](#)

ГЛАВА XXIII.

НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ ГВАТЕМАЛЫ.

ФЕВРАЛЬ-МАРТ 1524 ГОДА.

Предложения Кикаба Тануба лордам Зутугилов и Какчикелей — Смерть короля Киче — Текум Умам, его преемник — Собирает большую армию — Оборонился в Закахе — Проход испанцев через Палахуно — Стычка — Кровавое сражение — Основание Кесальтенанго — Армия наступает на Селаху — Город — Битва при Селаху — Текум Умам убит — Насильственное обращение в католичество.

СМЕРТЬ КИКАБ ТАНУБ.

Как можно себе представить, присутствие завоевательной армии вызвало глубокий резонанс во всем владении киче. Они были воинственным народом, как правители, так и подданные, и при этом гордыми. Утверждается, что пока Альварадо еще находился в Соконуско, Кикаб Тануб, король Утатлана, пытался объединить правителя Зутугилов и правителя Какчикелей в союз, который он создавал с целью защиты от приближающейся армии. Но они высокомерно отклонили это предложение: один потому, что король киче тайно помогал своему мятежному вассалу, а другой потому, что считал себя достаточно сильным, чтобы защитить свои ворота от всех пришельцев. Правитель чакчикелей, [Кикаб Тануб \(1 \[XXIII-1\]\)](#), действительно открыто выступил на стороне испанцев, а царь зутугилов был настолько оскорбителен в своем отказе от предложенного союза, что царь Кикаб Тануб был глубоко унижен. Его досада, усугубленная тревогой, связанной с подготовкой к обороне, вызвала лихорадку, от которой он умер через несколько дней. Его преемником стал его сын Текум Умам.

Тем временем все силы королевства были приведены в боевую готовность, и в Тотоникапане было назначено общее собрание союзников и вассалов. Туда отправился Текум Умам во главе шестидесяти тысяч воинов, и вскоре к нему присоединились еще более многочисленные силы. С этой армией он занял плато, на котором стоял крепкий город Селаху, [\[XXIII-2\]](#), возвышавшийся над ущельями Циха и Олинтепек. Этот город управляли десять лордов, и со всеми своими блестяще вооруженными армиями они поспешили на помощь монарху киче. Со времен великого Кикаба [\[XXIII-3\]](#) на плато Центральной Америки не видели столь впечатляющего военного зрелища. Там были грозные воины, выглядевшие еще более свирепыми благодаря шкурам диких зверей — льва, ягуара и медведя, — а также огромное количество бойцов, более двухсот тысяч человек, [\[XXIII-4\]](#), а над ними всеми в военном великолепии возвышались король киче и королевская свита. На одной стороне возвышенной равнины находился Закаха, линия укреплений, контролировавшая ущелье через горы, через которое должна была пройти армия захватчиков. Место было укреплено каменными стенами, возведенными вокруг многих холмов, по бокам которых был вырыт ров, уставленный ядовитыми кольями. Было построено множество военных машин, таких как башни на колесах и катапульты для метания снарядов, которые могли бы украсить арсенал любой европейской нации того времени. Там король Текум Умам укрепился и ждал прибытия армии.

ПЕРЕВАЛ ПАЛАХУНО.

И на это внутреннее плато, в самом сердце страны киче, Альварадо теперь с трудом пробирался через узкое ущелье Сьерры, оставив народ Запотитлана в полном подчинении. После пересечения двух быстрых рек начался крутой подъем длиной в шесть лиг, ведущий к Палахуно, как назывался перевал. Это был действительно трудный путь, скорее напоминающий восхождение на высоту, чем проход в горной цепи. Борьба с природой и сатаной, которому эти упрямые солдаты приписывали большинство бедствий, была настолько тяжелой, что их прежние трудности теперь казались им развлечением. Место было настолько крутым и неровным, что лошади с большим трудом, прыгая и борясь, могли подняться вверх. Было невозможно преодолеть все расстояние за один день, и запыхавшаяся и измученная армия, слишком уставшая, чтобы идти дальше, [\[XXIII-5\]](#) получила приказ разбить лагерь, когда половина подъема была уже пройдена. На следующий день, приложив аналогичные усилия, они достигли вершины, где, как объяснили переводчики, были найдены принесенные в жертву женщина и собака в знак вызова и провокации к войне.

Во время спуска на равнину, недалеко от узкой части перевала, было обнаружено прочное укрепление из незащищенных частоколов, что было совершенно непонятно для испанцев, так как несколько человек, правильно расставленных, могли бы удержать это место против любой вторгшейся армии.

Рельеф местности по-прежнему был настолько неблагоприятен для кавалерии, что Альварадо послал вперед пехоту, и вскоре произошло столкновение с врагом. Отряд из трех или четырех тысяч человек напал на союзников и поверг их в замешательство. Однако на помощь им пришли арбалетчики, и вскоре вся пехота была вовлечена в сражение, которое продолжалось на вершинах холмов и по склонам, пока не было достигнуто ущелье реки Олентепек. Там испанцы попали в засаду, устроенную более чем шестью тысячами воинов из Утатлана, от которых они получили несколько ранений. [\[XXIII-6\]](#) Однако вскоре войска собрались на другой стороне ущелья, но не слишком быстро, потому что вскоре появился отряд великой армии численностью тридцать тысяч человек, который, казалось, собирался уничтожить их одним ударом. К счастью, местность здесь была ровная и благоприятная для кавалерии. Лошади были сильно утомлены, и Альварадо решил подождать до последнего момента, прежде чем атаковать. Позволив врагу развлечься с союзниками во время короткой передышки, в результате чего их уверенность в себе на мгновение возросла, командир наконец отдал приказ нетерпеливым всадникам, которые мгновенно устремились вперед, как лавина, и испуганные киче, словно на них обрушились холмы, разбежались. Безумный Аякс среди незащищенных овец не убил больше людей, чем каждый испанец в тот день. Как овцы, бедные туземцы разбежались, и как овцы, они были преследованы и убиты. [\[XXIII-7\]](#)

Через лигу жаждущие войска добрались до источников, но период отдыха был недолгим. Рядом находились еще более грозные силы туземцев, возглавляемые принцем Ахзуманче, одним из самых высокопоставленных родственников и офицеров короля.

Следующее за этим сражение было исключительно кровопролитным. Киче подходили по обширным равнинам, и когда они достигли позиции, благоприятной для атаки испанцев, всадники бросились на них. Но киче были более настороже, чем раньше. Оправившись от паники и воодушевленные примером своего вождя, они проявили на этот раз большую храбрость, стойко выдержав удар, [\[XXIII-8\]](#) сражаясь в рукопашной схватке или объединившись по двое и трое, пытаясь собственной силой сбить лошадей, хватая их за гриву и хвост и пытаясь повалить, а также хватая всадников, чтобы сбросить их с лошадей. Испанцы

действительно были в окружении, и какое-то время казалось, что победа отнюдь не обязательно будет за ними. Но какая голая сила могла долго противостоять непрерывному огню аркебуз и арбалетов, непрерывному падению ударов мечей и копьев!

На мгновение ослабив свои усилия, туземцы подверглись смертельной атаке кавалерии, были сотни раздавлены и быстро разгромлены. Их преследовали на протяжении лиги, нанося огромный ущерб, пока они не укрылись в крепости в горах. Однако, притворившись, что бежит, Альварадо выманил их из укрытия на открытую равнину, а затем развернулся и набросился на них. Кровавая бойня была ужасающей; земля была покрыта изуродованными телами мертвых и умирающих, а воды Олинтепека окрасились в багровый цвет от крови. С тех пор река стала называться Секикель, то есть «Река крови». [\[XXIII-9\]](#)

Среди павших был принц Ахзуманче, а также ряд знати и вождей. После окончания сражения армия разбила лагерь на ночь у упомянутых выше источников. Потери испанцев, как обычно, были незначительными. [\[XXIII-10\]](#)

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ НАГРАДА.

Давайте на мгновение остановимся, чтобы проанализировать положение захватчиков. Они с непреодолимой скоростью преодолели прибрежную гряду, пересекли вершину, пробившись вниз по соответствующим склонам и оказались в одной лиге от Селаху, великой крепости киче на их западных границах. Все оборонительные сооружения были взяты, укрепления Закаха были захвачены, величественная защита пассивной природы была преодолена, а сопротивление людей оказалось бесполезным. Далеко позади них остался смертоносный лес, через который они пробивались; за холмами с золотыми вершинами — крутой и изрезанный склон, по которому они прошли сюда. Вокруг них теперь простирались открытые сосновые леса, [\[XXIII-11\]](#) а у их ног — широкие возделанные равнины плато, на которые солнце проливало свои непрерывные лучи. Усыпанный городами и разноцветными кукурузными полями и садами, пересеченный серебристыми нитями ручьев, пейзаж представал перед испанцами картиной рая. И это прекрасное царство теперь лежало беззащитным в руках завоевателей, его воздух [\[XXIII-12\]](#) становился вероломным, освежая и бодря захватчиков, укрепляя их нервы и вдохновляя их сердца на новые подвиги.

На рассвете испанский лагерь был в движении; и пока голоса христианских священников, воспевающих Бога за прошлые победы, разносились над ужасным полем битвы, христианские солдаты надевали доспехи, чтобы продолжить резню беззащитных людей, которые не причинили им никакого вреда. В Закахе были основаны скит и город, первый под руководством монаха Франциско Мартинеса де Понтаса, [\[XXIII-13\]](#) память о котором с тех пор всегда была благородной в тех краях, а второй под руководством Хуана де Леона Кардоны. [\[XXIII-14\]](#) Коренные жители поработанных окрестностей в конце концов пришли и помогли увеличить численность города, который был назван Кесальтенанго. [\[XXIII-15\]](#)

Приняв эти меры, [\[XXIII-16\]](#) армия двинулась на Селаху, [\[XXIII-17\]](#) но обнаружила, что город заброшен. Жители, охваченные ужасом от успеха захватчиков, бежали в горы. Альварадо разместился в пустынном городе, где пробыл шесть дней, отдыхая и проводя разведку. [\[XXIII-](#)

[18\]](#)

ВЕЛИКАЯ АРМИЯ.

Текум Уам был амбициозным принцем и храбрым полководцем. Он с немалым беспокойством наблюдал, как одна за другой терпели поражение отправленные против врага войска, и теперь решил лично выйти на поле боя. Около полудня седьмого дня

пребывания в Шелаху испанцы увидели, как со всех сторон к этому месту сходились плотные массы воинов.^[XXIII-19] Хорошо понимая, что его главная сила заключалась в кавалерии, Альварадо с большей частью своих войск^[XXIII-20] поспешил занять открытую равнину длиной в три лиги, недалеко от города. Текум Умам был достаточно умен, чтобы понять этот маневр, и еще до того, как последний испанец оказался на расстоянии выстрела из лука от лагеря, армия киче, разделенная на две основные части, набросилась на них. Альварадо разделил свою кавалерию на две части, которыми командовали соответственно Педро Пуэртокарреро и Эрнандо де Чавес. Им было приказано атаковать в разных точках одну из частей противника, когда она займет удобную позицию, а пехота, которой командовал сам Альварадо, должна была вступить в бой с другой частью. Начало сражения было ужасным. Всадники пронзили плотные колонны, не обращая внимания ни на стрелы с кремневыми наконечниками, ни на копья с закаленными огнем остриями, ни на брошенные камни. Соппротивление было невозможно. Пронзенные и сбитые с ног, раздавленные копытами лошадей, разбитые ряды этого подразделения искали защиты у другого. Таким образом, половина последней надежды Текума была потеряна, а другая половина быстро таяла. В начале сражения король киче узнал заметную фигуру испанского командира на лошади, и когда Текум увидел, что его войска разбиты кавалерией, он решился на последнюю отчаянную попытку. Собрал вокруг себя нескольких избранных воинов, он лично бросился на Альварадо и собственноручно ранил его лошадь, так что испанец был вынужден отступить и сесть на другую. Второй и третий раз неустрашимый воин нападал на своего превосходящего противника, пока, пронзенный копьем Альварадо, он не упал, окрасив своей кровью землю, которую он так храбро защищал.

Нечасто небесные силы снисходили к бедным туземцам в их отчаянной борьбе со стальными европейцами, как это часто бывало со испанцами. Боги обычно предпочитают сражаться на стороне сильнейшего, но здесь мы видим исключение. Как правдивый историк, я обязан рассказать, что во время смертельной схватки между этими двумя вождями армия киче заметила орла с огромными крыльями, кружащего над испанским полководцем, то и дело пикирующего на него и атакующего его клювом и когтями по голове. Это был *нагуаль*, дух-хранитель Текум Умама. Но, будучи менее сильным, чем копье Альварадо, он был побежден в момент смерти монарха и исчез из поля зрения побежденных киче.^[XXIII-21]

Вопреки обычному поведению туземцев на войне, падение их вождя не сразу рассеяло воинов киче, а, скорее, привело их в ярость; в следующий момент на испанцев обрушился такой ослепительный шквал копьев, который порадовал бы спартамца Диенеса. Однако это длилось лишь мгновение; это было их последнее умирающее усилие, и вскоре кавалерия с грохотом обрушилась на их фланги, рассеивая и убивая их по обычной схеме. На протяжении двух лиг по равнине их преследовали всадники, которые затем развернулись и поехали обратно, повторив резню на том же поле. Особенно кровопролитной была бойня у ручья на одной стороне равнины, и командир с гордостью упоминает об этом в своем донесении.^[XXIII-22] Пехота захватила огромное множество людей, которые укрылись от ненасытных всадников на ближайшем холме.

Так закончился еще один день в анналах великого истребления, день, поистине мрачный для благородного народа киче, но которым европейский прогресс и пропаганда вполне могут гордиться.^[XXIII-23]

УБЕДИТЕЛЬНОЕ ПРОСЕЛИТИЗМ.

Это сокрушительное поражение смирило киче и подорвало их веру в своих богов, не говоря уже о вере в самих себя. Несмотря

на глубокую скорбь по потере своего вождя и триумф испанцев, им была предоставлена возможность принять религию своих завоевателей благодаря проповедям священников Торреса и Понтазы. Четверо пленных вождей [\[XXIII-24\]](#) из Селахуха были крещены и получили свободу. Им были выданы христианские одежды с мечами, и они были приглашены за стол Альварадо. [\[XXIII-25\]](#) После этого они были отправлены в качестве миссионеров к своим испуганным братьям, приведя многих к познанию Спасителя. Они также помогали в возведении более подходящего скита в Закахе и в строительстве домов для донатов. [\[XXIII-26\]](#) Нет, больше; в своем растущем энтузиазме они предложили, чтобы место, где Тонатиух одержал свою величайшую победу и над которым все еще витал запах разложения и крови, крови их убитых соотечественников, было названо Эспириту-Санто.

ГЛАВА XXIV.

ПАДЕНИЕ НАЦИИ КИЧЕ.

Апрель 1524 года.

Утатлан, столица киче — ее великолепие — Королевский дворец и пирамидальные укрепления — Частные апартаменты и сады — План поймать испанцев в ловушку — Подготовленный пир — Приглашенные враги — Раскрытое предательство — Мастерское отступление Альварадо — Пойманные в ловушку король и знать киче — Их заставляют собирать золото — А затем уничтожают — Утатлан сожжен, страна опустошена — Полное подчинение киче.

На центральном плато, недалеко от современного города Санта-Крус-дель-Киче, стоял Утатлан, [\[XXIV-1\]](#) древняя столица народа киче. Он был окружен глубоким ущельем, и в него можно было попасть только через два входа. К одному из этих входов вело более тридцати каменных ступеней, поднимающихся по почти отвесной скале; к другому — узкая искусственная дамба, соединенная в одной точке мостом, который можно было легко разрушить. Город был дополнительно укреплен мрачной крепостью Аталая высотой в четыре этажа и пирамидальной крепостью Эль-Ресардо, [\[XXIV-2\]](#) высотой в сто двадцать футов. По богатству и великолепию Утатлан, в котором правили двадцать поколений нынешней династии, соперничал с городом ацтекских королей и столицей инков с ее садами. В его центре стоял королевский дворец, окруженный внушительными резиденциями знати, а за ними — более скромными жилищами простого народа. Дворец был одним из самых величественных сооружений Центральной Америки. Он был построен из тесаного камня разных цветов, напоминавшего мозаику, и его колоссальные размеры, а также элегантная и величественная архитектура вызывали смешанные чувства благоговения и восхищения. [\[XXIV-3\]](#)

За высокими воротами сначала открывались кварталы домашней стражи, окружавшие просторный двор казарм. Смуглые воины, копейщики и лучники, одетые в дико живописные одежды из пестрых тигровых шкур или мрачных медвежьих шкур, в ярких перьях и с полированным оружием, тихо шагали по хорошо вымощенному двору. В главных покоях поблизости лежали различные виды оружия и боевого снаряжения, готовые к немедленному использованию, а на стенах висели с трудом завоеванные военные трофеи. Далее располагалась резиденция неженатых принцев, а за ней — собственно дворец, в котором, помимо апартаментов монарха, находились зал заседаний совета с роскошным тронном, укрытым дорогой гобеленовой драпировкой с редкими узорами, выполненной с великолепным мастерством, а также королевская сокровищница, зал правосудия и оружейная. Каждый день монарх занимал три отдельных комплекса комнат — для утра, дня и вечера, и все эти более уединенные апартаменты выходили на восхитительные сады с деревьями, цветами и фруктами, а посреди них — зверинцы и вольеры с редкими и любопытными коллекциями. За ними находились отдельные дворцы королей и наложниц

монарха с их банями, садами и миниатюрными озерами; и, наконец, колледж для девушек, в котором воспитывались и получали образование дочери королевской крови.

И все это было лишь одним комплексом зданий, самым большим, это правда, но были и другие, не менее значительные, резиденции знати и богатого торгового сословия. Поистине, Утатлан был прекрасным городом, сильным и благородным. И теперь он должен быть сдан грабителям? Нет ли надежды? Нет. Тогда пусть все погибнут, ибо кто захочет жить без короля и страны, без ее жителей, без этой прекрасной столицы, которая так долго была пристанищем королей. Ах! Если бы только можно было заманить белых лис в эту прочную ловушку и задушить их! Редкая мысль! Стоило бы умереть десятки раз, чтобы увидеть, как эти хвастуны умрут один раз. И так решили хитрые киче. На общем совете было решено пригласить испанцев на пир, а пока они будут там, сжечь город и обрушить его на их головы!

ОКСИБ КВИЕХ НАСЛЕДУЕТ ТЕКУМ УМАМ.

После смерти Текума Умама его сын Оксиб Куиех [\[XXIV-4\]](#) вступил на престол. Его положение было не из завидных.

Лучшие войска, фактически самая избранная часть нации, были уничтожены или рассеяны. Его отец, вместе с многими первыми людьми страны, пал, не выиграв ни одной битвы и не одолев врага. Их ничтожные усилия были подобны укусам комаров, которые не могут уничтожить стадо диких кабанов.

Однако внук великого Кикаба Тануба не собирался сдаваться без боя. Совет мог сжечь город, если захотел. И хотя их надежды и перспективы успеха были велики, король и его вельможи не ослабляли своих усилий по набору новых войск. Если план провалится, они снова выйдут на поле боя. Оксиб Кье не только собрал все возможные силы из своих провинций, но и применил все средства, чтобы сгладить разногласия, существовавшие между ним и соседними провинциями. Благодаря этим усилиям в конце концов был сформирован сильный союз, и снова коренные жители в огромном количестве были готовы в нужный момент сражаться за своих богов и свою страну.

После завершения этих приготовлений было отправлено посольство с подарками из золота, чтобы приветствовать завоевателя, просить о мире и предложить подчинение своего короля в качестве вассала королю Испании. Альварадо был также приглашен ко двору Утатлана, где король ждал, чтобы лично предложить свою верность и с должными почестями принять грозного испанца. Альварадо любезно принял и подарки, и приглашение, в ответ преподнес свои подарки, а на следующий день выступил со своей армией, чтобы нанести обещанный визит. Приглашение и его принятие были вполне естественными для обеих сторон. Здесь была война и завоеванная страна; здесь были завоеванные, предлагающие мир; и так испанцы без подозрений шагнули в ловушку.

ЗАГОВОР РАСКРЫТ.

Но когда они прошли по узкой дамбе и подошли к мосту, некоторые солдаты [\[XXIV-5\]](#) вообразили, что увидели место, где он был недавно ослаблен. Когда на это обратили внимание Альварадо, он не поднял тревоги и не отклонился ни на мгновение от своего курса. Он наслаждался вкусом такого приключения и, крепче сжимая свой меч, приказал соблюдать строжайшую осторожность и внимательно наблюдать за обстановкой. При входе в город подозрения испанцев подтвердились. Мужчины были вооружены, женщины и дети были увезены, продовольствия было мало, а в складах почти не было ценных товаров; во многих зданиях по всему городу были складированы хворост и дрова, а беспокойство, проявлявшееся в нервном поведении самих туземцев, было невозможно

скрыть. Было также замечено, что улицы были настолько узкими, а дома настолько плотно прижаты друг к другу, что кавалерии было бы невозможно передвигаться; и, наконец, союзники из Кесальтенанго, сопровождавшие испанцев, получили информацию от « » и донесли Альварадо достоверные сведения о намерениях вождей киче. [\[XXIV-6\]](#)

Теперь необходимы не только оперативные меры, но и такие, которые не вызовут подозрений у крайне подозрительного врага, чьи зоркие глаза следят за каждым движением. Не созывая официально совета, Альварадо движется среди своих офицеров в праздничном настроении, то бросая намек, то отдавая строгий приказ; тем временем, внешне невозмутимый, он едет вперед, к ожидающим его вельможам, и приветствует их искренней улыбкой, вновь заявляя о своей дружбе. Сделав это, он оглядывается в поисках места для лошадей. Это почитаемые животные, в некоторых отношениях равные и даже превосходящие людей; они не склонны к пиршествам, как люди, но их нельзя забывать на пиру. Их величайшее удовольствие — пастись на открытой равнине; он отведет их туда и без промедления вернется. Сильно обеспокоенные дворяне настаивают на немедленном развлечении, которое даже сейчас ждет его; под руководством солдат они обеспечат лучший уход за благородными животными. Ни в коем случае, намекает Альварадо; лошади никогда не простят ему, если он пренебрежет ими в столь важном случае. Таким образом, все испанцы возвращаются по дамбе и ослабленному мосту и с чувством глубокого облегчения благополучно достигают равнины.

Теперь настала очередь сладкой мести. Во время сбора травы для лошадей солдаты подвергаются обстрелу из оврагов и зарослей, и один испанец, слуга командира, погибает. Король и его вельможи, которые остаются у входа в город, наблюдая за этим с расстояния, огорчаются и принимают меры, чтобы предотвратить враждебные проявления со стороны своего народа. Альварадо делает вид, что считает все это незначительным инцидентом (), и продолжает вести себя с вождями уверенно и дружелюбно. К сожалению, произошел несчастный случай с слугой, но после того, что произошло, праздник, вероятно, лучше отложить. В качестве еще одного знака дружбы и уважения, не могли бы Оксиб Кье и его товарищи заглянуть в лагерь испанцев? Бедный мальчик! Так легко попался в ловушку, стальную ловушку, совсем не похожую на неуклюжую мостовую в Уталате. Теперь все могут открыть глаза и судить как боги, потому что эти люди должны умереть!

Маска сброшена, и мститель в своем гневе раскрывается. Оксиб Кьех и его вожди схвачены и обвинены в предательских намерениях. Их приговор предрешен, но казнь отложена на некоторое время, чтобы тигр мог поразвлечься со своей добычей. В этой экспедиции собрано мало золота, и, возможно, стоит поставить в Гватемале великую драму Монтесумы, недавно сыгранную в мексиканской столице. Пленники сохраняют жизнь, если соберут много золота. Сделав это, они сохраняют жизнь, если соберут еще больше золота. А когда королевство будет ограблено дочиста, а испанцы станут нетерпеливыми, разжигается большой костер, в который бросают заживо тех пленников, которых не повесили; и дым поднимается к небу как благодарный ладан их богу. [\[XXIV-7\]](#)

МУЖЕСТВО КИЧЕЙ.

Несмотря на эти безжалостные уроки, в ходе которых были принесены в жертву три короля киче из трех поколений прямой линии преемственности, военные действия быстро возобновились. Со всех сторон был нанесен яростный удар, туземцы в большом количестве вышли из многочисленных ущелий, пересекавших соседнюю местность, и натиск упорно продолжался в течение некоторого времени; но артиллерия [\[XXIV-8\]](#) нанесла такое ужасное разрушение, проложив через их плотные массы проходы, усыпанные изуродованными телами и оторванными

конечностями, что они быстро осознали тщетность своих попыток и бежали обратно в ущелья. Держась недоступной местности и избегая открытого сражения, [\[XXIV-9\]](#) они без перерыва беспокоили армию, отрезая отстающих и нанося ущерб всеми возможными способами. Наконец Альварадо решил сжечь их город и опустошить страну; он послал к дружественному королю какчикелей просьбу о предоставлении ему отряда войск, чтобы помочь ему изгнать киче из их крепостей. Четыре тысячи воинов были немедленно отправлены [\[XXIV-10\]](#) покорным правителем, с помощью этих дополнительных сил и энергичных мер Альварадо эффективно продолжил процесс подчинения. Воинственные киче, чьи города были сожжены, [\[XXIV-11\]](#) чьи урожаи были уничтожены, которых преследовали из одного укрытия в другое, изгнали с их земель, в конце концов были вынуждены сдаться. Альварадо с великодушием принял их предложения. Он простил раскаявшихся в своем великом милосердии и пообещал им жизнь, одновременно приказав им вернуться и занять свои земли. Кроме того, он освободил двух плененных сыновей королевской крови и передал им владение царством их отца, а главным монархом был назначен Секечул. [\[XXIV-12\]](#)

РАБСТВО.

Так на время закончилась борьба киче за независимость — борьба, которая прекратилась только с уничтожением их главной знати и всех самых храбрых воинов нации. О их упорной доблести свидетельствует сам завоеватель, [\[XXIV-13\]](#) и, осознавая сложность своего положения и то, как мало может сделать человек сам по себе, он просит Кортеса организовать в мексиканской столице процессию всего духовенства, чтобы дева помогла ему. И далее, не мог бы он «позаботиться о том, чтобы проинформировать Его Величество о том, как мы служим ему своими лицами и средствами, и за свой счет, чтобы Его Величество мог вознаградить нас?» Лейтенант не преминул сообщить, что интересы Его Величества были тщательно соблюдены, все пленники, взятые в войне, были заклеены и обращены в рабство. [\[XXIV-14\]](#) Королевская пятая часть этих пленных киче была передана казначею Бальтасару де Мендосе, который продал их с аукциона для большей безопасности доходов.

ГЛАВА XXV.

КАКЧИКАЛИ И ЗУТУГИЛИ СТАЛИ ПОДДАННЫМИ ИСПАНИИ.

АПРЕЛЬ-МАЙ 1524 года.

Поход к столице чакчикелей — с блестящей свитой король Синакам выходит навстречу испанцам — описание Патинамита — оккупация столицы чакчикелей — экспедиция против Тепепула, короля зутугилей — город на скале Атитлан — жаркая битва — вход в крепость — примирение и возвращение в Патинамит — любовная история Альварадо.

СИНАКАМ ВСТРЕЧАЕТ ИСПАНЦЕВ.

Генерал-лейтенант был теперь готов к наступлению, и 11 апреля 1524 года он покинул Утатлан и направился в

Патинамит, столицу чакчикелей. [\[XXV-1\]](#) Слабый и покорный Синакам, [\[XXV-2\]](#) король чакчикелей, уже послал с войсками подарок из золота Альварадо и вновь заверил его в своей верности. Теперь он готовился встретить его с такой величественной помпой, которая наверняка порадует его будущего господина. Таким образом он надеялся укрепить свой шаткий трон. Он полагал, что раболепие и щедрое гостеприимство непременно покорят их сердца, и тогда, имея на своей стороне могущественных чужестранцев, он сможет смеяться над своими врагами. Когда испанская армия приблизилась к его столице, он вышел ей навстречу с пышной церемонией. Его несли на носилках его дворяне под балдахином, который ослеплял глаза яркими золотыми украшениями и переливающимися оттенками перьев кетцалья, а вокруг него были члены королевской семьи на носилках, едва ли менее заметных, чем его собственные, в то время как большое количество воинов с пернатыми головными уборами и в военной одежде шло сзади и по обеим сторонам. Приветствие Альварадо не было столь искренним, как надеялся Синакам. Испанец был подозрителен. Он только что избежал гибели, и недавняя опасность научила его осторожности. То, что он наблюдал во время марша, не внушало доверия и не способствовало душевному спокойствию. Вдоль всего пути ему встречались ограбленные трупы убитых индейцев, а земля была окрашена человеческой кровью. Повсюду были видны большие отряды вооруженных воинов, и было очевидно, что вся страна была вооружена. Но страх не был частью характера Альварадо; поэтому, когда король приблизился, он спокойно спешил, подошел к нему с вежливым видом и с выражением уважения вложил в его руки редкое и любопытное серебряное украшение; затем он спросил с мрачным выражением лица: «Почему ты хочешь причинить мне вред, когда я пришел, чтобы сделать тебе добро?» Поняв смысл слов, обращенных к нему с такой серьезностью, и сознавая свои верные намерения, Синакам с спокойным, но несколько суровым достоинством сначала поблагодарил его за подарок, ответив: «Успокой свое сердце, великий капитан, отпрыск солнца, и доверься моей любви». Затем Альварадо объяснили, что военные действия, которые он обнаружил, были направлены против мятежного вассала, который с помощью королей киче и зутугилов поднял восстание и пытался стать правителем. [\[XXV-3\]](#)

ПАТИНАМИТ.

Альварадо выразил удовлетворение и позволил монарху сопровождать себя в столицу. [\[XXV-4\]](#) Патиनाмит, [\[XXV-5\]](#) как и Утатлан, был расположен в естественно неприступном месте. Он занимал возвышенную равнину, окруженную ущельями, сторона которых, ближайшая к городу, была отвесной на глубину пяти или шести сотен футов. Через эту пропасть, только в одном месте, можно было попасть в столицу по узкой дамбе, которая была закрыта двумя каменными воротами, [\[XXV-6\]](#) по одному с каждой стороны городской стены. Это изолированное плато было около трех миль в длину и двух в ширину. Хроникер Фуэнтес очень подробно описывает руины этого города, оставляя яркие впечатления о его былой величественности. По словам этого писателя, на одном краю естественной платформы находились руины великолепного здания площадью в сто шагов, построенного из очень хорошо обработанного камня. Перед этим зданием простиралась площадь, на одной стороне которой находились остатки великолепного дворца, а в непосредственной близости — фундаменты многих жилых домов. Город был разделен канавой, проходящей с севера на юг, глубиной более восьми футов, над которой возвышались бетонные брустверы высотой три фута. Это была разделительная линия между жилищами знати и простолюдинов. Улицы были прямыми и широкими и простирались в направлении четырех сторон света. На западе возвышался холм, на вершине которого стояло круглое здание высотой пять-шесть футов, напоминающее бруствер колодца. Вокруг него судьи проводили судебные заседания, но прежде чем их приговоры могли быть приведены в исполнение, они должны были быть подтверждены священным оракульным камнем, который хранился в святыне в глубоком ущелье. Он описывается как черный прозрачный материал, более ценный, чем обычный строительный материал. В его мрачной прозрачности демон делал видимыми приговоры, которые должны были быть вынесены. Если никаких проявлений не происходило, обвиняемый освобождался; в противном случае приговор приводился в исполнение на том же холме, где судьи заседали. К этому оракулу обращались также в вопросах войны. [\[XXV-7\]](#)

АТИТЛАН.

Прием, устроенный королем Синакамом для гостей в своей столице и при дворе, полностью соответствовал его обещаниям. Роскошно размещенные и щедро обеспеченные всеми роскошными продуктами, которые могла произвести эта земля, Альварадо сам признает, что они не могли бы встретить более радушного приема даже в своей собственной стране. [\[XXV-8\]](#) В течение восьми дней испанцы пировали, [\[XXV-9\]](#) и в ответ Синакам удалось заручиться поддержкой своих могущественных друзей против враждебных соседей. Часто велись разговоры о покорении зутугилов, и чтобы обеспечить благополучную реализацию этого замысла, Синакам подробно рассказывал о презрительной гордости Тепепула, короля Атитлана, [\[XXV-10\]](#) и его дальнейшей злобности, выразившейся в отказе присягнуть на верность теулям. [\[XXV-11\]](#) Похоже, что правитель Зутугила навлек на себя ненависть Синакама, оказав помощь своему мятежному вассалу Акпоакилю, [\[XXV-12\]](#) и совершая ночные набеги на территорию чакчикелей с помощью каноэ. Эти бесчинства были частично вызваны его уверенностью в неприступности своего города, расположенного на нависающих утесах над озером Атитлан, в семи лигах от Патинамита. Альварадо не нужно было долго уговаривать, чтобы он занялся своим любимым развлечением — поиском золота и кровопролитием. Он хорошо знал о высокомерном характере Тепепула и уже решил навестить его лично. Находясь в Утатлане, он послал четырех гонцов ко двору Атитлана с обычным требованием, но высокомерный монарх, вместо того чтобы проявить должное уважение к столь важному требованию, казнил гонцов. Это возмутило Альварадо, но не обескуражило его. «Я думаю, — пишет он Кортесу об этом городе, — что с помощью Господа мы скоро приведем его в подчинение Его Величеству». [\[XXV-13\]](#)

Альварадо согласился помочь королю Синакаму, но сначала попросил денег на дорожные расходы. Это разумное требование нельзя было отклонить; не только сокровищница Патинамита была опустошена, но и весь округ, насколько это было возможно, был лишен золота, драгоценностей и всего, что испанцы считали желательным.[\[XXV-14\]](#) После этого испанцы были готовы перейти в следующий район и взыскать там дань, с кровопролитием или без.

ЗАХВАТ ГОРОДА.

Чтобы действовать в соответствии с правилами, Альварадо снова послал послов в Атитлан с требованием, чтобы Тепепул прекратил военные действия против какчикелей, которые были союзниками теулей, но правитель снова проявил свое презрение, казнив послов.[\[XXV-15\]](#) После этого Альварадо выступил с шестьюдесятью всадниками, ста пятьюдесятью пехотинцами и большим отрядом какчикелей под командованием их вождей.[\[XXV-16\]](#) Не встретив сопротивления, он продвинулся с тридцатью всадниками на возвышенность над озером и спустился по труднопроходимой местности на ровную равнину, которая лежала перед укрепленной скалой в воде. К ней можно было подойти только по узкой дамбе, пересеченной в разных местах деревянными мостами. Рядом были обнаружены враги, выстроившиеся в два отряда по восемь тысяч человек каждый. Они сразу же перешли в наступление, вооруженные копьями, луками и стрелами, а также другим оружием, и к тому же защищенные хлопковыми кольчугами.[\[XXV-17\]](#) Поскольку остальные его войска были недалеко позади, Альварадо не колеблясь пошел в атаку, и когда пехота вскоре подошла, началось общее сражение. Некоторое время сражение велось очень упорно, и многие испанские солдаты были ранены. Однако кавалерия, как всегда, сумела прорвать линии противника, освободив от тяжелого давления пехотинцев, которые после этого собрались с силами и возобновили свои усилия с такой энергией, что вскоре заставили противника бежать к крепости. Преследующие всадники прибыли к дамбе одновременно с беглецами; здесь они были вынуждены спешиться, так как место было непроходимым для лошадей; однако они следовали за индейцами так близко, что у тех не было времени разрушить мосты, и испанцы вошли в форт вместе с ними. Вскоре подошла пехота, и хотя зутугилы отчаянно пытались удержать свои позиции, залпы аркебузирова нанесли такой ущерб их рядам, что в конце концов они бросились в озеро и переплыли на соседний остров, откуда многие из них сбежали до того, как прибыли триста каноэ какчикелей.

Вечером того же дня, разграбив все дома на скале, Альварадо разбил лагерь на поле кукурузы. На следующее утро он воззвал к божественной защите и выступил на Атитлан. Он обнаружил, что город был заброшен, поскольку захват того, что они считали неприступной крепостью на озере, настолько обескуражил зутугилов, что они не осмелились бороться с ним за свой город. В полдень он занял позицию в столице и сразу же приступил к захвату и опустошению страны; но местность была настолько пересеченной, что люди с трудом могли передвигаться, и он был вынужден довольствоваться уничтожением нескольких плантаций кукурузы и какао.[\[XXV-18\]](#) Ему удалось взять в плен нескольких человек, троих из которых отправили к королю Тепепулу с обычным требованием подчинения, сопровождаемым угрозами в случае отказа. Понимая необходимость, монарх Зутугилов с достоинством уступил, после чего завоеватель проявил милосердие. Он похвалил Зутугилов за их храбрость, простил их проступки и призвал их оставаться верными и не вести больше войны с соседями, которые были признанными подданными короля Испании. Чтобы придать вес своим словам, он построил крепкую крепость в подходящем месте и оставил в ней четыреста восемнадцать человек, испанцев и мексиканских союзников, под командованием Эктора де Чавеса и Алонсо дель Пульгара. Затем он вернулся в Патинамит.[\[XXV-19\]](#)

В течение трех дней предстали перед ним правители озерного края с дарами из золота и одежд. Они выразили радость по поводу того, что стали вассалами его величества короля Испании, ибо отныне войны и беды должны были исчезнуть из их жизни. Испанский полководец был чрезвычайно приветлив, он подарил своим гостям несколько стеклянных безделушек, которые в их глазах имели большую ценность, и проводил их, проявляя всю свою привязанность. [\[XXV-20\]](#)

Возможно, одной из причин, по которой пьеса «Елена Троянская» не так часто ставилась испанскими завоевателями в Америке, была дешевизна женщин в этой стране. Там могло не хватать золота, жемчуга или провианта, но редко можно было найти народ, настолько бедный, чтобы не смочь обеспечить армию щедрым запасом красивых рабынь. В хрониках об этом виде торговли упоминается меньше, чем о торговле золотом и жемчугом. Товар морали, или, скорее, аморали, был менее транспортабельным, чем другие виды товаров. Женщин можно было использовать и выбросить; золото можно было хранить, а жемчуг обычно был основным товаром в испанской нации.

АЛЬВАРАДО ВЛЮБИЛСЯ.

Теперь благочестивый Альварадо, второй после своего восхитительного господина Кортеса самый благочестивый пират во всех Индиях, испытал на себе все беззакония, осуждаемые в его святейших писаниях, за исключением тех, которые были придуманы и совершены сладким псалмопевцем Израиля. Он по отдельности нарушил все заповеди Декалога, а затем собрал их все вместе и нарушил их во всех возможных комбинациях. Но, несмотря на то, что девушки были такими пухлыми и многочисленными, он никогда не испытывал желания, как добрый царь Давид, ухаживать за женой какого-нибудь хетта Урии. Но, наслаждаясь роскошным гостеприимством столицы какчикелей, готовый отдать весь мир за новое ощущение, Альварадо заметил прекрасную Сучил, [\[XXV-21\]](#) жену царя Синакама. В некотором смысле это была израильская история наоборот, потому что Синакам был отнюдь не бедным человеком в отношении женщин, и Сучил была не единственной его овечкой. Восприимчивое сердце блестящего полководца было поражено грацией этой королевы, и он решил завладеть ею. Будучи завоевателем, имеющим в рабстве короля, он мог бы просто потребовать исполнения своего желания, но в те времена в королевской власти было что-то священное, даже в языческой и плененной королевской власти. Синакам теперь был признанным подданным Испании и как таковой обладал правами; кроме того, это не соответствовало пути, проложенному ярким примером его веры.

Поэтому под каким-то предлогом Синакам был арестован и заключен в кандалы. Затем потребовали золото, а потом еще больше золота. Это был старый метод, когда наказание заменяло вину и осуждение. Затем Сучил была схвачена, я не скажу, что против своей воли, потому что испанский полководец был справедлив и очарователен, а королева какчикелей была, в конце концов, всего лишь женщиной. Синакам ценил ее больше всего на свете, и ради ее возвращения он предложил еще больше драгоценностей и красивых девушек, да, дочерей вождей, сотни девушек. Альварадо отклонил просьбу, но не отверг дары. Когда любовь остыла, он освободил короля и ушел. [\[XXV-22\]](#)

ГЛАВА XXVI.

ЭКСПЕДИЦИЯ В САЛЬВАДОР.

1524 год.

Поход против Ицкуинтлана — Тяжелый поход — Неожиданное взятие города — Отчаянная оборона — Альварадо решает продвинуться еще дальше на юг — Переход через реку Мичатоят — Испанцы приходят в Атикипак, Такуйлула, Таксиско, Нанцинтлан и Пазако — Заброшенные города — Отравленные кольца и жертвоприношение собак — вход в Сальвадор — Мокисалько и Акатепек — сражения при Акахутла и Такускалько — кровожадность этого завоевателя — вход в Кускатлан — бегство жителей — возвращение в Патиnamит.

ЗАВОЕВАНИЕ ИЦКУИНТЛАНА.

Во время приема в Патиnamите после кампании в Зутугиле, когда Альварадо принимал присягу на верность от многочисленных вождей южных прибрежных провинций, ему сообщили, что район Ицкуинтлан [\[XXVI-1\]](#) не подчинился ему. Помимо отказа принять блага христианской цивилизации, правитель провинции, как сообщалось, высказал ряд оскорбительных высказываний, выражающих презрение. Вожди других племен, желавшие пройти через эту провинцию, чтобы присягнуть на верность испанцам, были отпугнуты и оскорблены, а завоевателю было предложено вступить в эту землю. [\[XXVI-2\]](#) Немного раздраженный этими смелыми действиями, импульсивный полководец выступил против Ицкуинтлана со всеми имеющимися в его распоряжении силами, испанской конницей и пехотой, а также большим отрядом киче и какчикелей. [\[XXVI-3\]](#) Ему предстояло пройти через очень суровую местность. Там не было дорог, только тропы через густые леса, поскольку связь с Ицкуинтланом была почти полностью прервана из-за непрекращающихся войн, но эти обстоятельства благоприятствовали тайному проникновению на вражескую территорию. В течение трех дней они пробирались через непригодную для проживания местность, почти полностью закрытую тропическим подлеском, что требовало постоянного использования топоров и ножей, так что в один день они смогли пройти не более двух лиг. Достигнув провинции, они обнаружили, что она покрыта густыми плантациями, чередующимися с болотами. Поскольку такая местность не подходила для лошадей, аркебузиры вышли вперед и продвигались к городу с трех разных сторон. В это время шел сильный дождь, предвещавший сезон дождей, и часовые ушли, так что неожиданность была полной. [\[XXVI-4\]](#) Не имея возможности вооружиться или объединиться, жители бежали в леса, чтобы спастись от мечей завоевателей. Однако в крепости, которая господствовала над городом, собралась значительная группа воинов, которые оказали решительное сопротивление, ранив многих испанцев и нанеся большие потери индейским вспомогательным войскам. После пяти часов тщетных попыток захватить крепость разъяренный Альварадо поджог ее. Храбрые защитники, по-видимому, спаслись благодаря сильному дождю и близости окружающих лесов. Действительно, согласно собственному заявлению Альварадо (), он не причинил никакого вреда, кроме сожжения города. [\[XXVI-5\]](#) Однако подчинение района еще не было завершено, и к правителю были отправлены посланцы с обычными приказами и угрозами. Если они будут и дальше держаться в стороне

и откажутся подчиниться, их земли и кукурузные поля будут разорены, а они сами и их дети будут обращены в рабство. Эта угроза возымела желаемый эффект: вождь и его начальники подчинились и поклялись в верности, и за восемь дней, которые Альварадо пробыл в этом месте, ряд окружающих городов прислали свои клятвы верности. Но беспокойный дух как лидера, так и его людей не мог удовлетвориться покорением только одной провинции. Генерал-лейтенант слышал захватывающие рассказы об огромных городах и чудесных дворцах, и открытие новых земель привлекало его почти так же, как умиротворение. Он уже сообщил Кортесу, что намерен провести зиму в пятидесяти или ста лигах от Гватемалы. Дополнительным стимулом для него стала достоверная информация о том, что в двадцатипятидневном марше от Гватемалы он достигнет края земли: если это окажется правдой, он был уверен, что скоро найдет знаменитый пролив, который так многие искали. [\[XXVI-6\]](#) Помимо пролива, он также хотел найти гавань, где он мог бы построить суда для последующего исследования побережья. Уже будучи великим полководцем, он хотел стать также великим первооткрывателем. Даже сезон дождей, который только начался, не должен был его остановить, хотя это значительно усложнило бы его задачу.

ЗАХВАТ ГОРОДОВ.

Начав движение на юг от Ицкуинтлана, первая трудность, с которой столкнулась армия, была река Мичатоят ([\[XXVI-7\]](#)), которую можно было пересечь только по мосту. Первым городом, до которого они добрались, был Атикипак ([Atiquipac](#)), [\[XXVI-8\]](#) где испанцы были встречены дружелюбно, но на закате люди покинули свои дома и бежали в горы. [\[XXVI-9\]](#) Не было времени терять на них, так как дороги в любой момент могли стать непроходимыми из-за дождей, и поэтому армия продвинулась вперед, пометив нескольких несчастных как рабов, [\[XXVI-10\]](#) командир принял все меры предосторожности при расстановке своих сил для обеспечения безопасности багажа и защиты вспомогательных войск. Следующим городом, до которого они добрались, был Такуйлула, который и сегодня носит то же название. Прием здесь был похож на предыдущий, за исключением, пожалуй, того, что местные жители быстрее, чем жители Атикипака, поняли, кто их гости. В течение часа все они бежали. [\[XXVI-11\]](#)

Из Такуйлулы они продвинулись в Такиско, где, согласно отчету Альварадо, жители показались дружелюбным. [\[XXVI-12\]](#) Они провели ночь в городе, приняв все меры предосторожности против нападения, поскольку он был сильным и густонаселенным, и испанцы не без опасений ожидали нападения. Однако их не беспокоили, и на следующее утро они отправились в город Нансинтлан. [\[XXVI-13\]](#) Для большей безопасности командир разместил десять всадников в тылу и столько же в центре с багажом, а с остальной частью кавалерии возглавил авангард. Он продвинулся на две-три лиги, когда на его тыл было совершено жестокое нападение, в результате которого погибло несколько его индейских союзников, а что он сожалел еще больше, было унесено большое количество его багажа, запасов и материалов. [\[XXVI-14\]](#)

Это была тяжелая потеря, и командующий немедленно послал своего брата Хорхе Альварадо с сорока или пятьюдесятью всадниками, чтобы попытаться вернуть утраченное. Прибыв на место недавней катастрофы, этот офицер столкнулся с большим отрядом воинов [\[XXVI-15\]](#) и обратил их в бегство, но не смог вернуть утраченное имущество. Тем временем армия прибыла в Нансинтлан, и Хорхе Альварадо, вернувшись практически безрезультатно, Пуэртокарреро [\[XXVI-16\]](#) был отправлен обратно с отрядом пехотинцев. Вторая попытка оказалась столь же неудачной, как и первая. Дело в том, что вся страна была вооружена; туземцы укрылись в горных крепостях, откуда они выходили для нападения, когда представлялась возможность. Нансинтлан также был покинут, за исключением главных деятелей, которые были взяты в плен. Во время восьмидневного пребывания [\[XXVI-17\]](#) здесь

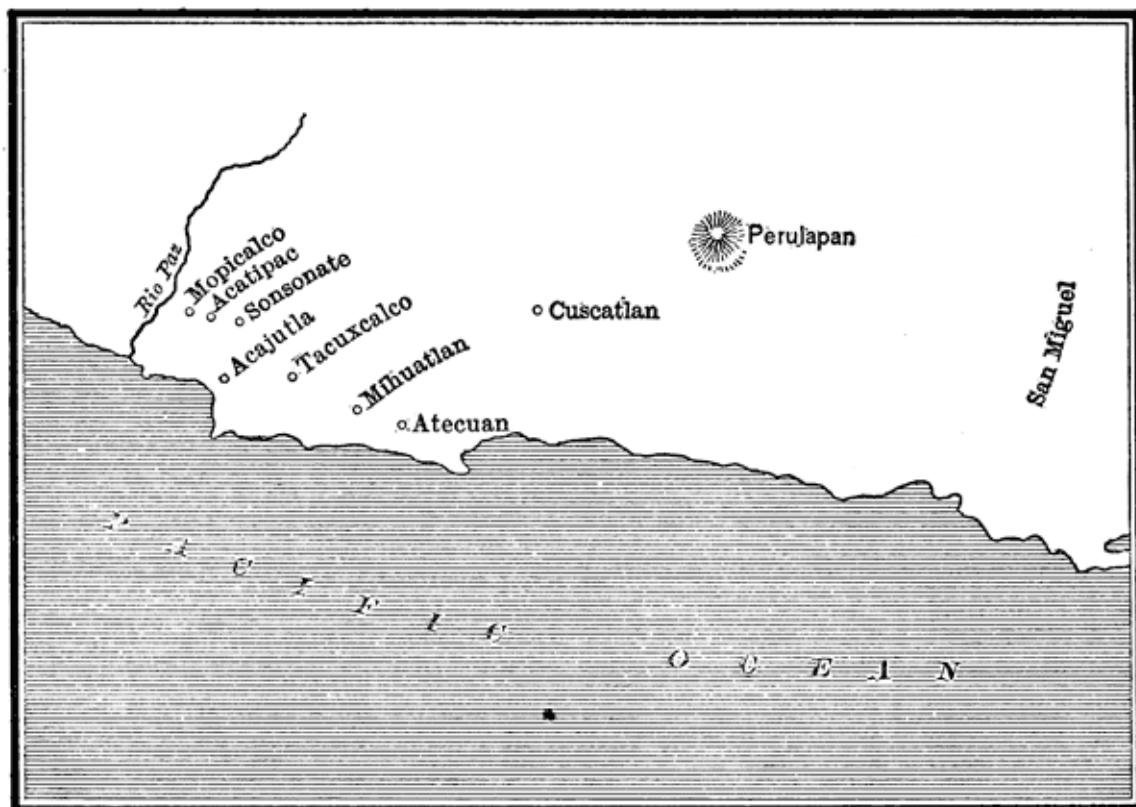
Альварадо тщетно пытался убедить людей вернуться, и, поскольку он не мог больше задерживать свой поход, из чистой злобы подлый командир сжег город и своих пленников.

[\[XXVI-18\]](#)

Испанцы теперь продвинулись к соседнему городу Пазакко (). [\[XXVI-19\]](#) Генерал-лейтенант уже получил приглашение от вождей с заверениями в дружбе, которые вряд ли могли быть искренними, поскольку, когда испанцы приблизились к городу, их продвижение было прервано короткими отравленными кольями, искусно спрятанными в земле. [\[XXVI-20\]](#) Дороги, также, оказались закрытыми вблизи города, со всеми возможными препятствиями для продвижения. Когда они вошли в город, их взгляду предстало зрелище собачьего жертвоприношения, церемонии, символизирующей ненависть и вызов. [\[XXVI-21\]](#) Военные действия не заставили себя долго ждать. По сигналу туземцы внезапно появились, выкрикивая свои пронзительные боевые крики, и обрушили на испанцев такой сильный град стрел, копий и камней, что им с трудом удалось удержать свои позиции. Однако медленно, но верно испанское оружие и кольчуги взяли верх, и индейцы, не в силах противостоять им, бежали на окружающие возвышенности, подвергаясь ужасам преследования. [\[XXVI-22\]](#)

ЧЕРЕЗ ЛА-ПАСУ В САЛЬВАДОР.

Затем армия перешла реку Ла-Пас [\[XXVI-23\]](#) и вошла в территорию, которая сейчас является штатом Сальвадор, сначала в Мокисалько [\[XXVI-24\]](#) , а затем в Акатепек . Оба этих города гостеприимно приняли пришельцев, но вскоре жители бежали, охваченные ужасом от совершенных жестокостей. Разгневанный этим постоянным бегством, Альварадо приказал преследовать индейцев, и всех, кого удалось поймать, клеймили как рабов. Затем он поспешил вперед, направляя свой поход в Акахутлу. [\[XXVI-25\]](#) Прибыв в пол-лиги от города, он столкнулся с могущественной армией, выстроившейся в боевом порядке, чтобы противостоять ему, их ряды простирались по широкой равнине, лежащей перед городом. Это было действительно воодушевляющее зрелище для индейского воина. Последние несколько дней были несколько скучными, но здесь обещалось действительно редкое развлечение. Альварадо, который шел впереди с кавалерией, подошел на расстояние выстрела из арбалета, а затем остановился, чтобы подождать пехоту. Окинув своим опытным взором лес копий и оценив масштабы вражеского строя, он почувствовал, что в этот день ему понадобятся все его хладнокровие и все его умение, чтобы спасти свою армию. Военные перья развевались на головах тысяч людей, боевое снаряжение было разбросано, насколько хватало глаз, а пернатые знамена, развевающиеся над разноцветными отрядами, придавали всему необыкновенный блеск. [\[XXVI-26\]](#) Враг также выбрал выгодную позицию. В их тылу густые леса предлагали легкое убежище в случае необходимости. Но еще до того, как они стали его, Альварадо начал планировать, что никто не должен ускользнуть от него. Он стоял там, как охотник, наблюдающий за стадом антилоп, и думал, как лучше всего их всех поймать. Какая польза была Карлу, Кортесу или даже этим запыхавшимся волкам от того, что эта злополучная толпа до последнего человека должна была погибнуть?

БЛАГОРОДНАЯ ИГРА.

Когда остатки его войск [\[XXVI-27\]](#) подошли ближе, Альварадо продвинулся немного ближе к врагу. Индейцы не проявляли никакого желания покидать свои позиции; они, казалось, ждали атаки. Тогда Альварадо притворился отступающим, и армия выполнила это в идеальном порядке, хотя и в явной спешке, [\[XXVI-28\]](#) а сам командир командовал тылом. Результат был таким, как он и предполагал. Одураченные туземцы с жадностью бросились в погоню; наконец, думали они, эти проклятые существа испугались. И они устремились на них с дикими проявлениями радости от ожидаемой победы, поднимая при наступлении такой рев, который привел бы в ужас любого, кроме опытных войск. В своем слепом энтузиазме они схватились и боролись с отступающей кавалерией, хватая лошадей за хвосты и всадников за стремени. Их стрелы гулко стучали, как град, по металлическим доспехам солдат или с гневным свистом пролетали мимо них, достигая самого дальнего края испанской армии. Некоторое время это движение продолжалось по ровной равнине, на которой не было никаких препятствий, мешающих его успешному осуществлению. [\[XXVI-29\]](#) После того как враг был таким образом отвлечен от дружественного леса и выведен на местность, наиболее подходящую для достижения цели, был отдан приказ; испанская армия развернулась и обрушилась на неподготовленного врага, как буря на Содом. Войска Сеннахериба перед Иерусалимом не встретили более полного уничтожения, чем армия воинов перед Акахутлой в тот день. Одетые в громоздкие хлопковые доспехи, они не могли бежать, а когда их сбивали с ног наступающие всадники, они не могли подняться. [\[XXVI-30\]](#) Когда они лежали беспомощно на земле, пехота и вспомогательные войска резали и пронзали их, как свиней, следуя как можно более ревностно примеру Альварадо, который, тяжело раненный [\[XXVI-31\]](#) и раздраженный, вымещал свою злобную ярость на этих защитниках родины. Ах! Война — это славное дело, и велика та цивилизация, которая облагораживает и возвышает войну!

ЕЩЕ ОДНА ВЕЛИКАЯ БИТВА.

Месть рыцарственного полководца была полной: ни один из многочисленных воинов не остался в живых на поле боя.^[XXVI-32]

Когда истребление было закончено, победоносная армия вошла в Акахутлу и осталась там на пять дней, ухаживая за своими ранеными, которых было очень много; затем они прошли в Такускалько.^[XXVI-33] Педро Пуэртокарреро был отправлен вперед для разведки и сумел захватить двух шпионов, которые сообщили, что воины этого города и его прилегающих территорий собрались в большом количестве, чтобы противостоять их наступлению, после чего разведывательная группа продвинулась вперед, пока не оказалась в пределах видимости врага. Гонсало де Альварадо, который возглавлял авангард, поскольку его брат был болен из-за ранения, вскоре подоспел с сорока всадниками и выстроился в боевой порядок, ожидая прибытия основной части войска. Командир, хотя и продолжал сильно страдать, сел на лошадь, как мог, и отдал приказы. Индейцы выстроились в одну сплоченную фалангу; он собирался атаковать их сразу с трех сторон. Тридцать всадников под командованием Гонсало де Альварадо должны были атаковать справа, его брат Гомес получил приказ вести еще двадцать всадников против левого фланга, а Хорхе^[XXVI-34] должен был атаковать фронт с остальными силами.

Приняв эти меры, он занял свое место на возвышенности над полем сражения. Даже его мужественное сердце несколько замерло, когда он увидел эту картину. Одна часть равнины была покрыта лесом высоких копий,^[XXVI-35] а плотное скопление врагов говорило ему о том, что их было даже больше, чем в армии, которую он разгромил несколько дней назад.^[XXVI-36] Его опасения ничуть не уменьшились, когда он увидел, как его войска приближаются к врагу и наблюдал, как непоколебимо они стоят, не проявляя никаких признаков страха. Но что показалось ему самым странным, так это то, что его собственные люди колебались, прежде чем атаковать. Позже он узнал, что между противостоящими линиями лежала узкая лужайка, которую испанцы приняли за болото, и отложили наступление, пока не убедились в прочности почвы. Вскоре раздался воодушевляющий крик «Сантьяго!», и сердце Альварадо забилось сильнее: его страсть к человеческой крови, казалось, усиливалась с каждой десяткой тысяч убитых, и недавно веселый и галантный кавалерист превращался в чудовище, наслаждающееся кровавой бойней и убийствами, убивающее людей ради одного лишь удовольствия. С чувством яростного восторга раненый человек наблюдал, как его армия врывается в индейские колонны. Он отметил бегство и кровавую погоню и с удовлетворением заметил, как равнина покрылась трупами на пути беглецов и преследователей, и эта жуткая линия вскоре достигла длины более мили.

ПОДВОДКА К КУЗКАТЛАНУ.

Захватив город, испанцы оставались в нем два дня, а затем двинулись на Миуатлан.^[XXVI-37] Все города и деревни в окрестностях оказались брошенными; туземцы, по-видимому, поняли, что у них нет шансов на успех в полевых условиях и что, лишившись свободы, они не смогут избежать угнетения. В Атекуане^[XXVI-38] командующего встретили посланцы Атакатля, короля Кузкатлана, с предложениями дружбы, которые были приняты с удовлетворением, поскольку задержка и усталость от сражений с наградой в виде пустых городов, какими бы приятными они ни были, казались бесполезными.^[XXVI-39] До сих пор, по-видимому, Альварадо мало что достиг в плане фактического завоевания страны. Его путь был отмечен грудями убитых, сожженными городами и брошенными деревнями,^[XXVI-40] но что касается подданных Его Величества, обращенных в христианство, колоний или каких-либо постоянных преимуществ, то их было мало. Если бы он смог найти верного союзника, второго Синакама, в самом сердце страны, то умиротворение могло бы стать более постоянным и выгодным. С этой целью он направил

свой поход на Кускатлан, [\[XXVI-41\]](#) столицу этой страны, большой и красивый город, населенный значительным количеством людей и, по отчетам завоевателей, уступающий лишь Патиnamиту.

Хотя индейцы вдоль дороги проявляли свою дружелюбие, снабжая испанцев фруктами и свежими продуктами в изобилии, и хотя они были радушно встречены в городе вождями, тем не менее, когда они заняли свои квартиры, все население бросилось к оружию, и через несколько часов город был опустошен. [\[XXVI-42\]](#) Все попытки Альварадо примирить стороны оказались тщетными. Призывы к послушанию и угрозы были одинаково проигнорированы, и было отправлено официальное требование, сопровождаемое обычными условиями, но ответа не последовало. Тогда захватчики попытались применить силу, но на этот раз они потерпели неудачу. В течение семнадцати дней предпринимались самые напряженные попытки подчинить их, в ходе которых произошло несколько кровопролитных столкновений, в результате которых несколько испанцев были ранены и одиннадцать лошадей убиты, а вспомогательные войска понесли тяжелые потери. Таким образом, даже оккупация столицы не позволила достичь основной цели вторжения.

Альварадо теперь понял, что с имеющимися силами он никогда не сможет подчинить себе кускатеков, и увидел, что его положение становится критическим. Наступил сезон дождей, дороги становились плохими, и с каждым днем отступление становилось все более затруднительным. Марш обратно пролегал на несколько сотен миль, и он не мог рассчитывать на гостеприимство или помощь. Поэтому он решил вернуться в Гватемалу. Но прежде чем выступить, он хотел юридически закрепить свои права на вассальную зависимость кускатеков. С этой целью он возбудил против них судебное разбирательство в установленной законом форме и призвал их сдаться. Поскольку его прокламация осталась без внимания, разбирательство было закрыто по истечении установленного законом срока, и был вынесен приговор. Они были объявлены изменниками, а их вожди приговорены к смерти. [\[XXVI-43\]](#)

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ И КРЕСТОВИНЫ.

По окончании этой торжественной церемонии [\[XXVI-44\]](#) Альварадо был готов покинуть страну, но не прежде, чем клеймил всех, кого мог поймать. Он был несколько огорчен тем, что ему не удалось привлечь кускатеков в свои ряды, но он собирался вернуться снова. Действительно, это было необходимо, поскольку кампания в Кускатлане оказалась совершенно безрезультатной [\[XXVI-45\]](#) с точки зрения получения богатств или владений. От Ицкуинтлана до Кускатлана почти не было города, который не требовал бы повторного подчинения. Дополнительным поводом для раздражения было заявление туземцев о том, что на юге не существует пролива. [\[XXVI-46\]](#) С другой стороны, он был доволен, узнав о больших городах за проливом, построенных из камня и извести и густонаселенных, и пообещал себе, что они компенсируют ему его нынешнее разочарование. О подробностях его обратного марша говорить не нужно. Можно с уверенностью сказать, что путь был трудным и солдаты сильно страдали. [\[XXVI-47\]](#) Измученные голодом, промокшие до нитки, среди молний и грома, они пробивались обратно по мягкой промокшей земле, бросая вызов небу и земле, которые, казалось, восстали против них. Ночью, если не было заброшенного города, где можно было бы укрыться, измученные люди, после скудного ужина и дрожа в мокрой одежде вокруг слабых костров, бросались спать на болотистую землю. Однако, несмотря на все свои страдания, они не гнушались уничтожать поля, сжигать деревни, которые попадались им на пути, и тем самым доводить других до такого же печального положения, в каком находились сами. Как сладки нам несчастья других!

ГЛАВА XXVII.

ВОССТАНИЕ КАКЧИКАЛОВ.

1524-1525.

Возвращение союзников в Мексику — Основание города Сантьяго — Невыносимое угнетение какчикелей — Их бегство из города — Трудности с повторным подчинением — Подкрепление из Мексики — Поход на Мишко — Взятие этой крепости — Сражение с чигнаутеками — Сверхчеловеческая доблесть кавалериста — Завоевание долины Сакатепек — Экспедиция против мамесов — Поражение Кан Илокаба — Вход в Уэуэтенанго — Осада Закулеу — Капитуляция Кайбиль Балама.

Педро де Альварадо со своей армией прибыл в Патинамит из южной кампании за несколько дней до 28 июля 1524 года. [\[XXVII-1\]](#) Мексиканские союзники были вскоре отпущены и вернулись в свои дома, унеся с собой депеши для Кортеса. Генерал был очень доволен вестями от своего лейтенанта и послал ему еще двести испанских солдат, чтобы помочь в колонизации этих мест.

ОСНОВАНИЕ ГОРОДА САНТЬЯГО. Почти сразу после возвращения в столицу какчикелей испанцы приступили к захвату территории и подготовке к ее управлению. В Патинамите был основан испанский город под названием Сьюдад-дель-Сеньор-де-Сантьяго. [\[XXVII-2\]](#)

Церемонии проводились с большой помпой. По словам Ремесала, 25 июля, в день святого Иакова, армия выстроилась в боевом порядке под звуки флейт и барабанов. Утро было необычайно прекрасным, и солнце, сверкающее лучами на полированных доспехах, добавляло великолепия этой сцене. Кавалерия особенно выделялась яркостью своих костюмов и украшений. После нескольких залпов аркебузирова мессу отслужил капеллан Хуан Годинес, и все с благочестием присоединились к богослужению. С должной торжественностью новый город был посвящен их покровителю Сантьяго.

Затем Альварадо назначил муниципальных чиновников. Первыми алькальдами стали Диего де Рохас и Бальтасар де Мендоса. Были назначены четыре регидора: Педро Пуэртокарреро, Эрнан Каррильо, Хуан Перес Дардон и Доминго де Субиаррета, [\[XXVII-3\]](#), а Гонсало де Альварадо был избран альгусилем-майором. [\[XXVII-4\]](#)

После образования муниципалитета [\[XXVII-5\]](#) испанцы в течение следующих трех дней посвятили себя празднествам и веселью. 12 августа [\[XXVII-6\]](#) была проведена регистрация колонистов, список из ста человек которой сохранился до наших дней. [\[XXVII-7\]](#) Святому покровителю также была построена и посвящена церковь, за которой отвечал Хуан Годинес, а также один сакристан Рейноса с зарплатой в шестьдесят долларов в год. Окружающие земли были затем распределены в виде энкомьенд. При выдаче этих грантов Альварадо, должно быть, испытывал некоторые сомнения относительно их действительности, а также

относительно своего будущего положения и власти в завоеванных провинциях, поскольку в депеше Кортесу он жалуется, что, согласно сообщениям, полученным им по возвращении из южной кампании, король назначил другого губернатора новой территории, а не его самого, и упрекает Кортеса за то, что тот не сообщил должным образом о его заслугах перед Его Величеством, одновременно прося его сделать это. [\[XXVII-8\]](#)

Оскорбление за оскорблением.

То, что знатные люди из племени какчикелей с возмущением относились к этому произвольному распоряжению их землями и вассалами, было вполне естественно. Они уже заметили, что друзья и враги были одинаковы в руках алчных испанцев, чьи агрессивные и возмутительные действия теперь убедили их в том, что дружеское отношение их короля не принесло их народу большего, а даже меньшего уважения, чем то, которое было оказано покоренным киче, которые мужественно сражались за независимость. Так было, по правде говоря, со всеми завоевателями в Америке, хотя это и не выражалось в словах: те, кто боролся за свои права, должны были умереть или подвергнуться порабощению, потому что они противостояли грабителям; те, кто не боролся, были презренными существами, недостойными внимания белых людей. Поверив их обещаниям, какчикели приняли испанцев и признали их суверенитет, но они не были готовы пойти так далеко, чтобы сдать себя, своих жен и детей, свои земли и свою религию. Восстание могло привести к смерти; судя по тому, что они видели, это было вполне вероятно; тем не менее, они восстали и погибли. Насколько высоко поднялась рука надсмотрщиков, мы не знаем; но мы знаем, что через несколько месяцев после возвращения Альварадо и основания его нестабильного города [\[XXVII-9\]](#) какчикели поднялись на восстание против тиранов. Известна и главная причина недовольства. Они подвергались постоянным поборам. Храмы и дворцы Патаинамита были вынуждены отдавать свои золотые и серебряные украшения, пока от них ничего не осталось. Затем от короля и знати в течение определенного срока потребовали большое количество золота [\[XXVII-10\]](#), которое они не могли предоставить. В своих попытках добыть столь желанное желтое вещество из золотоносных ручьев они принесли блестящие пириты, приняв их за золото. [\[XXVII-11\]](#) Альварадо, взбешенный яростью, вызвал к себе короля и его придворных. «Почему, — воскликнул он страстно, — вы не принесли золото и серебро, которые я требовал от вас? Если я вскоре не получу все золото и все серебро ваших городов, вы будете иметь выбор: быть повешенными или сожженными заживо!» Затем с жестокостью, которой мог бы гордиться Калигула, он собственноручно сорвал с ноздрей Синакама и двух принцев, стоящих рядом с ним, золотые украшения, которые они носили как знаки своего высокого положения. [\[XXVII-12\]](#) Это унижение пронзило сердца несчастных туземцев, и, склонив свои опозоренные головы, они пролили горькие слезы, смешавшиеся с кровью, которая капала к ногам христианина. «Я требую, — добавил Альварадо, — чтобы золото и серебро были здесь через пять дней. Горе вам, если вы не принесете их!» И с грубостью, равной его безжалостности, он отпустил их из своего присутствия.

ПОСКОРЕНИЕ ГОРОДА.

Знать, духовенство и народ были уже единомышленны. Священники, в частности, видя осквернение своих храмов и угрозу подавления своей религии, приложили все усилия, чтобы поднять какчикелей на восстание против гнусного рабства. И пока знать и народ делали все возможное, чтобы собрать сокровища для удовлетворения последнего требования соседних городов, духовенство успешно завершило планы и приготовления к восстанию. Они распространили слух, что их божество, оскорбленное кощунственными действиями испанцев, явилось своим служителям и объявило о скором уничтожении чужеземцев. Жрец из Чамалкана предстал перед Синакамом и его двором. «Я — молния! — воскликнул он с сдержанной яростью. — И я

поразил кастильцев. Огнем я уничтожу их! Когда я заставлю звук священного барабана раздаться в городе, пусть король покинет его и уйдет на другую сторону реки, ибо на седьмой день, Ахмак, я поразию испанцев!» Эти смелые и уверенные слова возымели свое действие. В своем глубоком горе чакчикели верили, что их бог поможет им, иначе какая ценность у богов? И они тайно подготовили все к тому моменту, когда будет дан сигнал. Испанцы, по-видимому, не подозревали о намерениях чакчикелей. В тот же вечер, когда началось восстание, Альварадо, умиротворенный принесенным ему золотом, устроил для Синакама и большого числа князей и вельмож банкет, великолепный банкет, на котором гости лакомились тем, чем их лишили. В ту ночь, пока испанцы спали, тяжелые после пира, прозвучал сигнал барабана. Все население, мужчины, женщины и дети, поднялось и молчаливо покинуло город вместе со своим королем и знатными людьми. Это не единственный случай в мировой истории, когда народ покинул свои дома и бежал от преследований, доверяя религиозной вере. Теперь пусть бог, которому они доверяют, поможет им, ведь всю остальную надежду они оставили позади! Перейдя ущелье, они обернулись и стали ждать ожидаемого чуда; всю оставшуюся часть ночи они наблюдали за молниями и огнем, напрягая зрение, устремляя взоры вдаль, в самые дальние уголки неба, чтобы увидеть первый слабый проблеск того священного пламени, которое должно было принести им освобождение. Но, увы! Не было никакого света, кроме утреннего солнца, которое пришло, чтобы развеять всякую надежду. И Бог, и священник обманули их; или, скорее, они сами были обмануты, не поняли правильно, или не были достойны помощи, или их желание исполнится каким-то другим способом — так мог бы сказать их учитель. Теперь им оставалось только погибнуть, потому что они никогда не вернуться! [\[XXVII-13\]](#)

Альварадо хорошо понял смысл этого действия, когда услышал о нем. И когда он шел по городу, пустые дома и опустевшие улицы ясно говорили ему о том, что его жестокая система угнетения довела до отчаяния народ, который встретил его со всей добротой и гостеприимством. Когда ему объяснили непосредственную причину и побуждение к восстанию, то есть действия священника, он надеялся, что, когда чакчикели обнаружат, насколько тщетна их надежда на своего бога, они вернуться в свои дома, и в течение десяти дней он оставался бездейственным. Но все попытки примирения были отвергнуты; они предпочли бы умереть в войне с христианами, чем жить с ними в мире. Что ж, тогда их нужно убить; и как религиозный и патриотический долг Альварадо выступил против них. За этим последовала долгая и кровопролитная война. Если бы киче и зутугиль объединились с чакчикелями, можно с уверенностью предположить, что испанцы были бы отбиты (). При нехватке провианта, [\[XXVII-14\]](#) и сокращении числа мексиканских вспомогательных войск, окруженные и подвергающиеся преследованиям, они вряд ли смогли бы пробиться из страны. Но отказ Синакама от ранних предложений киче и его союз с захватчиками все еще гневали их, и теперь им было все равно, кто из их ненавистных врагов пожрет другого. В результате война оказалась не такой односторонней, как это было принято в последнее время. Какчикели продемонстрировали в бою мастерство и храбрость, с которыми испанцы еще не сталкивались в этих краях. Перед своими линиями они вырыли глубокие ямы, в которые воткнули заостренные колья, скрыли их под покрытием из травы и легкой земли и приняли за ними атаку кавалерии. Многие испанцы и многие лошади нашли смерть или получили страшные ранения, пронзенные этими ловушками. [\[XXVII-15\]](#)

НЕНАВИСТЬ К КАКЧИКАМ.

На поле битвы туземцы проявили отчаянную храбрость. Из глубокой ненависти они, по возможности, отравляли свои стрелы и дротики и, бросая их в врага, кричали: «Возьми золото, Тонатиух, возьми золото!» Таким образом, сражение продолжалось с большой враждой с обеих сторон, и чакичелы, теперь более

сплоченные между собой и объединенные со многими соседними племенами, долгое время продолжали борьбу. Хотя их собственная земля страдала от разорения испанцами, они отомстили, опустошив территории киче и зутугилов, поскольку эти народы были настолько ослаблены в борьбе с испанцами, что больше не могли противостоять какчикелям на поле боя. И действительно, в результате этого широкомасштабного процесса опустошения испанцы начали страдать от голода. Альварадо был вынужден покинуть свой новый город Патаинамит в конце 1524 года и на время перенести свою штаб-квартиру в Сепану, [\[XXVII-16\]](#) вокруг которого страна была менее опустошена.

Испанцы действительно находились в тяжелом положении, многие христиане были убиты и ранены. Но в начале 1525 года он получил подкрепление из Мексики, что позволило ему быстро приступить к подавлению восстания в провинциях. Вернувшись в Патаинамит, он подверг несколько районов огню и мечу, пока земля не превратилась в одну большую пустыню.

КАМПАНИЯ ПРОТИВ МИКСКО.

Именно во время или сразу после подавления этого восстания испанцы достигли, пожалуй, своего величайшего достижения за всю историю завоевания Гватемалы. Это было взятие города Миксо, считавшегося неприступным. [\[XXVII-17\]](#) Миксо был одной из важнейших крепостей в королевстве какчикелей, укрепленной природой настолько, что не требовала особых усовершенствований. Расположенный на возвышенности, со всех сторон окруженной обрывами, он был доступен только по крутому тропе, достаточно широкой, чтобы по ней мог пройти только один человек, и прерываемой местами, которые можно было преодолеть только с трудом. [\[XXVII-18\]](#) На вершине этой возвышенности находилась большая равнина, способная прокормить население в восемь или девять тысяч человек.

Узнав, что миксканы решили сопротивляться испанскому господству и побуждали другие племена укреплять свои позиции, Альварадо счел абсолютно необходимым захватить это место. Поэтому он послал передовой отряд из двух рот пехоты и одной роты кавалерии под командованием своего брата Гонсало, чтобы осадить Миксо, пока он сам не сможет принять командование. Капитаны, подчинявшиеся Гонсало, Алонсо де Охеда, Луис де Вивар и Эрнандо де Чавес, были людьми высокой храбрости и опыта; однако они не только ничего не достигли, но и понесли большие потери от камней и стрел врага, [\[XXVII-19\]](#) а также начали иссякать запасы продовольствия, так что Гонсало был готов снять осаду, когда прибыл генерал-лейтенант с подкреплением. [\[XXVII-20\]](#) Хотя Альварадо полностью осознавал сложность и опасность этого предприятия, два фактора подталкивали его к его осуществлению: он любил все сложное и опасное и хорошо понимал, что невозможно окончательно подчинить страну, пока эта крепость находится в руках врага. Был созван военный совет, и было решено захватить Миксо. Первая попытка оказалась неудачной, как и вторая и третья, и дни и недели шли без каких-либо видимых успехов. Тогда испанцы решили прибегнуть к хитрости и, притворившись, что атакуют с помощью лестниц в месте, где обрыв был ниже, чем в других местах, внезапно бросились вверх по тропе, которая, как они надеялись, была без защиты. Однако миксканы были готовы и встретили испанцев таким сильным обстрелом, что те были вынуждены в замешательстве отступить. Вскоре после этого, пока офицеры совещались, поступило сообщение о приближении сильного отряда туземных воинов, которые оказались чигнаутеками, союзниками миксканов. [\[XXVII-21\]](#) Их намерения были очевидны, и вскоре две армии вступили в ожесточенную схватку. Несмотря на то, что аркебузы и арбалеты, а еще больше кавалерия, нанесли большой ущерб, чигнаутеки

продолжали сражаться с таким упорством, что после потери большого числа тласкальцев и ранения многих испанцев было решено отступить.

БОЙ С ЧИГНАУТЦАМИ.

В такой ситуации, как в данном случае, когда цель, которую нужно было достичь, — захват крепости — больше напоминала единоборство, чем общее сражение, здесь и в других местах в ходе подобной кампании нередко можно было увидеть проявления индивидуального мастерства с обеих сторон. Это было поле славы для солдата, обычно ограниченное полем сражения, так же как мир был полем славы для генерала. Я упомяну один такой случай, связанный с этой битвой против чигнаутеков. Во время опасного отступления один из кавалеристов, Гарсия де Агилар, находится в самом тылу и подвергается самым яростным атакам преследующих воинов. По сути, его тело оказалось между двумя сражающимися армиями. Очевидно, что если враг не сможет устранить его, то не сможет нанести ущерб и другим; поэтому все силы направлены на то, чтобы покалечить его лошадь или поймать его; в конце концов он оказывается отрезанным от своих товарищей и быстро окруженным более чем четырьмя сотнями смуглых врагов, каждый из которых жаждет нанести ему *смертельный удар*. Но Агилар еще далеко не побежден. Хотя он в данный момент сброшен с седла, он некоторое время продолжает отчаянную борьбу, нанося смертельные удары врагу. Затем он теряет свой меч, и у него остается только кинжал. В данном случае удивляет не столько храбрость этого человека, сколько его необычайная мускульная сила. Лошадь, брыкаясь и рвясь, мешает его поимке, а Агилар, окруженный угрозой смерти, демонстрирует почти сверхчеловеческую силу. Ни один удар, нанесенный с целью убить или оглушить, ни одна попытка схватить его не могут остановить быстрый удар его сильной правой руки, которая вонзает острый клинок прямо в жизненно важные органы нападающих. Однако раны и все возрастающие усилия ослабляют его, но поимка означает жертвоприношение. Быть беззащитным на языческом алтаре, жертвой отвратительных богов — эта мысль ужасна — и смертоносный кинжал все еще быстрыми движениями вонзается до рукояти. И вот боевой клич Сантьяго на помощь! звучит в его ушах и сообщает о спасении; он слышит свинцовый звук, как будто раздавленных костей и плоти, и свист падающих клинков, и понимает, что помощь близка. Шесть всадников вступили в неравную схватку и рассеяли смуглых врагов, как овец. Они собрались вокруг своего соотечественника, поддержали его измученное тело и отнесли раненого и обессиленного в безопасное место. Мужество, сила и мастерство этого единственного человека, а также доблесть, проявленная при его спасении, настолько впечатлили чигнаутеков, что они отступили, уныло считая свои усилия бесполезными против таких существ, [\[XCVII-22\]](#) и вернулись в свои дома.

Осада длилась уже месяц. На третий день после отступления, которое привело к победе, испанцы решили сделать еще одну попытку захватить город и уже были готовы к штурму, когда прибыл посол от чигнаутеков, предлагая свою капитуляцию и принося традиционные подарки: золото, зеленые перья и дорогие плащи. Однако они оговорили, что этот акт верности должен оставаться в секрете до падения Миксо; в то же время посол намекнул, что их вожди сообщат Альварадо в частном порядке секрет, который будет ему полезен. Альварадо благосклонно принял это сообщение и отпустил посланника со всеми знаками уважения, выразив готовность выслушать то, что вожди хотели сказать.

Расстояние от Миксо до Чигнауты составляло девять лиг; и через три дня, в течение которых Альварадо воздерживался от активных действий, главные вожди прибыли в его лагерь. Их сопровождала большая свита и множество туземцев, несущих подарки, имевшие большую ценность для аборигенов, и большое количество провианта. Кацики сообщили, что из крепости ведет подземный ход, выходящий в лесу у берега реки. По их словам, через него

миксканы могли бы сбежать, даже если бы испанцы сумели штурмом взять высоту. Они были готовы раскрыть место выхода, поскольку не были верны миксканам, которые подговорили их взять в руки оружие против испанцев. Кроме того, они предложили устроить засаду у входа в проход. [\[XXVII-23\]](#)

ПАДЕНИЕ МИКСКО.

Соответственно, отряд из сорока человек, состоящий из арбалетчиков и кавалеристов под командованием Алонсо Лопеса де Лоарка, был отправлен к выходу из прохода (), [где он был встречен вражеским огнем \(\) \[XXVII-24\]](#) (). После этого Альварадо вновь решил попытаться штурмовать это место. Впереди штурмовой линии шел человек со щитом, за ним следовал арбалетчик, затем еще один щитonosец, поддерживаемый аркебузиром. Такой чередующийся порядок обеспечивал защиту и в то же время позволял вести наступление. [\[XXVII-25\]](#) Возглавлял сформированный таким образом отряд Бернардино де Артеага, который попросил о назначении на эту опасную должность в качестве одолжения и сумел покрыть свое имя честью. Призывая Бога и Сантьяго, они начали подъем по узкому гребню, который расширялся по мере приближения к утесу. Двигаясь как можно быстрее, чтобы дождь камней и стрел имел меньший эффект, они тем не менее стреляли из арбалетов и аркебуз со смертельным результатом. Они почти достигли более широкого места на гребне, где могли идти в ряд четверо человек, когда доблестный Артеага был сбит тяжелым камнем, сломавшим ему ногу, но с неукротимой волей он продолжал бороться, поддерживаемый своим товарищем Диего Лопесом де Вильянуэва. [\[XXVII-26\]](#) Несмотря на ужасное сопротивление, они достигли более широкого места у обрыва, которое было заполнено защитниками, так жаждущими нанести удар нападающим, что многие из них были сбиты с обрыва теми, кто стоял позади. Но к этому времени штурмующие смогли частично выстроиться в линию и применить свои мечи. Затем началась рукопашная схватка, и земля вскоре покрылась телами убитых миштеков, среди которых лежали груды отрубленных голов и конечностей. Все больше испанцев и их союзников быстро подходили, чтобы помочь в резне, по мере того как для них освобождалось место. Местные жители сражались отчаянно, но одна за другой теряли высоты, пока их победоносный враг наконец не достиг равнины выше. Там испанцы нашли новые силы, чтобы противостоять им. Но к этому времени миксканы были подавлены необычайными достижениями испанцев; и когда они увидели этих безжалостных белых врагов, первых, кто когда-либо ступал на территорию их знаменитой и грозной крепости, когда они увидели, как те движутся вперед и вверх, непобедимые, как судьба, неудивительно, что их сердца погрузились в отчаяние. Их сопротивление было совершенно бездуховным; они сломались и бежали при первой же атаке. То, что последовало за этим, было ужасным, превосходящим даже те страшные сцены, к которым привыкли эти убийцы с обеих сторон. Чтобы спастись от яростного натиска испанцев, некоторые из миштеков бросились вниз со скал, и глухой стук их тел, ударяющихся о камни, звучал призрачным эхом в ущелье внизу. Некоторые пытались сбежать по теперь пустому пути, по которому пришли нападавшие, но они были схвачены стражей лагеря. Некоторые бежали через подземные пещеры, но были преследованы и многие взяты в плен, не дойдя до выхода, а те, кто ранее укрылся там с женщинами и детьми под присмотром нескольких вождей, выйдя на выход, были атакованы Лоаркой, и большинство из них были взяты в плен. [\[XXVII-27\]](#)

Так закончился этот замечательный подвиг завоевателей. Город был сожжен, крепость разрушена, а население переселено на место нынешнего города с тем же названием, расположенного в долине Валье-де-лас-Вакас. [\[XXVII-28\]](#)

ВОЙНА ЗАКАТЕПЕКА.

Вскоре после падения Миксо было завершено завоевание долины

Закатепек. Города этого района подчинялись королю какчикелей, но многие из них, особенно Закатепек, отказались от верности и провозгласили свою независимость, возмущенные союзом Синакама с испанцами. [\[XXVII-29\]](#) Кроме того, они неоднократно демонстрировали свою враждебность по отношению к городам, подчинившимся испанскому правлению, совершая набеги на их земли и уводя их женщин и детей для жертвоприношения. [\[XXVII-30\]](#)

После подавления восстания и восстановления испанской власти в районе Патинамит, [\[XXVII-31\]](#) вожди Синако и Зумпанго выступили с протестом против сакатепеков, заявив, что они теперь находятся под защитой детей солнца и должны обратиться к ним, если грабежи на их землях не прекратятся. Несчастные люди, которые доставили это послание, были без суда и следствия принесены в жертву на алтарном камне, все, кроме одного, жизнь которого была пощажена, чтобы он мог передать ответ сакатепеков: «Пусть дети солнца воскресят мертвых послов. Что же касается нас, то мы не подчинимся неизвестному народу, а уничтожим все деревни вождей, прежде чем их союзники смогут оказать им помощь». И они не замедлили выполнить свою угрозу.

Большое войско вторглось на территорию Синако и Зумпанго и начало убивать и грабить. Туземцы отправили в Гватемалу просьбу о помощи. Альварадо в это время отсутствовал, находясь в своей второй кампании в Сальвадоре, [\[XXVII-32\]](#) выполняя свое прежнее намерение вернуться и заставить упрямых туземцев признать права испанцев. Тем не менее, тысяча какчикелей и десять аркебузирова под командованием Антонио де Салазара, весьма компетентного капитана, были немедленно отправлены на место событий, а Альварадо был проинформирован о том, что произошло. Военные действия уже начались до прибытия этих войск. В течение трех дней сакатепеки с большой храбростью продолжали сражение, хотя и понесли значительные потери. Но теперь испанцы получили подкрепление в виде десяти аркебузирова, двадцати всадников и двухсот тласкальцев и мексиканцев под командованием Педро Гонсалеса Нахера. После этого сражение уже не было столь равным, и сакатепеки потерпели несколько поражений. Однако на пятый день они приняли план атаки колоннами по тысяче человек, сменяющими друг друга, так что свежие люди постоянно продолжали сражение, а каждая колонна, когда ее сменяли, отступала в тыл. [\[XXVII-33\]](#) Эта тактика позволила им вести сражение в течение всего дня и нанести испанским войскам немалые потери. Рано утром испанцы вышли на поле боя, по-видимому, в беспорядке и значительно уменьшенными в численности. Воодушевленные успехом своих новых маневров, сакатепеки атаковали с презрительной уверенностью. Испанцы отступили и отступили к густо заросшему лесом ущелью. Сакатепеки теперь были уверены в победе и в своем стремительном преследовании позволили втянуть себя в ущелье, где большая часть их врагов лежала в засаде. Внезапно атакованные с обеих сторон, их беспорядочные ряды были разгромлены с большими потерями. Многие были взяты в плен, среди них было много вождей. Эта битва положила конец войне. Вся долина Закатепек подчинилась власти испанцев, и для обеспечения будущего повиновения в Закатепеке был размещен гарнизон из десяти испанцев и ста сорока тласкальцев под командованием Диего де Альварадо, а вожди были удержаны в качестве заложников. [\[XXVII-34\]](#)

КОНКИСТА МАМОВ.

Примерно в середине 1525 года Секечул, король Утатлана, заявил Альварадо, что его отец Оксиб Кье не был так виновен, как он предполагал, в предательском заговоре с целью уничтожить испанцев в предыдущем году, но что Кайбил Балам, [\[XXVII-35\]](#) король Мамесов, [\[XXVII-36\]](#) был более виновен, как зачинщик покушения. В то же время он предложил предоставить вторгшимся войскам проводников, если Альварадо возьмется за

завоевание этого королевства и накажет Кайбиль Балама. Не имеет большого значения, была ли цель Секечула мстить за жестокую смерть своего отца или благосклонность Альварадо; его упоминание о обширных землях и большом богатстве провинции приятно понравилось генерал-лейтенанту, и он с готовностью согласился на предложение короля.

Экспедиция была поставлена под командование Гонсало де Альварадо и состояла из восьмидесяти испанских пехотинцев, капитанами которых были Антонио де Салазар и Франциско де Аревало, а также сорока всадников и двух тысяч местных вспомогательных войск, набранных из различных районов, командирами которых были Хорхе де Акунья, Педро де Арагон, Бернардино де Овьедо и Хуан де Верастиги. Кроме того, эти войска сопровождали триста пионеров с топорами и кирками, а большое количество индейских носильщиков несло с собой, помимо багажа, обильные запасы провианта. В начале июля армия выступила в Тетоникапан, город на границе территории маме, который был сделан базой для операций. Здесь начались обычные для таких предприятий трудности. Завоевателям потребовалось не менее восьми дней, чтобы пересечь горный хребет между этим местом и Рио-Ондо. Сезон еще больше усложнил их труд, поскольку день за днем лил проливной дождь. Они с трудом поднимались по крутым склонам, спускались по опасным оврагам, то идя гуськом по краю обрыва, то погружаясь по колено в грязь на мягкой, знойной земле. Достигнув Хондо [\[XXVII-37\]](#), они разбили лагерь на два дня в промокших, без солнца лесах на берегу реки, которая, разбухшая от непрекращающихся дождей, на время преградила им путь. Наконец им удалось переправиться, и вскоре они вышли из лесов на открытую равнину и увидели на возвышенности город Мама Мазатенанго. Это было хорошо укрепленное место, окруженное баррикадой из тяжелого леса, за которой, на террасе из грязи и соломы, выстроилось большое количество воинов. Широкая полоса болотистой местности, не отличавшаяся по внешнему виду от остальной части равнины, преграждала подход к этой стороне города. Когда армия захватчиков приблизилась, маме с шипением и выкриками вызова бросили им вызов, надеясь заманить их в болото. Однако Гонсало де Альварадо был своевременно предупрежден о опасности своими проводниками и, сделав обход, атаковал баррикаду с другой стороны, где земля была твердой. Нападавшие были встречены ослепительным шквалом снарядов, который долгое время сдерживал их. Их неоднократные попытки прорвать оборону были сорваны, и вспомогательные войска начали терять дух, когда Гомес де Лоарка с кавалерией прорвался через частокол. Осаждающие, ворвавшись через пролом, теперь могли сражаться по-своему; и хотя мамесцы оказали отважное сопротивление, они были разгромлены с большими потерями, а их город был захвачен завоевателями, которые разместили в нем достаточный гарнизон для защиты своих тылов.

ПРИНЦ КАН ИЛОКАБ.

Продолжая свой поход, они недалеко от Мазатенанго сталкиваются с армией из пяти тысяч воинов из Малакатана, после чего Гонсало занимает выгодную позицию на равнине. [\[XXVII-38\]](#) Передовой отряд врага состоял из пращников и лучников, а основные силы — из копейщиков под командованием знаменитого принца Кан Илокаба. В идеальном порядке и под оглушительный звук барабанов и раковин они приблизились к испанской армии. Как только передовой отряд достиг подходящего места, Гонсало атаковал их кавалерией. Стрелы сыплются как град на кольчужные груди всадников, вызывая ответный огонь, но кони прорываются сквозь ряды лучников, которые с упорным мужеством отказываются бежать, а чтобы избежать смертельных ударов копьями, бросаются под коней, только чтобы быть раздавленными и изрезанными железными копытами. И вот подходит основная часть мамесов, и испанской кавалерии приходится еще труднее. Атака на эти прочные колонны, усыпанные длинными

копьями, увенчалась лишь частичным успехом. Мамесы выдержали удар с твердостью, к которой испанцы были мало привычны. Разбитый авангард успел перегруппироваться, и снова быстрые камни ударяли, а стрелы свистели и разбивались о шлемы и кольчуги. Все силы обеих сторон теперь вступили в бой, и мамес несли ужасные потери, но не отступали ни на дюйм. Врываясь в ближний бой, проникая в линию мечей противника и скользя по их копьям, они так мешали испанцам, что те едва могли владеть оружием. Ушибленные и ошеломленные, скованные в движениях, испанцы наносят все более слабые удары и уже начинают ослаблять свои усилия, когда Салазар, один из капитанов пехоты, видя надвигающуюся опасность, пытается воодушевить своих людей вдохновляющими словами. «Где ваша доблесть, кастильцы?» — кричит он. «Угасла ли та храбрость, которая победила на окровавленных полях Мексики и Уталатена? Там вы завоевали славу; не теряйте ее здесь и не позволяйте унести себя на смерть на алтари этих идолопоклонников!» Призыв дает результат. С новыми силами пехота пробивается сквозь ряды маме, устраивая ужасную бойню, но воины не отступают ни на шаг. Ведь над ними все еще развевается знамя их принца; его плюмаж высоко возвышается над всеми, а его голос все еще воодушевляет их. Пока он с ними, они будут сражаться, не зная поражения. Испанский капитан не слеп к этому, ведь под руководством великого Кортеса он понял, что сила воинов заключается в их вожде, и он слишком хорошо понимает, что смерть Кан Илокаба — их единственный шанс на победу. Некоторое время выполнение замысла Гонсало откладывалось, но в конце концов бурлящие ряды бросают его к волшебному знамени, и тогда он отчаянной атакой прорывается на своем коне через сопротивляющуюся стражу к вождю маме и пронзает его тело копьем. На этом сражение заканчивается, и маме, непобежденные мечом и копьем, после падения своего князя бегут с поля боя и преследуются до самого своего города. Вожди этого места немедленно посылают посольство с просьбой о мире, принося с собой в дар золотые украшения и предлагая верность, которая принимается. Оставив гарнизон в городе, испанцы продолжают свой поход в направлении Уэуэтенанго. [\[XXVII-39\]](#)

ЗАКУЛЕУ ОККУПИРОВАН.

Это был важный город мамесов, где Гонсало де Альварадо ожидал горячей работы, судя по недавнему грозному сопротивлению. Однако по прибытии он обнаружил, что место заброшено, а дома, которые не были разрушены, опустошены, лишены мебели и утвари, без единой крупы провианта. Кавалерийские отряды были отправлены в разных направлениях, и один из них под командованием Гаспара Алемана столкнулся с тремя сотнями индейских лучников, которые без колебаний напали на всадников, в том числе ранив Алемана в лицо. Но они были скоро разгромлены, и в погоне были взяты три пленника, одним из которых был вождь по имени Сахиаб, капитан в армии Кайбила Балама. Когда его привели к Гонсало де Альварадо, он сообщил ему, что его правитель укрылся в почти неприступном городе Закулеу, [\[XXVII-40\]](#) где, обеспеченный провизией и запасами, он считал себя в безопасности. Гонсало отправил пленника к Кайбилу Баламу с предложением мира и благотворительным предложением научить его доктринам христианской религии. Но Сахиаб не вернулся, и Гонсало не получил никакого ответа. Второй посольский отряд, состоявший из индейцев из Утатлана, был грубо отвергнут и встречен градом стрел. Это исчерпало терпение Гонсало, и он двинулся на Закулеу. Как только мамес заметили его приближение, шеститысячная армия вышла на него, чтобы дать сражение. Следующее сражение было выдержано маме с той же упорной доблестью (), проявленной в предыдущих сражениях, и ознаменовалось аналогичной бойней. Резерв из двух тысяч человек, который во время сражения вышел из Закулеу на помощь своим соотечественникам, предпринял безуспешную попытку переломить ход сражения, только увеличив число жертв; разгромленные маме бежали во всех направлениях в свою крепость в горах. [\[XXVII-41\]](#)

Ввиду невозможности штурмовать такое неприступное место, как Закулеу, Гонсало плотно окружил его, разместив войска в тех немногих точках, где казался возможным выход. На третий день осады Диего Лопес де Вильянуэва, проводя разведку с отрядом кавалерии, заметил дым, поднимающийся из леса на другом берегу реки. [\[XXVII-42\]](#) С большим трудом переправившись через реку, он наткнулся на триста индейцев, везущих большой запас провианта, который они намеревались доставить в осажденный город, и который Вильянуэва незамедлительно присвоил себе.

Бездействующая война вскоре истощала терпение испанцев, и Гонсало начал прокладывать дорогу, пригодную для кавалерии, по наиболее проходимой части крутого склона. День за днем, с утра до вечера, слышался звук кирок, и работа продолжалась без перерыва с небольшими потерями для осаждающих, хотя на высотах толпились маме, которые прилагали все усилия, чтобы помешать ее продвижению. Арбалеты и аркебузы были гораздо более смертоносными, чем пращи и луки, и мамес понесли тяжелые потери.

В разгар этих операций на равнине появилась армия из восьми тысяч горцев, представлявшая собой весьма необычное зрелище — обнаженные и устрашающие с боевой раскраской, без каких-либо украшений или орнаментов, только с блеском своего оружия. Испанский капитан немедленно приготовился к сражению (). Оставив достаточное количество людей для защиты работы и охраны лагеря ([\[XXVII-43\]](#)), он выдвинулся против них с остатками своих сил и вскоре вступил в отчаянную борьбу. Трижды ряды горцев были прорваны, и трижды они собирались и атаковали с еще большей яростью. Только стальные доспехи и хлопковые шлемы испанских войск спасли их от гибели. В результате копья и мечи, пули и стрелы пожгли обычный урожай, и на равнине, пропитанной кровью и усеянной изувеченными телами, испанцы наконец торжествовали. [\[XXVII-44\]](#)

С тех пор осада продолжалась без перерыва. Работа по перекрытию дороги тянулась медленно, и к середине октября и осаждающие, и осажденные испытывали сильные страдания. Внутри города голод ежедневно уносил свои жертвы; все съедобное, вплоть до кожи их щитов, было съедено, и выжившие питались телами мертвых. Нехватка провианта ощущалась и в испанском лагере. Но это было не самое страшное. Погода была необычайно суровой; ледяные грады и сильные морозы причиняли много страданий захватчикам, не привыкшим к холоду на такой высоте. Их также мучили лихорадка и озноб. Из-за дождей и града равнина превратилась в болото, и с каждым днем Гонсало видел, как уменьшается число его изможденных солдат. Необходимо было принять более быстрый метод взятия города или отказаться от этой попытки. Соответственно, он отправил больных в Уэуэтенанго, прекратил работы по прокладке дороги и приготовился к отчаянной попытке штурмовать город с помощью лестниц. [\[XXVII-45\]](#) Он уже построил несколько таких лестниц, огромных по размеру и достаточно широких, чтобы по ним могли подниматься трое человек рядом, и был готов к атаке, когда появился посланник из Кайбил-Балама с просьбой о мире. Этот несчастный правитель ранее пытался бежать ночью со своей семьей и охраной из главных вождей, но, столкнувшись с патрулем, был ранен в руку болтом из арбалета и вынужден вернуться. И теперь он посоветовался со своими вождями по поводу капитуляции. Он объяснил им, что всякая надежда на помощь исчезла, а его голодающие подданные умирают вокруг него. Только капитуляция может спасти немногих выживших. Вожди с энтузиазмом одобрили его слова, и было предложено подчинение. Гонсало был очень доволен таким неожиданным окончанием осады. Местом встречи для согласования условий было назначено место на полпути между воротами Закулеу и казармами кавалерии, и Гонсало в сопровождении Лоарки, Салазара, Аревало и двенадцати других встретил там смирившегося Кайбиля Балама. Испанец принял местного правителя крайне дружелюбно и,

обняв его, Гонсало заверил его в своей любви и дружбе. Под таким неожиданным доброжелательным обращением стоическое самообладание ослабевшего воина исчезло, и он заплакал, отвечая на приветствие победителя.

СТРАНА УМИРОТВОРЕНА.

Затем испанцы официально взяли город во владение от имени короля Испании.^[XXVII-46] Они разрушили укрепления у входа,^[XXVII-47] и сделали более проходимой дорогу через ущелье. Затем были исследованы окрестности, и города были подчинены испанскому правлению. В Уэуэтенанго Гонсало де Альварадо разместил сильный гарнизон под командованием Гонсало де Солиса и, приняв все необходимые меры для обеспечения постоянного мира на своей вновь завоеванной территории, в конце года вернулся в Гватемалу.

С тех пор завоевание, угнетение и разрушение шли рука об руку по стране, и результатом стало национальное и социальное затмение падших рас. Их искусство и наука были вскоре забыты; их архитектурное мастерство было утрачено; и из состояния счастливого развития их жизнь как нации была стерта. Насколько прогресс мира был бы ускорен или замедлен, если бы коренные жители американских плоскогорий выжили как единые нации, сказать невозможно; но мы можем задаться вопросом, насколько оккупация страны испанцами способствовала общему прогрессу. Некоторые считают, что великие индейские нации достигли предела своего тогдашнего прогресса к моменту прибытия испанцев. В Гватемале отдельные короли после долгой череды преемников достигли той стадии монархии, когда власть порождает роскошь и упадок. Без вмешательства европейцев могло бы произойти отступление назад и наступить темный век; и если бы открытие Америки было отложено, например, до нашего времени, то, возможно, Мексика и Центральная Америка были бы завалены дикими ордами с севера, а по всей земле были бы разбросаны разрушенные города. Я не готов полностью согласиться с этой фантазией.^[XXVII-48]

СНОСКИ

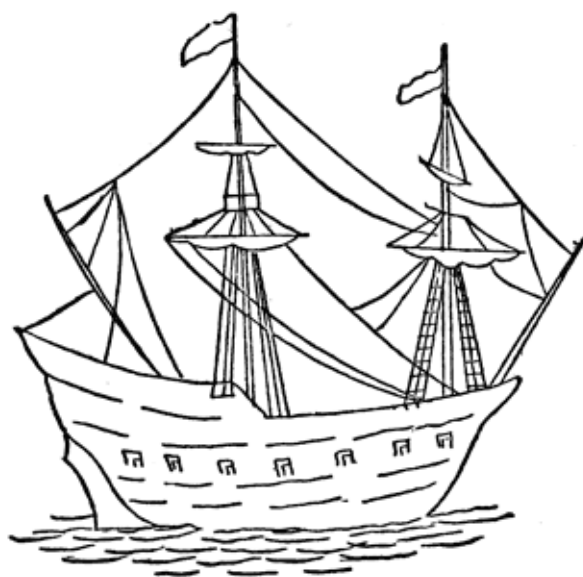
[\[III-1\]](#) Остров, известный сегодня как Гаити, был назван Колумбом *Insula Hispaniæ*, Остров Испании. На одной из его карт он называется *Insula Hyspaniæ*, а на другой — *Hyspana*. Ранние мореплаватели и летописцы перевели это название на испанский язык и стали произносить и писать *La Isla Española*, Испанский остров, или *La Española*. *Hispaniola*, как его позже называли английские авторы, не является ни латинским, ни испанским словом; это может быть сокращение слов *Insula Hyspaniæ* или, что более вероятно, искажение *La Española* иностранцами, которые не были знакомы с испанской буквой ñ. Выбор стоит между искаженным *Hispaniola* английских авторов и правильным, но незнакомым *Española*, и я принимаю последнее.

[\[III-2\]](#) Обычно при каждом отправлении выходили два королевских чиновника: казначей, отвечавший за золото, и нотариус, наблюдавший за казначеем и записывавший все, что видел и делал. Правительство было чрезвычайно строго в своих правилах, касающихся морских открытий, а также во всех вопросах, связанных с торговлей и колонизацией. 3 сентября 1501 года Фердинанд и Изабелла, 17 ноября 1526 года Карл V и в 1563 году Филипп II объявили, что никто не должен отправляться в Индию без специального разрешения короля. В 1526 году Карл V приказал, чтобы капитан любого исследовательского или торгового судна не сходил на берег в пределах, указанных в его патенте, без разрешения королевских чиновников и священников, находящихся на борту, под угрозой конфискации половины товаров. Закон 1556 года гласит, что корабли должны быть должным образом оборудованы, снабжены провизией на год, всегда плавать парами и иметь на борту по два лоцмана и двух священников. В своих *ordenanzas de poblaciones* 1563 года Филипп II предписывает, чтобы корабли, совершающие открытия, имели на борту ножницы, расчески, ножи, зеркала, ружья, топоры, рыболовные крючки, цветные шапки, стеклянные бусы и тому подобные предметы в качестве средств для знакомства и торговли. *Recopilacion de Leyes de los Reynos de las Indias*, ii. 6-7. Что касается доли короны в добытом золоте, то наши популярные авторы, по-видимому, нашли первоисточники несколько неопределенными. Достаточно ясно сказано, что поселенцы должны платить две трети; вопрос заключается в том, относится ли золото к продуктам, десятая часть которых должна была идти короне, или же исключение из правила было непреднамеренно опущено. Г-н Ирвинг изящно обходит эту трудность с той же степенью неопределенности, которую он находит в источниках. Г-н Прескотт утверждает в «Истории Фердинанда и Изабеллы», ii. 488, что «корабли, оснащенные по общей лицензии, были обязаны резервировать ... две трети всего золота» для короны, цитируя Муньоса и Наваррете в качестве подтверждения, хотя слова ни одного из них не оправдывают это утверждение. Муньос в «Истории Нового Света», i. 240, говорит: «se concedió á todos generalmente, sin mas gravamen que pagar la décima de lo que se rescatare», в то время как Наваррете в «Col. de Viages», ii. 167, печатая само реальное положение, просто заявляет: «es nuestra merced que de lo que las dichas personas hallaren en las dichas islas é tierra-firme tengan para sí las nueve partes, é la otra diezma parte sea para Nos» (мы даруем милость, чтобы из того, что указанные лица найдут на указанных островах и материке, девять частей оставались у них, а десятая часть принадлежала нам). Неверное утверждение талантливого автора книги «Фердинанд и Изабелла» становится еще более заметным, когда на следующей странице, цитируемой им, Муньос разрешает весь вопрос в точности противоположно рассказу Прескотта. «todos se permitió llevar víveres y mercancías, rescatar oro de los naturales contribuyendo al rey con la décima». И после того, как он четко заявил, что все могут торговать с туземцами золотом, платя короне одну десятую часть, он приводит причину, по которой горняки должны платить короне две трети, а получатели денежной помощи от короны — четыре пятых; это было связано с предполагаемым чрезмерным богатством рудников, легкостью, с которой можно было добывать золото, и, кроме того, с зависимостью короны от своих рудников, более чем от чего-либо другого, в плане колониальных доходов. До 1504 года размер королевской доли не был фиксирован: некоторые торговцы платили одну десятую от валовой суммы, некоторые — одну пятую от валовой суммы, а некоторые — одну четвертую от чистой суммы. В 1500 году Бобадилья предоставил поселенцам Эспаньолы двадцатилетние лицензии на разработку золотых рудников с уплатой короне только одной одиннадцатой части. Обобщая последующие

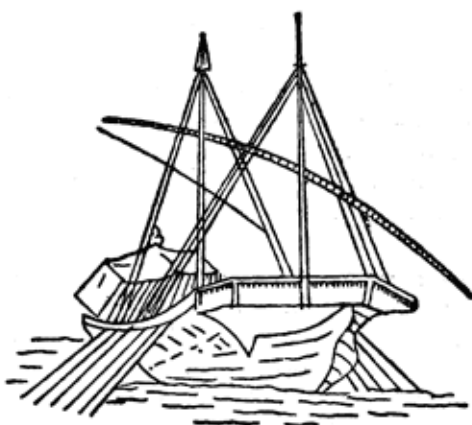
законы по этому вопросу, мы видим, что 5 февраля 1504 года Фердинанд и Изабелла, а в 1572 году Филипп повторно распорядились, что все жители Индий должны платить короне одну пятую часть всего добытого ими золота, серебра, свинца, олова, ртути, железа или других металлов; также торговцы должны были платить одну пятую часть всего добытого ими золота, серебра или других металлов, жемчуга, драгоценных камней или янтаря. 14 сентября 1519 года Карл V объявил, что одна пятая часть всего золота, полученного в результате торговли с туземцами, должна выплачиваться ему; а 8 марта 1530 года он заявил, что в случае обещания вознаграждения золотоискателю королевская казна будет выплачивать две трети этого вознаграждения, а заинтересованные частные лица — одну треть. 4 сентября 1536 года было приказано, а 19 июня 1540 года повторно подтверждено, что все лица должны платить королю пятую часть от вышеупомянутых предметов, независимо от того, были ли они получены в результате сражения, грабежных экспедиций или торговли. Из всего золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней, полученных в качестве выкупа за вождя или другого высокопоставленного лица, король должен был получить одну треть; остальная часть, после вычета пятой части короля, должна была быть разделена между участниками экспедиции. Из добычи, полученной от вождя, убитого в бою или казненного, одна половина принадлежала короне, а другая половина, за исключением пятой части короля, принадлежала завоевателям. 5 июня 1551 года было приказано, а 24 августа 1619 года повторно подтверждено, что помимо доли короля взимается пошлина в размере 1½ процента для оплаты плавки, пробы и клеймения. Согласно *ordenanzas de poblaciones* Филиппа II от 1563 года, аванделадо, открывший землю, его преемник и поселенцы должны были платить короне только одну десятую часть стоимости металлов и драгоценных камней в течение десяти лет. *Recop. de Indias*, ii. 10, 68, 75-7, 79 и 480-1.

[\[III-3\]](#) Этот документ можно увидеть сегодня в архивах Индий. Начало: «EL REY É LA REINA. El asiento que se tomó por nuestro mandado con vos Rodrigo de Bastidas, vecino de la cibdad de Sevilla, para ir á descubrir por el mar Océano, con dos navios, es lo siguiente:» — далее говорится: «Во-первых, мы даем вам, упомянутому Родриго де Бастидасу, разрешение на то, чтобы вы на двух своих судах, за свой счет и на свой риск, отправились в упомянутый Океанский океан с целью открытия и могли открывать острова и сушу; в частях Индийского океана и в любых других частях, при условии, что это не будут острова и суша, уже открытые адмиралом Доном Кристобалем Колоном, нашим адмиралом Океанского океана, или Кристобалем Герра; ни те, которые были или могут быть открыты другими лицами по нашему приказу и с нашего разрешения до вас; ни острова и сушу, принадлежащие величайшему принцу, королю Португалии, нашему дорогому и любимому сыну; ибо от них и от любого из них вы не должны брать ничего, кроме того, что необходимо для вашего пропитания и снабжения ваших кораблей и экипажа. Кроме того, все золото, серебро, медь, свинец, олово, ртуть и любые другие металлы; а также *алжифар*, жемчуг, драгоценные камни и драгоценности, рабы, негры и метисы, которые в наших королевствах могут содержаться и считаться рабами; а также чудовища и змеи, и любые другие животные, рыбы и птицы, пряности и лекарства, и все прочее, какого бы ни было названия, качества или стоимости; вычитая из этого фрахтовые расходы и стоимость судов, которые могут быть произведены в указанном плавании и флотилии; из остатка нам будет принадлежать четвертая часть всего, а остальные три четверти могут быть свободно ваши, упомянутый Родриго де Бастидас, чтобы вы могли распоряжаться ими по своему усмотрению и по своему желанию, как своим собственным, свободным и необремененным имуществом. Кроме того, мы разместим на каждом из указанных кораблей одного или двух человек, которые от нашего имени или по нашему приказу будут свидетелями всего, что может быть получено и продано на указанных судах из вышеупомянутых вещей; и чтобы они могли зафиксировать это в письменной форме и вести книгу и учет, чтобы не произошло никакого мошенничества или ошибки». После указания, под чьим руководством должны быть оснащены корабли и что должно быть сделано по возвращении экспедиции, документ датирован в Севилье 5 июня 1500 года и подписан следующим образом: «Yo EL REY. Yo LA REINA. По приказу короля и королевы, ГАСПАР ДЕ ГРИЦИО». Все это под страхом конфискации имущества и лишения жизни капитана экспедиции Родриго де Бастидаса. *Archivo de Indias*, напечатано в Pacheco и Cárdenas, *Col. Doc.*, ii. 362-6.

[\[III-4\]](#)

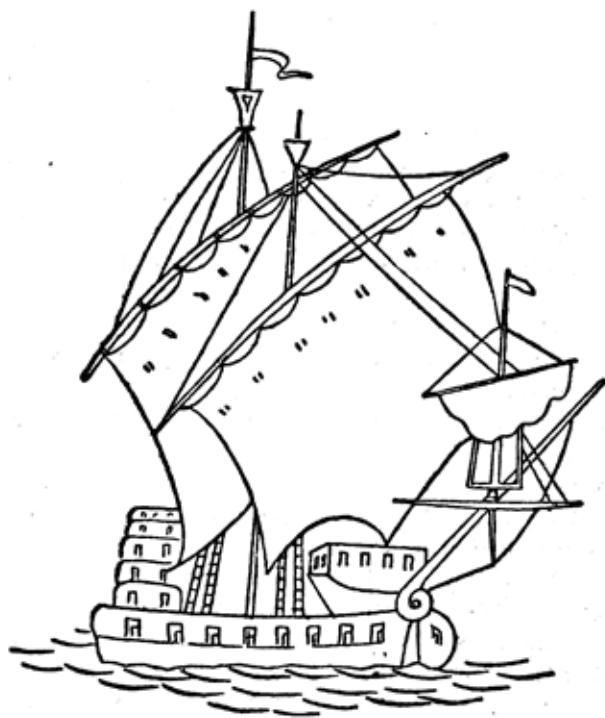
КАРАВЕЛЛА.

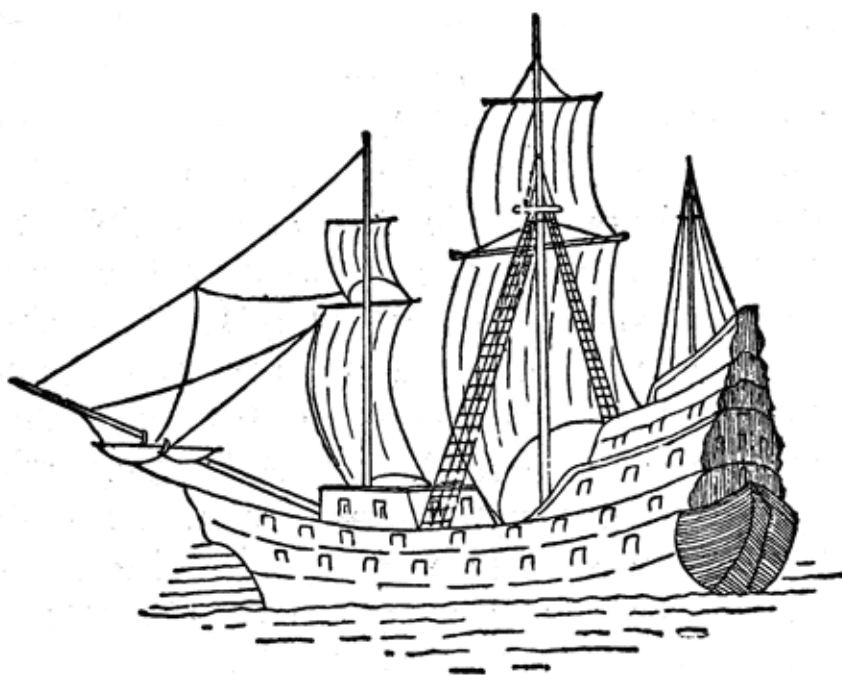
ГАЛЕРА.

ГАЛЕАЗА.

ГАЛЕОН.

NAVIO.

БРИГАНТИНА.

Часто с удивлением отмечают, на каких маленьких и, казалось бы, ненадежных судах первые мореплаватели пересекали опасные моря и исследовали неизвестные побережья. То, что их предприятия так часто сопровождались кораблекрушениями, удивляет меньше, чем то, что так много из них избежали гибели. Два из трех судов, использовавшихся Колумбом, были открытыми лодками, согласно *March y Labores, Historia de la Marina Real Española*, i. 98, грузоподъемностью по сорок тонн каждая, а палубная *Santa María* — всего шестьдесят тонн. Термин «каравелла» первоначально применялся к судам, движимым исключительно парусами, в отличие от галер, приводимых в движение веслами. Он применялся к большому разнообразию судов разного размера и конструкции. Каравеллы первооткрывателей Нового Света можно в целом описать как длинные узкие лодки водоизмещением от двадцати до ста тонн, с тремя или четырьмя мачтами примерно одинаковой высоты, несущими иногда квадратные, а иногда латинские паруса, с четвертой мачтой, установленной на корме бушприта и несущей квадратные паруса. Обычно они были полупалубными и украшены высоким носовым и еще более высоким кормовым надстройками. Последний представлял собой над той частью судна двойную или тройную палубу, в которой были прорезаны отверстия для пушек. Суда типа «*Санта-Мария*», помимо двойной кормовой палубы, имели носовую палубу, вооруженную небольшими орудиями для метания камней и картечи. В архивах Майорки хранится рисунок каравеллы, выполненный в 1397 году, а очень точное изображение каравеллы, использовавшихся столетием позже, можно найти на карте Хуана де ла Коса. Крупные палубные корабли водоизмещением от 100 до 1200 тонн имели две, три или четыре мачты и квадратные паруса, высокую корму и иногда высокий нос. В морских сражениях и при открытии новых земель предпочтение, по-видимому, отдавалось более малым судам, которые были легче в управлении. Колумб в Парии жаловался, что его судно водоизмещением 100 тонн слишком велико. В своих «*Ordenanzas de poblaciones*» 1563 года Филипп II требовал, чтобы каждый исследователь брал с собой не менее двух судов водоизмещением не более 60 тонн каждое, чтобы входить в заливы, пересекать речные барьеры и проходить мелководья. Более крупные корабли, если таковые были в экспедиции, должны были оставаться в безопасном порту до тех пор, пока небольшие суда не находили другой безопасный порт. На каждом корабле должно было находиться не более тридцати человек, а лоцманы должны были записывать все, с чем они сталкивались, для других лоцманов. *Recop. de Indias*, ii. 5-6. Галера была судном с низкими бортами, приводимым в движение парусами и веслами, обычно по двадцать или тридцать весел с каждой стороны, по четыре или пять гребцов на скамейке. Часто на ней устанавливали одну большую пушку, называемую *сгихиа*, две средних и две маленьких. Галеаза была самым большим классом галеры, или судна, приводимого в движение полностью или частично веслами. Она имела три мачты; обычно на ней устанавливали двадцать пушек, а на корме размещалась небольшая армия стрелков и снайперов. Галеота была небольшой галерой, имевшей только шестнадцать или двадцать гребцов с каждой стороны и две мачты. Галеон был большим вооруженным торговым судном с высокими фальшбортами, тремя или четырьмя палубами, с двумя или тремя мачтами, квадратными парусами и топ-парусами, а иногда и топ-галсатами. Один флот из двенадцати галеонов водоизмещением от 1000 до 1200 тонн был назван в честь двенадцати апостолов. Те, которые курсировали между Акапулько и Манилой, имели водоизмещение от 1200 до

2000 тонн. *Галеонсильо* был небольшим галеоном. *Карака* была большим транспортным судном, предназначенным для второго плавания Колумба, водоизмещением 1250 тонн, или 1500 тонн. *Нао*, или *навио*, был большим кораблём с высокими фальшбортами и тремя мачтами. *Наве* был судном с палубой и парусами; первое отличало его от *барки*, а отсутствие весел — от галеры. *Бергантин*, или бриг, имел низкие фальшборт; *бергантин-голета* был гермафродитным бригом, или бригантиной, построенным для быстрого плавания. Название бригантина применялось в Америке также к открытой лодке с плоским дном, которая обычно несла один парус и вмещала от восьми до шестнадцати человек, с вместимостью около 100 человек.

[\[III-5\]](#) Испанская лига варьируется в зависимости от времени и места. Только в 1801 году различные меры нескольких первоначальных королевств были унифицированы по королевскому указу, и законная лига стала во всей Испании равна 20 000 испанских футов. В одной лиге двадцать градусов, каждый из которых равен трем географическим милям, что, согласно закону, соответствует расстоянию, пройденному пешком за час при равномерном темпе. Сухопутная лига, согласно закону Альфонсо Мудрого, составляла 3000 шагов, как указано в *Siete Partidas*. Первооткрыватели примерно оценивали лигу от двух с половиной до трех с половиной английских миль. Морская или географическая лига в то время составляла около 7500 вар, или чуть менее четырех английских миль, причем в одной степени широты было почти $17\frac{1}{2}$. В разных частях Испанской Америки лига различна, иногда бывая довольно короткой. На Кубе лига состоит из 5078 вар, а в Мексике — из 5000 вар. Вара — это испанская ярда, состоящая из трех испанских футов по одиннадцать английских дюймов каждый. С момента упадка римского влияния у испанцев не было эквивалента английской миле.

[\[III-6\]](#) См. следующую главу, [примечание 18](#).

[\[III-7\]](#) Называется венецианцами *bissas*, а испанцами *broma*; страшный вредитель для тропических мореплавателей до появления медных днищ. Этот и другой тропический морской червь, *Simnoria terebrans*, завезенный сюда на кораблях, наносят огромный ущерб причальным сваям Сан-Франциско и других портов западного побережья.

[\[III-8\]](#) Ранние летописцы рассчитывают стоимость под разными названиями в разное время. Так, во время открытий Колумба мы слышим почти только о *мараведи*; затем на первый план выходит *песо де оро* вместе с *кастельяно*; все это время иногда используются *марки* и *дукаты*. В начале XVI века, а также до и после этого, испанские ценности рассчитывались по серебряной марке, которая была стандартом. Марка равнялась половине фунта золота или серебра. Золотая марка делилась на пятьдесят кастельяно, а серебряная — на восемь унций. Во время правления Фердинанда и Изабеллы марка по закону делилась на 65 *реалес де вельонов* по 34 мараведи каждый, что составляло 2210 мараведи в марке. Чтобы показать, насколько изменчивы были стоимости вспомогательных испанских монет и насколько совершенно невозможно точно и всегда определять по их названиям количество металла, которое они представляют, достаточно указать, что во время правления Альфонсо XI 1312-1350 гг., в одной марке было 125 мараведи, а во время правления Фердинанда VII, 1808-1833 гг., марка делилась на 5440 мараведи. В испанской Америке *реаль* составляет одну восьмую *песо* и равен $2\frac{1}{2}$ реалес де вельону. Песо содержит одну унцию серебра; раньше он назывался *peso de ocho reales de plata*, откуда и произошел термин «*восьмиреал*», который в свое время был в моде среди купцов и пиратов в Вест-Индии. Эта монета обозначается более конкретно как *peso fuerte* или *peso duro*, чтобы отличить ее от *peso sencillo*, эквивалентного по стоимости четверть пятым от первой. Мутилятор Эррера переводит «*pesos de oro*» как «*pieces of eight*», в чем, как и в других вещах, он максимально ошибается. Кастельяно, одна пятидесятая золотой марки, во времена правления Фердинанда и Изабеллы, был равен 490 мараведи того времени. *Песо де оро*, по словам Овьедо, был точно равен кастельяно и был на треть больше, чем дукадо, или дукат. *Доблон*, популярное название *экселенте*, был впервые отчеканен Фердинандом и Изабеллой как золотая монета весом в две кастельяно (). Современный дублон — это унция чеканного золота, стоимостью 16 песо фуэртес. В пересчете на валюту США песо фуэрте, как слегка легированный слиток, по весу почти эквивалентен одному доллару. Таким образом, марка серебра равна восьми долларам; монета в восемь, равная одному песо, равна одному доллару; *real de vellon* — пяти центам; испано-американский *real* — $12\frac{1}{2}$ центам; *maravedí* — 100/276 цента; кастельяно,

или peso de oro — 2,56 доллара; дублон — 5,14 доллара; дукат — 1,92 доллара; марка золота — 128 долларов, исходя из сплава, используемого в Соединенных Штатах. Тот факт, что кастельяно был эквивалентен всего 490 мараведи, свидетельствует о чрезвычайно высокой стоимости серебра по сравнению с золотом в рассматриваемый период. Современная унция, или дублон, оценивается примерно в 16 долларов. Что касается относительной покупательной способности драгоценных металлов в разные периоды последних четырех столетий, то мнения экономистов расходятся. Доходы, принесенные первыми первооткрывателями, положили начало обесцениванию, которое быстро ускорилося в результате последующих завоеваний, в частности Мексики и Перу. Любой может сделать приблизительные оценки, но никто не может определить точно. Робертсон, Прескотт и другие авторы делают лишь предположения (см. *Hist. America* и *Conq. Mexico*, passim), когда пытаются оценить неопределенные и широко разнообразные денежные единицы столетий назад по сегодняшней валюте.

[\[III-9\]](#) Лас Касас, который находился в Санто-Доминго, когда прибыли потерпевшие кораблекрушение моряки, видел Бастидаса, часть его золота и туземцев из Дариена, которых он привез с собой и которые вместо адамического фигового листа носили воронкообразные золотые покрывала. Говорили, что там было огромное богатство: три сундука, полных золота и жемчуга, которые по прибытии в Испанию приказали публично выставить во всех городах, через которые нотариус проезжал по пути в суд. Это было сделано в качестве рекламы Индий, чтобы разжечь огонь алчности и недовольства в ленивых сердцах, чтобы другие были побуждены отправиться туда, собрать золото и заплатить королю его пятую часть. После этого Бастидас вернулся с женой и детьми в Санто-Доминго и разбогател на рогатом скоте, имея в одно время 8000 голов; и это в то время, когда корова на Эспаньоле стоила 50 песо де оро. В 1504 году он снова посетил Ураба на двух кораблях и привез оттуда 600 туземцев, которых он поработил на Эспаньоле. В 1520 году император поручил ему умиротворение Тринидада с титулом аванделадо; этому поручению противостоял Диего Колон, мотивируя это тем, что остров был открыт его отцом. Бастидас отказался от своих прав и принял должность губернатора Санта-Марты, куда он отправился с 450 людьми и был убит своим лейтенантом Вильяфуэрте, который надеялся занять его место и заставить замолчать губернатора, выступавшего против жестокого обращения с туземцами. Таким образом, если гуманный Бастидас, в соответствии с обычаями того времени, бесчеловечно поработил своих собратьев, то в конце концов он отдал свою жизнь, чтобы спасти их от других жестокостей; этот поступок, яркий и единственный в веке непрерывных злодеяний, дает ему право на почетное звание лучшего и благороднейшего *конкистадора* Испании. Как красноречиво говорит Кинтана: «Бастидас не прославился ни как первооткрыватель, ни как конкистадор, но его память должна быть дорога всем любителям справедливости и человечности, поскольку он был одним из немногих, кто относился к индейцам справедливо и мягко, рассматривая эту страну скорее как объект торговых спекуляций с равными, чем как поле славы и завоеваний».

Среди стандартных авторитетных источников упоминаются Бастидас и его путешествие в работе Ласаса «*Hist. Ind.*», iii. 10-12, который опровергает некоторые несущественные утверждения Овьедо в «*»* в «*Historia General y Natural de las Indias*», i. 76-7; ii. 334-5; в работе Эрреры, i. 148-9; Гомара, *Hist. Ind.*, fol. 67; а также в *Discov. Гальвано*, 99-100 и 102-3. Но перед ними я должен поместить оригинальные документы, найденные в *Havappeme, Col. de Viages*, iii. 25-28, 545-6 и 591-3, а также в *Coleccion* Пачеко и Карденаса, о которых я сейчас расскажу более подробно. В томе II, стр. 362-6, этого последнего сборника приводится упомянутое выше *Asiento que hizo con sus Majestades Católicas Rodrigo de Bastidas*, а на стр. 366-467 того же тома — *Informacion de los servicios del adelantado Rodrigo de Bastidas, conquistador y pacificador de Santa Marta*. Следующими по значимости после летописцев являются *Historia de la Marina Real Española*, i. 284; *Morelli, Fasti Novi Orbis*, 11; *Robertson's Hist. Am.*, i. 159; *Help's Spanish Conquest*, i. 294; *Acosta, Compend. Hist. Nueva Granada*, 21; *Irving's Columbus*, iii. 53-6, и *Quintana, Vidas de Españoles Célebres*, «Vasco Nuñez de Balboa», 1. *Robinson's Acct. Discov. in West*, 105; *Lardner's Maritime Discovery*, ii. 32; *Holmes' Annals of America*, i. 20; *Лепдо де Техада, Apuntes Hist.*, 89; *Харрис, Voy.*, i. 270; *Мейджор, Prince Henry*, 369, и подобные упоминания не имеют никакой ценности. В книге *Керра Col. Voy.*, ii. 58-63, приводится перевод Гальвано. В сборнике Аа повествование в основном совпадает с повествованием Готфрида.

[\[IV-1\]](#) Его племянник Фернандо в своей *Hist. Almirante*, в *Barcia*, passim, и те, кто внимательно следует за этим автором, такие как Напионе и Де Конти, называют его Эль Префекто; Эррера, Диего Мендес, Диего де Поррас, Робертсон, Наваррете и другие используют титул адантеладо. Эррера говорит, что он был капитаном одного из кораблей.

[\[IV-2\]](#) Фердинанд Колумб, или, как его чаще называют, Фернандо Колон, был внебрачным сыном Христофора Колумба от дамы из уважаемой семьи. Он родился в Кордове, и в 1494 году, после того как его отец стал знаменитым, был привезен вместе со своим старшим братом ко двору, где его поместили пажом принца Хуана. После смерти наследника престола молодой Фернандо служил королеве Изабелле в том же качестве, благодаря чему получил отличное образование. Во время этого опасного путешествия он был для своего отца, теперь уже немощного и озабоченного, не только предметом беспокойства, но и утешением, и его поведение на протяжении всего путешествия заслуживало и получало отцовскую похвалу. «Он вырос и вырос очень умным», — пишет любящий отец, — «хотя он и ребенок по возрасту, но не по уму». *Cartas de Colon*, в *Navarrete*, *Col. de Viages*, i. 341 и 344. См. также *Zúñiga*, *Anales de Sevilla*. Его зрелость оправдала надежды его юности. Он с большим успехом занимался литературой и стал, как выражается Муньос, *Hist. Nuevo Mundo*, i. viii., «doctísimo para su siglo, y de grandes pensamientos en materias literarias, segun demostraré á su tiempo». Он много путешествовал по Европе в свите Карла V, вероятно, посетил Африку и Азию, и, как говорят, после смерти отца дважды совершил путешествие в Америку. Он собрал коллекцию из более чем 20 000 печатных книг и рукописей, которая перешла в собственность собора Севильи. Он не женился и не оставил после себя признанных потомков. Он был автором нескольких произведений, которые не сохранились, на надгробной плите упоминается одно из четырех разделов, частично посвященное Новому Свету и путешествиям его отца. Антонио де Леон Пинело в «*Энуме*» (565, 633 и 711) упоминает о работе «*Apuntamientos sobre la Demarcacion del Maluco*», сохранившейся в рукописи в Симанкасе. Единственная печатная книга Фернандо Колона — это история его отца, адмирала. Оригинальное название неизвестно, рукопись исчезла до публикации « » на испанском языке. Луис Колон, герцог Верагуас и внук адмирала, привез рукопись в Геную около 1568 года и передал ее некоему Форнари, пожилому человеку, который, по словам Барсии, начал печатать ее на испанском, итальянском и латинском языках. Другие утверждают, что она перешла в руки Марини, который поручил Альфонсо де Уллоа перевести ее на итальянский язык. *Смотрно*, *Codice Diplomatico*, 1823, lxiii. Перевод Уллоа, плохо сделанный с плохой копии — «sans doute d'après un texte assez fautif», *Гумбольдт*, *Exam. Crit.*, i. 13, — был напечатан в Венеции в 1571 году под названием *Historie del Fernando Colombo; Nelle quali s'ha particolare, & vera relatione della vita, & de' fatti dell' Ammiraglio D. Christoforo Colombo, suo padre*, etc. Он был переиздан на итальянском языке шесть или восемь раз. Французский перевод был опубликован в 1680-1681 годах, а английский перевод появился в *Churchill's Col. Voy.*, ii. 480-604; *Kerr's Col. Voy.*, iii. 1-242; и *Pinkerton's Col. Voy.*, xii. 1-155. Она была небрежно переведена с итальянского на испанский Андресом Гонсалесом де Барсия и напечатана в его *Historiadores Primitivos de las Indias Occidentales*, 3 тома, Мадрид, 1749, включая стр. 1-128, том i., этой серии, под названием *La Historia de D. Fernando Colon, en la qual se da Particular, y verdadera relacion de la vida, y hechos de el Almirante D. Christoval Colon, su Padre*, etc. Это наиболее часто используемое издание, на которое я и ссылаюсь, хотя у меня есть итальянский экземпляр издания 1709 года. Фернандо Колон имел особые преимущества для написания истории своего отца. Сам будучи участником описываемых событий, он к тому же был лично знаком с друзьями своего отца и хранил его документы. Все согласны с тем, что он хорошо воспользовался своей возможностью и дал четкое изложение событий, которые даже в его время начали искажаться. Если он умалчивал о семье, стране и рождении своего отца, мы должны помнить, что в те дни бедность и неизвестность были позором, а сын Фернандо был испанцем. Те, кто лучше всего знают достоинства этого автора, отдают ему высшую дань уважения. О его работе Муньос, *Hist. Nuevo Mundo*, i. viii., говорит: «Confieso deberle mucho»; а автор Наваррете, *Col. de Viages*, i. lxx., замечает: «habló siempre con verdad y exactitud, salvo alguna equivocacion fácil de discernir en buena crítica ... y por tanto pueden aun estas leves faltas ser efecto de la incuria ó poca inteligencia de ambos traductores». Были попытки отрицать авторство Фернандо, но это, если оно верно, не влияет существенно на его ценность, поскольку допускается, что оно было написано на основе его документов и под его надзором. Перемены, которым подвергалась эта работа, и ущерб, который она понесла, дают историку основания для осторожности, которую

нельзя игнорировать. Тем не менее, общий тон и детали повествования, а также литературный талант предполагаемого автора сами по себе являются достаточным доказательством его подлинности.

Я хотел бы сказать несколько слов об использовании некоторых собственных имен, встречающихся в этой истории. Этот вопрос представляет трудности с любой точки зрения. Есть испанские названия мест и имен, которые по традиции были настолько англицизированы, что их использование в оригинале выглядит напыщенно — например, Castilla вместо Castile, Sevilla вместо Seville, Fernando и Isabel вместо Ferdinand и Isabella, Carlos V. вместо Charles V., Felipe II. вместо Philip II. С другой стороны, при написании на английском языке о делах Испании попытка бесконечно продолжать англицизацию испанских имен была бы столь же невозможна, сколь и абсурдна. Двумя главными целями для меня были выбор наилучших форм и сохранение последовательности; я не утверждаю, что в обоих случаях мне удалось добиться выдающегося успеха. Однако, в результате был принят следующий метод, если его можно назвать методом: известные места и личности Испании, чьи названия неизменно даются в англицизированной форме в современной английской литературе, я пишу так же; но те же самые названия, а также все другие, встречающиеся в Новом Свете, где ни один известный английский писатель не сделал их знакомыми в английской форме, я представляю в оригинале, как их пишут лучшие испанские ученые. Таким образом, имя великого генуэзца я даю в его общепринятой латинизированной форме, Христофор Колумб, в то время как в употреблении имен его менее известных братьев и сыновей, которые вскоре стали почти или полностью испанцами, я использую формы, применяемые испанцами.

[\[IV-3\]](#) Пример титульного листа первой работы, опубликованной о Новом Свете в 1493 году: — *Epistola Christofori Colom: cui etas nostra multū a debet: de Insulis Indie supra Gangem nuper inuentis. Ad quas perquirendas octauo antea mense auspiciis et ere inuictissimi Fernandi Hispaniarum Regis missus fuerat: ad Magnificum dum Raphaellem Sanxis: eiusdem serenissimi Regis Tesauroarii missa: quam nobilis ac litteratus vir Aliander de Cosco ab Hispano ideomate in latinum conuertit: tertio kal's Maij. M.cccc.xciii. Pontificatus Alexandri Sexti Anno Primo.* Письмо Христофора Колумба, которому наше время обязано многим, о недавно открытых островах Индии за Гангом. В поисках которых он был отправлен восемь месяцев назад под покровительством и за счет непобедимого Фердинанда, короля Испании. Отправлено величественному лорду Рафаэлю Санксису, казначею того же самого безмятежного короля, и переведено с испанского языка на латинский благородным и ученым человеком Алиандером де Коско. Третий день календ мая 1493 года. Первый год понтификата Александра VI.

[\[IV-4\]](#) Гуанаха — самый восточный из группы островов, называемых Байскими островами. К западу от Гуанахи, в порядке, указанном здесь, лежат Барбаретта, Елена, Морат, Руатан, самый большой, и Утила. На карте Петра Мартира «Индия за Гангом», 1510 г., Гуанаха обозначена как *guanasa*. На карте iv. Мюнхенского атласа, предположительно составленной Сальватом Пилестриной в 1515 году, Гуанаха называется *sam fir.^{co}*, Сан-Франциско; Руатан — *todo samto*; а Утила — *I:lhana*. Фернандо Колон на своей карте 1527 года указывает *y:llana*, *s:francisco* и *todos sanctos*, а между последними двумя — *sancta ffe*. На карте Диего де Рибера 1529 года указаны *s:franco*, *to stōs*, *la llana* и *s:ffe*. Ваз Доурадо, 1571 год, карта х., Мюнхенский атлас, называет Гуанаху *lla ganaха*; Руатан — *aguба*; а Утила — *dotila*. Атлас Меркатора, 1574 г., дает *Guanaxos*; карта Огилби, 1671 г., Гуанаха, Гуахама, Роатан и Втила; Лае, *Novvs Orbis*, 1633 г., то же самое; Путешествия Джеффриса, 1776 г., Гуанаха или Бонака, Гуахама или Раттан и Утила. О Гуанахе Диего де Поррас в *Navarrete, Col. de Viages*, i. 283, отмечает: «es pequeña, bojará veinte leguas, no tiene cosa de provecho». Утила низкая и ровная; отсюда и название *La Llana*. В своих замечаниях о двух старейших картах Америки Коль говорит о Гуанахе: «Das Columbus sie schon gesehen hat, ist zu bezweifeln, da er wohl nicht so weit westwärts segelte oder blickte. Vielleicht sahen sie jedoch Pinzon und Solis 1508. Gewiss ist es, dass sie schon 1516 von einer spanischen Expedition, die zum Menschenraub von Cuba nach Süden ausgelaufen war, besucht wurde». Фернандо Колон жалуется, что Солис и Пинсон, посетившие эти регионы в 1508 году, переименовали многие населенные пункты, утверждая, что они были первыми первооткрывателями, и тем самым вызвали большую путаницу в картах того времени.

И здесь, как и в других местах, я могу упомянуть о работе, из которой я извлек немалую пользу, прослеживая метаморфозы названий от тех, которые были даны изначально, до тех, которые окончательно утвердились. Полагая, что можно получить много интересной и ценной исторической информации, проведя тщательное сравнение номенклатуры, использовавшейся ранними составителями карт в их соответствующие периоды, в 1873 году я поручил г-ну Гольдшмидту найти и систематизировать для удобства использования все соответствующие карты, которые содержались в моей библиотеке. Начиная с самой ранней, мы вписали на бумаге, подготовленной для этой цели, названия всех основных мест, расположенных на нашей территории. И так с каждой следующей, через последующие периоды открытий, следуя по побережью с одной стороны от Дариена до Техаса, а с другой от Панамы до Аляски и вдоль побережья Северного Ледовитого океана до реки Маккензи. Были включены и названия внутренних местностей, но их количество было невелико по сравнению с названиями вдоль океана. Было изучено около 200 карт, каждая из которых была авторитетным источником для своего времени и места, и названия, которые в разное время и разными людьми были применены к нескольким важным географическим точкам вдоль этой обширной береговой линии и по всей внутренней территории, были собраны вместе, чтобы можно было провести сравнение и быстро и правильно проследить историю наименований нескольких мест. Я не могу упомянуть здесь все авторитетные источники, но они будут по отдельности упоминаться в соответствующих местах в ходе изложения этой истории. Результатом этой работы, продлившейся шесть месяцев, в течение которых после первых двух недель мистер Гольдшмидт работал в одиночку, стали три фолианта рукописного тома под названием *«Картография тихоокеанского побережья Северной Америки и восточных побережий Мексики и Центральной Америки»*. Карты, которые были более подробно изучены при написании этого тома, следующие. Пропустив морские карты Николо и Антонио Зено, составленные около 1390 года и использованные Фробишером; океан и острова между Западной Европой и Восточной Азией с глобуса Мартина Бехайма, 1492 год; карта Хуана де ла Коса, 1500 года, на которой показаны острова Вест-Индии, но опущено побережье Центральной Америки; и карта Иоганна Руйша, 1508 года, — мы имеем, в наиболее важной части, следующее: карта *Индии за Гангом*, нарисованная Петром Мартиром в 1511 году, на которой показана береговая линия от Бразилии до середины Юкатана. Вдоль этой линии, в указанном здесь порядке, с востока на запад, расположены: *враба, тариене, эль-мамол, берагуа, к гра де диос, гуанаса, б де лагартос*. К северу от Кубы находится участок континентальной береговой линии с надписью *«исла де беймини, парте»*. В «Космографии» Птолемея, 1513 г., показано побережье между Бразилией и Флоридой, но без названий. Атлантический океан называется *Oceanus Occidentalis*, а Южная Америка — *Terra Incognita*. В работе Рейша *«Margaritha Philosophica»*, 1515 г., карта называется *Typvs Universalis Terre Ivxta*. Указаны только два острова, оба называются *Изабелла*. К югу от *Oceanus Occidentalis* находится большой континент под названием *Paria sev Prisilia*, *Paria* или Бразилия. На линии Центральной Америки нет названий, а единственные надписи на небольшой части северного континента — это загадочные слова *Zoana Mela*, которые вызвали много дискуссий. В 1859 году в Мюнхене Королевская Баварская академия наук под эгидой Фридриха Кунстмана, Карла фон Спрунера и Георга М. Томаса опубликовала на основе рукописей из университетской библиотеки и армейских архивов в качестве дополнения к тексту книги Кунстмана *«Die Entdeckung Amerikas»* сборник факсимиле тринадцати ранних карт Америки под названием *«Atlas zur Entdeckungsgeschichte Amerikas»*. Эту работу я буду кратко называть *«Мюнхенским атласом»*. Части тихоокеанских штатов показаны на картах № iv, v, vi, vii, viii, ix, x, xii и xiii, о которых будет далее упоминаться в нескольких местах. Карта iv была нарисована Сальватом де Пилестриной, вероятно, в 1515 году. На ней не показана часть материка выше Юкатана, который является полуостровом. Изображено северное побережье Центральной Америки и только южное побережье перешейка. На южном побережье нет никаких названий. Южное море называется *Mar Visto pelos castelhanos*, «Море, увиденное испанцами». Карта v. предположительно была составлена Висконте де Майоло в 1519 году. На ней изображено северное побережье континента только от мыса Камарон до примерно 30° южной широты. В книге под названием *Apiano, Cosmographia*, 1575, находится копия карты, предположительно составленной Петром Апианом в 1520 году, и первой, на которой я увидел название «Америка». Северная часть длинная и узкая, имеет форму подковы и обозначена буквой *Baccalarum*. К северу от пролива, огибающего северную оконечность Северной Америки, расположен большой континент. Очевидно, мастер Апианус был полон решимости не дать никому в свое время опередить себя в составлении карты региона, о котором ни тогда, ни в

течение долгого времени после этого не было абсолютно ничего известно. На карте Северной Америки с глобуса Иоганна Шёнера, 1520 г., также появляется название «Америка», надпись на глобусе расположена в Бразилии и гласит: «*America Vel Brasilia Sive Papagalli Terra*». Северный и южный континенты разделены проливом в месте перешейка. Жаль, что мастер Шёнер не создал мир таким образом, чтобы он соответствовал его карте, и не избавил нас от необходимости прокладывать каналы. Западная линия северного континента проходит с севера на юг, а западная линия южного континента — с северо-запада на юго-восток. Крайний северный конец северного континента называется *Terra de Cuba*. Вдоль западного побережья находятся слова *Ultra mondv lustratum*. К западу от северного континента лежат большой остров *Zipangri* и множество островков. Северная часть Тихого океана называется *Orientalis Oceanus*. Карта Мексиканского залива, составленная Кортесом в 1520 году, представляет собой черновой набросок овальной формы с несколькими названиями вдоль побережья, многие из которых устарели. Юкатан изображен в виде острова. В 1860 году Дж. Г. Коль опубликовал в Веймаре диссертацию о двух старейших общих картах Америки с указанием происхождения названий на каждой из них. Карты принадлежали Фернандо Колону (1527) и Диего Рибера (1529) и хранились в то время в великогерцогской библиотеке в Веймаре. Текст, сопровождающий эти факсимиле, озаглавлен «*Die Beiden Ältesten General-Karten von Amerika. Ausgeführt in den Jahren 1527 und 1529, auf Befehl Kaiser Karl's V*». Карты полны названий, многие из которых вызвали много споров, поэтому 185 страниц королевского фолианта посвящены их объяснению. Помимо критического обзора номенклатуры, приводится много информации, как географической, так и исторической. Карта Колона показывает восточные побережья Северной и Южной Америки, а также южные берега перешейка и Центральной Америки примерно до Никарагуа. Карта Рибера содержит больше названий, чем карта Колона, а также участок побережья Перу; в остальном они не отличаются друг от друга. Продолжая нынешний список, мы имеем всю Южную Америку и часть Северной Америки, представленные в 1527 году Робертом Торном, а также западную часть Нового Света в 1528 году Бордоне. Птолемей в «*Космографии*» Мюнстера, 1530 г., изображает две Америки, полностью окруженные водой, с Юкатаном в виде острова; во внутренней части Мексики — *Чамахо* и *Темиститан*; а рядом с архипелагом Ципангу — *7448 островов*, которые, по всей вероятности, были подсчитаны специально для этой карты. Глобус Оронтиуса Файна, 1531 г., соединяет южный континент, который он называет Америкой, перешейком *Дариена* с северным, который простирается на северо-запад через океан и образует часть Азии, с непрерывной береговой линией до Японии. Атлантический океан — *Alanticum*, а Тихий океан — *Mar del Sur*. Юкатан — остров. Трудно сказать, где заканчивается Мексика () и начинается Азия. *Темиститан* находится к югу от *Катая*, и мексиканские и азиатские названия встречаются беспорядочно. Гринаус в 1532 году изображает Америку в двух частях, разделенных проливом на перешейке; западная оконечность северного континента называется *Terra de Cuba*. Карта vi., *Мюнхенский атлас*, 1532-40, показывает тихоокеанское побережье от Перу до Калифорнии, которая представлена в виде полуострова. Залив Калифорния называется Красным морем. Юкатан — остров. Баптиста Агнеше в 1536 году изображает Северную Америку в форме подковы, а Юкатан — островом. Карта vii., *Мюнхенский атлас*, предположительно принадлежит Баптисте Агнеше, 1540-50. На ней показано все атлантическое побережье и тихоокеанское побережье от Перу до Мексики. Рамузио, *Viaggi*, iii. fol. 455-56, 1565, показывает примерно половину тихоокеанского побережья. Карты ix. x. и xii., *Мюнхенский атлас*, предположительно были нарисованы Вазом Доурадо в 1571 году. Первая изображает Южную Америку и небольшую часть перешейка; вторая — оба побережья Центральной Америки и Мексиканский залив; третья — только тихоокеанское побережье от Мексики до пролива Аниан. На карте x. изображено большое озеро к северу от Мексики, на широте от 40° до 43°, а под ним крупными буквами написано «*Bimenii Regio*». Герард Меркатор в «*Atlas sive cosmographicae*» (1569) и другом издании (1574) изображает мир на двух глобусах и окружает обе Америки водой, а также покрывает оба полюса огромным континентом. В северо-восточном углу Азии на карте iv. находится *Americæ pars*. Там также есть *Anian reg*, *Quiuira reg*, *Tuchano*, город, и *El freto de Anian*. На карте v. пролив Магеллана отделяет южный континент от другого большого континента к югу от него, на котором расположена *Terra del fuego*. К счастью, этот антарктический полярный континент обозначен как *Terra Avstralis nondum cognita*, чтобы автор не попал в неловкое положение из-за вопросов по поводу него. После прохождения пролива Магеллана начинается *El Mar Pacifico*, хотя по мере приближения к тропикам он становится *Mar del Zur*. Северная часть этой карты V, две Америки, весьма интересна и будет объяснена в другом месте. Это

картографическое чудовище Майкл Лок, *Hakluyt's Divers Voy.*, 1582, пытался превзойти, и с очень неплохим успехом. Карта xiii., *Munich Atlas*, Томас Худ, 1592, показывает Мексиканский залив, острова и восточное побережье Северной Америки. В *Drake's World Encompassed*, 1595, еще одном источнике информации, не отличающемся надежностью, Хондиус прослеживает западное побережье до Берингова пролива. На карте Хондиуса 1625 года, в *Purchas, His Pilgrimes*, iv. 857, Северная Америка доходит до мифического пролива Аниан. Иоанн де Лаэт, *Novvs Orbis*, 1633, на стр. 220 имеет карту *Nveva España*, *Nveva Galicia* и *Gvatimala*, а на стр. 346 — карту *Tierra Firma*. Карта мира в атласе Якоба Колома, 1663 г., потребует упоминания ниже. В книге Огилби «Америка», 1671 г., северный континент доходит до пролива Аниан, с *Новой Альбионом* в северной части и Калифорнией в виде острова; а карта на стр. 222 показывает части Мексики и Центральной Америки. Карта средней части Америки есть в «Путешествиях Дэмпера», i. 44, 1699. Помимо этих, я буду иметь возможность упомянуть и другие, такие как карты в «Буканьерах Америки», 1704; «Путешествии Фаннелла», 1707; голландском сборнике путешествий Питера Ван дер Аа; немецком сборнике Готфрида; «Путешествиях Франсуа Кореала», 1722 г.; «Путешествии Ансона», 1756 г.; «Исправленной географии Мордена», 1693 г.; сборниках путешествий Харриса, Харлеяна, Оксфорда, Роджерса, Шелвока, Джеффриса и других. В этом томе я также могу упомянуть карты и схемы, относящиеся в большей степени к другой части тихоокеанских государств и более подробно описанные в следующем томе.

[\[IV-5\]](#) Касике, господин вассалов, — так коренные жители Кубы называли своих вождей. Узнав об этом, завоеватели стали применять это название ко всем правителям диких племен, хотя ни в одном из диалектов континента это слово не встречается. Петр Мученик говорит, что «в некоторых местах они называют короля Касикусом, в других — Кеби, а где-то Тиба».

[\[IV-6\]](#) «Porque», говорит Эррера, «auia muchos arboles, cuya fruta es vnas mançanillas buenas de comer». Наваррете называет это место *Пунта-Кастилья-и-Пуэрто-де-Трухильо*, а побережье — *Ла-Коста-де-Трухильо*. Название Гондурас сначала применялось к мысу, а затем к длинному участку побережья. Фернандо Колон, *Hist. Almirante*, 103, *Барсия*, i., дает «Кабо-де-Ондурас». В *Овьедо*, lib. iii. cap. ix., написано «el cabo de Higueras»; этот летописец также использует слово Гондурас; *Гальвано в Discov.*, 100, «мыс Игерас, и до островов Гамарес, и до мыса Гондурас, то есть мыса Глубин»; *Бензони, Hist. Mondo Nvovo*, 28, «Prouincia grande, che da' paesani è nominata Iguera, è da' Spagnuoli Capo di Fonduri»; *Гомара, Hist. Ind.*, 31, «cabo de Higueras».

[\[IV-7\]](#) Назван Колумбом Рио-де-ла-Посесьон, ныне известен как Рио-Тинто.

[\[IV-8\]](#) Для полного описания различных народов, населявших этот регион к моменту прибытия европейцев, их физических особенностей, характера, обычаев, мифов и языков, я должен отправить читателя к моей [работе «Native Races of the Pacific States»](#), 5 томов, passim.

[\[IV-9\]](#) Это название никогда не менялось. В книге Петра Мартира «Индия за Гангом» (1510) оно записано как *s. gña de dios*; Майоло (1519) пишет *C de gratia dios*; Фернандо Колон (1527) — *C. de gracias, á dios*; Рибера (1529) — *C de grãc a dios*; на картах vi. и vii., *Мюнхенский атлас*, 1532-50, *C. de gracia dios*; Ваз Доурадо, *C de grasias adios*; Меркатор, *C. de Gracias á Dios*; Дампьер, *C. Gratia Dios* и т. д.

[\[IV-10\]](#) Рио Эскондидо, или Блуфилдс, иногда ошибочно пишется как Блюфилдс. Название происходит от имени голландского пирата Бливельта. На карте iv., *Мюнхенский атлас*, в этом районе встречаются слова *R del su*.

[\[IV-11\]](#) Меркатор помещает на полпути между мысом Грасиас-а-Дьос и Лагуна-де-Чирики, *Кикури*, обозначая город. Питер Мартир, dec. iii. cap. iv., говорит: «Он прибыл в регион, который жители называют Кикурис, в котором находится гавань под названием Кариари, названная адмиралом Миробаланус, потому что деревья миробалан растут в окрестностях».

[\[IV-12\]](#) Название провинции. Диего де Поррас называет ее *Кариай*; Эррера и его последователи пишут *Кариари*. На картах Колона и Рибера, а также в атласе Меркатора это слово написано как *Кариай*. На карте Ваз Доурадо в этой местности написано *masnoro*. «Einige Geographen haben geglaubt, dass unsere heutige "Blewfields-Lagune"»

dieser Ankerplatz des Columbus sei. Andere haben dafür die Mündung des grossen Flusses von Nicaragua den Rio San Juan genommen.» *Kohl, Beiden ältesten Karten*, 114-15.

[IV-13] «En *Cariay*, y en esas tierras de su comarca, son grandes fechiceros y muy medrosos». *Carta de Colon, Navarrete, Col. de Viages*, i. 307. «Nos parecian à nosotros grandes hechiceros, i no sin alguna raçon, pues quando se acercaban à los Christianos, esparcian, por el aire cierto polvo à su buelta, i con perfumes, que hechaban del polvo, hacian, que el humo fuese acá los Christianos». *Colon, Hist. Almirante*, 107, in *Barcia*, i.

[IV-14] Фернандо Колон, *Hist. Almirante*, 108, в *Barcia*, i., об этом месте говорит: «arribò al Canal de Zerabora, que son 6 leguas de largo, i mas de tres de ancho, en el qual, ai muchas Isletas, i tres, ò quatro Bocas mui à proposito para entrar». А г-н Коль замечает в *Beiden ältesten Karten*, 115: «Diese Schilderung passt auf kein anderes Gewässer südlich vom San Juan 'Cariay,' als auf unsere 'Laguna de Chiriqui,' die auch wohl noch heutiges Tages besonders in ihrer westlichen Abtheilung 'Baia del Almirante' ... genannt wird». Риборо помещает *Ysa de cerebaro* в лагуне. Ваз Доурадо пишет «*Карабаре*»; Майоло помещает здесь где-то «*ла касера бруксада*» и неподалеку «*оро боро*». Меркатор делает *Серебаро* городом. Хондиус в «*Purchas, His Pilgrimes*» помещает в этой местности город *Кукари*. *West-Indische Spieghel*, 1624, указывает *Карабаро* и немного севернее город *Кукура*.

[IV-15] Первоначально название города, провинции и реки, известных своим золотом. Позже это название стало исторически известным, поскольку испанцы применяли его ко всему региону и присвоили его потомкам Колумба, которых называли герцогами Верагуаса. Питер Мартир, Колон и Риборо пишут «*берагуа*»; Ваз Доурадо — «*барага*»; Птолемей — «*Берагуа*» как провинция; Лэт и Джефферс — «*Верагуа*». Поррас называет провинцию «Кобраба».

[IV-16] На карте Вазы Доурадо у Номбре-де-Диос находится группа под названием *Iñ de bastimētos*; в *Novvs Orbis* Лаэта они называются *Yas de Bastimentos*; Джефферс называет их *los Bastimentos*; Наваррете, *Col. de Viages*, i. 285, в тексте указывает *Puerto del Retrete*, а в примечании — *Puerto Escribanos*.

[IV-17] Местонахождение этой маленькой гавани вскоре было утрачено. Эррера утверждает, что в его время ее положение было неопределенным, некоторые полагали, что Номбре-де-Дьос является упомянутым местом. Пешель располагает его недалеко от города Колон; Гумбольдт — в Пуэрто-де-Эскрибанос. Риборо помещает его в пятнадцати лигах к западу от Номбре-де-Дьос, *no-tempe*. Коль говорит в *Beiden ältesten Karten*, 116: «Er findet sich nicht auf N. Vallard (1547), nicht auf Dourado (1580) und nicht auf den Karten vom Isthmus von Darien in Herrera». Но из описания Фернандо Колона, *Hist. Almirante*, 110, в *Барсия*, i., следует, что это место должно быть достаточно легко найти. Он говорит: «*entramos en vn Puertecillo, que se llamò el Retrete, porque no cabian en èl mas de 5 ò 6 Navios; su entrada era por vna boca de quinze, ò veinte pasos de ancho, i ambos lados eran Rocas, que salian del Agua, como punta de Diamante, i era tan profundo de Canal, por enmedio, que acercandose à la orilla, vn poco, se podia saltar desde el Navio en Tierra*».

[IV-18] Хотя власти несколько расплывчаты и противоречивы в отношении конечной точки береговой линии материка Бастидаса, нет сомнений в том, что здесь соединились два открытия. Овьедо, ii. 334-36, и те, кто повторяет его ошибки, считают, что Бастидас направился прямо из Урабы на Ямайку; но Лас Касас, *Hist. Ind.*, iii. 11, утверждает: «*Salieron del golfo de Urabá, y fueron la costa del Poniente abajo, y llegaron al puerto que llamaron del Retrete, donde agora está la ciudad y puerto que nombramos del Nombre de Dios*». Позже, в главе xxiii. 123, он исправляет себя в отношении того, что Эль-Петрете и Номбре-де-Дьос являются одним и тем же местом: «*Por esto parece que el puerto del Retrete no es el que agora llamamos del Nombre de Dios, como arriba dijimos por relacion de otros, sino más adelante, hácia el Oriente*». Говоря об Эль-Петрете, Диеро де Поррас, *Наваррете, Col. de Viages*, i. 285, замечает: «*En algunas cartas de navegar de algunos de los marineros juntaba esta tierra con la que habian descubierto Hojeda y Bastidas*». Сам Наваррете, *Col. de Viages*, iii. 26, говорит о Бастидасе: «Он завершил свое открытие на десятой широте в порту Эль-Петрете, или Эскрибанос, или Номбре-де-Дьос»; и снова в примечании, касающемся Номбре-де-Дьос: «*En este puerto entrò posteriormente el Almirante Colon el dia 26 de Noviembre de 1502 con noticia que ya tenia de los descubrimientos de Bastidas*». Гомара, *Hist. Ind.*, 67, приписывает Бастидасу новое

открытие 170 лиг побережья, «que ay del cabo de la Vela al golfo de Vraua, y Farallones del Darien», соглашаясь с Овьедо в этом вопросе. Из этих свидетельств Гумбольдт, *Exam. Crit.*, i. 360, делает вывод, что Бастидас продолжил «vers l'ouest jusqu'au Puerto de Retrete». Неточные утверждения были распространены как в древности, так и в наши дни; например, Лердо де Техада в *Apuntes Hist.*, 89, говоря о Бастидасе, пишет: «Y siguió hasta el puerto llamado despues el *Retiro*, donde se fundó posteriormente el del *Nombre de Dios*».

[IV-19] То есть Вифлеем. Поррас записывает его как *Y. n. ebra*; Эррера — как *Yebra*; а Фернандо Колон — как *Kiebra*. На карте Рибера название *bele* дано лагуне; Ваз Доурадо пишет *belen*; а Хакоб Колон — *Belem*.

[IV-20] Хотя большинство испанских и английских писателей используют слово *quibian* как собственное имя, оно является нарицательным и означает вождя народа или правителя династии, как *cacique* у кубинцев, *inca* у перуанцев, *ahau* у киче и т. д. Колумб, писавший из Ямайки, использует термин *el Quibian de Veragua*; и снова, *Carta de Colon*, в *Navarrete, Col. de Viages*, i. 302, «Asenté pueblo, y dí muchas dádivas al *Quibian*, que así llaman al Señor de la tierra». Пионе и Де Конти пишут *il Quibio o cacico di Beragua*. См. их *Biog. di Colombo*, 388: «Il Prefetto andò colle barche al mare per entrare nel fiume e portarsi alla popolazione del Quibio, così chiamato da quei popoli il loro Re».

[IV-21] Rio de la Concepcion.

[IV-22] Ирвинг, Колумб, ii. 402, небрежно называет его «главным нотариусом», путая его с Диего де Поррасом, который был нотариусом экспедиции. Нотариус не был воином, а скорее должен был воздерживаться от действий, чтобы записывать то, что делали другие.

[IV-23] «Y como luego mandó prender al Cacique do se le fizo mucho daño que le quemaron su poblacion, que era la mejor que habia en la costa é de mejores casas, из очень хорошего дерева, все покрытые пальмовыми листьями, и схватили его сыновей, и привезли сюда некоторых из них, от чего вся та земля была возмущена, об этом я не могу дать отчета, но он приказал это сделать и даже объявить о свободном прохождении». *Диего де Поррас*, в *Navarrete, Col. de Viages*, i. 286-7.

[IV-24] Есть два описания этого события: одно — Фернандо Колона, другое — Диего Мендеса. Оба предвзяты: первое — в пользу Бартоломе, второе — в пользу автора. Фернандо рассказывает, как, когда поселение было захвачено врасплох, его дядя схватил копье и, поддержанный семью людьми, сражался с отчаянной доблестью, пока основные силы испанцев не пришли ему на помощь, и враг был разгромлен. Другой рассказ, «*Relacion hecha por Diego Mendez*», в «*Navarrete, полковник de Viajes*», i. 317, гласит, что адмирал только что покинул гавань в сопровождении большей части испанцев, которые пришли попрощаться. Мендес, недавно назначенный контора, удерживал город Белен с двадцатью людьми. Внезапно на холме над городом появились четыреста индейцев и обрушили на испанцев град дротиков и стрел. К счастью, крики опередили оружие, и это дало Мендесу время вооружиться. Сражение было отчаянным и длилось три часа. Десять туземцев, которые осмелились приблизиться со своими боевыми дубинами, были убиты мечом. Семь из двадцати христиан погибли, но в конце концов чудо принесло победу оставшимся. В течение следующих четырех дней, благодаря изобретательности Мендеса и под его руководством, имущество колонии было погружено на корабль, и в благодарность за его неоценимые услуги он был назначен капитаном корабля Тристана.

[IV-25] Местом последнего упокоения не только Колумба, но и его сына Диего и внука Луиса стал собор Санто-Доминго. В течение семи лет после смерти Колумба его останки хранились в монастыре Сан-Франциско в Вальядолиде. Затем их перевезли в Севилью и поместили в монастыре Лас-Куэвас, а в 1536 году перевезли в Санто-Доминго. Когда в 1795 году Испаньола была уступлена Франции, испанский военно-морской командующий попросил разрешения перевезти останки на Кубу, которое было дано, и то, что считалось останками, было перевезено с большой помпой и церемонией в декабре-январе следующего года. Однако более поздние исследования, проведенные в результате давних подозрений, убедили многих в том, что была допущена ошибка и что кости Колумба по-прежнему покоятся в Санто-Доминго. Это было доказано вне всякого сомнения недавними исследованиями выдающегося французского ученого и американиста А. Пинара.

[IV-26] Я довольно подробно остановился на жизни Фернандо Колона, его отца, а также на письмах адмирала и других документах в Наваррете, Сальва и Баранда, Пачеко и Карденас, Мендоса и других источниках. Стандартные историки, Лас Касас, Овьедо, Петр Мученик, Гомара и Эррера, я пока обойду стороной, лишь отметив, что каждый из них по-своему рассказывает историю адмирала, и все они должны быть тщательно рассмотрены при изучении его жизни и достижений. Другими ранними или важными авторитетами являются Зорзи, *Paesi Nouamente retrouati*, Виченция, 1507; Рухамер, *Newe unbekante landte*, Нюрнберг, 1508; Стамлер, *Dyalogvs*, Аугсбург, 1508; Маринео, *Obra Compuesta de las Cosas Memorables e Claros Varones de España*, Алкала, 1530; Джеральдини, *Itinerarium ad Regiones sub Aequinoctiali*, Рим, 1631; Гринаевс, *Novvs Orbis Regionvm ac Insularvm veteribvs incognitarvm*, Базель, 1532; Маффей, *Historiarum indicarum*, Флоренция, 1588; Гамбарэ, *De navigatione Christophori Columbi*, Рим, 1585; Шарлевуа, *Histoire de l'Isle-Espagnole*, Париж, 1730; Кладера, *Investigaciones historicas*, Мадрид, 1794; Босси, *Vita di Colombo*, Милан, 1818. *Die vierdte Reise so vollenbracht hat Christoffel Columb*, на странице 6 книги Löw, *Meer oder Seehanen Buch*, Кельн, 1598, следует читать в сопоставлении с картами, чтобы понять ее значение. См. также Рамузио, *Viaggi*, iii. 16-18 и 98-9; Бензони, *Hist. Mondo Nuovo*, 27-30; Гальвано, *Discov.*, 100-1; Гумбольдт, *Exam. Crit.*, passim; Мейджор, *Избранные письма Колумба*, *Nakluyt Soc.*, Лондон, 1847; Кастельянос, *Elegías de Varones ilustres de Indias*, 42-3; Акоста, *Compend. Hist. Nueva Granada*, 1-17; *Repertorio Americano*, iii. 186-225; Веманкурт, *Teatro Mex.*, 3-6 и 101-6; Лердо де Техада, *Apuntes Hist.*, 77-80; Ремесаль, «*Hist. Чуара*», 162-3; Гордон, «*Hist. Am.*», i. 247-64; Ларднер, «*Hist. Discov.*», ii. 16; Пайно, «*Cronología Mex.*», в *Soc. «Mex. Geog.*; Робертсон, «*Hist. Am.*», i. 59-175; Corradi, *Descub. de la Am.*, i. 6-312; Simon, *Conq. tierra firme*, 44-50; Mesa y Leompart, *Hist. Am.*, i. 1-64; Torquemada, i. 20-1, и iii. 283-94; Vega, *Comentarios Reales*, ii. 7; Акоста, «*Историка индейцев*», passim; Вильягьерре, «*Историка завоевания Ица*», 5-19; Мендиета, «*Историка церкви*», 13-39; Каванильяс, «*Историка Испании*», т. 27-55 и 104-9; «*Новая Испания, краткое изложение*», рукопись, т. 1, 1-14; Магльянос, *Св. Франциск и францисканцы*, 521-32; Аа, Нааукеурге Версамелинг, ii. и iii. passim; Холмс, *Анналы Америки*, i. 1-16; Пуга, Седуларио, 4-5; Гонсалес Давила, *Театро Эклес.*, i. 255-6; Берк, «*Европейский набор*», i. 1-45; Мейджор, «*Принц Генри*», 347-67; Хелп, «*Испанские завоевания*», passim; Хейлин, «*Космология*», 1083; Огилби, «*Америка*», 55-6; Энс, «*Западный и Восточный индийский сад удовольствий*», 178-84 и 408-9; Кампе, *Hist. Descub. Am.*, 1-133; Poussin, *De la Puissance Américaine*, passim; *Hist. Mag.*, август и сентябрь 1864 г., а также февраль 1868 г.; Mariana, *Hist. España*, vi. 307 и т. д. и vii. 80; Muñoz, *Hist. Nuevo Mundo*, i. 27-312; Морелли, *Fasti Novi Orbis*, 11-12; Пурчас, *His Pilgrimes*, v. 801-4; Пусарро и Орельяна, *Varones Ilustres del Nuevo Mundo*, 1-53; Монтанус, *De Nieuwe en Onbekende Weereld*, 1-43; и Лаем, *Nov. Orb.*, 345-6. Первым трудом, пролившим ясный свет на вопрос о месте рождения, была книга *Della patria di Cristoforo Colombo*, написанная графом Напионе ди Коконато, Флоренция, 1808, диссертация, опубликованная Академией наук Турина. В этой и дополнительных работах явно проявились способности и усердие автора. В 1853 году в Риме было издано новое издание Напионе и де Контти под названием *Patria e Biografia Del Grande Ammiraglio D. Cristóforo Colombo ... rischiarita e comprovata dai celebri scrittori Gio. Francesco Conte Napione di Coconato e Vincenzo de Conti*, последний из которых является автором *Storia del Monferrato*, в которой содержится богатая новая информация, уступающая только оригинальным повествованиям и документам. Не следует упускать из виду *Dissertazioni epistolari bibliografiche*, Рим, 1809, Франческо Канчеллиери, которую Леклерк называет «*savante et fort curieuse*». Джон С. К. Эбботт в популярной форме излагает «*Жизнь Христофора Колумба*», Нью-Йорк, 1875, в которой заметны выдержки, поскольку автор довольно свободно обращался с трудами своих предшественников.

[V-1] Главный судья, или высший судебный чиновник в колонии, который должен был заменить Ролдана, который должен был вернуться в Испанию. Ирвинг, *Колумб*, ii. 331, ошибочно пишет *alguazil mayor*, очевидно путая две должности. Лас Касас в *Hist. Ind.*, iii. 18, достаточно ясно говорит: «*Trujo consigo por Alcalde mayor un caballero de Salamanca y licenciado, llamado Alonso Maldonado*». Альгюасил майор был главным констеблем или высоким шерифом, то есть совсем другим лицом, чем главный судья. Эти термины и должности, которые они обозначают, будут подробно объяснены в другом месте.

Поскольку это слово будет часто встречаться на этих страницах, а ни термин, ни учреждение, которое оно обозначает, не имеют эквивалента в английском языке, я приведу здесь полное объяснение. *Residencia* — это

проверка или отчет об официальных действиях исполнительного или судебного должностного лица в течение срока его *пребывания* в провинции, находящейся в его юрисдикции, и во время исполнения им своих должностных обязанностей. Это делалось по истечении срока полномочий, в установленные сроки или в случае злоупотребления служебным положением в любое время. Лицо, проводившее проверку, назначалось королем, или в делах Нового Света — *Consejo de Indias*, или вице-королем, и называлось *juez de residencia*. Перед этим судьей в течение определенного времени любой мог явиться и подать жалобу, а также представить доказательства против уходящего в отставку или отстраненного от должности должностного лица, которое могло опровергнуть и опровергнуть их, как в обычном суде (). Резиденция любого должностного лица, назначенного короной, должна была проводиться судьей, назначенным короной; резиденция должностных лиц, назначенных в Индиях вице-королями, аудиенциями или президентами-губернаторами, проводилась судьей, назначенным той же властью. Ниже приведены некоторые изменения, внесенные в эту тему королевскими декретами, чтобы лучше приспособить ее к правительству Индий. 10 июня 1523 года и снова 17 ноября 1526 года Карл V издал указ, согласно которому апелляция могла быть подана от судьи резиденции в Совет Индий, за исключением частных исков, не превышающих 600 песо де oro, когда апелляция подавалась в аудиенцию. В 1530 году вице-короли и президенты-губернаторы получили указание принимать резиденцию *визитадорес-де-Индиос*, чтобы злодеяния в отношении туземцев не оставались безнаказанными; а позднее законом было установлено, что провозглашение резиденций должно производиться таким образом, чтобы индейцы могли об этом узнать. В *Ordenanzas de Audiencias* Филиппа II от 1563 и 1567 годов говорится, что в некоторых городах Индий было принято назначать в определенные сезоны двух *regidores*, которые вместе с *alcalde* действовали в качестве *fieles ejecutores*. В начале каждого года вице-король или президент в городе, который был резиденцией аудиенции, должен был назначать *ойдора* для проведения резиденции *фиелес-эжескуторов* предыдущего года. То же самое должно было делаться, если эти должности были проданы городу, *вилле* или *лугару*; но в таких случаях вице-король или президент по своему усмотрению мог принять их, когда это было необходимо, не позволяя им стать слишком обычным явлением. Филипп II в 1573 году и его преемники вплоть до 1680 года распорядились, чтобы в резиденциях губернаторов и их подчиненных, когда штраф не превышал 20 000 мараведи, исполнение должно было производиться немедленно; в случае ущерба, присужденного по частным искам на сумму до 200 дукатов, осужденный должен был дать обязательства ответить за это. Нахождение чиновника в резиденции было равносильно его аресту, поскольку он не мог ни исполнять свои должностные обязанности, ни, за исключением определенных случаев, покидать место. Так, закон 1530 года, повторенный в 1581 году, гласил, что с момента объявления резиденции до ее завершения *альгуасильс майорес* и их *тениентес* должны быть отстранены от ношения *варас* или от исполнения любых должностных обязанностей. В 1583, 1620 и 1680 годах было распоряджено, чтобы такие судьи резиденции, которые назначались в Индиях, выбирались вице-королем и аудиенцией или президентом и аудиенцией, действующими по соглашению. В 1618 году Фелипе III распорядился, чтобы зарплаты *jueces de residencia* выплачивались осужденным должностным лицам, если они были признаны виновными, а если нет, то аудиенцией, назначившей их. До этого, в 1610 году, тот же монарх распорядился, чтобы нотариусы, работающие в *residencias*, взятых под контроль *corregidores*, получали зарплату таким же образом. Следующий монарх распорядился, чтобы офицеры кораблей подлежали резиденции в форме *визита*; и в визитах на *галеоны* и *флоты* никто, кроме простых матросов, артиллеристов и солдат, не должен был освобождаться от этой обязанности. Карл II в 1667 году издал указ, согласно которому резиденция вице-короля должна была быть прекращена в течение шести месяцев с момента публикации уведомления о ее проведении судьей. Фелипе III в 1619 году и Карлос II в 1680 году распорядились, чтобы вице-короли и президенты ежегодно направляли короне списки лиц, подходящих для проведения резиденций, с тем чтобы никто не мог быть выбран для работы с должностным лицом, в юрисдикции которого он проживал. См. *Recop. de Indias*, ii. 176-89. Оригинал отчета о резиденции отправлялся в Совет Индий, а копия хранилась в архивах аудиенции. Эти судебные процессы были настолько обременительными, а судьи настолько коррумпированными, что позднее в Америке резиденция казалась скорее препятствием для правосудия, чем его продвижением, и в 1799 году она была отменена в отношении подчиненных должностных лиц.

[V-3] Первоначально писалось *fijodalgo*, сын чего-либо. Позже стало применяться к дворянам, возможно, в частности, к сельским дворянам. Овьедо, ii. 466, называет Диего де Никуэса «*hombre de limpia sangre de hijosdalgo*», человеком чистой благородной крови. Что касается происхождения слова *hidalgo*, Хуан де ла Пуэнте утверждает, что во время мавританских войн, когда был захвачен большой город, король оставлял его себе, а деревни отдавал капитанам, которые отличились в боях и которых сначала называли *ricos homes*, а потом *grandes*. Менее заслуженным лицам давали что-то меньшее, часть добычи или землю, но всегда что-то; поэтому их потомков называли *fijosdalgos*, *hijosdalgos* или *hidalgos*, сыновья чего-то. В *Dic. Univ.* приводятся ссылки на авторитетные источники, показывающие, что слово *hidalgo* произошло от римских колонистов Испании, называемых *Itálicos*, которые были освобождены от налогов. Поэтому тех, кто пользовался подобными льготами, называли *Itálicos*, и со временем это слово превратилось в *hidalgo*.

[V-4] «По справедливым причинам и соображениям целесообразно, чтобы во всех договорах, заключенных в целях новых открытий, слово «завоевание» было исключено и вместо него использовались слова «умиротворение» и «заселение», поскольку, поскольку все должно делаться в духе мира и милосердия, мы желаем, чтобы даже это слово, истолкованное вопреки нашему намерению, не вызывало и не давало повода для того, чтобы заключенный договор *para que se pueda hacer fuerza ni agravio á los Indios*». *Recop. de Indias*, ii. 2.

[V-5] Лучшее доказательство политики Испании в отношении коренных жителей Нового Света можно найти в ее законах по этому вопросу. Писатели могут приукрашивать свои утверждения, но, следуя королевским указам, издававшимся на протяжении нескольких правлений, мы получаем то, что не может быть оспорено. Тема обращения с индейцами занимает немалое место в *Recopilacion de Leyes de las Indias*. В начале раздела x. lib. vi. помещена статья из завещания Изабеллы, торжественно предписывающая ее преемникам следить за тем, чтобы индейцы всегда получали справедливое и доброжелательное обращение; и это стало основой для будущего законодательства. А теперь давайте взглянем на законы; я не могу привести их все, но могу заверить читателя, что они имеют одинаковый характер. Прежде всего, коренные жители должны были находиться под защитой церковных и гражданских властей. Они могли свободно вступать в брак, но всегда в соответствии с христианскими обычаями; их нельзя было увозить в Испанию; их нужно было цивилизовать, христианизировать, научить говорить по-испански и, по возможности, любить труд; они могли сеять семена, разводить скот, сохранять свои древние рыночные дни, покупать и продавать по своему усмотрению и даже распоряжаться своими землями, только испанцы не имели права продавать им оружие или спиртные напитки. Инквизиция не могла их тронуть, поскольку в религиозных вопросах они подчинялись юрисдикции епископа, а в случаях колдовства — гражданской власти. Они могли иметь свои муниципальные организации по образцу испанского городского управления, с их алькальдами, фискалами и регидорами, избираемыми из своего числа на один год, выборы проводились в присутствии священника. Священники, прелаты, все должностные лица правительства и, по сути, каждый испанский подданный были обязаны следить за индейцами и защищать их. Губернаторы и судьи были обязаны под страхом самых суровых наказаний обеспечивать им справедливость. В ранний период для этой цели были созданы две должности: *протектор* и *защитник*. Первый осуществлял общий надзор за коренными жителями и их интересами, а второй представлял их интересы в суде (). Со временем, когда было решено, что коренные жители могут самостоятельно защищать свои интересы, эти должности были упразднены. Однако это решение было преждевременным, и в 1589 году Филипп II приказал восстановить их. Эти должностные лица назначались вице-королями и президентами-губернаторами. Индейцы могли выступать в судах и получать бесплатную юридическую помощь; даже в спорах между самими коренными жителями не взималась плата, поскольку с одной стороны выступал финансовый инспектор, а с другой — защитник. В 1593 году Филипп также объявил, что испанцы, жестоко обращавшиеся с индейцами, будут наказаны более строго, чем за плохое обращение с испанцами. Это был замечательный закон; жаль, что у пуритан и их потомков не было такого закона. Индейцев можно было нанимать, но им нужно было своевременно платить. Они могли работать в шахтах или носить грузы, если хотели, но это должно было делаться добровольно. Принудительное личное обслуживание или любые его проявления ревностно и неоднократно запрещались. Индейцы моложе восемнадцати лет не должны были наниматься для переноски

грузов. Пусть те, кто насмехается над Филиппом и Испанией, помнят, что через два столетия после этого Англия могла спокойно смотреть, как ее собственные маленькие дети шести лет работают вместе со своими матерями в угольных шахтах. У испанцев было много способов обойти справедливые и гуманные законы своих монархов — например, уловка работодателей, которые заставляли шахтеров и других рабочих влезать в долги и держали их в таком положении, а если те пытались сбежать, прибегали к закону, чтобы их удержать. Это было равносильно рабству. Коренной житель мог даже продавать свой труд на неопределенный срок, пока в 1618 году Фелипе III не издал указ, согласно которому ни один индеец не мог обязываться работать более одного года. Закон стремился возложить всю тяжелую работу на негров, которые, как считалось, были более способны ее выносить. Чернокожие также занимали гораздо более низкое положение в социальной иерархии, чем краснокожие. Для негра или метиса было преступлением заставлять индейца работать на него, даже если тот делал это добровольно и за плату; африканец не мог даже пойти в дом американца. Закон стремился защитить индейцев как в их частной жизни, так и в их правах. Он стремился сделать жизнь коренных жителей столь же мирной и комфортной в условиях христианской цивилизации, как и в условиях языческого варварства. Больше он не мог сделать; он не мог сделать даже этого; после умиротворяющего набега на первобытный рай всю Европу не смогла его восстановить. Но испанские монархи делали все возможное, чтобы смягчить страдания, причиненные непокорными сынами Испании. Касик мог занимать свое место среди своего народа и следовать древним обычаям в отношении своей преемственности, но он не должен был поработать их или навязывать им древние жестокие обычаи, такие как отдача индейских девушек в качестве дани или погребение слуг вместе с их умершими хозяевами. И эти мелкие правители должны были оставаться дома и заниматься своими делами; индейцы не могли покидать одно пуэбло, чтобы поселиться в другом, а касики не могли ехать в Испанию без специального разрешения короля. Коренным жителям было приказано жить в общинах и иметь постоянное место жительства, и в результате их земли не могли быть у них отняты. Они не должны были ездить верхом на лошадях, так как это делало бы их слишком равными кавалеристам в бою; они не должны были устраивать танцы без разрешения, так как тогда они могли бы замышлять заговоры или посвятить себя служению языческим богам, как в старину; они не должны были работать с золотом или серебром, что было нелиберальным ограничением, лишившим мир лучших произведений искусства Америки. Испанцы не могли размещать скотоводческие ранчо в пределах 1½ лиг от индейского пуэбло; свиней, овец или коз — в пределах половины лиги; индейцы могли законно убивать скот, вторгшийся на их земли. В индейском пуэбло не должны были жить ни испанцы, ни мулаты, ни негры. Ни один путешественник не мог ночевать в доме коренного жителя, если поблизости была гостиница. Ни один испанский или метис-торговец не мог оставаться в индейском пуэбло- более трех дней, а другой белый человек — более двух дней. Помимо частной собственности, каждое индейское пуэбло имело некоторую общую собственность и сейф, в котором хранились деньги общины и документы на право собственности. Касики не должны называть себя лордами пуэбло, так как это умаляет королевское превосходство; их должны называть просто касиками. Касик не должен пытаться вводить феодальные обычаи; он не должен угнетать свой народ или брать больше установленной дани; и тот, кто работал на касика, должен получать от него заработную плату. В уголовных делах юрисдикция касиков над своим народом не могла распространяться на смертную казнь или увечья. С другой стороны, касик не мог быть судим обычным испанским мировым судьей, а только судьей округа. Последние четыре закона были приняты Карлом V в 1538 году. Помимо них, испанские монархи в течение двух с половиной веков издавали много других указов, отличавшихся мудростью, энергичностью и гуманностью. Из-за продолжающихся злодеяний и эксцессов своих подданных в Новом Свете терпение короны часто подвергалось серьезным испытаниям. Так, Фелипе IV собственноручно написал на указе совета, предписывающем немедленное пресечение всех тех позорных злодеяний, которые совершались вопреки законам, следующее, что было полностью повторено его сыном Карлосом II в 1680 году: Я хочу, чтобы вы удовлетворили меня и весь мир в отношении обращения с моими вассалами, — так гласит это письмо, — и если это не будет сделано, так что в ответ на это письмо я не увижу примерного наказания правонарушителей, я буду считать, что мне не подчиняются; и будьте уверены, что если вы не исправите это, я сделаю это сам. Малейшие упущения я буду считать тяжкими преступлениями против Бога и против меня; злое поведение ведет к полному разорению и разрушению тех королевств, коренных жителей которых я высоко ценю; и я хочу, чтобы с ними обращались так, как того заслуживают

вассалы, которые так хорошо служат монархии и так много способствовали ее величию и просвещению». См. также: *Tanua, Hist. Civ. Española*, passim; *Козольюдо, Hist. Yucathan*, 71-3; *Ramirez, Vida Motolinia*, в *Icazbalceta, Col. Doc.*, i. lxvi.; *Las Casas, Carta*, в *Pacheco и Cárdenas, Col. Doc.*, vii. 290-338.

[V-6] Двадцать пять фунтов. Испанский фунт немного больше английского. В квинтале четыре арробы.

[V-7] *Repartimiento* — распределение; *repartir* — делить; *encomienda* — поручение, командорство; *encomendar* — поручать; *encomendero* — тот, кто имеет *encomienda*. В Испании *encomienda*, в том смысле, в котором она понимается здесь, была достоинством в четырех военных орденах, наделенным рентой и принадлежащим определенным членам ордена. Оно приобреталось благодаря щедрости короны в качестве награды за заслуги в войнах против мавров. Земли, отнятые у неверных, делились между христианскими полководцами; жители этих земель были арендаторами короны, а полководцам предоставлялись пожизненные права на их услуги. В законодательстве Индий энкомьенда была покровительством, предоставленным королевской милостью над частью коренного населения, в сочетании с обязательством обучать их доктринам Церкви и защищать их личность и имущество. Первоначально предполагалось, что получателями этих милостей должны были быть первооткрыватели, завоеватели, заслуженные поселенцы и их потомки; но в этом, как и во многих других отношениях, желания монархов и их советников не всегда достигали своей цели. Система, начатая в Новом Свете Колумбом, Бобадильей и Овандо, была продолжена Васко Нуньесом, Педрариасом, Кортесом и Писарро и в конце концов стала общей. Королевские указы по этому вопросу, которые, казалось, становились все более и более сложными по мере умиротворения новых владений, начались с закона Фердинанда Католического в 1509 году, повторенного Филиппом II в 1580 году, о том, что сразу после умиротворения провинции губернатор должен разделить коренных жителей между поселенцами. Распределенные таким образом туземцы удерживались в течение определенного срока, либо в течение жизни владельца, либо в течение двух или более жизней, то есть в течение жизни первого владельца, его наследника и, возможно, наследника его наследника, либо до тех пор, пока король не издаст иного указа. *Солорсано, De Indiarum Jure*, ii. lib. ii. cap. i.; *Акоса, De Procur. Ind.*, iii. cap. x. Когда в результате такой политики три четверти населения были «рекомендованы» к смерти, по представлению Ласа Касаса король в 1523 году издал указ, что «поскольку Бог, наш господь, сделал индейцев свободными», их нельзя поработать ни под этим, ни под каким-либо другим предлогом; «и поэтому мы приказываем, чтобы это больше не делалось, а те, кто уже был распределен, были освобождены». *Ремесаль, Hist. Chyapa*, 10. Но эта отмена угрожала уничтожением колоний. Одно за другим следовали прошения о восстановлении системы, пока король наконец не уступил. *Солорсано, Política Indiana*, i. 225. В 1542 году энкомьенды были вновь отменены, и король снова был вынужден их восстановить. Между тем корона предпринимала все возможные усилия, чтобы предотвратить злоупотребления. Энкомьендеро должен был лично выполнять требования закона. Он не имел права уезжать без разрешения губернатора, а в случае его отсутствия его обязанности должны были передаваться ответственному агенту. Если он отсутствовал без разрешения в течение четырех месяцев, его энкомьенда объявлялась вакантной. Энкомьендеро не имел права нанимать туземцев или отдавать их в залог кредиторам под угрозой потери индейцев и штрафа в 50 000 мараведи. Никто не мог присваивать себе туземцев, кроме тех, которые были законно назначены. Когда стало очевидно, как должностные лица злоупотребляют своей властью, в 1530, 1532, 1542, 1551 и 1563 годах всем гражданским и церковным чиновникам было запрещено владеть энкомьендами; но в 1544 году Филипп II исключил из этого запрета *tenientes de gobernadores, corregidores* и *alcaldes mayores de pueblos*. Индейцы не должны были передаваться в энкомьенду дочерям королевских чиновников или сыновьям, если те не были женаты. Было справедливо и разумно (), чтобы дикари платили испанцам дань, ибо так назначил Бог, так повелел папа и так приказал король; но энкомьенда должна была охватывать только сбор этой дани, а не лишение свободы или каких-либо личных прав. И за этот налог, который должен был платить каждый, кто пользовался благами цивилизации, вассал получал защиту и еще более благословенное дарование христианства. Ни при каких обстоятельствах этот налог не должен был становиться обременительным.

Порядок проведения оценок был подробно определен указами Карла V в разные даты с 1528 по 1555 год и Филиппа II с начала до конца его правления. По сути, они были следующими. Король возложил ответственность на наместников, президентов и аудиенции, которые с помощью комиссара и оценщиков устанавливали ставки в своих соответствующих округах. Ассессоры, сначала выслушав торжественную мессу Святого Духа, чтобы просветить свой разум, чтобы они могли справедливо оценить стоимость аренды и справедливо определить

ставку, должны были торжественно поклясться перед священником, что будут делать это без предвзятости. Они должны были лично осмотреть все пуэбло провинции, отмечая количество поселенцев и коренных жителей в каждом пуэбло, а также качество земли. Они должны были выяснить, что коренные жители изначально платили своим вождям в качестве дани, и никогда не устанавливать новую ставку выше старой, а всегда ниже. Ведь, безусловно, они не должны были оказаться в худшем положении, служа Испании, чем служа своим языческим господам. После тщательного изучения ресурсов и возможностей данников и без ущерба для комфорта женщин и детей, оценщики должны были установить ставку в соответствии с Божьей волей и своей совестью. Коренные жители могли платить деньгами, если предпочитали, но плата должна была взиматься только натурой, в виде любой продукции, выращенной на их землях. От них не должно было требоваться выращивать что-либо специально для этой цели; дань должна была взиматься не более чем с двух или трех видов продукции; несколько кур или одна-две свиньи не должны были учитываться вовсе. Монархи намеревались взимать таким образом от одной десятой до одной пятой, хотя энкомендеро слишком часто удавалось получить в два или три раза больше, или все, что имели туземцы. Индейцам необходимо было объяснить, как проводилась оценка, и что она проводилась не только в интересах испанцев. Затем оценщик должен был записать, что каждый должен был заплатить, и оставить оригинал у касики, дав одну копию энкомендеро и отправив одну в Совет Индий, вице-королю или в аудиенцию. За вымогательство со стороны энкомендеро или требование большего, чем предусмотрено графиком, были объявлены самые суровые наказания, вплоть до потери энкомьенды и половины его имущества. Коренные жители, добровольно вызвавшиеся и вступившие в энкомьенду, освобождались от уплаты дани на десять лет; и в любом случае в течение первых двух лет после собрания в пуэбло можно было законно взимать только половину обычной дани. Мужчины облагались налогом после достижения восемнадцати лет; касики, старшие сыновья, женщины и занимающие должность алькальды освобождались от уплаты налога. После дарения энкомьенда становилась собственностью энкомендеро и не могла быть у него отобрана до истечения срока его полномочий без уважительной причины. В каждой энкомьенде должна была быть церковь, а там, где ее не было, коренных жителей нужно было побуждать к ее строительству, а священнику платить из доходов от аренды. В каждом пуэбло с населением 100 и более коренных жителей двух или трех нужно было научить петь, чтобы они могли выступать в качестве хористов; также нужно было обучить коренного церковного служителя — энкомьендера-сакристана (), которые освобождались от уплаты дани. В 1568 году Филипп II распорядился, чтобы ни один энкомендеро не получал ренту свыше 2000 песо; любая сумма, превышающая эту, должна была возвращаться короне и использоваться в качестве пенсий. Тот же монарх распорядился в 1573 году, что когда энкомьенда становилась вакантной, вице-король или губернатор мог, если считал это целесообразным, направить ренту на благотворительные цели и отложить ее предоставление до тех пор, пока не будет известно желание короля. И снова, в 1583 году, было предписано, что энкомендеро должен иметь собственный дом, построенный из камня для целей обороны, в городе своего проживания; и он должен содержать там свою семью. Он не должен содержать дом в индейском поселении, ни иметь там каких-либо построек, кроме зернохранилища. В 1592 году было постановлено, что индейцы в энкомьенде могут быть переданы только жителям Индий. Когда энкомьенда становилась вакантной, как было постановлено в 1594 году и в последующие годы, об этом объявлялось в течение двадцати-тридцати дней, в течение которых заявители могли представить свои соответствующие претензии и перечислить услуги, оказанные короне ими самими или их предками. Предпочтение всегда отдавалось потомкам первооткрывателей и поселенцев. Иногда две или три небольшие энкомьенды могли быть объединены в одну. И никогда не могло быть забыто религиозное образование; когда рента была недостаточна для содержания энкомендеро и наставника, последний должен был получать доход. Фелипе III в 1602, 1611, 1616, 1618 и 1620 годах постановил, что, как правило, одно лицо может владеть только одной энкомьендой; еще реже можно было отказаться от одной и взять другую. В них не должно было быть места торговле. Они были доверительным управлением. Разделение энкомьенд принесло много зла, и больше этого делать не следовало. В 1655 году Фелипе IV распорядился, чтобы губернаторы, назначенные королем, и те, кто был назначен вице-королем *ad interim*, могли давать индейцам энкомьенды, но *alcaldes ordinarios*, временно занимавшие должность губернатора, не имели этой привилегии. *Recop. de Indias*, ii. 249-284 и *passim*. Наконец, к концу XVII века монархи, все больше испытывая нужду в деньгах, приказали энкомендерос

выплачивать часть своих доходов короне; затем была потребована более значительная часть, а затем и все доходы. В 1721 году эта система прекратила свое существование. Но после двухсот лет попыток вернуть то, что они отдали, монархи обнаружили, что от этого ничего не осталось, поскольку к этому времени туземцы, иногда с немного посветлевшей кожей, слились с цивилизованными пуэбло.

[\[V-8\]](#) В 1555 году император издал указ, согласно которому *Casa de Contratacion* должна была иметь *arca de tres llaves*, сундук с тремя ключами; после этого правительственный сейф стал обычным явлением в испанской Америке. Обычно он имел форму сундука моряка, был изготовлен из тяжелого дерева, обшит латунью или железом и имел три замка, скрепляющие крышку навесными защелками. Согласно закону, сейф Индийского дома должен был храниться у казначея, который отвечал за его сохранность. Один из ключей хранился у *тесореро*, один — у *контадора*, а один — у *фактора*. Ключ не мог законно покидать руки любого из этих трех королевских чиновников, и никто, кроме них, не мог класть в сундук или вынимать из него что-либо под угрозой штрафа в четыре раза превышающего стоимость таких вещей, наложенного на чиновника, разрешившего это. В этом ящике временно хранились все золото, серебро, жемчуг и драгоценные камни, которые поступали из Индии на счет короля или были возвращены ему в результате судебных исков, поданных в Индийский дом в Испании. *Recop. de Indias*, iii. 17.

[\[V-9\]](#) Овьедо, i. 103, говорит, что когда монахи-иеронимиты прибыли за несколько дней до Рождества 1516 года, *jueces de apelacion* «ya se llamaban oydores, é su auditorio ya se decía audiencia Real». Эррера, ii. ii. iv., рассматривая инструкции, данные иеронимитам, отмечает, что было также приказано, чтобы *jueces de apelacion* подчинялись *residencia*. После этого он пишет *jueces de apelacion* и *audiencia* без различия. Лас Касас, *Hist. Ind.*, v. 45, рассматривая события 1518-20 годов, говорит «*jueces de apelacion*»; рассказывая о событиях 1521, 165, 177 годов, он пишет «*audiencia*» и «*cuatro oidores*». В письме королю от 30 августа 1520 года *Пачеко* и *Карденас*, *Col. Doc.*, xiii. 332-48, суд называет себя *Real Audiencia*, а члены суда подписывают сообщение. В *Пачеко* и *Карденас*, *Col. Doc.*, xiv. 568, президентами этой аудиенции указаны Луис де Фигероа, 1523; Себастьян Рамирес в 1527 году; Фуэнте Майор в 1533 году; Мальдонадо в 1552 году; Алонсо Ариас де Эррера в 1560 году; и в 1566 году Диего де Вера, который был отправлен в Панаму в качестве президента, когда его сменил доктор Мехия.

[\[V-10\]](#) Слово *audiencia*, от *audire*, слышать, имеет в испанском языке несколько значений: акт слушания, трибунал, зал суда и здание суда, и, наконец, юрисдикция. *Oidor*, тот, кто слышит, происходит от того же корня, но в настоящее время применяется только к магистрату аудиенсии. Наиболее важными общими законами, регулирующими аудиенсии в Новом Свете, были следующие. В 1528 году император издал указ, который был повторен в 1548, 1569, 1575 и 1589 годах, о том, что каждая аудиенсия должна установить тариф сборов нотариусов и других должностных лиц, который не должен превышать пятикратную сумму сборов в Испании. В 1530 году мандаты этого трибунала были приравнены по силе к мандатам самого короля. По требованию любой стороны решения по гражданским делам должны были выноситься по одному делу до начала рассмотрения другого; дела бедных людей всегда должны были иметь преимущество при рассмотрении. Даже несогласные судьи должны были подписывать решение, делая его единогласным. В первый рабочий день каждого года в присутствии всех членов и должностных лиц должны были зачитываться законы, регулирующие деятельность аудиенсий. В 1541 году император распорядился, чтобы в «первой инстанции» алькальды, регидоры, альгусилес майорес и эскрибанос не привлекались к аудиенции; в каждом пуэбло один алькальд должен был иметь представление о том, что касалось другого, и оба должны были знать о делах, касающихся других должностных лиц. В 1540 году и много раз после этого аудиенсия была обязана следить за благосостоянием коренных жителей, внимательно наблюдать за поведением губернаторов и других должностных лиц и наказывать за превышение полномочий. В октябре 1545 года, когда император находился в Малине, откуда и произошло название «закон Малины», были даны указания по процедуре рассмотрения исков

индейцев. *Меньшая сумма* в исках была установлена в 300 000 мараведи; не превышающие эту сумму дела могли решаться двумя судьями; также в исках с *большой суммой*, за исключением Лимы и Мехико, где требовалось три голоса, как в испанском праве. В 1548 году было приказано, чтобы аудиенции не вмешивались в вопросы ранга и старшинства. В 1551 году субботы и два других дня в неделе были выделены для рассмотрения споров между индейцами, а также между индейцами и испанцами, поскольку в эти дни не рассматривались иски бедных людей. Аудиенция Индий не могла принимать больше *casos de corte*, то есть важных исков, переданных из нижестоящих судов, чем это было принято в Испании. Это было в 1552 году и повторилось в 1572 году. В 1553 году было распоряжено, что любое лицо, имеющее претензии к президенту или вице-королю, может обратиться в аудиенцию, при этом обвиняемому должностному лицу запрещалось председательствовать в таких случаях. Если президент был епископом (), ему не разрешалось выносить решения по церковным делам. Шесть лет спустя все представленные петиции должны были приниматься к рассмотрению. В 1561 году Филипп II распорядился, чтобы иски королевской казны имели приоритет над всеми другими. 1563 год был плодотворным в плане принятия правил для аудиенции. Если президент аудиенции был губернатором и генерал-капитаном, суд не должен был вмешиваться в военные дела, за исключением случаев, когда президент отсутствовал или когда корона давала специальные указания. В городе, где находится аудиенсия, должен быть дом аудиенсии, и президент должен жить там и хранить там королевскую печать, реестр, тюрьму и монетный двор; в этом доме должны быть часы с боем; и если такого здания нет, то в то же время в качестве резиденции президента используется его собственное жилище. Каждый день, кроме праздничных, аудиенсия должна заседать не менее трех часов, начиная с 7 утра летом и с 8 утра зимой, и на заседании должны присутствовать не менее трех ойдорес. Аудиенции не должны отменять приговоры к изгнанию; или, если не предоставлены гарантии оплаты, выдавать отсрочку осужденным должникам казны. Решение принимается большинством голосов. Губернатор, алькальде-майор или другое лицо, отказывающееся подчиняться любому предписанию трибунала, должно быть посещено судьей и наказано. Только в исключительных случаях аудиенция может затрагивать королевскую казну. Каждая аудиенсия должна вести книгу, в которой записывались — в случае, если сумма превышала 100 000 мараведи, или в других важных случаях — вердикт каждого судьи; и президент должен был поклясться хранить в тайне содержание этой книги, если только король не прикажет раскрыть ее. Также должна была вестись книга, в которую записывалось все, что касалось казны, и еще одна — о наложенных штрафах. Аудиенции могли назначать только на определенные должности. Филипп II в последующие годы своего правления дополнительно распорядился, что аудиенции должны хранить в тайне инструкции короны; что они не должны вмешиваться в дела нижестоящих судов или судов духовенства, за исключением случаев, предусмотренных законом, а должны помогать им; что они должны регистрировать имена лиц, прибывающих из Испании, с указанием их адреса в Новом Свете; что по таким вопросам, как резиденции, принуждение женатых мужчин жить со своими женами и имущество умерших лиц, президенты и вице-короли не должны вмешиваться, а оставлять их другим членам; что они не должны использовать средства, полученные в результате своих решений, а должны брать деньги из казны на расходы; что когда аудиенсия должна быть закрыта, должен быть назначен губернатор, уполномоченный продолжать и разрешать незавершенные дела, но он не должен возбуждать новых дел, а апелляции должны подаваться в ближайшую аудиенцию; что они не должны обнародовать слабости духовенства, а должны рассматривать обвинения против них в тайне; что королевские депеши для аудиенции не должны вскрываться только президентом, а должны вскрываться на *согласии*, в присутствии ойдоров и фискала, и, если это будет сочтено необходимым, в присутствии *escribano de cámara*; и что они не должны передавать на рассмотрение Совету Индий тривиальные вопросы. В последующие периоды правления в XVII веке в разное время было постановлено, что президент может подвергнуть ойдора импичменту перед Советом Индий, хотя он не может отправить его в Испанию, но ни один ойдор не может подвергнуть своего президента импичменту, кроме как по королевскому приказу; что аудиенсии должны исполнять свои функции с любовью и умеренностью, особенно во время вакансии должности президента или вице-короля; что во время своих посещений тюрьмы ойдоры не должны принимать прошения тех, кто был приговорен к смертной казни обычными судьями по согласованию с уголовным отделом аудиенции, и не должны во время таких посещений принимать к сведению ничего, что не было специально доверено им; что они не должны узаконивать

внебрачных детей (), а должны передавать такие дела в Совет Индий; что каждый год президент должен назначать ойдора для надзора за должностными лицами и атташе и наказания их за проступки; что не должно проявляться никакого фаворитизма по отношению к лицам, назначенным вице-королями или президентами; один ойдор может вести дела, если аудиенсия доведена до такой крайности; при принятии решения младший член должен голосовать первым, затем следующий по младшинству и так далее до старшего члена. Это из *Recopilacion de las Indias*, i. 323-70. В *Politica Indiana* Сольорсано, ii. 271-82, можно найти информацию о том, чем аудиенции Америки отличались от аудиенций Испании. Первые обладали большими полномочиями в силу своего удаления от трона. Им была предоставлена юрисдикция в резиденциях низших судебных органов; они могли назначать *pesquisidores*, или специальных судей, и приказывать исполнение приговора, если низший судья не сделал этого. Они обладали юрисдикцией в вопросах десятины, королевского покровительства, наследства, казначейства и юрисдикции; они могли даже устанавливать размер сборов церковных трибуналов, урегулировать имущественные вопросы епископов, удерживать апостольские буллы, которые они считали наносящими ущерб королевскому покровительству, а также наблюдать и регулировать поведение всех церковных чиновников. При назначениях вице-король был обязан учитывать мнение аудиенции. Лица, считающие себя ущемленными, могли обжаловать решение вице-короля в аудиенции. В случае смерти, отсутствия или неспособности вице-короля его место занимал старший ойдор. Ни одна из этих полномочий не была предоставлена аудиенциям в Испании. Эта и смежные темы подробно рассматриваются Сольорсано-и-Перейра, известным испанским юристом, родившимся в Мадриде в 1575 году. Он учился в Саламанке, а в 1609 году был назначен Фелипе III ойдором аудиенции Лимы. Позже он стал фискалом и советником в *Consejo de Hacienda*, *Consejo de Indias* и *Consejo de Castilla*. Он опубликовал несколько работ по юриспруденции, наиболее заметной из которых является *Disquisitiones de Indiarum jure*, 2 тома, фолио, Мадрид, 1629-39. Она была переиздана в 1777 году, а в 1672 году появилось издание в Лионе. Испанский перевод Валенсуэлы был опубликован в Мадриде в 1648 году и переиздан в 1776 году. Я использовал как латинское, так и испанское издание, но предпочтительнее последнее.

Эта работа представляет собой комментарий к законам Индий, удивительно лаконичный для испанского юриста того периода, и была очень полезна в то время, когда эти законы находились в хаотичном состоянии.

В заключение своих замечаний об аудиенциях в Америке я скажу только, что в конечном итоге их было одиннадцать; и одна в Маниле, которая, как и в Санто-Доминго, имела президента, ойдорес и фискала и выполняла как исполнительные, так и судебные функции. Одиннадцать, включая Санто-Доминго, были в Мексике и Лиме, каждая из которых возглавлялась вице-королем и имела 8 ойдорес, 4 алькальдес-дель-кримен и 2 фискалеса; а также в Гватемале, Гвадалахаре, Панаме, Чили, Ла-Плате, Кито, Санта-Фе и Буэнос-Айресе. Эти несколько аудиенций были сформированы в разное время вскоре после установления правительства в соответствующих местах. См. также: *Монтмайор*, *Svmarios*, 110-11; *Revue Américaine*, i. 3-32; *Самора-и-Коронадо*, *Biblioteca de Legislacion Ultramarina*, passim.

Ирвинг говорит 1510. Я не могу взять на себя исправление всех мелких ошибок популярных писателей, не имея ни места, ни желания. Похоже, что в данном и подобных случаях, которых много, ошибка проистекает из легкомысленной небрежности, которая считает разницу в год или два в дате заселения острова несущественной; ведь Лас Касас и другие авторитеты, которые в данном случае согласны друг с другом больше, чем обычно, были до Ирвинга, когда он вписал в свою рукопись неверную дату. Важные, а иногда и неважные расхождения между первоисточниками и стандартными авторитетными источниками всегда будут тщательно отмечаться на этих страницах. Я постараюсь избегать придирчивой критики и указания на незначительные ошибки только для того, чтобы доказать неправоту других.

[\[IV-12\]](#) Мария, вдова Диего, потребовала от аудиенции Санто-Доминго для своего сына Луиса, которому тогда было шесть лет, вице-королевство Верагуа, но получила отказ. Затем она обратилась со своей просьбой в Испанию, где Луису был присвоен титул адмирала, а император предоставил семье много других льгот, но титул вице-короля не был присвоен. Впоследствии Луис, возбудив судебное разбирательство, которое было

передано в арбитраж, добился того, что его провозгласили генерал-капитаном Эспаньолы. Незадолго до своей смерти он отказался от претензий на вице-королевство Нового Света в обмен на титулы герцога Верагуаса и маркиза Ямайки, а также уступил свое право на десятую часть доходов Индий в обмен на пенсию в тысячу дублонов. Преемником Луиса стал его племянник Диего, со смертью которого законная мужская линия прервалась. Затем последовали новые судебные тяжбы, в которых теперь заметную роль играли женщины-претендентки, пока в начале XVII века мы не находим в португальском доме Браганса титулы, которые когда-то так жаждал получить первооткрыватель, и которые тогда были присвоены Нуньо Гельвесу, внуку третьей дочери Диего, сына Христофора Колумба, который тогда мог писать свое имя De Portugallo Colon, duque de Veraguas, маркиз де ла Ямайка, и адмирал Индий.

[V-13] *Consejo Supremo de Indias*, Верховный совет Индий, иногда называемый *Consejo de Indias*, или Совет Индий, был органом, обладавшим как исполнительными, так и судебными полномочиями, постоянно заседавшим в Мадриде и имевшим ту же юрисдикцию над испанскими колониями в Америке, что и другие верховные советы в Испании, особенно *Consejo de Castilla*. Сразу после открытия американская часть испанского королевства находилась под надзором Совета Кастилии или выбранных из него советников. Но с постоянным увеличением объема дел возникла необходимость в создании отдельного верховного суда. Таким образом, механизм, запущенный Фердинандом, был усовершенствован Карлом и еще более улучшен Филиппом, пока эти обширные западные интересы не стали контролироваться с неизменной тщательностью. Оттуда исходили все меры по управлению и торговле испанской Америкой; это был также суд последней инстанции, где решались все вопросы, связанные с этим. Однако в течение многих лет Индийский совет официально не существовал. Фонсека; Эрнандо де Вега, *комендадор-майор* Леона; Меркурино Гатинара, впоследствии суперинтендант всех советов; джентльмен из спальни императора по имени Де Лассао; Франциско де Варгас, генеральный казначей Кастилии, и другие действовали специально по просьбе своего суверена. Этот факт привел к ошибкам в датировке, в которые впали несколько историков. Так, Прескотт, *Ферд. и Изабелла*, iii. 452, копируя Робертсона, *Hist. Am.*, ii. 358, говорит, что Совет Индий был впервые учрежден Фердинандом в 1511 году. Хелпс, *Span. Conq.*, ii. 28, делает ложный вывод из ложного вывода, сделанного Эррерой, ii. ii. xx., который указывает дату 1517 год, и далее описывает совет по делам Индии, датируя его создание 1518 годом, , президентом которого был Фонсека, а членами — Вега, Сапата, Петр Мученик и Падилья.

1 августа 1524 года была создана собственно канцелярия Совета по делам Индии. См. *Solorzano, Politica Indiana*, ii. 394. Указ об окончательной организации можно найти в *Recop. de Indias*, i. 228. В нем говорится, что, учитывая огромные выгоды, которые корона ежедневно получает по божьей милости от расширения королевства, монарх по милости Божьей чувствует свою обязанность хорошо управлять этими королевствами для лучшего служения Богу и благополучия этих земель, было приказано, чтобы этот трибунал всегда находился при дворе. Он должен иметь президента; великий канцлер Индий также должен быть советником; его члены, число которых должно быть восемь, должны быть *letrados*, людьми, сведущими в законе. Должны были быть фискал, два секретаря и заместитель великого канцлера, все благородного происхождения, нравственно чистые, благоразумные и богобоязненные люди. Должны были быть также три *relatores*, или чтеца, и нотариус, все опытные, прилежные и верные; четыре опытных *contadores de cuentas*, бухгалтера и аудитора; генеральный казначей; два *солиситора фискалеса*, королевских прокуроров; главный летописец и космограф; профессор математики; *тасадор* для оценки стоимости судебных издержек; адвокат и *прокурор* для бедных истцов; капеллан для отправления мессы в дни заседаний совета; четыре швейцара и судебный пристав, все приносящие присягу при вступлении в должность хранить в тайне решения совета. Первым президентом был назначен Фрай Гарсия де Лоайса, в то время генерал доминиканцев, исповедник императора и епископ Осма, а позднее кардинал и архиепископ Севильи. Первыми советниками были Луис Вака, епископ Канарских островов; Гонсало Мальдонадо, позднее епископ Сюдад-Родриго; Диего Бельтран; протонотарий Педро Мартир де Англерия, аббат Ямайки, и Лоренцо Галиндес де Карбахал. Прадо был первым фискалом. Список ранних президентов, советников и должностных лиц можно найти в конце *Descripcion de las Indias Occidentales*, в т. i. издании Барсии Эрреры.

Юрисдикция совета распространялась на все ведомства: гражданские, военные, церковные и торговые, и ни один другой совет в Испании не мог рассматривать дела, касающиеся Нового Света. Две трети членов должны были одобрить любой закон или постановление, прежде чем оно представлялось королю на подпись. В *Recopilacion de las Indias*, i. 228-323, приводится законодательство совета до 1680 года. Филипп II приказал, чтобы совет подчинялся в равной степени в Испании и в Индии. Три члена должны были составлять кворум и заседать от трех до пяти часов каждый день, кроме праздников. Для целей светского управления Новый Свет должен был быть разделен на вице-королевства, провинции аудиенций и *канцлерские суды*, или суверенные трибуналы, имеющие меньший вес, чем аудиенции, и провинции чиновников королевской казны, *аванпосты*, или правительства аванпостов, *губернаторства*, или правительства, *алькальдари майорес*, *коррехимьентос*, *алькальдарию ординариас*, и *братства*, *советы испанцев и индейцев*; а для духовного управления — на архиепископства и суфраганские епископства, аббатства, приходы и *diezmerías*, или десятины, и провинции религиозных орденов. Деление по мирским делам должно было максимально соответствовать делению по духовным делам. Совету было велено уделять первоочередное внимание обращению индейцев в христианство и хорошему обращению с ними. Законы, принимаемые Советом по делам Индий, должны были максимально соответствовать действующим законам Испании. При выборе духовных и гражданских чиновников для Индий () следовало проявлять максимальную осторожность, чтобы отправлять только хороших людей, а окончательное назначение должно было оставаться за королем. Непотизм был строго запрещен, а должности не подлежали продаже. В 1600 году Фелипе III распорядился, чтобы два раза в неделю проводился военный совет, состоящий из восьми членов, четыре из которых были советниками Индий, а четыре специально выбранными королем. В 1584 году было постановлено, что должности губернаторов, коррехидоров и алькальдов майоров Индий, когда они присваивались лицам, проживающим в Испании, должны были занимать в течение пяти лет; когда назначались жители Индий, то на три года. В 1636 году Фелипе IV распорядился, чтобы в архивах совета, помимо записей, хранились рукописи и печатные книги, посвященные моральным, религиозным, историческим, политическим и научным вопросам, касающимся Индий, все, что было или должно было быть издано; издатели книг этого класса были обязаны по закону сдавать по одному экземпляру в эти архивы. Было предписано хранить два ключа: один у советника, назначенного президентом, а другой у старшего секретаря. А когда архивы совета становились переполненными, часть материалов могла быть отправлена в Симанкас. Ранее было предписано, чтобы летописец совета писал историю Индий, как естественную, так и политическую, при этом ему предоставлялись все необходимые условия; и перед тем, как получить свою последнюю квартальную зарплату в году, он должен был представить то, что написал. То же самое касалось и космографа, который должен был рассчитывать затмения, составлять путеводители, готовить таблицы и описания, а также читать ежегодную лекцию. Правила, регулирующие деятельность этого августейшего органа, были весьма мудрыми, и испанские монархи постоянно стремились усилить его власть и поддержать его авторитет. Его юрисдикция распространялась на половину мира, будучи абсолютной на море и на суше. По его решению назначались и снимались вице-короли, а также президенты и губернаторы; в церковном управлении — патриархи, архиепископы, епископы и менее высокие духовные сановники. Сам Его Святейшество был здесь вторым. Все буллы или индульгенции, изданные папой, должны были представляться в *Consejo de Cruzada* и проходить через Совет Индий. Совет Индий продолжал существовать в Испании до тех пор, пока 24 марта 1834 года законом Кортесов он не был упразднен, как и *Совет Кастилии*. Судебные функции обоих советов были переданы *Верховному суду Испании и Индий*, а исполнительные полномочия — *Королевскому совету Испании и Индий*, оба из которых были созданы тем же законом.

Следующим по значимости органом в управлении делами Нового Света была *Casa de Contratacion*, торговая палата, имевшая высшую власть в коммерческих вопросах, за исключением подчинения Consejo de Indias, как и всех других властей, не имевших абсолютной королевской власти. Как уже упоминалось ранее, по возвращении Колумба из его первого путешествия Фонсека с двумя или тремя помощниками был назначен ответственным за дела, связанные с открытием, природа и важность которого тогда были еще слабо осознаны. Это индийское ведомство или агентство было создано в Севилье, с филиалом в виде таможни в Кадисе. Но еще до истечения первого десятилетия дела Нового Света настолько разрослись, а размеры Нового Света так быстро

расширились, что возникла необходимость в расширении возможностей и полномочий Индийского ведомства; поэтому декретами от 20 января и 5 июня 1503 года было распоряжено создать в Севилье *Casa de Contratacion de las Indias*, или Индийский торговый дом, с целью содействия торговле между метрополией и индийскими колониями. Первая седула предписывала разместить канцелярию в арсенале, вторая — в здании, известном как *alcazar viejo*, в той его части, которая называлась *cuarto de los almirantes*, или «квартиры адмиралов». Совет состоял из президента, трех королевских чиновников, или судей, а именно: казначея, аудитора и агента; а также трех судей, получивших юридическое образование; одного прокурора и других менее значительных чиновников и слуг. Среди первых, кто начал служить, помимо Фонсеки, были Санчо де Матьенсо, каноник из Севильи, казначей; Франциско Пинело, фактор, или генеральный агент; и Химено де Бервиеска, контадор, или аудитор. По закону эти три чиновника должны были проживать в здании; они должны были отправлять все корабли, отправляющиеся в Индию, и принимать все товары, прибывающие оттуда. При этом они должны были scrupulously соблюдать соглашение, заключенное с Колумбом монархами. Кроме того, они должны были объявить, что лицензии на открытие и торговлю будут выданы на справедливых условиях всем, кто их запросит и предоставит соответствующие гарантии. См. *Nueva España, Brev. Res. MS.; Veitia Linage, Norte de la Contratacion; Recop. de Indias; Solorzano, Pol. Ind.; Zamora y Coronado, Bib. Leg. Ult.; Young's Hist. Mex.*, 40-6; *Democratic Review*, i. 264-9; *Walton's Exposé*, 24; *Niles' S. Am. and Mex.*, 65-8; *Revolution in Sp. Am.*, 5-6; *Purchas, His Pilgrimes*, iv. 916-17. Офицер, назначенный королем, проживал в Кадисе, чтобы отправлять суда под надзором Casa de Contratacion. Индийский дом был не только торговой палатой, но и судом; он имел юрисдикцию во всех гражданских, уголовных и коммерческих вопросах, возникающих в связи с торговлей Испании с Индией, а апелляции подавались в Совет Индий. Я упомяну лишь некоторые из наиболее важных из множества второстепенных распоряжений, регулирующих деятельность этого совета. Объем и разнообразие его деятельности быстро увеличивались из года в год. В 1510 году Диего Колон получил указание информировать его должностных лиц обо всем, что он должен писать королю. Совет был обязан обладать самыми подробными знаниями о делах Нового Света и о лицах, просящих разрешения отправиться туда, и при исполнении своих обязанностей он не должен был подвергаться вмешательству даже со стороны высокопоставленных королевских чиновников. Фактические полномочия, предоставленные трем первым должностным лицам, назначенным королевой Хуаной, не указаны ни в одной из хроник или сборников законов, которые я изучил. Действительно, полномочия и юрисдикция совета никогда не были четко определены до издания постановлений от 23 августа 1543 года, известных как *ordenanzas de la casa*, которые не следует путать с *ordenanzas* других лет. Каждый день, кроме праздничных, совет должен был собираться для решения дел и проводить заседания в течение трех часов до полудня, а также по понедельникам, средам и пятницам во второй половине дня для отправки кораблей. Отсутствие на заседаниях влекло за собой в первую очередь потерю заработной платы, а в конечном итоге — потерю должности. Если этого времени было недостаточно для решения дел, они должны были уделять больше времени. Президент и судьи должны вести дела совместно; судья не может действовать в одиночку, за исключением случаев, когда дело передано ему всеми. Нотариус должен вести в своей книге учет часов отсутствия должностных лиц. Перед трибуной, на которой сидели судьи, по приказу были установлены скамьи для удобства *vizitadores*, или инспекторов кораблей, и других почтенных лиц, имеющих дела в суде и приглашенных трибуналом для участия в заседании. Власти Севильи не должны вмешиваться в рассмотрение и наказание преступлений, совершенных на борту кораблей, плывущих в Индию и из Индии. Если наказанием была смерть или калечение, преступник подвергался суду трех судей, членов совета, знающих закон. В гражданских делах частных лиц, относящихся к Индии, сторонам давалась возможность выбрать, представить ли свои споры на рассмотрение судей Индийского дома или обычного суда Севильи. Споры, возникавшие в связи с кораблекрушениями, потерей грузов и связанными с этим мошенничествами, передавались в Индийский дом (). Торговцы, занимавшиеся торговлей с Индией и проживавшие в Севилье, были уполномочены собираться и избирать приора и консула или консулов, консульство которых должно было называться *Universidad de los Cargadores á las Indias*, и проводить свои заседания в Casa de Contratacion. Ни один иностранец, его сын или внук не могли занимать эту должность. Это консульство рассматривало споры между этими купцами и факторами по вопросам, связанным с покупками, продажами, фрахтом, страхованием и банкротством, причем все они подчинялись обычному суду Индийского

дома. Апелляции подавались из консульства одному из обычных судей, ежегодно выбираемых для этой должности. Консульство могло обращаться к королю только через Casa de Contratacion, а правительственные депеши из Индии должны были направляться через совет. Поскольку единственной целью этих купцов было правосудие, а не хитрости или искажение доказательств, сторонам в судебных процессах перед консульством не разрешалось прибегать к услугам адвокатов. Для поддержания гармонии Casa de Contratacion должна была выполнять приказы *аудиенсии де градос* Севильи, если они считались соответствующими закону и действующим правилам совета. Сообщения от совета королю должны были подписываться совместно президентом и судьями, и ни одно письмо не могло касаться более чем одной темы. Все золото, серебро, жемчуг и драгоценные камни, поступающие из Индии, сначала должны были храниться в Доме Индии, а оттуда распределяться между владельцами. Доля короля должна была храниться в сейфе с тремя ключами, а если он был слишком мал, то в комнате с тремя ключами. Должны были храниться и другие сейфы, по одному для каждого вида имущества. Отчеты о поступлениях в Доме Индии должны были ежегодно представляться королю. Совет должен был представлять ежегодный отчет о своих расходах на *религиозных деятелей*, отправленных в Индию. Фелипе IV приказал совету взимать со всех кораблей и товаров, включая *пропорциональную* долю короля, расходы на их сопровождение туда и обратно. Таков был знаменитый Индийский дом в Севилье, скромный в своих начинаниях, могущественный в своих достижениях, через который в Испанию поступали почти сказочные богатства испанской Америки.

[\[V-14\]](#) *Recopilacion de Leyes de los Reynos de las Indias*, которую я широко использую при упоминании законов, принятых в Испании для регулирования дел Нового Света, является результатом нескольких предыдущих попыток компиляции. Первое издание в четырех томах было опубликовано в Мадриде по приказу Карла II в 1681 году, а четвертое издание в трех томах — под руководством Королевского и Верховного Совета Индий в 1791 году. Работа была направлена на то, чтобы воплотить все законы, действовавшие на дату соответствующих изданий, относящиеся к испано-американским колониям. Три тома разделены на девять книг, а каждая книга — на восемь-сорок шесть разделов. Первый раздел первой книги называется «*De la Santa Fe Católica*» (О святой католической вере) — тема, которая в то время не уступала по важности никакой другой. Фактически вся первая книга посвящена церковным и смежным вопросам. Вторая книга в основном касается судов и должностных лиц; третья — в значительной степени армии; четвертая — открытий и поселений; пятая — исполнительных и судебных органов; шестая — индейцев, включая обращение с ними, *repartimientos* и *encomiendas*; седьмая — преступлений и наказаний; восьмая — управления королевской казны; и девятая — Индийского дома и торговли в Индиях. Указом императора 1550 года, который был включен в постановления аудиенций 1563 года Филиппом II, было предписано, чтобы все *cédulas* и *provisiones* были *полностью* скопированы в книгу, предназначенную для этой цели, и чтобы к ней относились с большой осторожностью, а также чтобы указанные документы хранились в хронологическом порядке в архивах каждой аудиенции. В 1571 году Филипп II издал указ, который был включен в *Recopilacion* 1680 года, о том, что седулы и провизонес, касающиеся королевской казны, должны храниться в отдельной книге.

Самым ранним печатным сборником законов, касающихся исключительно Индий, является сборник *орденансов* для управления аудиенцией Мексики. Он был издан в 1548 году. В 1552 году по приказу вице-короля Перу Антонио де Мендоса был составлен аналогичный сборник для управления аудиенцией Лимы, но в то время он не был напечатан. Позже фискал Мексики Антонио Мальдонадо приступил к составлению сборника, которому он дал название *Repertorio de las Cédulas, Provisiones, i Ordenanzas Reales*, но, по-видимому, он так и не завершил свою работу, хотя королевская седула 1556 года уполномочивала его на это. После того как в 1552 году Франсиско Эрнандес де Лиебана, фискал Совета Индий, заявил о срочной необходимости такой работы, в 1560 году была издана королевская седула, предписывающая вице-королю Новой Испании Луису де Веласко подготовить и напечатать такие положения, которые действовали в юрисдикции аудиенции Мексики, что и было сделано в 1563 году под руководством Васко де Пуга, ойдора аудиенции. Франциско де Толедо, отправленный из Испании в 1569 году в качестве вице-короля Перу, получил приказ составить аналогичный сборник, охватывающий пределы его вице-королевства, но впоследствии было решено, что эту работу лучше

выполнить в Испании. Поэтому в 1570 году Филипп II приказал составить общий сборник законов и положений для управления Индиями, который должен был стать кодексом, в котором устаревшие законы были бы опущены, новые — добавлены там, где это необходимо, а противоречащие законы — согласованы. Из этой работы, по какой-то неудовлетворительно объясненной причине, вероятно, из-за смерти автора, было напечатано только название, относящееся к Consejo de Indias и его ordenanzas, хотя вся первая книга была подготовлена.

В 1581 году в Мадриде были напечатаны некоторые постановления, касающиеся Casa de Contratacion и ее судей; а в 1585 году были напечатаны другие постановления аналогичного характера, помимо *Leyes y Ordenanzas* для управления Индиями и постановлений 1582 года, касающихся отправки флотов в Новую Испанию и Tierra Firme, напечатанных в Мадриде; а в Гватемале были напечатаны *постановления* от 14 июля 1556 года, касающиеся *Universidad de los Mercaderes de Sevilla*. В 1594 году маркиз де Каньете, вице-король Перу, опубликовал в Лиме небольшой том постановлений, касающихся хорошего обращения с индейцами. Но поскольку необходимость в общем сборнике становилась все более очевидной, Диего де Энсинас, клерк в канцелярии королевского секретаря, получил приказ подготовить копию всех *провисонов, седул, карт, орденсанц и инструкций*, отправленных до 1596 года, и эта работа была напечатана в Мадриде в четырех фолиантах в том же году. Харрис ошибается, когда говорит, что эти тома были изъяты, поскольку не были санкционированы, поскольку их санкционирование не только четко указано собственноручной подписью короля в положении о вступлении в силу *Recopilacion de las Indias* от 18 мая 1680 года, где говорится, что Филипп II приказал Энсинасу выполнить эту работу, но что из-за их неверного расположения тома «aun no han satisfecho el intento de recopilar en forma conveniente», что ясно показывает, что они использовались до того времени. Вскоре после этого Альвар Гомес де Абаунса, ойдор аудиенции Гватемалы, а впоследствии *алькальде дель кримен* аудиенции Мексики, составил два больших тома под названием *Repertorio de Cédulas Reales*, которые не были напечатаны. А в Испании Диего де Соррилья предпринял попытку возродить проект *recopilacion de leyes*, сделав выдержки из Энсинасы и добавив законы более позднего периода; но, получив назначение на должность судьи аудиенции Кито, он оставил работу незавершенной и в рукописном виде. Другие предпринимали подобные попытки; я не смогу перечислить их все или дать полный список даже печатных сборников. Например, в 1603 году в Вальядолиде был опубликован фолиант под названием «*Ordenanças Reales del Consejo de Indias*» и еще один тонкий фолиант под названием «*Leyes y Ordenanças Nuevamente hechas por su Magestad, para la gouernaciõ de las Indias*»; позже появился фолиант под названием «*Ordenancias de la Casa de la Contratacion de Sevilla*» и еще один — «*Ordenancias Reales para el gobierno de los Tribunales de Contaduría Mayor en los Reynos de las Indias*». В 1606 году Эрнандо де Вильягомес начал систематизировать седулы и другие законы, касающиеся Индий; а два года спустя, когда президентом Совета был знаменитый граф де Лемос, Вильягомес и Родриго де Агиар-и-Акунья, член Совета Индий, были назначены в состав комитета по сбору законов; но ничего из этого не вышло, и даже Фернандо Каррильо не смог завершить их незаконченную работу. Хуан де Солорсано-и-Перейра, судья аудиенции Лимы, также начал сбор седул и отправил в Совет Индий первую книгу своего задуманного труда с названиями пяти других книг, которые он намеревался составить. В *королевском письме* ему поблагодарили за проделанную работу и поручили продолжить ее, отправляя каждую готовую книгу в Совет. У меня нет доказательств, что он так и поступил.

Все это время наша книга создавалась, и, по сути, еще 170 лет. Полная история этой одной работы могла бы заполнить целый том; очевидно, что в библиографической заметке, даже чрезмерно длинной, можно коснуться только наиболее заметных событий и инцидентов, связанных с ее созданием.

Теперь мы подошли к тому моменту, когда Антонио де Леон Пинело, судья в Индийском доме, представил Совету Индий первую и вторую книги, почти завершенные, своего *труда* «*Discurso sobre la importancia, forma, y disposicion de la Recopilacion de Leies de Indias*» («*Рассуждение о важности, форме и расположении Свода законов Индий*»), который был напечатан в одном томе, фолиантом, в 1623 году. На самом деле это была работа Энсинасы с добавлением некоторых седул. Между тем, похоже, что была проделана некоторая прямая официальная работа по компиляции, поскольку в 1624 году мы видим, что Совет поручил Пинело вступить в

контакт с хранителем материалов для компиляции. Пинело был также уполномочен изучить архивы Совета, и в течение двух лет он непрерывно занимался изучением около 500 рукописных томов седул, содержащих более 300 000 документов. В законе, санкционировавшем *Recopilacion de las Indias* 1680 года, говорится, что в 1622 году эта задача была поручена Родриго де Агиар-и-Акунья, вероятно, упомянутому хранителю. В 1628 году было решено напечатать для Совета краткое изложение завершенной части; так появились *Sumarios de la Recopilacion General de las Leies de las Indias*. После смерти Агиар-и-Акуньи Пинело работал в одиночку до 1634 года, когда Совет одобрил проделанную работу; и в следующем году этот неутомимый и ученый человек получил удовлетворение, представив завершенную «*Recopilacion de las Indias*». Работа была передана одному из членов Совета, Хуану де Солорсано-и-Перейре, который одобрил ее в 1636 году. В ходе этой компиляции было изучено и классифицировано более полумиллиона седул. Однако она так и не была опубликована, и в ходе задержки стала устаревшей, а в Испании и Америке были созданы новые материалы и частичные компиляции, некоторые из которых были напечатаны отдельными частями. В 1634 году были опубликованы «*Ordenanzas de la Junta de Guerra de Indias*» (Свод постановлений *Совета по делам Индий*); в 1646 году Хуан Диес де ла Калле составил и опубликовал для Совета по делам Индий в небольшом формате quarto мемориал, содержащий некоторые из седул «*Recopilacion*». Полезным подспорьем для изучения статистической географии Америки является чрезвычайно редкое издание «*Memorial y Noticias Sacras y Reales del Imperio de las Indias Occidentales*» (*Мемориал и священные и королевские новости Империи Западных Индий*). Автор: Хуан Диес де ла Калле, 1646 г., малый формат, 183 листа. Реестр испанских колоний, в основном государственных и церковных чиновников, городов, их богатства и примечательных объектов. Листы 41-132 относятся к юрисдикциям аудиенций Мексики, Гвадалахары и Гватемалы. В предыдущем году Калле, будучи помощником главного секретаря Королевского совета Индий, представил эту работу королю как «*Memorial Informatorio al Rey*», и в соответствии с его одобрением она была переиздана с добавлениями, как указано выше. Воодушевленный этим, он написал более подробную работу «*Noticias Sacras i Reales*» в двенадцати книгах, публикация которой была начата, но так и не завершена. Работа Пуги была продолжена в форме *Inventario cédulas*, относящихся к Новой Испании, изданных в 1567-1620 годах, рукопись была представлена секретарю департамента Новой Испании Совета Индий Франциско де Паррага, впоследствии ставшей частью коллекции Барсия. В 1647 году в Севилье появилась *Ordenanças Reales, para la Casa de Contratacion de Sevilla, y para otras cosas de las Indias*; в 1658 году Пинело опубликовал в Мадриде *Autos, acuerdos y decretos de gobierno del real y supremo consejo de las Indias*. В 1661 году в Мадриде был напечатан фолиант под названием *Ordenanzas para remedio de los daños, é inconvenientes que se siguen de los descaminos i arribadas maliciosas de los Navios que navegan de las Indias Occidentales*; а в 1672 году в Севилье была опубликована *Norte de la Contratacion de las Indias Occidentales* Иосифа де Веития Линаге. Дж. Стивенс перевел последнюю работу на английский язык и опубликовал ее в Лондоне в 1702 году.

Многочисленные и длительные периоды приостановки работы над «*Recopilacion de Indias*» между ее зарождением и рождением являются не менее примечательной чертой в истории этого труда, чем его многообразие истоков и побочных притоков. В 1660 году дело было передано королю, а затем направлено в последующие комитеты, в каждом из которых было несколько членов Совета, и все это находилось под надзором их последующих президентов, пока, наконец, 18 мая 1680 года королевский указ не сделал *Recopilacion de Indias* законом, а все противоречащие ему постановления не были признаны недействительными. Даже теперь о печати, по-видимому, сначала не думали. Было приказано изготовить две заверенные копии, одну для хранения в архивах Совета, а другую — в Симанкасе. Однако вскоре стало ясно, что этого недостаточно, и в 1681 году король приказал напечатать книгу под надзором Совета Индий, что и было сделано. Хотя «*Recopilacion de Indias*» несколько раз пересматривалась и хорошо выполняла свою миссию на протяжении более ста лет, фактически до конца господства Испании в Америке, время от времени в Испании и Америке появлялись несколько частичных сборников. Среди них были *Sumarios de las Cédulas ... que se han despachado ... desde el año 1628 ... hasta ... 1677*, напечатанные в Мексике в 1678 году; *Ordenanzas del Perú*, Лима, 1685; а также *Ordenanhas de Cruçada, para los Subdelegados del Perú; Reglamento y Aranceles Reales para el Comercio Libre de España à Indias*, 1778; *Teatro de la legislacion universal de España e Indias*, Антонио Хавьер Перес-и-Лопес, 28

томов, 4-й формат, Мадрид, 1791-8. В различных государственных и частных архивах Испании и испано-американских колоний хранятся рукописные сборники седул и компиляции по специальным темам.

[VI-1] Сначала мир не знал, как назвать вновь открытый регион на западе. Было достаточно легко дать названия островам по мере их открытия, но когда испанцы достигли континента, они не спешили давать ему общее название. Все было так неясно и неопределенно; острова принимали за континент, а континент — за острова. Простое выражение «Новый Свет», которое впервые прозвучало в восторженных возгласах европейцев, узнавших об успехе Колумба, на время стало общим названием. Более общим и более постоянным было название «Индия», возникшее из-за ошибочного предположения, что это была дальняя сторона или восточное побережье Индии, которое сначала применялось как к континенту, так и к островам, и которое прочно закрепилось как за народом, так и за страной. «Согласно наиболее вероятному мнению, которое проникло в те края, а также более широко распространилось в отношении этого нового открытого мира, название Западные Индии было дано для отличия от настоящих Индий, расположенных в Азии к востоку от нас между Индом и Гангом». *Nueva España, Brev. Res.*, MS. i. 3. По мере того как береговая линия континента расширялась и становилась известной как таковая, мореплаватели вполне естественно называли ее *tierra firme*, твердой землей, в отличие от островов, которые считались менее твердыми. И действительно, не только острова, но и жители островов непостоянны, поскольку луна является повелительницей вод. Как пишет Лас Касас в *Hist. Indias*, iii. 395: «La naturaleza dellos no les consiente tener perseverancia en la virtud, quier por ser insulares, que naturalmente tienen ménos constancia, por ser la luna señora de las aguas». Название Tierra Firme, сначала общее, со временем стало частным. Как обозначение неизвестного берега, оно сначала означало только континент. По мере открытий и лучшего понимания размеров этой твердой земли, новые ее части получали новые названия, и Tierra Firme стало местным названием вместо общего термина. Сначала был открыт остров Пария, и название закрепилось за ним; затем оно распространилось вдоль побережья до Дариен, Верагуа и далее до Коста-Рики, где, по крайней мере в отношении северного побережья, оно не имело четко обозначенной границы, и со временем перешло на Южное море, где это название обозначало соответствующую береговую линию. Лопес Ваз в книге «*Purchas, His Pilgrimes*», iv. 1433, говорит: «От этой земли Верагуа до острова Маргерита побережье называется *твердой землей*, не потому, что другие места не являются твердой землей, а потому, что это была первая твердая земля, которую испанцы завоевали после того, как прошли острова». В *Recop. de Indias*, i. 324, есть закон от 1535 года, повторенный в 1537, 1538, 1563, 1570, 1571 и 1588 годах, который помещает в пределы королевства Tierra Firme провинцию Castilla del Oro. Как политическое деление Tierra Firme существовала в течение долгого времени. Она включала провинции Дариен, Верагуа и Панама, последняя из которых также носила название Tierra Firme как провинция. Протяженность королевства составляла 65 лиг в длину и 18 лиг в наибольшей ширине, а в наименьшей ширине — девять лиг. На востоке оно граничило с Картахеной, заливом Ураба и его рекой; на западе — с Коста-Рикой, включая часть территории современной Коста-Рики; на севере и юге — с двумя морями. На картах *Novvs Orbis seu descriptionis Indiæ Occidentalis* Де Лаэта, 1633 г., и *Огилби «Америка»*, 1671 г., перешеек называется Tierra Firme. Вильягутьерре пишет в 1701 г., *Hist. Conq. Itza*, 12, «Tierra-Firme de la Costa de Paria, ò Provincia, que llamò de Veragua; principio de los dilatados Reynos de aquel Nuevo, y Grande Emisferio». Ни Гватемала, ни Мексика, ни какие-либо земли к северу от никогда не входили в состав Tierra Firme. Английские авторы часто применяют латинскую форму Terra Firma к этому разделению, что вводит в заблуждение.

Ранние испанские писатели были полны отвращения к неправильному названию «Америка». Писарро-и-Орельяна, *Варнес Ильвелес* в своем предисловии говорит о «Nueva, y riquissima Parte del Mundo, que se llama vulgarmēte America, y nosotros llamamos Fer-Isabelica»; и на протяжении всей своей книги автор, когда не использует термин «Nuovo Mundo», упорно называет Америку Fer-Isabelica, то есть Фердинанд и Изабелла, что было попыткой сменить название, столь же бесполезной, сколь и неудачной. Это было в 1639 году. Если для этих писателей XVII века название Колумбия, единственное подходящее для Нового Света, слишком сильно ассоциировалось с Генуей, они могли бы назвать его Пинсония, что было бы, по крайней мере, более уместно, чем воздавать честь холодным и скупым монархам. Жюль Марку, как и тысячи его соратников, ищущих славы

через глупость, пишет в *Atlantic Monthly* за март 1875 года, чтобы доказать, что название «Америка» произошло от горного хребта в Никарагуа, называемого туземцами «Америк», которое стало синонимом золотого материка, сначала на островах, а затем в Европе, пока наконец не достигло подножия Вогезов, где Вальдзее-Мюллер, или Нуласомыльс из Сен-Дие, путает его с именем Веспуччи и печатает в предисловии к «Путешествиям Веспуччи»: «И четвертая часть мира, открытая Америкусом, вполне может называться Америке, что означает «земля Америкуса» или «Америка». Если бы это название так рано и так широко применялось к Tierra Firme, то странно, что никто из многочисленных испанских писателей в Индии или в Испании не использовал его и не упомянул. Вильягутьерре в 1701 году одобряет усилия Писарро-и-Орельяны в 1639 году, говоря, *Hist. Conq. Itza*, 13, что Новый Свет должен был быть назван в честь католических монархов, «de cuya orden, y à cuyas expensas se descubrian». Далее он утверждает, сославшись на Симона, что Совет Индий еще в 1620 году обсуждал вопрос об изменении названия, но от этого отказался из-за связанных с этим неудобств. Аналогичным образом Ветанкурт в *Teatro Mex.*, 13-15, в 1698 году говорит, что название «Америка» должно быть стерто из истории, обращая внимание на буллу о разделе, изданную папой Адрианом VI, в которой новые земли упоминаются как «Западная часть» — только это был не Адриан, а Александр VI, который издал буллу, в которой, кроме того, нет такого термина, как «Западная часть», — и на основании этого утверждает, что «Indias Occidentales» было наиболее подходящим термином. О применении и происхождении названия «Америка» см. [гл. i. с. 123-5 настоящего тома](#).

[\[VI-2\]](#) Сейчас залив Дариен. Название Ураба впервые было применено к заливу Бастидасом или следовавшим за ним мореплавателями. Впоследствии территория на восточной стороне залива стала называться Ураба, а на западной — Дариен. На карте Петра Мартира «*Индия за Гангом*» 1510 года используется слово *vraba*; на глобусе Оронция 1531 года *Sinus vraba* применяется к заливу, а *vrabe* — к реке Аtrato. Пилестрина, *Мюнхенский атлас*, № IV, 1515 г., помещает *G: d epimeg* на южном конце залива, который изображен как очень широкий. Майоло, *Мюнхенский атлас*, № V, 1519 г., пишет *Vraba* маленькими буквами на южном конце; также слова *aldea, tera plana* и *Rio basso*.

[\[VI-3\]](#) Кастилья-дель-Оро в то время была лишь другим названием этой части Тьерра-Фирме. Затем Кастилья-дель-Оро стала провинцией Тьерра-Фирме; в *Recop. de Indias*, ii. 110 мы находим приказ императора от 1550 года: «que la Provincia de Tierrafirme, llamada Castilla del Oro, sea de las Provincial del Perú, y no de las de Nueva España». Провинция Верагуа и территория «за заливом Ураба, где проживал касик Симако», были объявлены в пределах правительства Tierra Firme. Хелпс, *Span. Conq.*, i. 400, называет карту той части Южной Америки, простирающейся от залива Маракайбо до залива Ураба, под названием Кастилья-дель-Оро. Я заметил ту же ошибку на нескольких ранних картах. Колон и Рибера называют Кастилья-дель-Оро только Жемчужное побережье. В *West-Indische Spieghel*, 1624, 64, страна между Аtrato и рекой, впадающей в залив Венесуэлы, называется Кастилья-дель-Оро. Гумбольдт, *Exam. Crit.*, i. 320, ошибочно сужает границы правительства Никуэсы до той «части суши, расположенной между Верагуа и заливом Ураба, где начиналось правительство Оходы»; ведь Наваррете ясно говорит в своей *Noticias biográficas del capitan Alonso Hojeda, Col. de Viages*, iii. 170, «Los límites de la gobernacion de Hojeda eran desde el cabo de la Vela hasta la mitad del golfo de Urabá, que llamaron nueva Andalucía; y los de la gobernacion de Diego de Nicuesa, que se le concedió al mismo tiempo, desde la otra mitad del golfo hasta el cabo de Gracias á Dios, que se denominó Castilla del Oro». Тот, кто некоторое время спустя получил от Педрариаса Давилы назначение «губернатором провинции Кастилия-дель-Оро в Дариене», печально заблуждается в географии Нового Света, когда пишет: *Наваррете, Col. de Viages*, iii. 337, «Очень большая часть земли, которая до сих пор называлась Tierra-firme, теперь по нашему приказу будет называться Кастилья-дель-Оро, и на ней наши люди основали поселение в заливе Ураба, который находится в провинции Дариен, которая в настоящее время называется провинцией Андалусия-ла-Нуэва, а поселение называется Санта-Мария-дель-Антигуа-дель-Дариен»; и снова на следующей странице: — «Кастилья-дель-Оро, при условии, что под этим названием не подразумевается и не понимается провинция Верагуа, управление которой принадлежит адмиралу Диего Колону, поскольку она была открыта его отцом, адмиралом, лично, а также земля, открытая Висенте Яньесом Пинсоном и Хуаном Диасом де Солисом, и провинция Пария». Овьедо достаточно четко обозначает границы, iv. 116: «Por la costa del Norte tiene hasta Veragua, que lo que con aquel corresponde en la costa

del Sur puede ser la punta de Chame, que está quince leguas al Poniente de Panamá, é desde allí para arriba seria Castilla del Oro hasta lo que respondiesse ó responde de Norte á Sur». В «*Descripcion Panamá*» в *Pacheco y Cárdenas, Col. Doc.*, ix. 82, говорится, что официальное название было *Provincia de Castilla del Oro y reino de Tierra Firme*, и так оставалось до начала XVII века, а затем *Bética áurea*, или *Castilla del oro*, написано в *Décadas, Pacheco y Cárdenas, Col. Doc.*, viii. 14.

[VI-4] И неудивительно, что возникли недоразумения по поводу седулы, разделяющей территорию такими словами, как «á vos el dicho Diego de Nicuesa en el parte de Veragua y el dicho Alonso de Hojeda en el parte de Urabá». *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 116.

Питер Мартир, dec. ii. cap. i., указывает, что у Никуэсы было 795 человек, а у Охеды — 300. Эррепа, dec. i. lib. vii. cap. xi., говорит, что 700 человек отплыли из Эспаньолы с Никуэсой, а 300 — с Охедой. «Не имея возможности из-за своей бедности подготовить экспедицию, Охеда, Коса и другие друзья наняли для него корабль и одну или две шхуны с двумя сотнями человек». *Noticias biográficas del capitan Alonso Hojeda, Navarrete, Col. de Viages*, iii. 170. Бензони, который не придает большого значения цифрам и точным датам, говорит в *Hist. Mondo Nvovo*, 37: «Охеда купил четыре корабля и нанял более четырехсот солдат за свой счет, и так он отплыл из Сан-Доменико».

[VI-6] «Bachiller», — говорит английский переводчик Бензони, — «имеет более широкое значение, чем наше слово bachelor, обозначая также низший рыцарский сан». Это ошибочное утверждение. Это слово имеет одинаковое значение в обоих языках. Правда, этот сан освобождает его обладателя от определенных обязанностей, таких как личная служба, военная и муниципальная, тюремное заключение за долги и т. д., и дает ему определенные привилегии, которыми пользуются дворяне. Но это не делает его дворянином. Следующая степень, степень лиценциата, дает еще больше привилегий, но даже она не дает рыцарского звания. Степень доктора, которая следует за степенью лиценциата и является самой высокой степенью, присуждаемой университетом, дает ее обладателю право добавлять к своему имени титул «дон» и ставит его почти во всех отношениях на один уровень с дворянами.

[VI-7] Слово «*alcalde*» происходит от арабского «*al cadi*», судья или губернатор. *Alcalde ordinario* ранее использовалось для обозначения должностного лица, непосредственно курирующего город или поселок, с правом рассмотрения судебных дел, за исключением дел лиц, пользующихся некоторыми привилегиями (*fuero*). *Alcalde mayor* означает судью, знающего закон, который осуществляет обычную юрисдикцию, гражданскую и уголовную, в городе или округе. Эта должность эквивалентна должности окружного судьи в Соединенных Штатах, а *audiencia* соответствует верховному суду. Однако в первые годы существовали *alcaldes mayores*, которые не были судьями или знатоками права; они управляли от имени короля городом или поселком, не являющимся столицей провинции.

Correhidor — магистрат, обладающий гражданской и уголовной юрисдикцией в первой инстанции (*nisi prius*) и губернаторской инспекцией в политическом и экономическом управлении во всех городах округа, закрепленного за ним. Были *corregidores letrados* (изучавшие право), *políticos* (политические), *de capa y espada* (плащ и меч) и *políticos y militares* (обладавшие гражданской и военной властью). Все они имели равную юрисдикцию. Когда *corregidor* или мэр не был юристом по профессии, если у него не было собственного *asesor*, *alcalde mayor*, обладавший юридическими знаниями, становился его советником, что значительно увеличивало важность последнего. Алькальде-майор назначался королем. Он должен был быть юристом по профессии, иметь двадцать шесть лет и хороший характер. Он не мог быть уроженцем района, в котором должен был исполнять свои функции, и не мог жениться на женщине из своего района. *Recop. de Indias*, ii. 113-27 и примечание. Столько о законе. На практике в подобных случаях, когда губернатор не был сведущ в законах, гражданские, уголовные и даже некоторые аспекты военной власти переходили к алькальду-майору, первые два — *по должности*, а последний — в качестве юридического советника военного начальника. В новых колониях этот чиновник наделялся полномочиями, почти равными полномочиям губернатора, хотя и другого рода.

[VI-8] Документ, подготовленный совместными усилиями церкви и государства для общего использования в Индиях, в котором излагались обязанности всех хороших дикарей перед их двойным главой Испании и Рима, а также перечень наказаний, которые следовали за неповиновением. Об этом подробнее ниже.

[VI-9] До сих пор в окрестностях реки Аtrato есть племена, которые никогда не были подчинены.

[VI-10] Я не могу найти это место ни на одной карте. Гомара, *Hist. Ind.*, 68, говорит: «Començo luego vna fortaleza, y pueblo, donde se recoger, y assegurar en el mismo lugar que quatro años antes lo auia comẽçado Iuan dela Cosa. Este fue el primer pueblo de Españoles en la tierra firme de Indias». Если автор относит свой первый город к прежнему визиту Хуана де ла Коса четыре года назад, я бы сказал, что это едва ли можно назвать попыткой поселения, тем более уже существующим городом. Если он намекает, что эта крепость Охеды была первым поселением, то он ошибается, поскольку Белен в Верагуа был до этого. Что бы он ни имел в виду, а это часто невозможно определить, в данном случае можно с уверенностью сказать, что он ошибается, поскольку Сан-Себастьян ни в коем случае не мог быть первым поселением на материке. Эррера пишет, i. vii. xvi.: «Он вошел в залив Враба и искал реку Дариен, которая среди индейцев была очень известна своим золотом и воинственным народом, но, не найдя ее, на холмах основал поселение, которое назвал Сан-Себастьяном, взяв его в защиту от стрел смертоносной растительности: y esta fue la segunda villa de Castellanos que se poblò, en todo la tierra firme, auiendo sido la primera la que començò a poblar el Almirante viejo, en Veragua». Слова того же смысла встречаются у *Наваррете, Col. de Viages*, iii. 172. Кажется довольно преждевременным называть эти тщетные попытки основанием городов.

[VI-11] Первый на материке, говорит Овьедо, но он забывает о высадке с той же целью Бартоломе Колона на мысе Гондурас в воскресенье, 14 августа 1502 года.

[VI-12] Когда Овьедо серьезно утверждает, что Рибера намеревался дезертировать и воровал у Белена, когда был схвачен Олано, он изо всех сил старается выдать явную чепуху за правду. Допустим, что они были бесчеловечными чудовищами, а они таковыми не были, куда же могли дезертировать четыре голодающих беспомощных несчастных на этом смертельном берегу?

[VI-13] Чагре, а не Чагрес, было названием местной провинции, через которую протекает эта река. Рядом с ее устьем впадают несколько небольших ручьев, и только ниже их слияния термин «Лагартос» применялся в течение какого-то времени. Альседо, *Dic.*, i., о реке Чагре говорит: «Lo descubrió el de 1527 Hernando de la Serna llamándole rio de Lagartos, y antes su boca Lope de Olano el de 1510». Овьедо комментирует это так: «Algunos han querido decir que los de aquesta armada le dieron este nombre, porque ninguna cosa viva saltaba de los navíos que en pressençia de la gente no se la comiessen luego muy grandes lagartos, lo qual se experimentó en algunos perros. Este rio es la boca del rio Chagre». *Hist. Gen.*, ii. 467. Акоста несколько неточен в своем утверждении, *Compend. Hist. Nueva Granada*, 34: «En la boca del rio Chagres, que entonces llamaban de los Lagartos por la multitud de caimanes que Colon habia visto en él». Ваз Доурадо в *Мюнхенском атласе*, № x., 1571, помещает в этой местности реку с названием *chi*. В *Мюнхенском атласе* № ix она обозначена как *Chiche*. Де Лаэт пишет *R. de Chagre*; Дампьер — *R. Chagre*; Джефферс — *R. Chagre* и *Ft. Chagre*.

[VI-14] Название, хорошо известное картографам, в те времена часто писалось на картах с особым правописанием. Так, Фернандо Колон пишет это название *nõbre*; Рибера — *nõb*; Агнезе — *nõmbre de dio*; Ваз Доурадо — *nõbre de dios*; Рамузио — *Nome de dio*; Хондиус в *Purchas* — *Nom de Dios*; Меркатор, Дампьер, Огилби, автор *West-Indische Spiegel*, Джефферс и их последователи, вопреки своей обычной практике, все пишут это слово правильно. Это место, как мы увидим далее, долгое время было известно как главный пункт на северном побережье Tierra Firme, через который проходили товары из Испании () и золото из Перу. Бензони в «*Hist. Mondo Nvovo*», 79, пишет: «Questa Città stà situata nel mare di Tramontana. Sogliono adunque communemente ogn'anno andare di Spagna al Nome di Dio, da quattordici, ò quindici naui, fra piccole, e grande, e la maggior porterà mille, e ottocento salme; cariche di robbe diuerse». Примерно столетие спустя Дампьер обнаружил место, где когда-то стоял город, заросшее деревьями. Его заброшенность была связана с отравленным воздухом, тем же

нездоровым климатом, который разрушил все ранние поселения на этом побережье, последнее из которых всегда считалось самым худшим.

[VI-15] Первоисточники для этой главы: *Real Cédula*, etc., в *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 116; *Memorial presentado al Rey por Rodrigo de Colmenares*, в *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 387; *Las Casas, Hist. Ind.*, ii. 61; *Oviedo*, ii. 465-78; *Noticias biográficas del capitán Alonso Hojeda*, в *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 163; *Gomara, Hist. Ind.*, 69; *Peter Martyr*, dec. ii. 2; *Herrera*, dec. i. lib. vii. cap. vii. Ссылка, в основном неважная, на деяния Охеды и Никуэсы может быть найдена в *Рамузо, Viaggi*, iii. 18-22; *Робертс, Nar. Voy.*, xviii.-xix.; *Dalton's Conq. Mex. and Peru*, 37-38; *Montanus, Nieuwe Weereld*, 62-65; *Morelet, Voy. dans l'Amérique Cent.*, ii. 300-1; *Laharpe, Abrégé*, ix. 160-84; *Ogilby's Am.*, 66-67, 397; *Марч и Лаборец, «Marina Española»*, i. 391-402; *Хуан и Уллоа, «Voy.»*, i. 94; *Акоста, «Compend. Hist. Nueva Granada»*, 26-36; *Ремесаль, «Hist. Chyapa»*, 163; *Андагойя, «Nar.»*, 4-5; *«Nouvelle An. des Voy.»*, cxlviii. 7-10; *Дюфе, Résumé Hist. Am.*, i. 66-71, 371-75; *Хелнс, Span. Conq.*, i. 295-334; *Гордон, Hist. Am.*, ii. 62-72; *Холмс, Annals Am.*, i. 29-30; *Ларднер, Hist. Discov.*, ii. 37-40; *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, ii. 57; *Quintana, Vidas, «Vasco Nuñez»*, 1-10, и «Pizarro», 42-43; *Robinson's Acct. Discov. in West*, 171-95; *S. Am. and Mex.*, i. 12-14; *Сноуден, «Америка»*, 70-1; *Робертсон, «История Америки»*, i. 191-95; *Ирвинг, «Колония»*, iii. 66-31; *Рассел, «История Америки»*, i. 43-8; *Дрейк, «Путешествие»*, 155-58; *Лондонское географическое общество, Журнал*, xxiii. 179; *Дю Перье, «Общая история путешествий»*, 110-13; *Писарро и Орельяна, «Varones Ilustres»*, 53-61; *Бензони, «История Mondo Nvovo»*, 36-47; *Морелли, «Fasti Novi Orbis»*, 14; *Бастидас, «Informacion»*, в *Пачеко и Карденас, «Col. Doc.»*, ii. 439; *Декадас, в Пачеко и Карденас, Col. Doc.*, viii. 14; *Меса и Леонпарт, Hist. Am.*, i. 85-86; *Турон, Hist. Gen. Am.*, i. 275-87; *Лаллеман, Geschichte*, i. 22.

[VII-1] Назван так первыми поселенцами Антигуа, вероятно, из-за того, что он находится на другой стороне залива от них, в направлении страны карибов. Сейчас он известен как Пунта-Аренас. На некоторых картах обозначены две точки, и каждой из них дано одно из этих названий.

[VII-2] Овьедо, ii. 426, говорит, что с помощью некоего Уртадо Васко Нуньес был спрятан в парусе корабля.

[VII-3] «Название *Дариен* (*Dariena* или *Tarena*), по-видимому, произошло от индейского названия большой реки Аtrato, впадающей в залив Ураба. Первым завоевателем, который вошел в этот залив, был Бастидас в 1501 году. Неизвестно, видел ли он реку Дариен и привез ли ее название в Европу. Известно только, что название реки Дариен уже упоминается в документах и договорах о разделе между Никуэсой и Охедой в 1509 году». Коль, «Две старейшие общие карты Америки», 116. На карте Петра Мученика «Индия за Гангом» 1510 года она обозначена как *tariene*; на глобусе Оронция 1531 года залив называется *Sinus vraba*, река — *vrabe*, а перешеек — *furna dariena*. Сальват де Пилестрина, *Мюнхенский атлас*, № iv., 1515, помещает на западной стороне залива Ураба слово *dariem*. Майолло, *Мюнхенский атлас*, № v., 1519, называет это место *daryen*; Фернандо Колон, 1527, пишет *darien*; Диего де Рибера, 1529, *darië*; *Мюнхенский атлас*, № vi., 1532-40, *dariem*; Ваз Доурадо, 1571, *dariem*; Роберт Торн, в «Путешествиях Хаклюита», *Darion*; *Атлас Меркатора*, 1569; *West-Indische Spieghel*, 1624; *Карта Америки Огилби*, 1671; Дампьер, 1699, и последующие картографы дают нынешнюю форму.

[VII-4] Огилби, *Ат.*, 66, высказывает смутное представление об этом факте, когда говорит: «Ансис, преследуя, нашел в зарослях тростника или камыша великое сокровище из золота».

[VII-5] «De que hoy no quedan ni vestigios», — говорит Акоста. Я также не нахожу на ни одной из карт, имеющих в моем распоряжении, города Санта-Мария, Антигуа или Дариен, под которыми это место было несколько раз обозначено. Пуэрто-Эрмосо, расположенный Колоном на юго-западной оконечности залива Ураба, *p: hermoso*, а также Рибера, *po hmoso*, предположительно был якорной стоянкой Энсисо и гаванью Антигуа. Овьедо, i, 4, пытается закрепить за этим местом название *Ла-Гардия*, запутывается так, что уже не может выпутаться. «En la cibdad del Darien (que tambien se llamó antes la Guardia) é despues santa Maria del Antigua».

[VII-6] *Carta dirigida al Rey por Vasco Nuñez de Balboa desde Santa María del Darien, 20 de Enero de 1513*, в *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 358. То, что Энсисо был справедливо представлен как тщеславный и поверхностный человек, подтверждается ссылкой на его книгу «*Suma de Geographia*», 2, в которой он не колеблется покровительственно относиться к юному императору, «чья молодость не позволила ему много читать по географии». «Por tanto yo Martin Fernandez de Enciso alguazil mayor dela tierra firme delas Indias occidentales llamada castilla dl oro. Desseando hazer algun seruicio a vuestra. s. c. m. que le fuesse agradable y no menos prouechoso, cōsiderando que la poca edad de vuestra real alteza no ha dado lugar a que pudiesse leer los libros que dela geographia hablan». А то, что он был столь же жестоким и фанатичным, как и его менее образованные товарищи, мы можем узнать из того, что он сам написал королю, *Пачеко* и *Карденасу*, *Col. Doc.*, i. 449, о вождях, которые держали мужчин, одетых как женщины, и использовали их в этом качестве, «и когда я взял Дариен, мы схватили и сожгли их, и когда женщины увидели, как они горят, они проявили радость». Сравните *Овьедо*, ii. 425-27, 472-76; и iii. 7; *Эррера*, dec. i. lib. viii. cap. v.-vii.; и lib. ix. cap. l; или, если кто-то предпочитает голландский язык, *Эсквебель, Aankomst*, 30-8, в *Гомфруде, Reysen*, i; *Акоста, Compend. Hist. Nueva Granada*, 33-8; *Drake's Voy.*, 157-58; *Norman's Hist. Cal.*, 10; *Patton's Hist. U. S.*, 11; *Ogilby's Am.*, 399; *March y Labores, Marina Española*, i. 413-23; *Benzoni, Hist. Mondo Nvovo*, 41-5; *Harper's Mag.*, xviii. 468; *Bidwell's Panamá*, 27-28; и *Heylyn's Cosmog.*, 1087.

[VII-7] Как я уже отмечал ранее, существовали алькальды различных деноминаций, обязанностей и юрисдикций. В новых открытых землях, когда глава экспедиции не заключал с королем договора о назначении властей, поселенцы собирались и избирали одного или нескольких алькальдов и регидоров. Алькальд, в отсутствие губернатора или военного начальника, председательствовал в муниципальном совете, состоящем из регидоров, которые управляли муниципалитетом, или *регименто*, как его тогда называли. Алькальд также был исполнительной властью, исполняя функции судьи, с первоначальной юрисдикцией во всех гражданских и уголовных делах, за исключением тех, которые касались коренных жителей. В отсутствие алантадо он был, таким образом, главным должностным лицом, а когда губернатор был присутствовал, алькальд был вторым. Алькальды в новых поселениях и в ранние времена отличались от тех, которые были созданы позднее. Их обязанности охватывали чрезвычайные ситуации. В данном случае, если бы Энсисо продолжал исполнять обязанности алькальда-майора, регидоры все равно могли бы быть избраны для ведения дел муниципалитета, и в этом случае алькальды не были бы избраны, поскольку Энсисо сам бы председательствовал.

[VII-8] Регидоры, или члены муниципального совета, избирались жителями района или округа. Города имели право на двенадцать, поселки — на шесть, а деревни или небольшие поселения — на три или даже меньше.

[VII-9] Название испанского поселения на полпути между мысом де ла Вела и Картахеной, которое иногда применялось к территории в этом районе.

[VII-10] *Procurador de la ciudad*, впоследствии называвшийся *síndico procurador*, а еще позже *síndico*, был должностным лицом муниципального совета, в обязанности которого входило следить за соблюдением городских постановлений, представлять интересы города в суде и защищать его в любых судебных разбирательствах, выполняя функции городского прокурора, а также иметь место в общем совете города.

[VII-11] Бензони утверждает, что после отправления из Антигуа Никуэса некоторое время следовал вдоль побережья, но однажды, высадившись на берег за водой, он был схвачен каннибалами, которые захватили судно и съели людей. «E così Niquesa molto dolente se ne parti, e per quella costa andando salto in terra per piglior acqua, e su da paesani ucciso, e poi mangiato con tutti i suoi compagni, e questo su la fine della vita di Diego di Niquesa, con la sua armata di Veragua». *Hist. Mondo Nvovo*, i. 47. Некоторое время ходила история, что они были выброшены на берег Кубы, где все погибли, оставив надпись на дереве: «Здесь закончилась жизнь несчастного Никеса». Лас Касас и Эррера, однако, считают, что его корабль затонул в море. «Algunos imaginaron que aportò a Cuba, y que los Indios le mataron, porque andando ciertos Castellanos por la isla hallarõ escrito en un arbol: Aqui feneciò el desdichado Nicuesa: pero esto se tuvo por los hombres mas verdaderos, por falso, porque los primeros que entraron en Cuba, afermaron nunca aver oydo tal nueva. Более вероятным было считать, что, поскольку его корабль был так плохо загружен, а моря в тех краях бурные и беспокойные, то море легко поглотило его, или же он погиб от голода и жажды». Эррера, i. viii. viii. Но его судьба навсегда останется тайной; он один из многих, чьи мечтательные надежды были похоронены под этими водами; один из многих, кто, покинув дом с оптимистичными ожиданиями, отплыл через эти моря в поисках золота или приключений, чтобы больше никогда не вернуться! После неудачи легко найти ошибку. Многие из несчастий Никуэсы не были вызваны какими-либо ошибками, и все же его несчастья привели к проявлению недостатков вместо благородных качеств.

[VIII-1] Овьедо, ii. 477, явно ошибается, говоря о более чем шестистах.

[VIII-2] «Il Baccelliero non poteva mostrare le Reali sue prouisioni per bauerle per dute nella naue, che si ruppe nel Golfo d'Vraua». Бензони, *Hist. Mondo Nvovo*, i. 47. Некоторые говорили Петру Мартиру, что Энсисо был наказан провидением за то, что посоветовал изгнать Никуэсу.

[VIII-3] Мартин Фернандес де Энсисо впервые прибыл в Индию с Бастидасом. После некоторого времени успешной юридической практики в Санто-Доминго он был соблазнен, как мы уже видели, Охедой принять участие в этой экспедиции, получив обещание должности алькальда-майора. Хотя по профессии он был мелким адвокатом, он тем не менее обладал достоинствами и способностями в других областях. В Дариене, несмотря на свои в целом благие намерения, он не смог успешно справиться с более проницательными умами, закаленными опытом Нового Света. После возвращения в Испанию он опубликовал работу под названием «*Suma de geografiã q̃ trata de todas las partidas & prouincias del mundo: en especial de las indias, y trata largamēte del arte del marear: Juntamete con la esphera en romãce: con el regimiento del Sol & del norte: nueuamente hecha*» (Свод географии, посвященный всем частям и провинциям мира, в особенности Индиям, и подробно рассматривающий искусство мореплавания: вместе с шаром в романе: с правилом Солнца и Севера: вновь составленный). Как следует из названия, книга представляет собой сборник по всеобщей географии, в котором рассматриваются все части света, включая и то немного, что было известно о Индии в то время. Часть, посвященная Новому Свету, в значительной степени основана на его собственных наблюдениях. И все же она слишком похожа на обычные сводки того периода, чтобы иметь большую ценность. Первая треть работы посвящена науке географии, с астрономическими таблицами и кратким изложением ранней истории Испании. Затем приводятся физические особенности Испании и Европы в целом, и, наконец, беглый рассказ об Азии, Африке и Америке. Она была напечатана в Севилье немцем Якобом Кромбергером в 1519 году. Другие издания появились в 1530 и 1546

годах. Мое издание датировано 1530 годом, часть, посвященная Америке, занимает последние восемь листов книги. Библиографы считают эту книгу первой книгой о Новом Свете, напечатанной на испанском языке. «*Livres curieux, parce qu'il est le premier traité de géographie impr. en Espagne, où l'on trouve des détails sur l'Amérique*» (Книга любопытная, потому что это первый трактат по географии, напечатанный в Испании, где можно найти подробности об Америке). Брюне, «*Manuel du Libraire*» (Справочник книготорговца). «По-видимому, первая книга, напечатанная на испанском языке и посвященная Америке». Руч, *Bibliotheca Americana Vetus*. «L'ouvrage rare et très remarquable». Гумбольдт, *Examen Critique*, iv. 306. «Великий гидрограф и исследователь, его работа имеет неоценимое значение для ранней географической истории континента». Хэппус, *Bibliotheca Americana Vetustissima*. Наваррете говорит: «Энсисо написал очень любопытную статью о том, могли ли испанские конкистадоры иметь и владеть индейцами, в отличие от доминиканских монахов, которые утверждали, что нет, и выступили против отправки экспедиции Педрариаса Давилы под предлогом того, что король не мог отправлять таких завоевателей». А в своем «*Эпито́ме*» Пинело замечает: «Он рассматривает в своей «*Сумме географии искусства мореплавания, сферы и четырех частей света, особенно Индии, и является первым, кто напечатал географическое произведение о них*». Действительно, последнее было сказано в 1738 году, и последующие библиографы повторяли это.

[VIII-4] Определение см. [в главе XV, примечание 1, в этом томе](#).

[VIII-5] Это была *cárcel*, то есть тюрьма или тюремная камера. В недавно основанных городах и в некоторых сельских деревнях, где тюрьмы не строились, было принято сооружать небольшое ограждение на площади возле *casa consistorial*, или муниципального зала, в котором содержались заключенные до отправки в столицу провинции или в другое место для суда. Лица, осужденные за мелкие муниципальные правонарушения, также заключались в эту тюремную камеру. Внутри были колодки, чтобы лучше удерживать опасных преступников.

[VIII-6] В народном языке *acogerse á santuario*, или *acogerse á sagrado*, или *tomar iglesia* — защита, предоставляемая преступникам, которые искали убежища в церкви или другом священном приюте. Поскольку мы часто будем сталкиваться с этим обычаем в этой истории, я кратко расскажу, что это было. Хорошо известно, что с древнейших времен, как в языческих, так и в иудейских обществах, существовало право убежища, или право святилища, в той или иной степени измененное временем, вплоть до наших дней. В испано-американских колониях оно было в моде еще четверть века назад. Первоначально эта идея подразумевала право апелляции от суждения людей к справедливости Бога. Говорят, что сам Создатель показал пример, поставив на Каине, первом убийце, знак, чтобы никто не мог убить его; а Моисей и Иисус Навин, по божественному повелению, основали города-убежища, куда некоторые невольные преступники могли бежать и найти безопасность. Позже основатели городов предлагали убежище преступникам с целью увеличения населения. Этому обычаю в определенной мере приписывают существование или, по крайней мере, важность Афин, Фив и других городов. Вместо того чтобы сделать весь город убежищем, иногда для этой цели выделяли определенную местность; так, согласно преданию, одним из первых действий Ромула при подготовке к строительству своего города было выделение Палатинского холма в качестве места убежища. Священные рощи были убежищами, а также храмы богов и религиозные дома. В частности, рощи греков, Эрехтейон в Афинах, храм Артемиды в Эфесе и храм Аполлона в Милете. С приходом христианства, чтобы усилить свое влияние, духовенство обеспечила эту привилегию для своих церквей. Во времена Константина все христианские церкви предоставляли убежище, а Феодосий II включил в это право все дома, принадлежащие церкви, с их дворами и садами. Во Франции и Испании защиту предоставляли не только церковь и ее окрестности, но и все часовни, монастыри, аббатства, кладбища, гробницы, кресты, короче говоря, все религиозные памятники. Часто в церкви рядом с алтарем для беженцев устанавливалась каменная скамья, называемая камнем мира. Священники уверяли людей, что если они нарушат это право, их постигнут страшные бедствия. Однако постепенно эта практика сошла на нет. Хотя преступника нельзя было силой вытаскивать из церкви, его можно было выманить оттуда, заморить голодом или выкурить. Затем более отвратительные преступники, такие как еретики и убийцы, были лишены защиты, и количество таких мест было сокращено. Климент XIV в 1772 году ограничил их количество до одного или двух в каждом городе, хотя никто, укрывавшийся под крышей церкви, не мог быть вытаскен оттуда без приказа

церковного судьи. Право церквей предоставлять защиту мелким правонарушителям было признано спустя долгое время после того, как духовенство стало по обычаю выдавать злостных преступников для наказания. Как мы видели, суеверие уважалось в диких землях Нового Света раздраженными колонистами Дариена. Англия тоже не была от него свободна; и по сей день во Франции и Шотландии есть места, такие как аббатство и дворец Холируд, где должник не может быть арестован (). Хороший трактат о праве убежища и иммунитете религиозных лиц и мест см. в *Vazquez, Chronica de Gvat.*, 288 и далее.

[VIII-7] Питер Мартир, dec. ii. cap. iv., считает, что Вальдивия увез 300 фунтов золота. По словам его старомодного английского переводчика: «Этот фунт весом в восемь унций испанцы называют Marcha, что по весу соответствует пятидесяти золотым монетам, называемым Castellani, но кастильцы называют фунт Pesum. Мы приходим к выводу, что общая сумма составляла 15 тысяч монет из золота, называемых кастельяни. И таким образом, из этого счета видно, что они получили от варварских королей тысячу пятьсот фунтов по восемь унций в фунте: все это они нашли в готовом виде в виде различных украшений, таких как цепочки, браслеты, таблички и пластины, которые можно было носить на груди, а также на ушах и носу.

[VIII-8] Квинтана считает, что сумма была слишком мала или что она так и не дошла до него, поскольку, как показали события, Пасамонте проявил себя не менее дружелюбным к Энсисо, чем враждебным к Васко Нуньесу. Испанцам, похоже, никогда не приходило в голову, что государственный чиновник может отказаться от взятки. В данном случае Пасамонте действительно оказал предпочтение Васко Нуньесу.

[VIII-9] Мы увидим повсюду, от Дариена до Аляски, индейские города и провинции, часто называемые по имени правящего вождя. Например, авантюристы и географы, знавшие только имя вождя, называли его деревню деревней Кареты или Каретой, а его страну — страной Кареты или Каретой. Майолло в 1519 году пишет на своей карте, где должна быть провинция Карета, *aldea de machin*; а рядом на северо-западе — *P. scatozes*. Ваз Доурадо в *Мюнхенском атласе*, № x и xi, 1571 год, обозначает провинцию как *careta*; Де Лаэт, 1633, дает *Careta*; Джефферс, 1776, *Pta Carata*; и Киперт, 1858, *Pto Carreto*. Альседо упоминает реку *Careti*. «De la Provincia y Gobierno del Darien y Reyno de Tierra-Firme: nace en las montañas del N. y sale al mar en la Ensenada de Mandinga».

[VIII-10] Картографы указывают — Vaz Dourado, *comogra*, De Laet, *Comagre* и *Pta de Comagre*, «который, по словам Кейперта», говорит Гольдшмидт, *Cartography Pac. Coast*, MS. i. 67; «насколько я могу определить, сейчас это *P. Mosquitos*».

[VIII-11] Питер Мартир, dec. ii. cap. iii., говорит, что это здание имело размеры 150 на 80 шагов. См. [Bancroft's Native Races, i. 758](#).

[VIII-12] «Estas palabras célebres», говорит Кинтана, «conservadas en todas las memorias del tiempo, y repetidas por todos los historiadores, fueron el primer anuncio que los españoles tuvieron del Perú». *Vasco Nuñez de Balboa*, 13. К этому я хотел бы заметить, во-первых, что не известно наверняка, что Панчако имел в виду Перу, и, во-вторых, что Колумбу были сделаны подобные неопределенные намеки, которые историки относят к Перу.

[VIII-13] Это по свидетельству Эрреры. Гомара оценивает долю короля в 20 000 дукатов, а Бернал Диас — в 10 000 песо де oro.

[VIII-14] Странная история Агилара приводится *Гомарой*, *Hist. Mex.*, 21-22; *Торквемадой*, i. 371; *Когольюдо*, *Hist. Yucathan*, 24-9; и *Эррерой*, dec. ii. lib. vii. cap. v. Он пробыл в плену семь лет.

[VIII-15] Это имя по-разному переводится как *Дабайбе*, *Дабайбе*, *Давайве*, *Дайбаба*, *Абибе*, *Абибеа* и *д'Абайбе*. «Auch der Rio Atrato wurde nicht selten *Rio Dabeyba* genannt. Das 'D' im Anfang dieses Namens ist nur eine Abbreviatur

von 'de,' und das Wort sollte wohl eigentlich: *d'Abaibe* geschrieben werden.» *Kohl, Beiden ältesten karten*, 125. На картах этот регион обозначен как Колон и Рибери, *Дабайбе*, на южной оконечности залива, а Де Лаэт указывает *Монтанас-де-Абибе*.

[VIII-16] Аtrato впадает в несколько каналов, один из которых назывался Рио-дель-Дариен, один — Рио-Гранде-де-Сан-Хуан, один — Рио-де-лас-Редес, по ловушкам или сетям, которые там использовались для ловли диких животных, один — Рио-Негро, по цвету его воды. Испанцы часто прочесывали эти места в поисках пищи и золота.

[IX-1] Гальвано говорит о 290, что для него довольно близко к истине. Овьедо указывает число 800, которое, вероятно, включало в себя и коренных жителей, добавленных позже.

[IX-2] Испанцы, должно быть, имели довольно точную информацию от туземцев о ходе южного побережья, хотя в то время между северным и южным побережьями было мало связи. Но без таких знаний Бальбоа, естественно, предпринял бы восхождение по реке Аtrato, которая течет прямо с юга, а не плыл бы на северо-запад на некоторое расстояние, прежде чем пытаться пересечь ее. Прямой марш к заливу Сан-Мигель, отклонение от которого почти удвоило бы расстояние, является еще одним доказательством того, что он получил наиболее достоверную информацию до или во время марша.

[IX-3] Энсисо, *Suma de Geographia*, 57, называет эту страну «*tierra rasa y buena de muchos mätenimientos y caças*» («равнинная и плодородная земля, богатая пропитанием и дичью»). «Опыт показал, что перемещение достаточного количества людей, которые могли бы служить защитной силой и перевозить необходимые припасы, сопряжено с большим риском и значительной задержкой». *Исследование Дарьена, проведенное Гисборном*, в «*London Geog. Soc., Jour.*, xxvii. 193. «Недавно индейцы помешали мистеру Хопкинсу подняться по реке Чепо в направлении Мандинги или залива Сан-Блас; доктор Каллен был также остановлен аборигенами, когда пытался подняться по реке Пайя... *Климат и коренное население* в настоящее время являются единственными серьезными препятствиями для регулярного исследования». *Fitz-Roy's Isth. Cent. Am.*, в *London Geog. Soc., Jour.*, xx. 161. «Панамская железная дорога — самое грандиозное сооружение, учитывая чрезвычайно болотистый характер местности, по которой она проложена». *Cullen's Darien*, 95. О преодоленных препятствиях при съемке и строительстве Панамской железной дороги см. *Otis' Isthmus Panama*, 15-36. Климат склонен «к крайней влажности в течение двух третей года, дожди начинаются в *анпеле*». *Defence of the Scots Settlement at Darien*, 64. На реке Аtrato «деревья подходят к самому краю русла, над которым нависают их ветви. Деревья часто скрыты густыми зарослями лиан, которые полностью их окружают, и при определенном освещении создают игру цветов, сравнимую только с самой богатой бархатной тканью... Но, как перья и бархат в похоронном шествии, они служат лишь для того, чтобы скрыть и украсить разложение. За ними простирается, далеко, зараженное болото, через мрачные дебри которого даже птицы отказываются летать, и чью тишину нарушает только вздох ветерка или угрюмое рычание бродячего тигра. Ядовитые рептилии часто падают в лодки с ветвей над головой; часто встречаются и доставляют неудобства осиные гнезда; вдоль берегов тянутся естественные дамбы из мягкой грязи. Наводнения являются обычным явлением, и дома строятся на сваях». *Траутвайн*, в *Franklin Inst., Jour.*, xxvii. 220-4. В 1853 году немецкий натуралист Карл Шерцер, путешествуя по Коста-Рике с гражданским инженером и отрядом из тридцати двух человек, попытался провести изыскания для прокладки дороги от Ангостуры до залива Лимон; но из-за нехватки провианта, болезней и трудностей маршрута они не достигли своей цели; и, продвинувшись на восемь лиг от места назначения, они были вынуждены вернуться, пройдя всего десять лиг за две недели. См. *Wagner and Scherzer, Costa Rica*, 358-407. В декабре того же года группа под руководством Дж. К. Превоста с корабля Н. М. S. *Virago* вышла из залива Сан-Мигель с провизией на четырнадцать дней в залив Каледония на противоположной стороне перешейка. Их маршрут в основном совпадал с маршрутом Васко Нуньеса на обратном пути. Поднимаясь по реке Сабана, внимание капитана Превоста привлекли обломки на нависающих ветвях, которые отмечали высоту воды, достигаемую в определенные сезоны. Густая листва оживлялась птицами с ярким оперением; яркие цветы покрывали землю ковром; а болтливые обезьяны, которых они стреляли в больших количествах, служили

пищей для проводников. Страна даже тогда была такой же дикой, как и во времена Васко Нуньеса; однако туземцы заменили свое деревянное оружие на огнестрельное. Болота и холмы сменяли друг друга, и «густой был лес, через который мы прорубали себе путь». Затем флора изменилась, и «вместо небольшого подлеска мы наткнулись на почти непроходимые заросли колючих пальм или алоэ, высотой более шести футов, через которые мы с большим трудом прорубали себе путь». Они пересекли «глубокие овраги, чьи крутые и скользкие склоны стали причиной многих падений». В конце концов попытка была прекращена. Возвращаясь, по прибытии в один из своих ранчо или лагерей, где оставили трех матросов для охраны провианта, они обнаружили, что люди убиты, а лагерь разграблен. «Наше путешествие было настолько утомительным, — говорит капитан Превост, — что мы потратили пятнадцать дней на преодоление расстояния чуть более двадцати шести миль, вынужденные пробираться медленно и с трудом через леса, которые, казалось, простирались от побережья Тихого океана до побережья Атлантического. Деревья огромных размеров, были оплетены лианами и паразитическими вьющимися растениями, которые свисали гирляндами с дерева на дерево, образуя почти непроходимую сеть и вынуждая нас прорубать себе путь топорами на каждом шагу». *London Geog. Soc., Jour.*, xxiv. 249. Ничто не может лучше проиллюстрировать трудности, преодоленные испанцами, чем этот рассказ о неудаче, написанный британским офицером XIX века, который действовал в гораздо более благоприятных условиях, чем те, которые с таким успехом преодолела группа плохо экипированных и плохо питающихся авантюристов более трехсот лет назад. Имея перед собой эти материалы, я мог бы привести еще много подобных примеров, но я привел достаточно, чтобы показать, что переход через перешеек небольшой группой европейцев по неизвестному или неисследованному маршруту и сегодня считается отчаянным предприятием.

[IX-4] *Carta dirigida al Rey por Vasco Nuñez de Balboa desde Santa María del Darien*, in *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 368.

[IX-5] Стратегия, которая продолжается на протяжении веков. «Индейцы, хотя и не проявляя прямой враждебности, покидали свои деревни при нашем приближении». *Gisborne's Survey of Darien, London Geog. Soc., Jour.*, xxvii. 193.

[IX-6] Среди собак, сопровождавших экспедицию, была одна, принадлежавшая командиру, чья родословная, физические и метафизические черты, а также подвиги были подробно зафиксированы современными историками. Его звали Леонсико, маленький лев, потомок Бесеррико с острова Сан-Хуан. Он был рыжего цвета с черной мордой, среднего размера и необычайной силы. В своих поисках пропитания Леонсико считался одним человеком и получал капитанскую плату и долю добычи. На этих условиях его хозяин часто одалживал его, и во время войн в Дариене он принес Васко Нуньесу более тысячи песо де oro. Его считали более эффективным, чем лучший солдат, и дикари испытывали к нему величайший страх. Он легко различал диких и ручных индейцев. Когда из полей пропадал пленник и Леонсико говорили: «Он сбежал, ищи его!», собака выслеживала бедного беглеца и не причиняла ему вреда, если он возвращался спокойно, но если индеец сопротивлялся, собака убивала его. Герой многих сражений, он был покрыт ранами, но, как Цезарь, он избежал войн, чтобы встретить смерть от коварных рук. Его отравили. См. *Овьедо*, iii. 9-10.

[IX-7] Опять же, в важной дате наблюдается общее расхождение, и, следуя своему обыкновению, я руководствуюсь мнениями авторитетов, которых считаю наиболее надежными. Овьедо следит за экспедицией день за днем, отмечая места и даты; и он говорит, iii. 10: «Y un martes, veynte é cinco de septiembre de aquel año de mill é quinientos y trece, á las diez horas del día», в 10 часов утра. Так же пишет Гомара, *Hist. Ind.*, 77: «Vio Valboa ala mar del Sur a los veynte y cinco del Setiembre del año de treze»; и Лас Касас, *Hist. Ind.*, iv. 109: «Llegaron á la cumbre de las más altas sierras á 25 días de Setiembre de dicho año de 1513;» и Эрпера, i. x. i.: «A veynte y cinco de Setiembre, deste año, de donde la mar se parecia.» Внимательные авторы, следующие этим первым авторитетам, также правильно указывают день, как Гумбольдт, *Exam. Crit.*, i. 319, который говорит: «Васко Нуньес де Бальбоа увидел Южное море 25 сентября 1513 года с вершины Сьерра-де-Квареква»; и Акоста, *Compend. Hist. Nueva Granada*, 50: «Esto pasó el día 25 de setiembre del año de 1513 poco antes de medio día y forma una de las épocas notables en el descubrimiento de la América»; и Квинтана, *Vidas de Españoles Célebres*, «Balboa», 20: «25 de setiembre»; и Шевалье,

L'Isthme de Panama, 15: «Le vingt-cinquième jour, le 25 septembre»; и Кэмпбелл, «*Hist. Span. Am.*», 23: «25 сентября»; и Хелпс, «*Span. Conq.*», i. 361: «25 сентября»; и т. д. В связи с этим Ирвинг в своей книге «Колумб», iii. 198, проявляет грубую небрежность, когда пишет «26 сентября». В его поддержку выступают Рамузио, который в «*Viaggi*», iii. 29, повторяет ошибку Петра Мартира «alli ventisei adunque di Settembre», и Дю Перье, *Cen. Hist. Voy.*, 139, а также, повторяя его ошибку, Далтон, *Conq. Mex. and Peru*, 43, и множество других. Не столь часто упоминаемое, как путешествия Колумба, это открытие Васко Нуньеса, хотя и почти столь же значимое. После Овьедо и Ласаса, вероятно, лучший первоисточник дает Петр Мученик. Эррера копировал все, что было до него. Следующие популярные описания в большинстве своем скудны и ненадежны: *Nouvelles An. des Voy.*, cxlviii. 11-12; *Goodrich's Man upon the Sea*, 201-8; *Voyages, New Col.*, i. 180-6; *World Displayed*, i. 153-9; *Monson's Tracts*, в *Churchill's Voy.*, iii. 372; *March y Labores, Marina Española*, i. 413-50; *Dufey, Résumé Hist. Am.*, i. 75-86; *Gottfriedt, Neue Welt*, 239-41; *Juarros, Guat.*, 122; *Монтанус, Nieuwe Weereld*, 66-72; *Огулбу, Am.*, 69-72; *Норман, Hist. Cal.*, 10-11; *Паммон, Hist. U. S.*, 11; *Пум, Gate of Pacific*, 99; *Хэзлумм, Gold Fields*, 3; *Робертс, Nar. Voy.*, xx.; *Isth. Panama*, 5; *Humboldt, Essai Pol.*, i. 17; *Lallement, Geschichte*, i. 25; *Bidwell's Panamá*, 23-7; *Andagoya's Nar.*, 19; *Galvano's Discov.*, 123-4; *Cavanilles, Hist. España*, v. 290-1; *Greenhow's Mem.*, 22; *Farnham's Adv.*, 119; *Fédix, L'Orégon*, 67-8; *Span. Emp. in Am.*, 23; *Burney's Discov. South Sea*, i. 8-9; *Niles' S. Am. and Mex.*, 14-15; *Kerr's Col. Voy.*, ii. 67-8; *Colton's Jour. Geog.*, № 6, 84; *Douglas' Hist. and Pol.*, 44; *Holmes' Annals Am.*, i. 32-3; *Inter-Oceanic Canal and Monroe Doct.*, 11; *Hesperian*, ii. 27-33; *Lardner's Hist. Discov.*, ii. 40-1; *Harper's Mag.*, xviii. 469-84; *Macgregor's Prog. Am.*, i. 10-11; *Mofras, L'Orégon*, i. 88-9; *Ovalle, Hist. Rel. Chile*, в *Pinkerton's Col.*, xiv. 142-4; *Mesa y Leompart, Hist. Am.*, i. 88-94; *Mavor's Am. Hist.*, xxiv. 52-5; *Holinski, Cal.*, 62-4; *Benzoni, Hist. Mondo Nvovo*, 47-8; *Morelli, Fasti Novi Orbis*, 15; *Rivera, Hist. Jalapa*, i. 20.

[IX-8] Свидетельство с шестьюдесятью семью именами, приведенное Овьедо, iii. 11-12, гласит следующее: «Diré aquí quién fueron los que se hallaron en este descubrimiento con el capitan Vasco Nuñez, porque fué servicio muy señalado, y es passo muy notable para estas historias, поскольку именно христиане первыми увидели то море, как подтверждает Андрес де Вальдеррабано, который был там, королевский писец и уроженец города Сан-Мартин-де-Вальдейгелас, чье свидетельство я видел и читал, и который сам показал его мне. А после смерти Васко Нуньеса он умер вместе с ним, и его документы также перешли в мое владение, и в них было написано следующее: «Рыцари, дворяне и благородные люди, которые участвовали в открытии Южного моря вместе с великолепным и очень благородным господином капитаном Васко Нуньесом де Бальбоа, губернатором от имени Их Высочеств на материке, являются следующими: «В первую очередь, господин Васко Нуньес, который первым из всех увидел это море и показал его нижеперечисленным лицам. Андрес де Вера, священник; Франциско Писарро; Диего Альбитес; Фабиан Перес; Бернардино де Моралес; Диего де Тексерина; Кристоаль де Вальдебусо; Бернардино де Сьенфуэгос; Себастьян де Грихальба; Франциско де Авила; Йохан де Эспиноса; Йохан де Веласко; Бенито Буран; Андрес де Молина; Антонио де Баракальдо; Педро де Эскобар; Кристоаль Даса; Франциско Песадо; Алонсо де Гуадалупе; Эрнандо Муньос; Эрнандо Идальго; Хоан Рубио де Мальпартида; Альваро де Боланьос; Алонсо Руис; Франциско де Лусена; Мартин Руис; Паскуаль Рубио де Мальпартида; Франциско Гонсалес де Гуадалкама; Франциско Мартин; Педро Мартин де Палос; Эрнандо Диас; Андрес Гарсия де Хаэн; Луис Гутьеррес; Алонсо Себастьян; Хоан Вегинес; Родриго Веласкес; Хоан Камачо; Диего де Монтеэрмосо; Хоан Матеос; Маэстре Алонсо де Санктиаго; Грегорио Понсе; Франсиско де ла Това; Мигель Креспо; Мигель Санчес; Мартин Гарсия; Кристоаль де Робледо; Кристоаль де Леон, серебряник; Хоан Мартинес; Вальденебро; Хоан де Беас Лоро; Хоан Ферроль; Хоан Гутьеррес де Толедо; Хоан де Портильо; Хоан Гарсия де Хаэн; Матео Лосано; Хоан де Медельин; Алонсо Мартин, астуриано; Хоан Гарсия Маринеро; Хоан Гальего; Франсиско де Ленти, сицилиано; Хоан дель Пуэрто; Франсиско де Ариас; Педро де Ордуња; Нуффо де Олано, де колор негро; Педро Фернандес де Ароче». Андрес де Вальдеррабано, писарь Его Высочеств при их дворе и во всех их королевствах и владениях, присутствовал и подтверждаю это, и говорю, что в общей сложности шестьдесят семь человек, эти первые христиане, увидели Южное море, с которыми я находился и считаю себя одним из них; и этот был из Сан-Мартин-де-Вальдейгелас.

[IX-9] Эррера называет второго Бласом де Атьенса, но этого имени нет в списке Овьедо. Ирвинг ссылается на Эррера, но не воспроизводит его текст правильно. Сравните *Овьедо*, iii. 11-12; *Эррера*, i. x. ii.

[IX-10] Как мы уже видели, форма вступления во владение или заявления о правах собственности на земли, захваченные европейцами, различается в зависимости от разных первооткрывателей и от одного и того же первооткрывателя в разное время. Иногда отправлялась месса, иногда воздвигался крест, иногда произносилась молитва, которая, как говорят, была предписанной формой, используемой Колумбом, Васко Нуньесом, Кортесом и Писарро: Domine Deus æterne et omnipotens, sacro tuo verbo cœlum, et terram, et mare creâsti; benedicatur et glorificetur nomen tuum, laudetur tua majestas, quæ dignita est per humilem servum tuum, ut ejus sacrum nomen agnoscatur, et prædicetur in hac altera mundi parte. Но всегда это захват, будь то испанцами, англичанами, французами или голландцами, и независимо от того, сопровождался ли он какими-либо формальностями, сопровождался громким провозглашением перед Богом и людьми о совершившемся в тот момент и в том месте деянии. Это объявление делалось с обнаженным мечом командиром группы, захватившей владение, и иногда сопровождалось бросанием земли в четыре стороны света, как это было принято и как это делается сейчас в испаноязычной Америке при передаче судебного владения при предоставлении земель и установке королевского знамени. Все присутствующие призывались засвидетельствовать этот акт, который совершался от имени и по поручению суверенной власти, признаваемой группой. Затем нотариус или, если его не было, клерк или лицо (лица), назначенное для выполнения этой функции, записывало то, что было сделано, и каждый член группы подписывал этот документ. Примеров можно привести бесконечно много. Мы видели, что сделал Колумб в одном или двух случаях, и как поступил Васко Нуньес на горе, возвышающейся над Панамским заливом. То, что я только что привел в тексте, является дословным переводом речи Бальбоа, обращенной к четырем углам Тихого океана, как сообщается в *Овьедо*, iii. 11-12. В начале смысл речи оратора достаточно ясен, но ближе к концу он впадает в многословность. Вероятно, он имел в виду, захватывая это море или ту его часть, на которую его правители в будущем могли бы претендовать, папскую буллу, которая делила языческий мир между Испанией и Португалией, а также желание избежать любых слов и действий, которые могли бы нанести ущерб испанским претензиям. Приводится подробный отчет о захвате провинции Паке на тихоокеанском побережье перешейка к западу от Панама в 1519 году Педрариасом Давилой. Группа стояла у входа в бухту, в присутствии двух нотариусов, священника, нескольких капитанов, солдат и моряков, а также командира. Сначала Педрариас призвал нотариусов и всех присутствующих засвидетельствовать действия, которые он собирался совершить. Затем он взял в правую руку белый шелковый флаг с изображением Девы Марии и, подняв его над головой, все преклонили колени; прозвучала труба, и командир громким голосом произнес следующую молитву: «О, Матерь Божья, успокой море и сделай нас достойными быть и двигаться под твоей защитой. Да будет угодно Тебе, чтобы под твоей защитой мы могли открыть эти моря и земли южного моря и обратить их народы в нашу святую католическую веру». После молитвы Педрариас произнес длинную речь, объявив о владении в обычной форме, аналогичной той, которую использовал Васко Нуньес, перемежая ее различными действиями в подтверждение своих слов. Он объявил о возобновлении ранее взятого владения, особенно «владения *vel casi* всего побережья новой земли и южного моря, а также всех портов, заливов, бухт и рейде... будучи, как я есть, от имени их высочеств и как их генерал-лейтенант на упомянутом побережье упомянутого южного моря, от камней рек до листьев лесов, питаюсь травой и пью воду, и разрушая, опустошая и вырубая леса упомянутого побережья, на упомянутом месте и в провинции Паке». В знак владения и захвата, гражданского, естественного и физического, он продолжил: «Я поднимаю этот королевский штандарт упомянутой королевы Доньи Хуаны и короля Дона Карлоса, ее сына, наших господ, который из красного дамаста, на котором нарисован и отпечатан королевский герб их высочеств упомянутых королей, наших господ»; затем трубачам было приказано заиграть; после чего все вместе с Педрариасом сказали: «Кастилья-дель-Оро и Тьерра-Фирме, и новые земли, и южное море, и их побережья, и остров и острова, и все земли и провинции, которые могут быть в них, для высочайшей и прославленной королевы доньи Хуаны, нашей госпожи, и короля дона Карлоса, ее сына, нашего господина; и после них для их преемников в Кастилии». «Все эти новые земли и южное море и его побережье, и вся Tierra Firme, и королевства Кастилия-дель-Оро, и все, что к ним примыкает и принадлежит, и все, что было или может быть в будущем открыто в них, принадлежит и должно принадлежать королевской короне Кастилии, и вы должны засвидетельствовать, как я, Педрариас Давила, от имени упомянутых королей, наших господ, и их преемников на королевскую корону Кастилии, рублю деревья и кошу траву на упомянутой земле, вхожу в воды упомянутого южного моря, физически стоя на ногах в

нем, и закрепляю новые земли и воды упомянутого южного моря». Снова зазвучали трубы, и Педрариас снова громко повторил свои претензии; он призвал нотариусов засвидетельствовать в качестве дополнительного доказательства их владения, что четыре корабля были построены и плавали по южному морю. Еще один звук труб и трижды повторенная доксология «Viva la muy alta é muy poderosa reyna doña Juana» и т. д. завершили церемонию. *Testimonio de un acto de posesion que tomó el Gobernador Pedrarias Dávila*, в Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., ii. 549-56. Хотя этот обычай был распространен с самого начала, Филипп II счел лучшим в 1568 году издать указ, согласно которому все капитаны и другие лица, открывшие какой-либо остров или материк, должны были при высадке на берег вступать во владение от имени короля. *Recop. de Indias*, ii. 7.

[IX-11] Колон дает *g. de san migel*; Агнесе, *G. de S. miguell*; Ваз Доурадо, *Caо Мигель*; Меркатор, *С. Мигель*; Хондиус, в «Окружении мира» Дрейка, Майкл; Огилби, Ам., Г. С. Мигель; Якоб Колом, Г. дель С. Мигель; Джефферс, Г. де С. Мигель, и впадающие в него реки Канти, Саванас, Конго.

[IX-12] Только через несколько лет после этого открытия название «Тихий океан» было применено к какой-либо части океана; и в течение долгого времени после того, как только некоторые его части были так названы, эта часть сохранила первоначальное название «Южное море», так названное потому, что оно находилось к югу от его первооткрывателя. Надписи на ранних картах здесь имеют важное значение. С этого момента и до середины XVII века большая часть Тихого океана обозначалась как *Oceanus Indicus Orientalis*, или *Mar del Sur*, а Атлантический океан, расположенный напротив перешейка, назывался *Mar del Norte*. Иногда репортеры называли Южное море *La Otra Mar*, в отличие от *Mare Oceanus* Хуана де ла Коса или *Oceanus Occidentalis* Птолемея, как тогда называли Атлантический океан. Действительно, Атлантический океан еще некоторое время не был широко известен под этим названием. Шёнер в 1520 году, как и Птолемей в 1513 году, называет его *Oceanus Occidentalis*; Гринаус в 1532 году — *Oceanus Magnus*; Апиан, появившийся в «Космографии» 1575 года, хотя, как полагают, нарисованный в 1520 году, — *Mar Atlicum*. Роберт Торн в 1527 году в «Путешествиях» Хаклюита пишет *Oceanus Occiden*. Бордоне в 1528 году — *Mare Occidentale*; Птолемей в 1530 году — *Oscean Occidentalis*; Рамузио в 1565 году в *Viaggi*, iii. 455, у берегов Центральной Америки — *Mar del Nort*, а в большом океане, как на севере, так и на юге — *Mar Ociano*; Меркатор в 1569 году к северу от тропика Пака — *Oceanus Atlanticvs*; Хондиус, 1595, *Mar del Nort*; *West-Indische Spiegel*, 1624, *Mar del Nort*; Де Лаэт, 1633, *Mar del Norte*; Джейкоб Колон, 1663, *Mar del Nort*; Огилби, 1671, *Oceanus Atlanticum*, *Mar del Norte* и *Oceanus Aethiopicus*; Дампьер, 1699, *Северное или Атлантическое море*. Португальская карта 1518 года, *Мюнхенский атлас*, iv., является первой, на которой я видел название, примененное к Тихому океану; и там оно дано, как я уже отмечал в другом месте, как *Mar visto pelos Castelhanos*, Море, увиденное испанцами. На картах Баптиста Агнеше, Валлара де Диеппа, Диего Омема и других используется название *Mar del Sur*, но буквы нанесены мелкими шрифтом и, по-видимому, относятся только к водам между Перу и Гватемалой. На глобусе Мартина Бехайма 1492 года мы заметили множество островов, разбросанных поодиночке и группами, расположенных между береговыми линиями Западной Европы и Восточной Азии. В той части глобуса, где должен быть изображен северный Тихий океан, находятся слова *Oceanus orientalis Indie*. На глобусе Иоганна Шёнера 1520 года два континента Америки изображены с проливом, разделяющим их в месте перешейка. Большой остров *Зипангри*, или Япония, лежит примерно на полпути между Северной Америкой и Азией. К северу от этого острова, примерно в том же месте, что и на глобусе Бехайма, нанесены слова *Orientalis Oceanus*, а к тому же океану к югу от экватора применены слова *Oceanus Orientalis Indicus*. Диего Оме, в 1558 году, обозначил на своей карте большой водоем к северо-западу от *Terra de Florida* и к западу от Канады и назвал его *Mare leparamantium*. Ни Майоло, ни Ваз Доурадо не дают названия ни одному из океанов. Колон и Рибера называют Южное море *Mar del Svr*. В «Путешествиях» Хаклюита мы находим, что Роберт Торн в 1527 году написал *Mare Australe*. Птолемей в 1530 году помещает рядом с Магеллановым проливом *Mare pacificum*. Рамузио в 1565 году в «*Viaggi*», iii. 455, у берегов Центральной Америки помещает *Mar del Sur*, а у пролива Магеллана — *Mar Oceano*. Меркатор в своем атласе 1569 года явно помещает у пролива Магеллана *El Mar Pacifico*, а в большом море у берегов Центральной Америки — *Mar del Zur*. На карте Хондиуса, около 1595 года, в «Дрейкском кругосветном путешествии», общий термин *Mare Pacificum* применяется к Тихому океану, слова написаны большими буквами и простираются через океан напротив

Центральной Америки, а под ними мелкими буквами написано *Mar del Sur*. Это явно ограничивает название Южное море узкой местностью, даже на эту дату. На карте Хондиуса, *Purchas, His Pilgrimes*, iv. 857, южная часть Тихого океана называется *Mare Pacificum*, а центральная часть — *Mar del Sur*.

[IX-13] В своей работе «*Novus Orbis*, i.» Де Лаэт вставляет карту, на которой он помещает Тумако к северу от Чиалеса. К северу от Тумако находится Куарека. Северный мыс *Г. де С. Мигель* он называет *P^{ta} de Гарачине*. Здесь впадает река Конгос. См. *Goldschmidt's Cartography Pac. Coast*, MS. ii. 5.

[IX-14] Колон и Рибера обозначают группу у: *de perlas* и у^a *de plas*; Ваз Доурадо, *I^{ta} de perollas*; *West-Indische Spieghel*, *I Perles*; De Laet, *I^{as} de Perlas*; Jacob Colom, *I de Perlas*; Jefferys, *I del Rey или Perlas, Toboga*, I. Keipert в 1858 году называет группу *Archipelago de las Perlas*, а самый большой остров, который Бальбоа назвал *Isla Rica*, *I. S. Miguel*; другие острова группы он называет *I. Св. Эльмо, И. Галера, И. Пахарос, И. Чапера, И. Контрадора, И. Пачека, И. Сабоба, И. Байонета, И. Педро Гонсалес и И. С. Хосе*. «Поскольку главный остров имел несколько хороших защищенных якорных стоянок, он вскоре стал местом встречи и отправной точкой для флотов, отправлявшихся из Панамского залива на открытие Запада (Никарагуа) и Юга (Перу). Кроме того, ее возвышенность всегда служила ориентиром для всех флотов, отправлявшихся из Панамы». *Коль, Две старейшие карты*, 104.

[IX-15] Сабана. См. [примечание 3](#) к этой главе.

[IX-16] Из бессвязных повествований, составляющих основу истории Центральной Америки, невозможно с уверенностью определить местонахождение этих двух деревень. Так, о Покоросе Васко Нуньес в письме королю говорит: «*Está un cacique que se dice Comogre y otro que se dice Pocososa, estan tan cerca de la mar el uno como el otra;*» а о Тубанаме: «*Hase de hacer otra fuerza en las minas de Tubanamá, en la provincia de Comagre*». *Carta por Vasco Nuñez в Navarrete, Col. de Viages*, iii. 366, 369.

[IX-17] Сто тысяч кастельяно, говорит Гомара. «Я перенес много трудностей и голода, привез без жемчуга более ста тысяч кастельяно из чистого золота и надежду, возвращаясь туда, обрести большее богатство, чем когда-либо видели рожденные, и этим он был столь же тщеславен, сколь и смел». *Hist. Ind.*, 82.

[X-1] Согласно Овьедо, iii. 4, «брат Йохана Ариаса Давила, который впоследствии стал первым графом Пуньоенростро».

[X-2] Хотя в народе оно никогда так не называлось. «*Gobernar á Castilla del Oro en la Tierra Firme*», пишут летописцы; но в своих инструкциях король говорит, *Наваррете, Col. de Viages*, iii. 343, «*é agora la mandamos llamar Castilla Aurifia*». Овьедо, iii. 4, дает Педрариасу обширные владения, от мыса де ла Вела до Верагуа и от океана до океана; «*señalándole por gobernación desde el Cabo de la Vela hasta Veragua, y desde estos limites, que son en la costa del Norte, corriendo la tierra adentro hácia la parte austral, todo aquello que oviesse de mar á mar, con las islas que en ello concurriessen*».

[X-3] «Кайседо и Кольменарес прибыли в Испанию в мае 1513 года; дата назначения Педрариаса — 27 июля 1513 года, поэтому весьма вероятно, особенно с учетом того, что Энсисо и его жалобы достигли испанского двора раньше этих представителей, что назначение губернатора было решено до их прибытия». *Helps' Span. Conq.*, i. 373. См. *Título de Capitan general y Gobernador de la provincia del Castilla del Oro en el Darien, expedido por el Rey-Católico á Pedrarias Dávila, в Navarrete, Col. de Viages*, iii. 337.

[X-4] Лицензиат Суасо в письме к М. Де Ксвру, *Пачеко и Карденасу, Col. Doc.*, i. 304-32, оценивает стоимость снаряжения в 40 000 дукатов; Лас Касас, *Hist. Ind.*, iv. 138, в 54 000 дукатов; «*y lo que en aquel tiempo se hizo y suplió con 54 000 ducados es cierto que hoy no se supliera con 158 000 castellanos*». Бальбоа в своем письме королю от 16 октября 1515 года подразумевает, что стоимость составила 40 000 песо де оро. *Наваррете*, iii. 377.

[X-5] Эррера, i. x. vii., и Паскуаль де Андагойя, *Relacion de los sucesos de Pedrarias Dávila, в Наваррете, Col. de Viages*, iii. 393, говорят о 1500 человек и девятнадцати кораблях; Гомара, *Hist. Ind.*, 84, семнадцать кораблей; Гальвано,

Discov., 125, семь кораблей. Питер Мартир, iii. v., указывает количество кораблей в семнадцать, с 1200 назначенными людьми; но утверждает, что тайно или иным образом отплыли 1500, а 2000 остались в печали и вздохах, которые с радостью бы отправились за свой счет. Овьедо, который, как можно было бы подумать, должен был знать, поскольку был одним из них, в одном месте, iii. 22, свидетельствует о двадцати двух «наосах и каравелах» и 2000 человек, а в другом месте, iv. 473, о семнадцати или восемнадцати.

[X-6] Иказбальсета в *Dic. Univ.*, i. 429, говорит, что она была двоюродной сестрой маркизы, которая была большой фавориткой королевы Изабеллы.

[X-7] Назначен преемником Хуана де Кайседо, «que iba proveído en el oficio de Veedor de las fundiciones del oro de la Tierra Firme». *Хосе Амадор де лос Пуос, Vida de Oviedo*, в *Oviedo*, i. xxii. Кайседо умер в Севилье перед отплытием. Обязанности этой должности заключались в пробирке и клеймении золота, а также в управлении пятой частью королевских доходов. Овьедо был также *escribano general*, или главным нотариусом Tierra Firme.

[X-8] Или, как говорится в Овьедо, iii. 22, «con título de obispo de Sancta Maria de la Antigua é de Castilla del Oro».

[X-9] Гонсало Фернандес, писавший из Санто-Доминго 25 октября 1537 года Совету Индий, *Пачеко и Карденасу, Col. Doc.*, i. 522-9, говорит, что этот приказ оказался недействительным, «pues que los que lo habian de ejecutar lo disimulaban», поскольку те, кто должен был его исполнить, притворялись. Однако в течение некоторого времени ни один адвокат не имел права выступать в Индиях, а алькад-майор выступал от имени обеих сторон и в конечном итоге принимал решение на основании доказательств; «sentenciaba por aquel por quien en el pleito habia mejor hablado».

[X-10] *Instruccion dada por el Rey á Pedrarias Dávila para su viage á la provincia de Castilla del Oro, que iba á poblar y pacificar con la gente que llevaba*, в *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 342-55; *Las Casas, Hist. Gen.*, iv. 139-42; *Herrera*, ii. i. xiii.

[X-11] Хелпс, *Span. Conq.*, i. 385, и Ирвинг, iii. 230, говорят о 12 апреля. Робертсон, *Hist. Am.*, i. 207, осуждает Фердинанда за возвышение Педрариаса и унижение Васко Нуньеса; в этом ученый историк полностью не прав. Мы, знающие заслуги Васко Нуньеса, можем быть склонны простить его ошибки, но король, с точки зрения правителя, не мог поступить иначе, как сместить неизвестного авантюриста, виновного в незаконных эксцессах.

[X-12] Пять или шесть месяцев спустя Педрариас возбудил официальное разбирательство, чтобы доказать его неподчинение. Народ роптал против такого поспешного правосудия и приписывал его прежней неприязни губернатора к этому человеку. Овьедо, iii. 25. Часть судов вернулась в Испанию; несколько старых и изъеденных червями кораблей были затоплены в заливе Ураба; один затонул в море во время обратного плавания, экипаж спасся на Эспаньоле. Овьедо, iv. 471-3; *Эррера*, ii. i. vii.; *Андагойя, Nar.*, 1-3; *Рамузио, Viaggi*, iii. 208.

[X-13] Васко Нуньес играл в отчаянную игру, и хотя до этого момента успех был переменным, в конце концов он был уверен, что все обернется против него. Согласно Лиценциадо Суазо, *al muy ilustre señor Monsieur de Xevres*, в *Пачеко и Карденас, Col. Doc.*, i. 312-13, Пасамонте был виновен в двуличии, то принимая подарки от Бальбоа и писая королю в его пользу, то поддерживая настойчивые усилия Энсисо против него.

[X-14] *Capitulo de casta escrita por el Rey-Católico á Pedrarias Dávila, sobre los medios de facilitar la comunicacion entre la costa del Darien y la mar del sur, y que para continuar en él los descubrimientos se hagan allí tres ó cuatro carabelas*, в *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 355-7.

[X-15] *Carta de Vasco Nuñez*, в *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 375. Овьедо перечисляет следующих вождей, с которыми Бальбоа заключил мир: Карета, Понка, Карека, Чиापес, Кукера, Хуанага, Бонанимана, Текра, Комагре, Покороса, Букебука, Чуйрика, Отоке, Чорита, Пакра, Тенока, Тубанама, Теаока, Тамака, Тамао и другие. Лиценциадо Суасо говорит, *Пачеко и Карденас, Col. Doc.*, i. 315, что Васко Нуньес своей разумной политикой завоевал около тридцати вождей.

[\[X-16\]](#) От высочайшего и могущественного католического защитника Церкви, всегда торжествующего и никогда не побеждаемого, великого короля дона Фернандо, пятого по счету, короля Испании, обеих Сицилий, Иерусалима, Индий, островов и материков океанского моря, укротителя варварских народов; и от высочайшей и могущественной дамы, королевы доньи Хуаны, его дорогой и любимой дочери, наших повелителей; я, Педрариас Давила, их слуга, посланник и капитан, уведомляю и сообщаю вам, как могу, что Бог, наш Господь, единый и триединый, сотворил небо и землю, и одного мужчину и одну женщину, от которых вы и мы и все человечество произошли и были зачаты, и все те, кто придут после нас. Но из множества людей, появившихся из этого поколения за пять тысяч и более лет с момента сотворения мира, некоторым пришлось пойти одним путем, а другим — другим, рассеявшись по многим королевствам и провинциям, так как в одном они не могли бы выжить и сохраниться.

Все эти народы Бог, наш Господь, поручил одному человеку, называемому Святым Петром, чтобы он был князем, господином и начальником над всеми людьми в мире, которому все должны были повиноваться, и чтобы он был главой всего человеческого рода, где бы ни жили или находились люди, и каким бы ни было их право, секта или вероисповедание; и ему дан весь мир для его царства, господства и юрисдикции. И хотя ему было велено поместить свой престол в Риме, как наиболее подходящем месте для управления миром, ему также было позволено находиться и поместить свой престол в любой другой части мира и судить и управлять всеми народами, христианами, маврами, евреями и язычниками, какой бы секты или веры они ни были. И его называли Папой, то есть Восхитительным, Верховным, Отцом и Хранителем, потому что он является отцом и хранителем всех людей. И этот святой Петр был послушным и почитаемым как господин и царь, верховный во вселенной, теми, кто жил в то время, так же как и другие, которые после него были избраны на понтификат, были так же уважаемы, и так продолжается до сих пор и будет продолжаться до конца света.

Один из понтификов, который унаследовал титул принца и повелителя мира, престол и вышеупомянутое достоинство, подарил эти острова и твердую землю океанского моря упомянутому королю и королеве, нашим суверенам, и их преемникам, со всем, что на них находится, как это видно из определенных документов, составленных для этой цели, которые вы можете увидеть, если пожелаете. Таким образом, в силу упомянутого дарения их высочества являются королями и господами этих островов и твердой земли и как таковые были признаны, им подчинялись и служили жители почти всех островов, которым было направлено уведомление, которые по-прежнему подчиняются им и служат им, как подобает подданным; и по своей свободной воле, без сопротивления, немедленно, без промедления, как только были проинформированы о вышеуказанном, они подчинились и признали ученых и монахов, которые были посланы их высочествами проповедовать и учить нашей святой католической вере; сделав это по своей свободной и спонтанной воле, без какого-либо давления или условий; и они стали христианами и являются таковыми в настоящее время, и их высочества приняли их с радостью и благосклонностью и приказали, чтобы с ними обращались во всех отношениях как с их собственными подданными и вассалами; и вы обязаны поступать так же. Поэтому я, как могу, молю вас и прошу вас хорошо понять то, что я вам сказал; уделить время, необходимое для того, чтобы понять это и обдумать; и признать Церковь верховной госпожой вселенной, а верховного понтифика, называемого папой, и короля и королеву, занимающих его место, монархами и верховными правителями этих островов и суши в силу вышеупомянутого дара, а также согласиться и позволить этим религиозным отцам объяснять и проповедовать вам, как указано выше. Если вы так поступите, вы поступите правильно и сделаете то, что вы обязаны и должны сделать, и их высочества, а я от их имени, примут вас со всей любовью и милосердием; и ваши жены, дети и имущество будут оставлены вам без обременений, чтобы вы могли поступать с ними и с собой так, как вам угодно. Вы не будете принуждаться к принятию христианства, за исключением случаев, когда, узнав истину, вы пожелаете обратиться в нашу святую католическую веру, как почти все жители других островов. Кроме того, их высочества предоставят вам много привилегий и льгот и окажут вам много милостей. Но если вы не поступите так или злонамеренно затянете с этим, я завещаю вам, что с Божьей помощью я вторгнусь в ваши земли с мощной силой и буду вести против вас войну во всех частях и всеми способами, которые в моей власти, и подчиню вас игу и послушанию Церкви и их высочествам; и я захвачу вас, ваших жен и детей, сделаю их рабами

и, как таковых, продаж и распоряжусь ими по приказу их высочеств; и я захвачу ваше имущество и причину вам весь возможный вред и зло, как вассалам, которые не подчиняются и не признают своего господина, а сопротивляются ему и противостоят ему. И я заявляю, что смерть и ущерб, которые могут быть результатом такого поведения, будут за ваш счет, а не за счет их высочеств, ни за мой счет, ни за счет господ, которые пришли со мной. И теперь, в подтверждение сказанного мною, я прошу присутствующего здесь нотариуса выдать мне свидетельство. Епископ Палентинский, граф; Ф. Бернард, епископ Тринопольский; Ф. Томас де Матьензо; Ф. Аль. Бустильо, магистр; Лицензиат де Сантьяго; Доктор Паласиос Рубиос; Лицензиат де Соса; Грегориус, лицензиат. Оригинал в *Овьедо*, iii. 28-9. Проницательному Энсисо принадлежит честь первым зачитать это *requerimiento* дикарям в Америке. Это произошло в порту Сену; и когда юрист закончил, вождь по имени Катарара и его люди рассмеялись над ним; эти невежественные варвары посмеялись над ученым бакалавром и сказали, что папа, должно быть, был пьян, когда сделал это, потому что он давал то, что ему не принадлежало; и что король, который просил и взял такую субсидию, должен быть сумасшедшим, поскольку он просил то, что принадлежало другому. «Dixeron q̄ el papa deuiera estar borracho quãdo lo hizo; pues daualo q̄ no era suyo, y q̄ el rey q̄ pedia & tomaua tal merced deuia ser algun loco pues pedia lo que era & de otros». *Энсисо, Suma de Geografia*, 56. Копия этого ценного документа была подана в *Casa de Contratacion* в Севилье. *Memorial que dió el bachiller Enciso*, в *Pacheco* и *Cárdenas*, *Col. Doc.*, i. 442-7. *Herrera*, i. vii. xiv., приводит текст *requerimiento*, составленного для Охеды и других в 1508 году. См. также *Real Cédula*, в *Doc. Inéd.*, i. 111-2; *Zamora y Coronado*, *Bib. Leg. Ult.*, iii. 21-31; *Juan y Ulloa*, *Voy.*, i. 114-20; *Acosta*, *Hist. Compend. Nueva Granada*, 23-6, где также приводится текст реквизиции Никуэсы; *Лас Касас*, *Hist. Ind.*, iv. 154-6; *Хелнс*, *Span. Conq.*, i. 242; *Carta dirigida al Rey por Vasco Nuñez*, в *Navarrete*, *Col. de Viages*, iii. 375-86.

[X-17] Я следую *Novus Orbis* Де Лаэта, который помещает Покоросу и С. Х. (Санта-Крус) к северу и западу от Комагре; хотя Овьедо, iii. 37, говорит: «el puerto de Sancta Cruz que es en tierra del caçique Comogre». Часто невозможно согласовать противоречия одного автора, не говоря уже о противоречивых заявлениях нескольких летописцев. Овьедо обычно размещает родные города и провинции там, где это наиболее удобно для его повествования.

[X-18] Я не знаю, необходимо ли здесь перечислять преступления Айора. Одно из них, упомянутое Лиценциадо Суазо, *Пачеко* и *Карденасом*, *Col. Doc.*, i. 315-16, если его достаточно множественно употребить, будет отвечать за все. Однажды, приблизившись к деревне, Айора встретил туземцев, несущих подарки в виде оленины, птицы и рыбы, вина и кукурузы, которые считали белого тибя своим другом, Васко Нуньеса. Айора схватил вождя и его главных людей, пытал их огнем и собаками, пока они не отдали все свое золото, а затем сжег их заживо. «Эта адская охота длилась несколько месяцев», — говорит Овьедо.

[X-19] «Los quales luego fueron vendidos en almoneda é herrados, é los mas dellos se sacaron de la tierra por mar, é los llevaron á otras partes». *Овьедо*, iii. 39. «Затем он послал других капитанов на это побережье, таких как Бартоломео Вртадо в Ахлу, и, высадившись на берег под видом мира, он схватил всех индейцев, которых смог, и продал их в рабство». *Бензони*, *Hist. Nvovo Mondo*, 49.

[X-20] *Carta al Rey*, в *Navarrete*, *Col. de Viages*, iii. 376. Овьедо утверждает, что Педрариас послал корабль за Айорой в Санто-Доминго, но прежде чем он достиг этого порта, Айора отплыл в Испанию, где вскоре после этого умер, оставив епископа, мэра и губернатора ответственными за свои преступления. Даже если это и было правдой, эти чиновники, возможно, закрыли глаза на побег Айоры.

[X-21] Теодор де Бри и Бензони дают графические гравюры, на которых изображено, как испанцев режут, жарят и едят. Последний говорит: «Quegli, che pigliauano vini, spetialmente il Capitani, legategli le mani e i piedi, gettatigli in terra, colauano loro dell'oro in bocca, dicendo, mangia, mangia oro Cristiano». *Hist. Nvovo Mondo*, 49. Лас Касас также не обошел эту тему стороной, о чем свидетельствуют любопытные иллюстрации и резкие осуждения в его *Regionvm Indicarum devastatorum*, 18-22 и далее.

[X-22] *Herrera*, ii. i. ii.; *Peter Martyr*, iii. 6. Овьедо, iii. 46, утверждает, что Панчако присоединился к Покоросе в нападении на Санта-Крус и что ни один испанец не спасся. Андагоя в *Nar.*, 12, говорит, что все были убиты, кроме одной женщины, которую Покороса несколько лет держал в качестве своей жены. В конце концов она была убита из ревности индианкой, которая сообщила, что ее съел крокодил, когда она купалась.

[X-23] Овьедо называет это место Тамао.

[X-24] Здесь находился старый Панама. Изначально здесь в больших количествах сушили рыбу. «Que es provincia adonde los ayres son buenos quando vienen dela mar», — говорит Эрпера, ii. ii. x., «y malos cuando procedê de tierra». В книге Пурчаса «*His Pilgrimes*», iv. 883, написано: «Может быть, было бы лучше, если бы она была расположена в более здоровом месте, более подходящем для торговли в Южном море, недалеко от того места, где сейчас стоит город». См. Хуан и Уллоа, *Voy.*, i. 99; Хейлин, *Cosmog.*, 1085; Ллойд, в *London Geog. Soc., Jour.*, i. 85; Фундлей, *Direct.*, i. 213; Грисволд, *Panama*, 11; *Viagero Univ.*, xii. 303-30; *Andagoya's Nar.*, 23. Неясно пишет Гомара, *Hist. Ind.*, 254: «Deste golfo a Panama ay mas de cinquenta, que descubrio Gaspar de Morales Capitan de Pedrarias de Auila». Еще более неопределенно высказывается Бензони, *Hist. Mondo Nvovo*, 81: «Questa prouincia di Panama soleua essere habitata da molti popoli Indiani, e per tutti quei siu mi v'era abbondanza d'oro; ma gli Spagnuoli hanno consumato ogni cosa».

[X-25] Возможно, это то же самое, что и Понкра; по данным источников невозможно с уверенностью определить.

[X-26] Петр Мученик говорит о четырех попытках захватить золотой храм. Первая достигла расстояния в сорок лиг вверх по реке, вторая — в пятьдесят лиг, а третья — в восемьдесят лиг. Они снова пересекли реку и продолжили путь по суше, «но, о, какое чудесное несчастье, безоружные и обнаженные люди всегда побеждали вооруженных и облаченных в доспехи». Хакобо Альварес Осорио, монах из монастыря Дариен, провел много лет в поисках провинции Дабайба.

[X-27] Бальбоа говорит о восьмидесяти. *Carta*, в *Pacheco* и *Cárdenas, Col. Doc.*, ii. 530.

[X-28] Гомара, *Hist. Ind.*, 84, дает острову или вождю еще одно название: «y diose buena maña en la ysla de Terarequi a rescatar perlas». Овьедо, iii. 16, называет остров Тое.

[X-29] В письме королю Васко Нуньес рассказывает эту историю несколько иначе. «Как только они прибыли на Исла-Рика, — пишет он, — они вошли в деревню и схватили всех индейцев, которых смогли. Касик готовился к войне, но отступил на несколько дней, в течение которых христиане сожгли половину домов со всеми запасами продовольствия. После этого касик мирно вернулся с пятнадцатью или шестнадцатью марками жемчуга и четырьмя тысячами песо золотом. Затем он отвёл испанцев к месту, где они добывали жемчуг, и заставил свой народ собирать его и оставаться в мире. Несмотря на все это, капитан без совести отдал в рабство всех мужчин и всех женщин, которых он увез с Богатого острова». Это заявление можно принять с оговоркой, поскольку оно исходит от человека, страдающего от несправедливости; и не без юмора наблюдать, как внезапно становится нежной совесть простодушного Васко, который никогда не крал ничего у туземцев, не сжигал их дома и не делал их рабами!

[X-30] Некоторые ошибочно полагают, что это слово является происхождением слова «Перу».

[X-31] Некоторые жемчужины были необычайных размеров и красоты. Одна из них, в частности, приобрела немалую известность. Она имела форму груши, длину один дюйм и девять линий в самом широком месте. Васко Нуньес описывает его вес как «десять томинов» — *томин* составляет примерно треть драхмы — «очень совершенный, без царапин и пятен, с очень красивым цветом, блеском и формой; что, по правде говоря», нескрывая своих намерений в данных обстоятельствах, «является драгоценностью, достойной того, чтобы быть преподнесенной Вашему Величеству, тем более что она происходит из этих мест». Он был выставлен на аукцион и продан за 1200 песо де оро купцу, а в конце концов попал в руки губернатора». Овьедо, iii. 49, говорит, что он весил 31 карат. Впоследствии он был преподнесен через донью Исабель королеве и оценен в Испании в 4000 дукатов. Педрариас также обвиняется в различных правонарушениях. *Carta del Adelantado Vasco Nuñez de Balboa*, 16 октября 1515 г., в *Pacheco* и *Cárdenas, Col. Doc.*, ii. 526, и *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 375; *Ovalle, Hist. Rel. Chile*, в *Pinkerton's Voy.*, xiv. 146-7.

[XI-1] Петр Мученик, dec. iii. cap. x., говорит, что он выступил в мае с 80 людьми, а позже к нему присоединился Меркадо с 50 людьми.

[XI-2] На атласе Меркатора к юго-западу от Панама есть город и река под названием *Hama*. Хондиус, Дампир, Джефферс и Де Лаэт указывают *Hama*; *West-Indische Spiegel* — *Hamo*; *Kunepm* — *Hama-де-лос-Кабальерос*, а оттуда на восток — *P. Агуабланка*, и напротив этой реки — *И Чуру*.

[XI-3] Почти все найденное здесь золото было переработано в пластины и различные виды утвари.

[XI-4] Со стороны Эрреры беспочвенно предполагать, что в этом слове, как и во многих других, заключается происхождение термина «Перу». «Y prosiguiendo su descubrimiento hãzia el Ocidente, llegaron a la tierra del Cazique dicho Birùquete, de quien se dize que ha deriuado el nombre de Piru». *Hist. Ind.*, ii. i. xiv.

[XI-5] Париж был индейской провинцией и заливом в двенадцати лигах от Наты. Овьедо разрешает нам писать «*Париза*» или «*Парита*». Большой квадратный полуостров, образующий западную границу залива Панама, современные авторы иногда называют «*Парита*», а залив, врезающийся в полуостров, — «*Гульфо-де-Парита*». См. *Атлас Новой Испании* Гумбольдта. Рибера дает *G. de Paris*, Vaz Dourado, *G^o de Paris naca* и *b^o de Paris naqua*; Де Лаэт, *Golfo de Parita*, а также город Парита, к югу от которого находится *Иубрауа*, а к северу — *Эскория*.

[XI-6] Город и провинция, помимо того, что это название первой заметной точки к западу от Панама. Колон и Рибера пишут *p de Chame*; Ваз Доурадо пишет то же самое один раз, а другой раз *p^o de Cane*; Колом дает *P de Chane*; Де Лаэт и другие после него — *Chame*, с *Otoque* к востоку от него.

[XI-7] «Donde despues Pedrarias pobló un pueblo de cristianos que se dice Acla, y antes que hobiese esta batalla tenia otro nombre, porque Acla en la lengua de aquella tierra quiere decir huesos de hombres ó canillas de hombres». *Андагойя, Relacion*, в *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 397. См. также *Carta de Alonso de la Puente y Diego Marquez*, в *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, ii. 538-49; Роберт Фитцрой, в *London Geog. Soc., Jour.*, xxiii. 179, дает нам хороший образец исторического письма умного джентльмена, который ничего не знает о том, о чем говорит, когда описывает «Акла, или Агла», как поселение, основанное «в 1514 году, в нескольких милях от того порта или залива, который теперь прославился в истории и романах и который Паттерсон называет Каледонским гаванью». Акла находилась на побережье, в трех или четырех лигах к северу от Каледонского залива, как мы находим в *Purchas, His Pilgrimes*, iv. 883, «прямо напротив острова *Пинос*, о котором в настоящее время не осталось никаких воспоминаний, кроме того, что там погиб тот знаменитый капитан, чье имя будет вечно жить, президент *Баско Нуньес* из *Бальноа*, и его компания». Фернандо Колон в 1527 году называет город *Окара*; Диего де Рибера — *Акра*; Ваз Доурадо в 1571 году, *Мюнхенский атлас*, № x., *Акса*, а в № xi., *Азка*; Де Лаэт, Колом и другие — *Акла*.

[XI-8] *Relacion hecha por Gaspar de Espinosa, alcalde mayor de Castilla del Oro, dada á Pedrarias de Avila, lugar teniente general de aquellas provincias, de todo lo que le sucedió en la entrada que hizo en ellas, de órden de Pedrarias*, в Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., ii. 467-522. Лиценциат начинает свое многословное повествование с торжественной речью перед королем и королевой, длинным высказыванием Квинтилиана и извинениями, говоря, что если бы у него было достаточно времени, он рассказал бы подробности своего похода. Документ подписан: Эль Лиценциадо Эспиноса; Херонимо Валенсуэла; Пабло Мексия; Педро де Гамес; Бартоломе Уртадо, капитан; Габриэль де Роксас; По его приказу, Мартин Сальседо. Редакторы сборника, в котором опубликована эта статья, жалуются на ошибки в отношении мест, которые они постарались исправить, когда это было возможно. Конечно, они не могли оспаривать правдивость описанных событий.

[XI-9] Вероятно, река Чепо или Баяно.

[XI-10] Здесь повествование лиценциата становится столь же запутанным, как и его чувство справедливости. Названия городов, провинций и вождей то собираются вместе, то разбрасываются, как будто брошенные наугад из руки, что позволяет без труда предположить, что либо лиценциат никогда не совершал этого путешествия, либо не писал этого отчета. Однако ни в одном из этих вопросов нет никаких сомнений. Следует сказать, что язык тогда был не таким, как сейчас, и даже в те времена были люди, которые умели им лучше всех пользоваться.

[XI-11] Назван Эспиносой Пуэрто-де-лас-Агухас.

[XI-12] Колон и Рибера оба пишут у^a *de Cebaco*; Меркатор помещает город на материке напротив, *Sebaco*; Огилби, *I. de S. Maria*; Де Лаэт, *Isles del Zebaco*; Колом и Джефферс, *Zebaco*; Киперт, *I. Cebaco*, и рядом с ним *I. del Gobernador*.

[XI-13] Если имеется в виду Коиба, то мы находим связанное с ней древнее название *Гатос*, у^a *gatos*, у *de gatos* и т. д. Затем название меняется, и мы имеем у Ваза Доурадо *I^{ta} de quofōque*; у Меркатора — *Quicare*; у Дампира — *Keys of Quicara* или *Quibo*; у И. де Лаэта — *Cobaya*, *Quicaro* и *La Montuosa*; Колом, *Койба*, *Кикаро* и *Ламатуоса*; Джефферс, *Койба*, *Кикаро* и напротив Коиба, *Пт. Бьянко*, а на западе *Коко* и *Хонда*. Эррера называет остров *Кобайос*.

[XI-14] Однако в то время он так не назывался. По словам Эрреры, местное название было Чира. Залив был впервые известен цивилизации как Сан-Лукар и Сан-Ласаро; еще до этого у Колона мы имеем *G. de S. Vicenite*. Ваз Доурадо называет его *Сан-Лукар*; Меркатор в 1574 году помещает в глубине материка город *Никоя*, а на восточном берегу залива — город *Пари*. Огилби указывает на *Гольфо-де-Салинас*, а также на суше, возможно, город и провинцию *Никоя*, а чуть западнее — *Паро*. Дампьер указывает *G. of Nicoya* и город *Nicoya*. Де Лаэт располагает город *Nicoya*, к востоку от которого находится *Paro*. *West-Indische Spieghel*, *G. Goca*; и Джефферс, *Nicova*, а рядом с ним, впадающие в залив, *R. Dispensa*, *R. Taminsco*, *R. de Costarica*, *R. de las Canas* и *R. Solano*.

[XI-15] Называется заливом *Oca* Эррерой; *baia de oqua* Вазом Доурадо; *Мюнхенский атлас*, № xi., b.: *deoqua*; Де Лаэт, *Golfo de Salinas*; а Дампьером и Джеффрисом — *G. Dulce* и *Gulfe Dulce*.

[XI-16] С необычайной точностью к оригиналу, это название сохранило свою правильную орфографию, независимо от времени и места. Картографы всех национальностей и известности указывают только *Панама*. Фернандо Колон применяет это слово к провинции, но обычно оно используется для обозначения города. Дампьер указывает как *залив Панама*, так и город. Де Лаэт указывает, что в этот залив впадают реки *Чиено*, *Пакора*, *Тубанама*, *де ла Бальса*, а к северу находятся реки *Пеки*, *Вента де Крузес* и *Лимарет*.

[XI-17] Herrera, dec. ii. lib. ii. cap. x., помещает Понсе в Панаме в 1516 году. Хотя хроники и отчеты чрезвычайно запутаны, я уверен, что пост в Панаме был основан не раньше января 1517 года, поскольку Эспиноса охотился за Парисом в январе, во время отсутствия Уртадо и Понсе на побережье к северо-западу.

[XII-1] Источники, использованные в этой главе, в основном те же, что и в предыдущей. *Лас Касас, Hist. Ind.*, iv. 169-248, который, на мой взгляд, дает лучшее описание из всех современных авторов; *Эррера*, dec. ii. lib. i. cap. iii.; *Овьедо*, iii. 6-8; *Петр Мученик*, dec. iii. cap. iii. и dec. iv. cap. ix.; *Бензони, Hist. Mondo Nvovo*, 50. Жалобы Бальбоа королю см. в *Carta dirigida al Rey*, в *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 375. Краткое или подробное общее описание можно найти в *Voyages, Curious and Entertaining*, 470-1; *Panamá, Descr.*, в *Pacheco и Cárdenas, Col. Doc.*, ix. 80; *Morelli, Fasti Novi Orbis*, 16; *Andagoya's Nar.*, ii.-iii.; *Galvano's Discov.*, 125-8; *Ovalle, Hist. Rel. Chile*, в *Pinkerton's Voy.*, xiv. 151; *Acosta, Hist. Compend. Nuevo Granada*, 62; *March y Labores, Marina Española*, i. 400, портрет; *Du Perier, Gen. Hist. Voy.*, 166; *Мартире, «Суммарио»*, в *Рамузио, «Путешествия»*, iii. 349; *Dic. Enc. de la Lengua Esp.*, i. 308; *Карта*, в *Пачеко и Карденас, Col. Doc.*, iii. 526; *Пуэнте, Carta*, в *id.*, 538-49; *Маггианос, Св. Франциск и францисканцы*, 537-8; *Педрариас, Reys-Togten*, 3-175, и *Кордья, Scheeps-Togt*, 26-35, в *Aa*, vii.; *Hesperian Mag.*, ii. 32-3; *Gomara, Hist. Ind.*, 83-5; *Irving's Columbus*, iii. 232-86; *Uitvoerige Reys-Togten*, 33-50, в *Gottfried, Reysen*, iii.; *Remesal, Hist. Chyapa*, 163; *Gonzalez Dávila, Carta al Rey, Squier's MS.*, i. 16.

[XII-2] «Прибытие епископа в Кастилию произошло только в 1518 году; и, конечно же, он не проявил здесь к своему другу должного уважения и последовательности. В споре с Касасом перед императором он утверждал, что первый губернатор Дариена был плохим, а второй — еще хуже». *Квинтана, «Жизни»*, «Бальбоа», 35. В вопросе о точных датах событий, описанных в этой главе, мнения авторитетных источников расходятся. Все они более или менее расплывчаты. Большинство из них заканчивают карьеру Васко Нуньеса в конце 1517 года; если это верно, то время его отъезда из Антигуа можно установить примерно на май 1516 года, поскольку в его соглашении с Педрариасом было оговорено, что время отсутствия в экспедиции по Южному морю должно быть ограничено восемнадцатью месяцами, и одним из главных обвинений губернатора было то, что Бальбоа не выполнил это условие. Среди документов, хранящихся в королевских архивах Индии, есть прошение, представленное Фернандо де Аргуэльо Педрариасу и его совету от имени Васко Нуньеса с просьбой о продлении срока. Внизу прошения находится указ от 13 января 1518 года, предоставляющий продление на четыре месяца. Либо документ является поддельным, либо его дата ошибочна, либо современные авторы ошибаются. Я совершенно уверен, что Педрариас никогда не давал никакого продления, поскольку власти четко и однозначно высказались по этому поводу, а события повествования зависят от этого. Сравните копию этого документа в *Pacheco и Cárdenas, Col. Doc.*, ii. 556-8; *Carta de Alonso de la Puente y Diego de Marquez*, в *id.*, 538-49; *Moreri и Miravel y Casadevante в El Gran Dic.*; *Burney's Discov. South Sea*, i. 12; *Naharro, Relacion*, в *Doc. Inéd. para Hist. Esp.*, xxvi. 232. Что касается даты отъезда Кеведо из Дариена и его прибытия в Испанию, то здесь существуют серьезные расхождения. Эррера отправляет епископа в Испанию в 1518 году, чтобы он доложил о плохом управлении Педрариаса. Овьедо утверждает, что Кеведо покинул Дариен вскоре после примирения Васко Нуньеса и Педрариаса, но при этом не упоминает о его пребывании в Испании до 1519 года, «era llegado». Известно, что Кеведо провел некоторое время на Кубе, убеждая Диего Веласкеса подать заявку на должность губернатора Кастилии-дель-Оро. В упомянутой выше просьбе Аргуэльо о продлении срока отсутствия Васко Нуньеса имя Кеведо фигурирует как одно из тех, кто действовал по ней, что только еще более убедительно доказывает вымышленность этого документа. Однако еще более странным является заявление в королевской цедуле от 18 июня 1519 года, предписывающей передать корабль Бальбоа Гиль Гонсалесу, о том, что Васко Нуньес в то время был заключенным. Настолько необычно это виновное незнание, небрежность или обман со стороны королевских чиновников в отношении смерти Васко Нуньеса, что сначала возникают серьезные сомнения относительно даты его смерти, если бы она не была подтверждена многими побочными обстоятельствами.

[XII-3] Между Аtrato и Колорадо есть несколько рек с таким названием, но ни одна из них не подходит для данного случая. На современных картах река Рио-Бальсас впадает в залив Сан-Мигель с юга, а ее исток находится как можно дальше от Акла. На карте Йоанниса де Лазта, 1633, *Nov. Orb.*, 347, на полпути между заливом Сан-Мигель и Панамой, находятся слова *R de la balsa*. Они расположены напротив Акла; указано только устье реки, а само русло не обозначено. То же самое можно сказать о *R. de la balse* Монтануса, *Nieuwe Weereld*, 1671, которая находится примерно в том же месте. Рио Чепо — единственный поток, приближающийся к описанию в этой местности. По моему мнению, оба этих картографа ошибались; ни Рио Чепо, ни какой-либо

другой поток в этой местности не был Рио Бальсас Васко Нуньеса. Верховья Рио Чукунаке находятся ближе к старому месту Акла, чем верховья Рио Чепо или любого другого потока, текущего на юг; и все же я не считаю Чукунаке Бальсасом Васко Нуньеса. Паскуаль де Андагоя, *Havappeme, Col. de Viages*, iii. 404, говорит: «Он отправил его в провинцию Акла, чтобы заселить деревню, которая сейчас называется Акла, и оттуда дал ему людей, которые должны были отправиться к реке Бальса и построить два корабля, чтобы спуститься по ней к южному морю... y bajados al golfo de S. Miguel se anegaban», и т. д.; исходя из этого, а также из целей и событий предприятия, описанных различными авторами, я склонен полагать, что река де лас Бальсас Васко Нуньеса — это река, известная сейчас как Рио Сабана. Один только факт расстояния, обычно оцениваемого в 22 лиги, но которое Лас Касас оценивает в «24 и 25 лиг от высочайших гор», склоняет меня к этому мнению, не говоря уже о нескольких других, указывающих в том же направлении, что ясно проявится в тексте.

[\[XII-4\]](#) «Я видел подпись самого епископа в отчете, который он представил императору в Барселоне в 1519 году, cuando él de la tierra firme vino, como más largo adelante, placiendo á Dios, será referido, que habia muerto el Vasco Nuñez, por hacer los bergantines, 500 indios, y el secretario del mismo Obispo me dijo que no quiso poner más número porque no pareciase cosa increíble, pero que la verdad era que llegaban ó pasaban de 2,000». *Лас Касас, Hist. Ind.*, iv. 233-4. «Не было найдено ни одного убитого кастильца, ни одного негра, хотя из индейцев погибло много». *Эррера*, dec. ii. lib. ii. cap. xi.

[\[XII-5\]](#) Паскуаль де Андагоя утверждает, что изъеденная червями древесина была собрана на плотках и, хотя и с большим трудом, доставлена в залив Сан-Мигель, а оттуда на Жемчужные острова, где они вскоре затонули. *Relacion de los sucesos de Pedrarias Dávila, в Navarrete, Col. de Viages*, iii. 404. Это утверждение, хотя и заслуживающее большого внимания, не подтверждается другими источниками.

[\[XII-6\]](#) Если я применил к Педрариасу Давиле такие резкие слова осуждения, то это потому, что он, без сомнения, заслуживает этого. Он, безусловно, является самым худшим человеком, который официально прибыл в Новый Свет в период его раннего управления. В этом сходятся все авторитеты. И все согласны с тем, что Васко Нуньес не заслуживал смерти. Андагоя, *Relacion, в Havappeme, Col. de Viages*, iii. 403-5, является авторитетным источником. Лас Касас, *Hist. Ind.*, iv. 240, говорит: «Dijeron que esta falsedad ó testimonio falso, ó quizá verdad, escribió Garabito á Pedrarias porque Vasco Nuñez, por una india que tenia por amiga, le habia de palabra maltratado». Некоторые из более осведомленных летописцев говорят, что Бог наказал Васко Нуньеса этой смертью за его отношение к Никуэсе. Скажут ли они нам в то же время, за что Бог позволил Педрариасу жить? «Таким образом закончилось продвижение Васко Нуньеса, первооткрывателя Южного моря, и он заплатил смертью за капитана Диего де Никуэсу; за это и за другие проступки Бог позволил ему умереть такой смертью, а не за то, о чем он проповедовал, потому что то, что называли изменой, никто не считал таковым». *Овьедо*, iii. 60. Эррера везде говорит о Васко Нуньесе в самых высоких тонах и осуждает характер и поведение Педрариаса. Гомара говорит в «*Истории Индий*», 85: «Он не появлялся перед губернатором, хотя тот был его тестем. К этому добавилась смерть Диего де Никуэса и его шестидесяти товарищей. La prision del bachiller Enciso, y que era vâdolero reboltoso, cruel, y malo para Indios». О том, что Бальбоа отрицал свою вину, в *Hist. Mondo Nvovo*, i. 51, Бензони пишет: «Бальбоа под присягой отрицал, говоря, что в отношении информации, которая была собрана против него, чтобы поднять народ, который был несправедливо и ложно обвинен, и что он хорошо обдумал свои действия, e se lui hauesse tal cosa tentata, non saria venuto alla presentia sua, e similmente del resto, si difese il meglio che puote ma dove regnano le forze, poco gioua defendersi con la ragione». А Петр Мученик, dec. iv. cap. ix., свидетельствует: «Васхум аб Аустро аккерсит Петрус Ариас: парет дикто Васхус, в катенас конжикуртур. Негат Васхус тале консилиум когитассе. Ищутся свидетели преступлений, которые он совершил: с самого начала собираются показания, он признается заслуживающим смерти и казнен». И «какой же желудок», добавляет он далее, «может быть у Педрариаса Давилы, если он когда-нибудь вернется в Испанию, пусть судят добрые люди».

[\[XIII-1\]](#) Городской или муниципальный совет, состоящий из алькальда, регидоров и других должностных лиц, осуществляющих административное, экономическое и политическое управление муниципальными делами. Слово *cabildo* имеет практически то же значение, что и *ayuntamiento, regimiento, consejo, municipalidad* и *consejo*

municipal. Cabildo eclesiástico — это совет или капитул епископа. Полномочия, которыми в то время был наделен этот орган в Антигуа для контроля над Педрариасом, были совершенно необычными и исключительными.

[XIII-2] Сначала от руки Педрариаса де Авила, племянника губернатора, 16 февраля 1515 года, а затем снова 28 января 1516 года. См. *Пуэнте, Carta*, в *Pacheco и Cárdenas, Col. Doc.*, 541-8; *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, ii. 57.

[XIII-3] Хуан де Кеведо был монахом ордена Святого Франциска, уроженцем Бехори в Старой Кастилии; был рукоположен в епископы Львом X и умер 24 декабря 1519 года. Он был двуличным священником, наемником, но с добродушными наклонностями. Гонсалес Давила, который приводит его биографию, *Teatro Ecles.*, ii. 58, говорит, что он потерпел поражение в дискуссиях с Лас Касасом. См. также *Ремесал, Hist. Chyapa*, 73-6.

[XIII-4] Эррера, *Hist. Gen.*, dec. ii. lib. iii. cap. iii., создает ошибочное впечатление, что, когда Педрариас удалился в Панаму, Эспиноса остался править в Антигуа в качестве генерал-капитана. Акоста, *Compend. Hist. Nueva Granada*, 75-6, повторяет эту ошибку.

[XIII-5] На самом деле ни Номбре-де-Дьос, ни Панама в том виде, в каком они существовали в то время, не сохранились; первый, по приказу Филиппа II, был перенесен на пять лиг к западу, в Портобелло, а город Панама был заново основан в двух лигах к западу от первоначального места, и каждый из этих портов на момент своего обезлюдения насчитывал более 40 000 испанцев, ставших жертвами нездорового климата в течение двадцати восьми лет. Только после того, как эти места стали перевалочными пунктами для крупных перевозок с Перу и северо-западным побережьем, были внесены изменения.

[XIII-6] Именно в первом случае Педрариас стремился упрочить свое владение путем захвата, квази-захвата и повторного захвата, как подробно описано в том любопытном документе Мозолая, *Testimonio*, в *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, ii. 549-56, из которого я сделал выдержку в предыдущей главе.

[XIII-7] Лучшая стоянка благодаря широкой полосе мелководного пляжа в Панаме, которая обнажалась во время отлива. Эррера говорит, что в его время суда летом стояли на мели, а зимой — в гавани Перико, в двух лигах от порта Панама.

[XIII-8] Как пишет Паскуаль де Андагоя в «*Relacion*», в *Navappeme, Col. de Viages*, iii. 406: «Панама была основана в 19 году, в день Нтре-Сеньора-де-Агосто, и в конце того же года капитан Диего Альвитес по приказу Педрариаса заселил место под названием Номбре-де-Дис». А Эррера пишет, декабрь ii. lib. iii. cap. iii.: «Concordandose todos en esto, llamò Pedrarias a un escrivano, y le pidio por testimonio como alli de positiva una villa q̃ se llamasse Panamá en nõbre de Dios y de la Reyna doña Iuana, y don Carlos su hijo, y protestava dela defender en el dicho nombres a qualquier cõtrarios». См. также *Лас Касас, Hist. Ind.*, v. 200-20; *Морелли, Fasti Novi Orbis*, 17; *Овьедо, Hist. Gen.*, iii. 61-4; *Гомара, Hist. Ind.*, 85; *Бензону, Hist. Mondo Nvovo*, 51; *Дю Перье, Gen. Hist. Voy.*, 167; *Panamá, Descrip.* в *Pacheco и Cárdenas, Col. Doc.*, ix. 89-90; *Zuazo, Carta*, в *id.*, xi. 312-19; *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, ii. 56; *Purchas, His Pilgrimes*, iv. 882.

[XIII-9] Морелли, *Fasti Novi Orbis*, 16, утверждает, что Альбитес вошел в реку Чагре в 1515 году. «Дидакус Альбитес итидем Испанус Чагре флувиум субиит». В 1516 году были выдвинуты его претензии на завоевание в направлении Верагуа. Эррера, dec. ii. lib. ii. cap. xi.; *Andagoya's Nar.*, 23; *Oviedo*, iii. 61-71; *Galvano's Discov.*, 31.

[XIII-10] Петр Мученик говорит, что дорога была достаточно широкой, чтобы по ней могли проехать две повозки бок о бок, «с тем, чтобы они могли с легкостью проехать и исследовать тайны обоих просторных морей»; но на момент написания его шестой декады дорога еще не была построена.

[XIII-11] Расположенный к северу от Никои, сегодня называется Пуэрто-де-Кулебра. К югу от озера Никарагуа на картах Колумба и Рибера мы находим *G. de S. tiago*; Vaz Dourado, *bñ de Samtiago*. Некоторые картографы знали результаты и названия одного открытия, другие — другого; окончательное название зависело от обстоятельств.

[\[XIII-12\]](#) Заявления Овьедо о себе в этот период гневного возбуждения следует принимать с должной осторожностью. Хроникер подробно описывает себя и свои дела, но я постараюсь, сокращая его рассказ, не забывая, что в это время, а также до и после него, было двадцать не менее важных событий, о которых имеются менее полные записи. См. *Овьедо*, iii. 41-56 и 72-88; *Хосе Амадор де лос Пуос, Vida y Escritos de Oviedo*, в *id.*, i. стр. ix.-cvii.; *Эррера*, dec. ii. lib. ii. cap. x.

[\[XIII-13\]](#) «Из этого можно видеть, — говорит Овьедо, — с какой справедливостью был осужден Васко Нуньес, когда его главный сообщник вернулся не только оправданным, но и с почестями».

[\[XIV-1\]](#) Было три человека с этим именем, с которыми мы встретимся: контадор Эспаньолы; лицензиат, который был алькальдом-майором испанской колонии под руководством Диего де Ордаса в 1530 году; *Симон, Conq. Tierra Firme*, 106-27; и священник и главный летописец в 1655 году Индий и обеих Кастилий.

[\[XIV-2\]](#) Королевское соглашение было заключено специально с Ниньо, «пилотом Его Величества для открытий», а Гиль Гонсалес был назначен генерал-капитаном. Ниньо должен был исследовать 1000 лиг к западу в поисках специй, золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней на трех кораблях, половина которых была предоставлена короной, а половина — исследователями, которые должны были получить для этой цели 4000 кастильянос де oro из сумм, находящихся на счете короны в руках агента Кастилии-дель-Оро. Одна двадцатая часть того, что Бог мог дать им, после того как король получил свою пятую часть, должна была быть посвящена благочестивым целям. Чистая прибыль должна была быть поделена поровну между короной и первооткрывателями, в соответствии с вкладом каждого. Заработная плата, выплачиваемая экипажу, должна была учитываться в расходах; или, если они шли на долю, две трети должны были достаться королю и Ниньо, а одна треть — капитану, офицерам и матросам. Припасы должны были быть освобождены от пошлин, а исследователи должны были иметь долю в открытых ими землях. Корона согласилась предоставить на Ямайке 2000 грузов корней маниоки и 500 свиней, а также десять негров-рабов, а исследователь должен был заплатить владельцам за десять индейских рабов, которые должны были служить переводчиками. За добросовестное выполнение этих и других обязательств исследователь должен был предоставить залог в сумме 2000 дукатов. Эррера, dec. ii. lib. iv. cap. i., приводит только часть договора; в *рукописях Скъера*, i. 12-14, приводится полный текст документа.

[\[XIV-3\]](#) Копия этой седулы находится в *рукописях Скъера*, i.

[\[XIV-4\]](#) В Expediente sobre el Cumplimiento de la Cédula — см. *Los Navíos de Vasco Nuñez*, в *рукописях Скъера* — с утомительной подробностью описаны церемония и речи, сопровождавшие эту передачу, а также ее результаты. Вкратце, 4 февраля 1520 года Педрариас смирился до праха перед священной седулой; 5 февраля он много говорил, говоря, что он закончил корабли, начатые Васко Нуньесом; что они стоили более 50 000 дукатов, помимо пота и крови; что с их помощью был основан великий город Панама — «la cibdad de Panamá» — с золотыми приисками с одной стороны и жемчужными промыслами с другой, и что если бы король знал обо всем этом, он не отнял бы корабли у тех, кто их построил, и не отдал бы их другому; 7 февраля Хуан дель Соус заявил, что, если корабли не будут сданы, все золото, жемчуг и другое имущество, взятое на них, по приказу короля будет принадлежать флоту Хиля Гонсалеса; 8 февраля Педрариас ответил, что без кораблей город не сможет существовать, а работа не сможет продолжаться, и он призвал присутствующих королевских чиновников, Пуэнте, казначея, Маркеса, контору, и Хуана де Риваса, агента, сказать, что все это так; но королевские чиновники ответили, что Педрариас должен подчиниться приказу короля и передать корабли Гиль Гонсалесу, оставив, возможно, один для защиты города, а остальные продать Гиль Гонсалесу на условиях, которые он и владельцы могут согласовать. В отношении удержания кораблей Педрариас, безусловно, был прав, хотя это было опасно, и он утверждал, что будет подчиняться королю и подчиняется ему; но когда 9 февраля он потребовал, чтобы Гиль Гонсалес явился лично и представил ему инструкции и планы экспедиции, тот проявил крайнюю наглость.

[\[XIV-5\]](#) Сквайер, *Dis. Nic.*, MSS., 13, говорит, что их уничтожили черви, но сам Гиль Гонсалес лишь замечает в *Carta al Rey*, MSS., 1: «Despues de hechos otros navios en la Ysla de las perlas porque los 4 primeros que se hizieron en la tierra firme se perdieron».

[\[XIV-6\]](#) Некоторые говорят, что от 200 до 80. Однако оба числа должны быть больше, поскольку экспедиция пополнилась людьми в Акле, и упоминается, что 100 человек составляли одну сухопутную группу во время экспедиции. *Гиль Гонсалес, Carta al Rey*, MSS., 3.

[\[XIV-7\]](#) Остров Тарареки, Гальвано, *Discov.*, 148, называет его; другие — острова Терекери. Гиль Гонсалес пишет достаточно ясно, *Carta al Rey*, MS., 2: «Me bolbí á la dicha Ysla de las Perlas ... i de aí me partí a hazer el descubrimiento que V M me mando hazer». Тот же источник утверждает, что вторые четыре судна были построены на Жемчужных островах, а остальные «потерялись в реке в 40 лигах оттуда».

[\[XIV-8\]](#) Что касается противоречивых утверждений по этому поводу, сравните *Гиль Гонсалес, Carta al Rey*, MS., 16, 36; *Андагойя, Nar.*, 31-2; *Нуньо, Asiento*, MS., в *рукописях Скъера*, i. 14, и в *Пачеко и Карденас, Col. Doc.*, xiv. 5-19; *Овьедо*, iii. 65-71; *Лас Касас, Hist. Ind.*, v. 200-4; *Эррера*, dec. ii. lib. iii. cap. xv.; dec. ii. lib. iv. cap. i.; dec. iii. i. cap. xvi.; *Хеллс, Span. Conq.*, iii. 69, 70, 74-6; *Гордон, Anc. Mex.*, ii. 204-8; *Сквайер, Dis. Nic.*, MSS., 7-10.

[\[XIV-9\]](#) Я следую собственному заявлению командира, сделанному королевским властям из Санто-Доминго 6 марта 1524 года. У меня есть несколько рукописных копий этого заявления, которое я цитирую как *Carta de Gil Gonzalez Dávila al Rey*, лучшая из которых является частью первого тома коллекции Скъера. Эта коллекция, состоящая из двадцати трех томов рукописей, помимо отдельных работ по различным ранним событиям в Центральной Америке и Мексике, попала в мои руки на распродаже библиотеки покойного Э. Г. Скъера, широко известного как антиквар и исторический писатель, обзор работ которого появится в следующем томе. Возможности, предоставленные г-ну Скъюиру его официальной должностью *временного поверенного в делах* в Центральной Америке в 1849 году, а также его исследования, в сочетании с природным склонностью к учебе и писательству, побудили его собрать коллекцию книг и рукописей, относящихся к Центральной Америке, значительная часть которых оказалась полезной для меня в заполнении пробелов в моих собственных материалах по XVI веку. Похоже, что г-н Сквайер намеревался издать серию документов по истории, из которых *Carta de Palacio* была напечатана в Олбани в 1859 году и пронумерована I. Первый том Сборника рукописей Скъера содержит, помимо *Carta de Gil Gonzalez*, несколько документов об открытии Никарагуа, заверенных Наваррете, Бакингом Смитом и Скъером как подлинные копии оригиналов, хранящихся в архивах Севильи и в Гидрографическом собрании, среди которых особо следует отметить *Real Cedula de S. M. expedida en 18 de Junio de 1519, á, Pedrarias Dávila, para que entregase los Navios de Basco Nuñez a Gil Gonzales de Avila y los requerim^{tos} que pasaron sobre ello*; и *Relacion Del Asiento y Capitulacion que se tomó con Andres Niño, Piloto de su Magestad para el descubrimiento que prometió hazer en el Mar del Sur con 3 Navios, y por Capitan de ellos á Gil Gonzales Dávila*.

[\[XIV-10\]](#) Петр Мученик утверждает, что они пересекли водную гладь, чтобы добраться до него; Эррера и Овьедо оба свидетельствуют о большом острове, в существование которого мы могли бы поверить, если бы такой остров там был. Правда же заключается в том, что в это время часть суши была затоплена из-за сильных дождей, так что полуостров, отрезанный от материка водой, выглядел как остров.

[\[XIV-11\]](#) Позже названный Никоя, по имени вождя этой страны, которое он носит и сегодня. Это был Сан-Лукар Уртадо. См. [гл. XI, примечание 11, этот том](#). Коль считает, что испанцы прибыли сюда, возможно, 5 апреля, в день Сан-Висенте-Феррера. Гомара утверждает, что в древние времена он также назывался Гольфо-де-Ортинья и Гольфо-де-Гуэтарес; *Гольдшмидт, «Картография тихоокеанского побережья»*, MS., ii. 111-13.

[XIV-12] Которое было принято 9017 туземцами, большими и малыми, за один день, и с таким энтузиазмом, что испанцы даже плакали. Это все, что можно ожидать от человека с обычной верой, но нагрузка на доверчивость становится еще более тяжелой, когда почтенный Гиль Гонсалес призывает небо в свидетели, что он сказал каждому мужчине и женщине, отдельно от других, что Бог не хочет нежелательного служения, и что каждый из них сам выразил желание служить. Если мы допустим, что он работал 15 часов в день, то получается, что в час, или за минуту, он допрашивал и крестил 61 человека.

[XIV-13] Испанцы в то время не знали, для чего использовались эти курганы. Если бы они знали, что это были большие алтари, на которых приносили в жертву людей, мягкий и философский Никарагуа, возможно, имел бы повод продемонстрировать доблесть своих воинов.

[XIV-14] «I digo mar», — говорит Гиль Гонсалес, *Carta al Rey*, MS., «porque creze i mengua».

[XIV-15] «Los pilotos qve conmigo llebaba certifican qve sale a la mar del norte; i si asi es, es mui grand nueba, porqve abra de vna mar a otra 2 o 3 legvas de camino mui llano». Таким образом, можно видеть, что вопрос о межокеанском сообщении привлек внимание первых европейцев, увидевших озеро Никарагуа, и это вполне естественно; ведь нужно помнить, что Гиль Гонсалес искал пролив или проход через континент, и если бы ему посчастливилось найти Молуккские острова в тех краях, то вся его цель была бы достигнута.

[XIV-16] Слово «Никарагуа» впервые слышали европейцы в Никоя, где Гиль Гонсалес получил информацию об этой стране и ее правителе. В самых ранних отчетах оно встречается в написании *Nicaragua*, *Micaragua*, *Nicorragua* и *Nicarao*. После возвращения Гиля Гонсалеса название «Никарагуа» стало известным и, помимо того, что его стали применять к вождю и его городу, постепенно стали называть им окружающую местность и озеро. Некоторые использовали его в неопределенном смысле для обозначения всего региона за и между Хибуэрасом и Верагуа. Позже появилась провинция Никарагуа, рядом с Эль-Нуэво-Рейно-де-Леон. Эррера и многие другие упоминают индейское поселение у озера. Некоторое время озеро было известно как *Мар-Дульсе*. Так Колон в 1527 году обозначил его на своей карте как *mar duce*, а город или провинцию — *micaragua*. Рибера в 1529 году называет озеро *mar dulce*, а город — *nicaragua*. Мюнхенский атлас, № vi, дает только *micaragua*, а № vii — *nicaragua*. Рамузио, *Viaggi*, iii. 455, указывает *Никарагуа* как провинцию. Меркатор в своем атласе 1574 года указывает город *Никарагуа*. Иудокс Хондиус в «Всемирном справочнике» Дрейка применяет термин «Никарагуа» к провинции или обширной территории. Огилби, Дампьер, Де Лаэт и другие современные и более поздние авторитеты распространяют это название на озеро.

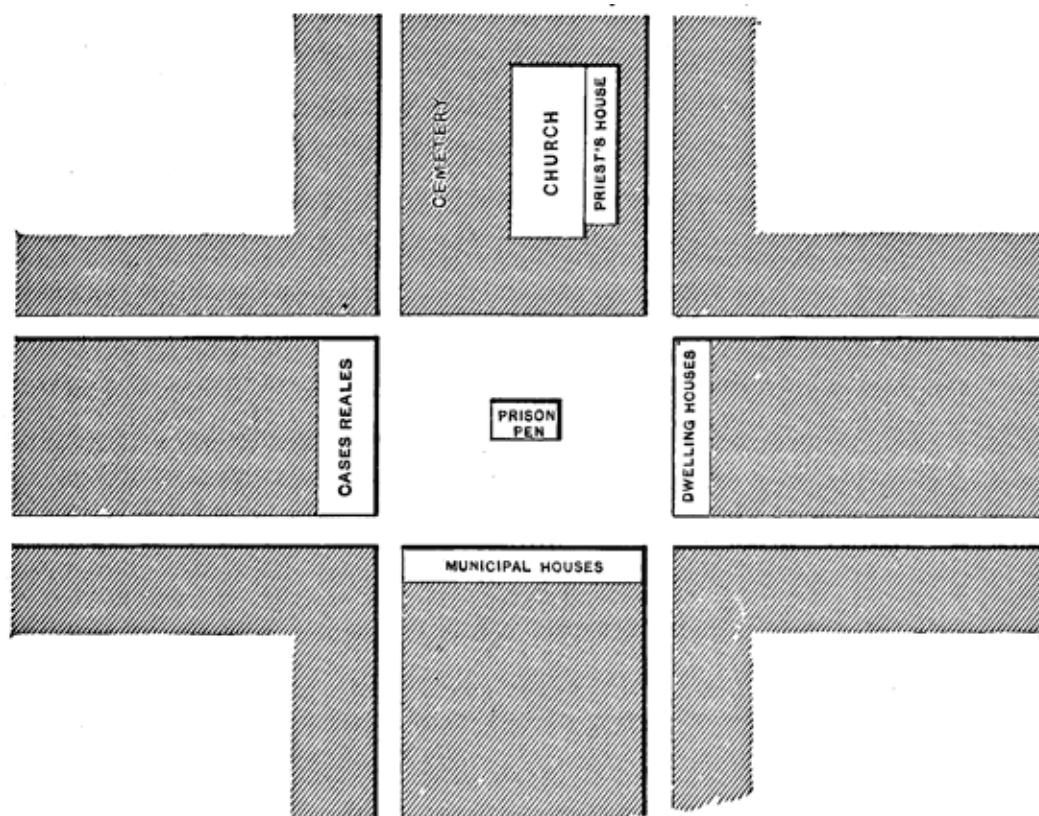
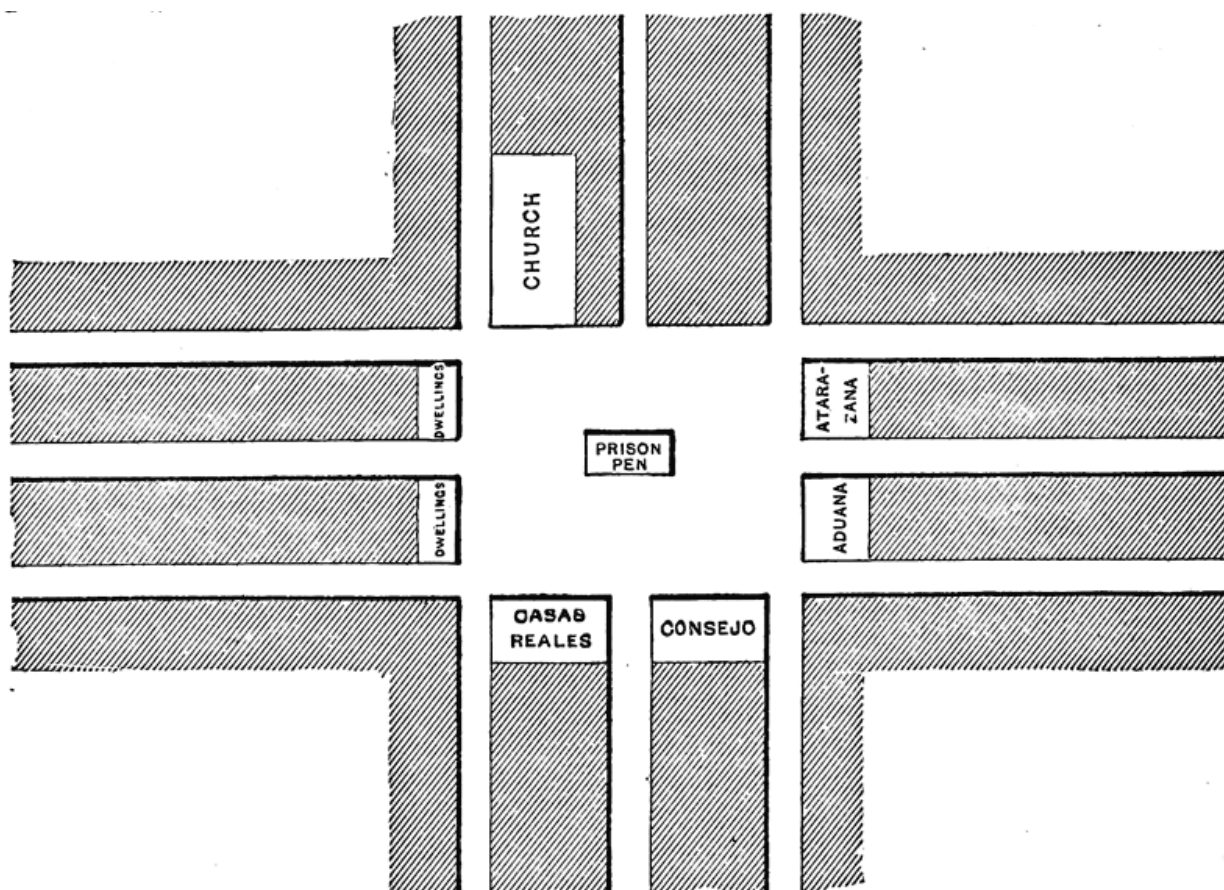
[XIV-17] В повествовании говорится о 3000 или 4000; я называю наименьшее число, оставляя читателю право уменьшить его по своему усмотрению.

[XIV-18] Название залива сохранилось, а название острова утрачено. Ранние названия островов в этом заливе были *S. Miguel la Possession*, *La Possession* и *Esposescion*; *Amapalla*, *Amapala* или *I del Tigre*; *y. de flecheros*, *Mangera* или *Manguera*. Джеффрис называет залив *Fonseca* или *Amapalla*. К востоку от *b: de fomsequa* Ваз Доурадо помещает лес *tonic*. Меркатор помещает город *Каникол* на южном берегу. Огилби помещает город *Херес*, Де Лаэт *Херес*, недалеко от *B. de Fonseca*. На одной карте есть *Херес* или *Чулутека* на восточном берегу и река *Эль-Вьехо-лас-Салинас*, впадающая в бухту.

[XIV-19] Дальнейшие упоминания об этом путешествии, однако, не имеющие большого значения, встречаются в *Discov. Гальвано*, 148-9, где говорится, что «Ниньо» достиг «Текоантепек»; *Пачеко* и *Карденас*, *Col. Doc.*, i. 440; *Огилби*, *Am.*, 238; *Кроу*, *Cent. Am.*, 58; *Гордон*, *Anc. Mex.*, ii. 204-8; *Peter Martyr*, dec. vi. cap. ii.-v.; *Conder's Mex. and Guat.*, ii. 301; *Juarros*, *Guat.*, passim; *Pim's Gate of Pacific*, 34; *Morelli*, *Fasti Novi Orbis*, 18; *Andagoya's Nar.*, 31-2.

[XV-1] При создании поселений, как и во всех вопросах, касающихся Нового Света, целью испанского правительства было закрепить все детали в законе. На стр. 19, т. ii. и далее, *Recop. de Indias*, мы находим *ordenanzas de la poblacion de ciudades y villas*, начатые Карлом V в 1523 году и продолженные Филиппом II, Фелипе III и « » Фелипе IV, вплоть до 1656 года. В них предписывалось, что при выборе места для поселения, что

всегда подразумевало строительство города, необходимо следить за тем, чтобы это место было подходящим во всех отношениях. Необходимо было убедиться, что это была здоровая местность, что молодые туземцы были здоровы и сильны, что многие люди доживали до старости, что страна была благоприятна для сельского хозяйства или горной добычи и легко доступна по суше и по морю; если по морю, то должна была быть хорошая гавань, и, по возможности, город должен был быть расположен у реки. Открытые пуэбло не должны были строиться на побережье из-за корсаров. После выбора места необходимо составить план, сформировать квадраты, разбить улицы и участки и измерить их с помощью веревки и линейки. Расположение площади, или общественной и официальной площади, имело первостепенное значение, поскольку от нее к главным входам велись самые важные улицы. После того, как земля была выделена под городские участки и эхидос, или общинные земли, прилегающая территория должна была быть разделена на четыре части, одна из которых предназначалась для лица, создавшего поселение, а остальные распределялись по жребию между поселенцами. В поселениях, расположенных в глубине страны, церковь должна была находиться на некотором расстоянии от площади, а на улице, ведущей от площади к церкви, должны были располагаться *касас-реалес*, или офисы и жилища королевских чиновников, *кабильдо*, *консехо*, или ратуша, *адуана*, или таможня, и *атарасана*, или арсенал. Или церковь размещалась на одной стороне площади; королевские дома и муниципальный дом — на другой; таможня — на третьей; а оставшаяся сторона могла быть отведена под коммерческие здания или жилые дома. Таким образом, незнакомец, входящий в любой испанский город, мог без указаний найти все основные места. На площади разрешалось размещать торговые лавки, обычно с навесом. Если город находился на побережье, церковь должна была располагаться так, чтобы ее было видно при входе в гавань, и быть построена таким образом, чтобы служить для целей обороны. В этом случае площадь должна была находиться у причала; если город находился в глубине суши, то в центре города. По форме она должна быть параллелограммом, длина которого должна быть по крайней мере в полтора раза больше ширины, так как это лучшая форма для конного спорта; ее размеры должны быть, в зависимости от численности населения, не менее 200 на 300 футов и не более 800 на 532 фута, причем оптимальный размер составляет 600 на 400 футов. От площади, углы которой были обращены к четырем сторонам света, отходили четыре главные улицы, по одной от середины каждой стороны, и две меньшие улицы от каждого угла. В холодных странах улицы должны были быть широкими, в жарких — узкими. Дома не должны были строиться в пределах 300 *pasos* или 750 футов от стен или частокола. Городские участки и земли, не распределенные между поселенцами, принадлежали королю и были зарезервированы для будущих поселенцев. Затем закон устанавливает, как первые поселенцы должны поспешить с постройкой своих домов, после того как они посадили и обеспечили себя продовольствием на сезон, строя экономно и прочно, и окружив город частоколами и укреплениями. Дома должны быть однообразными и иметь хорошие помещения для лошадей.

Любые десять или более женатых мужчин могли объединиться для образования нового поселения и ежегодно избирать из своего числа *алькальдов ordinario* и других муниципальных должностных лиц. Когда появлялась возможность основать

виллу де Эспаньолес с советом алькальдов-ординарио и регидоров и находился ответственный человек, с которым можно было заключить соглашение об основании поселения, соглашение заключалось в следующем: в течение определенного времени должно было появиться от десяти до тридцати поселенцев, каждый с одной лошадью, десятью дойными коровами, четырьмя волами, одной кобылой, одной свиноматкой, двадцатью кастильскими овцами, шестью курицами и одним петухом. Должен быть предоставлен священнослужитель, первый из которых назначался главой колонии, а его преемники — в соответствии с королевским правом патроната. Должна была быть построена церковь, которую основатель поселения снабжал украшениями и которой были предоставлены земли. Любой, кто соглашался основать поселение и соблюдал правила, получал землю площадью в четыре квадратных лиги, удаленную не менее чем на пять лиг от любого другого испанского поселения; и он сам должен был заключить соглашение с каждым зарегистрированным поселенцем о предоставлении ему участка земли под застройку, земель для выпаса скота и возделывания, а также столько *пеоний*, или долей пехотинцев, и *кабальерьяс*, или долей кавалеристов, сколько каждый из них обязывался работать, при условии, что никому не могло быть предоставлено более пяти пеоний или трех кабальерьяс. Руководитель, с которым было заключено соглашение о поселении, обладал гражданской и уголовной юрисдикцией в первой инстанции на протяжении всей жизни, а также в отношении одного сына или наследника, и от него можно было подать апелляцию к алькальду-майору или аудиенции округа. Он мог назначать алькальдов-ординарио, регидоров и других муниципальных чиновников. Те, кто отправлялся из Испании в качестве первых поселенцев, были освобождены от уплаты *almojarifazgo*, или экспортной пошлины, или других королевских сборов за то, что они брали с собой для своего хозяйства и содержания во время первого путешествия в Индию. Холостяков следовало убеждать жениться.

Когда колония собиралась покинуть город, чтобы основать поселение, *justicia* и *regimiento* должны были подать в *escribano del consejo* список мигрирующих лиц; и чтобы не допустить обезлюдения материнского города, право на миграцию имели только те, у кого не было городских участков или сельскохозяйственных земель. Когда число колонистов было укомплектовано, они должны были избрать должностных лиц, и каждый колонист должен был зарегистрировать сумму, которую он намеревался вложить в предприятие. И даже после того, как поселение было основано, будь то *колония*, то есть колонисты в добровольном объединении, или *адантеламьенто*, *алькальдия майор*, *корехимьенто*, предприятия, возглавляемые соответственно адантеладом, алькальдом майором или корехидором, или *вилла*, или *лугар*, отцам этого поселения было запрещено полностью оставлять людей самих по себе.

Первооткрыватели, миротворцы, первые поселенцы и их прямые потомки обладали преимуществами перед другими. Они были объявлены *hijosdalgo de solar conocido* со всеми почестями, согласно закону и обычаям, присущими *hijosdalgo* и дворянам Испании. Они могли носить оружие, дав перед любым судьей обязательство, что будут использовать его исключительно в целях самообороны. А чтобы было известно, кто имеет право на награду, вице-короли и президенты аудиенций были обязаны изучать дела по существу и следить за тем, чтобы *escribano de gobernacion* вел книгу, в которой записывались заслуги и достижения каждого человека, претендующего на повышение.

Для управления поселением губернатор, в чьем округе оно находилось, должен был объявить, будет ли оно *ciudad*, *villa* или *лугар*, то есть городом меньше, чем *villa*, и больше, чем *aldea*. *Сьюдад-метрополитана*, или столица провинции, должна была иметь судью с титулом *адантеадо*, то есть военного и политического губернатора провинции; или *алькальда-майора*, губернатора пуэбло, не являющегося столицей провинции; или *коррехидора*, магистрата, обладающего только уголовной юрисдикцией; или *алькальда-ординарио*, мэра с уголовной юрисдикцией. Этот судья должен был иметь юрисдикцию *in solidum* и совместно с *регименто*. Управление государственными делами было возложено на двух или трех чиновников казначейства, двенадцать *regidores*, или членов городского совета, назначаемых, а не избираемых; двух *fieles ejecutores*, или *regidores*, отвечающих за весы; в каждой приходе двух *jurados*, которые следили за тем, чтобы люди были хорошо обеспечены, особенно продовольствием; *procurador general*, прокурора с общими полномочиями; *mayordomo*, отвечающего за государственную собственность; *escribano de consejo*, нотариуса совета; двух *escribanos públicos*; одного *escribano de minas y registros*; *pregonero mayor*, официального аукциониста; *corredor de lonja*, брокера торговцев, и двух *porteros*, или привратников городского совета. Если город был *епархиальным* или *суфраганом*, он должен был иметь восемь регидоров и других должностных лиц на постоянной основе; виллы и места должны были иметь только алькальда ординарио, то есть четырех регидоров, альгуасила, или судебного пристава, *эсрибано де консехо и público* и майордомо.

[\[XV-2\]](#)

ГЕРБ ГОРОДА ПАНАМА.

Название было «Nueva Ciudad de Panamá». *Décadas*, в *Pacheco* и *Cárdenas*, *Col. Doc.*, viii. 16. Второй указ, датированный 3 декабря 1581 года в Лиссабоне, добавил к названию «muy noble y muy leal». *Panamá, Descrip.*, в *id.*, ix. 80. Полустраничное изображение герба приводится в *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, ii. 56 — щит на золотом поле, разделенный; справа — горсть серых стрел с синими наконечниками и серебристыми перьями, а также ярмо, символ католических королей. Слева — три каравеллы, символизирующие Острова Пряностей или другую торговлю, над которыми сияет Полярная звезда. Над золотым полем — корона, а вокруг поля — бордюр из замков и львов. «Tambien le diò los Honores, y Titulos de muy Noble, y muy Leal, y que sus Regidores gozen del Titulo de Veintiquatros».

[\[XV-3\]](#) Приор Лора, капеллан короля в 1522 году, был предложен папе на должность епископа страны, лежащей между Номбре-де-Дьос и Игерасом. «Siruenla cinco Dignidades, y dos Canonigos, tres Capellanes: y ocho Colegiales del Colegio. Tiene Sacristan Mayor con carga de Sochantre en el Coro; y tiene vna sola Parroquia en ella, y su comarca». *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, ii. 56. Этот автор, а также Альседо в *Dic. Univ.*, iv. 33, приводят список епископов, но оба они неверны. Это было несколько позже, время чего указано в *Purchas, His Pilgrimes*, iv. 882. «Границы Совета Панама, который сначала назывался *Кастилья-дель-Оро*, а затем *Терра-Фирме*, очень малы, поскольку Совет в основном проживает там для отправки флотов и купцов, которые отправляются в *Перу* и возвращаются оттуда: его длина с востока на запад составляет около девяноста лиг». Дополнительные ссылки: *Морелли, «Fasti Novi Orbis»*, 96; *Овьедо*, iii. 57-117; *Эппера*, dec. iii. lib. i. cap. xvi.; *Carta de la Audiencia de Santo Domingo*, в *Пачеко* и *Карденас*, *Col. Doc.*, i. 413; *Энсисо, «Suma de Geografía»*, 57.

[\[XV-4\]](#) Как первооткрыватель, его таланты не соответствовали поставленной задаче. Как писатель, Андагойя фигурировал вместе с Овьедо, Энсисо и другими известными людьми в свите беспринципного Педрариаса. Родившийся в провинции Алава, он прибыл на перешеек в 1514 году и принял активное участие в различных экспедициях по его покорению и заселению. Благодаря благосклонности Педрариаса, на дочери которого он женился, он поднялся до звания энкоммендеро, регидора Панама, а в 1522 году — генерального инспектора индейцев перешейка. Нынешняя экспедиция, которая принесла удивительные отчеты об империи инков, могла бы принести ему славу этого завоевания, или, по крайней мере, он мог бы разделить ее с Писарро, если бы его здоровье не подорвалось. В результате он просто разбогател как агент перуанского героя, и хотя впоследствии он поднялся до авантальдо и губернатора Новой Кастилии, его честность и относительная нерешительность не позволили ему пожинать плоды, доступные менее щепетильным соперникам. Оригинал его хорошо написанного повествования, рассказывающего об истории перешейка и прилегающих регионов в связи с его карьерой, был найден Наваррете в архивах Севильи и опубликован в его *Col. de Viages*, iii. 393-459, из которого Маркхэм сделал перевод, изданный в 1865 году Hakluyt Society. Рассказ Овьедо о карьере Андагойи, взятый из

другого источника, iv. 126-32, подтверждает общую точность его повествования, хотя Акоста, *Comp. Hist. Nueva Granada*, 383, заявляет, что оно окрашено с целью отстаивания его претензий на пост губернатора Новой Кастилии. *Helps' Span. Conq.*, iii. 426, и *March y Labores, Marina Española*, ii. 121, описывают путешествие Андагои.

[\[XVI-1\]](#)

Называемый Эрперой Имабите, а Хуарросом, *Гуатом*, следовавшим за ним, Имабите. «Y poblò en medio de la provincia de Ymabite, la ciudad de Leon, con templo, y fortaleza.» dec. iii. lib. v. cap. xii. См. также *Relacion de Andagoya*, в *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 413; *Exposicion á S. M. por la justicia y regimiento de la ciudad de Granada*, в *Pacheco y Cárdenas, Col. Doc.*, vii. 555-6; *Relacion de lo que escriben los oidores*, в *id.*, xiv. 39; *Remesal, Hist. Chyapa*, 164; *Oviedo*, iii. 113-14, 119, iv. 100-1. Фрай Гиль Гонсалес Давила в *Teatro Ecles.*, i. 233, дает изображение того, что он называет «armas de la ciudad de Nicaragua», состоящее из щита с изображением льва, стоящего на задних лапах, с левой лапой, опирающейся на глобус. Щит увенчан короной. Учitando, что этот автор обычно далек от истины, мы можем применять термин «город Никарагуа» к любому городу в Никарагуа, несмотря на то, что он утверждает, что это место было открыто Гиль Гонсалесом в 1522 году и заселено Эрнандесом и Педрариасом.

[\[XVI-2\]](#) Состоящий из золота от 12 до 18 карат по фактической пробе, на сумму 17 000 песо де оро; из золота более низкого качества, известного как *хачас*, на сумму 15 363 песо; в виде кусочков в форме погремушек, которые, как утверждается, не имеют стандартной стоимости, на сумму 6182 песо. *Гиль Гонсалес Давила, Carta al Rey*, MS. Также было 145 песо жемчуга, из которых 80 песо было добыто на Жемчужных островах. *Relacion del viage que hizo Gil Gonzalez Dávila*, в *Pacheco y Cárdenas, Col. Doc.*, xiv. 20-24. В этом документе подробно указаны, помимо количества добытых жемчужин, пройденное расстояние, размеры островов, названия провинций, через которые они прошли, с их вождями, золото, добытое в каждой из них, и крещенные души. Здесь также приводятся, 5-20, *id.*, *Andrés Niño, Relacion del asiento*, или соглашение с королем; *Relacion de lo que va en la armada*, с указанием стоимости снаряжения и т. д.

[\[XVI-3\]](#) 10 марта 1524 года королевские чиновники на Эспаньоле, Мигель де Пасамонте и Алонсо Давила, пишут королю, что капитан Хиль Гонсалес Давила собирается отплыть «в поисках пролива с севера на юг» — «Torna agora á buscar el Estrecho de Norte á Sur». *Пачеко и Карденас, Col. Doc.*, i. 440.

[\[XVI-4\]](#) «El mal tiempo echo a la mar algunos de los cavallos que llevaba, de donde le quedó el nombre». *Эрпера*, dec. iii. lib. v. cap. xii. Овьедо упоминает о смерти лошади, которую похоронили в строгой тайне, чтобы туземцы не узнали, что они смертны. Фернандо Колон в 1527 году пишет: *a: de caualllos*; Рибера в 1529 году: *C^{da} de caualllos*; Ваз Дурадо в 1571 году — *p^{da} de caualllos*, с названием *triqueste next west*; Де Лае в 1633 году — *P^o de Cavallos*; Огилби в 1671 году — *P^{ta} d. Cavallos*; Джефферс в 1776 году — *P^{to} Cavallos*; а сегодня — как в тексте.

[\[XVI-5\]](#) Овьедо, iii. 114, говорит, что через два или три дня Сото и его товарищи были освобождены под честное слово, и им вернули оружие.

[XVI-6] Город, порт и мыс. Некоторые английские карты до сих пор сохраняют название *Cape Triunfo*. Риберо пишет *t'ũfo de la ċz*; Ваз Доурадо — *triumfo dellai*, следующее название на западе — *piita de la call*, а рядом с ним — *rio de pochi*, которое Риберо называет *R^o d' pechi*. К западу от этого названия Риберо помещает *p^o de hellados*. Огилби, Де Лаэт, Джефферс и другие дают *Triumpho* или *Triunfo de la Cruz*.

[XVII-1] См. [главу IV, примечание 6, этот том](#).

[XVII-2] «Una que llaman Hueitapalan y en otra lengua Xucutaco ... ocho ó diez jornadas de aquella villa de Trujillo». *Кортес, Cartas*, 469. «Higueras y Hōduras, que tenian fama de mucho oro y buena tierra». *Гомара, Hist. Mex.*, 233.

[XVII-3] *Cartas*, 315, письмо от 13 октября 1524 г. Письмо императора, приказывающее ему исследовать оба побережья, датировано 6 июня 1523 г.

[XVII-4] Солдаты, 370 человек, включая 100 лучников и аркебузирова, и 22 лошади, говорит *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 176. «Por todos cinco navios gruesos ó caravelas é un bergantin». *Овьедо*, iii. 459.

[XVII-5] Также пишется как Oli, Olit, Olite, Dolid, Dolit. Идальго из Баесы. *Овьедо*, iii. 188. См. гл. vi. т. i., *Hist. Mexico*, эта серия.

[XVII-6] Бернал Диас описывает его как хорошо сложенного, крепкого мужчину с широкими плечами и довольно светлой кожей. Несмотря на особенность в виде бороздки на нижней губе, которая придавала ей вид раздвоенной, лицо было очень привлекательным. «Ega un Hector en el esfuerzo, para combatir». Он был женат на португальке Фелипе де Араухо, от которой у него была дочь. *Hist. Verdad.*, 176, 177, 240. Дополнительные ссылки в гл. VI, т. I, *Hist. Mexico*, эта серия.

[XVII-7] По его словам, мочки его ушей были отрезаны захватчиками крепости, которую он слишком упорно помогал защищать. Бернал Диас, похоже, сомневается в этом объяснении. *Hist. Verdad.*, 176, 177.

[XVII-8] Агент Алонсо де Контрерас получил на эти цели 8000 песо де оро, чтобы экспедиция не была затруднена из-за нехватки средств и не была вынуждена сразу же грабить местных жителей. *Oviedo*, iii. 459. Кортес оценивает общую стоимость экспедиции в более чем 50 000 дукатов. *Mem.*, в *Doc. Inéd.*, iv. 227; *Instruc.*, в *Pacheco* и *Cárdenas, Col. Doc.*, xiii. 5; *Gastos*, в *id.*, xii. 386, с подробностями расходов. Покупки были сделаны до того, как появление флота привело к росту цен в Гаване, и все же фанега кукурузы стоила два песо де оро, меч — восемь песо, арбалет — двадцать, а мушкет — сто, а капитан корабля получал восемьсот песо в месяц. *Гомара, Hist. Mex.*, 243.

[XVII-9] «Кристобаль Долит вступил в сговор с Диего Веласкесом и не собирался подчиняться мне, а хотел передать землю Диего Веласкесу и объединиться с ним против меня». *Кортес, Письма*, 337. «Cōcertarō ... ĩ entre él, y Christoval de Oli, tuviesen aquella tierra de Higueras ... y ĩ el Diego Velazquez le proveeria de lo ĩ huviesse menester». *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 177; *Овьедо*, iii. 113; *Гомара, Hist. Mex.*, 243.

[XVII-10] В противном случае он вернется в Мексику к своей жене и поместьям и заявит перед Кортесом, что его соглашение с Веласкесом было уловкой с его стороны, чтобы получить припасы и людей. *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 177.

[XVII-11] «Con que començò a entender que se yua apartando de la obediencia de Cortés». *Эррера*, dec. iii. lib. v. cap. xii.

[XVII-12] *Juarros, Guat.*, 42-3. Вскоре от этой идеи отказались. См. [гл. xvi., примечание 5, этот том](#).

[XVII-13] Это согласно *Гомаре, Hist. Mex.*, 269, и *Кортесу, Cartas*, 467, которые, однако, не указывают ясно, что Валенсуэла был одним из офицеров Олида. Узнав о кораблекрушении, вероятно, от Касаца, Кортес послал за ними судно, которое также потерпело кораблекрушение у побережья Кубы. Бернал Диас, *Hist. Verdad.*, 208, упоминает об этой группе как о двадцати пяти мужчинах, посланных похитить индейцев.

[XVII-14] «Cum narium et venarum gutturis summo tumore præ ira, sæpe dedit de tanta animi perturbatione signa, neque a verbis id significantibus abstinuit». *Пепр Мученик*, dec. viii. cap. x.

[XVII-15] Кортес не упустил из виду применение этого закона к своей собственной авантюре с Веласкесом. Жалуясь императору, он предполагает, что многие сочтут это *pena peccati*, но объясняет, что Олид не принимал участия в этой экспедиции, как он сам участвовал в экспедиции из Кубы. Что касается нынешнего флота, он сожалел не столько о потере 40 000 песо де оро, сколько о вреде, который восстание нанесет имперским интересам, задержав исследование и колонизацию и приведя к эксцессам в отношении индейцев. Кроме того, он остроумно замечает, что такие восстания отпугнут лояльных и предприимчивых людей от того, чтобы связать свою судьбу со службой короне. *Cartas*, 337.

[XVII-16] *Эррера*, dec. iii. lib. v. cap. xiii. Кортес, *Cartas*, 336, называет его «*primo*», что может иметь то же толкование. Овьедо, iii. 517, называет его зятем.

[XVII-17] Оснащенный парусами и такелажем судов, захваченных у торговцев, и принудительно набранными экипажами, флот получил приказ перехватить любую связь и помощь для Гондураса. *Testimonio*, в *Pacheco* и *Cárdenas, Col. Doc.*, xii. 274-7. По-видимому, это были все суда, которые удалось достать. Одно или оба небольших судна дезертировали и укрылись на Кубе, чтобы оставить там свидетельство. См. также *Relacion de los Oidores*, в *id.*, xiv. 43; *Кортес, Cartas*, 336. Бернал Диас указывает, что количество судов составляло пять, а солдат — 100, называя имена трех конкистадоров. *Hist. Verdad.*, 194. Из 150 солдат, вероятно, действительно было 100, и, возможно, было пять судов, поскольку Эррера утверждает, что Кортес послал корабль с припасами под командованием Педро Гонсалеса, чтобы тот следовал за Касасом. У самого побережья Гондураса его настигла буря, которая заставила его вернуться в Пануко с убеждением, что флот, должно быть, погиб, dec. iii. lib. v. cap. xiii. Гомара, *Hist. Mex.*, 243, упоминает только два судна.

[XVII-18] «Assi estuuieron todo aquel dia», — говорит Эррера, *loc. cit.*, который оставляет читателю возможность предположить, что в какой-то момент преимущество перешло на сторону Олида и заставило Касаса поднять белый флаг, который был проигнорирован; но другие авторитеты не разделяют эту точку зрения.

[XVII-19] Четыре солдата. *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 194; без потерь, говорит Эррера.

[XVII-20] «O esperando con intenció de se ir a otra baia a desembarcar» — одно из предположений *Бернала Диаса, Hist. Verdad.*, 194. «Briones ... en teniendo aiso de Francisco de las Casas, se apartò de Christoual de Olid, y tomò la voz de Cortes». *Эррера, ubi sup.* Похоже, что к этому времени Брионес получил преимущество над Гиль Гонсалесом, захватив более 50 его людей, но теперь он освободил их на определенных условиях. *Кортес, Cartas*, 459. Бернал Диас предполагает, что восстание Брионеса произошло позже и что он отправился в Мексику.

[XVII-21] Убедив его с помощью двух-трех дней пребывания на открытом воздухе и голодания, как, по-видимому, намекают Бернал Диас и Гомара. Эррера предполагает, что он завоевал его доброжелательным обращением.

[XVII-22] После поражения от Брионеса Гиль Гонсалес, по-видимому, растерялся. Оставив нескольких последователей в Нито под командованием Диего де Армента, он сел на три корабля, зашел в Сан-Хиль, чтобы повесить Франсиско Рикельме и священника за то, что они возглавили восстание, и оттуда направился в Чолому. Из-за перехода Брионеса на сторону противника его поимка была поручена Хуану Руано. *Эррера*, т. III, кн. V, гл. XIII. Поимка была осуществлена с потерей его племянника Гиль де Авила и восьми солдат. *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 194; *Кортес, Cartas*, 459. Овьедо предполагает, что Гонсалес был обманут ложными обещаниями, т. III, 188.

[XVII-23] «Con un cuchillo de escribanías, que otra arma no tenia ... diciendo: "Ya no es tiempo de sufrir mas este tirano."» *Кортес, Cartas*, 460.

[XVII-24] «Aquí del Rey, e de Cortés contra este tirano, que ya no es tiempo de mas sufrir sus tiranias.» *Бернал Диас, Hist. Verdad*, 195.

[XVII-25] По словам Эрреры, исповедник, потрясенный провозглашением, раскрыл место укрытия, выторговав обещание, что его подопечному не будет причинено никакого вреда. Обещание было нарушено по принципу «мертвец не ведет войну», и хотя Олид *был мертв*, когда настал час казни, его *труп* был публично обезглавлен, dec. iii. lib. v. cap. xii. Другие источники не указывают, как он был обнаружен или арестован. «Otro día por la mañana, hecho su proceso contra él, ambos los capitanes (Касас и Гонсалес) juntamente le sentenciaron á muerte». *Кортес, Cartas*, 460. «Assi fenecio su vida, por tener en poco su contrario». *Гомара, Hist. Mex.*, 244. Его брат, Антонио де Олид, обратился в Consejo de Indias с просьбой о правосудии в отношении Касаса и Гонсалеса за убийство. Эррера, dec. iii. lib. x. cap. xi.

[XVII-26] В Эстремадуре.

[XVII-27] «Halláronse ciento y diez hombres que dijeron que querian poblar, y los demás todos dijeron que se querian ir con Francisco de las Casas». *Кортес, Cartas*, 460. См. также *Informe*, в *Pacheco и Cárdenas, Col. Doc.*, ii. 131, 141. Среди них не было последователей Гонсалеса, но, возможно, были все люди Олида и Касаса, которые хотели остаться в Гондурасе; однако кажется странным, что последние позволили столь большому числу людей покинуть провинцию, которую они были посланы занять.

[XVII-28] Овьедо предполагает, что Касас не мог терпеть соперников после своего триумфа и взял Гонсалеса в плен, «é llevólo en grillos á la Nueva España». iii. 188-9, 518. Последнее утверждение еще менее вероятно. Между тем ситуация в Мексике изменилась, и он, как и Касас, попал в руки врагов Кортеса, которые сначала намеревались казнить их, но в конце концов отправили обоих в Испанию для суда. Одним из обвинений было убийство Олида. Гонсалес потерпел кораблекрушение на острове Файял, но в апреле 1526 года добрался до Севильи, где был заключен в атаразану, или арсенал. Освобожденный под честное слово, как рыцарь-командор Сантьяго, он вернулся в свой дом в Авиле и там вскоре умер, по словам Овьедо, глубоко раскаявшись в своих грехах. *Давила, Testimonio*, в *Pacheco и Cárdenas, Col. Doc.*, xii. 362-7.

[XVII-29] *Гомара, Hist. Mex.*, 245. Вскоре после этого меньшинство попыталось заменить Медину альгуасилем Орбанехой. *Пачеко и Карденас, Col. Doc.*, ii. 133-5. Свидетельство об основании Трухильо, в *id.*, xiv. 44-7.

[XVII-30] Эррера утверждает, что Руано, захвативший Гонсалеса, после триумфа Касаса уехал на Кубу, но свидетельство в *Пачеко и Карденас, Col. Doc.*, ii. 127 и др. показывает, что он был схвачен Морено в Сан-Гиле.

[XVII-31] Сам он, вероятно, был капитаном. Около шестнадцати рабов были похищены здесь, а остальные — в Сан-Гиле. Отчет о действиях Морено, составленный разными свидетелями, можно найти в *Informacion hecha por órden de Hernan Cortés sobre excesos por Moreno*, в *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, ii. 127-79; и в *Relacion de los Oidores*, в *id.*, xiv. 39 и т. д. Когда император узнал о похищении, он в гневе приказал освободить рабов и хорошо с ними обращаться до завершения расследования. Эррера, dec. iii. lib. x. cap. xi. Кортес намекает, что Руано убедил Морено отдать ему командование. *Cartas*, 462-3.

[XVIII-1] Эррера предполагает более веские причины: прибытие судна с провизией, отправленного вслед за Касасом, с сообщением о том, что последний не смог устоять перед штормом, который отбросил его обратно в Мексику, и слухи о победе Олида над обоими его противниками. Но можно с большой уверенностью сказать, что Кортес ничего не слышал о последнем событии, по крайней мере, пока он был в Мексике, dec. iii. lib. v. cap. xiii.

[XVIII-2] Безопасность Мексики была выше других соображений; дорога в Гондурас была неизвестна и полна опасностей; император наказал бы Олида. Таковы были использованные аргументы. Кортес ответил, что, если не будет наложено быстрое наказание, другие последуют его примеру, и это приведет к беспорядкам, а также к потере уважения и территории. Чиновники короны от имени императора потребовали, чтобы он остался. *Гомара, Hist. Mex.*, 245. Кортес уступил и написал императору, что он намеревался пройти через Гватемалу, но

останется, тем более что ожидает новостей из Гондураса в течение двух месяцев. *Carta*, 15 октября 1524 г. Через несколько дней он начал свой поход.

[XVIII-3] *Cartas*, 3 сентября 1526 г., 395-6.

[XVIII-4] В письме из Гондураса он указывает дату 12 октября, но эта общепринятая дата, вероятно, является опечаткой, поскольку в одном из двух писем, датированных Мехико в течение следующих трех дней, он пишет императору, что не уедет. Он вряд ли осмелился бы раскрыть, что уехал, писав, что все еще находится в Мехико, но он был в пути до ноября.

[XVIII-5] «Sacó de aquí ciento y veinte de caballo y veinte escopeteros y otros tantos ballesteros y gente de pié», помимо 4000–5000 индейцев. *Carta de Alborno*, в *Icazbalceta*, *Col. Doc.*, i. 485. По крайней мере, несколько испанцев присоединились к ним по пути в Гоазакоалько, где проходил смотр, и, по словам Бернала Диаса, их число превышало 250 солдат, помимо прибывших из Испании, 130 всадников и 3000 воинов из разных частей страны, помимо слуг кациков. *Hist. Verdad*, 195-7. Это согласуется с данными Гомары о 150 всадниках, 150 пехотинцах, 3000 воинах и нескольких служанках. *Hist. Mex.*, 251. Кортес в том же смотре упоминает только 93 всадника с 150 лошадьми и 30 с лишним пехотинцев. *Cartas*, 398.

[XVIII-6] Прескотт, чей отчет об этой знаменитой экспедиции и связанных с ней событиях свидетельствует как о недостатке авторитетных источников, так и о несовершенстве исследования, упоминает только правителей Мексики и Тлакопана. Хелпс следует его примеру. Но Гомара называет также короля Тецкуко, помимо ряда кациков, и описывает их трагическую судьбу, как и Икстильшочитль, причем более подробно. *Horribles Crueldades*, 79.

[XVIII-7] Бернал Диас называет ряд офицеров и слуг, таких как Карранса, майордмо; Яссо, маэстресала, или главный дворецкий; Салазар, камергер; Лиценциадо Перо Лопеса, доктор, винодел, повар, дворецкий и т. д.; 2 стражника с копьями, 8 конюхов и 2 сокольничих; 5 музыкантов и т. д.

[XVIII-8] Бернал Диас выражает свои чувства громким ворчанием, которое смягчается, когда он вспоминает об утешении для своей гордости, полученном в виде временного назначения на незначительную должность. *Hist. Verdad*, 197.

[XVIII-9] «Y aun hasta Nicaragua ... y hasta dōde residia Pedrarias». *Gomara*, *Hist. Mex.*, 250.

[XVIII-10] См. *Kортес*, *Cartas*, 337, 397.

[XVIII-11] Поселения на перекрестках называются соответственно Тоналан и Агуалулько, что пишется по-разному даже одним и тем же автором.

[XVIII-12] Кортес называет провинцию Çirilcon, расположенную в 35 лигах от Эспириту-Санто, что может быть верно, если исходить из маршрута следования. Ее длина составляла 20 лиг, а самым восточным поселением было Анаксукса.

[XVIII-13] Гезалапа, или Кецатлапан.

[XVIII-14] Загоатан, Загутан и т. д.

[XVIII-15] Окумба была одним из поселений, обнаруженных вверх по течению реки.

[XVIII-16] «Estuvieron muy cerca de se ahogar dos ó tres españoles» — это осторожная формулировка, которой Кортес маскирует этот и другие неприятные факты перед императором. *Cartas*, 404.

[XVIII-17] Здесь был сожжен заживо мексиканец-людоед в качестве предупреждения против подобных излишеств; а ведущему касике было передано письмо, чтобы он сообщил другим испанцам, что он является другом белых людей. *Gomara, Hist. Mex.*, 252; *Herrera*, dec. iii. lib. vii. cap. viii.

[XVIII-18] Асенсьон — название, данное Кортесом заливу Гондурас. По дороге в столицу Акалана пришел гонец с письмами из Мексики, однако не очень свежими, и его отправили обратно из Изанканака. *Kортес, Cartas*, 421-2.

[XVIII-19] Судьба экипажа и судов, по-видимому, была смешана с вымышленным рассказом о всеобщей катастрофе, и только после возвращения Кортеса в Мексику, два года спустя, были проведены расследования, которые выявили их судьбу. *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 196, 210. Альборнос, один из правителей, назначенных Кортесом в Мексике, в письме императору от 15 декабря 1525 года сообщает, что, согласно сообщениям торговцев из Сикаланко Ордасу, отряд Кортеса был убит семь-восемь лун назад в островном городе Кусамелько, расположенном в семи солнцах от Сикаланко. Они были застигнуты врасплох ночью и убиты мечами и огнем. Некоторых пленников оставили для еды, но их мясо оказалось горьким на вкус, и его выбросили в озеро. *Иказбальсета, Col. Doc.*, i. 485-6.

[XVIII-20] Загуатапан, Уатипан и т. д.

[XVIII-21] «Y los arboles tan altos que no se podia subir en ellos, para atalayar la tierra». *Gomara, Hist. Mex.*, 253.

[XVIII-22] Кортес называет Узумазинтлан, расположенный ниже, и Петенекке, расположенный на шесть лиг выше, а также три других пуэбло, расположенных дальше. *Cartas*, 412. Кортес в ответ подарил им подарки и так убедительно призвал их принять свою веру, что многие вернулись, чтобы сжечь своих идолов. *Гомара, Hist. Mex.*, 254. Бернал Диас утверждает, что на этой реке были убиты четыре сборщика продовольствия. *Hist. Verdad.*, 198.

[XVIII-23] Туземцы сообщили о двух реках, одной очень большой, и плохих болотах, расположенных в трех днях пути от Акалана. *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 198.

[XVIII-24] Апоксалон, Апасполон и т. д.

[XVIII-25] Бернал Диас утверждает, что он и Мехия возглавляли отряд.

[XVIII-26] Он был одним из трех фламандских монахов, которые составили первую специальную миссию монахов в Новую Испанию, прибывшую за год до знаменитой двенадцатки. *Торквемада*, iii. 424-5. Его настоящее имя было Де Тоит.

[XVIII-27] «Algunas oy permanezen (1701), y se llaman las Puentes de Cortés». *Вильягутьерпе, Hist. Conq. Itza*, 40.

[XVIII-28] Бернал Диас с гордостью подробно рассказывает, как великий вождь смирился перед ним. *Hist. Verdad.*, 199. Сандовал не осмелился доверить своим слугам секрет, от которого зависел его ужин, и лично сопровождал его вместе с Диасом. Монахи получили щедрые пожертвования от людей, но индейцы были обделены, говорит Икстильшочитль, и только короли и вожди получили в качестве милости немного кукурузы, отложенной для лошадей. *Horribles Crueldades*, 87.

[XVIII-29] Кортес пишет Teutiercas, Tentacras; Гомара, Teuticaccas; Эрпера, Titacat.

[XVIII-30] « » В довольно сбивчивом рассказе Бернала Диаса говорится, что Кортес потребовал построить мосты, но ему ответили, что сначала нужно проконсультироваться с вождями разных поселений. Поскольку были нужны припасы, Масариегос был отправлен с 80 людьми на каноэ в разные поселения, чтобы получить припасы, и получил готовый ответ. Следующее поселение, до которого дошла армия, было заброшено и не имело продовольствия. «*Hist. Verdad.*», 200. Вышесказанное вызывает сомнения.

[XVIII-31] Говорят, что план был передан сочувствующим в Мексике с рекомендацией в определенный день подняться против колонистов. «Y de aqui creyeron muchos que naciò la fama de la muerte de Cortes». *Herrera*, dec. iii.

lib. vii. cap. ix. По словам Гомары, для этого восстания было достаточно возможностей во время анархии, царившей в отсутствие Кортеса, но индейцы ждали дальнейших приказов от Куаутемоцина. В конце концов их приготовления вызвали подозрения колонистов, и те приняли меры предосторожности. *Hist. Mex.*, 250, 258. По словам Кортеса, индейцы, убив испанцев, должны были поднять на восстание Гондурас и промежуточные земли, прежде чем пройти в Мексику. Все суда должны были быть захвачены, чтобы не дать возможности поднять тревогу. *Cartas*, 420.

[\[XVIII-32\]](#) Мексикальцин, впоследствии крещенный как Кристобаль, которому, по словам Кортеса, заговорщики обещали провинцию в качестве его доли добычи. *Cartas*, 420-1. Бернал Диас утверждает, что это откровение было сделано двумя видными вождями, Тапия и Хуаном Веласкесом, последний из которых был генерал-капитаном при правлении Куаутемоцина. *Hist. Verdad.*, 200. По словам Икстильшочитля, индейцы подражали испанцам в празднествах, предшествующих Великому посту, но делали это таким образом, что вызывали подозрения Кортеса. Одной из причин веселья было заявление Кортеса о том, что здесь они повернут назад, в Мексику. Генерал вызвал своего шпиона Костемекси из Икстапалапана или Мексикальцинко и велел ему выяснить, что происходит. Тот вскоре вернулся и доложил, что три короля и шесть придворных вели шутивную дискуссию о том, кому из троицы должны принадлежать теперь завоеванные провинции. Тлакатекаль, один из главных лордов, заметил, что если раздор привел к падению империи коренных народов, то они обрели вместо этого высшее счастье — обучение истинной вере. После этого последовали рассказы и песни. Когда несколько лет спустя шпион был подвергнут пыткам принцем Икстильшочитлем, он настаивал, что он описал ситуацию только так, как указано выше, но Кортес решил интерпретировать это как злонамеренный заговор. *Horribles Crueldades*, 90-3. Эта версия вызывает сомнения в деталях, а также по той причине, что автор стремится оправдать коренных жителей. Причина для радости по поводу возвращения в Мехико из Акалана скорее связана с обещанием заговорщиков, чем с Кортесом.

[\[XVIII-33\]](#) Короли создали его, и хотя они не были его участниками, но, как подданные, естественно желали свободы и благополучия своих господ. *Гомара, Эррера, Кортес, Бернал Диас*. Двое первых упоминают трех союзных королей, последний — только двух из Мехико и Тлакопана.

[\[XVIII-34\]](#) Остальные были пощажены, поскольку, по словам Кортеса, они были виновны главным образом в том, что слушали заговор; «pero quedaron procesos abiertos para que ... puedan ser castigados», если это потребуется. Казнь состоялась через несколько дней после раскрытия заговора. *Cartas*, 421. Бернал Диас, Эррера и Гомара согласны с этим. Последний добавляет, что король Кохуанакоч из Тецкуко, который также участвовал в заговоре, умер за некоторое время до этого от плохой еды и воды. *Hist. Mex.*, 274. Торкемада добавляет пять казиков к трем королевским жертвам, согласно версии коренных жителей. i. 576.

[\[XVIII-35\]](#) *Hist. Verdad.*, 200.

[\[XVIII-36\]](#) 'Por carnestollendas ... en Izancanac.' *Gomara, Hist. Mex.*, 258-9. 26 февраля 1525 года, уточняет Ветанкурт; во вторник, за три часа до рассвета, добавляет Икстильшочитль, который также заявляет, что местные песни и версии помещают это событие в Теотилак, и, безусловно, оно, по-видимому, произошло до того, как были достигнуты пределы столицы. Мексиканцы были настолько угнетены лишениями, говорит Бернал Диас, что казались совершенно равнодушными; тем не менее, испанцы поспешили с отъездом из-за страха восстания. Он помещает это событие в пуэбло за Акаланом. Икстильшочитль рассказывает другую историю. Королей вывели за три часа до рассвета из-за страха беспорядков. Двое из Мехико и Тлакопана уже были повешены, и Коуанакоч был готов к казни, когда его брат Икстильшочитль, получив известие, бросился вперед и призвал индейцев. Осознав опасность, Кортес перерезал веревку и спас полузадушенного короля Тецкуко. Затем он приступил к объяснению Икстильшочитлю справедливых причин, которые привели к казни. Принц, казалось, был убежден и отпустил помощников, которые были готовы напасть на испанцев. Однако главной причиной, по которой он пощадил их, была не справедливость поступка, который он считал предательским, а страх перед войнами, которые могли бы вызвать восстание и принести опустошение его стране, затормозив прогресс спасительной

веры. Коуанакоч, которого Кортес обвинил в качестве главного заговорщика, был увезен с армией в гамаке, сильно страдая от сдавливания петли. Его горе вызвало кишечное кровотечение, от которого он умер через несколько дней. *Horribles Crueldades*, 98-4.

[XVIII-37] «И, не имея больше доказательств, Кортес приказал повесить Гватемуса и сеньора де Такуба... Y fue esta muerte que les dieron muy injustamente dada, y pareció mal a todos los que ibamos aquella jornada». *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 200. Но его рассказ обо всей этой экспедиции вызывает сомнения, и его показания теряют силу из-за очевидного факта, что он увлечен симпатией к королям, которые часто благоволили к нему, и к туземцам, с которыми его позднее положение в жизни связывало его довольно тесно. Он, безусловно, признает серьезность обвинения и подтверждающие признания жертв, например, король Тлакопана заявил, что он и Куаутемоцин предпочли бы одну смерть ежедневным страданиям. Торквемада принимает версию тецкуканской рукописи, в которой рассказывается, что Коуанакоч однажды заметил своим королевским собратьям, что, если они решат проявить нелояльность, испанцы могут пожалеть о прошлых обидах. Куаутемоцин поспешил заставить его замолчать, заметив, что стены имеют уши, которые могут неправильно понять такие высказывания. Один из простолудинов донес на них, и в ту же ночь те, кто присутствовал при разговоре, три короля и пять вождей, были найдены повешенными на дереве сейба. Торквемада не верит, что индейцы намеревались поднять восстание, тем более что их страна была теперь разделена, но считает, что Кортес рассматривал королей как обузу, i. 575-6. Каво, *Tres Siglos*, i. 46-8, соглашается с этим, а Гомара даже намекает на это, говоря, что Кортес должен был сохранить столь выдающегося и храброго пленника, чтобы подчеркнуть триумф своих побед, но опасные обстоятельства, должно быть, помешали ему. *Hist. Mex.*, 259. «Es notorio, que Quauhtemoc y los demás señores murieron sin culpa, y que les levantaron falso testimonio». Действительно, продолжает Икстильшочитль, когда индейцы жаловались королям на плохое обращение, те советовали им подчиниться. Но его рассказ настолько полон вопиющих неточностей и абсурдов, а желание избавить своих соплеменников от клейма предателей настолько очевидно, что ему нельзя доверять. *Horribles Crueldades*, 82 и др.; *Id., Relaciones, Kingsborough's Mex. Antiq.*, ix. 440 и др. Брассер де Бурбург, конечно, безоговорочно следует за ним, как и почти за любыми записями из местных источников. Кроме шпиона не было никаких свидетелей, и князьям не дали возможности защищаться. *Hist. Nat. Civ.*, iv. 608. Он явно не обращает никакого внимания на испанские версии. Бустаманте еще более безоговорочно принимает записи тех, кого он предпочитает считать своими предками. См. его издание Гомары, *Чималпайн, Hist. Conq.*, ii. 135-6. Кано, который женился на двоюродной сестре и вдове Куаутемоцина, называет казнь трех королей убийством, как и следовало ожидать, учитывая его неприязнь к Кортесу. *Овьедо*, iii. 549. Увлеченный гиперболическими полетами фантазии, в которых он превосходит даже самого Солиса, Салазар осуждает этот поступок как основанный на ложных показаниях и обвиняет Кортеса в том, что он раздражал туземцев, прибегая к столь опрометчивой мере. *Conq. Mex.*, 240-3. Отец Дуран подчеркивает это с хорошо известной симпатией к делу туземцев. «Y levantándose contra él algunos testigos falsos le mandó á horcar». *Hist. Ind.*, MS., ii. 522. На основании неполных доказательств и без суда, говорит Робертсон, *Hist. Am.*, ii. 138. Прескотт сочувствует Куаутемоцину и считает показания недостаточными, в то время как Хелпс, *Кортес*, 208-9, сомневается в заявлениях Бернала Диаса и называет этот акт жестокой практической мудростью. Главным основанием для такой точки зрения является то, что Кортес, как гидальго, не стал бы лгать, и поэтому ему можно доверять. Мне не посчастливилось обрести такую веру, и я полагаю, что более тщательное изучение его героя могло бы изменить мнение сэра Артура Хелпса. Аламан, мексиканец, симпатизирующий испанцам, верит в заговор, но считает казнь пятном на репутации Кортеса. По крайней мере, Куаутемоцин должен был быть отправлен в Испанию после падения Мехико. *Disert.*, i. 214. Это, безусловно, было бы лучшим способом обеспечить его безопасность и использовать его. Писарро-и-Орельяна, *Varones Ilustres*, 114-16, считает доказательства ясными, а казнь справедливой; так же считает и Ревилья, хотя его доводы не самые лучшие. *Солис, Conq. Mex.* (изд. 1843), 508.

[XVIII-38] Не исключено, что подозрения относительно мыслей и поступков королей могли вызвать предвзятое отношение к ним, но эти подозрения существовали еще до того, как они покинули Мексику, о чем свидетельствует тот факт, что их взяли не только в качестве заложников для обеспечения лояльности их

подданных, но и в качестве меры предосторожности на случай их собственной возможной нелояльности. Кваутемоцин, очевидно, не был самым покорным из людей, поскольку его всегда считали требующим пристального наблюдения, и Кортес привез его в основном из-за его «буйного» характера, как он сам выражается. Нельзя считать непростительным, что индейские помощники выражали свои чувства в бунтарских высказываниях против надсмотрщиков и грабителей, которые увозили их из дома навстречу неизвестной судьбе, чтобы терпеть тяжкий труд, голод и опасность. Но такие чувства нельзя было игнорировать в случае с королями. Они, как плененные вожди, существовали только по милости, условием которой было хорошее поведение. Для них даже слушать означало поощрять, и, следовательно, они были виновны. Я не виню их. Напротив, я скорее виню их за то, что они не проявили большей готовности и решимости в патриотических усилиях. Но, решив выслушать и действовать, они, без сомнения, приняли на себя риск, наказание за который было четко определено всеми народами. Кортес не был человеком, который колебался бы перед любым поступком, когда этого требовали частные или общественные интересы; и нужно было совсем немного, чтобы пробудить слепую ярость дремлющих подозрений солдат относительно лояльности мексиканцев. Но здесь у нас есть доказательства — не беспочвенные даже с точки зрения коренных жителей — оправдывающие испанцев в их предположении, что заговор или, по крайней мере, мятежные разговоры были широко распространены, и это среди орды, превосходившей их по численности в десять раз; орды, которая всегда питала к ним враждебные чувства и теперь была вдвойне озлоблена страданиями. В таких обстоятельствах даже святые не проигнорировали бы свидетельства, какими бы сомнительными они ни были; а кастильцы были всего лишь людьми. Инстинкт самосохранения, да, долг перед королем, страной и Богом, чьи интересы они защищали, требовали немедленного подавления столь зловещей опасности. Какие меры были бы лучшими? Долгая кампания в Мексике убедила Кортеса в том, что народ, столь приученный к покорности, как ацтеки, и столь кровожадный в своих культах, можно контролировать только жестокостью, и что урок должен быть дан лидерам. В сложившейся ситуации солдаты не могли охранять большое количество пленников. Поэтому не оставалось ничего другого, как смертная казнь. Согласно Берналу Диасу, *Hist. Verdad*, 201, душевные муки Кортеса из-за страданий экспедиции усилились настолько, что он стал бессонным, и однажды ночью, бродя по храму, служившему лагерем, он упал с платформы с высоты десяти футов и сильно ушиб голову.

[\[XVIII-39\]](#) На водотоке, впадающем в Терминос. *Кортес, Cartas*, 419.

[\[XVIII-40\]](#) «Пуэблос, ò Тьеррас де Венадос». Вильягутьерре, *Hist. Conq. Itza*, 43. «Провинция Масатлан, которая на их языке называется Киачо». *Кортес, Cartas*, 422.

[\[XVIII-41\]](#) Назван Кортесом Таика, Тахика и Тайса, последнее название, возможно, не является неправильным, хотя Атица или Тайсал, возможно, подходят лучше.

[\[XVIII-42\]](#) Вероятно, это озеро Сан-Педро, из которого были выловлены все рыбы, числом более 1000. *Бернал Диас, Hist. Verdad*, 201.

[\[XVIII-43\]](#) «Parescia brazo de mar, y aun así creo que lo es, aunque es dulce». *Cartas*, 427.

[\[XVIII-44\]](#) Так пишут Бернал Диас и Вильягутьерре. Пинело, *Relacion*, 1, 2, пишет Таица или Атитца. В двух лигах от берега, говорит Кортес, на острове, известном как Петен-Ица, где Петен означает «остров». Его нынешнее название — Ремедиос, а на руинах старого пуэбло вырос город Флорес. Название Петен живет в названии провинции. Существует романтическое повествование о возникновении этого озерного народа. Ица были ветвью одного из древнейших народов Юкатана, чье имя перешло к ним как последователям героя-бога Ицамны. Их столица Чичен-Ица когда-то была центром власти и богатства на полуострове, но с изменением военной удачи пришло разобщение, и в начале XV века страшные ица превратились в ряд мелких княжеств, управляемых канеками. «Эль Казике, которого обычно называют Канеком». *Коголлудо, «История Юкатана»*, 54. Случилось так, что один из них влюбился, но наткнулся на препятствие в лице отца, который отдал объект его любви более могущественному вождю. Канек не собирался так легко сдаваться. Он выждал подходящий момент и в день свадьбы ворвался на праздничное собрание и увез невесту. Собрав своих воинов, разочарованный

соперник приготовился отомстить и вернуть свою добычу. Илион нашего героя не был готов противостоять такому войску, и у него не было другого выхода, кроме как бежать. Его подданные также не могли надеяться избежать разорения и, поддерживая своего вождя, последовали за ним на юг в поисках нового дома, где они были бы в безопасности от мстителя. Ведомые скалистыми хребтами, беженцы пришли в улыбающуюся долину Тайасал с ее озером, усыпанным островками, окруженным покрытыми зеленью склонами, за которыми возвышался защитный лес. Здесь действительно была земля обетованная, где, под защитой Ицмна, они могли вырастить новые поколения, чтобы увековечить имя и традиции своего народа. Так гласит история, рассказанная летописцами, хотя с их набожным складом ума они отдают предпочтение другому рассказу, который приписывает миграцию пророчествам их жрецов, предсказывавшим приход бородатой расы с новой верой, чтобы править этой землей. *Вильягутьерре, Hist. Conq. Itza*, 29-31; *Когольюдо, Hist. Yucathan*, 507. См. также [Native Races, ii. v.](#) и т. д. Об ицах будет снова сказано в следующем томе.

[\[XVIII-45\]](#) «Y que veria quemar los idolos». *Кортес, Cartas*, 30. Что и было сделано, добавляет Гомара, но Вильягутьерре с этим не согласен. Он продолжает, показывая, что идолопоклонство, напротив, усилилось. *Hist. Conq. Itza*, 50. Здесь три испанца, два индейца и один негр дезертировали, устав от постоянных лишений. *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 202.

[\[XVIII-46\]](#) Когда столетие спустя завоеватели вторглись в этот район, чтобы его оккупировать, они обнаружили более двадцати каменных храмов только на одном острове, а в одном из главных храмов — этого идола. *Вильягутьерре, Hist. Conq. Itza*, 100-2; *Когольюдо, Hist. Yucathan*, 55; [Native Races, iii. 483.](#)

[\[XVIII-47\]](#) Nuestra Señora de Marco. *Эррера*, dec. iii. lib. viii. cap. i.

[\[XVIII-48\]](#) Это был Медрано; «Chirimia de la yglesia de Toledo». Имена жертв указаны. *Эррера*, dec. iii. lib. viii. cap. i. Кортес также признает, что люди страдали от сильного голода, но свиньи использовались очень редко.

[\[XVIII-49\]](#) «Murieron sesenta y ocho caballos despeñados y dejarretados» и т. д. *Кортес, Cartas*, 433. Бернал Диас менее четко описывает этот инцидент. Гомара следует за Кортесом, хотя он говорит, что переход занял всего восемь дней, *Hist. Mex.*, 263, и только Эррера упоминает о потерях среди людей, многие из которых умерли от диареи, вызванной употреблением пальмового капуста. *Ubi sup.*

[\[XVIII-50\]](#) Кортес описывает даже эти переходы как довольно опасные. Лошади плыли ниже водопада в спокойной воде. Прошло три дня, прежде чем все лошади смогли добраться до лагеря, расположенного на расстоянии одной лиги. *Cartas*, 434.

[\[XVIII-51\]](#) «Á 15 días del año de 1525». *Там же*; то есть 15 апреля.

[\[XVIII-52\]](#) «Habia diez dias que no comiamos sino cuescos de palmas y palmitos». «Даже этих пальмовых сердечников без соли у нас не хватало, потому что их было очень трудно срезать с очень толстых и высоких пальм, и за целый день двое мужчин могли срезать только один, а срезанный они съедали за полчаса». *Кортес, Cartas*, 434, 439.

[\[XVIII-53\]](#) *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 202, 204; *Хуаррос, Guat.*, 326. Большинство авторов путают Нито и Сан-Хиль, а Прескотт фактически путает их с Нако.

[\[XIX-1\]](#) Шестьдесят мужчин и двадцать женщин, оставленных Гонсалесом. *Кортес, Cartas*, 440. Сорок испанцев и четыре женщины, говорит Бернал Диас, *Hist. Verdad.*, 204.

[\[XIX-2\]](#) «De todos ellos no habia ocho para poder quedar en la tierra». *Кортес, Cartas, loc. cit.* Их капитан Армента отказался возвращаться с ними на Кубу, поэтому они повесили его за несколько дней до этого и избрали Нието, который был готов выполнить их желания. *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 204.

[\[XIX-3\]](#) Вероятно, Монтагуа.

[XIX-4] Капитан Марин обнаружил в восьми лигах от дороги Нако несколько хорошо снабженных деревень, из которых были отправлены провиантские грузы. *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 204.

[XIX-5] Куплено в кредит у владельца Антона де Кармоны или Камарго, говорит Бернал Диас, который сокращает запасы до семи лошадей и сорока свиней.

[XIX-6] В этом направлении уже была отправлена группа, но через десять дней она вернулась в унынии, дискредитировав информаторов, которые, в свою очередь, обвинили людей в малодушии. *Кортес, Cartas*, 441-2.

[XIX-7] Восемьдесят испанцев напали на пуэбло, но индейцы вернулись с большей силой и прогнали их, нанеся им некоторые потери. *Кортес, Cartas*, 444.

[XIX-8] Были предприняты попытки убедить туземцев вернуться, чтобы помочь в перевозке припасов, но никто не пришел. *Кортес, Cartas*, 450. Бернал Диас рассказывает, что воины вернулись к атаке после бегства, но потеряли восемь человек. Теперь они пришли с просьбой, и Кортес предложил освободить пленников, если они пошлют провизию на корабль. Они так и сделали, но Кортес все же настоял на том, чтобы оставить три семьи, после чего индейцы напали и ранили двенадцать испанцев, включая генерала. *Hist. Verdad.*, 205. Однако этот автор не участвовал в экспедиции, а находился в Нако, поэтому его рассказ вызывает двойные сомнения.

[XIX-9] «Quimistlan y Zula y Cholome, que el que menos destos tiene por mas de dos mil casas». *Кортес, Cartas*, 456. Бернал Диас также называет некоторые места. *Hist. Verdad.*, 207.

[XIX-10] Он девять дней бороздил побережье, в то время как сухопутная группа прибыла намного раньше него, по хорошей дороге.

[XIX-11] «Murieron ochenta Españoles sin algunos Indios en este viaje». *Гомара, Hist. Mex.*, 269. Лиценциат Лопес бежал, чтобы распространить весть о том, что Кортес жив. *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 208.

[XIX-12] Вместе с Морено «в цепях». «Хотя я боюсь, что он действовал по приказу ойдоров и что справедливость не восторжествует». *Кортес, Cartas*, 465-6. Он восхвалял богатства Гондураса и просил солдат. «Y para dar credito que auia oro, embiò muchas joyas, y pieças ... de lo que truxo de Mexico», — говорит *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 208. Но ему ни в коем случае нельзя доверять.

[XIX-13] Бернал Диас, вопреки четкому заявлению Кортеса, предполагает, что Суасо отправил судно из Гаваны с письмом, и что за два дня до его прибытия в Трухильо прибыли два судна, груженные товарами от ойдорес и купцов Санто-Доминго, которые узнали о местонахождении Кортеса из письма одного из выживших с корабля Авалоса, потерпевшего кораблекрушение. *Hist. Verdad.*, 208. Гомара утверждает, что судно от ойдорес, груженное тридцатью двумя лошадьми, седельными принадлежностями и другими полезными материалами, было возвращено из Кубы выжившими участниками экспедиции Авалоса. По пути в Гондурас оно зашло в Санто-Доминго. *Hist. Mex.*, 270. Кортес показывает, что известие о кораблекрушении Авалоса дошло до него только через некоторое время. *Cartas*, 468-471.

[XIX-14] Сотрудники делали все, что могли, чтобы поднять ему настроение, и среди прочих попыток развеять его уныние Маньеко, маэстресала, поспорил, что поднимется в полном доспехе на крутой холм к новому зданию губернатора. Не дойдя до вершины, он упал замертво. *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 211.

[XIX-15] «Dejé en aquella villa hasta treinta y cinco de caballo y cincuenta peones». *Кортес, Cartas*, 470.

[XIX-16] Он помещает это событие непосредственно перед прибытием письма Суазо, *Hist. Verdad.*, 209, но Кортес теперь впервые жалуется на то, что чувствует себя очень плохо из-за качки на море. *Cartas*, 471.

[XIX-17] «Мартин Дорантес, его лакей». *Гомара, Hist. Mex.*, 271. 23 октября 1525 года, судя по письму Кортеса. *Cartas*, 395. Бернал Диас намекает, что страх быть схваченным врагами был связан с нежеланием Кортеса ехать лично. *Hist. Verdad.*, 212.

[XIX-18] В заключение своего ответа на их протесты Кортес заметил, что он может найти в Испании и других странах достаточно солдат, которые будут выполнять его приказы. Мужчины поручили Сандовалу лично отстаивать их интересы, убедить лидера уйти и намекнуть, что они могут найти в Мексике губернаторов, которые восстановят справедливость. *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 212.

[XIX-19] «Они находятся в двух легах друг от друга... у Папайеки есть восемнадцать подчиненных деревень, а у Чампагуа — десять». *Кортес, Cartas*, 465. Эти названия также встречаются как Чапаксина, Папайка и т. д.

[XIX-20] Оба коллеги были узурпаторами власти. Их должны были отвезти в Мексику, чтобы они могли убедиться в могуществе Испании и научиться подчинению у ее коренных жителей. Писакура умер перед отъездом из Гондураса. *Кортес, Cartas*, 473; *Гомара, Hist. Mex.*, 272.

[XIX-21] «Era temido, y acatado, y llamauanle en todas aquellas Provincias: El Capitan Hue, Hue de Marina, ñ quiere dezir el Capitan viejo que trae a doña Marina». *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 207.

[XIX-22] Они просили, чтобы на каждом острове поселился испанец в качестве стража, но это не могло быть удовлетворено. *Гомара, Hist. Mex.*, 273. Бернал Диас говорит, что судно сбежало и что им командовал Морено.

[XIX-23] Huilanchó, Huilacho, Huyetlato и т. д.

[XIX-24] Кортес утверждает, что провинция подчинилась ему некоторое время назад, но, вероятно, он получил это предложение только сейчас, хотя и ссылается на предыдущую верность, чтобы оправдать вмешательство.

[XIX-25] Чтобы помочь ему против двух офицеров, которые противостояли его попытке стать независимым от Педрариаса. *Кортес, Cartas*, 476. По словам Эрреры, Сандовал вернулся, не достигнув ничего, оправдываясь тем, что у него не было достаточно людей, dec. iii. lib. viii. cap. vii. Бернал Диас, который был присутствовал, утверждает, с другой стороны, что Сандовал появился против Рохаса с шестьюдесятью людьми, но подружился с ним. Как раз в это время пришли письма от Кортеса с приказом присоединиться к возвращению в Мексику, и он поспешил обратно, а Рохас уехал в то же время. *Hist. Verdad.*, 208. Гомара, следуя Кортесу, предполагает, что Рохас подчинился простому сообщению от Трухильо покинуть Оланчо. *Hist. Mex.*, 272.

[XIX-26] Сереседа пишет Гаоне. *Carta*, в рукописях Скьера, хх. 61.

[XIX-27] «Escribí al dicho Francisco Hernandez y á toda la gente que con él estaba en general, y particularmente á algunos de los capitanes de su compañía que yo conocia, reprendiéndolos la fealdad que en aquello hacian» и т. д. *Кортес, Cartas*, 474. Бернал Диас, с другой стороны, утверждает, что он пообещал сделать для него все, что в его силах, *Hist. Verdad.*, 211, и в этом, вероятно, была доля правды, как будет видно далее.

[XIX-28] «Эрнандес... послал пригласить маркиза, чтобы тот приехал и принял от него провинцию». *Повествование Андагои*, 37; *Эррера*, dec. iii. lib. viii. cap. vii. Кортес стал маркизом несколько лет спустя.

[XIX-29] «Я хотел сразу же отправиться в Никарагуа, полагая, что смогу там что-то исправить». *Кортес, Cartas*, 476.

[XIX-30] Бернал Диас предполагает, что когда Сандовал отправлялся в Мексику, незадолго до этого, как уже упоминалось, он получил приказ пройти через Никарагуа, «para demandalla a su Magestad en Gouernacion». *Hist. Verdad.*, 212.

[XIX-31] Там же, 215. «Para este efeto fletó un navio en la Villa de Medellin.» *Овьедо*, iii. 523. Он прибыл на корабле, который доставил посланника. *Кортес, Cartas*, 476.

[\[XIX-32\]](#) Лордство — титул, который принадлежал только высшей знати и высшим должностным лицам и который Кортес, даже будучи губернатором и генерал-капитаном, не имел ни малейшего права принимать.

[\[XIX-33\]](#) Почетное место для принцев, прелатов и правителей провинции.

[\[XIX-34\]](#) *Гомара, Hist. Mex., 273; Эррера, dec. iii. lib. viii. cap. vii.*

[\[XIX-35\]](#) Посланцы были отправлены в пуэбло, расположенные на пути следования, с приказом привести дороги в порядок и подготовиться к его приему. Некоторые из мексиканских помощников также были назначены для этой работы, говорит Икстильшочитль, но их оставшийся принц остался с Кортесом. *Horribles Crueldades, 110.*

[XIX-36] «Recibió el cuerpo de Christo vna mañana porque como estaua tan malo, temia morirse». *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 215. Прескотт игнорирует монаха и предполагает, что Сандовал убедил его уйти. Но это лишь одна из многих ошибок, в которые он впал в отношении этой экспедиции, *Мех.*, iii. 302.

[XIX-37] Коренные жители должны были быть наказаны за упорство в идолопоклонстве; хотя индейцев нельзя было поработать, но законно принадлежащих им рабов колонисты могли покупать. Инструкции содержат ряд второстепенных правил для эффективного управления провинцией и городами. *Кортес, Escritos Sultos*, 75-95. Сааведра, возможно, не был в восторге от идеи остаться с относительно небольшими силами, поскольку Бернал Диас жалуется, что он намеренно задержал на некоторое время приказ, разрешающий отряду Нако отправиться в Мексику. *Hist. Verdad.*, 215, 219. Основными источниками информации о различных экспедициях Кортеса в Гондурас являются: *Кортес, Cartas*, 338, 351, 369 и далее; там же, *Escritos Sultos*, 70-95, 318; там же, *Carta al Rey*, в *Icazbalceta, Col. Doc.*, i. 481-2; Альборнос, *Carta*, в *Id.*, i. 484-6; *Пепр Мученик*, dec. viii. cap. x.; Овьедо, iii. 188-9, 446, 458-9, 517-18; *Гомара, Hist. Mex.*, 233-4, 243-6, 250-74; *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 159, 176-7, 193-216; Письма и отчеты Кортеса и других офицеров императору и Совету, в *Doc. Inéd.*, i. 521-4, iv. 226-7, и далее, а также в *Pacheco и Cárdenas, Col. Doc.*, xii. 268-77, 362-7, 386-403; xiii. 46-7, 108-9, 293-4, 397; xiv. 25-43 и далее; *Cerezeda, Carta*, в *Squier's MSS.*, xx. 61; *Икстильшоочитль, Horribles Crueldades*, 78-110; *Чималпайн, Conq. Mex.*, ii. 106-53; *Эппера*, dec. iii. lib. v. cap. vii.-viii. xii.-xiii.; lib. vi. cap. x. xii.; lib. vii. cap. viii.; lib. viii. cap. iii.-vi.; lib. x. cap. xi. Менее важные книги, которые мало или ничего не добавляют к предыдущим, это: *Торквемада*, i. 574-6; *Ремесаль, Hist. Chyapa*, 164; *Козольюдо, Hist. Yucathan*, 44-58; *Вильягуьеппе, Hist. Conq. Itza*, 39-50; *Дуран, Hist. Ind.*, MS., ii. 521-2; *Пинело, Relacion*, 2; *Васкес, Chronica de Gvat.*, 18-20; *Кортес, Hist. N. España*, 351-2, 367-9; *Пусарро и Орельяна, Varones Ilvstres*, 108-16; *Гальвано, Discov.*, 160-4; *Twee Onderscheydene Togten*, 52-80, 95-107, в *Aa, Naaukeurige Versameling*, xi.; *Twee Verscheyde Togten*, 19-76, 94, в *Id.*; *Гомфруд, Reysen*, iv.; *Озилби, Am.*, 91-2; *Салазар, Conq. Mex.*, 154-8, 211-311; *Ревилья, в Солис, Hist. Mex.* (изд. Мадрид, 1843), 463-9; *Бомонт, Cron. Mich.*, iii. 189-92; *Juarros, Guat.*, 55, 123, 324-7; *Cavo, Tres Siglos*, i. 29-30, 46-8; *Veytia, Hist. Ant. Méj.*, iii. 420; *Laet, Nov. Orb.*, 318; *Voyages, New Col.*, i. 347; *World Displayed*, ii. 251; *Lardner's Hist. Discov.*, ii. 62; *Gordon's Hist. Ant. Mex.*, ii. 203, 209-15, 240-1; *Fancourt's Hist. Yuc.*, 39; *Squier's States Cent. Am.*, 66; *Rivera, Hist. Jalapa*, i. 44; *Bustamante, Cuad. Hist.*, i. 42; *Alaman, Disert.*, i. 196-7, 203-23, 234-5; append., 129-37; ii. 17-18; *Rivera, Gob. Mex.*, i. 17; *Замакойс, «Историка Мехико»*, т. 4, стр. 178-9, 236-326, 349-53, 369, 739-56; *Кортес, «Авен и Конк»*, стр. 285-9; *Прескотт, «Мексика»*, т. 3, стр. 276-302; *Хелпс, Кортес*, ii. 183-228; Там же, *Испанские завоеватели*, iii. 30-61; *Брассер де Бурбург, История естественного и гражданского права*, iv. 573-617; *Буссиер, Мексика*, 339-49, 380; *Ларенаудиер, Мексика и Гватемала*, 136-7; *Монглав, Résumé*, 138; *Армин, Alte Mex.*, 351-61; *Майер, Mex. Aztec.*, i. 86; *Эббот, Кортес*, 305-29; *Уэллс, Гондурас*, 449-57; *Пелаес, Mem. Guat.*, i. 53-4.

[XX-1] Читатель помнит, как в последней главе Кортес обошелся с посланцами, принесшими эту просьбу.

[XX-2] «No los osó acometer porque tenia por cierto que habian de matar á él ántes que á nadie.» *Andagoya, Rel.*, в *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 417.

[XX-3] В бухте, образованной Пунта-де-Бурика, в которую впадает, среди прочих небольших ручьев, река, известная в настоящее время как Фонсека. *Картография тихоокеанского побережья*, MS., ii. 79.

[XX-4] Конечно, кажется странным, что Кордова, так хорошо зная характер своего господина, так безропотно сдался в его руки. Летописцы сочувствуют любой жертве ненавистного губернатора. «Estaba muy bien quisto comunmente», — говорит Овьедо, — «de todos los españoles ... culpaban ... á Pedrarias de inconstante é acelerado é mal juez». iii. 165-6. Его восстание «parecio siempre incierto», — так без особых раздумий характеризует его Ремесаль, *Hist. Chyapa*, 164.

[XX-5] Хуан Карраско и Кристобаль де ла Торре. *Эппера*, dec. iii. lib. ix. cap. vii.

[XX-6] Узнав о приближении королевского губернатора, Сааведра не послал ничего, кроме совета.

[XX-7] «Estando de acuerdo ciento y cincuenta Caziques». *Эппера*, декабрь iii. lib. ix. cap. x.

[XX-8] О его достижениях рассказывается в т. i, гл. ii и iii «Истории Мексики» из этой серии.

[XX-9] Эррера, который в этом вопросе несколько противоречив, называет Габриэля де Рохаса, Гарабито и Диего Альвареса среди правящих. dec. iv. lib. i. cap. vi. Сальседо в *Пачеко* и *Карденас, Col. Doc.*, xiv. 47 et seq., также приводит список городских чиновников Леона.

[XX-10] Двухмесячное путешествие оказалось приятным, омраченным лишь смертью двух человек во время нападения туземцев острова Доминика, куда они зашли, чтобы починить протекающее судно. *Овьедо*, iii. 116.

[XX-11] «Por manera que estas mudanças de gobernadores es saltar de la sarten en las brasas». *Овьедо*, iii. 123.

[XX-12] «É como era hombre ydiota é sin letras, el se movió por consejo de aquel bachiller Corral, para me haçer matar á traçon». *Овьедо*, iii. 122.

[XX-13] См., например, *Кастилия, Carta*, в *Pacheco* и *Cárdenas, Col. Doc.*, xii. 85.

[XX-14] Сандовал, действительно, говорит о губернаторе как о заслуженном слуге короля, оклеветанном завистниками. *Hist. Carlos V.*, i. 218.

[XXI-1] Горькие жалобы Кортеса на своего мятежного лейтенанта вызвали у короля лишь указание Олиду поддерживать дружеские отношения с Кортесом и докладывать короне о ходе его завоеваний. «Эль Рей... не сделал ничего, кроме как написал Кристовалу де Олиду, чтобы тот поддерживал с Кортесом хорошие отношения и докладывал Его Величеству о том, что происходит в той стране, полагая, что разделение столь обширного правительства, каким он обладал, не было плохим советом». *Эррера*, dec. iii. lib. v. cap. xiii.

[XXI-2] Его поручение датировано 20 ноября. *Пачеко* и *Карденас, Col. Doc.*, xiv. 52.

[XXI-3] Жалобы Кортеса были многочисленными и горькими, как можно себе представить. Например, в письме 1532 года он рассказывает королю о многих ценных услугах, оказанных им, а также о перенесенных трудностях и опасностях. Он открыл провинцию Гондурас за свой счет, потратив на это более 30 000 кастильяно, а экспедиция по подавлению восстания Олида обошлась ему в более чем 50 000 кастильяно, столько же потратили и его последователи. Он завоевал, умиротворил и заселил более 200 лиг территории, основав три города в лучших частях побережья; он потратил более 25 000 кастильяно на лошадей, оружие и провизию, привезенные из Эспаньолы и Кубы, и перед тем, как покинуть страну, оставил компетентного капитана ответственным за новые колонии. *Пачеко* и *Карденас, Col. Doc.*, xiii. 6-7.

[XXI-4] За это они были впоследствии подвергнуты осуждению. *Эррера*, dec. iii. lib. x. cap. xi.

[XXI-5] Королевская комиссия с церемониями, сопровождавшими ее прием, описана в *Traslado de una Cédula*, в *Пачеко* и *Карденас, Col. Doc.*, xiv. 47 и далее.

[XXI-6] Были отданы приказы о расследовании и наказании, *Эррера*, т. IV, кн. II, гл. VI, но далекие Индии пока что имели слишком много лазеек и укромных уголков для слепой справедливости.

[XXI-7] *Овьедо*, iii. 189, утверждает, что Диего Мендес де Инестроса был оставлен ответственным за Трухильо, что Сальседо уже вышел из Трухильо в Никарагуа, когда прибыли посланцы Педрариаса, и что он сразу же отправил их в аудиенцию. Но он не хорошо осведомлен.

[XXI-8] Эррера хочет заставить нас поверить, что голод охватил всю страну со всеми его ужасными последствиями, превратившись в вопрос жизни и смерти между испанцами и индейцами, которые пожирали друг друга. dec. iv. lib. i. cap. vii. Но это явное преувеличение.

[XXI-9] Согласно Эррере, dec. iv. lib. iii. cap. ii., Габриэлю де Рохасу было предложено правительство, но он отказался управлять провинцией, кроме как от имени короля; после чего он был арестован, а командование

было передано Гарабито. Однако он, похоже, путается, в то время как рассказ Сереседы по всем этим вопросам предельно ясен. *Carta*, MS., 3-6. Овьедо довольно кратко. iii. 190.

[XXI-10] Нынешний казначей Родриго дель Кастильо был подсудим инквизицией в Панаме. Вместе с Педрариасом прибыл монах, уполномоченный рассмотреть его дело, который оправдал его, и он вновь занял свою должность до прибытия Тобильи. *Cerezeda, Carta*, MS., 10-11.

[XXI-11] Четкое определение границ, данное Эррерой, гласит: «От Леона до порта Натиуидад, сто легур на север и юг, и от Чоротегу, иначе называемого Фосека, до порта Кауальос, Nortesur, que auia setenta leguas, y cien leguas de costa por el mar del Norte, y otras tantas por el Sur con mas lo q̃ se le renunciava, y lo que para adelante pudiese ensancharse descubriendo», включая провинцию Некепия, или Сальвадор, dec. iv. lib. iii. cap. ii.

[XXI-12] Помимо обычных гуманных предписаний, было приказано основать города поблизости от индейцев, чтобы они могли быть приведены примером и мягкими средствами к познанию истинной веры и побуждены принять нравы и обычаи христиан. Для достижения этой желательной цели королевским чиновникам было предписано строго следить за моральными и экономическими особенностями испанских поселений. Восставших чоротегов следовало умиротворить добротой, а привезенных из Панамы туземных рабов — вернуть. *Эррера*, дек. IV, кн. I, гл. VIII. См. [гл. V, примечание 5, этот том](#).

[XXI-13] «Lleuando los Indios cargados, y encadenados, cō argollas, porq̃ no se boluiesen: y porq̃ vno se canso, por no quitarle el argolla le quitaron la cabeza, y lo dissimulo». *Эррера*, раздел IV, книга III, глава II.

[XXI-14] Понсе де Леон и Эрнандо де Сото, например, брали по два груза за раз, согласно Писарро, *Relacion*, в *Col. Doc. Inéd.*, v. 209.

[XXI-15] «Они убили кастильцев, которых нашли вне этого места, и съели их». *Эррера*, т. IV, кн. III, гл. II.

[XXI-16] «Los quales eran del valle de Olocoton é de su comarca». *Овьедо*, iv. 100.

[XXI-17] Несмотря на отсутствие успеха, говорит Овьедо, iv. 61, Эстете получил от Педрариаса еще одно важное поручение, в ущерб другому офицеру. Подробности экспедиции будут приведены в связи с Сальвадором.

[XXI-18] Сото привел в Перу около 100 человек. *Писарро, Rel.*, в *Col. Doc. Inéd.*, v. 211-15; *Эррера*, dec. iv. lib. vi. cap. iii.; *Овьедо*, iii. 119-20. Об этом завоевании будет сказано в одном из следующих томов этой истории.

[XXI-19] В 1527 году, как уже упоминалось, раздались призывы к его отставке, но с помощью влиятельных друзей ему удалось сохранить свой пост. Кастильо утверждает, что одна только экспедиция под командованием Кордобы принесла в Леон более 100 000 песо де оро, ни один из которых не попал в казну короны. После казни Кордобы он придумал для него партнера по имени Теллес, в руки которого было передано конфискованное имущество, чтобы его можно было с большей легкостью присвоить. *Carta*, в *Pacheco* и *Cárdenas, Col. Doc.*, xii. 84-6.

[XXI-20] «En fin de Iulio». *Эррера*, dec. iv. lib. ix. cap. xv.

[XXI-21] Овьедо, iii. 172, приписывает Педрариасу освобождение двух миллионов душ от мрачных тел в течение шестнадцати лет. «Ni han tenido más largas jornadas que caminar dos millones de indios que desde el año de mill é quinientos y catorçe que llegó Pedrarias á la Tierra-Firme hasta quél murió». Два миллиона убийств!

[XXI-22] Дополнительные источники для двух предыдущих глав: различные документы в *Col. Doc. Inéd.*, v. 209, 211-12, 215; а также в *Pacheco* и *Cárdenas, Col. Doc.*, vii. 556-7; xii. 84-6; xiv. 54; xvi. 324; *Squier's MSS.*, iv. xx. 2-5, 11-43; *Remesal, Hist. Chyapa*, 164; *Andagoya, Narr.*, 32-9; *Chimalpain, Hist. Conq.*, ii. 181; *Navarrete, Col. de Viages*, iii. 416-17; *Las Casas, Hist. Apolog.*, MS., 29; *Пелаес, Mem. Guat.*, i. 54-9; *Бомонт, Crón. Mech.*, MS., 322-3; *Брассер де Бурбург, Hist. Nat. Civ.*, iv. 616; *Белли, Nicaragua*, i. 171-2.

[XXII-1] *Cartas*, 259.

[XXII-2] См. [стр. 493. этот том.](#)

[XXII-3] *Kortec, Cartas*, 289-90. Но такое положение дел продлилось недолго. Икстильшочитль включает Соконуско в список провинций, которые подняли восстание в 1523 году. *Horribles Crueldades*, 65.

[XXII-4] По словам Фуэнтеса-и-Гусмана, происходит от *Coctecmalan*, то есть *Palo de leche*, молочное дерево, обычно называемое *Yerba mala*, которое встречается в окрестностях Антигуа-Гватемалы. См. также *Juarros, Guat.*, ii. 257-8. На мексиканском языке, если верить Васкесу, оно называлось *Quauhtimali*, «гнилое дерево». *Chronica de Guat.*, 68. Другие производят это слово от *Uhatezmalha*, означающего «холм, с которого стекает вода»; а Хуаррос предполагает, что оно может происходить от *Juitemal*, первого короля Гватемалы, путем искажения, как *Almolonga* от *Atmulunga* и *Zonzonate* от *Zecontlatl*. В таком случае значение слова будет «королевство Гватемала». *Guat.*, i. 4; ii. 259-60.

[XXII-5] См. [Native Races, v.](#), passim.

[XXII-6] Среди чакчикелей было две королевские семьи. Престолонаследие чередовалось между ними. Титул короля был Ахпозоциль, а титул наследника другой ветви — Ахпоксахиль. Старшие сыновья этих семей имели титулы Ахпоп Камахай и Галель Ксахиль соответственно. [Native Races, ii. 640.](#)

[XXII-7] Это мексиканское имя Кортеса было уже известно туземцам от моря до моря и от крайнего севера до крайнего юга; фактически, для них это было почти его единственное имя.

[XXII-8] Гомара предполагает, что речь шла о кораблях Андреса Ниньо, *Hist. Ind.*, 266, в то время как Петр Мартир считает, что это были корабли Гиль Гонсалеса, замеченные у побережья Юкатана.

[XXII-9] «El qual pregunto, si eran de Malinxe, ... Dios caydo del cielo». *Гомара, Hist. Ind.*, 266.

[XXII-10] Резчик по дереву, а не обычный пилот, говорит Питер Мартир, *dec. viii. cap. v.*, в то время как слова Гомары звучат так: «Треуиньо, и он был плотником кораблей». *Hist. Ind.*, 266.

[XXII-11] Один из посланников попытался присвоить себе часть золота, а его товарищ, не одобряя этого, сначала сделал ему замечание, а затем промолчал, притворившись, что ничего не заметил, и обвинил его в краже перед Кортесом. Виновный был осужден, публично выпорот и изгнан из Новой Испании. *Петр Мученик, dec. viii. cap. v.* «Esta fue la primera entrada, y noticia de Quauhtemallan». *Гомара, Hist. Ind.*, 267.

[XXII-12] *Kortec, Cartas*, 289; *Гомара, Hist. Ind.*, 267; *Васкес, Chronica de Gvat.*, 4; *Ремесаль, Hist. Chyapa*, 2-3. Гомара ошибочно указывает 1523 год как год этого посольства, а также экспедиции Альварадо в Тутутепек.

[XXII-13] Или Тузапан, на побережье Веракруса, в нескольких лигах к югу от Тампико.

[XXII-14] Гомара говорит о 200 человек, чтобы ратифицировать мирный договор с разумным подарком. *Hist. Ind.*, 266-67. Ремесаль утверждает, что послы из Гватемалы застали Кортеса в порту Вилья-Рика [Веракрус] в отличном настроении, получив известие о своем назначении губернатором и генерал-капитаном Новой Испании. *Hist. Chyapa*, 3.

[XXII-15] Васкес не упоминает о послах от правителя Утатлана; напротив, он утверждает, что король народа чакчикелей наделил независимой суверенитетом над частью своего королевства своего брата Апоксахила, который держал свой двор в Текпанатитане [Цолола]; и что эти два правителя, не сообщив соседним правителям о своем намерении, совместно послали послов к Кортесу с предложениями о мире и подчинении. *Chronica de Gvat.*, 68. Брассер де Бурбург придерживается этой точки зрения и утверждает, что когда тайный союз стал известен, это вызвало всеобщее возмущение. Была образована конфедерация для уничтожения чакчикелей, и в течение нескольких месяцев велась страшная кровавая борьба, когда союзники получили известие о том, что Тонатиух продвигается через Соконуско против них. *Брассер де Бурбург, Hist. Nat. Civ.*, iv. 630.

Но Кортес ясно заявляет, что он как посылал послов в Утатлан, так и принимал послов из этого города. *Cartas*, 289. См. также Эррера, dec. iii. lib. v. cap. viii.; Бернал Диас, *Hist. Verdad*, 174.

[XXII-16] Гомара утверждает, что во время своих переговоров с Кортесом гватемальцы находились в состоянии войны с Соконуско, и теперь, ободренные своим союзом, с новой силой продолжили военные действия. *Hist. Ind.*, 267. Икстильшочитль утверждает, что в 1523 году мексиканские принцы Икстильшочитль и Куаутемотцин узнали, что провинции южного побережья, к которым он относит Соконуско, восстали против тех, кто был дружелюбен к христианам, и они сразу же сообщили об этом Кортесу. *Horribles Crueldades*, 65-6.

[XXII-17] «Y porque ya yo tenia mucha costa hecha ... y porque dello tengo creido que Dios nuestro Señor y V. S. M. han de ser muy servidos». *Cartas*, 304.

[XXII-18] Более подробно о его характере см. *Hist. Mex.*, i. 73-5, эта серия.

[XXII-19] *Kортес, Cartas*, 304. По поводу даты и числа мнения авторитетов расходятся. Бернал Диас указывает 13 декабря как день отправления; Икстильшочитль — 8 декабря. *Horribles Crueldades*, 71; Фуэнтес, 19 ноября, и Васкес, 13 ноября. Васкес утверждает, что последняя дата указана в оригинальном рукописном тексте Бернала Диаса, хотя в печатном экземпляре указано 13 декабря. *Chronica de Gvat.*, 523. Кортес указывает, что во время второго сбора войск в них входили 120 всадников с 40 запасными животными и 300 пехотинцев, из которых 130 были арбалетчиками и аркебузирами. Среди коренных войск также было несколько высокопоставленных лиц из Мехико и соседних городов, но последние были немногочисленны из-за удаленности предполагаемого места действий. Оборудование дополняли четыре артиллерийских орудия. Овьедо следует Кортесу. Бернал Диас в «*Hist. Verdad*», 174, указывает число аркебузиреров и арбалетчиков как 120, а всадников — 135, с более чем 200 тласкальцами и чолульцами, помимо 100 отборных мексиканцев. Эррера, dec. iii. lib. v. cap. viii., указывает 300 испанцев, 100 из которых были аркебузирами, с 160 лошадьми. Васкес, *Chronica de Gvat.*, 4, говорит, что войско состояло из 300 испанцев с союзниками из Тласкальты, Мексики и Чолульты. Не упоминая об орудиях, которые не опускают вышеупомянутые авторитетные источники, Фуэнтес говорит, что войско состояло из 750 *hombres de calidad*, а именно: 300 пехотинцев, аркебузиреров и арбалетчиков, 135 всадников и четыре орудия под командованием артиллериста Усагре, в книге Бернала Диаса написанного как Виagre; но 750, должно быть, является ошибкой, так как в этом случае число артиллеристов составило бы 315; вероятно, имелось в виду число 450. К ним добавились 200 лучников из Тласкальты и Чолульты и 100 отборных мексиканцев. Кроме того, этот автор приводит список имен почти 200 конкистадоров. *Recordacion Florida*, MS., 25-7. Гомара упоминает 420 испанцев, 170 лошадей, четыре артиллерийских орудия, большое количество припасов и значительное число мексиканских солдат. «*Mucha gente Mexicana*». *Hist. Ind.*, 267. Брассер де Бурбург указывает, что силы насчитывали 300 пехотинцев, 120 из которых были аркебузирами или арбалетчиками, 135 всадников, четыре артиллерийских орудия, 200 воинов из Тласкалы и Чолулы, по 10 000 из Мехико и Аколхуакана, а также большое количество носильщиков и перевозчиков. *Hist. Nat. Civ.*, 632. Последний автор подтверждается Икстильшочитлем, который утверждает, что Икстильшочитль и Куаутемотцин предоставили Кортесу по 10 000 воинов под командованием способных капитанов. *Horribles Crueldades*, 65-6. Что касается войск из числа коренного населения, у нас есть дополнительные свидетельства того, что их было гораздо больше, чем Кортес решил сообщить испанскому монарху. Индейцы из Сочимилько, чей город находился в пяти лигах от Мехико, направили прошение об удовлетворении своих жалоб, датированное 2 мая 1563 года, в котором они утверждают, что предоставили Альварадо, своему энкомендеро, 2500 воинов для завоевания Гондураса и Гватемалы. *Пачеко и Карденас, Col. Doc.*, viii. 293-4. Королевским указом было запрещено использовать коренных жителей за пределами их собственных границ; поэтому, чтобы уменьшить масштабы неповиновения, их число было уменьшено.

[XXII-20] Первые были францисканцами по имени Хуан де Торрес и Франсиско Мартинес де Понтаза, согласно Васкесу, *Chronica de Gvat.*, 524. Этот автор приводит длинные аргументы, чтобы доказать, что Бартоломе де Ольмедо из ордена Nuestra Señora de la Merced не мог сопровождать экспедицию, как утверждает Бернал Диас,

Hist. Verdad., 174. Васкес с помощью двух других монахов сравнил оригинальную рукопись Бернала Диаса с печатным изданием, опубликованным в 1632 году, и обнаружил, что последнее упоминание об Ольмедо в рукописи находится в главе clvii. Он заподозрил, что отрывки в более поздних главах, где упоминается связь Ольмедо с экспедицией, могут быть вставками монаха Алонсо Ремона, который принадлежал к тому же ордену, что и Ольмедо, и который первым опубликовал *Historia Verdadera*. Этими двумя священнослужителями были Хуан Годинес, *Ремесал*, *Hist. Chyapa*, 4, и Хуан Диас, *Рамуес*, *Proceso contra Alvarado*, 128.

[XXII-21] *Remesal*, *Hist. Chyapa*, 3. Этот источник также утверждает, что Кортес присвоил Альварадо титул вице-губернатора и генерал-капитана. Кортес в своем письме королю выражает большую уверенность в успехе экспедиции и жалеет, что неблагоприятные обстоятельства, связанные с флотом, задержали открытие многих секретов и сбор золота и жемчуга для королевской казны. *Cartas*, 305.

[XXII-22] В некоторых скалистых крепостях, *пеньолес*, называемых Пеньолес-де-Гуэламо, находящихся в энкомьенде солдата с таким же именем. *Бернал Диас*, *Hist. Verdad.*, 174; *Фуэнтес*, *Conq. Guat.*, MS., 1.

[XXII-23] Ларраинзар не видит никаких трудностей в том, чтобы заглянуть за пределы мифов в то время, когда этот народ входил в состав народа чапанеков. *Hist. Soconusco*, 7.

[XXII-24] Бернал Диас предполагает, что в провинции проживало всего 15 000 семей, что, по оценке Фуэнтеса, соответствует населению в 60 000 человек. *Hist. Verdad.*, 174.

[XXII-25] *Пелаес*, *Mem. Guat.*, i. 45; *Gomara*, *Hist. Mex.*, 229; *Vazquez*, *Chronica de Gvat.*, 4; *Herrera*, dec. iii. lib. v. cap. viii. Бернал Диас, за которым следует Фуэнтес, утверждает, что в Соконуско Альварадо был встречен мирно, и что туземцы преподнесли ему дары из золота. *Hist. Verdad.*, 174. Эта идея, возможно, возникла из-за того, что некоторые города действительно подчинились без активного сопротивления, как записано или подразумевается Гомарой и Эррерой. Ремесаль говорит, что Альварадо прошел как гром среди ясного неба, завоевывая силой оружия и вызывая большой ужас из-за резни в Соконуско. О том, что разрушения были огромными, свидетельствуют руины, которые можно увидеть при въезде в Гватемалу, в местности под названием Сакрификадеро. *Hist. Chyapa*, 3. Брассер де Бурбург утверждает, что Альварадо, проходя через этот район, основал испанскую колонию в Уэуэтане, которая долгое время была столицей территории после разрушения города Соконуско. *Hist. Nat. Civ.*, iv. 633-4. Это могло быть лишь сконцентрированием уже проживавших там испанцев, поскольку Альварадо вряд ли оставил бы после себя в этот момент много своих людей.

[XXII-26] Фуэнтес и Гусман, MS., 2, дают более позднее название Запотитлан как Сучитепеке, что означает «Холм цветов».

[XXII-27] Место, где растет запотес, плод, похожий на сливу, в изобилии произрастающий в окрестностях. *Niebla*, *Mem. Zapotitlan*, MS., 7-8. Его древнее название было Xetulul. Сейчас оно заброшено, а жители рассеялись по соседним деревням. *Brasseur de Bourbourg*, *Hist. Nat. Civ.*, iv. 635.

[XXII-28] Замала, в верховьях носящая название Сегила, а в низовьях — Олентепек. Недалеко от деревни с последним названием к ней присоединяется река Циха, и от этого слияния до моря она называется Замала. *Brasseur de Bourbourg*, *Hist. Nat. Civ.*, iv. 635.

[XXII-29] Потери среди туземцев были, конечно, тяжелыми. Из испанцев погибли только двое, но многие были ранены. Союзники понесли еще большие потери, а ряд лошадей был тяжело ранен. См. также Альварадо, *Relacion*, в *Барсия*, *Hist. Prim.*, i. 157-8; *Овьедо*, iii. 475-6; *Бернал Диас*, *Hist. Verdad.*, 174; *Салазар*, *Conq. Mex.*, 125-6; *Икстильшочитль*, *Horribles Crueldades*, 66; *Фуэнтес-и-Гусман*, *Recordacion Florida*, MS. 2; *Хуаррос*, *Guat.*, ii. 250.

[\[XXIII-1\]](#) С которым король кичесов фактически находился в состоянии войны и который с насмешками и оскорблениями утверждал, что без посторонней помощи он сможет защитить свое королевство от армии, превосходящей по численности ту, которую привели против кичесов чужеземцы. *Xuappos, Guat.*, ii. 247.

[\[XXIII-2\]](#) То есть «под управлением Десяти». Городом правили десять лордов, каждый из которых имел под своим управлением *xiquipil*, или 8000 жилищ. Фуэнтес оценивал население этого города в 300 000 человек. Он был настолько хорошо укреплен, что его никогда не удавалось взять, хотя попытки предпринимались часто. *Juarros, Guat.*, ii. 240.

[\[XXIII-3\]](#) Самый могущественный из монархов киче, который, как говорят, правил примерно в то же время, что и Юлий Цезарь. Список королей киче см. в [Native Races, v. 566](#).

[\[XXIII-4\]](#) Хуаррос утверждает, что Текум Умам выступил с 72 000 воинов. В Чемкена, ныне Тотоникапан, их число увеличилось до 90 000 благодаря войскам из восьми укрепленных мест и восемнадцати городов; на равнинах Селахуха к нему присоединились десять лордов с 24 000 воинов, а из других районов прибыло 46 000, так что в целом его армия насчитывала 232 000 воинов. *Juarros, Guat.*, ii. 248. Васкес утверждает, что эти силы прибыли из более чем 100 густонаселенных городов, которые были верны монарху Киче, и что никакой помощи не было оказано какчикелями или зутугилами. *Chronica de Gvat.*, 5.

[\[XXIII-5\]](#) Васкес описывает как природные трудности, так и искусственные укрепления этого перевала как самые большие препятствия для захватчиков. Ущелье было защищено частоколами и рвами, и только благодаря неустанным усилиям, то разрушая окопы и каменные баррикады, то взбираясь по крутым склонам с помощью рук и ног, испанцы смогли достичь равнины выше. Кроме того, дьявол был рядом, чтобы помочь своим, и он действовал против добрых испанцев с помощью дьявольских превращений в молнии и вихри, а также других бурных стихий; и с помощью страшных привидений и превращений в диких зверей. *Chronica de Gvat.*, 5. Это, из описания Фрая Франциско, позволит читателю составить некоторое мнение о религиозно-историческом повествовании, представляющем это достижение.

[\[XXIII-6\]](#) Бернал Диас утверждает, что в этой схватке испанцы потеряли трех человек и двух лошадей. Фуэнтес говорит, что было ранено шесть человек и две лошади. *Фуэнтес-и-Гусман, Recordacion Florida, MS.*, 3.

[\[XXIII-7\]](#) Альварадо, *Relacion*, в *Barcia*, i. 158; Овьедо, iii. 476; Бернал Дуас, *Hist. Verdad.*, 174; Гомапа, *Hist. Mex.*, 229.

[\[XXIII-8\]](#) «Здесь мы совершили еще одно большое достижение, где мы нашли людей, которые ждали одного из них на двух лошадях». Альварадо, *Relacion*, в *Barcia*, i. 158. См. также описание этого сражения в *Herrera*, dec. iii. lib. v. cap. ix.

[\[XXIII-9\]](#) «La mucha sangre de Indios que avia corrido en Rios en *Xequikel* (que por esso se llamó assi)». Васкес, *Chronica de Gvat.*, 524. «*Xequiqel*, que quiere decir rio de sangre». *Xuappos, Guat.*, ii. 250. Последний автор утверждает, что от реки Замала до Олинтепека было сражено шесть битв, но эта была самой ожесточенной и кровавой. Сравните Альварадо, *Relacion*, в *Барсия*, 158; Бернал Дуас, *Hist. Verdad.*, 174; Фуэнтес и Гусман, *Recordacion Florida, MS.*, 3-4; Гомапа, *Hist. Mex.*, 229.

[\[XXIII-10\]](#) «Murió vn señor de quatro que son en Vtatlan». Гомапа, *Hist. Mex.*, 229. Помимо принца Азуманче, в сражениях за перевал были убиты два главных лорда Утатлана — один из них, Азол, был великим полководцем и родственником короля, а другой, Апокох, был его щитоносцем, занимавшим в армии самую высокую должность. *Xuappos, Guat.*, ii. 250; Бернал Дуас, *Hist. Verdad.*, 174. Слова «Ахзол» и «Ахпоко» не являются, однако, отчествами, а титулами.

[\[XXIII-11\]](#) Этот район называется Эль-Пинар в *Juarros, Guat.*, ii. 248; и Эль-Пинал в *Vazquez, Chronica de Gvat.*, 524.

[\[XXIII-12\]](#) «Corriendo la Tierra, que es tan gran Poblacion como Tascalteque, i en las Labranças, ni mas, ni menos, i friisima en demasia». Альварадо, *Relacion*, в *Барсия*, i. 158.

[\[XXIII-13\]](#) Васкес посетил эту часовню в Закахе в 1690 году и увидел там изображение Девы, привезенное завоевателями и известное как La Conquistadora. Описание этого изображения читатель может найти в *Chronica de Gvat.*, 9. В его время святыня была местом, которое пользовалось большим почитанием. Существовало распространенное поверье, что там был похоронен какой-то член священнического ордена, объект поклонения, и преобладало сильное предположение, что останки принадлежали первому епископу Гватемалы; но это неверно, поскольку епископ Маррокин умер в епископском дворце в Гватемале. Останки, вероятно, принадлежали священнику Понтазе. *Chronica de Gvat.*, 8-10, 526.

[\[XXIII-14\]](#) Потомки этого конкистадора все еще жили в той же местности во времена Васкеса, который описывает их как скотоводов, столь же бедных, как и потомки покоренных туземцев. *Там же*, 8-9.

[\[XXIII-15\]](#) Четыре года спустя город был перенесен на нынешнее место. *Там же*, 7-8; *Juarros, Guat.*, ii. 241. Значение термина «Кесальтенанго» — «место кетсаля», американской райской птицы, называемой натуралистами «трогоном». Название было мексиканского происхождения и, вероятно, применялось не только к району, но и к городу Селаху.

[\[XXIII-16\]](#) Во время пребывания продолжительностью два-три дня. *Фуэнтес-и-Гусман, Recordacion Florida*, MS.

[\[XXIII-17\]](#) Четыре года спустя жители были переселены в новый город Кесальтенанго, который индейское население до сих пор называет Селаху.

[\[XXIII-18\]](#) На основании рукописи из шестнадцати листов, найденной в Сан-Андрес-Секул, городке недалеко от Кесальтенанго, Хуаррос утверждает, что на второй день четыре вождя смиренно сдались, и благодаря их влиянию жители мирно вернулись и присягнули на верность. *Guat.*, ii. 240-1. Ни Альварадо, ни Бернал Диас, ни Эррера не упоминают о таком событии; а Васкес ясно заявляет, что этих четырех вождей удалось переманить на свою сторону с некоторым трудом после окончательной битвы и смерти Текума. Хотя Брассер де Бурбург следует за Хуарросом, я склоняюсь к мнению, что умиротворение Селаху было последовавшим за битвой, которая еще предстояла.

[\[XXIII-19\]](#) Двенадцать тысяч из них были из города Утатлан. *Relacion*, i. 158. Хуаррос говорит, что первый контингент насчитывал 16 000 человек. *Guat.*, ii. 251. Бернал Диас указывает, что общее число превышало 16 000. *Hist. Verdad.*, 174. Эррера использует неопределенное, но надежное выражение «vn gran exercito de Quazaltenalco». dec. iii. lib. v. cap. ix.

[\[XXIII-20\]](#) Цифры приводятся по-разному. Альварадо говорит, что было 90 всадников; Хуаррос — 135 всадников; Эррера — что вся армия состояла из 80 всадников, 200 пехотинцев и сильного отряда мексиканцев. Бернал Диас использует общее выражение «со своей армией».

[\[XXIII-21\]](#) Такова легенда, долгое время сохранявшаяся среди киче. *Гватемала, Chronica de la Prov.*, i. 13; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, iv. 641.

[\[XXIII-22\]](#) «I nuestros Amigos, i los Peones hacian vna destruccion, la maior del Mundo, en vn Arroio». *Альварадо, Relacion*, i. 158.

[\[XXIII-23\]](#) Васкес утверждает, что это сражение произошло 14 мая 1524 года, в то время как депеша Альварадо, сообщающая о событии Кортесу, датирована более чем на месяц раньше, 11 апреля.

[\[XXIII-24\]](#) Трудно приблизительно оценить количество убитых во время серии сражений на Пинаре. Васкес — единственный авторитетный источник, который рискнул привести цифры. «Наступая на христианскую армию... из тринадцати тысяч, по тринадцать тысяч каждый день, те... Barbaros tan imperterritos â la muerte, y al estrago que las Catholicas armas hacian en su numeroso Exercito, quedando muertos mas de diez, y doze mil infieles, encendiendo en los que quedauan viuos ... que acoradas con la vertida sangre de sus compañeros avivaban mas su rabia, para embestir con irracional despecho â las Españoles». *Chronica de Gvat.*, 5. См. также *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 159.

[\[XXIII-25\]](#) Имена этих вождей, указанные Хуарросом, были Калел Ралак, Ахпокхеам, Калелахау и Калелабой, как указано в рукописи, упомянутой ранее в [примечании 17](#) к этой главе.

[\[XXIII-26\]](#) Так они называли испанцев, поскольку солдаты Альварадо были широко известны под именем Тонатиух, причем начальная буква «Т» была заменена киче на «Д». *Basques, Chronica de Gvat.*, 524.

[\[XXIV-1\]](#) Также называемый Гумаркаа. Сегодня его место занимает город Санта-Крус-дель-Киче, расположенный так близко к руинам древнего города, что его можно считать его пригородом. Примерно в середине XVI века Утатлан был полностью заброшен, а его жители переселились в Санта-Крус. *Xuarrros, Guat.*, i. 66; *Brasseur de Bурбург, Hist. Nat. Civ.*, iv. 647.

[\[XXIV-2\]](#) *Juarros, Guat.*, i. 66-7; *Alvarado, Relacion*, i. 159; *Ramirez, Proceso contra Alvarado*, 32. См. также [Native Races](#), ii. 744, 788-9. Atalaya и Resguardo — испанские термины, первый означает «сторожевая башня», а второй — «охрана».

[\[XXIV-3\]](#) *Торквемада*, i. 311. Фасад дворца имел длину 376 шагов, а его глубина достигала 728 шагов. Хроникер Фуэнтес посетил Санта-Крус-дель-Киче с целью исследования руин, из которых, а также из рукописей, он собрал много информации.

[\[XXIV-4\]](#) Хуаррос называет его Чигнауивцелут.

[\[XXIV-5\]](#) Франсиско Флорес утверждает, что он и Хуан де Описа сделали это открытие. *Рамирес, Proceso contra Alvarado*, 32, 34.

[\[XXIV-6\]](#) Бернал Диас утверждает, что некоторые индейцы из Кесальтенанго предупредили Альварадо, что они намерены убить всех в ту ночь, если те останутся там, и что они разместили в ущельях много отрядов воинов, которые, увидев горящие дома, должны были объединиться с воинами из Утатлана и напасть на захватчиков в разных точках.

[\[XXIV-7\]](#) Возможно, что Оксиб Кье был повешен, а не сожжен, хотя Альварадо не упоминает о такой слабости с его стороны, а четко заявляет: «Yo los quemé» (Я их сжег). *Relacion*, i. 159. Однако Бернал Диас утверждает, что благодаря заступничеству Фрая Бартоломе Олмедо несчастному королю была предоставлена двухдневная отсрочка, в течение которой он принял крещение и обратился в католичество, и его приговор был заменен на повешение. *Hist. Verdad.*, 175. Эту точку зрения разделяют Салазар-и-Оларте, *Conq. Mex.*, 125-6, и Хуаррос, *Guat.*, ii. 253, но не Икстильшочитль, *Horribles Crueldades*, 67. На суде над Альварадо этот акт варварства является одним из обвинений, и показания свидетелей подтверждают, что никому из жертв не было сделано исключение. Свидетель Франсиско Флорес, упомянутый в [примечании 5](#) к этой главе, утверждает, что один из дворян был пощажен, потому что он раскрыл заговор. Однако его показания могут быть основаны на отсрочке, предоставленной Оксиду Кье, которую Флорес неправильно понял. *Рамирес, Процесс против Альварадо*, 32. Альварадо сообщил Кортесу, что жертвы полностью признались в заговоре перед казнью, и его использование выражения «Сомо паресера por sus confesiones» (Как следует из их признаний) указывает на то, что признания были записаны и переданы Кортесу. *Relacion*, i. 159. В заключение Брассер де Бурбург говорит, что были сожжены только монарх и наследник престола, что противоречит выражению Хуарроса «Ni las muertes de sus primeros capitanes, ni las de sus dos Reyes, executadas por los Castellanos» (*Гватемала*, ii. 253), а также свидетельству Флореса, который говорит: «E los prendio a todos ... e despues los quemó». *Рамирес, Proceso contra Alvarado*, 32. Лас Касас утверждает, что они были сожжены заживо без какого-либо суда. *Regio. Ind. Devastat.*, 35.

[\[XXIV-8\]](#) *Juarros, Guat.*, ii. 253. Альварадо никогда не упоминает о своей артиллерии ни в этой, ни в какой-либо другой кампании того года, хотя он неоднократно говорит об аркебузирах. Насколько я могу судить, Хуаррос — единственный автор, кроме Брассера де Бурбурга, который упоминает об артиллерии.

[\[XXIV-9\]](#) «I es la Tierra tan fuerte de quebradas, que ai quebradas que entran docientos estados de hondo, i por estas quebradas no pudimos hacerles la Guerra». *Альварадо, Relacion*, i. 159.

[\[XXIV-10\]](#) У него было две цели: он хотел проверить отношение к себе царя какчикелей и одновременно усилить свои местные войска, которые пригодились бы в этом деле. *Альварадо, Relacion*, i. 159. По словам Брассера де Бурбура, князья народа какчикель столкнулись с большим сопротивлением со стороны своих подданных, когда поддержали испанцев, и дворяне отказались предоставить войска, которые требовал Альварадо. В этой затруднительной ситуации Ахпозоциль собрал 4000 воинов в своей столице. *Hist. Nat. Civ.*, 648. Бернал Диас, за которым следует Хуаррос, дает другое описание, отличное от описания Альварадо, которое приводится в тексте. Суть его в том, что жители Гватемалы, услышав о неоднократных победах Альварадо и узнав, что он находится в Утатлане, отправили посольство с подарками из золота, предлагая свои услуги в борьбе с киче, с которыми они были в вражде. Эти подарки были приняты Альварадо, который, чтобы проверить их искренность, а также потому, что не знал дороги, попросил и получил помощь в переходе через многочисленные овраги и трудные перевалы. *Hist. Verdad.*, 175.

[\[XXIV-11\]](#) «Mandè quemar la Ciudad, i poner por los cimientos». *Альварадо, Relacion*, i. 159.

[\[XXIV-12\]](#) Происходит от *cé*, «один», и «*quechutl*», птица, похожая на фламинго, описание которой см. [e Native Races. iii. 374](#). Его родной имя было Тепепул, *Id.*, v. 566, но я предпочел использовать его мексиканское имя, чтобы избежать путаницы, так как позже в повествовании появится другой Тепепул, король Зутугилов. Дата этой капитуляции киче, должно быть, была за день или два до 11 апреля, когда Альварадо написал свою депешу Кортесу, в которой сообщал, что он отправляется в город Гватемала в тот же день, который был понедельником. Хуаррос утверждает, что Альварадо пробыл в Утатлане восемь дней, а Бернал Диас — семь или восемь, занимаясь умиротворением окружающих племен. *Guat.*, ii. 254. Эррера утверждает, что война закончилась 25 апреля, что можно объяснить только тем, что Альварадо не покинул Утатлан 11 апреля, как он намеревался. *Эррера, dec. iii. lib. v. cap. x.*

[\[XXIV-13\]](#) «Estamos metidos en la mas recia Tierra de Gente que se ha visto». *Relacion*, i. 160.

[\[XXIV-14\]](#) *Relacion*, i. 159; *Бернал Дуас, Hist. Verdad.*, 175.

[\[XXV-1\]](#) Маршрут Альварадо в этом случае, по-видимому, был спутан разными авторами с маршрутами, по которым он следовал позднее. Хуаррос говорит, что он не проходил через прибрежные города, а следовал по дороге Ицапа; так как в документе о праве собственности на землю, принадлежавшей индейцам Параммос, расширенном в 1577 году, 10 ноября, в упоминании о равнине на указанной дороге встречается следующее выражение: «Где, как говорят, был разбит лагерь испанцев, когда аделандадо Д. Педро де Альварадо пришел завоевывать эту землю».» *Guat.*, ii. 255. Этими замечаниями Хуаррос поддерживает мнение Фуэнтеса о том, что столица народа какчикель была расположена на склонах вулкана Агуа. Я, однако, убежден, что лагерь, упомянутый в земельном титуле, был разбит позднее, во время похода Альварадо на юг.

[\[XXV-2\]](#) Васкес называет этого правителя королем Ахпотзоцилем, *Chronica de Gvat.*, 68, что было лишь его титулом. Его настоящее имя было Синакам, под которым он фигурировал в книгах кабильдос Гватемалы. *Хуаррос, Guat.*, ii. 256. Брассер де Бурбург называет его имя Белехе Кат.

[\[XXV-3\]](#) *Juarros, Guat.*, ii. 254-5. Описание этого разговора в рукописи чакчикель несколько отличается от приведенного выше: в нем говорится, что разговор состоялся во дворце, что воинственный вид населения и количество воинов вызвали подозрения Альварадо и что в ночь после его прибытия, взволнованный своими опасениями, он внезапно вошел в королевские апартаменты в сопровождении своих офицеров. Его

неожиданное появление вызвало большую суматоху, и ожидавшие дворяне собрались вокруг своего правителя. Затем последовал разговор, в котором Синакам сказал: «Разве я послал бы своих воинов и храбрецов на смерть за вас и нашел бы могилу в Гумаркаа, если бы у меня были такие вероломные намерения?» В своем объяснении король также заявляет, что вооруженные войска должны были быть направлены против провинций Ицкуинтлан и Атитлан, с которыми какчикели находились в состоянии войны. *Брассер де Бурбург, Hist. Nat. Civ.*, 650-1.

[\[XXV-4\]](#) Бернал Диас или его редактор представляет здесь монаха Бартоломе де Ольмедо. Его рассказ таков: когда испанцы прибыли в Гватемалу, Альварадо сказал монаху, что никогда не испытывал таких трудностей, как во время сражения с индейцами Утатлана, описав их как самых храбрых и превосходных воинов, и в то же время приписал себе заслугу в том, что проделал хорошую работу. Монах упрекнул его и сказал, что это Бог совершил этот подвиг; и чтобы он мог считать его добрым и помогать им в будущем, было бы хорошо поблагодарить Его, назначить праздник, отслужить мессу и проповедовать индейцам. Это предписание было выполнено, и в результате за два дня было крещено более 30 туземцев. Другие также захотели креститься, когда поняли, что испанцы более свободно общаются с обращенными, чем с остальными. *Hist. Verdad.*, 175.

[\[XXV-5\]](#) Патинамит, или Иксимче, названный Альварадо городом Гватемала. Хуаррос сомневается в местоположении древней столицы какчикелей. Ремесаль не упоминает о ней, хотя он говорит об основании Вилья-де-Гватемала. Фуэнтес утверждает, что это был не Патинамит, а город на склоне вулкана Агуа, занимавший то же положение, что и Сан-Мигель-Цакуальпа, когда он писал. Его доводы таковы: во-первых, сохранение индейского названия Гватемала, указывающее на то, что испанцы не основали новый город, а заняли уже существующий; во-вторых, обычай испанцев давать испанские названия основанным ими городам, таким как Трухильо, Гранада, Картаго и другим, в то время как уже основанные города сохраняли свои местные названия, такие как Мехико, Куско, Тласкала и т. п. Кроме того, как отмечалось в других источниках, слово «Гватемала» происходит от *Cotectmalan*, что означает «*Palo de leche*» (молочное дерево), обычно называемое *Yerba mala*. Оно встречается только в Антигуа-Гватемале и в радиусе одной лиги вокруг нее, в пределах которой, следовательно, и должна была находиться столица. Но она не была расположена там, где находится Антигуа-Гватемала, потому что это место всегда называлось *Панчой*, или Великая лагуна; и не там, где находится Пуэбло-де-Сьюдад-Вьеха, которое называлось *Атмунка*, что означает «струящаяся вода». Следовательно, она должна была находиться на месте, где стоял город испанцев, который был разрушен в 1541 году, и где сейчас находится небольшая деревня Цакуальпа, название которой само по себе является дополнительным аргументом в пользу этого предположения, поскольку его значение — Старый город. Третий аргумент Фуэнтеса основан на маловероятности того, что испанцы основали бы город в незаселенном районе, когда двор и столица какчикелей находились в их распоряжении (). Следовательно, двор короля Синакама находился там, где испанцы впервые обосновались, то есть там, где стоит Цакуальпа. См. также *Juarros, Guat.*, ii. 255-9. Васкес утверждает, что этой столицей был город Патинамит, названный так по аналогии, что означает «метрополия» или «город» *par excellence*. Место, на котором он был построен, называлось «Иксимче», а в его время — Охертинамит, что означает «Старый город». Мексиканцы, прибывшие вместе с испанцами, называли его Куаутемали, что означает «гнилое дерево», по старой, изъеденной червями дереве Иксимче. Чтобы отличить его от города Сантьяго, основанного испанцами, его впоследствии назвали Текпан Гватемала, то есть Дворец или Королевский дом Гватемалы, что отличается от значения, данного Фуэнтесом, который говорит, что Текпан означает «выше», *encima*, как Текпан Атитлан, город, расположенный на более возвышенном месте, чем Атитлан. Город Текпан Гватемала все еще существует примерно в полулиге от старого места. Кроме того, Васкес обосновывает свое мнение размерами и великолепием дворца и общественных зданий, о которых свидетельствуют руины, которые он посетил лично, а также укрепленным положением этого места. *Chronica de Gvat.*, 7, 10, 68, 73; *Juarros, Guat.*, ii. 243, 256-7. То, что аргументы Фуэнтеса ошибочны, а Васкес прав, почти с уверенностью доказывают собственные донесения Альварадо. В своем отчете Кортесу, датированном 11 апреля в Уталате, он пишет: «*Embiè à la Ciudad de Guatemala, que està diez Leguas de esta*» (Я отправляюсь в город Гватемала, который находится в десяти легах отсюда), а затем сообщает Кортесу, что в этот день он уезжает в

город Гватемала: «Yo me parto para la Ciudad de Guatemala Lunes once de Abril» (Я отправляюсь в город Гватемала в понедельник, 11 апреля). В начале следующей депеши он пишет: «Yo, Señor, partí de la Ciudad de Uclatan, í vine en dos Dias à esta Ciudad de Guatemala». Этот «город Гватемала» был столицей короля какчикелей, где Альварадо был принят им, как будет рассказано в тексте, и находился в десяти лигах от Уталатена, расстояние, которое, по словам Альварадо, заняло бы у армии два дня, поскольку это была труднопроходимая местность, пересеченная многочисленными оврагами. *Basques, Chronica de Gvat.*, 7. Место, предложенное Фуэнтесом, находится почти в два раза дальше от Уатлана, и испанцы не могли бы добраться до него за два дня, кроме как очень изнурительным и форсированным маршем, которому Альварадо вряд ли подверг бы своих людей во время визита к дружественному правительству. Кроме того, Альварадо сообщает, что во время своей экспедиции против Атитлана он покинул город Гватемала и форсированным маршем вошел на эту территорию в тот же день — «I anduve tanto, que aquel Dia llegué a su Tierra» — расстояние, которое можно было преодолеть от существующих руин Патамит, но, по-видимому, не от вулкана Агуа.

[XXV-6] Хуаррос называет его «чай».

[XXV-7] *Juarros, Guat.*, ii. 243-4. Этот автор добавляет, что епископ Маррокин, услышав об этом камне, велел вырезать из него квадрат и освятить его как часть главного алтаря в церкви Текпан в Гватемале. Стивенс видел его и говорит, что это кусок обычного сланца. *Incid. of Travel in Cent. Am.*, ii. 150.

[XXV-8] «Donde fui mui bien recibido de los Señores de ella, que no pudiera ser mas en Casa de nuestros Padres; i fuimos tan proveidos de todo lo necesario, que ninguna cosa hovo falta». *Альварадо, Relacion*, i. 161.

[XXV-9] По этому случаю монах Хуан де Торрес обратил в христианство и крестил многих. *Basques, Chronica de Gvat.*, 7.

[XXV-10] Атитлан, на языке пипиль «Correo de Agua» или «Водяной курьер». Это согласно Хуарросу, который утверждает, что место также называлось Ацикиниксаль, что на языке киче означает «Дом орла», от символа королей, которые носили в качестве королевского герба орла, сделанного из перьев кетцалья. *Guat.*, 245. Терно-Компанс ошибочно интерпретирует это как «водоток», «cours d'eau». *Voy.*, série i. tom. x. 416.

[XXV-11] Однако его истинное значение — «герои» или «полубоги».

[XXV-12] Этот вождь поднял восстание в главных городах монархии. По словам Васкеса, этими городами были Текпан Атитлан и другие города этой провинции, в то время как Фуэнтес считает, что это были Текпан Гватемала и его зависимые территории. *Juarros, Guat.*, ii. 277.

[XXV-13] *Альварадо, Relacion*, i. 160.

[XXV-14] «Le dieron muchos presentes de oro y plata y joyas en gran cantidad». *Памуепс, Proceso contra Alvarado*, 7, 25, 28 и далее.

[XXV-15] «À los quales mataron sin temor ninguno». *Альварадо, Relacion*, i. 161. Бернал Диас утверждает, что Альварадо трижды посылал послов. *Hist. Verdad.*, 175.

[XXV-16] Бернал Диас утверждает, что Альварадо взял с собой более 140 солдат, из которых 20 были арбалетчиками и аркебузирами, а также 40 всадников и 2000 гватемальцев. Однако следует сделать вывод, что заявления «истинного историка» относительно завоевания Гватемалы не могут считаться точными, поскольку он сам признает, что не был там: «Y esto digo, porque no me halle en estas Conquistas». *Hist. Verdad.*, 175-6. Брассер де Бурбург также утверждает, что 2000 какчикелей под командованием Ахпоцоциля и Ахпоксахия сопровождали испанцев. *Hist. Nat. Civ.*, iv. 652. Хуаррос указывает, что войска состояли из 40 всадников, 100 пехотинцев и 2000 гватемальцев. Совершенно очевидно, что этот автор никогда не обращался к донесениям Альварадо, судя по многим хронологическим, численным и другим расхождениям. Альварадо говорит, что он

шел так быстро, что достиг территории зутугилов в тот же день, когда покинул город Гватемала. Хуаррос пишет: «Caminaba á convenientes jornadas». *Guat.*, 278. Салазар следует за Берналом Диасом. *Conq. Mex.*, 131.

[\[XXV-17\]](#) Хуаррос утверждает, что эти войска были размещены на пеньоле, или островной скале, но были настолько измотаны арбалетчиками, что вышли из укрытия и вступили в бой с испанцами на равнине. *Guat.*, ii. 278.

[\[XXV-18\]](#) «I por la mucha agrura de la Tierra, como digo, no se mato mas Gente». *Альварардо, Relacion*, i. 162.

[\[XXV-19\]](#) Примерно в середине мая, согласно рукописи какчикелей. Бернал Диас утверждает, что Ольмедо проповедовал Евангелие индейцам и отправлял мессу на алтаре, который они воздвигли. Монах также установил изображение Девы Марии, которое Гарай привез и подарил ему перед смертью. *Hist. Verdad.*, 176.

[XXV-20] Альварадо, *Relacion*, в Барсия, i. 161-2; Бернал Диас, *Hist. Verdad.*, 175; Гомара, *Hist. Mex.*, 230-1; Эррера, dec. iii. lib. v. cap. x.; Овьедо, iii. 480-1; Хуаррос, *Guat.*, ii. 277-80; Брассер де Бурбург, *Hist. Nat. Civ.*, iv. 652-5. В мемориале, направленном вождями Атитлана Филиппу II и датированном 1 февраля 1571 года, говорится, что когда Альварадо прибыл в страну, он был дружелюбно принят в Атитлане; что никто не поднял против него оружие, но были преподнесены ценные подарки, а каждый город и деревня платили дань в соответствии со своими средствами. Многие из их главных вождей сопровождали его в будущих походах и погибли, служа ему. Терно-Компанс, *Voü.*, série i., tom. x., 419-20. Хотя поход в Атитлан был менее кровопролитным, чем предыдущие, это противоречие во всех отчетах, в которых утверждается, что испанцы были встречены мирно, должно быть, проистекало из желания туземцев завоевать некоторую благосклонность или получить какую-то компенсацию.

[XXV-21] Один из свидетелей на суде над Альварадо в 1528-9 годах утверждает, что он слышал, что эта женщина была сестрой короля, но из заявления, содержащегося в обвинении и подкрепленного многими свидетелями, можно только сделать вывод, что она была одной из жен монарха. Рамуес, *Proceso contra Alvarado*, 7, 22, passim. По версии Брассера де Бурбура, Сучил была женой одного из высших сановников короны. *Hist. Nat. Civ.*, iv. 656.

[XXV-22] Защита, выдвинутая Альварадо, когда ему было предъявлено обвинение в этом преступлении, чрезвычайно слаба. Он сказал, что его обманули знатные люди из племени какчикель, которые, не желая, чтобы он продвигался дальше на юг, дали ему ложные сведения о трудностях, с которыми он столкнется. Испанский солдат по имени Фалькон сообщил, что рабыня описала страну как красивую и богатую, после чего Альварадо приказал привести ее. Вожди упорно отказывались, пока он не схватил одну из них; тогда была представлена индейская девушка благородного происхождения, но не та, которую он искал. «Однако он сильно на них настаивал», и в конце концов Сучил была передана ему. Читатель оценит правдоподобность этой истории, если подумает о том, насколько вероятно было, что знатные какчикели пытались удержать Альварадо от наступления на своих национальных врагов. Рамуес, *Proceso contra Alvarado*. См. вопрос и обвинение, xvii. и xix., стр. 7 и 57, ответ Альварадо, стр. 77-8, и показания.

[XXVI-1] Местное название главного города, Панатакат, во времена Васкеса было известно как *Искинтенеке*. Альварадо называет его *Искуйнтенеке*, *Relacion*, i. 162; Эррера, *Искинтенек*, dec. iii. lib. v. cap. x.; Гомара, *Искуинтенек*, *Hist. Mex.*, 231. Современное название — Эскуинтла. См. также [Native Races. v. 607](#).

[XXVI-2] «Diciendoles, què adonde iban, i que eran locos, sino que me dejasen à mi ir allà, i que todos me darian Guerra». Альварадо, *Relacion*, i. 162; Эррера, dec. iii. lib. v. cap. x.; Гомара, *Hist. Mex.*, 231.

[XXVI-3] Хуаррос, за которым следует Брассер де Бурбург, утверждает, что армия, находившаяся в Ицкуинтлане, состояла из 250 испанских пехотинцев, 100 всадников и 6000 индейцев из Гватемалы и других индейцев. *Guat.* (изд. Лондон, 1823), 229. Чуть позже в этой кампании Альварадо утверждает, что у него было 150 пехотинцев, 100 всадников и 5000 или 6000 индейских вспомогательных войск. Это число пехотинцев, скорее всего, более точно, чем то, которое приводит Хуаррос. У Альварадо было только 300 пехотинцев, когда он покинул Мехико, и, хотя погибших было немного, многие были ранены, и он оставил гарнизоны в различных местах. *Relacion*, i. 163. Предположение, что он покинул Ицкуинтлан с 250 испанскими пехотинцами и потерял 100 из них за несколько недель, не может быть принято во внимание. Хуаррос, по-видимому, следовал за Гомарой, *Hist. Mex.*, 232, который приводит вышеуказанные цифры.

[XXVI-4] Никакого приказа о сдаче не было отправлено, и это упущение было впоследствии использовано в качестве обвинения против командующего. Рамуес, *Proceso contra Alvarado*, 7, 57 и далее.

[XXVI-5] Хуаррос утверждает, что это была ночная атака и что жители спали, когда испанцы вторглись в город; Бернал Диас говорит, что это произошло утром.

[XXVI-6] «Tambien me han dicho, que cinco Jornadas adelante de vna Ciudad mui grande, que està veinte Jornadas de aquí, se acaba esta Tierra ... si así es, certisimo tengo que es el Estrecho». Альварадо, *Relacion*, i. 160. Пелаес ошибочно относит эту кампанию к периоду после покорения Миксо, Сакатепеке, Мазатенанго и т. д. *Mem. Guat.*, i. 45-46.

Васкес описывает это так: «Не опуская оружия из рук и не проводя ни одного дня в сражениях в деревнях на побережье, он и его армия мчались, как молния». *Chronica de Gvat.*, 7.

[XXVI-7] Лаэт, Огилби и Киперт пишут *R. Michatoya*.

[XXVI-8] Альварадо называет его *Amuenap*, Гомара — *Каэтинap*, Хуаррос — *Атикинаке*, Брассер де Бурбург — *Атикпак*, а Икстильшочитль в *Horribles Crueldades*, 69, *Кала*. Альварадо утверждает, что язык и раса людей здесь были другими.

[XXVI-9] Рамирес, «Процесс против Альварадо», 7-8 и далее. Описание Хуарроса настолько отличается от описания Альварадо, что я не могу уделить первому особого внимания в тексте. Он сводится к следующему: после переправы через реку испанцы подверглись нападению большого отряда индейцев, и завязалась упорная битва, в которой Альварадо был сбит с лошади вождем, ранившим его копьем. Альварадо атаковал индейца пешком и убил его. Некоторое время исход сражения был неопределенным, но в конце концов победа осталась за испанцами. На следующий день они вошли в заброшенный город, где вскоре снова подверглись нападению свежих сил противника. Запертые в узких улочках, испанцы не могли действовать и отступили на открытую местность, где вскоре привели индейцев в замешательство.

Депеши Альварадо Кортесу, *Relacion de Alvarado*, составляют основу той части завоевания Гватемалы, которая начинается с отправления испанцев из Соконуско и заканчивается основанием города Сантьяго в Патинамите. Сохранились только два из этих отчетов; о том, что было по крайней мере еще один, можно судить по первой строке первого отчета, в которой Альварадо сообщает, что он писал из Соконуско: «de Soncomisco escribí à Vuestra Magestad». Из выражения «Vuestra Magestad» можно предположить, что письмо было адресовано королю Испании; однако заключение доказывает, что это не так, поскольку Альварадо просит Кортеса доложить о своих услугах Его Величеству. «Magestad» — вероятно, опечатка вместо «Merced» или неверное прочтение рукописи. Эти депеши были впервые опубликованы в Толедо 20 октября 1525 года вместе с четвертым докладом Кортеса королю Испании. Позже они были переведены на итальянский язык Рамузио и опубликованы в Венеции в 1565 году. В 1749 году Барсия, член королевского совета, воспроизвел их в Мадриде в своем сборнике работ летописцев, и можно заметить, что перевод Рамузио не всегда согласуется с этим испанским изданием. Терно-Компанс перевел версию Рамузио на французский язык и опубликовал письма в Париже в 1838 году в своем сборнике «Collection of Voyages». Стиль Альварадо ясен и прост, лаконичен и энергичен, а его описания ярки. То, что он не сообщал Кортесу обо всех своих действиях, очевидно из уже часто цитируемого «Процесса против Альварадо», в котором ему вменяются многочисленные акты жестокости, надругательства и хищения. Тем не менее, нет никаких оснований сомневаться в правдивости его рассказов, поскольку они подтверждаются авторитетными источниками. Его можно обвинить в сокрытии фактов, а не в их искажении. В этих двух депешах автор наиболее ярко проявил свой характер. Его энергия, безрассудство и неукротимая воля, его храбрость, религиозное суеверие и амбиции — все это ярко проявилось; но в ярком рельефе, выделяясь среди всех других черт, проступает его жестокость: всякий раз, когда бойня на поле сражения была необычайно ужасной, он с удовольствием сообщал об этом Кортесу, иногда даже упоминая об этом дважды; а когда туземцам удавалось ускользнуть от него с относительно небольшими потерями, он с сожалением давал объяснения и приводил причины, по которым было убито так мало людей. Эти донесения особенно интересны тем, что содержат свидетельства о месте основания первого города испанцами в Гватемале. Кроме того, они исправляют многие ошибки, допущенные Ремесалом, Фуэнтесом и Хуарросом, которые, как ни странно, никогда не могли видеть эти донесения или даже почти дословную копию их, сделанную Овьедо. Еще одно повествование о завоевании было написано Гонсало де Альварадо, которое, по мнению Пелаеса, *Mem. Guat.*, i. 47, должно было быть известно Эррере. Оно никогда не публиковалось; Хуаррос описывает его следующим образом: «Рукопись Гонсало де Альварадо, которая хранилась у его потомка Николаса де Видеса и Альварадо».

[XXVI-10] Рамирес, *Proceso contra Alvarado*, 7-8 и далее.

[XXVI-11] «Me recibieron de paz, i se alçaron dende à vna hora». Альварадо, *Relacion*, i. 163.

[XXVI-12] Хуаррос утверждает, что армия остановилась недалеко от города и почти сразу же подверглась нападению трех сильных отрядов туземцев, один из которых спускался с высот Некстикипака, другой — из Таксиско, а третий — из Гуасакапана. Чтобы противостоять совместному наступлению, испанцам потребовались все их навыки и силы. Но отряд из Гуасакапана покинул поле боя, а отряд, спустившийся с гор, был разбит и взбежал в бегство; после чего отряд из Таксиско сдался, и город остался во владении испанцев. Хуаррос, *Guat.* (изд. Лондон, 1823), 231.

[XXVI-13] Называется Альварадо *Насенделан*, а Гомара — *Несенделан*; в атласе Меркатора 1574 года — *Насенделан*, а в *West-Indische Spieghel*, 64 — *Наседелан*. Современное название — Нанцинтла.

[XXVI-14] Они состояли из ткани, тетив для арбалетов, подков, гвоздей и других железных изделий. Альварадо позднее утверждает, что гвозди и подковы были отлиты из меди индейцами, которые верили, что железо расплавится вместе с ней. Рамирес, *Proceso contra Alvarado*, 79-80. Одежду, по его словам, не удалось вернуть, так как она была разорвана на набедренные повязки. *Relacion*, i. 163; Овьедо, iii. 483.

[XXVI-15] Эррера утверждает, что они были из Нанцинтлана и имели обыкновение сражаться с маленькими колокольчиками, «сендас кампанильяс», в руках. Хуаррос утверждает, что все попытки выяснить причину этой практики оказались тщетными. Эррера, dec. iii. lib. v. cap. x.; Хуаррос, *Guat.* (изд. Лондон, 1823), 232; также Гомара, *Hist. Mex.*, 232.

[XXVI-16] Упоминается как Дон Педро, один из самых доверенных офицеров Кортеса. См. *Hist. Mex.*, гл. vi., эта серия. Он упоминается более одного раза Альварадо, и ему были доверены важные командования. *Relacion*, i. 163-4.

[XXVI-17] Хуаррос говорит, что эта остановка была сделана в Гуасакапане, городе, расположенном на пути в Нанцинтлан. На этот момент армия провела в походе около 25 дней: четыре дня от Патиамита до Ицкуинтлана, восемь дней в последнем месте, четыре дня на прохождение через города Атикипак, Такуйлула и Таксиско до Нанцинтлана и восемь дней в последнем месте.

[XXVI-18] Рамирес, *Proceso contra Alvarado*, 8, 58, 79 и далее. Брассер де Бурбург считает, что только некоторые из вождей были пойманы после побега и что они были повешены. *Hist. Nat. Civ.*, iv. 660. Я привожу это повествование, основанное на показаниях, данных на суде над Альварадо.

[XXVI-19] Нынешний город Пасако, называемый *Пакоко* Овьедо, iii. 483, и *Пазуко* Эррера, dec. iii. lib. v. cap. x., и Гомара, *Hist. Mex.*, 232.

[XXVI-20] Они были расположены под углом и выступали над поверхностью на ширину двух-трех пальцев. Они были смазаны настолько ядовитым ядом, что при попадании даже одной капли крови раненый умирал в безумии на второй, третий или седьмой день, страдая от сильной жажды. Эррера, dec. iii. lib. v. cap. x.; [Native Races](#), ii. 744.

[XXVI-21] Эррера, т. III, кн. V, гл. X. Ранее они уже сталкивались с этим проявлением враждебности, но в данном случае, по-видимому, у них была возможность наблюдать за церемонией. Альварадо, *Relacion*, i. 163.

[XXVI-22] «I seguimos el alcance todo lo que se pudo seguir». Альварадо, *Relacion*, i. 163. Хуаррос утверждает, что эта победа не решила судьбу завоевания района; некоторые города подчинились, но другие сохранили свою свободу. Среди тех, кто искал мира, был большой город Техутла, расположенный в четырех лигах от Гуасакапана, который был захвачен и превращен в арсенал. После завоевания он постепенно утратил свое прежнее значение и был заброшен примерно в середине XVII века.

[XXVI-23] Рядом с заливом Сонсонате. См. карты Колона, 1527 г., и Рибера, 1529 г., на которых в этой точке или рядом с ней указана *река Съего*; а также *карту Центральной Америки* Киперта, 1858 г. *Река Паза* образует границу между Сальвадором и Гватемалой. Паза, очевидно, является сокращением от местного названия Пазако, а Пас — испанским искажением Паза.

[XXVI-24] Альварадо называет его *Мопикалько*; Эррера и Гомара — *Мопикалако*. Брассер де Бурбург отмечает, что, по-видимому, это соответствует нынешней деревне Науисалько, недалеко от Сонсонате, в Сальвадоре. *Hist. Nat. Civ.*, iv. 661.

[XXVI-25] Упоминается завоевателем как Acaxual, «donde bate la Mar del Sur en èl». *Relacion*, i. 163. Гомара называет его *Acaicutl*; Эррера — *Cayacatl*; а Овьедо — *Acarval*, в то время как Икстильшочитль дает ему название *Acayncatl*. Современное название — Acajutla. Хуаррос ошибочно утверждает, что Альварадо открыл его не раньше 1534 года. *Guat.*, i. 254. Фернандо Колон в 1527 году и Диего де Рибера в 1529 году пишут *las matas*. Атлас Меркатора, 1574, город и бухта *Акасутла*; Огилби, 1671, *Pto d' Acaxutla*; Лает, 1633, *Po de Acaxutla*; *West-Indische Spieghel*, 1624, *Saxulta*; Джеффрис, 1776, *Сонсонате* или *Тринидад-Суми*, *Puo C^m. Хаго*, и южная точка *Изалкос*, южный мыс *П^m. де лос Ремедиос*, северный мыс *П^m. Дакаксутла*, на побережье недалеко от последней точки *Гуакапа*, и во внутренней части *Чикимула*. Немного севернее реки и города *Лас-Эскавос*; Киперт, 1858, *Б. де Сонсонате*, а также город с таким же названием на *реке С^m. Хаго*. На побережье, город *Акахутла*, а к востоку, *П. де лос Ремедиос*, *Пуэрто-Либертад* и *П^m. де ла Конкордия*. Побережье называется *Куэста-дель-Бальсамо*.

[XXVI-26] «Они хорошо смотрелись в своих мешках, которые были белыми и разноцветными, с очень красивыми головными уборами, которые они носили на головах». *Гомара, Hist. Mex.*, 232.

[XXVI-27] Именно в этом случае Альварадо называет численность своих войск. Икстильшочитль говорит, что мексиканцев и тецуканцев было не более 7000... а Альварадо имел не более 250 испанских пехотинцев и 100 всадников, а также несколько тысяч кваутемальцев. *Horribles Crueldades*, 69.

[XXVI-28] Гомара утверждает, что Альварадо не осмелился атаковать их, потому что они были сильны и хорошо организованы, но индейцы атаковали испанскую армию, когда она проходила мимо. *Hist. Mex.*, 232. Рассказ Икстильшочитля схож с рассказом Гомары: «Они прошли мимо армии врагов; и, увидев их с другой стороны, напали на них». *Horribles Crueldades*, 69-70.

[XXVI-29] Брассер де Бурбург, введенный в заблуждение переводом Терно из Рамузио письма Альварадо, говорит: «Sans que l'inégalité du terrain permît aux Espagnols de leur opposer beaucoup de résistance». *Hist. Nat. Civ.*, iv. 662. См. также *Альварадо, Relacion*, i. 164, и *Альварадо, Lettres*, в *Ternaux-Compans*, série i. tom. x.

[XXVI-30] В качестве доспехов они носили мешки с рукавами, доходящими до ног, из твердого скрученного хлопка толщиной в три пальца. *Гомара, Hist. Mex.*, 232; *Альварадо, Relacion*, i. 164; [Native Races](#), ii. 742.

[XXVI-31] Он был пронзен стрелой в бедро, которая была выпущена с такой силой, что пробила седло. В результате его нога укоротилась на четыре пальца, и он остался хромым на всю жизнь. *Альварадо, Relacion*, i. 164. Ремесал ошибочно утверждает, что Альварадо получил эту рану в Соконуско. *Hist. Chyapa*, 7.

[XXVI-32] Это собственное заявление Альварадо: «I fue tan grande el destroço, que en ellos hicimos, que en poco tiempo no havia ninguno de todos los que salieron vivos;» и ниже: «I en caiendo la Gente de pie, los mataba todos.» *Relacion*, i. 164. Гомара говорит: «Y casi no dexaron ninguno dellos viuо». *Hist. Mex.*, 232.

[XXVI-33] Tacusocalco. *Овьедо*, iii. 484.

[XXVI-34] Три брата, сопровождавшие Альварадо из Мехико, теперь привлекают к себе больше внимания. В списке завоевателей, составленном Фуэнтесом, упоминаются еще три Альварадо, но их имена не совпадают с именами других братьев генерал-лейтенанта. *Фуэнтес-и-Гусман, Recordacion Florida*, MS., 25-7; *Бернал Диас, Hist. Verdad*, 14.

[XXVI-35] «Que verla de lejos era para espantar, porque tenian todos los mas lanças de treinta palmos, todas en Arboledas». *Альварадо, Relacion*, i. 164. Эрпера добавляет, что копья были отравлены: «Las lanças eran mayores, con yerua». dec. iii. lib. v. cap. x.

[XXVI-36] «Peled despues con otro exercito mayor, y mas peligroso». *Эрпера*, dec. iii. lib. v. cap. x.

[XXVI-37] Назван Альварадо *Миагуакланом*, Эрперой — *Маутланом*, Икстильшочитлем и Гомарой — *Мауатланом*.

[XXVI-38] Atehuan, *Alvarado, Relacion*, i. 164; Lechuan, *Herrera*, dec. iii. lib. v. cap. x.; Atlechuan, *Gomara, Hist. Mex.*, 232; Atehuan, *Oviedo*, iii. 484.

[XXVI-39] «Yo los recibí pensando que no me mentirian como los otros». *Альварадо, Relacion*, i. 164. Овьедо, напротив, говорит: «Pensando que mentirian, como los otros». i. 485.

[XXVI-40] «Большинство деревень были сожжены и разрушены». *Рамирес, Процесс против Альварадо*, 26 и далее.

[XXVI-41] Написано *Куитлачаном*, Гомарой и Икстильксочитлем. Куцкатлан, что означает «Земля драгоценных камней», *Juarros, Guat.*, i. 23, было древним названием провинции, а также города, представленного современным Сан-Сальвадором. *Native Races, v. xii*. В книге Огилби «Америка», 1671 г., упоминается город *С. Сальвадор*, а к югу от него — город *Ла-Тринидад*; Лазт, 1633, *С. Сальвадор*, а на противоположной стороне реки *Ла-Тринидад*, и в глубине на севере город *Гратиас-а-Диос*; Джеффрис, 1776, *Сан-Сальвадор* или *Кускатлан*, на западе *Нексапа-Гуаймоко*, на востоке *Чонталес*, на севере *Истепек*; Киперт, 1858, *Сан-Сальвадор*, штат, город и вулкан.

[XXVI-42] Испанцы подозревали их в предательстве. Брассер де Бурбург утверждает, что принц и вся его свита были схвачены и заключены в тюрьму. *Hist. Nat. Civ.*, iv. 664. Свидетельство из письма Альварадо, напротив, указывает на то, что они бежали из города вместе с остальным населением: «I mientras nos aposentamos, no quedò Hombre de ellos en el Pueblo, que todos se fueron à las Sierras. E como vi esto, Yo embiè mis Mensageros à los Señores de alli à decirles, que no fuesen malos». *Relacion*, i. 164. Сравните, однако, *Рамирес, Proceso contra Alvarado*, 9 и далее.

[XXVI-43] *Альварадо, Relacion*, i. 164-5; *Рамирес, Proceso contra Alvarado*, 58-9 и далее. Брассер де Бурбург, несмотря на все испанские свидетельства, смело предполагает, что король «ainsi que tous les seigneurs de sa cour» были на самом деле казнены, *Hist. Nat. Civ.*, iv. 666-7, тогда как на самом деле они скрывались в горах и были лишь осуждены. Абсурдно предполагать, что в обвинении Кускатлана, № xxvi., упомянутом выше, обвинители Альварадо не смогли бы предъявить ему смерть короля и вождей.

[XXVI-44] Клеймение рабов в Кускатлане было одним из обвинений, выдвинутых против Альварадо на его суде. Испанцы, по-видимому, схватили ряд туземцев, когда впервые вошли в город. *Рамирес, Proceso contra Alvarado*, 9-59, passim. Лас Касас использует следующие слова: «Stigma enim Regium, iis, qui non evaserunt, inustum est. Ego etiam præcipuo totius civitatis viri filio vidi imprimi». *Regio. Ind. Devastat.*, 38.

[XXVI-45] «Нуно poco despojo». *Эрпера*, dec. iii. lib. v. cap. x. «Poco oro y riquezas hallaron en este viage». *Икстильшочитль, Horribles Crueldades*, 70.

[XXVI-46] «I supe de los Naturales como esta Tierra no tiene cabo». *Альварадо, Relacion*, i. 165.

[XXVI-47] «Padecieron hartos trabajos, hambre y calamidades los nuestros, y los españoles». *Икстильшочитль, Horribles Crueldades*, 70; также *Гомара, Hist. Mex.*, 232.

[XXVII-1] Отчет Альварадо о кампании датирован этой датой, и, поскольку он упоминает в нем, что по возвращении он основал «Сьюдад-дель-Сеньор-Сантьяго», он, должно быть, прибыл по крайней мере за

несколько дней до вышеуказанной даты. Брассер де Бурбург, указав на ошибочное представление Фуэнтеса, демонстрирует некоторую путаницу в своих собственных представлениях о датах и времени. *Hist. Nat. Civ.*, 667.

[XXVII-2] Васкес отмечает: «Llegó à *Vulvusa* que oy llaman Almolonga; y auiendo en la falda de su bolcan assentado el Real a los 25 de Jullio de 1524, diò su primer ser a la Ciudad de Guatemala, con Nõbre de Villa que le duró muy pocos dias». *Chronica de Gvat.*, 7. Ремесаль также утверждает, что город был основан на склонах вулкана Агуа, в месте под названием Панчой, что означает «Большая лагуна», поскольку долина там окружена горами. По его словам, первые дома строились из раздвоенных столбов для угловых опор, тростника и грязи для стен, а крыши были покрыты сухим тростником. С помощью мексиканцев они были быстро возведены. Когда было построено достаточное количество домов для размещения всей армии, они дождались дня апостола Сантьяго, чтобы в этот день основать город и посвятить его своему покровителю. Этот день выпал на понедельник, 25 июля, когда и было завершено основание города. *Ремесаль, Hist. Chyapa*, 4. В другом месте я показал, что Патаинамит был городом, который Альварадо назвал Гватемалой. Теперь есть убедительные доказательства из его собственной депеши, что он основал город Сантьяго в том же городе Гватемала или на его месте. «Antes acorde me bolver à esta Ciudad de Guatemala, ... asi que Yo soi venido à esta Ciudad ... hice, i edifiqué, en nombre de su Magestad, vna Ciudad de Españoles, que se dice la Ciudad del Señor Santiago», — пишет он. Использование выражения «эта Гватемала» в других частях донесения доказывает, что оно было написано в столице царя чакчикелей, а в конце оно датировано так: «Из этого города Сантьяго, двадцать восьмого июля тысяча пятьсот двадцать четвертого года». Таким образом, ясно, что город Гватемала и город Сантьяго были одним и тем же городом, и что Альварадо присвоил себе столицу Синакама. *Альварадо, Relacion*, i. 161-2, 165-6. Здесь можно отметить, что в прямом противовесе применению Альварадо термина «сиудад» к новому поселению, как Васкес, так и Ремесаль утверждают, что это была вила, причем последний добавляет, что она сохраняла этот титул в течение восемнадцати дней и была возведена в ранг города 12 августа. *Ремесаль, Hist. Chyapa*, 4, 6. Пелаес говорит, что город назывался «Сьюдад-де-Сантьяго-де-лос-кабальерос», но только с 22 ноября 1527 года. Васкес утверждает в *Chronica de Gvat.*, 11, что он был так назван 29 июля 1524 года, а Ремесаль указывает 12 августа того же года. Пелаес в своем введении к т. I утверждает, что Гватемала получила свое название от выражения *Guhatezmalhá*, то есть «холм, из которого бьет вода». Из актов кабиљдо мы знаем, что он был назван городом 29 июля 1524 года. *Аревало, Actas Ayunt. Guat.*, 8.

[XXVII-3] *Фуэнтес-и-Гусман, Recordacion Florida*, MS., 25; *Аревало, Actas Ayunt. Guat.*, 7; Забарриета, согласно Ремесалу.

[XXVII-4] Это право назначать алькальдов и регидоров сохранялось и осуществлялось Альварадо всякий раз, когда он был присутствовал, что подтверждается кабиљдо 1525 и 1526 годов. *Ремесаль, Hist. Chyapa*, 4. *Аревало, Actas Ayunt. Guat.*, 11-18.

[XXVII-5] Кабиљдо, в соответствии со своими официальными полномочиями, собрался на заседание в тот же день и установил законные цены на продовольствие. *Ремесаль, Hist. Chyapa*, 4. 27 июля был принят закон, регулирующий расценки кузнеца. За изготовление 100 гвоздей он должен был взимать два доллара, при этом железо ему предоставлялось бесплатно. За подковку лошади взималась плата в один золотой доллар, столько же стоила и кровопускание. Любопытно отметить, что в апреле 1524 года цена подков в армии Альварадо составляла 190 долларов за дюжину, по этой цене они покупались и продавались в его лагере. *Альварадо, Relacion*, i. 160. Ремесаль говорит, что рабочие, зная о необходимости своих услуг, взимали плату по своему усмотрению. Портной брал по реалу за стежок, а сапожники работали только за такую высокую плату, что, подшивая чужие ботинки кожей, они могли использовать серебро для своих собственных; а кузнец мог бы изготовить свои инструменты из золота, если бы захотел. 12 декабря 1524 года кабиљдо счел необходимым установить фиксированные ставки за все виды труда. Принятые меры были своевременно выполнены властью имущими. Правила изменялись по мере необходимости, и каждые два года, не более, новые ставки адаптировались к состоянию дел, с чем были вынуждены соглашаться даже помещики. Однако ремесленники по-прежнему устраивали другим колонистам много неудобств, отказываясь принимать оплату за работу, кроме

как золотыми монетами, причем портной в противном случае удерживал одежду своего клиента даже в праздничный день, а сапожник — его обувь. Такое положение дел сохранялось до 1529 года, когда 19 февраля корпорация объявила законным платежным средством местную валюту — какао, перья и одежду. *Hist. Chyapa*, 6; *Arévalo, Actas Ayunt. Guat.*, 8-67, *passim*. Еще одним из первых актов этой новой корпорации было назначение городского глашатая, зарплата которого была установлена в размере 100 долларов в год. *Id.*, 7-8. Что касается этой должности глашатая, Ремесал утверждает, что она должна была быть принята лицом, выбранным для ее заполнения, под страхом смертной казни. *Hist. Chyapa*, 4. В данном случае выбранным лицом был Диего Диас, который решительно возражал против этого призвания, но был вынужден принять его. Ремесаль, с его смертной казнью, выходит за рамки закона корпорации, в котором говорится «so pena de cient azotes» (под страхом 100 ударов плетью). *Аревало, Actas Ayunt. Guat.*, 8. В качестве примера дороговизны продовольствия мы находим закон, принятый 6 мая 1525 года, ограничивающий цену яиц одним золотым реалом за штуку. Там же, 12, 14.

[XXVII-6] *Аревало, Actas Ayunt. Guat.*, 8. Но Ремесаль, который постоянно расходится с мнениями наиболее авторитетных источников, указывает дату 29 июля.

[XXVII-7] Васкес утверждает, что при основании города было зарегистрировано менее 200 испанцев, поскольку, хотя в боях погибло очень мало людей, отряды были оставлены в Кесальтенанго и Патианамите. Что касается последнего места, то следует иметь в виду, что Васкес считал, что город был основан на вулкане Агуа. *Chronica de Gvat.*, 10-11; см. также *Аревало, Actas Ayunt. Guat.*, 8-19.

[XXVII-8] «Кортес ... подтвердил распределение и помог получить эту губернию». *Gomara, Hist. Mex.*, 233; см. также *Herrera*, dec. iii. lib. v. cap. x.

[XXVII-9] Из повествования будет видно, что испанцы вскоре были вынуждены покинуть Патианамит и переселиться в другое место, и что город Сантьяго не имел постоянного местоположения до своего основания в Панчой в 1527 году.

[XXVII-10] «Педро де Альварадо приказал им в течение определенного срока предоставить ему тысячу листов золота по пятнадцать песо за каждый лист». *Рамирес, Процесс против Альварадо*, 59. Брассер де Бурбург утверждает, что королю и королевской семье было приказано принести вазы, наполненные драгоценными металлами, и сдать даже свои короны и личные украшения. *Hist. Nat. Civ.*, iv. 673.

[XXVII-11] Индейцы, по-видимому, нередко приносили пирит. Лас Касас, говоря о кускатеках, говорит: «Indiani igitur magnum hastarum ex orichalcho inaurato, numerum, quæ aureæ esse videbantur ... congregarunt. Capitaneus eas Lydio lapide probari jussit, cumque orichalcum esse cerneret», и т. д. *Regio. Ind. Devastat.*, 38. «Alvarado no tomava syno oro fino e lo rescebia por el toque». *Рамирес, Проceso contra Alvarado*, 59.

[XXVII-12] См. *Bancroft's Native Races*, ii. 732.

[XXVII-13] Брассер де Бурбург указывает 27 августа 1524 года как дату оставления Патианамита какчикелями. *Hist. Nat. Civ.*, iv. 676. Эта дата примерно на два месяца раньше даты, указанной в показаниях Альварадо в свою защиту, где говорится, что это произошло через шесть или семь месяцев после его захвата королевы Сучил. *Рамирес, Проceso contra Alvarado*, 100, 146-7, *passim*.

[XXVII-14] Высокие цены на продовольствие во время этой войны очевидны из акта кабильдо, принятого 6 мая 1525 года, ограничивающего стоимость свиньи весом 120 фунтов двадцатью песос де оро, что эквивалентно почти 300 долларам наших дней; в то время как яйца стоили по одному реал де оро, то есть более 1,50 доллара. *Аревало, Actas Ayunt. Guat.*, 13-14.

[XXVII-15] Лас Касас рассказывает ужасающую историю о мести, в которой испанцы загнали всех своих пленников, мужчин, женщин и детей, в эти ямы с кольями. *Regio. Ind. Devastat.*, 36.

[XXVII-16] Брассер де Бурбург предполагает, что это место находилось на территории Зутугиль. *Hist. Nat. Civ.*, iv. 678.

[XXVII-17] Брассер де Бурбург считает, что и поздняя война в Закатепеке, и захват Миксо произошли во время подавления восстания какчикелей. Но мне кажется, что он несколько непоследователен. Он утверждает, что порабощение какчикелей длилось «pendant plusieurs mois» после возвращения Альварадо в Патинамит, а чуть позже указывает, что в первые месяцы 1525 года Сальвадор был вновь завоеван и там был основан испанский город. *Hist. Nat. Civ.*, iv. 680-1. Вряд ли можно предположить, что вторая кампания в Сальвадор могла быть предпринята во время войны с чакчикелями. Кроме того, согласно его интерпретации рукописи какчикелей, город Зумпанго был одним из многих, которые подчинились испанцам после разрушения Мишко; и, как будет видно позже, покорение Сакатепека было связано с враждебными набегами из этого района на Зумпанго, пока Альварадо отсутствовал в походе. Рукопись какчикелей является произведением Франсиско Эрнандеса Арана Ксахила и содержит краткую историю народа какчикелей с самых ранних времен. Автор был внуком короля Хунига из рода Апотзоциль, и рукопись написана его рукой до 1562 года, после чего она продолжена Франциско Гебута Кехом из той же семьи. Брассер де Бурбург, *Bib. Mex. Guat.*, 13, сообщает, что она была переведена на французский язык в 1856 году в Рабинале в Гватемале.

[XXVII-18] Этот город был основан индейцами покоманами во время их ранних войн с киче и какчикелями, а место для его строительства было выбрано из-за его естественной защищенности. [Native Races, i. 787](#); *Juarros, Guat.*, ii. 245. Он был расположен в долине Силотепек, на хребте между реками Пиксаятль и Рио-Гранде-де-Мотагуа, причем первая река является притоком второй и означает «охраненный поток». *Juarros, Guat.*, ii. 350; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, iv. 680.

[XXVII-19] Хуаррос утверждает, что два защитника, скатывая камни по крутому склону с высоты, могли помешать вторжению армии. *Guat.*, ii. 284.

[XXVII-20] Фуэнтес говорит о 30 всадниках, служивших пешком, и 200 тласкальцах. *Recordacion Florida*, MS., 14-5.

[XXVII-21] Макарио, *Xecul MS.*, 7; *Хуаррос, Guat.*, ii. 285.

[XXVII-22] В этом сражении, поскольку индейцы преследовались после спасения Агилара, погибло более 200 чигнаутеков, сообщает Хуаррос. На стороне испанцев было убито много тласкальцев, среди которых были два прославленных вождя, Хуан Сучиатль и Херонимо Каррильо (испанское имя этого индейского вождя), в то время как значительная часть испанцев получила тяжелые ранения. *Guat.*, ii. 285. Помимо Агилара и трех капитанов, чьи имена указаны в тексте, Фуэнтес также упоминает Гутьерре де Роблеса и Педро де Олмоса как тех, кто прославился в этом сражении. *Recordacion Florida*, MS., 16.

[XXVII-23] Фуэнтес, писавший между 1690 и 1700 годами, дает частичное описание пещеры, вход в которую находился на небольшом хребте рядом с руинами Миксо. Дверной проем был сделан из глины, шириной три фута и высотой три фута. Тридцать шесть каменных ступеней вели в просторную камеру, в конце которой находился еще один лестничный пролет, по которому никто не спускался далеко, поскольку земля начала дрожать, когда исследователь продвигался вперед. Однако было спущено восемнадцать ступеней, и с правой стороны было обнаружено арочное отверстие, ведущее по шести ступеням в длинную пещеру. Дальнейшие исследования не проводились. *Ubi sup.*, cap. ii.; *Juarros, Guat.*, ii. 350-1 [Native Races, iv. 119-20](#).

[XXVII-24] Расстояние от лагеря до выхода, должно быть, было значительным, так как Фуэнтес утверждает, что на прибытие отряда Лоарки к пещере был отведен один день. *Фуэнтес-и-Гусман, Recordacion Florida*, MS., 17.

[XXVII-25] Рассказ Фуэнтеса несколько сбивчив. Из его версии на странице 17 читатель может предположить, что отряд Лоарки должен был подняться по пещерному проходу в порядке, указанном в тексте, в то время как на странице 19 он утверждает, что те, кто бежал через пещеру, были атакованы отрядом, «засевшим в засаде».

[XXVII-26] Фуэнтес говорит, что Лопес де Вильянуэва и двое других быстро заняли его место.

[XXVII-27] *Тезумп, Киче МС, 7; Хуаррос, Гуат., ii. 284-8; Фуэнтес и Гусман, Recordacion Florida, МС, 14-9.*

[XXVII-28] Сегодняшний Мишко находится на расстоянии около двух лиг от современного города Гватемала и девяти или десяти лиг от руин Мишко, разрушенного Альварадо. За его разрушением последовало подчинение различных городов, среди которых, согласно рукописи *Sakchiquel*, были Силотепек, Ямпук, Папулука и Зумпанго.

[XXVII-29] *Sakchiquel MS., 5; Juarros, Guat., ii. 281; Фуэнтес-и-Гусман, Recordacion Florida, MS., 12.* Хименес делает примечание на полях рукописи Фуэнтеса, в котором утверждает, что «это неправда, потому что они восстали до прибытия испанцев и основали свою столицу в Ямпуке». *Фуэнтес-и-Гусман, Recordacion Florida, MS., 12-3.*

[XXVII-30] Фуэнтес утверждает, что они обычно праздновали свои праздники, во время которых приносили в жертву этих жертв, на холмах, хорошо видных индейцам, которые были дружественно настроены по отношению к испанцам, чтобы спровоцировать их.

[XXVII-31] Хуаррос указывает слишком раннюю дату, январь 1525 года, для последующих событий, но, по-видимому, он совершенно не знает об этом первом восстании какчикелей. *Guat., ii. 281.* Хименес сделал следующую пометку на полях рукописи Фуэнтеса: «Этот город», имея в виду Синако, «был основан несколько позже, поэтому это неверно».

[XXVII-32] Фуэнтес утверждает, что в это время испанцы были вовлечены в войну в Атитлане. *Recordacion Florida, MS., 13.* Это ошибочное утверждение. Атитлан был покорен в 1524 году, и Альварадо, который дает подробный отчет об этом событии, упомянул бы об этой войне с сакатепами, если бы она произошла в то время. Хуаррос говорит, что Альварадо участвовал в войне в Атитлане или в войне с пипилями. *Guat., ii. 282.* Последнее предположение, несомненно, верно. Есть свидетельства того, что Альварадо в начале 1525 года предпринял свою вторую кампанию вдоль побережья против Сальвадора, завоевал страну и основал город Сан-Сальвадор. Записей об этих событиях не сохранилось, но из акта кабильдо Гватемалы от 6 мая 1525 года мы узнаем, что некий Диего Ольгин ранее покинул город, чтобы «проживать в вилле Сан-Сальвадор, где он был алькальдом». *Аревало, Actas Ayunt. Guat., 13.*

[XXVII-33] Фуэнтес, а за ним и Хуаррос, утверждают, что это было сделано по совету пожилого индейца по имени Чоболок. Он заметил, что испанцы не задействовали все свои силы сразу, а всегда оставляли часть людей в резерве, и предложил вождям своего народа принять аналогичную тактику.

[XXVII-34] *Фуэнтес и Гусман, Recordacion Florida, MS., 12-14; Хуаррос, Guat., ii. 281-3.*

[XXVII-35] Этот правитель, по словам Гонсало де Альварадо, демонстрировал в своей личности благородство своего происхождения и был около 40 лет от роду. *Альварадо, Гонсало де, Memoria, MS.; Juarros, Guat., ii. 319.*

[XXVII-36] Говорят, что какчикели применяли слово Мет к племенам, говорящим на языке майя. Это слово, означающее «заикающиеся», было искажено испанцами до Mames. Они занимали ту часть страны, которая лежала между территорией киче и Чьяпасом, ныне провинция Тотоникапан. См. [Native Races, ii. 128, v.](#), passim.

[XXVII-37] В сухой сезон Хондо — всего лишь небольшой мелкий ручей. Однако в сезон дождей он превращается в глубокую и опасную реку, откуда и происходит его название — Эль-Рио-Хондо, «глубокая река».

[XXVII-38] *Макарио, Xecul MS., 16; Хуаррос, Гватемала, ii. 311.* Город существует и по сей день.

[XXVII-39] *Quiché MS., 10; Juarros, Guat., ii. 311-13.* Город, который до сих пор носит то же название.

[XXVII-40] Как и Утатлан и Миксо, этот город был расположен на плато, окруженном ущельями. Плато имело окружность двенадцать миль, и на нем до сих пор можно увидеть руины Закулеу, известные под названием Лас-

Куэвас, пещеры, примерно в полулиге от Узуэтенанго. Они представляют собой лишь беспорядочную кучу мусора, заросшую кустарником. Однако можно различить две пирамидальные конструкции из камня и раствора. Хуаррос называет это место Соколео, что является нынешним названием деревни и ручья в этой местности. *Guat.*, ii. 313-14; [Native Races, iv. 128-30](#).

[\[XXVII-41\]](#) В этом сражении испанцы потеряли 40 индейцев и трех лошадей, а восемь солдат были тяжело ранены, в том числе Гонсало де Альварадо. Они собрали с тел убитых большое количество золотых медалей. *Альварадо, Гонсало де, Memoria*, MS.; *Хуаррос, Guat.* ii. 315-16.

[\[XXVII-42\]](#) Нынешний Соколео, приток реки Селегуа.

[\[XXVII-43\]](#) Эта стража состояла из 400 индейцев и десяти отборных испанцев под командованием Антонио де Салазара. *Juarros, Guat.*, ii. 317.

[\[XXVII-44\]](#) Во время сражения, которое велось на глазах у Закулеу, мамес попытались выйти в поддержку горцев, но были отбиты Салазаром. *Juarros, Guat.*, ii. 317.

[\[XXVII-45\]](#) Хуаррос добавляет, что Гонсало сначала не принял этот план, поскольку хотел использовать свою кавалерию в штурме. *Guat.*, ii. 318.

[\[XXVII-46\]](#) *Альварадо, Гонсало де, Memoria*, MS.; *Хуаррос, Гватемала*, ii. 319. Гонсало де Альварадо утверждает, что 1800 маме погибли при обороне Закулеу. *Там же*.

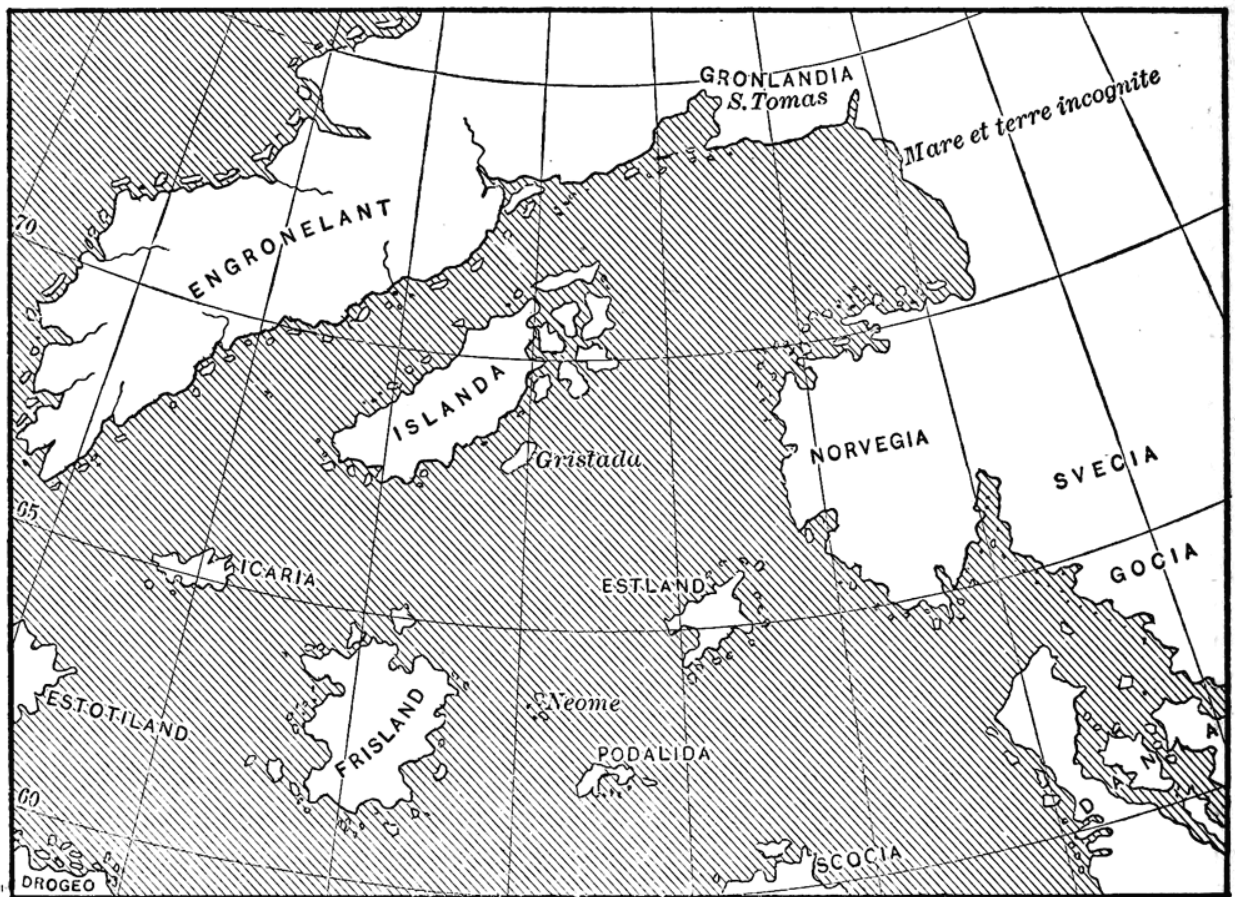
[\[XXVII-47\]](#) Хуаррос утверждает, что дверь форта представляла собой каменную плиту, которая была разбита.

[\[XXVII-48\]](#) Источниками, которые были использованы для изучения истории завоевания Гватемалы, являются следующие: *Кортес, Cartas* [изд. Париж, 1866], 289-90, 304-5, содержащие информацию до отправления Альварадо в Гватемалу; *Альварадо, Relacion*, в *Barcia, Hist. Prim.*, 157-66, и в *Ternaux-Compans, Voy.*, série i., tom. x., 107-50, взятые за основу той части истории, которая включает в себя вход на территорию Гватемалы и последующие события вплоть до основания города Сантьяго; *Овьедо*, iii. 448, 459-60, 475-87, где подробно описываются действия Кортеса и Альварадо; *Петр Мученик*, dec. viii. cap. v., относящийся в основном к повествованию о посланниках, отправленных в Гватемалу, и лишь упоминающий об отправлении Альварадо; *Гомара, Hist. Mex.*, 229-33; *Id., Hist. Ind.*, 266-8, где содержится лишь небольшая дополнительная информация к той, что приводится Овьедо; *Чималпаин, Hist. Conq.*, ii. 100-5, 181-2; *Бернал Диас, Hist. Verdad.*, 77, 174-6; *Лас Касас, Regio. Ind. Devastat.*, 35-40, и *Икстильшоочитль, Horribles Crueldades*, 66-71. Первый из этих двух последних авторитетных источников исключительно суров по отношению к Альварадо и перечисляет множество зверств, совершенных им и его последователями, в то время как второй выделяет заслуги мексиканских вспомогательных войск и упоминает чрезмерные лишения и жестокости, которым они подвергались. *Id., Relaciones*, 431-3. Эррера, dec. iii. lib. v. cap. viii.-xi., иногда расходится с утверждениями Альварадо, но в целом является надежным источником. См. также *Лоренсана, Viage*, в *Кортес, Hist. N. España*, 335-6, 369-70; *Пачеко и Карденас, Col. Doc.*, viii. 17; *Аревало, Actas Ayunt. Guat.*, 7-15; *Рамуес, Proceso contra Alvarado*, passim — эта работа проливает много света на деяния завоевателя, хотя противоречивые свидетельства зачастую затрудняют принятие решения по существу обвинения; *Рамузио, Viaggi*, iii. 296-8; *Амумлан, Requête de plusieurs chefs*, в *Ternaux-Compans*, série i., tom. x., 415-25; *Сучимилько, Carta de sus caciques*, в *Pacheco и Cárdenas, Col. Doc.*, xii., 293-4; *Ремесаль, Hist. Chyapa*, 2-7, автор, недостоверный в том, что касается завоевания Гватемалы, если его утверждения не подтверждаются другими источниками; *Гальвано, Discov.*, 156-7; *Voyages, Selection of Curious, Rare, and Early*, 31; *Фуэнтес-у-Гусман, Recordacion Florida*, MS., 1-4, 12-19, 25-7, содержит много ошибок и далеко не надежен; *Баскес, Chronica de Gvat.*, 1-17, 68, 522-6; *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, i. 139; *Juarros, Guat.*, i. 60, 64, 66-7, 79, 253; ii. 240-60, 277-88, 309-20; *Id.* [ed. London, 1823], 10, 29-30, 124-6, 234-6, 378-404, 419-32, 456-69; *Pelaez, Mem. Guat.*, i. 44-7, 64-5, составлено из различных авторов и является неточным. *Брассер де Бурбург, Hist. Nat. Civ.*, iv. 612-719; *Прескотт, Mex.*, iii. 273-4; *Хелл, Span. Conq.*, iii. 242-74; *Калле, Mem. y Not.*, 113-5; *Салазар и Оларме, Conq. Mex.*, 124-33; *Niebla, Mem. de Zapotitlan*, MS., 7-8; *Larrainzar, Hist. Soconusco*, 1-14, 17-8; *Zamacois, Hist. Méj.*, iv.

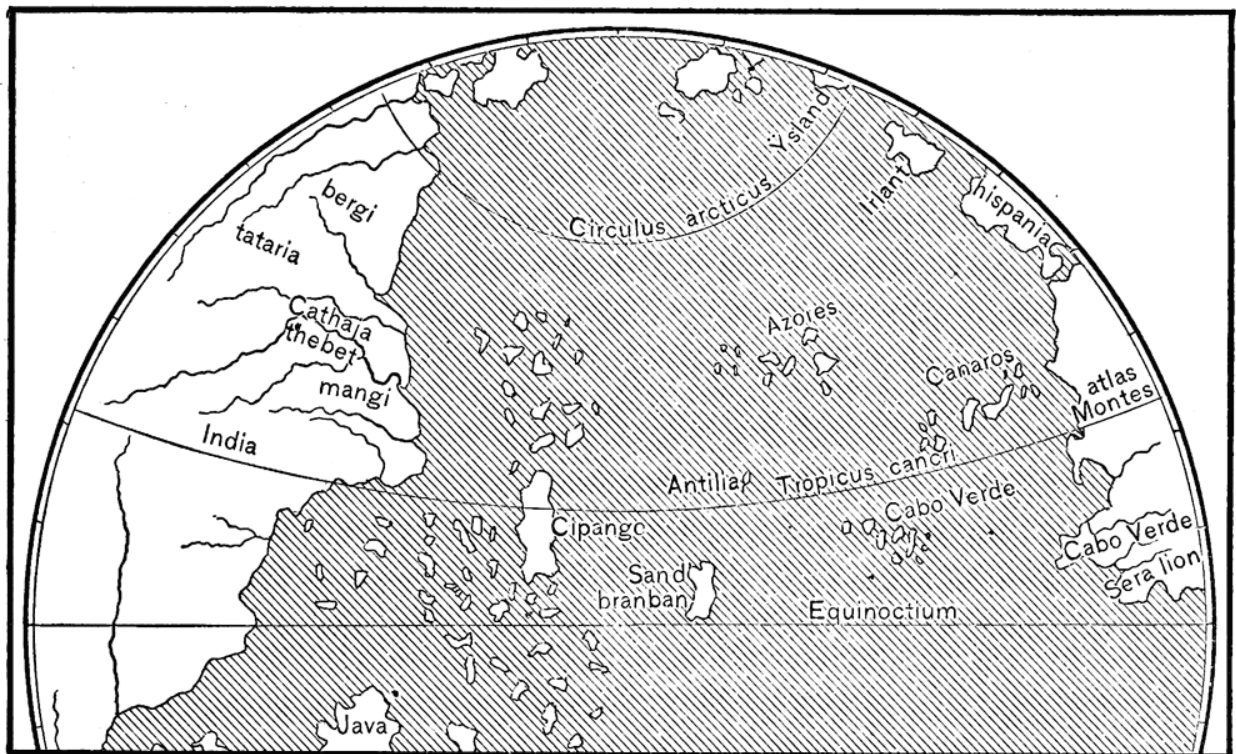
167-74, 182; *Squier's MSS.*, xvi.; *Squier's States Cent. Am.*, 323-30; *Ogilby's Am.*, 236; *Dunn's Guat.*, 261-4; *Laet, Nov. Orb.*, 317-46; *Astaburuaga, Cent. Am.*, 9; *Larenaudière, Mex. and Guat.* [ed. Paris, 1843], 135, 277-85. Также были проконсультированы менее авторитетные источники: *Russell's Hist. Am.*, i. 389-91; *Robert's Narr. Voy.*, xxi.; *Montanus, De Nieuwe Weereld*, 273; *Crowe's Cent. Am.*, 28-114; *Conder's Mex. and Guat.*, ii. 178, 183-9, 199, 297; *Drie Verscheyde Togten*, 18-19, 25-34; *Haefkens, Cent. Am.*, 5-19; *Holmes' Annals Am.*, i. 54; *North Am. Rev.*, xxvi. 132-4; *Wagner, Costa Rica*, 518-22; *Lardner's Hist. Discov.*, ii. 61; *Salvador, Diar. Ofic.*, April, 1876; *Santos, Chronologia Hospitalaria*, ii. 478; *Findlay's Directory*, i. 222; *Modern Traveller, Mex. and Guat.*, ii. 178-90; *Gac. Nic.*, июнь 1865, 217; *Garcia, Reseña Geog.*, 6-7; *Bussière, L'Empire Hex.*, 336-7; *Монтуфар, Mem. Hist. Rev.*, стр. viii.-x.; *Пунеда, Descripcion Geog.*, 10; *Гордон, Anc. Mex.*, ii. 244; *Kepp, Col. Voy.*, 221-34; *Vocabulario Geog.*, в *Cartas de Indias*, 674.

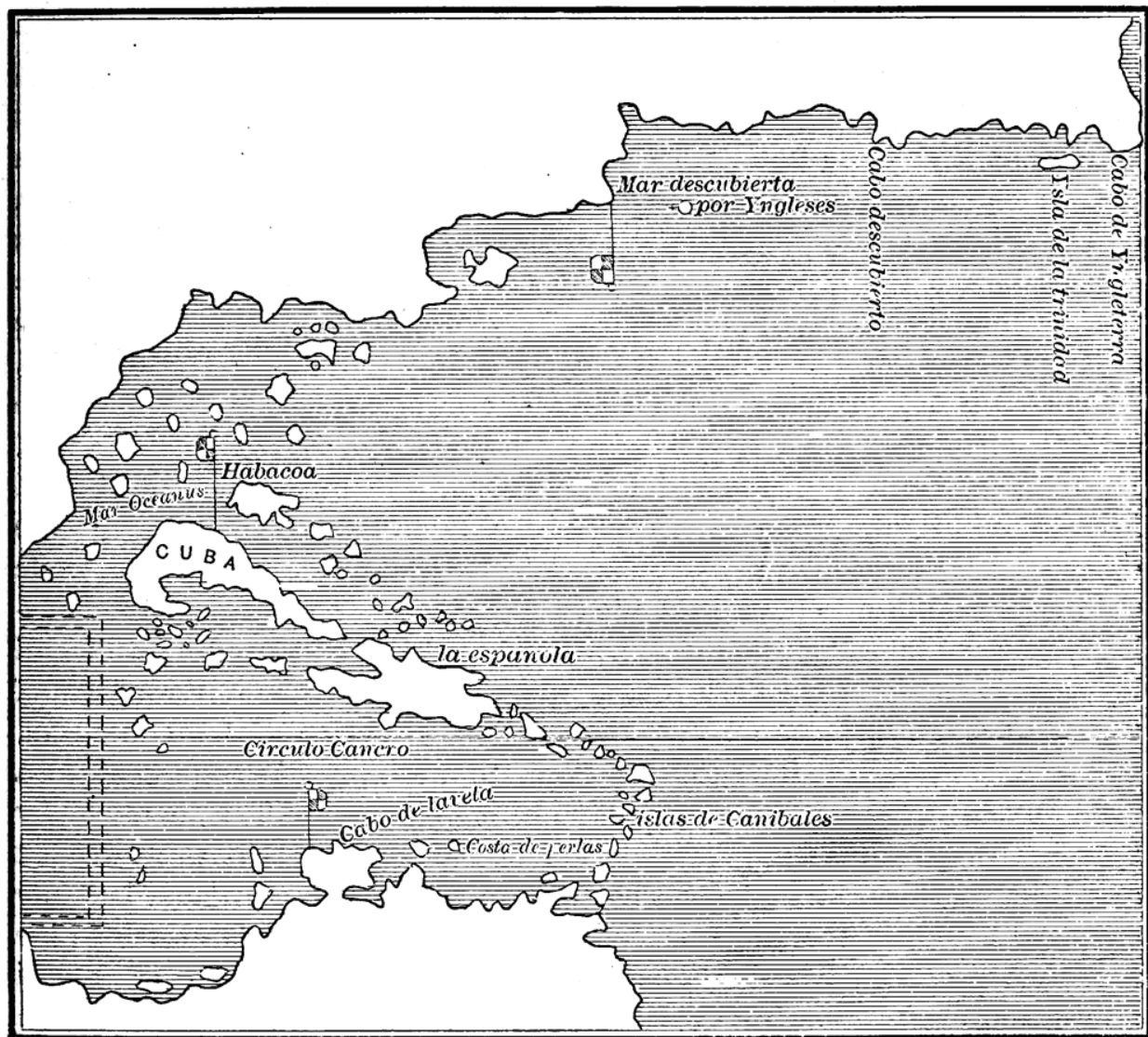
[back](#)

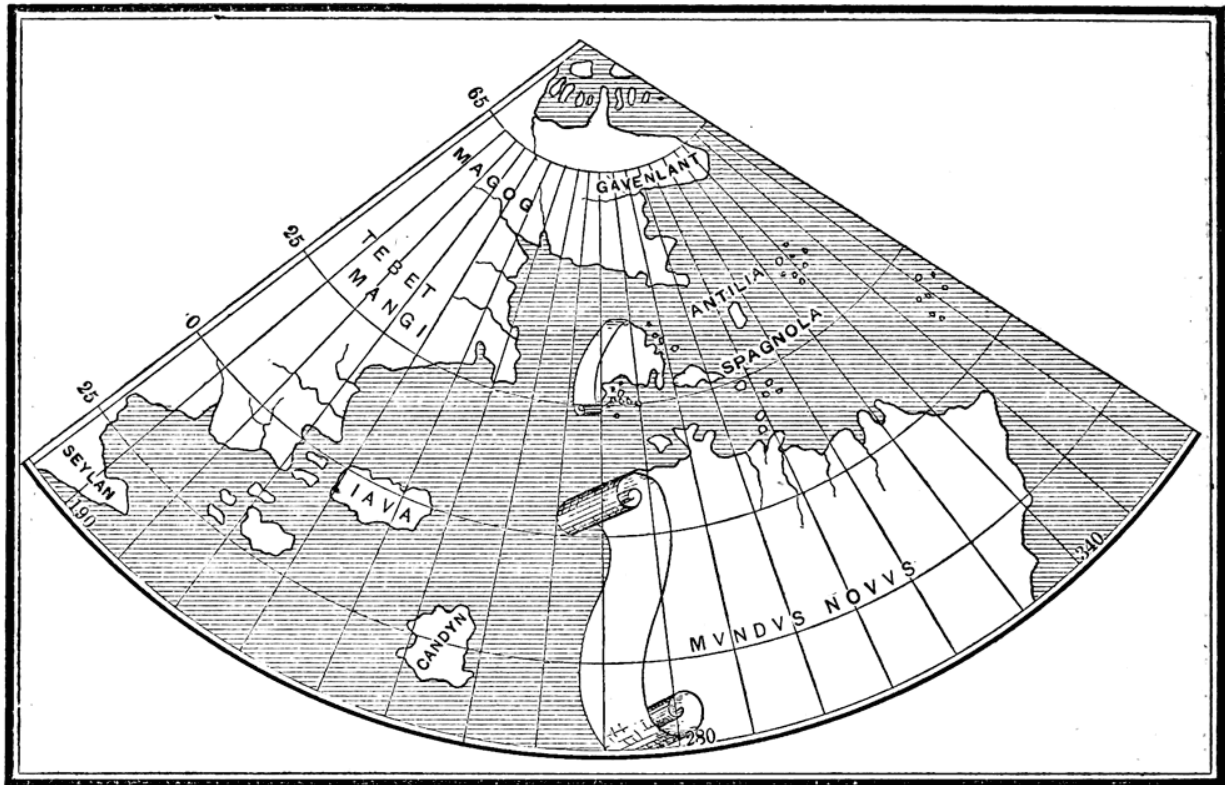
[back](#)

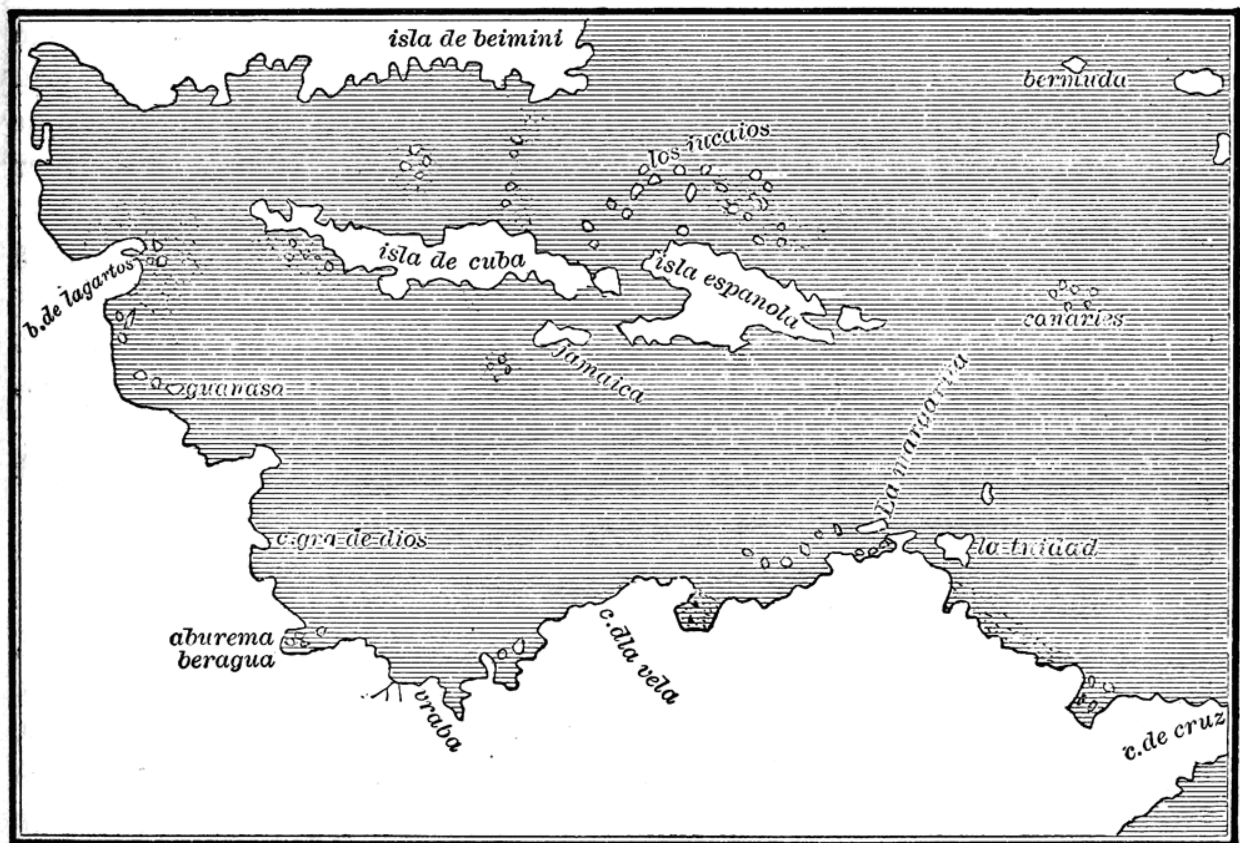
[back](#)

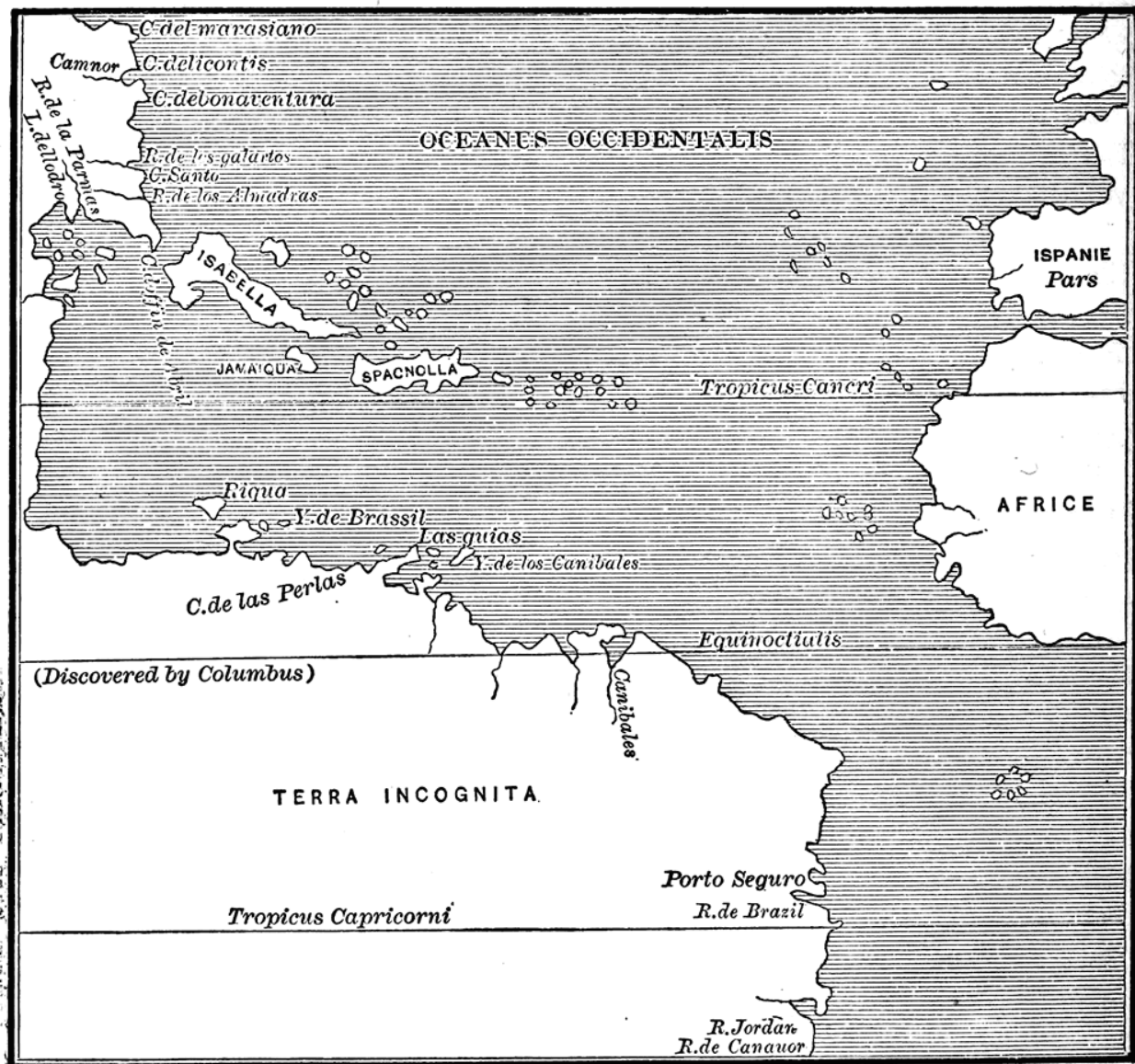
[back](#)

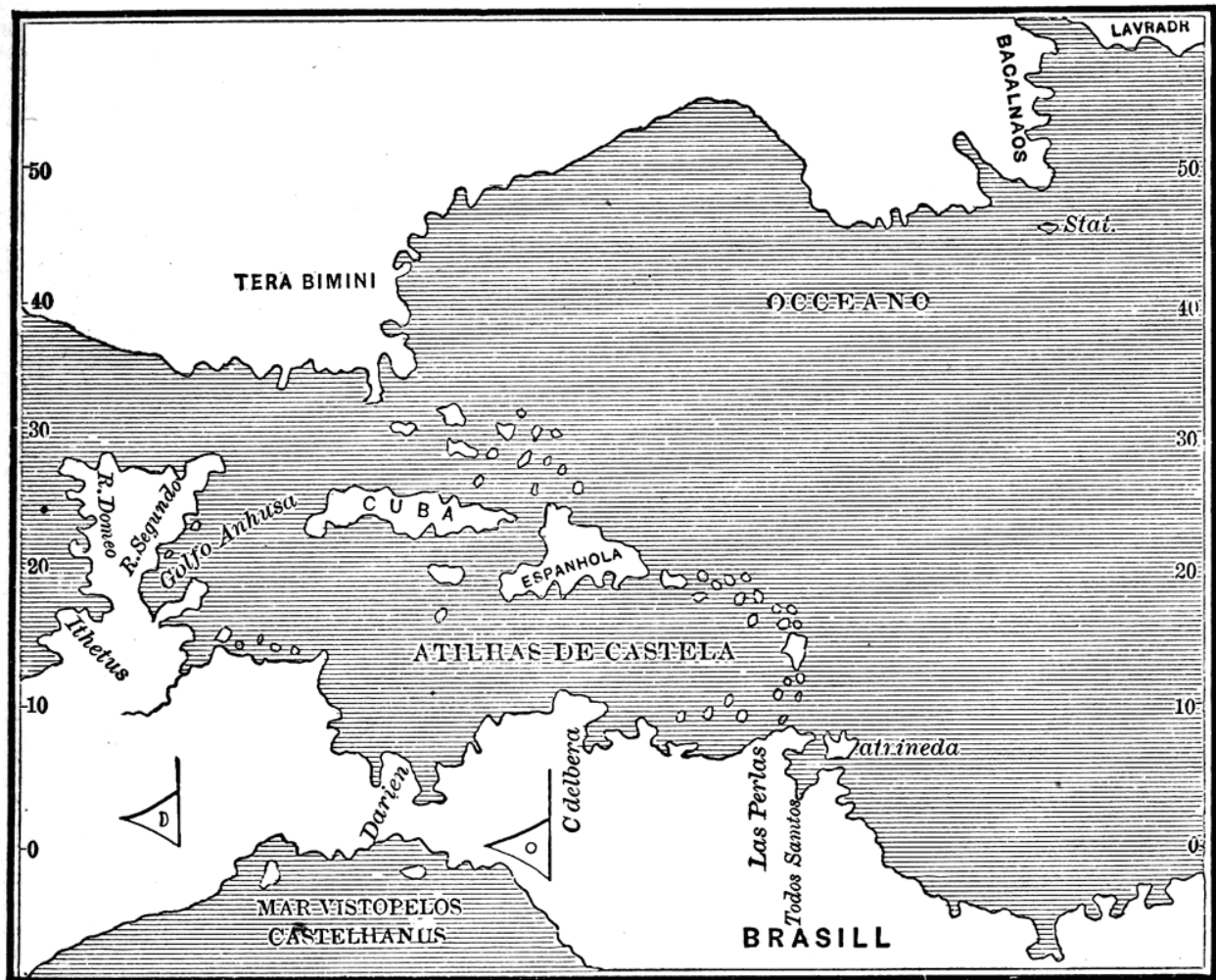
[back](#)

[back](#)

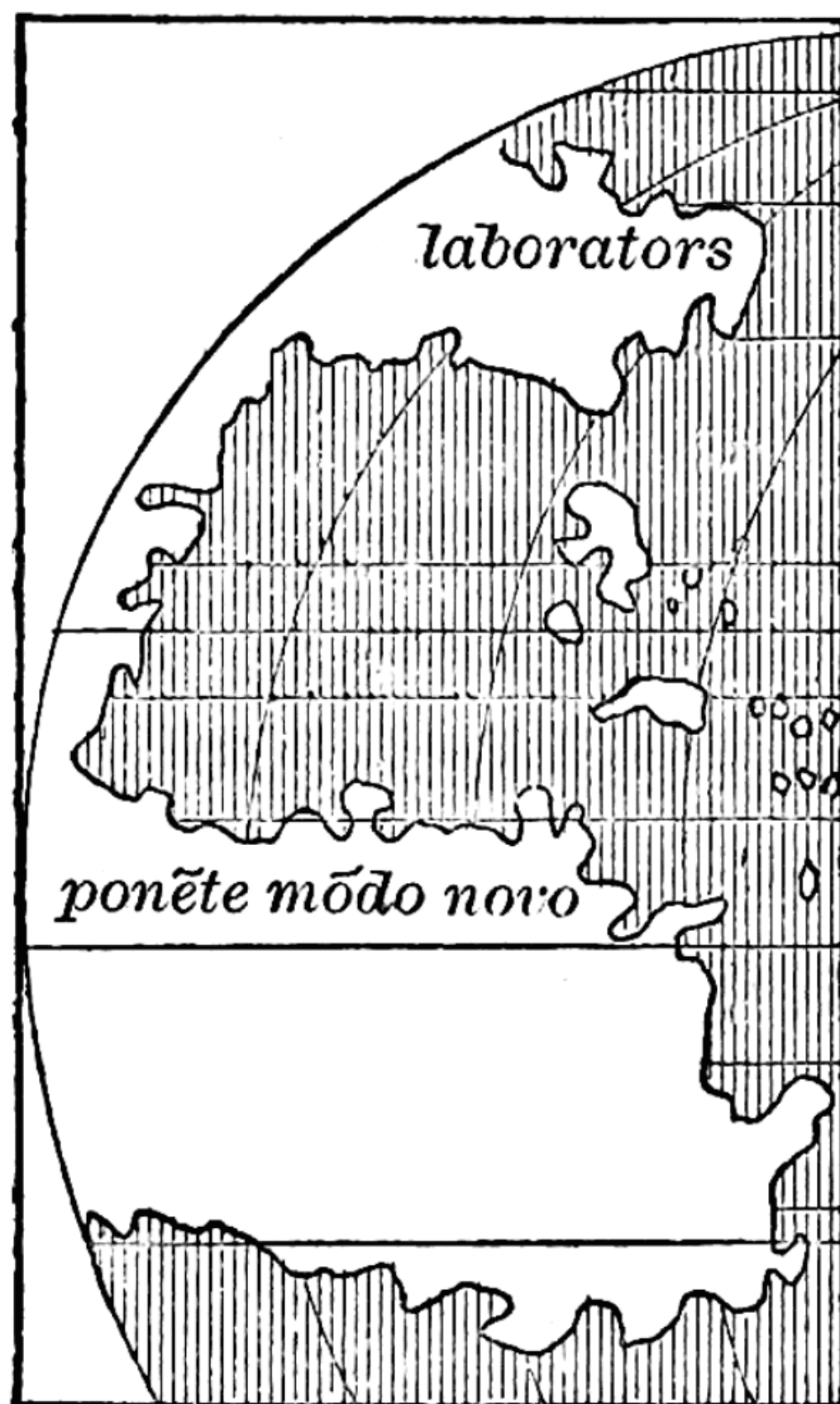
[back](#)

[back](#)

[back](#)

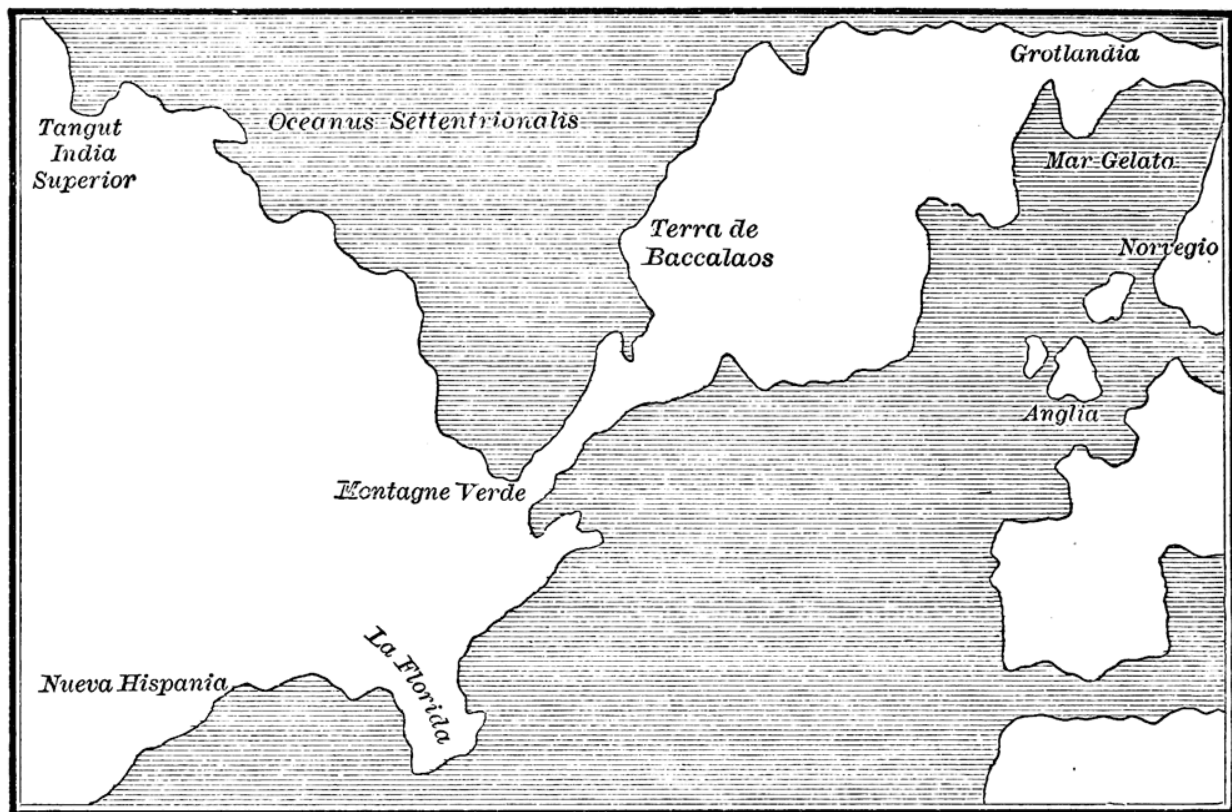

[back](#)

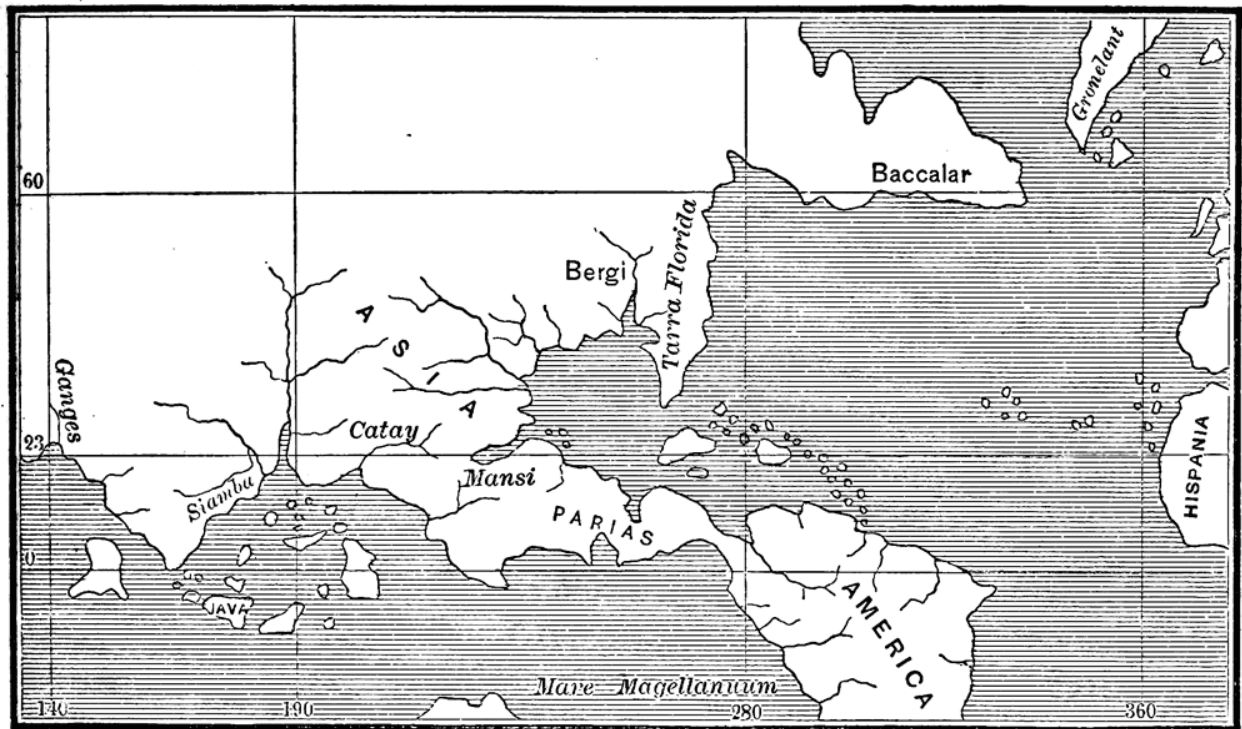

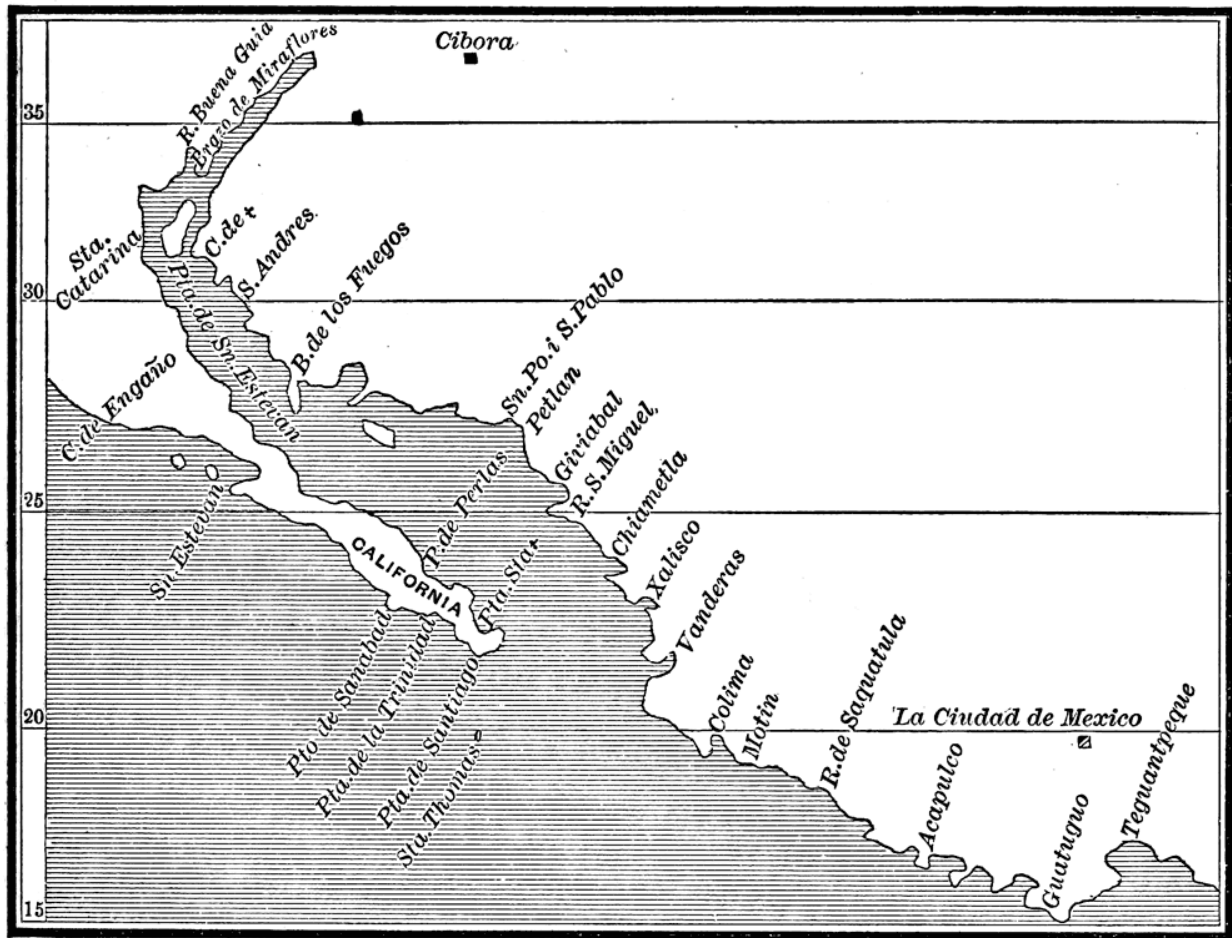
[back](#)

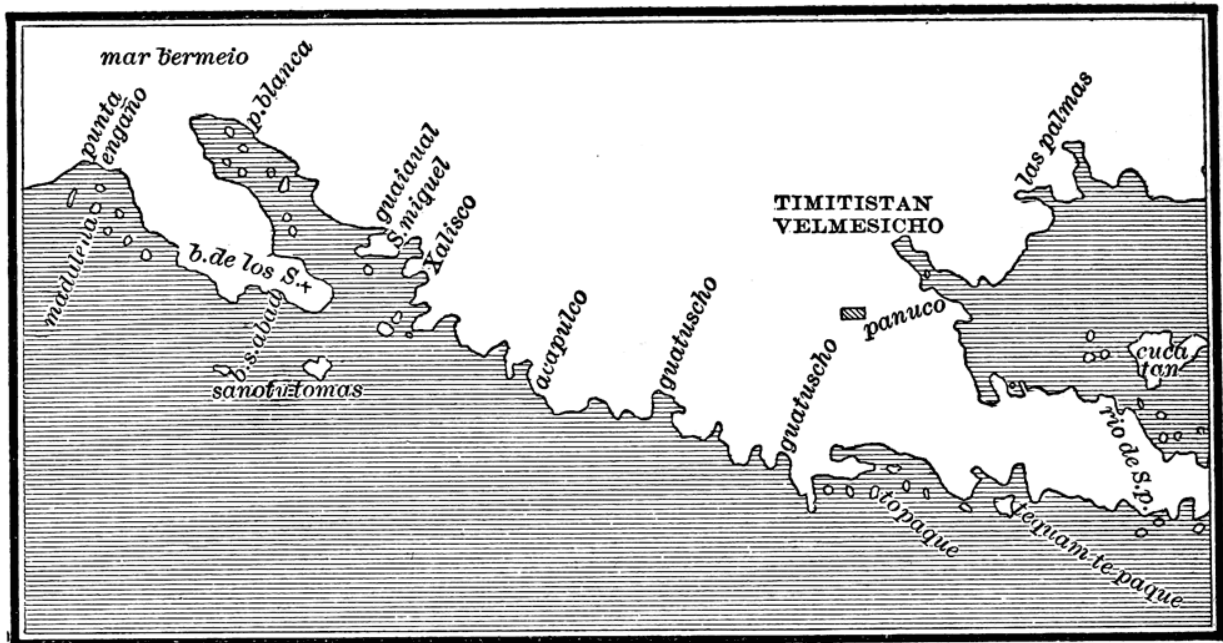
[back](#)

[back](#)

[back](#)

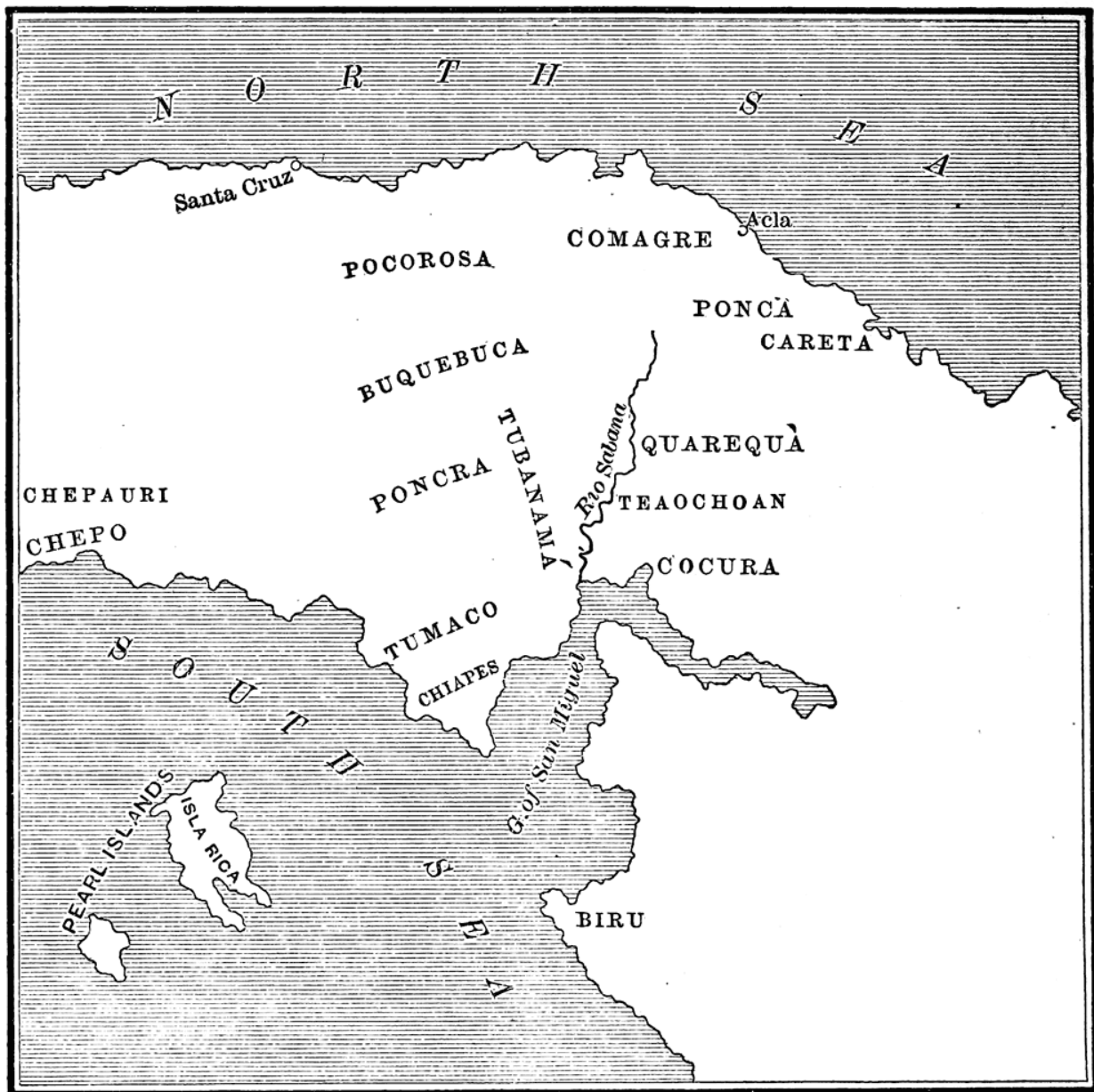
[back](#)

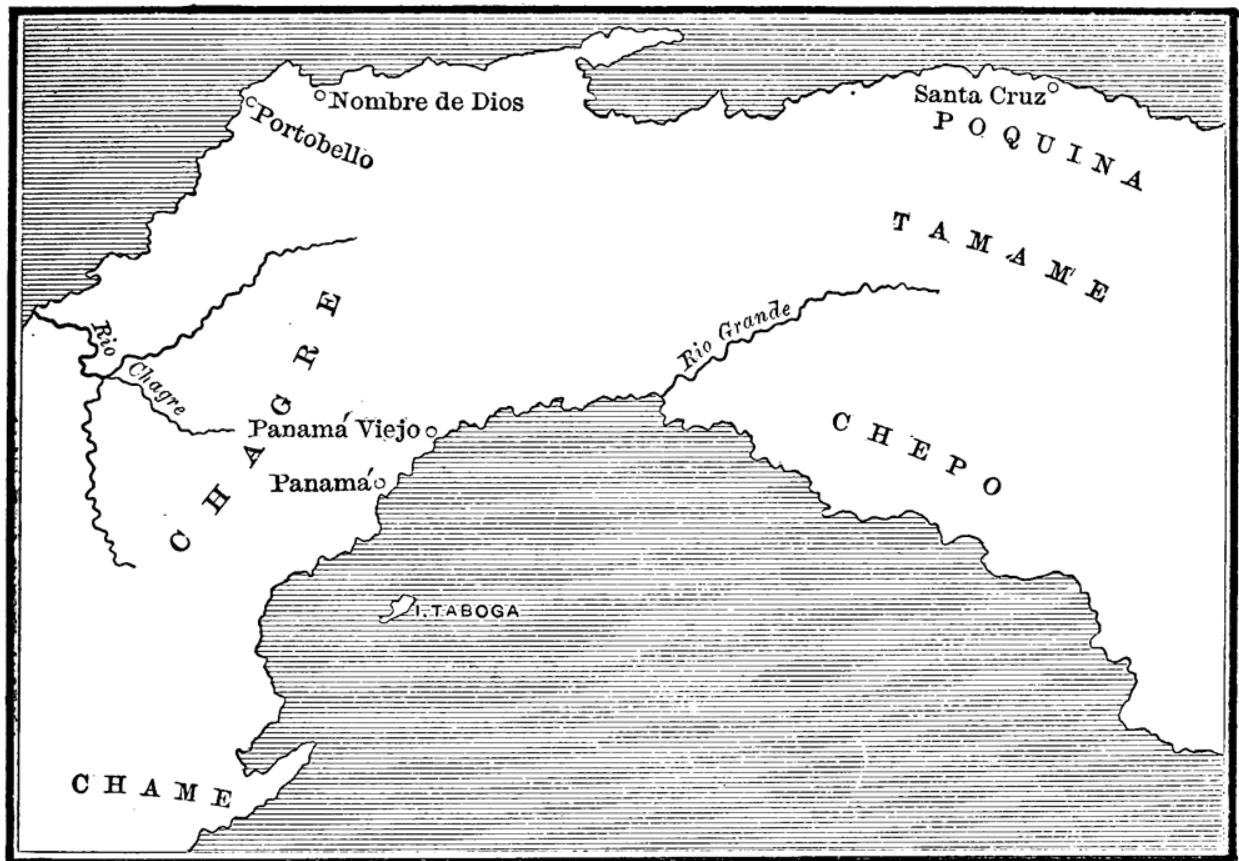
[back](#)

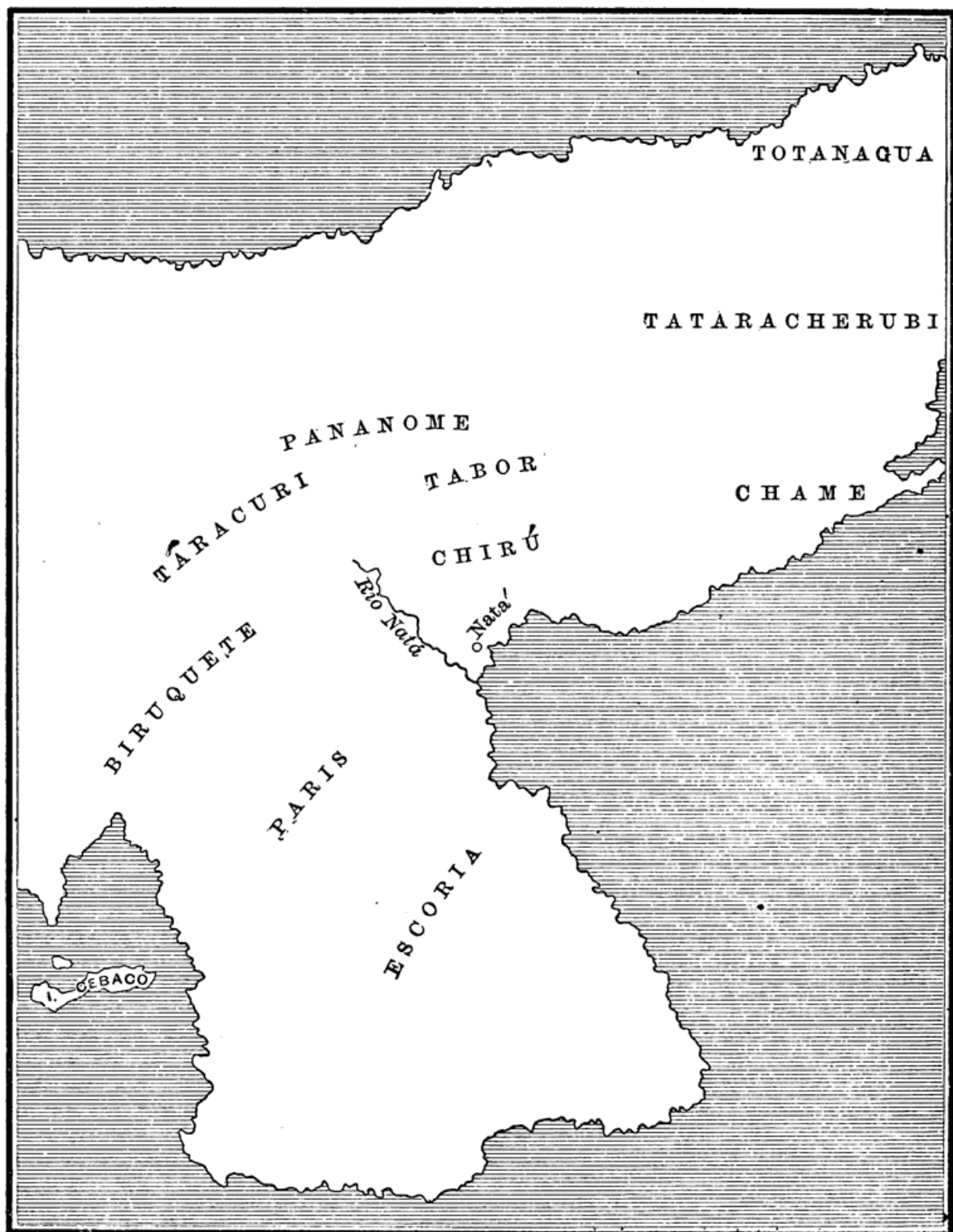
[back](#)

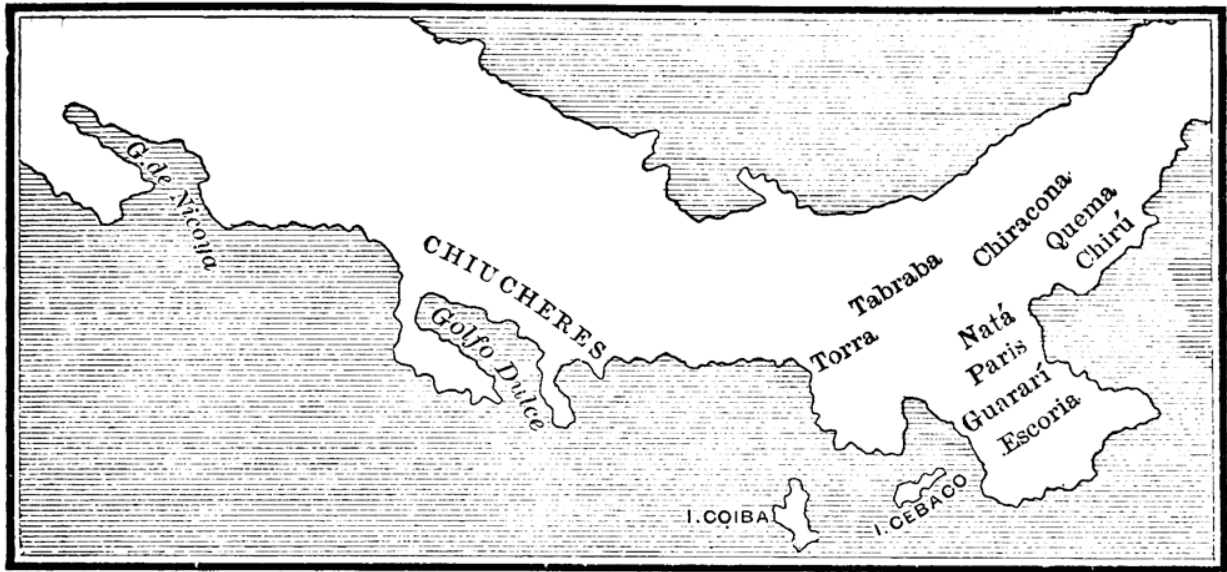
[back](#)

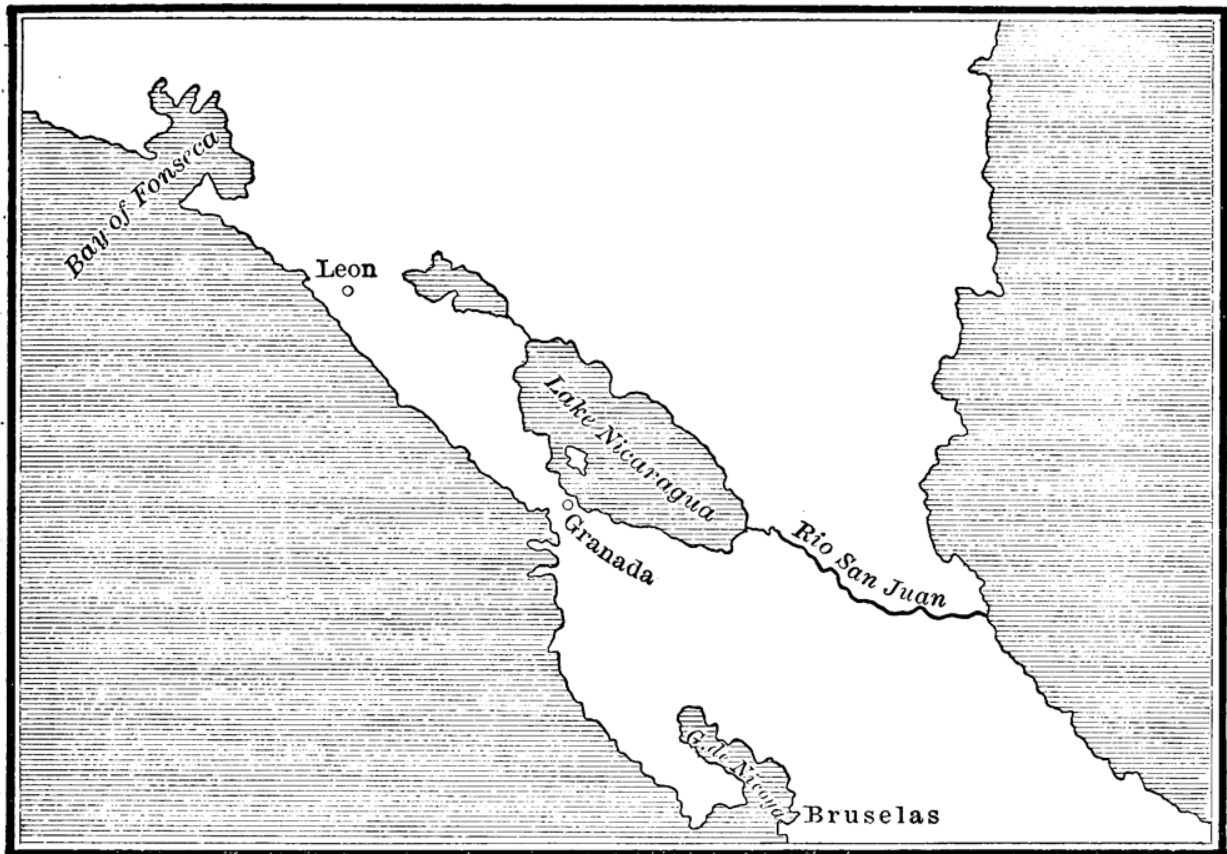
[back](#)

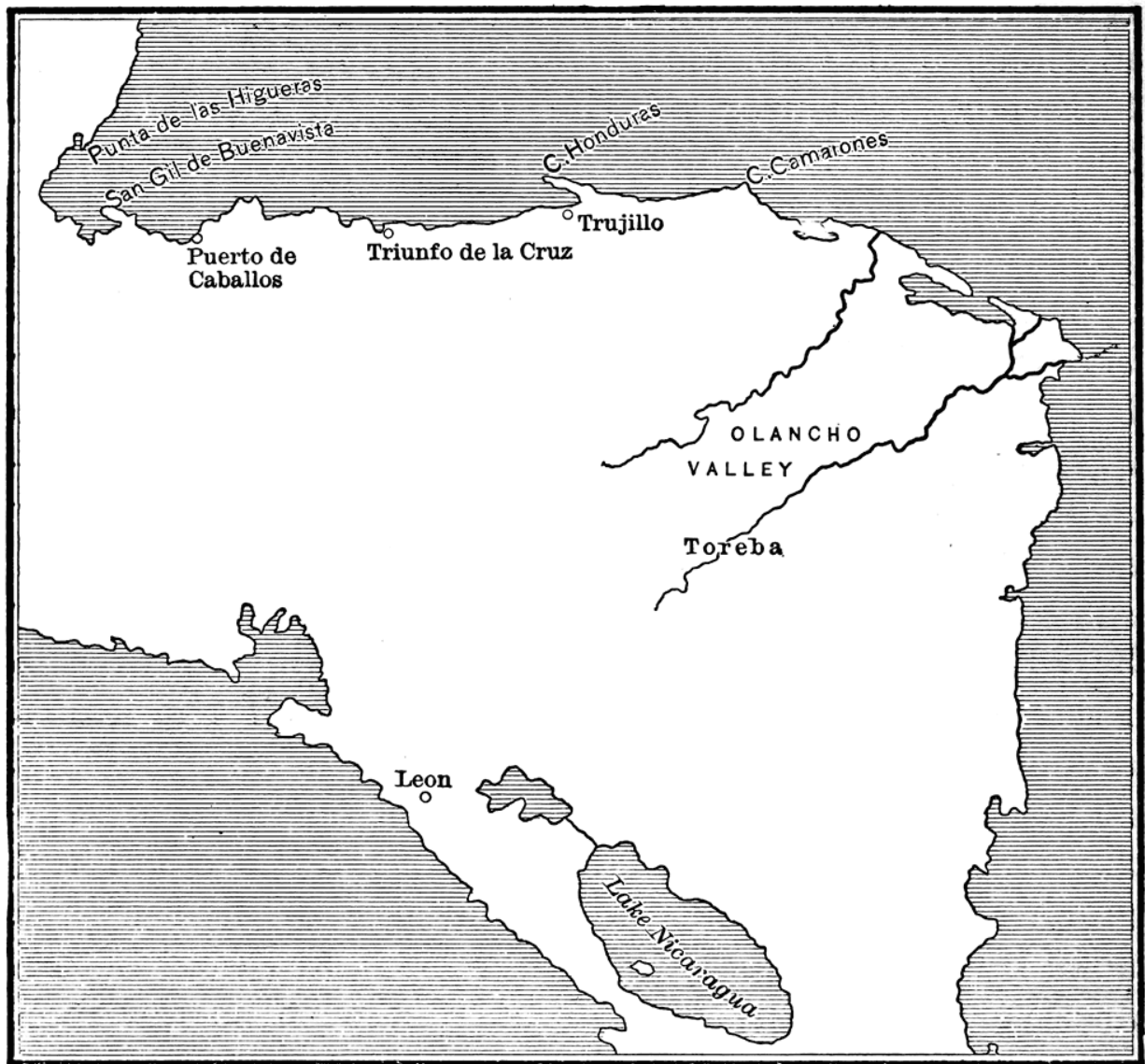
[back](#)

[back](#)

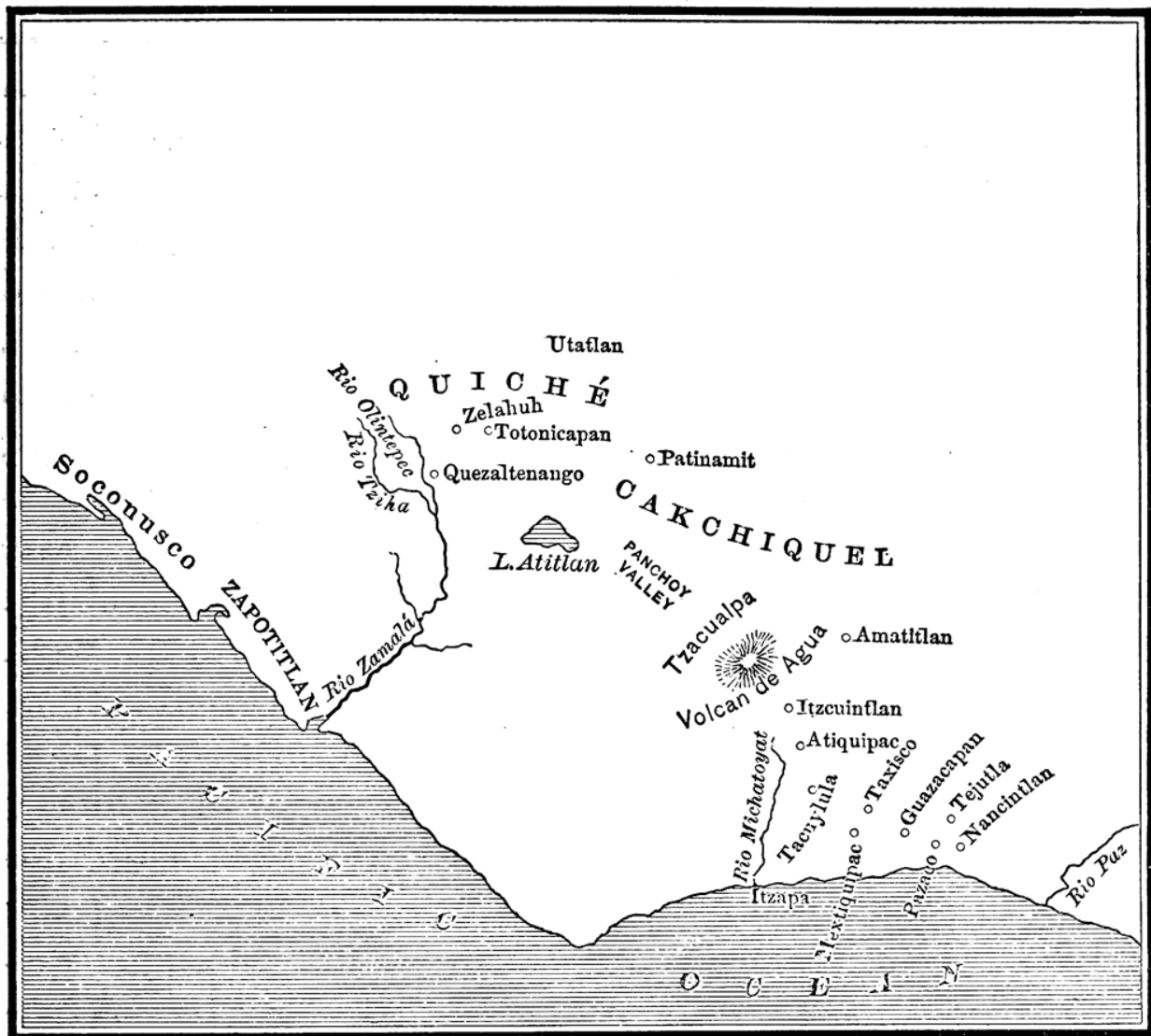
[back](#)

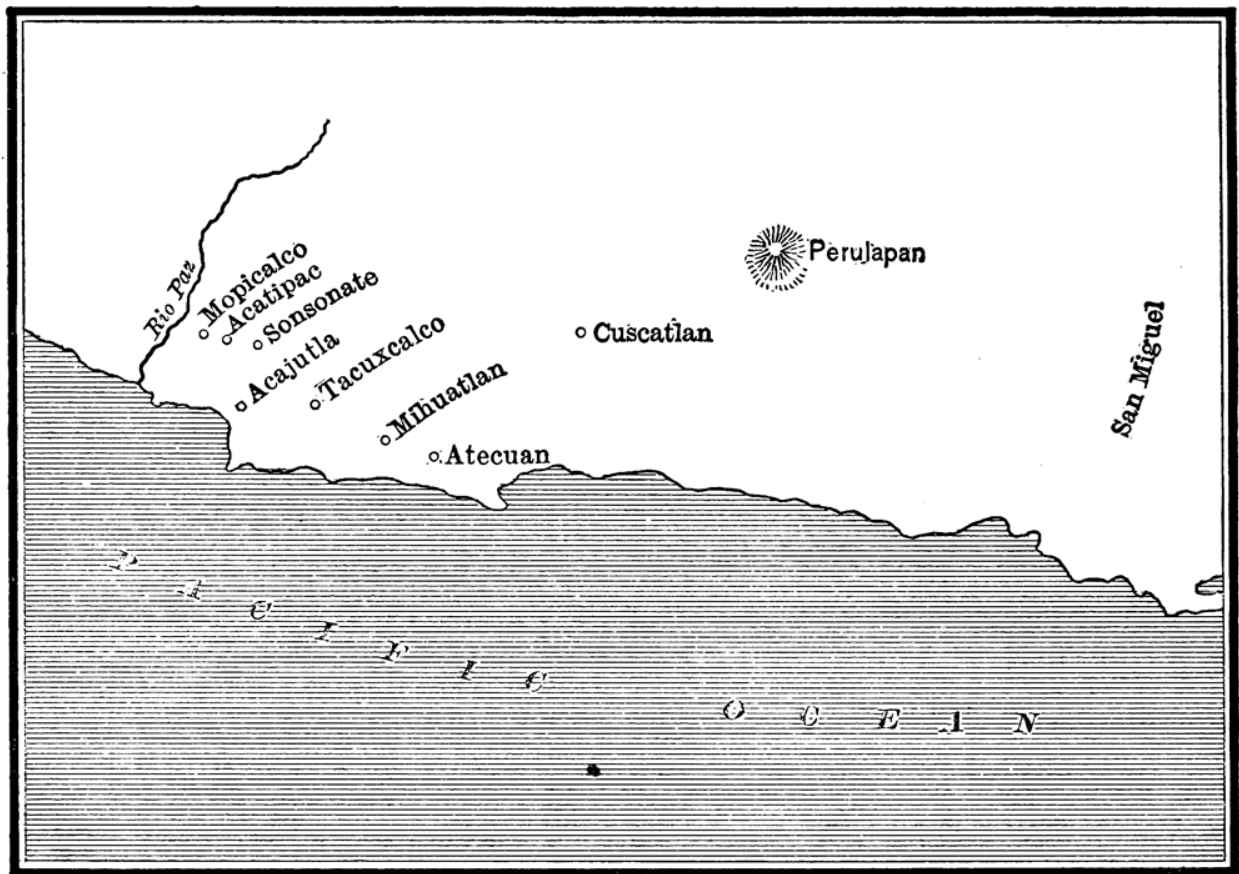
[back](#)

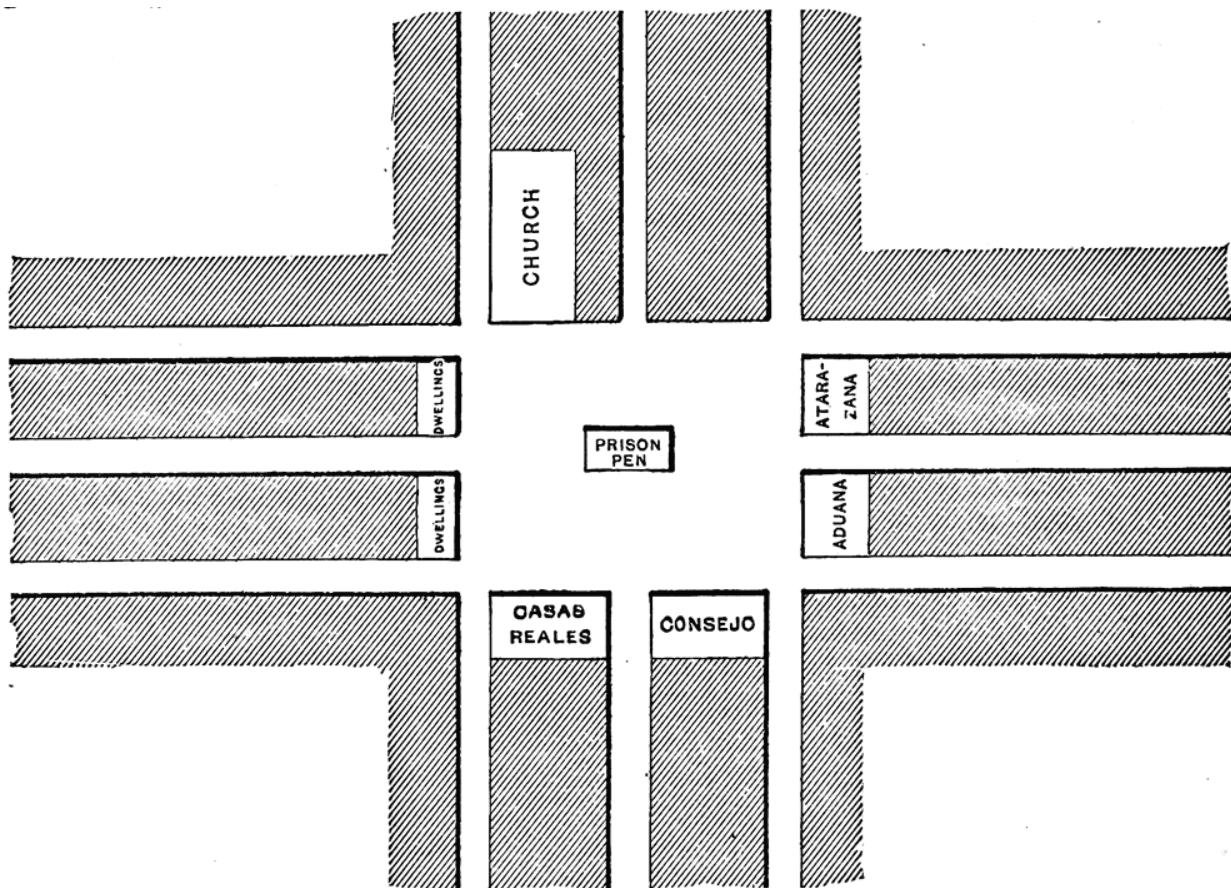
[back](#)

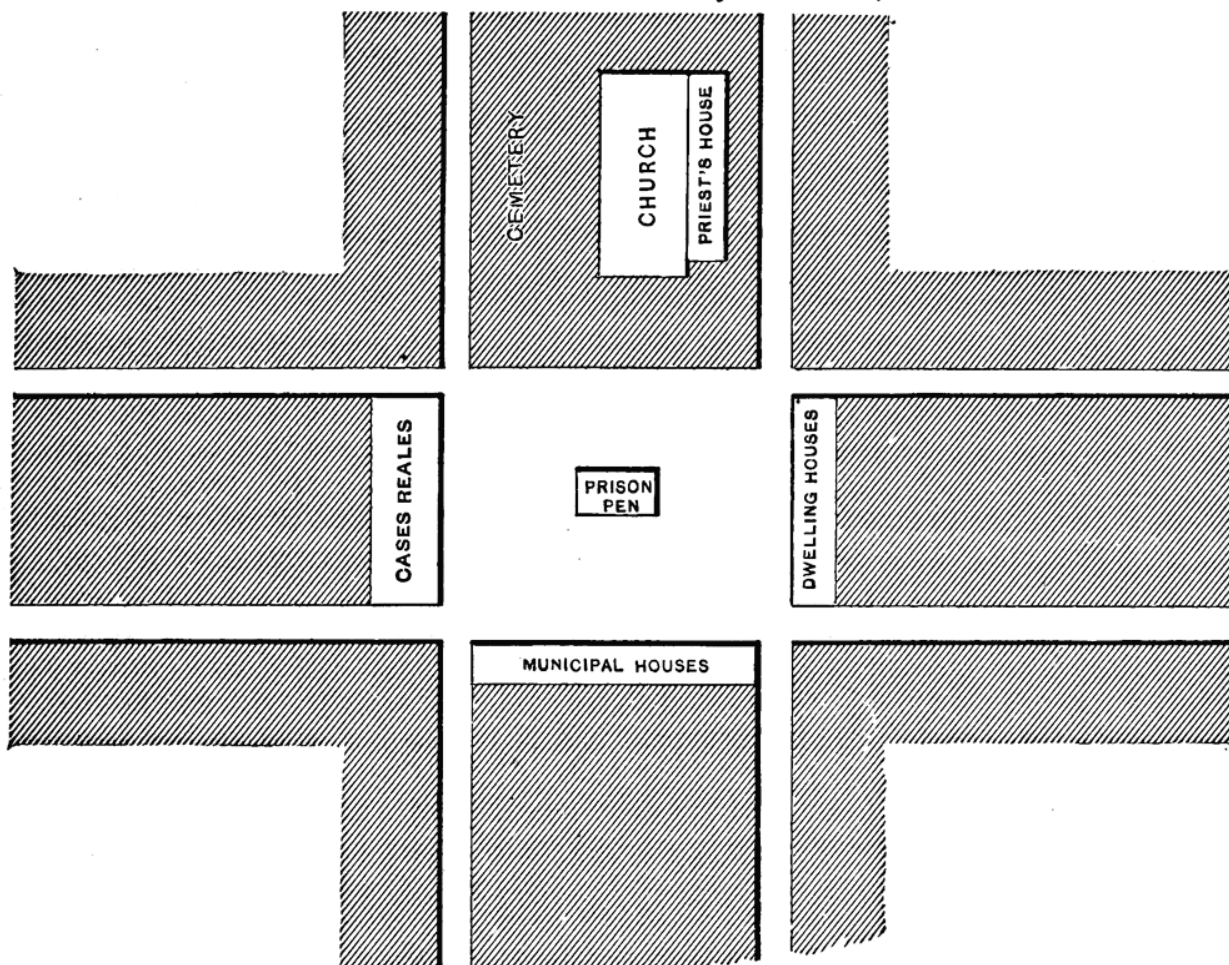
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)